

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Arc 292.160

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

Class of 1887

RUSSIAN COLLECTION OF 1922

Т Р У Д Ы
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Т О М Ъ Х Х І І .

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Лешгуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. Лешгуковъ. № 13

1898.

ПАМЯТНИКИ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ и ТОРГОВЫХЪ
СНОШЕНІЙ

МОСКОВСКОЙ РУСИ СЪ ПЕРСІЕЙ.

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Н. И. ВЕСЕЛОВСКАГО.

ТОМЪ III.

Царствованіе Михаила Θεодоровича
(продолженіе).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Явлонскаго. Лештуковъ пер., № 13
1898.

Arch 292.160
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
MAY 1 1926

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

Секретарь В. Дружининъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

Предисловіе.

Пріѣздъ въ Москву и обратный отпускъ персидскаго гонца Хозя Муртазы	1—84
Церемоніаль приѣма персидскаго гонца Хозя Муртазы у дьяка Петра Третьякова	37—46
Распоряженія по отпуску Хозя Муртазы.	46—84
Распросныя рѣчи астраханскихъ жильцовъ о пріѣздѣ Хозя Муртозы	84—124
Дѣла Грузинскія: поѣздка къ шаху Аббасу гонца Григорья Шахматова о Грузинской землѣ	125—138
Посольство въ Персію Федора Исаковича Леонтьева	138—239
Государевы грамоты къ шаху	172—177
Наказъ, данный Леонтьеву	177—237
Допросъ Леонтьева	237—239
Отрывокъ о посольствѣ Анди-бека.	240
Челобитныя Хозя Незамедина	241—259
Пріѣздъ купчины Маметь Касима	259—298
Отпускъ изъ Москвы Кая салтана и Булатъ бека. См. Дополненіе.	659—731
Посольство князя Михаила Петровича Барятинскаго	299—562
Наказъ.	299—365
Грамоты къ шаху Аббасу.	365—369
Отпускъ посольства.	370—396
Статейный списокъ	396—501
Пріѣздъ Булатъ бека	501—562
Челобитье сокольника Тоболина съ товарищами	562—565
Челобитье подъячихъ Богданова и Молотова	566—568
Челобитье толмачей Ивана и Гаврила Есиповыхъ.	568—571
Арестованіе Михайла Тюхина	571—618
Дѣло о боярскомъ сынѣ Сипягинѣ	618—627
Отписка терскаго воеводы Никиты Вельяминова	627—629
Распросныя рѣчи гилянца Асана Максютова	629—633
Отписка терскаго воеводы Вельяминова о тезикѣ Байрамѣ Шанбратовѣ	633—636
Отписки астраханскихъ воеводъ о персидскихъ грамотахъ	636—650
Отписка изъ Казани о торгующихъ тамъ тезикахъ	650—654
Отписки астраханскаго воеводы Семена Прозоровскаго о продажѣ ловчихъ птицъ	654—656
Отписки изъ Астрахани о притѣсненіяхъ въ Персіи русскимъ торговцамъ	656—659
Добавленіе:	
Отпускъ изъ Москвы Кая салтана и Булатъ бека.	659—731

На посольствѣ въ Персію князя М. П. Бярятинскаго мнѣ приходится прекратить опубликованіе документовъ по сношенію Россіи съ этимъ государствомъ. За статейнымъ спискомъ мною помѣщены и тѣ мелкія дѣла, которыя имѣютъ близкую связь съ названнымъ посольствомъ или выражаютъ взгляды нашего правительства на значеніе сношеній съ Персидскимъ государствомъ; но болѣе крупныя дѣла этого же времени не вошли въ настоящій томъ по соображеніямъ чисто экономическимъ. Остались не напечатанными слѣдующія дѣла:

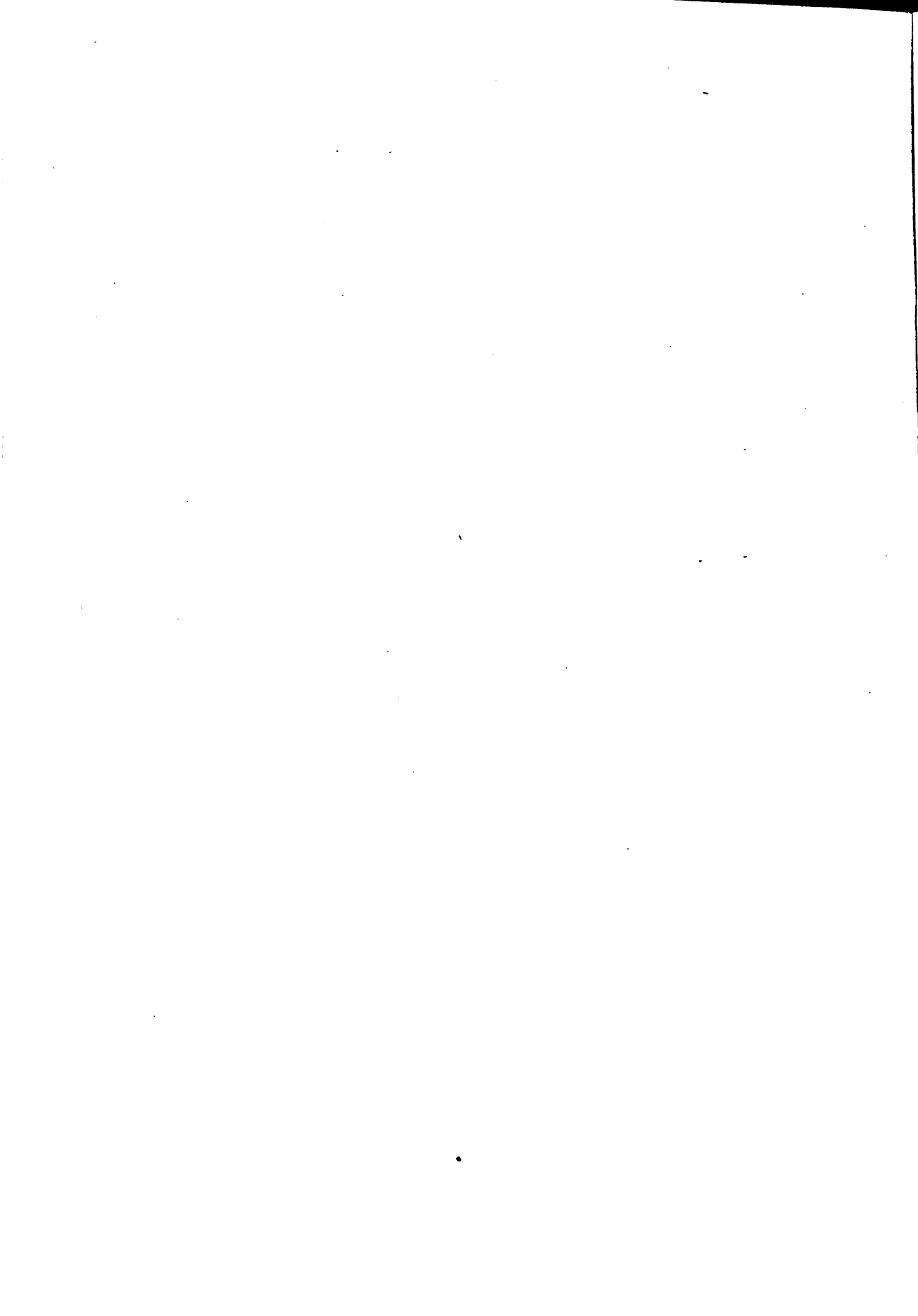
1619 август.—1620 декабр. Отписки изъ Астрахани и изъ Казани о пріѣздѣ къ государю отъ шаха Аббаса съ грамотою и съ товарами купчины Миркете Сеита, тако жъ о пріѣздѣ кабардинскаго черкаскаго Янымъ мурзы Кавукина, и кумыцкаго Илдаръ мурзы Суркай Шевкалова посла Мамаделѣя; бытность ихъ въ Москвѣ, и обратной оному купчинѣ отпускъ. На 112 листахъ. (*Помѣта*: въ семь столпикѣ много недостаетъ).

1620 авг. 8—ноябр. 14. Записки церемоніаловъ, какъ былъ у государя на пріѣздѣ и на отпускѣ персидской гонецъ, онъ же и купчина Миркете Сеитъ; отписки объ немъ изъ Казани, шахова грамота и пр. На 63 листахъ.

1620 октябр. 29—1621 юн. Отписки отъ разныхъ воеводъ о пріѣздѣ персидскаго гонца и купчины Хози Аги Асана. Отпуски государевыхъ грамотъ объ отправленіи того гонца въ Москву.—Примѣрная выписка по сколько давано гонцамъ и купчинамъ корму и питья, переговоры одного гонца съ думными дьяками о государственныхъ дѣлахъ и бытность его у государя на пріемной и отпускнуой аудіенціяхъ, возвратное его Аги Асана отправленіе съ данною ему отъ государя къ шаху Аббасу дружественною грамотою о свободномъ торгѣ и оберегательствѣ присылаемымъ отъ него купцамъ. На 97 листахъ.

1620 декабр. 11. Допросы персидскому тезику Кербулайкѣ Мирсалееву и прочимъ по сумнительству на сихъ въ покражѣ съ гостиного двора у купчины Мирки—Тесеита товаровъ, тутъ же и обыски о томъ разныхъ людей. На 55 листахъ.

Н. Веселовскій.

⁷¹²²₁₈₁₄ іюля 19 — ⁷¹²⁴₁₈₁₆ мая. Прїѣздъ въ Москву и обратной отпускъ персидскаго гонца (онъ же и купчина) Хози Муртазы, присланнаго къ царю Михайлу Феодоровичу отъ шаха Аббаса I съ поздравительною грамотою о возшествіи его на престолъ. — Отписки изъ понизовыхъ городовъ о дачѣ гонцу сему судовъ, подводъ, корму и провожатыхъ. — Бытность Хози Муртозы у государя на прїѣздѣ и въ посольскомъ приказѣ у дьяка для розговоровъ. — Переводъ шаховой и копія отвѣтной государевой къ шаху грамоты. — Записка чинимыхъ гонцу сему роспросовъ о Иванѣ Хохловѣ, Якушкѣ Гладкомъ и подъячемъ Некрачевѣ, кои отправлены были изъ Астрахани отъ Маринки и Заруцкаго къ шаху въ посольствѣ. Обратной гонца сего изъ Москвы отпускъ и отписки изъ Казани о увезеніи имъ изъ Россіи двухъ мальчиковъ, коихъ велѣно у него взять, заплативъ за нихъ изъ казны 25 рублей. На 273 листахъ ¹).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопъ твой Петрушка Головинъ челомъ бьетъ. Въ выпешнемъ, государь, въ 122-мъ году іюля въ 19 день прїехалъ изъ Тарковъ на Терекъ Абазшаховы области купчина его Хозе Муртаза. А въ роспросе, государь, мнѣ холопу твоему, сказалъ: посланъ де былъ онъ осенесъ изъ Астарахани отъ литовки, отъ Маринки, и отъ вора, отъ Ивашка отъ Заруцкаго, съ послами ихъ, с-Иваномъ съ Хохловымъ да съ Яковомъ Глядковымъ, къ шахъ Басу, и на отпуске де былъ онъ у неѣ, у Маринки, и у Ивашка у Заруцкаго, и Маринка де сво, Муртазу, поила виномъ, и онъ де Муртаза, вина не пилъ, а принявъ чарку, отдалъ человѣку своему, и у руки де у неѣ Муртоза былъ, и къ шерти де ево Маринка приводила

¹) Столбцы въ этомъ дѣлѣ во многихъ мѣстахъ перебиты. Для послѣдовательности изложенія мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнили ихъ порядокъ. Часть документовъ о Муртазѣ и другихъ «тезикахъ» вошла въ предыдущее дѣло. (См. Памятники т. II).

на томъ: какъ онъ приедетъ къ шахъ Басу, и ему бы, Муртазѣ, говорити, чтобъ шахъ Басъ ему, Ивашку, и Маринке далъ денежные казны и хлѣбныхъ запасовъ для того, что будто мужа еѣ, которой воръ назывался царемъ Дмитреемъ, на Москвѣ убили, и Московскимъ государствомъ Литва завладѣла; а она де, Маринка, съ сыномъ и Ивашко Заруцкой съехали для береженія въ Астарахань, и ему бы де, шахъ Басу, о нихъ вступитися: дати имъ денежные казны и хлѣбныхъ запасовъ. А умыслъ де и приказъ весь былъ тайно одному вору, Якушку Глядкову. И какъ де они приехали въ Баку, и ему де, Муртазе, хотелось въ Багѣ пожити, а послы де, Иванъ Хохловъ и Яковъ Глядковъ, не дожидаясь ево, Муртазы, изъ Баки поехали къ шахъ Басу и приехали де прежь его, Муртазы, за два мѣсяца и Маринкины де грамоты отдали шахъ Басу, а шахъ Басъ де въ тѣ поры шолъ на Грузинскую землю войною. И Яковъ де Глядковъ билъ челомъ шахъ Басу со слезами и лежалъ у ногъ, чтобъ шахъ Басъ вскоре велелъ ему дати ратныхъ людей ближніе своеѣ думы человекъ съ пятьсотъ и денежной казны, и хлѣбныхъ запасовъ. И шахъ Басъ де ему говорилъ: что де ты бьешь челомъ объ людяхъ словомъ, а въ грамотахъ не писано? И Якушко де Глядковъ сказалъ: приказано де отъ Маринки съ нимъ, съ Якушкомъ, словомъ, а велено де бити челомъ, чтобъ тебѣ пожаловати, дати людей вскоре для того: лихи де на насъ московскіе наши недруги, только де ты ратныхъ людей вскоре не пожалуешь и денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ не дашь, и насъ отъ себя вскоре не отпустишь, и съ Москвы де вскоре будетъ рать, и Астарахань де осадятъ, и изъ Астарахани де насъ не выпустятъ. А только де ты пожалуешь, ратныхъ людей дашь вскоре, и мы де въ Астарахани, собрався съ ратными людьми, Москву возьмемъ и отъ литовскихъ людей очистимъ. И шахъ Басъ де, невѣдал ихъ воровства, чая того, что подлино Литва Московскимъ государствомъ завладѣла, хотель де имъ дати денежной казны двенадцать тысячъ тюменей и хлѣбные де запасы готовити велѣлъ, и людей де былъ дати хотель же. И какъ де къ шахъ Басу приехалъ онъ, Муртоза, и сказалъ, что воръ Ивашко Заруцкой и Маринка въ Астарахани живутъ воровствомъ, а на Московскомъ де государстве ты, государь царь и в. вк. Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, и земля твоя государева утвердилась вся, опричь Астарахани; а въ Астарахани де воръ Ивашко Заруцкой и Маринка боярина князя Ивана Хворостинина убили и многихъ людей въ Астарахани побили, а которые де станицы приезжали отъ государя ц. и в. кп. Михайла Ѳедоровича в. Р. съ Москвы въ Астарахань, и техъ де людей въ Астарахани воровствомъ побиваютъ, а иныхъ па

пыткахъ пытаются на смерть. И шахъ Басъ де, по ево, Муртозину, слову, посломъ людей и денежной казны, и хлебныхъ запасовъ не далъ, и сталъ де имъ маниты со дни на день, и Ивана де Хохлова шахъ Басъ оставилъ въ Кеняѣ, а Якушка Глядкова ималъ съ собою въ Грузинскую землю, и Грузинскую де землю шахъ Басъ повоевалъ всю, и городъ въ Грузяхъ поставилъ, гдѣ былъ большой Аллавердинской монастырь, а монастыря де не разорилъ и вѣры не порудилъ, а посадилъ де на Грузинской землѣ царемъ Исака царя, грузинсково царевича Юрьева сына, а былъ де после отца своего у него, шахъ Баса. А Исакъ де царевичъ крестьянинъ, а не бусорманъ. А грузинской де царь, которой сидѣлъ на Грузяхъ царемъ, Теймуразъ, съ невеликими людьми бежалъ въ Дидьянскую землю. И о царе де Теймуразе и о Грузинской, и о Кумыцкой землѣ къ шахъ Басу приходилъ посоль отъ турецково царя, отъ салтанъ Магмута, и говорилъ де шахъ Басу: за что онъ Грузинскую землю повоевалъ и царя Теймураза изъ Грузинской земли изогналъ? а та де земля была ево, турецково царя, ясапная, а ималъ де съ неѣ ясаку по двенадцати тысячъ тюменей; а кумыцкіе де князи закладчики ево жъ, турецково царя. И шахъ Басъ де турецкому послу отказалъ: та де Грузинская и Кумыцкая земля искони вѣчно моя персидская, и грузинской де царь Теймуразъ и кумытцкіе князи холопи мои. И только де турецкой царь отдастъ мнѣ холопа моего, грузинсково царя Теймураза, и у меня де съ нимъ на томъ будетъ братство и миръ; а только де грузинсково царя Теймураза не отдастъ, и мнѣ де съ нимъ въ миру не бывати, и гдѣ де велитъ противъ себя турецкой царь быти съ ратными людьми войною, и я де противъ ево итти готовъ и съ нимъ битися радъ. И турецково де посла шахъ Басъ отпустилъ, а съ нимъ послалъ къ турецкому царю посла своего съ тѣмъ же словомъ и срокъ де ему положилъ на три мѣсяцы, и тому де ихъ отпуску минуло два мѣсяца, а до срока остался мѣсяць. И какъ де шахъ Басъ вышелъ изъ Грузей, и Якушка де Глядкова, да съ нимъ посла своего Пулунъ бека кречетника, послалъ въ Астараханъ провѣдати, что въ Астарахани дѣетца. А съ Пулунъ бѣгомъ де былъ послалъ въ дарахъ къ Маринке четыре бархаты черныхъ, четыре камки черныхъ, да мелякъ чернъ же, а Ивашку Заруцкому иноходець да саблю, да покровецъ конской нарядной. И какъ де онѣ пріехали въ Дербень, и въ Дербени де, государь, имъ сказали, что ись Терсково города отъ меня, холопа твоего, въ головою стрелецкимъ, съ Васильемъ съ Хохловымъ, твои государевы терскіе ратные люди и вольные атаманы и казаки пошли войною подъ Астараханъ на вора, на Ивашку Заруцково, и на Маринку, и на ихъ, воровъ. И Ивашко де

а Яковъ де Глятковъ съ нимъ же поѣхалъ къ шаху, а онъ, купчина, пошелъ къ тебѣ, великому государю. И какъ де онъ пришлоъ на Терекъ и встрѣтилъ на Терке человѣка своего, и сказалъ де ему тотъ ево человѣкъ, что Ивашка Зарутцково съ Маринкою и съ еѣ сыномъ на Еике изымали и повели ихъ изъ Асторохани къ тебѣ, государю, къ Москве. И онъ де, купчина, тово своего человѣка съ Терекъ отпустилъ съ тою съ прямою вѣстью къ шаху паскоро. Да по твоему государеву наказу спрашивалъ я, холопъ твой, купчины въ розговорехъ: какъ ныне шахъ зъ бухарскимъ и съ юргенческимъ и съ турскимъ салтаномъ, ссылки межъ ими ныне есть ли, и хто ныне на Бухарехъ царь? И купчина мнѣ, холопу твоему, въ розговорехъ сказывалъ: зъ бухарскимъ царемъ и съ юргенческимъ шахъ въ сылке по прежнему, и задору межъ ими никакова нѣтъ; а на Бухарехъ де ныне царь Имангуль, а какъ учинился на Бухарехъ царемъ, тому лѣтъ съ шесть. А турской де царь присылалъ къ шаху пословъ своихъ, чтобъ съ нимъ помирился, и шахъ де отказалъ послу ево: будетъ турской отдасть ему городъ Богдаты, и шахъ съ нимъ помирится, а будетъ не отдасть, и межъ де ими миру не чаять. А прежь де сего взялъ шахъ у турсково городовъ съ семьдесятъ, а ныне де шахъ въ войнѣ въ Грузинской земли, а понмалъ за себя Грузинской земли города многіе. Да въ розговорехъ же я, холопъ твой, купчины спрашивалъ: вѣдаетъ ли онъ про твоихъ государевыхъ посланниковъ, про Михайла Тиханова да про подъячего про Олексѣя Бухарова, которые отпущены съ Самары степью къ шаху зъ бухарскими и съ юргенческими тезики, на Бухарскую ли, или на Юргенческую землю они шли, и пришли-ль въ шахову землю? И про твоихъ государевыхъ посланниковъ, про Михайла Тиханова да про подъячего, про лексѣя Бухарова, купчина мнѣ, холопу твоему, сказалъ, что твои государевы посланники шли на Юргенческую землю и пришли въ шахову землю въ городъ Мешеть здорово; а провожалъ де твоихъ государевыхъ посланниковъ юргенческово царя Арапа дятъка. А въ Мешеди ихъ приняли шаховы люди съ великою честью, а у шаха де имъ задежанья не чаять. А слышелъ де онъ, купчина, про тѣхъ твоихъ государевыхъ посланниковъ въ Шемахѣ, какъ пошелъ ныне къ тебѣ, великому государю. А про Ивана Брехова сказалъ мнѣ, холопу твоему, купчина: встрѣтилъ де онъ Ивана до Асторохани верстъ за двѣсти, и будетъ ево въ Асторохани не задержать, и Иванъ де Бреховъ къ шаху поспѣетъ напередъ Михайла Тиханова. А про иные, государь, вѣсти мнѣ, холопу твоему, у нихъ провѣдать не мочно, потому что исъ Казани со мною, холопомъ твоимъ, толмача не отпустили. А съ

купчиною, государь, идетъ къ тебѣ, великому государю, зять ево тезикъ Хозя Мааметъ, да кречетникъ шаховъ Амирхонъ, да у купчины, государь, три человекъ людей ево; а корму, государь, въ Казани указали имъ твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Иванъ Михайловичъ Воротынской, съ товарищи, давати на день по две гривны денегъ, да купчине по четыре чарки вина, полъ ведра меду, людемъ ево по две чарки вина, ведро пива на день; а купчининъ, государь, зять, тезикъ Хозя Мааметъ, да кречетникъ Амирхонъ написаны хъ корму людьми ево. Да ноября, государь, въ 16 де(нь) писано ко мнѣ, холопу твоему, въ твоей государеве грамоте, а велено купчину взять къ тебѣ, государю, къ Москве со всѣми товарами, по астороханской росписи, и я, холопъ твой, купчине говорилъ, чтобъ онъ взялъ съ собою всѣ свои товары, и купчина мнѣ, холопу твоему, сказалъ, что онъ емлетъ съ собою товары лутчіе всѣ, а худыхъ и топлыхъ товаровъ взять ему съ собою неслѣ для того, что тѣхъ товаровъ на Москвѣ у нихъ никто не купитъ, а привозятъ они тѣ товары въ Казань для Черемисы, а рускіе де люди и въ Казани тѣхъ у нихъ товаровъ не емлютъ. И я, холопъ твой, всякими мѣрами купчине говорилъ многижда, чтобъ онъ взялъ съ собою всѣ товары, худые и добрые, которые съ нимъ изъ Асторохани пришли. И купчина мнѣ, холопу твоему, сказалъ: только де ему взять съ собою тѣ черемискіе товары къ Москве, а свѣдаетъ то шахъ, и ему де отъ шаха за то быть важнѣну. И я, холопъ твой, тѣ ево рѣчи твоему государеву боярину и воеводамъ, князю Ивану Михайловичу Воротынскому съ товарищи, сказывалъ, и князь Иванъ Михайловичъ съ товарищи велѣли мнѣ, холопу твоему, тѣмъ товаромъ, которые онъ емлетъ съ собою къ тебѣ, государю, къ Москве и которые оставливаютъ въ Казани, взять у купчины роспись, и я, холопъ твой, взявъ у купчины роспись, что онъ какихъ товаровъ съ собою взялъ и что въ Казани оставилъ, отдалъ тоѣ роспись твоему государеву боярину и воеводамъ, князю Ивану Михайловичу Воротынскому съ товарищи. И они тоѣ роспись послали къ тебѣ, государю, къ Москве, а я, холопъ твой, такову же роспись слово въ слово послалъ къ тебѣ, государю, подклея подъ сеѣ отписку. А что было калы и вардамону, то взяли къ тебѣ, государю, къ Москве.

Роспись, что какихъ товаровъ изъ Казани шахъ Аббасовъ купчина Хозя Муртоза взялъ съ собою къ Москве, по ево, купчине, скаске. (См. *раньше*, стр. 17).

На адресъ: 123 г. декабря въ 19 день, съ стрелцомъ съ Неустройкомъ Ивановымъ.

На оборотъ: И государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. сеѣ отписки слушалъ и приговорилъ зъ бояры: тому кызылбашскому купчине быти напередъ въ посольской палате у діаковъ, и его роспросить, и грамоту шахову взять; да потомъ, сметя съ какимъ онъ дѣломъ пріѣхалъ и что въ грамоте писано отъ шаха, и велить ему государь у себя быти.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопъ твой Сенка Протопоповъ челомъ бьетъ. По твоему государеву указу посланъ я, холопъ твой, на встрѣчу къ шахъ Оббасову купчине, къ Хозя Муртозѣ, а велено мнѣ, холопу твоему, итти съ нимъ къ тебѣ государю къ Москве и честь, и береженье къ нему держати. И по твоему государеву указу изъ Казани твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Иванъ Михайловичъ Воротынской съ товарищи, меня, холопа твоего, съ купчиною къ тебѣ, государю, отпустили ноября въ 24 де(нь), а въ Нижней Новгородъ приполъ я, холопъ твой, съ купчиною декабря въ 4 де(нь), а шли на Курмышъ. Промешкали, государь, за подводами и для того, чтобъ товаръ не помочить: Волга и малые рѣчки многіе не стали. А изъ Нижнего меня, холопа твоего, съ купчиною отпустили къ тебѣ, государю, декабря въ 7 де(нь). А провожатыхъ стрельцовъ дали всего десеть человекъ. И декабря жъ, государь, въ 8 де(нь) по утру, часу въ первомъ дни пріѣхалъ я, холопъ твой, съ купчиною въ Кузьмино помѣсье Минина, въ село въ Ворсну, отъ Нижнево сорокъ верстъ, а напередъ въ займку для дворовъ посылалъ нижегородцково стрелетцково десятника Ивашка Салтанова. И Ивашко Салтановъ на Ворспе дворъ запылъ крестьянина Федотка Конанова. И купчину я, холопъ твой, на томъ дворѣ поставилъ, ажъ тотъ подворникъ Федотко со многими людьми пришли съ кабака пьяни и на дворѣ учали шумѣть, стрельцовъ лаять и проводниковъ съ возами зъ двора збивать. И я, холопъ твой, вышедчи на дворъ, учалъ ихъ розговаривать, чтобъ при иноземце не дуровали и твоему царскому имени позору не чинили. И тотъ Федотко съ шуриномъ своимъ меня, холопа твоего, лаяли, и съ купчиною, и, водрався хъ купчине в-ызбу, сѣли мужики пьяные за столомъ возле купчины на коврѣ и ево бесчестили, и лаяли. И я, холопъ твой, взявъ мужика изъ за стола, учалъ говорить, чтобъ они, пьяные люди, вышли вонъ, а иноземцу бесчестья не чинили: за то имъ отъ тебя, государя, быти въ поученье. И тотъ Федотко, прискоча, взявъ меня, холопа твоего, за воротъ, зашумѣлъ, что де ты, голышъ, у меня гостей высылаешъ вонъ, дворъ де мой, гдѣ хочу, тутъ своихъ гостей сажаю. И купчина, государь, видя такой позоръ, осердился, побежалъ зъ двора

пѣшъ, а лошади всѣ проводники выпрегли, учили кормить. И я, холопъ твой, купчину всякими мѣрами одва уговорилъ, чтобъ онъ на другой дворъ взошолъ, покамѣста лошади впрягутъ; а тово пьяново мужика сыщемъ и наказанье ему учинимъ. И посылалъ я, холопъ твой, къ Кузьмину приказщиву, чтобъ онъ тово пьяново мужика сыскалъ и, приведчи передъ купчину, за такое воровство наказанье ему учипилъ. И Кузьминъ прикащикъ, пришедъ, мнѣ, холопу твоему, сказалъ, что онъ безъ Кузьмина вѣдомо наказанья никакова тому мужику учинить не смѣеть; а здѣлалось де то не хитростью, пьянствомъ. А вѣдомо, государь, то нижегородцвимъ стрельцомъ десятнику Ивашку Салтанову съ товарищи, и ямскимъ проводникомъ, которые были подъ купчиною и подъ его товары. Да въ тѣ жъ поры ѣхалъ къ тебѣ, государю, къ Москве съ твоею государевою казною изъ Кай городка целовальникъ Ивашко Дементьевъ и тому целовальнику вѣдомо жъ, какъ меня, холопа твоего, и купчину тотъ Ѳедотко съ товарищи лаяли и бесчестили, чтобъ мнѣ, холопу твоему, впередъ за такое дѣло отъ тебя, государя, въ опале не быти. А изъ Мурома меня, холопа твоего, съ купчиною отпустили къ тебѣ, государю, декабря въ 12 де(нь), а въ Володимеръ пришли декабря въ 14 де(нь), и твой государевъ воевода Мивита Михайловичъ Пушкинъ не хотѣлъ мнѣ, холопу твоему, подъ купчину подводъ дать, а сказалъ, что де у меня въ Володимере подводъ нѣтъ, многіе подводы въ розгонехъ, а покамѣста купчину за подводами издержалъ, и купчине, государь, не велѣлъ подворнику и дровъ дать, чѣмъ каша сварить; а ко мнѣ, холопу твоему, прислалъ Мивита говорить: только де велишь у подворника дрова имать, и язъ де на тебѣ велю доправить за всякое полѣно по десети алтынъ. И подводы, государь, мнѣ, холопу твоему, одва велѣлъ дать, а провозатыхъ далъ всего восемь человѣкъ стрельцовъ, а отпустилъ меня, холопа твоего, съ купчиною къ тебѣ, государю, декабря въ 16 де(нь). И я, холопъ твой, съ тою вѣстью отпустилъ къ тебѣ, государю, къ Москве, тово жъ числа, володимерского стрельца Ярилка Иванова наскоро. А что мнѣ, холопу твоему, кизылбашской купчина въ розговорехъ сказывалъ и что какихъ торовъ купчина ввѣлъ съ собою къ тебѣ, государю, къ Москве, и я, холопъ твой, ту отписку послалъ къ тебѣ, государю, съ тѣмъ же стрельцомъ съ Ярилкомъ, потому что мнѣ, холопу твоему, тоѣ отписки напередъ сего послати было къ тебѣ, государю, нѣ съ кемъ, а нарочново гончика въ городѣхъ нигдѣ мнѣ, холопу твоему, не дали.

На оборотъ помѣта: Чтена.

И декабря въ 27 де(нь) по государеву цареву и в. кн. Михаила

Федоровича в. Р. указу кизылбашского шахъ Аббасовъ купчина Хозя Муртоза былъ въ посольскомъ приказе у посольского у думново дѣяка, у Петра Третьякова. А посланъ по него и ѣхалъ съ нимъ въ городъ приставъ ево, Семенъ Протопоповъ. А лошедь съ санми послана подъ купчину отъ думново дѣяка, отъ Петра Третьякова. А какъ купчина ѣхалъ въ городъ, и въ тѣ поры на площади и у посольской полаты на крыльцѣ и въ посольской, полате были стрельцы бесъ пицалей, и всякіе люди. А какъ купчина вшелъ въ посольскую полату, и думной дѣякъ Петръ Третьяковъ съ купчиною корошевался и клалъ на него руку, вставъ, и велѣлъ ему сѣсти. И спрашивалъ купчину о здоровье. А посидѣвъ немного, говорилъ купчине думной дѣякъ Петръ Третьяковъ:

Писали къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. с. изъ Астарахани бояринъ и воевода, князь Иванъ Микитичъ Одоевской съ товарищи, что ты пришелъ къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. с. къ его царскому величеству отъ государя своего отъ шахъ Аббасова в., въ грамотою ¹⁾. И по государеву указу велено его болрину и воеводамъ изъ Асторохани отпустить въ Казань, а изъ Казани велено ему быти къ Москве, а напередъ сего былъ отъ царскаго в. въ вотчине въ Асторохани съ товары, и какъ былъ въ Асторохани воръ Ивашко Зарутцкой да Маринка, и онъ отпущенъ былъ къ государю своему къ шаху отъ Ивашка да отъ Маринки, а съ нимъ вмѣстѣ отъ Ивашва посланы были изъ Асторохани въ посланникахъ Иванъ Хохловъ да Якушъ Глядкоу. А ныне онъ опять пришелъ къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. отъ государя своего, отъ шахъ Аббасова, в. въ грамотою. И онъ бы, Хозя Муртоза, про то объявилъ: коими обычей онъ былъ напередъ сего царскаго величества въ вотчине въ Асторохани, и какъ ево отпустили къ шаху изъ Асторохани Ивашко Зарутцкой да Маринка, и о чемъ его къ государю ихъ, къ шаху, Ивашко и Маринка посылали, и что съ нимъ писали и приказывали, и былъ ли онъ у шаха, и съ чѣмъ ево ныне шахъ къ великому государю отпустилъ, и сколь онъ давно отъ шаха, и о кою пору, и отъ кого шаху вѣдомо учинилось про великаго государя ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р., что онъ великій государь учинился на своихъ великихъ и преславныхъ Росейскихъ государствахъ великимъ государемъ царемъ и в. кн. в. Р. самодержцемъ? И государевы посланники Михайло Тихановъ и шаховъ посланникъ

¹⁾ Слѣдующія за тѣмъ слова — „и съ дары“ — зачеркнуты.

Амиръ Али бекъ къ шаху пришли-ль и у шаха при немъ были-ль, и онъ ихъ видель ли? И будетъ они при немъ къ шаху не пришли, и гдѣ онъ про нихъ слышеть? И гонца Ивана Брехова, которой отъ государя посланъ къ шаху после посланника Михайла Тиханова, гдѣ встрѣтилъ, и вскоре ль онъ будетъ къ шаху?

И кызылбашскій купчина Хозъ Муртоза въ разговорѣ думному дѣяку Петру Третьякову говорилъ: приходилъ онъ въ Асторохань съ товары до Иваша Зарутцкога, а шахъ писалъ съ нимъ въ Асторохань къ воеводе, ко князю Ивану Хворостинину, и къ инымъ астороханскимъ людемъ, чтобъ ево купчинамъ съ товары въ Асторохань приходитъ было повольно, а изъ Асторохани бѣ люди въ его города, въ Дербень и въ Шамахань, ѣздили повольно жъ и что имъ у шаха понадобится въ помощь противъ которыхъ недруговъ и шахъ имъ то все пришлетъ. И какъ воръ Ивашко Зарутцкой въ Асторохань пришелъ и свѣдалъ то, что шахъ къ астороханскимъ людемъ писалъ о томъ, что имъ понадобится, и онъ имъ пришлетъ, и воръ Ивашко Зарутцкой и Маринка изъ Асторохани послали ево къ шаху, а съ нимъ въ посланникехъ къ шаху послалъ Ивана Хохлова да Якова Глядкова, а писалъ съ ними къ шаху, чтобъ шахъ прислалъ къ нимъ въ Асторохань людей и казны, а ему будто очищать было отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей Московское государство. А воевода де, князь Иванъ Хворостининъ, писалъ съ нимъ къ шаху тайно, что Ивашко Зарутцкой съ Маринкою прибежалъ въ Асторохань воровствомъ, потому что ему дѣтца негде: изъ Московского государства его выбили вонъ а на Московскомъ государствѣ учинился государь царь и в. князь Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с., и о чемъ къ нему, къ шаху, Ивашко писалъ, и онъ бы въ томъ ни въ чемъ не вѣрилъ. И онъ, Хозъ Муртоза, прѣхавъ къ шаху, князь Иванову грамотку отдалъ и рѣчью розсказывалъ, что Ивашко въ Асторохань прибежалъ воровствомъ, что ему окромѣ того дѣтца было нѣгде. И шахъ де ему, Хозъ Муртозѣ, сказалъ, что онъ Ивашкову письму не вѣритъ, и людей, и казны къ нему не послалъ. А хочеть онъ быти въ братцкой дружбе и въ любви съ великимъ государемъ ц. и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р., и чего у него государь ни попроситъ, и онъ за то за все не постоитъ, что великому государю надобно, то дастъ. И отпустилъ ево шахъ къ государю зъ грамотою о любви, и словомъ съ нимъ приказалъ, что шахъ хочеть быти съ великимъ государемъ ц. и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. въ братствѣ и въ любви, и въ дружбѣ свыше прежнихъ великихъ государей російскихъ, да и то де шахъ къ великому

всего великого Російскаго царствія на Московскомъ и на всѣхъ великихъ и преславныхъ Російскихъ государствахъ учинился государемъ царемъ и в. княземъ в. Р. с. великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с., и вѣдомо великому государю царю и в. кн. Махайлу Федоровичю в. Р. учинилось, что государя вашего шахъ Аббасовъ посланникъ Муршу Кулы бекъ пришелъ въ великого государя нашего государство, въ городъ въ Можаеть, черезъ Литовскую землю, а идетъ онъ къ государю вашему, къ шахъ Аббасову в., а польскіе и литовскіе люди еще въ тѣ поры были въ великого государя нашего городѣхъ, въ Вязьмѣ и въ Дорогобуже; а польсково Жигимонта короля недружба ко всему Російскому государству и нашей православной хрестіанской вѣрѣ греческаго закона поруганье и Московскому государству разоренье, и крестьянское многое отъ него и отъ его людей невинное кроворозлитіе, и всѣмъ великимъ окрестнымъ государемъ и ихъ государствамъ какое онъ разоренье и невинное крестьянское кроворозлитіе въ Російскомъ государстве учинилъ, и великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. с. государя вашего посланника Моршу Кулы бека, которой посланъ былъ къ цесарю, черезъ свое великое государство пропустить было непригоже, потому что онъ шелъ черезъ злого недруга литовского короля землю, да великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с., вѣдая съ прежними великими государя цари и великими князи російскими, съ предки своими, государя ихъ, шахъ Аббасова величества, ;братцкую любовь и крѣпкую дружбу и любительную ссылку, оказуючи къ брату своему, къ великому государю вашему, къ шахъ Аббасову в., свою брацкую любовь и дружбу, и хотя быти ныне и впередъ съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в., въ братстве и въ любви, и въ сылке навеки неподвижно свыше прежнихъ великихъ російскихъ государей, то учинилъ, чему было никакъ быти невозможно: черезъ свое государство пропустить ево велѣлъ, и въ свое преславное Московское государство ево принять, и свои пресвѣтлые царскіе очи видети ему велѣлъ, и кормы ему и почестъ во всемъ по ево царского в. приказу была и ныне есть по ево достоинству, свыше прежнихъ великихъ російскихъ государей, а ныне онъ въ Казани, и ему потому жъ во всемъ чинять почестъ, и кормы всякіе даютъ не скудно.

А цесаревъ посланникъ Адамъ Дорнъ, которой идетъ къ великому государю отъ цесаря, ныне въ великого государя нашего государство, въ городъ въ Ярославле, и кормы ему даютъ и почестъ чинять во всемъ же, а ни въ чемъ ему скудности и утесненья нѣтъ, а къ государю ихъ, къ шаху, отпустить было ево немочно потому:

вѣдомо ему самому, Хозѣ Муртозѣ, что царского величества вотчина Асторохань была въ смуте отъ вора, отъ Иваша Зарудцкова, и дороги въ тѣ поры къ шаху на Астарахань не было, а ныне ево зимнимъ путемъ потому жѣ отпустить немочно.

А что государя жѣ вашего шахъ Аббасова в. посланникъ Амиръ Але бекъ пришелъ въ Московское государство, тому ужь семой годъ, а въ то же время по злому умыслу польсково Жигимонта короля стоялъ подъ Москвою другой воръ, назвался первого вора ростригинимъ именемъ, которой былъ на Московскомъ государстве, и за свои злые богомерскіе дѣла въ Московскомъ государстве убить, и тотъ государя вашего посланникъ Амиръ Але бекъ, мимо царя Василья, которой въ то время былъ на Московскомъ государствѣ, пріѣхалъ къ тому другому вору въ таборы и былъ у того вора многое время. А какъ по милости Божіей тово вора отъ Московсково государства отогнали, и польскихъ и литовскихъ людей побили, и тотъ воръ ушелъ не со многими воры въ Калугу, и государя вашего посланникъ Амиръ Али бекъ пришелъ къ царю Василью поневоле, и царь Василей, для брацкіе дружбы зъ государемъ вашимъ шахъ Аббасовымъ в., того Амиръ Али бека принялъ и ево пожаловалъ платьемъ, и кормъ ему велѣлъ давати по посольскому обычею. А какъ по злому умыслу и по повелѣнью Жигимонта короля польскіе и литовскіе люди Московскимъ государствомъ завладѣли были оманомъ, прѣступя крестное свое целованье, царствующій градъ Москву выжгли, и многіе люди посѣкли, и въ Москвѣ сѣли; а государя вашего посланникъ Амиръ Али бекъ да гонецъ Мигибъ бекъ сидѣли въ Московскомъ государствѣ съ польскими и литовскими людьми вмѣсте. И какъ, проси у Бога милости, Московсково государства бояре и всякихъ чиновъ люди всего Російскаго государства пришли подъ Московское государство и польскихъ и литовскихъ людей въ Московскомъ государствѣ осадили, и всякую тесноту учинили, и польскіе и литовскіе люди государя вашего посланника Амиръ Али бека изъ Москвы выпустили, а гонецъ Миге бекъ остался въ осадѣ въ Москвѣ съ польскими и съ литовскими людьми, и Московсково государства бояре и всякихъ чиновъ люди, вѣдая прежнихъ великихъ государей своихъ російскихъ зъ государемъ вашимъ братственную дружбу и любовь, посланника его, Амиръ Али бека, отпустили въ Нижней Новгородъ съ почестью, и кормъ ему велѣли давати доволенъ, и почесть ему во всемъ чинили и до царского обиранья по посольскому обычею. А какъ по милости Божіей великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и государя вашего

посланникъ Амиръ Але бекъ присылалъ къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бити челомъ, чтобъ великій государь нашъ его ц. в. ево пожаловалъ, велѣлъ ево изъ Нижнево взять къ себѣ, государю, и свои царскіе пресвѣтлые очи велѣлъ ему видети, и велѣлъ бы ево отпустить къ государю вашему. И великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с., оказуючи къ брату своему, къ великому государю вашему Аббасъ шахову в., брацкую любовь и дружбу, и хотя быти съ великимъ государемъ вашимъ съ шахъ Аббасовымъ в-мъ въ братцкой дружбе и въ любви, тому государя вашего посланнику Амиръ Али беку велѣлъ быти къ себѣ, государю, и свои царскіе пресвѣтлые очи видети ему велѣлъ. И какъ послалъ великій государь нашъ къ великому государю вашему къ шахъ Аббасову в. государство свое обестить и о братцкой дружбе и о любви напоминуть, и польского Жигимонта короля неправды объявить посланника своего Михайла Тиханова да Олексѣя Бухарова напередъ всѣхъ великихъ государей. И государя вашего посланника Амиръ Али бека къ государю вашему отпустилъ съ ними жъ вмѣсте на Юргенчъ, которымъ мѣстомъ николи отъ государя нашего и отъ вашего государя послы и посланники не хаживали, потому что въ тѣ поры великого государя нашего въ вотчине, въ Асторохани, былъ воръ Ивашко Зарутцкой и многую смуту учинилъ, про что государю вашему самому подлинно вѣдомо, и имъ было на Асторохань итти къ государю вашему не мочно. А какъ великого государя нашего отчина Асторохань отъ воровскіе смуты очистилась, и великій государь нашъ послалъ къ государю вашему другою гонца своего, Ивана Брехова, про свое государское здорье обестить и брата своего великого государя вашего здорье видети, и про своего государева посланника, про Михайла Тиханова, и про государя вашего посланника, про Амиръ Али бека, провѣдать подлинно, здорово ль онѣ до государя вашего дошли? А все то великій государь нашъ его ц. в. дѣлалъ, оказуючи къ брату своему, къ великому государю вашему, свою брацкую любовь и дружбу. И государь вашъ шахъ Аббасъ великого государя нашего посланниковъ Михайла Тиханова и Олексѣя Бухарова, и гонца Ивана Брехова у себя задержалъ: по ся мѣста ихъ къ великому государю нашему не отпустить.

А ныне писали къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. съ Терки царского величества воевода Петръ Головинъ, что братъ нашъ Аббасъ шахово в. Иверскую землю разорилъ и царя Теймураза согналъ, и ныне стоитъ въ Иверской землѣ и Кабардинскіе земли, искони вѣкъ великого государя нашего холопей, многіе мѣста

ратные ево люди воевали, и хочеть де приходить самъ на Кабардинскую и на Кумытцкую землю войною. Да и ты теперьво говорилъ, что государь вашъ шахъ хочеть на Кумытцкую землю войною хочеть самъ приходити или воинскихъ своихъ людей послати, а государю ихъ шахъ Аббасову в. самому вѣдомо, что Иверская земля, цари и князи изначала наше православыне крестьянскіе вѣры греческаго закона, а были на Иверской землѣ цари самовластны и ни кѣмъ не обладаемы. А после того, какъ извелись во Царѣгороде хрестыянскіе государи и какъ учала быти в-Иверской землѣ межъ царей и князей ровнь и несогласіе, а турской учалъ имъ многую тесноту чинити, и иверской царь Александръ, видя себя беспомочна и нехотя быти отъ турецкого царя въ разоренье, билъ челомъ великому государю ц. и в. кн. Ѳеодору Ивановичю в. Р. с., чтобъ онъ, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с., для крестьянскіе вѣры принялъ ево подъ свою царскую высокую руку и отъ турецкого бѣ салтана и отъ шевкала обороняти ево велѣлъ, а онъ въ детьми своими, съ царевичемъ Давыдомъ и съ царевичемъ Юрьемъ, и со внучаты, и со всею своею Иверскою землею отъ великихъ російскихъ государей царей не отступень будетъ навеки, на томъ онъ Олександро царь въ детьми своими и со внучаты, и со всею своею Иверскою землею блаженныя памяти великому государю нашему ц. и в. кн. Ѳеодору Ивановичю в. Р. с. правду далъ, по нашей крестьянской вѣре крестъ целовалъ, и тѣмъ себѣ вспоможенъе и отъ турскихъ людей свободу получилъ. И некоторые ихъ недруги не умѣли имъ некоторые тесноты во вся лѣта при дяде великого государя нашего царѣ и в. кн. Ѳеодоре Ивановиче в. Р. с. и при царѣ Борисе учинить. Да и то государю вашему шахъ Аббасову в. самому вѣдомо, какъ великій государь нашъ великого государя нашего дядя блаженныя славныя памяти царь и в. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ в. Р. с. на Терке и на Койсе города велѣлъ поставити и людей ратныхъ въ нихъ устроиши велѣлъ для Иверскіе земли, чтобъ Иверскіе земли турскимъ и кумытцкимъ людямъ теснити не дати и противъ недруговъ ихъ помогать, да и для того, что турскіе люди по многіе годы ходили на великого государя вашего шахъ Аббасову землю войною, а проходили на Койсу да на Терку, да на Суншу. И по его царского в. повелѣнью исъ тѣхъ городовъ терскіе и волжскіе, и айтцкіе казаки на турскіе люди приходили, и на Сунше турскихъ многихъ людей побили, и впередъ тѣми мѣсты на государя вашего землю турскіе люди ходить не учали, и государю вашему тѣмъ великая помощь учинилась. Да и многая любовь и братственная крѣпкая дружба великого государя нашего дяди великого государя ц. и в. кн. Ѳеодора

Ивановича в. Р. с. къ государю вашему, къ шахъ Аббасову в. была, о чемъ самому великому государю нашему подлинно вѣдомо. А какъ судомъ Божиимъ великого государя нашего дяди, блаженные славные памяти великого государя царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., въ животѣ не стало, а на великихъ Російскихъ государствахъ учинился царь и в. кн. Борисъ Ѳедоровичъ в. Р., и иверской Александръ царь царю Борису по тому жъ правду далъ зъ детьми своими и со внучаты, и со всѣми своими думными людьми крестъ целовалъ, что имъ быти подъ російскихъ великихъ государей царей рукою со всею Иверскою землею навеки не отступнымъ. И по Олександрову цареву челобитью царь Борисъ изъ понизовныхъ городовъ воеводамъ своимъ велѣлъ поставити на шевкала и на всю Кумытцкую землю ратныхъ своихъ людей для того: какъ Олександро царь, съ повелѣнья царя Бориса, былъ у государя вашего въ рати, и шевкальской, по турецкого царя велѣнью, въ ту пору Иверскую землю воевали, и многіе города и мѣста поимали и разорили, и въ Тервахъ и въ Таркалахъ города поставили. И какъ царя Бориса не стало, а въ Московскомъ государстве учала быти умышленьемъ польского короля смута и въ людехъ рознь, и кумытцкіе люди, сложась съ турецкими людьми, которые въ то время были въ Кумытцкой землѣ, на великого государя нашего людей приходили, и бои были многіе, и многіе крови на обе стороны пролились; а все то для Иверскіе земли дѣлалось. А кабардинскіе черкасы, князи и мурзы, со всею Кабардинскою землею, и горскіе, и ерпельскіе, и Абаза, и Мичкизы, и иные черкасскіе земли были издавна холопи наши, переселились тутъ изъ нашихъ резанскихъ предѣлъ. А какъ поручилъ Богъ великому государю нашему ц. и в. кн. Ивану Васильевичю в. Р. великого государя нашего дѣду царство Казанское и Астороханское, и черкасы горскіе со всею своею землею, узнавъ своихъ природныхъ государей, били челомъ ему, великому государю нашему ц. и в. кн. Ивану Васильевичю в. Р. с., и во всей ево воле учинилися, и по ся мѣста служатъ намъ, великимъ государемъ, и многіе въ нашемъ Терскомъ городе живутъ, и слободы себѣ поставили. А какъ по всемогущего Бога милости великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. всѣ горскіе черкасскіе князи и мурзы, кумытцкой и казы-кумытцкой Али бекъ князь зъ детьми, и Сурбай князь карабудатцкой, и Будачѣй ерпельской зъ дѣтми, и всѣ горскіе и кабардинскіе князи и мурзы, и со всѣми уздени шертовали, и дѣтей своихъ, и братью въ заклады

подавали въ Терской городъ и служатъ великому государю нашему во всемъ, какъ есть природные государя нашего холопи. Да и кумытцкой Гирѣй князь и братья ево, Айдаръ мурза да Маметь мурза, да Алла Гирѣй, да Суркай и шевкаль, да салтанъ Муть, прежнего шевкала сынъ, и иные кумытцвіе князи и мурзы, по тому жъ передъ великимъ государемъ нашимъ, передъ ево царскимъ величествомъ исправились и прежніе свои вины, которые вины шевкала князя передъ дядею государя нашего великого государя блаженные памяти царемъ и в. кн. Ѳедоромъ Ивановичемъ в. Р. и передъ царемъ Борисомъ, покрыли: великому государю нашему правду дали, на курапе шертовали, и детей и братью свою на Терекъ въ аманаты подавали, и служатъ великому государю нашему потому жъ, какъ и горскіе и кабардинскіе князи и мурзы. И великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с., слыша о томъ, что съ великого государя вашего шахъ Аббасовы стороны такъ дѣлаетца, тому подивилъ ся, что онъ великого государя нашего братъ, не обослався съ великимъ государемъ нашимъ, подданную великого государя нашего Грузинскую землю велѣлъ разорить, и великого жъ государя нашего искони вѣчныхъ холопей кабардинскихъ черкасъ великого государя вашего ратные люди воевали. И великому было государю вашему, шахъ Аббасу, непригоже такъ дѣлать, что не обослався съ великимъ государемъ нашимъ, Грузинскую землю разорять, и гдѣ были и святые Божіи церкви, и тутъ города ставить, и на Кабардинскую и на Кумытцкую землю войною людей своихъ посылать непригоже жъ. И государь бы ихъ, шахъ, того нелюбья не вчиналъ, въ Грузинскую землю не вступался и на Кабарду, и на Кумыки людей своихъ войною не посылалъ. А которые государя нашего посланники, Михайло Тихановъ да Олексѣй Бухаровъ, да гонецъ Иванъ Бреховъ, ныне у государя ихъ, у шаха, и государь бы ихъ тѣхъ государя нашего посланниковъ и гонца отпустилъ къ великому государю нашему, не задержавъ; а великій государь нашъ государя вашего посланниковъ и купчинъ, которые ныне въ великого государя нашего государстве, потому жъ со всѣмъ велить отпустить, не задержавъ.

А что ты говорилъ про кумытцкого Гирѣя князя, что онъ манить на обе стороны, великому государю нашему и шаху, и ему бѣ не вѣрить, и только Гирѣй учнетъ великому государю нашему манить, и оманы мочно узнать. А будетъ Гирѣй князь учнетъ быти передъ великимъ государемъ нашимъ въ какомъ въ непослушанье, и великому государю нашему зъ Гирѣемъ мочно управитца. А шахъ бы въ Кабарду

и въ Кумыки не вступался и тѣмъ съ великимъ государемъ нашимъ нелюбья не всчиналъ.

И кызылбашской гонецъ говорилъ: Грузинскую землю государь ево шахъ воевалъ за то, что онъ поддался былъ къ турскому, а къ нему не поѣхалъ и во всемъ ему манилъ, а ныне великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. Грузинскіе земли просить себѣ, а турской царь пишетъ, что Грузинская земля ево.

И думной дѣякъ Петръ Третьяковъ говорилъ, что государю ихъ, шаху, самому про Грузинскую землю вѣдомо, что Грузинская земля въ подданствѣ у великихъ государей нашихъ да и ему про (?) то вѣдомо жъ, какъ великій государь нашъ, блаженные памяти царь и в. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ в. Р. с. на Терке и на Койсе города велѣлъ поставить, и людей ратныхъ многихъ въ ней устроить для Иверской земли велѣлъ, чтобъ Иверскіе земли турскимъ и кумытцкимъ людямъ теснито не дать и противъ недруговъ ихъ помогать, да и для того, что турскіе люди по многіе годы на государя вашего Аббасъ шахову землю войною ходили на Койсу да на Терку, да на Суншу, и великій государь нашъ на тѣхъ рекахъ велѣлъ устроить города и казакомъ велѣлъ жить неотступно, и на турскихъ людей приходять. И по повелѣнью великого государя нашего терскіе и вольскіе, и яитцкіе казаки на турскихъ людей приходили и на Сунше турскихъ людей побили многихъ, и впередъ тѣми мѣсты турскіе люди на шахову землю ходити не учили, и шаху тѣмъ многая помочъ учинилась, да и многіе дружелюбные сходительства дядя великого государя нашего, великій г. ц. и в. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ в. Р., и царь Борисъ къ шаху показали, про то ему про все самому подлинно вѣдомо. Да и самъ шахъ къ великому государю нашему ц. и в. кн. Ѳеодору Ивановичю в. Р. и къ царю Борису писалъ и привазывалъ, чтобъ имъ, великимъ государемъ, Грузинскіе земли отъ турецкого оберегать. А какъ судомъ Божиимъ цари и в. кн. Ѳеодора Ивановича в. Р. и царя Бориса не стало, а въ Московскомъ государстве, за грѣхъ всѣхъ насъ, польского короля умышленьемъ учала быти смута и рознь, и которые государевы ратные люди были въ Кумытцкой землѣ, въ Таркахъ и въ Торкалахъ, и турскіе люди, сложась съ Кумыки, на тѣхъ государевыхъ ратныхъ людей приходили, и многія крови на обе стороны пролились, а все то дѣлалось для Иверскіе земли. А помочи было въ тѣ поры государевымъ людямъ отъ Московского государства учинить не мочно, потому что въ тѣ поры любо было Иверской землѣ помогать, или Московское государство отъ польского короля очищать. А ныне Аббасъ шахово в., забывъ то все, такое

нелюбье свое къ великому государю оказалъ, чего и недругъ надъ недругомъ не дѣлають: у великого государя нашего Иверскую землю отводить, и такое кроворозлитіе хрестьянское и разоренье в-Иверской землѣ учинилъ, чего николи не бывало.

А изговоря то, думной дѣякъ Петръ Третьяковъ говорилъ визылбашскому гонцу, что онъ про Иверскую землю говорить съ нимъ такъ, въ розговорехъ; а какъ государь ихъ шахъ Аббасъ съ великимъ государемъ нашимъ о томъ сошлетца и будутъ по прежнему въ братцкой дружбе и въ любви, и Иверская земля будетъ за великимъ государемъ нашимъ по прежнему. А напередъ сего, какъ шахъ былъ въ дружбе и въ любви съ царемъ Ѳедоромъ и съ царемъ Борисомъ, и онъ и самъ писалъ къ великимъ государемъ нашимъ и приказывалъ, что для ихъ великіе братцкіе дружбы и любви и для вспоможенья на турского царя не токмо въ Грузинскую землю вступался, и своихъ городовъ, Дербени и Шамахи, хотѣлъ поступитца, какъ ихъ у турского возьметъ.

И гонецъ противъ того говорилъ, чтобъ они великіе государи оба здоровы были на многіе лѣта, а какъ будетъ межъ ими братственная дружба и любовь, и ссылка, и государь ево шахъ Аббасъ государю за Иверскую землю не постоитъ.

Да Петръ же говорилъ гонцу: которые рѣчи онъ говорилъ съ нимъ о посланникехъ шаховыхъ, которые государя нашего въ государстве, и онъ о томъ донесетъ до великого государя; а онъ которые рѣчи отъ него, отъ Петра, слышитъ, и онъ бы про то сказалъ государю своему шаху, какъ будетъ у него. И гонецъ говорилъ, что онъ про то про все розскажетъ.

Да визылбашской же гонецъ говорилъ думному дѣяку Петру Третьякову, что приказывалъ съ нимъ къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. государь ево шахъ Аббасъ, чтобъ ему прислалъ государь соболя живого да бѣлку живую же, которые бѣ были изучены, чтобъ не кусалися, да вретатовъ, да сувна на епанчю а выбрать сукно велѣлъ шахъ про себя ему, Хове Муртозѣ.

И думной дѣякъ Петръ Третьяковъ говорилъ гонцу: о чемъ съ нимъ шахъ приказывалъ ныне, то къ нему будетъ готово, да и обьномъ о чемъ шахъ къ великому государю прикажетъ, а что у него, у великого государя, въ казнѣ лучитца, и за то великій государь брату своему, государю ихъ, шахъ Аббасову величеству, не постоитъ.

Да какъ думной дѣякъ Петръ Третьяковъ учалъ отпустить визылбашского гонца на подворье, и визылбашской купчина подалъ

челобитную, а въ челобитной ево написано, что у него въ смутные годы и при Ивашке Зарутцкомъ имали въ Асторохани многіе всякіе товары насильствомъ; а та де вся казна была шахова. И государь бы ево пожаловаль, велѣлъ ему въ той шахове казнѣ указъ учинити.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ говорилъ кизылбашскому купчине, что то дѣлалось до великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ безгосударное время, а Асторохань была въ воровствѣ, стояла противъ Московского государства долгое время. А какъ учинился на Московскомъ государстве великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., и они, астороханцы, воровствомъ пустили къ себѣ вора Ивашка Зарутцкого съ воровкою женою, съ Маринкою, да съ выbledкомъ, которыхъ онъ самъ подлинно въ Асторохани видель, и противъ государевыхъ людей стояли, а онъ былъ въ Асторохани жѣ. И того подлинно какъ вѣдать: тѣ товары у него иманы сильно, или онъ астороханцовъ ссужалъ на вспоможенье противъ государя и Московского государства людей? А хотя будетъ у него въ Асторохани имали и сильно, и то дѣлалось до государя: хотя бѣ воровствомъ, въ смутное время, астороханцы и надъ нимъ какое дурно или убивство учинили, ино бы голова ево была пуще товаровъ. Да въ тѣхъ товарехъ ему отказаль.

Да думной же діакъ Петръ Третьяковъ говорилъ кизылбашскому гонцу: которые товары съ нимъ есть, и онъ бы про тѣ товары объявилъ подлинно и цѣну всякимъ товаромъ сказалъ. И будетъ которые товары пригодятца въ государеву казну, и за тѣ товары ему дадутъ деньги изъ государевы казны, а достальныя поволить государь ему продавать всякимъ людямъ. А цѣну бѣ всякимъ товаромъ написалъ, по чему у нихъ которой товаръ въ кизылбашехъ и по чему за что въ Казани давали, и какъ ему здѣсь продать. И гонецъ говорилъ, что товары у него всѣ шаховы, а въ Казани у него торговали только дороговъ да саеьяновъ, а давали за дороги по 4 рубли, а за саеьяны по рублю, а здѣсь по чему какіе товары учнутъ купить, того невѣдомо, потому что ему по ся мѣста торгу не дано. Да билъ челомъ: въ томъ де воленъ Богъ да государь, чтобъ ему дали подъячего и онъ всѣ свои товары перепишетъ съ ценою.

И того жѣ дни посланъ къ кизылбашскому купчине переписывать переводчикъ Прокоѳей Вражской да подъячей Явубъ Лукинъ. А сколько у него товаровъ переписали и что чему цена, и тому роспись.

Какъ шаховъ гилянецъ былъ въ посольской полате у думного діака, у Петра у Третьякова, и говорилъ въ розговоре отъ государя своего

ства любовное поздравленіе и счастливое пребыванье, и надъ недруги вашими побѣда и одолѣніе. Потомъ объявляемъ вашему величеству: въ нынешнемъ во 123-мъ году прислалъ еси къ нашему царскому величеству съ своею грамотою гилянца Хозя Муртозу. И Мы, великій государь, для васъ, брата нашего любительного, Аббасъ шахова величества, гилянцу, Хозя Муртозѣ, велѣли наши царскіе очи видети вскорѣ, и грамоту вашу, брата нашего, приняли и выслушали любительно. А въ грамоте своей къ нашему царскому величеству вы, братъ нашъ, писали: какъ вамъ, брату нашему, Аббасъ шахову в. вѣдому учинилось, что мы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с., учинились на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ в. Р. самодержцемъ, и вы, великій государь, братъ нашъ, Аббасъ шахово в. тому порадовалися и послалъ къ намъ отъ себя съ любовною грамотою поздравляти насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ его, гилянца Хозя Муртозу, и для того, что тебѣ понадобится въ нашемъ великомъ государстве купити, и о томъ о всемъ приказъ твой Хозя Муртозѣ, и чтобъ межъ нами, великими государями, прямая дружба и любовь была выше прежнихъ государей царей російскихъ, прародителей нашихъ. А начало дружбе и любви то, чтобъ по прежнему обычею намъ, великимъ государемъ, межъ собою послы и посланники о своихъ здоровьяхъ ссылатися и торговымъ бы людямъ ходити на обе стороны было повольно, и гилянца Хозя Муртозу намъ, великому государю, велѣтъ къ тебѣ отпустить вскорѣ; а которое дѣло нашему царскому величеству у тебя, брата нашего, Аббасъ шахова величества, надобно, и намъ бы, великому государю, тебѣ, брату нашему, о томъ вѣдому учинити. А рѣчью гилянецъ же вашъ Хозя Муртоза нашимъ приказнымъ людямъ отъ васъ, брата нашего, говорилъ о иныхъ о многихъ дѣлахъ. И на тѣ его рѣчи наши приказные люди и отвѣтъ ему учинили, а подлинно о тѣхъ о всѣхъ дѣлахъ, о чемъ нашимъ приказнымъ людямъ Хозя Муртоза говорилъ, прикажемъ къ вамъ, брату нашему, съ своими посланники. А гилянцу Хозя Муртозѣ по вашему, брата нашего, приказу въ нашихъ великихъ Російскихъ государствахъ товары ему свои продавати, и на васъ, брата нашего, купити, что вамъ, брату нашему, годно, поволили есмя беспошлинно. И береженье къ Хозя Мурзѣ (sic), по нашего царского величества повелѣнью, наши приказные люди держали великое, и кормы ему и его людямъ для васъ, брата нашего, Аббасъ шахова в. любви велѣли давати довольно. И гилянца вашего, Хозя Муртозу, велѣли къ вамъ отпустить по его воле, какъ онъ въ нашихъ государствахъ, по

вашему приказу, исторговался. И вамъ бы, великому государю, брату нашему любительному, Аббасъ шахову величеству, та паша царского величества къ вамъ любовь была вѣдома. И впередъ бы вамъ, брату нашему, Аббасъ шахову в., быти съ нашимъ царскимъ величествомъ въ братцкой сердечной дружбе и любви, и въ ссылке на веки неподвижнымъ. Писана въ государствіа нашего дворѣ, въ царствующемъ граде Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7123-го, іюля мѣсяца.

Такова грамота послана къ шаху съ купчиною зъ Хозя Муртозою, а печать у ней большая съ царскимъ титуломъ на красномъ воску, подъ вустодѣю.

А послано къ шаху отъ государя подарковъ: 10 аршинъ сукна багрецу ¹⁾).

Іюля въ 10 де(нь) указалъ государь ц. и в. к. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. кизылбашскому гонцу Хозе Муртозѣ быти на отпуске въ посольской полате у думного діака, у Петра Третьякова. И того жъ дни кизылбашской гонецъ Хозя Муртоза у думново діака, у Петра Третьякова, былъ въ посольской полате. А посыланъ по него приставъ его Давидъ Харламовъ; а лошедь подъ него верхомъ послана отъ думного діака, отъ Петра Третьякова. А какъ онъ ѣхалъ въ городъ, и въ тѣ поры въ городе на площади у посольскіе полаты и въ посольскомъ приказе были стрельцы безъ пищалей. А какъ купчина пріѣхалъ, и сѣлъ съ лошеди у посольскіе полаты. А какъ вшелъ въ посольскую полату, и думной діакъ Петръ Третьяковъ съ купчиною корошевался и спрашивалъ купчину о здоровье, и велѣлъ ему сѣсти. А посидя немного, говорилъ думной діакъ Петръ Третьяковъ:

Прислалъ тебя къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с. братъ ево великого государя, шахъ Аббасово в., зъ грамотою и его, великого государя, поздравляти на его великихъ и преславныхъ государствахъ. И великій государь нашъ его ц. в., для брата своего шахъ Аббасова в., тебя, его гонца, принялъ милостивно и грамоту выслушалъ любительно, и ныне великій государь нашъ его ц. в. велѣлъ тебя къ шахъ Аббасову в. отпустить назадъ и свою царскую любительную грамоту къ брату своему, къ шахъ Аббасову в., посылаетъ и о тѣхъ о всѣхъ дѣлехъ, о какихъ дѣлехъ шахъ Аббасово в. къ его царскому в. писалъ, и то все великій государь нашъ, его ц. в., писалъ въ своей грамоте; а что онъ, Муртоза, говорилъ по приказу

¹⁾ Записка объ Иванѣ Хохловѣ, Якушеѣ Гладкомъ и подъячемъ Богданѣ Накрачевѣ помѣщается дальше.

пошлетъ къ шаху своихъ пословъ или посланниковъ, а ныне къ великому государю нашему, къ его ц. в., шахъ, его царского в., пословъ отпустилъ, и ныне они ко государю прѣхали, и государь нашъ, его ц. в., пошлетъ своихъ пословъ съ шаховымъ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ вмѣсте. А объ отпуске своемъ онъ, Муртова, приказывалъ съ нимъ и не одинова, чтобъ ево государь пожаловалъ, велѣлъ отпустить къ шаху, и потому его ныне государь, его ц. в., велѣлъ отпустить къ шаху.

И купчина говорилъ: писалъ де съ нимъ государь ево, шахъ Аббасово в., къ великому государю, къ его царскому величеству, въ своей грамоте о кречетѣ да о соболѣ, да о бѣлке, да о сукнѣ добромъ на спанчю, чтобъ великій государь, его ц. в., для брата своего шахъ Аббасова в. крѣпкіе любви и дружбы, прислалъ къ нему своей царскіе потѣхи кречетъ да соболю, да бѣлку, живые. И ныне великій государь, его ц. в., къ брату своему, къ шахъ Аббасову в., кречетъ да соболю, да бѣлку и сукно съ нимъ посылаетъ ли?

И думной діакъ Петръ Третьяковъ говорилъ: великій государь ц. и в. вн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. посылаетъ съ нимъ къ брату своему, къ Аббасъ шахову в., для братцкіе любви и дружбы, соболю да бѣлку, живые, да изъ своей царской казны сукна багрецу; а кречета съ нимъ государь не посылаетъ, потому что та его царского в. потѣга водитца въ одномъ мѣсте, и ловятъ ихъ временемъ; а то мѣсто, гдѣ ловятъ, поудалело: вскоре теперво взять ихъ нѣгде. А какъ великій государь нашъ, его ц. в., пошлетъ къ брату своему къ Аббасъ шахову в. своихъ большихъ пословъ, и съ тѣми своими послы пришлетъ государь къ Аббасъ шаху и кречеты. Да и прежь сего кречеты посылаваны зъ государевыми жъ послы.

И купчина говорилъ: съ чѣмъ же де ему отъ царского в. ко государю своему къ Аббасъ шаху и ѣхать, только государь не пошлетъ кречата съ нимъ? Да говорилъ, чтобъ государь велѣлъ ему въ Казани или въ Астарахани зимовать, потому что есть въ Казани шахова казна, и ему бъ тое казну поволилъ испродати. Да послалъ бы государь шаху своихъ пословъ, чтобъ межъ ихъ государей дружба и любовь была безъ урыву.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ говорилъ, чтобъ онъ ѣхалъ ныне къ шаху наскоро, а государь велитъ послати своихъ пословъ зъ шаховымъ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ, вмѣсте, а за то нѣ за что стоять, что ему зимовать въ Казани или въ Астарахани, и онъ, чаеть, государевыхъ пословъ и дождетца, и съ ними вмѣсте къ шаху ево отпустить. А будетъ только ныне онъ поспѣетъ къ шаху, и онъ бы

ѣхалъ въ шаху, не мешкая, чтобъ царского величества дружба и любовь шаху была вѣдома.

И купчина говорилъ: ныне ему къ шаху не поспѣти, потому что испоздалось, и государь бы его пожаловалъ, велѣлъ ему зимовать въ Казани или въ Астарахани, а онъ въ тѣ поры шаховы товары и свои испродаетъ. Да билъ челомъ, чтобъ его государь пожаловалъ, велѣлъ ему видетца государя его съ шаховымъ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ: нѣтъ ли де отъ государя его, отъ шаха, съ нимъ къ нему какого приказу? Да государь же бы пожаловалъ, велѣлъ, для брата своего шахъ Аббасова величества дружбы и любви, отпустить изъ Казани и изъ Астарахани шаховыхъ купчинъ, которые пріѣхали напередъ его отъ шаха.

И думной дѣлаъ Петръ Третьяковъ говорилъ, чтобъ онъ ныне ѣхалъ къ шаху, не мешкая, а съ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ, увидитца онъ на дороге; а купчинъ шаховыхъ велитъ государь отпустить съ своими послы вмѣсте. Да сказалъ ему государево жалованье въ стола мѣсто кормъ, и отпустилъ его на подворье.

А въ стола мѣсто купчине корму дано. Зъ дворца: колачъ смесной, 4 чарви вина боярского, кружка вина рядового, кружка меду обарново, кружка меду вишневого, полведра меду паточного, полведра пива доброво, 3 ведра меду княжего, 3 ведра пива. Изъ большого приходу: на 3 алтына хлѣбовъ, на 3 алтына колачей, четверть стяга говядины, боранъ шерстью, 6 курять, гривенка масла коровья.

Царю государю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ вопчей вашъ холопъ Хозя Муртоза. Въ нынешнемъ, государь, во 123-мъ году шолъ я отъ государя своего шахъ Аббаса къ тебѣ, государю, для вашихъ государьскихъ дѣлъ до Терви сухимъ путемъ, а за собою, государь, я холопъ вашъ опчей (?) велѣлъ быти морскимъ ходомъ на бусе зятю своему Хозя Магметю. И зять, государь, мой пріѣхалъ къ мнѣ въ Астрахань, десеть день спустя, какъ я пріѣхалъ въ Астрахань, и въ Астрахани, государь, къ зятю моему приставилъ государя же нашего торговой человекъ Назамъ, зъ братьею своею и съ товарищи, воровствомъ, хотя зятя моего испродать, что бутто зять мой, Хозя Магметъ, въ прошломъ во 119-мъ году въ Астрахани племянника ево Назамова, Хожъ Ахмета, окормилъ. А преже, государь, сего въ прошломъ жа во 119-мъ году тотъ Назамъ зъ братьею съ своею на зятя моего въ Астрахани билъ челомъ князю Ивану Хворостинину и Володимиру, что бутто зять мой того его Назамова племянника окормилъ. И по тому, государь, ево челобитью про то дѣло въ Астрахани сыскивано, и сыскано, что племянникъ ево, Назамовъ, умеръ судомъ Божьимъ, а не зять мой окормилъ, и

по тому, государь, сыску тому Назаму зъ братьею и отказано, что онъ бьетъ челомъ ложно. И ныне, государь, какъ зять мой приѣхалъ въ Астрахань ка мнѣ, а изъ Астрахани со мною сталъ отпускатца къ тебѣ, государю, къ Москве, и въ томъ жа, государь, дѣле тотъ Назамъ зъ братьею съ своею приставилъ, и зятя моего велѣли дати на поруки твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Иванъ Микитичъ Адоевской съ товарищи. И я, государь, въ Астрахани билъ челомъ твоему государеву боярину и воеводе, Ивану Микитичю Адуевскому съ товарищи, чтобъ они тому Назаму велѣл(и) ѣхати къ Москве жъ къ тебѣ, государю, будетъ ему какое дѣло есть до зятя моего, или какъ ты, государь, велишь меня отпустить ко государю моему, шахъ Абасу, и онъ бы, Назамъ, ѣхалъ ко государю жъ нашему шахъ Абасу. И тотъ, государь, Назамъ къ тебѣ, государю, не поѣхалъ, а ко государю нашему шахъ Абасу не ѣдетъ жа, хотя воровство свое совершить и мнѣ мотчанье. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., пожалуй меня, опшего холопа своего, не вели, государь, по Назамову воровству ныне въ Астрахани на зятя моего въ другорадъ суда давати, чтобъ меня по прежнему въ Астрахани не задержали. А будетъ, государь, тому Назаму, зъ братьею, до меня и до зятя моего какое дѣло, и онъ бы ѣхалъ бити челомъ государю нашему шахъ Абасу, и вели, государь, о томъ дати въ Астрахань къ своему государеву боярину и воеводамъ, ко князю Ивану Микитичю Адуевскому съ товарищи, свою государеву грамоту. Царь государь, пожалуй!

На оборотъ: Дать грамота: будетъ онъ шаховъ, хто къ зятю его приставливаетъ, и на зятя его суда не давати, а бити челомъ на него, какъ будутъ у шаха.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Астарахань боярину и воеводе, князю Ивану Никитичю Одоевскому, да окольникему нашему и воеводе Семену Васильевичю Головину, да дьяку нашему Василью Юдину. Билъ намъ челомъ шахъ Аббасовъ купчина Хозъ Муртоза, а сказалъ, въ нынешнемъ де во 123-мъ году, будто тотъ его зять, Хозъ Магметъ, въ прошломъ во 119-мъ году въ Астарахани племянника Назанова Хожаметя окормилъ смертнымъ зельемъ. *(И проч. Конецъ грамоты оторванъ).*

Лѣта 7123-го іюля въ 5 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчукову, въ казачей приказъ къ Ивану Михайловичю Пушкину да къ дьяку, къ Дементею Образцову. Въ памяти за твоею, Савиню, приписью написано: прислати въ посольской приказъ дватцать

человѣкъ казаковъ, а провожати имъ кизылбасково купчину Хозя Муртозу до Коломны. И казачьи слободчики посланы къ вамъ въ посольской приказъ въ провожанье, а имянъ ихъ списокъ подъ сею памятью. *Подпись (начало):* дѣякъ Дементей.

Ясаулъ Ивапъ Дмитрѣевъ, десятникъ Ероѣй Ивановъ, Лука Михайловъ, Михайло Захрянинъ, Иевъ Яковлевъ, Онтонъ Оеонасьевъ, Дружина Ашманаевъ, Иванъ Васильевъ, Кирилка Семеновъ, Левонтей Ивановъ, десятникъ Иванъ Демидовъ, Третьякъ Чаркинъ, Феда Кумыка, Василей Шиловъ, Богданъ Кувшиновъ, Степанъ Бакака, Рыживъ (?) Баншикъ, Петръ Ояцѣоровъ, Микитка Ивановъ, Матвѣй Митрофановъ. *Подпись (конецъ):* Образцовъ.

Лѣта 7123-го іюля въ 13 день г. ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. велѣлъ Давыду Ондрѣевичю Харламову ѣхати съ кизылбашскимъ купчиною, съ Хоземъ Муртозою, на Коломну, а людей съ купчиною шесть человекъ, а для толмачества и кормовъ про купчину и всякого для береженья послаць съ нимъ толмачъ Айдаръ Соороповъ. Да для провожанья купчины посланы съ Москвы до Коломны „ „ человекъ стрельцовъ; а на Коломну пріѣхавъ, побыти ему съ купчиною на Коломне до государева указа. И ѣхати съ кизылбашскимъ купчиною на Коломну, не мешкая, и держати къ купчине береженье и честь, чтобъ ему ни отъ кого безчестья не было ни въ чемъ. А отъ купчины бѣ и отъ его людей русскимъ людямъ потому жѣ обиды и насильства не было. И на станѣхъ съ купчиною ставитись бережно и усторожливо, и провожатымъ велѣти ѣхати и на станѣхъ ставитися блиско купчины, и караулити велѣти неоплошно, чтобъ надъ купчиною въ дороге и на станѣхъ отъ воровъ дурно не учинилося. А напередъ себя послать на Коломну къ воеводамъ съ вѣстью кого пригоже, чтобъ на Коломне къ купчинину пріѣзду дворъ и кормы, и питье, по государеву указу, были готовы. А отъ г. ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. о томъ на Коломну къ воеводе писано. А какъ Давыдъ съ купчиною на Коломну пріѣдетъ и дать о купчине, пріѣхавъ на Коломну, государеву грамоту воеводамъ и дѣяку и говорить имъ, чтобъ по государеву указу велѣли купчине на Коломне дати дворъ доброй и кормы и питье, и на мѣльное съестное деньги, давати и сторожей на дворъ купчине послали, и для береженья дали ему дѣтей боярскихъ съ меньшихъ статей дву человекъ, да стрельцовъ пяти человекъ, и быть на Коломне у купчины и береженье къ нему и честь держати, и кормы и питье купчине и людямъ ево давати по росписи, емлючи въ Муроме у воеводъ и у приказныхъ людей, а къ нимъ о томъ отъ государя писано. А того беречи крѣпко, чтобъ на Коломне къ купчинѣ

и къ людямъ ево рускіе люди и иноземцы не приходили ништо, никаковъ челоувѣкъ, и не розговаривали съ нимъ ни о чемъ, и не продавали бы безъ государева указу купчине ништо ничего. А корму и питья послано про посланника съ Москвы до Коломны на недѣлю; а на Коломне и въ Муроме велено купчине кормъ и питье, и на мѣлкое съестное деньги давати по росписи. А коли купчина учнетъ просити рыбные ѣствы, и „
“ купчине въ мясные ѣствы мѣсто давати рыбная ѣства, емлючи на Коломне жъ у воеводъ. А устроя купчину на подворье и взявъ къ нимъ на дворъ сторожей и для береженья дѣтей боярскихъ и стрельцовъ, отписать къ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. къ Москве, а отписку велѣти отдати въ посольскомъ приказе дьякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романцюкову, а самому у купчины быти до государева указу.

Отъ ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. на Коломну воеводе нашему князю Василью Ондрѣевичю Звенигородцкому да дьяку нашему Василью Яковлеву. По нашему указу отпущенъ отъ насъ съ Москвы на Коломну кизылбашского шаха купчина Хозя Муртоза, а съ нимъ людей ево шесть челоувѣкъ, а въ приставстве посланъ съ нимъ Давыдъ Харламовъ да толмачъ, а велено имъ съ кизылбашскимъ посланникомъ на Коломне побыть до нашего указу. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а Давыдъ Харламовъ съ кизылбашскимъ купчиною на Коломну пріѣдетъ, и вы бѣ кизылбашскому купчине велѣлъ дать на Коломне стоять дворъ доброй, гдѣ пригоже, и поденной кормъ и питье, и на мѣлкое съестное деньги купчине и съ людьми ево, велѣлъ бы еси давати по нашему указу, по росписи, какова кормовая роспись дана на Москвѣ приставу его Давыду Харламову. И сторожей бы еси на тотъ дворъ хъ купчине велѣлъ послати, взявъ съ посаду, сколько челоувѣкъ пригоже, да для береженья далъ бы еси приставу Давыду Харламову дву челоувѣкъ дѣтей боярскихъ съ меньшихъ статей, да стрельцовъ пяти челоувѣкъ. Да и того бѣ еси велѣлъ беречи накрепко, чтобъ хъ кизылбашскому купчине и къ его людямъ рускіе люди и иноземцы ништо не приходилъ никаковъ челоувѣкъ, и ни о чемъ съ нимъ и съ его людьми не розговаривалъ, и людей бы своихъ купчина съ Коломны никуды не посылалъ, и продавати ему товаровъ безъ нашего указу никому не велѣлъ. И безчестья бѣ купчине ни въ чемъ ни отъ кого и въ корму, и въ питье недостатку не было. А которого числа Давыдъ съ кизылбашскимъ купчиною на Коломну пріѣдетъ и что къ вамъ купчина учнетъ приказывать, и ты бѣ о томъ писалъ къ намъ, къ Москве, а отписки велѣлъ отдавати въ посольскомъ приказе дьякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да

Саве Романчкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7123-го, іюля въ 13 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенька Гогаринъ, Ондрушка Подлѣсовъ, Овонька Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году писали мы, холопи твои, къ тебѣ, ко государю, напередъ сего: пришедъ въ твою государеву въ стѣзжую полату, и сказывали намъ, холопомъ твоимъ, казанской стрелець Баймова привазу Болтина, Мартышко Михайловъ, да посадкой человекъ, Ѳилька Спиридоновъ: стояли де они на карауле у кизылбашского купчины, у Хозъ Муртозы, и имъ де сказывали того купчины двое робять, что ихъ въ разоренье взяли казаки, одного въ Вязме, а другово подъ Москвою, и свезли въ Касимовъ, и тому де купчине—не вѣдомо—ихъ продали, или даромъ дали. И купчина де ихъ свезъ въ Казань и держить ихъ у себя тайно, и неволить ихъ въ свою мусульманскую вѣру, и кресты съ нихъ снялъ И въ твоей государеве цареве и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопомъ твоимъ, а велѣно приставу или сторожемъ тѣхъ робять скрасти, чтобъ Хозъ Муртозъ было неявно. А будетъ, государь, у него тѣхъ робять никонми мѣрами тайно скрасти не мочно, и намъ бы, холопомъ твоимъ, о томъ къ Хозъ Муртозъ приказати, съ кѣмъ пригоже, и велѣти выговорить, что онъ то дѣлаеть не гораздо: держить у себя русскихъ людей тайно и кресты съ нихъ посымалъ, а хочеть ихъ истинные православные хрестьянскіе вѣры отовратить и привести въ свою бусульманскую вѣру насильствомъ. А напередъ сего нетокмо торговые люди, и послы и посланники шахова в. того не дѣлывали, въ твоємъ государеве Московскомъ государстве русскихъ людей у себя тайно не держивали и отъ православные хрестьянскіе вѣры въ свою мусульманскую вѣру не приваживали, а онъ ныне то дѣлаеть непригоже. Изговори, государь, ему то, велѣти у него тѣхъ робять взять явно, чтобъ однолично тѣхъ робять мусульманить и съ собою свести ихъ ему не дать. Да какъ у него тѣхъ робять скрадуть, или съ выговоромъ явно возьмутъ, и что про нихъ Хози Муртоза учнетъ говорить, и гдѣ ихъ, скажетъ, взялъ, и намъ бы, холопомъ твоимъ, о томъ отписати къ тебѣ, ко государю, къ Москве въ посольской приказъ, а отписку велѣти отдати твоимъ государевымъ діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчкову. И у кизылбашского, государь, вуччины, у Хози Муртозы, русскихъ робать некоторыми мѣрами тайно скрасти было нельзѣ, и мы, холопи твои, послали къ Хозе Муртозе для тѣхъ русскихъ робать Матвѣя Семенова сына Лвова, да подъячого Путила Одинцова, а велѣли ему говорити, чтобъ онъ тѣхъ русскихъ

робять прислалъ къ намъ, холопомъ твоимъ. И купчина Хозя Муртоза тѣхъ русскихъ робять Матвѣю и подъячему Путилу отдалъ. И какъ ихъ привели передъ насъ, холопей твоихъ, и тѣ робята въ роспросе одинъ сказался русской человѣкъ московскаго стрельца сынъ, зовутъ его Ѳедькою, Семеновъ сынъ, а убили де отца его подь Москвою, а его взялъ въ таборехъ казакъ, Олешою звали, мала, а ныне онъ лѣтъ въ двенатцеть, и держалъ у себя, и продалъ его касимовскому татарину Исенѣю Карамышеву; а что взялъ, того онъ не вѣдаетъ. И Исенѣй его свезъ въ Касимовъ, а въ Касимове Исенѣй отдалъ его тому кизылбашскому купчине; а слышалъ, что далъ даромъ. Да сверхъ его, Ѳедьки, Исенѣй же тому купчине далъ бочву вина. А другой детина, лѣтъ въ десеть, сказался: родиную онъ татаринъ, зовутъ его Алкаскомъ, отецъ его былъ касимовскаго уѣзду татаринъ, а мать нѣмка, а родился онъ въ Касимове у царева у аталыка, у Сергѣя, а аталыкъ его далъ Исенѣю Карамышеву, а Исенѣй его продалъ купчине, а какъ взростеть, и его приказалъ отпустить на волю. А продалъ ихъ Исенѣй съ Ѳедькою вмѣсте, а что на нихъ взялъ, того онъ не вѣдаетъ; а то видели: какъ ихъ хъ купчине Исенѣевы люди привели, и купчина Исенѣевымъ людямъ давалъ киндяки и зедеи, и кушаки. И мы, холопи твои; тѣхъ робять до твоего государева указу отдали держать казанскимъ земскимъ старостамъ.

На оборотъ: Дать ихъ на поруку или прислать къ Москве.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенка Гогаринъ, Ондрушка Подлѣсовъ, Оеонька Истоминонъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году апрѣля въ 16 де(нь) прислалъ къ намъ, холопомъ твоимъ, челобитную кизылбашскаго Аббасъ шаха царя купчина Хозя Муртоза. И мы, холопи твои, тоѣ его челобитную послали къ тебѣ ко государю, подклея подь сею отпискою.

Царю государю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ Кизылбашскіе земли шегъ Аббасовъ купчина и твой государевъ холопт, Хозя Муртоза. Въ прошломъ, государь, въ 123-мъ году было, государь, моихъ денегъ семдесятъ пять рублей за Исенеемъ Карамышевымъ, и по твоей государевѣ грамоте велено мне, холопу твоему, купити немецкаго и тотарскаго полопу людей, и тотъ, государь, Исеней Карамышевъ прислалъ ко мнѣ въ Муромъ съ людьми своими техъ моихъ денегъ пядесать рублей да двое робять, Алкаска да Костровка, за дватцать за пять рублей. И вой, государь, у меня приставъ былъ, сынъ боярскаго Давыдъ Ивановъ, да толмачъ московскаго Айдаръ и, безъ меня, техъ робять допрашивали: не рускіе ль люди? И оне, государь, имъ сказали что у нихъ матери были немки, а отцы тотарева, и родомъ не рускіе

люди, и я, холопъ твой, потому ихъ къ себѣ взялъ. И нонече, государь, техъ робять въ Казани у меня, холопа твоего, взяли твой государевъ бояринъ и воеводы, и дьяки. Милостивый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., смилуйся, пожалуй, государь, меня, холопа своего, вели, государь, мне о техъ купленныхъ робятахъ свой царьской указъ учинити! Государь царь, смилуйся, пожалуй! И какъ, государь, я ехалъ съ Москвы и приехалъ въ Касимовъ, и его дома не заехалъ и ждалъ его два дни, и после того ждалъ я его въ Муроме два дни, и онъ, государь, въ Муромъ съ людьми своими те мои деньги и тѣхъ робять прислалъ мне за дватцать за пять рублей. Государь царь, смилуйся!

На адресъ: 124 г. маія въ 14 день съ казанцемъ въ Безсономъ Васильчинимъ.

Помѣта: Велѣтъ за тѣхъ робять заплатити.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳеевичю Долгорукого, да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову, да Офонасью Истомину. Писали есте къ намъ напередъ сево о русскихъ дву робятахъ, что вы, по нашему указу, ихъ у кызылбашского купчины, у Хозь Муртозы, взяли, которыхъ ему далъ Исенѣи Карамышевъ, и отдали ихъ держати казанскимъ старостамъ до нашего указу. Да после того писали есте къ намъ въ другой своей отписке и прислали Хозь Муртозы о тѣхъ же робятахъ челобитную; а въ челобитной его написано: въ прошломъ де во 123-мъ году (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ тѣхъ робять ему отдавати не велѣли, а велѣли бѣ есте купчине Хозь Муртозѣ за нихъ заплатити деньги дватцать пять рублей, изъ нашихъ и съ казанскихъ изо всякихъ доходовъ. А заплатя за тѣхъ робять деньги, велѣли ихъ подавати въ Казани на поруки, а будетъ въ Казани поруки по нихъ не будетъ, и вы бѣ ихъ прислали къ намъ въ Москве, съ кѣмъ будетъ пригоже, да о томъ о всемъ отписали, а отписку велѣли отдати и съ робяты явитись въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчыкову. Писанъ па Москвѣ лѣта 7124-го, маія въ 31 де(нь).

Написано въ докладъ.

Въ нынешнемъ во 123-мъ году писалъ къ государю царю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. съ Терки воевода Петръ Головинъ: въ прошломъ де во 122-мъ году іюля въ 19 де(нь) приѣхалъ ист.

Тарковъ на Терекъ Аббасъ шаховъ купчина Хозъ Муртоза, а въ роспросе ему сказалъ: отпущенъ былъ онъ отъ Маринки да отъ вора, отъ Ивашка Зарутцкова, изъ Астарахани, а съ нимъ посланы къ шаху Иванъ Хохловъ да Яковъ Глядкоу. А умыслъ де и приказъ де былъ тайно отъ Маринки и отъ вора, отъ Ивашка Зарутцкова, къ шаху одному Якову Глядкоу, а Ивану Хохлову приказу тайново отъ Ивашка Зарутцкова и отъ Маринки не было. И какъ де они пріѣхали въ Бау, и ему де, Муртозъ, въ Баѣ хотѣлось пожить, а Иванъ де Хохловъ и Яковъ Глядкоу, не дожидаясь ево, Муртозы, изъ Баки поѣхали къ шаху; а пріѣхали де прежь его, Муртозы, за два мѣсяца, и Маринкины де грамоты шаху отдали. А шахъ де въ ту пору хотѣлъ итти на Грузинскую землю войною. И Яковъ де Глядкоу билъ челомъ шаху со слезами и лежалъ у ногъ, чтобъ шахъ вскоре велѣлъ ему дати ратныхъ людей ближніе свое думы человекъ съ пятьсотъ и денежныя казны, и хлѣбныхъ запасовъ. И шахъ де ему говорилъ: что де ты бьешь челомъ объ людехъ словомъ, а въ Маринкиныхъ грамотахъ объ людехъ не писано. И Якушъ де Глядкоу сказалъ: приказала де Маринка съ нимъ, съ Якушомъ, словомъ, а велѣла де бить челомъ, чтобъ онъ пожаловалъ, велѣлъ дати людей вскоре для того: лихи де на неѣ, Маринку, московскіе недруги,—только де ратныхъ людей вскоре не дастъ и денежныя казны, и хлѣбныхъ запасовъ не дастъ, и ихъ вскоре не отпустить, и съ Москвы де вскоре будетъ рать, и Астараханъ де осадятъ и изъ Астарахани ихъ не выпустятъ. А только де ратныхъ людей шахъ дастъ вскоре, и они де, въ Астарахани собрався съ ратными людьми, Москву возьмутъ и отъ Литовскихъ людей очистятъ. И шахъ де, не вѣдая ево воровства, чая того, что подлинно Литва Московскимъ государствомъ завладѣла, хотѣлъ де дати денежной казны 12,000 тюменей и хлѣбныя запасы готовить велѣлъ, и людей былъ дати хотѣлъ же. И какъ де пріѣхалъ къ шаху онъ, Муртоза, а сказалъ, что воръ Ивашко Зарутцкой и Маринка въ Астарахани живутъ воровствомъ, а на Московскомъ государстве учинился государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., и земля государева утвердилась, и онъ де шахъ то все отставилъ, денежной казны и хлѣбныхъ запасовъ, и ратныхъ людей послати не почалъ.

Да въ нынешнемъ же во 123-мъ году декабря въ 19 день писалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Семень Протопоповъ: сказывалъ ему въ разговорѣ кивылбашского шахъ Аббасовъ купчина Хозъ Муртоза. Былъ онъ, Муртоза, въ Астарахани немалое время, а Астараханъ была въ воровской смуте. И какъ де воръ Ивашко Зарутцкой

съ Маринкою пришли въ Астарахань, а онъ, купчина, былъ при нихъ въ Астарахани жъ, и послалъ де Зарутцкой отъ себя къ шаху Ивана Хохлова да Якова Глядева зъ грамотами, называючи у себя Маринкина сына царевичемъ, чтобъ имъ шахъ далъ людей и на водную казны, будто имъ отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей Московское государство очищать. А ево, купчину, отпустилъ Зарутцкой къ шаху с-Иваномъ же да съ Яковымъ вмѣстѣ. И Иванъ де и Яковъ шаху грамоты отдали, и шахъ грамоты у нихъ принялъ, и велѣлъ Ивана держать въ крени за приставы, потому что съ нимъ, с-Иваномъ, послалъ изъ Астарахани въ вотай князь Иванъ Хворостининъ къ шаху грамоту о томъ, что учинился на Московскомъ государстве великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., и онъ бы, шахъ Аббасъ, тому вору Иванку Зарутцкому ни въ чемъ не вѣрилъ, а ево, Ивана, Иванко Зарутцкой прислалъ къ нему неволею. А после того послалъ шахъ въ Астарахань къ Зарутцкому посланника своего зъ грамотою, а приказалъ говорить: хто де будетъ на Московскомъ государстве царемъ, и онъ, шахъ, будетъ великому государю, брату своему, помогать казною и людьми, а ему, вору, помогать не хочеть. И какъ де они пришли въ Дербень и въ Дербени имъ сказали, что государева огниа Астараханское царство отъ воровскіе смуты очистилась, а воръ Иванко Зарутцкой съ Маринкою изъ Астарахани побежалъ. И шаховъ де посланникъ, послыша, го, изъ Дербени поворотился назадъ къ шаху.

Да въ нынешнемъ же во 123-мъ году писалъ ко государю воевода Петръ Головинъ. По государеву указу носилалъ онъ съ терскими съ ратными людьми и съ вольными атаманн, и казаки голову стрелецкого Василья Хохлова подъ Астарахань, а велѣлъ надъ воровъ, надъ Иванкомъ Зарутцкимъ, и надъ Маринкою промышляти. И Василей де Хохловъ съ ратными людьми государю служилъ и Астарахань отъ вора, отъ Иванка Зарутцкова, очистилъ до государевыхъ боляръ, до князя Ивана Никитича Одоевского, съ товарищи, приходу. А очиста Астарахань, привелъ астараханскихъ служилыхъ людей на государево имя хъ крестному целованью. А воръ де, Иванко Зарутцкой, съ Маринкою изъ Астарахани побежалъ съ невеликими людьми, и на дороге многихъ воровъ побили и живыхъ поймали, а Иванко Зарутцкой ушолъ на море съ невеликими людьми, и они за нимъ гоняли. И о томъ ко государю Василей Хохловъ писалъ.

Да въ нынешнемъ же во 123-мъ году писалъ ко государю съ Терки жъ воевода Петръ Головинъ. Ъздилъ де съ Терки въ Терки хлѣба купить Соловово приказу Протасьева стрелецъ Микатка Солодовъ,

а прїѣхавъ изъ Тарковъ, сказывалъ ему въ роспросе: какъ де были у шаха вора Ивашка Зарутцково посланники Иванъ Хохловъ съ товарищи, и шахъ де спрашивалъ Ивана Хохлова про Койсу и про Тарки: прежде того были на Койсе и въ Тарвахъ города стайвали ль? И Иванъ Хохловъ говорилъ шаху, что города на Койсе и въ Тарвахъ прежь того стайвали государевы. И шахъ де говорилъ: нѣ для чего на Койсе города ставить, хотя де и велю поставить, и тѣ де города будутъ за государемъ, а землю государевою владѣти не хочу.

Да въ нынешнемъ же во 123-мъ году мая въ 30 де(нь) писалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. съ Терки воевода Петръ Головинъ: писали къ нему изъ Кизылбашскіе земли изъ Шамахи казалецъ Иванъ Хохловъ да астараканской подъячей Богданъ Наврачѣвъ съ товарищи, которые посланы изъ Астарахани отъ литовки, отъ Маринки, да отъ вора, отъ Ивашка Зарутцково, къ шаху съ терскимъ коннымъ стрельцомъ Лукьянова приказу Вышеславцова въ Девяткомъ, что писалъ онъ, Петръ, къ нимъ съ Терки въ Кизылбаши въ Кенжу городъ, что Божіею милостию и заступленіемъ Пречистые Его Богоматери и святыхъ великихъ чудотворцовъ московскихъ онъ, Петръ, да голова стрелецкая Василей Хохловъ, соединясь и укрепясь накрепко, не хотя видети злово еретическое умыслу вора Ивашка Зарутцково, государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. крестъ целовали. И прося у Бога милости, посмалъ онъ подъ Астараханъ голову стрелецкое Василя Хохлова съ терскими съ ратными со многими людьми и съ терскими съ атаманы и казаки, и они, пришедъ подъ Астараханъ, Ивашковыхъ подъящиковъ Зарутцково побили и живыхъ поимали. И воръ Ивашко Зарутцкой съ Маринкою, видя свою погибель, изъ Астарахани побежали, и Астараханъ отъ воровъ очистилась. И по ево де отписке Иванъ Хохловъ да подъячей Богданъ Наврачѣвъ про государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. и про ево царское многолѣтнее здравье услыша, а на литовку Маринку и на Ивашка Зарутцково побѣду, тому всему обрадовались душами своими великою радостью, стали надежны на милость Божью и на великого государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. милость и жалованье, великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. крестъ целовали іюля въ 29 де(нь) въ Кенже городе на томъ, что имъ великому государю служить и прямили и добра хотѣти, и въ Кизылбашской землѣ другу отъ друга не отстати, и в-ныне города никуда не отѣхати, а ѣхати имъ вмѣсте ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Русіи. А въ шаху Иванъ Хохловъ изъ Кенжи послалъ толмча да стрельца бити челомъ объ отпуске, и о томъ къ

шаху писалъ, что Божією милостію Астараханъ и Терекъ отъ воровскихъ людей очистилась, и воръ Ивашко Зарутцкой съ Маринкою изъ Астарахани побезали, и астараханскіе всякіе люди государю врееъ целовали и учинились подъ ево царьскою высокою рукою по прежнему, а ево бѣ, Ивана, Хохлова, шахъ отпустилъ ко государю къ Москве.

Да въ нынѣшнемъ же во 123-мъ году іюня въ „ „ день писалъ ко государю съ Терки воевода Петръ же Головинъ: пріѣхали де исъ Тарковъ на Терекъ государевы посланники Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Бухаровъ, а съ ними пріѣхали на Терекъ Иванъ Хохловъ съ товарищи, которые были посланы отъ вора, отъ Ивашка Зарутцково, да отъ Маринки. И онъ на Терке Ивана Хохлова съ товарищи, приведчи къ государеву крестному целованью, отпустилъ ихъ къ государю къ Москве вмѣсте съ Михаиломъ Тихановымъ да съ Олексѣемъ Бухаровымъ.

И по государеву указу посланы съ Москвы по Ивана Хохлова съ товарищи татарскіе переводчики Курмоналѣй Кутлеяровъ да Семейка Ондрѣевъ, а велено имъ Ивана Хохлова съ товарищи привести къ Москве съ великимъ береженьемъ, чтобъ они отъ нихъ зъ дороги не ушли. И іюня въ „ „ день переводчики Курмоналѣй да Семейка Ивана Хохлова съ товарищи къ Москве привезли, и Иванъ Хохловъ съ товарищи розданы по приставомъ и сидятъ и по ся мѣста у приставовъ.

И ныне бьетъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Иванъ Хохловъ. Въ прошломъ де во 113-мъ году, при царѣ Борисе, посланъ онъ исъ Казани на годовые службы на Терекъ съ воеводою, с- Иваномъ Головинымъ, и въ прошломъ же де во 114-мъ году на Терке и въ Астарахани своровали, царю Василью креста не целовали. И въ томъ же де году присланъ изъ Казани на Терекъ братъ ево, Василей Хохловъ, съ стрелецкимъ приказомъ, а царю Василью крестъ целовали, и сотниковъ и стрельцовъ своего приказу ко кресту привелъ въ Астарахани. И на Терекъ пріѣхавъ, терскимъ людямъ розговаривалъ, чтобъ они царю Василью крестъ целовали. И терскіе люди отъ воровства не отстали, царю Василью креста не целовали, и ево за то и брата ево, Василья, бивъ на смерть и ограбя до нага, посадили въ тюрьму. И мучили животь свой полтора года. и розвели розно: отослали ево, Ивана, въ Астараханъ съ приставомъ, и въ Астарахани за приставомъ животь свой мучилъ же, и хотѣли убить до смерти. И какъ де Маринка и воръ Ивашко Зарутцкой пришли въ Астараханъ, и ево де послали въ Кизылбаши къ шаху неволею. И будучи де онъ у шаха, приказывалъ въ шаху съ купчиною, съ Хозъ Муртозою, что на Владимирскомъ и

на Московскомъ государстве и на всемъ великомъ Російскомъ государстве учинился государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., и шахъ бы Маринкину и Ивашкову воровству не повѣрилъ. Да билъ онъ челомъ шаху, чтобъ ево шахъ отпустилъ къ государю къ Москве. И по ево де челобитью отставилъ ево шахъ въ Кѣнже; а Якова Глядкова взялъ съ собою въ походъ, какъ пошелъ воевать Грузинскіе земли. И после де того онъ въ Кѣнже государю крестъ целовалъ и къ шаху послалъ апять бити челомъ, чтобъ ево отпустилъ къ государю къ Москве. И какъ де государевы посланники Михайло Тихановъ да Алексѣй Бухаровъ пришли къ шаху, и Михайло де ему, Ивану, сказалъ государево милостивое слово, что де писано къ нему отъ государя с-Иваномъ Бреховымъ, а велено де ему, Ивану Хохлову, итти къ государю къ Москве съ нимъ, съ Михайломъ, вмѣсте. И онъ де изъ Кизылбашъ пошелъ къ государю къ Москве съ Михайломъ Тихановымъ да съ Алексѣемъ Бухаровымъ вмѣсте. И какъ онъ будетъ въ Володимере, и по государеву де указу присланы въ Володимеръ изъ посольсково приказу Карманалѣй Кутлеаровъ да Семенъ Ондрѣевъ; а велено де имъ ево, Ивана, вести къ Москве за приставомъ, и рухлядь ево, что есть, велено отписать на государя. А ныне де онъ на Москвѣ сидитъ за приставомъ, и сидя за приставомъ, животъ свой мучитъ. И государь бы ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. его, Ивана, пожаловалъ, велѣлъ ево изъ за пристава освободить. А въ Кизылбаша онъ къ шаху посланъ неволею, и въ Кизылбашехъ въ неволе всякую нужу терпѣлъ, и государеву имани порухи ни въ чемъ не учинилъ.

И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу кизылбашской купчина Хозъ Муртова, противъ челобитной Ивана Хохлова, допрашиваеъ. А въ розиресе сказалъ: былъ онъ, купчина, въ Астарахани немалое время. И какъ де пришли въ Астараханъ воръ Ивашко Заруцкой съ Маринкою, и ево де, Муртозу, отпустили изъ Астарахани къ шаху, а съ нимъ послалъ воръ Ивашко отъ себя Ивана Хохлова неволею. И Иванъ де Хохловъ, пріѣхавъ къ шаху, приказывалъ съ нимъ, что ныне учинился на Московскомъ государстве и на всѣхъ великихъ Російскихъ государствахъ великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., и шахъ бы Маринкину и Ивашкову воровству вѣри не понималъ, а его, Ивана, послалъ къ нему Ивашко Заруцкой неволею, и шахъ бы ево, Ивана, отпустилъ ко государю къ Москве. И по ево де челобитью шахъ оставилъ его въ Кенже, и онъ, Иванъ, изъ Кенжи къ шаху послалъ бити челомъ въ другорядъ, чтобъ ево шахъ велѣлъ отпустить ко государю, а вору бѣ Ивашку Заруцкому и Маринке ни въ чемъ не вѣрилъ.

И іюля въ 12 де(нь) думной діакъ Петръ Третьяковъ сю выписку Ивана Хохлова вверхъ носилъ и государя докладывалъ. И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., слушавъ сее выписки, Ивана Хохлова пожаловалъ, для своего царского ангела хранителя, велѣлъ его отъ пристава свободити за брата его, за Васильеву, службу Хохлова. А въ отъѣзде и во всякомъ воровствѣ приказалъ государь взяти по немъ поручную запись. И по Иване Хохлове взята поручная запись такова. А въ записи пишеть ¹⁾.

Царю государю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой, Ивашка Хохловъ. Какъ ты, государь, меня, холопа своего, изъ за пристава велѣлъ свободити и дати на поруки зъ записью, что мнѣ, холопу твоему, ставитца въ посольскомъ приказе передъ твоимъ государевымъ думнымъ діакомъ, передъ Петромъ Третьяковымъ, до твоего государева указа. И ныне ты, государь, меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ бити въ Казани по прежнему. И поручники, государь, мои, которые меня ручали, о порушной записе мнѣ говорятъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., пожалуй меня, холопа своего: вели, государь, порушную мою запись мнѣ отдать! Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотъ помѣта: Запись отдать ²⁾.

Да память князю Ивану жъ Михайловичю да дьяку Ивану Сукину. Въ прошломъ во 123-мъ году декабря въ 29 де(нь) билъ челомъ государю царю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи персидского шахъ Аббасовъ гонецъ Ховъ Муртоза, а сказалъ: какъ де онъ пріѣхалъ съ Терки въ Астараханъ въ судне, и къ судну де пріѣхалъ къ нему діакъ Василей Юдинъ и взялъ у него шахову грамоту и шаховы поминки, и свою грамоту, что писана отъ шаха къ боярину, ко князю Ивану Никитичю Одоевскому да къ окольному къ Семену Васильевичю Головину, да къ нему, къ діаку, къ Василью Юдину. А после де того прислали они къ нему на гиланское подворье тое шахову грамоту съ подъячими, зъ Богданомъ да съ Михайломъ, а чьи словуть, того онъ не вѣдаетъ. А после де его пріѣзду, спустя день съ пять, прислалъ къ нему на подворье окольной Семень Головинъ человекъ своего, — въ рожоу его онъ знаетъ, а имени его не вѣдаетъ, — а былъ де тотъ

¹⁾ Записи въ дѣлѣ не оказалось.

²⁾ Здѣсь оканчиваются отдѣльныя выписки, далѣе слѣдуетъ общее дѣло.

Семеновъ человекъкъ прежь того у вора, у Ивашка Заруцкогo, ближней вѣрной человекъкъ, а приказывалъ де Семень къ нему съ тѣмъ своимъ человекъкомъ, чтобъ онъ, Муртоза, побывалъ у него на подворье. И онъ де, Муртоза, къ Семену на подворье ходилъ. А какъ онъ пришолъ къ нему въ хоромы, и въ тѣ поры де толмача не было, а велѣлъ Семень толмачить мальцу своему, татарченку, лѣтъ въ десеть или всего въ двенатцать, а тотъ де малецъ былъ у вора-жь, у Ивашка Заруцкогo, а говорилъ де ему Семень, чтобъ онъ ему перепустилъ по своей ценѣ двѣ сабли булатныя, да два ковра, да каменья. И онъ де, Муртоза, Семену въ томъ отказалъ, сабель ему и ковровъ не продалъ. А виделъ онъ въ тѣ поры у Семена въ горнице коверъ полковъ большой, а посланъ де былъ тотъ коверъ отъ шаха къ царю Борису съ нимъ, Муртозою, въ поминкахъ, и какъ де воръ Ивашко Заруцкой съ Маринкою были въ Астарахани, и тотъ коверъ у него Ивашко взялъ. И онъ, Муртоза, того ковра у Семена просилъ, и Семень де ему того ковра не отдалъ, а сказалъ, что онъ тотъ коверъ купилъ у казаковъ, а что за него далъ, и того ему не сказалъ. И Семень де его отъ себя съ подворья отпустилъ. И онъ, Муртоза, после того въ розрядъ къ боярину ко князю Ивану и къ Семену, и въ дѣяку ходилъ самъ о своемъ отпуске бити челомъ четырже, чтобъ ево изъ Астарахани отпустили ко государю въ Москве. И они де ево изъ Астарахани ко государю не отпустили, а держали четыре недѣли. И онъ, Муртоза, послалъ къ нимъ по подворьямъ отъ себя подарковъ съ толмачомъ, съ Васильемъ, боярину князю Ивану Никитичю Одоевскому трои дороги розныя цвѣты, два сабяна, да три кидяка; а окольникему Семену послалъ былъ онъ подарковъ меньши того. И Семень де тѣхъ ево подарковъ не взялъ, а приказалъ къ нему, чтобъ онъ, Муртоза, прислалъ подарковъ тожь, что и князю Ивану, а онъ въ Астарахани ровень со князь Иваномъ. И онъ де ходилъ въ розрядъ къ боярину и воеводамъ бити челомъ: для чего у него взяли съ судна зятя его и ево въ дороги воротили? И боярипъ де и воеводы ему сказали, что билъ челомъ на него, Муртозу, и на его зятя кизылбалпенинъ Назанъ, будто онъ, Муртоза, велѣлъ тому зятю своему, Хозю, Назанова племяннива убить въ прошломъ во 119-мъ году, и для того они зятя его велѣли отъ него съ судна взяти. И онъ, Муртоза, имъ билъ челомъ: какъ де Назанъ былъ у государя ихъ, у шаха, съ ними вмѣсте, и онъ шаху на него и на зятя его не бивалъ челомъ, а въ Астарахани жилъ онъ четыре недѣли, и Назанъ на нихъ имъ не бивалъ же челомъ, а ныне Назанъ бьетъ челомъ, какъ ево отпустили изъ Астарахани.

И держали де ево въ Астарахани после того три дни. И онъ де, Муртоза, послалъ къ нимъ о своемъ отпуске бити челомъ тезика Магмута и Сембура. И бояринъ де князь Иванъ и Семень приказали къ нему съ тѣмъ тезикомъ, чтобъ онъ прислалъ къ нимъ по дватцати по пяти золотыхъ, да по двои дороги, да по два ансыря шолку арясково, и они ево ко государю изъ Астарахани отпустятъ тотчасъ. И онъ де, Муртоза, послалъ къ нимъ съ тѣмъ тезикомъ по десети золотыхъ, и тѣхъ де золотыхъ они у него не взяли, а приказали, чтобъ онъ къ нимъ прислалъ сполна по дватцати по пяти золотыхъ. И онъ де, Муртоза, послалъ къ нимъ по пятинатцати золотыхъ, и они де и тово не взяли. И онъ де послалъ къ нимъ по дватцати золотыхъ, и они де золотые у тезика взяли, а приказали къ нему съ нимъ, чтобъ онъ прислалъ къ нимъ ещо по двои дороги, да по два ансыря шолку аряского. И онъ де, Муртоза, то все по ихъ прошенью послалъ съ тѣмъ же тезикомъ. Да ему жъ де учинилось убытка воеводцѣмъ людемъ и приставомъ, и толмачемъ пять рублевъ; да сверхъ того взяли по немъ въ Астрахани поруку десети человекъ кизылбашенъ и бухарцовъ, и армянъ въ томъ, что ему, бывъ на Москвѣ у государя, прѣхать опять въ Астараханъ; а хто именемъ по немъ ручался, того онъ не упомнить; а ималъ де по немъ запись поручную приставъ его Данило. А взявъ по немъ поручную запись, изъ Астарахани его отпустили после коровану, а корованъ де пошелъ напередъ его, и онъ де доезжалъ корованъ три дни, а для поспешенья въ греблю сажалъ людей своихъ, чтобъ ему корованъ съѣхать. А дьякъ де Василий Юдинъ о подаркахъ къ нему ни съ кѣмъ не приказывалъ, а послалъ былъ онъ къ нему для почести пять золотыхъ собою. И онъ де тѣхъ золотыхъ не взялъ, а прислалъ къ нему назадъ, и боярину и воеводамъ объ его отпуске говорилъ, чтобъ его изъ Астарахани отпустили къ Москвѣ. Да въ Астарахани жъ де мечеть ихъ была запечатана, гдѣ они по своей вѣре Богу молятца, и онъ де о томъ воеводамъ билъ челомъ, чтобъ они велѣли мечеть имъ отпечатать, и они де тое мечети не отпечатали. А какъ имъ далъ отъ того по двои дороги, и они де велѣли и мечеть отпечатать. Да прѣехали де въ Астараханъ кизылбашскіе торговые люди съ товары, и воеводы де имъ лавокъ не даютъ и товары ихъ запечатываютъ, и тѣ де товары воляютца по гилянскому двору. И съ кого де возьмутъ поминки, тѣмъ и лавки подаютъ. И оттого де прѣвзимъ людемъ чинитца продажа великая. Да ѣхали де съ нимъ изъ Астарахани въ Казанъ тезики, четыре ихъ человекъ, юргенецъ Девлетъ бай, да кошанецъ Дербышъ Магметъ, да два гилянца,

Рахметъ, да Кемаль 1) Астарахани бояринъ и воеводы. взявъ съ нихъ золотыхъ, а сколько взяли золотыхъ, того онъ допрямо не вѣдаетъ, и ныне де тѣ тезики въ Казани. Да въ Астарахани жъ де на бухарскомъ и на гиланскомъ дворѣ тезики живутъ лѣтъ по десети и по пятинатцати, а иные и больши, и какъ де пріѣдутъ въ Астараханъ новыя торговые люди, и тѣ де тезики у тѣхъ новыхъ торговыхъ людей товары покупаютъ украдомъ и продаютъ врознь, а на пріѣзде де съ тѣхъ съ пріѣзжихъ торговыхъ людей государеву пошлину емлютъ сполна, а тѣ де тезики государевы пошлины не платятъ, и та де пошлина у государя пропадаетъ. А какъ де людей узарочные товары . . тезики сказываютъ про тѣ товары боярину и воеводамъ, и бояринъ де и воеводы емлютъ у нихъ товары, а деньги даютъ немногіе. И для того де воевоцкаго насильства, съ товаромъ ѣздити иноземцы въ Астараханъ не хотятъ. Да на бухарскомъ же и на гиланскомъ дворѣ живутъ армяне¹ зъ женами и зъ детьми бе(зъ) съѣзду лѣтъ по тритцати и больши, называютца де крестьяны. А при царѣ де Борисе тѣ армяне съ тѣхъ дворовъ были сведены. Да пріѣзжимъ же де людямъ продажа великая отъ таможенныхъ головъ и отъ целовальниковъ: емлютъ пошлины передъ прежнимъ лишекъ.

И „ “ пріѣхавъ въ Астраханъ, будетъ бояринъ, князь Иванъ Никитичъ изъ Астарахани роспросити про то боярина. тича Одоевского, до окольникяго Семена Васильевича Головина и дьяка Василья Юдина противъ сего Муртозина челобитья, какъ писано въ семъ наказе, подлинно, порознь, накрепко, чтобъ они того ничего не утаили, а сказали про то про все въ правду, по государеву ц. и в. вн. Михаила Ѳедоровича в. Р. крестному целованью: для они чего у Хозь Муртозы шахову грамоту діаву Василью Юдину велѣли иматъ, и назадъ тое шахову грамоту къ нему на подворье отослали ль, и съ кѣмъ ее отослали: съ подъячимъ ль Богданомъ да съ Михайломъ отослали, или с-ынымъ съ кѣмъ? и на подворье къ нимъ Муртоза подарки приносилъ ли, и кому сколько (?) принесъ? и для чего зятя его, Хозь Магметя, отъ него съ судна приставу его Данилу имати и ковать велѣлъ: по Назанову ль челобитью велѣли его съ судна взяти и ковать, или в-ыномъ въ какомъ дѣле? и для чего его, Муртозу, въ Астарахани держали долгое время, а ко государю не отпустили? и о своемъ отпуске въ розрядъ къ нимъ бити челомъ коли Муртоза прихаживалъ ли, чтобъ ево изъ Астарахани отпустили ко государю

1) Столбцы, числомъ 9, попорчены; такія мѣста обозначены точками.

къ Москвѣ, и что ему отв. и для чего самъ къ нимъ прихо самъ о своихъ дѣлахъ и объ отпуске (?) бити челомъ въ розрядъ не прихаживалъ? Тѣмъ они дѣлали государеву имени позоръ тезика Магмута и Сембура о своемъ же отпуске бити челомъ по подворьямъ прислали ли? и съ тѣмъ тезикомъ Магмутомъ и Сембуромъ бояринъ князь Иванъ Никитичъ Одоевской и околничей Семень Васильевичъ къ нему, къ Муртозѣ, приказывали-ль, чтобъ онъ къ нимъ прислалъ по двадцати по пяти золотыхъ, да по двои дороги, да по два ансыря полку арыского, а они ево отпустятъ изъ Астарахани ко государю тотчасъ? И Муртоза къ нимъ съ тѣмъ тезикомъ по дватцати золотыхъ да по двои дороги, да по два ансыря полку отъ своего отпуску, чтобъ ево отпустили ко государю, прислалъ ли? а они то у того тезика все взяли ль? и поруку по немъ для чего велѣли иматъ въ томъ, что ему, бывъ на Москвѣ у государя, приѣхать опять въ Астарахань, и въ какомъ дѣле взяли и хто имяны . . . и кому именемъ вел иматъ по немъ поручную запись, и гдѣ та ныне ево поручная запись, и для чего они ему, Муртозѣ, по его челобитью мечети безъ подарковъ не отпечатали, и отъ того, что мечеть отпечатать, у него по двои дороги взяли? Да и про то ему окольникего Семена Васильевича Головица допросити накрепко: какъ того человѣка его именемъ зовутъ и чей словеть, что бывалъ у вора, у Ивашка Заруцкого, а ныне у него служить, и гдѣ онъ нынѣ, и гдѣ тотъ человѣкъ ныне, съ кѣмъ Муртоза былъ (?) и кого онъ ныне? И коверъ шолковъ у него есть ли и гдѣ тотъ коверъ взялъ, и у кого именемъ взялъ или купилъ, и что за него далъ? Да того Семенова человѣка и татарченка, и коверъ отъ Семена взяти и ихъ роспросити про то про все подлинно, розводя порознь, накрепко, какъ ихъ по имяни зовутъ и чьи словуть, и служивали ль у вора, у Ивашка Заруцкого, или у иного кого служивали? и давно ль они у Семена служатъ и для чего его Семень хъ визылбапскому гонцу, къ Хозе Муртозѣ, на подворье посылалъ: для-ль того, чтобъ онъ, Муртоза, побывалъ у него на подворье, или для иного какого дѣла? и какъ Муртоза былъ у него въ хоромехъ и что съ нимъ, Муртозою, Семень говорилъ: о томъ ли говорилъ, чтобъ онъ ему перепустилъ двѣ сабли булатныхъ да два ковра и каменя, или об-ыномъ о чемъ съ нимъ говорилъ, а тотъ татарченокъ у нихъ въ тѣ поры толмачилъ? и коверъ у него шолковъ есть ли? и гдѣ онъ тотъ коверъ взялъ или купилъ, и у кого именемъ взялъ или купилъ, и что за него денегъ далъ? и подарковъ что Муртоза къ нему, Семену, съ толмачомъ съ Васильемъ

да съ тезикомъ съ Магмутомъ и Сенбуромъ присылывалъ ли, и отъ своего ль отпуску какихъ подарковъ прислалъ . . . кой съ товарищи. Да и толмача Василья допросити накрепко жъ: отъ кизылбашского купчины, отъ Хози Муртозы, къ боярину, ко князю Ивану, подарковъ трои дороги розные цвѣты, да два сабьяна, да три киндяка, а къ Семену подарковъ меньше того относилъ ли? и Семень тѣ подарки взялъ ли, или отослалъ назадъ къ Муртозѣ, а приказалъ съ нимъ къ Муртозѣ, чтобъ прислалъ къ нему подарковъ тожъ, что и князю Ивану, а онъ со княземъ Иваномъ въ Астарахани ровенъ? И Муртоза подарковъ тожъ, что князю Ивану, къ Семену съ нимъ послалъ ли? и Семень у него тѣ подарки принялъ ли? А къ діаку къ Василью Юдину подарковъ кутню да дороги, да два сабьяна, да два киндяка послалъ ли? и съ нимъ ли, съ Васильемъ, или по Семенову жъ пригазу подарки какіе прислалъ? Да будетъ только тѣ Семеновы люди по сыску и по роспросу дойдутъ и до пытки, и ему велѣти ихъ пытати накрепко. Да на ково учнутъ они въ роспросе и съ пытки говорити, и ему велѣти тѣхъ людей сыскивати и ихъ роспрашивати по тому жъ подлинно, порознь розводя. И которые дойдутъ по сыску и по роспросу до пытки, и ему и тѣхъ людей по тому жъ велѣти пытати, а дѣла прямого доискиватца. Да и подъячихъ, Богдана да Михайла, которые шахову грамоту относили назадъ къ Хозѣ Муртозѣ, распросити жъ, розводя порознь: хто съ ними тоѣ грамоту къ Муртозѣ послалъ и для чего ее бояринъ и воеводы послалъ, или с-ынымъ съ кѣмъ? и для-ль своей почести онъ къ нимъ подарки посылалъ или они къ нему сами приказывали? А будетъ въ томъ дойдутъ пытки, и ихъ въ томъ пытати накрепко, а чтобъ однолично про то сыскати вправду. Да и Данила, которой былъ у него, Муртозы, въ Астарахани въ приставстве, о томъ допросити жъ накрепко: по чьему онъ велѣнью у него, Муртозы, съ судна зятя его, Хозъ Магметя, ималъ и въ чепъ и въ желѣза ево сажалъ? и для какова дѣла ималъ и ковалъ: по Назанову-ль челобитью, или в-ыномъ въ какомъ дѣле? и одинъ ли онъ по немъ поручную запись ималъ, или не одинъ? и будетъ не одинъ, и хто съ нимъ товарищей въ тѣ поры иманы были? И про подарки онъ что вѣдаетъ ли, или у кого слышелъ, что Муртоза посылалъ подарки къ боярину, ко князю Ивану Одоевскому съ товарищи? и отъ своего ль отпуску посылалъ, или по ихъ прошенью онъ подарки посылалъ? и сколько какихъ подарковъ хъ кому послалъ, и съ кѣмъ именемъ отсылалъ? и поручную запись онъ ималъ ли, что ему, Муртозѣ, бывъ у государя на Москвѣ, приѣхать назадъ въ Астарахань? И будетъ ималъ и хто ему такую запись по немъ велѣлъ имать, и гдѣ та запись

ныне? Да гдѣ онъ тое поручную запись скажетъ, и ему та поручная запись взяти и приклеить тутъ же въ дѣлу и привести ее ко государю къ Москве съ собою вмѣсте. А будетъ тотъ Данила учнетъ въ томъ во всемъ запирацца, а по роспросу дойдетъ будетъ и до пытки, и ево въ томъ во всемъ велѣти пытать. Да будетъ онъ въ роспросе и съ пытки учнетъ на ково пмянно говорити, и ему и тѣхъ людей сыскивати, а сыскавъ, потому жъ ихъ роспрашивати и сыскивати про то про все накрепко. Да и кызылбашенина Назана, будетъ онъ ныне въ Астарахани есть, о томъ допросити жъ накрепко: билъ ли онъ челомъ на Муртозу и на зятя его, на Хозъ Магмета, въ Астарахани боярину и воеводамъ? И будетъ билъ челомъ, и въ каковѣ дѣле билъ челомъ: въ томъ ли, что онъ, Муртоза, велѣлъ тому зятю своему ево, Назанова, племянника убить въ прошломъ во 119-мъ году, или в-ыномъ въ какомъ дѣле, и въ тѣ-ль поры на нихъ онъ билъ челомъ, какъ онъ, Муртоза, хотѣлъ изъ Астарахани ѣхать, или ранее того?—чтобъ онъ про то про все сказалъ вправду, не утая ничего. Да и тезиковъ, и армянцовъ, и бухарцовъ, которые по Муртозѣ ручались, потому жъ роспросити накрепко: такову они на себя запись давали ль? и будетъ давали, и въ какомъ дѣле, и хто тое запись имяны у нихъ ималъ: приставъ ли Муртовинъ, или иной хто? и одинъ ли онъ ималъ, или с-ынными своими товарищи, и какъ тѣхъ ево товарищей имяны зовутъ, и хто имъ такую запись велѣлъ у нихъ имать? Да и тезика Магмута и Сембура о томъ допросити жъ: посылалъ ли ево Хозъ Муртоза въ боярину, ко князю Ивау Никитичю Одоевскому да къ окольничему къ Семену Васильевичю Головину по подворьямъ о своемъ отпуске бити челомъ, чтобъ они ево отпустили ко государю къ Москве, и они съ нимъ къ нему, Муртозѣ, приказывали ль, чтобъ онъ къ нимъ прислалъ по дватцати по пяти золотыхъ да по двои дороги, да по два ансыря шолку арясково; а они ево отпустятъ изъ Астарахани ко государю къ Москве тотчасъ? И Муртоза съ нимъ, Магмутомъ, золотые и дороги, и шолкъ къ нимъ посылалъ ли, или вѣтъ? и будетъ посылалъ, и бояринъ князь Иванъ и Семень золотые и дороги, и шолкъ у него взяли-ль, или вѣгъ? А роспрося ихъ про то про все накрепко, какъ писано въ семъ наказе, велѣти подъячихъ и тезика Магмута и Сембура, и пристава его Данила, и толмача Василья, и Семеновыхъ людей, и иныхъ людей, до которыхъ дѣло будетъ дойдетъ, подавати на крепкіе поруки зъ записми въ томъ, что имъ изъ Астарахани до тѣхъ мѣстъ, повамѣста дѣло вершитца, никуды не съѣхати. А будетъ по которыхъ людехъ поруки не будетъ, и ему тѣхъ людей роздати по приставомъ и велѣти ихъ беречи

накрепко, чтобъ они отъ нихъ никуда не ушли и дурна казюво не учинили. А самому ему „ “ после того обыскати про то прѣ все въ Астарахани всякими сыски накрепко, ни по вѣмъ не покрывал, архимариты и игумены, и старцы—по иноческому обещанью, а протопоцы и поны, и дьяконы,—по священству, а дворяны и детьми боярскими, и приказными людьми, и старосты, и целовальники, и посадскими, и всякими тутошними и прїѣзжими людьми—по государеву цареву и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному целованью: какъ Муртоза съ Терки въ Астарахань прїѣхалъ, и къ судну діажъ Василей Юдинъ прїезжалъ ли? и грамоту, что писана къ государю отъ шаха у Ховъ Муртозы онъ, Василей, взялъ ли? и для чего тое грамоту, что послана съ нимъ была ко государю, къ себѣ имали, и навадъ тое грамоту къ Муртозѣ они съ кѣмъ отослали-ль? и съ подъячимъ ли съ Богданомъ да съ Михайломъ отослали, и чьи словуть Богданъ да Михайла? а окольничей Семень Васильевичъ къ Муртозѣ на подворье чловѣка своего посылалъ ли, и ково именемъ посылалъ: того-ль чловѣка, что прежь сего служивалъ у вора, у Ивашка Заруцкого, или иного которого, и ныне тотъ Семеновъ чловѣкъ у него ли, или нѣтъ? и будетъ нѣтъ, и гдѣ онъ ныне, и съ чѣмъ его Семень къ Муртозѣ на подворье посылалъ: съ тѣмъ ли, чтобъ онъ у него на подворье побывалъ? и будетъ для того, и Муртоза къ Семену на подворье ходилъ ли, или нѣтъ? и кто въ тѣ поры у Семена какихъ людей на дворѣ иманы были, какъ онъ, Муртоза, къ нему на подворье приходилъ? и о томъ ли ему Семень говорилъ, чтобъ онъ ему перепустилъ двѣ сабли булатныя да два ковра и камня по своей ценѣ, или об-ыномъ о чемъ? и кто въ тѣ поры ему толмачилъ, какъ онъ ему о сабляхъ говорилъ? Семеновъ ли малецъ татарченокъ, которой служивалъ у вора, у Ивашка Заруцкого, или иной кто толмачилъ? и ныне тотъ татарченокъ у него-ль, Семена, и давно-ль у него служить? И у Семена коверъ шолковъ есть ли, и сколь великъ, и гдѣ онъ тотъ коверъ: взялъ или купилъ, и у кого именемъ взялъ или купилъ, и сколь давно и что за него далъ? И сколько его, Муртозу, въ Астарахани держали? и на подворье онъ къ боярину ко князю Ивану Одоевскому да къ окольничему къ Семену Головину по камѣ по цветной; да по трои дороги, да по два сабяна, да по три киндяка послалъ ли и отъ своего ли отцуску, или собою къ нимъ для почести послалъ, и съ кѣмъ именемъ послалъ: съ толмачемъ ли, съ Васильемъ, послалъ, или съ кѣмъ с-ынымъ? и кто тѣ подарки у нихъ на подворье людей ихъ иманы принималъ, и сторонніе люди въ тѣ поры кто былъ ли, и кто иманы, или кому про то про все подлинно

вѣдомо? а какъ онъ, Муртоза, хотѣлъ въ судне отпуститца отъ берега, и отъ боярина, отъ князя Ивана Никитича Одоевского, съ товарищи, въ нему на судно приставъ Данила по зятя его, Хозъ Магметя, приходилъ ли? и чей Данила словеть, и въ какомъ дѣле зятя его велѣли они взяти: по Назанову-ль челобитью, или въ какомъ в-инномъ дѣле? и для чего его держали после того въ Астарахани три дни, а корованъ отпустили? И Муртоза къ боярину и воеводамъ о своемъ отпуске, чтобъ ево отпустили ко государю, тезика Магмута и Сембура бити челомъ послалъ ли? и бояринъ князь Иванъ да окольникей Семень съ тѣмъ тезикомъ Магмутомъ къ нему приказывали-ль, чтобъ въ нимъ прислалъ, къ двумъ, по дватцати по пяти золотыхъ да по двои дороги, да по два ансыря шолку арыского, а они ево отпустятъ ко государю въ Москве? и будетъ приказывали, и съ кѣмъ приказывали? И Муртоза къ нимъ отъ того съ тѣмъ тезикомъ золотые и виндяки, и шолкъ послалъ ли, и записъ поручную по немъ въ томъ взяли-ль, что ему, бывъ на Москвѣ, приѣхать опять въ Астараханъ? и будетъ поручная записъ такова взята, и хто имяни по немъ какихъ людей ручались и записъ имали? Да онъ же, Муртоза, боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Одоевскому да окольникему Семену Васильевичю Головину отъ мечети, чтобъ ему они велѣли мечеть отпечатать, по 2 дороги даль ли? а прежь сего та мечеть для-ль ихъ Перситцкіе земли торговыхъ и всякихъ людей поставлена, или про иного кого поставлена, и до тѣхъ мѣсть ее печатывали-ль, или нѣтъ? А которые торговые люди приезжаютъ изъ Кызылбашъ съ товары, и бояринъ князь Иванъ и окольникей Семень тѣмъ торговымъ людямъ лавки на товары давать велютъ ли, и не исъ посулу-ль лавки велютъ имъ давать? И не валяютца-ль тѣхъ торговыхъ людей товары по двору, которые торговые люди поминковъ къ нимъ не принесуть? И продажи какіе тѣмъ торговымъ людямъ отъ воеводъ нѣтъ ли, или есть? и будетъ есть, и кому которымъ иноземцомъ продажу чинили и чѣмъ чинили? и сколько съ тезиковъ, съ четырехъ человекъ, которыхъ отпустили изъ Астарахани въ Казань, золотыхъ взяли? да тѣхъ тезиковъ въ Казани допросити: сколько они отъ своего отпуску въ Астарахани воеводамъ золотыхъ дали? И тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у новыхъ у приѣзжихъ людей товары какіе украдомъ покупаютъ ли, и узарочные товары бояринъ и воеводы на себя у тѣхъ новопріѣзжихъ людей емлютъ ли? и будетъ емлютъ, и деньги тѣмъ торговымъ людямъ за тѣ товары даютъ ли? и будетъ даютъ, и сполна ль за какіе товары деньги по ценѣ даютъ или не сполна? И сколько лѣтъ которой арменинъ въ

Астарахани на гиланскомъ и на бухарскомъ дворѣ живеть? и при царѣ Борисе тѣ армяня зъ гиланского и зъ бухарского двора сведены-ль были, или нѣтъ? и будетъ сведены были, и гдѣ въ тѣ поры жили, и почему ныне опять на тѣхъ дворе(хъ) живутъ. Да и тезиковъ, кызылбашанъ и бухарцовъ, и юргенцовъ, которые въ Астарахани ныне, розпросити же накрепко, чтобъ они сказали правду по своей вѣре, по шерти: какъ они пріезжали изъ своихъ земель въ Астараханъ съ товары, и окольничей Семень Головинъ имъ на товары лавки давати велѣлъ ли, и не изъ посуловъ ли давати велѣлъ? и будетъ оттого ималъ посулы, и сколько чего у кого имянемъ взялъ? И до тѣхъ мѣсть, покаймѣста посуловъ возьметъ, товары ихъ по двору не валялися ли? и будетъ валялися, и чьи имянемъ товары по двору валялися? и насильства и продажъ имъ отъ Семена Головина не было ли? и будетъ было, и кому имянемъ какое насильство Семень Головинъ учинилъ? Ихъ же братья тезиви, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у нихъ, у пріѣзжихъ торговыхъ людей, товары какіе украдомъ покупали ли? и кто имянемъ, сколько какихъ товаровъ у кого имянемъ украдомъ купилъ? И какъ пріезжали они въ Астараханъ, и у нихъ у кого имянемъ сколько какихъ товаровъ узорочныхъ было, и кто имянемъ воеводамъ про тѣ узорочные товары на нихъ сказывалъ, и тѣ узорочные товары бояринъ и воеводы у нихъ, у новопрѣзжихъ людей, имали ли? и будетъ имали, и у кого имянемъ сколько какихъ узорочныхъ товаровъ взяли, и деньги имъ, торговымъ людямъ, за тѣ товары бояринъ и воеводы сполна ли платили? или не сполна? и будетъ не сполна, и кому имянемъ за какіе товары сколько рублей денегъ не доплатили. Да и тѣхъ тезиковъ, которые на гиланскомъ и на бухарскомъ дворѣ живутъ лѣтъ по пятнадцати и больши, про то розпросити накрепко: какъ пріѣдутъ въ Астараханъ новые торговые люди, и они украдомъ товары у нихъ покупаютъ ли, и пошлины съ тѣхъ товаровъ въ государеву казну платятъ ли? и про узарочные товары боярину и воеводамъ они сказываютъ ли? и будетъ сказываютъ, и бояринъ и воеводы тѣ узарочные товары себѣ емлютъ ли, а деньги за тѣ товары тѣмъ торговымъ людямъ даютъ ли? и сполна-ль даютъ по ценѣ деньги, или не сполна? и продажи отъ воеводъ тѣмъ пріѣзжимъ новымъ торговымъ людямъ какіе нѣтъ ли? И сколько лѣтъ на которомъ дворѣ которой арменинъ именемъ живеть? и при царѣ Борисе съ тѣхъ дворовъ они сведены ль были? и будетъ сведены были, и гдѣ въ тѣ поры жили и почему они ныне опять на тѣхъ дворехъ живутъ? и отъ таможенныхъ головъ и отъ целовальниковъ торговымъ пріѣзжимъ людямъ какіе продажи нѣтъ ли, и государевы

пошлины съ товаровъ ихъ емлютъ ли? и по прежнему-ль государеву указу пошлины емлютъ, или лишекъ передъ прежнимъ? и сколько лишку съ казихъ товаровъ передъ прежнимъ взято? и въ государеву-ль казну тѣ пошлины иманы, или таможенные головы и целовальники сами тѣми пошлины завладѣли? Да хто что въ роспросе и съ пытки, и въ обыску про то про все скажетъ, и „ „ велѣти тѣхъ имена и рѣчи написать на списокъ земскому или церковному дьячку подлинно, порознь, по статьямъ, да къ тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ велѣти обыскнымъ людямъ руки свои приложить. А которые обыскные люди грамоте не умѣютъ, и въ тѣхъ мѣсто велѣти руки прикладывать отцомъ ихъ духовнымъ, да тѣ обыскные рѣчи за обыскныхъ людей, за своими руками, привести ко государю, къ Москве, и отдать въ посольскомъ приказе діаконъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчукову. А о томъ обыскнымъ людямъ говорити накрепко, чтобъ они про то про все, что въ семъ наказе писано, сказывали въ правду, что вѣдаютъ, не утая ничего, и ни по комъ не покрывая. А будетъ они про то про все правды не скажутъ, а опосле про то сыщется, и тѣмъ людямъ быти отъ государя въ великой опале.

Да память „ „.

Билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичу в. Р. Хозь Муртоза. Какъ де пошолъ шахъ изъ Грузинскіе земли на Симанову землю, и ево, Хозя Муртозу, послалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичу в. Р. зъ грамотою, и онъ ѣхалъ до Гирѣя князя кумыцкаго, и Гирѣй де князь держалъ ево у себя долгое время, недѣль съ пятнатцать. И онъ, Муртоза, послалъ отъ себя изъ Кумыкъ дву человекъ и съ ними писалъ на Терку къ воеводе, къ Петру Головину, чтобъ подъ него прислалъ судно, какъ ему мочно на чемъ поднятца. И воевода де Петръ прислалъ къ нему сотника да десяти человекъ стрельцовъ зъ двумя лотки. И онъ, Муртоза, съ ними изъ Кумыкъ на Терку пріѣхалъ и подарилъ онъ сотника для почести: далъ ему дороги да киндякъ, да сабянъ. Да стрельцомъ далъ три рубли. А какъ онъ на Терку пріѣхалъ, и съ Терки у Петра Головина просился, чтобъ ево на Терке задержати не велѣлъ, отпустилъ бы ево ко государю къ Москве, и грамоту онъ и поминки Петру казалъ и для почести послалъ онъ отъ себя къ Петру на подворье зъ гиланцомъ, съ Шехайдаромъ, камбу да дороги, да сабянъ, да киндякъ, да голову сахару. И Петръ у него то все принялъ, а на завтрее де тѣ ево подарки прислалъ къ нему назадъ съ толмачемъ съ Васильемъ, а чей Василей словоетъ, того онъ не упомнить; а приказалъ де съ нимъ, чтобъ онъ, Муртоза, прислалъ

къ нему подарковъ больши того, и онъ ко государю ево отпустить вскоре. И онъ, Муртоза, въ другорядъ къ нему подарковъ ничево не послалъ. И Петръ де за то ево держалъ на Терке двѣ недѣли. А о своемъ онъ отпуске ходилъ въ Петру бити челомъ двожды, чтобъ ево Петръ велѣлъ отпустить въ Асторахань. И Петръ ево отпустилъ съ Терки въ Астарахань зъ Гирѣевымъ посломъ вмѣсте въ одномъ судне, и ево де, Муртозу, тѣмъ обесчестилъ, что ево посадилъ зъ Гирѣевымъ посломъ въ одномъ судне. И о томъ онъ Петру говорилъ многижда, чтобъ ево, Муртозу, зъ Гирѣевымъ посломъ въ одномъ судне не сажалъ, а далъ бы ему особое судно. И Петръ де ево не послушалъ, а посадилъ ево зъ Гирѣевымъ посломъ въ одномъ судне, а ему де было зъ Гирѣевымъ посломъ въ одномъ судне ѣхати не вмѣстно.

И князю Ивану Михайловичю да „ “ въ Астарахани у воеводъ у „ “ съ товарищи взяти дворянина добра или голову стрелетцого и послати на Терекъ, а велѣти ему на Терке сыскати сотника стрелетцого и стрельцовъ, которыхъ посылалъ Петръ Головинъ въ Кумыки по кизылбашского купчину, по Хозъ Муртозу; а сыскавъ того сотника и стрельцовъ, розпросити порознь, чтобъ они сказали правду: съ Терка воевода Петръ Головинъ ево, сотника и стрельцовъ, въ Кумыки по купчину по Хозъ Муртозу посылалъ ли? и Муртоза изъ Кумыкъ на Терку съ ними ли пріѣхалъ, и ихъ, сотника и стрельцовъ, Муртоза дарилъ ли, и чѣмъ ково дарилъ, и для чево ихъ дарилъ? А гилянца Шехайдара, сыскавъ, розпросити: какъ былъ на Терке при воеводе, при Петрѣ Головинѣ, кизылбашской купчина Хозъ Муртоза, и тотъ Хозъ Муртоза съ нимъ, Шехайдаромъ, къ Петру Головину подарки посылалъ ли? и что съ нимъ Хозъ Муртоза къ Петру послалъ, и что онъ, Шехайдаръ, къ Петру отнесъ, и хто у него тѣ подарки принималъ? Да толмача Васку розпросити: какъ былъ на Терке при воеводе, при Петрѣ Головинѣ, кизылбашской купчина Хозъ Муртоза, и Петръ къ Муртозѣ съ нимъ, Ваською, подарки посылавалъ ли, и что послалъ: отъ себя ли какіе подарки, или что ево, Муртозино? и что Петръ съ нимъ, Ваською, къ Муртозѣ приказывалъ ли, и онъ, Васька, по Петрову приказу что Муртозѣ говорилъ, и что Муртоза противъ ево речей ему, Ваське, говорилъ? Да хто что про то про все въ розпросе скажетъ, и князю Ивану Михайловичю да „ “ имяна и рѣчи ихъ велѣти написати подлинно, порознь. Да сверхъ того велѣти ему на Терке обыскати всякими терскими рускими людьми по государеву вѣстному целованью, а Сунгалѣемъ мурзою и иными мурзами по ихъ вѣре, по шерти: какъ ѣхалъ къ государю изъ Кизылбашъ

визыбашской купчина Хозь Муртоза, и ись Кумыкъ на Терекъ въ воеводе, къ Петру Головину, людей своихъ онъ, Муртоза, прислалъ ли? и для чего прислалъ? И Петръ Головинъ по того Хозь Муртозу въ Кумыки посылалъ ли, и кого именемъ сотника и сколько человекъ стрелцовъ посылалъ и съ кѣмъ тотъ Муртоза на Терекъ прѣхалъ? и тѣхъ, кого Петръ посылалъ, онъ, Муртоза, дарилъ ли? и будетъ дарилъ, и что кому именемъ далъ и для чего онъ ихъ дарилъ? и съ Терки тотъ Хозь Муртоза у Петра Головина просилъ ли, чтобъ ево въ государю къ Москве отпустилъ, не задержавъ? и грамоту и поминки онъ, Муртоза, Петру Головину казалъ ли, и поминки отъ себя къ Петру посылалъ ли, и съ кѣмъ именемъ сколько какихъ подарковъ послалъ? и тѣ подарки Петръ Головинъ взялъ ли, или назадъ тѣ подарки къ Муртозѣ отослалъ, и съ кѣмъ именемъ какіе подарки въ Муртозѣ послалъ? и Муртоза тѣ подарки назадъ взялъ ли? И Петръ Головинъ ево, Муртозу, на Терке держалъ ли, и сколько недѣль держалъ, и для чего ево, Муртозу, Петръ на Терке держалъ? И Муртоза къ Петру Головину бити челомъ самъ ходилъ ли, чтобъ ево Петръ съ Терки велѣлъ отпустить въ Астарахань? и сколькожда Муртоза бити челомъ Петру ходилъ? И Петръ Головинъ ево съ Терки въ Астарахань отпустилъ одново ли въ особномъ судне, или съ Гирѣвымъ посломъ вмѣсте въ одномъ судне? и онъ, Муртоза, Петру Головину говорилъ ли, чтобъ ево съ Гирѣвымъ посломъ въ одномъ судне не сажалъ, а далъ бы ему особое судно? и многожда ли онъ о томъ Петру говорилъ? и что ему, Муртозѣ, Петръ противъ ево челобитья отказывалъ? Да хто что про то про все въ сыску скажетъ, и князю Ивану Михайловичю да „ то все велѣти ему писати на списовъ, да въ тому обыску велѣти обыскнымъ людямъ руки приложити, да тѣ обыски велѣти привести къ себѣ въ Астарахань; а имъ тѣ обыски привести къ государю къ Москве.

Царю государю и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ шахъ Абасовъ купчина Незамадинъ, что, государь, было въ Асторахани государя моего шахъ Абасовъ животь, и тотъ животь розграбленъ, а что, государь, ухоронилъ прикащикъ мой, и того достальново шахъ Абасова живота взяли въ Асторахани на тебя, государя, бояринъ твой и воеводы князь Иванъ Никитичъ Одоевской да Семень Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Василей Юдинъ: бархатъ золотной доброй да восемь бархатовъ безъ золота цветныхъ, да пятнатцеть камокъ добрыхъ безъ золота, трюнатцаты дороги, да на себя взяли опрочѣ твоего госуда-

рева обиходу князь Иванъ Микитичъ Одоевской взялъ три камки добрыхъ да двои дороги. Семень Головинъ взялъ три камки добрыхъ да двои дороги. Дьякъ Василей Юдинъ взялъ камку добрую да двои дороги, да кушакъ шолковой; да князь Ивановъ дворецкой взялъ два киндяка да дороги, да два сафьяна. И за тотъ, государь, шахъ Аббасовъ животъ денегъ намъ ничево не дано. И тебѣ бы, государю царю и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. было вѣдомо. Да што, государь, послалъ я изъ Казани зъ боярсково докладу государю своему шахъ Аббасу товару, немного суконъ поставовъ и соболей, и сукна, государь, мѣрили аршиномъ и што за поставомъ вымерили, то къ себѣ взяли. А на человѣкѣ на моемъ доправили сто дватцеть рублей, И тебѣ бы, государь, про тое астораханскую обиду было вѣдомо. Царь. государь, смилуйся!

Царю г. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ шахъ Аббасовъ купчина Незамединъ. Въ прошломъ, государь, во 123-мъ году отпущенъ изъ Казани человѣкъ мой Худадатко, по твоему государеву указу, съ товаромъ, въ Асторахань къ брату моему. И на Царицыне твой государевъ воевода Мискоръ Соловцевъ того человѣка моего, Худодатка, омануль, а въ Асторахань ево не отпустилъ, а сказалъ ему: язъ деи женю тебя на русской девке, и ты деи живи на Царицы(нѣ). И животъ государя нашего, товаръ, весь къ себѣ поималъ. Милосердый государь царь и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Русіи, покажи милость, не вели человѣка нашего крестити, и штобъ животъ государя нашего шахъ Басовъ не пропасть! А товару пошло съ тѣмъ Худадаткомъ суконъ и соболей, и всякого товару на шесть сотъ рублей. Да послалъ, государь, я изъ Казани зъ достальнымъ товаромъ человѣка своего Дербыша къ государю своему, къ шахъ Обасу, и въ Асторахани того Дербыша, повѣся, мучили, вверхъ ногами, и вымучили у него государя нашего живота сто дватцать рублей. И тебѣ бы, государю царю и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р., было вѣдомо, штобъ и тотъ животъ государя нашего, шахъ Баса, не пропасть. Царь государь, смилуйся!

Царю г. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ Кизылбашскіе земли шахъ Баса царя купчина Хозя Назямединъ. Приѣхалъ, государь, въ твою государеву отчину въ Асторахань Гилянскіе земли тезикъ Мамутко, тому четвертой годъ, и въ Астрахани женился на татарке, а иные, государь, тезики живутъ въ Астрахани лѣтъ десять и больши, товары перекупають и двory позаняли, а приѣждимъ торговымъ людямъ, которые внове приѣдутъ съ товарами, дворовъ и лавокъ не даютъ. А тотъ, государь, Мамутко, живучи въ Астрахани, многимъ нашимъ

Кизылбаскіе земли торговымъ людямъ и буснымъ хозяевамъ убытки чинить великіе, ябедничаетъ и въ Астрахани твоимъ государевымъ воеводамъ и дѣякомъ, живучи, оглашаетъ ложно своимъ умышленіемъ воровскимъ, и товары у торговыхъ людей емлетъ, а сказываетъ нести воеводамъ и дѣякомъ, и того до воеводъ и до дѣява не доноситъ ничего, тѣмъ онъ, воръ и ябедникъ, корыстуетца, а торговымъ людямъ въ томъ продажу и убытокъ чинить великой и продаетъ напрасно. А былъ, государь, тотъ Мамутко въ Гилянской землѣ кашеваръ, а пришло съ нимъ товару рублевъ съ дватцать или съ тритцать, и тотъ Мамутко нынеча отъ своего ябедничества обогатѣлъ, стало у него живота тысячи въ двѣ или съ три и больши. И толмашное, государь, тотъ воръ и ябедникъ Мамутко въ Астрахани откупилъ, а прежь, государь, сего толмашное имали по твоему царскому указу съ рубля по полущке, а тотъ ябедникъ и откупщикъ Мамутко нынеча на насъ, на торговыхъ людехъ, и на бусныхъ хозяевыхъ емлетъ толмачного и съ товару не по твоему царскому указу, емлетъ съ рубля деньги по две и по три, и больши, или по чему онъ ябедникъ и откупщикъ, захочетъ. А въ Астрахани отъ твоихъ государевыхъ бояръ и воеводъ и отъ дѣяковъ указу не слушаетъ, надѣясь на свое великое богатство и на ябедничество. А которые, государь, торговые люди и бусные хозяева пошли были изъ своихъ земель въ твою царскую отчину въ Астрахань и, слыша тово ябедника Мамутка, съ моря съ товары въ свою землю воротилися, боячись его великіе продажи. Милостивый государь царь и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., смилуйся, пожалуй меня, шахъ Басова купчину и торговыхъ людей, и бусныхъ хозяевъ: вели, государь, тому Мамутку въ его воровствѣ и въ ябедничестве, и въ продаже свой царской указъ учинити, и вели, государь, того Мамутка и старыхъ тезиковъ, которые живутъ въ Астрахани лѣтъ десять и больши, изъ Астрахани вонъ выслати, и не вели, государь, никакимъ тезикомъ толмачново въ откупъ отдавати, и вели, государь, толмачное и пошлину на себя, государя, брати въ таможенной избѣ по прежнему, по чему ты, государь, укажешь, чтобъ впредь отъ того ябедника намъ, торговымъ людямъ и буснымъ хозяевамъ, продажи и убытковъ не было и твоя государева таможенная пошлина за нимъ напрасно не стала. Царь государь, смилуйся!

Роспись что взято на государя ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. въ казну у купчины у Хози Нузомодина прикащика, у Кузь Мамета, товару: бархотовъ цветныхъ тринацать, а цана бархотомъ по пятнадцати рублевъ, да десеть бархотовъ кизылбаскихъ золотныхъ, а цана всякому бархоту по пятнадцати рублевъ; шесть камокъ

кызылбасныхъ безъ золота, а цана всякой камкѣ по осми рублевѣ; комка добрая одна, цана ей десеть рублевѣ; восемь луковъ ширязкихъ, цана всякому луку по осми рублевѣ; семь кушаковъ шолковыхъ, а цана всякому кушаку по четыре рубли; да две выбойки, цана по два рубли.

124 г. генваря въ 31 день приказалъ думной дѣякъ Петръ Третьяковъ сыскати кызылбашского купчины Хози Незамедина человѣка, а сыскавъ его, распросити: для чего онъ въ Москвѣ изъ Казани прѣѣхалъ и для какого дѣла, и по государеву-ль указу, или прѣѣхалъ онъ къ Москвѣ собою, и кто съ нимъ въ приставствѣ есть, и есть ли у него проѣзжая грамота, и сколь давно къ Москвѣ прѣѣхалъ, и гдѣ сталъ? И того жъ дни купчининъ человѣкъ сысканъ и распрашиванъ, а въ роспросѣ сказалъ: зовутъ его Хозя Магметъ, кызылбашского купчины Хози Незамидина приказщикъ, а прѣѣхалъ онъ изъ Кызылбашъ въ Астараханъ съ купчининымъ съ Ховинымъ товаромъ, тому деветъ лѣтъ, какъ онъ торгуетъ въ Астарахани; а поѣхалъ онъ изъ Астарахани въ Москвѣ государю бити челомъ въ прошломъ во 123-мъ году зъ государевыми посланники, съ Михайломъ Тихановымъ да съ Олексѣемъ Вухаровымъ, вмѣстѣ, для того: взяли де у него на государя въ Астарахани бояринъ князь Иванъ Одоевской съ товарищи купчининыхъ товаровъ, а денегъ за тѣ товары ему не заплатили. А прѣѣхавъ въ Казань, жилъ по-ся мѣста у купчины своего, у Хози Незамедина, а ныне онъ билъ челомъ въ Казани дѣяку Ѳедору Лихачеву, чтобъ ево отпустилъ съ товаромъ къ Москвѣ, и о томъ товаре, что у него взято въ Астарахани, государю бити челомъ. И дѣякъ де Ѳедоръ изъ Казани ево къ Москвѣ отпустилъ и проѣзжую ему грамоту далъ, и онъ ѣхалъ на Нижней, и наѣхалъ въ Нижнемъ кызылбашенина торгового человѣка Асана Максютова и съ нимъ ѣхалъ изъ Нижнего на Ярославль, а изъ Ярославля прѣѣхали къ Москвѣ генваря въ 29 де(нь) въ вечеру, и стали на гостинѣ дворѣ въ анбаре, и товаръ онъ свой записалъ въ таможенѣ. И тотъ де ево товаръ весь взяли на государя на казенной дворѣ, а денегъ ещо за тѣ товары ему не плачивали. А ѣхали де дорогою они по проѣзжимъ грамотамъ, имаю проѣзжіе грамоты у воеводъ, отъ города до города. Да казалъ проѣзжую грамоту, какову ему дали въ Ярославлѣ воеводы.

А взяли де у него въ Астарахани бояринъ князь Иванъ Одоевской, съ товарищи, на государя товаровъ: бархатъ золотной, цены не вѣдаеть, 8 бархотовъ гладкихъ по 15 рублевѣ бархатъ, 15 камокъ кызылбашскихъ добрыхъ по 10 рублевѣ камка, 13 дороги розными цвѣты по 4 рубли дороги. Да князь Иванъ Одоевской взялъ на себя 3 камки добрыхъ по 10 рублевѣ камка, 2 дороги по 4 рубли дороги. Семень Головинъ взялъ

себѣ жъ: 3 камки добрыхъ по 10 же рублевъ, 2 дороги по 4 рубли. Діакъ Василей Юдинъ: вамку, дороги, кушакъ шелковъ. Да князь Ивановъ челоувѣкъ взялъ: дороги, юеть сабяновъ. И ныне онъ государю бьетъ челоумъ, чтобъ государь его пожаловалъ, велѣлъ ему за тѣ купчинныя товары деньги заплатить, чтобъ у него тѣ товары даромъ не пропали. Да и о томъ онъ пріѣхалъ государю бити челоумъ: послалъ де купчина Хозя Незамединъ изъ Казани отъ себя къ шаху челоувѣка своего, Дербыша, съ товаромъ, а онъ съ нимъ встрѣтился на дороге, и въ Астарахани де бояринъ князь Иванъ Одоевской съ товарищи, доправили на немъ, Дербышѣ, тамги 120 рублевъ, а доправя, отпустили къ шаху. Да они жъ де у того Дербыша мѣрили поставъ сукна въ 30 аршинъ, а что за тѣмъ оставалось у поставовъ, и они то имали себѣ безъ денегъ. Да Хозя жъ де Незамединъ послалъ отъ себя въ Астараханъ въ прошломъ во 123-мъ году челоувѣка своего Богдашка, а по кизылбашски зовуть Худодатко, съ шаховыми товары, а товаровъ на 600 рублевъ. И какъ де тотъ Богдашко пріѣхалъ на Царицынъ, и воевода де Мисюръ Соловцовъ того Богдашка въ Астараханъ не пропустилъ, а подбаелъ его съ тѣмъ товаромъ къ себѣ, а хотѣлъ де его у себя женить, дать за него рускую дѣвку. И тотъ де Богдашко и ныне на Царицыне у Мисюра Соловцова. И государь бы его пожаловалъ, велѣлъ тѣ таможенные деньги и сукна, и того челоувѣка Богдашка и съ товаромъ отдать купчине Хози Незамедину.

А Асанъ Максютовъ въ роспросе сказалъ, что онъ кизылбашенинъ, торговой челоувѣкъ, а пріѣхалъ онъ изъ Кизылбашъ въ прошломъ во 123-мъ году, съ товары, и торговалъ въ Казани и въ Нижнемъ, а какъ де пріѣхалъ изъ Казани Хози Незамединова челоувѣкъ Хозя Магметъ, а привезъ къ нему отъ Хози Незамедина грамотку, чтобъ онъ съ тѣмъ его челоувѣкомъ съѣздилъ къ Москве, потому что тотъ его челоувѣкъ по турски и по руски не умѣеть, а только и умѣеть по еарсовски, а онъ, Асанъ, умѣеть по турски и по руски, и онъ, Асанъ, поѣхалъ изъ Нижнего съ нимъ для того. А ѣхали на Ярославль по проѣзжимъ грамотамъ, а пріѣхали къ Москве генваря въ 29 де(нь) въ вечеру и стали на гостине дворѣ въ анбаре, и товары Хозя свои въ таможене записалъ, и тѣ товары его поимали на государя, а онъ пріѣхалъ безъ товаровъ, купити товаровъ, товары всѣ изпродалъ въ Ярославле. А въ прошломъ во 121-мъ году, какъ учинился на Московскомъ и на всѣхъ Російскихъ государствахъ великій государь царь и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с., и по государеву указу посланы отъ государя въ Казань и въ Астараханъ къ воеводамъ государевы грамоты, а велено

ко всякимъ иноземцомъ бережене держать великое и приставовъ къ нимъ велено приставить, и пущать ихъ никуда съ товары и безъ товаровъ безъ государевыхъ грамотъ не велено. А будетъ какіе иноземцы учнутъ о чемъ бити челомъ государю, и о томъ имъ велено писать и челобитные всякихъ иноземцовъ велено присылать къ государю къ Москве.

Приписка дьяка: Взять казанскіе грамоты, а въ Казань отписать (?), чтобъ того сыскалъ.

Да Хози жъ Незамедина человекъ, Хозя Магметъ, подалъ думному дѣаку Петру Третьякову купчинныхъ три челобитныхъ. А въ первой челобитной написано: бьетъ челомъ государю шахъ Аббасовъ купчина Незамединъ. Взяли де у него въ Астарахани на государя бояринъ князь Иванъ Одоевской, съ товарищи, бархатъ золотной доброй, да восемь бархатовъ безъ золота цветныхъ, да пятнатцать камокъ добрыхъ цветныхъ, тринатцатеры дороги, да на себя взяли: князь Иванъ взялъ три камки добрыхъ, двои дороги; окольничей Семень Головинъ три камки да двои дороги; дѣакъ Василей взялъ камку, двои дороги да кушакъ шелковъ; да князь Ирановъ дворецкой взялъ два киндяка да дороги, да два сабяна. А денегъ ему за то за все ничего не дано. Да послалъ онъ изъ Казани къ государю своему, къ шахъ Аббасу, товару, немного суконъ и соболей, съ воеводцкога доклада, и тѣ де сукна въ Астарахани мѣрили въ аршины, а что за поставомъ вымерили, то себѣ воеводы побрали; а на человекѣ его доправили сто дватцать рублевъ.

Помѣта дьяка: Справитца съ казанскимъ дворцомъ, да будетъ не платили, и ему деньги тамъ (?) дать тотчасъ.

А въ другой ево челобитной написано: въ прошломъ де во 123-мъ году, по государеву де указу, отпушенъ изъ Казани человекъ его, Хододатко, въ Астараханъ къ брату его, съ товаромъ. И на Царицыне де воевода Мисюръ Соловцовъ того его человекѣа оманулъ, въ Астараханъ его не отпустилъ, а хотѣлъ его у себя женить, и тотъ государя ево товаръ весь къ себѣ поималъ; а товару де съ тѣмъ его человекомъ было на шесть сотъ рублевъ. Да послалъ онъ изъ Казани въ достальнымъ товаромъ въ Астараханъ, да и къ шаху, человекѣа своего Дербыша, и въ Астарахани де бояринъ и воеводы того его человекѣа мучили, повѣся вверху ногами, и вымучили сто дватцать рублевъ.

Помѣта дьяка: Сыскивать князю Ивану накрепко.

А въ третьей челобитной его написано: пріѣхалъ де въ Астараханъ Гилянскіе земли тезикъ Мамутко, тому четвертой годъ, а иные де тезики живутъ въ Астарахани лѣтъ по десяти и больши и товары де перекупають и двory позанели; а пріѣзжимъ торговымъ людемъ, которые внове пріѣдутъ

съ товары, дворовъ и лавокъ не даютъ. А тотъ Мамутко, живучи въ Астарахани, многимъ кизылбашскіе земли торговымъ людямъ и буснымъ хозяевамъ убытки чинить великіе, ябедничеетъ и государевымъ боярину и воеводамъ оглашаетъ ложно своимъ воровскимъ умышленьемъ, и товары выманиваетъ, будто на воеводъ, а къ воеводамъ того не относитъ, а корыстуетца самъ, и отъ того своего воровства забогатѣлъ. можетъ живота тысячи за две и за три. А былъ тотъ Мамутко въ Гилянскій землѣ кошевара и живота его съ нимъ въ Астарахань пришло немного, рублей на дватцать или на тритцать. И толмацкое тотъ Мамутко въ Астарахани откупилъ; а по государеву указу имали съ нихъ прежь сего толмацкого съ рубля по полуше; а тотъ де Магмутко ныне емлетъ съ рубля деньги по две и по три, и большіи, или какъ онъ захочетъ, а воеводъ не слушаетъ. А которые де торговые люди и бусные хозяева пошли были изъ своихъ земель въ Астарахань съ товары, и тѣ, слыша про того Магмутка насильство, воротились назадъ въ свою землю. (*Помѣта дѣяка*: Бояре приговорили, велѣли сыскать, да будетъ такъ, и того Магмутка отставить). И государь бы его, купчину Незамедина, пожаловалъ, велѣлъ за его товары, что взято на государя въ Астарахани, и что воеводы себѣ поимали, деньги заплатить, и деньги и детину Богдашка и съ его животомъ съ Царицына ему отдати, а Магмутка бѣ и иныхъ тезиковъ, которое живутъ въ Астарахани лѣтъ по десяти и большіи, велѣлъ государь изъ Астарахани вывести вонъ, и въ Магмуткове воровствѣ и въ продаже свой царской указъ учинить, и велѣлъ бы государь толмачное и пошлину збирати на себя, государя, въ таможене, а тезикомъ толмачное въ откупъ давати не велѣлъ, чтобъ кизылбашскимъ торговымъ людямъ отъ того продажи не было.

По государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу отъ Ярославля и до Москвы по городомъ воеводамъ и дѣякомъ и всякимъ приказнымъ людямъ. Въ нынешнемъ во 124-мъ году генваря въ 16 де(нь) отпушонъ изъ Ярославля Кизылбашскіе земли купчининъ приказщикъ Хозъ Маметъ съ товаромъ для торгу на двоихъ санехъ, да у него же на возу Кизылбашскіе жъ земли торговой человекъ Осанко Маскутовъ. И по городомъ воеводамъ и дѣякомъ, и всякимъ приказнымъ людямъ тѣхъ торговыхъ людей кизылбашскіе земли купчинина приказщика Хозъ Маметя на двоихъ санехъ съ товаромъ, да у него жъ на санехъ Осанку Маскутова, до Москвы пропускали везде. Къ сей проезжай воевода Григорей Григорьевичъ Пушкинъ печать свою приложилъ. Лѣта 7124-го генваря въ 16 де(нь). (*Восковая печать*).

По государеву п. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу отъ

Ярославля по дороге до Ростова и да Переславля Залеского и да Москвы воеводамъ и дьякомъ, и всякимъ приказаннымъ людемъ. Въ нынешнемъ во 124-мъ году генваря въ 16 де(нь) отпушонъ изъ Ярославля Кизылбашскіе земли торговой человекъ Осанко Маскутовъ къ Москве для торгу купчины приказщика Хозя Мамета на санехъ, и по городомъ воеводамъ и дьякомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ Осанку Маскутова у купчина приказщика на санехъ до Москвы пропущали везде. Въ сей проезде воевода Григорей Григорьевичъ Пушкинъ печать свою приложилъ. Лѣта 7124-го генваря въ 16 де(нь) (*Восковая печать*).

Отъ царя и в. вн. Михайла Ѳедоровича в. Р. князю Ивану Михайловичю Борятинскому да дьяку нашему Ивану Сукину. Въ нынешнемъ во 124-мъ году генваря въ 31 де(нь) пріѣхалъ изъ Казани къ намъ къ Москве кизылбашского купчины Хози Незамедина приказщикъ Хозя Магметъ, а въ роспросе сказалъ (*и прои.*) И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а вы какъ будете въ Казани, и вы бѣ допросили въ Казани кизылбашского купчины Хози Незамедина самова, о вою пору у него въ Асторохани бояринъ и воевода князь Иванъ Одоевской да околничей Семень Головинъ и дьякъ Василей Юдинъ товары ево на себя поймали и что тѣмъ ево товаромъ, камкамъ и дорогамъ, и кушаку, и виндякомъ, и сабяномъ, подлинная цена и сколь давно онъ, Хозя, человекъ своего Дербыша съ сукны и съ соболями къ шаху отпустилъ и сколько онъ послалъ отъ себя къ шаху съ человекомъ своимъ, зъ Дербышемъ, поставовъ сукна и сколько сороковъ соболей, и по вольку въ поставе аршинъ было сукна и по чему аршинъ ценою, и за что на томъ человекѣ ево, на Дербыше, въ Асторохани же бояринъ и воеводы князь Иванъ Никитичъ Одоевской съ товарищи сто дватцать рублевъ доправили. Да что онъ вамъ про то скажетъ и (вы бѣ) ево скаски велѣли записать и роспись тому всему у него взяли за порукою. А какъ вы пріѣдете въ Астарахань, и вы бѣ про то про все боярина нашего и воеводъ, князя Ивана Одоевского и околничего Семена Головина и дѣака Василья Юдина, запросили самихъ, по нашему крестному целованью: въ прошломъ во 123-мъ году у Хозина приказщика Незамедина, у Хози Магмета, товаровъ онъ, князь Иванъ, да околничей Семень по три камки да по двой дороги, а дьякъ Василей камку да двой дороги, да кушакъ шелковъ взяли-ль, и деньги за нихъ платили-ль или не платили? И какъ Хозя Незамединъ отпустилъ человекъ своего Дербыша въ шаху, и они у человекъ ево сукна, взявъ къ себѣ, мѣрили-ль и для чего мѣрили, и по чему, по ихъ мѣре, въ поставе аршинъ сукна объявилось, по

тритцати ль аршинъ или больши, и будетъ по ихъ мѣре въ поставехъ было больши тритцати аршинъ и по чему лишка было за тритцать аршинъ, и тѣ они лишки изъ поставовъ отдирали ль или, не отдирая, сполна въ Дербышемъ отпустили; а будетъ отдирали, и для чего отдирали, и гдѣ тѣ остатки дѣли: на насъ ли ихъ взяли или себѣ, и деньги за нихъ Дербышу платили ль или не платили? И деньги сто дватцать рублей на Дербышѣ доправили ль, и за что доправили, и гдѣ нынѣ тѣ деньги: въ нашей ли казнѣ или у нихъ? И сколько лѣтъ въ Астарахани гилянецъ Магмутка и сколь давно толматцкую пошлину въ откупъ себѣ взялъ: до нихъ ли ему дана, или они дали? и почему ему та толматцкая пошлина въ откупъ дана? На откупѣ ль та толматцкая пошлина прежь сего была, или не всегда (?) такъ збирали, и по чему прежь сего тоѣ толматцкіе пошлины съ рубля имали? И нынѣ онъ, Магмутко, по тому жъ ли емлетъ или передъ прежнимъ лишекъ и почему лишка емлетъ. И иные тезики на гилянскомъ дворѣ лѣтъ по десети и больши живутъ ли, и хто именемъ, и насильства отъ нихъ какого новопріѣзжимъ торговымъ людемъ и буснымъ хозяевемъ нѣтъ ли, и для чего она (sic) на гилянской дворѣ ихъ не пуцають и лавовъ имъ не даютъ. Да будетъ бояринъ князь Иванъ Одоевской съ товарищи въ тѣхъ товарехъ и въ сукнахъ и въ деньгахъ не запрутца, что они у купчины или у его приказщика товары, камки и дороги, и кушакъ, и дворецкой князь Ивановъ дороги жъ и киндяки, и сабяны имали, а денегъ по ся мѣста не платили; да и про сукна будетъ скажетъ, что они у Дербыша поставы сукна мѣрили, а что остовалось за тритцатю аршины лишку, и то они отдирали, и тѣ будетъ сукна нынѣ у нихъ же, а денегъ не платили жъ, и вы бѣ у нихъ тѣ товары и сукна остатки поимали, или за тѣ товары и за сукна по ценѣ деньги взяли, а взявъ, отдали бы есте Хозе Незамедину или его людемъ, которые въ тѣ поры люди его въ Астарахани будутъ. Да про деньги про 120 рублей бояринъ и воеводы будетъ въ роспросе вамъ скажутъ, что они на Дербышѣ деньги сто дватцать рублей доправили въ какой нашей пене или въ протаможье, и нынѣ будетъ у нихъ тѣ деньги въ нашей казнѣ, и вы бѣ у нихъ тѣхъ денегъ изъ нашей казны не имали до нашего указу, да о томъ къ намъ отписали, а будетъ они на Дербышѣ тѣ деньги сто дватцать рублей доправили не за вину, для своей корысти, и вы бѣ тѣ деньги сто дватцать рублей на нихъ взяли и отдали ему жъ самому или людемъ его, а у него въ томъ во всемъ взяли отписъ впередъ для спору.

А про гилянца будетъ бояринъ же и воевода князь Иванъ Одоевской въ роспросе скажетъ, что онъ въ Асторохани живетъ и толмацкую пошлину откупилъ до нихъ, и ныне передъ прежнимъ указомъ емлетъ лишнее, и проѣзжимъ торговымъ людемъ отъ него обиды и смута есть, а они по ся мѣста ево безъ нашего указа отставить не смѣли, и вы бѣ гилянца Магмутка и иныхъ тезиковъ, которые живутъ лѣтъ по десяти и больши зъ гилянскаго двора велѣли свести и велѣли имъ жити въ Астарахани, гдѣ будетъ пригоже, чтобъ отъ нихъ какіе продажи и убытковъ новопрїѣзжимъ торговымъ людемъ не было. Да о томъ бы есте о всемъ къ намъ же отписали. А толмацкое бы есте велѣли збирати въ нашу казну въ таможене и нашу пошлину съ нихъ имати по прежнему нашему указу, по чему прежь того до смутнаго времени имано. А въ откупъ толмацкаго отдавати никому не велѣли. Да что вамъ про то про все бояринъ и воевода, князь Иванъ Микитичъ Одоевской, и окольникей Семень Головинъ, и дьякъ Василей Юдинъ скажутъ, и что вы по сыску у нихъ какихъ товаровъ или за товары денегъ на нихъ возьмете, и кызылбашскому купчине отдадите, и вы бѣ о томъ отписали и роспросны ихъ рѣчи прислали къ намъ къ Мосеве, а велѣли отдать въ посольскомъ приказе діавомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романцюкову. А будетъ бояринъ нашъ князь Иванъ Никитичъ и окольникей Семень Васильевичъ Головинъ, и дьякъ Василей про то про все ничего сказывать не учнутъ, а учнутъ во всемъ запирацца или учнутъ намъ бити челомъ, что о томъ о всемъ купчина Хозя Незамединъ бьетъ челомъ намъ на нихъ ложно, а они того нечего не дѣлывали, и вы бѣ, взявъ къ себѣ князь Ивацова дворетцкаго и Семена Головина и дьяка Василья Юдина лутчихъ людей, про все розпросили накрепко: князь Иванъ и Семень, и дьякъ Василей у купчины, у Хози, или у его приказщика товары, камни и дороги, и кушаки, и онъ, князь Ивановъ дворетцкой, у купчинина приказщика дороги и киндяки, и сабяны имали ль, и деньги платили ль, или даромъ имали, и отчего имали? и у купчинина жъ челоуѣка, у Дербыша, бояринъ, князь Иванъ съ товарищи, какъ онъ исъ Казани ѣхалъ къ шаху, поставы сукна, взявъ къ себѣ, мѣряли ль? и лишки, что въ которомъ поставе оставалося за 30-ю аршени лишка, отдирали ль? и для чего отдирали: въ нашу ль казну, или себѣ имали? И деньги 120 рублевъ на Дербышѣ доправили ль, и за что доправили? и гдѣ ныне тѣ денги? Да будетъ люди ихъ въ роспросе скажутъ, что князь Иванъ и Семень, и дьякъ Василей за все у купчины и у его приказщика, и у Дербыша, которой поѣхалъ къ шаху, имали себѣ

безденежно, а онъ, дворетцкой, у нихъ дороги и княдики, и сабяны взялъ же, и деньги на Дербыше бояринъ князь Иванъ съ товарищи 120 рублевъ доправилъ же, а ныне будетъ тѣ деньги у нихъ, а не въ нашей казнѣ, и вы бъ потому жъ тѣ товары и сукна, и деньги, что на человѣке его, на Дербышѣ, доправили, на нихъ и на князь Иванове дворецкомъ взяли, а взявъ, отдали Хозе жъ Незамедину или его людемъ, которые его люди будутъ въ Астарахани, а спросили бъ есте про то про все накрепко. А будетъ тудъ въ Астарахани будутъ купчинины Незамединовы люди, и вы бъ князь Ивановыхъ и Семеновыхъ и Васильевыхъ людей. спрашивали накрепко жъ всякими мѣрами. А будетъ про то про все князь Ивановы и Семеновы, и дѣака Василья Юдина люди вроспросе на князя Ивана и на Семена, и на дѣака на Василья ничего не скажутъ, а учнутъ по нихъ покрывати, и вы бъ ихъ людей въ томъ, приветчи къ пытке, велѣли спрашивать накрепко и стращали пыткою. Да будетъ и у пытки ничего не скажутъ, и вы бъ ихъ до большого сыску пытать не велѣли, а дали ихъ до сыску за приставовъ. А про то про все обыскали бъ есте въ Астарахани архимандриты и игумены, и старцы по иноческому обещанью; а протопопы и попы, и дьяконы по священству; а дворянъ и съ детьми боярскими и съ приказными людьми, и старосты, и целовальники и посадскими людьми по нашему крестному целованью: въ прошломъ во 123-мъ году бояринъ князь Иванъ и околичей Семенъ Головинъ, и дѣакъ Василей Юдинъ у Хозиныхъ людей какіе товары на себя имали ль, и сколько какихъ товаровъ взяли? и будетъ что товаровъ взяли, и деньги они за тѣ товары Хозинымъ людемъ платили ль, или нѣтъ? и сукна у человѣка, у Дербыша, которого онъ послалъ отъ себя изъ Казани къ шаху, мѣрили ль, и по сколько въ поставѣхъ аршинъ мѣрили: въ тридцать ли аршинъ всякой поставъ мѣрили или больши, и что за тѣмъ оставалось у всякого постава аршинъ и гдѣ тѣ остатки они дедали: назадъ ли Дербышу отдавали, или себѣ имали, и деньги за товары, за сукна давали ль или не давали? и на Дербышѣ деньги сто дватцать рублевъ доправили ль, и за что доправили: въ нашей ли какой цене или въ пратаможье, или за тѣ его насильства для своей бездѣльные корысти? и сколь давно въ Астарахани живетъ гилянецъ Магмутко, кзылбашскимъ торговымъ людемъ и буснымъ хозяевемъ убытки всякіе чинить ли? и боярину князю Ивану и околичичему дѣаку ложно оглашаетъ ли всякимъ воровскимъ умышленьемъ? и товары у нихъ, будто на воеводѣ, емлетъ ли, а въ нимъ не относя, и тѣмъ самъ корыстуетца? и толмацкое онъ, Магмутка, въ Астарахани откупилъ ли, и пошлины съ рубля деньги по две и по

три и больши, и какъ онъ захочетъ, сверхъ нашего указу емлетъ ли? и кто ему и сколь давно то толмацкое въ откупъ далъ, и по чему дано: по нашему ль указу, или безъ нашего узззу? и по нашему ль указу ту толмацкую пошлину онъ съ нихъ емлетъ или передъ нашимъ указомъ лишекъ, и сколько лишка емлетъ? и иные тезики въ Астарахани на гиланскомъ дворѣ лѣтъ по десети и больши живутъ ли, и товары перекупаютъ ли, и лавки позаняли ль? и кто имяны тезиковъ въ Астарахани лѣтъ по десети и больши живетъ? и прїѣзжихъ торговыхъ людей, которые прїѣдутъ съ товары внове, на гиланской дворѣ не пуцаютъ ли, и лавокъ имъ не дають ли, и для чего не пуцаютъ и лавокъ имъ не дають? и въ нынешнемъ во 124-мъ году торговые люди и бусные хозяеве пошли были въ Астараханъ изъ своихъ земель съ товары, и тѣ торговые люди, послыша про того Магмутка, назадъ въ свою землю воротились ли, и за нимъ ли въ Астараханъ не поѣхали, или за инымъ чѣмъ? Да хто что про то про все всякіе сыскные люди скажутъ, и вы бѣ тѣхъ людей имена и рѣчи велѣли писати на списокъ земскому или церковному дьячку подлинно порознь, по статьямъ, да къ тѣмъ обыскомъ сыскнымъ людямъ велѣли руки свои прикладывать, а которые люди грамоте не умѣютъ, и въ тѣхъ мѣсто велѣли прикладывать руки отцомъ ихъ духовнымъ. Да будетъ по сыску и по скаске астараханцовъ всякихъ людей про то сыщетца допряма, что въ Астарахани бояринъ князь Иванъ и окольникъ Семень и Василей Юдинъ у Хозина приказчика, у Хози Магмета, камки и дороги имали, а денегъ не давали, и у Хозина жъ человѣка, у Дербыша, которого онъ отпустилъ къ шаху, сукна мѣрили, и что оставалось въ поставехъ за тритцатью аршины лишка, и то имали себѣ, а денегъ не давали жъ? и дворецкой князь Ивановъ у Дербыша дороги и киндяки и сабяны взяли безденежно жъ, и на Дербышѣ жъ сто дватцать рублей денегъ бояринъ князь и окольникъ Семень и дьякъ Василей доправили жъ не въ нашей пене и не въ протаможье, для своей корысти? и Гиланскіе земли тезикъ Магмутко къ нимъ, боярину и къ окольничему, и дьяку, для ссоры вхожъ часто, и въ немъ будетъ новонрїѣзжимъ людямъ обиды и насильства и продажа чинитца, и отъ того будетъ торговые люди вновъ въ Астараханъ не прїезжаютъ, и вы бѣ у боярина у князя Ивана Одоевского, и у окольника, у Семена, и у дьяка, у Василья, по тому жъ тѣ товары и сукна, или будетъ за товары и за сукна по ценѣ деньги взяли, а взявъ, отдали тому жъ его прикащику, да и деньги бѣ есте сто дватцать рублей, на нихъ

взявъ, отдали ему жъ, а у него въ томъ взяли отпись. А гилянца бы Магмутка и иныхъ тезивовъ, которые живутъ на гилянскомъ дворѣ лѣтъ по десети и больши, зъ гилянского двора велѣли свести, и велѣли имъ жить въ Астарахани, гдѣ пригоже, чтобъ отъ нихъ какіе продажи и насильства новопрїѣзжимъ торговымъ людямъ не было. А толмацкое бы есте велѣли впередъ збирати въ нашу казну въ таможене, а въ откупъ толмацково никому давати не велѣли. Да о томъ бы есте о всемъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчыкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го еевраля въ 19 де(нь).

Отъ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. князю Ивану Михайловичю Борятинскому да дьяку нашему Ивану Сукину. Билъ намъ челомъ визылбашского шахъ Аббасовъ купчина Хозя Незамединъ, а сказалъ: въ прошломъ де во 123-мъ году послалъ онъ отъ себя ись Казани въ Астараханъ къ брату своему челоуѣка своего Хододатка, а по руски де Богдашва, съ товаромъ (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ про того его челоуѣка, про Хододатка, у воеводы, у Мисюря Соловцова, допросили: есть ли у него тотъ Хозинъ челоуѣкъ ныне и сколько съ нимъ товару къ нему на Царицынъ пришло: на шесть сотъ ли рублевъ, или меньше, и собою ль онъ, Хододатко, остался у него, или онъ его подбаелъ, а хотѣлъ за него дать дѣвку руску? и крестилъ ли его въ нашу хрестіанскую вѣру? и дѣвку за него далъ ли, или нѣтъ? Да будетъ Мисюръ у себя того Хододатка скажетъ, и вы бъ его, у Мисюря взявъ, потому жъ распросили накрепко: сколь давно на Царицынъ прїѣхалъ и были ль Хозины товары или нѣтъ? и будетъ были, и сколько какихъ товаровъ было, и что тому товару цена, и собою ль онъ на Царицыне остался, или его Мисюръ подговорилъ, а хотѣлъ за него дать дѣвку руску? и крестилъ ли его Мисюръ? и дѣвку за него далъ ли? и гдѣ онъ хочетъ жить ныне: у Мисюря ль, или къ Хози Незамедину хочетъ ѣхать по прежнему служить? Да будетъ онъ, Хододатко, скажетъ, что пришло съ нимъ на Царицынъ Хозинныхъ товаровъ на шесть сотъ рублевъ, и въ нашу хрестіанскую вѣру ещо не крещенъ, и вы бъ того Хододатка и съ товаромъ, взявъ у Мисюря, отослали въ Казанъ, а велѣли его отдать со всѣмъ вкупине Хози Незамедину. А будетъ Мисюръ того товару не отдастъ, а Хододатко въ нашу хрестіанскую вѣру крещенъ, и вы бъ на немъ и на его людехъ тотъ товаръ на шесть сотъ рублевъ, доправя отослали тотчасъ къ Незамедину, и вы бъ товаръ весь, взявъ у Мисюря,

отослали къ Незамедину жъ, а о Хододатке, отписали къ намъ къ Москве въ посольской приказъ. А будетъ того человѣка, Хододатка, Мисюръ у себя утайтъ, про него не скажетъ, и вы бѣ у Мисюря велѣли поймати людей его, да потому жъ распросили ихъ накрепко, розвода порознь, гдѣ тотъ Хозинъ человѣкъ и сколько съ нимъ товаровъ на Царицынѣ пришло, и Мисюръ ли тѣми товары завладѣлъ, и крестилъ ли его, и дѣвку за него далъ ли, или нѣтъ, и собою ль онъ, Хододатко, у Мисюря остался, или его Мисюръ подговорилъ къ себѣ жить для товаровъ. А будетъ тѣ Мисюревы люди про того Хозина человѣка и про товары въ роспросехъ не скажутъ, а учнутъ таити, и вы бѣ тѣхъ его людей въ томъ, приведа къ пытке, велѣли спрашивать накрепко и стращали пыткою. Да будетъ и у пытки ничего не скажутъ, и вы бѣ ихъ до большого сыску пытать не велѣли, а дали ихъ до сыску за приставовъ. А про того Хозина человѣка и про товары на Царицыне обыскали бѣ всякими сыски накрепко всякими людьми: попы и дьяконы — по священству, а дворяны и детьми боярскими, и приказными людьми, и старосты, и целовальники, и посадскими, и прѣзжими всякими людьми — по нашему крестному целованью: сколь давно тотъ Хозинъ человѣкъ Хододатко на Царицынѣ прѣехалъ, и сколько Хозина какого товару съ нимъ на Царицынѣ пришло: на шесть сотъ ли рублевъ или меньше? и тѣмъ его товаромъ Мисюръ Соловцовъ завладѣлъ ли? и собою ль тотъ его человѣкъ на Царицыне у Мисюря остался, или Мисюръ его оманулъ, а хотѣлъ за него дать дѣвку руску? и крещенъ ли тотъ Богдашко въ нашу хрестыанскую вѣру? И будетъ крещенъ, и женилъ ли его у себя Мисюръ или нѣтъ? Да хто что про то въ обыску скажетъ, и вы бѣ тѣхъ обыскныхъ людей имена и рѣчи велѣли написати на списокъ земскому или церковному дьячку подлинно, порознь, по статьямъ. Да будетъ про то царицынскими всякими людьми допряма сыщетца, что тотъ Хозинъ человѣкъ Хододатко ныне у Мисюря и товаровъ съ тѣмъ Хододаткомъ на Царицынѣ на шесть сотъ рублевъ пришло, и тѣми товары всѣми завладѣлъ Мисюръ, и въ нашу хрестыанскую вѣру тотъ Хододатко еще не крещенъ, и Мисюръ его не женилъ, а похочетъ тотъ Хододатко ѣхать служить къ Хози Незамедину, и вы бѣ того Хододатка и съ товаромъ, взявъ, по тому жъ отослали въ Казань къ Хозе Незамедину, а людей Мисюревыхъ велѣли отъ приставовъ свободити. А будетъ обыскные люди всякіе скажутъ, что тотъ Богдашко остался на Царицыне собою, и въ нашу хрестыанскую вѣру крещенъ, и вы бѣ тѣ товары велѣли на Мисюръ и на его людехъ доправити тотчасъ,

а доправя, отослали въ Хозе Незамедину, а про Ходатка отписали къ намъ къ Москве.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го февраля въ 18 де(нь).

1616, августа. Распросныя рѣчи астраханскихъ священно-и церковно-служителей, такожъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и прочихъ людей о прїѣздѣ туда персидскаго гонца Муртовы, о шаховой къ государю грамотѣ и о взяткахъ, емлемыхъ у того Муртазы разными приказными людьми. На 79 листахъ.

И въ сыску сказали соборные церкви попь Левонтей да попь Еремѣй, да дьяконъ Семень, да стрѣтенской попь Іяковъ да сергевской попь Акимъ, воскресенской попь Антипа, да дьяконъ Терентей, да воздвиженскіе попы, попь Давыдъ да попь Артемей, да попь Антонъ, да Рождества Богородицы попь Кирила, да дьяконъ Кирила, да никольскіе попы, попь Гаврила да попь Иванъ, да дьяконъ Самойла и всѣ священники градскіе и посадскіе, и дьякони сказали по священству. Какъ прїѣхалъ въ Асторохань съ Терка Шахъ-абасовъ гонецъ Хозъ Муртаза, и къ судну дьякъ Василей Юдинъ прїезжалъ ли и грамоту у него, что писана ко государю отъ шаха, взялъ ли, и назадъ тое грамоту къ Хозъ Муртазѣ отослали ли, и окопничей Семень Головинъ къ Муртазѣ на подворье челоуѣка своего посылалъ ли?—и мы того не вѣдаемъ. А челоуѣкъ у него былъ, Оксенкомъ зовуть, что прїѣхалъ въ Асторохань съ Маринкою и зъ Заруцкимъ, а вынялъ его изъ тюрьмы и послалъ его Семень Головинъ изъ Асторохани въ станице къ Москвѣ своими лошедьми. А къ Семену Головину на подворье Хозъ Муртаза хаживалъ ли, а для чево приходилъ къ нему, и кто въ тѣ поры у Семена иныхъ какихъ людей были ли, и о чемъ съ нимъ Семень говорилъ, и кто въ тѣ поры толмачилъ,—и мы того не вѣдаемъ. А про Ивашку про тотарченка и про коверъ шольвовъ, што послалъ царю Борису шахъ Абасъ съ Муртазою, у Семена Головина есть ли, и мы того всего не вѣдаемъ. А сколько Муртазу въ Асторохани держали, и мы того не упомнимъ. А что на подворье къ боярину, князю Ивану Никитичю Одоевскому, да окопничему Семену Головину Муртаза какихъ подарковъ приносилъ ли, и отъ своего отпуска, или для своей почести, или ково съ подарки посылалъ ли, и кто въ тѣ поры сторонные люди были ли, и отъ боярина и воеводъ въ Муртазѣ на судно приставъ

Данило по зятя его, Хозь Махметя, приходилъ ли, и съ судна ево ималъ ли, и Муртаза о своемъ отпускѣ къ боярину и воеводамъ тезика Махмута и Семьбура бити челомъ посылалъ ли,—и мы того не вѣдаемъ. А тезикъ Махмутъ къ боярину и воеводамъ ходилъ ли, и съ чѣмъ ходилъ, и мы того не вѣдаемъ. А Муртоза къ боярину и воеводамъ съ тѣмъ тезикомъ какіе подарки посылалъ ли и отъ мечети боярину и воеводамъ Муртаза, чтобъ велѣли мечеть отпеча(та)ти што давалъ ли, и мы того не вѣдаемъ. А мечеть на гиланскому дворѣ есть. А которые люди пріезжаютъ изъ Кизылбашъ съ товары и сидятъ по лавкамъ, боярину и воеводамъ отъ тѣхъ лавокъ даютъ ли или нѣтъ, и мы того не вѣдаемъ. А тавары тѣхъ торговыхъ людей по двору не волялись, и продажи тѣмъ торговымъ людямъ отъ воеводъ никакіе не вѣдаемъ. А которыхъ тезиковъ изъ Асторохани четырехъ человекъ въ Казань отпустили, юргенца Девлетъ бая да кошанца Дербыша Мамета, да гиланцовъ Ахмета да Кемяла, а што у нихъ золотыхъ отъ тово взяли, и мы того не вѣдаемъ. А тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у новыхъ у пріезжихъ людей украдомъ товаровъ покупаютъ ли или не покупаютъ, и мы того не вѣдаемъ. А узорочные товары бояринъ и воеводы, и дьякъ на государя имали ли, (и) деньги давали ли изъ государевы казны, а сколько у ково какихъ товаровъ взяли и кому сколько за товары деньги давали, и мы того не вѣдаемъ. А на себя у тѣхъ новопріезжихъ людей бояринъ и воеводы, и дьякъ товаровъ какихъ имали ли и за товары сполна ли деньги платили, и мы того не вѣдаемъ. А на гиланскомъ дворѣ Арменья живутъ, а имяня ихъ не вѣдаемъ; а на бухарскомъ дворѣ арменья нѣтъ. А которые крестилися, и тѣхъ съ гилансково двора свели, а живутъ въ остроге въ посадцнхъ людехъ. А сис(к)ные рѣчи писалъ попъ Еремѣй.

На оборотъ: Къ сѣмъ рѣчамъ попъ Леонтей руку приложилъ. Къ сѣмъ сы(ск)нымъ рѣчемъ діаконъ Симионѣй руку приложилъ. Къ симъ спроснымъ рѣчемъ стретенской попъ Яковъ руку приложилъ. Къ сѣмъ рѣчамъ попъ Екимъ руку приложилъ. Къ семъ рѣчемъ попъ Онтонъ руку приложилъ. Къ сѣмъ сыскнымъ рѣчемъ попъ Артемей руку приложилъ. Къ семъ сыскнымъ рѣчемъ никольской попъ Иванъ р. п. Къ семъ сыскнымъ рѣчемъ попъ Кирило р. п. Къ семъ речемъ попъ Антипа р. п. Къ семъ скнымъ рѣчемъ никольской попъ Гаврило р. п. Къ семъ скнымъ речемъ попъ Давыдъ р. п. Къ семъ рѣчемъ діаконъ Тереньтей р. п. Къ семъ сыскнымъ рѣчамъ Рожества Христова дьяконъ Федоръ р. п. Къ семъ скнымъ речемъ діаконъ Килоръ р. п. Къ семъ сыскнымъ рѣчемъ никольской діаконъ Самойло р. п.

. (Начала нѣтъ) и Муртаза о своемъ отпуске къ боярину и воеводамъ тезика Махмута и Семъбура бити челомъ посы(ла)лъ ли, и мы того не вѣдаемъ. А тезикъ Махмутъ къ боярину и воеводамъ ходилъ ли, и о чемъ ходилъ, и мы того не вѣдаемъ. А Муртаза къ боярину и воеводамъ съ тѣмъ тезикомъ какіе подарки посылалъ ли, и отъ мечети. ¹⁾ и воеводамъ Муртаза, чтобъ велѣлъ мечеть отпечатн (sic) ш(то). мы того не вѣдаемъ. А мечеть на гиланскомъ дворѣ рые люди пріезжаютъ изъ Кизылбашъ съ товары. боярину и воеводамъ отъ тѣхъ лавокъ даютъ ли или нѣтъ, того мы не вѣдаемъ. А товары по двору тѣхъ торговыхъ людей не волялися и продажи тѣмъ торговымъ людямъ никакіе не вѣда(емъ). А которыхъ тезиковъ изъ Асторохани четырехъ человекъ отпустили въ Каванъ, юргенца Девлетъ бая да кошанца Дербышъ Мамета, да гиланцовъ Ахмета да Кемяла, а што у нихъ золотыхъ отъ того взяли, и мы того не вѣдаемъ; а тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у новопріѣзжихъ людей украдомъ товаровъ покупаютъ ли, или не покупаютъ, и мы того не вѣдаемъ. А узорочные товары бояринъ и воеводы, и дьякъ на государя имали ли и деньги давали ли и казны, а сколько у кого какихъ товаровъ взяли и кому сколько за товары деньги давали, и мы того не вѣдаемъ. А на себя у тѣхъ новопріѣзжихъ людей бояринъ и воеводы, и дьякъ товаровъ какихъ имали ли и за товары и за товары имъ деньги платили, и мы того не вѣдаемъ. А на гилан(скомъ дворѣ) арменья живутъ, а именъ ихъ не вѣдаемъ; а на буха(рскомъ дворѣ) арменья нѣтъ. А которые крестилися, и тѣхъ зъ. сведи, а живутъ въ отстрогѣ въ посадцкихъ людехъ. А сыскныя рѣчи писалъ Томишко Наумовъ. *На оборотъ*. . . . монастыря чернай попъ строитель старецъ Мисайло во всѣхъ братій мѣста руку приложилъ. Къ семъ сыскнымъ речемъ старецъ Спасково монастыря Онисимище руку приложилъ. Къ семъ сыскнымъ речемъ попъ черной старецъ С. . . . стъ (Сильверстъ ?) руку приложилъ.

Астороханскихъ конныхъ стрельцовъ голова Данило Милославской и ево приказу сотники стрелецкіе, Василей Чупрасовъ, Тимофѣй Топорковъ, Посникъ Смагинъ, въ сыску сказали по государеву цареву и великого кн. Михайла Федоровича в. Р. крестному целованью: какъ пріѣхалъ съ Терки шахабасовъ гонецъ Хозя Муртоза, и къ судну дьякъ Василей Юдинъ пріѣзжалъ ли. (Далѣе идетъ почти полное повтореніе перваго показанія; отмѣчаемъ только отличія). а къ Семену

¹⁾ Края столбца оборваны.

Хозя Муртоза хаживаль, а для чево къ нему приходиль, и хто въ тѣ поры у Семена иныхъ какихъ людей были, и о чемъ съ нимъ Семень говорилъ, и хто въ тѣ поры толмачиль, того не вѣдаемъ. А тотарченкокъ Ивашко у Семена есть, а привезъ ево Гордѣй Пальчиковъ съ Еику, а изъ Асторохани послалъ ево Семень Головинъ съ лошадьми къ Москве съ Оксенкомъ вмѣсте А мечеть поставлена для кызылбаскихъ людей, и мечети не печатываль. А торговымъ прѣвзжимъ людямъ, которые прѣезжали изъ Кызылбашъ съ товары, и бояринъ и воеводы лавки на товаръ давать велѣли, а што посуловъ отъ тово имали-ль, того мы не вѣдаемъ. А тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у новыхъ у прѣезжихъ людей украдомъ не покупаютъ ничево А на гиланскомъ дворѣ арменья, Варганъ да Сергѣй, да Петръ, да Ѳедоръ, да Иванисъ, да Григорей, живутъ дворами, а сколь давно живутъ, того не вѣдаемъ. А которые арменья крещены, и тѣ сведены на посадъ и живутъ нынѣ въ посадцкихъ людяхъ. А сыскные рѣчи писалъ подъячей того же приказу Дениско Ивановъ.

Подписи: Къ семъ сыскнымъ рѣчемъ Данила руку (*дальше на скрътнѣ:*) приложилъ. Къ семъ сыскнымъ речемъ Василей Чюпрасовъ и вмѣст(о) Посниково да Тимоѳеево руку приложилъ.

Астороханскихъ пѣшихъ стрельцовъ голова Иванъ Чертковъ и ево приказу сотники Петръ Антоновъ, Григорей Кольцовъ, Любимъ Старковъ въ сыску сказали по государеву цареву и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному целованью: какъ прѣехалъ съ Терки шахбасовъ гонецъ (*и проч. На первомъ пунктѣ отозвались неопдѣннѣмъ. Дальше:*) А человекъ у него, что былъ у вора, у Ивашка Заруцково, Оксенкомъ зовутъ, взялъ его изъ тюрьмы и послалъ его Семень Головинъ изъ Асторохани въ станице къ Москвѣ своими лошадьми. (*И проч., какъ раньше.*) а тезикъ Магмутъ къ боярину и воеводамъ ходилъ ли (*и проч.*). А сыскные рѣчи писалъ Оска Яковлевъ сынъ Порошинъ.

Подписи на оборотѣ: Къ семъ сыскнымъ речамъ Петръ Антоновъ и въ Иваново место Черткова и въ свое руку приложилъ. Къ семъ (сы)скнымъ речамъ, Григорій Кольцовъ руку приложилъ. Къ семъ скнымъ рѣчамъ Григорій Кольцовъ въ Любимово место Старковъ р. п.

Голова казанскихъ стрельцовъ Гордѣй Пальчиковъ въ сыску сказалъ по государеву цареву и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному целованью. Какъ прѣехалъ съ Терки въ Астороханъ кызылбаской Шехобасовъ гонецъ Хозя Муртаза, и діякъ Василей Юдинъ къ судну вѣдилъ ли и съ нимъ таможенные головы были ли, и хто

быль головъ и целовальниковъ, и товаръ у него пересматривали ли, и грамота, которая писана (*и проч.*), и поминки, которые посланы были ко государю, отвезъ ли въ избу? и Семепъ Головинъ (*и проч.*), того я ничего не вѣдаю: былъ я тое осени на Москве, а зимоваль въ Казани. А человекъ у Семена Головина, Оксенкомъ зовуть, что служилъ у вора у Заруцкого, и тотарчонокъ Ивашко, что служилъ у вора жъ, Ивашка Заруцкого, есть, а послалъ ихъ въ станицѣ. . . . а коверъ шолковъ у Семена Головина, что видѣлъ Муртаза въ горницѣ, есть ли, и сколько Муртазу въ Асторохани держали, и на подворье къ боярину князю Ивану Никитичю Одоевскому, да окольничему Семену Головину по камѣ по цвѣтной, да по трои дорогъ, да по два саеяна, да по три кияка съ кѣмъ посылалъ ли, и какъ Муртаза въ судне хотѣлъ отпущатца съ берегу, и отъ боярина князя Ивана Никитича Одоевского, съ товарищи, къ нему на судно приставъ Донило приходилъ ли, и зяти его (*и проч.*), и бояринъ князь Иванъ Никитичъ, съ товарищи, съ тезикомъ съ Магмутомъ приказывали ли, чтобъ къ нимъ прислали къ двумъ по дватцати по пяти золотыхъ, да по двои дороги, да по два ансыря шолку аряского, и Муртаза къ нимъ золотые и кияки, и дороги, и шолкъ посылалъ ли, и отъ мечети боярину князю Ивану Никитичю да окольничему Семену Головину, чтобъ ему мечеть отпечатать велѣли, по двои дороги даль ли,—того я ничего не вѣдаю (*и проч.*). А товары тезикіе на дворѣ леживали дни по два и по три, покамѣста въ лавки измѣстятца, и продажи тѣмъ торговымъ людямъ отъ воеводъ никакіе не слыхали, а кого тезиковъ имянемъ отпустили въ Казань и сколько у нихъ взяли золотыхъ, того я не вѣдаю. А тезики, которые живутъ на гиланскомъ и на бухарскомъ дворѣ издавна и у новопріѣзжихъ людей товары украдомъ покупаютъ ли, того не ведаю. А узорошные товары бояринъ и воеводы, и съ ними таможенные головы у новопріѣзжихъ торговыхъ людей пересматриваютъ и емлютъ въ сѣзжую избу, а сколько какихъ товаровъ возьмутъ на государя, и что бояринъ и воеводы, и діакъ себѣ возьмутъ, того я не вѣдаю. А которые товары на государя имали, и за тѣ товары деньги изъ государевы казны сполна ли давали или не сполна, и хто арменьи въ Асторохани на гиланскомъ и на бухарскомъ дворѣ, того я ничего не вѣдаю. А сыскныя рѣчи писалъ Ивашко Гавриловъ лѣта 7124-го, августа въ 22 день. *На оборотъ:* Къ сѣмъ рѣчамъ Гордѣй руку приложилъ.

Дворяня и дѣти боярскіе Астарахансково города: Иванъ Ротиславской, Василей Износковъ, Оеонасей Аристовъ, Оедоръ Кутуковъ, Яковъ

Бухаровъ, Александръ Щекушицъ, Михайло Тарбѣевъ, Иванъ Обутковъ, Василей Пановъ, Третьякъ Волжинской, Михайло Блохинъ, Мисаилъ Оорпутиловъ, Максимъ Чекушниковъ, Пароень Брюшковъ, Марко Дрожинъ, Семепъ Шмеленковъ, Василей Рагозинъ, Борисъ Кузминской, Кирило Чюлковъ, Данило Кольцовъ, Сергѣй Кутуковъ, Ондрѣй Авдѣевъ, Иванъ Усовъ, Воинъ Васильчининъ, Василей Евтихѣевъ, Иванъ Кольцовъ, Матвѣй Анбаровъ, Иванъ Муравьевъ, Василей Уваровъ, Петръ Тарбѣевъ, Бессонъ Васильчининъ, Дмитрей Горожанкинъ, Май Тырковъ, Олексей Ростопчинъ, Иванъ Копьевъ, Кирило да Григорей Рагозины, Иванъ Шестаковъ, Олексѣй Кутуковъ, Степанъ Кутариновъ, Григорей Микулинъ, Олексѣй Бахмуровъ, Петръ Ростопчинъ, Степанъ Неклюдовъ, Микула Юдинъ, Иванъ Тырковъ, Ороль Шестаковъ, Булатъ Болковъ, Семенъ Копьевъ, Василей Пароеньевъ, Иванъ Севербѣевъ, Артемей Ростопчинъ въ сыску сказали: *(отозвались невѣдѣніемъ)*. А сыскные рѣчи писалъ сынъ боярской Иванъ Трусовъ.

Подписи: Къ сыснымъ къ семь речемъ Ооонасей Аристовъ руку приложилъ и в-Иванова места Ротисловѣвсково. Къ семь сыскнымъ рѣчемъ Михайла Блохинъ р. п. Къ семь сыскнымъ рѣчемъ Пароень Брюшковъ и в-Иваново мѣсто Шестакова р. п. Къ семь сыскнымъ речемъ Пстръ Тарбѣевъ и вмѣста Семена Копьева р. п. Къ семь сыскнымъ речемъ Василей Рагозинъ р. п. и въ Васильево мѣсто Износкова, и в-Иваново мѣсто Обуткова, и въ Кирилово мѣсто Рагозина р. п. Къ семь сыскнымъ речемъ Иванъ Тырковъ и вместо брата своего Мая Тыркова р. п. Къ семь сыскнымъ речемъ Кирила Чюлковъ р. п. Къ семь сыскнымъ речемъ Кирила Чюлковъ и въ Дмитреева места Горожанкина р. п. Къ семь сыскнымъ рѣчемъ Иванъ Муравьевъ р. п. Къ семь сыскнымъ речемъ Олексѣй Кутузовъ р. п. Къ семь сыскнымъ речамъ Данило Кольцовъ р. п. Къ семь сыскнымъ рѣчемъ Ортемей Ростопчинъ р. п. Къ семь къ сы(ск)нымъ речемъ Василей Уваровъ и вмѣсто Бориса Кузминсково р. п. Къ семь сыскнымъ речемъ Ондрей Тарабѣевъ и вмѣсто дяди своего Михайла Тарабѣева и вмѣсто Григорья Микулина руку приложилъ.

Въ сыску дворяне дѣти боярскіе казанскіе жильцы, Иванъ Семеновъ сынъ Оркатовъ, Неудача Никитинъ сынъ Кобяковъ, Савинъ Оедоровъ сынъ Пелепелицынъ, Василей Юрьевъ сынъ Писемской, Никита Домашнева сынъ Васюнинъ, Яковъ Васильевъ сынъ Державинъ, Иванъ Степановъ сынъ Пантелѣевъ, Бажѣнъ Левонтѣевъ сынъ Мещериновъ, Татаринъ Васильевъ сынъ Богдановъ, Ортемей Ивановъ сынъ Пелепелицынъ, Василей Тимоѣевъ сынъ Бѣлькинъ, Оедоръ Яковлевъ

сынъ Макаровъ, Ѳедоръ Семеновъ сынъ Васюнинъ, Гаврило Воиновъ сынъ Левашевъ, Ѳедоръ Меркульевъ сынъ Онучинъ, Сава Ондръевъ сынъ Айдаровъ, Елисей Ондръевъ сынъ Макаровъ, Петръ Дмитриевъ сынъ Ризинъ, Поснякъ Ондръевъ сынъ Белокуровъ, Григорей Дружининъ сынъ Тыхочевъ, Иванъ Петровъ сынъ Аминевъ, Куприянъ Муромцовъ сынъ Дубровинъ, Левонтей Олферьевъ сынъ Глядкоуъ, Иванъ Неустроевъ сынъ Маматовъ, Левонтей Левонтьевъ сынъ Мещериновъ, Иванъ Гавриловъ сынъ Щепинъ, Василей Давыдовъ сынъ Берсенеуъ, Иванъ Ивановъ сынъ Редриковъ, Григорей Спиридоновъ сынъ Глуховъ, Овдѣй Ивановъ сынъ Захаринъ, Василей Григорьевъ сынъ Берсенеуъ, Иванъ Деятова сынъ Волковъ, Никиѳоръ Михайловъ Волтоковъ, Василей Бахтеяровъ сынъ Писемской, Тихопъ да Иванъ Безсоновы дѣти Ростопчена, Олександра Штаринъ сынъ Озанъчѣевъ, Первой Обросимовъ сынъ Титовъ, Ондръѣй Посниковъ сынъ Белокуровъ, Смирной Меншова сынъ Ондrejaновъ, Семенъ Ивановъ сынъ Яшинъ, Прокоей Оѳонасьевъ сынъ Барсуковъ, Степанъ Юрьевъ Амиревъ, Борисъ Егуповъ Кѣзомиинъ, Ондръѣй Ивановъ сынъ Левонтовъ, Семенъ Неудашнова сынъ Пильниковъ; дворяне дети боярскіе Чебоксарскова города: Семенъ Ивановъ сынъ Болтинъ, Обрамъ Ѳедоровъ сынъ Каловской, Исакъ да Тимоѳей Михайловы дѣти Городецкіе, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Варыпасевъ, Данило Ондръевъ сынъ Богдановъ, Иванъ Романовъ сынъ Сежіотовъ, Гаврило Игнатевъ,—сказали (*и проч.*). . . Какъ прѣѣхалъ съ Терки въ Астороханъ кизылбаскова шахобасовъ гонецъ Хозя Муртоза, и дьякъ Василей Юдинъ къ суду ѣздилъ, а съ нимъ были таможенные головы Гаврило Онтипинъ да Лука Игнатевъ, да целовальники Зиновъ Дмитриевъ, съ товарищи, шесть человекъ, а головы, Гаврило да Лука, и цѣловальники сказали ли грамоту, которая писана отъ шаха ко государю у Ху (*sic*) Муртозы дьякъ Василей Юдинъ взялъ и товаръ у него пересматривали ли и грамоту дьякъ Василей Юдинъ повезъ въ избу съ собою, и поминки, которые посланы ко государю, отвезъ ли въ избу же,—того мы не вѣдаемъ. А для чего тое грамоту имали и назадъ тое грамоту отослали, и Семенъ Головинъ человекъ своего къ Муртозѣ на подворіе посылалъ ли, того не вѣдаемъ. А человекъ у него, Оксенкомъ зовутъ (*и проч.*), а татарченковъ Ивашко, што служилъ у вора, у Заруцкова, у Семена есть, а поѣхалъ въ станицѣ съ лошадьми, съ казанцомъ сыномъ боярскимъ съ Кручиною Богдановымъ. . . (*На все отозвались неспѣднѣемъ*). А сыскные рѣчи писалъ казанецъ Посникъ Бѣлокуровъ лѣта 7124-го году.

На оборотъ: Къ сѣмъ обыскнымъ рѣчамъ Савинъ Пелепелицынъ руку приложилъ. Къ с. р. Ѳедоръ Онучинъ р. п. Къ с. р. въ Левонтьеву

место Гляткова, да в-Иванова места Щепина, да в-Иванова места Пантелеева, да въ Ѳедорова место Васюнина Ѳедоръ Онучинъ р. п. Къ семь с. р. Ортемей Пелепелицынъ р. п. Къ семь обыскнымъ р. Василей Берсеньевъ р. п. Къ сему сыску въ Купреяново место Дубровина, да въ Прокоьево место Барсукова Борисъ Кезоминъ р. п. Къ сему сыску Борисъ Кезоминъ р. п. Къ сему обыску въ Васильево мѣсто Писемсково Степанъ Амиревъ р. п. Къ сѣмъ с. р. Степанъ Амиревъ р. п.

Свіяжскава города дворянѣ и дѣти боярскіе, Замятня Васильевъ сынъ Путиловъ, Матвей Семеновъ сынъ Пановъ, Кузьма Ивановъ сынъ Киреевъ, Иванъ Ивановъ сынъ Кресниковъ, Иванъ Степановъ сынъ Глѣбовъ, Лука Правшинъ сынъ Типшиновъ, Сергей Дунаевъ сынъ Юматовъ, Посникъ Казариновъ сынъ Корцовъ, Иванъ Матвеевъ сынъ Тишенковъ, Елизаръ Петровъ сынъ Шамской, Еоремъ Ивановъ сынъ Рубчинской, Иванъ Ивановъ сынъ Трусовъ, въ сыску сказали (*и проч. какъ оъ предыдущемъ*). А сыскные рѣчи писалъ Свіяжскава города сыпъ боярской Василей Выборской лѣта 7124-го августа въ 11 день.

На оборотъ: Къ семь с. р. и вмѣсто Ивана Кресникова и Замятни Путилова Иванъ Трусовъ р. п. Къ с. с. р. в-Иваново мѣста Глебова, да въ Сергеево место Юматова, да въ Елизарьево мѣсто Шамскова Посникъ Корцовъ р. п.

Нижегородцїе иноземцы, литва и нѣмцы, Иванъ Ерѣмеевъ Шортманъ немчинъ, Захарей Ивановъ Вестовъ, Юрьи Кулаковский, Иванъ Жмутцкой, Яковъ Лапиловскій, Михайло Хвалковский, Иванъ Швартъ, Юрьи Юрьевъ Рымеровъ немчинъ, Тимоѡѣй Ушкулевъ немчинъ, Иванъ Лавриновъ Морцовъ нѣмчинъ, Юрьи Мелдиръ, Семень Вестовъ немчинъ, Юрьи Ментуръ немчинъ, Романъ Ястровъ литвинъ, Микнооръ Магнушевскій, Еремка Анцовъ Швартовъ, Степанъ Бушотъ немчинъ, Иванъ Мустромень немчинъ, Михайло Матеѣевъ Оливекъ литвинъ, Микита Остаѡеевъ Розцинъ литвинъ, Кирилко Матеѡеевъ лукомленинъ, Мартинъ Мартиновъ Олигиръ немчинъ, Елисей Ушкулевъ немчинъ, Денисъ Врангилевъ литвинъ, Степанъ Ѳедоровъ литвинъ, Кондратей Степановъ новокрещенъ, Михалко Максимовъ немчинъ, Александръ Юнтыровъ, Иванъ Станиславовъ Семиношка (?) немчинъ, Юрьи Рыгеръ немчинъ, Михайло Михайловъ Оливеръ немчинъ, Якушко Мептуровъ литвинъ, Квиско Яновъ Юркинскій литвинъ, Овдрюшка Микнулаевъ литвинъ, Петрушка Яковлевъ Хвацевскій, Васка Ждановъ, Семейка Масловъ литвинъ, Павелъ Ивановъ Чорной новокрещенъ, Макарей Власовъ литвинъ, Обрамъ Григорьевъ литвинъ, Семень Лукояновъ литвинъ, Адамъ Жадотцкой, Иванко Островской Большой,

Захарко Петровъ Маневъ псмчинъ, Пантѣлейко Ивановъ Анцовъ литвинъ, Тимошка Микиѳоровъ Магнушевскій немчинъ, Дениско Кляусовъ Гетлинъ немчинъ, Данилко Дапиловъ Стенбирховъ литвинъ, Остаѳѣй Хобенскій, Якушко Ёинковъ литвинъ, Якушко князь Головинъ Малишевскій, Ошонка Микулаевъ, Ивашко Островской Меншой, Ёролко Степановъ, Осипко Троиимовъ, Ёедька Тормосовъ, Марко Мартеяновъ новокрещенъ, Ёедось Семиновъ, Юрьи Ёедоровъ, Микулай Тротцкой, Гарасимко Богдановъ, Ондрѣй Вотской, — въ сыску сказали всѣ иноземцы по государеву ц. и в. кн. Михайла Ёедоровича в. Р. крестному целованью: *(на все отозвались невѣдѣніемъ)*. А сыскныя рѣчи писалъ литвинъ Микиѳорко Магнушевской.

На оборотъ подписи:

Hans Schurtman myn egen Handt.

Arendt Westhoff myn egen Hand.

Symon Westhoff myn egen Handt.

Dyonnys Wrangil myn egen Handt.

Ich Hanz Nyrudt min egen Handt.

Къ сему къ сыску Юрьи Булаковскій руку приложилъ.

Iwan Zmuczky ksyomu obysku ruku prylosyl.

Ich Steffen Busot min egen Handt.

Ich Mychel Flūweck myn egen Handt.

Ich Matthias Flūwerck myn egen Handt.

Ich Danysel Fluwerck myn egen Handt.

Jurgon Ryor myn egen Handtt.

Ian Hostinsky ruku prylosyl ksziemu obisku.

Reinholdt. myn egen Handt

Werner Schwardt myn egen Handt.

Ich Ganz Münsterman meyn egen Handt.

Къ семъ сыскнымъ речамъ Василей руку приложилъ.

Jak Marten Flūig myn egen Handt.

Къ сему обыску Микита руку приложилъ.

Къ семъ сыскнымъ речамъ Осипко руку приложилъ.

Къ семъ сыскнымъ речамъ Еремѣа руку приложилъ.

Астороханскіе подъячіе Прокофей Оедоровъ, Мирославъ Бологовской, Иванъ Михайловъ, Иванъ Лопухинъ, Терентей Матвѣевъ, Дорогой Одинцовъ, Левонтей Третьяковъ, Григорей Вѣлковъ, Осипъ Грязново, Василей Шеврига, Лева Ёроловъ, Ондрюшка Воронинъ въ сыску сказали по государеву цареву и в. кн. М. Ё. в. Р. крестному целованью. Въ прошломъ въ 122-мъ году, какъ приѣхалъ съ Терка въ Астороханъ

кызылбашсково шахъ Аббасовъ купчина Хозя Муртоза, и бояринъ и воеводы, князь Ивапъ Никитичъ Одоевской, да окольнічей Семенъ Головинъ послали на берегъ къ Муртозину судну діяка Василья Юдина да съ нимъ таможенныхъ головъ, Гаврила Онтипина да Луку Юдина, да целовальниковъ, Зинова Дмитреева съ товарищи, а велѣли товары его пересмотрѣть, и на смотре взялъ діякъ Василей у Муртозы шахъ Аббасову грамоту, которая послана съ нимъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. къ Москвѣ, а назадъ еѣ къ нему отослали съ подъячимъ, со мною, Иваномъ Михайловымъ, а ко государю что съ нимъ было даровъ, и онъ, Муртоза, тѣ дары принесъ въ съѣзжую избу самъ, и бояринъ и воеводы, князь Иванъ Никитичъ съ товарищи, тѣ дары велѣли въ съѣзжей избѣ переписать при немъ, Муртозѣ, а для чего шахаббасову грамоту у него имали, и Семенъ Головинъ человѣка своего къ Муртозѣ на подворье послали-ль, того не вѣдаемъ. А люди ево, Оксенкомъ зовутъ, да тотарченкоу Ивашко, что служили у вора Ивашка Зарутцкого, есть, и тѣхъ онъ людей послалъ вверхъ въ конной станицѣ съ лошадьми. А Муртоза къ Семену Головину на подворье ходилъ ли, и о чемъ съ Семеномъ говорилъ, и хто межъ ими толмачилъ, и коверъ у Семена, что видялъ Муртоза у Семена въ горницѣ, есть ли, и къ боярину, ко князю Ивану Никитичю Одоевскому, да къ Семену Головину на подворье по камѣ цветной, да по трои дороги, да по два сабяна, да по три киндяка Муртоза тѣмъ посылалъ ли, — того ничего не вѣдаемъ. А какъ Муртоза отпускался въ суднѣ отъ Асторохани прочь, и бояринъ и воеводы, князь Ивапъ Никитичъ Одоевской съ товарищи, посылали къ нему на судно по зятя его, по Хозь Магметя, пристава Данила, и зятя его съ судна пристава ималъ для того: билъ челомъ на зятя его тезикъ Нагметъ и писалъ на немъ, бутто зятъ его овормилъ у него брата родного. А Муртозы въ Асторохани послѣ того не держали, жилъ онъ своимъ преизволеніемъ. А тезика Магмута Муртоза о своемъ отпуске къ боярину и воеводамъ посылалъ ли, и бояринъ князь Иванъ Никитичъ, съ товарищи, съ тезикомъ, съ Магмутомъ, къ нему приказывалъ ли, чтобъ прислалъ Муртоза къ нимъ, къ двумъ, князю Ивану да Семену, по дватцати по пяти золотыхъ да по двои дороги, да по два ансыря шолку яражского, и Муртоза къ нимъ золотые и киндяки, и дороги, и шолкъ посылалъ ли, и отъ мечети боярину князю Ивану Никитичю да окольнічому Семену Головину, чтобъ ему мечеть велѣли отпечатати, по двои дороги даль ли, того ничего не вѣдаемъ. А ставилъ Муртоза мечеть для себя и для иныхъ кызылбашень, а мечети не печатывали. А торговымъ приѣзжимъ

людемъ, которые прїѣзжали изъ Кизилбашъ съ товаромъ, бояринъ князь Иванъ и окольничей Семенъ лавки на товаръ давать велѣли, и отъ того у торговыхъ людей посулъ имали-ль, того не вѣдаемъ. А товары тезиткїе на гостинѣ на гилянскомъ дворѣ леживали дни по два и по три, покамѣста лавки измѣстятся, и продажи тѣмъ торговымъ людямъ отъ боярина и воеводъ никакїе не слышали. А которыхъ тезиковъ отпустили изъ Асторохани въ Казань, четырехъ человекъ, юргенца Девлетбала да кошенца Дербышъ Мамета, да гилянцовъ, Арахмета да Кимала, и съ нихъ золотые имали ль, и сколько у кого взяли, того не вѣдаемъ. А тезики, которые живутъ на гилянскомъ и на бухарскомъ дворѣ издавна, и тѣ тезики у новыхъ прїѣзжихъ людей товары украдомъ покупаютъ для того, что указано съ нихъ имати перекупные пошлины съ рубля по два алтына, и имъ бы тоѣ пошлины не платити. А узорочные товары, у которыхъ торговыхъ людей объявятца на смотрѣ, которые торговые люди прїѣзжаютъ въ Асторохань изъ за моря, и тѣ товары емлютъ у торговыхъ людей на государя бояринъ и воеводы, и дякъ, да съ ними таможенные головы и цѣловальникъ, да за тѣ товары давали торговымъ людямъ по ценѣ деньги, а товары посылали ко государю къ Москвѣ, а бояринъ и воеводы, князь Иванъ съ товарищи, изъ тѣхъ товаровъ себѣ имали-ль или нѣтъ, того не вѣдаемъ. А сыскные рѣчи писалъ подъячей Гришка Белковъ.

На оборотъ: Къ семь рѣчемъ Проня Федоровъ р. п. Къ семь р. Мирославо р. п. Къ семь рѣчамъ Ивашо Михайловъ р. п. Къ семь рѣчемъ Ивашко Лопухинъ р. п. Къ семь рѣчамъ Дорогинка Одинцовъ р. п. Къ семь рѣчамъ Терешка Матвѣевъ р. п. Къ семь рѣчамъ Васка Еорѣмовъ р. п. Къ с. рѣчемъ Оська Грязновъ р. п. Къ семь речамъ Левка Орловъ р. п.

Астороханскїе конные стрѣльцы Данилова приказу Ивановича Милославсково. Сотня Василья Чупрасова: пятидесятникъ Степанко Ивановъ нижегородецъ, Меркушко Максимовъ астороханецъ, Осипко Ивановъ васплегородецъ, Онтонко Несвитаевъ астороханецъ, Ивашо Михайловъ, Петрушка Ждановъ Баконъ, Игнашка Симановъ астороханецъ, десятникъ Ивашко Ульяновъ чабаксаренинъ, Ларка Борисовъ вятчанинъ, Любимъ Овонасьевъ нижегородецъ, Макарко Дементьевъ ростовецъ, Иванко Федоровъ юрьевчанинъ, Оволя Кузминъ астороханецъ, Иванко Тимоѣевъ алаторецъ, Ондришка Семеновъ песоченинъ, Микифорко Ивановъ Шваловъ, Ивашко Максимовъ астороханецъ, Степанко Никитинъ москвитинъ, Ивашко Борисовъ астороханецъ, Киришка Григорьевъ астороханецъ, Исачко Степановъ

Кисельниковъ, Сенька Семеновъ астороханецъ, Ромашко Григорьевъ астороханецъ, Малахъ Овтипинъ ярославецъ, Гриша Федоровъ луховецъ, Степанко Степановъ Кисельниковъ, Прибылой Никитинъ астороханецъ, Матюша Петровъ алышевецъ, Посничко Петровъ москвитинъ, Бессонко Ивановъ патчанинъ, Олдриша Ермолаевъ олексинецъ, Иванко Ивановъ кадуревецъ, Олеша Степановъ астороханецъ, Ларя Ивиповъ суздалецъ, Васка Яковлевъ астороханецъ, десятникъ Бориско Григорьевъ москвитинъ, Семейка Захарьевъ галичанинъ, Агѣйко Ивановъ орленинъ, Михалко Ивановъ Батраковъ, Петрушка Григорьевъ капевецъ, Жданко Максимовъ москвитинъ, Климъ Ильинъ астороханецъ, Ивашко Демидовъ астороханецъ, Левка Васильевъ а-цъ, Ивашко Елизарьевъ а-цъ, Микитка Панкратьевъ суздалецъ, Титко Костивтиновъ переславецъ, Якунка Ѳедоровъ а-цъ, Куземка Ѳедоровъ москвитинъ, Якунка Тимоѳьевъ а-цъ, Ивашко Игнатьевъ костромитинъ, десятникъ Васка Кирьяковъ а-цъ, Ларка Пантелѣевъ переславецъ, Гриша Ивиповъ путимецъ, Богдашко Ѳедоровъ романовецъ, Максимко Никитинъ а-цъ, Гаврилко Богдановъ Кайдаловъ, Михѣйко Пятовъ а-цъ, Иванко Григорьевъ Трескинъ, Оюня Савельевъ костромитинъ, Якунка Гавриловъ Лебяжинской, Васка Тихоновъ суздалецъ, Васка Павловъ а-цъ, десятникъ Семейка Ивановъ Овсяникъ, Митя Логиновъ галичанинъ, Ондришка Крисанфовъ астороханецъ, Михѣйко Васильевъ Шулгинъ Серега Степановъ а-цъ, Савостьянъ Олексѣевъ астороханецъ, Невѣресъ Ширяевъ казанецъ, десятникъ Оноха Максимовъ Горлицевъ, Обросимко Ивановъ москвитинъ, Ивашко Еремѣевъ астороханецъ, Казаринко Тимоѳьевъ коломнетинъ, Булгачко Тихоновъ резанецъ, Суря Ондрѣевъ резанецъ, десятникъ Кондрашка Семеновъ тверитинъ, Дорочка Ѳроловъ свѣяженинъ, Гаврилко Ивановъ мясникъ, Емеля Никиѳоровъ а-цъ, Яшка Ивановъ а-цъ, Демидко Васильевъ резанецъ. Сотня Тимоѳья Топоркова, пятидесятникъ Семейка Оноѳреевъ москвитинъ, Наумко Осиповъ болховитинъ, Митя Лукьяновъ мещеринъ, Микиѳорко Лукьяновъ казанецъ, Иванко Денисовъ москвитинъ, Микиѳорко Микулинъ туленинъ, Михалко Ѳилиповъ волочанинъ, Данилко Михайловъ Чортовъ, Семейка Федоровъ Вяткинъ, десятникъ Ондришка Никитинъ а-цъ, Михалко Фроловъ а-цъ, Микулка Даниловъ казанецъ, Сергушка Даниловъ а-цъ, Тонкушка Ондрѣевъ тотменинъ, Янка Ондрѣевъ а-цъ, Васка Алексѣевъ москвитинъ, Степанко Яковлевъ донковецъ, десятникъ Филипко Ѳедоровъ Ровново, Ивашко Ивановъ ярославецъ, Илейка Сысоевъ москвитинъ, Шумилко Михайловъ лшанинъ, Лучка Матвѣевъ балахонецъ, Ермачко Карповъ балахонецъ, Ивашко Ивановъ Ушаковъ,

Олеша Обрасимовъ городчанинъ, Иванко Емельяновъ а-цъ, десятникъ Девятка Офонасьевъ Колобовъ, Елизарко Лукьяновъ Шишкинъ, Епивоанко Овдокимовъ балахонецъ, Осипко Гавриловъ москвитинъ, Демка Сергѣевъ Пеуновъ, Митька Семеновъ сапожникъ, Ивашко Иваповъ а-цъ, Пятунька Ивановъ балахонецъ, Васька Лаврентьевъ касимовецъ, Оедька Левонтьевъ городчанинъ, десятникъ Ондрюша Никитинъ смольянинъ, Юшка Дмитриевъ балахонецъ, Васка Мартыновъ галичанинъ, Петрушка Мининъ Шулга, Ондрюша Михайловъ Сурначевъ, Ивашко Мокѣевъ балахонецъ, Гарасимко Давыдовъ ржевитинъ, Иванко Тимоѣевъ Витушникъ, Иванко Михайловъ Аркатъ, пятидесятникъ Лукьянко Сидоровъ олексинецъ, Василей Васильевъ Еремѣевъ, Пронька Аристовъ олексинецъ, Ганька Терентьевъ астороханецъ, Кормилко Ооминъ а-цъ, Оволя Никитинъ шатчанинъ, Никитка Ивановъ Губаревъ, Иванко Оедоровъ Стародубъ, Сенька Бессоновъ а-цъ, Игнаша Федоровъ москвитинъ, Степанъ Спиридоновъ коломнетинъ, десятникъ Тимошка Васильевъ а-цъ, Василей Васильевъ москвитинъ, Илейка Юдинъ а-цъ, Оедька Оедоровъ Кусакинъ, Богдашко Ивановъ москвитинъ, Васка Оедоровъ Пивдо, Куземка Матвѣевъ пермитинъ, Петрушка Семеновъ Агапитовъ, Оська Игнатевъ а-цъ, десятникъ Григорей Игнатевъ казанецъ, Иванко Онисимовъ москвитинъ, Еска Гавриловъ Стригинъ, Божѣнъ Олексѣевъ москвитинъ, Лазарко Ивановъ володимерецъ, Овдокимко Дементьевъ казанецъ, Оедька Федоровъ Роговъ, Максимко Ивановъ а-цъ, Гаврилко Ивановъ Карамышевъ, десятникъ Иванко Ивановъ любимецъ, Иванко Олександровъ нижегородецъ, Овопья Панкратовъ, Василе(й) Городецъ, Оедька Остаевъ ноугородецъ, Игнаша Окинѣевъ Болдырь, Игнаша Тимоѣевъ Хохловъ, Ивашко Михайловъ касимовецъ, десятникъ Данилко Сысоевъ резанецъ, Бессонко Клементьевъ бронникъ, Дѣйко Ивановъ москвитинъ, Савка Ооминъ резанецъ, Неустройко Ивановъ Булгаковъ, Ждапко Ябковлевъ олексинецъ, Никиоорко Ивановъ резанецъ, Пронька Оадѣевъ Стародубъ, въ сыску свазали (*ничего не вѣдаютъ*). А сыскные рѣчи писалъ пятисотной подъячей Дениско Ивановъ стародубецъ.

На оборотъ. Къ семь речамъ стрелецъ Гаврилко Карамышевъ руку приложилъ. Къ семь рѣчемъ рядовой стрелецъ Васька Петровъ р. п. Къ семь речемъ стрелецъ Ивашко Максимовъ р. п. Къ семь рѣчемъ Тимошка Васильевъ р. п. Къ семь распроснымъ речамъ Меркуша Максимовъ р. п. Къ семь распроснымъ речамъ Семейка Безсоновъ р. п.

Астороханскіе стрѣльцы Олексѣева приказу Никитича Шушерина.

Сотня Ивана Стаханова: пятидесятникъ Опуча Оеонасьевъ москвитинъ, Ивашко Степановъ москвитинъ, Дружинка Ондръевъ ярославецъ, Васька Троимовъ коширенинъ, Матюша Ондросовъ риленинъ, Проня Чъевъ ноугородецъ, Домка Язимовъ рязщенинъ, Илья Оедоровъ арзамасецъ, Матюша Дмитриевъ ноугородецъ, Булгавъ Тимоѳевъ реванецъ, десятникъ Григорей Овдокимовъ колуженинъ, Домка Онаньинъ муромецъ, Ивашко Дивъевъ суздалецъ, Оська Потаповъ шуянинъ, Малахъ Агъевъ переславецъ, Данилко Степановъ ростовецъ, Ермолка Семеновъ суздалецъ, Матюша Ортемьевъ москвитинъ, Ивашко Яковлевъ москвитинъ, десятникъ Кондратей Марковъ козлетинъ, Семейка Никитинъ белозерецъ, Треня Радіоновъ костромитинъ, Ивашко Оедоровъ москвитинъ, Богдашко Федоровъ коломятинъ, Ывашко Потаповъ луловецъ, Богдашко Ивановъ ноугородецъ, Ивашко Степановъ Шербакъ, Оиля Лукіяновъ ярославецъ, Мишка Ивановъ арзамасецъ, Ивашко Тимоѳевъ галиченинъ, Ондрюшка Петровъ москвитинъ, Ивашко Григорьевъ шатченинъ, Ивашко Володимеровъ костромитинъ, Кондрашка Логиновъ шуянинъ, десятникъ Бесонъ Никитинъ астроханецъ, Селиванко Клементіевъ москвитинъ, Митя Гарасимовъ москвитинъ, Гриша Тимоѳевъ ляхъ, Ивашко Максимовъ ярославецъ, Данилко Михайловъ нижегородецъ, Посникъ Михайловъ москвитинъ, Серога Исаевъ ярославецъ, Васька Олексъевъ москвитинъ, Семейка Радіоновъ костромитинъ, пятидесятникъ Олексѣй Давыдовъ москвитинъ, Семейка Михайловъ любимецъ, Посникъ Оедоровъ астроханецъ, Оедоръ Олферьевъ каргополецъ, Ивашко Гавриловъ воложенинъ, Серога Мартемьяновъ Кувшининъ, Ивашко Филиповъ колмогорецъ, Васька Левонтиевъ Воротниковъ, Иванъ Микулинъ астроханецъ, Иванъ Митрофановъ ярославецъ, десятникъ Павелъ Григорьевъ михайловецъ, Ивашко Оедоровъ коломятинъ, Степанъ Ивановъ костромитинъ, Семейка Ивановъ воложенинъ, Трофимко Васильевъ москвитинъ, Баженко Ивановъ астроханецъ, Иванъ Ивановгородчанинъ, Васька Злобинъ тверитинъ, Белайко Оедосъевъ белянинъ, Дружинка Исаевъ нижегородецъ, десятникъ Семейка Троимовъ астроханецъ, Гриша Ильинъ углеченинъ, Васька Малаѳевъ астроханецъ, Васька Григорьевъ нижегородецъ, Тимошка Никитинъ костромитинъ, Дороѳей Васильевъ Бовыкинъ, Ивашко Семеновъ Грибановъ, Оедоско Оедоровъ переславецъ, десятникъ Троимъ Васильевъ москвитинъ, Оетька Онаньинъ костромитинъ, Серога Гавриловъ астроханецъ, Ивашко Григорьевъ суздалецъ, Оетька Петровъ касимовецъ, Степанко Денисовъ астроханецъ, Оетька Нечяевъ астроханецъ, Гриша Васильевъ астроханецъ, Марко Еоимовъ касимовецъ,

десятникъ Онанья Ооонасьевъ володимерецъ, Мартинко Наумовъ казанецъ, Миня Викулинъ казанецъ, Ондрюшка Кондратьевъ нижегородецъ, Оетька Неклюдовъ коширенинъ, Ивашко Яковлевъ нижегородецъ, Ромашко Матвѣевъ москвитинъ, Палка Васильевъ нижегородецъ Васька Радіоновъ костромитинъ, Оснашка Ивановъ казанецъ, въ смыску сказали (*ничего не вѣдаютъ*). А сыскныя рѣчи писалъ пятисотной подъачей Дружинка Степановъ.

На оборотѣ: Къ семь сыскнымъ речамъ десятникъ Семейка Троимовъ р. п. Къ семь сыскнымъ рѣчамъ Ивашка Микулинъ р. п. Къ семь сыскнымъ речамъ Посникъ Оедоровъ р. п. Къ сѣмъ сыскнымъ рѣчемъ Ивашко Соколовъ р. п. Къ с. с. р. Томилко Наумовъ р. п. Къ семь сыскнымъ речемъ Левка Григорьевъ р. п. Къ семь сыскнымъ речѣмъ десятникъ Тренька ростовецъ р. п.

Астороханскія стрельцы Иванова приказу Григорьевича Черткова. Петровы сотни Онтонова: пятидесятникъ Кузьма Еерѣмовъ болахонецъ, Ивашко Оедоровъ псковитинъ, Тимошка Мининъ астороханецъ, Матюшка Ивановъ Маленькой, Михалко Григорьевъ астороханецъ, Ооонька Яковлевъ одовецъ, Бориско Оксентьевъ ноугородецъ, Жданко Григорьевъ козанецъ, Михалко Ивановъ нерехченинъ, Тренька Оедоровъ ерославецъ, Кузьма Яковлевъ кашинецъ, Томилко Ивановъ астороханецъ, Дружинка Григорьевъ москвитинъ, Сидоръ Ивановъ кузнецъ, Петрушка Микитинъ ерославецъ, Гаврилко Яковлевъ володимерецъ, Данилко Посниковъ астороханецъ, Васко Тимоѣевъ астороханецъ, десятникъ Гришка Михайловъ гороховленинъ, Якушко Власовъ нижгородецъ, Ивашко Семеновъ белозерецъ, Обрамко Селивановъ астороханецъ, Данилко Овдохимовъ туленинъ, Митька Григорьевъ аст., Кирилка Ивановъ аст., Кирилка Петровъ аст., Тихонка Прокоеевъ аст., Ивашко Ондрѣевъ аст., Кирилка Матеѣевъ астороханецъ, Петрушка Ондрѣевъ аст., пятидесятникъ Тимоѣй Михайловъ костромитинъ, Осипка Олексѣевъ астор., Лучка Перейлевъ аст., Васка Дороеѣевъ аст., Ооонька Васильевъ аст., Оролко Павловъ вязьметинъ, Оетька Лукьяновъ москвитинъ, десятникъ Посникъ Соооновъ бѣжеченинъ, Данилко Оедоровъ костромитинъ, Игнашка Микитинъ муромецъ, Ивашка Ондрѣевъ болахонецъ, Якушко Ивановъ москвитинъ, Сооонька Савельевъ туленинъ, Ивашка Ивановъ володимерецъ, Ивашко Ивановъ аст., Илейка Ивановъ аст., Стенька Яковлевъ астор., Тимошка Ивановъ аст., Ооонька Лукьяновъ шуенинъ, Онанья Ондрѣевъ москвитинъ, Митька Григорьевъ москв., Дениска Васильевъ луховецъ, десятникъ Оетька Никиѳоровъ костромитинъ, Ивашка Семеновъ шатченинъ, Гришка

Григорьевъ аст., Ооонька Филиппевъ аст., Лучка Ивановъ аст., Данилка Сунгуровъ аст., Оиьлка Ондрѣевъ аст., Степанка Еремѣевъ аст., десятникъ Пятунька Игнатъевъ нижегородецъ, Оиьлка Ивановъ коломятинъ, Оетька Трооимовъ аст., Тимошка Ивановъ аст., Гришка Левонтьевъ аст., Ларька Денисовъ аст., Ивашка Оеоиловъ аст., Оиоорей Борисовъ шуенинъ. Сотня Савы Рагозина: пятидесятникъ Богданъ Михайловъ востромитинъ, Данилка Григорьевъ аст., Найднка Ооминъ москв., Данилка Ивановъ волошенинъ, Ондрюшка Трооимовъ аст., Кирилка Яковлевъ аст., Первушка Григорьевъ алаторецъ, Левка Семеновъ древецъ, Осипка Ивановъ аст., Игнашка Дмитриевъ аст., десятникъ Тимошка Олексѣевъ аст., Васка Ивановъ вологженинъ, Онисимка Оедоровъ москв., Петрушка Дементъевъ переславецъ, Емелька Меркулевъ козанецъ, Ларя Ивановъ резанецъ, Агѣйко Агапитовъ туленинъ, Семейка Романовъ аст., десятникъ Тонеуша Гавриловъ муромецъ, Степанка Ивановъ нижегородецъ, Ивашка Семеновъ аст., Сидорка Семеновъ коширенинъ, Левка Игнатъевъ костромитинъ, Левка Оормонтъевъ ерославецъ, Васка Ивановъ подоленинъ, Якушко Степановъ нижегородецъ, Васка Ивановъ аст., десятникъ Митька Ивановъ Хохловъ, Ивашка Васильевъ аст., Михалка Васильевъ аст., Якимка Васильевъ козанецъ, Гришка Гавриловъ веритинъ, Гришка Кондратьевъ аст., Семейка Родивоновъ луховецъ, Титка Оелелѣевъ аст., Олешка Ивановъ козанецъ, Ивашка Тихановъ одоевецъ, Титка Дороеѣевъ аст., пятидесятникъ Олексѣй Кузьминъ аст., Оетька Васильевъ нижегородецъ. Сотня Любима Старкова: пятидесятникъ Дмитрий Васильевъ москв., Левка Семеновъ орзомасецъ, Ивашко Сомойловъ нижегородецъ, Ивашка Ильинъ козанецъ, Родька Ивановъ Кисель, Первушка Оедоровъ москв., десятникъ Гришка Григорьевъ мещеряеъ, Потеха Оодѣевъ муромецъ, Васка Юрѣевъ резанецъ, Гаврилка Ивановъ аст., Ларя Емельяновъ рященинъ, Елька Петровъ аст., Ондрюшка Дементъевъ павловецъ, Ортюшка Тимоеѣевъ аст., десятникъ Михалко Говриловъ аст., Оролко Михайловъ аст., Володька Кузьминъ аст., Торасъ Семеновъ костромитинъ, Ларя Максимовъ болахонецъ, Оетька Аристовъ козанецъ, Нехорошей Оедоровъ нижегородецъ, Олешка Григорьевъ пронченинъ, десятникъ Меншикъ Григорьевъ коргополецъ, Анкудинка Вохромѣевъ аст., Русинка Ооминъ ростовецъ, Оетька Порѣеневъ аст., Жданка Гавриловъ козанецъ, Шестакъ Ларіоновъ москв., десятникъ Ондрѣй Долматовъ москв., Митька Кузьминъ рященинъ, Оетька Потаповъ ноугородецъ, Степанка Олексѣевъ аст., Ивашка Юрѣевъ аст., Васка Ивановъ резанецъ, Ивашка Григорьевъ аст., пятидесятникъ Жданъ Олексѣевъ болахонецъ, Сергушка

Павловъ нижгородецъ, Пронька Ивановъ нижгородецъ, Ортюшка Ивановъ галиченинъ, Лазорка Прокоевъ одоевецъ, Климка Александровъ аст., Торасъ Петровъ туленинъ, Васка Еюимовъ колуженинъ, Овере Фодоровъ рыбниъ, десятникъ Ивашка Тимоѳевъ шуенинъ, Осишка Порошинъ костромитинъ, Семейка Ульиновъ аст., Степанка Костентиновъ аст., Тимоха Борисовъ коломятинъ, Ивашка Михайловъ рященинъ, Ивашка Савеловъ козанецъ, Якушко Даниловъ Трусовъ, Горасимка Сергѳевъ аст., Фетька Ивановъ ржевитинъ, десятникъ Ивашка Васильевъ шатченинъ, Томилка Фобоновъ ерославецъ, Никонка Ондрѳевъ резанецъ, Ивашка Власовъ резанецъ, Фролко Ивановъ аст., Матюшка Торасовъ аст., Гаврилка Ивановъ аст., десятникъ Ивашка Фодоровъ Долгой, Фетька Пароеневъ аст., Левка Ондрѳевъ юрьевченинъ, Фетька Филиповъ аст., Дороѳийко Филиповъ аст., Антипка Ондрѳевъ аст., Минька Никоновъ аст., Васка Михайловъ аст., Максимка Ивановъ коломятинъ, десятникъ Семейка Ивановъ вязьметинъ, Яковъ Васильевъ ерославецъ, Мокаръ Ивановъ аст., Мелехъ Фонасьевъ аст., Васка Ивановъ переславецъ, Ивашка Юрьевъ аст., Фетька Даниловъ астороханецъ. Сотни Григорья Кольцова: пятидесятникъ Зовьялъ Прокоевъ ерославецъ, Фетька Ивановъ коширенинъ, Куземка Даниловъ аст., Васка Ивановъ нижгородецъ, Фетька Михайловъ аст., Игнашка Петровъ аст., Нестерка Костентиновъ белевецъ, Михалко Ивановъ ноугородецъ, Матюшка Максимовъ аст., Ивашка Мокѳевъ ржевитинъ, Андришка Онисимовъ аст., Первшка Богдановъ ростовецъ, Мартышка Даниловъ нижгородецъ, Михалка Дмитреевъ аст., Ивашка Сидоровъ ерославецъ, десятникъ Васка Оксеновъ ерославецъ, Гришка Ивановъ Мутищовъ, Ивашка Васильевъ нижгородецъ, Илейка Гавриловъ аст., Михалко Родивоновъ строчникъ, Михалка Михайловъ москв., Васька Калининъ аст., Демка Лукьяновъ козанецъ, Ивашка Лукьяновъ аст., десятникъ Ивашка Семеновъ колмогорецъ, Филпка Соиловъ (?) нижгородецъ, Гришка Михайловъ деневецъ, Ивашка Карповъ козанецъ, Федька Михайловъ аст., Фетька Семеновъ аст., Данилка Ивановъ аст., Ондришъ Лукьяновъ москв., Ивашка Михайловъ аст., десятникъ Фетька Онтоновъ одоевецъ, Михалко Фодоровъ аст., Костя Борисовъ аст., Наумка Яковлевъ аст., Сомсонъ Исаевъ аст., Ивашка Ондрѳевъ аст., Степанка Яковлевъ аст., пятидесятникъ Пятокъ Никиѳоровъ москв., Дениска Гавриловъ каргополецъ, Демка Герасимовъ аст., Гаврилка Гордѳевъ москв., Ивашка Ивановъ москв., Ивашко Григорьевъ москв., Фетька Петровъ яитцкой, Микитка Клементьевъ плесянинъ, Ларя Фоминъ болахонецъ, Горасимка Кириловъ болахонецъ, Микулка Григорьевъ болахонецъ,

Игнашка Родивоновъ тверитинъ, Кузьма Мокаровъ ржевитинъ, десятникъ Власъ Левонтьевъ вурмышенинъ, Олешка Пиминовъ варгополець, Микитка Тимоѳеевъ аст., Матюшка Ондрѣевъ аст., Петрушка Петровъ аст., Агѣйка Павловъ аст., Детео Ѳедоровъ аст., Первущка Михайловъ аст., Ивашка Павловъ аст., Петрушка Ворламовъ аст., десятникъ Павелъ Мартыновъ переславецъ, Ондрюшка Григорьевъ аст., Кирилка Еорѣмовъ аст., Илейка Лукьяновъ аст., Богдашка Лукьяновъ унженинъ, Ондрюшка Яковлевъ аст., Савка Степановъ свіяженинъ, Герасимка Петровъ аст., Васка Кондратьевъ аст., десятникъ Тренъка Еремѣевъ москв., Онтонка Васильевъ аст., Трощимка Влосовъ аст., Ивашка Ларивоновъ аст., Тораська Ивановъ аст., Якимка Костентиновъ аст., Елька Ивановъ аст., Ѳетька Семеновъ аст., Митька Ѳедоровъ аст., Михалка Кузьминъ астороханецъ,—въ сыску скозали (*и проч.*), тово не вѣдаемъ, а были мы въ тѣ поры по государевымъ службамъ на Яике и въ Козани. А человекъ у Семена Головина, Оксенкомъ зовутъ . . . (*и на все прочее отозвались негодѣниемъ*). А орменя въ Асторохани на гиланскомъ дворѣ есть, а иманъ имъ не вѣдоемъ, и въ гилансково двора орменя не сваживали. А сыскные рѣчи писалъ стрелець Гришка Григорьевъ. *На оборотъ*: Къ семь сыскнымъ рѣчемъ Рожества Богородицы попъ Кирила вмѣсто детей своихъ духовныхъ и прихожанъ руку приложилъ. Къ семь сыскнымъ речемъ Васка Ондрѣевъ руку приложилъ. Къ с. с. р. Ивашко Ивановъ р. п. Къ семь сыскнымъ речамъ пятидесятникъ Пятунка руку приложилъ. Къ семь сыскнымъ речамъ Герасимко Сергѣевъ р. п. Къ семь обыскнымъ рѣчемъ Оска Яковлевъ р. п. Къ семь обыскнымъ речемъ пятидесятникъ Митька руку приложилъ.

Казанскій голова стрелецкой Сенгуръ Соковнинъ, да ево приказу сотники стрелецкіе, Иванъ Мокѣевъ, Василій Захаринъ, Максимъ Нудомовъ. А въ сыску сказали по государеву (*и проч. На все отозвались негодѣниемъ*). А сыскные речи писалъ стрелець тово жъ приказу Куземъка москвитинъ. Лѣта 7124 году августа въ 22 день.

На оборотъ: Къ сыскнымъ рѣчемъ Сенгуръ Соковнинъ р. п. Къ сыскнымъ рѣчамъ Иванъ Мокѣевъ и въ Васильево мѣсто Захарина и въ Максимово мѣсто Нудомова р. п.

Казанскіе стрельцы Гордѣева приказу Ооонасьевича Пальчикова. Матвеевы сотни Кудашева: десятникъ Любимъ Кондратьевъ москвитинъ, Ивашко Михайловъ москв., Филька Богдановъ казанецъ, Юрка Малаховъ Хлебниковъ, Матюшка Микитинъ суздалецъ, Семейка Левонтьевъ устюжанинъ, Десятко Степановъ устюжанинъ, Ганка Михайловъ

казанецъ, десятникъ Первой Дмитреевъ москв., Оска Васильевъ суздалецъ, Оетька Михайловъ строгальшикъ, Еремка Яковлевъ сапожникъ, Оролко Костентиновъ беленинъ, Оетка Есиповъ костромитинъ, Гришка Микитинъ осколенинъ, Матюшка Ивановъ Друшковъ, Мишка Юрьевъ каз., десятникъ Дорофей Малаховъ Хлебниковъ, Любимко Дзевъ юрьевчанинъ, Богдашко Ивановъ галсчанинъ, Заметенка Семеновъ каз., Гришка Семеновъ месникъ, Васка Кондратьевъ Свистовъ, десятникъ Онанья Семеновъ москв., Ивашко Семеновъ каз., Спирька Павловъ муром., пятидесятникъ Григорей Ивановъ Борилловъ, Стенька Онисимовъ смолянинъ, Захарко Григорьевъ ерославецъ, Семейка Лукинъ сапожникъ, Ивашка Ивановъ тетюшанинъ, десятникъ Нестеръ Ивановъ москв., Ивашко Гавриловъ москв., Олешка Микифоровъ Сусловъ, Савка Парфеновъ костромитинъ, Фетка Фадъевъ казанецъ, Якушко Ивановъ Годовиковъ, Макарко Ивановъ костромитинъ, Семейка Гавриловъ каз., Максимко Игнатъевъ сапожникъ, десятникъ Ганя Степановъ каз., Оилька Микитинъ усалецъ, Ротка Борисовъ Малахеевъ, Ивашко Сергъевъ Худяковъ, десятникъ Третьякъ Дмитреевъ вятченинъ, Якимко Микитинъ арзамасецъ, Ивашко Ульяновъ казанецъ, Ооонька Григорьевъ завязошникъ, Исачко Ильинъ алаторецъ, Якушко Ружининъ серебряникъ Мишка Васильевъ каз., десятникъ Ивашко Федоровъ каз., Серга Митрофановъ костромитинъ, Ивашко Васильевъ годовиковъ, Васка Ивановъ Панютинъ, Илейка Митрофановъ костромитинъ, Мишка Юрьевъ Косолаповъ, Корнилко Васильевъ асторохапецъ. Якимови сотни Пыхочева: пятидесятникъ Федоръ Ортемьевъ Юрловъ, Ивашко Левонтьевъ овошникъ, Якушко Юрьевъ каз., Ивашко Оедоровъ шубникъ, Ивашко Онцифоровъ ярославецъ, Тренька Ивановъ серебряникъ. Дружинка Сысуевъ черникъ, Ивашко Микифоровъ ростовецъ, десятникъ Иванъ Онтоновъ костромитинъ, Елка Денисовъ казан., Кондрашка Ивановъ мосалитинъ, Мирошка Гавриловъ костромитинъ, Оетька Семеновъ казан., Бориско Тарасовъ костром., Еремка Тарасовъ казан., Петрунька Родивоновъ казан., Минька Сидоровъ ярославецъ, десятникъ Будило Ивановъ москв., Ромашко Ивановъ казан., Иванко Олексъевъ Пантюхинъ, Ивашко Савельевъ казан., Васка Тимофеевъ сапожникъ, Оомка Захаровъ нижегородецъ, Гаврилко Лукояновъ казанецъ, десятникъ Посникъ Степановъ Толмачевъ, Томилко Григорьевъ Быкъ, Ивашко Дементьевъ москвит., Куземка Троимовъ казан., Митка Логиновъ казан., Ивашко Посниковъ казан., Семейка Микитинъ винокуръ, десятникъ Оверкей Степановъ казан., Васка Ивановъ беленинъ, Ортюшка Ивановъ Окатовской, Гришка Семеновъ Шишовъ, Мишка Савинъ

завязошникъ, Паренко Ивановъ казанецъ, Елфимко Григорьевъ
смолянинъ, Семейка Кузьминъ казан., Ивашко Михайловъ немчинъ,
десятникъ Любимъ Исаевъ смолянинъ, Гришка Клементьевъ Рошковъ,
Нежданко Ларвионовъ казан., Данилко Васильевъ казан., Ромашко
Микитинъ сапожникъ, Ивашко Офонасьевъ казан., Максимко Ивановъ
чебоксаренинъ, десятникъ Петръ Исаковъ гороховленинъ, Кирило
Романовъ казан., Васка Семеновъ вологженинъ, Семейка Федотовъ
новоторжецъ, Ивашко Микитинъ Пыжовской, Васка Клементьевъ
Кузьминъ, Ромашко Дмитриевъ сапожникъ, Ромашко Васильевъ
немчинъ, десятникъ Родивонъ Сергѣевъ скорнякъ, Фетка Давыдовъ
новоторжецъ, Ивашко Тимофеевъ муромецъ, Игнашко Ильинъ каз.,
Ивашко Васильевъ старечанинъ, Васка Григорьевъ устюжанинъ,
десятникъ Иванъ Нестеровъ юрьевчанинъ, Митка Селиверстовъ казан.,
Мишка Степановъ половой, Ганка Гавриловъ плотникъ, Ивашко
Наумовъ москв., Ивашко Нестеровъ масленикъ, Тараско Григорьевъ
усолецъ. Семеновой сотни Урывкова: пятидесятникъ Степанъ Ермолицъ
белозерецъ, Богдашко Офонасьевъ волочениновъ, Ивашко Остаевъ
сапожникъ, Ортюха Ерофеевъ каз., Любимко Яковлевъ сапожникъ, Титко
Ерофеевъ казан., Мартынъ Мартыновъ литвинъ, Иванко Федоровъ каз.,
Семейка Кондратьевъ каз., десятникъ Путило Федоровъ каз., Митка Ива-
новъ самаренинъ, Лучка Григорьевъ нижгородецъ, Еремка Конановъ каз.,
Васка Семеновъ Жилинъ, Фетька Семеновъ Проскураковъ, Мишка
Васильевъ каз., Васка Силинъ кузнецъ, Ортюха Сидоровъ гороховленинъ,
Богдашко Ивановъ хомутинникъ, Савка Ивановъ каз., десятникъ Василий
Ефимовъ костромитинъ, Митька Курбатовъ коломятинъ, Антошка Ива-
новъ калашникъ, Ивашко Дѣевъ каз., Дружинка Юрьевъ каз., Терешка
Левонтьевъ каз., Бориско Дмитриевъ шуанинъ, Булатко Федотовъ
ерославецъ, Волода Кузьминъ казан., Федоско Ивановъ каз., десятникъ
Севрюкъ Максимовъ курмытинъ, Томилко Григорьевъ каз., Иванко
Степановъ костромитинъ, Гришка Ивановъ каз., Якушко Григорьевъ
каз., Ондрюшка Елезаревъ Котыревъ, Еоимко Понкратьевъ юрьевчанинъ,
Богдашко Русиновъ ерославецъ, Ондрюшка Микитинъ Горшковъ, Бориско
Михайловъ каз., десятникъ Яковъ Корниловъ ерославецъ, Яковъ Ивановъ
плотникъ, Климъ Костентиновъ ростовецъ, Фока Михайловъ каз., Ивашко
Петровъ ножевникъ, Митька Онисимовъ каз., Исачко Ивановъ плотникъ,
Малахъ Ивановъ свѣяженинъ, Ивашко Оноореевъ каз., десятникъ Оска
Васильевъ вологженинъ, Ивашко Васильевъ каз., Ивашко Самойловъ,
Костенька Дмитриевъ каз., Ивашко Елизаревъ нижгородецъ, Михалко
Семеновъ ростовецъ, Оилька Феѣловъ Петухъ, Гришка Ивановъ

немчинъ. Ивановы сотни Маматовой: пятидесятникъ Петръ Осиповъ гороховленинъ, Самойло Нефедовъ костромитинъ, Богдашко Семеновъ москв., Максимко Офопасевъ каз., Дружинка Михайловъ Уезда, Оска Петровъ Кисельниковъ, Гришка Григорьевъ Кривопаповъ, Илейка Федоровъ каз., десятникъ Слота Савельевъ каз., Воинко Семеновъ павловецъ, Ивашко Ивановъ Шульга, Лунька Семеновъ муромецъ, Сергуша Микитинъ калугинъ, Сидорко Микитинъ кинешемецъ, Васка Павловъ москв., Тишка Григорьевъ чебоксаренинъ, Путилко Ортемьевъ рященинъ, Клишко Павловъ Кожемякинъ, десятникъ Сооопъ Васильевъ холмитинъ, Ивашко Григорьевъ нижгородецъ, Ивашко Григорьевъ Четвертка, Фстка Петровъ москв., Ивашко Васильевъ колесникъ, Микиорко онтоновъ севергинъ, Ромашко Ивановъ Шульгинъ, Еремка Ивановъ немчинъ, десятникъ Филя Дорофеевъ балахонецъ, Гарасимко Семеновъ тенковецъ, Васка Евсеевъ псковитинъ, Гришка Микитинъ калугинъ, Япка Семеновъ Житченковъ, Ивашко Ивановъ павловецъ, пятидесятникъ Иванъ Михайловъ кадомецъ, Данилко Петровъ нижгородецъ, Матюша Сергѣевъ вятченинъ, Ивашко Костентиновъ псковитинъ, Гришка Михайловъ устюжанинъ, Данилка Алексеевъ Орловъ, Ивашко Романовъ володимерецъ, дсятникъ Яковъ Лукояновъ шатченинъ, Ганка Васильевъ каз., Петрунька Дмитреевъ каз., Данилко Лукояновъ шатченинъ, Стенька Ивановъ устюжанинъ, Шестунка Ивановъ свѣяченинъ, Васка Яковлевъ каз., Ивашко Семеновъ вятченинъ, десятникъ Матюшка Микифоровъ нижгородецъ, Левка Васильевъ рукавишникъ, Баженко Федоровъ Еясохъ, Захарко Ивановъ беленинъ, десятникъ Левонтей Сергѣевъ Трясковъ, Офонька Алексѣевъ Веселой, Максимко Елизарьевъ смольянинъ, Архипко Борисовъ москв., Тишка Ивировъ каз., Олешка Ивановъ муромецъ. Максимовы сотни Хвостова: пятидесятникъ Клементей Савельевъ каз., Гарасимко Гавриловъ Ездокъ, Стенька Макаровъ юрьевичанинъ, Фетька Понкратьевъ месникъ, Офонька Якимовъ муромецъ, Пашка Семеновъ нижгородецъ, Ротка Ивановъ Смышляевъ, Ивашко Парееновъ арзамасецъ, Дениско Парфеновъ каз., Первой Власовъ москв., Игнашко Митрофановъ балахонецъ, десятникъ Павелъ Ларивоновъ каз., Онтошко Пятовъ Кузнецовъ, Васка Васильевъ каз., Ивашко Григорьевъ темниковецъ, Терешка Яковлевъ каз., Богдашко Семеновъ вятченинъ, Ивашко Лукояновъ каз., Якимко Яковлевъ сапожникъ, десятникъ Тиша Истоминъ холщевникъ, Тишка Гарасимовъ вологженинъ, Ротка Гавриловъ костромитинъ, Томилко Алексѣевъ каз., Демка Григорьевъ каз., Лучка Митрофановъ костромитинъ, Михалко Ивановъ Короткой, десятникъ Казаринъ Микитинъ ерославецъ, Ивашко Ивановъ

овчинникъ, Ивашко Соооновъ Мухинъ, Карпунька Васильевъ Гвоздь, Митька Ивановъ вузнецъ, Ортемко Павловъ тюменецъ, Терешка Васильевъ немчинъ, пятидесятникъ Жадай Максимовъ устюжанинъ, Ивашко Семеновъ каз., Тимошка Ивановъ каз., Баженко Ларивоновъ свѣженинъ, Треня Полуехтовъ ерославецъ, Ооонька Ларивоновъ свѣженинъ, Ивашко Дементьевъ Завьяль, Ивашко Лукояновъ портной мастеръ, Олешка Семеновъ костромитинъ, Ивашко Клементьевъ можаитинъ, Гришка Елизарьевъ шатченинъ, Семейка Соооновъ Щадра, десятникъ Стенка Ѳедоровъ галечанинъ, Петруша Мартыновъ литвинъ, Сергуша Мининъ каз., Трошка Ивановъ каз., Лучка Исаевъ тетюшанинъ, Васка Петровъ оловенишникъ, Ивашко Ондреевъ каз., десятникъ Проня Ермолинъ каз., Васка Ивановъ сапожникъ, Нестерко Ивановъ каз., Пронька Яковлевъ усолецъ, Ивашко Ивановъ немчинъ, десятникъ Исакъ Ивановъ ноугородецъ, Микиорко Ивановъ Торговкинъ, Давытко Ивановъ костромитинъ, Ивашко Семеновъ масленикъ, Ивашко Федоровъ каз., Ефремко Микиороровъ алаторецъ, Митка Микиороровъ каз., Богдашко Степановъ Сторожевъ, Левка Михайловъ Житченковъ, Васка Кондратьевъ Васильевъ, — въ сыску сказали (*не помнятъ или не отдають*). А сыскныя рѣчи писалъ стрелецъ того жъ приказу, Митька Селиверстовъ казанецъ, лѣта 7124-го году, августа въ 8 день.

На оборотъ подписи: Къ семь сыскнымъ рѣчамъ Ивашко Гавриловъ руку приложилъ. Къ с. с. р. Матюшка Никитинъ р. п. Къ с. с. р. Ѳетька р. п. Къ с. с. р. Ивашка Семеновъ р. п. Къ с. с. р. Якунка Годовиковъ р. п. Къ с. с. р. Васка р. п. Къ с. с. р. Богдашко р. п. Къ с. с. р. Посничко р. п. Къ с. с. р. Оська Петровъ р. п. Къ с. с. р. Савка р. п.

Казанскіе стрѣльцы Сенгурова приказу Семеновича Соковнипа. Ивановы сотни Мокѣва: пятидесятникъ Истома Осиповъ Молчановъ, Осипъ Тимоѣевъ важеюнъ, Тишка Ильинъ каз., Куземка Онтроповъ ржевитинъ, Иванко Яковлевъ свѣженинъ, Карпунка Сергѣевъ плотникъ, Ѳедька Назаровъ немчипъ, Яшка Похомовъ можаренинъ, Бажень Еемимовъ бѣжеченинъ, Карпъ Ѳедоровъ невленинъ десятникъ Иванъ Матвѣевъ Болдырь, Гришка Триооновъ каз., Иванко Захарьевъ каз., Олеша Архиповъ муромецъ, Нечайко Савельевъ каз., Иванко Терентьевъ вижегородецъ, Гришка Триоимовъ олаторецъ, Дорохъ Яковлевъ ржевитинъ, Иванко Борисовъ медынецъ, Иванко Сидоровъ москв., десятникъ Иванко Григорьевъ Резанъ, Терехъ Матвѣевъ торопченинъ, Савка Степановъ двиненинъ, Илейка Михайловъ каз., Ѳедька Микиороровъ каз., Левка Семеновъ каз., Ѳедька Харламовъ галиченинъ, Екимка Васильевъ

каз., Климка Васильевъ немчинъ, десятникъ Кузьма Ивановъ лаишевецъ, Ондрюшка Микиоровъ володимѣрецъ, Кузьма Баженовъ москв., Оедька Дмитреевъ нижегородецъ, Ондрюшка Григорьевъ москв., Васка Дмитръевъ нижегородецъ, Иванко Васильевъ свѣженинъ, Иванко Дмитръевъ нижегородецъ, Олеша Перейлевъ свѣженинъ, Пятунка Ондръевъ каз., десятникъ Кузьма Александровъ важенинъ, Сава Семеновъ юрьевченинъ, Карпунка Ильинъ ярославецъ, Первой Савостьяновъ месникъ, Оедька Петровъ касимовецъ, Тренъка Онисимовъ свѣженинъ, Янъка Обросимовъ каз., Карнилка Ивановъ юрьевченинъ, Онтонка Михайловъ немчинъ, Баженка Потаповъ каз., пятидесятникъ Макаръ Ооонасьевъ усалецъ, Мишка Михайловъ Круглинъ, Иванко Яковлевъ болахонъ, Иванко Есиповъ вятченинъ, Илья Троимовъ москв., Иванко Михайловъ ярославецъ, Михалко Дмитръевъ свѣженинъ, Путилка Степановъ каз., Дружина Оедоровъ колуженинъ, Мишка Онисимовъ свѣженинъ, десятникъ Елистратъ Оедоровъ каз., Митька Оедоровъ Литвиновъ, Елѣиска Тарасовъ каз., Данилка Оедоровъ астороханецъ, Демка Емельяновъ костромитинъ, Исанка Тарасовъ каз., Куземка Ульяновъ каз., Логвинъ Огаѣоновъ володимерецъ, Иванко Кириловъ немчинъ, Стенъка Троимовъ каз., десятникъ Иванъ Васильевъ устюженинъ, Кондратей Емельяновъ устюженинъ, Васка Григорьевъ москв., Осипъ Ивановъ Чередовъ, Иванко Михайловъ вологженинъ Васка Оедоровъ Барсуковъ, Тишка Борисовъ москв., Васка Филиповъ олаторецъ, Обрамка Карниловъ лаишевецъ, Власъ Сергѣевъ смоленинъ, десятникъ Устинъ Максимовъ старорусецъ, Іевко Ооонасьевъ Чередовъ, Данилка Карповъ каз., Макарка Михайловъ каз., Митька Ондръевъ пѣреславецъ Исанка Ивановъ каз., Семейка Ивановъ ярославецъ, Куземка Васильевъ Ладыгинъ, Гришка Устиновъ каз., Кондрашка Исаковъ пѣреславецъ, десятникъ Дружина Ивановъ свѣженинъ, Иванко Остаѣевъ лаишевецъ, монастырщина Иванко Микитинъ москв., Оедька Микиоровъ володимерецъ, Русанко Осиповъ орзамазецъ, Полутка Троимовъ свѣженинъ, Володька Ореѣевъ лаишевецъ, Микиорко Ондръевъ епанешникъ, Ларка Оедоровъ свѣженинъ. Васильевы сотни Захарьина: пятидесятникъ Лука Васильевъ ярославецъ, Микита Олексѣевъ нижегородецъ, Гриша Васильевъ стародубѣцъ, Олеша Оедоровъ орзамазецъ, Иванко Лукьяновъ зубченинъ, Конанко Ивановъ орзам., Пронъка Оедоровъ орзам., Жданка Игнатъевъ Хахловъ, Богданко Игнатъевъ олексинецъ, Иванко Онтоновъ Поцко, Матюшка Григорьевъ казан., десятникъ Евсей Григорьевъ костромитинъ, Иванко Александровъ важенинъ, Ооонъка Дороеевъ шапошникъ, Семенъ Харитоновъ грезинъ, Лука Ивановъ месникъ,

Иванко Сельверстовъ востромитинъ, Оеонька Максимовъ муромецъ, Харька Васильевъ казан., Оедька Юрьевъ каз., Бориска Яковлевъ казан., десятникъ Богданъ Васильевъ двиненинъ, Иванко Васильевъ стародубецъ, Максимъ Ондрѣевъ седельникъ, Иванко Оедоровъ шапошникъ, Екимео Емельяновъ Томилка, Михалко Ивановъ невленинъ, Оброска Тереньтевъ каз., Куземка Ивановъ Зуевъ, Петрупка Ондрѣевъ каз., Оедька Игнатевъ каз., Оилька Сергѣевъ каз., десятникъ Микиооръ Обрамовъ вологженинъ, Иванко Ивановъ востромитинъ, Иванко Григорьевъ ярославецъ, Иванко Елизаревъ володимѣрецъ, Куземка Елизаревъ каз., Богданка Пѣтровъ пошехонъ, Мартынка Кабнинъ (?) сопожникъ, Богданка Оеонасеевъ Чепыринъ, Ондрюшка Тимоѣевъ юрьевичинъ, Гришка Прокоѣевъ каз., десятникъ Микиооръ Обрамовъ вологженинъ, Иванко Микиооровъ ростовецъ, Первущка Нечаевъ вологженинъ, Микиооръ Борисовъ торопченинъ, Микиооръ Микулинъ ржевитинъ, Оеонька Титовъ москв., Пронька Даниловъ каз., Демка Оилипьевъ оловѣннищникъ, Семейка Оеонасеевъ устюженинъ, десятникъ Иванъ Оникѣевъ пѣреславецъ, Яковъ Васильевъ пѣресл., Купрѣяноко Тимоѣевъ каз., Иванко Михайловъ востромитинъ, Иванко Дмитреевъ Миккульской, Стенька Конановъ олаторецъ, Михалко Ивановъ коргаполецъ, Оома Оедосеевъ вятченинъ, Семка Ондрѣевъ Дягилевъ, Гришка Ивановъ казанецъ. Максимава сотни Нудоова: пятидесятникъ Петръ Исаковъ каз., Оедька Ивановъ кайгородецъ, Оилька Ооминъ Пѣшковъ, Иванко Гавриловъ каз., Гришка Гавриловъ мурашкинецъ, Родька Семеновъ болахонецъ, Исачка Федоровъ котельникъ, Васка Давыдовъ каз., Савка Обрамовъ немчинъ, десятникъ Петръ Ивановъ Шетровской, Григорей Федоровъ псковитинъ, Богданко Перѣилевъ устюженинъ, Иванко Михайловъ ржевитинъ, Богданко Васильевъ ярославецъ, Тимошка Яковлевъ Кочкинъ, Иванко Ивановъ ораамазецъ, Гришка Ивановъ Новшцовъ, Иванко Ермолинъ москв., десятникъ Микиооръ Борисовъ торопченинъ, Иванко Матвѣевъ двиненинъ, Иванко Юрьевъ кореленинъ, Иванко Михайловъ каз., Панька Яковлевъ лаишевецъ, Стенька Ивановъ Щевыревъ, Серешка Микитинъ романовецъ, Остапъ Лукьяновъ холмитинъ, десятникъ Онтина Петровъ лаишевецъ, Оедька Ивановъ болахонецъ, Иванко Семеновъ корташевецъ, Демка Оедотовъ востромитинъ, Коцдрашка Елизаревъ нижегородецъ, Иванко Ивановъ Воротынцовъ, Панька Дмитреевъ каз., Оедька Васильевъ москв., Ооска Ивановъ каз., десятникъ Оедоръ Васильевъ галиченинъ, Семейка Ороловъ востромитинъ, Ларька Оедоровъ кузнецъ, Левка Оедоровъ кузнецъ, Захарка Ивановъ каз., Иванко Игнатевъ устюженинъ,

Изотка Троимовъ каз., Павелъ Мартыновъ коноваль, Данилка Михайловъ немчинъ, Купрѣяно Филиппевъ Лыковъ, пятидесятникъ Иванъ Федоровъ углеченинъ, Томила Окуловъ вологженинъ, Гриша Микитинъ ярославецъ, Васка Павловъ галиченинъ, Васка Марковъ ярославецъ, Лева Карповъ углеченинъ, Иванко Ооонасьевъ ржевитинъ Гаврилка Васильевъ свѣженинъ, Курдюкъ Васильевъ ярославецъ, Первушка Павловъ Жилинъ, десятникъ Микита Ларивоновъ Губинъ, Федька Кондратьевъ лыковецъ, Семейка Даниловъ вологженинъ, Япка Огаооновъ володимѣрецъ, Стенька Исаевъ каз., Микиорка Ильинъ галиченинъ, Пятунка Ермолинъ лаишевецъ, Ооонька Фоминъ лаишевецъ, Пашка Ивановъ каз., Ондрюшка Ивановъ каз., десятникъ Дружина Семеновъ ярославецъ, Иванко Васильевъ Щербакъ, Лазаръ Ивановъ ноугородецъ, Иванко Львовъ ярославецъ, Огаоонька Ивановъ костромитинъ, Посникъ Гавриловъ костромитинъ, Куземка Ульяновъ казанецъ, Милютка Наумовъ болахонецъ, Дружинка Наумовъ болахонецъ, Микитка Ивановъ свѣженинъ, Аристыка Еуеимьевъ володимѣрецъ, Горасимко Ондрѣевъ каз., Власъ Дементьевъ туленинъ, Васка Восильевъ нижегородецъ, Еотивейка Ивановъ уѣнецъ, Васка Зиновьевъ свѣженинъ, Иванко Микиооровъ углеченинъ, десятникъ Нехоршей Терентьевъ Коралевъ, Енька Ортемьевъ Телешовъ, Иванко Моссевъ пѣсоченинъ, Иванко Карповъ юрьевченинъ, Тренька Савельевъ каз., Оска Оксеньгевъ каз., Савка Кондратьевъ каз., Емелька Ооонасьевъ ростовецъ, Иванко Устиновъ костромитинъ. Обаймавы сотни Колзакова: пятидесятникъ Богданъ Филиппевъ коломнетинъ, Иванко Якимовъ шатченинъ, Иванко Сидоровъ москв., Петрунка Фодоровъ каз., Васка Соооновъ костромитинъ, Ондрюшка Ивановъ москв., Иванко Богдановъ каз., Филъка Ивановъ кузнецъ, Фомка Ларивоновъ коломнетинъ, Микитка Григорьевъ кошаженинъ, Федька Васильевъ каз., Марка Игнатевъ каз., Игонка Олоерьевъ каз., Микитка Филиппевъ суздалецъ, Поздейка Семеновъ нижегородецъ, Парѣенко Макѣевъ юрьевченинъ, Олеша Ондрѣевъ новокрѣщенъ; Фролко Фодоровъ каз., десятникъ Микитка Сидоровъ ноугородецъ, Ондрюша Васильевъ Полстоваль, Иванко Михайловъ вятченинъ, Богданко Прокоеевъ устюжнинъ, Савка Михеевъ суздалецъ, Петрунька Васильевъ темниковецъ, Левка Горасимовъ каз., Овдакимка Ивановъ каз., Родька Матѣевъ каз. Васка Дмитреевъ ярославецъ, Иванко Тимоеевъ москв., Михалка Фодоровъ новокрѣщенъ, Ларька Кузьминъ олаторецъ, Тимошка Михайловъ орзамазецъ, Богданъ Костентиновъ вятченинъ, Гришка Терентьевъ орзамазецъ, Иванко Микиооровъ суздалецъ, десятникъ

Овдакимъ Остаѣевъ ланшевецъ, Булатъ Елисеевъ Молчановъ, Павелъ Олексѣевъ свѣженинъ, Оюня Филиппевъ суздалецъ, Матюша Даниловъ Паршиловъ, Олдрей Васильевъ Климовъ, Федька Остаѣевъ ланшевецъ, Семейка Даниловъ Паршиловъ, Петрунька Потаповъ корачевецъ, Оторышка Фодоровъ каз., пятидесятникъ Терентей Мануйловъ костромитинъ, Жданка Денисовъ устюженинъ, Олферка Симоновъ кадомецъ, Тимоха Павловъ ржевитинъ, Иванко Ивановъ моск., Иванко Фодоровъ Голощаповъ, Панька Симоновъ кадомецъ, Ондрѣйка Еремеевъ суздалецъ, Стенька Тарасовъ тетюшенинъ, Любимка Терентьевъ каз., десятникъ Кирила Ивановъ Проскуринъ, Степанко Ондрѣевъ смольенинъ, Посникъ Потаповъ ярославецъ, Матюшка Яковлевъ каз., Посникъ Огашитовъ яросл., Тимоха Сидоровъ лученинъ, Митя Фодоровъ ржевитинъ, Фодотка Филиппевъ онатошецъ, Дружинка Ивановъ Толмачовъ, Ва (sic) Сидоровъ переславецъ, Демка Ивановъ каз., Митьва Левонтьевъ бѣленинъ, Васка Никитинъ унженинъ, Иванко Фроловъ пѣреславецъ, Баженка Михайловъ казанецъ, Иванко Ермолинъ темниковецъ, Васка Степановъ каз., Лучка Филиппевъ каз., Овдакимка Троимовъ каз., Данилка Якимовъ каз., Иванко Павловъ Хомчаковъ, Обрамъ Ивановъ низгородецъ, Тимоха Ивановъ Лопата, Молчанъ Ивановъ воложенинъ, Пароенка Спиридоновъ востромитинъ, Семейка Богдановъ Тарбѣевъ, Иванко Фодоровъ онаташецъ, Фюка Ивановъ галиченинъ, Игонька Ларивоновъ устюженинъ, Денисъ Васильевъ вятченинъ, въ смыку сказали по государеву ц. и в. вк. Михаила Федоровича в. Р. крестному целованью: *(Ничего не отдають)*. А сыскные речи писалъ патисотной подъячей Екушко Телѣшовъ, лѣта 7124-го августа въ 2 де(нь).

На оборотъ подписи: Къ семь речамъ воскресенской пощъ Антипа, вместо детей своихъ духовныхъ, руку приложилъ. Къ с. с. р. Куземка москвитинъ р. п. Къ с. с. р. стрелецъ Оюнка р. п. Къ с. с. р. стрелецъ Иванка Васильевъ р. п. Къ с. с. р. стрелецъ Ивако (sic) р. п. Къ с. с. р. Булатко р. п. Къ с. с. р. Нехорошко р. п. Къ с. с. р. Богданко р. п.

Астороханскіе пушкари, староста Васька Федоровъ самопальникъ, Богдашко Васильевъ Брюховъ, Максимко Остафьевъ ситникъ, Истомка Матвѣевъ лученинъ, Володка Ивановъ моск., Ромашко Степановъ астр., Федько Алайпѣевъ Тела, Кирюшко Семеновъ астр., Артюшко Фоминъ кузнецъ, Федько Ивановъ астр., Богдашко Дмитрѣевъ свѣженинъ, Ивашко Ивановъ Кропивинъ, Анашка Михайловъ, Тимошка Никановъ, Ивашко Ивановъ шуянинъ, Лучка Истоинъ астр., Мещерко Фодоровъ свѣженинъ, Богдашко Михайловъ

галеченинъ, Шерапко Ивановъ москв., Меншикъ Игнатъевъ плотникъ, Ивашко Алексѣевъ Дурандинъ, Васка Ивановъ донковецъ, въ сыску сказали (*и проч., ничего не отдають*). А мечете поставлена для кызылбаскихъ людей при розтригѣ, а мечети на печатывали А на гялянскомъ дворѣ арменья Вартанъ да Сѣргѣй. да Петръ, да Федоръ, да Иванисъ, да Григорѣй. А живутъ на гялянскомъ дворѣ Вартанъ лѣтъ зѣ дватцать, а годы зѣ два въ толмацкомъ откупѣ, а иные живутъ лѣтъ по десяти и по пятнадцати, а на бухарскомъ дворѣ армянѣ нѣтъ. а при царѣ Борисѣ гялянсково двора арменѣи не сваживали, а которые крестились, и тѣхъ свели на посадъ, и живутъ въ посадцкихъ людехъ. А сыскные рѣчи писалъ стрѣлецъ Иванова приказу Черткова Гарасимко Сергѣевъ. *Подписи.* Къ семъ сыскнымъ речамъ Васка Ѳедоровъ р. п. Къ семъ с. р. Бордашко р. п. Къ симъ с. р. Лука Истоминъ р. п.

Астороханскіе посадскіе торговые земскіе люди, староста Макаръ Ивановъ Зверовщиковъ, Обросимъ Никитинъ, Иванъ Григорьевъ Карамышевъ, Иванъ Захарьевъ, Василей Салковъ, Ѳедоръ Троенимовъ, Ивашъ Григорьевъ, Иванъ Ѳедоровъ, Максимъ Антипинъ, Перенлей Касимовъ, Иванъ Ѳедоровъ Кузнецовъ, Василей Ермолинъ, Соеронъ Дементьевъ, Сутуръ Григорьевъ, Богданъ Семеновъ, Дмитрей Григорьевъ, Пятой Семеновъ, Ѳролъ Іевлевъ, Яковъ Васильевъ, Неупокой Степановъ, Михайло Христоооровъ, Григорей Михайловъ, Гаврило Антипинъ, Богданъ Козловъ, Ларивонъ Кузьминъ, Лука Игнатъевъ, Никита Крыловъ, Белкой Емельяновъ, Нагайка Идаловъ, Жданъ Осиповъ, Антонъ Игнатъевъ, Матвѣй Васильевъ, Зиновой Дмитреевъ, Томило Васильевъ, Иванъ Матвѣевъ, Василей Петровъ, Денисъ Васильевъ, Герасимъ Дмитреевъ, Семенъ Баберинъ, Григорей Меркульевъ, Симонъ Степановъ, Екимъ Никитинъ, Сава Лазоревъ, Богданъ Ивановъ, Неупокой Терентьевъ, Левонтей Оѳонасьевъ, Ѳедоръ Глаткой, Исакъ Коптевъ, Харитонъ Ивановъ, Степанъ Бурасевъ, Петръ Ивановъ, Степанъ Лукинъ, Иванъ Семеновъ, Мосѣй Ермолинъ, Ѳедотъ Понкратовъ, Семенъ Галеченинъ, Клементей Бусыга, Семенъ Медвечкиковъ, Василей Ивановъ, Никита Матвѣевъ, Богданъ Неупокоевъ, Игнатей Лукояновъ, Иванъ Глазуновъ, Иванъ Павловъ, Ѳилиппъ Семеновъ, Прокопей Семеновъ, Алексей Греченинъ, Исакъ Давыдовъ, Ширяй Кузьминъ, Иванъ Ѳилатовъ, Третьякъ Тимоѳеевъ, Кондратей Ильинъ, Семенъ Левонтиевъ, Родивонъ Петровъ, Василей Ермолинъ, Василей Шатковъ, Ѳедоръ Улановской, Павелъ Егуповъ, Семенъ Оѳремовъ, Борисъ Путиловъ, Емельянъ Васильевъ, Дружина Денежной, Емельянъ

Третьяковъ, Семень Михайловъ, Ондръй Степановъ, Русинъ Степановъ, Ларивонъ Ондръевъ, Василей Смольянинъ, Никита Филиппевъ, Петръ Терентіевъ, Ѳедоръ Марковъ, Тимошей Изборовъ, Петръ Семеновъ, Бажень Оксентьевъ, и всѣ посадцкіе люди въ сыску сказали А для чево тое грамоту имали и назадь тое грамоту съ кѣмъ отослали ли того не вѣдаемъ А Арменьи въ Асторохане на гилянскомъ дворѣ, Вартанъ да братъ его Петръ Муратъ Ѳедоровъ, да братъ его Александра Сергей Семеновъ, Иванись чей словеть, тово не вѣдаемъ, Пиримъ да Миняй Григорьевъ, да Ѳедоръ; а живутъ лѣтъ по пятнатцати, а иные и по дватцати и больши, а иные родились въ Асторохани. А зъ гилянсково двора Арменьи не сваживали. А сыскные рѣчи писалъ посадцкой человекъ Гурко Артемьевъ, лѣта 7124 іюля въ 23 день. *Подписи:* Къ семъ с. р. Ѳедоровской попь Данила вмѣсто сына своего духовново Семена Михайлова р. п. Къ с. с. р. Ивашко Федоровъ р. п. Къ семъ с. р. Максимео Онтипинъ р. п. Къ с. с. р. Гриша Томиловъ вмѣсто отца своего р. п. Къ с. с. р. Рожества Богородицы попь Кирило вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п. Къ с. с. р. Никольской попь Гаврило вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п. Къ семъ с. р. Исачко Контевъ р. п. Къ с. с. р. Гриша Меркурьевъ р. п. Къ с. с. р. Тимошко Изборовъ р. п. Къ с. обыскнымъ р. Митько Григорьевъ р. п. Къ с. о. р. Никитка Филиппевъ р. п.

Торговые люди зъ гостина двора верховыхъ городовъ ярославцы Тимоѣй да Иванъ Ѳедоровы дѣти Ступина, Гостя Надѣинъ, прикащикъ Шетешникова Ѳедотка Шкаровъ, Семень Лукольниковъ, Васильевъ прикащикъ Лыткина Никонъ Юрьевъ, Иванъ Ондръевъ, Ковьма Степановъ, Союнъ Ондреевъ свѣяженинъ, Ларіонъ Лукояновъ, казанцы Иванъ Кириловъ Мыльниковъ, Иванъ Малютинъ, Микита Ямщикъ, Ѳедоръ Васильевъ, Пинай Никоновъ, Тихоновъ прикащикъ Минина Аристъ Федоровъ москвитинъ, Юнакъ Дмитреевъ, Иванъ Фроловъ углечанинъ, Гурей Надежинъ востромитинъ въ сыску сказали. (*Ничего не вѣдаютъ*). А сыскные рѣчи писалъ Богдашко Овдѣевъ. *На оборотъ:* Къ семъ рѣчемъ Тимоха Ступинъ р. п. Къ с. р. Ивашко р. п. Къ семъ р. Ларка р. п. Къ сѣмъ рѣчамъ Союнко р. п. Къ семъ р. Никонко р. п. Къ с. р. Иванко р. п. Къ семъ р. Куземка р. п. Къ сѣмъ р. Ѳедотко р. п. Къ с. рѣчамъ Ивашко Малютинъ р. п.

Да князь Ивану жъ Михайловичю да дьяку Ивану Сукину тезиковъ, кизылбашанъ и бухарцовъ, и юргенцовъ, которые нынѣ въ Астарахани, розпросити жъ накрѣпко, чтобъ они сказали правду по своей вѣре, по шерги: какъ они пріезжали изъ своихъ земель въ

Астараханъ съ товары, и окольнічей Семенъ Головинъ имъ на товары лавки давати велѣлъ ли, и не исъ посуловъ ли давати велѣлъ, и будетъ отъ того ималъ посулы, и сколько чего у кого иманемъ взялъ, и до тѣхъ мѣстъ покамѣста посуловъ возьметъ, и тавары ихъ по двору не валялися ль? и будетъ валялися, и чѣмъ иманемъ товары по двору валялися? и насильства и продажъ имъ отъ Семена Головина не было ль? и будетъ было, и кому иманемъ, какое насильство Семенъ Головинъ учинилъ? и ихъ же братья тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у нихъ, у пріѣзжихъ торговыхъ людей, тавары какіе украдомъ покупали-ль, и кто иманемъ, сколько какихъ товаровъ у кого иманемъ украдомъ купилъ? И какъ пріѣзжали они въ Астараханъ, и у нихъ у кого иманемъ сколько какихъ товаровъ узорочныхъ было, и кто иманемъ воеводамъ про тѣ узорочные товары на нихъ сказывалъ, и тѣ узорочные товары бояринъ и воеводы у нихъ, у новопріѣзжихъ людей, имали ли? и будетъ имали, и у кого иманемъ сколько какихъ узорочныхъ товаровъ взяли и деньги имъ, торговымъ людямъ, за тѣ товары бояринъ и воеводы сполна ли платили или не сполна? и будетъ не сполна, и кому иманемъ за какіе товары сколько рублей денегъ не доплатили?

Да и тѣхъ тезиковъ, которые на гиланскомъ и на бухарскомъ дворѣ живутъ лѣтъ по пятнадцати и больши, про то розпросити накрѣпко: какъ пріѣдутъ въ Астараханъ новые торговые люди, и они украдомъ товары у нихъ покупаютъ ли, и пошлины съ тѣхъ товаровъ въ государеву казну платятъ ли, и про узорочные товары боярину и воеводамъ они сказываютъ ли? и будетъ сказываютъ, и бояринъ и воеводы тѣ узорочные товары себѣ емлютъ ли, а деньги за тѣ товары тѣмъ торговымъ людямъ даютъ ли, и сполна-ль даютъ по ценѣ деньги, или не сполна? и продажи отъ воеводъ тѣмъ пріѣзжимъ новымъ торговымъ людямъ какіе нѣтъ ли? и сколько лѣтъ на которомъ дворѣ которой армянинъ иманемъ живетъ, и при царѣ Борисѣ съ тѣхъ дворовъ они сведены ль были? и будетъ сведены были, и гдѣ въ тѣ поры жили и по чему они ныне опять на тѣхъ дворехъ живутъ? и отъ таможенныхъ головъ и отъ цѣловальниковъ торговымъ пріѣзжимъ людямъ какіе продажи нѣтъ ли? и государевы пошлины съ товаровъ ихъ емлютъ ли? и по прежнему ль государеву указу пошлины емлютъ или лишекъ передъ прежнимъ? и сколько лишку съ какихъ товаровъ передъ прежнимъ взято? и въ государеву ль казну тѣ пошлины иманы, или таможенные головы и цѣловальники сами тѣми пошлинами завладѣли?

И князь Иванъ Михайловичъ Борятинской да діакъ Иванъ Сукинъ тезиковъ визылбашенъ и бухарцовъ, которые нынѣ въ Астарахани, и

Орменью, которые живут на гиланскомъ дворѣ лѣтъ по дватцети и болши, а иные въ Астаракхани породились, противъ государева наказу розпрашивали по ихъ вѣре, по шерти.

И гиланского двора тезики кизылбашене Ади Мурзаденъ, Ади Пирусенъ, Хамзе бекъ, Мала Раза, Хозь Магметъ, Малла Осенъ, Юсаеъ, Хозя Талипъ, Хозя Семпединъ, Хозя Муротъ Ханъ, Хозя Мамедели, Хозя Апшаръ Хозь Магмутовъ, Алиру, Хозь Мамеди Азизесинъ, Хозя Асанъ, Азихуръ, Хозя Шернеъ, Хозя Семпединъ Назаринъ розпроснымъ своимъ рѣчемъ дали письмо, а въ розпросныхъ рѣчехъ написано: ¹⁾)

هو

بتاریخ شهر رجب المرجب ثلث عشرین و الف بود که حضرت رفعت پناه خواجه مرتضی کرک یراق سرکار خاصه شریفه از جانب نواب نامدار کردون اقتدار همایون شاهی داخل حاجی ترخان شده و کتابت نواب فلکجناب بنحود تحفه و هدیه در باب پادشاه عالیجاه مسکو آورده و میخواست به پابوس نواب عالیجاه پادشاه مسکو مشرف شود چون در کمه نشست و یاران را وداع کرد روانه شد نیم روزی گذشته بود که کناس وصیله سمن آویج دنیلہ پرستورا در پی خواجه مرتضی فرستاده و خواجه مشار الیه را باز کردانیده در شهر حاجی ترخان آوردند که رجوعی داریم و بعد ازان یکجفت غالی و دو قبضه شمشیر اعلی و مقدار دودسته ابریشم ارش و مبلغ پنجاه اشرفی از خواجه مرتضی ستانده رها کردن و دنیلہ پرستو یک فدک و یکجفت تماچ گرفته و خواجه را آزار بسیار کرده که شرح و بست (?) ندارد و بدینمطلب شاهدان زبده آل مسیح خواجه ورتان ارمنی و خواجه تاتوس ارمنی و سرکس ارمنی و شهود (?) کیلانیان خواجه محمد علی ولد مرضی و خواجه افشار واد خواجه محمود و علیان رود و خواجه محمد ولد عزیز

و شاهدان چنین تفریر کردند که ابن اشرفی و غالی و شمشیر و ابریشم مذکور و معه دیگر آشکارا (?) خودشان دیدیم که نوکر کناس سمن وصیله آویج با خواجه محمود سموری ستانده در پیش سمن وصیله آویج برده اند

و دیگر آنکه کناس سمن وصیله آویج لس خود فرستاد در مسجد بیچک کرده که کسی نماز نکند و جماعتی که دران مسجد نماز میکردند دعا و ثناء هر دو پادشاهان بجای می آوردند و مانع شده نکذاشت آخر الامر مقدار دو طاق دارائی داده در مسجد را فرمود واکردن مادام

¹⁾ Этот персидскій подлинникъ «розпросныхъ рѣчей» писанъ крайне безграмотно; печатается опъ здѣсь безъ всякихъ поправокъ.

و در سال اربع عشرین و الف مرخداواندان از جانب کیلان داخل حاجی ترخان شده اقمشه و اجناس در دکان آورده کناس سمن و صیله آویچ و کناس بزرگ کس فرستاده در دکان را بیچک فرموده بتاجیکان بازار ندادند و در کاروان سرارا بسته نکذاشتن که کسی بآب برود آخر الامر توزیع فرموده هر کشتی اقمشه و اجناس بر داشته داده و باز در دکان فرمودند واکردن و اول از کشتی مرخداوند خواجه حسن تا رشوه نکرستن در دکان را واکردند

بتاریخ شهر جمادی الاول اربع عشرین و الف بنده کاتب رضا و جماعتی از شروان بکشتی رفعت پناه یوسف خان لرخانی داخل حاجی ترخان شده و حکم فرموده تاسان در دکان هارا بسته بازار ندادند که کناس را باید دیدن از خواجه محمود سموری پرسیدیم که چه چیز میطلبند (?) فرمود سلام خوب بهم برسانید که آدم سیارید روسفیدی شما باشد آخر الامر حاجی میرزا جان شاخی و حاجی پیر حسن شاخی و حمزه بیگ کاروان باشی توزیع کرده برای کناسان فرستاده که بها بازار دادند بدینمطلب برای کناس درونی دارائی چار طاق فنج بوری سفید بکتوب و قدک دو عدد تماچ بکجفت و کمان یک حلقه

برای کناس سمن و صیله آویچ برده اند دارائی چار طاق فنج بوری سفید بکتوب قدک دو عدد تماچ بکجفت کمان یک حلقه قبول نکرده واپس داد هشت سام گرفت برای دیک برده دارائی دو طاق قدک یکتا تماچ بکجفت فیروز بوری بکتوب نوکر کناس درونی قدک یکی تماچ یکی نوکر کناس بیرونی قدک یکی تماچ یکی نوکر دیک قدک یکی

اینقدر اقمشه و اجناس غیر حساب از کشتی سوداگران نواب یوسف خان گرفته اند بدین علت امسال سوداگران شروان و شاخی نیامدند که پارسال ستم بسیار در بسیار کرده بودند

دیگر استاد طالب زرگر کیلانی میگوید که یک قبضه کارد آورده بودم خواجه محمود سموری از ما گرفت که برای تومیفروشم بدست تمقاجی داده بدین علت بنده طالب را پرستو کرده مبلغ شش سام کناس درونی ستانده و شش سام کناس سمن و صیله آویچ گرفته و یک دارائی دیک گرفته و نوکر کناس درونی یک دارائی گرفته و کارد را هم خود برده که سی میدادند و ندادم و بیست سه سام بها داده و در میان این معامله خواجه محمود سموری بود و میدانند و شهود (:) خواجه مراد خان و خواجه شمس الدین زرگر

هو

جمعی مرخداوندان و سوداگران چنین تقریر کردند که تمقاء اقمشه که خودشان در دور زمان بریس فدر اوان اویچ میدادیم درین دو سال که کناس اوان و کناس سمن و صیله اویچ کناس حاجی ترخان (?) بودند زیاده تمقا گرفته اند و ستم و ناحق بسیار در بسیار باهل تجار واقع شده است....

خواجه مراد خان تقریر کرد که در دروازه گاروان سرای بخارائی رفتم که چند نفر از راه ترک آمده بودند که احوالات ترک تحقیق کنم یک نفر بخارائی را آواز کرده که خبر بکیرم در سر دروازه که آمد نوکر کناس سمن و صیله اویچ یکمشت برگردن او زده اورا نکذاشت که با حکایت کند بنده از وی پرسیدم که مضمون چیست گفت از ماها رشوه میخواهند که در گاروان سرارا وکنند

خواجه افشار ولد خواجه محمود چنین تقریر کرد که مقدار یکصد جفت تماچ خواجه خراسانی افضل را که در میان سیصد پنجاه جفت تماچ انتخاب کرده برداشته سرکار کناس اوان برده اند خودشان در میان بستیم (?) که مقدار یکصد زوج را بسرکار کناس برده اند پنجاه سام فرمودند که با بدهند و بعد از آن که زر بها دادن بیست دو سام وگفتند که بیست هشت دیگر را بتیقا حساب شده است و بنده قبول نکرده رفتم که بکناس عرض کنم دروازه بان نکذاشت که اندرون قلعه رفته درد دل را بکناس عرض کنم و جمعی (?) که تماچ را بردند ایانام نوکر کناس اوان و عیسی نام و خواجه محمود سموری همراه بودند و بنده که کره کردم خواجه محمود سموری در جواب گفت که دغدغه بخود راه مده که من برای توقیمت را خواهم ستاند برین مضمون شاهدن خواجه افشار ولد خواجه محمود و خواجه شمس الدین ولد نظر کیلانی و خواجه شریف ولد حمزه

И тѣхъ розпросныхъ рѣчей переводъ.

Какъ пріѣхаль съ Терка въ Астарахань Хозь Муртоза Таировъ, а ѣхаль ко государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. къ Москвѣ отъ шахъ Аббаса зъ дары, и билъ челомъ въ Астарахани боярину и воеводамъ, князю Ивану Никитичю Одоевскому съ товарищи, чтобъ ево отпустили ко государю къ Москвѣ, не издержавъ. И какъ Хозь Муртозу отпустили, и отѣхавъ отъ Астарахани верстъ съ семь, на городище я бояринъ, и воеводы прислали пристава Данила, п Хозь Муртозу и зъ зятемъ воротпли въ Астарахань, и Хозь Муртозина зятя отдали за пристава пристава Данилу, и пристава у него взялъ юоть сабяновъ да виндыкъ. И Хозь Муртоза для зятя своево жилъ дни съ три и

ходилъ Муртоза съ Магмутомъ къ Семену Головину на подворье бить челомъ о зятѣ своемъ, а понесъ къ Семену два ковра шолковые да двѣ сабли кизылбашскихъ, а взялъ ли у нихъ Семень Головинъ тѣ ковры и сабли, или не взялъ, того они не вѣдаютъ, то они видѣли, какъ зъ гиланского двора понесли. Да послѣ того прислалъ Семень Головинъ человѣка своево, а имяни ему не вѣдаютъ, а знаетъ Семепова человѣка Муртозипъ человѣкъ Мамеделѣй терекомелець, а слышели они, что говорилъ Муртоза человѣку своему Мамеделѣю: есть де у тебя моихъ сто золотыхъ, и ты дай Магмуту да Семенову человѣку пятьдесятъ золотыхъ да два ансыря шолку арыского. Да приполъ Семена Головина человѣкъ да мечеть запечаталъ, и какъ отослали съ Магмутомъ двои дороги, и мечеть отпечатали. И которые хозяеве на бусахъ прѣвѣжаютъ съ торговыми людьми и поклали товары свои въ лавки, и лавки были запечатаны, и дворъ запертъ три дни, и хозяеве стали говорить Магмуту, что де унасъ лавки запечатали? И Магмутъ де молялъ: сами де себя спознайте, и что де у коголучилось, воеводъ почтите. И они воеводамъ челомъ ударили, и дворъ де отперли и лавки отпечатали. Да былъ въ Астарахани Юсупъ-хановъ человѣкъ, Булатъ да Обзамекъ, да Мурзезя, и имъ торгу не дали и лавки запечатали. И Магмута спросили, и Магмутъ сказалъ: почостви де у васъ хотятъ большой. И ходили де они прежь къ боярину, ко князю Ивану Никитичю, и отнесли четверы дороги да два киндяка, да миткали, да лукъ, да юеть саебяновъ; а Семену Головину принесли четверы жъ дороги да миткали, да два киндяка, да лукъ, да юеть саебяновъ, и Семень де дороги бросилъ, что де худы припесли, и взялъ у нихъ за дороги восемь рублевъ, а по деньги прислалъ человѣка своево, и они ему и деньги дали за дороги, а дьяку Василью Юдину двои дороги да юеть саебяновъ, да миткали, да киндякъ, да княжъ Иванову человѣку дали киндякъ да саебянъ, а Семенову человѣку киндякъ же да саебянъ, да дьячьему человѣку киндякъ. Да взялъ у серебряника у Талипа Магмутъ ножъ да отнесъ таможенному головѣ Василью Зубину, а сказалъ: я де ево продамъ. И провѣдали бояринъ и воеводы, князь Иванъ Никитичъ Одоевской съ товарищи, и говорили серебрянику Талипу: что де ты намъ ножа не объявилъ? и Талипа серебряника далъ за пристава. И Магмутъ отнесъ къ боярину шесть рублевъ, а Семену Головину шесть рублевъ же, а дьяку Василью Юдину дороги да княжъ Иванову человѣку дороги, а имяни ему не упомянуть, а ножю цена была тритцать рублевъ; а воеводы дали за ножъ дватцетъ три рубли, а все то вѣдаетъ Магмутъ. А при прежныхъ государехъ, при

царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ и при царѣ Борисѣ, на нихъ пошлину имали прямую, а нынѣ при бояринѣ и воеводахъ, при князѣ Иванѣ Никитичѣ Одоевскомъ съ товарищи, таваръ цѣнили дороже; а пошлину имали болши прежнево. Да прѣѣхали съ Терка въ Астарахань бухарцы торговые люди, и тезивъ Муротъ ханъ пришолъ къ нимъ спросить про свое про племя, да спросилъ у тезика, имани ему не упомнить, за что де васъ съ двора не спускають? И онъ сказалъ: за то де насъ съ двора не пускають—хотятъ отъ насъ воеводы поминковъ. И въ ту жъ пору пришолъ Семеновъ человѣкъ Головина и толкнулъ того тезика по зашейву: что де тебѣ за дѣло съ Муротъ ханомъ говорить! Да прѣѣхалъ съ Терка въ Астарахань карасанецъ Ази Явзялъ, а привезъ съ собою полчетверта ста юетей саебяновъ и на смотрѣ у него выбрали сто юетей лутчихъ саебяновъ, а взяли цѣловальники Илья Набокой, да Исаемъ зовутъ, отца ево имани не упомнать, да Магмутъ съ ними же, и взявъ саебяны, отнесли въ розрядъ, а оцѣнили сто юетей пятьдесятъ рублевъ. И Ази Явзялъ ходилъ въ городъ боярину и воеводамъ бити челомъ, и ево де кораульщики и въ городъ не пустили, и онъ въ другой рядъ ходилъ бити челомъ, и бояринъ и воеводы дали е(му) денщика въ таможду, чтобъ таможенные головы пошлину на немъ взяли, а достальные деньги ему додали за сафьяны, и таможенной голова пошлины на немъ взялъ дватцетъ восемь рублевъ, а дватцетъ два рубли додали за саебяны.

Переводъ В. А. Жуковскаго.

Онъ (Богъ).

Это было въ почитаемый мѣсяцъ Раджабъ года 1023: прибылъ въ Астрахань высокостепенный ходже Муртеза, собственный его величества „поставщикъ“, отъ его величества славнаго, могущественнаго какъ небо, августѣйшаго шаха и привезъ съ собою къ высокосановному государю Московскому письмо отъ небесочиннаго владыки съ дарами и посылками, и хотѣлъ сподобиться чести облобызать стопы высокосановнаго государя Московскаго. Онъ сѣлъ на корабль, простился съ товарищами и отправился; прошло съ полдня, князь Василій Семеновичъ отправилъ во слѣдъ за ходже Муртезою пристава Данилу и сказаннаго ходже возвратили и привели въ городъ Астрахань: итѣмъ-де нѣкое требованіе (дѣло). Послѣ того взяли у ходже Муртезы пару ковровъ большихъ, два высокаго достоинства меча, двѣ связки арашскаго шелка и пятьдесятъ золотыхъ, и отпустили его; а приставъ Данила взялъ одинъ „кадекъ“, пару юфти и много мучилъ ходже,—чего объяснить и сказать невозможно. Этому дѣлу

свидѣтели: „сливки послѣдователей Мессіи“ — ходже Варганъ армянинъ, ходже Татосъ армянинъ, и Саркисъ армянинъ, и свидѣтели Гилянцы: ходже Мухаммедъ Али, сынъ Мур(те)зы, ходже Афшаръ, сынъ ходже Махмуда, Альянъ-рудъ и ходже Мухаммедъ, сынъ Азиза.

Свидѣтели подтвердили слѣдующее: эти золотыс, ковры, мечи, шелкъ и прочія вещи мы сами воочію видѣли, какъ служитель князя Семена Васильевича съ ходже Махмудомъ Самурскимъ взяли и отнесли къ Семену Васильевичу.

Затѣмъ слѣдующее: князь Семень Васильевичъ послалъ своего человѣка и запечаталъ дверь мечети, чтобы никто не совершалъ молитвы; общество же, которое въ той мечети совершало молитвы, молилось и славословило обопхъ государей; онъ воспротивился и не дозволилъ. Наконецъ дали двѣ штуки „дараи“ и онъ приказалъ открыть дверь мечети навсегда.

И въ 1024 году прибыли изъ Гиляна въ Астрахань „купцы“ и привезли въ лавки матеріи и товары; князь Семень Васильевичъ и князь великій послали людей, и двери лавокъ запечатали, и таджикамъ „базара не дали“ (торговать не позволили), и дверь каравансарая заперли и не позволили никому „ходить по воду“. Наконецъ сдѣлали раскладку, каждый корабль взялъ и далъ матеріи и товары, — и приказали опять открыть двери лавокъ; а сначала, пока не взяли взятки съ корабля „купца“ ходже Хасана, дверей лавокъ не открывали.

Въ мѣсяцъ Джумада первый 1024 года я-пишущій Риза и общество изъ Ширвана прибыли въ Астрахань на кораблѣ высокостепеннаго Юсуфъ-хана Ханлархани; князья приказъ приказали, двери лавокъ заперли и „базара не дали“: слѣдуетъ-де видѣть князя. Я спросилъ у ходже Махмуда Самурскаго: „чего они добиваются (требуютъ)?“ Тотъ изволилъ сказать: „устройте хорошій приѣмъ (поклопъ): вы-люди путешествующіе, это будетъ вамъ на славу“. Наконецъ хаджи Мирза Джанъ Шемахинскій, хаджи Пиръ Хасанъ Шемахинскій и начальникъ каравана Хамзе Бекъ сдѣлали раскладку и послали для князей — и намъ дали базаръ.

Князю „внутреннему“: „дараи“ — четыре штуки, „фахбури“ бѣлой — одну штуку, „кадекъ“ — двѣ штуки, юфти — пару, лукъ — одинъ.

Князю Семену Васильевичу отнесли: „дараи“ — четыре штуки, „фахбури“ бѣлой — одну штуку, „кадекъ“ — двѣ штуки, юфти — пару, лукъ — одинъ. Онъ не принялъ, отдалъ обратно; взялъ восемь рублей („самъ“).

Дьяку отнесли: „дараи“ — двѣ штуки, „кадекъ“ — одну штуку, юфти — пару, „фирузбури“ — одну штуку.

Служителю „внутренняго“ князя: „кадекъ“ — одинъ, юфть — одна.

Служителю „наружнаго“ князя: „кадекъ“ — одинъ, юфть — одну.

Служителю дьяка: „кадекъ“ — одинъ.

Такое количество матерій и товаровъ безъ числа взяли съ корабля торговцевъ его благородія Юсуфъ-хана. По той причинѣ въ этомъ году не пришли купцы ширванскіе и шемахинскіе, что въ прошломъ году очень сильно притѣснили.

Затѣмъ говоритъ Гилянскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Талибъ: привезъ я одинъ ножъ; ходже Махмудъ Самурскій у меня взялъ: я-де тебѣ продамъ; отдалъ таможенному, — по этой причинѣ меня Талиба отдали за пристава: шесть рублей взялъ князь „внутренній“, шесть рублей взялъ Семень Васильевичъ, дьякъ взялъ одну „дараи“ и служитель „внутренняго“ князя взялъ одну „дараи“; ножъ тоже самъ унесъ, — давали де тридцать (рублей), а я не отдалъ, — и даль мнѣ двадцать три рубля. При этомъ дѣлѣ былъ ходже Махмудъ Самурскій и знаетъ, и свидѣтели: ходже Мурадъ ханъ и ходже Шемсѣдинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ.

Онъ (Богъ).

Общество „купцевъ“ и торговцевъ подтвердили слѣдующее: сравнительно съ пошлиною съ товаровъ, которую мы давали во время Бориса и Θεодора Ивановича, въ эти два года, какъ князьями Астрахани были князь Иванъ и князь Семень Васильевичъ, пошлинѣ взяли больше, и притѣсненій и неправоты привлючилось торговымъ людямъ очень много. . . . Ходже Мурадъ ханъ повазаль: пошелъ я въ ворота бухарскаго каравансерая, чтобы разузнать объ обстоятельствахъ (положеніи) Терка, такъ какъ съ Терка прибыло нѣсколько человекъ. Позваль я одного бухарца, чтобы спросить; когда онъ подошелъ къ воротамъ, служитель князя Семена Васильевича ударилъ его кулакомъ по шеѣ и не дозволилъ ему намъ рассказывать. Я у него спросилъ, что это значитъ, онъ сказалъ: хотять они съ насъ взятку, чтобы открыть двери каравансерая.

Ходже Афшаръ, сынъ ходже Махмуда, показаль такъ: сто паръ юфти ходже Афзали Хорасанскаго, которыя выбрали изъ ста пятидесяти паръ юфти, взяли и отнесли господину князю Ивану; мы сами. . . ., какъ сто паръ отнесли господину князю. Приказали намъ выдать пятьдесятъ рублей. Послѣ того какъ намъ выдали двадцать два рубля золотомъ и сказали, что остальные двадцать восемь сочтены за пошлину, я не

согласился и пошелъ доложить князю; привратникъ не допустилъ меня войти въ кремль и доложить князю сердечное горе. И люди (?), которые отнесли юфти,—служитель князя Ивана по имени Илья и Иса; и съ ними былъ ходже Махмудъ Самурскій. Когда я заплакалъ, ходже Махмудъ Самурскій въ отвѣтъ сказалъ: „не безпокойся, потому что я для тебя возьму (взыщу) стоимость“. „Дѣлу этому свидѣтели: ходже Афшаръ, сынъ ходже Махмуда, ходже Шемсѣдинъ, сынъ Незера Гилянскаго, и ходже Шерифъ, сынъ Хамзы“.

И князь Иванъ Михайловичъ Борятинской да дьякъ Иванъ Сувинъ пристава Данилка допрашивали. Сказалъ онъ въ роспросѣ: какъ онъ Хозъ Муртозина зятя съ судна взялъ и въ розрядъ привелъ, и съ суда бояринъ и воеводы, князь Иванъ Никитичъ Одоевской съ товарищи, велѣли ему тово Хозъ Муртозина зятя дати на поруку, а у него ничего себѣ не имывалъ. А тезики въ сысу сказали, что онъ Данилко взялъ у него юеть саебяновъ да киндякъ, и онъ бы, Данилко, про то сказалъ правду. И приставъ Данилко въ допросѣ сказалъ тѣ же рѣчи, что и напередъ сего сказывалъ: у Хозъ Муртозина зятя юети саебяновъ и киндяка не имывалъ.

А тезика Магмута допрашивали. Сказывали въ роспросѣ тезики гилянскаго двора: какъ ходилъ Хозъ Муртоза къ Семену Головину бити челомъ о зятѣ своемъ съ нимъ, Магмутомъ, а понесъ къ Семену два ковра шелковые да двѣ сабли кизылбашскіе, а онъ, Магмутъ, напередъ сего въ роспросныхъ своихъ рѣчахъ того не сказалъ. Да тезики жъ въ роспросѣ сказывали: говоритъ Муртоза человѣку своему Мамеделѣю, а велѣлъ ему дати Магмуту да Семенову человѣку Головина пятьдесятъ золотыхъ да два ансыря шелку арысково. Да какъ Семеновъ человѣкъ мечеть запечаталъ, и отослали они съ нимъ же, Магмутомъ, къ Семену двои дороги—и мечеть отпечатали. И которые хозяеве приѣзжаютъ на бусехъ съ торги съ торговыми людьми, и какъ товары въ лавки поклали, и лавки были запечатаны, и дворъ запертъ три дни, и онъ, Магмутъ, имъ говорилъ, чтобъ воеводѣ почтить, и они воеводамъ челомъ ударили. Да онъ же, Магмутъ, взялъ у серебряника, у Талипа, ножъ да отнесъ таможенному головѣ Васке Зубину, и бояринъ и воеводы серебряника дали за пристава. И онъ, Магмутъ, отнесъ къ боярину, ко князю Ивану Никитичю, шесть рублевъ, а Семену Головину шесть же рублевъ, а дьяку Василью Юдину дороги, да князю Иванову человѣку дороги жъ; а ножу цена была тритцеть рублевъ, а воеводы дали за ножъ дватцать три рубли. А вѣдаетъ про то про все онъ, Магмутъ. Да какъ приѣхалъ съ Терки въ Астараханъ карасанецъ

Ази Явзаль, и у него, выбравъ, взяли цѣловальники, Илья Набокой да Исай, да онъ, Магмутъ, сто юетей сабяновъ лутчихъ и отнесли въ розрядъ, а оцѣнили сто юетей пятьдесятъ рублей, и таможенной голова поплинъ на немъ взялъ дватцать восемь рублей, а дватцать два рубли додалъ. И онъ бы, Магмутъ, про то про все сказалъ правду, не утая ничего.

И тезивъ Магмутъ въ допросе сказалъ по своей вѣрѣ по шерти: какъ онъ, Магмутъ, ходилъ къ боярину, ко князю Ивану Никитичю, и къ Семену Головину о Муртозинѣ зятѣ бити челомъ, и по Муртозину чолобитью давалъ имъ по десети золотыхъ, и они не взяли, а отказали: то де дѣло великое. И после того Муртоза послалъ къ боярину съ человѣкомъ своимъ, съ Мамеделѣмъ, двои дороги, да два киндяка, да золотыхъ—не вѣдаетъ сколько: онъ, Магметъ, съ нимъ не ходилъ, а къ сему (см. Семену) ходилъ тотъ же человѣкъ ево Мамеделѣй съ нимъ, Магмутомъ, отнесли двои же дороги да два ансыря шолку, а колько золотыхъ отнесъ, того не вѣдаетъ, а слышеть, что отнесъ столько же, что и боярину князю Ивану. И про то, онъ и напередъ сего въ розпросѣ сказывалъ, а съ Муртозою къ нимъ о зяте его бити челомъ не хаживалъ, и дву ковровъ шолковыхъ и дву сабель визылбашскихъ не видалъ, и Муртоза человѣку своему Мамеделѣю ему, Мамуту, да Семенову человѣку Головина пятидесятъ золотыхъ да дву ансырей шолку арыского дати не веливалъ, и онъ, Магмутъ, не имывалъ. А безъ него Семенову человѣку давалъ ли, того онъ не вѣдаетъ же. А отъ мечети онъ, Мамутъ, къ Семену двоихъ дороговъ не нашивалъ. А какъ были лавки съ товаромъ запечатали, и дворъ былъ запертъ три дни, и тезики его, Магмута, спрашивали: вѣдаетъ ли онъ, Магмутъ, за што у нихъ лавки запечатали и дворъ заперли, и онъ имъ сказалъ, что воеводы хотять отъ васъ почести, и они воеводамъ челомъ ударили, а что которому воеводѣ дали, того онъ не вѣдаетъ: онъ съ ними не ходилъ. А ножъ у серебряника у Талыпа велѣли взять бояринъ и воеводы таможенному головѣ Васке Зубину, а что ему за ножъ денегъ дали, того онъ не вѣдаетъ. А къ боярину, ко князю Ивану Никитичю, да къ Семену Головину по шти рублей, да дяку Василью дороговъ, да князю Иванову человѣку дороговъ же не нашивалъ, а самъ Талипъ што носилъ ли, того не вѣдаетъ. А какъ пріѣхалъ карасанецъ Ази Явзаль, и у него цѣловальники сабяны лутчіе выбирали и въ розрядъ относили, а онъ, Магмутъ, былъ съ ними же; а сколько сабяновъ выбрали и по чему оценили, и что за сабяны денегъ дали, того онъ не вѣдаетъ.

Бухарского двора приѣзжіе тезики бухарцы Магметъ Муратъ Салѣевъ, Мисрякъ Усейновъ, Шериеъ Мурзаковъ, Миряли Мангулѣевъ, да казанскіе жильцы Өарукъ Шахараповъ, Малазада Шехмагмутовъ, Ховъ Маметъ Шехмагмутовъ, Вакѣй Азимовъ сказали по своей вѣре, по шерти: были они въ Асторахани при бояринѣ, при князе Иване Никитиче Одоевскомъ съ товарищи, приѣхавъ изъ Казани, недѣль зъ десять, и на тавары имъ лавки давали; а бояринъ князь Иванъ Никитичъ и околничей Семенъ Головинъ, и дьякъ Василей Юдинъ себѣ посуловъ отъ лавокъ у нихъ не имывали ничего, и тавары ихъ по двору не волялись, и насильства и продажи имъ отъ Семена Головина и ни отъ ково никакіе не было; а кому инымъ какое насильство Семенъ учинилъ, того не вѣдаютъ.

Бухарского жъ двора тезики, которые живутъ въ Астарахани лѣтъ по пяти и по шти, и по десяти и болши, Хозя Бакинуровъ, Девлетъ бай Бабаевъ, Емшитъ Дерб(ы)шевъ, Тарбедѣй Магметъ Удиновъ, Авесь Нуровъ, Касимъ толмачъ, Абызъ Карамалла Абыллыновъ сказали по своей вѣре по шерти: таваровъ они у приѣзжихъ тезиковъ не покупаютъ, а приѣзжихъ людей тавары по двору не воляютца, лавки воеводы приѣзжимъ людямъ даютъ, а посуловъ отъ того не емлютъ, а лѣтосъ во 124-мъ году, вскоре после Семена дни, приѣхало ихъ бухарцовъ человекъ съ шестьдесятъ, и съ приѣзду взяли у нихъ воеводы, выбравъ лутчихъ, чатыреста киндяковъ и зенденей, а заплатили имъ за киндякъ по десяти алтынъ, а за зендень по двѣ гривны; а въ ряду продавали и хуже тѣхъ киндяки по полтине, а зендень по десяти алтынъ, а красную по двѣнадцети алтынъ; а того не вѣдаютъ: на государя-ль у нихъ взяли, или воеводы себѣ. А дворъ бухарской велѣли запереть, мѣсяца съ два и болши съ двора ихъ не пушали, и торгу не давали, и они сметали восьмьдесятъ рублевъ денегъ и купили тавару, и отнесли къ воеводамъ—тотъ же часъ дворъ велѣли отпереть и торговать велѣли; а за острогъ на татарской базаръ покупати харчей и дровъ пушать не велѣли, и они отнесли ещо на сорокъ рублевъ тавару, и они и за острогъ на базаръ велѣли пушать. А какъ сее весны услышели воеводы, что ѣдутъ про нихъ обыскивать, и учали ихъ всѣхъ збивать за море, а они были не исторговались. И сметали они триста рублевъ денегъ и отнесли къ боярину, ко князю Ивану Никитичю, корованной ихъ головы, Турсъ Магметъ да Рахмангуль, да онъ, Баки, полтараста рублевъ денегъ да коотанъ отласъ цветной, да околничему Семену Головину сто дватцетъ рублевъ, а дьяку что дали, того не вѣдаютъ. А отнесли для того, чтобъ дали имъ исторговатца и дали имъ сроку на

двѣ педѣли. И они товары свои розметали на бесцѣнокъ и поѣхали за море, а онъ, Баки, съ товарищи восемь человекъ остались въ Астарахани: ѣхать было имъ въ Гилянъ. А болши того насильства отъ воеводъ не видали.

Подписи: قوه ملا تل سالدی (Кара Мулла руку приложилъ).

باين حرف کواهی می دهم آنچه سخن که در این هست باقی ابن ضمیر باقی دست خود انداختم

(Этому писанію я даю свидѣтельство: за всякое слово, которое въ этой (запискѣ) находится, (я) Баки, сынъ Нура Замира Баки, своею рукою подписуюсь).

باين حرف کواهی میدهم هر سخن که درین تفتیر هست به همین دست خود انداختم کواه هستم باقی زرکر ولد حاجم زرکر

(Этому писанію я даю удостовѣреніе: за всякое слово, которое въ этой запискѣ находится, собственною моею рукою подписуюсь и свидѣтелемъ состою. Золотыхъ дѣлъ мастеръ Баки, сынъ золотыхъ дѣлъ мастера Хаджима).

. . . . همتم آنچه هر سخن که درین خط هست

(. . . . состою въ томъ, что каждое слово, которое въ этой запискѣ находится. . . .).

Астараханскіе жильцы Арменья, которые живутъ на гилянскомъ дворѣ лѣтъ по дватцати и болши, а иные и породилися въ Астарахани, за моремъ не бывали, Ортемей Наврузовъ, Петрушка Иванисовъ, Минасъ Григорьевъ, Сергѣй Семеновъ, Муратъ Ѳедоровъ, Иваниско Сергѣевъ, Иваниско Атаевъ въ роспросѣ сказали по своей вѣре по арменской: какъ были въ Астарахани бояринъ, князь Иванъ Никитичъ Одоевской, да околничей Семень Головинъ, да дьякъ Василей Юдинъ, а которыя при нихъ тезики кизылбашени и бухарцы, и юргенцы въ Астараханъ съ товары пріѣзжали, и имъ на товары лавки давали, а какъ товары въ лавки поклали, и на гилянскомъ дворѣ не велѣли тезикомъ товаровъ продавати, три дни дворъ былъ запертъ. А какъ къ боярину и воеводамъ поминки отнесли,—и товары имъ всякіе продавать велѣли. А на бухарскомъ дворѣ лавки были заперты съ тезичкими товары три мѣсяцы для того, что товары велѣли имъ съ рускими людьми меняти на товары жъ, а на деньги продавать не велѣли. И какъ поминки отнесли, и имъ товары велѣли менять и на деньги продавать, а отъ воеводъ къ тѣмъ тезикомъ приходили и поминки съ ними носили съ гилянскаго двора тезивъ Магмутъ, а зъ бухарскаго двора тезикъ Касимъ. А сколько какихъ подарковъ относили, того не вѣдаютъ, то вѣдаютъ тѣ тезики,

Касимъ да Магмутъ. А товары никакіе по тезицкому двору не валявалися, а насильство и продажу какую Семень Головинъ кому учинилъ, того мы не вѣдаемъ. А орменинъ Ортемей Наврузовъ сказалъ: взялъ у него околничей Семень споровъ отласной желтъ, по немъ крушки шиты золотомъ, процвечены шелкомъ лазоревымъ, цѣна тридцеть рублей; а Семень ему далъ только одинпатцать рублей. А тезики, которые живутъ на бухарскомъ дворѣ издавна, у пріѣзжихъ людей какіе товары украдомъ покупали-ли и узорочные товары себѣ бояринъ и околничей, и дьякъ себѣ имали-ли, того не вѣдаютъ. А которые товары имали на государя, и за тѣ товары давали по ценѣ деньги, а у ково сколько какихъ товаровъ на государя взяли и сполна-ли по ценѣ деньги давали, того не вѣдаемъ. А они у пріѣзжихъ людей товаровъ никакихъ украдомъ не купливали, а что они покупали, и они являли и перекупную пошлину платили въ таможене, а про узорочные товары къ боярину и воеводамъ сказывать не хаживали, и продажи торговымъ пріѣзжимъ людямъ отъ боярина и воеводъ, и отъ дьяка не вѣдаемъ. А при царѣ Борисѣ послѣ астраханского пожару подавали было имъ мѣста на посадѣ, и они не пошли для того, что имъ поселитца было нѣчемъ, а сошли въ тое пору зъ гиланского двора на посадъ арменья Касимъ да Михайло Христофоровъ, да Олексѣй Дмитреевъ, да Оюня Яковлевъ, и нынѣ живутъ на посадѣ. А отъ таможенныхъ головъ и отъ целовальниковъ торговымъ людямъ продажа въ таможенной пошлинѣ: емлютъ пошлину со всякихъ товаровъ передъ прежнимъ мало не въ двое, взяли въ нынѣшнемъ во 124-мъ году съ арменина с-Бѣваниса двенатцать рублей, а довелось было дать всего семь рублей, и с-ыныхъ емлютъ передъ прежнимъ лишекъ не по государеву указу; а лишнія пошлины на государя-ли емлютъ или на воеводъ, или сами корыстуютца, того не вѣдаютъ. *Подписи:*

Եւ. օվանէս. Խուլ Խայտիմ

(ес. ованэс. хул хуйтим, т. е. я Ованэс (Іоаннъ) руку приложилъ).

Վարդան Էրմանիի ընկալանք (sic)

նիւ Խու Ծր Մխիթար ձեռք գրի Էս գրի Խ

(вардн эрмании ѣнхдранк-овн ес тр Мхитар дзеръ др(и) эн эс грис, т. е. По просьбѣ (розысканію) армянина Вардана я теръ-Мхитаръ руку приложилъ къ этому писанію).

Խու Ծր Մխիթար ձեռք գրի Էս գրի Խ

(ес. тр Мх(и)т(ар) дзерк дри эс гри(с), т. е. я теръ-Мхитаръ руку приложилъ къ этому писанію).

ДѢЛА ГРУЗИНСКІЯ ¹⁾

¹⁶¹³₁₆₁₃ гевваря 25 по 1616 іюня 15. Отпускъ съ государевою къ шаху о Грузинской землѣ грамотою, и обратной въ Москву приѣздъ гонца Григорья Шахматова и терского толмача Ермолы. Тутъ же и переводъ съ шаховой къ государю грамоты. На 50 листахъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. на Терекъ воеводѣ нашему Петру Петровичю Головину. Писалъ еси къ намъ и не одинова, и терскіе жильцы, которые отъ васъ приѣзжаютъ къ намъ къ Москвѣ съ отписками, сказываютъ въ розпросехъ, что Кизылбашской шахъ Иверскую землю разорилъ и царя Теймураза с-Ыверскіе земли согналъ и ныне стоитъ в-Ыверской землѣ, и многіе де Кабардинскіе мѣста, которые подошли къ Иверской землѣ блиско, люди его ратные повоевали, и будто хочеть приходить войною на Кабардинскую землю, и Черкаскіе де князи, боясь отъ него разоренья, къ нему откладываютца. И мы о томъ къ Абазъ шаху послали съ нашею грамотою нарочно сына боярского Григорья Шахматова да толмача „ . И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Григорей Шахматовъ на Терекъ приѣдетъ, и ты бѣ Григорья Шахматова и толмача отпустилъ съ Терки къ Абазъ шаху, гдѣ онъ ныне, черезъ Кабарду, на которые мѣста лутче и ближе, и безстрашнѣе, давъ имъ лошади, взявъ въ цѣну, у кого ни буди, тотчасъ, не державъ на Теркѣ ни одного дни, а хъ кабардинскимъ бы еси и хъ кумытцкимъ во всѣмъ княземъ и мурзамъ, которые учинились подъ нашею царскою рукою, послалъ ²⁾ грамота, что вѣдомо нашему царскому величеству учинилось, что братъ нашъ шахъ Абазъ хочеть наступати на Кабардинскую и на Кумытцкую землю, и они, князи и мурзы, отъ него въ страхованьѣ, и мы, великій государь, жалѣя объ нихъ, послали къ брату нашему, къ Абазъ шаху, нарочно нашу грамоту въ гонцомъ въ Григорьемъ съ Шахматовымъ, чтобъ Абазъ шахъ съ нами, великимъ государемъ, дружбе и братству помѣшки не чинилъ, нелюбья не вчиналъ, на Кабардинскую и на Кумытцкую землю не наступалъ. И они бѣ гонца нашего Григорья

¹⁾ Для полноты изложенія помѣщаемъ здѣсь извлеченіе изъ дѣлъ по сношенію съ Грузіей.

²⁾ Сверху написано: приказалъ.

Шахматова къ шаху пропускали, нигдѣ не задерживая, и провожали, и подводы ему и кормъ давали, чтобъ ему къ шаху поспѣть вскоре, а на нашу бѣ царскую милость были надежны, отъ нашего царского величества къ шаху не отставали. А будетъ шахъ учнетъ въ нихъ вступатися и похочетъ на нихъ приходити самъ или рать свою похочетъ послати, и они бѣ, прося у Бога милости, собрався, противъ его стояли; а мы, великій государь, ихъ не подадимъ, велимъ къ нимъ послати изъ нашѣ отчины, изъ Астарахани, въ помочь нашихъ ратныхъ людей съ вогненнымъ боемъ, а къ вамъ есмь на Терекъ велѣли послати изъ Астарахани боярину нашему и воеводамъ, князю Ивану Никитичю Одоевскому да Семену Головину, съ головою пятьсотъ человѣкъ стрѣльцовъ и хлѣбные запасы, и денежное жалованье терскимъ людямъ указали есмь изъ Астарахани на Терекъ посылати по прежнему, ка(къ) бывало напередъ сего. Писанъ на Москвѣ лѣта 7123-го генваря въ 25 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Володимеря и до Мурома, и до Нижнево, и до Казани, и до Самары, и до Астарахани бояромъ нашимъ и воеводамъ, и діакомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людямъ. Послали есмь въ Кизылбашу къ Абазъ шаху для нашего и земского дѣла сына боярского, свѣяжского жильца Григорья Шахматова да толмача Ермолу. И какъ въ которой нашъ городъ Григорей Шахматовъ и толмачъ Ермола прѣдутъ, и бояромъ нашимъ, и воеводамъ, и діакомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людямъ сына боярского Григорья Шахматова да толмача Ермолу пропускати, не издерживая нигдѣ ни за чѣмъ ни часу, и подводы имъ велѣтъ давати по подорожнымъ, и провожати ихъ велѣти, будетъ гдѣ надобно, смотря по вестемъ, а однолично ихъ нигдѣ ни за чѣмъ не держати, чтобъ въ ихъ мешканьѣ нашему и земскому дѣлу порухи не было. А какъ они прѣдутъ на Самару, и на Самаре стольнику нашему и воеводамъ, князю Василью Ивановичю Туренину да князю Михайлу Васильевичю Бѣлосельскому съ Самары ихъ тотчасъ отпустити, давъ имъ лошади, взявъ въ цѣну, у кого ни буди, какъ имъ мочно поднятца, и отпустити ихъ Волгою или степью, смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы государеву дѣлу было спешнѣе и прибыльнѣе, и имъ бы проѣхати здорово, и проводити ихъ послати, смотря по тамошнему дѣлу, а однолично ихъ не задержати. А которого числа Григорей Шахматовъ и толмачъ Ермола на Самару прѣдутъ и которого числа ихъ съ Самары отпустятъ, и о томъ отписать къ намъ тотчасъ, а отписка велѣти отдати въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчикову. А какъ Григорей Шахматовъ и толмачъ Ермола прѣдутъ въ Астарахань, и

въ Астарахани боярину нашему и воеводе князю Ивану Никитичю Одоевскому да окольничему Семену Васильевичю Головину, да діяку нашему Василью Юдину отпустить ихъ тотчасъ на Терекъ моремъ въ судѣхъ или берегомъ коньми, смотря по тамошнему дѣлу, какъ спешнѣе и прибыльнѣе, и безстрашнѣе, и проводити послати, будетъ надобно, смотря по тамошнему дѣлу, и на Терекъ къ воеводе нашему, къ Петру Петровичю Головину, объ нихъ отписать; а отъ насъ на Терекъ объ ихъ отпускѣ писано. А которого числа Григорья Шахматова и толмача Ермолу изъ Астарахани на Терекъ отпустятъ и моремъ ли, или сухимъ путемъ, и о томъ отписать къ намъ съ-ынными нашими дѣлы. Писанъ на Москвѣ лѣта 7123-го, генваря въ 25 де(нь).

Лѣта 7123-го генваря въ „ “ день (по) государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича в. Р. указу. память діакомъ Петру Микулину да Оеонасью Овдокимову. Указалъ государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ в. Р. послати въ Кизылбаши къ Абазъ шаху съ своею государевою грамотою, для своего государева и земского дѣла, сына боярского, свѣяжского жильца, Григорья Шахматова, да терского города толмача Ермолу. А своего государева жалованья указалъ имъ государь для тоѣ службы дати на нынешней 123-й годъ оклады сполна, да на подмогу Григорью Шахматову тритцать рублей, толмачю Ермолу дватцать рублей. Да велѣлъ имъ государь дати жалованье и подмогу въ Казани, да имъ же пожаловалъ государь, велѣлъ дати своего государева жалованья запасовъ: сыну боярскому Григорью Шахматову двѣ чети сухарей, пол-осмины крупъ, пол-осмины толокна, пять ведръ вина, два полтя ветчины, полтора пуда на
. государеву указу Григорью Шахматову да толмачю Ермолу велѣти дати и отпустить ихъ изъ Казани тотчасъ и проводити ихъ велѣти изъ Казани до Самары, чтобъ имъ до Самары дойти здорово.

И 124-го іюня въ 15 день Григорей Шахматовъ да съ нимъ терской толмачъ Ермолка Григорьевъ изъ Кизылбашъ къ Москвѣ пріѣхали.

А въ роспросѣ Григорей сказалъ: въ прошломъ де во 123-мъ году по государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича в. Р. указу посланъ онъ, Григорей, былъ отъ государя въ Кизылбаши зъ государевою грамотою къ шаху, а велѣно ему, пріѣхавъ въ Кизылбаши, отдать та государева грамота государевымъ посланникомъ Михайлу Тиханову да подъячему Олексѣю Бухарову, а имъ велено та государева грамота отдать шаху. А будетъ Михайло и Олексѣй отъ шаха до него будутъ отпущены или къ нимъ за какими мѣрами ѣхати нельзя, и ему,

Григорью, велѣно проситись къ шаху и та государева грамота, что съ нимъ была послана, подати шаху.

И онъ, Григорей, отпущень съ Москвы генваря въ 29 де(нь) и прїѣхалъ въ Казань ееврала въ 14 день, а исъ Казани его отпустили ееврала въ 19 де(нь). А въ Астараханъ прїѣхалъ апрѣля въ 23 де(нь), а изъ Астарахани отпустили его апрѣля въ 30 де(нь) моремъ въ суднѣ на Терку, и на Терку де опъ прїѣхалъ маія въ 6 де(нь). А въ тѣ де поры на Терку прїѣзжалъ ко государеву жалованью Гирѣя князя родной братъ Мурза да Ахловъ князь торго-ловской, и Петръ де Петровичъ Головинъ его, Григорья, имъ объявлялъ, что онъ посланъ отъ государя къ шаху зъ грамотою, и они бъ, Мурза да Ахловъ были на государево жалованье надежны и были бъ по(дѣ) государевою рукою и ево, Григорья, проводили черезъ свою землю до шаховыхъ городовъ, а государь за ихъ службу пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ.

И Мурза де и Ахловъ противъ первыхъ рѣчей говорили, что они люди молодые, такому слову отвѣту дати не умѣютъ, а есть де ихъ въ Кумывахъ старѣе, а ево, Григорья, они для царского къ нимъ жалованья черезъ свою землю до шаховыхъ городовъ проводятъ.

А съ Терки де его, Григорья, отпустилъ Петръ въ Тарки моремъ зъ Гигиревымъ (sic) братомъ, съ Мурзою, да съ Ахловымъ вмѣстѣ маія въ 9 де(нь), а провожать ихъ посмалъ Петръ съ Терки до Тарковъ сотника стрѣлетцкого Первого Лукина съ стрѣльцы.

И въ Тарки они къ Гирѣю князю прїѣхали маія въ 12 де(нь), и Гирѣй де князь позвалъ ихъ къ себѣ на другой день, и они у Гирѣя князя были и по государеву наказу ему говорили, что они посланы отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. въ Кизылбаши къ шаху съ его царского величества грамотою, и онъ бы, Гирѣй князь, для его царского величества къ себѣ жалованья, отпустилъ его къ шаху и проводити ихъ велѣлъ до шаховыхъ городовъ. И Гирѣй де князь имъ говорилъ, что онъ, для царского величества къ себѣ жалованья, ихъ отпустить, не задержавъ, и проводити ихъ велить только какъ онъ позберетца съ людьми, а тушману де ныне много, съ кѣмъ бы ему водити и государева (бъ?) дѣла ему не потерять. И звалъ ихъ къ себѣ ѣсти, и они у него въ тѣ поры ѣли. А ѣтчи, ихъ Гирѣй отпустилъ къ себѣ на подворье. И жили они у Гирѣя послѣ того десять день.

И маія де въ 22 де(нь) Гирѣй князь ихъ исъ Тарковъ отпустилъ и лошади подъ нихъ подавалъ свои и провожалъ ихъ Гирѣй самъ съ

своими уздени до карабулацкого до Суркая князя. А пришли къ Суркаю на завтрее того, маія въ 23 де(нь), и начевали у Суркая одну ночь.

А на завтрее того отпустили отъ Суркая на Гирѣвыхъ же лошадѣхъ, а провожать посылалъ ихъ Суркай сына своего Казаналыпа, а съ нимъ ратныхъ людей было человекъ съ 300, и провожалъ ихъ Суркаевъ сынъ до шахова города до Дербени. И какъ де они пріѣхали въ Дербень, и Суркаевъ де сынъ Казаналыпъ обвѣстилъ про нихъ дербенскому салтану, и салтанъ де дербенской велѣлъ имъ тотчасъ дати дворъ. А пріѣхали де они въ Дербень маія въ 26 де(нь). И на завтрее де того, маія въ 27 де(нь) дербенской салтанъ позвалъ ихъ къ себѣ, и они де къ нему ходили, а пришедъ, говорили ему они по государеву наказу, что они посланы отъ великого государя ц. и. в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. къ брату его великого государя, къ Аббасъ шахову в., съ его царского величества съ любовною грамотою о ихъ государскихъ о вопчихъ о великихъ дѣлахъ, и онъ бы, салтанъ, ихъ отпустилъ къ шаху, гдѣ нынѣ шахъ, не задержавъ, и подводы подъ нихъ, и кормъ, и пристава имъ, и провожатыхъ далъ. И салтанъ де имъ сказалъ: что де спешись, кабы де ѣдете съ смутными грамотами, ино де отпустятъ.

И они де ему говорили: что онъ такое затѣйное слово говорить, что они ѣдутъ (съ) смутными грамотами? спешать они для того, чтобъ тѣ дела, о чемъ царское величество писалъ къ брату своему, къ шахъ Аббасову в., были вѣдомы вскоре, а въ его бѣ задержанъ въ томъ ихъ государскимъ вопчимъ великимъ дѣламъ какіе порухи не было.

И салтанъ де имъ говорилъ, что онъ къ шаху отпуститъ, и держалъ ихъ въ Дербени пять день.

А маія же де въ 31 день дербенской салтанъ ихъ изъ Дербени отпустилъ и пристава имъ далъ, а лошади далъ подъ нихъ свои, а кормъ велѣлъ имати по деревнямъ. И въ тѣ де поры мисюряне отъ шаха отложились, и они ѣхали по ночемъ до Шамахи съ великою нужею.

А въ Шамаху пріѣхали они іюнь въ 9 день, а шамахинсково воеводы въ Шамахѣ въ тѣ поры не было, а ходилъ де съ войскомъ на Телемелика, потому что онъ въ тѣ поры отъ шаха отложился, а приказано было въ Шамахѣ брату его, Давыдъ беку, и Давыдъ де имъ дворъ и кормъ далъ. И они де, Григорей и толмачъ, Давыду беку о своемъ отпуске говорили, чтобъ онъ ихъ къ шаху отпустилъ, не задержавъ. И Давыдъ де имъ говорилъ, что онъ ихъ безъ брата своего къ шаху отпустити не смѣетъ, потому что ему братъ его приказалъ

въ Шамахѣ на время, а о томъ онъ отпишетъ къ брату своему. А на завтрее де того шамахинской воевода Исупъ хапъ въ Шамаху пріѣхалъ и велѣлъ имъ быти у себя, и они къ нему ходили и говорили о своемъ отпускѣ, чтобъ онъ ихъ отпустилъ къ шаху, не задержавъ, и пристава имъ, и кормъ, и подводы далъ. И Исупъ ханъ имъ говорилъ, что онъ ихъ отпустить къ шаху вскоре, да отпустилъ ихъ къ себѣ на подворье.

И держали де ихъ въ Шамахѣ после того двѣ недѣли. А какъ де двѣ недѣли минула, и ихъ де изъ Шемахи отпустили и подводы, и пристава, и кормъ имъ дали. А ѣхали они изъ Шамахи на города на Ардевилъ да на Казбинъ, да на Саву, да на Кумъ, да на Кашанъ, да на Нетензъ.

И пріѣхали въ городъ в-Ыспоганъ, гдѣ шахъ въ тѣ поры былъ, августа въ 9 де(нь), и дворъ де имъ и кормъ дали, и пристава приставили Ала Гулѣя.

И они де, Григорей и толмачъ, говорили пристава, чтобъ онъ про нихъ известилъ шаху, что они посланы отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. къ брату его, къ великому государю къ шахъ Аббасову в., съ его царского величества любовною грамотою о ихъ государскихъ о великихъ дѣлѣхъ, и шахъ Аббасъ бы велѣлъ имъ быти у себя и свои очи видѣть. И приставъ де ихъ Ала Гулѣй говорилъ, что онъ о томъ известить шаховымъ ближнимъ людямъ.

И наавтрее де того, августа въ 10 де(нь) приходилъ къ нимъ на подворье шаховъ ближней человекъ Гусейнъ бекъ и почелъ де ихъ спрашивать: что де ихъ къ шаху пріѣздъ? И они де говорили, что они посланы отъ государя къ шаху съ его царского величества любительною грамотою о ихъ государскихъ о вопчихъ о великихъ дѣлѣхъ, и шахъ Аббасъ бы велѣлъ имъ быти у себя. И Гусейнъ де бекъ имъ говорилъ, что онъ объ нихъ шаху известить, да пошелъ отъ нихъ съ подворья. И послѣ того жили они в-Ыспагане, а у шаха еще не были, три недѣли.

И августа жъ де въ 30 де(нь) пришелъ къ нимъ на подворье приставъ ихъ Алла Гулѣй, а говорилъ, что шахъ Аббасово в. велѣлъ имъ быти у себя, и они бъ, Григорей и толмачъ, были готовы.

И того дни они у шаха были, а пришедъ къ шаху, по государеву навазу поклонъ правили и грамоту подали. И шахъ государеву грамоту у нихъ принялъ самъ и отдалъ ближнему своему человеку Саралазъ, а отдавъ грамоту, спросилъ: сколь де вы давно отъ государя, и брать де мой былъ въ тѣ поры на Москвѣли и здорово ли? И Григорей шаху

сказалъ: какъ онъ поѣхалъ отъ государя, тому ныне семой мѣсяць, а какъ поѣхалъ съ Москвы, и въ тѣ поры великій государь царь и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ былъ на Москвѣ въ добромъ здоровьѣ.

А какъ де онъ, Григорей и толмачъ, вошли въ полату и отъ государя поклонъ шаху правили и государеву грамоту ему подали, и шахъ де все стоялъ, и о здоровьѣ государевѣ спрашивалъ стоя жъ. А спрося шахъ о государевѣ здоровьѣ, сѣлъ. А сѣдчи, позвалъ ихъ къ рукѣ, и они у шаховы руки были. А посидѣвъ немного, спросилъ ихъ шахъ: какъ де братъ мой ныне съ нѣмецкимъ королемъ, въ миру ль или не въ миру, и нѣтъ ли межъ ихъ войны?

И Григорей говорилъ, что великій государь нашъ его ц. в. братъ твой ныне съ нѣмецкимъ королемъ въ миру, и послы нѣмецкого короля у его ц. в. при немъ были на Москвѣ, а глухо молилъ про нѣмецкого короля потому, что шахъ его спросилъ глухо жъ, а про которого нѣмецкого короля шахъ у него спрашивалъ, того не вѣдаетъ, только къ его слову молилъ, что у государя нѣмецкого короля послы при немъ на Москвѣ были, и межъ себя въ сылѣ. И шахъ де противъ его слова: что то добро, что братъ мой съ нѣмецкимъ королемъ въ миру и въ сылѣ. Да велѣлъ имъ быти у себя за столомъ. И они де того дни у шаха ѣли.

А какъ де они къ шаху вошли сперва въ полату и шаху отъ государя поклонъ правили, и грамоту подали, а въ тѣ де поры сидѣли у шаха турецкого салтана гонецъ Магметъ да ерянского короля посланникъ Бекъ зада, да крымской выѣзжей царевичъ Шакъ Гирѣй, да грузинской царевичъ, что взятъ въ Грузехъ, Леверханъ, и у шаха они въ тѣ поры ѣли жъ, только о себѣ за столомъ, а они себѣ одни за столомъ. А шахъ де въ тѣ поры, какъ они ѣли у шаха, все ходилъ по полатѣ, тѣшилъ.

А были они, Григорей и толмачъ, у шаха и поклонъ правили и грамоту подали, не вѣдая про то, что у шаха въ тѣ поры были турецкого гонецъ и ерянского короля посланникъ, а свѣдали они про нихъ послѣ, а въ тѣ поры имъ про нихъ не сказали. А какъ они отѣли, и шахъ де ихъ отпустилъ къ себѣ на подворье.

А на завтрее де того дни приходилъ къ нему, Григорью, на подворье приставъ ихъ Алла Гулѣй, и они де ему говорили, что бѣ онъ известилъ шаховымъ ближнимъ людемъ, а шаховы бѣ ближніе люди известили шаху, что они по государя своего царя и в. кн. Михайла Ѳеодоровича

в. Р. с. приказу шаху поклонъ исправили и грамоту подали, и шахъ бы Аббасово в. велѣлъ ихъ отпустить ко государю и съ ними противъ государевы грамоты къ брату своему, къ великому государю, къ его царскому величеству отписать. И приставъ де имъ сказалъ, что онъ про то шахъ Аббасову в. извѣститъ.

А послѣ де того, спустя съ мѣсяць, присылалъ къ нимъ шахъ на подворье звати къ себѣ ѣсть пристава ихъ Алла Гула, чтобъ они у шаха были у стола.

И они де, Григорей (и толмачъ), того дни у шаха у стола были, а сидѣли по прежнему жъ, а турского де гонецъ и ерянской посланникъ у шаха въ тѣ поры у стола были жъ, а сидѣли по прежнему о себѣ столомъ, а они про нихъ еще не вѣдали жъ. А какъ они отѣли, и шахъ де ихъ отпустилъ къ себѣ на подворье. И жили они послѣ того в-Испоганѣ съ мѣсяць же. А въ тѣ де поры слышали они, что отъ литовского короля приѣзжалъ къ шаху гонецъ, а съ чѣмъ и о чемъ приѣзжалъ, того провѣдать не могли. А о своемъ отпускѣ они говорили многижда, чтобъ шахъ велѣлъ ихъ отпустить. И приставъ де ихъ говорилъ имъ, что шахъ велитъ ихъ ко государю отпустить вскорѣ, какъ будетъ время.

И октября въ 27 де(нь) велѣлъ имъ шахъ быти у себя на отпуске. И того дни они у шаха были, а какъ вошли въ полату, и шаховы де ближніе люди говорили имъ, что ихъ шахъ Аббасово в. велѣлъ къ брату своему отпустить и грамоту съ ними свою посылаетъ. Да въ тѣ поры они у шаха у стола были въ третіе. А ѣтчи, отпустили ихъ къ себе на подворье, а за ними прислалъ шахъ на подворье ко государю грамоту.

А после того, спустя съ недѣлю, шахъ изъ Аспогана пошолъ въ новой городъ въ Фарабатъ, а ихъ, Григорья и толмача, отпустили изъ Аспогана, спустя после того день съ пять, ноября въ 7 де(нь). И ѣхали они изъ Аспогана на тѣжъ города, на которые ѣхали в-Испоганъ, да въ Дербень, а изъ Дербени ихъ отпустили тою же дорогою на Кумыки и провожали ихъ изъ Дербени до Гирѣя князя кумыцкаго, и у Гирѣя князя жили они четыре дни.

А после того Гирѣй князь велѣлъ ихъ отпустить на Терку, а съ ними послалъ въ провожатыхъ до Терка 3-хъ человекъ узденей своихъ.

И на Терку де они приѣхали за три недѣли до масленицы и жили на Теркѣ три мѣсяца за тѣмъ, что въ тѣ поры кочевалъ межъ Астарахани и Терка Иштерекъ. А какъ де Иштерекъ перешолъ в-ыное мѣсто кочевать, и ихъ де съ Терки отпустили на другой недѣлѣ после велика

дни, моремъ. А куды Иштерекъ пошелъ кочевать и гдѣ нынѣ кочуютъ, того не вѣдаютъ.

А въ Астарахань пріѣхали они съ Терки въ пятой день. А изъ Астарахани пріѣхали они къ Москвѣ іюнь въ 15 де(нь).

А про вѣсти Григорей Шахматовъ и толмачъ Ермолка допрашиваны, что они какихъ вѣстей, будучи въ Кизылбашехъ и ѣдучи дорогою и до Терки, слышали.

И Григорей и толмачъ Ермолка въ роспросе сказали: какъ они были въ Кизылбашехъ, и при нихъ де съ турскимъ и зъ бухарскимъ и с-ындѣйскимъ цари войны никакіе не было, а слышали они, что было турскому ратныхъ людей на шаха по нынѣшней веснѣ посылать, и пришли-ль нынѣ на шаха турецкіе люди или еще не пришли, того не вѣдаютъ. И шахъ де отъ турецкого опасаетца, приходу людей его чаеть. И дѣлаеть де шахъ городъ каменной, а называютъ его Оарабатъ, близко моря, не упомнать у которые рѣки на устьѣ, и людей со всеѣ Кизылбашскіе земли изво многихъ городовъ переводить въ тотъ городъ, и ужъ де тотъ городъ и здѣланъ и людьми наполненъ ратными и жилетцкими многими, сказываютъ его противъ Царя города; а проходъ де къ нему одинъ—межъ горъ щельми, а гдѣ городъ стоитъ, тамъ де мѣсто просторно и всемъ изобильно. И только де пойдетъ турецкой на шаха самъ, и шахъ съ нимъ хочеть перевѣдыватца, а только де силы его не будетъ противъ турецкого стоять, и онъ де хочеть ити въ тотъ городъ для крѣпости отъ турецкого, и тотъ тѣсной путь хочеть утверждать.

А грузинской де царь Теймуразъ у шаха все свои города, что было шахъ у него поималъ, очистилъ и людей шаховыхъ въ тѣхъ городѣхъ побилъ, и нынѣ де Грузинская земля подъ Теймуразомъ по прежнему. А какъ де Теймуразъ землю свою очистилъ, и шахъ де присылалъ на Теймураза воеводу своего Испандеяра бека, а съ нимъ 12,000 человекъ. И Теймуразъ де того шахова воеводу побилъ, а убилъ у него тысячъ съ пять ратныхъ людей и коши все у него отгромилъ, а Испандеяръ съ достальными людьми отшолъ отъ него въ шаховъ городъ въ Тевризъ, отъ Грузинскіе земли ходу до него день съ пять.

Да слышали они, ѣдучи дорогою, что про шаха въ Ардевилѣ обиходы пасуть, а сказываютъ де, что хотѣлъ шахъ ити самъ на грузинского Теймураза царя, а подлинно про то не вѣдаютъ: пойдетъ ли шахъ на Теймураза или не пойдетъ. А въ Шамахѣ де и въ Дербени добрѣ крепятца и запасы запасають, а блюдутца приходу грузинского Теймураза царя, а говорятъ въ Шамахѣ и въ Дербени: только де шахъ

въ нимъ самъ не придетъ, и нимъ отъ Теймураза быть всѣмъ повоеваннымъ. А Аряжъ де городъ Теймуразъ взялъ и людей шаховыхъ въ немъ всѣхъ побилъ и разорилъ. И нынѣ де Теймуразъ въ своей въ Грузинской землѣ, въ городѣ въ Загемѣ.

А гдѣ нынѣ болшіе Нагаи—Иштерекъ князь, и Казыевъ улусъ кочюють, того они не вѣдаютъ.

А болши того вѣстей они никакихъ не слышали.

.

Великому величествомъ вознесенному, въ добрую звѣзду роженному царскому сѣмени, грозою подобну Казаферу царю, богатствомъ подобну Дарію царю, величествомъ Кекеусу царю, богатырствомъ Растему, храбростію Олександрю, звѣздочислено войско имѣющему, подобно съ солнцемъ сіяющему, превысочайшему престолу самоцвѣтнаго камени отрасли милостивому въ царствѣ повелителю, Російского государства царю богатому и великому и вознесенному, и возможному, тѣхъ прежнихъ царей величества достигшему и на царствѣ величествомъ, и высотой, и кротостью, и милостью, и даролюбіемъ утвердившемуся, любительному честному и прехвальному великому государю царю и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. величеству многосильному и великочествомъ отъ вашего любительного бытѣя и отъ дружелюбства и отъ соединенныя правды дружбѣ знамя. Вашего величества посланники, съ радостью въ сю землю пришедъ и къ нашему ближнему дружелюбству дошедъ, и письмо прямыя дружбы и правды и про одиначенье въ немъ писано, къ намъ донесли, и принесли, намъ ее подали, хотя ближніе дружбы нашего благочестиваго царьскаго мѣста, и мы возрадовались и въ умѣ нашемъ любительное зеркало съ розными радости объявилось, и вамъ великаго государства царю явно, что изъ стари се Дудманское властельное мѣсто нашего царства, а отъ прежнихъ временъ по прямой правде и по одиначенью дружбою всякіе наши люди саживались, и нынѣ мы съ тобою, съ великимъ государемъ, тако же желаемъ, радуясь, быти въ братственной дружбѣ, а Грузинская земля не тайно отъ начала временъ наши шаховы служильцы и наши подручники, и всегда жаловали есмя и береженье наше къ нимъ было, а хотя въ нихъ в-ыныхъ людехъ лукавство есть, а в-ыныхъ правда и радѣнье, и будетъ отъ насъ до нихъ дѣло объявитца и отъ наше стороны убоися и стануть въ вашу сторону приходити, и тебѣ бѣ тутю своя любительная къ намъ дружба явити и тѣхъ опять къ намъ поворотити, а преже сего, коли въ Російскомъ государствѣ междуусобная смута была, и въ тѣ поры, пришедъ скопомъ не царьскаго роду, называлась царевичемъ,

и царьского мѣста добиваясь, Астараханъ засѣлъ, и многіе послы къ намъ отъ него прошати помощи приходили, и мы, довѣдавъ, что онъ не царьского роду, ево прошенья ему не дали и ни въ чемъ не помогли. А того Дудмана по своей сердечной мысли исъ подъ своихъ рукъ не выдали. Слава и хвала намъ то Богу, что конецъ того на истинный путь нашедъ, недруги наши усѣлись. А того царевича великого возмoжного на царьской престолъ поставили и недруги жъ его подъ ногами стали. И нынѣ отъ нашего величества любовь и дружба то къ намъ, чтобъ отъ той стороны се сидѣнье и бытѣ въ любовь видѣчи, дружба своя сердечная не повинути, а мы по истинной правде и по одипаченью съ тобою высокого престола великимъ царемъ своей орды и украины твоими почитаю, а твоихъ орды и украинъ тако же за свое почитаю. А отъ начала межъ нами розни и недружбы не бывало, а противъ сѣхъ словъ пригодитца тебѣ великому царю, съ лицемъ сіяющему, всегда дружба и ссылка держати и слово говорити умѣющими послы съ любительными своими грамоты насъ возвеселити. А что будетъ въ нашихъ ордахъ тебѣ понадобится, и тебѣ бѣ о томъ къ намъ, не чюжаясь, писати, и то бы твое дѣло такъ ся здѣяло. А хотя мы мало писали, а много хотимъ въ крѣпкой дружбѣ съ тобою быти.

Притиска: Бояре приговорили отписать отъ государя къ шаху про Грузинскую землю, чтобъ для государевы любви на Грузинскую землю не ходилъ, тамъ вѣра наша одна, а что неисправленье ихъ, и государь велитъ имъ передъ шахомъ исправитца.

. . . здержательную власть древнихъ великихъ государей персидцкихъ царей примъшему превознесенную честь, яко рогъ инрога достигшему, мусульманскихъ высочайшихъ превосходящему честію и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю, пореченному въ чести величества изяцному Персидцкіе и Ширванскіе земли начальнику Аббасъ-шахову величеству любовному пріятелю нашего царьского величества любезное поздравленіе и счастливое пребываніе и надъ недруги вашими побѣда и одолѣніе. Потомъ объявляемъ вашему величеству: посылали есмя къ вамъ, брату нашему, Аббасъ шахову величеству съ нашею грамотою гончика Гришу Шахматова о нашихъ государственныхъ о братцкихъ любительныхъ дѣлахъ; да въ той же нашей грамотѣ писали есмя къ вамъ, брату нашему, о Иверской землѣ, что Иверская земля изначала нашіе православные крестьянскіе вѣры, и били челомъ Олександръ царь со всею Иверскою землею въ подданство дяде нашему великому государю ц. и в. вн. Ѳедору Ивановичю в. Русіи, потомъ царю и в. кн. Борису Ѳедоровичю в. Р. и ихъ государьскимъ наслѣдникомъ, которые великіе государи на нашихъ

великихъ Россійскихъ государствахъ впередъ будутъ, и вамъ бы, брату нашему, великому государю Аббасъ шахову в. в-Иверскую землю впередъ не вступатися и людей своихъ из-Иверской земли велѣти вывести. И вы-бъ, братъ нашъ, Аббазъ шахово в. гончика нашего Гришу Шахматова къ намъ, великому государю, отпустилъ, а съ нимъ прислалъ къ намъ, великому государю, свою любительную грамоту, а въ грамоте своей вы, братъ нашъ, къ нашему царскому величеству о Грузинской землѣ писали, что Грузинская земля отъ начала временъ ваши служилцы и подданные, и всегда есте жаловали ихъ и берегли, и будетъ вамъ до нихъ впередъ дѣло будетъ, и отъ васъ будетъ брата нашего Абазъ шахова величества, только убоясь, учнутъ Грузинцы приходи въ наше государство, и нашему бѣ царскому величеству къ вашему Аббасъ шахову в. наша любительная дружба объявити, тѣхъ опять къ тебѣ воротити. А вы, великій государь, по истинной правде съ нами, великимъ государемъ, дружбы и любви хочешь и свои города отъ нашеи украины нашими считаешь, а наши города отъ нашеи украины своими считаешь. И мы, великій государь, ту вашу, брата нашего, грамоту выслушали любительно и хотимъ съ вами, братомъ нашимъ, съ великимъ государемъ съ Абасъ шаховымъ величествомъ по тому жъ быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви и въ ссылке на веки неподвижно, мимо всѣхъ великихъ государей. А тому мы, великій государь, подивилися, что вы, великій государь, братъ нашъ Аббасъ шахово величество съ посланники своими и зъ гонцы къ намъ, великому государю, приказываетъ и въ грамотахъ своихъ къ нашему царскому в. пишешь, что съ нами, великимъ государемъ, хочешь быти въ сердечной въ братцкой дружбе и въ любви, и въ ссылке и своей земли города отъ нашеи украины нашими называетъ, а въ нашу подданную Иверскую землю, нашеи крестьянскіе вѣры греческаго закона, которая крестнымъ целованьемъ издавныхъ лѣтъ намъ, великимъ государемъ, царемъ російскимъ, укреплена, вступаешься, и намъ въ ней кабы отказываетъ: которые къ намъ отъ вашего, брата нашего, страху учнутъ къ нашему царскому величеству приходи, велишь къ себѣ ворочати. А мы, великій государь, къ тебѣ, брату нашему, зъ гончикомъ нашимъ зъ Гришею Шахматовымъ о Грузинской землѣ какими обычай намъ, великимъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ російскимъ въ подданстве учинилась и какіе убытки отъ неѣ прежнимъ російскимъ государемъ учинились, писали подлинно, и сею нашею царскою грамотою вамъ, великому государю, объявляемъ и самому тебѣ, брату нашему, Абазъ шахову в. про то подлинно вѣдомо: Иверская земля, цари и князи изначала нашеи христианскіе вѣры греческаго

закона, а были на Иверской землѣ цари самовластны и никѣмъ не обладаемы, после того, какъ перестали во Царѣ городѣ хрестыянскіе государи, а какъ учала быти в-Иверской землѣ межъ царей и князей рознь и несогласье, а турской имъ учалъ многую тесноту чинити, и Иверскіе земли Александръ царь сынъ Леонтыя царя, видя себя безпомощна и боясь быти отъ турского въ разоренье, били челомъ блаженные славные памяти дяде нашему великому государю ц. и в. кн. Федору Ивановичю в. Р. с., чтобъ онъ, великій государь, для хрестыянскіе вѣры принялъ его подъ свою царскую высокую руку и отъ турского-бъ салтана и отъ Шевкала обороняти его велѣлъ, а онъ зъ детьми своими, съ царевичемъ Давыдомъ и съ царевичемъ Юрьемъ, и со внучаты и со всею своею Иверскою землею отъ великихъ государей царей російскихъ не отступень будетъ на веки. И на томъ Александръ царь зъ детьми своими и со внучаты и со всею своею Иверскою землею блаженные памяти великому государю дяде нашему ц. и в. кн. Федору Ивановичю в. Р. с. правду далъ по нашей хрестыянской вѣре, крестъ целовалъ, и тѣмъ себѣ вспоможенье и свободу отъ турскихъ людей получилъ, и нѣкоторые ихъ недруги не умѣли имъ нѣкоторые тесноты во вся лѣта при дяде нашемъ великомъ государе ц. и в. кн. Федоре Ивановиче в. Р. и при царѣ Борисе учинити. Да и то вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в. вѣдомо: какъ великій государь, блаженные славные памяти дяда нашъ, ц. и в. кн. Федоръ Ивановичъ в. Р. с. на Терке и на Койсе города велѣлъ поставити и людей ратныхъ въ нихъ устроить для Иверскіе земли, чтобъ Иверскіе земли турскимъ и кумытцкимъ людямъ теснити не дати и противъ недруговъ ихъ помогати, да и для того, что турскіе люди по многіе годы ходили на вашу Аббасъ шахова в. землю войною, а проходили на Койсу да на Терку, да на Суншу. И по его царского в. повелѣнью нсъ тѣхъ городовъ терскіе и волжскіе, и янтцкіе казаки на турскихъ людей прихаживали и на Сунше турскихъ людей многихъ побили, и впередъ тѣми мѣсты на вашу, брата нашего, землю турскіе люди ходити не учали. И вамъ, брату нашему, тѣмъ великая помощь учинилась да и многая любовь и братственная крѣпкая дружба дяди нашего великого государя царя и в. кн. Федора Ивановича в. Р. с. къ тебѣ, брату нашему, была, о чомъ самъ подлинно вѣдаешь. А какъ судомъ Божиимъ блаженные памяти дяди нашего великого государя ц. и в. кн. Федора Ивановича в. Р. с. въ животѣ не стало, а на великихъ російскихъ государствахъ учинился царь и в. кн. Борисъ Федоровичъ в. Р., и иверской Александръ царь царю Борису потому жъ правду далъ зъ детьми

своими и со внучаты, и со все́ми думными своими людьми крестъ целовали, что имъ быти подъ російскихъ великихъ государей царей рукою со всею Иверскою землею на вѣки не отступнымъ. И по Олександрову цареву челобитью царь Борисъ нѣсь понизовыхъ городовъ воеводамъ своимъ велѣлъ послати на Шевкала и на всю Кумытцкую землю ратныхъ своихъ людей для того: какъ Олександръ царь съ повелѣнья царя Бориса былъ у тебя, брата нашего, въ рати, и шевкальской по турского велѣнью въ ту пору Иверскую землю воевалъ и многихъ хрестыянскихъ людей въ плѣнъ поимали. И царя Бориса ратные люди Кумытцкую землю воевали и многіе мѣста поимали и разорили и въ Таркахъ и въ Тарвалахъ города поставили. И какъ царя Бориса не стало, а въ Московскомъ государстве учала быти умышленемъ польского короля смута и въ людехъ рознь, и кумытцкіе люди, сложась съ турскими людьми, которые въ то время были въ Кумытцвой землѣ, на нашихъ людей приходили.¹⁾

1616 марта 22—іюн. 27. Отпускъ въ Персію Россійскихъ посланниковъ Ѳедора Левонтьева и дьяка Богдана Тимофѣева для утвержденія взаимной съ шахомъ дружбы и для испрошенія казны къ продолженію съ польскимъ королемъ войны. — Челобитныя и отправляющіеся съ ними кречетниковъ о разныхъ дѣлахъ, и по онимъ памяти въ разные приказы. — Отпускъ проѣзжихъ грамотъ въ понизовые города, такъ же къ кумытцкому князю Гирѣю, къ черкасскимъ и горскимъ князьямъ и мурзамъ. — И копія государевой къ шаху грамоты и данный Россійскимъ посланникамъ наказъ. На 294 листахъ.

Лѣта 7124-го марта въ 22 де(нь) по государеву цареву и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память діакомъ Петру Овдокимову да Матвѣю Сомову. Указалъ государь ц и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. п(ослать) въ Персидцкое государство къ шахъ Аббасу для (своего) государева и земского дѣла посланниковъ с(воихъ), Ѳедора Исакова сына Левонтьева да дьяка Богдана Тимофѣева, а съ ними вмѣсте ук(азалъ государь) отпустить съ Москвы шахова посланника Булатъ бека, а итти имъ съ Москвы до Нижнего и до Казани въ судѣхъ ныне на веснѣ вскоре. И по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу діакомъ, Петру Ов(докимову) да Матвѣю Сомову, велѣ Москвѣ рекѣ про госуда(ревыхъ посланниковъ) и про шахова (посла)нника и про

¹⁾ На этомъ отрывкѣ грамоты и оканчивается выписку изъ Грузинскихъ дѣлъ.

его людей и подь рух(лядь). . . . судна большихъ добрыхъ и крѣпкихъ, которые бѣ подняли чети по штидесяти и больши. А которые будутъ худы и не конопачены, и тѣ велѣти подѣлать и выконопатить; а на томъ судне, въ которомъ ѣхать шахову посланнику, велѣти здѣлать чердакъ и покрыть и устроить по посольскому обычею, чтобъ то судно было крѣпко и стройно. Да въ пробожатыхъ, которымъ провожать посланниковъ съ Москвы до Коломны, велѣти отписать судно доброе.

Лѣта 7124-го апрѣля въ 10 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчыкову. Бояринъ Борисъ Михайловичъ Салтыковъ да дьяки Иванъ Болотниковъ съ товарищи сказали въ Кизылбаши къ шахъ Аббасу ѣхати съ кречаты и съ ястребы кречетникомъ и ястребникомъ; а кому кречетникомъ и ястребникомъ сказано и что имъ по списку дворовыхъ людей нынешняго 124-го году помѣсные и денежныя оклады, и тому послана къ вамъ роспись подь сею памятью. *Начало подписи:* Діакъ.

Кречетники:

400 чети, денегъ 18 рублевъ. Остаеѣй Сычовъ.

300 чети, денегъ 12 рублевъ. Михайло Паскинъ.

По 250 чети, денегъ по 10 рублевъ. Петръ Савеловъ, Иванъ Петровъ.

Продолженіе подписи: Патрекѣй.

Ястребники:

250 чети, денегъ 10 рублевъ. Истома Бакинъ.

200 чети, денегъ 8 рублевъ. Григорей Устиновъ.

Конецъ подписи: Насоновъ. *На оборотъ:* Справилъ Игнашко Лу. . . .

Лѣта 7124-го апрѣля въ 14 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчыкову. Въ приказъ большого дворца къ боярину къ Борису Михайловичю Салтыкову да къ дьякомъ, къ Ивану Болотникову съ товарищи, въ памяти за твоею, Петровою, приписью написано: пожаловалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. кречетниковъ, Остаеѣя Сычова, Михайла Паскина, Петра Савелова, Ивана Петрова, да ястребниковъ, Истому Бокина, Григорья Устинова: велѣлъ имъ дати для кизылбашскіе посылки свое государево годовое жалованье на два года, на нынешней на 124-й годъ да впередъ на 125-й годъ по окладомъ ихъ сполна. И тѣмъ бы кречетникомъ и ястребникомъ государево жалованье на два года, на нынешней на 124-й годъ, да впередъ на 125-й годъ дати въ приказе большого дворца по ихъ окладомъ сполна. И кречетникомъ Остаеѣю Сычову да Петру

Савелову, да ястребникомъ Истоме Бокину да Григорью Устинову государево жалованье на нынешней на 124-й годъ и впередъ на 125-й годъ оклады ихъ сполна въ приказе большого дворца даны. А кречетники Михайло Паскинъ да Иванъ Петровъ отъ кизылбашскіе посылки отставлены и жалованье имъ не дано потому, что Михайло Паскинъ во 123-мъ году былъ посланъ со птицы въ Крымъ и жалованье ему на нынешней на 124-годъ дано сполна; а Иванъ Петровъ взять въ кречетники ныне внове. И ныне на ихъ мѣсто выбраны въ Кизылбашскую посылку кречетники жъ, на Михайлово мѣсто Паскина—Василей Феофановъ, на Иваново мѣсто Петрова—Федоръ Тоболинъ, и жалованье имъ для кизылбашскіе посылки въ приказе большого дворца на нынешней, на 124-й, годъ и впередъ на 125-й годъ оклады ихъ сполна даны. Иванъ Болотниковъ. *На оборотъ*: Справилъ Иванко Дмитреевъ.

Лѣта 7124-го апрѣля въ 25 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память діакомъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчыкову. Билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. ястребникъ Истома Бокинъ, а сказалъ: придано де ему государева жалованья помѣсного окладу за службу и за погорѣльское осадное сидѣнье пятьдесятъ чети да денегъ два рубли, а ныне опъ, Истома, посланъ на государеву службу въ Кизылбаши, а окладъ ево помѣсной и денежной въ посольской приказъ отосланъ старой, а та придача не послана, и государь бы ево пожаловалъ, велѣлъ ему тое помѣсную и денежную придачу къ прежнему окладу въ посольскомъ приказе справить. И въ приказе большого дворца въ списке дворовыхъ людей нынешнего 124-го году написано: ястребнику Истоме Бокину окладъ двѣсти пятьдесятъ чети, денегъ десять рублей. И государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. пожаловалъ, велѣлъ ему тое помѣсную и денежную придачу къ прежнему его окладу справить. И по государеву ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу діакомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчыкову, велѣти за ястребникомъ, за Истомою Бокинымъ, помѣсную и денежную придачу къ прежнему его окладу справить. *Подпись*: Діакъ Патрикѣй Насоновъ. *На оборотъ*: Справилъ Олдрюшка Ботвиньевъ.

Отъ царя и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Коломны и до Переяслави, и до Муромъ, и до Нижнего Новгорода, и до Казани, и до Астарахани, и до Терки бояромъ нашимъ и воеводамъ, и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людямъ. По нашему указу посланы отъ насъ въ Кизылбаши къ Аббасъ шаху съ

посланники нашими, съ Ѳеодоромъ Левонтьевымъ да зъ діакомъ, зъ Богданомъ Тимоѳеевымъ, съ нашими птицы, съ кречеты и съ ястребы, кречетники да ястребники Остаѳей Сычовъ съ товарищи, а птицъ съ ними восемь кречетовъ да три ястребы. И какъ они въ которой городъ со птицы приѣдутъ, и вы бѣ, бояре наши и воеводы, и дѣяки, и всякіе наши приказные люди, ихъ отпускали безъ задержанья и суды подъ нихъ и кормщиковъ и гребцовъ давали противъ подорожныхъ сполна, и про птицы кормъ имъ давали, на птицу по гнезду голубей или по двое куровъ молодыхъ, или по курице по старой, и ледъ про кречетовъ и на голуби, и на куры кормъ отъ города до города, счетчи, въ сколько день имъ отъ города до города поспѣти мочно. А съ Терки воеводамъ нашимъ, Миките Дмитреевичю Вельяминову да Петру Ѳеодоровичю Проклонскому кречетниковъ и ястребниковъ, Остаѳья Сычова съ товарищи, по тому жъ отпустили въ Кизылбаши съ посланники нашими вмѣсте водянымъ или сухимъ путемъ, не задержавъ, и кормъ про птицы дати, до коихъ мѣсть мочно. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, маія въ 17 де(нь).

Написано въ добладъ. Бьютъ челомъ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳеодоровичю в. Р. кречетники Остаѳѣй Сычовъ, Василей Ѳофановъ, Петръ Савеловъ, Ѳеодоръ Тоболинъ, да ястребники Истома Бакинъ, Григорей Устиновъ. По государеву де указу велено имъ ити въ Кизылбаши зъ государевы птицы, съ кречеты и съ ястребы, съ посланникомъ Ѳеодоромъ Левонтьевымъ да зъ діакомъ зъ Богданомъ Тимоѳеевымъ, а государева денежного жалованья для тоѣ службы дано имъ на два годы по окладомъ ихъ, а подмоги и запасу ничево имъ не дано; а которые ихъ братья, кречетники и ястребники, преже сего посланы были въ Кизылбаши со птицы, и тѣмъ государево жалованье на подмогу противъ годового жалованья вдвой давано и запасъ даванъ, да по сукну по доброму, по два ведра вина, по 2 ведра меду, по 2 ведра уксусу; да въ Казани запасу давано по 5 чети муки рженые, по 5 чети муки пшеничной, по 5 ведръ уксусу по полоть ветчины. И государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ своево государева жалованья на подмогу и запасу, какъ государю Богъ известить. А въ памяти изъ приказу большого дворца за приписью діака Патреѣя Насонова написано: кречетникомъ и ястребникомъ государева жалованья денежные оклады: Кречетники: 18 рублевъ—Остаѳѣй Сычовъ, по 10 рублевъ—Василей Ѳофановъ, Петръ Савеловъ, Ѳеодоръ Тоболинъ. Ястребники: 12 рублевъ—Истома Бакинъ, 8 рублевъ—Григорей Устиновъ.

И выписано изъ записныхъ тетратей по чему давано государева

жалованья кречетникомъ и ястребникомъ на подмогу. Въ прошломъ во 104-мъ году посланы въ Кизылбаши съ посломъ со княземъ Ондрѣемъ Звинигородцемъ кречетники Иванъ Петровъ и дано ему государева годового жалованья на 2 года, на 104-й годъ да на 105-й годъ, да подмоги вдвое противъ одного году 23 рубли. А что прежде сего кречетникомъ и ястребникомъ государева жалованья запасовъ и вина на Москвѣ и въ городѣхъ для тое службы давано, и того въ посольскомъ приказе не сыскано, потому что после московского разоренья сысканы записные тетрати не сполна. *Помѣта дьяка:* Дать подмоги противъ жалованья всѣмъ вдвое, а запасу дать противъ тѣхъ кречетниковъ, которые посланы въ Царьгородъ.

Бьютъ челомъ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. кречетники да ястребники, Остаѣй Сычовъ съ товарищи. Сказано де имъ на государеву службу въ Кизылбаши, а государева жалованья велѣно дать на подмогу изъ большово приходу, и въ большемъ де приходе ныне денегъ нѣтъ, а отпускъ имъ будетъ вскоре. И государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ дать то свое государево жалованье подмогу изъ зборныхъ денегъ. А дове(де)тца имъ дати государева жалованья подмоги всѣмъ шти человѣкомъ 136 рублиевъ. *Помѣта дьяка:* Будетъ деньги есть, дать имъ что взяты пятинные деньги.

Написано въ докладъ. Бьютъ челомъ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. кречетники Остаѣй Сычовъ, Василей Ѳеоановъ, Петръ Савеловъ, Ѳедоръ Тоболинъ, да ястребники, Истома Бакинъ, Григорей Устиновъ. По государеву де указу велено имъ итти въ Кизылбаши зъ государевы птицы, съ кречеты и съ ястребы, съ посланникомъ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да зъ дьякомъ зъ Богданомъ Тимоѣевымъ, а государева денежного жалованья для тоѣ службы дано имъ на два годы по окладомъ ихъ, а подмоги имъ и запасу ничего не дано; а которые де ихъ братья кречетники и ястребники прежь сего хаживали въ Кизылбаши со птицы, и тѣмъ государево жалованье подмоги и запасъ давано. И государь бы царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. ихъ пожаловалъ на подмогу и запасу, какъ государю Богъ известитъ.

И выписано изъ записныхъ тетратей по чему давано государева жалованья кречетникомъ и ястребникомъ на подмогу и запасу. Въ прошломъ во 109-мъ году (пос)ланы въ Кизылбаши съ посломъ со княземъ Олександромъ Засѣвинымъ кречетники Гаврила Микулинъ, Богданъ Марковъ, и дано имъ государева жалованья на два года, на 109-й да на 110-й, да подмоги на одинъ годъ противъ жалованья, да

имъ же велено дати запасу въ Астарахани обѣимъ 5 чети муки рженне, 5 чети сухарей, по полтю ветчины, 5 вѣдръ вина, осмина крупъ, осмина толокна. *Помѣта:* Дать ныне противъ того жъ.

Огъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ князю Володимеру Тимоѳевичю Долгорукову да князю Семену Микитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ Ондрѣю Подлѣсову, да Оеонасю Истомину. По нашему указу велено итти на нашу службу въ Кизылбаши съ нашими посланники, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да зъ дьякомъ зъ Богданомъ Тимоѳевымъ, съ нашими птицы, съ кречеты и съ ястребы, кречетникомъ и ястребникомъ Остаею Сычову, Василью Ѳеанову, Петру Савелову, Ѳедору Тоболину, ИстOME Бакину, Григорью Устинову, всего шти человекомъ. А для тое кизылбашскіе посылки указали есмя имъ дати въ Казани нашего жалованья хлѣбныхъ запасовъ на два человекъ пять чети муки рженне, пять чети сухарей, пять ведръ вина, по полтю ветчины, осмина крупъ, осмина толокна. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ велѣли дати нашего жалованья хлѣбныхъ запасовъ для кизылбашскіе посылки кречетникомъ и ястребникомъ, Остаею Сычову съ товарищи, шти человекомъ, на два человекъ пять чети муки рженне, пять чети сухарей, пять ведръ вина, по полтю ветчины, осмина крупъ, осмина толокна. И въ расходъ бы есте тѣ запасы велѣли записать имянно. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, маія въ 17 де(нь).

Лѣта 7124-го маія въ 20 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память дьякомъ, Олексѣю Витовтову да Павлу Матюшкину, да Василью Семенову. Пожаловаль государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. Ѳедора Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѳева для кизылбашскіе службы, велѣлъ имъ купити въ Нижнемъ съ кабака вина, сколько имъ вѣдръ надобно въ пріимочное ведро, а цѣну у нихъ велѣлъ за то вино взять по той цѣнѣ, по чему ставитца ведро на винокурне. И по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу дьякомъ Олексѣю Витовтову да Павлу Матюшкину, да Василью Семенову послать въ Нижней государева грамота къ боярину и воеводамъ, а велѣтъ Ѳедору Левонтьеву да дьяку Богдану Тимоѳеву продати вина съ кабака, сколько вѣдръ надобно, а денги у нихъ велѣтъ взять за то вино по той цѣнѣ, по чему ставитца на винокурне.

Лѣта 7124-го, маія въ 20 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память дьякомъ Петру Микулину съ товарищи. Указаль государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Руси послать

къ брату своему, къ шахъ Аббасову в. въ посланникехъ Ѳедора Исакова сына Левонтѣева да дьяка Богдана Тимоѣева, а съ ними вмѣстѣ отпущены къ шаху съ Москвы шаховъ посланникъ Булатъ бекъ, да изъ Нижнего гонецъ Мигибъ бекъ, да изъ Казани посланникъ же Муршу Булы бекъ и торговые купчины, которые въ Казани, а по прежнему государеву указу будетъ изъ Казани, до государевыхъ и до шаховыхъ посланниковъ къ шаху не отпущены. А итти государевымъ посланникомъ съ Москвы на Нижней да на Казань, а въ Казани, сождався съ шаховыми посланники и зъ гонцомъ, итти на Самару, на Саратовъ, на Царицынъ, да на Асторохань. Да будетъ имъ гдѣ про нагайскихъ или про крымскихъ, или про Казыевъ улусъ, или про азовскихъ людей, или про воровскихъ какихъ людей вѣсть учинитца, а съ тѣми будетъ провожатыми, которые будутъ съ ними изъ Казани, пройти имъ не мочно, и посланникомъ велено по вестемъ имагъ провожатыхъ къ тѣмъ провожатымъ въ прибавку, въ которомъ городе прилучитца, сколько чловѣкъ пригоже, смотря по вестѣмъ, чтобъ имъ и шаховымъ посланникомъ отъ воровъ проѣхать было безстрашно и здорово. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу дьякомъ, Петру Микулину съ товарищи, послати на Самару и на Саратовъ, и на Царицынъ къ воеводамъ и къ приказнымъ людямъ государевы грамоты и къ нимъ отписать, въ которой городъ посланники государевы и шаховы придуть, а вѣсть имъ про какихъ воинскихъ людей или про воровъ учинитца, и проѣхать имъ будетъ съ тѣми провожатыми, которые съ ними будутъ изъ Казани, не мочно, и они бѣ имъ въ городѣхъ провожатыхъ давали къ тѣмъ провожатымъ въ прибавку, сколько чловѣкъ пригоже, смотря по вестемъ, чтобъ государевымъ и шаховымъ посланникомъ проѣхать здорово, и государеву бѣ и земскому дѣлу за провожатыми порухи не учинилось.

Лѣта 7124-го маія въ 18 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память думному дьяку Петру Третьякову да дьякомъ Петру Микулину съ товарищи. Пожаловалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. Ѳедора Левонтѣева да дьяка Богдана Тимоѣева для кизылбашскіе службы, велѣлъ имъ дати своего государева жалованья по сороку соболей: Ѳедору Левонтѣеву сорокъ соболей въ сорокъ рублевъ, дьяку Богдану Тимоѣеву сорокъ соболей въ тритцать рублевъ. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедо(ро)вича в. Р. указу дьяку думному Петру Третьякову да дьякомъ Петру Микулину съ товарищи государево жалованье для кизылбашскіе службы Ѳедору Левонтѣеву сорокъ соболей въ сорокъ рублевъ да дьяку Богдану Тимоѣеву сорокъ соболей въ тритцать рублевъ велѣти дати.

Лѣта 7124-го маія въ 15 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память дѣякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчукову, въ приказъ большого дворца къ боярину къ Борису Михайловичю Салтыкову да къ дѣякомъ, къ Ивану Болотникову съ товарищи. За твоею, Савиною, приписью написано: велѣти-бъ отписать къ вамъ въ посольской приказъ подъячему Ивану Федосѣеву, что во дворцѣ денежной окладъ и для кизылбашскіе службы государево жалованье ему дано на одинъ ли годъ или на два, и въ приказе большого дворца въ расходныхъ въ окладныхъ книгахъ нынешняго 124-го году написано: подъячему Ивану Федосѣеву государева жалованья денежной окладъ дватцать рублей, и по памяти отъ васъ исъ посольского жъ приказу за твоею, Савиною, приписью подъячему Ивану Федосѣеву для кизылбашскіе службы дано ему государево денежное жалованье на два годы, на нынешней на 124-й годъ да впередъ на 125-й годъ по окладу его сполна дано. Діакъ Патрежій Насоновъ.

На оборотѣ: Справилъ подъячей Венедиктѣо Маховъ.

Лѣта 7124-го маія въ 15 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память дѣякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчукову, въ приказъ большого дворца къ боярину къ Борису Михайловичю Салтыкову да къ дѣякомъ, къ Ивану Болотникову съ товарищи. Въ памяти за твоею, Петровою, приписью написано: велѣно дать государева жалованья Федору Левонтьеву да діяку Богдану Тимоѣеву для кизылбашскіе послыки зъ дворца питья и рыбныхъ запасовъ, и муки крупчатые. И тѣхъ имъ запасовъ зъ дворцовъ не дано. *Подпись:* Діакъ Патрикій Насоновъ.

Внизу: Дать въ Нижнемъ и Казани запасовъ противъ Петра Матурова да Семейки Самсонова.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гогарину, да дѣякомъ нашимъ, Оандрю Подлѣсову да Оеонасю Истомину. Посланы отъ насъ въ Кизылбаши къ Абасъ шаху въ послапникехъ Федоръ Левонтьевъ да дѣякъ Богданъ Тимоѣевъ, а для тое послыки указали есмь имъ дати въ Казани нашего жалованья запасовъ, въ дворцового запасу мѣсто, Федору Левонтьеву двѣ чети муки пшеничные, а не будетъ пшеничные и въ пшеничные мѣсто три чети муки ржаные, двѣ чети муки ржаные жъ, пять полоть ветчины, пять пудъ меду прѣсново, десять вѣдръ вина, пять вѣдръ уксусу. Діяку Богдану Тимоѣеву четверть муки пшеничные, а не будетъ пшеничные и въ то мѣсто три осмины муки ржаные,

четь муки ржаные жъ, три полтя ветчины, три пуда меду прѣсного, шесть вѣдръ вина, полтретья ведра уксусу. И какъ въ вамъ ся наша грамота придетъ, а Ѳедоръ и дьякъ Богданъ въ вамъ въ Казань прѣйдутъ, и вы бѣ имъ то наше жалованье запасы въ дворцовыхъ запасовъ мѣсто велѣли дати.

Царю г. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьютъ челомъ холопи твои Ѳедько Левонтьевъ да Богдашко Тимоѳѣевъ. По твоему государеву указу велѣно намъ итти въ Кизылбаши, и съ нашихъ съ московскихъ дворшниковъ правятъ мосту и посаженныхъ денегъ. Милостивый государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., пожалуй насъ, холопей своихъ, для кизылбашскіе послыки: не вели, государь, на насъ мосту и посаженныхъ денегъ правити. Царь, государь, смилуйся!

На оборотъ: 124-го, маія въ 18 де(нь) подалъ Федоръ Левонтьевъ.

Помѣта: Государь пожаловалъ, мосту мостити и посаженныхъ денегъ имати не велѣлъ.

Лѣта 7124-го маія въ 22 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память Оеонасью Ѳедоровичю Зиновьеву да дьякомъ, Дороге Хвицкому, да Шестаку Голышкину. Билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Ѳедоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳѣевъ: по государеву де указу велено имъ итти на государеву службу въ Кизылбаши (*и проч.*). И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. ихъ, Ѳедора и дьяка Богдана, пожаловалъ, не велѣлъ на нихъ для тое своей государевы службы мосту и посаженныхъ денегъ правити. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу Оеонасью Ѳедоровичю Зиновьеву да дьякомъ Дороге Хвицкому да Шестаку Голышкину на Ѳедоре и на дьяке на Богдане мосту и посаженныхъ денегъ правити не велѣти.

Лѣта 7124-го маія въ 20 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Петру Третьякову да Петру Микулину съ товарищи. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. послати въ Кизылбаши съ посланники, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да съ дьякомъ съ Богданомъ Тимоѳѣевымъ, пять сороковъ соболей по пятинатцати и по дватцати и по дватцати по пяти рублевъ, и по тритцати рублевъ сорокъ, пять лисицъ черныхъ по три и по четыре, и по пяти, и пошти, и по семи рублевъ лисица. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу дьякомъ, думному Петру Третьякову да Петру Микулину съ товарищи, велѣти соболи и лисицы изготовити. А отпускъ Ѳедору и дьяку Богдану съ Москвы будетъ вскорѣ. *Подпись:* Дьякъ Сава Раманчюковъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Вахтеярову Ростовскому, да Борису Ивановичю Нащовину, да дьяку нашему Дементью Обрасцову. Отпущены отъ насъ къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в-ву, съ Москвы посланникъ его Булатъ бекъ, а съ нимъ шаховыхъ же кречетниковъ три человекъ, да людей ихъ девять человекъ. А въ приставехъ съ ними для береженья посланъ отъ насъ съ Москвы до Нижнего и до Казани „ „; а въ Казани дожидатися ему съ тѣмъ шаховымъ посланникомъ нашихъ посланниковъ Федора Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѣева, которыхъ посылаемъ мы отъ себя къ шахъ Аббасу съ его посланники вмѣсте. А отпускъ нашимъ посланникомъ отъ насъ будетъ вскоре жъ. Да съ посланники жъ нашими и съ шаховымъ посланникомъ вмѣсте указали есмя отпустить къ шаху изъ Нижнего шахова гонца Мигибъ бека, которой ныне въ Нижнемъ, а отпущенъ въ Нижней отъ бояръ нашихъ, какъ наше Московское государство отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очистилось. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а кизылбашского посла приставъ Володимеръ Оничковъ пришлетъ къ вамъ напередъ себя съ вѣстью, въ которой день быти ему съ кизылбашскимъ посланникомъ въ Нижней, и вы бѣ тотчасъ изготовили про кизылбашского посланника дворъ добръ, гдѣ пригоже, и велѣли бѣ есте тотъ дворъ очистить и сторожей къ нему приставить, чтобъ тотъ дворъ къ посланникову приѣзду былъ готовъ. А въ которой день почаете посланникова приѣзду въ Нижней, и у васъ бы въ тотъ день въ городе и на посаде и тою улицею, гдѣ стоять посланнику и до двора было людно и стройно по посольскому обычею, и встрѣтитъ бы есте его велѣли у посаду, а на встрѣчу послали дворенина добра, а съ нимъ дѣтей боярскихъ и сотниковъ человекъ до пятидесять, и проводить ево велѣли до двора, и кормъ бы есте и питье посланнику до тѣхъ мѣстъ, покамѣста онъ побудеть въ Нижнемъ, давали по той росписи, какова дана на Москвѣ приставу его Володимеру, и въ дорогу отъ Нижнего до Казани дали бѣ есте Булатъ беку кормъ и питье по той же росписи и отпустили его изъ Нижнего въ Казань зъ гонцомъ, съ Мигибъ бекомъ, вмѣсте. А къ гонцу бѣ естя, къ Мигибъ беку, послали на дворъ дворянина добра или подъячего добра же отъ мѣста и велѣли ему сказать, что онъ, Мигибъ бекъ, пришелъ въ наше Російское государство въ смутное время до насъ, великого государя, съ шаховымъ посланникомъ съ Амиръ Али бекомъ вмѣсте и были у вора въ Тушинѣ; а после были на Москвѣ у царя Василья и по московское разоренье.

А какъ польскіе и литовскіе люди Москву выжгли, и Амиръ Али бекъ ушелъ за городъ царского в-ва къ бояромъ, которые въ то время были подъ Москвою, а онъ, Мегибъ бекъ, сидѣлъ въ Московскомъ государстве съ польскими и съ литовскими людьми и до Московского взятія. А какъ Московское государство отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очистилось и Москву взяли, а его, Мигибъ бека, взяли въ Москвѣ съ польскими жъ и съ литовскими людьми и послали въ Нижней, и по ея мѣста ему по нашего царского в-ва указу кормъ въ Нижнемъ даванъ доволенъ и нужи ему некоторые не было; а отпустить было его ко государю ихъ къ шахъ Аббасову в-ву по ся мѣста не мочно, потому что на Астараханское государство, за смутою вора Ивашка Зарутцего, дороги въ ихъ государство не было. А ныне, какъ по милости Божіей и нашимъ царскимъ счастьемъ, воровская смута поминавалася, и Астороханское государство очистилось, и дорога въ ихъ землю на Астараханъ отворилась, и мы, великій государь, видя въ себѣ государя ихъ шахъ Аббасова в-ва братцкую дружбу и любовь и ссылку, его, Мигибъ бека, пожаловавъ нашимъ жалованьемъ, велѣли отпустить государя жъ его шахъ Аббасова величества съ посланникомъ зъ Булатъ бекомъ вмѣсте, которой приходилъ къ намъ, великому государю, отъ государя ихъ поздравляти насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ и о иныхъ о добрыхъ дѣлехъ, которые пристоятъ нашему царскому в-ву зъ государемъ ихъ, съ шахъ Аббасовымъ в-омъ, къ братственной дружбе и любви, и своихъ посланниковъ мы, великій государь, къ брату нашему къ великому государю ихъ къ шахъ Аббасу отпускаемъ. И онъ бы, Мегибъ бекъ, слыша къ себѣ наше жалованье, ѣхалъ въ Казань и исъ Казани къ государю своему къ шахову в-ву зъ Булатъ бекомъ вмѣсте, и посланниковъ нашихъ подождали въ Казани; а нашимъ посланникомъ съ Москвы отпускъ будетъ вскоре. А сказавъ бы есте ему наше жалованье отпускъ, отпустили ево въ Казань зъ Булатъ бекомъ вмѣсте, не мешкая, и пристава съ нимъ до Казани послали, выбравъ сына боярского добра изъ нижегородцовъ, и судно ему и кормщика, и гребцовъ, и въ дорогу отъ Нижнего до Казани кормъ и питье противъ прежнего нашего указу, что ему даете въ Нижнемъ, дали. Да и въ запросъ бы есте ему ѣствы и питья для почести въ дорогу дали, смотря по тамошнему дѣлу, какъ пригоже. А нашего бѣ есте жалованья шахову гонцу Мигибъ бек(у) на отпуске дали изъ нижегородцвихъ доходовъ дватцать рублевъ денегъ да сорокъ соболей въ пятнатцать рублевъ. А которого числа „ “съ шаховымъ посланникомъ въ Нижней придетъ,

въ которомъ числѣ вы Булатъ бека и Мигибъ бека изъ Нижнего въ Казань отпустите и сколько про нихъ изъ Нижнего до Казани пошлете корму и питья, и кого именемъ съ Мигибъ бекомъ пошлете въ приставехъ, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе дьякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчыкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, апрѣля въ 18 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳевичю Долгорукому да князю Семену Семеновичю Гагарину, да дьякомъ нашимъ, Овдрѣю Поддѣсову, да Оеонасю Истомину. Отпущенъ отъ насъ къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в-ву, съ Москвы посланникъ его Булатъ бекъ, а съ нимъ шаховыхъ же кречетниковъ три человекъ, да людей ихъ девять человекъ, а въ приставехъ съ ними для береженья посланъ отъ насъ съ Москвы до Нижнего и до Казани Володимеръ Оничковъ. А въ Казани шахову посланнику дожидатись нашихъ посланниковъ, Ѳедора Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѳева, а отпущекъ отъ насъ нашимъ посланникомъ будетъ вскоре. Да съ посланники жъ нашими и съ шаховымъ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ, вмѣсте указали есмь отпустить къ шаху жъ изъ Нижнего шахова гонца Мигибъ бека, да изъ Казани шахова жъ посланника Мурши Куды бека, которой пришелъ въ наше государство съ цесаревымъ посломъ, съ Юзуемъ вмѣсте видеть наши царскіе пресвѣтлые очи, и итти было ему черезъ наше государство изъ Польскіе земли непригоже, да мы, великій государь, по своему царскому милостивому нраву и для брата нашего великого государя его братственныя дружбы и любви, и хотя съ нимъ, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в-мъ впередъ быти въ братственной дружбе и въ любви, его, Муршу Куды бека, пожаловали, велѣли его въ наше Московское государство приняти честно и кормъ ему дати доволенъ, и свои царскіе пресвѣтлые очи велѣли ему видети, и пожаловавъ его нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли отпустить въ Казань и хотѣли его къ шахову в-ву отпустить вскоре, и его, Муршу Куды бекъ, отпущекъ изъ Казани позамешкался затѣмъ, что его къ шахову в-ву вскоре отпустить было не мочно, потому что нашего царского в-ва отчина Астороханское государство было въ смуте отъ вора, отъ Иваша Зарутцкого, и дороги въ тѣ поры къ шахову в-ву на Астараханъ не было. А ныне, какъ по милости Божіей и нашимъ царскимъ счастьемъ, воровская смута поминалась, и Астороханское государство очистилось, и дорога на Астараханъ къ шаху отворилась,

и мы, великій государь, видя къ себѣ брата нашего, великого государя ихъ шахъ Аббасова в-ва братственную дружбу и любовь, и ссылку, его, Муршу Кулы бека, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли отпустить къ шахову в-ву государя жъ его шахъ Аббасова в-ва съ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ, вмѣсте, которой приходилъ къ намъ, великому государю, отъ брата нашего, великого государя ихъ, поздравляти насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ и о иныхъ о добрыхъ дѣлахъ, которые пристоятъ нашему царскому в-ву зъ государемъ ихъ съ шахъ Аббасовымъ в-мъ къ братственной дружбе и къ любви. И своихъ посланниковъ мы, великій государь, къ брату нашему, къ великому государю ихъ, къ шахъ Аббасову в-ву отпускаемъ, и онъ бы, Муршу Кулы бекъ, къ шахову в-ву ѣхать готовился зъ Булатъ бекомъ вмѣсте, а посланниковъ нашихъ подождали недолгое время, а посланники отъ насъ съ Москвы отпущены и въ Казань будутъ вскоре. Да съ тѣмъ же бъ есте вого къ Муршу Кулы беку то изговорить пошлете, послали нашего жалованья на отпуске Муршу Кулы беку изъ нашихъ казанскихъ доходовъ сорокъ рублей денегъ да сорокъ соболей въ дватцать рублей. А приказали ему, изговоря то все противъ сей нашей грамоте, дать ему то нашего жалованья на отпуске. Да какъ отъ насъ съ Москвы посланники наши, Ѳедоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳеевъ, въ Казань придуть, и вы бъ посланниковъ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ Булатъ бека и Муршу Кулы бека, и гонца Мигибъ бека, изъ Казани въ Асторохань отпустили тотчасъ, и суды имъ добрые и кормщиковъ, и гребцовъ, и провожатыхъ отъ Казани до Асторохани, и кормъ всѣмъ поденной и питье по росписямъ, смѣтя въ колько день отъ Казани до Асторохани поспѣти мочно, дали тотчасъ и отпустили ихъ, не мешкая ни часу. А которые будетъ суды у васъ худы, и вы бъ тѣ суды велѣли подѣлать и якори, и парусы, и шеймы на тѣ суды велѣли дать. А кормщиковъ и гребцовъ велѣли на суды дать, смотря по судомъ. А на отпуске бъ ихъ у васъ въ городе и на посаде, и до судовъ было людно и стройно, и урядно, по посольскому обычею. А суды бъ у васъ большіе, въ чемъ вамъ посланниковъ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ отпустить изъ Казани въ Асторохань, однолично были готовы, чтобъ однолично посланникомъ нашимъ и шаховымъ ни за чѣмъ у васъ мотчанья не было. Да и въ почестъ бы есте шаховымъ посланникомъ и гонцу корму и питья сверхъ поденново корму дали, сыскавъ и примѣрясь къ прежнимъ шаховыхъ посланниковъ и гонцовъ отпускомъ, какъ пригоже, будетъ прежь того сверхъ поденного корму

на отпуске давано, чтобъ нашему царскому имени въ чести. Да писано еъ вамъ отъ насъ напередъ сего, а велено вамъ шаховыхъ же купчинъ Хозъ Незамядина да Хозъ Муртозу отпустить изъ Казани къ шаху со всѣми ихъ товары, примѣрясь къ прежнему, какъ купчинамъ изъ Казани бывалъ отпускъ напередъ сего. И будетъ тѣ купчины по ся мѣста въ Астороханъ и еъ шаху не отпущены за какими мѣрами ни буди, или они позамешкалися за своимъ дѣломъ, и вы бѣ тѣхъ купчинъ отпустили въ Астороханъ со всѣми ихъ товары съ нашими жъ и съ шаховыми посланникии вмѣсте по прежнему нашему указу. А которого числа посланникии наши еъ вамъ въ Казань прїѣдутъ и въ которомъ числѣ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ и гонца, и кого имянемъ съ ними вмѣсте шаховыхъ торговыхъ людей изъ Казани въ Астороханъ отпустите, и сколько про шаховыхъ посланниковъ и про гонца пошлете до Асторохани корму и питья, и вы бѣ о томъ отписали еъ намъ еъ Москве, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го апрѣля въ 13 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородѣ боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому да Борису Ивановичю Нащокину, да дьяку нашему Дементю Образцову. По нашему указу посланы отъ насъ въ Кизылбаши съ посланникии нашими, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да съ дьякомъ съ Богданомъ Тимоѳеевымъ, подъячей Иванъ Ѳедосѣевъ да Елисѣй Минчаковъ. А для тое послыки указали есмя имъ дати въ Нижнемъ нашего жалованья хлѣбныхъ запасовъ и вина по чети муки ржаные, по осмине крупъ, по осмине толокна, по полтю ветчины, по ведру вина. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ велѣли дати подъячимъ Ивану Ѳедосѣеву, да Елисѣю Минчакову нашего жалованья запасовъ и вина по чети муки ржаные, по осмине крупъ, по осмине толокна, по полтю ветчины, по ведру вина, и въ расходные бѣ есте книги тотъ запасъ и вино велѣли написать. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, маія въ 23 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородѣ боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому да Борису Ивановичю Нащокину, да дьяку нашему Дементю Образцову. По нашему указу посланы отъ насъ въ Кизылбаши съ посланникии нашими, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ, да съ дьякомъ съ Богданомъ Тимоѳеевымъ перевочикъ Семень Ондрѣевъ, да толмачи, Семень Гарасимовъ да Степанъ Никифоровъ, да Тимоѳей Баубековъ. А для тое кизылбашскіе послыки указали есмя имъ дати

въ Нижнемъ нашего жалованья хлѣбныхъ запасовъ и вина на два человѣки пять чети муки ржаные, пять чети сухарей, пять вѣдръ вина, по полтю ветчины, осмина крупъ, осмина толокна. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ велѣли дати нашего жалованья переводчику Семену и толмачомъ хлѣбныхъ запасовъ и вина на два человѣки пять чети муки ржаные, пять чети сухарей, пять вѣдръ вина, по полтю ветчины, осмины крупъ, осмины толокна. И въ расходные бѣ есте книги тотъ запасъ и вино велѣли написати. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го маія въ 23 де(нь).

Отъ ц. и в. вн. Михаила Ѳеодоровича в. Р. въ нашу отчину въ Асторахань воеводамъ нашимъ, внязю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому, Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру Овдокимову да Гаврилу Богданову. По нашему указу отпущены отъ нашего царского величества къ брату нашему, хъ кивылбашскому шахъ Аббасу, для нашего и земского дѣла въ посланникехъ Ѳеодоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѣевъ, а съ ними посланы для нашего жъ дѣла переводчикъ татарской Семейка Ондрѣевъ, да толмачи, Семейка Гарасимовъ, Степанъ Мизиоровъ, Тимоѣй Баубековъ, да со птицы шесть человѣкъ вретчиковъ, Остаеи Сычовъ съ товарищи, да съ ними жъ вмѣсте отпущены въ Кизылбашу къ шаху съ Мосевы шахъ Аббасовъ посланникъ Булатъ бекъ, а съ нимъ шаховыхъ вретчиковъ три человѣки, да людей посланниковыхъ девять человѣкъ. Да изъ Нижнево и изъ Казани шаховъ же посланникъ Мурши Кулы бекъ да гонецъ Мигибъ бекъ. А пришли Мурши Кулы бекъ и Мигибъ бекъ въ наше Московское государство до насъ, великого государя, а дожидатись имъ велено нашихъ посланниковъ въ Казани съ приставомъ, съ Володимеромъ Оничковымъ. Да въ Казани жъ были шаховы купчины Хозя Незамединъ—пришелъ въ Московское государство лѣтъ съ шесть, Хозя Муртоза—приходилъ къ намъ отъ шаха послѣ ихъ зъ грамотою, какъ наши бояря и воеводы нашу отчину Асторахань отъ воровъ, отъ Ивашка Зарутцкого, очистили и подъ нашу царскую руку привели. И по нашему указу гѣхъ купчинъ изъ Казани велено отпустить въ Асторахань, а изъ Асторакани велено ихъ отпустить къ шаху давно. И нѣшто будетъ купчины за своими товарами изъ Казани или изъ Асторакани потти къ шаху до нихъ, нашихъ посланниковъ и до шаховыхъ, не успѣли, и гѣхъ купчинъ указали есмь изъ Казани и изъ Асторакани, или гдѣ ихъ зайдутъ наши посланники и шаховъ посланникъ Булатъ бекъ, отпустить въ шаху съ ними жъ вмѣсте. Да съ посланники жъ нашими, съ Федоромъ и зъ Богданомъ послапо къ брату нашему, къ шахъ

Аббасову в-ву въ дарѣхъ восемь вретовъ да три ястребы со всѣмъ птичьимъ нарядомъ, да соболи и лисицы по росписи. А съ Москвы велено посланникомъ нашимъ итти на Нижней да на Казань, а изъ Казани велено посланникомъ нашимъ и шахову посланнику, сождався съ прежними шаховыми жъ посланникомъ и зъ гонцомъ, и съ купчины, будетъ купчины до нихъ къ шаху не пошли, итти на Самару и въ Асторохань всѣмъ вмѣсте. А изъ Асторохани велено имъ итти куды лутче и послѣшнее: водянымъ ли путемъ на Гилянъ, или сухимъ путемъ на Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, только будетъ тѣ города ныне за шахомъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а посланники наши, Ѳедоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѣевъ, и шахъ Аббасовъ посланники, Булатъ бекъ да Мурши Кулы бекъ, да гонецъ Мигибъ бекъ и купчины, которые до нихъ по прежнему нашему указу къ шаху не пошли, въ Асторахань приѣдутъ, и вы бѣ ихъ изъ Асторахани отпустили, поговоря съ нашими и съ шаховыми посланники, и роспрося гилянцовъ накрепко, которые въ Кизылбаша морской ходъ знаютъ, куды лутче и спешнѣе, водянымъ ли путемъ на Гилянъ или сухимъ путемъ на Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, только будетъ тѣ города за шахомъ. Да будетъ вы отпустите ихъ изъ Асторахани водянымъ путемъ на Гилянъ, и вы бѣ имъ и подъ подарки и подъ нашу казну, что съ нашими посланники послано къ шаху, дали бусу или двѣ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ лутче и прибыльнѣе, и стрельцовъ бы есте съ ними для провожанья и наряду послали, примѣрся къ прежнему и смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ дотти здорово, а Асторахани бѣ безлюдной и безъ наряду не быти жъ. Да имъ же бѣ есте дали въ Асторахани, примѣрся прежнихъ нашихъ пословъ и посланниковъ, которые посланы къ шаху, только пойдуть на бусахъ, вожей и кормициковъ и носовщиковъ гилянцовъ, сколько человекъ пригоже, которые бѣ въ Кизылбаша морской ходъ знали и напередъ сего въ Кизылбашехъ бывали. Да на бусу по четыре якори да по два паруса, да къ бусе жъ по сандалу съ парусы и съ якоремъ и шеймы и всякіе бусные снасти дали имъ новыя, чтобъ имъ моремъ итти, было безстрашно. И кормъ и питье въ дорогу про шаховыхъ посланниковъ и про гонца отпустили по росписи, какова у посланниковъ нашихъ, смѣтя въ сколько недѣль имъ отъ Асторахани до шаховыхъ городовъ посѣйти мочно, да и про наши вретаты и про ястребы корму отпустили бѣ есте на только жъ, чтобъ ихъ до шаха довести здорово и зъ голоду бѣ не поморить. А будетъ, гилянскихъ бусъ въ Асторахани нѣтъ, и вы бѣ дали

подъ нихъ бусы астороханскіе лутчіе со всѣмъ, что надомно къ морскому ходу, чтобъ однолично въ Асторохани посланникомъ нашимъ и шаховымъ посланникомъ и гонцу ни зачѣмъ въ Асторохани мотчанья не учинить ни часу. А будетъ шаховы посланники и гонецъ поговорятъ съ вами, и гилянцы вамъ въ роспросе скажутъ, что нашимъ и шаховымъ посланникомъ итти лутче и ближе на Терекъ, и вы бѣ ихъ отпустили изъ Асторохани на Терекъ тотъ же часъ всѣхъ вмѣсте, не мешкая ни часу, со всѣмъ же, что имъ надобно. А будетъ лутче такъ, что нашимъ и шаховымъ посланникомъ самимъ итти на Терекъ, а съ Терки на Кабарду да на шаховы города сухимъ путемъ, а людей будетъ въ ихъ запасомъ и съ рухледью лутче отпустить моремъ прямо на Гилянъ, и вы бѣ потому и учинили, и посланниковъ нашихъ и шаховыхъ отпускали не мешкая, о всемъ съ ними переговора, какъ лутче и нашему дѣлу прибыльнѣе и спешнѣе, а однолично бѣ вамъ посланниковъ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ и гонца, и торговыхъ людей, которые до посланниковъ нашихъ къ шаху не пошли, отпустить не мешкая ни часу, чтобъ имъ въ Асторохани ни зачѣмъ мотчанья, а нашему и земскому великому дѣлу въ томъ мотчанья не учинить. А которого числа ихъ изъ Асторохани и на которое мѣсто и на сколько бусахъ отпустите, и сколько стрельцовъ и наряду, и вожей, и кормициковъ, и нособциковъ гилянцовъ съ ними пошлете, и вмѣсте ль ихъ съ людьми и зъ запасы отпустите, или поровнѣ—и вы бѣ о томъ отписали къ намъ, къ Москве, съ нарочнымъ гонцомъ, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказе дякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, мая въ 23 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводамъ нашимъ, Миките Дмитреевичю Вельяминову да Петру Ѳедоровичю Приклонскому. По нашему указу отпущены отъ нашего царского величества къ брату нашему, хъ кизылбашскому шахъ Абасу, для нашего и земского дѣла въ посланникахъ Ѳедоръ Исаковъ сынъ Левонтѣевъ да діакъ Богданъ Тимоѣевъ, а съ ними посланы для нашего жъ дѣла переводчикъ Семейка Ондреевъ да толмачи: Семейка Гарасимовъ, Степанъ Микиѳор(овъ), Тимоѣй Баубекъ, да со птицы шесть человекъ кречетниковъ, Остаѳей Сычовъ съ товарищи. Да съ ними жъ вмѣсте отпущены въ Кизылбаши къ шаху съ Москвы шахъ Аббасовъ посланникъ Булатъ бекъ, а съ нимъ шаховыхъ кречетниковъ три человекъ, да людей посланниковъ девять человекъ, да изъ Нижнево и изъ Казани шаховъ же посланникъ (Мур)ши Кулы бекъ, да гонецъ

Мигибъ бекъ. А пришли Мурши Булы бекъ и Мигибъ бекъ въ Московское государство до насъ, великого государя. Да въ Казани были шаховы купчины, Хозя Незамединъ — пришелъ въ Московское государство лѣтъ съ шесть, Хозя Муртоза — приходилъ къ намъ, великому государю, отъ шаха зъ грамотою, какъ наши бояря и воеводы нашу отчину Асторахань отъ воровъ, отъ Ивашка Заруцкого, отчистили и подъ нашу руку привели. И по нашему указу тѣхъ купчинъ изъ Казани велено отпустить въ Асторахань и изъ Асторохани къ шаху давно. И нѣшто будетъ купчины за своими товарами изъ Казани потти къ шаху до нихъ, нашихъ посланниковъ и до шаховыхъ, не успѣють, и тѣхъ купчинъ указали есмь изъ Казани и изъ Асторохани, или гдѣ ихъ зайдутъ, отпустить къ шаху съ ними жъ вмѣсте. Да съ ними жъ, съ Федоромъ и зъ Богданомъ, послано отъ насъ, великого государя, къ брату нашему къ шаху Аббасову величеству въ дарѣхъ восемь кречатовъ да три ястреба со всѣмъ птичьимъ нарядомъ, да соболи и лисицы, по росписи. А съ Москвы посланникомъ нашимъ велено итти на Нижней да на Казань, а изъ Казани, сождався съ шаховыми посланники и зъ гонцомъ, велено имъ ити на Самару и въ Асторохань всѣмъ вмѣсте, а изъ Асторохани велено ихъ отпустить, вуды лутче и поспѣшнее, водянымъ ли путемъ на Гилянъ, или сухимъ путемъ на Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, только будетъ тѣ города ныне за шахомъ, переговора о томъ съ шаховыми посланники и зъ гонцомъ и роспрося гилянцовъ, которые морекой ходъ въ шахову землю знаютъ, вуды лутче и безстрашнее, и ближе; а съ шаховыхъ посланниковъ сымать того не велено. И только будетъ посланники наши и шаховы посланники приговорятъ изъ Асторохани итти сухимъ путемъ на Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, и какъ посланники наши, Федоръ Левонтъевъ да дѣавъ Богданъ Тимоѣевъ и шахъ Аббасовы посланники Булатъ бекъ да Мурши Булы бекъ, да гонецъ Мигибъ бекъ и купчины, Хозя Незамединъ да Хозя Муртоза, которые будетъ по прежнему нашему указу до нихъ къ шаху не пошли, на Терекъ прѣйдутъ, и вы-бъ межъ себя съ нашими и съ шаховыми посланники переговорили наврепко: которою дорогою съ Терки на Дербень итти лутче и безстрашнее. Да которою дорогою итти съ Терки на Дербень приговорите, и вы бъ посланниковъ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ, и гонца, и купчинъ, которые съ ними будутъ, отпустили съ Терки тотчасъ, и подводы бъ есте, и кормъ, и питье про шаховыхъ посланниковъ и про гонца, или за кормъ деньги, дали противъ росписи, какова у посланниковъ нашихъ, смѣтя, въ сколько недѣль имъ отъ Терки до

шаховыхъ городовъ поспѣть мочно, и провожатыхъ съ ними до Кабарды послали, сколько человекъ пригоже, чтобъ имъ ни зачѣмъ на Терке не замешкати. А кого съ ними провожатыхъ пошлете, и вы бѣ имъ наказали накрепко, чтобъ они съ посланники нашими и съ шаховыми посланники дорогою шли бережно и усторожливо и нигдѣ отъ нихъ не отставали, чтобъ надъ нашими и надъ шаховыми посланники въ дороге отъ крымскихъ и отъ нагайскихъ людей, и отъ Кумыкъ, и отъ пятигорскихъ червасъ, и отъ азовскихъ, и ото всякихъ воровскихъ людей которое лихо не учинилось и безвѣстно бѣ на нихъ нигдѣ не пришли, и дурна пивоторово не учинили. Да и кречетомъ бы есте и ястребомъ, которые посланы отъ насъ въ дарѣхъ къ шаху, въ дорогу дали жъ, смѣтя противъ нашего указу, на сколько имъ надобно, чтобъ ихъ до шаха довести здорово и зъ голоду не поморить. А однолично бѣ вамъ нашихъ и шаховыхъ посланниковъ съ Терки отпустить со всѣмъ, что имъ въ дорогу будетъ надобно, не мешкая ни часу, и ни зачѣмъ ихъ на Терке не задержать, чтобъ посланникомъ нашимъ мотчанья, а нашему и земскому дѣлу ни въ чемъ большіе порухи не учинить. А которово числа посланники наши и шаховы посланники и гонецъ изъ Асторохани на Терекъ придуть и которого числа ихъ съ Терки и на которые мѣста отпустите, и сколько съ ними и до коихъ мѣстъ провожатыхъ съ ними пошлете, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ наскоро съ нарочнымъ гонцомъ. А какъ отъ посланниковъ нашихъ тѣ провожатые назадъ къ вамъ пріѣдутъ, и что вамъ про посланниковъ нашихъ и про шаховыхъ до коихъ мѣстъ ихъ проводить, и какъ ихъ изъ Кабарды въ шаховы города отпустить, и подводы и провожатыхъ давать имъ учнутъ ли, или не учнутъ, и вы бѣ съ тѣмъ изъ тѣхъ же провожатыхъ прислали къ намъ въ гонцѣхъ наскоро и о всемъ съ нимъ подлинно къ намъ отписали, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе діякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчукову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го маія въ 23 де(нь).

Царю г. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ сирота твоя государева торговой человекъ Покровскіе сотни Родька Пушкикъ. По твоему царскому указу посылаютъ въ Кизылбаши посланника Федора Левонтьева, а съ нимъ діака Богдана Тимоѣева. Милостивый государь ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р., пожалуй меня, сироту свою, вели, государь, мнѣ пойти съ товаришкомъ одинатцать сороковъ соболей, двѣнатцать поставовъ суена англінского, тритцать пудъ кости рыбы, пятнатцать дюжинъ зеркалъ хрустальныхъ,

четыре сорова харекъ, а со мною людишювъ три человекъ. И вели, государь, мне, сироте своему, дать свою царскую грамоту проѣзжую. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Помѣта: Дать грамота въ посломъ, велѣтъ его съ собою взять, только бѣ заповедныхъ товаровъ, кречетовъ, и всякихъ ловчихъ птицъ, и соболей, и бѣлокъ, и горностаевъ живыхъ и желѣзного ничего съ нимъ не было.

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳеодоровича в. Р. посланникомъ нашимъ Ѳеодору Исаковичю Левонтьеву да дьяку нашему Богдану Тимоѣеву. Билъ намъ челомъ московской торговой человекъ Родивонъ Пушникъ, чтобъ намъ ево пожаловати, велѣти ему ѣхати съ товаромъ для промыслу въ Кизылбаши съ вами вмѣсте, а товару у него одинадцать сороковъ соболей, двенатцать поставовъ сукна англійского, тридцать пудъ кости рыбы зуба, пятнадцать дюжинъ зеркалъ хрустальныхъ, четыре сорока хорьковъ, да людей съ нимъ будетъ три человекъ. И какъ въ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ московскому торговому человекъ Родивону Пушнику велѣли ѣхати въ Кизылбаши съ тѣмъ ево товаромъ съ собою вмѣсте, а заповедныхъ бы есте товаровъ, кречетовъ и ястребовъ, и всякихъ ловчихъ птицъ, и соболей, и горностаевъ живыхъ, и желѣзного ничего возити ему, опричь тѣхъ товаровъ, что писано въ сей нашей грамоте, въ Кизылбаши не велѣли. А будетъ тотъ рыбой зубъ, что посланъ отъ насъ къ шаху, плохъ, и вы бѣ тотъ зубъ (?) взяли у Родіона, а ему въ то число отдали тотъ зубъ, что посланъ отъ насъ. А будетъ будутъ съ вами иные торговые люди, а у нихъ будетъ рыбой зубъ лутче, и вы бѣ у всѣхъ рыбой зубъ выбрали на насъ, чтобъ лутче того и въ ту версту рыбево зуба у торговыхъ людей не было, каковъ подадите отъ насъ шаху. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7124-го, маія въ 31 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Коломны и до Переславля Рязанского и до Муромъ и до Нижнево Новагорода и до Казани и до Астарахани и до Терки бояромъ нашимъ и воеводамъ, и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людямъ. Билъ намъ челомъ московской торговой человекъ Покровскіе сотни Родивонъ Пушникъ, чтобъ намъ его де пожаловати, велѣти его отпустить съ товаромъ съ посланники нашими и проѣзжая наша грамота ему велѣти дати. А товару де съ нимъ идетъ въ Кизылбаши (и проч.). И по нашему указу Родя Пушникъ за Федоромъ и за Богданомъ отнущенъ, гдѣ ихъ съѣдетъ. И по городомъ бояромъ нашимъ и воеводамъ и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людямъ московского торгового

человѣка Родивона Пушкина съ тѣмъ ево товаромъ пропускати безъ задержанья, а изъ наше отчины, изъ Астарахани, отпустить Родю въ Кизылбаши съ тѣмъ ево товаромъ отпустить съ посланники нашими вмѣсте, а опричь тѣхъ товаровъ, что въ сей нашей грамоте написано, и заповедныхъ товаровъ, кречетовъ и всякихъ ловчихъ птицъ и соболей, и бѣлокъ, и горностаевъ живыхъ, и желѣзного ничего съ нимъ не пропускати. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, маія въ 31 де(нь).

Божію милостію отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. с. (*титулъ*) Гирѣю князю наше царское милостивое слово. Послали есмя къ брату нашему къ Аббасъ шахову в. для нашего государственного великого дѣла посланниковъ нашихъ Федора Исаковича Леонтъева да дѣяка Богдана Тимофѣева. И гдѣ имъ лучитца ѣхати твоею землею сухимъ или водянымъ путемъ, и ты бѣ, Гирѣи князь, посланниковъ нашихъ, Федора и дѣяка Богдана, своею землею пропускалъ вездѣ безъ задержанья со всѣми людьми и съ животы, что съ ними будетъ, безо всякого мешканья и зацѣпокъ, и подводы, и приставовъ, и провожатыхъ давалъ, чтобъ имъ до брата нашего, до Аббазъ шахова в-ва городовъ дойти здорово. А какъ они отъ брата нашего, отъ Аббазъ шаха, пойдутъ къ намъ, великому государю, а лучитца имъ ити твоею землею, и ты бѣ ихъ по тому жѣ пропускалъ и подводы и приставовъ, и провожатыхъ имъ давалъ. То бѣ еси учинилъ для нашего царского в-ва, тѣмъ бы еси нашему царскому в-ву послужилъ: посланниковъ нашихъ къ шаху и назадъ къ намъ отъ шаха проводилъ; а мы, великій государь, за твою къ намъ службу и радѣнье пожалуемъ тебя нашимъ царскимъ жалованьемъ. Писанъ государствія нашего дворѣ царствующего града Москвы лѣта 7124-го, маія мѣсяца. *Внизу:* Добра грамота. Савелей Юрьевичъ и ко всѣмъ такову велѣлъ писать.

Далше: Такова грамота послана, а печать у грамо(ты) кормленная на красномъ воску, подъ кустодѣю. Подпись дѣячя подъ печатью.

Божію милостію отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. с. (*титулъ*) черкасскимъ и горскимъ княземъ и мурзамъ наше царское милостивое слово. Послали есмя къ брату нашему къ Аббасъ шахову в. для нашего государственного великого дѣла посланниковъ нашихъ, Федора Исаковича Леонтъева да дѣяка Богдана Тимофѣева, и гдѣ имъ лучитца ѣхати которого князя или мурзы землею, сухимъ или водянымъ путемъ, и вы бѣ, черкаские и горские князи и мурзы, посланниковъ нашихъ, Федора и дѣяка Богдана, черезъ свои земли пропускали безъ задержанья, со всѣми людьми ихъ и съ

животы, что съ ними будетъ, безо всякого мешканья и зацѣповъ, и подводы имъ, и приставовъ, и провожатыхъ давали, чтобъ имъ до брата нашего, до Аббасъ шахова в., городовъ дойти здорово. А какъ они отъ брата нашего, отъ Аббасъ шаха, пойдутъ къ намъ, великому государю, а лучитца имъ черезъ ваши земли итти, и вы бъ ихъ потому жъ прощали и подводы, и приставовъ, и провожатыхъ имъ давали. То бъ есте учинили для нашего царского в-ва, тѣмъ бы есте нашему ц. в. послужили, посланниковъ нашихъ къ шаху и назадъ къ намъ отъ шаха проводили, а мы, великій государь, за ваши къ намъ службы и радѣнье пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ великимъ жалованьемъ. Писанъ государствія нашего дворѣ царствующаго града Москвы лѣта 7124-го маія мѣсяца.

Внизу: Такова проѣзжая грамота послана за отворчетою печатью, печать большая царственная, на красномъ воску, подъ кустодьею.

Государю ц. и в. вн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопъ твой, Бориско Примковъ Ростовской, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, 124-мъ году по твоему государеву указу посланы съ Москвы въ Кизылбаши къ Аббасъ шаху съ посланники твоими государевы, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да съ дѣнкомъ зъ Богданомъ Тимоѣевымъ, съ твоими государевы птицы, съ кречеты и съ ястребы, кречетники да ястребники Остафей Сычовъ съ товарищи. И тѣ, государь, кречетники и ястребники пригребли на Коломну съ твоими государевы птицы въ трехъ стругѣхъ маія въ 29 де(нь). А въ твоей государеве проѣзжей грамоте написано птицамъ кормъ: велено давать на птицу по гнезду голубей или по двое куровъ молодыхъ, или по курице старой на день, а тово въ твоей готудареве грамоте не написано и съ какихъ доходовъ птицамъ кормъ покупать. И я, холопъ твой, велѣлъ деньги взяти изъ кабацкихъ доходовъ на покупку птицамъ на кормъ. А въ тѣхъ, государь, стругѣхъ, въ которыхъ пригребли онѣ съ Москвы, ѣхати не похотѣли. И я, холопъ твой, велѣлъ имъ дать и съ казанскихъ струговъ, въ которыхъ прислана твоя государева астороханская рыба, лутчей стругъ и велѣлъ для твоихъ государевыхъ птицъ намостить и покрыть на столбахъ лубьемъ длина пять сажень. А коломенскіе ямскіе охотники съ яму зъ женами и зъ детьми разбѣжались всѣ. И я, холопъ твой, для поспешенья, чтобъ кречетниковъ и ястребниковъ отпустить до Переславля Рязансково безъ задержанья, велѣлъ кормщика да осми человекъ гребцовъ наняти твоими государевы деньгами, а птицамъ кормъ на Коломне и въ дорогу велѣлъ дати на пять день по твоей государеве проѣзжей грамоте. И кречетники и ястребники, Остафей Сычовъ съ

товарищи, въ тѣхъ стругѣхъ, въ которыхъ пригребли, и въ казанскомъ, которой стругъ я, холопъ твой, имъ далъ, съ Коломны не ѣдутъ, бражничаютъ, и мнѣ бѣ, холопу твоему, въ томъ отъ тебя, государя въ опале не быть. И о томъ о всемъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь?

На оборотъ: Отписать: велѣть бить батоги, да выслать тотчасъ бояре велѣли.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопъ твой, Бориска Приимковъ Ростовской, челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, 124-мъ году мая въ 29 день пригребли на Коломну врететники и ястребники, Остафей Сычовъ съ товарищи, съ твоими государевы врететы и съ ястребы и стоятъ на Коломне. И били челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р., коломенскіе площадные подъячіе, Тренка Сотцково да Юрка Олексѣевъ, да конюхъ Иванъ Тимофѣевъ, да посадкой челоуѣкъ Янушко Ослоповъ въ ихъ насильстве, и мнѣ, холопу твоему, принесли челобитные. И я, холопъ твой, тѣ ихъ челобитные послалъ къ тебѣ, государю, къ Москве въ посольской приказъ подъ сею отпискою.

На адресъ: 124-го іюнь въ 2 день съ ноугородцомъ зъ Гордѣемъ съ Комаровымъ.

Царю государю и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ сирота твой государевъ коломнетинъ посадкой челоуѣкъ Янушко Ивановъ сынъ Ослоповъ. Жалоба, государь, мнѣ твоего государева врететника на Васильевыхъ людей Фофонава. Стоять, государь, тѣ врететники на Коломнѣ и дѣялось, государь, въ нынешнемъ въ 124-мъ году въ Петровъ постъ на первой недѣли въ четверхъ въ третьнатцатомъ часу дня того Васильевы люди Фофонава пришли къ моей къ торговой бани и учили въ бане дратца для жонъ воровски(хъ). И женишка, государь, моя учела имъ говорить, что у меня въ бани воровскихъ жонъ нѣтъ, парятца у меня въ бани добрые жены, боярыни и попадьи, и мирскіе жены. И они, государь, женишку мою учели бить ослопы да вырволи изъ ушей трои серьги серебряны чюжіе: давали жонн въ бани на соблюденья, чены имъ не вѣдома; а у меня, Янушка, выдрали бороду. И я, государь, съ тою бородою пришолъ къ тому Василью и учелъ ему бороду казать, что выдрали люди его, Васильевы. И тотъ, государь, Василей, у меня вырвовъ изъ рукъ бороду, да винулъ въ воду. Милостивый царь государь и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., смилуйся, вели мнѣ на нихъ дати свой царской праведной сыскъ и оборонъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Царю государю и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой государевъ стряпчей конюхъ, Ивашка Тимоѣевъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году маія въ 30 день по твоей государеве грамоте послалъ меня твой государевъ воевода, князь Борисъ Никитичъ Примковъ Ростовскій, збирати съ коломнечъ съ посадцкихъ людей твоимъ государевымъ птицамъ, кречетамъ и ястребомъ, корму: куриць и голубей. И какъ собравъ куриць и голубей, и принесъ къ твоему государеву кречетнику въ Остаею Васильеву сыну Сычеву, и тотъ, государь, Остаею вышелъ изъ судна пьянъ и учалъ меня бить и руку перешибъ и бороду выдралъ, и замертва покинулъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., смилуйся, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, съ тѣмъ съ Остаею въ томъ моемъ увѣчи свой царской указъ учинити. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Царю г. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой громленой и разареной староруской подъячей Трешка Федотовъ сынъ Соцкого. Жалоба, государь, мнѣ на твоего государева кречетника, которой посланъ, на Василья Феоанова сына. Дѣялося, государь, нынешнего сто двадцать четвертаго году маія въ двадцать девятый день на Коломнѣ. Былъ, государь, у меня горна-сталь, ученъ для добра христолюбца, и тово, государь, у меня горнасталь отнялъ своимъ насильствомъ и меня, холопа твоего, убилъ и ограбилъ. А грабежу, государь, съ меня (?) дватцать пять рублей съ четью. Государь, смилуйся, пожалуй!

Царю г. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой коломенской площадной подъячиска Юшко Олексѣевъ. Жалоба, государь, мнѣ на твоего государева кречетника, на Василья Карпова сына Феоанова. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году маія въ 29 де(нь) по твоему государеву указу посланъ онъ въ Кизылбашъ съ твоими государевы птицы, съ кречеты и съ ястребы, и того, государь, числа пригребли на Коломну. И тотъ, государь, Василей у Москвы реки на берегу ухвотилъ меня, холопа твоего, и сталъ просить на мнѣ пить и за то меня убилъ полѣномъ и каменьемъ до полусмерти. Милосердый царь г. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мнѣ на того Василья въ томъ дати свой царской судъ и управу. Царь государь, смилуйся!

Отъ царя и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. на Коломну воеводе нашему князю Борису Никитичю Примкову Ростовскому. Писалъ еси къ намъ про кречетниковъ да про ястребниковъ, про Остаею Сычова съ товарищи, что они съ Коломны за посланники нашими не ѣдутъ,

бразничаютъ, а ты имъ суды и кормщиковъ и гребцовъ, и про птицъ кормы далъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ кречѣтниковъ и ястребниковъ, Остаея Сычова съ товарищи, велѣлъ за ихъ воровство и непослушанье бить батоги, а бивъ батоги, велѣлъ бы еси ихъ тотчасъ съ Коломны выслать и велѣлъ имъ ѣхать за посланники нашими наспѣхъ, чтобъ имъ ѣхати вмѣсте съ посланники нашими. А то ты жѣ къ намъ писалъ въ другой своей отписке и прислалъ коломенскихъ площадныхъ подъячихъ Треньки Сотцково да Юрка Олексѣева, да конюха Иванка Тимоѣева, да посадцоваго человѣка Ябушка Ослопова на Остаея жѣ Сычова съ товарищи челобитные въ насильстве, и ты бѣ имъ сказалъ, что кречетники ныне посланы отъ насъ въ Кизылбаши и управы на нихъ ныне дать нѣколи; а какъ они изъ Кизылбашъ сходятъ, и они бѣ на нихъ въ тѣ поры намъ били челомъ, и на нихъ будетъ судъ и управа тогда. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7124-го, июнь въ 4 де(нь). Послано съ коломенетиномъ, с-Иваномъ Бритвинымъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопъ твой Бориско Приимковъ Ростовской челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, 124-мъ году по твоему государеву указу посланы съ Москвы въ Кизылбаши къ Аббасъ шаху съ посланники твоими государевы, съ Федоромъ Левонтьевымъ да зъ дьякомъ зъ Богданомъ Тимоѣевымъ съ твоими государевы птицы, съ кречеты и съ ястребы, кречетники да ястребники, Остаея Сычовъ съ товарищи. И тѣ, государь, кречетники и ястребники пригребли на Коломну съ твоими государевы птицы въ трехъ стругѣхъ маія въ 29 день. А въ твоей государеве въ проѣзжей грамоте написано: птицамъ кормъ велено давать на птицу по гнезду голубей (*и проч., какъ раньше*) и въ дорогу кормъ велѣлъ дать на пять день. И о томъ я, холопъ твой, къ тебѣ, государю, писалъ зъ Гордѣемъ Комаревымъ маія въ 31 де(нь). А кречетники и ястребники, Остаея Сычовъ съ товарищи, іюня по 3-е число съ Коломны не пошли, а просятъ у меня, холопа твоего, сорока человѣкъ гребцовъ; а въ томъ, государь, стругу и меньши тѣхъ гребцовъ мочно до Переславля грестъ. А мнѣ, холопу твоему, гребцовъ взять нѣ съ ково и денегъ, и съ какихъ доходовъ гребцовъ нанять, о томъ у меня, холопа твоего, твоего государева указу нѣтъ. Да іюня въ 2 де(нь) по твоему государеву указу посланъ для кабардинскихъ князей Левонтей Звѣревъ и сталъ на Коломне, гребцовъ взяти не съ ково. И я, холопъ твой, Левонтью не велѣлъ отпускать московскихъ гребцовъ, чтобъ до Переславля онѣ гребли. И Левонтей гребцовъ отпустилъ, а сталъ на Коломнѣ. И о томъ о всемъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь?

На адресь: 124-го, іюня въ 4 де(нь) подалъ коломнетинъ Иванъ Бритвинъ.

Внизу: Писано противъ отписки, а велено ястребникомъ и Левонтью гребцовъ дати сколько пригоже, какъ мочно поднятца и противъ подорожныхъ. Съ Иваномъ же Бритвинимъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопъ твой Бориска Пріимковъ Ростовской челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, 124-мъ году по твоему государеву указу посланы въ Кизылбаши посланники Федоръ Леонтьевъ да діакъ Богданъ Тимоѣевъ, да на Терекъ Микита Вельяминовъ, да діакъ Петръ Овдовимовъ, и иноземцы, и талмачи. И діаки, Богданъ Тимоѣевъ да Петръ Овдакимовъ, и иноземцы, и талмачи пригребли на Коломну въ дву лодьяхъ іюня въ 3 де(нь); а приходили ко мнѣ, холопу твоему, для судовъ и кормщиковъ и гребцовъ, и чтобъ на судѣхъ здѣлать чердаки. И мнѣ, холопу твоему, такихъ судовъ людей взять нѣгде, на Коломнѣ такихъ людей нѣтъ, а чердаки безъ твоего государева указа дѣлати нѣкимъ и нѣчимъ; а кормщиковъ и гребцовъ взять нѣ съ ково: ямскіе охотники розбежались всѣ зъ женами и зъ детьми, и о томъ я, холопъ твой, писалъ двожди: маія въ 31 день зъ Гордѣемъ Комаровымъ, да іюня во 2 день с-Иваномъ Бритвинимъ. И твой государевъ указъ ко мнѣ, холопу твоему, о томъ іюня по 4-е число не бывалъ. И я, холопъ твой, поговоря зъ дворяны и зъ детьми боярскими, и съ посадскими людьми, чтобъ діака Богдана Тимоѣева отпустить, не издержавъ, для твоего государева дѣла велѣлъ кормщика и гребцовъ наняти твоими государевы деньгами до твоего государева указа и велѣлъ, государь, дати противу подводы по гребцу да кормщикъ. И діакъ Богданъ Тимоѣевъ за подводу по гребцу не взялъ, а хочеть за подводу взяти по два гребца, а съ Москвы, государь, ему дано восемь же гребцовъ, да кормщикъ, и за подводу, государь, по гребцу нѣ взялъ, и стали на Коломне, твоимъ государевымъ дѣломъ мотчаютъ діакъ Богданъ Тимоѣевъ, и мнѣ бѣ, холопу твоему, въ томъ отъ тебя, государя, въ опале не быть. А твоимъ государевымъ кречетникомъ и ястребникомъ твоимъ государевымъ птицамъ, кречетомъ и ястребомъ, кормъ, голуби и куры, велѣлъ дати на пять день и въ дорогу до Переславля Резанского, и надъ птицы велѣлъ покрыть для мочи на пять сажень и отпустилъ ихъ съ Коломны маія въ 30 день, и онѣ съ Коломны не пошли, дождались діака Богдана Тимоѣева. А въ проѣзжей твоей государеве грамоте у нихъ написано: отпустить кречетниковъ и ястребниковъ безъ задержанья, часа того. И которыхъ, государь, я, холопъ твой, кормщика да осми человекъ гребцовъ велѣлъ

подъ кречетниковъ наняти твоими государевы деньгами, и тѣ ярыжные, приходя, бьютъ челомъ тебѣ, государю, что онѣ тѣ наемные деньги въ пять день проѣли. А кречетники и ястребники гребцовъ просятъ по подорожнымъ же сорока дву человекъ, и впередъ, государь, птицамъ кормъ, голуби и куры, емлютъ. И о томъ о всемъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь? Да іюня, государь, въ 2 день писалъ я, холопъ твой, къ тебѣ государю с-Бваномъ Бритвинымъ, что посланъ за кабардинскими князи Леонтей Звѣревъ съ товарищи съ твоею государевою казною, и онъ было за гребцы и за судномъ сталъ на Коломнѣ. И я, холопъ твой, для поспѣшенья твоего государева дѣла велѣлъ наняти осми человекъ гребцовъ да кормщика твоими государевы деньгами, и далъ имъ казанской стругъ, и гдѣ быть твоей государеве казнѣ, велѣлъ покрыть лубьемъ, твоими же государевы деньгами, и отпустилъ Леонтья Звѣрева съ товарищи съ Коломны іюня жъ во 2 день.

Помѣта: Отписать въ Богдану съ опалю, что такъ долго мѣшкаеть: еще немного отъ Москвы отѣхавъ, такъ стали дуровать, а тамъ (?) дѣлать.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопъ твой, Богдашко Тимоѣевъ, челомъ бьетъ. По твоему государеву указу велѣно итти на твою государеву службу къ Бизылбаши Фодору Левонтьеву да мнѣ, холопу твоему. И Федоръ, государь, Левонтьевъ по твоему государеву указу отпущенъ для запасовъ до Костромы сухимъ путемъ; а я, холопъ твой, отпущенъ съ Москвы съ твоею государевою казною водянымъ путемъ. И на Москвѣ подъ твою государеву казну мнѣ, холопу твоему, судно и гребцы противъ подводъ даны. И я, холопъ твой, на Коломну съ твоею государевою казною приполъ іюня въ 2 де(нь). И то судно, идучи рекою, на меляхъ испортилось, и зъ гвоздей позскакала, и въ Оку реку итти въ немъ не мочно. И я, холопъ твой, на Коломнѣ у твоего государева воеводы, у князя Бориса Примкова Ростовскова, по твоей государеве грамоте и по подорожной судна и кормщика, и гребцовъ подъ твою государеву казну и подъ себя просилъ. И онъ мне судна и гребцовъ не далъ, а сказалъ, что ямщики всѣ разбежались и отказалъ: въ коемъ де ты судне и которые въ томъ судне были гребцы съ Москвы и въ томъ де судне и зъ гребцы и поѣдъ. А которые, государь, были съ Москвы гребцы, и тѣ всѣ, пришедъ на Коломну, разбежались. И я, холопъ твой, стою ныне за судномъ и за гребцами на Коломне, а впередъ съ твоею государевою казною въ Оку реку ѣхать не смѣю и нельзя, чтобъ мнѣ, холопу твоему, твоей государевой казны не потопить. Да по твоему жъ государеву

указу посланы кречетники и ястребники съ твоими государевыми птицами и стоять на Коломне жъ; а воевода князь Борисъ же на судно гребцовъ и на птицы корму имъ не даетъ же, а вкупить голубей не добудемъ, на посаде не продаютъ, и птицамъ нужда великая. И о томъ мнѣ, холопу своему, какъ ты, государь, укажешь?

На адресъ: 124-го, іюня въ 6 де(нь) съ подъячимъ съ Елисеѣмъ Михайловымъ (sic).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Коломну воеводе нашему князю Борису Никитичю Примкову Ростовскому. Писалъ еси къ намъ про дьяка про Богдана Тимоѣева, что онъ и съ кречетники и съ ястребники пригребли на Коломну въ дву лодьяхъ іюня въ 3 де(нь) и, поговоря ты зъ дворяны и зъ детьми боярскими, и съ посадскими людьми, для нашего дѣла, велѣлъ имъ дати кормщика и гребцовъ (*и проч.*). А дьякъ Богданъ Тимоѣевъ писалъ къ намъ, что онъ съ нашею казною пришелъ на Коломну іюня въ 2 день (*и проч.*). И будетъ у дьяка, у Богдана Тимоѣева, подлинно судно попортилось и въ Оку рѣку съ нашею казною ити ему въ томъ судне не мочно, а ты того судна не переменишь или подѣлать не велишь и кормщиковъ, и гребцовъ противъ подорожныхъ и на птицы корму не даешь, а къ намъ будетъ на него пишешь ложно, и ты то дѣлаешь негораздо, что такимъ нашимъ и земскимъ великимъ дѣломъ мотчаешь, норовя воломенскимъ посадцкимъ и всякимъ людямъ для своей бездѣльные корысти, и оправдая себя только, пишешь къ намъ ложно. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а у дьяка у Богдана Тимоѣева судно будетъ подлинно попортилось, и Окою рекою въ томъ судне итти будетъ ему не мочно, и ты бъ то судно ему переменялъ, взявъ у всякихъ людей, чей хто ни будь, или то жъ судно велѣлъ подѣлать тотчасъ, чтобъ ему съ нашею казною Окою рѣкою было итти безстрашно. И кормщиковъ бы еси дьяку Богдану и переводчику и толмачомъ, и кречетникомъ и ястребникомъ, которые посланы въ Кизылбаши, противъ ихъ подорожныхъ, даль тотъ же часъ и отпустилъ ихъ съ Коломны, не мешкая ни часу, чтобъ имъ на Коломне однолично ни зачѣмъ не замотчать, и тѣмъ бы нашему и земскому дѣлу порухи не учинить. А только дьяка Богдана и переводчика, и толмачей, и кречетниковъ, и ястребниковъ съ Коломны тотчасъ не отпустишь, и судно, только будетъ попорчено, переменить или подѣлать вскоре не велишь, и кормщиковъ и гребцовъ, противъ ихъ подорожныхъ, и на птицы корму не дашь, и ихъ на Коломне удержишь зачѣмъ нибудь, а тѣмъ нашему и земскому дѣлу учинишь мотчанье и поруху, и тебѣ отъ насъ быть въ великой опале. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го іюня въ 7 де(нь).

Внизу: Послана за приписью думново діака Петра Третьякова съ подъячимъ съ Елисеѣмъ Минчаковымъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. дьяку нашему Богдану Тимоѣеву. Писалъ къ намъ съ Коломны воевода князь Борисъ Примковъ Ростовской, что де ты и толмачи пригребли на Коломну (*и проч.*). А ты, Богданъ, (пишешь ¹), что ты съ нашею казною пришелъ на Коломну іюня въ 2 день (*и проч.*). И ты то дѣлаешь негораздо, что живешь на Коломнѣ, невѣдомо для чего, и нашимъ дѣломъ мотчаешь и къ намъ пишешь ложно, избывая своей дурости. Ещо немного отъ Москвы отѣхали, а такъ есте стали дуровать и о нашемъ дѣлѣ не радѣть, а отѣхавъ подале, и вы учнете и больши того дуровать. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ тотчасъ съ кречетники и съ ястребники и со птицы съ Коломны шель, не мѣшкая ни часу, и тѣмъ на себя нашіе опалы не наводили, чтобъ вашею дуростью и мотчаньемъ нашему и земскому большому дѣлу мотчанья не учинилось. А только вы впередъ учнете такъ дуровать и въ городѣхъ учнете для своихъ бездѣльныхъ корыстей мотчати, а вашу оплошкою и нерадѣньемъ нашему и земскому дѣлу учипитца поруха, и тебѣ за то отъ насъ быти въ великой опале. А ныне отъ насъ къ воеводе, ко князю Борису, писано жъ: только будетъ у тебя судно подлинно попортилось и въ Оку въ немъ съ нашею казною итти тебѣ немочно, и ему велено то судно переменить или тожъ подѣлатъ и кормщиковъ и гребцовъ, противъ вашихъ подорожныхъ дать и отпустить васъ велено съ Коломны тотчасъ безо всяково задержанья. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го іюнь въ 7 де(пѣ).

Внизу: Послана съ подъячимъ съ Елисеѣмъ Минчаковымъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. посланникомъ нашимъ Федору Исаковичю Левонтьеву да дьяку Богдану Тимоѣеву. Въ прошломъ въ 122-мъ году послали есмь къ шаху съ нашею грамотою о Грузинской землѣ гончика Григорья Шахматова, что шахъ учинилъ не дружнымъ обычаемъ, не обослався съ нами, съ великимъ государемъ, вступился въ нашу подданную въ Грузинскую землю, повоевалъ и велѣлъ разорити, и царя Теймураза зъ Грузинскіе земли согналъ, и гдѣ были нашіе хрестіянскіе вѣры монастыри и церкви, гдѣ имя Божіе славилось, тутъ велѣлъ ставити свои города. И онъ бы, шахъ Аббасъ, съ нами, съ великимъ государемъ, въ нелюбѣ не былъ, в-Ыверскую землю не вступался и из-Ыверскіе земли людей

¹) Слово это въ отпускѣ пропущено.

своихъ велѣлъ вывести. И нынѣшняго 124-го іюня въ 15 день Григорей Шахматовъ къ намъ пріѣхалъ, а привезъ къ намъ противъ той нашей грамоты отъ шаха грамоту, а въ грамоте своей къ намъ шахъ писалъ, что Грузинская земля отъ начала времени служильцы и подданные Персидскіе земли и всегда ихъ жаловали и берегли Персидскіе земли государи. И будетъ ему до нихъ впередъ дѣло будетъ и отъ него будетъ, только убояся, учнутъ грузинцы приходити въ наше государство, и намъ бы къ нему тѣхъ опять воротить. И того жъ числа іюня въ 15 де(нь) писалъ къ намъ съ Терки воевода нашъ Петръ Приклонской и прислалъ Грузинскіе земли Теймураза царя къ намъ грамоту, которого шахъ согналъ съ Грузинскіе земли. А въ той своей Теймуразъ царь грамоте къ намъ пишеть, что ныне Божією милостію, а нашимъ царскимъ счастьемъ въ свою въ Грузинскую землю онъ вполъ и отъ кизылбашскихъ приказныхъ головъ со всѣми воинскими людьми землю свою подъ собою подворотилъ (*дальше обведено чертой*: а после того приходили на него и на его Грузинскую землю многіе цари и царевичи и шаховы воеводы со многими съ ратными людьми, и какъ ему про нихъ вѣсть учинилась и онъ противъ ихъ ходилъ, и Божією милостію, а нашимъ де царскимъ счастьемъ, ихъ всѣхъ побилъ на голову; а которые де достальныя и ушли были отъ него въ Таплинской городъ, и онъ ихъ осадилъ и взялъ злата и серебра, и военного оружья, и збури, и шатровъ, и лошадей, и верблюдовъ только, что и исъ числа вышло), и намъ бы, великому государю, держати его въ нашемъ царскомъ жалованье по тому жъ, какъ были при прежнихъ государехъ дѣдъ его Олександръ царь съ детьми, и за него бѣ стояти, турскому и инымъ его недругомъ не подати, и къ шаху бѣ объ о немъ намъ отъ себя отписати, чтобъ онъ для насъ, великого государя, гоненья ему и тесноты не чинилъ. И мы въ шаху о томъ послали нашу грамоту, и та наша грамота и съ нею списокъ слово въ слово посланы къ вамъ съ сею нашею грамотою вмѣсте. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а вы, какъ оужъ дастъ Богъ, у шаха будете, и вы бѣ и тое нашу грамоту шаху подали вмѣсте съ прежнею нашею грамотою, а молили бѣ есте про неѣ, что такова грамота прислана отъ насъ за вами въ дорогу. Да что будетъ шахъ и шаховы ближніе люди учнутъ вамъ о Иверской землѣ говорить, и вы бѣ шаху и его ближнимъ людямъ о Иверской землѣ говорили по наказу, какъ у васъ о Иверской землѣ въ нашемъ наказе написано, и примѣрясь съ сей нашей грамоте, которая ныне отъ насъ къ шаху писана и смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы лутче и нашему царскому имени къ чести и къ повышенью, а государствамъ нашимъ

къ прибавленью и къ расширенью. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го, іюнь въ 27 де(нь).

Роспись, что послано было въ Кизылбаши государевыхъ ц. и в. кн. Михайла Феодоровича в. Р. соболей и лисиць, и суконъ съ Феодоромъ Исаковичемъ Леонтьевымъ на роздачу черкасскимъ княземъ и мурзамъ, и что исъ тоѣ послыки соболей и суконъ въ Кизылбашехъ продано и что за нихъ взято денегъ, и что на тѣ деньги на государя ц. и в. кн. Михайла Феодоровича в. Р. въ Кизылбашехъ куплено.

Послано было съ Москвы:

40 соболей въ 27 рублей, 40 соболей въ 25 рублей, 2 сороки соболей по 18 рублей, 40 соболей въ 16 рублей; лисица черна въ полъ 6 рубли, 2 лисицы въ 7 рублей, лисица черна въ 3 рубли, лисица чернобура въ 3 рубли жъ; 2 постова сукна настраеилу лазоревого. И исъ того числа въ Кизылбашехъ въ Шемахѣ дано рускимъ торговымъ людемъ продати 3 сороки соболей да 2 постава сукна.

Москвитину Родиону Семенову 40 соболей въ 25 рублей и за тотъ сорокъ взалъ онъ 36 рублей, а на тѣ деньги на государя у него куплено: бархатъ черчатъ гладкой 9 аршинъ и 4 вершки русскихъ, данъ 3 рубли 25 алтынъ; бархатъ полосатъ гладкой цвѣтной 9 аршинъ и 4 вершки, данъ 3 рубли и 25 алтынъ, бархатъ рудожелтъ гладкой 9 аршинъ 44 вершки, данъ 3 рубли и 8 алтынъ 2 де(ньги); бархатъ зеленъ гладкой 9 аршинъ и 8 вершковъ, данъ 3 рубли 8 алтынъ 2 де(ньги); камка двоеличная шелкъ зеленъ да черчатъ 8 аршинъ безъ 4-хъ вершковъ, дана 3 рубли 20 алтынъ; да на 18 рублей и на 13 алтынъ на 2 де(ньги) куплено 20 ансырей безъ чети ансыря шелку всякихъ цвѣтовъ.

Казанцомъ Иванису Истомину да Понкратью Шубину данъ 40 соболей въ 18 рублей и за тотъ они сорокъ взяли 20 рублей и 13 алтынъ 2 де(ньги), и на тѣ денги купили они камку свѣтлозелену 7 аршинъ и 6 вершковъ; другую камку двоеличну шелкъ зеленъ да черчатъ 7 аршинъ и 6 вершковъ; третью камку двоеличну жъ шелкъ желтъ да вишневъ 7 аршинъ и 8 вершковъ,—всѣ даны по 3 рубли и по 20 алтынъ камка; 2 камки полосатыхъ цветныхъ розные шелки по 7 аршинъ безъ 3-хъ вершковъ камка, даны по 2 рубли и по 13 алтынъ по 2 де(ньги); 5 ансырей и 15 золотниковъ шелку аряшского цветного по 31 алтыну ансырь. Лальского городка Лазарю Игнатьеву данъ 40 соболей, что былъ 18 рублей, и за тотъ сорокъ взалъ онъ 20 рублей, и на тѣ деньги онъ купилъ 21 ансырь шелку черчатого по 31 алтынъ ансырь, да 2 кипдяки 16 алтынъ 4 де(ньги).

Казанцу Вавилу Конищеву данъ половина постова сукна настра-
оило лазоревого, рускихъ 17 аршинъ, а кизылбашскихъ 12 аршинъ,
и за то сукно взялъ онъ 7 рублей и 6 алтынъ 4 де(нги), и на тѣ
деньги купилъ: камку зелену 6 аршинъ и 6 вершковъ, дана 3 рубли, да
4 ансыря съ полуансыремъ и зъ золотникомъ шелку аряшского цвет-
ного по 31 алтыну ансырь.

Того жъ постова другая половина дана костромичемъ Гурью
Надежину да Омельяну Григорьеву, и за ту половину постова сукна
взяли они 9 рублей, и на тѣ деньги купили: каетанъ бархатъ зеленъ
гладкой, поделатка киндякъ желтъ, подпушка дороги полосаты, данъ 4
рубли; камку тмозелену 7 аршинъ и 6 вершковъ, дана 3 рубли; камку двое-
личную шелкъ зеленъ да черчатъ 7 аршинъ и полъ 2 вершка, дана 2 рубли.

Москвичемъ Четвертому Васильеву да ярославцу Добрыне Шеста-
кову данъ другой поставъ сукна настраоило лазоревого, а въ немъ
33 аршина съ полуаршиномъ, и за тотъ поставъ взяли они 13 рублей
и 16 алтынъ 4 де(нги), и на тѣ деньги они купили 2 каетана
озямскихъ камки цветные съ серебромъ, подьлатки: подъ однимъ кутня
осиновой цвѣтъ, подъ другимъ дороги свѣтло зелены, даны 10 рублей
и 16 алтынъ 4 де(нги); камку цветную шелкъ зеленъ да аль съ
серебромъ, 7 аршинъ и 4 вершки, дана 3 рубли и 16 алтынъ 4 де(нги).
И въ тоѣ покупку сверхъ государевыхъ денегъ 13 рублей и 16 алтынъ
4-хъ де(негъ) перешло ихъ, Четвертово и Добрыниныхъ, денегъ 16
алтынъ 4 де(нги).

А за продажею исъ тѣхъ государевыхъ соболей, исъ 5 сороковъ,
осталось было 2 сороки соболей: одинъ сорокъ въ 27 рублей, другой
въ 16 рублей. И по государеву указу тѣ 2 сороки соболей розданы
въ подаркѣхъ въ Кизылбашехъ приказнымъ людемъ и приставомъ, и въ
дороге черкасскимъ княземъ и мурзамъ (*притиска другою рукою: а въ*
списке Федорове того не написано, кому что дано, а писано, что
потчивалъ, что лучилось и обнадеживалъ государевымъ жалованьемъ).

Да въ остаткѣ исъ тоѣ жъ государевы посылки за продажею и за
подарками у соболей осталось 5 лисицъ, которые были по государеву
указу съ Москвы съ тѣми собольми вмѣсте въ Кизылбаши посланы,
и тѣ лисицы въ подаркѣхъ никому не даны и въ Кизылбашехъ не
проданы для того, что ихъ передъ государевою указною цѣною въ
Кизылбашехъ торговали дешево, по десяти и по двенатцати алтынъ и по
четыре гривны лисицу, и тѣ лисицы ко государю къ Москве привезены.

Да съ Федоромъ же Исаковичемъ по государеву указу послано
было съ Москвы къ Аббасъ-шаху въ поминкѣхъ 5 пудъ рыба зубу

самого меньшого, а въ нихъ по счету 163 зуба. И исъ того числа исъ 5 пудъ выбрано 18 зубовъ, которые шаху въ подаркѣхъ подати пригодились, а въ нихъ вѣсу пудъ. А достальныя 4 пуда, а въ нихъ по счету 145 зубовъ, по государеву указу отданы на обмѣнъ рускимъ торговымъ людямъ, которые съ Ѳедоромъ Исаковичемъ ѣхали въ Кизылбаши, а у нихъ въ то мѣсто взять большой и средней рыбой зубъ: у москвитина торгового человѣка, у Родіона Семенова сына Пушника, 2 пуды и 25 гвивенокъ, въ 1-мъ пуду 8 зубовъ, а въ другомъ пуду 9 зубовъ, а въ 25 гривенкахъ 6 зубовъ; у казанца у Иваниса Истомина 3 зубы, а въ нихъ 15 гривенокъ. Лальского городка у Лазоря Игнатѣва 11 зубовъ, а въ нихъ вѣсу пудъ. А цѣнили Родіоновъ и Иванисовъ рыбой зубъ казанцы торговые люди Вавило Конищевъ, Понкратей Шубинъ, ярославецъ Добрыня Ларіоновъ, по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному целованью, по 25 рублевъ пудъ съ пошлинами и съ провозомъ, а Лазаревъ пудъ цѣнили 20-ю рубли. А государевъ рыбой зубъ, что на обмѣнъ имъ данъ, которой съ Москвы къ Аббасъ шаху былъ посланъ, цѣнили по 10 рублевъ пудъ, а большаго того его не цѣнили для того, что тотъ рыбой зубъ мѣлокъ.

И феврала въ 13 де(нь) явился въ посольской полате москвитинъ торговой человѣкъ Родивонъ Семеновъ, а сказалъ, что онъ тѣ товары, что онъ, Родіонъ, съ товарищи купили на государя бархатовъ и камокъ, и шелковъ, и каетановъ азіямскихъ на тѣ деньги, что онъ продалъ соболей государевыхъ, которые онъ взялъ на продажу у государева посланника у Ѳедора Левонтѣева исъ кизылбашскіе посылки, съ собою въ Москве привезъ; а гдѣ ему тѣ товары отдать, и о томъ ему какъ государь укажетъ? И посольской дѣякъ Сава Раманчуковъ о тѣхъ товарехъ докладывалъ государя, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. указалъ тѣ товары торгового человѣка, у Родивона Семенова съ товарищи, по росписи на казенной дворъ и роспись тѣмъ товаромъ, и объ нихъ память указалъ послать. И по государеву указу о тѣхъ товарехъ память и роспись на казенной дворъ послана такова съ татарскимъ толмачомъ, съ Оѳонасьемъ Золотухинимъ, а велено тѣ товары у торговыхъ людей, у москвитина, у Родивона Семенова, взять въ государеву казну по росписи.

Лѣта 7126-го феврала въ 17 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память казначѣю Минигѳору Васильевичу Траханіѳову да дьякомъ Ждану Шипову, да Булгаку Милованову. Пріѣхалъ въ Москву исъ Кизылбашъ москвитинъ торговой человѣкъ Родивонъ Семеновъ съ товарищи, а привезъ съ собою бархаты и камки,

и шелкъ, и каетаны азамскіе, и киндяки; а куплены на государя въ Кизылбашехъ на тѣ денги, что онъ же, Родивонъ, съ товарищи продали въ Кизылбашехъ же государевыхъ соболей, которые даль нимъ на продажу посланникъ Ѳеодоръ Левонтьевъ, а ныне тѣ товары стоятъ на Москвѣ въ таможене у тѣхъ же торговыхъ людей, у Родивона Семенова съ товарищи. И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. указалъ тѣ товары у тѣхъ торговыхъ людей, у Родивона Семенова съ товарищи, взять въ свою государеву казну на казенной дворъ, а у кого имянемъ и сколько тоѣ купленныя рухледи, и тому послана роспись подъ сею памятью. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. указу казначѣю Микноору Васильевичу Траханиотову да дьякомъ Ждану Шипову да Булгаку Милованову тѣ товары у торговыхъ людей, у Родивона Семенова съ товарищи, велѣти въ государеву казну взять по росписи, какова послана подъ сею памятью.

Роспись, что взяти въ государеву въ казну бархатовъ и камокъ, и шелку, и каетановъ у москвитина, у Родивона Семенова съ товарищи.

У москвитина у Родивона Семенова: бархатъ червчатъ гладкой 9 аршинъ и 4 вершки, данъ 3 рубли 25 алтынъ; бархатъ полосатъ гладкой цветной 9 аршинъ и 4 вершки, данъ 3 рубли и 25 алтынъ; бархатъ рудожелтъ глаткой 9 аршинъ 4 вершки, данъ 3 рубли 8 алтынъ 2 де(ньги); бархатъ зеленъ гладкой 9 аршинъ 8 вершковъ, данъ 3 рубли 8 алтынъ 2 де(ньги); камка двоеличная шолкъ зеленъ да червчатъ 8 аршинъ безъ 4-хъ вершковъ, дана 3 рубли 20 алтынъ; 20 ансырей безъ чети ансыря шелку всякихъ цветовъ. У казанца у Ивана Истомина да Понкратья Шюбина: камка свѣтозелена 7 аршинъ 6 вершковъ; камка двоелична шелкъ зеленъ да червчатъ 7 аршинъ 6 вершковъ; камка двоелична жъ шелкъ желтъ да вишневъ 7 аршинъ 8 вершковъ; две камки полосатыхъ цветныхъ розныя шелки по 7 аршинъ безъ 3-хъ вершковъ камка; 5 ансырей 15 золотниковъ шелку аряшского цветного. Лальского города у Лазаря Игнатъева: 21 ансырь шелку червчатого да 2 киндяки. У казанца у Вавилы Конищева: камка зелена 6 аршинъ 6 вершковъ, да 4 ансыря съ полуансыремъ и зъ золотникомъ шелку аряшского цвѣтено. У костромичей, у Гурья Надежина да у Омельяна Григорьева: камка тмозелена 7 аршинъ 6 вершковъ; камка двоелична шелкъ зеленъ да червчатъ 7 аршинъ полъ 2 вершка; каетанъ бархатъ зеленъ гладкой, подкладка киндякъ желтъ, подпушка дороги полосаты. И про тѣ товары москвитинъ Родивонъ Семеновъ сказалъ, что товары казанцевъ Ивана Истомина да Панкратья Шюбина и Вавилы Конищева, и костромичей Гура Надежина и Омельяна Григорьева присланы къ Москве съ нимъ

же, и ныне онъ у него. У москвича у Четвертого Васильева да у ярославца у Добрыни Шестакова: 2 каотана озямскихъ камши цветные съ серебромъ, подклады: подъ однимъ кутня осиновою цвѣтъ, подъ другимъ дороги свѣтлозелены; камку цветную шелкъ зеленъ да алъ съ серебромъ 7 аршинъ 4 вершки.

1616 апрѣля. Копія съ грамоты государевой къ шаху, отправленной съ посланникомъ Ѳеодоромъ Левонтьевымъ и дьякомъ Богданомъ Тимоѳеевымъ. Лл. 100—112.

Бога единого безначальнаго и безконечнаго, невидимаго и страшнаго и непреступнаго, превыше небесъ пребывающаго, владущаго силы небесными и единымъ безсмертнымъ Словомъ премудрости своея видимая и невидимая вся содержащаго, и самодержавнымъ божественнымъ Духомъ вся оживляющаго, и недреманнымъ окомъ на землю призирающаго и всяческая на ней устрояющаго, и утешенія благая всѣмъ человѣкомъ подающаго, Его же въ трехъ имянехъ трепещутъ и боятца небесная и земная, и преисподняя. Того единаго Бога въ трехъ лицахъ чтемъ и поклоняемся, и трисіятельнаго всемогущаго божества неизреченнымъ милосердіемъ стоимъ и движемся, и пребываемъ, и величеству его славу возсылаемъ, утвердившего насъ скипетръ держати православія, во обдержаніе въ мечь врагомъ, въ похвалу добродѣемъ,—мы, великій государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи самодержецъ (*титулъ*) и иныхъ многихъ великихъ государствъ государь и обладатель + (*выноска*: подпись дѣячя на грамоте и съ креста по другой крестъ) восточнаго предѣла высокостольнѣйшаго мѣста, превысочайшей прехвальныя степени великодержательную власть древнихъ великихъ государей персидскихъ царей пріемшему превознесенную честь, яко рогъ инрога, достигшему мусульманскихъ высочайшихъ превосходящему честію и многимъ мусульманскимъ родамъ повелителю, пореченному въ чести величества изящному, Персидцкіе и Ширванскіе земли начальнику, Аббасъ шахову величеству любовному пріятелю + нашего царскаго величества любовное поздравленіе и счастливое пребываніе и надъ недруги вашими побѣда и одолѣніе. Потомъ объявляемъ вашему величеству: въ прошломъ во 123-мъ году прислалъ еси къ нашему царскому величеству съ своею грамотою посланника своего, птичника Булатъ бека. И мы, великій государь, для васъ, брата нашего любительнаго Аббасъ шахова в—ва, посланнику вашему Булатъ беку велѣли наши

царскіе очи видети вскоре, и грамоту вашу, брата нашего, приняли и выслушали любительно. А въ грамоте своей къ нашему царскому величеству вы, братъ нашъ, писали: какъ учала быти ссылка и братцкая любовь межъ дядею нашимъ, блаженные славные памяти великимъ государемъ царемъ и в. кн. Федоромъ Ивановичемъ в. Р. самодержцемъ, и межъ тобою, великимъ государемъ, шаховымъ величествомъ, первое посломъ Григорьемъ Васильчиковымъ, и съ тѣхъ мѣстъ и по се время тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в-ву, со всѣми великими російскими государи, предки нашими, никоторого дурна окромѣ дружбы и любви не бывало; а какъ въ смутное время нашего царского величества въ вотчине въ Астарахани назывались государскимъ именемъ воры, и ты, братъ нашъ, того не вѣдая, чая въ томъ правды, по прежнему обычаю похотя нашего великого Російского государства зъ государи дружбы, изво устъ своихъ слово испустилъ: въ Астарахань казны своей дать хотѣлъ. А какъ отъ насъ, великого государя, къ вамъ, брату нашему, шахову величеству, пришелъ посланникъ нашъ съ нашею любительною грамотою и отъ него тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву, про насъ, великого государя, что мы, великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ учинились на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцемъ, вѣдомо учинилось, и вы, великій государь, братъ нашъ шахъ Аббасово величество тому порадовались сердечною радостію и хотите съ нами, великимъ государемъ, быти въ сердечной братцкой дружбе и въ любви свыше прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, и послали къ нашему царскому величеству съ своею любительною грамотою вѣрного своего человѣка, птичника своего, Булатъ бека; а намъ бы, великому государю, также съ тобою, братомъ нашимъ, великимъ государемъ съ шахъ Аббасовымъ величествомъ о братственной любительной дружбе ссылка держать. А какъ до нашего царского величества съ вашею, брата нашего шахъ Аббасова в—ва, грамотою Булатъ бекъ дойдетъ, и намъ бы, великому государю, у себя задержать ево не велѣти, а велѣти бъ ево къ вамъ, великому государю, брату нашему, шахъ Аббасову величеству, отпустить тотчасъ, чтобъ тебѣ, брату нашему, слыша про наше царского величества здоровье, радоватца. А будетъ которое дѣло намъ, великому государю, до васъ, брата нашего, шахъ Аббасова в—ва и до вашего государства, и намъ бы, великому государю, о томъ тебѣ, брату нашему, вѣдомо учинить, и то дѣло нашего царского величества все такъ учинитца. А посланникъ

вашъ Булатъ бекъ отъ васъ, шахъ Аббасова в—ва поздравлялъ насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія, а рѣчью говорилъ о томъ же, что вы, братъ нашъ, въ нашему царскому величеству и въ грамоте своей писали, что ты, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасова в—во, похотя съ нами, великимъ государемъ, быти въ братстве и въ любительной дружбе свыше прежнихъ російскихъ государей, послалъ его къ намъ, великому государю, съ своею любительною грамотою поздравляти насъ, великого государя на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія и велѣлъ намъ, великому государю, известити, чтобъ намъ, великому государю, ево въ нашемъ государстве задержать не велѣтъ, а велѣтъ его отпустить къ вамъ, брату нашему, не задержавъ. А ты, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасова в—во пришлешь къ намъ, великому государю, большихъ своихъ пословъ зъ большимъ поздравленіемъ и съ любительными поминки. Да посланникъ же вашъ, брата нашего, говорилъ нашимъ приказнымъ людямъ въ тайне, что присланъ онъ къ намъ, великому государю, отъ тебя, брата нашего, отъ шахъ Аббасова в—ва, о братственной дружбе и любви, что хочешь ты, братъ нашъ, съ нами, великимъ государемъ, быти въ крѣпкомъ братстве и въ любви навеки неподвижно и на всякого нашего недруга хочешь стоять заодно: кто будетъ намъ, великому государю, другъ, тотъ и тебѣ, брату нашему, великому государю, шахъ Аббасову в—ву, другъ; а кто намъ, великому государю, недругъ, тотъ и тебѣ, брату нашему, недругъ. И намъ бы, великому государю, быти съ тобою, братомъ нашимъ, по тому жъ въ крѣпкомъ братстве и въ дружбе, и въ любви. А напередъ посланника твоего Булатъ бека присланъ къ намъ, великому государю, отъ тебя, брата нашего, зъ грамотою въ прошломъ во 123-мъ году гиланецъ Хозя Муртоза и говорилъ въ розговорехъ нашимъ приказнымъ людямъ: будетъ намъ, великому государю, противъ нашихъ недрузей надобно на помощь какіе казны или ратныхъ людей, и намъ бы, великому государю, къ тебѣ отписать или приказати, не стыдяся, и ты, великій государь, братъ нашъ шахъ Аббасова в—во, намъ, великому государю, ни за что не постоишь, тотчасъ къ намъ, великому государю, пришлешь. И мы, великій государь, васъ, брата нашего, великого государя, шахъ Аббасова в—во въ томъ похваляемъ, чты ты, помня прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, дяди нашего блаженные славные памяти царя и великого князя Ѳедора Ивановича в. Р. и царя и в. кн. Бориса Ѳедоровича в. Р., братственную дружбу и любовь, и ссылку, ныне съ

нами, великимъ государемъ, хочешь быти въ братственной дружбѣ и въ любви, и свыше того и на всякого нашего недруга хочешь стояти съ нами, великимъ государемъ, заодно, и казною своею и людьми намъ, великому государю, хочешь на недруговъ нашихъ помогать. И вы бѣ, великій государь, братъ нашъ шахъ Аббасово в—во, какъ есть великій государь, братъ нашъ, какъ къ намъ, великому государю, въ грамоте своей писалъ и рѣчью приказывалъ, такъ бы и совершалъ, на томъ бы своемъ слове крѣпко стоялъ: былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой братственной дружбе и въ любви навеки неподвиженъ и на всякого нашего недруга стоялъ съ нами, великимъ государемъ, заодно. А мы, великій государь, потому жъ съ тобою, братомъ нашимъ, шахъ Аббасовымъ в—вомъ хотимъ быти въ крѣпкой братственной дружбе и въ любви, и въ силке безурыву, мимо всѣхъ великихъ государей; на то нашему царскому величеству мысль крѣпко утвердилася. А ныне нашего царского в—ва у васъ, брата нашего, прошенье то: вѣдомо тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву, подлинно изъ наше царского в—ва грамоты, что послали есмь къ вамъ съ посланникомъ нашимъ, съ Михаиломъ съ Тихановымъ, и отъ посланника нашего отъ Михайла и отъ гонцовъ, и отъ твоихъ, брата нашего, торговыхъ людей, которые были въ нашихъ государствахъ, каковъ нашему царскому в—ву недругъ польской Жигимонтъ король, черезъ многіе свои и пословъ своихъ и посланниковъ крестное целованье государства нашего многіе мѣста и самой царствующій градъ Москву разорили и казну многую неисчетную прежнихъ великихъ государей царей російскихъ, предковъ нашихъ, за много лѣтъ собранье, розграбили и многіе неисчетные крови пролили и землю запустили. Мы, великій государь, царствующаго града Москвы одни стѣны взяли и тѣ разорены, и съ польскимъ королемъ за многіе грубости и неправды войну ведемъ и недружбу ево ему доводимъ. И вамъ бы, брату нашему, къ намъ начало своей братскіе любви объявити: противъ нашего недруга, польского короля, нашему царскому в—ву вспоможенье учинити своею казною. А послали есмь къ тебѣ, брату нашему, съ сею нашею любительною грамотою просити вспоможенья посланниковъ нашихъ Федора Исаковича Левонтьева да діака Богдана Тимоѣева и посланника вашего Булатъ бека съ ними жъ къ вамъ, брату нашему, отпустили. А хотѣли были есмь посланниковъ нашихъ къ вамъ, брату нашему, послати и вашего посланника отпустить вскоре, да подержали за тѣмъ: выжидали есмь совершенья дѣлу, что межъ насъ, великого государя, и недруга нашего польского короля учинитца, чтобъ къ тебѣ, брату нашему, съ подлинною вѣстью отпустить,

да ещо межъ насъ на мѣре не сталося. И вы бѣ, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в—во, къ намъ, великому государю, начало братственной сердечной любви показаль: того нашего посланника Ѳедора да діака Богдана къ намъ отпустили, не задержавъ, и своего большого посла ближнево человекъ къ намъ съ ними вмѣсте прислалъ, и казны денежныя къ намъ съ ними, что у васъ, великого государя,лучилось, къ намъ съ нашими посланники и съ своимъ посломъ прислалъ, чѣмъ намъ противъ недруга нашего стояти и недружба его ему мстити. И о всемъ бы еси посломъ своимъ къ нашему царскому в—ву подлинно наказавъ, какъ нашему царскому величеству впередъ быти въ крѣпкой братской дружбе и любви на веки неподвижно, и какихъ узорочей, что ведетца въ нашихъ государствахъ къ вамъ, брату нашему, за тоѣ казну, что къ намъ пришлете, послати. А какъ нашего царского в—ва посланники и твой, брата нашего, посолъ у нашего царского в—ва будетъ, и мы, великій государь, велимъ нашимъ думнымъ людемъ съ твоимъ, брата нашего, посломъ о всякихъ добрыхъ дѣлахъ говорити и становити, какъ намъ, великимъ государемъ, впередъ быти межъ собою въ братской любви и въ дружбе на веки неподвижно, и посла твоего къ вамъ, брату нашему, отпустимъ, не задержавъ, и своего большого посла къ вамъ, брату нашему, пошлемъ и будемъ съ вами, братомъ нашимъ, въ братственной и сердечной дружбе и любви мимо всѣхъ великихъ государей на веки неподвижно. На то наша царского величества мысль крѣпко утвердилась. Да говорилъ нашего царского величества приказнымъ людемъ посланникъ вашъ Булатъ бекъ, что многіе посланники и гонцы посланы отъ васъ, брата нашего, отъ шахъ Аббасова в—ва къ прежнимъ російскимъ государемъ, а иные идутъ отъ цесаря къ тебѣ, брату нашему, и ныне они въ нашихъ государствахъ задержаны, а живутъ въ Казани и въ Нижнемъ и в—ныхъ городѣхъ, а отпуску имъ отъ насъ, великого государя, нѣтъ, и будетъ они живутъ по нашему указу, и намъ бы, великому государю, велѣти ихъ къ тебѣ, брату нашему отпустить, а будетъ которые живутъ самовольствомъ, и намъ бы, великому государю, для твоей, брата нашего, великого государя, шахъ Аббасова в—ва братскіе дружбы и любви, велѣти ихъ исъ своихъ городовъ къ тебѣ, брату нашему, выбити. И которые твои, брата нашего, люди въ нашихъ государствахъ позажились были за дорогою, что на Астороханъ было пройти нельзя, что Астороханъ была въ воровской смуте, посланникъ Мурши Кулы бекъ да гонецъ Мигибъ бекъ, и мы ихъ ныне отпустили къ вамъ, брату нашему, съ посланники нашими и съ твоимъ посланникомъ Булатъ бекомъ

вмѣсте. А о иныхъ нашихъ дѣлахъ наказали есмя вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву говорити посланникомъ нашимъ, и ты бѣ имъ въ томъ вѣрилъ. Писана въ государствіа нашего дворѣ царствующаго града Москвы лѣта 7124-го апрѣля мѣсяца.

Грамота писана къ шаху золотомъ: Божье имя и государево по Владимирского; а шаху писано золотомъ же: Персидскіе и Ширванскіе земли начальнику Аббасъ шахову величеству. А печать у грамоты подъ кустодіею большая съ царственными титулами. Подпись дьячья назади на загибке.

А се государевъ наказъ, каковъ данъ государевымъ посланникомъ Фе

1616 мая 29. Наказъ, данный отправляющимся въ Персію государевымъ посланникамъ Федору Исаковичу Левонтьеву и дьяку Богдану Тимоѣеву. Лл. 114—294.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. посланникомъ нашимъ Федору Исаковичю Леонтьеву да дьяку Богдану Тимоѣеву. Посланъ къ вамъ нашъ наказъ, по чему вамъ, будучи у шаха, наше дѣло дѣлать, да грамоты проезжіе: одна къ Гирѣю князю за глухою нашею печатью, а другая за отворчетою печатью ко всѣмъ кабардинскимъ княземъ и къ мурзамъ, съ переводчикомъ, съ Семейкою Ондрѣевымъ съ товарищи. И какъ къ вамъ переводчикъ Семейка Ондрѣевъ нашъ наказъ и грамоты привезетъ, и вы бѣ, взявъ у него нашъ наказъ и грамоты, къ шаху шли, ни гдѣ не мешкая, на спехъ, днемъ и ночью, чтобъ вамъ поспѣти сего лѣта къ шаху и назадъ отъ шаха къ намъ. А какъ, оужъ дастъ Богъ, у шаха будете, и вы бѣ наше дѣло дѣлали по нашему наказу, а однолично бѣ вамъ о томъ всего больши радѣти: казны на вспоможенье у шаха выпросити, хоти четыреста тысячъ рублевъ, а по послѣдней мѣре сто тысячъ рублевъ. А будетъ познаете, что шаховы ближніе люди будутъ на то подвижны, шаха на то учнутъ наговаривать, а похотятъ отъ васъ за то подарковъ, и вы бѣ имъ, въ комъ почаете дѣла и помочи, и дали подарковъ, что будетъ пригоже, только бѣ вамъ однолично тѣмъ промыслити и намъ тѣмъ послужити, чтобъ шахъ къ намъ ныне казны на вспоможенье съ посломъ своимъ и съ посланникомъ однолично съ вами вмѣсте прислалъ на семь лѣте. А какъ вашею службою и радѣньемъ то у шаха здѣлаетца, казны къ намъ на вспоможенье пришлетъ, и мы васъ за то пожалуемъ нашимъ

царскимъ великимъ жалованьемъ и вамъ однолично о томъ пораждать, у шаха казны къ намъ выпросить. И итти бѣ вамъ къ шаху, нигдѣ не мешкая, на спехъ, чтобъ затѣмъ нашему дѣлу порухи не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го іюнь въ 4 де(нь).

Къ посланникомъ, къ Ѳедору да къ діаку къ Богдану, послано съ переводчикомъ съ Семеномъ Ондрѣевымъ:

Государевъ наказъ, по чему имъ государево дѣло дѣлать. Грамота къ шаху. Грамота къ Гирѣю князю кумыцкому. Грамота за отворчетою печатью ко всѣмъ горскимъ княземъ и къ мурзамъ. Грамота на Сомару. Грамота на Царицынъ объ ихъ отпуске. Грамота что имъ говорить шаху о казнѣ. Да къ Левонтью Звѣреву о лошадехъ. Грамота къ Сунчалѣю князю Янглычеву. Грамота къ Куденеку князю къ Енбулатову.

Лѣта 7124-го маія въ 29 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. велѣлъ Ѳедору Исаковичю Левонтьеву да діаку Богдану Тимоѣеву итти къ кизылбашскому шаху для своего государева и земского дѣла въ посланникехъ. А съ ними посланы для государева дѣла переводчикъ Семейка Ондрѣевъ да толмачи Семейка Герасимовъ, Степанъ Мигеоровъ, Тимоѣй Баубековъ, да со птицы шесть человекъ кречатниковъ, Остаеѣй Сычовъ съ товарищи, да съ ними жъ вмѣсте отпущены въ Кизылбашу къ шаху съ Москвы шахъ Аббасовъ посланникъ Булатъ бекъ, а съ нимъ шаховыхъ кречатниковъ три человекъ, да людей посланниковыхъ девять человекъ, да изъ Нижнево и изъ Казани шаховъ же посланникъ Мурши Кулы бекъ, да гонецъ Мигибъ бекъ. А пришли Мурши Кулы бекъ и Мигибъ бекъ въ Московское государство отъ шаха до великого государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р., а дожидаютца ихъ, Ѳедора и Богдана, въ Казани съ приставомъ съ Володимеромъ Оничковымъ. Да въ Казани жъ были шаховы купчины Хозя Незамединъ, пришелъ въ Московское государство лѣтъ съ шесть, да Хозя Муртоза, приходилъ къ государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. отъ шаха зъ грамотою, какъ государевы бояре и воеводы Астороханъ отъ воровъ, отъ Ивашка Зарудского, очистили и подъ государеву руку привели. И по государеву указу тѣхъ купчинъ изъ Казани велено отпустить въ Астороханъ и изъ Асторохани къ шаху давно, и нѣчто будетъ купчины за своими товары изъ Казани потти къ шаху до нихъ, государевыхъ посланниковъ и до шаховыхъ, не успѣютъ, и тѣхъ купчинъ указалъ государь изъ Казани и изъ Асторохани, или гдѣ ихъ заѣдутъ, отпустить въ шаху съ ними жъ вмѣсте. А съ ними, съ Ѳедоромъ и зъ Богданомъ, послано отъ государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. къ брату его,

къ шаху Аббасову в—ву, въ дарѣхъ восемь кречетовъ да три ястреба со всѣмъ птичьимъ нарядомъ, да соболи и лисицы и съ росписи. А съ Москвы итти имъ, Ѳедору и Богдану, на Нижней да на Казань, а изъ Казани, сождався государевымъ посланникомъ и шаховымъ посланникомъ и гонцу, всѣмъ итти на Самару и въ Асторохань вмѣсте. А о провожаньѣ изъ Казани до Асторохани и о судѣхъ, и объ ихъ и шаховыхъ посланниковъ и гонцовъ, и о торговыхъ людехъ, которыхъ велено отпустить къ шаху до нихъ, а они, будетъ ихъ въ Казани или въ Асторохани заѣдутъ, объ отпуске въ Казань и въ Асторохань къ бояромъ и воеводамъ, и къ діаконъ отъ государя писано, а изъ Асторохани велено ихъ отпустить куды лутче и поспѣшнее: водянымъ путемъ на Гилянъ, или сухимъ путемъ на Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, только будетъ тѣ города ныне за шахомъ. А будетъ отпусать водянымъ путемъ, и ихъ велено отпустить на бусе или на дву, смотря по тамошнему дѣлу, какъ лутче и прибыльнѣе, и стрелцовъ для провожанья съ ними велено послати и наряду, примѣрясь къ прежнему и смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ дойти здорово; а Асторохани бѣ безлюдной и безъ наряду не быти. Да имъ же велено дать въ Асторохани, примѣрясь прежнихъ государей пословъ и посланниковъ, которые посылаемы къ шаху, только пойдутъ на бусахъ, вожей и кормщиковъ, и носовщиковъ гилянцовъ, сколько человекъ пригоже, которые бѣ въ Кизылбаша морской ходъ знали и напередъ сего въ Кизылбашехъ бывали. А на бусу по четыре якори да по два парусы да къ бусе жъ по сандалу съ парусы и съ якоремъ, и шеймы, и всякіе бусныя снасти велено имъ на бусы дать новыя, чтобъ имъ моремъ итти безстрашно. А будетъ лутче и ближе ити на Терекъ и кизылбашскіе посланники изъ Асторохани пойдутъ на Терекъ, и имъ съ шаховыми жъ посланниками ити вмѣсте на Терекъ, переговора о томъ съ ними, куды лутче и безстрашнее и ближе,—того всего съ шаховыхъ посланниковъ не сымать. И посланникомъ Ѳедору Исаковичю да дьяку Богдану ѣхати въ Казань и въ Асторохань, не мешкая. А какъ пріѣдутъ въ Казань, и имъ говорити боярину и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукому съ товарищи, чтобъ ихъ и съ ними шаховыхъ посланниковъ, Булатъ бека и Муршу Кулы бека, и гонца Мигибъ бека, и купчинъ, Хозь Незамядина и Хозь Муртозу, будетъ тѣ купчины до ихъ пріѣзду изъ Казани къ шаху не пошли, давъ суды и гребцовъ со всею судовою снастью и въ дорогу кормъ по росписи, и въ запросъ, чего попросить, отпустили изъ Казани, не мешкая, въ Астарахань. А будетъ тѣ суды подъ ними и подъ кизылбашскимъ посланникомъ, которые пойдутъ съ Москвы,

худы и до Асторохани доѣхать имъ немочно, и они бѣ суды имъ дали добрые со всѣми судовыми снастями, и кормщиковъ и гребцовъ имъ дали и отпустили ихъ изъ Казани, не задержавъ, и провожатыхъ съ ними послали, сколько пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ до Асторохани доѣхать здорово. Да какъ ихъ изъ Казани отпустятъ, и имъ итти въ Асторохань, не мешкая жъ, всѣмъ вмѣсте бережно и усторожливо, и по городомъ, на Самаре и на Царицыне распрашивать, нѣтъ ли отъ казаковъ на Волге воровства, и всякими мѣрами про то про все провѣдывать, чтобъ на Волге Нагай и Казыева улуса и Крымскіе и Завольскіе люди и воры казаки и черкасы безвѣстно не пришли и дурна никакого не учинили. А будетъ имъ гдѣ про воровъ про казаковъ или про иныхъ про какихъ людей вѣсть учинитца и проѣхать будетъ отъ нихъ съ тѣми провожатыми не мочно, и Ѳедору и Богдану взять провожатыхъ въ прибавку въ которомъ городѣ прилучитца, сколько человекъ пригоже, смотря по вестемъ, чтобъ имъ отъ воровъ проѣхать здорово. А отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ тѣ города къ воеводамъ и къ приказнымъ людямъ о томъ писано изъ казанского дворца. А приѣхавъ, Ѳедору и Богдану въ Асторохань, переговорити о томъ съ шаховыми посланники, съ Булатъ бекомъ и съ Муршу Кулы бекомъ, и съ гонцомъ съ Мигибъ бекомъ, на которое мѣсто они итти къ шаху похотятъ: изъ Асторохани ль прямо моремъ въ бусахъ на Гилянъ, или похотятъ итти изъ Асторохани на Терекъ, а съ Терки на Дербень? Да будетъ шаховы посланники похотятъ итти изъ Асторохани моремъ на Гилянъ, и Ѳедору и Богдану говорити въ Асторохани воеводамъ князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ Петру Овдовимову, да Гаврилу Богданову, чтобъ онѣ ихъ и шаховыхъ посланниковъ отпустили въ Кизылбаши на гилянскихъ бусахъ и стрельцовъ съ ними послали и вожей и пищали, и что будетъ иное надобно, безъ чего быти нельзя, имъ дали. А будетъ гилянскихъ бусъ нѣтъ, и они бѣ дали подъ нихъ бусы астороханскіе лутчіе со всѣмъ, что надобно къ морскому ходу дать. Какъ ихъ изъ Асторохани отпустятъ, и Ѳедору и Богдану, взявъ знатковъ судовщиковъ и провожатыхъ, и нарядъ, изъ Асторохани ити въ Гилянъ моремъ, которымъ мѣстомъ пригоже, съ великимъ береженьемъ. А будетъ шаховы посланники похотятъ итти изъ Асторохани на Терекъ, а съ Терки на Дербень, и имъ потому жъ въ Асторохани объ отпуске говорити воеводамъ, чтобъ ихъ изъ Асторохани отпустили на Терекъ, не мешкая ни часу. А будетъ лутче такъ, что имъ, Ѳедору и Богдану и шаховымъ посланникомъ, ити на Терекъ, а съ Терки на Кабарду да на шаховы

города сухимъ путемъ, а людей будетъ своихъ зъ запасомъ и съ ружьядью лутче отпустить, моремъ прямо на Гилянъ, и имъ по тому учинити. О томъ отъ государя въ Асторохань къ воеводамъ писано, велено ихъ отпустить, совѣтовавъ съ ними, какъ лутче, какъ бы государеву дѣлу прибыльнѣе и спешнѣе. А какъ они съ шаховыми посланники на Терекъ придуть, и Ѳедору и Богдану по тому жъ съ шаховыми посланники переговорити, которою дорогою съ Терки на Дербень итти лутче и безстрашнее. Да какъ приговорятъ итти, и имъ о томъ говорити на Терке воеводамъ Миките Дмитриевичю Вельяминову да Петру Приклонскому, чтобъ они, давъ имъ провожатыхъ и посланникомъ кормъ по росписи, по тому жъ отпустили ихъ, не мешкая, чтобъ имъ ни за чѣмъ на Терке не замешкать, итти къ шаху; а итти имъ съ Терки бережно жъ и усторожливо, чтобъ надъ ними на походе и на стану отъ крымскихъ и отъ нагайскихъ людей, и отъ кумыкъ, и отъ пятигорскихъ черкасъ, и отъ азовскихъ, и ото всякихъ воровскихъ людей которое лихо не учинилось, и безвѣстно бъ на нихъ нигдѣ не пришли.

А какъ придуть въ Кабарду, и Ѳедору и Богдану послати отъ себя къ тѣмъ кабардинскимъ княземъ и къ мурзамъ государевы грамоты о ихъ проѣзде, и приказывати къ нимъ, чтобъ они, князи и мурзы, по своей правде и шерти, какъ они великому государю ц. и в. вн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. правду дали, на куране шертовали, послужили: ихъ, государевыхъ и шаховыхъ посланниковъ, черезъ свою землю пропустили, приставовъ имъ давали и проводить велѣли, и подводы имъ давали, чтобъ имъ къ шаху поспѣти вскоре, а они отъ царского в—ва посланы къ шаху о великихъ государственныхъ и о земскихъ дѣлахъ, которое годно обоимъ великимъ государемъ и имъ, княземъ и мурзамъ. А которой будетъ князь или мурза пріѣдетъ съ ними повидатца, и имъ того князя или мурзу потчивать и подарить, что у нихъ лучитца, и государевымъ жалованьемъ ево обнадежити и говорить, чтобъ государю послужилъ, пристава имъ далъ и проводить ихъ велѣлъ; а государь ихъ за ихъ службу пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ.

А исъ терскихъ провожатыхъ взяти съ собою до Дербени человѣкъ пяти или шти, чтобъ было съ кѣмъ къ государю отписать, какъ которого числа въ Дербень придуть. А какъ ихъ съ Терки отпустить и на которые мѣста, на чѣѣ кабаки на Дербень пойдуть и гдѣ ихъ черкаскіе приставы и провожатые встрѣтятъ, и какъ ихъ учнутъ провожать исъ второго мѣста и съ которого числа придуть въ Дербень, и что провѣдаютъ про шаха, гдѣ ныне шахъ, и какъ ныне съ турскимъ царемъ,

и какъ с-ыверскимъ и зъ бухарскимъ и съ юргенскимъ, съ которымъ въ миру и съ которымъ не въ миру, и государевъ сынъ боярской Григорей Шахматовъ ныне при шахѣ ль и для чего не отпущенъ? или отпущенъ и гдѣ онъ ныне? и шахъ ныне въ которомъ своемъ городе или гдѣ въ походе и на которую землю пошолъ, и ево земли которой государь не воюетъ ли? О всемъ о томъ провѣдавъ, къ государю отписать подлинно. Да и о томъ отписать: со всѣмъ ли пойдутъ на Дербень или запасы отпустятъ на Гилянъ.

А будетъ съ Терки лутче, по тамошней мѣре смотря, ити водянымъ путемъ, и ихъ велено отпустить водянымъ путемъ и судна, и кормици, и гребцы велено имъ дать, смотря по тамошнему дѣлу. А до коихъ мѣсть судами пойдутъ и съ которыхъ мѣсть сухимъ путемъ, и что провѣдаютъ, и Федору и дяку Богдану по тому жъ къ государю отписать.

А будетъ пойдутъ изъ Астарахани на Гилянъ, и имъ потому жъ къ государю отписать изъ Астарахани.

Да какъ, оже дастъ Богъ, придутъ въ шаховы города, и имъ приказывать къ шаховымъ приказнымъ людямъ, что приходилъ къ великому государю ц. и в. вн. Михайлу Федоровичю в. Р. отъ государя ихъ, отъ шахъ Аббасова в—ва, посланникъ ево Булатъ бекъ поздравляти великого государя ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. на его великихъ и преславныхъ государствахъ и о иныхъ о добрыхъ дѣлахъ, и великій государь того посланника государя ихъ приняти велѣлъ съ великою честію и свои царскіе пресвѣтлые очи видети ему велѣлъ и, пожаловавъ ево, отпустилъ къ государю ихъ, не издержавъ, и съ нимъ вмѣсте прислалъ великій государь къ государю ихъ, къ шахъ Аббасову в—ву ихъ, посланниковъ своихъ, о многихъ добрыхъ дѣлахъ, которые належатъ обѣимъ великимъ государствамъ ко всякому добру, и они бѣ дали имъ пристава и подводы, и кормъ, и отпустили ихъ къ шаху, гдѣ будетъ шахъ.

А будетъ въ которомъ городе шаховъ которой ближней человекъ велить имъ быти у себя, и Федору и дяку Богдану къ тому шахову ближнему человеку не ходити, а приказать къ нимъ, что имъ, не бывъ у шаха и не исправя посольства, ни у кого быти непригоже; а отпустили бѣ ихъ къ шаху, не издержавъ, и подводы и кормъ велѣли имъ дать. Да будетъ только подъ ними будутъ рускіе бусы или суды, и имъ приказать къ тутошнимъ приказнымъ людямъ, чтобъ тѣхъ бусъ велѣли беречи до ихъ пріѣзду, какъ онѣ пойдутъ назадъ изъ Кизылбашъ.

А нѣчто второй приказной человекъ велить у „ “ переписывать

рухлядь, и имъ приказать къ тому шахову приказному человѣку, а велѣти о томъ говорити, что государь ихъ шахъ Аббасово в—во прислалъ къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. посланника своего Булатъ бега съ любительною грамотою, а въ грамоте своей шахъ Аббасово в—во писалъ и рѣчью посланникъ ево великому государю на посольстве говорилъ, что государь ихъ шахъ Аббасово в—во хочетъ съ великимъ государемъ быти въ братственной дружбе и въ любви, и въ сылке, и на всякого государева недруга хочетъ стояти заодинъ, а великому бѣ государю съ его шахъ Аббасовымъ в. по тому жѣ быти въ братственной дружбе и любви, и чтобъ межъ ихъ великихъ обѣихъ государей о братстве и о любви и о всякихъ добрыхъ дѣлахъ была ссылка послы и посланники безъ урыву. И ныне великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. прислалъ ихъ въ посланникехъ къ шахъ Аббасову в. о дружбе и о любви, и о всякихъ добрыхъ дѣлахъ, и шаховы бѣ приказные люди таково непригожево дѣла не всчинали и ихъ тѣмъ не бесчестили: рухляди переписывать не велѣли. А которые послы и посланники, и гонцы государя ихъ приѣзживали къ прежнимъ великимъ государемъ, къ великому государю блаженные памяти къ царю и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с. и къ царю Борису, и которые были государя нашего въ государстве и въ безгосударное время, и которые были ныне при великомъ государе ц. и в. кн. Михайле Ѳедоровиче в. Р., и тѣмъ посломъ и посланникомъ, и гонцомъ въ государя нашего государстве честь была свыше иныхъ государей пословъ, и у пословъ, и у посланниковъ, и у гонцовъ рухлядей ихъ не емлютъ и не переписываютъ. Да не токмо что у пословъ и у посланниковъ, которые съ ними и торговые люди приѣзжаютъ въ великіе государя нашего государства, и у тѣхъ торговыхъ людей товаровъ ихъ не переписываютъ и пошлинъ съ нихъ никакихъ не емлютъ, и таково бесчестья надъ ними не бываетъ, какъ вы ныне хотите падъ нами бесчестье учинить мимо посольской обычай. И ныне которое будетъ бесчестье учините надъ нами, и надъ государя вашего Аббасъ шаховыми послы бесчестье по тому жѣ впередъ учинять. И они бѣ того остерегали, чтобъ тѣмъ непригожимъ дѣломъ межъ великихъ государей ссылка и любовь не урвалась. Да однолично Ѳедору и Богдану рухляди своей и толмачей, и кречетниковъ переписывать не давать.

А будетъ гдѣ которой ханъ или шаховы приказные люди похотятъ смотрити и писать государевы ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. поминки, и Ѳедору и Богдану по тому жѣ отговаривати накрепко и переписывать государевыхъ поминковъ отнюдь не давать никакими мѣрами.

Да какъ Ѳедора и Богдана изъ Гиляни или изъ Дербени отпустить къ шаху, и имъ говорити приставомъ, чтобъ ихъ вели къ шаху, не мешкая, гдѣ шахъ будетъ, и говорить съ приставы, чтобъ они донесли до шаха, чтобъ шахъ велѣлъ имъ быти у себя вскоре. А будетъ шахъ въ походе противъ котораго своего недруга и велить имъ у себя быти въ рати, и Ѳедору и Богдану въ ту пору къ шаху не ходити, а дожидатись того, какъ шахъ придетъ изъ походу въ свое государство, а отговаривати о томъ, что имъ у шаха на посольстве въ чужомъ государстве быти непригоже, шахъ нынѣ противъ своего недруга въ войнѣ, а имъ, государевымъ посломъ, въ тѣ поры у шаха быти. Да и прежь того николи тово не бывало, чтобъ послы и посланники въ войнѣ на посольстве бывали. А отговаривать гладостью и пословно, а однолично въ войнѣ въ чужомъ государстве на посольстве не быти.

А какъ Ѳедору и Богдану велить шахъ у себя быти на посольстве, и имъ приказати съ приставы къ шаховымъ ближнимъ людямъ, чтобъ у шаха въ то время, какъ имъ быти, иныхъ государей пословъ и посланниковъ никою не было; а только будутъ, и имъ на посольство итти и посольства править непригоже.

А нѣчто въ то время, какъ они придуть на посольство, будутъ у кизылбашсково шаха турецково салтана и иныхъ государей послы и посланники, и гонцы, и Ѳедору и Богдану съ тѣми послы вмѣстѣ къ шаху не ходити, а хоти и придуть на дворъ, а увѣдають про то, что иныхъ земель у шаха послы или посланники, и имъ, пришедъ къ шаху, посольства не правити, итти вонъ изъ полаты, а говорити приставомъ, чтобъ имъ шахъ велѣлъ у себя на посольстве быти однимъ, опричь иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ. А передъ посольствомъ приставовъ роспросити: какъ имъ у шаха быть на посольстве и какъ шахъ приметъ? Да и про всякіе тамошніе мѣры роспросити и провѣдывати, что имъ вѣдати.

А какъ Ѳедоръ и Богданъ пойдуть къ шаху на посольство и учнутъ будетъ имъ приставы говорити, чтобъ имъ съ лошадей сойти не блиско шахова двора или, пришедъ къ шахову двору, велать ¹⁾ шахова двора, и пришедъ къ шахову двору, кланяютца въ порогъ, и Ѳедору и Богдану говорити приставомъ: то мы и сами знаемъ, какъ намъ, пріѣхавъ къ государскому двору, съ лошадей сѣсти. А что велите намъ кланятца у шахова двора въ порогъ, и мы присланы къ Аббасъ шахову в—ву, а порогу намъ для чево

¹⁾ Столбецъ оборванъ.

кланятца? Да сѣсти съ лошадей, не доезжая воротъ шахова двора, какъ пригоже. А толмачомъ велѣти съ лошадей сѣсти напередъ себя.

А будетъ приставы или встрѣчники учнутъ говорити, чтобъ они поклонились хъ которой полате, потому что въ той полате шахъ сидитъ, или велеть имъ итти къ шаху въ полату, а поминки, что посланы съ ними отъ государя къ шаху, велеть нести къ шаху после ихъ, пословъ,— и Ѳедору и Богдану говорити: намъ то въ подивленье, что, не видя государскихъ очей, велите кланятца полате: ни у которыхъ великихъ государей того въ обычее не ведетца; а какъ Аббасъ шахова в. очи увидимъ и тогда ему, государю, челомъ ударимъ; сами мы знаемъ, какъ великимъ государемъ честь воздавати. А которые послы и посланники государя вашего приходили къ великому государю нашему блаженные памяти къ царю и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с. и къ царю Борису, а послѣднее ныне былъ у великого государя нашего, у его ц. в. посланникъ государя вашего Булатъ бекъ, и великій государь нашъ блаженные памяти царь и в. кн. Ѳедоръ Ивановичъ в. Р. с. и царь Борисъ государя вашего пословъ и посланниковъ, и ныне великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. государя вашего посланника, для Аббасъ шахова в. братцкіе любви, жаловаль: на посольстве прималь честно и поминки отъ Аббасъ шахова в. прималь въ любовь при своихъ царскихъ очехъ и во всемъ имъ велѣлъ почестъ воздавати. Да однолично Ѳедору и Богдану у шахова двора въ порогъ и на дворѣ полате не кланятца, и поминки велѣти нести на крыльцо и до шаховы полаты передъ собою по посольскому обычаю.

А будетъ нѣчто приставы учнутъ говорити, чтобъ имъ на посольстве шаха целовати въ ногу, какъ у шаха въ обычее ведетца по тому жъ, какъ иныхъ государей послы шаха целуютъ въ ногу,— и Ѳедору и Богдану говорити: прежь сего которые послы и посланники были у шаха великого государя нашего дяди блаженные памяти ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., и тѣхъ шахъ жаловаль, звалъ ихъ къ руке. А отъ царя Бориса были у шаха жъ послы князь Александръ Засѣкинъ съ товарищи, а послѣднее ныне отъ великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. были у шаха посланники Михайло Тихановъ, да подъячей Олексѣй Бухаровъ, и они шаха целовали въ руку жъ, а не въ ногу. А которые послы и посланники и гонцы Аббасъ шахова в. приходили къ великому государю блаженные памяти къ ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с. и после того къ царю Борису, и великій государь блаженные памяти ц. и в. кн. Ѳедоръ

Ивановичъ в. Р. с. и царь Борисъ шаховыхъ пословъ на посольстве прїимали и почесть имъ для Аббасъ шахова в. велѣли воздавати. И, пожаловавъ ихъ на прїѣзде и на отпуске, звали къ своей царской рукѣ. И ныне великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. шахова посланника Булатъ бека принялъ честно, пожаловалъ: велѣлъ ему быти у своеѣ царскіе руки. И шахово бѣ в—во таково непригожево дѣла вновь не всчинали, тѣмъ къ великому государю нашему нелюбья своего не объявлялъ, чтобъ межъ ихъ, великихъ государей, тѣмъ дружба и братцкая любовь и ссылка не урвалась; а не учинить по тому шахъ, и намъ посольства не правити. Да однолично о томъ стояти накрепко и въ ногу шаха не целовать.

А нѣчто въ то время шахъ, какъ они придутъ въ Кизылбаши, будетъ въ дороге и велить у себя быти на посольстве въ дороге, а самъ будетъ въ то время шахъ учнетъ сидѣти на конѣ,—и Ѳедору и Богдану въ то время къ шаху на посольство не ходити, а говорити приставомъ и къ шаховымъ къ ближнимъ людямъ приказывати, что великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с., ихъ царское величество, прислалъ ихъ къ шахову в—ву о добрыхъ дѣлахъ, и ныне шахъ дѣлаетъ не по прежнему обычею, велить себѣ посольство правити въ дорогѣ, а самъ хочеть сидѣти на конѣ, и тѣмъ великому государю нашему ихъ царскому величеству нелюбье свое оказуетъ и доброе дѣло и ссылку о братцкой любви хочеть порушить; а имъ такимъ обычаемъ посольства правити не мочно. И посольства имъ однолично не правити, только шахъ учнетъ сидѣти на лошади.

А будетъ шахъ велить Ѳедору и Богдану быти у себя на посольстве въ которомъ городе или и въ дороге въ своемъ государстве на стану, въ шатрѣ, и сважутъ имъ приставы, что имъ быти у шаха однимъ, иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ въ то время у шаха не будетъ и шаху сидѣть (?) не на конѣ, а целовати имъ шаха въ руку,—и Ѳедору и Богдану къ шаху на посольство итти, а пришедь къ шаху, правити отъ государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. шаху поклонъ Ѳедору, а молыти:

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. (*титулъ*) великому государю въ чести величества изящному и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю, Персицкіе и Шерванскіе земли начальнику вамъ, брату своему, Аббасъ шахову в—ву велѣлъ поклонитись и свое царское здоровье велѣлъ сказати, а ваше, брата своего, здоровье велѣлъ видети.

Да подати отъ государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р.

Аббасъ шаху грамота; а съ подворья отъ себя и на шаховъ дворъ вести грамота дьяку Богдану Тимоѣеву. А у шаха въ полате государева грамота взяти и подати шаху Ѳедору.

И будетъ Аббасъ шахъ спросить о здоровьѣ великого государя царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с.,—и Ѳедору и Богдану молити: какъ мы поѣхали отъ великого государя нашего, и Божію милостію великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с., его ц. в., на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ въ добромъ здоровьѣ.

А послѣ того явити шаху отъ государя поминки, а молити: Божію милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель вамъ, брату своему, Аббасъ шахову в—ву напоминаетъ своею любовью поминки. Да подати поминки по росписи.

А после поминковъ говорити рѣчь Ѳедору, а молитъ:

Божію милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ великихъ государствъ государь и обладатель вамъ, брату своему, Аббасъ шахову в—ву велѣлъ говорити: въ прошломъ во 123-мъ году прислалъ еси къ нашему царскому в—ву со своею грамотою посланника своего птичника Булатъ бека. И мы, великій государь, для васъ, брата нашего любительного Аббасъ шахова в—ва посланнику вашему Булатъ беку велѣли наши царскіе очи видети вскоре и грамоту вашу, брата нашего, приняли и выслушали любительно. А въ грамоте своей къ нашему ц. в. вы, братъ нашъ, писали: какъ учала быть ссылка и братцкая любовь межъ дядею нашимъ блаженные славные памяти великимъ государемъ, ц. и в. кн. Ѳедоромъ Ивановичемъ в. Р. с. и межъ тобою, великимъ государемъ, шаховымъ в—мъ первое—посломъ Григорьемъ Васильчиковымъ, и съ тѣхъ мѣсть и по се время тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву со всѣми великими російскими государи, предки нашими, никоторого дурна, окромѣ дружбы и любви не бывало. А какъ въ смутное время нашего ц. в. въ вотчине въ Асторахани назывались государскимъ именемъ воры, и ты, братъ нашъ, того не вѣдая, чая въ томъ правды, по прежнему обычею похотя нашего великого Російского государства зъ государи дружбы, изво устъ своихъ слово испустилъ: въ Асторахань казны своей дать хотѣлъ. А какъ отъ насъ, великого государя, къ вамъ, брату нашему, шахову в—ву пришелъ посланникъ нашъ съ нашею любительною грамотою, и отъ него тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву про насъ, великого государя, что мы, великій государь, учинились на нашихъ

великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ в. Р. самодержцемъ, вѣдомо учинилось, и вы, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в. тому порадовались сердечною радостію и хотите съ нами, великимъ государемъ, быти въ сердечной братцкой дружбе и любви свыше прежнихъ великихъ государей царей и в. кн. російскихъ, и послали къ нашему ц. в. съ своею любительною грамотою вѣрною своего челоуѣка, птичника своего Булатъ бека; а намъ бы, великому государю, также съ тобою, братомъ нашимъ, великимъ государемъ шахъ Аббасовымъ в—мъ о братственной любительной дружбе ссыла держать. А какъ до нашего ц. в. съ вашего, брата нашего, шахъ Аббасова в. грамотою Булатъ бекъ дойдетъ, и намъ бы, великому государю, у себя задержать ево не велѣтъ, а велѣти бѣ ево къ вамъ, великому государю, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву отпустить тотчасъ, чтобъ тебѣ, брату нашему, слыша про наше ц. в. здоровье, радоватца. А будетъ которое дѣло намъ, великому государю, до васъ, брата нашего, шахъ Аббасова в. и до вашего государства, и намъ бы, великому государю, о томъ тебѣ, брату нашему, вѣдомо учинить, и то дѣло нашего ц. в. все такъ учинитца. А посланникъ вашъ Булатъ бекъ отъ васъ, шахова в—а, поздравлялъ насъ, великаго государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія; а рѣчью говорилъ о томъ же, что вы, братъ нашъ, къ нашему царскому в. и въ грамоте своей писали, что ты, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в., похотя съ нами, великимъ государемъ, быти въ братственной и въ любительной дружбе свыше прежнихъ російскихъ государей, послалъ ево къ намъ, великому государю, съ своею любительною грамотою поздравляти насъ, великаго государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія, и велѣлъ намъ, великому государю, известить, чтобъ намъ, великому государю, ево въ нашемъ государстве задержать не велѣтъ, а велѣтъ ево отпустить къ вамъ, брату нашему, не задержавъ. А ты, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в. пришлешь къ намъ, великому государю, большихъ своихъ пословъ зъ большимъ поздравленіемъ и съ любительными поминки. Да посланникъ же вашъ, брата нашего, говорилъ нашимъ приказнымъ людямъ втайне, что присланъ опъ къ намъ, великому государю, отъ тебя, брата нашего, отъ ш. Аббасова в. о братственной дружбе и о любви, что хочешь ты, братъ нашъ, съ нами, великимъ государемъ, быти въ крѣпкомъ братстве и въ любви на веки неподвижно, и на всякаго нашего недруга хочешь стоять заодно: хто будетъ намъ, великому государю, другъ,

тотъ и тебѣ, брату нашему, великому государю, ш. Аббасову в. другъ; а кто намъ, великому государю, недругъ, тотъ и тебѣ, брату нашему, недругъ. И намъ бы, великому государю, быти съ тобою, братомъ нашимъ, по тому жъ въ крѣпкомъ братствѣ и въ дружбѣ и въ любви. А напередъ посланника твоего Булатъ бека прислалъ къ намъ, великому государю, отъ тебя, брата нашего, зъ грамотою въ прошломъ же во 123-мъ году гиланецъ Хозя Муртоза и говорилъ въ розговорехъ нашимъ приказнымъ людямъ: будетъ намъ, великому государю, противъ нашихъ недрузей надобно на помочь какіе казны или ратныхъ людей, и намъ бы, великому государю, къ тебѣ отписать или приказать, не стыдясъ, и ты, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в. намъ, великому государю, ни за что не постоишь, тотчасъ къ намъ, великому государю, пришлешь. И мы, великій государь, васъ, брата нашего, великого государя, шахъ Аббасово в.—во въ томъ похваляемъ, что ты, помня прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, дяди нашего блаженные славные памяти ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. и царя и в. кн. Бориса Ѳедоровича в. Р. братственную дружбу и любовь, и ссылку, ныне съ нами, великимъ государемъ, хочешь быти въ братственной дружбѣ и въ любви и свыше того и на всякого недруга хочешь стояти съ нами, великимъ государемъ, за одно, и казною своею и людьми намъ, великому государю, хочешь на недруговъ нашихъ помогать. И вы бъ, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в., какъ есть великій государь, братъ нашъ, какъ къ намъ, великому государю, въ грамоте своей писалъ и рѣчью приказывалъ, такъ бы и совершалъ, на томъ бы своемъ слове крѣпко стоялъ: былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ любви на веки неподвиженъ и на всякого нашего недруга стоялъ съ нами, великимъ государемъ, заодно. А мы, великій государь, по тому жъ съ тобою, братомъ нашимъ, шахъ Аббасовымъ в.—мъ хотимъ быти въ крѣпкой братственной дружбѣ и любви и въ ссылке безъ урыву, мимо всѣхъ великихъ государей, на то нашего царского в. мысль крѣпко утвердилась. А ныне нашего ц. в. у васъ, брата нашего, прошенье то: вѣдомо тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову в. подлинно изъ наше царского в.—ва грамоты, что писали есмя къ вамъ съ посланникомъ нашимъ, съ Михайломъ съ Тихановымъ, и отъ посланника нашего, отъ Михайла, и отъ гонцовъ, и отъ твоихъ, брата нашего, торговыхъ людей, которые были въ нашихъ государствахъ, каковъ нашему ц. в. недругъ польской Жигимонтъ король, черезъ многое свое и пословъ своихъ и посланниковъ крестное целованье государства нашего многіе

мѣста и самой царствующій градъ Москву разорили и казну многую неисчетную прежнихъ великихъ государей царей російскихъ, предковъ нашихъ, за много лѣтъ собраніе розграбили и многіе неисчетные крови пролили, и землю запустили: мы, великій государь, царствующаго града Москвы одни стѣны взяли и тѣ разорены. И съ польскимъ королемъ за многіе грубости и неправды войну ведемъ и недружбу ево ему доводимъ, и вамъ бы, брату нашему, къ намъ начало своей братцкіе любви объявити: противъ нашего недруга польского короля нашему царскому в-ву вспоможенье учинити своею казною.

Діаку Богдану Тимоѣеву:

Божією милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ тебѣ, шахъ Аббасову в., говорити: а послали есмь къ тебѣ, брату нашему, съ сею нашею любительною грамотою просити вспоможенья посланниковъ нашихъ Ѳедора Исаковича Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѣева, и посланника вашего Булатъ бека съ ними же къ вамъ, брату нашему, отпустили, а хотѣли были есмь посланниковъ вашихъ къ вамъ, брату нашему, послати и вашего посланника отпустить тотчасъ вскоре, да подержали затѣмъ: выжидали есмь совершенья дѣлу, что межъ насъ, великого государя, и недруга нашего польского короля учинитца, чтобъ къ тебѣ, брату нашему, съ подлинною вѣстью отпустить, да еще межъ насъ на мѣре не стало. И вы бѣ, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в—во къ намъ, великому государю, начало братственные сердечные любви показалъ, того нашего посланника Ѳедора да дьяка Богдана къ намъ отпустилъ, не задержавъ, и своево большого посла ближнево человѣка къ намъ съ ними вмѣсте прислалъ и казны денежные къ намъ съ ними, что у васъ, великого государя, лучилося, къ намъ съ нашими посланники и съ своимъ посломъ прислалъ, чѣмъ намъ противъ недруга нашего стояти и недружба его ему мстити, и о всемъ бы еси посломъ своимъ къ нашему царскому величеству подлинно наказалъ, какъ вашему величеству съ нами, великимъ государемъ, впередъ быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви на веки неподвижно. и какихъ уворочей, что ведетца въ нашихъ государствахъ, къ вамъ, брату нашему, за тоѣ казну, что къ намъ пришлете, послати. А какъ нашего царского в. посланники и твой, брата нашего, посолъ у нашего ц. в. будутъ, и мы, великій государь, велимъ нашимъ думнымъ людемъ съ твоимъ, брата нашего, посломъ о всякихъ добрыхъ дѣлахъ говорити и становити, какъ намъ, великимъ государемъ, впередъ быти межъ собою въ братцкой любви и въ дружбе на веки неподвижно. И посла

твоего къ вамъ, брату нашему, отпустимъ, не задержавъ, и своего большого посла къ вамъ, брату нашему, пошлемъ. И будемъ съ вами, братомъ нашимъ, въ братственной сердечной дружбе и любви мимо всѣхъ великихъ государей на веки неподвижно. Да говорилъ нашего ц. в. приказнымъ людямъ посланникъ вашъ Булатъ бекъ, что многіе посланники и гонцы посланы отъ васъ, брата нашего, отъ шахъ Аббасова в. къ прежнимъ російскимъ государемъ и ныне они въ нашихъ государствахъ задержаны, а живутъ въ Казани и въ Нижнемъ и въ иныхъ городѣхъ, а отпуску имъ отъ насъ, великого государя, нѣтъ. И будетъ они живутъ по нашему указу, и намъ бы, великому государю, велѣти къ тебѣ, брату нашему, отпустить; а будетъ которые живутъ самовольствомъ, и намъ бы, великому государю, для твоей, брата нашего, великого государя шахъ Аббасова в. брацкіе дружбы и любви велѣти ихъ изъ своихъ городовъ къ тебѣ, брату нашему, выслать.

Федору Исаковичю:

Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ тебѣ, брату своему, шахъ Аббасову в. говорити: и которые твои, брата нашего, люди въ нашихъ государствахъ позажились были за дорогою, что на Асторохань было проити нельзя, что Асторохань была въ воровской смуте, посланникъ Мурши Кулы бекъ да гонецъ Мигибъ бекъ, и мы ихъ ныне отпустили къ вамъ, брату нашему, съ посланники нашими и съ твоимъ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ, вмѣсте.

А нѣчто шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорити, что государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. къ шаху прислалъ малые поминки, а отъ прежнихъ великихъ государей московскихъ, отъ царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. и отъ царя Бориса поминки бывали большіе,—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити, чтобъ шахову в—ву въ большихъ поминкахъ на царское величество не подосадовать: вѣдомо шахъ Аббасову в—ву подлинно изъ великого государя нашего грамоты, что послана къ нему царского в—ва съ посланникомъ съ Михайломъ Тихановымъ, и отъ посланника отъ Михайла, и отъ гонцовъ, и его шахова в. отъ торговыхъ людей, которые были въ Російскихъ государствахъ, какъ польской Жигимонтъ король черезъ многое свое и пословъ своихъ и посланниковъ крестное целованье великихъ Російскихъ государствъ многіе мѣста и самой царствующей градъ Москву разорили и казну многую неисчетную прежнихъ великихъ государей царей російскихъ за много лѣтъ собранье розграбили, и многіе неисчетные крови пролили и землю запустошили; а великій государь

нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. царствующій градъ Москву одни стѣны взялъ и тѣ разорены. Да и по ся мѣста после того разоренья у великого государя нашего въ его царского в—ва казнѣ всякихъ узорочей въ собранье мало. А что ныне у великого государя нашего после разоренья польскихъ и литовскихъ людей лужилось, и царское в—во къ брату своему, великому государю вашему, то и прислалъ. А какъ, ажъ дастъ Богъ, великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. и великій государь Аббасъ шахово в—во учинятца межъ себя въ братцкой любви и въ дружбе, а съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ царское в. управитца, и царское в—во брату своему Аббасъ шахову в., по его любви смотря, своею царскою любовью будетъ воздавать, великій государь нашъ его ц. в., государь мудрой, разумной, милосердой, Богомъ украшенъ во всемъ свыше челоуѣкъ, знаетъ, какъ брату своему з(а) его любовь противъ воздаяніе учинить. А и ныне царское в. поминки послалъ чесные, какъ есть брату своему: ни хъ кому царское в. птицъ въ поминкахъ не посылаетъ опричь шахова величества.

А нѣчто Аббасъ шахъ будетъ гдѣ въ походе и велить имъ быти у себя на посольстве въ дороге въ шатрѣ, и имъ къ шаху въ дороге въ шатры итти и посольство правити по сему-жъ государеву наказу. А будетъ Аббасъ шахъ позоветъ ихъ къ себѣ ѣсти,—и Федору и дьяку Богдану къ Аббасъ шаху ѣсти ѣхать; а о томъ приказывать съ приставы, чтобъ въ то время, какъ имъ у шаха ѣсти, иныхъ государей пословъ и посланниковъ не было, а ѣсти бѣ имъ у шаха однимъ. Да будетъ въ то время у шаха будутъ иныхъ государей послы и посланники, и имъ къ шаху за столъ не ходить. А имянно провѣдывать о турскомъ посланнике и гонцѣ, чтобъ имъ однолично съ турскимъ вмѣстѣ у шаха не быти.

Да какъ после посольства велить будетъ шахъ быти имъ у себя на дворѣ и вышлетъ къ нимъ ближнихъ своихъ людей говорити о дѣлахъ, и учнутъ шаховы ближніе люди говорити, что говорили они на посольстве, чтобъ шахову в—ву зъ государемъ вашимъ быти въ братцкой дружбе, и шахово в. съ царскимъ величествомъ въ братцкой дружбе и въ любви, и въ соединеньѣ, и въ докоичаньѣ быти хочеть, только бѣ объявити: на которой мѣре тому сстатися,—и Федору и Богдану говорити: великій государь нашъ, его ц. в., прислалъ насъ къ шахову в—ву для того: прислалъ къ великому государю нашему, къ его ц. в., великій государь вашъ шахъ Аббасово в. послапника своего Булатъ бека поздравляти великого государя нашего на его великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, а въ грамоте своей къ великому

государю нашему шахово в. писалъ и рѣчью послапникъ его Булатъ бекъ говорилъ, что шахово в. хочеть быти зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ нашимъ, въ крѣпкомъ братстве и въ любви на веки неподвижно и на всякого недруга хочеть стоять за одно: кто будетъ великому государю нашему другъ, тотъ и великому государю вашему шахъ Аббасову в—ву другъ; а кто великому государю нашему недругъ, тотъ и великому государю вашему шахъ Аббасову в. недругъ. И великому бѣ государю нашему быти съ великимъ государемъ вашимъ по тому жѣ въ крѣпкомъ братстве и въ любви. А напередъ посланника Булатъ бека присланъ къ великому государю нашему отъ великого жѣ государя вашего зъ грамотою гиланецъ Ховъ Муртова и говорилъ въ розговорехъ царьского в. приказнымъ людямъ: будетъ великому государю нашему противъ его ц. в. недрузей надобно на помочь какіе казны или ратныхъ людей, и великому бѣ государю нашему къ шахову в. о томъ отписать или приказать, не стыдяся, и великій государь вашъ шахъ Аббасово в. великому государю нашему ни за что не постоитъ, тотчасъ великому государю нашему пришлетъ. И великій бы государь вашъ шахъ Аббасово в., какъ къ великому государю нашему въ грамоте своей писалъ и рѣчью приказывалъ, такъ бы и совершилъ, на томъ своемъ слове крѣпко стоялъ: былъ съ великимъ государемъ нашимъ въ крѣпкой братственной дружбе и въ любви на веки неподвиженъ и на всякого царьского в. недруга стоялъ съ великимъ государемъ нашимъ заодно. А ныне бѣ великій государь вашъ шахъ Аббасово в. къ великому государю нашему начало своей братцкіе любви объявилъ, противъ царьского в. недруга, польского короля, его царскому в—ву вспоможенье учинилъ своею казною, и ихъ бы царьского в. посланниковъ, Федора и дьяка Богдана, съ тѣмъ отпустилъ къ великому государю нашему, не задержавъ, и своего большого посла ближнего челоувѣка къ великому государю нашему съ ними вмѣсте прислалъ, и казны денежные, что у великого государя вашеголучилось, къ великому государю нашему съ ними вмѣсте и съ своимъ посломъ прислалъ, чѣмъ великому государю нашему противъ его царьского в. недруга стоять и недружба его ему мстить. И о всемъ бы великій государь вашъ посломъ своимъ къ царьскому в. подлинно наказалъ, какъ царьскому в—ву съ великимъ государемъ вашимъ впередъ быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви на веки неподвижно. А какъ великого государя вашего посолъ у царьского в. будетъ, и великій государь нашъ велить своего царьского в—ва думнымъ людямъ великого государя вашего съ посломъ о всякихъ о добрыхъ дѣлахъ говорити и становити, какъ имъ, великимъ государемъ,

меж собою быти впередъ въ братцкой любви и въ дружбе на веки неподвижно, а больши того имъ у шахова в. дѣлать и закреплять ничего не указано: такіе великіе дѣла, какъ государемъ межъ себя въ дружбе впередъ быти, дѣлають межъ государей великіе послы.

Да однолично Федору и Богдану съ шаховыми ближними людьми ни о чемъ не дѣлать и не закреплять, а говорити, чтобъ шахъ о большихъ дѣлахъ, какъ ему зъ государемъ впередъ быти, слалъ къ царскому в. съ ними вмѣсте своево ближнего человѣка, о всемъ съ нимъ наказавъ подлинно, какъ ему съ царскимъ в. въ братственной дружбе и въ любви быти, и царское в. о всемъ велить съ шаховымъ ближнимъ человѣкомъ своимъ царского в. думнымъ людямъ говорити и утвердити, какъ имъ, государемъ, межъ себя въ дружбе и въ любви впередъ быти; а царского в.—ва мысль на то крѣпко утвердилась, что хочеть съ шаховымъ в. быть въ крѣпкомъ братстве и въ дружбе и въ любви на веки неподвижно, мимо всѣхъ великихъ государей.

А будетъ шахъ или шаховы ближніе люди вспросять: пишеть царское в. къ шаху о казнѣ на помощь противъ своего недруга, и вы о томъ говорите,—какъ ныне государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. съ польскимъ королемъ? даетъ ли ему, государю, Богъ помощь надъ его недругомъ? И Федору и дьяку Богдану говорити шаховымъ ближнимъ людямъ: какъ волею всемогущаго Бога великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с., по племяни великихъ государей ц. и в. кн. російскихъ и по избранью всѣхъ людей Російскихъ государствъ, учинился на великихъ Російскихъ государствахъ великимъ государемъ ц. и в. кн. в. Р. с., и Божіею милостію, а своимъ царскимъ счастьемъ и премудрымъ разумомъ государства свои править мирно и не мятежно, и другомъ своимъ дружбу, а недругомъ недружбу доводитъ и польскихъ и литовскихъ людей изъ великихъ Російскихъ государствъ его царскимъ счастьемъ его царского в.—ва бояре и воеводы выгнали и его царского в.—ва города Російского государства, которые были въ смутное и въ безгосударное время засѣли польскіе и литовскіе люди, очистили и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили и живыхъ лутчихъ полковниковъ и ротмистровъ въ полонъ поимали больши 8.000 человѣвъ. И всѣ его царского в. государства подъ его царскою високою рукою въ соединеньѣ учинились и его царскому в.—ву служатъ съ радостью. А хоти и не вспросять, и Федору и Богдану и самимъ въ розговорехъ въ слову о томъ выговорити.

И будетъ учнуть ихъ спрашивати: колько государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. на помощь казны надобно, и они бѣ объявили,

а шахово в—во за то брату своему не постоить,—и Федору Исаковичю и дьяку Богдану Тимоѣеву говорити: имянно съ нами о томъ царского в—ва приказу нѣтъ, только велѣлъ намъ царское в. брату своему Аббасъ шахову в. о томъ говорити, чтобъ его, государя, для братцїе любви ссудилъ казною; а въ томъ шахъ воленъ: чѣмъ государя нашего ссудить, то государь нашъ царское в—во шаху и заплатитъ. Царское в—во ратнымъ своимъ людемъ, которые стоятъ противъ литовского, дастъ своего государева годового жалованья на годъ на два срока по 400.000 рублевъ—то стрельцомъ и казакомъ, oprичъ дворянъ и детей боярскихъ. Только съ нами о томъ не наказано, чего у шахова в—ва просити.

И будетъ шахъ или шаховы ближнїе люди учнутъ говорити, что шахъ царское величество деньгами ссудить, только бѣ было чему вѣрити, и учнутъ имъ говорити, чтобъ они въ томъ дали запись и крестъ на томъ целовали, что государю тѣ деньги заплатити, и учнутъ приговаривать сроки, или учнутъ говорити, чтобъ въ томъ далъ государь въ закладъ Астарахань, чтобъ они Астарахань въ закладъ записали и крестнымъ целованьемъ утвердили,—и Федору и Богдану говорити: съ нами о томъ не наказано, колько казны просити и какъ въ томъ крепитца, и намъ мимо государя своего наказъ собою ничего дѣлать нельзя; а послалъ бы шахово в. казну съ ними вмѣстѣ съ своими большими послы, съ ближними людьми, и съ ними бѣ о томъ наказалъ, какъ въ той казнѣ съ царскимъ в—мъ крепитца, и царское величество велитъ о томъ съ ними своимъ бояромъ ближнимъ говорити и закрепить; а царское в. государь праведной, премудрой, слово ево царское инако, что молвить, не бываетъ, въ томъ съ шаховымъ в—мъ въ нелюбѣ быти не похочеть, заплатити шаху тое казну по договору велитъ тотчасъ уворочными товары, которые въ его государстве ведутца.

А будетъ шахъ или шаховы ближнїе люди учнутъ говорити: какъ въ Астарахани былъ воръ Ивашко Заруцкой съ Маринкою и прислалъ воръ Ивашко Заруцкой къ шахову в. съ тѣмъ, будто онъ пришелъ въ Астарахань съ государскимъ сыномъ, и шахову бѣ в—ву за него вступитца и Московского государства людемъ ево не подать, и шахово в. ему не повѣрилъ, помочи никакіе ему не учинилъ и тѣхъ посланниковъ, которые къ шахову в. присланы были отъ Ивашка Заруцкого, Ивана Хохлова съ товарищи, къ государю отослалъ, и нынѣ бѣ царское в. за тое его братцкую дружбу и любовь свою любовь показалъ, поступилса Астарахани шахову в—ву, а шахово в—во и впередъ царскому величеству противъ его недруговъ своею казною помогати станеть и

будеть въ крѣпкой дружбе и въ любви, а Астарахань искони вѣкъ мусульманскаго закону и цари въ ней бывали мусульманскіе вѣры; а взялъ Астарахань царь и в. кн. Иванъ Васильевичъ в. Р. не въ давнихъ лѣтахъ,—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити шаху или его ближнимъ людемъ: то онъ великій государь шахъ Аббасово в. учинилъ, какъ есть великій и преславный государь, что такой воровской смуте не повѣрилъ и помочи ему никакіе не учинилъ, и великій государь нашъ его ц. в. за то будетъ его шахову в. противъ воздавать своею царьскою братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ возможно. А Астарахани чтобъ великому государю нашему его ц. в. поступитись шахову в—ву, и говорити непригоже, да и дѣло то не статочное: Астарахань за великими государя нашими изъ давнихъ лѣтъ, а бывали на Астарахани цари изъ рукъ государей нашихъ; а блаженные памяти при великомъ государе ц. и в. кн. Иване Васильевичѣ в. Р. астараханскіе цари учили быть непослушны, и за ихъ неправды великій государь, блаженные памяти ц. и в. кн. Иванъ Васильевичъ в. Р., къ Астарахани посылалъ бояръ своихъ и воеводъ со многими людьми, и Астарахань ему, государю, Богъ поручилъ. И съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста Астараханское государство было все за великими государя нашими цари російскими. Да и ныне зъ Божією помощію великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. отчину свою Астараханское государство можетъ подъ своею царьскою высокою рукою держать, и шахово бѣ в—во къ великому государю нашему къ его ц. в. тѣмъ нелюбья не казалъ: о томъ, чему нелзя статися, о Астарахани, говорити не велѣлъ. Великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. на шахова в—ва любовь былъ надеженъ и, смотрячи по прежней его ссылке зъ дядею великого государя нашего съ царемъ и в. кн. Ѳедоромъ Ивановичемъ в. Р. с. и съ царемъ Борисомъ и по нынешней присылке къ великому государю нашему, что шахово в—во писалъ и словомъ зъ гиланцомъ своимъ, съ Хоземъ Муртовою, и съ посланникомъ зъ Булатъ бекомъ приказывалъ, а хотѣлъ съ великимъ государемъ нашимъ съ его ц. в. быти въ братцкой дружбе и въ любви на веки неподвиженъ, не токмо Астарахани у великого государя нашего себѣ просилъ, и своихъ городовъ, Шамахи и Дербени, хотѣлъ великому государю нашему, для братцкіе дружбы и любви поступитись,—чаялъ великій государь нашъ въ шахове величестве всего добра. А ныне, невѣдомо какими обычай, вы, шахова в. ближніе люди, говорите, чего недругъ недругу пе дѣлаеть, и шахово бѣ в. и въ мысли себѣ того не держалъ, что царьскому в—ву Астарахани поступитца. Мы о томъ отъ государя

своего и говорити страшимся. Да и вамъ, ближнимъ людямъ, пригоже о томъ шахову в—ву говорити, чтобъ шахово в—во зъ государемъ нашимъ недружбы не вчиналь, о Астарахани такихъ словъ говорити не велѣль, и того бъ они въ мысли не держали.

А нѣчто шаховы ближніе люди учнутъ спрашивати, чтобъ имъ
„ сказали подлинно, какими обычей въ Російскихъ государствахъ смута сталася отъ польскихъ и литовскихъ людей, и какая рознь была, и какъ Російское государство Богъ отъ польскихъ и литовскихъ людей свободиль, и какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ,—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити: какими обычай въ Російскихъ государствахъ смута сталася отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей и какая рознь была, и какъ Російское государство Богъ отъ польскихъ и литовскихъ людей свободиль, и какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и о томъ о всемъ подлинно писалъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. къ брату своему, къ великому государю ихъ, къ шахъ Аббасову в., въ грамоте своей съ посланники своими, съ Михайломъ Тихановымъ да съ Олексѣемъ Бухаровымъ, да и рѣчью, чаютъ, въ разговорехъ шахову в—ву и имъ, ближнимъ людямъ, царьского в—ва посланники, Михайло и Олексѣй, про то про все объявляли же и имъ про то про все и до нихъ вѣдомо. А будетъ они и отъ нихъ ныне про то похотятъ вѣдати, и они имъ про то расскажутъ подлинно жъ: какъ Божиимъ судомъ великого государя царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., нынешняго великого государя нашего дяди, въ животѣ не стало, оставя земное царство, отъиде въ вѣчное блаженство. А после его, великого государя, по избранью Московского государства всякихъ чиновъ людей былъ на Московскомъ государстве и на всѣхъ великихъ государствахъ Російского царствія ц. и в. кн. Борисъ Ѳедоровичъ в. Р., и въ прошломъ во 109-мъ году присылалъ къ царю Борису Жигимонтъ король польской и литовской пословъ своихъ великихъ, канцлѣра великого княжества Литовского Льва Сопѣгу съ товарищи, и приговорили тѣ послы царьского в—ва зъ бояры перемирье межъ государемъ ц. и в. кн. Борисомъ и межъ Жигимонтомъ, королемъ польскимъ и литовскимъ, и межъ великихъ государствъ на дватцать на два года съ лѣта 7109-го по лѣто 7131-й годъ. И то перемирье царь Борисъ и Жигимонтъ король крестнымъ целованьемъ своими душами закрепили, что было въ тѣ перемирные лѣта государемъ и государству зъ государствомъ быти въ миру и въ дружбе и въ любви,

а войны и некоторые недружбы не всчинать и людей въ землю Московского государства не всылать, и черезъ свою землю никакихъ воинскихъ людей не пропускати, и недругомъ никакими людьми и казною не помогать. И после того укрепления вскоре нѣкоторой воръ чернецъ еретикъ, именемъ Гришка Отрепьевъ, изъ Московского государства за нѣкоторые за злые свои богомерские дела збежалъ въ Литву и, скинувъ съ себя черное платье, и врагомъ рукописаніе на себя далъ: аще приметъ царскій престолъ, то отъ Бога отлученъ будетъ. И назвался царевичемъ Дмитреемъ углетцкимъ, дѣда великого государя нашего великого государя ц. и в. кн. Ивана Васильевича в. Р. сыномъ; а царевича Дмитрея углецкого не стало до того времени за тринадцатъ лѣтъ. И какъ тотъ воръ рострига пришолъ въ Литву и по совѣту и умышленью польсково радново пана воеводы сендомирсково Юрья Мнишка пристали къ тому вору князь Адамъ да князь Костянтинъ Вишневецкой, да острянской староста Михайло Ратомской и иные многіе польскіе и литовскіе люди, и привели того вора Гришку ростригу къ Жигимонту королю, именуячи его государскимъ сыномъ, будто они про него подлинно вѣдаютъ, что онъ сынъ великого государя ц. и в. кн. Ивана Васильевича в. Р. царевичъ Дмитрей углецкой; а тотъ воръ билъ челомъ королю о помощи, чтобъ ему быти на Московскомъ государстве государемъ. И король Жигимонтъ, поруша мирное постановеніе и преступивъ свое крестное целованіе, что утвержено было съ царемъ Борисомъ ихъ душами, тому вору на вспоможеніе далъ многую казну и людей противъ царя Бориса и Московского государства. А воевода сендомирской Юрья Мнишекъ зговорилъ за того вора дать дочь свою Марину, которая была съ воромъ с-Ювашкомъ Зарутцкимъ въ Астарахани, и многую ему казну на вспоможеніе далъ, и самъ съ нимъ на Украину Московского государства съ ратными людьми пошолъ. И пришолъ тотъ воръ Гришка Отрепьевъ и воевода сендомирской со многими съ польскими и съ литовскими людьми на Украину Московского государства въ Сѣверскіе города безвѣстно. А царь Борисъ, вѣдаючи мирное постановеніе и межъ собою съ Жигимонтомъ королевемъ о томъ укрепленье, въ Сѣверскихъ городехъ отъ Литовскіе Украины прибыльныхъ ратныхъ людей не держалъ. И тотъ воръ нѣкоторые Сѣверскіе города, оплоша, взатьемъ взялъ; а иныхъ городовъ Московского государства учалъ достигать, и грамоты король учалъ отъ себя писать на смуту во всѣ города Московского государства ко всякимъ людямъ, именуячи того вора великого государя ц. и в. кн. Ивана Васильевича в. Р. сыномъ, царевичемъ Дмитреемъ углетцкимъ, чтобъ противъ его не стояли. И отъ того ихъ

смутного письма въ украинныхъ въ дальнихъ городѣхъ незнающіе простые люди изъ Дону и съ Волги, и съ Яика воры казаки почали быть въ смуте, къ тому вору приставать. А многіе люди Московского государства, помня Бога и свои души, на чомъ царю Борису правду учинили, крестъ целовали и вѣдая про царевичеву князь Дмитрееву Ивановича смерть, противъ того вора и польскихъ и литовскихъ людей стояли и съ ними билися во многихъ мѣstechъ, и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побивали. И въ то же время Божиимъ судомъ царя и великого князя Бориса Ѳедоровича в. Р. въ животѣ не стало и въ государствѣ Московскомъ учала быть рознь и межъусобная брань, и кровопролитье. Которые повѣрили таковой смуте, и къ тому вору пристали многіе люди и бояръ и воеводъ, которые были въ полкахъ и по городомъ, связавъ, къ тому вору приводили и вражьимъ дѣйствомъ, а умышленьемъ и вспоможеньемъ Жигимонта короля польсково и литовского тотъ воръ дошелъ до царствующаго града Москвы, и злокозненнымъ дьявольскимъ дѣйствомъ тотъ воръ богоотступникъ еретикъ и царьского престола достигъ, и государемъ московскимъ именовался. А съ нимъ пришли въ царствующій градъ Москву многіе польскіе и литовскіе люди. И учинясь на Московскомъ государстве тотъ воръ государемъ, многихъ бояръ и воеводъ, и всякихъ людей по городомъ въ заточенье розослалъ, а иныхъ смертными казнями казнилъ. А потомъ къ тому вору пришелъ изъ Литвы воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ со многими польскими и литовскими людьми; а привезъ съ собою воевода сендомирской, по договору съ тѣмъ воромъ, дочь свою Марину и далъ ему въ жену. Да съ воеводою жъ сендомирскимъ вмѣсте пришли отъ короля къ тому жъ вору послы Миколай Олешницкой, кашпелянъ Мологотцкой, да Александръ Гасевской, дворянинъ королевской, поздравляючи его на государстве и объявляючи ему король свою дружбу, что онъ учинился на Московскомъ государстве его королевскимъ вспоможеньемъ. И будучи на Москвѣ, польскіе и литовскіе люди по велѣнью того вора почали вѣре крестьянской многое поруганье чинити и Московского государства людямъ многое насильство дѣлали. И умыслилъ былъ тотъ воръ, Гришва, съ поляки митрополитовъ и архіепископовъ, и бояръ, и воеводъ, и всякихъ чиновъ людей лутчихъ побити, а Московское государство къ Польше и къ Литвѣ прилучити, а нашу истинную православную крестьянскую вѣру греческаго закона разорити, а свою латынскую вѣру утвердити, а государство Московское великое и широкое изъ дальнихъ мѣсть, изъ Сибири и изъ Астарахани, и изъ иныхъ мѣсть въ годъ одва приезжаютъ, и многіе ратные люди въ то время были въ такихъ въ дальнихъ мѣstechъ. А

которые Московского государства люди были въ Московскомъ государстве и вѣдали про того вора, да стати противъ его не могли: служилые всѣ люди были въ отъѣзде. А какъ служилые и всякихъ чиновъ люди съѣхались изъ дальнихъ мѣстъ и, соединясь единомышленно и облича того вора, по его злымъ воровскимъ дѣломъ злой смерти предали; а воеводу сепдомирского въ дочьрю и его пріятелей Вишневецкихъ и иныхъ, и многихъ польскихъ и литовскихъ людей бояре отъ смерти уберегли. А посломъ королевымъ ни въ чемъ нивоторого бесчестья не учинено и честь имъ была, и кормъ давали по посольскому обычаю по прежнему, безъ убавки. И вскоре по убивке того вора Московского государства бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ люди служилые и земскіе избрали на Московское государство и на всѣ государства Російскаго царствія государемъ изъ бояръ отъ рода суздальскихъ князей князя Василья Ивановича Шуйсково. И учинясь на государстве, царь и в. кн. Василей Ивановичъ в. Р. послалъ въ Литву къ Жигимонту королю посланниковъ своихъ князя Григорья Волконского да дьяка Ондрѣя Иванова, объявляючи ему про свое государство и припоминая ему его неправду, какъ онъ свое крестное целованье преступилъ и мирное постановенье порушилъ, такую смуту и напрасное кровопролитіе въ людехъ учинилъ, и прислалъ бы къ нему пословъ своихъ, наказавъ имъ подлинно, какъ такіе великіе неправды, которые учинились съ его сторону, исправить и многіе неисчетные убытки, которые учинились отъ него Московскому государству, заплатити. И Жигимонтъ, король польской, съ тѣми посланники къ царю Василью писалъ и приказывалъ, что онъ о всякихъ добрыхъ дѣлехъ шлетъ къ нему своихъ посланниковъ и къ посломъ своимъ, которые въ то время были на Москвѣ, подлинной указъ свой пришлетъ, какъ имъ о всякихъ о добрыхъ дѣлехъ договоръ учинити и становити. И прислалъ къ царю Василью Жигимонтъ король посланниковъ своихъ Станислава Литовского, Войскога Парцовского, да князя Яна Здрутца Соколинского, секретарей своихъ; а самъ король и паны рада, умысла Московское государство разорити больши прежнего, устремилися въ Московскомъ государстве смуту дѣлати и кровь напрасную проливать, велѣлъ пустить славу во всѣ пограничные мѣста Московского государства и на Донъ хъ казакомъ, бутто тотъ воръ, которой былъ на Москвѣ государемъ, съ Москвы уполъ и у нихъ въ Польшѣ, а въ его мѣсто бутто убитъ нѣкоторой литвинъ. Да умысла и изыскавъ, выслалъ на Украину Московского государства въ Сѣверскую землю иного вора родомъ жидовина, называючи его царемъ, тѣмъ же именемъ, которымъ прежней воръ рострига назывался Дмитреемъ,

буто тотъ воръ съ Москвы отъ убивства убежалъ. А къ нему пришли на Украину по королевскому велѣнью князь Романъ Ружинской да Александръ Збаровской, да князь Адамъ Вешневетцкій, да Янъ Петръ Сашъга, да Самойло да Янъ Тишкѣвичи, именуячися гетманы и полковники и иные полковники и ротмистры со многими польскими и съ литовскими людьми и почали розсылати смутные грамоты во всю Сѣверскую землю по городомъ и по мѣстамъ, именуячи тово вора прежнимъ вормъ Дмитреемъ, и многіе малодушные сѣверскихъ и украинскихъ городовъ казаки и боярскіе холопи, и худые люди такимъ ихъ смутнымъ грамотамъ повѣрили; а иные, видя отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей себѣ разоренье и войну, къ тому вору пристали, и почала быть въ людехъ рознь и кроворозлитье болши прежнево, и многіе города сѣверскіе, и отъ Польскіе Украины тому другому вору почали здаватца для многіе войны и разоренья отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей. А потомъ тотъ воръ, собрався съ польскими и съ литовскими со многими людьми и съ казаки, и съ червасы, устремились итти подъ царствующій градъ Москву и, пришедъ блиско Москвы, табаромъ сталъ, и по городомъ въ уѣзды войну распустилъ, и почали Московское государство разоряти, села и деревни жечь и людей въ полонъ имать. а иныхъ побивать и грабить, и кровь напрасную проливать безъ милости, и къ царствующему граду Москвѣ приступать. А которые послы и посланники Жигимонта короля въ то время были на Москвѣ и они, по приказу Жигимонта короля, и видя такое разоренье Московскому государству, некоторово доброво дѣла не дѣлали, хъ королю о его неправде не посылали и тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые пришли съ вормъ, отъ кроворозлитія не унимали, а говорили многіе высокіе мѣры, и говоря много зъ бояры по многіе дни сьезжались, приговорили перемирье межъ царемъ Васильемъ и польскимъ Жигимонтомъ королемъ и межъ ихъ государствъ вновь на четыре годы на томъ, что царю Василью отпустить въ Литву воеводу сендомирсково зъ дочерью и всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые задержаны были на Москвѣ въ ихъ неправдахъ. А королю было, какъ отъ пословъ вѣсть къ нему придетъ, польскихъ и литовскихъ людей, которые съ вормъ, изъ Московского государства вывести всѣхъ до одново человекъ. А о большихъ дѣлахъ, о договоре, какъ тѣ нарушеные дела исправить, и о убыткахъ, что учинилося Московскому государству отъ короля, слати на сѣздъ на рубежъ съ обе стороны большихъ пословъ и о всемъ о добромъ дѣле договоръ учинити и поставити. Да на томъ на всемъ царъ Василей литовскому Жигимонту королю на перемирной

грамоте крестъ целоваль; а за короля послы его и посланники крестъ целовали. И отпущены тѣ послы и посланники королевы отъ царя Василья съ честию по прежнему обычаю; а съ ними вмѣсте отпущены воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ зъ дочерью и съ его пріатели и многіе именитые польскіе и литовскіе люди, которые были задержаны въ Московскомъ государстве за ихъ неправды. А на томъ воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ и сынъ его староста сенатцкой да Жигимонтъ Тарло и иные паны лутчіе за всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые отпущены, присягу дали, крестъ целовали, что было имъ къ тому вору, которой стоитъ подъ Москвою, не пристати и съ польскими и съ литовскими людьми, которые при томъ воре, въ соединенье не быть и Московскому государству лиха никоторого не дѣлать. Да и проводить ихъ до границы царь Василей людей своихъ послалъ. И воевода сендомирской, по королевскому жъ велѣнью, съ своими пріатели то крестное целованье преступили: вышедъ изъ царствующаго града Москвы, съ тѣмъ воромъ, которой въ то время стоялъ подъ Москвою, и съ польскими и съ литовскими людьми, которые были при томъ воре, сослались и московскихъ провожатыхъ, которые ихъ посланы провожати, многихъ побили, а иныхъ въ полонъ поимали. А сами послы Жигимонта короля Миколай Олешницкой, каштелянъ мологоцской съ товарищи и воевода сендомирской съ своими пріатели и зъ дочерью пришли къ тому вору въ таборы. И пришедъ къ тому вору въ таборы, воевода сендомирской и дочь свою за тово другою вора далъ и съ нимъ былъ въ таборехъ, и на всякое зло ево поучали, и обычаи всякіе прежнего вора росстриги тому вору рассказали, и по его злому совѣту и умыслу тотъ воръ пытался къ государству Московскому всякими мѣрами розными бои и приступомъ къ городу. И Божіею милостію тотъ воръ у Москвы хотѣнья своего не получилъ: многихъ у него польскихъ и литовскихъ людей, изъ Москвы выхода, побили и изъ табора ихъ выгнали. И тотъ воръ съ польскими и съ литовскими людьми, выбѣжавъ изъ таборъ изъ подъ Москвы, учалъ стояти въ городе въ Колуге, отъ Москвы во сте восьмидесять верстахъ и учалъ ссылатись съ литовскимъ зъ Жигимонтомъ королемъ о всякомъ зломъ умысленѣ на разоренье Московского государства. А Жигимонтъ король того нового перемирья и крестного целованья пословъ своихъ и посланниковъ, что закрепили на Москвѣ при царѣ Василье, нимало не здержалъ, на большое кроворозлитье устремился, не токмо бъ что по договору пословъ своихъ и посланниковъ и по ихъ крестному целованью изъ Московского государства польскихъ и литовскихъ людей

вывести, и самъ пришолъ ратью и съ нарядомъ Московского государства къ городу къ Смоленску со многими польскими и съ литовскими и иныхъ розныхъ земель съ наемными людьми. И городъ Смоленскъ осадивъ, по городу изъ наряду велѣлъ бити, розными приступы и подкопы города Смоленска доступалъ, не памятуя своего прежнего и пословъ своихъ послѣднихъ крестного целованья. А подъ царствующій градъ Москву прислалъ гетмана польского Станислава Желковского и полковниковъ и ротмистровъ со многими жъ польскими и съ литовскими, и немецкими людьми. А вору, которой, отшедъ отъ Москвы, сталъ былъ въ Колуге, велѣлъ король итти со всѣми польскими и литовскими людьми подъ Москву-жъ, и стали подъ Москвою зъ дву сторонъ, съ одну сторону гетманъ польской Стаславъ Желковской и съ полковники и съ ротмистры со многими людьми; а зъ другую сторону съ вормъ гетманъ же Янъ Петръ Сапѣга со многими жъ польскими и литовскими людьми. А въ то жъ время, по ссылке литовского жъ Жигимонта короля, пришли въ землю Московского государства въ новгородскіе и во псковскіе мѣста немецкіе воинскіе люди. И царь Василей, оберегаючи своей земли, послалъ зъ бояры и съ воеводы свои дворъ многихъ ратныхъ людей въ Великій Новгородъ и во Псковъ; а на Москвѣ остались бояре и воеводы, и ратные люди немногіе, а иные бояре и воеводы, которые были по городомъ, Михайло Салтыковъ съ товарищи, забывъ Бога и свои души, на чомъ царю Василью крестъ целовали, изменили, отѣхали къ литовскому королю Жигимонту. И умысла съ ними, литовской Жигимонтъ король писалъ и приказывалъ зъ гетманомъ Станиславомъ Желковскимъ на Москву къ бояромъ и воеводамъ и всякихъ чиновъ къ людемъ служилымъ и жилецскимъ, бутто онъ, жалѣючи о крестьянстве и хотя Московское государство упокоити и кроворозлитіе унати, самъ пришелъ въ землю Московскую на украину, а гетмана Желковского послалъ подъ Москву бутто не для войны, для договору о добромъ дѣле, и чтобъ московскіе всякіе люди для покою крестьянского взяли на государство его королева сына королевича Владислава, а сынъ ево будетъ на Московскомъ государстве въ нашей православной крестьянской вѣре греческаго закона во всемъ по тому, какъ были прежніе великіе государи на Московскомъ государстве, и ни въ чемъ нивоторыхъ заповедей не порушати, да и листъ статейной король за своею рукою и за печатью къ бояромъ прислалъ, какъ сыну его быти на Московскомъ государстве; а въ листу король писалъ, что сыну ево быти на Московскомъ государстве въ нашей вѣре греческаго закона и во всемъ потому, какъ прежніе московскіе великіе

государи были, а съ нимъ польскимъ и литовскимъ людемъ на Москвѣ не быти и въ урядехъ на Москвѣ, и по городомъ, и въ порубежныхъ мѣстехъ полякомъ и литвѣ не быти жъ, и истинные нашіе православные крестьянскіе вѣры ничѣмъ не рушити, и костеловъ на Москвѣ и по городомъ не ставить, и вѣре нашей поруганья никоторого не дѣлать, также патриарха московского и митрополитовъ, и архіепископовъ и всего освещенного чину людей честно имѣти. А къ тому многіе иные земскіе дѣла въ томъ листу написаны по статьямъ, какъ было королевичю быти на государстве и правити всякіе дела по тому договору. И многіе люди Московского государства, которые были въ то время на Москвѣ, слыша такое королевское письмо, чая въ томъ правды и видя такое утесненье отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей, и въ осаде будучи, всякіе нужи и голодъ не мога терпѣти, почали быти въ шатости, а бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди, которые въ то время были на Москвѣ немногіе, били челомъ государю ц. и в. вн. Василью Ивановичю в. Р., чтобъ государство свое для покою крестьянского отставилъ. И царь Василей государство свое отставилъ, а многіе бояре и воеводы, и чашники, и стольники, и дворяне большіе, и дворяня изъ городовъ, и дети боярскіе, и стрельцы, и казаки, и всякіе служилые люди въ то время были въ дальнихъ мѣстехъ противъ немецкихъ людей и въ Сибири, и в-ыныхъ дальнихъ странахъ, а про то не вѣдали, что учинилось надъ государемъ на Москвѣ. И отстави государя отъ государства, московскіе бояре и воеводы, и дворяне, и всякихъ чиновъ люди, которые были на Москвѣ немногіе люди, отъ тесноты и отъ осады польскихъ и литовскихъ людей, избрали были на Московское государство Жигимонтова королева сына Владислава и съ польскимъ гетманомъ Станиславомъ Желковскимъ о всѣхъ статьяхъ, какъ королевичю быти на государстве, договоръ учинили и записью и крестнымъ целованьемъ утвердились, а целовали крестъ за Жигимонта короля польского и за сына ево Владислава, и за всю Польскую и Литовскую землю гетманъ корунной Станиславъ Желковской и полковники и ротмистры на томъ, что было гетману Станиславу Желковскому со всѣми польскими и литовскими людьми отъ Москвы отойти и воинскихъ людей всѣхъ изъ Московского государства вывести вонъ, а королю было отъ Смоленска отойти прочь въ Литву и Смоленску лиха никоторого не учинити. Да по тому договору и укрепленью пошолъ къ Жигимонту королю, подъ Смоленскъ съ Москвы великій господинъ митрополитъ Филаретъ ростовской и ярославскій, да въ послѣхъ бояринъ князь Василей Васильевичъ Голицынъ съ товарищи, и дворяня, и всякихъ чиновъ люди, а на Москвѣ почалъ быти

во правительстве и владѣти во всемъ, пріѣхавъ отъ короля по повелѣнью Жигимонта короля, Московского государства измѣнникъ, что былъ бояринъ Михайло Глѣбовъ сынъ Салтыковъ съ своими совѣтниками, которые были съ нимъ у короля, а гетманъ коруны польскіе Станиславъ Желковскій, преступя крестное целованье, отъ Москвы съ ратными людьми не отшелъ и, умысля вмѣстѣ Московского государства с-измѣнники, съ Михайломъ Салтыковымъ и съ его совѣтниками, по королевскому велѣнью, обманомъ, будто для береженья отъ воровскихъ людей польскихъ и литовскихъ, и немецкихъ людей, пустили въ Москву въ каменные города, и царя и в. кн. Василья и великихъ бояръ, братью его, отдали тому гетману Станиславу Желковскому, утаясь ото всѣхъ людей; а онъ ихъ отослалъ къ Жигимонту королю черезъ крестное целованье. И видя такіе злые дела, святѣйшій Гермогенъ патріархъ московскій и всеа Росіи тѣхъ измѣнниковъ въ ихъ злыхъ дѣлахъ обличалъ и по всѣмъ городомъ грамоты отъ себя писалъ, что Московскому государству разоренье и крестьянской вѣре порука чинитца; а король того приговору, на чомъ учиненъ зъ гетманомъ, съ Станиславомъ Желковскимъ, и крестнымъ целованьемъ укрепленъ, ничего не здержалъ и крестное целованье гетмана и полковниковъ, и ротмистровъ порушилъ, Московского государства великихъ пословъ у себя задержалъ, и многое имъ безчестье и тесноту подъ Смоленскомъ учинилъ и, перековавъ, разослалъ ихъ въ заточенье въ Польшу и въ Прусы, чего николи ни въ которыхъ государствахъ такъ надъ послы не доведетца, что Жигимонтъ король надъ ними, великими послы, учинилъ. А сына своего на государство Московское, по своему договору, не далъ и самъ отъ Смоленска не отшелъ. А польскіе и литовскіе люди, которые на Москвѣ вошли въ городъ, урядниковъ своихъ на Москвѣ и въ городѣхъ по приказомъ учинили и на Москвѣ жъ и по городомъ многіе сборы денежные и кормы немѣрные почали собирать, и Московского государства всякимъ людемъ великіе налоги и насильства учали чинити и истинной нашей православной крестьянской вѣре греческаго закону поруганье дѣлати, и костелы своей вѣры на Москвѣ учинили, и въ свою латскую вѣру учали Московского государства людей сильно приводити, и по городовымъ воротомъ и на городе нарядъ и въ казнѣ нарядъ же и зелье, и свинець, и ядра, и всякіе пушечные запасы польскіе и литовскіе люди взяли къ себѣ, и по городовымъ воротомъ и по улицамъ у решетокъ сторожей поставили своихъ польскихъ и литовскихъ, и немецкихъ людей, и учали приводить по нашей вѣре хъ крестному целованью на Москвѣ и въ городѣхъ на королевское на Жигимонтово имя, мимо сына ево, королевича

Владислава. И Московского государства бояре и воеводы и всякіе люди, видя ту королевскую неправду, многіжда о томъ къ Жигимонту королю писали и посылали говорить, чтобъ онъ, Жигимонтъ король, въ своей правде стоялъ, на чемъ душею его гетманъ корунной Станиславъ Желковской ко всему нашему Московскому государству за него и за сына ево, королевича Владислава, крестъ целоваль, сына своего, королевича Владислава, на Московское государство въ нашей православной крестьянской вѣре греческаго закона далъ вскоре и отъ города отъ Смоленска отшелъ, и ратныхъ своихъ людей изъ Московского государства вывести велѣлъ, и Московского государства пустошити и своей латынской вѣры розпространити въ нашемъ Московскомъ государствѣ не велѣлъ. И Жигимонтъ король польскій и паны рада, забывъ гетманского крестного целованья, и нашего прошенья не послушалъ и больши прежнего на всякое зло на Московское государство учили умышляти, сына своего, королевича Владислава, на Московское государство въ нашей вѣре по договору не далъ, и отъ Смоленска не отшелъ, и Смоленскъ за крестнымъ целованьемъ взятъемъ взялъ и многихъ бояръ и дворянъ, и всякихъ людей отъ мужеска полу и женска и до сущихъ младенецъ безъ милости побилъ, и неповинную многую кровь пролилъ. А которые ево польскіе и литовскіе, и немецкіе люди въ Москвѣ были, и тѣ, по ево жъ велѣнью, царствующій градъ выжгли и церкви Божьи и монастыри осквернили, и чесныя иконы и многоцелебныя чудотворныя мощи обругали, и патріарха Гермогена съ великимъ бесчестьемъ съ престола свергли и, въ заточенье посадя, уморили; а бояръ большихъ думныхъ, князя Ондрѣя Васильевича Голицына и иныхъ бояръ и дворянъ, и детей боярскихъ, и всякихъ служилыхъ людей и гостей и всякихъ торговыхъ и жилецкихъ людей безчисленное множество мужеска полу и женска и до сущихъ младенецъ побили и кровь многую неповинную пролили, а царскую казну, многое собранье изъ давнихъ лѣтъ прежнихъ царей, ихъ царскіе утвари и всякое царское достояніе хъ королю отослали и по себѣ, розграбя, роздели(ли), и царствующій градъ Москву польскіе и литовскіе люди засѣли. И видя такіе великіе беды и разоренье Московскому государству, а литовского Жигимонта короля неправду и злоковной ево умысль, и слыша то, что царя Василья къ литовскому королю отослали, царствующій градъ Москву засѣли, во всѣхъ городѣхъ Московского государства бояря и воеводы, и чашники, и стольники, и стряпчіе, и дворяня, и дети боярскіе, и всякіе служилые и жилецскіе люди, межъ собою сослава, совѣтъ учинили и крестнымъ целованьемъ укрепились, что всѣмъ противъ Жигимонта короля и сына ево Владислава за

истинную православную крестьянскую вѣру греческаго закона и за государство Московское на польскихъ и литовскихъ людей стояти за одинъ, и короля и королевича на Московское государство никакъ не хотѣть. И собрався, пришедъ подъ Москву, стояли подъ Московю два года, къ Москве, къ большому каменному городу и хъ Китаю и хъ кремлю приступали, и въ приступехъ и на выласкахъ польскихъ и литовскихъ людей побивали. И первое взяли каменной большой городъ и многихъ польскихъ и литовскихъ, и немецкихъ людей въ то взятые побили безчисленно и живыхъ поимали больши четырехъ тысячъ человекъ. А достальные польскіе и литовскіе люди сѣли въ Китаю да въ кремль и сидѣли цѣлой годъ. А бояре наши и всякіе ратные люди со всѣхъ сторонъ хъ Китаю и хъ кремлю приступомъ приступали и изъ наряду по городу били, и ежедень польскихъ и литовскихъ людей побивали. И въ прошломъ во 120-мъ году въ августѣ мѣсяцѣ прислалъ Жигимонтъ король къ польскимъ и къ литовскимъ людямъ къ московскимъ сидѣльцомъ на помощь гетмана литовскаго Карлуса Хоткѣева со многими польскими и съ литовскими, и съ немецкими людьми, и съ венгры, и иныхъ земель съ наемными со многими людьми. И Московскаго государства бояре и воеводы, и чашники, и стольники, и стряпчїе, и дворяне со многими ратными людьми гетмана встрѣтили, не допустя Москвы, и дѣло съ нимъ учинили, и билися съ нимъ, не сседаая съ коней три дни, день и ночь. И Божіею милостію гетмана Карлуса побили на голову и живыхъ въ полонъ взяли больши десяти тысячъ человекъ. А гетманъ побежалъ въ Литву не со многими людьми и послалъ о томъ отъ себя хъ королю, чтобъ король, собрався, самъ шолъ, а его побили. И король тотчасъ по гетманове присылке учалъ збиратца. И бояре и воеводы, слыша королевской зборъ, что, собрався, хочеть къ Москве самъ приходить, и пошли къ городомъ хъ Китаю и хъ кремлю приступомъ со всѣхъ сторонъ. И Божіею милостію Китай и кремль городъ взяли и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили больши пятинатцати тысячъ, а достольныхъ, пана Миволая Струса старосту хмелинсково и любетцого, которой тутъ былъ въ Москвѣ въ гетманское мѣсто, и капитановъ и ротмистровъ, и всякихъ служилыхъ людей взяли живыхъ зъ девять тысячъ человекъ. А какъ Божіею милостію царствующій градъ Москву бояре и воеводы, и всякіе ратные люди отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очистили, а король въ тѣ поры пришолъ въ Московское государство самъ, а съ нимъ гетманъ Карлусъ Хоткѣевъ со многими съ польскими и съ литовскими, и съ немецкими, и розныхъ земель

со многими съ наемными людьми, и бояре и воеводы противъ короля посылали воеводъ многихъ, а съ ними дворянъ и детей боярскихъ и всякихъ ратныхъ людей. И воеводы съ королемъ билися блиско Волока Ламсково два дни, не сседаая съ коней, и многихъ людей у короля побили, больши тысячи человекъ живыхъ взяли. И король съ того бою отшелъ въ Литву съ великимъ страхованиемъ, и по городомъ и по острожкамъ по многимъ, гдѣ польскіе и литовскіе люди сидѣли, въ Московскомъ государстве польскихъ и литовскихъ людей побили, и изъ Московскаго государства польскихъ и литовскихъ людей выгнали. А на великихъ государствахъ, на Владимирскомъ и на Московскомъ, и на Новгородскомъ, и на царствахъ Казанскомъ и Астраханскомъ, и на Сибирскомъ, и на всѣхъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія учинились по Божіей милости и по племяни великихъ государей царей російскихъ, и по избранію, и по челобитью Московскаго государства царей и царевичей, которые служатъ въ Московскомъ государстве, и бояръ и окольничихъ, и дворянъ, и детей боярскихъ, и гостей, и торговыхъ людей всѣхъ городовъ всего великаго Московскаго государства великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. И ныне подъ его царского в. высокою рукою всѣ его великіе государства въ соединенѣ и въ тишинѣ, и его царскимъ счастьемъ и къ Богу вѣрою и молитвою, и премудрымъ его царского в—ва разумомъ и бодроопаснымъ осмотрительствомъ строитца все доброе, и города Російскаго государства, которые были позасѣли въ смутное въ безгосударное время польскіе и литовскіе люди, Дорогобужъ, Вязму, Бѣлую, Путивль, Черниговъ и иные города, и тѣ всѣ города царского в—ва бояре и воеводы, и царского в—ва ратными очистили и польскихъ и литовскихъ людей многихъ побили и живыхъ поимали, и Литовскую землю во многихъ мѣстахъ воевали и города многіе, поймавъ, сожгли; а въ городѣхъ и на боѣхъ многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили, а живыхъ взяли полковниковъ и ротмистровъ, и капитановъ съ тѣми, что взяты на Москвѣ, больши 40.000 человекъ; въ одномъ царского в—ва городе въ Смоленске сидятъ польскіе и литовскіе люди, и подъ тѣмъ государя нашего люди стоятъ третей годъ неотступно и ни съ чѣмъ въ Смоленскъ не пропустатъ. А въ нынешнемъ во 124-мъ году по присылке пановъ радъ коруны польскіе и великаго княжества литовскаго къ великаго государя нашего царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. его царского в—ва къ бояромъ съезжались съ великаго государя нашего повелѣнья подъ царского в—ва отчиною подъ Смоленскомъ царского

в-ва зъ бояры, зъ бояриномъ и намѣсникомъ казанскимъ со княземъ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ, да зъ бояриномъ и намѣсникомъ нижегородскимъ со княземъ Олексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ Ярославскимъ, да съ окольниковъ и намѣсникомъ волужскимъ съ Ортемъ Васильевичемъ Измайловымъ съ товарищи, паны рада коруны польскіе и великого княжества Литовскаго князь Хриштопъ Казимирскій бискупъ кievскій, да гетманъ навышней великого княжества Литовскаго Карлусъ Хоткѣвъ, да Миколай Глѣбовичъ зъ Дубровны воевода Мстиславской, да гетманъ полной князь Хриштопъ Радивиль съ товарищи, межъ великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. с. и межъ польскаго Жигимонта короля о дружбе и о любви, а межъ государствъ о покое и о тишинѣ говорити и становити. А мириль великого государя нашего съ польскимъ королемъ цесарь римскій, и посоль его Радимуть Гodeliусъ тутъ же былъ на съѣзде. И доброе дѣло межъ государей ещо не ссталося. А на розходе былъ межъ государя нашего и польскихъ людей бой: засылали польскіе и литовскіе послы умышленемъ на государевыхъ людей полковника Томошевскаго со многими польскими и съ литовскими и съ неметцкими людьми, оплоша за ссылкою, только царского величества ратнымъ воеводамъ о томъ вѣдомо учинилосъ напередъ ихъ приходу. И царского в-ва воеводы посылали на нихъ царского в-ва лехкихъ воеводъ съ ратными людьми и тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей побили всѣхъ на голову. А полковника Томошевскаго и ротмистровъ всѣхъ ротъ, и порутчиковъ, и знаменщиковъ, и трубачѣвъ, и лутчихъ гусарей, и рейтаровъ поймали живыхъ съ четьреста человекъ. И ныне Смоленскъ отъ царскаго в-ва людей осаженъ крѣпко, голодъ польскіе люди терпятъ великой, ни съ чѣмъ къ нимъ царскаго в-ва ратные люди не пропустятъ; а которые похотятъ итти изъ города для кормовъ и для травы и тѣхъ побиваютъ, не выпускаютъ отъ города съ перестрѣлъ. И чаемъ, что ужъ Смоленскъ по ся мѣста царскаго величества воеводы взяли.

А хоти будетъ о томъ шаховы ближніе люди и не впросятъ, — и Ѳеодору и Богдану къ рѣчи про съѣздъ и про бой, что надъ литовскими людьми Богъ даетъ побѣду, рассказывати.

А нѣчто шахъ или его ближніе люди учнутъ говорити: въ грамоте царскаго в. къ шаху писано, и они сказываютъ про того, которой сперва назывался царевымъ Ивановымъ сыномъ, царевичемъ Дмитреемъ, называютъ его воромъ ростригою, а виделъ то шаховъ посланникъ „
“, которой былъ у цесаря римскаго и шель черезъ Польскую и Литовскую землю, и былъ у воеводы сендомирскаго, и при немъ

приходилъ посланникъ изъ Московскаго государства думной человекъ Оеонасей Власевъ и съ шаховымъ посланникомъ въ Литвѣ виделся, и были у воеводы сендомирскаго вмѣстѣ, и Оеонасей того Дмитрея называлъ прямымъ государевымъ царевымъ Ивановымъ сыномъ, и грамоты Московскаго государства бояре о томъ хъ королю прислали за своими печатями, бьючи челомъ о томъ королю, что король за него вступился и ему способствовалъ, а онъ прямой государской царевъ Ивановъ сынъ. И Оедору и дьяку Богдану говорити: Оеонасей Власевъ тому вору былъ совѣтникъ и другъ, и послалъ тотъ воръ Оеонася въ Литву тайно къ воеводе сендомирскому по дочеръ его, по Маринку, которая была и зъ Зарутцкимъ въ Астарахани. А даль тому Оеонасю тотъ воръ казну многую, и Оеонасю было какъ за того вора не говорити и государскимъ сыномъ не называти? А боярскихъ рукъ и печатей у грамотъ не бывало и королю о томъ не бивали челомъ, то все затевалъ король и паны рада собою. А рostrига, что будетъ съ своими совѣтниками и писали, и то онъ писалъ воровствомъ. А которые всякихъ чиновъ люди на того вора стали, въ его злыхъ дѣлахъ обличали, и за то тотъ воръ многихъ отъ святельскаго и священнаго чину, и отъ бояръ, и ото всякихъ людей побилъ и замучилъ разными смертми и въ заточенье розсылалъ, про то всему Російскому государству вѣдомо. Да чаемъ о томъ и шахову в. и вамъ, его ближнимъ людямъ, вѣдомо жъ отъ своихъ людей, которые бывали въ Російскихъ государствахъ. И посолъ Амиръ Али бекъ, чаю, про то вѣдаетъ же: онъ былъ въ Російскомъ государстве долгое время и онъ про все вѣдаетъ, что тотъ былъ воръ, вражья прелестъ, а не государской сынъ; а государъ царевичъ Дмитрей лежитъ съ прародители своими въ церквѣ Архангила Михайла и ныне ничѣмъ невредимъ. А того вора всѣмъ Російскимъ государствомъ, облпча, убили, и лежалъ онъ на лобномъ мѣсте на обличенье всѣмъ три дни, и тѣло его сваредное сожгли, и ныне его не тоємо костей, и праху злодѣйсково нѣтъ.

А будетъ шаковы ближніе люди учнуть говорити „ „, что писалъ государъ къ государю ихъ къ шаху въ своей грамоте и вы намъ говорите, что польской Жигимонтъ король по договору Московскаго государства зъ бояры сына своего Владислава королевича на Московское государство не даль и имъ то подлинно вѣдомо, какъ Московскаго государства бояре и воеводы Московское государство отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очистили, и вскоре после того приходилъ Жигимонтъ король къ Москве самъ и съ сыномъ своимъ, королевичемъ Владиславомъ, и сына своего Владислава королевича на

Московское государство давалъ, и Московскаго государства бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди сына ево, королевича Владислава, на Московское государство не похотѣли и ево не взяли, и тѣмъ ево обесчестили.—И Ѳедору и Богдану о томъ ближнимъ людямъ говорити: какъ Жигимонтъ король польской въ прошломъ во 119-мъ и во 120-мъ году преступилъ свое и гетмана своево корунного Станислава Желковскаго крестное целованье, пословъ Московскаго государства, Филарета митрополита и боярина князя Василья Васильевича Голицына съ товарищи, у себя въ Польше задержалъ, и городъ Смоленскъ черезъ крестное целованье взятъемъ взялъ, и церкви Божіи разорилъ, и кровь крестьянскую многую бесчисленную невинно пролилъ, и сына своего Владислава королевича по гетманскому договору въ нашей греческой вѣре на Московское государство вскоре не далъ, а хотѣлъ Московскимъ государствомъ самъ король къ Польше и къ Литвѣ завладѣти, и царствующій градъ Москву выжегъ и высекъ, и православную нашу крестьянскую вѣру обругалъ, и церкви Божіи, монастыри многіе разорилъ, — и Московскаго государства бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ всякіе люди всѣхъ городовъ всего великаго Російскаго царствія, собрався и учиня межъ себя благосоюзный крѣпкой совѣтъ, и крестнымъ целованьемъ межъ себя укрѣпились на томъ, что противъ польскаго Жигимонта короля и сына ево Владислава королевича, за его многіе неправды и крестопреступленье стати крѣпко и неподвижно и битись съ ними до смерти, и на Московское государство польскаго Жигимонтова королева сына Владислава королевича и изъ-иныхъ ни изъ которыхъ государствъ иноязычныхъ вѣръ, опричь греческіе вѣры, никого не хотѣти, а обрати на Московское государство государя греческаго закону, кого Богъ дастъ. И какъ по милости всемогущаго въ Троице славимаго Бога нашего Московскаго государства бояре и воеводы, и всякіе ратные люди литовскаго гетмана Карлуса Хоткѣва побили и царствующій градъ Москву у польскихъ и у литовскихъ людей взяли, и польской Жигимонтъ король, послыша то, пришелъ былъ къ Москвѣ самъ, а съ нимъ гетманъ Карло Хоткѣвъ со многими людьми; а королевичъ Владиславъ, сказываютъ, былъ съ нимъ же. А выходцы и языки многіе Московскаго государства бояромъ въ роспросе сказывали, что польской король однолично идетъ и досталъ на розоренье Московскаго государства и своихъ польскихъ людей, которые взяты на Москвѣ, выручать, а не сына своего на Московское государство давать, а того у него и въ мысли не было, что было ему сына своего Владислава королевича на Московское государство дати. Да хоти бѣ Жигимонтъ король въ тѣ поры ужъ и

похотѣлъ сына своего на Московское государство дати, а мы ужь всё крестнымъ целованьемъ на томъ укрепились, что сына его на Московское государство никакъ не хотѣти, о томъ и не мыслити, и черезъ крестное целованье, какъ что учинити, хоти было намъ всёмъ помереть, а Жигимонта короля и сына его ныне и впередъ на Московское государство государемъ не хотѣти. И къ Жигимонту королю Московского государства бояре и воеводы многижда о томъ писали, чтобъ онъ въ Московское государство за свои неправды не ходилъ и сына своего съ собою не водилъ. И Жигимонтъ король, забывъ Божіей помощи, превознесся гордостью, хвалясь на Московское государство до конца разорити, а насъ всёхъ православныхъ крестьянъ побити и въ плѣнъ поимати, въ Московское государство пошелъ со многими своими и съ наемными силами, гордостію распалаясь. И Московского государства бояря и воеводы, видя его злой умыслъ и превознесенную гордыню, возложивъ упованіе на всемогущаго Бога и на милость пресвятые Богородицы, видя свою передъ нимъ правду, прося у всевышняго Бога помощи, противъ короля посылали съ Москвы воеводъ со многими людьми. И Божією милостію, а пресвятые Богородицы молитвами Московского государства воеводы сошлись съ королемъ подъ Волокомъ Ламскимъ, отъ Москвы за девяносто верстъ, и польского короля побили и многихъ живыхъ поимали, и нарядъ вняли. И король съ того бою побежалъ съ великимъ страхомъ и зъ бесчестьемъ. А ныне Московсково государства бояря и воеводы и всякихъ чиновъ люди служатъ всё отъ мала и до велика съ радостію праведному и Богомъ избранному великому государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., соединясь всё вмѣсте. И Божією милостію, а великого государя нашего счастьемъ и бодроопаснымъ осмотрительствомъ во всемъ его Російскомъ царствіи вся добрая строитца и всё его государевы недруги отъ его царского имани трепещуть, и любви его царскіе въ себѣ желаютъ. А о Жигимонтове королеве сыне и говорити непригоже, что онъ надъ Московскимъ государствомъ неправду учинилъ, и всемогущій Богъ надъ ними и свыше того показалъ.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорити: шахово в-во, объявляючи къ великимъ государемъ царямъ и великимъ княземъ російскимъ и жалѣя о государстве Московскомъ, слыша въ немъ смуту и разоренье, посылалъ въ Московское государство посла своего Амиръ Али бека зъ добрымъ дѣломъ съ московскими людьми, которыхъ высвободилъ изъ рукъ турскихъ людей, да въ Московское жь государство посылалъ гонца Мегибъ бека, да къ цесарю послалъ вмѣсте съ цесаревымъ посломъ посла Мурши Булы бека и иные шаховы люди,

и купчины по шахову велѣнью ѣздили въ Московское государство, и изъ нихъ отпущенъ къ шаху только одинъ посланникъ Амиръ Али бекъ, а тѣ всѣ и по ся мѣста были задержаны, и то дѣлаецца не по прежнему: преже сего шахова в-ва людей не задерживали и честь имъ была во всемъ.

И Оедору и дьяку Богдану говорити: вѣдомо государя вашего послу, Амиръ Али беку, какая смута была въ Російскомъ государстве отъ польского короля и отъ пановъ радъ, первое: ворами насылаючи, Московское государство разорялъ; а послѣднее: съ сыномъ за крестнымъ целованьемъ хотѣлъ Московскимъ государствомъ самъ къ Польше и къ Литвѣ завладѣти. А какъ посланники его пришли въ Астрахань, а Астрахань въ тѣ поры была въ смуте, и ихъ изъ Астарахани прислалъ подъ Москву въ таборъ къ вору, которой назывался царевичемъ Дмитреемъ, въ первого вора въ ростригино мѣсто, и будучи они подъ Москвою, и вражью прелесть и смуту всю видели сами, на тѣхъ ворѣхъ и пытати нѣчего, все было воровское, злое, разбойниче. А какъ воръ исъ подъ Москвы побежалъ, и польскихъ и литовскихъ людей исъ таборъ выгнали, и посла Амиръ Али бека и гонца Мегибъ бека съ людьми царь и в. кн. Василей Ивановичъ в. Р. велѣлъ взяти исъ таборъ къ Москве и на Москвѣ имъ велѣлъ кормъ давати и честь держати, какъ есть великого государя посломъ. А быти имъ у царя Василья нелучилось, что его, государя, зашли многіе скорби и кручины, видя въ государстве смуту и рознь. А хоти будетъ имъ въ тѣ поры въ кормѣхъ и недостатокъ былъ, и они сами видели, какъ было опустошено и разорено и царствующій градъ Москва былъ въ осаде, во всемъ было недостаточно. А какъ царь Василей по челобитью московскихъ людей государство отставилъ, а избрали были на Московское государство королевича и что надъ царствующимъ градомъ здѣлалось, то шаховъ посоль Амиръ Али бекъ и гонецъ Мегибъ бекъ сами видели, никто былъ московскихъ бояръ въ тѣ поры неволснъ, что было дѣлать. А какъ посоль Амиръ Али бекъ съ Москвы отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей ушелъ въ полки къ бояромъ и воеводамъ, и ему бояре и воеводы честь воздали, кормъ велѣли давати доволенъ и отпустили его по его воле въ Нижней, и тамъ ему кормъ былъ доволенъ, и честь во всемъ по посольскому обычею. А гонецъ Меги бекъ сидѣлъ въ Москвѣ съ польскими и съ литовскими людьми въ осаде и до тѣхъ мѣстъ, какъ царского в-ва бояре и воеводы царствующій градъ Москву взяли. А какъ Москву взяли, и гонцу Меги беку во всемъ честь же учинили и отпустили

его съ Москвы въ Нижней по его жь воле и кормь доволенъ велѣли давати, а хотѣли ихъ отпустить къ шахову в-ву, да не отпустили за тѣмъ, что Астарахань въ тѣ поры была въ смуте и дорога затворена. А какое будетъ бесчестье или будетъ животы и товары какіе у шаховыхъ людей въ таборехъ и на Москвѣ и въ Колуге поимали воры, и то дѣлали польскіе и литовскіе люди, и Московского государства измѣнники, которые разоряли Московское государство въ таборехъ и на Москвѣ вмѣсте съ польскими и съ литовскими людьми, и того сыскать негдѣ, то шахову в. самому вѣдомо, какая была казна несчетная прежнихъ великихъ государей царей російскихъ собранье отъ многихъ лѣтъ, всякіе царскіе дорогіе вещи, чаемъ, ни въ которыхъ государствахъ такихъ дорогихъ вещей не бывало, то все польскіе и литовскіе люди Московского государства с-измѣнники розграбили и къ королю отослали, а иное по себѣ розделили, и церкви Божіи и чудотворные гробы розорили. А Московского государства бояре, будучи въ неволе, и за то не устояли, не токмо что было за пословъ стоять. А что шахово в. посылалъ посла своего Муршы Кулы бека черезъ великіе Російскіе государства къ московского государя нашего брату къ цесарю римскому съ цесаревымъ человѣкомъ, съ Юсуомъ, вмѣсте, и тѣхъ пословъ царского в-ва бояре къ цесареву величеству пропустили честно жь и кормь, и подводы давали довольно, и своего гонца, объявляючи королевскіе неправды, къ цесарю съ ними вмѣсте посылали. И цесарь шахова в-ва посла Муршу Кулы бека и своего человѣка Юсуа отъ себя отпустилъ опять къ шаху, а шли они отъ цесаря въ великого государя нашего государство черезъ Польскую и Литовскую землю, и ихъ было и пропустить не довелось для того, что польской и литовской король Московскому государству злой недругъ, многую смуту и разоренье учинилъ Московскому государству, чего и говорить нельзя. А по всецедраго Бога милости великій государь нашъ ц. и в. ен. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. въ тѣ поры ужь на великіе Російскіе государства избранъ, а шолъ на свой царской престолъ къ Москвѣ изъ Ярославля и онъ, государь, для шахова в. любви велѣлъ ихъ принять честно и кормь давати велѣлъ доволенъ. А какъ государь пришелъ къ Москве на свой царской престолъ, и его ц. в. шахову послу Муршы Кулы беку велѣлъ видети свои царскіе очи и отпустить ихъ велѣлъ въ Казань по ихъ воле, и кормь и подводы, и честь велѣлъ имъ во всемъ воздавати. А какъ его царскому в-ву извѣстно учинилось о шахове послѣ Амиръ Али бекъ, что онъ въ Нижнемъ, и великій государь нашъ его ц. в. послу Амиръ Али беку

велѣлъ быти къ Москвѣ тотчасъ и велѣлъ ему видети свои царскіе очи вскоре, и принялъ его, и рѣчи его выслушалъ любительно. И, вѣдая великій государь нашъ его ц. в. братственную крѣпкую любительную дружбу и любовь Аббасъ шахова в-ва зъ дядею своимъ, съ великимъ государемъ блаженные славные памяти съ царемъ и в. кн. Ѳеодоромъ Ивановичемъ в. Р., и съ царемъ Борисомъ, и хотя по тому жъ съ шаховымъ в-мъ быти въ братственной въ крѣпкой дружбе и любви, посылалъ государство свое обестити и здоровье свое сказыти, а шахова в-ва здоровье видети и польсково Жигимонта короля неправды объявити посланниковъ своихъ Михайла Тиханова да Олексѣя Бухарова, и шахова в-ва посла Амиръ Али бека отпустилъ съ ними жъ царского величества послы вмѣсте, съ Волги, съ Самары полемъ степью, куды преже сего межъ ихъ государей послы и посланники, и гонцы не хаживали. А тѣхъ всѣхъ шаховыхъ людей отпустить было туды нельзя: прямая дорога межъ государствъ на Астараханъ и Астараханъ въ тѣ поры ещо царскому в-ву не добила челомъ. А ныне, какъ по милости Божіей, а великого государя нашего ц. в-ва счастьемъ, а астраханскіе люди вины свои принесли, царскому в-ву добили челомъ, и дорога на Астараханъ отворилась, и великій государь нашъ ц. в. шаховыхъ людей всѣхъ, посла Муршу Кулы бека и гонца Мегибъ бека, и купчинъ, Хозя Незамедина и Хозя Муртозу, къ шахову в-ву отпустить велѣлъ давно.

А будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорить о цесаревыхъ посланникехъ, о Юзуеѣ да о Адаме Дорне, что онѣ посланы отъ цесаря къ шахову в-ву и царское в-во для чего ихъ въ своемъ государстве велѣлъ задержать и къ шаху ихъ не отпустить?— и Ѳеодору и дьяву говорити: про цесаревыхъ посланниковъ, про Юзуеа и про Адама Дорна, шахову в-ву и имъ, ближнимъ людямъ, объявляютъ: какъ по милости и воле всемогущего Бога и по племяни великихъ государей царей російскихъ и по избранью, и по челобитью всѣхъ людей Московского государства великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ и венчался царскимъ своимъ венцомъ и діадимомъ по древнему своему царскому чину и достоянію, и того жъ лѣта пришелъ въ великого государя нашего государства великого государя вашего шахъ Аббасова в-ва посланникъ Муршы Кулы бекъ, а съ нимъ вмѣсте пришелъ отъ цесаря посланникъ цесаревъ Юзуеъ, и приказывалъ тотъ Юзуеъ царского в-ва бояромъ и въ розговорехъ говорилъ, что онъ посланъ великого государя нашего отъ брата, отъ Матяша

цесаря, къ брату жъ великого государя нашего къ шахъ Аббасову в-ву въ послѣхъ для великого доброво дѣла, которые годны всѣмъ великимъ государемъ, и великому бѣ государю нашему для государя ево, Матьяша цесаря, братцкіе любви пропустить къ шахову в-ву черезъ свои великіе государства. А шель онъ, Юзуеъ, въ великого государя нашего государства черезъ злово царского величества недруга Польскую и Литовскую землю и у польского короля былъ, и великому было государю нашему черезъ свои великіе государства и пропустить непригоже, потому что онъ шель черезъ польского короля землю и у польского короля былъ, а польского Жигимонта короля многіе неправды къ великому государю нашему и къ его великимъ государствамъ, ему, великому государю вашему, шахъ Аббасову в-ву да и во всѣхъ окрестныхъ государствахъ вѣдомы, и великій государь нашъ его ц. в., хотя зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в. быти въ крѣпкой братственной сердечной дружбе и любви, черезъ свои великіе государства пропустить было ево къ шахову в-ву велѣлъ и почестъ ему велѣлъ чинити во всемъ по посольскому обычею и отпустить ево велѣлъ своего царского в-ва въ вотчину, въ Казань, не на долгое время, покамѣста къ шахову в. въ Перситцкое государство дорога на Астараханъ очиститца, и кормъ ему давать велѣлъ доволенъ. И тотъ цесаревъ посоль Юзуеъ, будучи въ великого государя нашего государстве въ Казани, почаль дѣлать не посольскимъ обычаемъ, лазучествомъ учаль къ себѣ призывать польскихъ и литовскихъ людей, которые сидѣли великого государя нашего въ государстве въ Москвѣ и Московское государство разоряли, и кровь крестьянскую невинно проливали, а ныне взяты въ полонъ, и съ ними почаль о всякомъ злѣ на великого государя нашего и на ево великіе государства умышлять, и съ польскимъ королемъ грамотки и словеснымъ приказомъ ссылатца. И въ томъ на него многіе польскіе и литовскіе люди и его, Юзуеовы, люди свидѣтельствовали и обличали, и грамотки за ево, Юзуеовою, рукою и печатью у него къ польскому королю и къ паномъ раде выняли. А писалъ Юзуеъ въ тѣхъ своихъ грамоткахъ хъ королю и къ паномъ раде измѣною и воровствомъ про великого государя нашего государства, затѣявъ многіе смутные рѣчи, чего не бывало и впередъ, по милости Божіей и великого государя нашего счастьемъ, не будетъ. Да и великого государя вашего шахъ Аббасовъ посланникъ Муршу Кулы бекъ, будучи на Москвѣ и въ Казани, царского в-ва къ бояромъ про того Юзуеа приказывалъ, что онъ, цесаревъ посоль Юзуеъ, идучи въ великого государя нашего

государство Польскою землею, у польского короля былъ и пришелъ де онъ въ великого государя нашего государство по приказу польского короля на смуту жъ, и къ брату нашему, къ великому государю, къ шахъ Аббасову в-ву проситца, хотя великого государя нашего съ шаховымъ в-мъ ссорить, а не для доброго дѣла. И великому государю нашему того Юзуа ныне и впередъ за такое его многое воровство и измѣну къ шахову в-ву и къ государю его, къ цесарю, изъ своего государства отпустить нивакъ невозможно, и къ государю его къ цесарскому в-ву, великій государь нашъ про то его воровство и измѣну писалъ.

А цесарской же посоль Адамъ Дорнъ пришелъ въ великого государя нашего государство царского величества съ переводчикомъ съ Еремѣемъ Еремѣевымъ вмѣстѣ; а посланъ былъ тотъ переводчикъ къ Матѣяшу цесарю царского в-ва отъ бояръ и ото всеѣ земли до обиранья на всѣ великіе Російскіе государства великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р., а та смута, которая учинилась въ великихъ Російскихъ государствахъ отъ польского короля въ тѣ поры еще не поминалась и дорога еще къ шахову в-ву въ персидское государство въ тѣ поры была не очищена для того, что по Жигимонтовѣ жъ королевской ссоре и злему его умышленью царского в-ва отчина Астраханское государство было въ смуте, были въ Астарахани воры, Ивашко Зарутцкой да воеводы сендомирского дочь, воровская жена, Маринка, и по Жигимонтову велѣнью смуту дѣлали. А дорога къ шахову в. въ Персидское государство изъ нашихъ государствъ одна: рѣкою Волгою, на Астарахань. Про то шахову в-ву самому вѣдомо. И великій государь нашъ цесареву послу указалъ постоять своего царского в-ва въ вотчине въ Ярославле и честь ему, и береженье во всемъ велѣлъ держать, и кормъ доволенъ давать. И писалъ великій государь нашъ его ц. в. къ брату своему къ великому государю, къ цесарскому в., о воровствѣ посланника его Юзуа и о Адаме Дорне. И покаместа будетъ о томъ письмо къ царскому в-ву отъ цесарского в-ва, до тѣхъ мѣстъ Адаму Дорну побыти въ великого государя нашего государствѣ.

А будетъ шахъ или его ближніе люди учнутъ „ спрашивать про Ивашка Зарутцкого и про Маринку, гдѣ они ныне, и смута ихъ воровская ужли поминалась?—и „ говорити: какъ по милости Божіей Московского государства бояре и воеводы и всякихъ чиновъ всякіе люди всего Російского государства, стоя подь Московскимъ государствомъ, учили чинить польскимъ и литовскимъ людямъ утесненье

великое и Московского государства достигать, а воръ Ивашко Зарутцкой въ тѣ поры подѣ Москвою былъ съ ними жѣ вмѣстѣ и, узнавъ Російского государства бояръ и воеводѣ, и всякихъ ратныхъ людей крѣпкое стоянье и промыслѣ, а польскихъ и литовскихъ людей противѣ Московского государства ратныхъ людей изнеможенье и свое воровство, что онѣ съ польскимъ и съ литовскимъ королемъ, и съ польскими и съ литовскими людьми на всякое зло Російскому государству ссылаеся, и съ подѣ Москвы побежалѣ, и взявъ съ собою прежнихъ вѣдомыхъ воровъ и богоотступниковъ, которые по злomu жѣ умыслу польского Жигимонта короля назывались государскими детьми ложно, жену воеводы сендомирского дочь, Маринку, и збежалѣ царского в-ва въ вотчину въ Астараханѣ; а къ нимъ въ Астрахани пристали прежніе воры, которые воровали въ смутное и въ безгосударное время и воровъ государскими детьми называли ложно съ ними вмѣстѣ. И будучи въ Астрахани, хотѣли своимъ злымъ умысломъ заводить такое же воровство по прежнему. И великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, посылаѣ на вора и на измѣнника своего, на Иваша Зарутцкого, бояръ своихъ и воеводѣ, князя Ивана Никитича Одоевского съ товарищи, съ своими многими ратными людьми. И Божіею милостію, а ево государскимъ счастьемъ и бодроопаснымъ содержательствомъ, царского в-ва бояря и воеводы Астараханѣ взяли и воровъ, которые были съ воровъ, с-Ивашкомъ Зарутцкимъ, въ совѣте, и польскихъ и литовскихъ людей побили на голову, а вора Иваша Зарутцкого и Маринку съ сыномъ, и иныхъ пущихъ воровъ поймали и привели къ государю въ Москву. И по своимъ злымъ дѣламъ Ивашко Зарутцкой и Маринкинъ сынъ казнены. И Божіею милостію, а великого государя нашего счастьемъ отчина ево царского в-ва Астараханское государство отъ воровскіе смуты очистилась, и воровская смута поминалась вся, и ныне въ Астрахани и на Терке воеводы и всякіе служилые и жилетцкіе люди живутъ по прежнему.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ Ѳедору и Богдану говорити о Грузинской землѣ, что шахъ Грузинскую землю взялъ. . . . (?) повоевалъ за то, что цари грузинскіе служили турскому, — и Ѳедору и Богдану говорити: вѣдомо великому государю Аббасъ шахову в-ву самому, что Иверская земля, цари и князи, изначала нашіе крестьянскіе православные вѣры греческаго закона, а были на Иверской землѣ цари самовластны и ни кѣмъ не обладаемы. Послѣ того, какъ извелись во Царѣгородѣ крестьянскіе государи и какъ учала быти

в-Иверской землѣ межъ царей и князей ровнь и несогласье, а турской учалъ имъ многую тесноту чинить, и иверской Александръ царь, видя себя беспомочна и не хотя быти отъ турского въ разореньѣ, билъ челомъ блаженные славные памяти дяде великого государя нашего великому государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с., чтобъ онъ великій государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичъ в. Р. с. для хрестьянскіе вѣры принялъ его подъ свою царскую высокую руку, и отъ турского бѣ салтана и отъ шевкала обороняти ево велѣлъ, а онъ зъ детьми своими, съ царевичемъ Давыдомъ и съ царевичемъ Юрьемъ, и со внучаты, и со всею своею Иверскою землею отъ великихъ російскихъ государей царей не отступенъ будетъ на веки. И на томъ онъ, Александръ царь, зъ детьми своими и со внучаты и со всею своею Иверскою землею блаженные памяти дяде великого государя нашего, великому государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с., правду далъ по нашей крестьянской вѣрѣ, крестъ цѣловалъ и тѣмъ себѣ вспоможенье и отъ турскихъ людей свободу получилъ. И некоторые ихъ недруги не умѣли имъ некоторые тесноты во вся лѣта при дяде великого государя нашего, при великомъ государе ц. и в. кн. Ѳедоре Ивановиче в. Р. с. и при царѣ Борисе, учинити. Да и то самому великому государю Аббасъ шахову в. вѣдомо, какъ великій государь блаженные славные памяти дядя великого государя нашего царь и в. кн. Ѳедоръ Ивановичъ в. Р. с. на Терке и на Койсе города велѣлъ поставить и людей ратныхъ въ нихъ устроить велѣлъ для Иверскіе земли, чтобъ Иверскіе земли турскимъ и кумыцкимъ людямъ теснити не дати и противъ недруговъ ихъ помогати, да и для того, что турскіе люди помногіе годы ходили на Аббасъ шахова в-ва землю войною, а проходили на Койсу да на Терку, да на Суншу. И по его царского в-ва повелѣнью и съ тѣхъ городовъ терскіе и волжскіе, и япцкіе казаки на турскіе люди приходили и на Сунше турскихъ многихъ людей побили. И впередъ тѣми мѣсты на великого государя Аббасъ шахова в-ва землю турскіе люди ходити не учали, и великому государю Аббасъ шахову в-ву тѣмъ великая помочь учинилась. Да и многая любовь и братственная крѣпкая дружба дяди великого государя нашего царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с. великому государю Аббасъ шахову в. была, о чемъ самому Аббасъ шаху подлинно вѣдомо. А какъ судомъ Божиимъ блаженные славные памяти дяди великого государя нашего, великого государя царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., въ животѣ не стало, а на великихъ Російскихъ государствахъ учинился царь и в. кн. Борисъ Ѳедоровичъ в. Р., и иверской Александръ царь царю

Борису по тому жъ правду далъ зъ детьми своими и со внучаты и со всѣми думными своими людьми крестъ целовали, что имъ быти подь російскихъ великихъ государей царей рукою, со всею Иверскою землею на вѣки не отступнымъ. И по Александрову цареву челобитью царь Борисъ изъ понизовыхъ городовъ воеводамъ своимъ велѣлъ послати на шевкала и на всю Кумьтцкую землю ратныхъ своихъ людей для того, какъ Александръ царь съ повеленья царя Бориса былъ Аббасъ шахова в-ва въ рати, и шевкальской по турского велѣнью въ ту пору Иверскую землю воевали и многихъ крестьянскихъ людей въ плѣнъ поимали, и царя Бориса ратные люди Кумьтцкую землю воевали и многіе города и мѣста поимали и разорили, и въ Таркахъ и въ Таркалахъ города поставили. И какъ царя Бориса не стало, а въ Московскомъ государствѣ учала быти умышленьемъ польского короля смута и въ людехъ рознь, и кумьтцкіе люди, сложась съ турскими людьми, которые въ то время были въ Кумьтцкой землѣ, на великого государя нашего людей приходили, и бои были многіе, и многіе крови на обе стороны пролились. А все то для Иверскіе земли. А ныне великій государь Аббасъ шахово в-во, пришедши в-Иверскую землю войною, Иверскую землю повоевали и разорили, и царя Теймураза зъ Грузинскіе земли согнали, и гдѣ были нашіе православные хрестыанскіе вѣры монастыри и церкви, гдѣ имя Божіе славилось, тутъ де ныне Аббасъ шахово в-во велѣлъ ставити свои города. А какъ великій государь Аббасъ шахово в. на Иверскую землю пошолъ, и Иверской де Теймуразъ царь посмалъ къ нему бити челомъ и молити, чтобъ на него не ходилъ и невинные крови не розливалъ, мать свою да жену въ закладъ далъ, и Аббасъ шахово в. челобитья его не послушали, мать ево и жену у себя оставили, а надъ нимъ и надъ ево землею учинилъ разоренье, а съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ в-мъ, не обослався, тѣмъ великому государю нашему его царскому в-ву кабы не любовь оказалъ. Хоти-бъ иверскаго царя передъ шаховымъ в-мъ было какое неисправленье, и шахову было величеству пригоже о томъ обослатись съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ в-мъ. Только намъ ныне о томъ не наказано. А какъ о томъ на обѣ стороны будутъ большіе послы и тогда государи межъ себя о Иверской землѣ договоръ учинять. А чають они того, что шахово в-во государь миролюбительной за Иверскую землю царскому величеству не постоитъ. А будетъ, что учнутъ о Иверской землѣ шаховы люди говорити на раздоръ и еѣ своити, и шаху своего какъ поступитца?—и Федору и дьяку Богдану

только и молыти, что Иверская земля была царского в-ва подданная, только намъ ныне о томъ ничего не наказано, а чего не наказано, то какъ дѣлать? Имъ за нее стоять и поступатца нельзя. А больша того имъ о томъ ничего не говорити.

А будетъ шаховы ближніе люди вспросять: какъ ныне зъ государемъ ц. и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. кумытцкіе и горскіе и кабардинскіе князи и мурзы?—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити: кабардинскіе черкасы, князи и мурзы, со всею Кабардинскою землею и горскіе, и ерпельскіе, и абаза, и мичкизы, и иные Черкаскія земли были издавна холопи великого государя нашего государствъ изъ резанскихъ предѣлъ. А какъ поручилъ Богъ нынешняго великого государя нашего дѣду, великому государю нашему ц. и в. кн. Ивану Васильевичю в. Р., царства Казанское и Астараханское, и черкасы горскіе со всею своею землею, узнавъ своихъ природныхъ государей, били челомъ ему, великому государю ц. и в. кн. Ивану Васильевичю в. Р. с., и во всей его воле учинились и по ся мѣста служатъ великимъ Російскимъ государемъ и многіе царского в-ва люди воинскіе и жилетцкіе въ Терскомъ городе живутъ, и слободы себѣ поставили. А какъ по милости Божіей великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и ему, великому государю нашему, всѣ горскіе черкаскіе князи и мурзы, и казый-кумытцкой Али бекъ князь зъ детьми, и Суркай князь карабудатцкой, и Будацѣй ерпельской зъ детьми, и всѣ горскіе и кабардинскіе князи и мурзы, и со всѣми уздени шертовали и детей своихъ и братью въ заклады подавали въ Терской городъ и служатъ великому государю нашему во всемъ, какъ есть природные великого государя нашего холопи. Да и кумытцкой Гирѣй князь и братья его Айдаръ мурза да Маметъ мурза, да Алла Гирѣй, да Суркай шевкаль, да салтанъ Магмутъ мурза прежнего шевкала сынъ и иные кумытцкіе князи и мурзы по тому же передъ великимъ государемъ нашимъ его царскимъ в-мъ исправились, и прежніе свои вины, которые ихъ вины были передъ великимъ государемъ нашимъ блаженные памяти царемъ и в. кн. Ѳедоромъ Ивановичемъ в. Р. и передъ царемъ Борисомъ, покрыли, великому государю нашему, правду дали, на куране шертовали и детей и братью свою на Терекъ въ оманаты подавали, и служатъ великому государю нашему по тому же, какъ и горскіе и кабардинскіе князи и мурзы.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что передъ шахомъ горскіе и кабардинскіе князи виноваты, скажутъ, въ чомъ

нибуди, а имяно только молать, что Гирѣй князь кумытцкой зъ братьею, за шахомъ его сестра, и шахъ его пожаловаль, учинилъ ханомъ и многое къ нему жалованье показаль, и онъ шаху манить, пишеть къ шаху и приказываетъ, что онъ хочетъ служити шаху и холопъ шаховъ; а какъ шахъ пошлетъ куды своихъ людей черезъ его землю, и онъ тѣхъ шаховыхъ людей грабить и побиваетъ. А ко государю также пишеть и приказываетъ, будто онъ государю служить, а онъ все манить и межъ государей с(с)орить, и такіе бѣ сорщики межъ государей не были и за то ихъ шахъ хочетъ воевать. И Ѳедору и дьяку Богдану говорити: которая передъ шахомъ горскихъ черкасъ неисправленье, и шахово бѣ в-во о томъ известилъ царскому в-ву, и царское в-во велить передъ шаховымъ в-мъ исправитца, а безъ обсылки бѣ черкасомъ никоторого зла не дѣлалъ, тѣмъ бы царскому в-ву нелюбьемъ не оказывался, чтобъ ихъ государской братственной дружбе и любви помѣшки не было. А кумытцкой Гирѣй князь, какъ царскому в-ву добилъ челомъ, правду далъ и закладъ въ Терской городъ далъ, и съ тѣхъ мѣстъ служить прямо и мановъ его никакихъ не бывало. А какъ шли къ царскому в-ву отъ шахова в-ва царского в-ва посланникъ Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Бухаровъ, да шаховъ посланникъ Булатъ бекъ, и Гирѣй князь ихъ черезъ свою землю пропустилъ и провожалъ честно и кормъ давалъ; а только бѣ манилъ, и маны-бѣ мочно знать. И впередъ только учнетъ манить, и то не утаитца. А какъ въ немъ неправда объявитца, и царскому в-ву зъ Гирѣемъ можно управитца.

А будетъ „ “ учнутъ говорити, что Кумытцкая вся земля и кабардинскіе черкасы ныне учинились подъ государя ихъ подъ шаховымъ в-мъ и во всемъ ныне послушны шахову в-ву, и государь бы въ нихъ не вступался,—и Ѳедору и дьяку Богдану говорити: кабардинскіе князи издавна холопи великихъ государей нашихъ, а намъ о томъ говорити и дѣлати не наказано; а то бѣ лутче, чтобъ шахово в-во въ нихъ не вступался и съ царскимъ в-мъ за то нелюбья не всчиналъ. Да и не начаемся мы того, что шахову в-ву за то съ великимъ государемъ нашимъ въ нелюбѣ быти, чаемъ, что шахово в-во въ нихъ не вступитца, отставъ. А нѣчто, какъ Федоръ и дьякъ Богданъ будутъ у шаха, а у шаха съ турскимъ война, а Гирѣй будетъ шахъ (sic) прямо отъ шаха отсталъ и учинился подъ турецкого рукою и съ турскимъ стоитъ на шаха, про то подлинно вѣдомо будетъ,—и имъ Гирѣя по тому жъ называти воромъ и на всѣ стороны маномъ, и то про него говорить, что царское в-во за его неправды ему терпѣти не учнетъ. А не розвѣдавъ о томъ подлинно, такихъ рѣчей про Гирѣя не говорити, чтобъ его отъ государя руки не отогнати.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ Ѳедору и Богдану говорити, что шахово в. приказывалъ къ царскому в-ву съ посланникомъ своимъ зъ Булатъ бекомъ и прежь того зъ гонцомъ своимъ съ Хозе Муртозою, что онъ съ нимъ, великимъ государемъ, хочеть быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви и въ ссылке и на всѣхъ своихъ общихъ недруговъ хочеть стояти заодинъ, а царскому-бъ в-ву построить города на прежнихъ мѣстехъ, на Койсе и на Сунше и в-ныхъ мѣстехъ, чтобъ никого межъ государевы и шаховы земли не было, все бѣ было сряду ихъ государскія земли, города и люди, чтобъ ихъ государскимъ недругомъ было страшнѣе, и о томъ съ ними отъ царьского величества приказъ есть ли?—И Ѳедору и Богдану говорити: то великій государь вашъ Аббасъ шахово в. дѣлаеть добро, что съ великимъ государемъ нашимъ съ ц. в. хочеть быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви и на всякого государева недруга хочеть стояти заодинъ. А великій государь нашъ его ц. в. по тому жъ зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ съ Аббасъ шаховымъ в., хочеть быти въ крѣпкой братцкой дружбе и любви и въ сылкѣ мимо всѣхъ великихъ государей. А чтобъ царскому в-ву въ прежнихъ мѣстехъ, на Койсе и на Сунше и в-ныхъ мѣстехъ города свои поставити и опять (?) своихъ людей устроить, и великому государю вашему шахъ Аббасову в-ву и вамъ, его ближнимъ людямъ, самимъ вѣдомо, что нынѣ нѣтъ такова недруга никого царскому в-ву, что польской Жигимонтъ король, и царское в-во, отставя всякіе дѣла, управливаетца съ польскимъ королемъ, и всѣ рати царского в. стоятъ на польского и литовского короля земле. А какъ, ожъ дастъ Богъ, великій государь нашъ его ц. в. съ польскимъ королемъ нынешнимъ государевымъ вспоможеньемъ управитца, и великій государь нашъ его ц. в. тогда, сослався съ великимъ государемъ вашимъ съ Аббасъ шаховымъ в. о тѣхъ городѣхъ, и указъ свой царской велить къ своимъ государевымъ бояромъ и воеводамъ въ Астараханъ послати. А ныне бѣ великій государь вашъ Аббасъ шахово в. къ брату своему, къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с. совершенную свою братцкую сердечную любовь показалъ, учинилъ своею государскою казною, противъ его государева недруга помогъ такъ же, какъ прежь сего великого государя нашего дядя великій государь блаженные славные памяти царь и в. кн. Ѳедоръ Ивановичъ в. Р. с. учинилъ помочь брату своему Рудельеу цесарю римскому своею царскою многою казною противъ недруговъ его, чтобъ ихъ государскіе дѣла ихъ государскою межъ себя любовью утвердились вскоре. А чаемъ про то вспоможенье шахову в-ву вѣдомо.

И будетъ спросать: вѣдомо про то шахову в-ву, что помочь учинена цесарю, только про то подлинно невѣдомо, какою казною и сколько помочь учинена, — и Федору и дьяку Богдану говорити: послалъ дядя великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. с. великій государь нашъ блаженные славные памяти царь и в. кн. Федоръ Ивановичъ в. Р. къ Рудельѡу цесарю съ думнымъ своимъ дворяниномъ съ Михайломъ Ивановичемъ Вельяминовымъ собольми, лисицами дорогими и рысьми, и иными всякими узорочьи, которые въ его государстве ведутца, а у цесаря дорога, по московской ценѣ зъ десять сотъ тысячъ рублевъ; а у цесаря его люди, которые тѣ товары знаютъ, цѣну имъ положили дватцать сотъ тысячъ рублевъ.

А будетъ спросать про Нагай, какъ ныне въ государеве жалованье Большіе нагайскіе князи и мурзы и Казьева улуса? — и Федору и дьяку Богдану говорити: Нагаи заволскіе также издавна служатъ великимъ государемъ нашимъ, а ныне великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. Большіе Нагаи, Иштерекъ князь зъ братьею и зъ детьми, и съ племянники, со всѣми своими улусы и свыше прежнево учинились во всей въ царьского в-ва воле и шерть и утверженье царскому в-ву дали передъ царьского в-ва дворяны. Иштерекъ князь зъ детьми и зъ братьями передъ Сунгуромъ Соковнинымъ, а братъ его Нурадынъ Шаитерекъ мурза зъ братьею жъ и зъ детьми и со всѣми улусы передъ царьского в-ва дворяниномъ, передъ Иваномъ Кондыревымъ, и пословъ своихъ съ тѣмъ къ царьскому в-ву прислалъ, что они ему, государю, правду дали, на куране шерть учинили, что учинились въ прямомъ холопстве навеки неотступно, и царское бѣ в-во ихъ держалъ въ своемъ царскомъ жалованѣ по прежнему. И государь ихъ пословъ, пожаловавъ, къ нимъ отпустилъ и своихъ дѣтей боярскихъ къ нимъ своимъ царскимъ жаловальнымъ словомъ послалъ, что ихъ государь пожаловалъ по прежнему, и они бѣ царскому в-ву служили и во всемъ на его царскую милость и жалованье были надежны. И ныне нагайскіе люди, Иштерекъ князь и Нурадынъ Шаитерекъ мурза зъ братьею и зъ детьми, и съ племянники, въ царскомъ жалованье и въ повелѣнье по тому жъ, какъ былъ при прежнихъ великихъ государехъ царѣхъ и великихъ князехъ російскихъ.

А будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что сказываютъ, что нагайскіе князи и мурзы служатъ государю въ его царскомъ повелѣнье, а нынѣ имъ вѣдомо учинилось, что с-Иштерекова княжово повелѣнья приходили нагайскіе мурзы въ Кабарду на Казьева

князя Шеншукова и его убили, и Кабардинскую землю многіе мѣста повоевали, и только бѣ государю служили Нагаи, и они бѣ государевыхъ холопей не воевали,—и Ѳеодору и дьяку Богдану говорити: учинилась межъ ихъ ссора улусными людьми, и они, межъ себя ссорясь, повоевались на обе стороны безъ царского в-ва вѣдома, и царское в-во велѣлъ про то сыскать, за што такъ ссталось? А то не диво, что они межъ себя ссорились: и въ деревне на сусѣдствѣ межъ собою обычной черной челоувѣкъ съ сусѣдомъ по ссоре бѣютца и мертвые бывають, а то царского в-ва подданные, а въ своихъ земляхъ владѣтели; ссора стала, и они и повоевались. А Казьева улуса Нагаи тѣ были поотступили отъ великого государя нашего блаженные памяти царя и в. кн. Ѳеодора Ивановича в. Р. с., и великій государь нашъ блаженные памяти царь и в. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ в. Р. с. указъ свой царской послалъ къ Большимъ Нагаемъ, а велѣлъ тѣхъ Казьева улуса Нагаи посморить. И великого государя нашего царского в-ва искони вѣчные холопи Большіе Нагаи на нихъ ходили и ихъ повоевали и розгромили, и жены, и дѣти, и улусы ихъ къ себѣ поимали. А при царѣ Борисе астраханскіе воеводы посылали на достольныхъ Казьевъ улусъ Большихъ Нагаи, а съ ними астраханскихъ стрельцовъ. И въ тѣ поры достольныхъ всѣхъ Казьева улуса людей разорили, и не вочюеть ныне тутъ ниhto. А ныне, услыша про великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. с., что его великого государя Богъ учинилъ на его царскомъ престолѣ, на Московскомъ государстве, царемъ и в. кн. в. Р. с., Казьева улуса князи и всѣ мурзы присылали къ великому государю нашему поздравляти его царское в-во на его царскомъ престоле и били челомъ царскому в-ву, чтобъ ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ быти подъ своею царскою рукою такъ же, какъ Большимъ Нагаемъ. И великій государь нашъ, его ц. в., Казьева улуса князей и мурзъ пожаловалъ, велѣлъ имъ быти подъ своею царского в-ва рукою. И Казьева улуса князи и мурзы со всѣми своими улусы великому государю нашему служить и прямять такъ же, какъ и Большіе Нагаи.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорити, что имъ то вѣдомо, что лѣтомъ Казьева улуса мурзы приходили въ государя вашего землю и воевали блиско Москвы и въ Турского царя землю,—и Ѳеодору и Богдану говорити: Казьева улуса мурзы въ государя нашего землю войною не ходили и блиско Москвы не бывали, то вамъ сказывалъ нѣкто, не вѣдая. А какъ царское в. послалъ Казьева улуса мурзамъ свое царское повелѣнье, чтобъ они были подъ его царского в. высокою (рукою) и на всякого его государева недруга съ своими ратьми

ходили, куды имъ царского в-ва повелѣнье будетъ. И большихъ Нагай и Казыева улуса мурзы, собрався тысячъ ихъ съ шездесять, пришли блиско государевыхъ украинскихъ польскихъ городовъ, которые подошли къ Польской и къ Литовской землѣ, и прислали къ царскому в-ву пословъ своихъ, куды имъ царское в-во повелитъ ити на которого своего недруга: на польского ль короля землю или на иного которого своего государева недруга? И царское в-во пословъ ихъ отпустилъ и своихъ детей боярскихъ съ своимъ царскимъ повелѣньемъ къ нимъ послалъ, а велѣлъ имъ всѣмъ итти войною на польского короля землю. И Большихъ Нагай и Казыева улуса мурзы со всѣми своими ратными людьми тысячъ ихъ съ 60 по царского в-ва повелѣнью, ходили въ польского короля землю войною. Да въ тѣ жъ поры и царского в-ва многіе рати ходили польского жъ короля землю воевати, и польскую и литовскую земли воевали и многіе мѣста выжгли и разорили и въ полонъ безчисленно (?) поимали, и что польской король надъ великого государя нашего землю своимъ злымъ умысломъ и лукавствомъ учинилъ, а Богъ, за его неправды, надъ его землею и людьми и вдвое того воздалъ.

А будетъ учнутъ говорити, что Кумытцкая вся земля и кабардинскіе черкасы ныне учинились подъ государя ихъ подъ шаховымъ величествомъ и во всемъ ныне послушны шахову в-ву, и государь бы въ нихъ не вступался, — и „ „ говорити: кабардинскіе черкасы издавна холопи великихъ государей нашихъ, а намъ о томъ говорити и дѣлати не наказано, а то бѣ лутче, чтобъ шахово в. въ нихъ не вступался и съ царскимъ величествомъ за то нелюбья не всчиналъ. (*Этотъ отрывокъ зачеркнутъ, а съ боку рукою дьяка написано: Та статья написать въ одну съ верхней статью вмѣсте; справить тетрадь, какъ о томъ зъ Григорьемъ съ Шахматовымъ къ шаху писано.*)

А нѣчто спросятъ про Сибирь, какъ ныне Сибирская земля: по прежнему ль, какъ была при прежнихъ государехъ, — и „ „ говорити: Сибирская земля въ государеве жалованье, что и московскіе города, и многіе въ ней государевы города и люди въ нихъ многіе государевы устроены ратные и жилетцкіе торговые люди, и пашни многіе, и тамошніе люди сибирцы многіе крестились. И какъ царское в-во учинился на Московскомъ государстве, и въ тѣ поры на Москвѣ были многіе сибирскіе люди, и они царскому в. обрадовались, какъ есть государевы прироженные холопи, что и московскіе жъ люди. А какъ была въ Московскомъ государстве смута по греху, а въ Сибири никакъ никто не соблазнился, все была къ Московскому государству.

А будетъ шахъ или его ближніе люди учнутъ спрашивати, какъ

государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ, и съ цесаремъ римскимъ, и зъ датцкимъ, и съ англнскимъ, и с-ынными государи, о которыхъ спросятъ, — и

„ говорити: сами вѣдаютъ и они имъ сказываютъ, что прежніе великіе государи наши цари російскіе со всѣми великими государи были въ миру и въ силке, а ныне, какъ по воле всемогущего Бога и по сродству прежнихъ великихъ государей нашихъ царей російскихъ и по избранью всякихъ людей всѣхъ городовъ всего великого Російского царствія учинился на Владимірскомъ и на Московскомъ государстве и на всѣхъ великихъ государствахъ Російского царствія государемъ ц. и в. кн. в. Р. с. великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., и ему, великому государю нашему, недружбы нѣкоторые со всѣми великими пограничными государи нѣтъ, всѣ его царскіе дружбы и любви съ собою желаютъ и на всяково ево. государева недруга стояти съ нимъ, великимъ государемъ, хотятъ заодинъ. А какъ великій гусударь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. на Московскомъ государстве учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, и царское в-во, какъ къ Аббасъ шахову в-ву, такъ и ко всѣмъ государемъ, къ цесарю римскому и къ аглинскому, и ко еранцовскому королемъ государство свое обестити посылалъ пословъ своихъ и посланниковъ, и тѣ всѣ государи хрестыанскіе царского в-ва присылали поздравляти на его великихъ и преславныхъ государствахъ своихъ пословъ и посланниковъ, а поморскіе и галанскіе и недермянскіе государи, арцыкнязи и курейстры, саской, и брандеборской, и опалинской, и многіе князи неметцкіе рѣши сами и безъ царского величества присылки присылали къ царскому в-ву пословъ своихъ и посланниковъ поздравляти царское в-во на его великихъ государствахъ. И просятъ всѣ хрестыанскіе государи, чтобъ царское в-во принялъ ихъ къ себѣ въ дружбу и въ любовь, а князей въ свое царское любительное жалованье, а они всѣ ему царскому в-ву ради и тому обрадовались, что на тѣхъ великихъ Російскихъ государствахъ учинился онъ, великій государь, отъ прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ племяни, и всѣ ему царскому в. хотятъ противъ недруга ево, польсково короля, за его неправду способствовать, опричь цесаря римскаго; а цесарь великого государя нашего съ польскимъ королемъ мирить, а никоторому государю, какъ царскому величеству, такъ польскому королю не помогаетъ.

А крымской Джанъ бекъ Гирѣй царъ къ царскому в-ву поздравляти его, великого государя нашего, на ево великихъ и преславныхъ государствахъ поздравляти присылалъ же, и ссыла межъ царскимъ в-мъ и крымскимъ

царемъ есть, просить царского в-ва крымской царь, чтобъ великій государь держалъ его въ своемъ царскомъ любительномъ жалованье. И царское в. съ нимъ въсылке для того, чтобъ онъ не помешалъ царскому в. управливатьца съ царского в-ва недругомъ, съ польскимъ королемъ, пишетъ къ нему царское в-во, что его въ своей царской любви держати хочеть, а въ подлинномъ его государь въ своемъ жалованье и въ любви держати не хочеть, и на мысли того царского в-ва нѣтъ, потому что крымской Джанъ бекъ Гирѣй царь голдовникъ турецкою; а турецкой великому государю нашему и Аббасъ шахову в. недругъ

А съ турецкими салтаны прежнимъ великимъ государемъ ц. и в. кн. російскимъ и дяде великого государя нашего царю и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с. о дружбе и о любви ссылки не бывали. А какъ великіе государи учинились на своихъ великихъ государствахъ, и они къ турецкимъ салтаномъ государство свое обестити посылавали, а турецкіе салтаны, учинясь на государствахъ, къ великимъ государемъ нашимъ государство свое по тому жъ обестити присылали. А великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. ныне учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія, потому жъ посылалъ къ турецкому государству свое обестити и польскаго Жигимонта короля неправды объявити. И будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что имъ самимъ то вѣдомо, что у государя нашего турецкого посланникъ на Москвѣ былъ и государь нашъ того посланника къ турецкому отпустилъ, и своего посланника къ турецкому о дружбе и о любви послалъ, — и Ѳедору и Богдану говорити: мы вамъ сказываемъ: какъ великій государь нашъ его ц. в. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія великимъ государемъ ц. и в. кн. в. Р. с. и онъ, великій государь нашъ, по прежнему обычею, какъ велось отъ прародителей его, да и у всѣхъ великихъ государей такъ же въ обычае бываетъ: посылаютъ къ турецкому государству свое обестити посланниковъ своихъ. И турецкой царского в-ва посланниковъ отпустилъ и своего съ нимъ посланника Алѣя чеуша къ царскому в-ву поздравляти его царское в. на его великихъ государствахъ послалъ, какъ редетца у всѣхъ великихъ государей, что и къ другу и къ недругу государство свое обѣщивать посылаютъ. И тотъ турецкого царя посланникъ, пришедъ на Донъ, умеръ и къ царскому в-ву не дошелъ, а были на Москвѣ арменья, купецкіе люди, а не турецкого царя посланникъ. А купецкіе люди и во всѣ государства ходятъ безвозбранно. А ныне великій государь нашъ его ц. в. своего сына боярскаго зъ грамотою къ турецкому царю послалъ о томъ, что Казыева улуса мурзы учинились подъ великимъ государемъ

нашимъ его ц. в. высокою рукою, и онъ бы въ нихъ не вступался, да о купецкихъ дѣлахъ; а о дружбе и о любви царскому в-ву съ турскимъ ссылки не бывали и впередъ не будутъ. А будетъ о томъ ихъ не спросать, и имъ самимъ о томъ однолично не говорити.

А будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ спрашивать, какъ зъ государемъ ц. и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. свѣйской король, — и Ѳедору и дьяку Богдану говорити: свѣйской король государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. былъ недругъ по тому: какъ блаженные памяти великій государь нашъ царь и в. кн. Василей Ивановичъ в. Р., послыша то, что польской Жигимонтъ король, поруша новое перемирье и крестное целованье, что здѣлали на Москвѣ при немъ, государе, послы его и посланники, Миколай Мологоской да Александръ Гасевской съ товарищи, пришелъ самъ войною подъ Смоленскъ, послалъ былъ на короля брата своего, боярина, князя Дмитрея Ивановича Шуйсково, со многими рускими ратьми, да съ нимъ же свѣйскаго Барлуса короля, воеводу Якова Пунтусова, а съ неметцкими людьми, которые служили царю Василью за наемъ. И польской Жигимонтъ король, послыша ту посылку на себя, послалъ противъ князя Дмитрея Ивановича гетмана коруны польскіе Станислава Желковского, а съ нимъ многихъ пановъ радъ и дворъ свой весь съ своими ратными польскими и литовскими и иныхъ земель съ наемными людьми. И свѣйскаго короля воевода Яковъ Пунтусовъ, забывъ свою правду къ царю Василью, безъ свѣйскаго короля вѣдома, на бою подъ Клупинымъ съ неметцкими людьми изъ Дрогавъ отѣхалъ къ польскому гетману къ Станиславу Желковскому. А отъ гетмана Желковского Яковъ Пунтусовъ тотъ же часъ пошелъ въ новгородцкіе мѣста и стоялъ подъ Новымъ городомъ, просилъ заслуженныхъ денегъ, что было взяти имъ на царѣ Василье. А стоявъ, отшелъ былъ въ свою землю. И какъ по злему умышленью Жигимонта короля польсково и его пановъ радъ царствующій градъ Москву польскіе и литовскіе люди выжгли и высекли, а Московскаго государства бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ люди изо всѣхъ городовъ всего Російскаго государства, сослався и укрепясь межъ себя, пришли на польскихъ и литовскихъ людей подъ царствующій градъ Москву отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очищати, и Новгородскаго государства всякіе ратные люди пришли подъ Москву жъ зъ бояры и воеводы вмѣсте, и Яковъ Пунтусовъ пришелъ подъ Новгородъ безвѣстно. И новгородцкіе всякіе люди за крестнымъ целованьемъ Якова Пунтусова съ немногими съ неметцкими людьми пустили въ городъ до тѣхъ мѣстъ, повамѣста заплатятъ заслуженные деньги, что было ему взяти на царѣ

Василье. И Яковъ Пунтусовъ черезъ крестное свое целованье новгородцовъ, оплоша, Новгородъ былъ засѣлъ. И прежнего свѣйскаго Карлуса короля не стало, а на его мѣсто на свѣйскомъ королевствѣ учинился сынъ его Густавъ Адольфъ король. А какъ по милости Божіей Московскаго государства бояре и воеводы, и всякіе ратные люди царствующій градъ Москву отъ польскаго Жигимонта короля и отъ его польскихъ и литовскихъ людей очистили, а на Владимірскомъ и на Московскомъ и на всѣхъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія учинился великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с., и ноугородскаго государства митрополитъ Исидоръ да царскаго в. бояринъ и воевода князь Иванъ Никитичъ Одоевской, и всякихъ чиновъ люди всего Ноугородскаго государства прислали къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с. бити челомъ и милости просити изво властей и изъ дворянъ, и изво всякихъ чиновъ людей всего Ноугородскаго государства, чтобъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. по своему царскому милостивому нраву милость свою показалъ, велѣлъ съ свѣйскимъ королемъ обослатьца о всякихъ о добрыхъ дѣлахъ, чтобъ ихъ всякихъ людей Ноугородскаго государства свободить отъ иноплеменикъ милостивно, а не обнаженнымъ мечемъ, и отчина бѣ своя царскому в-ву, Ноугородское государство, очистить бесъ крови; а свѣйскаго король о томъ радѣеть, чтобъ царскому в-ву съ нимъ помиритьца. Да въ тѣ же поры къ великому государю нашему къ его царскому в. писали и прислали пословъ своихъ Якубъ король аглинской да галанскіе и недерлянскіе земли владѣтели по свѣйскаго короля присылке съ великимъ прошеньемъ, чтобъ великій государь нашъ его ц. в. съ свѣйскимъ королемъ помирился. А послы ихъ тутъ же межъ царскаго в-ва великихъ пословъ и свѣйскихъ пословъ на сѣзде будутъ. И великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., по своему царскому милостивому нраву и жалѣя о народѣ хрестыанскомъ, посылалъ на сѣздѣ съ свѣйскими послы о добрыхъ дѣлахъ и о покое хрестыанскомъ говорити и становити пословъ своихъ великихъ, окольничего и намѣсника суздальскаго князя Данила Ивановича Мезецкаго съ товарищи. А аглинскаго короля посолъ тайные его думы дворянинъ князь Иванъ Мерикъ и галанскихъ и недерлянскихъ владѣтелей послы Рейнгольтъ ванъ-Бредировъ съ товарищи царскаго жъ величества и съ свѣйскими послы на сѣзде были и царское в. съ свѣйскимъ королемъ помирили на томъ, что свѣйскому королю царскому величеству царскаго величества отчину Новгородъ и пригороды отдать и совсѣмъ очистить въ нынешнемъ году іюня мѣсяца въ первый день. А учина

перемирье и записи подписавъ, съ тѣмъ царского в. послы, окольниковъ и намѣстникъ суздальской князь Данило Ивановичъ Мезецкой съ товарищи и аглинского короля посолье князь Иванъ приходили къ царскому в-ву. А свѣйского короля послы и галанскихъ, и недерлянскихъ владѣтелей послы ходили къ свѣйскому королю, и пошли съ обѣихъ сторонъ при насъ же къ сроку юня къ 1-му числу для очищенья царского величества городовъ тѣ жъ всѣ послы съ обѣихъ сторонъ. А помирились на томъ, что на литовского короля стояти заодно; а такихъ недруговъ межъ собою нѣтъ, что польской межъ собою съ свѣйскимъ, миру межъ ими никакъ не бывать ныне и впередъ. А будетъ о свѣйскомъ не вспросать, и имъ самимъ о томъ не говорити.

Да какъ, оже дастъ Богъ, шахъ ихъ отпустить и пошлетъ съ ними своихъ пословъ и съ ними казны ко государю на вспоможенье, или казны не пошлетъ, и съ чѣмъ съ ними пословъ своихъ пошлетъ, и что о томъ съ ними шахъ и шаховы ближніе люди поговорятъ,—и Федору и дьяку Богдану о томъ отписать ко государю наскоро напередъ себя изъ Кабарды, только пойдутъ на Кабарду изъ Терки и изъ Астарахани, чтобъ государю про то было вѣдомо.

Да память посломъ Федору Исаковичю Левонтьеву да дьяку Богдану Тимоѣеву. Какъ они придутъ въ Астарахань или на Терекъ, а вѣсть имъ учинитца въ Астарахани или на Терке, или гдѣ въ дороге, что Божиимъ судомъ Аббасъ шаха въ животѣ не стало, а на его мѣсто учинился будетъ на государстве сынъ ево „ „ или братъ, или племянникъ, и къ тому новому шаху итти. Да какъ имъ велитъ тотъ новой шахъ быти у себя на посольстве, и посломъ, пришедъ, говорити:

Божією милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. (*титулъ*) и иныхъ многихъ государствъ государь и облааатель его царское в-во послалъ былъ насъ къ брату своему, къ Аббасъ шахову в., съ посланникомъ ево, зъ Булатъ бежомъ, вмѣсте о братственной дружбе и о любви, и о иныхъ о добрыхъ дѣлахъ, которые пристоятъ обѣимъ великимъ государемъ и ихъ великимъ государствамъ къ доброму дѣлу, а о томъ намъ царского в-ва приказъ есть: будетъ судомъ Божиимъ Аббасъ шахова в-ва не стало и кто на ево мѣсто на Перситцкомъ государстве учинился государемъ, и намъ царское величество приказалъ тому шаху посольство правити и тѣ дела о братцкой любви объявити. Да правити имъ отъ государя царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. тому новому шаху поклонъ и грамота подати, и рѣчь говорити, и поминокъ явити по государеву наказу, какъ велено правитъ и Аббасъ шаху.

И о всемъ, будучи въ Казылбашской землѣ и у нового шаха, дѣлати и промышляти, и о чемъ ихъ вспросять, говорити по сему жъ государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. наказу, какъ имъ велено дѣлати у Аббасъ шаха.

И будучи имъ въ Кизылбашехъ, провѣдывати накрѣпко, какъ шахъ съ турскимъ салтаномъ и зъ бухарскимъ: въ миру-ль или не въ миру, и внове кто хъ кизылбашскому шаху отъ турецкого или отъ бухарского послы и посланники бывали-ль? И будетъ были, и о чемъ приходили? И кизылбашской шахъ съ чѣмъ ихъ отпустилъ и своихъ пословъ и посланниковъ къ турецкому и къ бухарскому послалъ ли? и съ чѣмъ ихъ послалъ, и впередъ межъ ихъ чево чаять: миру-ль или войны? и которые города поималъ шахъ внове у турецкого? и будетъ взялъ, и которые горды взялъ? и многая ль рать у кизылбашского шаха, какъ вся рать збираетца? и с-ыними съ которыми государи шаху ссылка есть ли? и кто шаху на турецкого помогаетъ? и какъ шахъ ныне зъ бухарскимъ и съ юргенскимъ, и съ кумьтцвими, и съ кабардинскими князми? и которые кумьтцеіе и кабардинскіе князи шаху прямятъ, и которой князь кумьтцвой шаху-ль прямитъ, или служить государю и прямо-ль государю служить? И кто ныне в-Иверской землѣ царь: крестьянскіе ли или мусульманскіе вѣры? и какъ ныне Иверская земля съ шахомъ? и каковы которые государства силою и людьми и богатствомъ? О томъ о всемъ, подлинно провѣдавъ, себѣ записать, а пріѣхавъ къ Москвѣ, сказати о томъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. самодержцу.

И о всемъ Ѳедору и Богдану государевымъ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. дѣломъ промышляти, дорогою ѣдучи и въ городѣхъ, и будучи въ Кизылбашской землѣ, государевымъ дѣломъ промышляти, по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича въ Р. крестному целованью, правдою и по сему государеву наказу, и какъ ихъ Богъ вразумить, и какъ бы государеву имяни къ чести и къ повышенью, а ево государеву дѣлу было прибыльнѣе, и розни бъ межъ ихъ ни въ чемъ не было. А сесь государевъ царевъ и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. наказъ держати у себя тайно; а гдѣ, будетъ грехомъ, почакуть себѣ какова недобра, гдѣ ни буди, и имъ сесь государевъ наказъ ухоронити, или изодрать, или зжечь, или въ воду утопить, чтобъ однолично сево государева наказу не вѣдать никому, и держати имъ у себя сесь государевъ наказъ однолично тайно, чтобъ опречь дву изъ нихъ никто у нихъ сего государева наказу не вѣдалъ. А о казнѣ однолично шаху и его ближнимъ людямъ говорити накрѣпко и

промышляти всякими мѣрами, чтобъ казны шахъ съ ними послалъ побольши, тѣмъ бы имъ однолично государю послужити.

А будемъ судомъ Божіимъ въ шахове землѣ Оедора въ дороге до посольства или после посольства въ животе не станеть, и дьяку Богдану Тимоѣеву приказывати съ приставами къ шаховымъ ближнимъ людямъ, что послалъ былъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Оедоровичъ в. Р. с. къ великому государю, брату своему, Аббасъ шахову в. государство свое обестити и о братцкой любви и о дружбе, и о всякихъ добрыхъ дѣлахъ напомянути, въ посланникехъ дворянина своего Оедора Исаковича Левонтьева, и Божіимъ судомъ Оедора не стало, а по призыву великого государя нашего его ц. в. велено ему у великого государя Аббасъ шахова в. на посольстве быти и посольство правити, и всякое дѣло дѣлати обѣма, и они бѣ, шахова в. ближніе люди, известили о томъ шахову в-ву, чтобъ шахово в-во, для братцкіе любви и дружбы, велѣлъ ему, Богдану, быти у себя на посольстве, не замешкавъ, и говорити о томъ приставомъ бесъ престани. Да какъ шахъ велитъ Богдану быти у себя на посольстве, и Богдану къ шаху на посольство итти и отъ государя ц. и в. кн. Михайла Оедоровича в. Р. шаху посольство правити и грамота подати, и рѣчь говорити, и о всякихъ государевыхъ дѣлахъ съ шахомъ и зъ ближними людьми, о чемъ его учнутъ спрашивати, говорити и о всемъ дѣлати по сему государеву наказу, какъ было имъ государево дѣло дѣлати вмѣсте съ Оедоромъ.

Да память Оедору Исаковичю Левонтьеву да дьяку Богдану Тимоѣеву. Послано съ ними къ шаху отъ государя въ поминкахъ восемь кречатовъ да три ястребы, и только надъ которымъ кречатомъ или надъ ястребомъ въ дороге учинитца, которой заболитъ, вести будетъ нельзя, или которой умретъ, и Оедору и Богдану въ того кречета или въ ястреба мѣсто такихъ же птицъ сыскивать въ городѣхъ, гдѣ у кого найдутъ, а гдѣ у кого кречата или ястреба скажутъ, и имъ у того та птица взяти на государя и велѣти вести къ шаху въ убылые мѣсто. А гдѣ надъ которою государевою птицею что учинитца и у кого гдѣ въ то мѣсто птицу возьмутъ, и имъ о томъ отписати ко государю.

И нѣчто учнетъ къ нимъ шахъ присылати, какъ поѣдетъ тѣшитца, чтобъ прислали къ нему для птицъ государева кречетника, а его кречетники къ тѣмъ птицамъ не пріобытчились, и Федору Исаковичю и дьяку Богдану отговаривати: кречетники посланы съ птицами того для, чтобъ ихъ довести здорово, а ныне они у шаховыхъ

кречетниковъ и шаховы кречетники ихъ приводите по своему, какъ имъ надобно, а государевымъ кречетникомъ ужь ныне што за дѣло? а въ государеве наказе о томъ имъ не написано, что государевыхъ кречетниковъ съ шахомъ посылать на потѣху, и шахово бѣ в-во того на нихъ не пыталъ, чтобъ имъ за то отъ государя въ опале не быть. А будетъ шахъ о томъ учнетъ приказывати накрепко, чтобъ прислати къ нему на потѣху государева кречетника, — и Федору и дѣяку Богдану, отговорився всякими мѣрами, будетъ отговоръ не иметь, государева кречетника послати, которой бы былъ досужъ и навичень. А будетъ начаютъ, что птицы носить будутъ для того, что имъ въ дороге ученя не будетъ, — и Федору и дѣяку Богдану потому и отговаривать и кречетниковъ не посылать. А будетъ учнутъ говорить накрепко отъ шаха, чтобъ велѣли государеву кречетнику государевыхъ птицъ къ ловле приводити, а отговоритца будетъ не мочно, — и Федору и дѣяку Богдану велѣти государеву кречетнику птицъ приводити по ихъ обычею, какъ государевы кречетники на то извичены. А будетъ шахъ учнетъ говорити, чтобъ оставити у него для птицъ государева кречетника или ястребника или дву на время, — и Федору Исаковичю и дѣяку Богдану отговаривати: о томъ у нихъ государева указу нѣтъ, и имъ безъ государева указу ныне оставити не смѣтъ, чтобъ на нихъ того шахово в-во не пыталъ, чтобъ имъ за то отъ государя въ опале не быть, только имъ учинити безъ государева наказа. А будетъ шахъ за то упрямитьца и учнетъ о томъ говорити накрепко, а государеве ссылке будетъ радъ и во всемъ зъ государемъ похочеть быти въ дружбе и въ любви, ко всякому добру будетъ придвиженъ, и на помочъ казны послати похочеть, — и Федору Исаковичю и дѣяку Богдану оставити кречетника которого одного изъ молодыхъ, которой бы ко птицамъ зналъ гораздо и во всемъ къ тому дѣлу былъ навичень, а оставити на время и о томъ договоритца: какъ будутъ къ шаху иные государевы послы или посланники, или гонцы, или отъ шаха къ государю пойдутъ послы или посланники, или гонцы, и шаху того государева кречетника отпустить съ ними, не задержавъ.

Да память Федору Исаковичю Леонтьеву да дѣяку Богдану Тимоѣеву. Нѣчто шахъ пришлетъ къ нимъ свое жалованье, платье, на подворье и велитъ имъ ѣхати въ своемъ платье, и кого къ нимъ о томъ пришлетъ, — и Федору и дѣяку Богдану говорити: то государя вашего Аббасъ шахова в-ва къ великому государю нашему нелюбовь, а къ намъ то его нежалованье, безчестье, что намъ велитъ ѣхати въ своемъ

жалованье, въ платье: у великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. с. въ поведеняхъ ведетца отъ предковъ его великихъ государей царей російскихъ: всѣхъ государей пословъ и посланниковъ государь жалуетъ, велитъ на нихъ свое государево жалованье власти при своихъ царскихъ очехъ. И только бѣ шахъ насъ по тому жъ пожаловалъ, велѣлъ на насъ свое жалованье положить передъ собою— въ томъ его воля, а ныне намъ къ шаху ѣхати въ его платье непригоже, тѣмъ бы насъ не безчестилъ, нашему закону то противно, что ходити въ платье не по своему обычею; а которые послы и посланники, и гонцы бывали у прежнихъ великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей російскихъ и ныне у великого государя нашего, его царского в-ва, и тѣ всѣ видали царского в-ва очи въ своемъ платье по своему обычаю, а не въ царскомъ жалованье, и шахъ бы надъ нами такъ же велѣлъ учинить. Да однолично всякими мѣрами о томъ отговариватьца, смотря по тамошнему дѣлу, а къ шаху въ его платѣ не ходити.

Да память Федору Исаковичю да дьяку Богдану. Будеть которые торговые люди похотятъ съ ними ѣхати въ Кизылбашу или исъ которыхъ понизовныхъ городовъ,—и Федору и Богдану взяти съ собою торговыхъ людей немногихъ добрыхъ, кому бѣ мочно вѣрити, съ поруками, кто бѣ былъ не воръ и не бражникъ, а бражниковъ, воровъ и иноземцовъ отнюдь никою не имати, а взяти съ собою человекъ до семи и до осьми, а больша десяти человекъ не имати, а о томъ заказать накрѣпко и самимъ того беречи накрѣпко, чтобъ тѣ торговые, люди заповедныхъ товаровъ, птицъ никакихъ и соболей, и куницъ, и бѣловъ живыхъ, и желѣза, и воску, и никакихъ заповедныхъ товаровъ, однолично съ собою не возили, и самимъ къ шаху въ поминкахъ птицъ никакихъ, вретовъ, соболей и ястребовъ, въ поминкахъ не носити. Отставить рядовое не самое много.

Да память Федору Исаковичю Леонтьеву да дьяку Богдану Тимофѣеву. Послано съ ними въ запасъ два постава сукна настрафилю да пять сороковъ соболей, да пять лисицъ черныхъ на роздачу для черкасскихъ князей и мурзь, только пойдуть черезъ Кабарду и черезъ горы. И только Федоръ и Богданъ съ шаховыми посланники пойдуть на Терекъ, а съ Терекъ черезъ Кабарду и черезъ горы, и по государевымъ проезжимъ грамотамъ, которые съ ними къ черкасскимъ княземъ и къ мурзамъ посланы, учнутъ къ нимъ черкасскіе князи и мурзы приѣзжати и ихъ провожати, и Федору и Богдану черкасскимъ княземъ и мурзамъ исъ тѣхъ соболей и лисицъ давати государева

жалованья, кому что пригоже, смотря по службе и по радѣнью и по человѣку. А что кому государева жалованья дадутъ, — и Ѳедору и Богдану то велѣти записать. А будетъ тѣхъ суконъ и соболей, и лисицъ черкасскимъ княземъ не роздадутъ, и имъ на тѣ сукна и соболи, и лисицы купити въ Кизылбашехъ на государя всякихъ узорочей, которые къ государеве казне пригодятца.

Да память Ѳедору Исаковичю да діяку Богдану Тимоѣеву. Будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ ихъ спрашивать о Иване о Хохлове да о Якушке о Глядкове съ товарищи, которые присланы были къ шахову в—ву изъ Асторохани отъ вора отъ Иваша Зарутцкого и отъ Маринки, называя воровского сына государскимъ сыномъ, и объ нихъ великій государь ихъ приказывалъ къ царскому в—ву съ посланникомъ своимъ, зъ Булатъ бекомъ, чтобъ царскому в—ву для братцкіе дружбы и любви шахъ Аббасова в—ва тѣхъ винныхъ, Ивана Хохлова, Якуша Глядкова, съ товарищи, пожаловать, хотя будетъ они достойны и смертныя казни, и имъ бы и смертная казнь отдать; а которые винныя люди у великого государя ихъ и хотя потому жъ будутъ достойны смертныя казни, а царское в—во только объ нихъ свое царское милостивое слово къ брату своему, къ шахъ Аббасову в—ву пришетъ, и государь ихъ, шахъ Аббасово в., своимъ виннымъ также опалу свою и смертную казнь отдастъ, — и имъ про то вѣдомо-ль: царское в—во тѣхъ винныхъ для брата своего шахъ Аббасова в. пожаловалъ ли? И Ѳедору и Богдану говорити: про то имъ вѣдомо, что шахъ Аббасово в—во Ивана Хохлова съ товарищи къ царскому в—ву прислалъ съ великого государя нашего посланникомъ съ Михайломъ Тихановымъ и зъ своимъ посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ, вмѣсте, и объ нихъ къ великому государю нашему къ его ц. в. съ посланникомъ своимъ зъ Булатъ бекомъ приказывалъ, чтобъ царскому в—ву для ево, брата своего, великого государя вашего шахъ Аббасова в—ва братцкіе дружбы и любви тѣхъ винныхъ пожаловать, смертная казнь имъ отдать. И хоти были тѣ воры за ихъ многое воровство и за измѣну, что онѣ къ шахову в—ву ѣздили отъ вора, называючи ево государскимъ сыномъ, и просили у шахова в—ва тому вору и воровке, для ихъ воровства, казни и помочи противъ его царского величества на розлитіе крови, и для того, что они, будучи у шахова в., многую смуту межъ Російского государства чинили: воровского Маринкина сына называли прямымъ государскимъ сыномъ и мать его, ворику Маринку, называли государынею, и многіе ссорныя воровскіе слова на крестьянское кроворозлитіе шахову в—ву вмещали, — довелись многихъ мукъ и смертныя казни,

да великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с., по своему царскому милосердому нраву и для великого государя вашего шахъ Аббасова в—ва братцкіе дружбы и любви, и хотя съ нимъ, великимъ государемъ вашимъ, впередъ по тому жъ быти въ братцкой дружбе и въ любви на веки неподвижно, тѣхъ всѣхъ винныхъ, Ивана Хохлова, Якуша Глядкова съ товарищи, пожаловаль, смертную казнь имъ отдалъ и въ своемъ царскомъ жалованье и въ прирѣнье учинилъ ихъ по прежнему. И великій государь вашъ шахъ Аббасово в—во то отъ царского величества принялъ въ любовь и съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, былъ въ братцкой дружбе и въ любви навеки неподвиженъ. И о чемъ великій государь нашъ къ великому государю вашему къ шахъ Аббасову в. съ посланники своими или зъ гонцы отпишетъ или прикажетъ, и великій бы государь вашъ по тому жъ на всякое добро и на братственную любовь и дружбу съ великимъ государемъ нашимъ былъ подвиженъ. И хотя будетъ шахъ или его ближніе люди и спрашивати про то не учнутъ, и Ѳедору и дьяку Богдану, изговоря рѣчь по большому государеву наказу, про то шаху или ево ближнимъ людямъ объявити, чтобъ про то шаху было вѣдомо.

Роспись, что послано отъ государя въ шаху поминковъ съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да зъ дьякомъ зъ Богданомъ Тимоѳеевымъ:

Сорокъ соболей въ 200 рублей, сорокъ во 150 рублей, сорокъ во 100 рублей; лисица черна въ 30 рублей, лисица черна въ 20 рублей; 5 пудъ рыба большого зубу; да восемь кречетовъ: 2 кречета красныхъ, 2 кречета подкрасныхъ, 2 кречета кропленныхъ, 2 кречета сѣрыхъ; да 3 ястребы.

А шаху явити на посольстве перечнемъ, а цены не объявлять: 3 сороковъ соболей, 2 лисицы черны, 5 пудъ рыба зубу, 8 кречетовъ: 2 красныхъ, 2 подкрасныхъ, 2 кропленныхъ, 2 сѣрыхъ; 3 ястребы.

И маія въ 23 де(нь) въ пятницу государевы посланники, Ѳедоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѳеевъ съ Москвы къ шаху отпущены; а государева грамота къ шаху послана съ ними отъ государя такова ¹⁾

.....
И какъ его поставили съ переводчикомъ съ Семейкою съ очей на очи, и подъячей Иванъ сказалъ: выкладывали у него толмачи

¹⁾ См. раньше, стр. 172—177.

Семейка Ондрѣевъ да Семейка Гарасимовъ, а онъ тутъ же былъ, и то онъ вѣдалъ, что шахъ послалъ 10.000 тюменей; а слышелъ про то у толмачей; а Федору де про то какъ было не вѣдать?

И допрашиванъ подъячей: для чего у него того въ списке не написано и для чего объ томъ къ государю въ отписке ямянно не написали, а написали, что про то невѣдомо. И подъячей сказалъ: онъ былъ человекъ невольной, подначальной, какъ ему Федоръ велѣлъ писати, и онъ такъ и писалъ.

И ноября въ 21 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу спрашиванъ Федоръ Левонтьевъ: вѣдалъ ли онъ, Федоръ, что шахъ ко государю денежные казны съ послы своими послалъ и гдѣ про то свѣдалъ, и для чего о томъ ко государю ямянно не отписалъ, и государю самому про то не сказалъ, какъ государь его спрашивалъ? Да онъ же сказалъ, что шлетъ шахъ ко государю суды золотые и то дары велѣлъ продавать, да денги государю давать, а послы сказали: того ничего нѣтъ. И на чомъ шаху билъ челомъ, какъ ему шахъ велѣлъ сказать тихонько, что онъ ко государю казны шлетъ, а ему велено у шаха казны просить въ займы, а не челобитьемъ и бить челомъ о томъ шаху не велено, а то шахъ говорилъ тайно невѣдомо о чомъ, а онъ, вставъ, да билъ челомъ.

Да Федоръ же спрашиванъ противъ письма кизылбашскихъ пословъ: сказывали про него кизылбашскіе послы, что велѣлъ ему, Федору, шахъ приходити къ себѣ въ комнату безъ опсылки по вся дни и по вся часы, чтобъ онъ ему про всякіе государевы дела сказывалъ, что съ нимъ наказано, и шахъ де хотѣлъ государевъ приказъ исполнити, и онъ будто своею дуростью и спесью къ шаху не ходилъ, а коли и придетъ, и шахъ деи его пожалуетъ исъ своихъ рукъ какимъ питьемъ, и онъ де, Федоръ, иную чарку выпьетъ вполы, а иную, прикушавъ, отдастъ да и тутъ охнетъ,—и шаху деи то стало за кручину. Хотѣлъ деи былъ шахъ послати ко государю и больши того казны, да онъ де Федоръ говорилъ о казнѣ только одинова. А какъ деи шахъ его, Федора, отпустилъ и велѣлъ деи ему подождати на стану своего жалованья, и послалъ деи шахъ къ нему зъ Булатъ бекомъ своего жалованья сто тюменей, и онъ деи, Федоръ, и того шахова жалованья не дождался, съ стану съѣхалъ, и шаху деи стало за кручину и давать ему того своего жалованья не велѣлъ. И онъ, Федоръ, для чего такъ дѣлалъ упрямо: къ шаху не ходилъ и о государевыхъ дѣлахъ и о казнѣ не говорилъ, и для чего не пилъ, что шахъ подавалъ, и для чего не ждалъ шахова жалованья на стану?

И ноября въ 25 де(нь) Ѳедоръ Левонтьевъ съ переводчикомъ съ Семейкою съ очи на очи въ роспросе сказалъ, что Семейку въ Исупъ хану на завтрее отпуску посылалъ для подводу и спросить велѣлъ Исупъ хана: посылаетъ ли шахъ ко государю казну, а имянно о томъ спрашивать не велѣлъ, сколько шахъ казны посылаетъ. И переводчикъ ему, Семейка, о томъ не сказывалъ.

А Семейка съ очей на очи съ Ѳедоромъ говорилъ, что посылалъ его имянно о томъ спрашивать и онъ спрашивалъ, и Исупъ ханъ ему сказалъ, что посылаетъ 1.000 тюменей, да слался въ томъ на Семейку Горасимова, что и Семейка съ нимъ ѣздилъ. И сказывали про то, пріѣхавъ, Ѳедору оба, что Исупъ ханъ имъ сказалъ, что посылаетъ шахъ 1.000 тюменей.

А Семейка Горасимовъ съ очей на очи сказалъ тожь, что и онъ съ Семейкою Ондрѣевымъ ѣздилъ, и Исупъ ханъ имъ про то сказалъ, и они, пріѣхавъ, Ѳедору сказали.

А Ѳедоръ говорилъ, что никакъ онъ о томъ спрашивать не велѣлъ, и они ему не сказывали, а слышелъ въ разговорехъ и не у одного, что посылаетъ 1.000 тюменей, а иные говорили больши, и онъ того для имянно и не писалъ, что нѣчему вѣрить.

. . . .слалетъ казны, а толмачи, которые съ нимъ были, сказываютъ, что онъ то вѣдалъ: назавтрее де того, какъ его шахъ отпустилъ, посылалъ онъ къ Исупъ хану о томъ провѣдывать толмача Семейку Ондрѣева, и Исупъ ханъ къ нему съ Семейкою приказалъ, что посылаетъ шахъ 1.000 тюменей; а на завтрее ему Исупъ ханъ и самъ сказалъ, что посылаетъ шахъ 1.000 тюменей, и онъ для чего о томъ ко государю не писалъ и въ списке такъ для чего не написалъ?

И Ѳедоръ сказалъ: слышелъ онъ то въ разговорехъ не у одного Исупъ хана, и у многихъ людей. Иные сказывали, что посылаетъ шахъ 1.000 тюменей, а иные сказываютъ, что посылаетъ и 100.000 тюменей. Мало-ль чего сказывали, да онъ тому не вѣрилъ, что у шаха изъ усть о томъ не слышелъ, потому и ко государю имянно не писалъ и въ списокъ того писати не велѣлъ, что не вѣсть чему вѣрить. А Семейки онъ Ондрѣева къ Исупъ хану не посылавалъ, Семейка мало и у дѣла былъ: немогъ. И шахъ и шаковы ближніе люди Семейкѣ не вѣрили, и онъ его для того и не посылалъ, то на него Семейка затѣвалъ, что онъ его къ Исупъ хану.....

О Т Р Ы В О К Ъ ¹⁾.

... и иную тяжелую рухлядь, которую кизылбашской посолью похочеть оставити, тоѣ бы еси рухлядь всю после себя перевести велѣлъ въ Нижней же на подводахъ. И пришеде съ кизылбашскимъ посломъ и съ купцомъ въ Нижней Новгородъ, и съ нимъ стаде. Да какъ Волга станеть и гораздо укрепитца, и ты бѣ съ кизылбашскимъ посломъ шель въ Казань и шель на нижегородцкихъ подводахъ Волгою до тѣхъ мѣсть, до конхъ мѣсть ходятъ, а отъ тѣхъ мѣсть подводы бы еси подъ кизылбашского посла и подъ дворянъ, и подъ людей его, и подъ купца, и подъ рухлядь ихъ ималъ у всякихъ людей столько жъ, на колькихъ изъ Нижнего пойдешъ. А шель бы еси Волгою, а горою однолично не ходилъ. А подъ себя и подъ толмачей подводы ималъ по подорожнымъ, а подъ стрельцовъ для береженья до Казани велѣлъ имати по подводе подъ челоуѣка. А что еси писалъ, что кормовыхъ денегъ у тебя только стало октября по 24 день, и ты бѣ про кизылбашского посла кормъ до Нижнего ималъ у всякихъ людей безденежно. А какъ въ Нижней придеши, и ты бѣ про кизылбашского посла и про дворянъ и про людей на кормъ деньги ималъ, и медъ и вино ималъ по розписи въ Нижнемъ у воеводы у Левонтья у Оксакова и у дьяка у Ивашки. . . .

¹⁾ Столбецъ, попавшій въ это дѣло, по всей вѣроятности, относится къ третьему приѣзду Андѣ-бека въ Россію. (См. 1-й томъ Дипломат. сношеній Московской Руси съ Персіей, стр. 287—318). Такъ надо заключать по имени нижегородскаго воеводы Леонтія Аксакова и дьяка Ивана (Шарапова).

1616 феврал. 8—іюля. Челобитныя персидскаго купчины Хозя Назамедина и прикащиквъ его о вятыхъ у нихъ въ Астрахани на государя товарахъ, и по онымъ отпускъ въ Казань и Астрахань государевыхъ грамотъ. На 57 листахъ.

Лѣта 7124-го февраля въ 8 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу память діаку Саве Раманчукову въ приказъ казанскаго дворца къ діакомъ, къ думному къ Петру Третьякову да къ Петру Мишулину съ товарищи. Въ памяти за твоею, Савиню, приписью написано: велено выписать сколько взято на государя въ Астарахани въ прошломъ во 123-мъ году кизылбашскаго Хозя Назамедина какихъ товаровъ и что ему цена, и даны ль ему за тѣ его товары по ценѣ денги, да та выпись велено прислати въ посольской привязъ. И въ прошломъ во 123-мъ году іюня въ 13 де(нь) писали ко государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. изъ Астарахани бояринъ и воеводи, князь Иванъ Никитичъ Одоевской съ товарищи, и прислали ко государю съ казанцомъ съ Сергѣемъ Москотинеевымъ товаровъ, а вьаты тѣ товары въ Астарахани кизылбашскаго купчины у Хозя Назамединова человѣка у Хозя Аната, а сказалъ Хозя Анатъ: лежалъ де у него тотъ товаръ въ Астарахани скороненъ восемь лѣтъ, а денегъ за тѣ товары въ Астарахани Хозя Назамединову человѣку Хозя Нату не дано; а говорилъ Хозя Анатъ, чтобъ тѣ денги дати хозяину ево въ Казани. И въ прошломъ же во 123-мъ году іюня въ 21 де(нь) послана государева ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. грамота въ Казань къ боярину и воеводе, ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да къ діаку къ Федору Лихачеву, а велено за тѣ товары кизылбашскому купчину Хозя Назамединову по астараханской ценѣ денги сто семьдесятъ одинъ рубль дватцать алтынъ дати изъ государевы казны въ Казани, и изъ Казани бояринъ и воеводи о томъ ко государю не писывали: даны-ли кизылбашскому купчине Хозя Назамединову за тѣ его товары по ценѣ денги, или не дано, и того въ приказе казанскаго дворца не вѣдомо. А сколько товаровъ изъ Астарахани ко государю прислано и что за нихъ по астараханской ценѣ порознь, и тому послана къ тебѣ роспись съ сею памятью за дьячьею приписью.

Роспись, что прислано ко государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. изъ Астарахани бархатовъ и дорогъ съ Сергѣемъ Москотинеевымъ:

Бархатъ серебрянъ съ шолки цветными, цена 16 рублевъ; 3 бархата червьчетыхъ, цена по 7 рублевъ съ полтиною; 2 бархата зеленыхъ, цена по 7 рублевъ съ полтиною; бархатъ тоусинной, цена 7 рублевъ съ полтиною; 2 бархата черныхъ, цена по 7 рублевъ съ полтиною; камка шолкъ яринной да рудожелтъ, цена 6 рублевъ; камка шолкъ дымчетъ да зеленъ, цена 6 рублевъ; камка шолкъ дымчетъ да яриненъ, цена 6 рублевъ; камка зелена, цена 5 рублевъ съ полтиною; 5 камокъ яринной цвѣтъ, цена по 5 рублевъ; 2 камки рудожелтыхъ, цена по 4 рубли съ полтиною; камка шолкъ аль да яриненъ, цена 4 рубли; камка шолкъ яриненъ да червчетъ, цена 4 рубли; камка шолкъ глиниастъ да яринной, цена 4 рубли; камка шолкъ желтъ да дымчатъ, цена 3 рубли; 12 дороговъ червьчетыхъ, цена по 60 алтынъ; дороги полосаты, цена по 2 рубли,—и всего 171 рубль 20 алтынъ.

По склейкамъ скръпи: Діавъ Иванъ Шевыревъ. *Помѣта:* Справилъ Иванъ Переносовъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Григорью Петровичю Ромодановскому да думному дворенину Кузьмѣ Миничю, да дьяку нашему Марку Поздѣву. Въ прошломъ во 123-мъ году іюня въ 21 де(нь) послана въ Казань къ боярину нашему и воеводе, ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да къ діаку къ Ѳедору Лихачеву, наша грамота, а велено имъ дати изъ наше казны кизылбашскому купчине Хозе Незамедину за его товары, что у него взято на насъ въ Астарахани, деньги по астараханской ценѣ сто семьдесятъ одинъ рубль дватцать алтынъ. А какъ они тѣ деньги купчине изъ наше казны дадутъ, и о томъ велено имъ отписати къ намъ, къ Москве. И бояринъ нашъ и воевода князь Иванъ Михайловичъ Воротыпской и дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ о томъ къ намъ не писывали и по ся мѣста, и намъ того не вѣдомо: даны ль ему тѣ деньги за тѣ его товары, или не даны. А ныне намъ купчина Хозя Незамединъ билъ челомъ, что ему за тѣ его товары, что взяли на насъ въ Астарахани, въ Казани денегъ не дано и по ся мѣста, и намъ бы его пожаловати, велѣти за тѣ его товары деньги заплатити изъ наше казны въ Казани. И мы его, купчину, пожаловали, велѣли ему за тѣ его товары деньги сто семьдесятъ одинъ рубль дватцать алтынъ изъ наше казны дати, будетъ ему тѣхъ денегъ по ся мѣста не дано. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ ему, купчине, велѣли за тѣ его товары изъ наше казны деньги сто семьдесятъ одинъ рубль

двѣдцать алтынъ дати. А какъ ему тѣ деньги дадите, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ, въ Москвѣ, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Савѣ Раманчукову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го февраля въ 9 день.

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ кызылбашенинъ торговой человѣкъ Осанко Максютинъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р.; пожалуй меня, вели, государь, мнѣ дати подорожную на Ярославль и до Нижнево, и до Казани, и до Астарахани; а товару у меня четыре сорока соболей да шесть сороковъ хорьковъ, да лабяжья пуху пудъ, да тридцать пять скляницъ виницейскихъ, пятнатцать череновъ рыбьихъ, да сукна семь аршинъ ровныхъ, да два погребца винныхъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй! *Помѣта:* дати.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Ярославля и до Мурома, и до Нижнего Новгорода, и до Восня города, и до Кузюдемьянска, и до Чебоксарь, и до Свѣдского, и до Казани, и до Астарахани бояромъ нашимъ и воеводамъ, и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. Вилъ намъ челомъ кызылбашенинъ торговой человѣкъ Асанъ Максютинъ, а сказалъ: прїѣхалъ де онъ къ Москвѣ (*и проч.*). И мы его пожаловали, велѣли ему дати нашу проѣзжую грамоту и пропускати его по городомъ съ тѣмъ ево товаромъ безъ задержанья. И по городомъ бояромъ нашимъ и воеводамъ и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ его, Осана, пропускати съ товаромъ его безъ задержанья; а наша пошлина съ него и съ товаровъ его имати по нашему указу. А въ Астарахани боярину нашему и воеводамъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Ѳедору Лихачеву да Гаврилу Богданову, по тому жъ ему, Асану, велѣти торговати, а наши пошлины съ него и съ ево товаровъ имати по нашему жъ указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го февраля въ 18 де(нь).

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ купчининъ Хоже Назомодинъ прикащикъ Кузьмаметъ. Милостивый царь г. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., пожалуй, государь, вели, государь, меня отпустить назадъ купчинѣ къ своему съ таварамъ, и вели, государь, мнѣ дати подорожную. А товаръ у меня, которой сюды превезень, и тотъ у мѣня не проданъ и везу его назадъ въ Казань. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ

купчининъ Хоже Назомединъ приващигъ Кузь Мамедъ. Привезъ я купчины своего товару къ Москвѣ продавати, и я товару всего продалъ здеса на Москвѣ со сто рублей, а весь товаръ у меня не проданъ, а везу ево съ собою назадъ купчинѣ, а здеса у меня прошають твоихъ государевыхъ пошлинь таможной-голова Григорей Твердиновъ съ товарищи и съ тово-товару, которой у меня не проданъ; а ты, государь, пожаловаль купчину моего, велѣлъ торговати безошлино. Милосердый царь г. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., пожалуй, государь, не вели, государь, на мнѣ взяти своихъ государевыхъ пошлинь и вели, государь, отпустить безошлино. Царь государь, смилуйся, пожалуй. *Внизу:* Память послана. *На оборотѣ:* Государь пожаловаль, пошлинь съ того товару имати не велѣлъ.

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ кизылбашского царя шахъ Аббаса купчина Нуземадинъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., пожалуй меня, вели, государь, меня отпустить въ Кизылбаши ись Казани весною съ караманомъ къ своему государю шахъ Аббасу съ таваромъ и зъ женою, и зъ детьми, и съ людьми. А сверхъ моего товару двѣ бочки ножей. И вели, государь, мнѣ свое царское жалованье струги и гребцовъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй! *На оборотѣ:* Дать грамота, велѣть отпустить по тому жъ, какъ и прежнихъ купчинъ отпускавали.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому да князю Семену Никитичю Гагарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Оеонасью Истомину. Билъ намъ челомъ кизылбашенинъ шахъ Аббасовъ купчина Незамединъ, чтобъ намъ его пожаловати (*и проч.*). И какъ въ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ кизылбашского Хозя Незамедина и зъ женою его, и зъ дѣтьми, и съ товаромъ ись Казани отпустили въ Астараханъ по тому жъ, какъ и прежь сего ись Казани шаховыхъ купчинъ отпускавали, давъ ему кормъ и подводы или суды и гребцовъ, и кормщиковъ, да и въ приставстве бѣ есте съ нимъ послали, кого будетъ пригоже. А которого числа купчину ись Казани въ Астараханъ отпустите и кого именемъ съ нимъ въ приставстве пошлете, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе дѣякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчукову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го февраля въ 18 де(нь).

Царю государю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ

купчина Нюзиманидинъ приказщикъ Позь Маметко. Продавъ, государь, а въ Ярославле купчинина товару и съ того, государь, товару просать въ Ярославле твоихъ государевыхъ пошлинъ, а купчину, государь, ты пожаловалъ, велѣлъ ты, государь, ему торговать безпошлинно, а у меня, государь, просать съ его товару пошлинъ, а дове(де)тца, государь, съ его товару пошлинъ рублевъ съ тридцать, и я, государь, въ пошлинахъ оставилъ человекъ въ закладе въ Ярославле. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., пожалуй, государь, вели дать свою государеву грамоту, а по своей государеве грамоте не вели съ того товару своихъ государевыхъ пошлинъ взять, да и прежніе, государь, пошлины вели отдать, которые взяты у купчинина жъ человекъ, у Ивана, безъ твоего государева указа съ купчинина жъ товару. Царь государь, смилуйся, пожалуй! *На оборотъ*: Государь пожаловалъ, пошлинъ съ того товару имати не велѣлъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Ярославль воеводе нашему Григорью Григорьевичю Пушкину. Билъ намъ челомъ князьбашского шахъ Аббасова купчины Хози Незамедина приказщикъ Хозь Магметъ, а сказалъ (*и прч.*). И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ тѣхъ дошлинъ съ тѣхъ купчинныхъ товаровъ у приказщика его, у Хозь Маметя, имати не велѣлъ и человекъ его отпустилъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124, еевраля въ 19 (?) де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳеевичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Овонасью Истомину. Въ прошломъ во 123-мъ году посланы въ Казань къ воеводамъ наши грамоты, а велено ко всякимъ иноземцомъ береженье держати великое и приставовъ къ нимъ велено приставливать и пущать ихъ никуда съ товары и безъ товаровъ безъ нашего указа не велено. А будетъ которые иноземцы учнутъ намъ о чемъ бити челомъ, и о томъ имъ велено писати и тѣ ихъ челобитные прислати къ намъ къ Москве. И въ нынешнемъ во 124-мъ году генваря въ „ “ де(нь) прѣхали къ намъ къ Москве изъ Казани князьбашского шахъ Аббасова купчины Хози Незамедина человекъ Хозя Магметъ да торговой человекъ Асанъ Максютовъ, а сказали, что ихъ изъ Казани отпустилъ къ Москве дѣакъ Ѳедоръ Лихачевъ по ихъ челобитью и проезжею грамоту ему далъ, и тоѣ проезжую грамоту взяли у нихъ воеводы въ Нижнемъ, а имъ дали новую проезжую грамоту. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ тѣ наши прежніе грамоты велѣли смсати, а смсавъ, держали бѣ естя ко

всѣмъ иноземцомъ по прежнимъ нашимъ и по сей нашей грамоте береженье великое и приставовъ къ нимъ приставливали, и пуцати ихъ изъ Казани съ товары и безъ товаровъ безъ нашего указу къ Москве не велѣли. А будетъ которые иноземцы о чемъ похотятъ бити челомъ, и они бѣ приносили тѣ челобитные къ вамъ, а вы тѣ ихъ челобитные учнете посылать къ намъ въ Москву, и мы по тѣмъ ихъ челобитнымъ велимъ тотчасъ нашъ указъ учинить. Да тѣ бѣ есте ихъ челобитные у нихъ имали и о всякихъ ихъ нуждахъ писали, и тѣ ихъ челобитные присылали къ намъ къ Москве, а отписки и челобитные велѣли отдавати въ посольскомъ приказе діаконъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову, и мы велимъ по тѣмъ челобитнымъ нашъ указъ учинить. Писанъ на Москвѣ лѣта 7184-го февраля въ 25 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенька Гогаринъ, Ондришка Подлѣсовъ, Ошонька Истоминонъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году апрѣля въ 16 день билъ челомъ тебѣ государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. шагъ Абаса царя купчина Хозя Назямадинъ, а къ намъ, холопомъ твоимъ, прислалъ челобитную. И мы, холопи твои, тоѣ его челобитную послали къ тебѣ, ко государю, подклея подъ сею отпискою.

На адресъ: 124-го, маія въ 14 де(нь) съ казанцомъ въ Безсономъ Васильчинимъ.

Царю г. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьеть челомъ шагъ Абаса царя купчина Хозя Назямадинъ. Въ прошломъ, государь, во 123-мъ году посылалъ, государь, я изъ Казани прикащика своего Анаята въ Нижней и въ Ерославль торговати со многими товары государя своего царя шагъ Абаса, и изъ Ерославля онъ ѣздилъ къ Москве и съ Москвы онъ былъ отпущенъ, и прикащика моего Анаята подъ Москвою воры убили и животъ государя нашего шагъ Абаса царя розграбили, и я, послыша то, билъ челомъ тебѣ государю о сыску о всемъ животѣ, что было отпущено съ прикащикомъ моимъ Анаятомъ. И нынѣ, государь, слухъ мнѣ дошелъ изъ Нижнево отъ человекъ моего Осана, которой былъ посланъ съ тѣмъ Анаятомъ въ товарищахъ, а посылалъ я въ Нижней провѣдывати племянника своего, и тотъ Осанъ сказалъ въ Нижнемъ племяннику моему, что взяли воры живота государя моего шагъ Абаса царя у прикащика моего Анаята денегъ пятьдесятъ рублей, шестьдесятъ золотниковъ жемчюгу, да шубу соболью новую, да саблю, а послѣдней животъ весь, что былъ посланъ

съ прикащикомъ моимъ, Анаятою, и тотъ его животь человекъ мой Осанъ привезъ въ Нижней. А которые воры прикащика моего убили и что у него взято живота государя моего ц. шихъ Абаса, и тѣ воры переиманы и животь государя моего на Москвѣ въ твою царскую казну. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., покажи милость, вели, государь, изъ Казани отписати къ Москве и вели, государь, тотъ животь государя моего царя шихъ Абаса изъ своей царскіе казны отдати на Москвѣ послу государя нашего Пулатъ бету (sic), которой животь у воровъ сысканъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Помѣта: Отписать: животь, которой у Осанка, велено отослать; а воровъ не сыскано, велено про нихъ Осанка роспрашивать, а какъ ихъ сыщутъ и что будетъ живота отыщутъ, то ему велеть дати; а воровъ казнить.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳевиичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Оеонасью Истомину. Маія въ 14 де(нь) писали есте къ намъ съ казанцомъ въ Безсономъ Васильчинимъ и прислали шахъ Аббасова купчины Хози Назамадина челобитную, а въ челобитной его написано: въ прошломъ де во 123-мъ году (и проч.)... отдати кызылбашскому посланнигу Булатъ бегу. И отъ насъ въ Нижней къ боярину нашему и воеводамъ, ко князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому съ товарищи, писано, а велено тотъ товаръ, что у Осанка, отослати изъ Нижнего къ вамъ въ Казань тотчасъ съ сыномъ боярскимъ добрымъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а изъ Нижнего къ вамъ въ Казань тотъ товаръ пришлютъ, и вы бъ того Осанка съ тѣмъ товаромъ отослали къ купчине къ Хози Незамедину на подворье съ кѣмъ будетъ пригоже, а велѣли ему сказать: Осанка съ товары у тѣхъ разбойниковъ ушолъ, и мы, великій государь, его, купчину, пожаловали, велѣли тѣ его товары и Осанка отдати ему; а воровъ, которые прикащика его убили, ещо по ся мѣста не сыскано; а велено про тѣхъ воровъ въ Нижнемъ Осанка роспросити подлинно, хто ихъ именемъ разбойниковъ разбивалъ, и знаетъ ли онъ кого въ лицо; а роспрося, велено о томъ отписати къ намъ, къ Москве. А какъ къ намъ изъ Нижнего о томъ отпишютъ и только тѣхъ воровъ и что будетъ живота его сыщутъ, то ему отдати велимъ, а тѣхъ воровъ велимъ за ихъ воровство казнить. Да что купчина съ тѣмъ, съ кѣмъ товары къ нему пошлете, поговорить, и которого числа купчину изъ Казани

отпустите, и вы бѣ о томъ о всемъ отписали къ намъ къ Москвѣ, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ діавомъ нашимъ, думному Петру. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го маія въ 17 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Бахтеяровъ Ростовской, Бориско Нащокинъ да Демка Образцовъ, челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 124-мъ году апрѣля въ 12 день сказывалъ намъ, холопомъ твоимъ, нижегородцкихъ стрельцовъ сотникъ Борисъ Бѣлово: явились де въ Нижнемъ у торгового человѣка у гилянца у Осанка Максютина кизылбашскіе товары, камни и луки, а сего де, государь, великого поста, пріѣхавъ въ Нижней, Осанко въ разговорѣ говорилъ, что его, Осанка, а съ нимъ кизылбашсково купчинина приказщика, ѣдучи съ Москвы, разбивали розбойники, и товары и животы у нихъ всѣ поимали; а пинѣ у него, Осанка, тѣ товары, которые были съ купчининимъ приказщикомъ, объявились въ Нижнемъ. И мы, холопи твои, торгового человѣка гилянца Осанка Максютина розспрашивали: какіе у него ныне кизылбашскіе товары явились? А себѣ зими поѣхалъ онъ, Осанко, къ Москвѣ изъ Нижнего съ товары кизылбашсково купчины съ приказщикомъ да зъ гречениномъ вмѣстѣ; а сего великого, государь, поста пріѣхавъ онъ, Осанко, въ Нижней, сказывалъ въ разговорѣ, какъ онъ, Осанко, съ тѣмъ купчинимъ приказщикомъ и зъ гречениномъ поѣхали съ Москвы, и на дороге де ихъ разбили розбойники, и животы у нихъ и товары поимали, а купчинина приказщика и греченина убили до смерти; а ныне у него, Осанка, въ Нижнемъ объявились тѣ зѣ товары, которые съ ними изъ Нижнего пошли къ Москвѣ, и онъ бы, Осанко, про то сказалъ подлинно, какими ихъ обычаи розбойники на дороге разбивали, и купчининъ приказщикъ и греченинъ, которые съ нимъ, Осанкомъ, съ товары ѣхали, гдѣ ныне: живы ли, или побиты? и товары у нихъ и животы, что съ ними пошло съ Москвы, все ли у нихъ розбойники поимали? и про тѣ розбой онъ, Осанко, къ тебѣ, государю, писалъ ли, и по городомъ приказнымъ людямъ являлъ ли? а которые товары ныне у него, Осанка, объявились въ Нижнемъ, и тѣ онъ товары въ Нижнемъ въ таможене головамъ объявилъ ли? И въ роспросѣ, государь, намъ, холопомъ твоимъ, гилянецъ Осанко Максютинъ сказалъ: себѣ зими изъ Казани кизылбашсково шахъ Аббасовъ купчина Хозя Мезединъ отпустилъ къ Москвѣ съ товаромъ приказщика своего Козь Мамета, и онъ, Осанко, съ тѣмъ приказщикомъ да зъ гречениномъ съ Кувьмою съ товары ѣхали къ

Москве, и на Москвѣ стояли онѣ все вместе, а на Москве у кивылбашского купчинина приказчика товары для твоего государева обиходу на казенной дворѣ имали. И съ казенного двора тѣ товары ему назадъ отданы, потому что купчининъ приказчикъ тѣмъ товаромъ своимъ велику цѣну положилъ. А иные де товары купчининъ приказчикъ на Москвѣ продавалъ на деньги. И какъ де, государь, онѣ и купчининъ приказчикъ Козь Маметь и греченинъ Кузьма поѣхали съ Москвы съ торговыми жъ со всякими людьми, и на дороге де ихъ за Мытищемъ версты съ три разбивали разбойники и купчинина приказчика Козь Маметь убили до смерти, а взяли съ него денегъ сорокъ рублевъ да шездесать золотниковъ жемчугу, да платье, что на немъ было, да саблю; а греченинъ Кузьму на томъ разбое ранили, да и многихъ де русскихъ людей, которые съ ними вмѣстѣ съ Москвы ѣхали, тѣ жъ разбойники переграбили и побили, и переранили. А которой де, государь, товаръ былъ съ купчининимъ приказчикомъ двѣ коробки, и тотъ весь товаръ, опричь что выали съ самого приказчика, онѣ, Осанко, увезъ; да и убитого приказчика и греченинъ Кузьму после разбою везъ онѣ, Осанко, и въ Переславле въ Залѣскомъ, въ никитцкомъ монастырѣ греченинъ Кузьму, по его Кузьмину велѣнью, отдалъ его со всемъ, что съ нимъ было, игумену зъ братьею, а игуменъ зъ братьею въ томъ ему, Осанку, во всемъ дали отпись за своими руками; а приказчика Козь Маметь везъ онѣ съ собою до костромского уѣзда, а изъ костромского уѣзда отпустилъ его съ романовскими тотары, а велѣлъ имъ похоронити въ татарскомъ кладбище, а какъ тѣхъ романовскихъ тотаръ имена, и онѣ про то запаметовалъ. А пріѣхавъ де, государь, онѣ, Осанко, въ Ярославль, воеводе Григорью Пушкину и въ таможене головамъ про тотъ разбой сказывалъ и тотъ купчининъ товаръ, что онѣ увезъ у разбойниковъ, въ Ярославле въ таможене объявилъ, и въ Ярославле таможенные головы, снявъ у тѣхъ коробей печати, товары и деньги пересмотривъ и переписавъ, запечатали таможенною печатью и отдали ему, Осанку, и роспись ему тому товару по своему смотрю за таможенною жъ печатью дали, и ныне та роспись у него. А изъ Ярославля онѣ, Осанко, съ тѣмъ товаромъ пріѣхавъ въ Нижней, въ таможене головамъ явился по купчининой подорожной, и ныне тотъ весь товаръ и деньги въ дву коробяхъ за Ярославскою таможенною печатью у него, Осанка, цѣль. А въ Казань хъ кивылбашскому купчине Хоже Мезондину писалъ онѣ, что приказчика его съ Москвы на дороге разбойники убили, а товаръ его весь и деньги, что съ

Москвы съ его приказщикомъ пошло, цѣль у него, у Осанка, оиричь того, что съ приказщика его взяли, и онъ бы о томъ своемъ товару билъ челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. И мы, государь, холопи твои, таможенную голову, гостя Ивана Сверчкова розпрашивали: гилянецъ Осанко, прїѣхавъ ныне съ Москвы въ Нижней, какіе товары въ таможе объявилъ ли? И таможенная голова гость Иванъ Сверчковъ сказалъ, что у нихъ въ таможе гилянецъ Осанко, прїѣхавъ въ Нижней, никакихъ товаровъ не объявилъ, только казалъ имъ Осанко проезжую. И мы, государь, велѣли таможенному головѣ, гостю Ивану Сверчкову, да подъячему у гилянца, у Осанка, по его Осанкове скаске въ тѣхъ въ дву коробьяхъ кизылбашсково купчинина приказщика Козь Маметь, срѣзавъ печати, товаръ пересмотрити и переписать все на лицо. И Иванъ, государь, Сверчковъ да подъячей, пересмотря товару и переписавъ, въ намъ, холопомъ твоимъ, принесли роспись. И мы, государь, холопи твои, тотъ товаръ и деньги, запечатавъ въ Нижнемъ, велѣли держати до твоего государева указа. Да принесть, государь, въ намъ, холопомъ твоимъ, кизылбашского шахъ Аббасова купчины Хозя Мезединъ племянникъ Авъ Маметь о томъ дяди своего Хози Мезедина товару челобитную. И, мы, государь, холопи твои, списавъ съ тое росписи, списокъ и челобитную купчинина племянника послали къ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. подъ сею отпискою.

Роспись кизылбашсково шахъ Аббасова купчины Хозя Мезидинину товару:

Коробья ноугородцкая, а въ ней бархату вишневого полъ 10 аршина. 9 камокъ кизылбашскихъ съ розными шелки золото. 7 камокъ кизылбашскихъ цветныхъ. 2 камни рудожелтые кизылбашскіе, камка лазорева. 2 камни обьяринной цвѣтъ, камка зелена. Камка двоелишная, шолкъ бѣль да лазоревъ. Камка двоелишная, шолкъ бѣль да свѣтлозеленъ. Камка двоелишная шелкъ червчатъ да зеленъ. 4 дороги вишневы, дороги червчаты. 6 кушаковъ обьяринныхъ полосатыхъ розные шелки. 2 кушака камчатые гилянскіе розные шолки. 2 полукушака гилянскіе, 11 хорьковъ, 9 луковъ шираскихъ, козица кожаная да 2 мешка портяныхъ въ деньгами за ярославскою таможенною печатью. Ножи угорскіе, 5 зеркалъ немецкихъ, ховъ обьяринной.

Коробья ноугородцкая, а въ ней 3 каотана кизылбашскіе розные шелки: одинъ подложенъ дорогами зелеными, каотанъ кизылбашской же съ розными шелки золото. Бархатъ цениненъ гладкой, 2 бархата рудожелтые, 4 бархата зеленыхъ, бархатъ червчатъ, 3 бархата черныхъ;

2 бархата полосатые розные цвѣты, 6 полукушаковъ гиланскихъ, 3 выбойки кизылбашскихъ, 25 аршинъ кружива золотнова, 27 хорьмовъ, блюдо мѣдное, 10 тарѣлей оловянныхъ, 7 маточниковъ морскихъ, 6 зеркалъ неметцкихъ, поль 10 юфти сабяновъ желтыхъ, 3 окончины слюденыхъ.

Помѣта: Отписать: велѣтъ роспросить Осанка, въ которомъ мѣстѣ и какими обычай ихъ разбивали и кто съ ними въ тѣ поры ѣхалъ иманы, и всѣхъ ли побивали, или иные ушли, и кто буды ушелъ? Да роспрося, отписать тотчасъ. А товары съ купчининимъ племянникомъ по росписи отослать въ Казань съ сыномъ боярскимъ.

Государю и в. кн. Михайлу Федоровичю въ Р. бьетъ челомъ кизылбаского купчины Незамдинъ племянникъ Азимъ Маметъ. Убили, государь, купчинина прикашика до Москвы ѣдучи за двенацеть версть, сюды ѣдучи въ Нижной, а съ нимъ же былъ, съ привашикомъ, Осанко. И какъ прикашика убили, и тотъ Осанъ ушелъ со всемъ животомъ. И вѣсть купчине въ Казань дошла, што прикашика ево убили, а про животъ вѣсти нѣтъ: цѣлъ ли животъ, или нѣтъ? И купчина прислалъ для животовъ своихъ меня, племянника своево, Ази Мамета, и я пріѣхалъ въ Нижной и тово Осанка вѣдалъ въ Нижномъ, и онъ, Осанко, мнѣ сказалъ, што животъ цѣлъ, а я не вѣдаю, цѣлъ ли животъ у него, или нѣтъ: вѣдаетъ купчина, и роспись у купчины. И по твоему, государь, царьскому указу тотъ животъ весь переписанъ и запечатанъ. Асанко данъ ноне за пристава. Милостивый государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., смилуйся, вели, государь, мнѣ тотъ животъ и Асанка отдать ѣхать хъ купчине въ Казань для ради исправки. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Бахтеяровъ Ростовской, Бориско Нащовинъ, Демва Образцовъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году апрѣля въ 21 день писали мы, холопи твои, къ тебѣ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р., что сказывалъ намъ, холопомъ твоимъ, нижегородцкихъ стрельцовъ сотникъ стрелетцкой Борисъ Бѣлой: явились де въ Нижнемъ у торгового чловѣка у гиланца у Осанка Максютина (*и проч.*). И къ намъ, холопомъ твоимъ, о томъ твой государевъ указъ маи по 3-е число не бывалъ. А ныне, государь, къ намъ, холопомъ твоимъ, присылаетъ шаховъ посланникъ Булатъ бекъ, чтобъ, государь, намъ, холопомъ твоимъ, Осанка съ тѣмъ купчининимъ товаромъ отпустить изъ Нижнего въ Казань съ нимъ, Булатъ бекомъ, вмѣсте. И мы, государь, холопи твои, Осанка съ тѣмъ купчининимъ

товаромъ до твоего государева указу въ Казань кызылбашскому купчине отпустить не смѣемъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому да Борису Ивановичю Нащокину, да дьяку нашему Дементью Образцову. Писали есте къ намъ про гяланца, про Асанка Максютова, что онъ въ великой постъ (*и проч.*). Да вамъ же подаль кызылбашского купчины Хози жъ Незамедина племянникъ челобитную, и вы и тое челобитную прислали къ намъ же, къ Москве, съ купчининою росписью вмѣсте, а въ той его челобитной написано (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ того Асанка Максютова про тотъ разбой розпросили подлинно: въ которомъ мѣсте ихъ разбойники разбивали и какими обычаи разбивали? и хто разбивалъ, и многіе ль люди? и знаетъ ли онъ кого изъ тѣхъ разбойниковъ въ лицо и хто имена съ ними въ тѣ поры съ ними съ Москвы вмѣстѣ ѣхалъ, и многіе ль люди, и всѣхъ ли тѣхъ людей, которые съ ними ѣхали, разбойники побили, или иные ушли, и хто куда ушолъ? Да что вамъ Осанко про тотъ разбой въ роспросе скажетъ, и вы бъ о томъ тотчасъ къ намъ въ Москве отписали, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказе дьякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. А товары бъ есте купчинины, что онъ, Осанко, увезъ, отослали бъ противъ росписи всѣ, и племянника, и Осанка отпустили въ Казань съ сыномъ боярскимъ зъ добрымъ, а велѣли товары и племянника, и Осанка отдати въ Казани боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимофѣевичю Долгорукого съ товарищи, а имъ велено отдати купчине Незамедину, и о томъ отъ насъ къ нимъ писано. А съ кѣмъ именемъ товары и которого числа племянника и Асанка, и товары въ Казань отпустите, и вы бъ потому жъ къ намъ въ Москве отписали въ посольской приказъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го маія въ 17 день.

Послана съ казанцемъ съ Степаномъ Левашовымъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Бахтеяровъ Ростовской, Бориска Нащокинъ, да Демья Образцовъ, челомъ бьютъ. Маія, государь, въ 10 де(нь) писали къ намъ, холопемъ твоимъ, изъ Козани твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Володимеръ Тимофѣевичъ Долгорукой съ товарищи, что билъ челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. кызылбашского шахъ Аббасовъ купчина Хози Незамединъ (*и проч.*). И къ намъ, государь, холопемъ твоимъ, о томъ твой государевъ указъ

маія по 23 число не бывалъ. И мы, государь, холопи твои, до твоего государева указу того Осанка съ купчининимъ товаромъ въ Козань отпустить не смѣемъ. И (о) Асанке, государь, и о купчинине товаре вели, государь, свой государевъ указъ учинити намъ, холопомъ твоимъ, а въ Козань, государь, мы, холопи твои, писали къ твоему государеву боярину и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукому съ товарищи, съ нѣмъ гонцомъ, съ Михайломъ Бѣровымъ: какъ твой государевъ указъ къ намъ, холопомъ твоимъ, будетъ о томъ Осанке и про купчининъ товаръ, и мы въ нѣмъ противъ твоего государева указу тотчасъ про то отпишемъ.

Помысла: Злодѣи! какъ во ся мѣста указы не посланы? пошлите противъ прежнего!

Отъ ц. и в. кн. Михайла Феодоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Бахтеярову Ростовскому да Борису Ивановичю Нащовину, да дьяву нашему Дементью Обрасцову. Юнь въ 7 де(нь) писали есте къ намъ, что писали къ вамъ изъ Казани бояринъ нашъ (и проч.). И нашъ указъ къ вамъ о томъ писанъ маія въ 17 день съ казанцомъ съ Степаномъ Левашовымъ, а велено вамъ Асанка Макекутова про тотъ розбой роспросити подлинно, а роспрося, велено вамъ Асанка съ купчинины товары отослать въ Казань къ боярину нашему и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукого съ товарищи, съ сыномъ боярскимъ добрымъ, а нѣмъ велено Осанка и товары отдать купчине Хози Незамедину да о томъ къ намъ отписати. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ по прежней и по сей нашей грамоте Осанка про тотъ розбой роспросили подлинно, въ которомъ мѣсте нѣхъ розбойники розбивали и какими обычай розбивали, и кто розбивалъ, и многіе-ль люди, и знаетъ ли кого онъ изъ тѣхъ розбойниковъ въ лицо, и кто имяны въ тѣ поры съ ними съ Москвы вмѣсте ѣхалъ, и многіе-ль люди, и всѣхъ ли тѣхъ людей, которые съ ними ѣхали, розбойники побили, или иные ушли, и кто куды ушолъ? А роспрося, отослали-бъ есте его и съ купчинины товары въ Казань съ сыномъ боярскимъ въ добрымъ, а велѣли его и съ товары отдать въ Казани боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукого съ товарищи, а нѣмъ велено его отослати къ купчине на дворъ. А что вамъ Осанка въ роспросе про розбой скажетъ, и которого числа и съ кѣмъ имянемъ его съ товары въ Казань пошлете, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе дѣавомъ нашимъ, думному Петру

Третьякову да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го
іюнь въ 12 де(нь).

Послана съ нижегородскимъ пушкаремъ зъ Бажѣнкомъ Дмитріевымъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопи твои,
Володька Вахтеяровъ Ростовской, Бориско Нащокинъ, да Демка
Образцовъ, челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 124-мъ году
маія въ 30 день въ твоей государеве ц. и в. кн. Михайла Федоровича
в. Р. грамоте за приписью твоего государева думного дьяка Петра
Третьякова писано къ намъ, холопомъ твоимъ, что писали къ тебѣ,
государю, мы, холопи твои, про гилянца, про Асанка (и проч.). И по
твоей государеве грамоте того жъ дни, мы, холопи твои, Асанка
Максютина про тотъ розбой подлино розпрашивали, а что, государь,
намъ, холопомъ твоимъ, въ розпросе Асанко сказалъ, и мы, холопи
твои, гѣ Асанковы розпросныя рѣчи послали къ тебѣ, государю ц. и
в. к. Михайлу Федоровичю в. Р. подъ сею отпискою; а купчининъ,
государь, товаръ весь и деньги по росписи таможенной головы гостя
Ивана Сверчькова и съ тѣмъ товаромъ Асанка, и подъ тотъ товаръ
давъ судно и гребцовъ, послали, государь, мы, холопи твои, въ Казань
съ нижегородскимъ съ сотникомъ стрелецкимъ зъ Борисомъ зъ
Вѣлимъ; а для береженья съ нимъ до Кузьмадемьянсково послали
десеть человекъ стрельцовъ. А въ Казань про тотъ купчининъ
товаръ и про Асанка, писали мы, холопи твои, къ твоему государеву
боярину и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукому
съ товарищи, и роспись, государь, къ нимъ купчининимъ товаромъ и
деньгамъ, списавъ съ росписи таможенные головы гостя Ивана Сверчькова,
послали, а купчининъ, государь, племяникъ, что былъ въ Нижнемъ
для тѣхъ товаровъ, изъ Нижнего поѣхалъ въ Казань прежь сего (съ)
своими товарищи, съ торговыми людьми вмѣсте.

И маія въ 30 день противъ государевы грамоты боярину и
воеводамъ, князю Володимеру Ивановичю Вахтеярову Ростовскому,
Борису Ивановичю Нащокину, да дьяку Дементью Образцову, въ
розпросе Осанко Максютовъ сказалъ: поѣхалъ онъ съ Москвы съ
купчининимъ приказщикомъ Хозъ Маметомъ, да съ ними греченинъ
Кузьма Лукьяновъ, всѣ три вмѣсте, зъ гостина двора, нанявъ
ярославскихъ извозчиковъ, а имянъ тѣхъ извозчиковъ не упомянуть. Да
съ ними же де вмѣсте съ Москвы поѣхали Ѳторого люди Чистого,
Захаръ да Треня, да ростовецъ Семень, а зналъ того Семена
товарищъ его, Осанковъ, греченинъ Кузьма; да и многіе де всякіе
торговые люди и извозчики съ ними зъ гостина двора вмѣсте поѣхали,

а имянь ихъ не упомянуть. И по переславской де дороге отъ Москвы въ пятнадцати верстахъ, не доезжая деревни Мытища трехъ верстъ, часа за два до вечера, наѣхали на нихъ съ стороны на конехъ человекъ съ восемь, а иные де позади ихъ, и противъ тѣхъ воровъ выскочилъ изъ саней купчининъ приказщикъ Хозь Маметь съ саблею, и тѣ воры Хозь Маметь убили изъ пищали, и что было на немъ, то все съ него тѣ воры сняли и ограбили де его до нага. Да тѣ же де воры ранили товарища ихъ греченина Кузьму да Второго человека Чистово, Захарва; а иныхъ русскихъ людей тѣ воры ково убили-ль и ранили-ль, того онъ не вѣдаетъ, и тѣхъ онъ воробъ въ рожей не знаетъ, и отъ товарищевъ своихъ онъ не слыхалъ же, какіе люди тѣ воры ихъ грабили, да иныхъ ден русскихъ людей ихъ товарищевъ тѣ воры грабили жъ. И съ того веровсково розгрому пріѣхали въ деревню въ Мытищъ, и съ Мытища, нанявъ онъ, Осанко, мужиковъ, послалъ для купчинина приказщика. И тѣ де мужики привезли къ нему того купчинина приказщика въ одной рубашке на послѣднемъ дыханье, и онъ, Осанко, розпрашивалъ того купчинина приказщика, что съ него тѣ воры взяли, и купчининъ приказщикъ сказалъ ему, что де тѣ воры сняли съ него денегъ сорокъ рублей да шездесять золотниковъ жемчугу, да шубу соболѣю и все, что на немъ платье было, да саблю. А купчининъ весь товаръ, что пошло съ ними съ Москвы, отъ тѣхъ воровъ увезъ онъ, Осанко, въ своихъ санехъ. И купчининъ приказщикъ тоѣ-жъ ночи на Мытищъ отъ той раны умеръ. И того приказщика и греченина Кузьму везъ онъ, Осанко, съ собою и въ Переславле Залѣскомъ греченина Кузьму по его, Кузьмину, обещанью оставилъ его въ Никитцкомъ монастырѣ со всѣмъ его животомъ, и отписъ ему, Осанку, Никитцкого монастыря игумень въ братью во всемъ, что у него зъ гречениномъ съ Кузьмою взяли Кузьмина живота, дали, и съ той отписи у Осанка взять списокъ; а купчинина приказщика изъ Ярославля послалъ онъ, Осанко, на Романовъ съ романовскими тотары, а велѣлъ его похоронить въ тотарскомъ кладбище. А Второго де человекъ Захарко съ Мытищъ же пошолъ въ Москве битъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. про тотъ розбой и лечитьца. Да слышалъ ден онъ, Осанко, въ Ярославле въ разговорѣ, что бутто де тѣхъ розбойниковъ знаетъ ростовець Семень, которой съ ними ѣхалъ съ Москвы; а отъ какихъ людей онъ въ разговорѣ слышелъ въ Ярославле, того не упомянуть.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенька Гагаринъ, Андрюшка Подлѣсовъ, Ошонька

Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 124-мъ году мая въ 7 день писали мы, холопи твои, къ тебѣ, ко государю, что въ нынешнемъ во 124-мъ году апрѣля въ 19 день въ твоей государеве ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопомъ твоимъ, а велено намъ, сыскавъ твою государеву прежнюю грамоту, какова прислана въ Казань въ прошломъ во 122-мъ году къ твоему государеву боярину и воеводе, ко князю Ивану Михайловичу Воротыньскому да къ твоему государеву дьяку къ Ѳедору Лихачеву, дати изъ твоей государевы казны кызылбашскому купчине Хозе Незамѣдину за его товары, которые у него взяты на твой государевъ обиходъ въ Астарахани, сто семьдесятъ одинъ рубль и дватцать алтынъ, и мы, холопи твои, безъ твоего государева указу тѣхъ денегъ купчине дати не смѣли, потому что прежніе твоей государевы грамоты 122 г. въ Казани не сыскано. И іюня, государь, въ 1 день билъ челомъ тебѣ, государю, купчина Незамѣдинъ о тѣхъ же своихъ деньгахъ и прислалъ къ намъ, холопомъ твоимъ, челобитную за своею рукою, и мы, холопи твои, ту его челобитную послали къ тебѣ, ко государю, подъ сею отпискою.

Царю г. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ кызылбаскова царя купчина Хоза Назамѣдинъ: ввали, государь, у меня въ Астарахани твой государевъ бояринъ и воевода князь Иванъ Никитичъ Одуевской да окольникъ Семень Васильевичъ Головинъ, да дьякъ Василей Юдинъ на тебя, государя, многіе дорогіе товары и посланы къ тебѣ, государю, къ Москве. И за тѣ, государь, товары велено было мнѣ дати здесь, въ Казани, изъ твоей государевы казны деньги сто семьдесятъ одинъ рубль и дватцать алтынъ, и тѣхъ, государь, денегъ мнѣ по ся мѣсть не дано, а по твоему государеву указу велено меня изъ Казани отпустить въ свою землю, и я, государь, въ Казани живу за тѣми деньгами. Милостивый государь ц. и в. кн. Михаилъ Ѳедоровичъ в. Р., покажи милость, вели, государь, мнѣ за тотъ товаръ, которой у меня въ Астарахани взять на тебя, государя, и посланъ къ тебѣ, государю, къ Москве по своему государеву указу, дати въ Казани деньги, а бесъ тѣхъ, государь, денегъ мнѣ въ свою землю ѣхати не мошно, и вели, государь, сю мою челобитную послати къ себѣ, государю, къ Москве, чтобъ мнѣ твоихъ государевыхъ пословъ не остатися. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Подпись на оборотъ:

خواجه نظام لدين كوب جي بادشاه سرينزد دست نهاد

Помѣта: Отписать: велѣтъ дати тотчасъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳеевичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гогарину, да дякомъ нанимъ, Олдрѣю Подлѣсову да Офонасью Истомину. Писали есте въ намъ, что по нашему указу велено вамъ, сыскавъ нашу прежнюю грамоту, какова прислана въ Казань въ прошломъ во 122-мъ году къ боярину нашему, ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да къ діаку къ Ѳедору Лихачову, а сыскавъ, велено вамъ дати изъ наше казны (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ тотчасъ визылбашскому купчине Хози Незамедину за тѣ его товары, что у него товаровъ взято на насъ въ Астарахани, велѣли по прежней ли по сей нашей грамоте деньги сто семьдесятъ одинъ рубль и дватцать алтынъ заплатити изъ наше казны изъ казанскихъ изъ всякихъ доходовъ. А какъ тѣ деньги купчине за тѣ его товары дадите, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ, къ Москве, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе діакомъ нанимъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7124-го іюнь въ 29 де(нь).

Съ казанцомъ съ Семеномъ Бобровскимъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой, Мисюръ Соловцовъ, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 124-мъ году мая въ 9 день въ твоей государеве царевице и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. грамоте писано ко мнѣ, холопу твоему, что писалъ къ тебѣ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Казани твой государевъ бояринъ князь Володимеръ Тимоѳеевичъ Долгорукой съ товарищи и прислали шахъ Обасова купчины Незамедина челобитную, что билъ онъ челомъ тебе, государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., а сказалъ: въ прошломъ де въ 123-мъ году отпустилъ онъ изъ Казани человекъ Худодатка въ животомъ, и я де, холопъ твой, того человекъ ево перенялъ и хотелъ крестить и женить на русской девке, а животомъ де я ево хотелъ завладеть и съ Царицыне де ево въ Асторохань не отпустилъ. И въ прошломъ, государь, въ 123-мъ году ѣхалъ, государь, со мною изъ Казани вмѣсте въ короване визылбашского купчининъ человекъ и, проѣхавъ, государь, Сомару, того купчининъ человекъ принесъ челобитную и билъ челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., чтобъ ты, государь, ево пожаловалъ, велелъ на Царицыне крестить. И на Царицыне, государь, не токмо што храмъ, и острогъ не почать дѣлать, и я, холопъ твой, того купчинина человекъ Худодатка послалъ

въ Асторохань со всѣмъ животомъ и казанскую ево проѣзжую таможенную грамоту въ боярину, ко князю Ивану Микитичю Адуевскому съ товарищи, съ курмышениномъ съ сыномъ боярскимъ, съ Кондратьемъ съ Шахматовымъ, сентября въ 28 день, какъ почали на Царицыне острогъ ставить. И прежь, государь, сего я, холопъ твой, къ тебѣ, государю, писалъ о томъ съ курмышениномъ въ Борисомъ съ Сивцовымъ, и изъ Асторохани, государь, бояринъ князь Иванъ Микитичъ Адуевской съ товарищи ко мнѣ, холопу твоему, о томъ купчинине человекѣ и о животѣ ево, что они ево въ Асторохани у сына боярского, у Кондратя Шахматова, и по таможенной казанской грамоте товаръ взяли весь сполна.

Помыта: Взять къ дѣлу.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сежка Гагаринъ, Ондрушка Подлѣсовъ, Осонна Истоминонъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ во 124-мъ году іюня въ 2 день въ твоей государеве ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопомъ твоимъ: мая въ 14 день писали мы, холопи твои, къ тебѣ ко государю съ казанцомъ въ Бессономъ Васильчинимъ и прислали шахъ Аббасова купчины Хозю Незамедина челобитную, а въ челобитной его написано: въ прошломъ де во 123-мъ году посылалъ онъ (*и проч.*). И изъ Нижнего, государь, Новгорода твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Володимеръ Ивановичъ Бактеяровъ Ростовской съ товарищи, Осанка съ товаромъ въ Казань прислали съ сотникомъ стрелецкимъ въ Борисомъ Вѣлымъ іюня въ 7 день. И мы, холопи твои, того же дни Осанка съ товары отослали къ купчине къ Хозе Незамедину на подворье съ подъячимъ съ Микитю Суетинимъ и велѣли, государь, ему, купчине, сказати противъ твоего государева указу, что ты, великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., его, купчину Хозю Незамедина, пожаловалъ, велѣлъ ему Осанка и съ товары, что онъ, Осанко, увезъ съ собою, отдати ему, а воровъ розбойниковъ, которые приказника его убили, ещо по ся мѣста не сыскано, и товару у нихъ въ твою государеву казну не имывано; а велено про тѣхъ воровъ въ Нижнемъ Осанка роспросити, хто ихъ именовъ розбойниковъ розбивалъ и знаетъ ли онъ кого въ лице, а распрося его, велено о томъ отписать къ тебѣ ко государю къ Маскве. А какъ изъ Нижнего къ тебѣ, государю, о томъ отпишутъ и только тѣхъ воровъ и что будетъ живота его у нихъ сыщутъ, и то ему ты, великій государь, велишь отдати; а тѣхъ воровъ велишь за ихъ воровство казнити. А

ныне ты, великий государь, его, купчину, пожаловалъ, велѣлъ изъ Казани къ шаху со всѣмъ отпустить вмѣстѣ съ шаховымъ посланникомъ зъ Булатъ бегомъ, которой отпущенъ отъ тебя, отъ государя, съ Москвы. И подъячей Микита Суетинъ, пришедъ, намъ, холопомъ твоимъ, сказалъ, что купчина Хозя Незамединъ товары взялъ и на твоёмъ государеве жалованье челомъ билъ, а ничего съ нимъ не говорилъ. А отписку, государь, велѣли мы, холопи твои, отдать на Москвѣ въ посольскомъ привазе твоимъ государевымъ дьякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову.

1616 октябр. — феврал. Приѣздъ купчины Маметъ Казима съ грамотою отъ шаха о свободномъ ему торгѣ въ Россіи и отпускѣ его обратно въ Персію. На 121 листѣ.

125-го октября въ 4 де(нь) писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. изъ Асторохани воеводы, князь Ондрѣй Хованской съ товарищи, что идутъ къ государю отъ шахъ Аббаса зъ грамотою внове шахъ Аббасовъ купчина Магаметь Касымъ да визылбашской тезикъ Курмалѣй, съ каменьемъ: съ яхонты и съ лалы, и съ изумруды.

Вмѣстѣ: А подлинная отписка въ казанскомъ дворцѣ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Асторохань воеводамъ нашимъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру Овдокимову да Гаврилу Богданову. Нынѣшняго 125-го году октября въ 5 де(нь) писали есте къ намъ, что идетъ къ намъ отъ шахъ Аббаса зъ грамотою внове шахъ Аббасовъ купчина Магаметь Касымъ да визылбашской тезикъ Курмалѣй, съ каменьемъ, съ яхонты и съ лалы, и съ узумруды. И мы указали купчинѣ Магаметю Касыму и тезикѣ изъ Асторохани ѣхать къ намъ къ Москвѣ, а на встрѣчу къ визылбашскому купчине посланъ отъ насъ съ Москвы востромитинъ Мосѣй Ивановъ сынъ Пановъ, и ѣхать до Москвы, и кормъ ему давать, и въ приставехъ у нихъ быти велено ему, Мосѣю. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а визылбашской купчина и тезикъ будетъ до сее наше грамоты изъ Асторохани въ Казань не отпущенъ, и вы бѣ визылбашского купчину Магаметь Касыма и тезика Курмалѣя со всѣми ихъ товары отпустили изъ Асторохани въ Казань съ приставомъ зъ добрымъ тотчасъ, не задержавъ ни часу, и кормъ и питье

про купчину и про тезика въ дорогу и до Казани, примѣрясь въ прежнему, по чему корму и питья давали купчинамъ напередъ сего, которые къ намъ отъ шаха хаживали, и суды и гребцовъ, и кормищиковъ, какъ имъ изъ Астарахани мочно поднятца, дали, и проводити ихъ послали до коихъ мѣсть мочно и сколько человекъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, съ кѣмъ бы имъ было дорогою проѣхати безстрашно. А которого числа вы купчину и тезика изъ Астарахани въ Казань отпустите и кого съ нимъ въ приставекъ пошлете, и по чему корму на день дадите, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ, а отписку велѣли отдати въ посольскомъ приказѣ діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчукову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го октября въ 10 де(нь).

Отъ ц. и в. вн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Овонасью Истомину. Въ книжнѣшнемъ во 125-мъ году октября въ 5 де(нь) писали къ намъ изъ Астарахани воеводы (*и проч.*). И мы указали того купчину и тезика изъ Астарахани отпустити въ Казань съ приставомъ зъ добрымъ, и въ Астарахань отъ насъ къ воеводамъ объ ихъ отпускѣ писано, а кормъ ему указали есмь въ Астарахани въ дорогу и до Казани, примѣрясь въ прежнему, какъ кизылбашскимъ купчинамъ, которые къ намъ хаживали напередъ сего зъ грамотами, кормъ даывали; а встрѣчу хъ кизылбашскому купчине посланъ отъ насъ съ Москвы костромитинъ Мосѣй Пановъ, а велено ему пообождати купчины и тезика въ Казани. А какъ они въ Казань прїѣдутъ, и ему велено съ ними ѣхати изъ Казани въ приставѣхъ и до Москвы. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и изъ Астарахани купчина и тезикъ въ Казань прїѣдутъ, и вы бѣ Мосѣя Панова съ купчиною и съ тезикомъ изъ Казани отпустили къ намъ къ Москве тотчасъ, не мешкая, давъ подъ нихъ суды и гребцовъ, и кормищиковъ, какъ мочно поднятца, и проводити ихъ изъ Казани и до Нижнего послали сколько человекъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, съ кѣмъ бы имъ было дорогою проѣхати здорово и безстрашно. А покамѣста купчина и тезикъ въ Казани побудутъ, и вы бѣ про купчину и про тезика велѣли давати кормъ и питье по астараханской росписи, вакова будетъ роспись у пристава ихъ, хто съ ними изъ Астарахани будетъ въ приставстве данъ, въ дорогу бѣ есте кизылбашскому купчине и тезику кормъ и питье до Нижнего Новагорода велѣли дати по той-же росписи, счотчи въ сколько день

мочно имъ изъ Казани до Нижнего поспѣти. А которого числа Мосѣя съ купчиною и съ тезикомъ изъ Казани отпустите. и вы бѣ о томъ къ намъ отписали, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ діаконъ нашимъ, думному Петру Третьякову, да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го октября въ 10 де(нь).

Внизу: Въ Нижней писана такова жъ.

Лѣта 7125-го октября въ „ “ де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память Мосѣю Ивановичю Панову. Ъхать ему въ Казань и въ Асторохань и гдѣ встрѣтитъ кизылбашского купчину Магаметь Касыма да тезика Курмалѣя для того: нынешнего 125 г. октября въ 4 де(нь) писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Асторохани воеводы (*и проч.*). И по государеву указу велено тому купчине и тезику ѡхать къ государю къ Москве, а въ приставехъ у нихъ быти и до Москвы ѡхать, и кормъ имъ въ дороге давать ему, Мосѣю. А въ Казань къ боярину и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукому съ товарищи, объ ихъ отпуске и о корму шахъ Аббасову купчине писано, а велено имъ ево, Мосѣя, съ купчиною и съ тезикомъ отпустить къ государю къ Москве, и кормъ купчине въ Казани и въ дорогу велѣно дать, примѣрся къ прежнему, по чему давано кизылбашскимъ купчинамъ корму напередъ сего, которые прѣѣзживали къ государю зъ грамоты. И Мосѣю Ивановичю, прѣѣхавъ въ Казань, отдать боярину и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукому съ товарищи, государева грамота, а отдавъ, говорити имъ, чтобъ они по государеву наказу велѣли ему быти у купчины и кормовую роспись, по чему купчине давать корму, отдали, и отпустили бѣ ево съ тѣмъ купчиною и съ тезикомъ къ государю къ Москве, не замѣшавъ, и кормъ ему въ дорогу до Нижнего по росписи дали. Да какъ бояринъ и воеводы, князь Володимеръ Тимоѣевичъ Долгорукой съ товарищи, по государеве грамоте быти ему у купчины велать, и Мосѣю, пришедъ хъ купчине, молати: великого государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. с. его ц. в. отчины царства Казанского бояринъ и воеводы, князь Володимеръ Тимоѣевичъ Долгорукого съ товарищи, прислалъ къ нему, хъ купчине, царского величества дворянина ево, Мосѣя, а велѣли ево (*sic*) у него быти въ приставехъ, и кормъ давать, и ѡхать съ нимъ къ Москве. А изговоря, распросити ему купчины въ розговорехъ, о какихъ дѣлехъ онъ ныне къ царскому величеству идетъ, и грамоты съ нимъ къ царскому в-ву отъ шаха есть ли? и какъ ныне шахъ зъ бухарскимъ и съ юргенскимъ, и какъ съ турскимъ,

и гдѣ нынѣ Шаинъ Гирѣй царевичъ съ шаховыми ратными людьми, и бои у него съ турецкими и съ крымскими были ль, или еще сходъ межъ ними не бывалъ? И на которые мѣста имъ на крымского итти? И впередъ у шаха съ турецкимъ и съ крымскимъ царемъ чего чаять: миру или войны? и будетъ межъ ими чаять миру, и на чемъ миру чаять? А роспрося и провѣдавъ у него про всякіе вѣсти подлинно, записать себѣ и описать о томъ къ государю тотчасъ. Да какъ Мосѣя изъ Асторохани въ Казань отпустить, и Мосѣю, взявъ у воеводъ купчине и его людей, сколько съ нимъ будетъ, въ дорогу кормъ, счетчи по росписи отъ Асторохани до Казани, и подводы, и провозатыхъ, ѣхать съ купчиною въ Казань. И ѣдучи дорогою, кормъ ему давать по росписи, и честь и береженье къ нему держать, чтобъ ему въ корму недостатку и бесчестья ни отъ кого ни въ чемъ не было, и отъ него бѣ рускимъ людямъ по тому жъ бесчестья и обидѣ не было жъ, и кормовъ бы сильно мимо увазу даромъ нигдѣ ни у кого не имали, а покупали бѣ кормъ по ценѣ, какъ гдѣ что покупать. А къ воеводамъ отъ государя о томъ писано. А покажѣсть Мосѣй до отпуску въ Казани побудеть, и ему того беречь накрепко, чтобъ купчина съ кизылбашскимъ и съ бухарскими и съ юргенчскими купчинами и съ тезики, и ни съ какими иноземцы, которые будетъ нынѣ въ Казани, не свиделся, и писмомъ и словеснымъ приказомъ не сослатися. А какъ ево, Мосѣя, изъ Казани воеводы отпустить, и Мосѣю, взявъ въ Казани у воеводъ кизылбашскому купчине и людямъ на кормъ, счетчи отъ Казани до Нижнего кормъ по росписи, ѣхать съ кизылбашскимъ купчиною и съ тезикомъ къ Москве, и въ дороге до Москвы по тому жъ береженье къ нимъ держать, чтобъ къ нимъ иноземцы татарове и рускіе люди никто не приходили и ни о чемъ не розговаривали. Да и тезика ему про товары роспросить, какіе съ нимъ въ Московское государство идутъ товары. А роспрося, взяти у него всякимъ ево товаромъ роспись, да та роспись прислать къ государю къ Москве напередъ себя. А товаровъ ему никакихъ до Москвы продавать по городомъ нигдѣ не велѣтъ, и самому ему никакихъ русскихъ заповедныхъ товаровъ покупать нигдѣ не давати жъ. А будетъ Мосѣй встрѣтитъ кизылбашского купчину по сю сторону Нижнего, и Мосѣю, обослався съ приставомъ, которой будетъ съ кизылбашскимъ купчиною изъ Казани или изъ Асторохани, и съ ѣхався, объявити ему себя встрѣчникомъ и приставомъ отъ приказныхъ людей того города, которо города не доѣзжая, кизылбашского купчину встрѣтитъ, а тому приставу для береженья велѣтъ ѣхати съ собою жъ

вмѣстѣ. А гдѣ купчину встрѣтитъ, и сколько съ нимъ людей и тезиковъ, и что у нихъ какихъ товаровъ, и кто съ ними отпущенъ приставъ, и что кизылбашскому купчине и его людямъ корму, и спросилъ кизылбашского купчину про всякіе вѣсти противъ того, какъ у него писано въ семъ наказѣ выше сего, обо всемъ отписать напередъ себя къ государю къ Москвѣ, а отписку велѣтъ отдать въ посольскомъ приказѣ, а съ кизылбашскимъ съ купчиною ѣхать къ Москвѣ и береженье и честь къ нему держать, и кормъ давать по сему государеву наказу. А будетъ кизылбашской купчина учнетъ Мосѣя спрашивать: какъ великій государь ц. и в. вн. Михайло Федоровичъ в. Р. учинился на Московскомъ государствѣ, и послы и посланники у него, государя, отъ крестьянскихъ и отъ мусульманскихъ государей, и отъ него, государя, въ тѣмъ государемъ послы и посланники бывали-ль, и съ которыми государи онъ, государь, ныне въ миру и съ которымъ не въ миру? —

И Мосѣю говорити кизылбашскому купчине: какъ по милости Божіей и по избранью всякихъ чиновъ людей всего великого Російского царствія великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ ц. и в. кн. в. Р. с. и онъ, великій государь, посылалъ ко всѣмъ великимъ крестьянскимъ и къ мусульманскимъ государемъ государство свое обестить и польского Жигмонта короля и пановъ радъ передъ великимъ государемъ нашимъ и передъ всѣмъ Московскимъ государствомъ злое умышленье и неправды объявити пословъ своихъ и посланниковъ, и тѣ всѣ великіе государи крестьянскіе и мусульманскіе, слыша про то, что его царское величество учинился на Московскомъ государствѣ великимъ государемъ, всѣ порадовались и пословъ его царского величества и посланниковъ приняли и отпустили къ его царскому в-ву съ великою честью, и своихъ пословъ и посланниковъ съ ними вмѣстѣ присылали къ царскому в-ву поздравляти его ц. в. на его великихъ и преславныхъ государствахъ и о дружбѣ и о любви, и о всякихъ добрыхъ дѣлахъ, которые настоятъ имъ, великимъ государемъ, просячи его царского в-ва къ себѣ любви, съ великими любовными помини, чтобъ его ц. в. впередъ былъ съ ними со всѣми великими государи въ братцкой любви и въ крѣпкой дружбе, и въ любительной ссылке по тому-жъ, какъ были предки ихъ съ прежними великими государи цари російскими. И недруга великому государю нашему, опричь польского короля, нѣтъ никого. А тѣ всѣ великіе государи, слыша великого государя правду, а польского короля

передъ его царскимъ в-мъ и передъ всѣмъ Московскимъ государствомъ злые умыслы и неправды, за тѣ его неправды хотятъ съ царскимъ величествомъ стать на него заодно и неправды ихъ имъ мстити.

А будетъ купчина учнетъ спрашивать: какъ ныне государь съ турскимъ съ Ахметъ салтаномъ царемъ и о чемъ государь къ турскому царю посланника своего ныне послалъ?—и Мосѣю говоритъ: какъ великій государь ц. и в. вн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. учинился на Владимирскомъ и на Московскомъ, и на всѣхъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія, и онъ, великій государь его ц. в., посылалъ ко всѣмъ хрестыанскимъ и мусульманскимъ государемъ государство свое обестити и польского короля неправды объявити пословъ своихъ и посланниковъ по прежнему обычею и какъ ведетца во всѣхъ великихъ крестьянскихъ государствахъ и въ ихъ царскихъ поведеніяхъ, и къ турскому Ахметъ салтану великій государь нашъ по тому жъ государство свое обестити посылалъ же. И турской Ахметъ салтанъ государя нашего посланниковъ къ великому государю нашему отпустилъ и съ ними вмѣсте послалъ былъ къ великому государю нашему посланника своего Алѣя чеуша поздравлять великого государя нашего на ево великихъ и преславныхъ государствахъ. И того Ахметъ салтанова посланника въ дороге не стало, а до великого государя нашего не дошелъ. И тѣхъ дѣлъ, съ чѣмъ былъ тотъ посланникъ къ великому государю нашему отъ Ахметъ салтана посланъ, великому государю нашему не вѣдомо. И ныне отъ великого государя нашего къ Ахметъ салтану посланы посланники для того, чтобъ великому государю нашему тѣ дела, съ чѣмъ былъ къ великому государю нашему отъ Ахметъ салтана Алѣй чеушъ посланъ, были вѣдомы. А опричь того иново дѣла великому государю нашему до турского Ахметъ салтана некоторо вѣтъ.

А будетъ кизылбашской купчина ево, Мосѣя, про турского Ахметъ салтана зъ государемъ ссылку не спроситъ, и Мосѣю самому про то не всчинать и не говорить про то ничего.

А будетъ кизылбашской купчина учнетъ Мосѣя спрашивать про иные какіе дѣла и вѣсти про Московское государство, и Мосѣю про тѣ дѣла говорити, смотря по его рѣчамъ и по тамошнему дѣлу, по тому ему и отвѣтъ чинить, сказывати кизылбашскому купчине про все доброе, чтобъ государскому имени къ чести и къ повышенью и государству Московскому къ добру. А чего допряма не вѣдаетъ, или что и вѣдаетъ, а государству не на пользу, и Мосѣю говорити, что онъ человекъ служилой, на Москвѣ не бывалъ долгое время, а былъ на государевыхъ службахъ, и ему про то слышати не случилось.

А какъ Мосѣй съ кизылбашскимъ купчиною придетъ изъ Казани въ Нижней, и Мосѣю потому жъ проситись у воеводъ съ кизылбашскимъ купчиною въ Москве. А какъ его, Мосѣя, воеводы изъ Нижнево съ купчиною въ Москве отпустить и кормъ купчине въ дорогу въ Нижнемъ по росписи дадутъ, и Мосѣю съ купчиною изъ Нижнево ѣхать и кормъ ему по росписи давать, и береженье во всемъ въ дороге держать по тому-жъ, какъ о томъ писано въ сей наказной памяти выше сего. А какъ будетъ съ кизылбашскимъ купчиною блиско Москвы, станы за два, и ему о томъ отписать и роспись кормовую прислать къ государю напередъ себя къ Москве, а отписки велѣти отдать въ посольскомъ приказе дьякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчювову, а безъ указа безвѣстно съ купчиною къ Москве не ходити.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгоругой, Сенька Гогаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Офонька Истоминонъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, въ 125-мъ году октября въ 18 день писали къ намъ, холопомъ твоимъ, изъ Астарахани твои государевы воеводы, князь Ондрѣй Хованской съ товарищи: отпустили они къ тебѣ, ко государю, изъ Астарахани кизылбашского Аббасъ шахова купчину Магметъ Касима зъ грамотою и зъ дары, а съ нимъ астараханскіе годовальщичи дети боярскіе, Семень Волтинъ съ товарищи, да Александръ Щекушинъ съ твоею государевою казною. А кизылбашской купчина Магметъ Касимъ и дети боярскіе, Семень Волтинъ съ товарищи, пріѣхали въ Казань того-жъ дни. Да изъ Астарахани жъ отпущенъ къ тебѣ, ко государю, тезикъ Курамалѣй, которой привезъ съ собою на продажу камень: яхонты, лалы, изумруды, бирюзы; а приказана та казна беречь сыну боярскому Александру Щекушину. Да прислалъ къ намъ, холопомъ твоимъ, купчина Магметъ Касимъ Семена Болтина, которой у него въ приставехъ, чтобъ ему дати въ Казани дворъ постоать, и мы, холопи твои, купчине въ Казани дворъ дали.

На адресъ: 125-го ноября въ 7 (?) день подалъ казанской жалець Богданъ Нехаевъ.

На оборотъ: Въ столпъ.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгоругой, Сенька Гогаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Офонька Истоминонъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году октября въ 20 день писали къ тебѣ, ко государю мы, холопи твои, зъ Богданомъ съ Нехаевымъ: пріѣхалъ изъ Астарахани въ

Казань съ Семеномъ Болтинимъ кизылбашской купчина Хозя Маамуть Казимъ; а прислалъ къ намъ, холопомъ твоимъ, въ Казань просить двора, гдѣ ему стоять. И мы, холопи твои, кизылбашскому купчине дворъ велѣли дати и сторожей къ двору велѣли приставить по прежнему обычаю. И октября, государь, въ 25 день сказывалъ намъ, холопомъ твоимъ, Семень Болтинъ, которой приставленъ къ кизылбашскому купчине: привазывалъ къ намъ, холопомъ твоимъ, съ нимъ кизылбашской купчина Хозя Маамуть, чтобъ ему, купчине, для твоего государева дѣла быть къ намъ, холопомъ твоимъ, въ сѣвскую полату. И мы, холопи твои, купчине Хозе Моамуту велѣли быти въ сѣвскую полату. А въ ту пору велѣли быти въ городѣ и въ полате людно и устроино. И купчина Хозя Моамуть въ сѣвской полате говорилъ намъ, холопомъ твоимъ, что послалъ его къ твоему царскому величеству шахъ Аббасъ въ грамотою д и для того: которые посланники и купчины посланы отъ Аббасъ шаха напередъ сего, а назадъ въ Кизылбашу не бывали долгое время, и ему-бъ провѣдать: зачѣмъ тѣ посланники и купчины замешкались? Да купчина жъ намъ, холопомъ твоимъ, говорилъ, что ему нынѣ до зимнего пути побыти въ Казани для того, чтобъ ему на Волге на пустополе не замерзнуть и просилъ на тещичѣ дворѣ дву лавокъ, гдѣ бы ему людей своихъ посадить упродать товаровъ про свою нужу. Да купчина жъ подалъ намъ, холопомъ твоимъ, грамоту, писана по парсовски. И мы, холопи твои, ту грамоту велѣли перевести на руское письмо, а ту подлинную грамоту послали къ тебѣ, ко государю, съ сею отпискою вмѣсте. А купчине на приѣзде велѣли дати твоего государева жалованья въ почестъ корму два борана да гусь, да трое куровъ, да ведро вина, да два ведра меду, да три ведра пива въ посольское ведро. Да купчина жъ къ намъ, холопомъ твоимъ, присылаетъ о поденномъ корму, и мы, холопи твои, бесъ твоего государева указу купчине корму давать на смѣемъ, потому что изъ Асторохани корму ему не указано и кормовой росписи не прислали.

На адресъ: 125-го ноября въ 9 день съ казанцомъ съ Сухимъ Останковимъ.

Переводъ съ шаховы грамоты, какову пишетъ въ Казань къ боярину и воеводамъ.

Отъ нашего шахъ Аббасова величества высокопрестольного и благосчастливого и храброго крестьянского великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе казанскому князю царскимъ жалованьемъ исполнену. Потомъ объявляю: вѣдомо бы

вамъ было, что прѣжь сего купчины наши и всякіе торговые люди въ Казань всегда для покушки и продажи ѣзживали и, искупя товаровъ, къ намъ съ надобными товары здорово безъ зацѣпокъ прѣзживали, а ныне мы послали товаровъ купити Хозя Магаметь Касыма Мазандрана города, и вамъ бы ево съ товарыщи по городомъ и вездѣ поберець, и будетъ ево какое дѣло лучитца, и вамъ бы то ево дѣло здѣлати; а будетъ что вамъ понадобится у него, и вамъ бы, не стыдяся, о томъ къ намъ велѣти известити, и мы то ваше дѣло велимъ такъ же здѣлати. Лѣта 7125-го.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукова, да князю Семену Никитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову, да Оеонасью Истомину. Писали есте къ намъ съ казанцомъ съ Сухимъ Останковымъ, что прѣхалъ (*и проч.*). И ныне мы указали вамъ того купчину Мааметь Касыма отпустить изъ Казани къ намъ къ Москве. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бы къ нему приказали отъ себя въ дворяниномъ или съ подъячимъ зъ добрымъ, что вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что онъ Мааметь Касымъ ѣдетъ отъ великого государя своего, брата нашего, шахъ Аббасова величества къ намъ, великому государю, зъ грамотою и о иныхъ нашихъ государственныхъ дѣлахъ, и мы, великій государь, хотя быти зъ государемъ ево, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, въ братственной дружбе и въ любви, а его, купчину Мааметь Касыма, жалуя, чего напередъ сего отъ прѣжнихъ государей къ нимъ и не бывало, что купчинамъ кормъ давать, велѣли ему давать наше жалованье кормъ доволенъ и велѣли его изъ Казани отпустить къ намъ, къ Москвѣ. А вы, бояринъ нашъ и воеводы, корму ему по ся мѣста не давали затѣмъ, что дожидались отъ насъ, великого государя, указу. А сказавъ, ему дали бъ есте въ Казани и на отпуске въ дорогу кормъ по росписи, какова къ вамъ послана отъ насъ съ Москвы подъ сею нашею грамотою. А давъ ему кормъ, отпустили бъ его изъ Казани къ намъ, къ Москве, тотчасъ, не мѣшкая, съ Мосѣемъ Пановымъ, которой посланъ къ тому купчине на встрѣчу, да съ астраханскимъ приставомъ, давъ подъ купчину подводы, на чемъ ему мочно поднятца, и проводить ихъ послали, до коихъ мѣстъ мочно и сколько человекъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, съ кѣмъ бы имъ дорогою проѣхати было здорово и безстрашно. А которого числа купчину съ Мосѣемъ Пановымъ и съ астраханскимъ приставомъ изъ Казани къ намъ, къ Москвѣ, отпустите и на волю

день про купчину корму въ дорогу дадите, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ діаконъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Савѣ Раманчукову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го, ноября въ 15 де(нь).

Роспись, по чему давать государева жалованья кизылбашскому купчине Мааметъ Касиму съ людьми поденного корму и питья. Самому купчине на хлѣбы и на колачи, и на всякое съестное по гривне на день. Купчине жъ питья, по 4 чарки вина, по полуведра меду на день. Людѣмъ купчиннымъ, сколько ихъ будетъ, на хлѣбы и на колачи по шти денегъ человѣку на день. Питья: по 2 чарки вина человѣку на день, да на 3 человѣки по полуведра пива на день.

Внизу: А къ Москвѣ Панову послана кормовая роспись такова жъ Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳеодоровича в. Р. Москвѣ Ивано, вичю Панову. Писали къ намъ изъ Казани бояринъ нашъ и воеводы, князь Володимеръ Тимоѣевичъ Долгорукого съ товарищи, что прїѣхалъ въ Казань (и проч.). И ныне отъ насъ писано въ Казань къ боярину и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукого съ товарищи, а велѣно того купчину изъ Казани отпустить къ Москвѣ съ тобою да съ астраханскимъ приставомъ тотчасъ, давъ подъ него подводы, на чемъ ему мочно поднятца, и кормъ про купчину до конхъ мѣстъ купчина побудетъ въ Казани, и въ дорогу велѣно имъ дати противъ росписи, такова къ нимъ нынѣ отъ насъ съ Москвы послана, а къ тебѣ отъ насъ послана роспись такова жъ подъ сею нашею грамотою. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ тотчасъ изъ Казани съ купчиною пошъ къ намъ, къ Москвѣ, не мѣшая нигдѣ, и кормъ про купчину и питье ималъ бы еси по городомъ у воеводъ нашихъ и у приазныхъ людей по росписи. А не дошедъ до Москвы съ послѣднего стану прислалъ бы еси про себя сказати съ вѣстью въ посольской приказъ по прежнему нашему указу, а безъ обсылки бѣ къ Москвѣ, не пошъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го ноября въ 15 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳеодоровичю в. Р. холони твои, Ондрушка Хованской, Ивашко Пушкинъ, Петрушка Овдокимовъ, Гаврилко Богдановъ, челомъ бьютъ. Въ прошломъ, государь, во 122-мъ году августа въ 21 день писали къ тебѣ ко государю изъ Асторохани твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Иванъ Никитичъ Одоевской съ товарищи, что прїѣхалъ въ Асторохань изъ Кизылбашъ кизылбашского шахъ Аббасовъ купчина Хоза Муртоза, а привезъ съ собою на продажу товаръ, и съ того ево продажново товару довелось въ

Астарохани взяти твоихъ государевыхъ таможенныхъ всякихъ пошлинъ дватцать четыре рубли и дватцать три алтына полъ-пята деньги, и они до твоего государева указу съ купчины съ Хозе Муртозы въ Астарохани тѣхъ пошлинъ не взяли. А ныне, государь, пріѣхалъ въ Астарохань отъ тебя, государя, съ Москвы тотъ же купчина Хозя Муртоза, а привезъ съ собою сверху верховской товаръ, и мы, холопи твои, на Муртозѣ съ того привозного товару твоихъ государевыхъ пошлинъ до твоего государева указу не взяли жъ. А что было довелось у него взяти твоихъ государевыхъ таможенныхъ всякихъ пошлинъ, того не вѣдома, потому что тотъ товаръ въ Астарохани не смотришь, сказалъ Муртоза: тотъ таваръ шахъ Аббасовъ. Да въ прошломъ же, государь, въ 124-мъ году августа въ 4 день пріѣхалъ въ Астарохань изъ Бизилбанъ шахъ Аббасовъ купчина Магаметь Касимъ, а посланъ онъ отъ шахъ Аббаса къ тебѣ, ко государю ц. и в. ен. Михаилу Федоровичю в. Р., съ грамотою и съ дары, а къ намъ, холопомъ твоимъ, купчина Магметъ Касимъ прислалъ грамоту, писана въ Астарохань къ воеводамъ отъ шахъ Аббаса на парситцы. И мы, холопи твои, велѣли въ Астарохани шахъ Аббасову грамоту перевести по руски и переводъ съ грамоты чли, и въ той шахъ Аббасове грамоте написана, что послалъ онъ, шахъ Аббасъ, къ тебѣ, ко государю ц. и в. ен. Михаилу Федоровичю в. Р., къ Москве человека своего маздронца Магаметь Касима въ купчинахъ, и какъ онъ въ Астарохань пріѣдетъ, и астароханскимъ бы воеводамъ велѣти купчину его Магаметь Касима отпустить изъ Астарохани къ тебѣ, ко государю, къ Москвѣ тотчасъ, не издержавъ, а что ему понадобится въ Астарохани купити про его шахъ Аббасовъ обиходъ, и купчине бѣ ево въ Астарохани купити поволити, а твоихъ бы государевыхъ пошлинъ съ него имати не велѣти. И мы, холопи твои, велѣли купчине Магаметь Касиму дати въ Астарохани на посаде дворъ, и кормъ и питье на пріѣзде, примѣрся къ прежнему, какъ прежь сего давано въ Астарохани на пріѣзде бизилбашскимъ купчинамъ кормъ и питье. А дары, что съ нимъ послалъ къ тебѣ, ко государю, бизилбашской шахъ Аббасъ, и его, купчинины, товары велѣли мы, холопи твои, у купчины переписать; а что съ нимъ по переписи послано къ тебѣ, ко государю, отъ шахъ Аббаса даровъ, и мы, холопи твои, тѣмъ даромъ написавъ роспись, послали къ тебѣ, ко государю, подъ сею отпискою, и купчину Магаметь Касима отпустили изъ Астарохани къ тебѣ, ко государю, сентября въ 4 де(нь), а въ приставехъ съ нимъ послали сына боярского Семена Болтина. А твоихъ государевыхъ таможенныхъ всякихъ пошлинъ

довелось на купчине, на Магаметь Касиме, вяти съ товаровъ сто девеноста пять рублевъ и деветь алтынъ. И мы, холопи твои, тѣхъ пошлинъ на немъ до твоего государева указу не взяли, и впередь, государь, какъ учнутъ пріѣзжати въ Асторохань кизылбашскіе шахъ Аббасовы купчины исъ Кизылбашъ или сверху, и съ тѣхъ ихъ товаровъ твои государевы пошлины имати ли, или не имати? И о томъ намъ, холопомъ своимъ, какъ ты, государь, укажешь?

Роспись, что съ кизылбашскимъ купчиною, съ Магаметь Касимомъ, послано отъ шахъ Аббаса ко государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. даровъ.

Тулумбасъ, серебрянъ резной, на немъ плащи золочены, съ камешки: зъ бирюски и съ лаликовыми искорками. Ножъ булатной, черенъ и ножны золоты, съ камнемъ: съ лалы и зъ бирюзами, и съ яхонтовыми искорками. 2 камки кизылбашскіе одна — шелкъ яринной да аль, съ серебромъ; другая — шолки цветные зъ золотомъ. Полсть бурнатная. 2 ковра болшихъ цвѣтныхъ.

На адресь: 125-го ноября въ 9 день, казанецъ Сухой Останковъ.

Помѣта: Отписать: которой будетъ шаховъ товаръ, и съ того не имать, а которые товары ихъ, и съ тѣхъ пошлины имать.

Отъ царя и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Асторохань воеводамъ нашимъ, князю Ондрюю Федоровичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру Овдокимову да Гаврилу Иванову. Писали есте къ намъ (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а впередь которые шаховы купчины учнутъ пріѣзжати въ Асторохань исъ Кизылбашъ или сверху, а съ ними будутъ товары шаховы, и вы бѣ съ тѣхъ шаховыхъ товаровъ пошлинъ на насъ не имали; а которые товары съ тѣми шаховыми посланники будутъ ихъ, купчинины, а не шаховы, и вы бѣ на нихъ съ тѣхъ съ ихъ товаровъ пошлины на насъ имали по прежнему нашему указу; а заповедныхъ бы есте всякихъ товаровъ по прежнимъ нашимъ указомъ, сыскавъ въ Асторохани, за море однолично безъ нашего имянново указу ни съ вѣмъ не пропускали. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го ноября въ 15 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенка Гогаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Оеонька Истоминонъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году ноября въ 1 день въ твоей государеве ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопомъ твоимъ: писали къ тебѣ, государю, изъ Асторохани воеводы (*и проч.*). И отъ тебя,

государя, посланъ съ Москвы кестромитинъ Моисѣй Пановъ (и проч.). И по твоей государеве грамоте мы, холопи твои, хъ визылбашскому купчине Магаметь Касиму послали Моисѣя Панова, а велѣли ему сказать, чтобъ онъ ѣхалъ къ тебѣ, государю, къ Москве тотчасъ, а въ приставствѣ съ нимъ велѣли быти ему, Моисѣю, и твое государево жалованье кормъ и питье въ дорогу ему велимъ дати. И Моисѣй, государь, Пановъ намъ, холопомъ твоимъ, сказалъ, что онъ купчине о томъ говорилъ, и купчина де ему сказалъ, что ему ныне до зимнего пути изъ Казани ѣхати не можно потому, что Волгою рѣкою идетъ ледъ, и ему бъ на пустошесе не замерзнуть. И мы, холопи твои, купчине Магаметь Касиму да тезику Курмалѣю до пути велѣли дати кормъ и питье, примѣрясь къ прежнему; а по чему, государь, на день имъ корму и питья, и мы, холопи твои, послали къ тебѣ, государь, роспись подъ сею отпискою. А какъ, государь, путь стаетъ, и мы, холопи твои, тотчасъ Моисѣя Панова и астраханского пристава Семена Болтина, съ купчиною и съ тезикомъ, отпустимъ и къ тебѣ, государю, отпишемъ.

Роспись, по чему визылбашскому купчине Магаметь Касиму и людемъ его, и тезику Курмалѣю поденного корму и питья.

Купчине Магаметь Касиму корму на день 2 гривны, питья 4 чарки вина, полведра меду. Людямъ его 10-ти человекомъ по 2 чарки вина человеку, да всѣмъ воичѣ 2 ведра пива на день. Тезику Курмалѣю по 2 алтына на день.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопъ твой Моисѣйко Пановъ челомъ бьетъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году октября въ 9 день по твоему государеву ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу посланъ я, холопъ твой, въ Казань на встрѣчку шахъ Аббасову купчине Магаметь Касиму да визылбашскому тезику Курмалѣю. И я, холопъ твой, приѣхалъ въ Казань октября въ 30 де(нь) и по твоему государеву указу твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Володимерь Тимоѣевич Долгорукой съ товарищи, мнѣ, холопу твоему, у купчины Магаметь Касима быти велѣли. И я, холопъ твой, пришедъ хъ купчине Магаметь Касиму, по твоему государеву указу въ разговорѣ съ нимъ говорилъ: о какихъ дѣлахъ онъ ныне къ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р., къ Москве идетъ и грамоты съ нимъ къ тебѣ, государю, отъ шаха есть ли? и какъ ныне шахъ зъ бухарскимъ и съ юргенскимъ, и съ турскимъ, и гдѣ ныне Шанъ Гирѣй царевичъ съ шаховыми ратными людьми? и бой у него съ турскими и съ крымскими людьми былъ ли, или еще сходъ межъ ихъ не

бывалъ? и на которые мѣста имъ на крымского итти, и впередъ у шаха съ турецкимъ и съ крымскимъ царемъ чайть миру или войны? и будетъ межъ ими миру чайть, и на чемъ миру чайть? и какіе съ нимъ въ Московское государство идутъ товары? А что, государь, мнѣ въ розговоре купчина Магаметь Касимъ про бухарского и юргенского, и про крымского, и про Шанъ Гирѣя царевича сказалъ, и что тебѣ, государю, везеть отъ себя челомъ ударить, и товару своего, и что тезикъ Курмалѣй сказалъ каменей и товару, — а камене деи взяли въ Астарахани твои государевы воеводы, князь Ондрѣй Ондрѣевичъ Хованской съ товарищи, и послали въ Казань за печатью царства Астараханского, съ приставомъ, и то де камене въ твоей государеве казнѣ въ Казани поставлены для береженья до ихъ поезду, — и я, холопъ твой, купчинны розговорные рѣчи и что тебѣ, государю, везеть челомъ ударить, и товару его, и тезина Курмалѣя товару жъ, и каменьямъ росписи послалъ къ тебѣ, государю, подъ сею отпискою. А что, государь, съ купчиною людей его и хто именемъ, и что твой государевъ бояринъ и воеводы, князь Володимерь Тимоѣевичъ съ товарищи, купчине Магаметь Касиму дали твоего государева жалованья поденного корму и питья, и людемъ его на десять человекъ, и тезину Курмалѣю съ человекомъ, и я, холопъ твой, тое росписи и купчиннымъ людемъ имяна къ тебѣ, государю, послалъ подъ сею отпискою. А купчина, государь, вскоре къ тебѣ, государю, къ Москвѣ не поѣхалъ потому, что водяной путь минулся, а зимнимъ путемъ дорога не уставилась.

И по государеву ц. и в. вн. Михаила Ѳедоровича в. Р. наказу Моисѣй Пановъ съ шахъ Аббасовымъ купчиною Магаметь Касимомъ говорилъ въ розговорехъ: о каквихъ дѣлахъ онъ ныне ко государю ц. и в. вн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. въ Москве идетъ? и грамоты съ нимъ къ его царскому величеству отъ шаха есть ли?

И купчина Магаметь Касимъ въ розговорехъ говорилъ съ Моисѣемъ: государь его шахъ отпустилъ его, Магаметь Касима, ко государю ц. и в. вн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. къ его царскому вѣсту къ Москвѣ въ грамотами и для того де меня, — провѣдывати: посланы къ Москвѣ отъ государя его, шаха, купчины Хозя Муртоза да Ази Магаметь, и иные многіе купчины и торговые люди тому лѣтъ съ семь и съ восемь, и ко государю его, шаху, и по ся мѣста тѣ купчины и торговые люди не бывали. Да государь же его, шахъ, послалъ къ Москвѣ посланника своего Булатъ бека про тѣхъ купчинъ и торговыхъ людей провѣдывати: для чего тѣ купчины и торговые

люди ко государю его, шаху, по ся мѣста не бывали и зачѣмъ не отпущены? И про посланника Булатъ бека государю его, шаху, слуху и по ся мѣста не бывало жъ. И онъ, Магаметь Касимъ, про тѣхъ купчинъ и торговыхъ людей и про посланника Булатъ бека отъ государя своего, шаха, посланъ провѣдывати: для чего купчины и торговые люди и посланникъ Булатъ бекъ ко государю его, шаху, по ся мѣста не бывали и зачѣмъ не отпущены? И ныне онъ, Магаметь Касимъ, того посланника Булатъ бека и купчинъ встрѣтилъ зъ государевыми послы въ Астарахани. А идетъ онъ, Магаметь Касимъ, ко государю къ Москве отъ шаха зъ грамотами да и для того: хотя его царское величество видети.

И Моисѣй говорилъ въ розговоре купчине Магаметь Касиму: какъ ныне шахъ зъ бухарскимъ и съ юргеньскимъ?

И купчина Магаметь Касимъ говорилъ въ розговоре: бухарской и юргенской государю его, шаху, служить и по его велѣнью, гдѣ имъ государь его шахъ велить бухарскому и юргенскому быти, и они тутъ и будутъ и на помочь ко государю его шаху приходять и ему покорны, и во всемъ его слушаютъ.

И Моисѣй говорилъ въ розговоре купчине Магаметь Касиму: какъ ныне государь его шахъ съ турскимъ и гдѣ нынѣ Шанъ Гирѣй царевичъ съ шаховыми ратными людьми, и бой у него съ турскими и съ крымскими людьми былъ ли, или ещо сходъ межъ ихъ не бывалъ? и на которые мѣста имъ на крымского итти? и впередъ у шаха съ турскимъ и съ крымскимъ царемъ чаать миру-ль или войны? и будетъ межъ ими миру чаать и на чемъ миру чаать?

И купчина Магаметь Касимъ въ розговоре говорилъ: какъ государь его шахъ отпустилъ ко государю къ Москве зъ грамотами, и государь его шахъ былъ въ тѣ поры въ Тевризе, а слухъ ему, шаху, былъ, что идетъ турецкой царь со многими людьми на шаха, и буде турецкой царь на государя его, шаха, будетъ, и шахъ съ ними бьется; а не будетъ турецкой, и государь его, шахъ, въ своемъ царстве воленъ: куды хочеть, туды идетъ. А Шанъ Гирѣй царевичъ посланъ въ Щелкалы съ ратными людьми, а людей съ нимъ тысячъ съ пятьдесятъ всякого бойца; а посланъ онъ въ Щелкалы для службы шаху, что идетъ крымской царь, а посланъ онъ, Магаметь Касимъ, по сякову пору ко государю, къ Москве, мѣсяца съ четыре, а тово подлинно не вѣдомо, гдѣ крымской царь, а приказъ отъ шаха царевичю Шанъ Гирѣю былъ: какъ будетъ крымской царь, и шахъ велѣлъ ему, Шанъ Гирѣю, ко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳеодоровичю

в. Р. тотчасъ писати въ Астарахань и въ Казань, чтобъ государь велѣлъ помочь учинити противъ крымсково. А только будетъ крымсково царя приходъ, и царевичю Шанъ Гирѣю велѣлъ шахъ быти на Сунше для обереганья государевы вотчины Терки и надъ крымскими людьми промыслиати.

И Моисѣй говорилъ въ розговоре купчине Магаметь Касиму: какіе съ нимъ въ Московское государство товары идуть?

И купчина Магаметь Касимъ говорилъ Моисѣю: везеть онъ, Магаметь, отъ себя ко государю въ Москве ему, государю, челомъ ударить, а что ко государю везеть отъ себя ему, государю, челомъ ударить и тому роспись.

Лукъ мешецкой навоженъ творенымъ золотомъ. Ножъ булатной, черенъ и ножны золотые, къ каменьямъ: съ лалы и съ яхонты, и съ бирюзы. Тулунбасъ серебряной въ золотыми плащи, а въ плащахъ каменье бирюзы. Два портища кызылбашскихъ: одно золотное, а другое серебряное, да кушакъ золотной. Два ковра кызылбашскихъ да подсть кызылбашская.

А товару онъ, Магаметь Касимъ, сказалъ у себя, а везеть съ собою въ Москве, и тому товару роспись: 250 дороговъ всякимъ рознымъ цвѣтомъ; 350 юетей сабяновъ всякимъ цвѣтомъ, 200 ансырей шелку всякимъ цвѣтомъ, 4 пуда краски крутику, 50 киндяковъ всякимъ цвѣтомъ.

И Моисѣй говорилъ въ розговоре тезику Курмалѣю: какіе съ нимъ въ Московское государство товары идуть?

И тезикъ Курмалѣй говорилъ въ розговоре съ Моисѣемъ: было у него, Курмалѣя, товару каменье, и то каменье взяли въ Астарахань воеводы, князь Ондрѣй Ондрѣевичъ Хованской съ товарищи, на государя и то каменье послали въ Казань съ приставомъ, и въ Казани то каменье для береженья до ихъ поѣзду поставлено въ Казани въ государеве казнѣ. А что какова каменья тезикъ Курмалѣй сказалъ, и тому роспись:

12 юетей лалъ; 2 юети червчатого яхонту, сережные каменье; 2 юети изумруду сережного каменья; изумрудъ большой, въсу въ немъ 5 золотниковъ; яхонтъ червчатъ перстевой; 3 яхонты червчатые, 3 яхонты лазоревые, пригодатца въ перстень; 33 изумруда, не великіе каменье; перстень золотъ, а въ немъ каменъ алмазъ; перстень золотъ же, а въ немъ каменъ лалъ; 7 юетей лазорего каменья сережныхъ; 3 бирюзы большіе; 3 бирюзы середніе.

Да тезикъ же Курмалѣй въ розговоре сказалъ у себя товару:

10 дороговъ; 30 юетей саебяновъ всякимъ цвѣтомъ.

Роспись. По государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу бояринъ и воеводы, князь Володимерь Тимоѳевичъ Долгорукой съ товарищи, велѣли кызылбашскому купчине Магаметь Касыму давати государева жалованья корму: по две гривны денегъ на день съ людьми, да питья: одному купчине четыре чарки вина, полведра меду на день; людямъ его десяти человѣкомъ по две чарки вина человѣку, да всѣмъ по два ведра пива на день. Кызылбашскому тезику Курмалѣю съ человѣкомъ по два алтына на день.

Имена купчины Магаметь Касима людямъ, которымъ даютъ государево жалованье поденной кормъ.

Племянникъ его Асенѣй Увсейновъ, да шаховъ человѣкъ Муртоза Чемшиновъ, да купчинины люди: Усеинъ Ази Магаметевъ, Ямбазъ Шамсадинъ, Мирза Мурусейновъ, Маметь Салы Авайтовъ, Мирясанъ Магаметевъ, Аминъ Магаметевъ, Асанъ Шамсадинъ, Садиръ Агаметевъ.

На оборотъ: Отписать: каменье велѣть прислать.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѳевичю Долгоруково да князю Семену Микитичю Гогарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Оеонасью Истомину. Писалъ къ намъ изъ Казани кызылбашского купчины Магаметь Касыма приставъ Мосей Пановъ, которой посланъ отъ насъ съ Москвы хъ купчине на встрѣчу, что сказывалъ де ему купчина да тезикъ Курманалѣй: взяли де у нихъ въ Астарахани воеводы наши (*и проч.*). И какъ къ вамъ съ наша грамота придетъ, и вы то каменья, что къ вамъ прислано изъ Астарахани, прислали къ намъ къ Москве, съ кѣмъ будетъ пригоже, да о томъ бы естя къ намъ отписали, а отписку велѣли отдать и съ каменьемъ явитися въ посольскомъ приказе дьякомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го ноября въ 30 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Володьба Долгорукой, Сенька Гагаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Оеонька Истоминъ, челомъ бьютъ. Въ прошломъ, государь, въ 123-мъ году ноября въ 20 де(нь) присланы въ Казань твои государевы ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. грамоты: одна изъ посольскаго приказу за приписью твоего государева думного діака Петра Третьякова, а другая изъ Казанского дворца за приписью діака Оеонасья Овдокимова. А въ твоихъ государевыхъ грамотахъ написано: которые будетъ

иноземцы турскіе и визылбаскіе, и бухарскіе, и юргенскіе, и черкаскіе, и нагайскіе, и иныхъ государствъ послы и посланники, и гонцы, и вупчины, и тезики впередъ учнутъ приходить въ Казань и объ ихъ прїѣздѣ велено писати къ тебѣ ко государю къ Москвѣ, а отписки и росписи тезицкимъ имянамъ и товаромъ велено отдавать въ посольскомъ приказе твоимъ государевымъ діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчюкову, и впередъ о тѣхъ иноземцехъ, объ ихъ прїѣздѣ и о всякихъ твоихъ государевыхъ указахъ въ Казанской дворецъ и въ иные ни въ которые приказы, опричь посольскаго приказа, никуда ни о чемъ писать не велено. А пошлины съ купецкихъ людей съ товаровъ имати въ твою государеву казну по прежнему твоему государеву указу и по уставнымъ грамотамъ. И въ нынешнемъ, государь, въ 125-мъ году въ октябрѣ мѣсяцѣ прїѣхали въ Казань изъ Асторохани и съ Уѣы тезики, а кто именемъ и которые земли, и что у кого товару, и мы, холопы твои, тому роспись послали къ тебѣ въ государю подъ сею отпискою.

Роспись тезикомъ, которые прїѣхали изъ Асторохани съ товары:

Октября въ 29 день у тезика Бухарскіе земли у Салтанъ Асея Магаметева тавару: 8 портищъ выбойки арапскихъ. 90 киндяковъ красныхъ, 90 киндяковъ цветныхъ, 30 лисицъ трухменскихъ, полъ 2 пуда синей бумаги, 50 юетей сабяновъ, 10 пудъ краски крутику.

У тезика Бухарскіе земли у Шахъ Бандыша Муратова тавару: 25 дороги гилянскихъ, 5 таеть, 44 киндяка цветныхъ, 80 ансырей шолку рясково, 75 киндяковъ цветныхъ, 21 ансырь шолку пырсу, пудъ бумаги синіе.

У тезика Бухарскіе земли у Азисъ Али Асанова тавару: 53 ансыря шолку пырсу, 180 киндяковъ червчатыхъ, 150 киндяковъ цвѣтныхъ, 150 юетей сабяновъ, 19 выбоекъ арапскихъ, 37 лисицъ трухменскихъ, 3 пуда бумаги синіе гилянской, 9 пудъ краски крутичу.

У тезика Кизылбашскіе земли, у Магмета Магмутова тавару: 50 ансыревъ шолку гилянскаго, 10 ансыревъ шолку пырсу, 22 юети сабяновъ, 8 дорогъ красныхъ, 4 дороги полосатые, 5 таеть плохихъ.

У тезика Кизылбашскіе у Мула Иса Саххамутова тавару: 15 юетей сабяновъ, 25 ансыревъ шолку раскова, 20 ансырей шолку гилянскаго, 5 дороги цветныхъ и полосатыхъ, 10 таеть горскихъ.

У тезика Кизылбашскіе земли у Врышъ Мамета Салтасенева тавару: 20 юетей сабяновъ жолтыхъ, 38 выбоекъ гилянскихъ широкихъ, 40 ансырей шолку гилянскаго, полъ 3 пуда бумаги синіе.

У тезика Кизылбашскіе земли у Шасора Яинятова тавару: 50

ансыревъ шолку пырсу, 30 ансырей шолку грузысково, 55 юетей саебяновъ.

У тезика Кизылбашскіе земли у Калѣя Магмѣтева товару: 46 дорогъ цветныхъ гиланскихъ, 56 дорогъ красныхъ гиланскихъ, 30 аетъ, 145 киндяковъ цветныхъ, 120 ансырей шолку пырсу, 146 ансырей шолку ласу. Да у Него жъ посыльново товару 30 ансырей шолку грузинского, 3 пуда синей бумаги, 600 гребней деревянныхъ.

У тезика Кизылбашскіе земли, у Хась Малѣя Танѣева товару: 6 миткали, 22 ансыря шолку ласу, 100 ансырей шолку арасково, 80 ансырей шолку гиланского, 7 юетей саебяновъ, 19 дарагъ цветныхъ, 4 пуда краски крутику, 4 пуда краски мяжкой, 2 миткали кизылбаскихъ, 10 гривенокъ чилибухи, 5 гривенокъ коренья жолтого. Да у ево Хасьмалѣева кошевара, у Хонѣя, 30 ансырей шолку пырсу.

У тезика Кизылбашскіе земли у Мамедѣя Махмутова товару: 63 киндяка цветныхъ, 20 дарагъ цветныхъ гиланскихъ, 5 дороги топлыхъ цветныхъ, 2 миткали, 33 ансыря шолку ласу, 55 луковъ бухарскихъ, 55 ансырей шолку пырсу, 4 пуда краски мяжкой, 9 пудъ краски крутику, 13 таетъ, 8 дорогъ гиланскихъ.

У тезика Кизылбашскіе земли у Садѣя Алибекова товару: 150 юетей саебяновъ жолтыхъ и красныхъ, 117 ансырей шолку пырсу, 10 таетъ, 52 дороги гиланскихъ цветныхъ.

У астараканца у арменина у Малдаруса Сабахтарова товару 10 ансырей шолку пырсу, пудъ наждаку, 30 гривенокъ ужовокъ, 20 гривенокъ чернильныхъ орѣшковъ.

У тезика Кизылбашскіе земли у Язнова Магметева товару: 11 дорогъ цветныхъ плохихъ, 60 ансырей шолку ласу.

Да у тезика у Молмина товару: 80 киндяковъ красныхъ; 52 кушака полушелковы, миткали, 6 выбоекъ, 6 коетановъ, 21 зендепъ красныхъ, 35 портищъ бязи лоценой, 40 кушаковъ бумажныхъ, 15 пестредей, 5 оунтъ бумаги синіе, юетъ саебяновъ лазоревыхъ, 2 юети жолтыхъ, 2 ями бязи.

У тезика у Курмана товару: 50 зенденей красныхъ, 50 зенденей цвѣтныхъ, 14 портищъ бязи лоценой, 6 кисѣи, 8 юетей саебяновъ красныхъ, 2 юети жолтыхъ, 4 кушака полушелковы, 2 дороги зелены, дороги жолтыя, 8 ансырей шолку игирденю, 11 пестредей, 47 кушаковъ бумажныхъ.

Пріѣхалъ съ Уоы. У тезика Бухарскіе земли у Мала Садика Мала бекѣева товару: 183 кушака полушелковыхъ, 60 кушаковъ шолковыхъ, 62 пестреди, 20 кушаковъ чаровъ, 4 миткали, 120 зенденей

червчатыхъ топльхъ, 80 зенденей широкихъ цветныхъ, 55 кушаковъ харчѣвыхъ, рубашка—камка кизылбаская красная, рубашка—камка кизылбаская жолтая, 10 бязей, 70 зенденей красныхъ, 70 киндяковъ цвѣтныхъ, 13 рубахъ таежныхъ бухарскихъ, 8 змей бязи, 4 рубашки зендонныхъ, 100 зенденей цветныхъ, миткали арапскіе, 14 юетей саебяновъ, 2 бязи лощеныхъ, 100 зенденей цветныхъ, 30 луковъ бухарскихъ, 10 бязей, 3 рубашки зенденныхъ, 4 обаба. Да у него жъ посылного товару 5 юетей соебяновъ, 16 кушаковъ, 3 дороги бухарскіе, 75 зенденей красныхъ, 4 кушаковъ, 5 ансырей шолку игирдѣну, 10 кисей, 30 зенденей семенди, 50 кушаковъ хорчавыхъ.

На адресъ: 125 г. декабря во 2 день съ казанцомъ зъ Безсономъ Васильчиковымъ.

Помѣта: Отписать: которые будетъ изъ тѣхъ тезиковъ похотятъ ѣхать къ Москве, и тѣхъ отпустить къ Москве, а которые тамъ похотятъ торговать, и тѣмъ велѣти торговать и назадъ ихъ отпустить по ихъ воле.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукому да князю Семену Микитичю Гагарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Оеонасю Истомину. Декабря въ 2 де(нь) писали есте въ намъ (*и проч.*). И какъ въ вамъ ся наша грамота придетъ, а которые будетъ исъ тѣхъ тезиковъ похотятъ съ товары своими ѣхать въ намъ къ Москвѣ, и вы бѣ ихъ отпустили къ намъ къ Москве и для береженья послали съ ними до Москвы, кого пригоже, чтобъ имъ по городомъ ни отъ кого никакихъ обидъ не было. А которые похотятъ торговать въ Казани, и вы бѣ имъ велѣли торговати въ Казани и назадъ ихъ въ свою землю отпускали безо всякого задержанья по ихъ воле. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го декабря въ 3 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Бориско Нащовинъ да Демка Образцовъ, челомъ быють. Въ твоей государеве грамоте изъ посольского приказу за приписью твоего государева дьяка Савы Романчюкова писано, государь, къ намъ, холопомъ твоимъ, съ Мосѣемъ Пановымъ: какъ, государь, исъ Казани Мосѣй Пановъ прїѣдетъ въ Нижней съ шахъ Аббасовымъ купчиною Магаметь Касомъ (*sic*) да съ кизылбаскимъ тезикомъ съ Курмалѣемъ (*и проч.*). И въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году декабря въ 2 день прїѣхалъ въ Нижней исъ Казани Мосѣй Пановъ съ кизылбашскимъ купчиною и съ тезикомъ. И по твоему государеву указу мы, холопи

твой, и по росписи, какова роспись у Мосѣя Панова, кизылбашскому купчине и его людямъ денежной поденной кормъ и питье, вино и метъ, и пиво, зъ декабря съ 3-го числа и въ дорогу декабря 13 число, и по казанской подорожной подводны дали сполна, и изъ Нижнего къ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р., отпустили мы, холопи твои, Мосѣя Панова съ купчиною и съ тезикомъ декабря въ 5 день; а провожатыхъ, государь, съ ними для береженья послали до Мурома нижегородцкихъ стрельцовъ дватцать человекъ, а велѣли, государь, имъ ѣхати дорогою не оплошно, съ великимъ береженьемъ.

Помѣта: Влеить въ столпъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопи твои, Володька Долгорукой, Сенка Гагаринъ, Ондрушка Подлѣсовъ, Овонка Истоминонъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году ноября въ 2 день писали мы, холопи твои, къ тебѣ, ко государю, зъ Григорьемъ Пустошкинымъ, что по твоему государеву указу присланъ въ Казань Моисѣй Пановъ на встрѣчу кизылбашскому купчине Магаметь Касиму, которой ѣдетъ къ тебѣ, государю, отъ шахъ Аббаса зъ грамотою, да тезику Курмалѣю, которой ѣдетъ къ тебѣ, государю, съ каменьемъ: съ ахонты и съ лалы, и съ узумруды. А велѣно намъ, холопомъ твоимъ, Моисѣя съ купчиною и съ тезикомъ отпустить къ тебѣ, государю, давъ имъ кормъ, и послать провожатыхъ до Нижнего. И мы, холопи твои, хъ купчине послали Моисѣя Панова, а велѣли сказать, чтобъ онъ ѣхалъ къ тебѣ, государю, къ Москве со всеми товары, которые съ нимъ исъ Кизылбашъ. И купчина, государь, прислалъ къ намъ, холопомъ твоимъ, челобитную, а въ челобитной, государь, написано, чтобъ ты, государь, его, купчину, пожаловалъ велѣлъ ему продать въ Казани товарцу, чѣмъ ему до Москвы поднятца, и на себя и на людей для зимнего пути теплое платье искупити, а упродать де ему товару немного. которой къ Москве вести не пригодитца. И тѣмъ товаромъ прислалъ къ намъ роспись. И мы, холопи твои, велѣли Моисѣю Панову купчине говорити, чтобъ онъ со всеми товары къ тебѣ, ко государю, къ Москве ѣхалъ, а въ Казани бѣ товаровъ своихъ не продавалъ. И Моисѣй Пановъ намъ, холопомъ твоимъ, сказалъ, что онъ купчине про то говорилъ, и купчина де ему отказалъ, что ему, для нужи не продавъ товаровъ, къ Москве ѣхати не можно, потому что у него и у людей теплого платье нѣтъ, а денегъ у него нѣтъ, покупать нѣчемъ. И мы, холопи твои, купчине плохіе товары для его подъему продать позволили, а Моисѣю, государь, приказывали, чтобъ у него купили рускіе люди на под-

ворьѣ, а иноземцовъ бы хъ купчине на дворъ никакнхъ припускать не велѣлъ, и дорогихъ товаровъ купчина никакихъ не продавалъ. И отпустили мы, холопи твои, къ тебѣ, государю, Мосѣя Панова съ купчиною и съ тезикомъ ноября въ 19 день, давъ имъ кормъ и питье и провожатыхъ послали по твоему государеву указу до Нижнего. А которые, государь, товары купчина людемъ своимъ велѣлъ въ Казани продати, и мы, холопи твои, тѣмъ товаромъ послали къ тебѣ, государю, роспись подъ сею отпискою.

Роспись товару, которой товаръ кизылбашской купчина Магаметь Касимъ велѣлъ продати въ Казани: 200 ансырей шолку худово, 25 юетей саебяновъ мовлыхъ, 4 дороговъ полосатыхъ, 20 таетъ, 20 дорожешокъ худыхъ рознымъ цвѣтомъ, 2 пуда бумаги хлопчатые, 20 киндячишговъ мовлыхъ.

На адресъ: 125 г. декабря въ 16 де(нь) подалъ Мосѣй Пановъ.

Государю ц. и в. вн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Бориско Нащокинъ да Демка Образцовъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году декабря въ 3 день свазалъ намъ, холопомъ твоимъ, кизылбашского шахъ Аббасова купчины приставъ Мосѣй Пановъ: декабря, государь, съ 2-го числа въ ночи украли де, государь, тати съ купчинина двора у купчины съ воза коробейку, а въ той де, государь, коробейкѣ, по скаске купчины, было живота его осмнатцать дороговъ розныхъ цвѣтовъ, да дватцать пять ансыревъ шолку, да шесть выбоекъ, а цена де, государь, дорогомъ по четыре рубли дороги, а шолку по три рубли ансырь, а выбойка по полтине, и всего, государь, по купчинине скаске украли живота его на сто на пятьдесятъ рублевъ; а тое де, государь, ночи стерегли на купчинине дворѣ, весь купчининъ животъ кузьмодемьянскіе охотники, Степанко Дементьевъ съ товарищи пять человекъ, а надъ ними надзирали кузьмодемьянскихъ стрельцовъ четыре человекъ, Ивашко Клюкинъ съ товарищи. Да декабря жъ, государь, во 8 день свазалъ намъ, холопомъ твоимъ, Мосѣй Пановъ, что тѣ кузьмодемьянскіе охотники и стрельцы, испродавъ свои лошади и всякую рухлядь, и дали купчине въ ту его пропажу девяносто четыре рубли съ полтиною, а додати де, государь, еще купчине по его купчинине скаске въ ту его пропажу пятьдесятъ пять рублевъ съ полтиною, и тѣмъ де, государь, ямщикомъ и стрельцомъ тѣхъ достальныхъ денегъ купчине доплатити нѣчимъ, и тѣхъ, государь, ямщиковъ, которые стерегли на купчинине дворѣ, и тѣхъ стрельцовъ, которые надъ тѣми ямщиками надзирали, Мосѣй Пановъ въ тѣхъ въ достальныхъ въ купчининыхъ деньгахъ прислалъ къ намъ, холопомъ твоимъ, а намъ

бы, государь, холопомъ твоимъ, тѣхъ ямщиковъ и стрельцовъ велѣти держати до твоего государева указа. И мы, государь, холопи твои, тѣхъ ямщиковъ и стрельцовъ, которыхъ къ намъ, холопомъ твоимъ, прислали Мосѣй Пановъ, по его росписи, всѣхъ осмнатцать человекъ велѣли въ Нижнемъ посадити въ тюрьму до твоего государева ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Моисѣй Пановъ, Сенька Болтинъ, челомъ бьютъ. По твоему государеву ц. и в. кн. М. Ф. в. Р. указу посланъ я, холопъ твой, Моисѣйко, въ Казань на встрѣчу шахъ Басову купчине Могамень Касиму да кизылбашскому тезику Кормалю. И по твоему государеву указу насъ, холопей твоихъ, съ купчиною и съ тезикомъ твой государевъ бояринъ и воевода, князь Володимерь Тимоѣевичъ Долгорукой съ товарищи, изъ Казани отпустилъ ноября въ 18 де(нь) и провожатыхъ дали стрельцовъ дватцати человекъ до Нижнева Новагорода, и до Нижнева, государь, Новагорода доехали, далъ Богъ, здорово, а въ Нижнемъ, государь, учинилася пропажа: декабря въ 2 де(нь) съ понедѣльника противъ ооторника въ ноци у купчины пропала съ воза коробья, а въ коробѣ онъ, купчина, сказалъ осмнатцетеры дороги, дватцеть пять ансыревъ шолку, шесть выбоекъ; а цѣну сказалъ дорогомъ по четыре рубли, да за шелкъ за ансырь по три рубли, за выбоюку по полтине. А на карауле были въ тое пору казанскіе стрельцы четыре человекъ, да козьмадемьянского яму ямщики, которые были у купчины за лошадыми пятнатцеть человекъ, и имъ была приказана та ночь стеречи всѣмъ накрепко. И тѣ, государь, сторожи, стрельцы и ямщики, за тое пропажу били челомъ ему, купчине и приносили денегъ девяносто четыре рубли шеснатцеть алтынъ четыре деньги, и онъ, государь, у нихъ тѣхъ денегъ не взялъ: прошалъ у нихъ ста пятидесять рублевъ; а больши, государь, того стрельцы и ямщики въ Нижнемъ денегъ не собрали. И мы, холопи твои, тѣхъ стрельцовъ и ямщиковъ въ Нижнемъ отдали твоему государеву воеводе Борису Ивановичю Нащокину, дьяку Дементью Обрасцову до твоего государева указу. И декабря, государь, въ 8 де(нь), какъ мы, холопи твои, пришли съ купчиною въ Муромъ, и тотъ, государь, купчина почалъ у насъ, холопей твоихъ, просити за тое свою пропажу тѣхъ денегъ, что ему давали стрельцы и ямщики девяноста четырехъ рублевъ штинатцати алтынъ четырехъ денегъ, и отписъ давалъ во всей своей пропаже. И мы, холопи твои, безъ твоего государева указу тѣхъ денегъ ему дати не смѣемъ потому, что онъ въ Нижнемъ у стрельцовъ и у ямщиковъ денегъ не взялъ, а въ

Нижнемъ, государь, купчина стоялъ на посаде у вдовы у Ѳедоры Власьевы дочери, а у неѣ живетъ на дворѣ Смирка Ивановъ, и пропажа, государь, учинилася у тое вдовы на дворѣ. И мы, холопи твои, тое вдовы и тово Смирки про тое пропажу роспрашивали и роспросные рѣчи и тѣхъ стрелцовъ и ямщиковъ имяна послали къ тебѣ, къ государю, къ Москве подъ сею отпискою; а тово, государь, Смирку отослали въ розрядъ къ воеводе къ Борису Ивановичю Нащокину, къ дьяку Дементью Обрасцову. А какова, государь, роспись кормовая дана мнѣ, холопу твоему, въ Казани, по чему давати купчине съ людьми поденново корму, и мы, холопи твои, списавъ съ тое росписи слово въ слово, послали къ тебѣ, къ государю, къ Москве подъ сею отпискою. А изъ Володимеря, государь, мы, холопи твои, съ купчиною и съ тезикомъ пошли декабря въ 12 де(нь), а въ Володимерѣ, государь, воевода князь Семень Григорьевичъ Звенигороцкой корму далъ на четыре дни.

Списокъ съ росписи слово въ слово, а въ росписи (*свергу*: казанская) пишеть: имати поденного корму и питья въ дорогу отъ Казани до Москвы шахъ Аббасову купчине Магметъ Касиму да тезику Курмалѣю. Купчине Магметъ Касиму съ людьми по 6 алтынъ по 4 де(ньги) на день. Купчине жъ питья по 4 чарки вина по полуведра меду на день. Людямъ его 10 человекомъ по 2 чарки вина человеку, да всѣмъ вопчѣ два ведра пива на день. Тезику Курмалѣю по 2 алтынъ на день. У подлинныя росписи приписъ дьяка Ондрѣя Подлѣсова.

Имяна купчининимъ людямъ Магметъ Касима: племянникъ Магаметъ Касима Асенѣи Усейновъ да шаховъ человекъ Муртоза Чемпиновъ; да купчинины люди: Усеинъ Аза Магаметевъ, Амбасъ Шамсадинъ, Мирза Мурусейловъ, Маметъ Салы Анаитовъ, Мирасанъ Магаметевъ, Аминъ Магаметевъ, Садиръ Рагаметевъ, Асимъ бекъ Шамсадинъ — боленъ, остался въ Казани.

Имяна казанскимъ стрелцомъ, которые были въ Нижнемъ на карауле у купчины: Иванъ Прокоевевъ сынъ Ключинъ, Григорей Олексѣевъ сынъ Мартюгинъ, Іевъ Григорьевъ сынъ казанецъ, Первой Ивановъ сынъ Чернопельской, Козьмадемьянского яму ямщика, которые были на стороже: Олексѣй Дмитреевъ, Томило Давыдовъ, Степанъ Исаевъ, Бажень Исаевъ, Посникъ Тарасовъ, Осипъ Корнильевъ, Яковъ Семеновъ, Василей Замятинъ, Иванъ Первово, Степанъ Первушинъ, Ѳедька Ивановъ, Тренька Сухоной, Ѳилька Овдокимовъ, Сенька Лукьяповъ, Оверя Ивановъ.

Въ Нижнемъ Новѣгородѣ стоялъ купчина на посаде у вдовы у Ѳедоры Власевы дочери, и у тое вдовы на подворье были два человекѣ, а сказала вдова Ѳедора Моисѣю Панову въ роспросѣ: тѣ деи люди стояли у меня на подворьѣ. И Моисѣй спрошалъ тое вдовы Ѳедоры: какъ тѣхъ людей по имяномъ зовутъ? И вдова Ѳедора, помѣшкавъ, сказала: зовутъ одинъ—Смирной Неѳедьевъ. И Моисѣй роспросилъ тово Смирново, и тотъ Смирной сказался Ивановъ сынъ, а не Неѳедьевъ. А другово человекѣ, сказала, зовутъ Беляемъ, а отцу ево имени и прозвища не сказала; а Смирной сказалъ: зовутъ де ево не Беляемъ, имя де ему Обрамко, а отцу ево имени не вѣдаетъ, а ходилъ онъ на судне се лѣто у Тихона у Минина, а нынеча деи онъ прибегаетъ къ той же вдовѣ Ѳедоре. И какъ сталъ купчина у тое вдовы, и въ ту жъ пору былъ у тое вдовы третей человекѣ, Петромъ зовутъ, а отца ево имени и прозвища не вѣдаетъ; а тово не сказала хъ кому прибегаетъ. И тотъ же Смирной сказалъ про тово Петра, что онъ казакъ юртовской, а нанялся на судно на Самаре въ кораулъ до Нижнева у Тихона Минина, а тово Смирной не вѣдаетъ, гдѣ онъ живетъ. И въ тое жъ пору, стоя та вдова Ѳедора тому Смирному сказала про тово Петра, что онъ живетъ въ ямской слободѣ повыше ямсково съѣзжево дво(ра) у старицие, Оeimъею зовутъ. Да какъ купчина сталъ на дворѣ, а не вѣдалъ опричь Смирново и въ день и въ вечеру. А какъ сталъ купчина ложитца спать часу въ пятомъ, и погленулъ на полати, ажно лежать на полатехъ опрочь Смирново два человекѣ. И какъ учинилася пропажа, и купчина всталъ въ заутренней позвонѣ. Какъ пропажа учинилася, не видали опричь тово Смирново нивово ни купчина, ни стрельцы, ни ямщики, ни люди купчины такоже не видали и стали спрашивати тое вдовы и Смирново про техъ людей, которыхъ купчина виделъ на полатехъ ночью. И вдова Ѳедора, помешкавъ, сказала и Смирной: начевали де тотъ Обрамко да Тихоновъ человекѣ Минина Ивашко Аристовъ; а Ивашковъ деи отецъ Аристъ живетъ въ прикащикахъ у Тихана Минина.

На адресъ: 125-го декабря въ 15 де(нь) съ володимерскимъ стрельцомъ съ Минкою Петровымъ.

Помѣта: Бояре приговорили, велѣли сыскивать и вдовы и Смирки, и тѣхъ, которые у вдовы ночевали, сыскавъ, роспрашивать и съ стрельцы и со ямщиками ставить съ очей на очи, и пытать, которыхъ доведется, накрѣпко, и огнемъ жечь; а которые съ пытки не скажутъ, и тѣхъ прислать къ Москве.

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. въ Нижней

Новгородъ воеводе нашему Борису Ивановичю Нащокину да дьяку нашему Демѣтѣю Образцову. Нынешнего 125-го году декабря въ 3 де(нь) писали есте къ намъ (*и проч.*). А Москѣй Пановъ писалъ намъ (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ про тоѣ купчинину пропажу велѣли сыскивати всякими сыски накрепко и вдову Ѳеодорку, у которые стоялъ купчина, и Смирку, и пныхъ людей, которые въ то время были у вдовы у Ѳеодорки на дворѣ, и ямщиковъ, и стрельцовъ, которые стерегли у купчины на дворѣ, велѣли сыскати, а сыскавъ, велѣли ихъ роспрашивати накрепко порознь: коими обычеи у купчины пропажа учинилась? Да на кого вдова и Смирка или стрельцы и ямщики межъ себя въ той пропаже учнутъ говорити, и вы бѣ тѣхъ ставили съ очи па очи и про то сыскивали допряма. Да будетъ хто по сыску доведетца до пытки, и вы бѣ тѣхъ людей велѣли пытать накрепко и огнемъ жечь. А которые люди съ пытки на себя ничего не скажутъ, а по сыску и по роспроснымъ рѣчамъ та пропажа будетъ къ нимъ прилична, и вы бѣ тѣхъ людей и роспросы ихъ рѣчи прислали къ намъ къ Москве съ кѣмъ пригоже, а на Москвѣ велѣли имъ явиться и роспросы рѣчи отдать въ посольскомъ приказе діакомъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Саве Романюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7125-го, декабря въ 22 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳеодоровичю в. Р. холопи твои, Володка Долгорукой, Сенка Гогаринъ, Ондрюшка Подлѣсовъ, Ошонька Истоминоу, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году ноября въ 17 день сказывалъ намъ, холопомъ твоимъ, Моисѣй Пановъ: по твоему деи государеву указу велено ему быть въ приставехъ у кызылбашского у шахъ Аббасова купчины у Магметъ Касима да у тезика у Курмалѣя, которой отпущенъ къ тебѣ, ко государю, изъ Астарахани съ камнемъ. А сколько у нихъ людей, и у него деи въ московской росписи написано имянно. А нынѣ деи, государь, сверхъ росписи у тезика у Курмалѣя объявился лишней человекъ детина погайченокъ. И мы, холопи твои, велѣли того детину, какъ онъ сойдетъ зъ двора, поймавъ, передъ себя привести, чтобъ тезику Курмалѣю было не знатно. И того жъ дни сынъ боярской Ивашко Тонѣевъ детину передъ нами, холопи твоими, поставилъ, а сказалъ, что взялъ его на гостине дворѣ въ тезицкомъ ряду. А въ роспросе намъ, холопомъ твоимъ, тотъ детина сказалъ: зовутъ его Митькою Васильевъ, родомъ бывалъ татарченокъ астараханского черного попа Осипа Немово купленной человекъ; а изъ Астарахани съ тѣмъ попомъ приѣхалъ вверхъ въ прошломъ во 123-мъ году, на веспу будетъ три

годы, и были на Соловахъ, а ѣдучи съ Соловковъ, попъ Осипъ оставилъ его одного въ Ярославле, а изъ Ярославля пріѣхалъ онъ въ Казань въ нынешнемъ во 125-мъ году съ свѣжениномъ съ Оедькою Онтипинымъ. А живетъ на подворье у казанского посадцкого человѣка у Гришви Медвеника, а кормитца на гостине дворѣ толмачествомъ, которые торговые люди торгуютъ съ тезики, и онъ у нихъ толмачить. А у тезика де у Курмалѣя былъ дни съ три, а хотѣлъ его тотъ тезикъ взять съ собою къ Москве для толмаченья. И мы, холопи твои, того новокрещена Митьку велѣли отдать держать приставу нарядчику Корнилу Ежову. И того жъ, государь, дни сказывалъ намъ, холопомъ твоимъ, Моисѣй Пановъ: говорилъ деи ему тезикъ Курмалей о томъ детине, что онъ пропалъ безвѣсно, а было деи на немъ платье его. И мы, холопи твои, приказывали Моисѣю Панову, а велѣли тезику Курмалѣю говорить, что онъ то учинилъ негораздо, что такихъ людей безъ доклада къ себѣ принимаетъ, а только бы такой невѣдомой человѣкъ отъ него сшелъ, его покрадчи, и то бъ ему учинилось отъ себя; а ныне по его челобитью велѣли того детину сыскивать, а будетъ не сыщется, и мы велимъ за платье, что онъ на того детину положилъ, доправить деньги на караульщикахъ за то, что они того, какъ тотъ детина отъ него сшелъ, не уберегли. И ноября жъ, государь, въ 19 день сказывалъ намъ, холопомъ твоимъ, Моисей Пановъ, а ему деи сказывалъ Михайлова приказу Соловцова стрелець Силка Оедосѣевъ Пушниковъ: былъ деи онъ на карауле у тезика у Кармалѣя и ходилъ деи онъ съ нимъ ноября въ 18 день на гостинѣ дворѣ и на гостине дворѣ сказывалъ тому тезику Курмалѣю нарядчику Корнилу Ежовъ, что малой его, которой отъ него бѣжалъ, данъ держать ему, Корнилу, и про приводъ его, какъ онъ былъ въ сѣзжей избѣ передъ нами, холопи твоими, и про платье, что на немъ было, рассказывалъ. А стрелець Силка намъ, холопомъ твоимъ, сказалъ тѣ же рѣчи, что и Моисѣй Пановъ на того нарядчика на Корнила сказывалъ. И мы, холопи твои, Корнила за то велѣли бить батоги нещадно и до твоего государева указу кинуть въ тюрьму, чтобъ на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать, про твои государевы дѣла иноземцомъ сказывать. А детину Митьку до твоего жъ государева указу дали держать приставу. И о томъ намъ, холопомъ твоимъ, какъ велишь свой государевъ указъ учинить?

И декабря въ 26 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. указалъ кизылбашскому купчине Мааметъ Касыму быти въ посольской полате у думного дьяка у Петра Третьякова и распросити

его о государственныхъ дѣлѣхъ, съ чѣмъ онъ ко государю отъ шаха прѣхалъ, и грамота съ нимъ ко государю отъ шаха и сверхъ грамотъ словесной привазъ о какихъ дѣлехъ есть-ли?

И того же дни визылбашской купчина въ посольской полате у посольскаго думнаго діака, у Петра Третьякова, былъ. А посыланъ по него и ѣхалъ съ нимъ въ городъ въ однихъ саняхъ приставъ его востромитинъ Моисѣй Пановъ. А сани по купчину посылалъ думной діакъ Петръ Третьяковъ отъ себя. А какъ купчина ѣхалъ въ городъ, и въ то время въ городе на площади и у посольскіе полаты были стрелцы всѣхъ приказовъ бесъ пичалей.

А какъ купчина вшелъ въ посольскую полату, и думной дьякъ Петръ Третьяковъ съ купчиною корошевался, вставъ, и спрашивалъ его о здоровье и велѣлъ ему сѣсти. А посидѣвъ немного, спрашивалъ его, сколь онъ давно поѣхалъ отъ шаха, и государевыхъ посланниковъ Федора Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѣева и государя своего шаховыхъ посланниковъ Булатъ бека, и купчинъ Хозу Муторзу (sic) съ товарищи, которые были въ Московскомъ государстве, гдѣ встрѣтилъ и съ ними виделся ль?

И купчина говорилъ: зъ государевыми онъ посланники виделся въ Астарахани и изъ Астарахани государевы и шаховъ посланники и купчины пошли при немъ; а онъ после ихъ мешкалъ въ Астарахани десять день.

И думной дьякъ Петръ Третьяковъ спрашивалъ про шаха: какъ онъ, Мааметъ, поѣхалъ отъ государя своего, и государъ ево шахъ въ тѣ поры гдѣ былъ? и изъ котораго города ево отпустилъ, и грамота съ нимъ ко государю отъ шаха и сверхъ грамоты словесной приказъ есть-ли? и о чемъ съ нимъ приказъ, то бъ онъ ему объявилъ, а онъ, Петръ, про то про все донесетъ до царскаго величества.

И купчина говорилъ: какъ ево шахъ отпускалъ ко государю, и шахъ въ тѣ поры былъ въ Тевризе, и грамота съ нимъ ко государю отъ шаха и сверхъ грамоты словомъ приказъ есть, и тое грамоту велено ему подать государю самому. А словомъ приказъ о томъ: прежніе всѣ російскіе государи были съ шаховымъ в. въ братственной дружбе и въ любви, а ныне государъ ево шахъ по тому жъ хочетъ съ царскимъ в-мъ быти въ дружбе и въ любви, и въ сылке безъ урыву. И посланъ отъ государя ево къ царскому в-у посланникъ Булатъ бекъ, и онъ назадъ ко государю ево долго не бывалъ, и государъ ево шахъ послалъ ево, Мааметъ Басыма, ко государю съ своею грамотою государскіе очи видеть и про посланника своего

провѣдать и жадаеть государь ево шахъ съ царскимъ величествомъ быти въ братственной дружбе и въ любви, и въ сылке мимо всѣхъ великихъ государей, и на семъ свѣте не имѣеть себѣ такова друга что ево царское величество. А какъ ево шахъ отъ себя отпустилъ, и про посланника Булатъ бека, что онъ ко государю ево назадъ отпущень, вѣдома не было.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ говорилъ: о иныхъ о какихъ дѣлахъ отъ государя ево приказъ съ нимъ есть ли?

И купчина говорилъ, что есть съ нимъ отъ государя ево грамота и писано о всемъ въ грамоте, а больши того ни о чемъ съ нимъ словесного приказу нѣтъ.

Думной же дьякъ Петръ Третьяковъ спрашивалъ гонца: какъ ныне шахъ съ турскимъ: въ перемирь лѣ учинилися, или межъ ими война? и нынешнего лѣта война межъ ими была лѣ?

И гонецъ говорилъ, что у государя ево, у шаха, съ турскимъ дружбы никоторые нѣтъ и межъ ими война. А какъ нынешнего лѣта шахъ пришелъ въ Тевризъ и послалъ отъ себя къ турскому, чтобъ онъ шаху отдалъ городъ ево Богданъ, а Вавилонъ тожъ, потому что тотъ городъ шаховыхъ прародителей, и ныне родители ево въ томъ городе лежать. А что турской противъ того шахову послу отказалъ, про то онъ не вѣдаетъ, потому что тотъ посолъ при немъ отъ турского къ шаху не бывалъ. А тотъ при немъ слухъ у шаха былъ, что турской и крымской царь хотѣлъ на шахову землю вести войною и своихъ людей въ другіе стороны хотѣлъ послать. И шахъ де крымскому царевичю Шанъ Гирѣю велѣлъ итти на Дербень противъ крымского. А самъ де шахъ со всѣми большими своими людьми пошелъ въ Тевризъ противъ турскихъ людей; а что де после того межъ ими здѣлалось, того онъ не вѣдаетъ: пошелъ онъ отъ шаха къ государю вскоре.

И думной діакъ Петръ Третьяковъ, говоря съ гонцомъ о государевыхъ дѣлахъ и сказавъ ему государево жалованье въ стола мѣсто кормъ, отпустилъ ево на подворье.

Переводъ съ росписи съ кизылбашского тезика Карманалѣя, сколько у него взяли въ Астарахани воеводы камня:

Изумрудъ большой, вѣсу въ немъ 5 золотникъ съ лишкомъ, 12 юетей сережново камня лалы червчеты, изумрудъ въ золоте немного меньши золотника, 2 юети камня сережново изумруду вѣсу въ нихъ полтретья золотника, 33 камня перстневыхъ изумруды, 2 юети сережнова камня яхонту красново, яхонтъ лазоревъ въ золоте,

7 юетей яхонту лазоревово сережное каменье, 5 вставокъ перстневыхъ каменья яхонты лазоревы, 4 яхонта червчетыхъ перстневыхъ, перстень золотъ съ алмазомъ, перстень золотъ, а въ немъ камень лаль, 3 бирюзы большихъ, 30 бирюзъ среднихъ, 4 винисы большихъ, 4 партища обьяри черной.

А въ росписи, какову роспись прислалъ ко государю къ Москве изъ Казани кизылбашского купчины Ховъ Магамета приставъ Мосѣй Пановъ, написано: сказывалъ ему кизылбашской тезикъ Курманалѣй которой ѣдетъ вмѣсте съ купчиною, что взяли у него въ Астарахани воеводы, князь Ондрѣй Хованской съ товарищи, товаровъ его: 12 юетей лаль, а какіе цвѣтомъ, того не написано; 2 юети червчетого каменья яхонту сережного каменья, 2 юети изумруду сережного каменья, а сколько въ нихъ вѣсу, того не написано. Изумрудъ большой, вѣсу въ немъ пять золотниковъ; яхонтъ червчетъ перстневой, 3 яхонты червчетыхъ, а пригодятца въ перстни или нѣтъ, того не написано; 3 яхонты лазоревы, пригодятца въ перстни. И въ тезиновой росписи приписано передъ тѣмъ лишку 2 яхонты, а писаны всѣ пять (?) вставками. 33 изумруда не великіе каменье; перстень золотъ, а въ немъ камень алмазь; перстень золотъ, а въ немъ камень лаль; 7 юетей лазоревово каменья сережныхъ, а какіе каменье, того не написано, 3 бирюзы большіе, 3 бирюзы средніе. Да сверхъ того въ купчининой росписи приписи: изумрудъ въ золоте немного меньши золотника, яхонты лазоревы въ золоте, 4 винисы большихъ; 4 партища обьяри черной.

А въ астараханской росписи, какову роспись прислали изъ Астарахани воеводы, князь Ондрѣй Хованской съ товарищи, въ Базанской дворець, написано: взято на государя у кизылбашского тезика у Курмалѣя:

Двои каменье сережные яхонты червчеты невелики, одни побольши, а другіе поменьши. Вставочка корочка яхонта червчетого, 4 искорки яхонтовые червчеты невелики. Изумрудъ вставочной великъ. Изумрудъ въ золотомъ гнездѣ четвероуголенъ. 2 каменье изумруды сережные, одни побольши, а другіе поменьши. 35 искорокъ изумрудныхъ, яхонтъ лазоревъ въ золотомъ гнѣздѣ. 5 вставочекъ яхонтовыхъ, лазоревы. Трои каменье сережные яхонты лазоревы: двои средніе, а третіе поменьши. Перстенець золотъ съ алмазомъ. Перстенець золотъ, а въ немъ камень лаль. 9 каменье сережные, лалы средніе. 7-ры каменье сережные, лалы жъ поплоче. Вставка корка лаловая. 33 бирюзы большихъ и среднихъ. 40 бирюзокъ маленькихъ, 4 винисы большихъ. Бирюзки мелкіе въ дву бумашкахъ.

И декабря въ 29 де(нь) въ недѣлю указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. быти у себя, у государя, на дворѣ на прїѣзде кызылбашского Аббасъ шахову купчине Маметъ Касыму да юргенчского Арапъ хана послу Юсуеъ Аджеѣ; а прїѣхалъ въ городъ напередъ кызылбашского шаха купчина.

А посыланъ по него и съ нимъ въ городъ ѣхалъ приставъ ево Мосѣй Пановъ; а сани подъ купчину посланы отъ посольского думново діака отъ Петра Третьякова съ подворья. А на площади въ то время стрельцы были всѣхъ приказовъ бестъ пищалей.

А прїѣхавъ въ городъ, дожидался купчина государева выходу въ посольскомъ приказе. А государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. въ средней въ золотной въ подписной полате въ своемъ царскомъ мѣсте и въ царскомъ платьѣ въ діадиме скинетромъ. А при государе были рынды въ бѣломъ платьѣ, съ правую сторону—князь Семень князь Васильевъ сынъ Прозоровской, да Василей Ортемьевъ сынъ Измайловъ; съ лѣвую сторону—князь Матвѣй князь Васильевъ сынъ Прозоровской, да Ондрѣй Ортемьевъ сынъ Измайловъ. Бояре сидѣли при государе въ золотныхъ шубахъ и въ черныхъ шапкахъ. А какъ государь велѣлъ купчине итти къ себѣ, къ государю, и купчина шель къ государю и съ посольского приказу площадью мимо Архангиль, середню лѣсницю, и къ государю въ полату съ приставомъ безо встрѣчи. А какъ купчина вшелъ къ государю въ полату, и являлъ его государю челомъ ударити околничей Ортемей Васильевичъ Измайловъ, а являлъ его государю гонцомъ, а не купчиною; а молилъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель! брата вашего великого персидцого государя шахъ Аббасова величества гонецъ Мааметъ Касымъ вамъ, великому государю, челомъ ударилъ.

И государь пожаловалъ гонца къ руке и клалъ на него свою царскую руку.

А бывъ, купчина у руки, правилъ государю отъ шаха челобитье, а молилъ:

Подобенъ солнцу сіяющу высокопрестольный и надо всѣми государи превознесенный, Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель! Любительный братъ вашъ персидцкій и ширванскій и многихъ мусульманскихъ государей повелитель шахъ Аббасово величество вамъ, великому государю, велѣлъ челомъ ударить и о здоровье спросити, и про свое здоровье сказать.

А какъ челобитье исправилъ, и государь спросилъ про шахово здоровье, вставъ, а молилъ: братъ нашъ шахъ Аббасъ здорово ль?

И купчина, сказавъ про шахово здоровье: какъ онъ поѣхалъ отъ государя своего, и государь ево шахъ Аббасово величество въ Тевризъ, далъ Богъ, здорово. Да подалъ грамоту.

И государь велѣлъ грамоту принять посольскому дѣяку Петру Третьякову и велѣлъ ему купчины спросити: опричь грамоты съ нимъ приказъ есть ли?

И купчина говорилъ рѣчь, а молилъ:

Вашему царскому величеству государь его, шахъ Аббасово величество, велѣлъ известить, что онъ, государь нашъ, съ вашимъ царскимъ славнымъ и преславнымъ величествомъ учинился въ братцею приятельной крѣпкой дружбе и любви и не имѣетъ такова брата и пріятеля во всей поднебесной, кромѣ тебя, великого государя, и для братцкіе дружбы и любви посылалъ ваше царское величество на вашемъ царскомъ превознесенномъ престолѣ поздравляти посланника своего Булатъ бека, и Булатъ бекъ позамешкался, и государю нашему шахъ Аббасову величеству про твое царское многолѣтнее здоровье по мой отпускъ было не вѣдомо, и государь . . . послалъ меня къ вамъ, великому государю, про ваше здоровье провѣдать, а свое здоровье вамъ, великому государю, сказать.

А какъ купчина рѣчь изговорилъ, и окольникъ Ортемей Васильевичъ Измайловъ являлъ государю купчинины поминки, а молилъ:

Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи и многихъ государствъ государь и обладатель! брата вашего великого персидскаго государя купчина Мааметъ Касымъ вамъ, великому государю, челомъ бьетъ: тулунбасъ серебрянъ золоченъ, съ камени съ лалы и зъ бирюзы; ножъ булатной, ножны золоты, съ камени съ лалы, и съ яхонты, и зъ бирюзы; двѣ камки кизылбашскіе зъ золотомъ и съ серебромъ, полсть бурнатная, 2 ковра большихъ цветныхъ.

А какъ окольникъ государю поминки явилъ, и государь велѣлъ посольскому думному дѣяку Петру Третьякову сказать купчине свое государево жалованье въ стола мѣсто кормъ. И думной дѣакъ Петръ Третьяковъ, сказавъ купчине государево жалованье, въ стола мѣсто кормъ, отпустилъ купчину на подворье.

А государева жалованья корму купчине въ стола мѣсто послано на приѣзде съ людьми его, зъ 10-ю человекъ, изъ большово приходу: на 2 гривны колачей 2—денежныхъ, на 2 гривны хлѣбовъ 2—денежныхъ, гусь, заецъ, тетеревъ, полстига говядины, 2 борана шерстью,

6-ро курятъ, 2 гривени масла коровья, 50 яицъ; зъ дворца: колачъ крупичатой, 6 чарокъ вина боярскаго, крушка вина рядоваго, крушка меду обарново, крушка меду вишневого, крушка меду малинового, ведро меду паточново, ведро пива доброво, ведро меду княжово.

А поденново корму идетъ купчине, самому Мааметъ Касыму: по 5 алтынъ на день; питья: по 4 чарки вина, по полуведра меду, по ведру пива на день. Людѣмъ ево 10 человекомъ: по алтыну на день, по 2 чарки вина человеку, да всѣмъ имъ по 2 ведра пива на день.

А се переводъ съ шахъ Аббасовы грамоты, какова прислана къ государю съ купчиною, съ Мааметъ Касымомъ:

Бога единого крѣпостию и силою. Высокопрестольному и надо всѣми государи превознесенному и многимъ царемъ и государемъ заступникъ и надежа, и подобенъ солнцу сіяющу, премудрому и храброму, храбростию подобна Александру царю Александрѣйскому, и многое у себя войско имѣющему множествомъ подобно небеснымъ звездамъ, Вожею милостию великому государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю счастливое пребыванье и надъ недруги побѣда и одолѣнье, а после любительнаго поздравленія объявляемъ вашему царскому величеству, что изъ предковъ дѣды и отцы наши съ прежними великими московскими государи цари были въ братстве, и въ дружбе и въ любительной ссылке, и послы и торговые люди ходили на обе стороны безъ урыву, и съ обѣихъ сторонъ по ихъ любви и дружбе ко государемъ своимъ прихаживали со всѣмъ здорово. А я ныне по тому же съ тобою, великимъ государемъ, братомъ нашимъ, учинился въ братстве и въ любительной дружбе, и послалъ ныне купчину своего мазандранца Хозю Магметъ Касима. И будетъ узорочное што въ государстве твоемъ, брата нашего, намъ пригодитца, и тебѣ бы, брату нашему, на насъ то ему купити поволити велѣти, и по городомъ бояромъ своимъ и воеводамъ и приказнымъ людѣмъ объ немъ приказати велѣти, чтобъ ево берегли и челобитья ево во всемъ слушали, и къ намъ бы ево тебѣ, брату нашему, ево отпустить велѣти, не задержавъ, по его воле. И которые наши посланники и гонцы въ государстве твоемъ, брата нашего, и тебѣ бы ихъ велѣти къ намъ отпустить всѣхъ, и послы бѣ и посланники межъ насъ о нашихъ здоровьяхъ ходили безъ урыву. И въ нашемъ государстве, что будетъ тебѣ, брату нашему, годно, и тебѣ бѣ о томъ велѣти намъ объявить, и мы такъ учинимъ. А ся грамота хотя и коротко и писана, только, государь, Богъ умножитъ лѣтъ живота нашего съ тобою, братомъ нашимъ, въ счастливомъ пребываніи на многіе лѣта.

А назади въ грамоте написано въ печати: шахъ Аббасово величество.

И 125-го жь еевраля въ 9 де(нь) въ недѣлю былъ у государя ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. кизылбашской Аббасъ шаховъ купчина Мааметъ Касымъ на отпуске.

А посланъ по него на подворье и въ городъ съ нимъ ѣхалъ приставъ его ярославецъ Борисъ Волошениновъ. А лошедь подъ него съ санми послана отъ посольского думново діака, отъ Петра Третьякова. А какъ купчина ѣхалъ въ городъ, и въ то время въ городе на площади были стрельцы всѣхъ приказовъ бесъ пищалей.

А какъ купчина пріѣхалъ въ городъ, и купчина вышелъ изъ саней у посольскіе полаты и шель напередъ въ посольскую полату. А какъ вшелъ въ полату, и думной діакъ зъ гонцомъ корошевался, вставъ, и спрашивалъ его о здоровье, и велѣлъ ему сѣсти. А сидя, говорилъ думной діакъ съ купчиною: приходилъ онъ къ царскому величеству отъ великого государя своего Аббасъ шахова в-ва зъ грамотою, и царское в-во государя ихъ грамоту выслушалъ любительно и хочеть зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ Аббасъ шаховымъ в-мъ, быти въ братственной дружбе и въ любви свыше прежнего. А ныне велѣлъ государь тебя отпустить къ брату своему къ Аббасъ шахову в-ву зъ грамотою жь. И о тѣхъ о всѣхъ дѣлехъ, о чемъ къ царскому в-ву Аббасъ шахово в-во писалъ въ своей грамоте, и о чемъ онъ царского величества приказнымъ людемъ говорилъ, посылаетъ съ нимъ къ брату своему, къ великому государю Аббасъ шахову в-ву свою царскую любительную грамоту. А что государь же его Аббасъ шахъ писалъ къ царскому в-ву о своихъ людехъ, которые царского в-ва въ отчине въ Астарахани, чтобъ ихъ отпустить изъ Астарахани къ шахову в-ву, и которые шаховы люди, послы и посланники и купчины были въ великого государя нашего государстве, и тѣ всѣ отпущены зъ государевыми посланники съ Федоромъ Левонтьевымъ да зъ діякомъ зъ Богданомъ Тимоѣевымъ, которые посланы отъ царского величества къ государю ихъ о братственной дружбе и о любви. А что опъ, купчина, билъ челомъ государю объ обидахъ и объ насильстве на тезиковъ, которые живутъ царского величества въ вотчине, въ Асторохани, лѣтъ по 10 и по 8, а имянно на Магмутка, что онѣ шаховымъ торговымъ людемъ чинять продажи и убытки, и великій государь нашъ его ц. в. для братцкіе дружбы и любви государя ихъ, Аббасъ шахова в., тѣхъ всѣхъ тезиковъ, которые живутъ въ Асторохани лѣтъ по 10 и по 8, а не на государя нашего имени, велѣлъ изъ своей царского в-ва отчины изъ Асторохани выслать по ихъ землямъ, гдѣ хто живетъ; а о Магмутке имянно цар-

свого величества повелѣніе послано, а велено его съ тезицкаго двора сослать, и въ толмачѣхъ ему быти и пошлины толматцвіе збирать ему не велѣно.

А которые тезики живутъ въ Асторохани же и на государеве имени, а шаховымъ торговымъ людемъ и прїѣзжимъ тезикомъ чинитьца будетъ отъ нихъ какое насильство и продажи, и государь и тѣхъ съ тезицкаго двора велѣлъ сослать, и шаховыхъ людей велѣлъ отъ обидъ и отъ продажъ оберегать, чтобъ имъ ни отъ кого насильства и продажъ не было. И толматцвіе пошлины впередъ государь въ откупъ давать не велѣлъ, а указалъ государь толматцкую пошлину збирать со всякихъ торговыхъ людей, съ ихъ товаровъ, въ свою государеву казну по прежнему своему государеву указу, какъ толматцкую пошлину збиривали напередъ сего. А которые послы и посланники или гонцы, или купчины впередъ поѣдутъ къ великому государю нашему отъ Аббасъ шахова в-ва о ихъ государскихъ дѣлехъ, а съ ними будутъ какіе шаховы товары, и великій государь нашъ съ шаховыхъ товаровъ своей государевы пошлины имать не велѣлъ. А что онъ же Мааметъ Касымъ извещалъ царскому в-ву на купчину на Незамядина, что онъ просить у царского величества будто за свою бусу 200 рублевъ, и то онъ связываетъ ложно, а та буса не ево, и государь бы за ту бусу Незамядину денегъ давать не велѣлъ. И великій государь нашъ за то ево похваляетъ, что онъ о ихъ государскихъ дѣлехъ радѣетъ, и денегъ за бусу Незамядину давать не велѣлъ. И о томъ о всемъ въ Асторохань царского в-ва къ воеводамъ его царское повелѣніе послано.

И купчина противъ того всего думному діяку Петру Третьякову говорилъ, что онъ о томъ о всемъ государю и билъ челомъ, и ныне, слыша, онъ царского величества зъ государемъ ево съ Аббасъ шаховымъ в-мъ братственную дружбу и любовь, и видя къ нимъ ево царское милостивое жалованье и призрѣнье, донесетъ то все до шахова в-ва, и шахово в-во учнетъ ево царскому величеству по тому жъ воздавать своею братственною дружбою и любовью.

И говоря думной діакъ Петръ Третьяковъ съ купчиною о государевыхъ дѣлехъ, пошелъ къ государю. А купчина дожидался государева выходу и по себя присылки въ посольской полате.

А государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. былъ въ средней въ подписной въ золотой полате и сидѣлъ въ своемъ царскомъ мѣсте въ діадиме съ скиетромъ. А при государе были рынды въ бѣломъ платьѣ, съ правую сторону—стольникъ князь Ѳедоръ княжъ

Семеновъ сынъ Буракинъ, да Иванъ Ивановъ сынъ Бутурлинъ Сопля; съ лѣвую сторону—столникъ Ѳедоръ Матвѣевъ сынъ Бутурлинъ да страпчей Ѳедоръ Михайловъ сынъ. Бояре сидѣли при государе въ золотныхъ шубахъ и въ черныхъ шапкахъ.

А какъ государь велѣлъ купчине идти къ себѣ, государю, и купчина впелъ исъ посольскаго приказу площадью, мимо Архангилъ среднюю лѣсницею и къ государю въ полату съ приставомъ безо встрѣчи. А какъ купчина впелъ къ государю въ полату, и явилъ ево государю челомъ ударить околничей Ортемей Васильевъ сынъ Измайловъ, а являлъ попржнему гонцомъ, а молялъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель! Брата вашего великаго государя персидскаго Аббасъ шахова в. гонецъ Мааметъ Касымъ вамъ, великому государю, челомъ ударилъ и на вашемъ царскомъ жалованье челомъ бьетъ.

И гонецъ билъ челомъ на его государеве жалованье, на корму.

А после того велѣлъ государь посольскому дьяку Петру Третьякову молить купчине рѣчь. И по государеву приказу посольской думной дьякъ говорилъ купчине рѣчь, а молялъ:

Мааметъ Касымъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ тебѣ говорити: приходилъ еси къ нашему величеству отъ брата нашего, отъ шахъ Аббасова в—ва, съ грамотою, и мы, великій государь, брата нашего, великаго государя вашего грамоту выслушали любительно и хотимъ съ братомъ нашимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шаховымъ величествомъ быти въ братственной дружбе и любви свыше прежнего и ныне велѣли есмь тебя отпустить къ брату нашему, къ Аббасъ шахову в—ву; а о тѣхъ дѣлахъ о чемъ къ нашему царскому в—ву Аббасъ шахово в—во писалъ въ своей грамоте, и о чемъ ты нашимъ привазнымъ людямъ говорилъ, посылаемъ съ тобою къ брату нашему любительному, къ великому государю вашему къ Аббасъ шахову в—ву, нашу царскаго величества любительную грамоту.

А какъ по государеву указу думной дьякъ Петръ купчине рѣчь изговорилъ, и государь приказалъ къ шаху съ купчиною отъ себя, отъ государя, поклонъ, вставъ, а молялъ:

Мааметъ Касымъ! Какъ будешь у брата нашего шахъ Аббасова величества, и ты ему отъ насъ поклонись.

Да пожаловалъ государь купчину къ руке и клалъ на него свою царскую руку. А после того велѣлъ государь думному дьяку Петру

Третьякову сказать купчине свое государево жалованье, въ стола мѣсто кормъ и велѣлъ отпустить на подворье.

И по государеву указу посольской думной дѣакъ Петръ Третьяковъ сказалъ купчине государево жалованье, въ стола мѣсто кормъ, и отпустилъ ево на подворье. А государева жалованья корму и питья въ стола мѣсто послано хъ купчине тоже, что и на приѣзде.

Такова государева грамота послана къ шаху съ шаховымъ купчиною съ Маметъ Касымомъ, а дана ему на отпуске при государѣ:

Бога единого безначальнаго и бесконечнаго, невидимаго, страшнаго и неприступнаго, превыше небесъ пребывающаго, владующаго силы небесными, и единымъ безсмертнымъ словомъ премудрости своея видимая и невидимая вся сотворшаго и самодержавнымъ божественнымъ Духомъ вся оживляющаго и недреманнымъ окомъ на землю призирающаго и всяческая на ней устрающаго и утешенія благая всѣмъ чловѣкомъ подовающаго, Его же въ трехъ именовѣхъ трепещутъ и боятца небесная и земная и преисподняя, Того единого Бога въ трехъ лицахъ чтемъ и поклоняемся, и тресятельного всемогущаго Божества неизреченнымъ милосердіемъ стоимъ и движемся и пребываемъ, и величеству Его славу возсылаемъ, утвердившего насъ свиеотрѣ держати православія, мы, великій государь ц. и в. вн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. (*титулз*) и иныхъ многихъ великихъ государствъ государь и обладатель — восточнаго предѣла высокостольнѣйшаго мѣста превсочайшіе прехвальныя степени велиководержательную власть древнихъ великихъ государей персидскихъ царей приимному превознесенную честь, яко рогъ ирога, достигнему, мусульманскихъ высочайшихъ превосходящему честию, и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю, пореченному въ чести величества вязнному, Персидские и Ширванскіе земли начальнику Аббасъ шахову в—ву любовному пріятелю нашего царскаго величества любовное поздравленіе и счастливое пребываніе, и надъ недруги побѣда и одолѣніе. По вашей, брата нашего, пріятельской любви объявляемъ вашему величеству — Присылаемъ еси, братъ нашъ Аббасъ шахово в—во, къ нашему царскому в—ву въ грамотою купчину своего мозандранца Хозя Магметя, и мы, великій государь, дѣи васъ, брата нашего Аббасъ шахова в—ва, купчине вашему Хозе Магметю, наши царскіе очи велѣли видѣть и вашу, брата нашего, шахъ Аббасова в—ва грамоту приняли и выслушали еѣ любительно. А въ той вашей грамоте къ нашему царю в—ву вы, братъ нашъ Аббасъ шахово в—во, писали есте, что отъ прародителей наши великіе государи цари и великіе князи російскіе бывали въ братстве и въ дружбе и

въ любительной ссылке, и послы и торговые люди ходили на обѣ стороны безъ уриву, и съ обѣихъ сторонъ по ихъ любви и дружбе ко государемъ своимъ прихаживали со всѣмъ здорово. А вы, братъ пашъ Аббасъ шахово в—во, ныне по тому же съ нами, великимъ государемъ, учинился въ братстве и въ любительной дружбе и ссылке, и послалъ купчину своего мовондрада Ховю Магметъ Касима, и будетъ узорочное что въ нашихъ государствахъ вамъ пригодитца, и нашему бѣ царскому в—ву то ему на васъ купити поволити, и по городомъ бы нашимъ нашего царского в—ва бояромъ и воеводамъ, и приказнымъ людямъ обѣ немъ приказати велѣти, чтобъ ево берегли и челобитья ево во всемъ слушали и къ тебѣ бѣ ево, брату нашему, велѣти отпустить, не задержавъ, по его воле. И которые ваши, брата нашего, въ нашихъ великихъ государствахъ посланники и гонцы, и намъ бы ихъ всѣхъ велѣти къ вамъ, брату нашему, отпустить, и послы бѣ и посланники межъ нашего царского в—ва и межъ вашего Аббасъ шахова в—ва о нашемъ государскомъ здоровье ходили безъ уриву. И мы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с., то памятуемъ и подлинно вѣдаемъ, что съ прародители нашими, въ дѣдомъ нашимъ, блаженные памяти съ великимъ государемъ ц. и в. кн. Иваномъ Васильевичемъ въ Р. с., и съ сыномъ его, зъ дядею нашимъ блаженные памяти съ великимъ государемъ ц. и в. кн. Федоромъ Ивановичемъ в. Р. и съ царемъ и в. кн. Борисомъ Федоровичемъ в. Р. с. прародители ваши, великіе государи персидцвіе, дѣдъ твой шахъ Томазово в—во и отецъ твой шахъ Худобендѣво в—во, и вы, Аббасъ шахово в—во, были въ любительной сердечной братцкой дружбе и въ любви и въ сылке. И ныне мы, великій государь съ вами, братомъ нашимъ Аббасъ шаховымъ в—мъ, по тому же учинилися въ братственной крѣпкой любви и въ дружбѣ, и въ сылке и свыше прежнего, и купчине твоему Ховъ Магаметю торгъ велѣли есмя дати повольной и на тебя, брата нашего, по твоему къ нему приказу, что будетъ въ нашихъ великихъ государствахъ узорочныхъ товаровъ, что вамъ, брату нашему, годно, купити есмя ему поволити во всемъ по его воле, и пошлнѣ своихъ съ тѣхъ товаровъ никакихъ имати не велѣли, и къ вамъ есмя его отпустили, ни въ чемъ не задержавъ, во всемъ по его воле. И въ нашемъ великомъ государстве по всѣмъ городомъ нашего царского в—ва бояромъ и воеводамъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людямъ обѣ вашихъ, брата нашего, обо всѣхъ людехъ, которымъ лучитца въ нашихъ городѣхъ торговать, не обѣ одномъ о томъ купчине наше царское повелѣнье послали, велѣли къ нимъ во всемъ

береженье держати и торгъ давати повольной, и пропускати по ихъ воле; а прежніе ваши, брата нашего, посланники и гонцы, и купчины, которые были въ нашихъ великихъ государствахъ, приходили въ смутное время до нашего самодержавства, тѣ всѣ къ вашему шахъ Аббасову в—ву отпущены съ посланники нашими, съ Федоромъ Леонтьемъ(вы)мъ да зъ дьякомъ зъ Богданомъ Тимоѣевымъ и съ твоимъ, брата нашего, посланникомъ, зъ Булатъ бекомъ вмѣсте. И впередъ съ вами, братомъ нашимъ, хотимъ быти въ сердечной дружбе и въ любви мимо всѣхъ великихъ государей, и вы бѣ, братъ нашъ, Аббасъ шахово в—во, съ нами, великимъ государемъ, по тому же были въ братстве и въ сылке, и въ любви на веки неподвижно, и нашихъ бы есте посланниковъ, Федора Леонтьева да дьяка Богдана Тимоѣева отпустили къ намъ, великому государю, не задержавъ съ тѣмъ со всѣмъ дѣломъ, о чемъ есмь мы, великій государь, къ вамъ, великому государю, брату нашему, писали и приказывали, ни въ чемъ прошенья нашего не оставя, и своего посла или посланника изъ ближнихъ своихъ людей съ ними вмѣсте къ нашему царскому в—ву прислали, о всемъ съ нимъ наказавъ подлинно, какъ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в—ву съ нашимъ царскимъ в—мъ впередъ быти въ братственной крѣпкой дружбе и въ любви навеки неподвижно.

Писано государствя нашего дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7125-го, еевраля мѣсяца 9 дня.

А съ начала вся грамота писа(на) Божье имя и государево по Владимирскава и шахово имя золотомъ, да и во всей грамоте государево и шахово имя прописывано золотомъ. А печать у грамоты большая царственная на красномъ воску подъ кустодіею. Писалъ грамоту по татарски переводчикъ С... Алѣй Томонаевъ.

А провозать съ Москвы до Казани купчину Мааметъ Касыма посланъ казанецъ Сава Аристовъ, а государевъ наказъ данъ ему таковъ:

Лѣта 7125-го февраля въ 17 день государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. велѣлъ казанцу Саве приставу ѣхати съ казылбашскимъ купчиною Мааметъ Касымомъ въ приставехъ до Казани; а людей съ купчиною „ “ человекъ. А итти ему съ купчиною на Володимерь да на Муромъ, да на Нижней, а для толмачества и кормовъ про купчину и всякого для береженья посланъ съ нимъ толмачъ „ “, а для провозанья купчины посланы изъ Москвы до Володимеря „ “ человекъ стрѣльцовъ. И ѣдучи ему дорогою къ купчине бере(женье)... ни отъ ково безчестья... ни въ чемъ, а отъ купчины бѣ и отъ его

людей рускимъ людемъ по тому жъ обиды и насильства не было, и на станехъ съ купчиною ставитись бережно и усторожливо, и провожатымъ велѣти ѣхати и на станѣхъ ставитись блиско купчины, чтобъ надъ купчиною въ дороге и на станѣхъ отъ воровъ дурна не учинилося. А напередъ себя...¹⁾ въ Володимеръ и по инымъ город.... воеводамъ съ вѣстью кого... Володимере и по инымъ... съ купчиною побѣде... въ которомъ городѣ съ куп..... людно и стройно, и дворъ... къ купчинину прїѣзду былъ... царя и великого князя..... ча в. Р. о томъ... (въ Му)ромъ и въ Нижней, и въ Казань къ бояр... писано жъ. А коли купчина учнетъ просити рыбныя ѣствы, и „ “ купчине въ мясныя ѣствы мѣсто давати рыбная ѣства, емлючи по городомъ у воеводъ. (*На оборотъ*: ...(е)му, купчине, въ дорогѣ давати... (како)ва ему дана и съ по..... за дьячьєю приписью...). А того „ “ беречи накрепко, чтобъ въ дороге и на станѣхъ хъ купчине и къ людемъ ево рускіе люди и иноземцы не приходили ништо ниваковъ человекъ и не розговаривали съ нимъ ни о чемъ, и не продавалъ бы безъ государева указу купчине ни..... питья послано... сквы до Володимеря.. и по инымъ городомъ велѣно купчине кормъ и питье и на мелкое съѣстное деньги давати по росписи. А въ которомъ городе купчина похочетъ побыти для своего повоя день или два, и ему то дать на волю. А въ дороге ему однолично беречи накрѣпо, чтобъ купчина въ Муроме не съѣхался съ цесаревымъ посломъ съ Юзуеомъ и не свѣдалъ про него, о томъ имянно въ Муромъ къ воеводе приказать, чтобъ въ то время у Юзуеа было бережно, чтобъ Узуеу про купчину ни(какъ) не свѣдать.

¹⁾ Столбцы попорчевы.

Посольство князя Михаила Петровича Барятинскаго.

1618. маія 23. Наказъ, данный отправленнымъ въ Персію російскимъ посламъ князь Михайлу Петровичу Борятинскому, дворянину Ивану Ивановичу Чичерину, и дьяку Михайлу Тюхину. Копія съ двухъ государевыхъ грамотъ къ шаху Аббасу, отправленныхъ съ оными послами и благодарности за присланные шахомъ съ Каемъ бекомъ и Булатъ бекомъ подарки и серебро, о снабденіи государя по настоящему военному времени вспомогательною казною, о постановленіи взаимнаго союза, о возвращеніи взятаго въ Казбинѣ по смерти рос. купцовъ имущества и о свободной торговлѣ персіянамъ въ Россійскихъ владѣніяхъ. На 211 листахъ ¹⁾.

Таковъ государевъ наказъ данъ посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарищи, по чему имъ государево дѣло дѣлать:

Лѣта 7126-го маія въ 18 день, государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. велѣлъ дворенину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому, да дворенину Ивану Ивановичю Чичѣрину, да дьяку Михайлу Тюхину итти хъ кизылбашскому шаху для своего государева и земского дѣла въ послѣхъ, а съ ними посланы для государева дѣла переводчикъ Милота Нагаевъ и толмачи пять человекъ. Да со птицы десять человекъ кречатниковъ, Ѳедоръ Тоболинъ съ товарищи. Да съ ними-жъ вмѣстѣ итти въ Кизылбаши шахъ Аббасовымъ посломъ, которые были у государя, Бая салтану да Булатъ беку, изъ Казани, и дожидатца ихъ въ Казани; а съ ними шаховыхъ барсовниковъ и кречатниковъ девять человекъ, да людей посольскихъ тридцать человекъ. А съ нимъ, со княземъ Михайломъ съ товарищи, послано отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р., къ брату его, къ шахъ Аббасову величеству, въ дарѣхъ двенадцать кречатовъ, да восемь чегликовъ кречатыхъ, со всѣмъ птичьимъ нарядомъ, да соболи и лисицы, и рыбей зубъ, и слюда, и вино по росписи. А съ Москвы итти имъ, князю Михайлу съ товарищи, на Нижней, да на Казань, а изъ Казани имъ, государевымъ посломъ, итти на Самару и въ Асторохань съ шаховыми послы вмѣсте. А о провожанье изъ Казани до Асторохани и о судѣхъ въ Казань и въ

¹⁾ Наказъ этотъ напечатанъ Новиковымъ въ Древней Россійской Вивліоніѣ, т. V, стр. 1—185.

Асторахань къ бояромъ и къ воеводамъ, и къ діакомъ отъ государя писано. А изъ Асторахани велено ихъ отпустить куды лутче и послѣднее: водянымъ путемъ на Гилянъ или сухимъ путемъ на Терекъ, а съ Терки черезъ Кабарду да на Дербень, только будетъ тѣ города пыне за шахомъ. А будетъ отпусать водянымъ путемъ, и ихъ велено отпустить на бусе или на дву бусахъ, смотря по тамошнему дѣлу, какъ бы лутче и прибыльнѣе. И стрелцовъ для провожанья съ ними велено послать и наряду, примѣряся къ прежнему и смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ дотти здорово; а Астрахани бѣ безлюдно и безъ наряду не быть. Да имъ же велѣно дать въ Асторахани, примѣряся прежнихъ государей пословъ и посланниковъ, которые посланы къ шаху при прежнихъ государехъ, только пойдутъ на бусахъ, вожей и кормщиковъ и носовщиковъ, сколько человекъ пригоже, которые бѣ въ Кизылбаша морской ходъ знали и напередъ сего въ Кизылбашехъ бывали; а на бусу по четыре якори да по два паруса, да къ бусѣ жѣ по сандалу съ парусы и съ якоремъ и съ шеймы, и всякіе бусные снасти велѣно имъ на бусы дать новыя, чтобъ имъ моремъ итти безстрашно. А будетъ лутче и ближе итти на Терекъ, и кизылбашскіе послы изъ Асторахани пойдутъ на Терекъ, и имъ съ шаховыми жѣ послы итти вмѣстѣ на Терекъ, переговора о томъ съ ними, куды лутче и безстрашнѣе и ближе, того всего съ шаховыхъ пословъ не сымать.

И посломъ, князю Михайлу Петровичю да Ивану Ивановичю, да дьяку Михайлу Тюхину, ѣхати въ Казань и въ Асторахань не мѣшкая. А какъ прїѣдутъ въ Казань, и имъ говорити боярину и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукому съ товарищи, чтобъ ихъ и съ ними шаховыхъ пословъ, Кая салтана да Булатъ бека, давъ суды и гребцовъ со всею судовою снастью, и въ дорогу кормъ по росписи, и въ запросъ, чего попросятъ, отпустили изъ Казани, не мѣшкая, въ Асторахань. А будетъ тѣ суды подъ ними и подъ кизылбашскими послы, которые пойдутъ съ Москвы, худы, и до Асторахани доѣхать имъ не мочно, и они бѣ суды имъ дали добрыя со всѣми судовыми снастями, и кормщиковъ и гребцовъ имъ дали, и отпустили ихъ изъ Казани, не задержавъ, и провожатыхъ съ ними послали сколько пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ до Асторахани доѣхать здорово. Да какъ ихъ изъ Казани отпусать, и имъ итти въ Асторахань, не мѣшкая жѣ, всѣмъ вмѣстѣ, бережно и усторожливо, и по городомъ на Самарѣ и на Царицынѣхъ распрашивать, нѣтъ ли отъ казаковъ на Волгѣ воровства, и всякими мѣрами про

то про все провѣдывать, чтобъ на Волгѣ Нагаи и Казьева улуса, и крымскіе и азовскіе люди, и воры казаки, и черкасы безвѣстно не пришли, и дурна никакого не учинили. А будетъ имъ гдѣ про воровъ про казаковъ, или про иныхъ про какихъ людей вѣсть учинитца, и проѣхать будетъ отъ нихъ съ тѣми провожатыми не мочно, и князю Михайлу Петровичю съ товарищи взяти провожатыхъ въ прибавку, въ которомъ городѣ прилучитца, сколько человекъ пригоже, смотря по вѣстемъ, по государевой проѣзжей грамотѣ, какова имъ дана изъ посольского приказу, чтобъ имъ отъ воровъ проѣхать здорово. А изъ Казанскаго дворца отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ тѣ города къ воеводамъ и къ приказнымъ людямъ о томъ писано жъ. А пріѣхавъ князю Михайлу Петровичю съ товарищи въ Астарахань, переговорити о томъ съ шаховыми послы, съ Кая салтаномъ, да съ Булатъ бекомъ, на которое мѣсто они идти къ шаху похотятъ: изъ Астарахани ль прямо моремъ въ бусахъ на Гилянъ, или похотятъ идти изъ Астарахани на Терекъ, а съ Терки на Дербень. Да будетъ шаховы послы похотятъ идти изъ Астарахани моремъ на Гилянъ,—и князю Михайлу Петровичю съ товарищи говорити въ Астарахани воеводамъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому, да князю Олексѣю Михайловичю Лвову, да дьякомъ, Ивану Тимоѣеву да Ивану Грязеву, чтобъ они ихъ и шаховыхъ пословъ отпустили въ Кизылбаши на гилянскихъ бусахъ, и стрѣльцовъ съ ними послали, и вожей, и пищали, и что будетъ иное надобно, безъ чего быти не лзя, имъ дали. А будетъ гилянскихъ бусъ нѣтъ, и они бъ дали подъ нихъ бусы астараханскіе лутчіе со всѣмъ, что надобно къ морскому ходу.

Да какъ ихъ изъ Астарахани отпустятъ, и князю Михайлу Петровичю съ товарищи, взявъ знатковъ судовщиковъ и провожатыхъ, и нарядъ изъ Астарахани, идти въ Гилянъ моремъ, которымъ мѣстомъ пригоже, съ великимъ береженьемъ.

А будетъ шаховы послы похотятъ идти изъ Астарахани на Терекъ, а съ Терки на Дербень,—и имъ по тому жъ въ Астарахани объ отпускѣ говорити воеводамъ, чтобъ ихъ изъ Астарахани отпустили на Терекъ, не мѣшая ни часу; а будетъ лутче такъ, что имъ, князю Михайлу съ товарищи и шаховымъ посломъ, идти на Терекъ, а съ Терки на Кабарду да на шаховы города, сухимъ путемъ, а людей будетъ своихъ съ запасомъ и съ руждью лутче отпустить моремъ прямо на Гилянъ, и имъ по тому учинити. О томъ отъ государя въ Астарахань къ воеводамъ писано, велѣно ихъ отпустить, совѣтовавъ

съ ними, какъ лутче, какъ бы государеву дѣлу прибыльнѣе и спѣшнѣе.

А какъ они съ шаховыми послы на Терекъ придуть, и князю Михайлу съ товарищи по тому жъ съ шаховыми послы переговорити, которою дорогою съ Терки на Дербень идти лутче и безстрашнѣе. Да какъ приговорятъ итти, и имъ о томъ говорити на Теркѣ воеводамъ, Мивите Вельяминову съ товарищи, чтобъ они, давъ имъ провожатыхъ и посломъ кормъ по росписи, по тому жъ отпустили ихъ не мѣшая, чтобъ имъ ни за чѣмъ на Теркѣ не замѣшать, и итти къ шаху. А итти имъ съ Терки бережно жъ и усторожливо жъ, чтобъ надъ ними, на походѣ и на стану, отъ ырымскихъ и отъ нагайскихъ людей, и отъ кумыкъ, и отъ пятигорскихъ черкасъ, и отъ азовскихъ, и ото всякихъ воровскихъ людей которое лихо не учинилось, и безвѣстно бъ на нихъ нигдѣ не пришли.

А какъ придуть въ Кабарду, и князю Михайлу Петровичю съ товарищи посылати отъ себя къ тѣмъ кабардинскимъ княземъ и къ мурзамъ государевы грамоты о ихъ проѣздѣ, и приказывати къ нимъ, чтобъ они, князи и мурзы, по своей правдѣ и шерти, какъ они великому государю ц. и в. вн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. правду дали, на куранѣ шертовали, послужили, ихъ, государевыхъ и шаховыхъ пословъ, чрезъ свою землю пропустили, приставовъ имъ давали, и проводити велѣли, и подводы имъ давали, чтобъ имъ къ шаху поспѣти вскорѣ; а они отъ царьскаго величества посланы къ шаху о великихъ государственныхъ и о земскихъ дѣлѣхъ, которое годно обѣимъ великимъ государемъ и имъ, княземъ и мурзамъ.

А которой будетъ князь или мурза прїѣдетъ съ ними повидатца, и имъ того князя или мурзу потчивать и подарить, что у нихъ лучитца, и государевымъ жалованьемъ ево обнадежити, и говорить, чтобъ государю послужилъ, пристава имъ далъ, и проводити ихъ велѣлъ, а государь ихъ за ихъ службу пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ. А изъ терскихъ провожатыхъ взяти съ собою до Дербени человекъ пяти или шти, чтобъ было съ еѣмъ ко государю отписати, какъ которого числа въ Дербень придуть.

А какъ ихъ съ Терки отпустить, и на которые мѣста, на чѣѣ кабаки, на Дербень пойдуть, и гдѣ ихъ черкаскіе приставы и провожатые встрѣтятъ, и какъ ихъ учнутъ провожать, и съ которого мѣста и по которое мѣсто которой князь и мурза проводитъ, и которого числа придуть въ Дербень, и что провѣдаютъ про шаха, гдѣ нынѣ шахъ, и какъ нынѣ съ турскимъ царемъ, и какъ съ иверскимъ и зъ

бухарскимъ и съ юргенскимъ, съ которыми въ миру и съ которыми не въ миру, и шахъ нынѣ въ которомъ своемъ городѣ, или гдѣ въ походѣ, и на которую землю пошолъ, и ево земли которой государь не воюетъ ли, и что въ его землѣ учинилъ крымской Джанбекъ Гирей царь, и гдѣ нынѣ царь крымской: въ Кизылбашской ли землѣ, и будетъ въ Кизылбашской землѣ, и въ которыхъ мѣстѣхъ? или исъ Кизылбашъ пошолъ, и сколь давно пошолъ, и въ которыхъ мѣстехъ въ Кизылбашской землѣ былъ, и на которые мѣста исъ Кизылбашскіе земли пошолъ? О всемъ о томъ провѣдавъ, къ государю отписать подлинно, да и о томъ отписать: со всѣмъ ли пойдутъ на Дербень, или запасы отпустить на Гилянъ.

А будетъ съ Терки лутче, по тамошней мѣрѣ смотря, итти водянымъ путемъ, и ихъ велено отпустить водянымъ путемъ, и суды и кормицки и гребцы велѣно имъ дать, смотря по тамошнему дѣлу; а до коихъ мѣстъ судами пойдутъ, и съ которыхъ мѣстъ сухимъ путемъ, и что провѣдаютъ, и князю Михайлу Петровичю съ товарищи по тому жъ къ государю отписать.

А будетъ пойдутъ изъ Астарахани на Гилянъ, и имъ по тому жъ ко государю отписать изъ Астарахани.

Да какъ, оже дастъ Богъ, придутъ въ шаховы города, и имъ приказывати къ шаховымъ приказнымъ людямъ, что приходили къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р., отъ государя ихъ, отъ шахъ Аббасова в. послы Кая-Салтанъ да Булатъ бекъ, о дружбѣ и о любви, и о иныхъ добрыхъ дѣлѣхъ, и великій государь тѣхъ пословъ государя ихъ привялъ съ великою честію, и пожаловавъ ихъ, отпустилъ ко государю ихъ, не издержавъ, и съ ними вмѣстѣ послалъ великій государь къ государю ихъ къ шахъ Аббасову в. ихъ, пословъ своихъ, о многихъ добрыхъ дѣлѣхъ, которые належатъ обѣимъ великимъ государемъ, царьскому величеству и Аббасъ шахову величеству, и ихъ государствамъ ко всякому добру: и они бѣ дали имъ пристава и подводы и кормъ, и отпустили ихъ къ шаху, гдѣ будетъ шахъ, — только шаховы послы отъ нихъ отстанутъ, а покамѣста будутъ вмѣстѣ съ шаховы послы, и имъ обо всемъ совѣтовати и говорити съ шаховыми послы.

А будетъ въ которомъ городѣ шаховъ которой ближней человекъ велитъ имъ быти у себя, и князю Михайлу Петровичю съ товарищи къ тому шахову ближнему человеку не ходити, а приказать къ нимъ, что имъ, не бывъ у шаха и не исправя посольства, ни у кого быти не пригоже. Какъ были и у царского величества шахъ Аббасова величества послы, и они окромѣ царского величества у царского величества бояръ и воеводъ

по городомъ ни у кого не бывали: то царское величество велить дѣлать, остерегая его царского величества и шахова величества чести, а отпустили бѣ ихъ къ шаху, не издержавъ, и подводы и кормъ велѣли имъ дать. Да будетъ только подъ ними будутъ рускіе бусы или суды, и имъ приказать къ тутошнимъ привазнымъ людямъ, чтобъ тѣхъ бусъ велѣли беречь до ихъ пріѣзду, какъ они пойдутъ назадъ изъ Кизылбашъ.

А нѣчто будетъ которой шаховъ привазной человѣкъ велить у князя Михайла съ товарищи переписывать рухлядь, и имъ приказать къ тому шахову привазному человѣку, а велѣти о томъ говорити, что государь ихъ шахъ Аббасово величество прислалъ къ великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. пословъ своихъ Кая салтапа да Булатъ бека съ любительною грамотою, а въ грамотѣ своей шахъ Аббасово величество писалъ, и рѣчью послы ево великому государю на посольствѣ говорили, что государь ихъ шахъ Аббасово величество съ великимъ государемъ нашимъ съ царскимъ величествомъ учинился въ братственной дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ, и на всякого государева недруга стояти за одинъ, а великому бѣ государю (съ) его шахъ Аббасовымъ величествомъ по тому жѣ быть въ братственной дружбѣ и любви, и чтобъ межъ ихъ великихъ обѣихъ государей о братствѣ и о любви и о всякихъ добрыхъ дѣлѣхъ была ссылка, послы и посланники безъ урыву. И нынѣ великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. послалъ ихъ въ послѣхъ къ шахъ Аббасову величеству о дружбѣ и о любви и о всякихъ добрыхъ дѣлѣхъ: и шаховы бѣ привазные люди тавого непригожево дѣла не всчинали и ихъ тѣмъ не безчестили, рухляди переписывать не велѣли. А которые послы и посланники и гонцы государя ихъ пріѣзживали и къ прежнимъ великимъ государемъ, къ великому государю блаженные памяти къ царю и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с. и къ царю Борису, и которые были нынѣ при великомъ государѣ ц. и в. кн. Михайлѣ Ѳедоровичѣ в. Р., и тѣмъ посломъ и посланникомъ и гонцомъ въ государя нашего государствѣ честь была свыше иныхъ государей пословъ, и у пословъ и у посланниковъ, и у гонцовъ рухлядей ихъ не емлютъ и не переписываютъ; да не токмо что у пословъ и у посланниковъ, и у торговыхъ людей, которые съ ними, и торговые люди пріѣзжаютъ въ великіе государя нашего государства, и у тѣхъ торговыхъ людей товаровъ ихъ не переписываютъ и пошливъ съ нихъ никакихъ не емлютъ, и такова безчестья надъ ними не бываетъ, какъ вы нынѣ хотите надъ нами безчестье учинити мимо посольской

обычай. И нынѣ, которое будетъ безчестье учините надъ нами, и надъ государя вашего Аббасъ шаховыми послы по тому жъ впередъ учинять, и они бъ того остерегали, чтобъ тѣмъ непригожимъ дѣломъ межъ великихъ государей ссылка и любовь не урвалась. Да однолично князю Михайлу Петровичю съ товарищи рухляди своей и толмачей и кречатниковъ переписывать не давать. А будетъ гдѣ которой ханъ или шаховы приказные люди похотятъ смотрити и писати государевы царевы и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. поминки, и князю Михайлу съ товарищи по тому жъ отговаривати накрѣпко и переписывать государевыхъ поминковъ отнюдь не давать никакими мѣрами.

Да какъ князя Михайла Петровича съ товарищи изъ Гиляни или изъ Дербени отпустить къ шаху, и имъ говорити приставомъ, чтобъ ихъ вели къ шаху, не мѣшкая, гдѣ шахъ будетъ, и говорить съ приставы, чтобъ они донесли до шаха, чтобъ шахъ велѣлъ имъ у себя быти вскорѣ. А будетъ шахъ въ походѣ противъ которого своего недруга и велить имъ быти у себя въ рати,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, въ ту пору къ шаху не ходити, а дожидатися того, какъ шахъ придетъ изъ походу въ свое государство, а отговаривать о томъ, что имъ у шаха на посольствѣ въ чужомъ государствѣ быти не пригоже: шахъ нынѣ противъ своего недруга въ войнѣ, а имъ, государевымъ посломъ, въ тѣ поры у шаха быти! да и прежь того николи того не бывало, чтобъ послы и посланники въ войнѣ на посольствѣ бывали; а отговаривать гладостью и пословно, а однолично въ войнѣ въ чужомъ государствѣ на посольствѣ не быти.

А какъ посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, велить шахъ у себя быти на посольствѣ, и имъ приказать съ приставы къ шаховымъ ближнимъ людямъ, чтобъ у шаха въ то время, какъ имъ быти, иныхъ государей пословъ и посланниковъ никою не было, а только будутъ иныхъ государей послы и посланники, и имъ на посольство итти и посольства правити не пригоже.

А нѣчто въ то время, какъ они придутъ на посольство, будутъ у кызылбашскаго шаха турецкаго салтана и иныхъ государей послы и посланники и гонцы, и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, съ тѣми послы къ шаху не ходити, а хоти и придутъ на дворъ, а увѣдаютъ про то, что иныхъ земель у шаха послы или посланники, и имъ, пришедъ къ шаху, посольства не правити, итти вонъ изъ полаты, а говорити приставомъ, чтобъ имъ шахъ велѣлъ у себя на посольствѣ быти однимъ, опречь иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ. А передъ посольствомъ приставовъ распросити,

какъ имъ у шаха быть на посольствѣ, и какъ шахъ приметъ, да и про всякіе тамошніе мѣры розпросити и провѣдывати, чтобъ имъ вѣдати, а смотря по тамошней мѣрѣ, будетъ надобно, ино приставовъ чѣмъ и подарить отъ себя, не отъ велика, что будетъ пригоже.

А какъ князь Михайло съ товарищи пойдутъ къ шаху на посольство и учнутъ будетъ имъ приставы говорить, чтобъ имъ съ лошадей сойти не блиско шахова двора или, пришедъ къ шахову двору, велятъ имъ кланятца въ воротѣхъ въ порогъ и учнутъ говорить, что у государя ихъ у Аббасъ шаха такъ въ обычаѣ ведетца, всѣхъ великихъ государей послы и посланники и гонцы съ лошадей сходятъ не блиско шахова двора и, пришедъ къ шахову двору, кланяютца въ порогъ,—и князю Михайлу Петровичю съ товарищи говорить приставомъ: то мы и сами знаемъ, какъ намъ, приѣхавъ къ государскому двору, съ лошадей ссѣсти; а что велите намъ кланятца у шахова двора въ порогъ, и мы посланы къ Аббасъ шахову величеству, а порогу намъ для чего кланятца? Да ссѣсти съ лошадей, не доѣзжая воротъ шахова двора, какъ пригоже, а толмачомъ велѣти съ лошадей ссѣсти напередъ себя.

А будетъ приставы или встрѣчники учнутъ говорить, чтобъ они поклонились хъ которой полатѣ, по тому что въ той полатѣ шахъ сидитъ, или велятъ имъ итти къ шаху въ полату, а поминки, что посланы съ ними отъ государя къ шаху, велятъ нести къ шаху послѣ ихъ, пословъ,—и князю Михайлу Петровичю съ товарищи говорить: намъ то въ подивленье, что не видя государскихъ очей, велите кланятца полатѣ. Ни у которыхъ великихъ государей того въ обычаѣ не ведетца; а какъ Аббасъ шахова величества очи увидимъ, и тогда ему, государю, челомъ ударимъ. Сами мы знаемъ, какъ великимъ государемъ честь воздавати. А которые послы и посланники государя вашего приходили къ великому государю нашему, блаженные памяти къ царю и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. с., и къ царю Борису, и къ нынѣшнему къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., а послѣднее были у великого государя нашего, у его царского величества, государя вашего послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ: и великій государь нашъ, блаженные памяти ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичъ в. Р. с. и царь Борисъ государя вашего пословъ и посланниковъ, и нынѣ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. государя вашего посланниковъ и гонцовъ, и нынѣшнихъ пословъ, для Аббасъ шахова величества братцїе любви, жаловаль, на посольствѣ прїималъ честно, и поминки отъ Аббасъ шахова величества прїимали въ любовь, при своихъ царскихъ очехъ,

и во всемъ имъ велѣлъ почестъ воздавати. Да однолично князю Михайлу Петровичю съ товарищи у шахова двора въ порогъ и на дворѣ полатѣ не кланятца, и поминки велѣти нести на крыльцо и до шаховы полаты предъ собою, по посольскому обычаю.

А будетъ нѣчто пристава учнутъ говорити, чтобъ имъ на посольствѣ шаха цѣловати въ ногу, какъ у шаха въ обычаѣ ведетца, по тому жъ какъ иныхъ государей послы шаха цѣлуютъ въ ногу,—и князю Михайлу Петровичю съ товарищи говорити: прежь сего которые послы и посланники были у шаха, великого государя нашего дяди, блаженные памяти ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в Р. с., и тѣхъ шахъ жаловаль звалъ ихъ къ рукѣ, а отъ царя Бориса были у шаха послы жъ, князь Олександръ Засѣкинъ съ товарищи, а нынѣ отъ великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в Р. были у шаха посланники Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Вухаровъ, а послѣднее Ѳедоръ Левонтьевъ, и они шаха цѣловали въ руку жъ, а не въ ногу. А которые послы и посланники и гонцы Аббасъ шахова величества приходили къ прежнимъ къ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ, и великіе государи наши шаховыхъ пословъ на посольство пріимали, и почестъ имъ для Аббасъ шахова величества велѣли воздавати, и пожаловавъ ихъ на пріѣздѣ и на отпускѣ, звали къ своей царской рукѣ, и нынѣ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в Р. с. шаховыхъ пословъ, Кая салтана да Булатъ бека, принялъ честно и пожаловаль, велѣлъ имъ быти у своей царскіе руки: и шахово бѣ величество таково непригожево дѣла вновъ не всчиналъ, тѣмъ къ великому государю нашему нелюбья своего не объявлялъ, чтобъ межъ ихъ, великихъ государей, тѣмъ дружба и братцкая любовь не нарушилась, и ссылка не урвалась; а не учинить по тому шахъ, и намъ посольства не правити. Да однолично о томъ стояти накрѣпко и въ ногу шаха не цѣловати.

А нѣчто въ то время шахъ, какъ они придутъ въ Кизылбаши, будетъ въ дорогѣ и велить имъ у себя быти на посольствѣ въ дорогѣ, а самъ будетъ въ то время шахъ учнетъ сидѣти на конѣ, и князю Михайлу съ товарищи въ то время къ шаху на посольство не ходити, а говорити приставомъ, и къ шаховымъ ближнимъ людямъ приказывати, что великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в Р. с. его ц. в. прислалъ ихъ къ шахову величеству о добрыхъ дѣлѣхъ, и нынѣ шахъ дѣлаетъ не по прежнему обычаю: велить себѣ посольство править въ дорогѣ, а самъ хочеть сидѣти на конѣ, и тѣмъ великому государю нашему ихъ царскому величеству нелюбье свое оказываетъ, и

доброе дѣло и ссылку о брацкой любви хочеть порушить, а имъ такимъ обычаемъ посольства правити не мочно. И посольства имъ однолично не правити, только шахъ учнетъ сидѣти на лошади.

А будетъ шахъ велитъ князю Михайлу съ товарищи быти у себя на посольствѣ въ которомъ городѣ, или въ дорогѣ въ своемъ государствѣ, на стану въ шатрѣ, и скажутъ имъ приставы, что имъ быти у шаха однимъ, иныхъ государей пословъ и посланниковъ и гонцовъ въ то время у шаха не будетъ, и шаху сидѣти не на конѣ, а цѣловати имъ шаха въ руку,—и князю Михайлу Петровичю съ товарищи къ шаху на посольство иди.

Да какъ будутъ князь Михайло съ товарищи у шаха на посольствѣ, на шаховѣ дворѣ въ полатѣ, или въ походѣ въ шатрѣ,—и князю Михайлу Петровичю съ товарищи, пришедъ къ шаху, правити отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. шаху поклонъ князю Михайлу, а молюти:

Божією милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. (*титулъ*) и иныхъ многихъ великихъ государствъ государь и обладатель великому государю, въ чести величества изящному, и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю, Персицкіе и Ширванскіе земли начальнику, вамъ, брату своему, Аббасъ-шахову величеству, велѣлъ поклонитися и свое царское здорвье велѣлъ сказати, а ваше, брата своего, здорвье велѣлъ видѣти.

Да подати отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. Аббасъ шаху грамоту; а съ подворья отъ себя и на шаховъ дворъ вести грамота дяку Михайлу. А у шаха въ полатѣ государева грамота взяти и подати шаху князю Михайлу.

И будетъ Аббасъ шахъ спроситъ о здорвѣ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с., и князю Михайлу Петровичю молюти: какъ мы поѣхали отъ великого государя нашего, и Божією милостію великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. его ц. в. на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ въ добромъ здорвѣ.

А послѣ того явити шаху отъ государя поминки, а молюти: Божією милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель вамъ, брату своему, Аббасъ шахову величеству, напоминаетъ своею любовью поминки. Да подати поминки по росписи.

А послѣ поминковъ говорити рѣчь шаху князю Михайлу, а молюти:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладаватель вамъ, брату своему, шахъ Аббасову величеству велѣлъ говорити:

Прислалъ еси къ нашему царскому величеству пословъ своихъ Кая салтана да Булатъ бека, съ своею любительною грамотою, о дружбѣ, и о любви, и о иныхъ нашихъ государскихъ о вопчихъ любительныхъ дѣлѣхъ, и мы, великій государь, вашу, брата нашего грамоту приняли и выслушали любительно. А въ грамотѣ своей къ нашему царскому величеству вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество писали, что вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, слыша про наше царского величества здоровье отъ посланника нашего, отъ Ѳедора Левонтьева, добрѣ обрадовался, и учинился вы, братъ нашъ шахъ Аббасово величество, съ нами, великимъ государемъ, въ братцкой въ любительной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ также, какъ и съ прежними великими государи цари и великими князи російскими, предки нашими, и послалъ къ намъ, великому государю, о дружбѣ и о любви, съ нашимъ посланникомъ вмѣстѣ, съ своею любительною грамотою посла своего вѣрного и ближнего своего двора капычѣйскаго агу Кая бека, и нашему бѣ царскому величеству съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, по тому жѣ быти въ братственной вѣрпой дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ, и торговымъ бы людямъ торгъ былъ повольной. А что намъ, великому государю, годно въ вашемъ, брата нашего, государствѣ, и намъ бы, великому государю, о томъ велѣти къ тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству приказать, и вы, братъ нашъ, то все наше дѣло любительно исполнишь. А ваши, брата нашего, шахъ Аббасова величества послы, нашего царского величества бояромъ, боярину и намѣстнику нижегородцкому князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому Ярославскому съ товарищи, и нашимъ приказнымъ людямъ объявили, что приказалъ имъ вы, братъ нашъ, великій государь шахъ Аббасово величество намъ, великому государю, извѣстить, что по нашему царского величества указу, посланникъ нашъ Ѳедоръ Левонтьевъ говорилъ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству, что ты, братъ нашъ, послалъ къ нашему царскому величеству въ помочь противъ нашихъ недруговъ денежные казны, и вы деи, братъ нашъ, посланнику нашему сказать, что вы, братъ нашъ, посылаете нынѣ къ нашему царскому величеству съ послы своими лехеую казну, что нынѣ у васъ, брата нашего, шахъ Аббасова величества вскорѣлучилось послать; а какъ дастъ Богъ, тѣ ваши, брата нашего, послы будутъ у насъ, великого государя, и что мы,

великій государь, къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову величеству съ ними о казнѣ или о ратныхъ людехъ, или про иное про какое дѣло прикажемъ, и вы, братъ нашъ, великій государь шахъ Аббасово величество, то все намъ, великому государю, нашему царскому величеству по нашей царской волѣ исполнишь, какъ нашему царскому величеству годно. И мы, великій государь, отъ васъ, великого государя, брата нашего, шахъ Аббасова величества, тѣ нынѣшніе твои къ намъ, великому государю, любительные номинки и серебро, что ты съ послы своими къ намъ, великому государю, прислалъ, приняли въ братственную въ сердечную дружбу и любовь, и противъ того мы, великій государь, вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству, также будемъ нашею братственною дружбою и любовью воздавать, какъ будетъ намъ, великому государю, возможно. И учинилися мы, великій государь, наше царское величество, съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, въ крѣпкой братственной въ нелицемѣрной дружбѣ и въ любви, и въ ссылѣ, мимо всѣхъ великихъ государей на вѣки неподвижно, и пословъ вашихъ къ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству отпустили; а съ ними вмѣстѣ послали мы, великій государь, къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову величеству пословъ нашихъ, дворянина и намѣстника болховского, князя Михайла Петровича Борятинского, да дворянина Ивана Ивановича Чичѣрина, да дьяка нашего Михайла Тюхина о братственной же дружбѣ и о любви, и о иныхъ нашихъ государскихъ великихъ дѣлѣхъ, которые намъ обоимъ великимъ государемъ къ дружбѣ и любви годны, и вы бѣ, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, по тому жѣ былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ ссылѣ на вѣки неподвижно, и пословъ бы нашихъ отпустилъ къ намъ, великому государю, не издержавъ. Да объявляемъ мы, великій государь, вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в-ву: ужъ не малое время войну ведемъ съ недругомъ нашимъ и разорителемъ нашего Московского государства, съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ, за его многіе неправды и за разоренье нашего Московского государства, отставя всякіе наши дѣла, и нынѣ насъ, великого государя, у васъ, брата нашего, у шахъ Аббасова в. любительное прошенье то, чтобъ вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово в., къ намъ, великому государю, совершенную свою сердечную, братственную дружбу и любовь показали, прислалъ къ намъ, великому государю, противъ недруга нашего польского короля казны денежные въ помощь, чѣмъ бы намъ, великому государю, было нашихъ ратныхъ людей противъ недруга нашего пожаловать, и противъ его за его многіе

неправды стоять. А то вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству самому подлинно вѣдомо, что наши великіе Російскіе государства велики и многочисленны, только нынѣ за грѣхъ ото многіе ровни и межусобья и отъ войны недруга нашего польскаго Жигимонта короля, что дѣлалось до нашего царскаго величества самодержавства, ратные наши всякіе люди пооскудѣли, и вы бѣ, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество къ намъ, великому государю, нынѣ совершенную свою братственную дружбу и любовь показалъ, прислалъ къ намъ, великому государю, на вспоможеніе противъ недруга нашего казны, чѣмъ бы намъ, великому государю, ратныхъ нашихъ людей пожаловать. А какъ наше царское величество съ недругомъ нашимъ съ польскимъ королемъ поуправимся, и мы, великій государь, наше царское величество, тое казну вамъ, брату нашему шахъ Аббасову величеству, заплатитъ велимъ, какими узорочья изъ нашего государства вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству будетъ годно. Да и сверхъ того мы, великій государь наше царское величество, вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству противъ ваше любви учнемъ воздавать нашею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ нашему царскому величеству возможно. А пословъ нашихъ, дворянина нашего и намѣстника болховскаго князя Михайла Петровича Борятинскаго съ товарищи, къ намъ отпустилъ бы еси, не издержавъ, и своихъ большихъ пословъ ближнихъ людей, къ намъ съ ними вмѣстѣ прислалъ, наказавъ съ послы своими подлинно, какъ вамъ, брату нашему шахъ Аббасову величеству съ нашимъ царскимъ величествомъ впередъ быти въ крѣпкой братственной дружбѣ и любви на вѣки неподвижно, и какихъ узорочей, что ведется въ нашихъ государствахъ, къ вамъ, брату нашему, за тое казну, что къ намъ приплете, послать. А какъ нашего царскаго величества послы и твои, брата нашего, послы у нашего царскаго величества будутъ, и мы, великій государь, велимъ думнымъ нашимъ людямъ съ твоими, брата нашего, послы о всякихъ о добрыхъ дѣлѣхъ говорити и становити, какъ намъ, великимъ государемъ, впередъ быти межъ собою въ братскою любви и въ дружбѣ на вѣки неподвижно, и пословъ твоихъ къ вамъ, брату нашему, отпустимъ, не издержавъ, и своихъ большихъ пословъ, къ вамъ, брату нашему, пошлемъ, и будемъ съ вами, братомъ нашимъ, въ братственной сердечной дружбѣ и любви мимо всѣхъ великихъ государей на вѣки неподвижно, на то нашего царскаго величества мысль крѣпко утвердилась. А о иныхъ нашихъ дѣлѣхъ, которые межъ насъ, великихъ государей, настоятъ, наказали есмя вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству говорити посломъ

нашимъ, дворянину нашему и памѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи, и что онѣ вамъ, брату нашему, учнуть говорить, и выбъ, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, имъ вѣриль.

И нѣчто тутъ же на посольствѣ, или послѣ посольства, шахъ или шаховы ближніе люди учнуть имъ говорить, что государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи къ шаху прислалъ малые поминки, а отъ прежнихъ великихъ государей московскихъ, отъ царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. и отъ царя Бориса, поминки бывали большіе, и князю Михайлу Петровичю съ товарищи говорить, что бъ шахову величеству въ большихъ поминкахъ на царское величество не подосадовать: вѣдомо шахъ Аббасову величеству подлинно изъ великого государя нашего грамотъ, что посланы къ нему царского величества съ посланники, съ Михайломъ Тихановымъ, а послѣ съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ, и отъ нихъ, посланниковъ, и отъ гонцовъ, и отъ его шахова величества отъ посланниковъ и отъ гонцовъ, и отъ торговыхъ людей, которые были въ Російскихъ государствахъ, и отъ нынѣшнихъ его шахова величества пословъ, чаю, шахову величеству вѣдомо жъ, какъ польской Жигимонтъ король, черезъ многое свое и пословъ своихъ и посланниковъ крестное цѣлованье, великихъ Російскихъ государствъ многіе мѣста и самой царствующей градъ Москву разорили и казну многую неисчетную прежнихъ великихъ государей царей російскихъ за много лѣтъ собранье розграбили, и многіе неисчетные крови пролили, и землю запустили. А великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ, в. Р. с. царствующій градъ Москву одни стѣны взялъ, и тѣ разорены, да и по ся мѣста послѣ того разоренья у великого государя нашего въ его царского величества казнѣ всякихъ узорочей въ собранѣ мало; а что нынѣ у великого государя нашего въ собранѣ послѣ разоренья польскихъ и литовскихъ людей лучилось, и царское величество къ брату своему, великому государю вашему, то и прислалъ. А какъ, ажъ дастъ Богъ, великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ управится, и царское величество брату своему, Аббасъ шахову величеству, по его любви смотря, своею царскою любовью будетъ воздавать. Великій государь нашъ, его ц. в., государь мудрой, разумной, милосердой, Богомъ украшенъ во всемъ выше человекъ, знаетъ, какъ брату своему за его любовь противъ возданіе учинить. А нынѣ царское величество поминки послалъ честные, какъ есть брату своему: ни хъ кому царское величество птицъ въ поминкахъ не посылаетъ, oprичъ шахова величества.

А будетъ Аббасъ шахъ позоветъ ихъ къ себѣ ѣсти, и князю Михайлу съ товарищи къ Аббасъ шаху ѣсти ѣхать, а о томъ приказывать съ приставы, чтобъ въ то время, какъ имъ у шаха ѣсти, иныхъ государей пословъ и посланниковъ не было; а ѣсти бѣ имъ у шаха однимъ, и будетъ имъ скажутъ, что въ то время у шаха будутъ иныхъ государей послы и посланники, и имъ къ шаху за столъ не ходить. А имянно провѣдывать о турецкомъ посланникѣ и гонцѣ, чтобъ имъ однолично съ турецкимъ вмѣстѣ у шаха не быти.

Да какъ послѣ посольства велитъ будетъ шахъ быти имъ у себя на дворѣ, и вышлетъ къ нимъ своихъ людей говорити о дѣлахъ, и учнутъ шаховы ближніе люди говорити, что говорили они на посольствѣ, чтобъ шахову величеству съ государемъ вашимъ быти въ брацкой дружбѣ, и шахово величество съ царскимъ величествомъ въ брацкой дружбѣ и любви, и въ соединенѣ, и въ докончанѣ быти хочеть, только бѣ объявити, на которой мѣрѣ тому естатися,—и князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи говорити: великій государь нашъ, его ц. в., прислалъ насъ къ шахову величеству въ послѣхъ для того: прислалъ къ великому государю нашему, къ его ц. в., великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, пословъ своихъ Кая бека да Булатъ бека, съ любительною грамотою о дружбѣ и о любви, и о иныхъ государскихъ о вопчихъ любительныхъ дѣлѣхъ; а въ грамотѣ своей къ великому государю нашему государь вашъ, шахъ Аббасово величество, писалъ, что прислалъ великій государь нашъ, его ц. в., къ великому государю вашему посланника своего Федора Левонтьева съ своею царского величества любительною грамотою, и великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, грамоту великого государя нашего принялъ, и рѣчь у его царского величества посланника выслушалъ любительно, и слыша про его царского величества здоровье, государь вашъ шахъ Аббасово величество обрадовался, и учинился великій государь вашъ съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, въ брацкой любительной дружбѣ и въ любви, и въ ссылѣ такъ же, какъ и съ прежними великими государями нашими, цари и великими князи російскими, и великому бѣ государю нашему, его царскому величеству, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, по тому жѣ быти въ крѣпкой братственной дружбѣ и любви, и въ ссылѣ, и торговымъ бы людямъ торгъ былъ повольной. А что великому государю нашему годно въ его государя вашего государствѣ, и государю бѣ нашему о томъ велѣтъ къ нему, брату своему, къ великому государю вашему, шахъ Аббасову величеству,

приказать, и государь вашъ то все его царского величества дѣло любительно исполнить; а только чего не исполнить, и ему то будетъ въ стыдъ. А послы великого государя вашего, послѣ посольства, царского величества приказнымъ людямъ въ рѣчахъ своихъ объявили, что приказывалъ имъ великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, великому государю нашему, его царскому величеству, извѣстить, что по его царского величества указу, посланникъ его царского величества Федоръ Левонтьевъ говорилъ великому государю вашему, шахъ Аббасову величеству, чтобъ великій государь вашъ прислалъ къ великому государю нашему къ его ц. в. въ помощь противъ его царского величества недруговъ денежныя казны, и государь вашъ великого государя нашего посланнику сказалъ, что онъ, великій государь вашъ, посылаетъ нынѣ къ великому государю нашему легкую казну, что у великого государя вашего вскорѣлучилось послать. А какъ, дастъ Богъ, они, великого государя вашего послы, будутъ у великого государя нашего, у его царского величества, и что великій государь нашъ, его царское величество, къ брату своему, къ великому государю вашему, къ шахъ Аббасову величеству, съ ними о казнѣ, или о ратныхъ людехъ, или про иное про какое дѣло прикажетъ, и великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, то все великому государю нашему, его царскому величеству, по его царского величества волѣ исполнить, какъ его царскому величеству будетъ годно. Да и напередъ тѣхъ государя вашего пословъ великій государь вашъ съ гиланцомъ своимъ, съ Хозъ Муртозою, и съ посланникомъ своимъ, съ Булатъ бекомъ же, къ великому государю нашему, къ его царскому величеству, въ грамотахъ своихъ писалъ, и рѣчью они царскому величеству и его царского величества приказнымъ людямъ, въ разговорѣхъ говорили, что великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, хочетъ быти съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ нашимъ, въ крѣпкомъ братствѣ и въ любви на вѣки неподвижно, и на всякого недруга хочетъ стоять заодно: кто будетъ великому государю нашему другъ, тотъ и великому государю вашему, шахъ Аббасову величеству, другъ; а кто великому государю нашему недругъ, тотъ и великому государю вашему, шахъ Аббасову величеству, недругъ. И будетъ великому государю нашему противъ его царского величества недрузей надобно на помощь какіе казны или ратныхъ людей, и великому бѣ государю нашему къ шахову величеству о томъ отписать или приказать, не стыдясъ, и великій государь вашъ шахъ Аббасово величество великому государю нашему ни за что не постоитъ, тотчасъ великому государю нашему пришлетъ, а будетъ

шахово величество царскому величеству прошенья его не исполнить, и шахову величеству то будетъ въ стыдъ. И великому государю нашему, царскому величеству, на шахово величество стало въ великую любовь, что шахово величество, какъ есть великій любительный государь брату своему, царскому величеству, въ то время, какъ съ недругомъ войну ведеть, хочеть помочь чинити, и великій бѣ государь вашъ шахъ Аббасово величество, какъ къ великому государю нашему зъ гонцы своими и съ посланники, и съ нынѣшними своими послы въ грамотѣ своей писалъ и рѣчью приказывалъ, такъ бы и совершалъ: былъ съ великимъ государемъ нашимъ въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ любви на вѣки неподвижно, и на всякого царского величества недруга стоялъ съ великимъ государемъ нашимъ заодно. А великій государь нашъ, его ц. в., зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, по тому жъ учинился въ крѣпкой братственной въ неліце-мѣрной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ, мимо всѣхъ великихъ государей на вѣки неподвижно, и ихъ, своего царского величества пословъ, нынѣ въ великому государю вашему прислалъ объявити, что царское величество съ шаховымъ величествомъ учинился въ сердечной брацкой крѣпкой дружбѣ и любви, и великій бѣ государь вашъ, шахъ Аббасово величество, по тому жъ былъ съ великимъ государемъ нашимъ въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ на вѣки неподвиженъ. А нынѣ великій государь нашъ, его царское величество, обнадежась на шахова величества братственную дружбу и любовь, и письмо, и словесной приказъ, государю вашему шахъ Аббасову величеству велѣлъ объявити: вѣдомо шахову величеству самому, что великій государь нашъ, остави всякіе свои дѣла, войну ведеть съ недругомъ своимъ съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ за его многіе неправды и за разоренье великого Московского государства, и нынѣ великого государя нашего, его ц. в., у брата его, великого государя вашего, шахъ Аббасова величества, любительное прошенье то, чтобъ великій государь вашъ, шахъ Аббасово величество, къ великому государю нашему, къ его ц. в., совершенную свою истинную сердечную братственную дружбу и любовь показалъ, какъ общался, въ грамотахъ своихъ писалъ и словомъ приказывалъ, такъ бы и совершилъ, прислалъ бы къ великому государю нашему, противъ его царского величества недруга, польского короля, съ нами, его царского величества послы, казны денежныя въ помощь, чѣмъ бы великому государю нашему было своихъ ратныхъ людей противъ недруга своего пожаловать и противъ ево за его многіе неправды стоять; а то великому государю вашему, шахъ Аббасову

величеству, самому вѣдомо подлинно, что великого государя нашего великіе Російскіе государства великіе и многоядныя, только нынѣ за грѣхъ ото многіе розни и междусобья въ безгосударное время, до великого государя нашего государства, и отъ войны польскаго Жигимонта короля, ратныя государевы всякіе люди пооскудѣли, а казна неисчетная прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, прародителей великого государя нашего, въ безгосударное время, и отъ польскаго короля разорена, пожаловать ратныхъ людей нечѣмъ, и шахово бѣ величество къ великому государю нашему нынѣ совершенную свою братственную дружбу и любовь показалъ, прислалъ къ великому государю нашему, на вспоможеніе противъ недруга государева, казны, чѣмъ бы великому государю нашему ратныхъ своихъ людей пожаловать.

• А какъ великій государь нашъ, его ц. в., съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ поуправитца, и великій государь нашъ, его ц. в., тое казну брату своему великому государю вашему, шахъ Аббасову величеству, заплатитъ велитъ, какими узорочья изъ его великого государя нашего государствъ шахову величеству будетъ годно, да и сверхъ того великій государь нашъ, его ц. в., брату своему, шахъ Аббасову величеству, противъ тое ево любви учнетъ воздавати своею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ возможно. И своихъ бы пословъ великій государь вашъ къ брату своему, къ великому государю нашему, съ ними вмѣстѣ и съ тою казною, что пошлетъ къ великому государю нашему, слалъ, и о всемъ бы съ ними великій государь вашъ къ великому государю нашему приказалъ подлинно, какъ имъ, великимъ государемъ нашимъ, впередъ быти въ крѣпкой брацкой дружбѣ и любви на вѣки неподвижно. А какъ великого государя вашего посолъ у царскаго величества будетъ, и великій государь нашъ велитъ своего царскаго величества думнымъ людямъ великого государя вашего съ посломъ о всякихъ о добрыхъ дѣлѣхъ говорити и становити, какъ имъ, великимъ государемъ, межъ себя быти впередъ въ брацкой любви и въ дружбѣ на вѣки неподвижно.

И будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, чтобъ государевы послы, князь Михайло Петровичъ съ товарищи, объявилъ, на каковѣ мѣрѣ царское величество съ шахъ Аббасовымъ величествомъ хочеть быти въ братственной дружбѣ и въ любви, есть ли съ ними о томъ приказъ? а шахово величество хочеть съ царскимъ величествомъ въ томъ на мѣрѣ положить и укрѣпитца вѣрою и грамотами, какъ имъ, государемъ, впередъ межъ себя въ брацкой дружбѣ и любви быти на вѣки неподвижно, и на недруговъ стояти заодинъ. —

И посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи,

говорити: шахово величество къ царскому величеству въ грамотѣ своей съ послы своими писалъ и словомъ послы его, Кая салтанъ да Булатъ бекъ царскому величеству на посольствѣ и въ отвѣтѣ съ царского величества бояры, съ бояриномъ и намѣстникомъ нижегородскимъ, со княземъ Олексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ съ товарищи, говорили, что шахово величество съ царскимъ величествомъ учинился въ брацкой дружбѣ и въ любивацѣ же, какъ былъ и съ прежними великими государи цари російскими въ дружбѣ и въ любви на вѣки, и по тому съ ними о томъ дѣлать не наказано, и намъ мимо наказъ о томъ и закрѣплять нельзя, а наказалъ бы о томъ шахово величество къ царскому величеству съ своими послы, какъ шахову величеству съ царскимъ величествомъ впередъ быти, и царское величество велитъ съ Аббасъ шахова величества послы своимъ царского величества бояромъ говорити и становити, и закрѣпити велитъ, а съ ними, послы, о томъ не наказано, и чего съ нами не наказано, того намъ дѣлать нельзя, того бѣ на насъ шахово величество спрашивати не велѣлъ.

Да однолично князю Михайлу Петровичю съ товарищи съ шаховыми людьми у шаха ни о чемъ не дѣлать и не закрѣплять; а говорити, чтобъ шахъ о большихъ дѣлѣхъ, какъ ему зъ государемъ впередъ быти, слалъ къ царскому величеству съ ними вмѣстѣ своего ближнего человѣка, о всемъ съ ними наказавъ подлинно, какъ ему съ царскимъ величествомъ въ братственной дружбѣ и въ любви быти. И царское величество велитъ съ шаховымъ ближнимъ человѣкомъ своимъ царского величества думнымъ людемъ говорити и утвердити, какъ имъ, государемъ, межъ себя въ дружбѣ и въ любви впередъ быти. А царского величества мысль на то крѣпко утвердилась, что его царское величество хочеть съ шаховымъ величествомъ быти въ крѣпкомъ братствѣ и въ дружбѣ, и въ любви, на вѣки неподвижно, мимо всѣхъ великихъ государей.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди вспросятъ: пишеть царское величество къ шаху о казнѣ на помочь противъ своего недруга, и они, послы, о томъ говорятъ, — какъ нынѣ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. съ польскимъ королемъ: даетъ ли ему, государю, Богъ помощь надъ его недругомъ? — и князю Михайлу Петровичю съ товарищи говорити шаховымъ ближнимъ людемъ: какъ волею Всемогущего Бога великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с., по племени великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ и по избранью всѣхъ людей Російскихъ государствъ, учинился на великихъ Російскихъ государствахъ великимъ государемъ ц. и в. кн. в. Р. с., и Божією милостію, а его царскимъ счастьемъ

и премудрымъ разумомъ государства свои править мирно и не мятежно, и другомъ своимъ дружбу, а недругомъ недружбу доводить, и польскихъ и литовскихъ людей изъ великихъ Російскихъ государствъ его царскимъ счастьемъ его царского величества бояре и воеводы выгнали, и его царского величества города Російскаго государства, которые были въ смутное и въ безгосударное время засѣли польскіе и литовскіе люди, очистили, и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили, и живыхъ лутчихъ полковниковъ и ротмистровъ въ полонъ поимали больши 8000 человекъ, и всѣ его царского величества государства подъ его царскою высокою рукою въ соединенѣ учинились и его царскому величеству служить съ радостію. А хоти и не вспросятъ, и имъ самимъ въ розговорѣхъ къ слову о томъ выговорити.

А будетъ шаховы ближніе люди молать, что имъ вѣдомо есть, что польской королевичъ въ государеву землю пришолъ и Дорогобужъ и Вязьму взялъ; а Дорогобужъ и Вязьма Москвы блиско, и государевымъ людямъ польскіе люди сильны, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи, говорити: было такъ, и оплоша за ссылкою Дорогобужъ польскіе люди были взяли, и королевичъ польской приходилъ, а Вязьмы не имывали: пришли были къ Вязьмѣ, и государевы бояре и воеводы, сподчися съ Волока, изъ Можайска и съ Калуги, польскихъ людей отъ Вязьмы отбили и многихъ побили, и Дорогобужъ осадили; а королевичъ отшолъ въ Смоленскъ, а чаемъ нынѣ и въ Смоленскѣ королевича нѣтъ, пошелъ въ свою землю: людей у нихъ столько нѣтъ, сколько у царского величества землѣ ратныхъ людей, да по грѣхомъ люди поскудѣли, а пожаловать нечѣмъ. А будетъ чѣмъ царскому величеству людей своихъ пожаловать, и польскимъ и литовскимъ людямъ стоять противъ царского величества людей будетъ нельзя.

А будетъ учнутъ ихъ спрашивать, колько государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. на помощь казны надобно, и они бѣ объявили, а шахово величество за то брату своему не постоитъ, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи, говорити: имянно съ нами о томъ царского величества приказу нѣтъ, только велѣлъ намъ царское величество брату своему, Аббасъ шахову величеству, о томъ говорити, чтобъ его, государя, для брацкіе любви ссудилъ казною, а въ томъ шахъ воленъ: чѣмъ государя нашего ссудить, то государь нашъ ц. в. шаху и заплатитъ. Царское величество ратнымъ своимъ людямъ, которые стоятъ противъ литовского, даетъ своего государева годового жалованья на годъ на два срока по 400.000 рублей, то стрѣльцомъ и казакомъ, oprичъ дворянъ и дѣтей бояр-

скихъ, только съ нами не наказано, чего у шахова величества просити.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что шахъ царское величество деньгами ссудить, только бы было чему вѣрити, и учнутъ имъ говорити, чтобъ они въ томъ дали запись, и крестъ на томъ цѣловали, что государю тѣ деньги заплатить, и учнутъ приговаривать сроки, или учнутъ говорити, чтобъ въ томъ далъ государь въ закладъ Астарахань, чтобъ они Астарахань въ закладъ записали и крестнымъ цѣлованьемъ утвердили,—и князю Михайлу Петровичю съ товарищи говорити: съ нами о томъ не наказано, колько казны просити и какъ въ томъ укрѣпитца, и намъ мимо государя своего наказъ собою ничего дѣлать нельзя. А послалъ бы шахово величество казну съ ними вмѣстѣ съ своими большими послы, съ ближними людьми, и съ ними бѣ о томъ наказалъ, какъ въ той казнѣ съ царскимъ величествомъ укрѣпитца, и царское величество велитъ о томъ съ ними своимъ бояромъ ближнимъ говорити и закрѣпити. А царское величество государь праведной, премудрой, слово его царское иново, что молвить, не бываетъ, въ томъ съ шаховымъ величествомъ въ нелюбѣ быти не похочетъ, заплатити шаху тое казну по договору велитъ тотчасъ узорочными товары, которые въ его государствѣ ведетца.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ говорити: какъ въ Астарахани былъ воръ Ивашко Заруцкой съ Маринкою, и прислалъ воръ Ивашко Заруцкой къ шахову величеству съ тѣмъ, будто онъ пришелъ въ Астарахань съ государскимъ сыномъ, и шахову бѣ величеству за него вступитца, и Московского государства людемъ ево не подать, и шахово величество ему не повѣрилъ, помочи никакіе ему не учинилъ, и тѣхъ посланниковъ, которые къ шахову величеству присланы были отъ Ивашка Заруцкова, Ивана Хохлова съ товарищи, къ государю отослалъ, и нынѣ бѣ царское величество за тое его брацкую дружбу и любовь, свою любовь показалъ, поступился Астарахани шахову величеству; а шахово величество и впередъ царскому величеству противъ его недруговъ своею казною помочь учинить и будетъ въ крѣпкой дружбѣ и любви; а Астарахань искони вѣкъ мусулманского закона, и церкви въ ней бывали мусулманскіе вѣры, а взялъ Астарахань царь и в. кн. Иванъ Васильевичъ в. Р. не въ давныхъ лѣтѣхъ,— и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити шаху, или его ближнимъ людемъ: то онъ великій государь, шахъ Аббасово величество, учинилъ, какъ есть великій и преславный государь, что такой воровской смутѣ не

повѣрилъ и помочи ему никакіе не учинилъ. И великій государь нашъ, его ц. в., за то также будетъ его шахову величеству противъ воздавати своею царскою братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ возможно. А Астарахани чтобъ великому государю нашему, его ц. в., поступитися шахову величеству, съ нами о томъ не наказано и не статочное то дѣло.

А нѣчто шаховы ближніе люди учнутъ спрашивать, чтобъ имъ князь Михайло съ товарищи сказали подлинно, какими обычай въ Російскихъ государствахъ смута сталась отъ польскихъ и литовскихъ людей, и какая ровнь была, и какъ Російское государство Богъ отъ польскихъ и литовскихъ людей свободилъ, и какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: какими обычай въ Російскихъ государствахъ смута сталась отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей, и какая рознь была, и какъ Російское государство Богъ отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей свободилъ, и какъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и о томъ о всемъ подлинно писалъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. въ брату своему къ великому государю ихъ, въ шахъ Аббасову величеству, въ грамотѣ своей съ посланники своими съ Михайломъ Тихановымъ да съ Олексѣемъ Бухаровымъ, а послѣднее съ посланникомъ съ Ѳеодоромъ Левонтьевымъ, да и рѣчью, чаю, въ розговорѣхъ шахову величеству, и имъ, ближнимъ людямъ, царского величества посланники Михайло и Олексѣй, и Ѳеодоръ Левонтьевъ про то про все объявляли жъ, и имъ про то про все и до нихъ вѣдомо; а будетъ они и отъ нихъ нынѣ про то похотятъ вѣдать, и они имъ про то роскажутъ подлинно жъ: какъ Божиимъ судомъ великого государя ц. и в. кн. Ѳеодора Ивановича в. Р. с., нынѣшняго великого государя нашего дяди, въ животѣ не стало, оставя земное царство отъиде въ вѣчное блаженство; а послѣ его, великого государя, по избранью Московского государства всякихъ чиновъ людей, былъ на Московскомъ государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Російского царствія ц. и в. кн. Борисъ Ѳеодоровичъ в. Р., и въ прошломъ во 109-мъ году прислалъ къ царю Борису Жигимонтъ король польской и литовской пословъ своихъ великихъ, канцлера великого княжества литовского Лва Сопѣгу съ товарищи, и приговорили тѣ послы царского величества въ бояры перемирье межъ государемъ ц. и в. кн. Борисомъ и межъ Жигимонтомъ королемъ

польскимъ и литовскимъ, и межъ великихъ государствъ, на дватцать на два годы, съ лѣта 7109-го по лѣто 131-й годъ, и то перемирье царь Борисъ и Жигимонтъ король крестнымъ цѣлованьемъ своими душами закрѣпили, что было въ тѣ перемирные лѣта государемъ и государству съ государствомъ быти въ миру и въ дружбѣ и въ любви, а войны и ни которые недружбы не всчинать, и людей въ землю Московскаго государства не всылать, и черезъ свою землю никакихъ воинскихъ людей не пропускати, и недругомъ ни которыми ни какими людьми и казною не вспомогать. И послѣ того укрѣпленья вскорѣ, нѣкоторой воръ чернецъ еретикъ, имянемъ Гришка Отрепьевъ, изъ Московскаго государства, за нѣкоторые злые свои богомерскіе дѣла, збѣжалъ въ Литву, и скинувъ съ себя черное платье, и врагомъ рукописаніе на себя далъ: аще приметъ царскій престолъ, тотъ отъ Бога отлученъ будетъ, и назвался царевичемъ Дмитреемъ углетцкимъ, дѣда великаго государя нашего, великаго государя ц. и в. вн. Ивана Васильевича в. Р., сыномъ; а царевича Дмитрея углетцоваго не стало до того времени за тринатцать лѣтъ. И какъ тотъ воръ рострига пришолъ въ Литву, и по совѣту и умышленью польсково радново пана воеводы сендомирскаго Юрья Мнишка, пристали къ тому вору литовскіе князи, князь Адамъ да князь Костянтинъ Вешневетцкіе, да Острианской староста Михайло Ратомской, и иные многіе польскіе и литовскіе люди, и привели того вора Гришку ростригу въ Жигимонту королю, имянуючи его государскимъ сыномъ, буттося они про него подлинно вѣдаютъ, что онъ сынъ великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича в. Р., царевичъ Дмитрей углетцкой. А тотъ воръ билъ челомъ королю о помочи, чтобъ ему быти на Московскомъ государствѣ государемъ. И король Жигимонтъ, поруша мирное постановеніе и преступивъ свое крестное цѣлованье, что утвержено было съ царемъ Борисомъ ихъ душами, тому вору на вспоможенье далъ многую казну и людей противъ царя Бориса и Московскаго государства. А воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ зговорилъ за того вора дать дочь свою Марину, которая была съ вормъ съ Ывашкомъ Зарутцкимъ въ Астарахани, и многую ему казну на вспоможенье далъ, и самъ съ нимъ на украину Московскаго государства съ ратными людьми пошолъ. И пришолъ тотъ воръ Гришка Отрепьевъ и воевода сандомирской, со многими съ польскими и съ литовскими людьми, на украину Московскаго государства въ Сѣверскіе города безвѣстно. А царь Борисъ, вѣдаючи мирное постановеніе и межъ собою зъ Жигимонтомъ королемъ о томъ укрѣпленье, въ Сѣверскихъ городѣхъ

отъ литовскіе украинны прибыльныхъ ратныхъ людей не держалъ, и тотъ воръ нѣкоторые Сѣверскіе города оплоша взятемъ взялъ, а иныхъ городовъ Московского государства учалъ достигать, и грамоты король учалъ отъ себя писать на смуту во всѣ города Московского государства ко всякимъ людямъ, именуючи того вора великого государя ц. и в. кн. Ивана Васильевича в. Р. сыномъ, царевичемъ Дмитреемъ углетцкимъ, чтобъ противъ его не стояли: и отъ того ихъ смутного письма въ украинныхъ въ дальнихъ городѣхъ незнающіе простые люди, и съ Дону, и съ Волги, и съ Яика воры казаки почали быть въ смутѣ, къ тому вору приставать. А многіе люди Московского государства, помня Бога и свои души, на чомъ царю Борису правду учинили, крестъ цѣловали, и вѣдая про царевичеву князь Дмитреву Ивановича смерть, противъ того вора и польскихъ и литовскихъ людей стояли, и съ ними бились во многихъ мѣстѣхъ, и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побивали. И въ тожь время Божиимъ судомъ царя и в. кн. Бориса Федоровича в. Р. въ животѣ не стало, и въ государствѣ Московскомъ учала быть рознь и междоусобная брань и кровопролитье, которые повѣрили такой смутѣ, и къ тому вору пристали многіе люди, и бояръ и воеводъ, которые были въ полкѣхъ и по городомъ, связавъ, къ тому вору приводили. И вражьимъ дѣйствомъ, а умышленемъ и вспоможенемъ Жигимонта короля польсково и литовского, тотъ воръ дошелъ до царствующаго града Москвы. И злокозненнымъ дьявольскимъ дѣйствомъ тотъ воръ богоотступникъ еретикъ и царского престола достигъ, и государемъ московскимъ именовался; а съ нимъ пришли въ царствующій градъ Москву многіе польскіе и литовскіе люди. И учинясь на Московскомъ государствѣ тотъ воръ государемъ, многихъ бояръ и воеводъ и всякихъ людей по городомъ въ заточенье розслалъ, а иныхъ смертными казнями казнилъ. А потомъ къ тому вору пришелъ изъ Литвы воевода сендомирской Юръя Мнишекъ со многими польскими и литовскими людьми, а привезъ съ собою воевода сендомирской по договору съ тѣмъ воровомъ дочь свою Марину, и далъ ему въ жену. Да съ воеводою жъ сендомирскимъ вмѣстѣ пришли отъ короля къ тому жъ вору послы Миколой Олешнитцвой, каштелянъ мологоской, да Олександръ Гасевской, дворянинъ королевской, поздравляючи его на государствѣ и объявляючи ему король свою дружбу, что онъ учинился на Московскомъ государствѣ его королевскимъ вспоможенемъ. И будучи на Москвѣ польскіе и литовскіе люди, по повелѣнью того вора, почали вѣрѣ крестьянской многое поруганье чинити и Московского государства людямъ многое

насилство дѣлати. И умыслилъ былъ тотъ воръ Гришка съ поляни митрополитовъ и архіепископовъ, и бояръ, и воеводъ, и всякихъ чиновъ людей лутчихъ побити, а Московское государство къ Польшѣ и къ Литвѣ прилучити, а нашу истинную православную крестьянскую вѣру греческаго закона разорити, а свою латыньскую вѣру утвердити. А Московское государство великое и широкое: изъ дальнихъ мѣстъ, изъ Сибири и изъ Астарахани, и изъ иныхъ мѣстъ въ годъ два пріѣзжаютъ, и многіе ратные люди въ то время были въ тавихъ въ дальнихъ мѣстѣхъ. А которые Московскаго государства люди были въ Московскомъ государствѣ и вѣдали про того вора, да стати противъ его не могли: служилые всѣ люди были въ отъѣздѣ. А какъ служилые и всякихъ чиновъ люди съѣхались изъ дальнихъ мѣстъ, и соединясь единомышленно и облича того вора по его злымъ воровскимъ дѣломъ, злой смерти предали; а воеводу сендомирсково зъ дочерью и его пріятелей Вишневецкихъ и иныхъ многихъ польскихъ и литовскихъ людей бояре отъ смерти уберегли. А посломъ королевымъ ни въ чемъ котораго безчестья не учинено, и честь имъ была, и кормъ давали по посольскому обычаю по прежнему безъ убавки. И вскорѣ по убивствѣ того вора, Московскаго государства бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди служилые и земскіе избрали на Московское государство и на всѣ государства Російскаго царствія государемъ изъ бояръ отъ рода Суздальскихъ князей, князя Василья Ивановича Шуйскаго. И учиняся на государствѣ царь и великій князь Василей Ивановичъ в. Р., послалъ въ Литву къ Жигимонту королю посланниковъ своихъ князя Григорья Волковскаго да дѣака Ондрей Иванова, объявляючи ему про свое государство и припоминая ему его неправду, какъ онъ свое крестное цѣлованье преступилъ и мирное постановенье порушилъ, такую смуту и напрасное кровопролитіе въ людехъ учинилъ, и прислалъ бы къ нему пословъ своихъ, наказавъ имъ подлинно, какъ такіе великіе неправды, которые учинились съ его сторону, исправить, и многіе неисчетные убытки, которые учинились отъ него Московскому государству, заплатить. И Жигимонтъ король польской съ тѣми посланники къ царю Василью писалъ и приказывалъ, что опъ о всякихъ добрыхъ дѣлѣхъ шлетъ къ нему своихъ посланниковъ, и къ посломъ своимъ, которые въ то время были на Москвѣ, подлинной указъ свой пришлетъ, какъ имъ о всякихъ о добрыхъ дѣлѣхъ договоръ учинити и становити. И прислалъ къ царю Василью Жигимонтъ король посланниковъ своихъ, Станислава Витовскаго, войскаго парцовскаго, да князя Яна зъ Друтца Соколинскаго, секретарей своихъ; а самъ король и паны рада, умысли

Московское государство разорити, больши прежнего устремились въ Московскомъ государствѣ смуту дѣлати и кровь напрасную проливать, пустили славу во все пограничныя мѣста Московскаго государства и на Донъ хъ казакомъ, бутось тотъ воръ, которой былъ на Москвѣ государемъ, съ Москвы ушелъ и у нихъ въ Польшѣ, а въ его мѣсто бутто убить нѣкоторой полякъ. Да умысля и выискавъ, выслалъ на Украину Московскаго государства въ Сѣверскую землю много вора родомъ жидовина, называючи его царемъ, тѣмъ же именемъ, которымъ прежней воръ рострига назывался, Дмитреемъ, бутось тотъ воръ съ Москвы отъ убивства убѣжалъ. А къ нему пришли на Украину по королевскому велѣнью князь Романъ Ружинской да Александръ Зборовской, да князь Адамъ Вишневской, да Янъ Петръ Сопѣга, да Самойло да Янъ Кишкѣвичи, именуячися гетманъ и полковники, и иные полковники и ротмистры со многими польскими и съ литовскими людьми, и розсылали смутныя грамоты во всю Сѣверскую землю по городомъ и по мѣстамъ, именуячи того вора прежнимъ воровъ Дмитреемъ. И многіе малодушные сѣверскихъ украинскихъ городовъ казаки и боярскіе холопы и худые люди такимъ ихъ смутнымъ грамотамъ повѣрили, а иные, видя отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей себѣ разоренье и войну, къ тому вору пристали, и почала быть въ людехъ рознь и кровороулитье больши прежнево, и многіе города сѣверскіе и отъ польскіе Украины тому другому вору почали здаватца тою смутю и рознью, и для многіе войны и разоренья отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей. А потомъ, тотъ воръ, собрався съ польскими и съ литовскими со многими людьми, и съ казаки и съ червасы, устремились итти подъ царствующій градъ Москву, и пришелъ блиско Москвы, таборомъ сталъ и по городомъ въ уѣзды такіе жъ смутныя грамоты послалъ, и войну распустилъ, и почалъ Московское государство разоряти, села и деревни жечь, и людей въ полонъ имать, а иныхъ побивать и грабить, и кровь напрасную проливать безъ милости; а иные учали прельщаться на его вражью воровскую прелесть. А которыя послы и посланники Жигимонта короля въ то время были на Москвѣ, и они, по приказу Жигимонта короля и видя такое разоренье Московскому государству, никоторого добраго дѣла не дѣлали, хъ королю о его неправдѣ не посылали, и тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которыя пришли съ воровъ, отъ кровороулитья не унимали, а говорили многіе несхожіе мѣры, и говоря много зъ бояры, по многіе дни съѣзжались, приговорили перемирье межъ царемъ Васильемъ и польскимъ Жигимонтомъ королемъ и межъ ихъ государствъ вновь на четыре года на томъ, что царю Василью

отпустить въ Литву воеводу сендомирского зъ дочерью и всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые задержаны были на Москвѣ въ ихъ неправдахъ. А королю было, какъ отъ пословъ вѣсть къ нему придетъ, польскихъ и литовскихъ людей, которые съ воромъ, изъ Московского государства вывести всѣхъ до одново человѣка, а о большихъ дѣлѣхъ, о договорѣ, какъ тѣ нарушенны дѣла исправить, и о убыткахъ, что учинилось Московскому государству отъ короля, слати на съѣздъ на рубежъ съ обѣ стороны большихъ пословъ, и о всемъ о добромъ дѣлѣ договоръ учинити и постановити. Да на томъ на всемъ царь Василей литовскому Жигимонту королю на перемирной грамотѣ крестъ цѣловалъ; а за короля послы его и посланники крестъ цѣловали, и отпущены тѣ послы и посланники королевы отъ царя Василья съ честью по прежнему обычаю. А съ ними вмѣстѣ отпущены воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ зъ дочерью и съ его пріятели, и многіе именитые польскіе и литовскіе люди, которые были задержаны въ Московскомъ государствѣ за ихъ неправды. А на томъ воевода сендомирской Юрьи Мнишекъ и сынъ его староста сенацкой, да Жигимонтъ Тарло и иные паны лутчіе за всѣхъ польскихъ и литовскихъ людей, которые отпущены, присягу дали, крестъ цѣловали, что было имъ въ тому вору, которой стоять подъ Москвою, не пристати, и съ польскими и съ литовскими людьми, которые при томъ ворѣ, въ соединенѣ не быти, и Московскому государству лиха никоторого не дѣлать, да и проводить ихъ до границы царь Василей людей своихъ послалъ. И воевода сендомирской по королевскому жъ велѣнью съ своими пріятели то крестное цѣлованье преступили, вышедъ изъ царствующаго града Москвы, съ тѣмъ воромъ, которой въ то время стоялъ подъ Москвою, и съ польскими и съ литовскими людьми, которые были при томъ ворѣ, сослались, и московскихъ провожатыхъ, которые ихъ посланы провожать, многихъ побили, а иныхъ въ полонъ поимали; а сами послы Жигимонта короля, Миколай Олешницкой, каштелянъ мологотцкой съ товарищи, и воевода сендомирской съ своими пріятели и зъ дочерью, пришли къ тому вору въ таборы, и пришедъ къ тому вору въ таборы, воевода сендомирской и дочь свою за того другога вора даль, и съ нимъ былъ въ таборехъ и на всякое зло ево поучали, и обычаи всякіе прежнего вора розстриги тому вору розсказалъ, и по его злomu совѣту и умыслу тотъ воръ пытался къ государству Московскому всякими мѣрами, розными бои и приступомъ къ городу. И Божією милостію тотъ воръ у Москвы хотѣнья своего не получилъ: многихъ у него польскихъ и литовскихъ людей, изъ Москвы выходя, побили и изъ табора ихъ выгнали. И тотъ воръ, съ польскими и съ

литовскими людьми выбѣжавъ изъ таборъ изъ подъ Москвы, учалъ стоять въ городѣ Колугѣ, отъ Москвы во стѣ восемьдесятъ верстахъ, и учалъ ссылатися съ литовскимъ же Жигимонтомъ королемъ о всякомъ зломъ умысленѣ на разоренье Московского государства. А Жигимонтъ король того нового перемирья и крестного цѣлованья пословъ своихъ и посланниковъ, что закрѣпили на Москвѣ при царѣ Васильѣ, ни мало не здержалъ, на большое кроворозлитіе устремился, не токмо что по договору пословъ своихъ и посланниковъ и по ихъ крестному цѣлованью, изъ Московского государства польскихъ и литовскихъ людей вывести велѣлъ, и самъ пришлоу ратью и съ нарядомъ Московского государства къ городу къ Смоленску, со многими съ польскими и съ литовскими и иныхъ розныхъ земель съ наемными людьми, и городъ Смоленскъ осадивъ, по городу изъ наяду велѣлъ бити, розными приступы и подкопы города Смоленска доступалъ, не памятуя своего прежнего и пословъ своихъ послѣднихъ крестного цѣлованья. А подъ царствующій градъ Москву прислалъ гетмана польского Станислава Желковского и полковниковъ и ротмистровъ, со многими жъ польскими и съ литовскими и съ нѣмецкими людьми. А вору, которой отпедъ отъ Москвы, сталъ былъ въ Колугѣ, велѣлъ король итти со всѣми польскими и съ литовскими людьми подъ Мосеву жъ. И стали подъ Мосевою зъ дву сторонъ: съ одну сторону гетманъ польской Станиславъ Желковской и съ полковники, и съ ротмистры, со многими людьми; а зъ другую сторону съ воромъ гетманъ же Янъ Петръ Сопѣга, со многими жъ съ польскими и литовскими людьми. А въ то жъ время, по ссылкѣ литовского жъ Жигимонта короля, пришли въ землю Московского государства въ новгородцѣе и во псковскіе мѣста нѣмецкіе воинскіе люди. И царь Василей, оберегаючи своей земли, послалъ зъ бояры и съ воеводы свой дворъ, многихъ ратныхъ людей, въ великій Новгородъ и во Псковъ, а на Москвѣ остались бояря и воеводы и ратные люди немногіе; а иные бояря и воеводы, которые были по городомъ, Михайло Салтыковъ съ товарищи, забывъ Бога и свои души, на чомъ царю Василью крестъ цѣловали, измѣнили, отѣхали къ литовскому Жигимонту королю. И умысля съ ними, польской Жигимонтъ король писалъ и приказывалъ зъ гетманомъ съ Станиславомъ Желковскимъ на Москву къ бояромъ и воеводамъ и всякихъ чиновъ людямъ служилымъ и жилецкимъ, бутто онъ, жалѣючи о крестьянствѣ и хотя Московское государство успокоити и кроворозлитіе унати, самъ пришлоу въ землю Московскую на украину, а гетмана Желковского послалъ подъ Москву, будтось не для войны, для договору о добромъ дѣлѣ, и чтобъ московскіе

всякіе люди для покою хрестыянскаго взяли на государство его королева сына королевича Владислава; а сынъ его будетъ на Московскомъ государствѣ въ нашей православной хрестыянскои вѣрѣ греческаго закона во всемъ по тому, какъ были прежніе великіе государи на Московскомъ государствѣ, и ни въ чемъ некоторыхъ заповѣдей не порушити. Да и листъ статейной король за своею рукою и за печатью къ бояромъ прислалъ, какъ сыну его быти на Московскомъ государствѣ. А въ листу король писалъ, что сыну его быти на Московскомъ государствѣ въ нашей вѣрѣ греческаго закона и во всемъ по тому, какъ прежніе московскіе великіе государи были, а съ нимъ польскимъ и литовскимъ людямъ на Москвѣ не быти, и въ урядѣхъ на Москвѣ и по городомъ, и въ порубежныхъ мѣстехъ полякомъ и литвѣ не быти жъ, и истинные нашіе православные хрестыянскіе вѣры ничѣмъ не рушити, и костеловъ на Москвѣ и по городомъ не ставити, и вѣрѣ нашей поруганья некоторого не дѣлати, также патріарха московскаго и митрополитовъ, и архіепископовъ, и всего освященного чину людей честно имѣти. А въ тому многіе иные земскіе дѣла въ томъ листу написаны по статьямъ, какъ было королевичю быти на государствѣ и правити всякіе дѣла по тому договору. И многіе люди Московскаго государства, которые были въ то время на Москвѣ, слыша такое королевское письмо, чая въ томъ правды и видя такое утѣшеніе отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей, и въ осадѣ будучи, всякіе нужи и голоду не мога терпѣти, почали быти въ шатости. А бояря и воеводы и всякихъ чиновъ люди, которые въ то время были на Москвѣ не многіе, били челомъ государю царю и великому князю Василью Ивановичю в. Р., чтобъ государство свое для покою хрестыянскаго отставилъ, и царь Василей государство свое отставилъ. А многіе бояря и воеводы, и чашники, и стольники, и дворяна большіе, и дворяна изъ городовъ, и дѣти боярскіе, и стрѣльцы, и казаки, и всякіе служилые люди въ то время были въ дальнихъ мѣстехъ противъ нѣмецкихъ людей и въ Сибири, и въ иныхъ дальнихъ странахъ, а про то не вѣдали, что учинилось надъ государемъ на Москвѣ. И отставя государя отъ государства, московскіе бояря и воеводы, и дворяни, и всякихъ чиновъ люди, которые были на Москвѣ немногіе люди, отъ тѣсноты и отъ осаду польскихъ и литовскихъ людей, избрали были на Московское государство Жигимонта королева сына Владислава, и съ польскимъ гетманомъ Станиславомъ Желковскимъ о всѣхъ статьяхъ, какъ королевичю быти на государствѣ, договоръ учинили, и записями и крестнымъ цѣлованьемъ утвердились. А цѣловали крестъ за Жигимонта

короля польского и за сына его Владислава, и за всю польскую и литовскую землю гетманъ корунной Станиславъ Желковской, и полковники, и ротмистры на томъ, что было гетману Станиславу Желковскому со всѣми польскими и литовскими людьми отъ Москвы отойти, и воинскихъ людей всѣхъ изъ Московскаго государства вывести вонъ; а королю было отъ Смоленска отойти прочь въ Литву, и Смоленску лиха ни которого не учинити. Да по тому договору и укрѣпленью пошолъ къ Жигимонту королю подъ Смоленскъ съ Москвы великій господинъ митрополитъ Ояларетъ ростовскій и ярославскій, да въ послѣхъ бояринъ князь Василей Васильевичъ Голицынъ съ товарищи, и дворяни, и всякихъ чиновъ люди. А на Москвѣ почалъ быть во правительствѣ и владѣти во всемъ, прѣхавъ отъ короля, по повелѣнью Жигимонта короля Московскаго государства измѣнникъ, что былъ бояринъ Михайло Глѣбовъ сынъ Салтыковъ, съ своими совѣтники, которые были съ нимъ у короля. А гетманъ коруны польскіе Станиславъ Желковской, преступа крестное цѣлованье, отъ Москвы съ ратными людьми не отшелъ, и умысла вмѣстѣ Московскаго государства с-измѣнники, съ Михайломъ Салтыковымъ и съ его совѣтники, по королевскому велѣнью, обманомъ, будто для береженья отъ воровскихъ людей, польскихъ и литовскихъ и пѣмецкихъ людей пустилъ въ Москву въ заменные города. И царя и великаго князя Василья и великихъ бояръ, братью его, отдали тому гетману Станиславу Желковскому, утаяся ото всѣхъ людей, а онъ ихъ отослалъ къ Жигимонту королю; черезъ крестное цѣловапье. И видя такіе злые дѣла святѣйшій Ермогенъ патрархъ московскій и всеа Русіи, тѣхъ измѣнниковъ въ ихъ злыхъ дѣлѣхъ обличалъ, и по всѣмъ городомъ грамоты отъ себя писалъ, что Московскому государству разоренье и крестьянской вѣрѣ поруха чинитца. А король того приговору, на чомъ учиненъ съ гетманомъ съ Станиславомъ Желковскимъ и крестнымъ цѣлованьемъ, укрѣплентъ, ничего не здержалъ и крестное цѣлованье гетмана и полковниковъ и ротмистровъ порушилъ, Московскаго государства великихъ пословъ у себя задержалъ, и многое имъ безчестье и тѣсноту подъ Смоленскимъ учинилъ и, перековавъ, розослалъ ихъ въ заточенье въ Польшу и въ Прусы, чего николи ни въ которыхъ государствахъ такъ надъ послы не ведетца, что Жигимонтъ король надъ ними, великими послы, учинилъ; а сына своего на государство Московское по своему договору не далъ и самъ отъ Смоленска не отшелъ.

А польскіе и литовскіе люди, которые на Москвѣ вошли въ городъ и на Москвѣ и въ городѣхъ урядниковъ своихъ по приказомъ

учинили, и на Москвѣ жъ и по городомъ многіе зборы денежныя и кормы немѣрныя почали збирать и Московского государства всякимъ людемъ великіе налоги и насильства учали чинить, и истинной нашей православной хрестыанской вѣрѣ греческаго закона поруганье дѣлать и костелы своей вѣры на Москвѣ учинили, и въ свою ляхскую вѣру учали Московского государства людей сильно приводить, и по городо-вымъ воротамъ и по улицамъ у рѣшотокъ сторожей поставили своихъ польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей, и учали приводить по нашей вѣрѣ хъ крестному цѣлованью на Москвѣ и въ городѣхъ на королевское на Жигимонтово имя, мимо сына его королевича Влади-слава. И Московского государства бояря и воеводы, и всякіе люди, видя ту королевскую неправду, многижда о томъ къ Жигимонту королю писали и посылали говорити, чтобъ онъ, Жигимонтъ король, въ своей правдѣ стоялъ, на чемъ душею его гетманъ корунной Станиславъ Желковской во всему Московскому государству за него и за сына его королевича Владислава крестъ цѣловалъ: сына своего королевича Вла-дислава на Московское государство въ нашей православной хрестыан-ской вѣрѣ греческаго закона далъ вскорѣ, и отъ города отъ Смоленска отшелъ, и ратныхъ своихъ людей изъ Московского государства вывести велѣлъ, и Московского государства пустошить, и своей латынской вѣры розпространити въ нашемъ Московскомъ государствѣ не велѣлъ. И Жигимонтъ король польской и паны рада, забывъ гетмансково крест-ного цѣлованья, и нашего прошенья не послушалъ, и большаи преждево на всякое зло на Московское государство учали умышляти: сына своего королевича Владислава на Московское государство въ нашей вѣрѣ по договору не далъ, и отъ Смоленска не отшелъ, и Смоленскъ за крест-нымъ цѣлованьемъ взятъемъ взялъ, и многихъ бояръ и дворянъ и всякихъ людей отъ мужеска полу и женска и до сущихъ младенецъ безъ милости побилъ, и неповинную многую кровь пролилъ. А которые его польскіе и литовскіе и нѣмецкіе люди въ Москвѣ были, и тѣ по его жъ велѣнью царствующій градъ выжгли и церквы и монастыри осквернили, и чесныя иконы и многоцѣлебныя чудотворныя мощи обру-гали, и патріарха Гермогена съ великимъ безчестьемъ съ престола свергли, и въ заточенье посады, уморили; а бояръ большихъ думныхъ, князя Ондreja Васильевича Голицына, и иныхъ бояръ и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и всякихъ служилыхъ людей, и гостей, и всякихъ торговыхъ, и жилетцкихъ людей безчисленное множество мужеска полу и женска, и до сущихъ младенецъ побили, и кровь многую неповинную пролили; а царскую казну, многое собранье изъ давнихъ

лѣтъ прежнихъ царей, ихъ царскіе утвари и всякое царское достоянне хъ королю отослали и по себѣ, розграбя, раздѣлили, и царствующій градъ Москву польскіе и литовскіе люди засѣли. И видя такіе великіе бѣды и разоренье Московскому государству, а литовского Жигимонта короля неправду и злокозненной ево умыслъ, и слыша то, что царя Василья къ литовскому королю отослали, царствующій градъ Москву засѣли, во всѣхъ городѣхъ Московского государства бояре и воеводы, и чашники, и стольники, и страпчіе, и дворяна, и дѣти боярскіе, и всякіе служилые и жилецкіе люди, межъ собою сослався, совѣтъ учинили, и крестнымъ цѣлованьемъ увѣрились, что всѣмъ противъ Жигимонта короля и сына его Владислава за истинную православную крестьянскую вѣру греческаго закона и за государство Московское на польскихъ и литовскихъ людей стояти заодно, и короля и королевича на Московское государство никакъ не хотѣтъ. И собрався, пришедь подъ Москву, стояли подъ Москвою два года; къ Москвѣ, къ большому каменному городу и хъ Китаю и хъ кремлю приступали, и въ приступехъ и на выласкахъ польскихъ и литовскихъ людей побивали. И первое взяли каменной большой городъ, и многихъ польскихъ и литовскихъ и нѣмецкихъ людей въ то взятъе побили безчисленно, и живыхъ поимали больша четырехъ тысячъ человекъ, а достальныя польскіе и литовскіе люди сѣли въ Китаѣ да въ кремлѣ, и сидѣли цѣлой годъ. А бояре наши и всякіе ратные люди со всѣхъ сторонъ хъ Китаю и хъ кремлю приступомъ приступали, и изъ наряду по городу били, и ежедень польскихъ и литовскихъ людей побивали. И въ прошломъ во 120 году въ августѣ мѣсяцѣ прислалъ Жигимонтъ король къ польскимъ и къ литовскимъ людямъ, къ московскимъ сидѣльцомъ, на помочъ гетмана литовского Карлуса Хоткѣва, со многими польскими и съ литовскими и съ нѣмецкими людьми, и съ венгры, и иныхъ земель съ наемными со многими людьми. И Московского государства бояре и воеводы, и чашники, и стольники, и страпчіе, и дворяна со многими ратными людьми гетмана встрѣтили, не допустя Москвы, и дѣло съ нимъ учинили, и бились съ нимъ, не ссѣдая съ коней три дни, день и ночь, и Божіею милостію гетмана Карлуса побили на голову и живыхъ въ полонъ взяли больша десети тысячъ человекъ; а гетманъ побѣжалъ въ Литву не со многими людьми, и послалъ о томъ отъ себя хъ королю, чтобъ король, собрався, самъ пошь, а его побили. И король тотчасъ по гетмановѣ присылкѣ учалъ збратца. И бояре и воеводы, слыша королевской зборъ, что, собрався, хочеть къ Москвѣ самъ приходить, и пошли къ городомъ хъ Китаю

и хъ кремлю приступомъ со всѣхъ сторонъ, и Божіею милостію Китай и кремль городъ взяли и многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили, больши пятнадцати тысячъ, а достальныхъ, пана Николая Струса, старосту хмелинского и любетцево, которой тутъ былъ въ Москвѣ въ гетманское мѣсто, и капитановъ и ротмистровъ, и всякихъ служилыхъ людей взяли живыхъ зъ девять тысячъ человекъ. А какъ Божіею милостію царствующій градъ Москву бояре и воеводы и всякіе ратные люди отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей очистили, а король въ тѣ поры приполъ въ Московское государство самъ, а съ нимъ гетманъ Карлусъ Хотѣвъ со многими съ польскими и съ литовскими и съ нѣмецкими и розныхъ земель со многими съ паемными людьми, и бояре и воеводы противъ короля послали воеводъ многихъ, а съ ними дворянъ и дѣтей боярскихъ и всякихъ ратныхъ людей. И воеводы съ королемъ бились блиско Волока Ламсково два дни, не сѣдая съ коней, и многихъ людей у короля побили, больши тысячи человекъ живыхъ взяли. И король съ того бою отшелъ въ Литву съ великимъ страхованиемъ, и по городомъ и по острошкамъ по многимъ, гдѣ польскіе и литовскіе люди сидѣли въ Московскомъ государствѣ, польскихъ и литовскихъ людей побили, и изъ Московского государства польскихъ и литовскихъ людей выгнали. А на великихъ государствахъ на Владимерскомъ и на Московскомъ, и на Новгородскомъ, и на царствахъ Казанскомъ и Астараханскомъ, и на Сибирскомъ, и на всѣхъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія учинились по Божіей милости и по племени великихъ государей царей російскихъ, и по избранью и по челобитью Московского государства царей, царевичей, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и бояръ и окольныхъ, и дворянъ и дѣтей боярскихъ, и гостей, и торговыхъ людей, всѣхъ городовъ всего великого Московского государства, великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіа самодержецъ, и нынѣ подъ его царского величества высокою рукою всѣ его великіе государства въ соединеніи и въ тишинѣ. И его царскимъ счастьемъ и къ Богу вѣрою и молитвою, и премудрымъ его царского величества разумомъ и бодропаснымъ осмрительствомъ строитца все доброе. И города Російского государства, которые были позасѣли въ смутное въ безгосударное время польскіе и литовскіе люди, Дорогобужъ, Вязьму, Бѣлу, Путивль, Черниговъ, и иные города, и тѣ всѣ города царского величества бояре и воеводы и царского величества ратями очистили, и польскихъ и литовскихъ людей многихъ побили, и живыхъ поймали,

и Литовскую землю во многих мѣстѣхъ воевали, и города многіе, поймавъ, сожгли; а въ городѣхъ и на боѣхъ многихъ польскихъ и литовскихъ людей побили, а живыхъ взяли полковниковъ и ротмистровъ и капитановъ, и съ тѣми, что взяты на Москвѣ, больши сорока тысячъ человекъ въ одномъ царьского величества городѣ въ Смоленскѣ, польскіе люди въ осадѣ сидѣли. А въ прошломъ во 124 году, по присылкѣ пановъ радъ коруны польскіе и великого княжества Литовского къ великому государю нашего царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Русіи самодержца, его царского величества къ бояромъ, съѣзжались съ великого государя нашего повелѣнья, подъ царского величества отчиною, подъ Смоленскомъ, царского величества зъ бояры, зъ бояриномъ и намѣсникомъ казанскимъ, со княземъ Иваномъ Михайловичемъ Воротынскимъ, да зъ бояриномъ и намѣсникомъ нижегородскимъ, со княземъ Олексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ Ярославскимъ, да съ окольничимъ и намѣсникомъ волужскимъ съ Ортемемъ Васильевичемъ Измайловымъ съ товарищи, паны рада коруны польскіе и великого княжества Литовского князь Хриштопъ Казимирскій бискупъ кievскій, да гетманъ навъшней великого княжества Литовского Карлусъ Хоткѣвъ, да Миколай Глѣбовичъ зъ Дубровны воевода Мстиславской, да гетманъ полной князь Хриштопъ Радивиль съ товарищи, межъ великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Русіи самодержца, и межъ польсково Жигимонта короля о дружбѣ и о любви, а межъ государствъ о покоѣ и о тишинѣ говорить и становити. А мирилъ великого государя нашего съ польскимъ королемъ цесарь римскій, и посоль его Эразмусъ Гапделіусъ тутъ-же былъ на съѣздѣ. И доброе дѣло межъ государей еще не стало; а на расходѣ былъ межъ государя нашего и польскихъ людей бой: засылали польскіе и литовскіе послы умышленемъ на государевыхъ людей полковника Томашевского со многими польскими, и съ литовскими, и съ нѣмецкими людьми, оплоша за ссылкою: только царского величества ратнымъ воеводамъ о томъ вѣдомо учинилось напередъ ихъ приходу. И царского величества воеводы посылали на нихъ царского величества лехкихъ воеводъ съ ратными людьми, и тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей побили всѣхъ на голову; а полковника Томашевского и ротмистровъ всѣхъ ротъ и порутчиковъ, и знаменщиковъ, и трубачеевъ и лутчихъ гусарей и рейтаровъ поимали живыхъ съ четьреста человекъ. А подъ Смоленскомъ государевы люди стояли осадивъ Смоленскъ, больши трехъ лѣтъ съ тѣхъ мѣстъ; какъ великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи

учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російсково царствія, и многіе государевымъ людямъ съ польскими и съ литовскими людьми бои бывали и крови многіе на обѣ стороны лились, и царскому величеству въ его царской казнѣ многіе убытки были: еже годъ царское величество всѣмъ ратнымъ людямъ жалованье денежное давали и хлѣбными запасы подмогали безпрестанно. И тѣ люди, которые были подѣ Смоленскомъ, царскому величеству били челомъ, чтобъ ихъ государь пожаловалъ велѣлъ изъ подѣ Смоленска перемѣнить. И царское величество послалъ былъ тѣмъ людямъ перемѣну, свои царскіе рати съ бояриномъ и воеводою со княземъ Юрьемъ Яншеевичемъ Сулешевымъ: и въ тѣ жъ поры пришли изъ Польши и изъ Литвы на помочь смоленскимъ сидѣльцомъ многіе польскіе и литовскіе люди, и государевы люди изъ подѣ Смоленска пошли прочь, не дождався боярина князя Юрья Яншеевича Сулешева. И царское величество боярину своему князю Юрью Яншеевичу велѣлъ съ тѣми ратными людьми итти назадъ къ себѣ ко государю, что ужъ тѣ люди хъ которымъ онъ посланъ, отъ Смоленска отошли. И какъ бояринъ князь Юрьи Яншеевичъ съ ратными людьми воротился, и литовскіе люди пришли изгономъ подѣ государевъ городъ подѣ Дорогобужъ безвѣстно и Дорогобужъ взяли, и пылъ польскіе и литовскіе люди въ государевъ землѣ въ Смоленскѣ и въ Дорогобужѣ и къ Вязьмѣ были пришли, и царского величества бояре и воеводы пошли на тѣхъ польскихъ и литовскихъ людей съ Волока, изъ Можайска и съ Колуги, и польскихъ и литовскихъ людей подѣ Вязмою побилл, и въ Дорогобужѣ польскихъ и литовскихъ людей осадили, и чаемъ милости Божіей, что милосердый Богъ за великого государя нашего правду надѣ тѣми польскими и литовскимъ людьми побѣду и одолѣнье подасть: отовсюды царского величества рати прибываютъ.

А будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорити о которомъ шаховѣ послѣ, или о посланникѣ и гонцѣ, у которыхъ взяты будетъ животы, или граблены въ Росіскомъ государствѣ при ворѣ, которой стоялъ въ Тушинѣ, или въ безгосударное время, какъ польскіе и литовскіе люди сидѣли въ Москвѣ, чтобъ сыскавъ, у кого что взято, государь велѣлъ заплатить.—

И посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: вѣдомо государя вашего послу Амиръ Али беку, какая смута была въ Росіскомъ государствѣ отъ польского короля и отъ пановъ радѣ — первое: ворами, насылаючи, Московское государство розорялъ, а послѣднее: съ сыномъ за крестнымъ цѣлованьемъ хотѣлъ Московскимъ

государствомъ самъ въ Польшѣ и къ Литвѣ завладѣти. А какъ посланники ево пошли въ Астарахань, а Астарахань въ тѣ поры была въ смутѣ, и ихъ изъ Астарахани, пришедъ подъ Москву въ таборъ къ вору, которой назывался царевичемъ Дмитреемъ, въ первого вора въ Ростригино мѣсто, и будучи они подъ Москвою, и вражью прелесть и смуту всю видѣли сами, на тѣхъ ворѣхъ и пытати нѣчево: все было воровское, злое, розбойничье. А какъ воръ изъ подъ Москвы побѣжалъ, и польскихъ и литовскихъ людей изъ таборъ выгнали, и посла Амиръ Али бека и гонца Мегибъ бека съ людьми царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи велѣлъ вяти исъ таборъ въ Москвѣ, и на Москвѣ имъ велѣлъ кормъ давати, и честь держати, какъ есть великого государя посломъ. А быти имъ у царя Василя нелучилось, что ево, государя, зашли многіе скорби и кручины, видячи въ государствѣ смуту и рознь. А хоти будетъ имъ въ тѣ поры въ кормѣхъ недостатокъ и былъ, и они сами видѣли, какъ было олустрошено и разорено Російское государство, и царьствующій градъ Москва былъ въ осадѣ, во всемъ было недостаточно. А какъ царь Василей по челобитью московскихъ людей государство отставилъ, а избрали на Московское государство королевича, и что надъ царьствующимъ градомъ дѣлалося, то шаховъ посоль Амиръ Али бекъ и гонецъ Мегибъ бекъ сами видѣли: никто былъ московскихъ бояръ въ тѣ поры не воленъ, что было имъ дѣлати. А какъ посоль Амиръ Али бекъ съ Москвы отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей ушелъ въ поленъ къ бояромъ и воеводамъ, и ему бояре и воеводы честь воздали, кормъ велѣли давати доволенъ, и отпустили ево по его волѣ въ Нижней, и тамъ ему кормъ былъ доволенъ, и честь во всемъ по посольскому обычаю; а гонецъ Мегибъ бекъ сидѣлъ въ Москвѣ съ польскими и съ литовскими людьми въ осадѣ и до тѣхъ мѣсть, какъ царьского величества бояре и воеводы царьствующій градъ Москву взяли. А какъ Москву взяли, и гонцу Мегибъ беку во всемъ честь же учинили и отпустили ево съ Москвы въ Нижней по его жъ волѣ, и кормъ доволенъ велѣли давати; а хотѣли ихъ отпустить къ шахову величеству, да не отпустили за тѣмъ, что Астарахань въ тѣ поры была въ смутѣ и дорога затворена. А какое будетъ безчестье, или будетъ животы и товары, какіе у шаховыхъ людей къ таборехъ и на Москвѣ, и въ Колугѣ поимали воры, и то дѣлали польскіе и литовскіе люди и Московского государства измѣнники, которые розоряли Московское государство въ таборѣхъ и на Москвѣ вмѣстѣ съ польскими и съ литовскими людьми, и того сысхать пегдѣ, то шахову величеству самому вѣдомо, какая

была казна несчетная прежнихъ великихъ государей царей російскихъ собранье отъ многихъ лѣтъ, всякіе царскіе дорогіе вещи, чаемъ, ни въ которыхъ государствахъ такихъ дорогихъ вещей не бывало: то все польскіе и литовскіе люди Московского государства с-ымѣнники розграбили и къ королю отослали, а иное по себѣ rozdѣлили, и церкви Божіи и чудотворныя гробы разорили, а Московского государства бояре, будучи въ неволѣ, и за то не стояли, не токмо что было стоять за пословъ или за купчинъ.

А будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорити о цесаревыхъ посланникѣхъ, о Юзуфѣ да о Адамѣ Дорнѣ, что они посланы отъ цесаря къ шахову величеству, и царское величество для чего ихъ въ своемъ государствѣ велѣлъ задержать и къ шаху ихъ не отпустить? —

И князю Михайлу Петровичю съ товарищи говорити про цесаревыхъ посланниковъ, про Юзуфа и про Адама Дарна, шахову величеству и имъ, ближнимъ людямъ, объявляютъ: какъ по милости и волѣ всемогущаго Бога и по племяннѣ великихъ государей царей російскихъ, и по избранью и по челобитью всѣхъ людей Московского государства, великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ и вѣнчался царскимъ своимъ вѣнцомъ и діадимомъ, по древнему своему царскому чину и достоинію, — и того жъ лѣта пришелъ въ великаго государя нашего государства великаго государя вашего шаха Аббасова величества посланникъ Муршу Кулы бежъ, а съ нимъ вмѣстѣ пришелъ отъ цесаря посланникъ цесаревъ Юзуеъ. И приказывалъ тотъ Юзуеъ царского величества бояромъ и въ разговорехъ говорилъ, что онъ посланъ великаго государя нашего отъ брата, отъ Матяша цесаря, къ брату жъ великаго государя нашего къ шаху Аббасову величеству въ послѣхъ для великаго добродѣла, которые годны всѣмъ великимъ государемъ, и великому бѣ государю нашему, для государя ево, Матяша цесаря, братцкіе любви, пропустить ево къ шахову величеству черезъ свои великіе государства. А шелъ онъ, Юзуеъ, въ великаго государя нашего государства черезъ злово царского величества недруга Польскую и Литовскую землю, и у польского короля былъ. И великому было государю нашему черезъ свои великіе государства и пропустить непригоже, потому что онъ шелъ черезъ польского короля землю и у польского короля былъ; а польского Жигимонта короля многіе неправды къ великому государю нашему и къ его великимъ государствамъ ему, вели-

кому государю вашему шахъ Аббасову величеству да и во всѣхъ окрестныхъ государствахъ вѣдомы. И великій государь нашъ, его царское величество, хотя съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, быти въ крѣпкой братственной сердечной дружбѣ и любви, черезъ свои великіе государства пропустить было ево къ шахову величеству велѣлъ, и почестъ ему велѣлъ чинити во всемъ по посольскому обычаю, и отпустить ево велѣлъ своего царского величества въ вотчину въ Казань не на долгое время, покамѣста къ шахову величеству въ Перситцкое государство дорога на Астараханъ очиститца, и кормъ ему давать велѣлъ доволенъ. И тотъ цесаревъ посоль Юзуевъ, будучи въ великого государя нашего государствѣ, въ Казани, почалъ дѣлать не посольскимъ обычаемъ, лазучествомъ, учалъ къ себѣ призывать польскихъ и литовскихъ людей, которые сидѣли великого государя нашего государствѣ въ Москвѣ, и Московское государство разоряли, и кровь крестьянскую невинно проливали, а нынѣ взяты въ полонъ, и съ ними почалъ о всякомъ злѣ на великого государя нашего и на ево великіе государства умышлять, и съ польскимъ королемъ грамотеи и словеснымъ приказомъ ссылатца, и въ томъ на него многіе польскіе и литовскіе люди, и его Юзуевы, люди свидѣтельствовали и обличили, и грамотки за его Юзуевою рукою и печатью у него къ польскому королю и къ паномъ радѣ выняли; а писалъ Юзуевъ въ тѣхъ своихъ грамотахъ хъ королю и къ паномъ раде измѣною и воровствомъ про великого государя нашего государства, затѣявъ многіе смутныя рѣчи, чего не бывало и впередъ, по милости Божіей и великого государя нашего счастьемъ, не будетъ. Да и великого государя вашего шахъ Аббасовъ посланникъ Маршу Кулы бекъ, будучи на Москвѣ и въ Казани, царского величества къ бояромъ про того Юзуева приказывалъ, что тотъ цесаревъ посоль Юзуевъ, идучи въ великого государя нашего государство Польскою землею, у польского короля былъ, и пришелъ де онъ въ великого государя нашего государство по приказу польского короля на смуту жъ, и къ брату нашему, къ великому государю, къ шахъ Аббасову величеству, простица, хотя великого государя нашего съ шаховымъ величествомъ ссорить, а не для доброго дѣла. И великому государю нашему того Юзуева нынѣ и впередъ, за таковое ево многое воровство и измѣну, къ шахову величеству и къ государю ево, къ цесарю, изъ своего государства отпустить никакъ не возможно, и къ государю ево къ цесарскому величеству великій государь нашъ про то ево воровство и измѣну писалъ.

А цесарской же посоль Адамъ Дорнъ пришелъ въ великого государя нашего государство, царьского величества съ переводчикомъ съ Еремѣемъ Еремѣевымъ вмѣстѣ; а посланъ былъ тотъ переводчикъ къ Матяшу цесарю царского величества отъ бояръ и ото всеѣ земли до обиранья на все великіе Російскіе государства великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи; а та смута, которая учинилась въ великихъ Російскихъ государствахъ отъ польского короля, въ тѣ поры еще не поминалась, и дорога еще къ шахову величеству въ Персидцкое государство въ тѣ поры была не очищена для того, что по Жигимонтовѣ жъ королевской ссорѣ и злomu его умышленью, царьского величества отчина, Астараханское государство было въ смутѣ. Были въ Астарахани воры Ивашко Зарутцкой да воеводы сендомирского дочь воровская жена Маринка, и по Жигимонтову велѣнью смуту дѣлали, а дорога къ шахову величеству въ Персидцкое государство изъ нашихъ государствъ одна: рѣкою Волгою на Астарахань — про то шахову величеству самому вѣдомо. И великій государь нашъ цесареву послу указалъ постоять своего царьсково величества въ вотчинѣ въ Ярославлѣ, и честь ему и береженье во всемъ велѣли держать, и кормъ доволенъ давать. И писалъ великій государь нашъ, его царьское величество, къ брату своему къ великому государю, къ цесарскому величеству, о посланника его Юзуа воровствѣ и о Адамѣ Дорнѣ, что его пропустить нельзя: дороги нѣтъ, и покажѣста будетъ о томъ письмо къ царьскому величеству отъ цесарского величества, до тѣхъ мѣстъ Адаму Дорну побити въ великого государя нашего государствѣ.

А будетъ шахъ, или ево ближніе люди учнутъ князя Михайла Петровича съ товарищи спрашивать про Ивашка Зарутцково и про Маринку, гдѣ они нынѣ, и смута ихъ воровская ужли поминалась? —

И князю Михайлу съ товарищи говорити: какъ по милости Божіей Московского государства бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ всякіе люди всего Російского государства, стоя подъ Московскимъ государствомъ, учили чинить польскимъ и литовскимъ людямъ утѣсненье великое, и Московсково государства доступать, а воръ Ивашко Зарутцкой въ тѣ поры подъ Москвою былъ съ ними жъ вмѣстѣ, и узнавъ Російского государства бояръ и воеводъ, и всякихъ ратныхъ людей крѣпкое стоянье и промыслъ, а польскихъ и литовскихъ людей противъ Московского государства ратныхъ людей изнеможенье и свое воровство, что онъ съ польскимъ и съ литовскимъ королемъ и съ польскими и съ литовскими людьми на всякое зло Російскому государству ссылался,

исъ подъ Москвы побѣжалъ, и взявъ съ собою прежнихъ вѣдомыхъ воровъ и богоотступниковъ, которые по злomu жъ умыслу польсково Жигимонта короля назывались государскими дѣтьми ложно, жену воеводы сендомирского дочь Маринку; и збѣжалъ царьсково величества въ вотчину въ Астарахани; а къ нимъ въ Астарахани пристали прежніе воры, которые воровали въ смутное и въ безгосударное время и воровъ государскими дѣтьми называли ложно съ ними вмѣстѣ, и будучи въ Астарахани, хотѣли своимъ злымъ умысломъ заводить такое жъ воровство по прежнему. И великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ, учиняся на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, послалъ на вора и на измѣнника своего, на Ивашка Зарутцкого бояръ своихъ и воеводъ, князя Ивана Никитича Одоевского съ товарищи, съ своими многими ратными людьми, и Божіею милостию, а ево государскимъ счастьемъ и бодроопаснымъ содержательствомъ, царьсково величества бояря и воеводы Астарахань взяли и воровъ, которые были съ воровъ, съ Ивашкомъ Зарутцкимъ, въ совѣтѣ, и польскихъ и литовскихъ людей побили на голову; а вора Ивашка Зорутцково и Маринку съ сыномъ, и иныхъ пущихъ воровъ поймали и привели ко государю къ Москвѣ. И по своимъ злымъ дѣламъ Ивашко Зарутцкой и Маринкинъ сынъ казнены. И Божіею милостию, а великого государя нашего счастьемъ, отчина ево царьсково величества Астараханское государство отъ воровскіе смуты очистилась и воровская смута поминалась вся, и нынѣ въ Астарахани и на Терѣ воеводы и всякіе служилые и жилецкіе люди живутъ по прежнему.

Да память посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи: какъ будутъ съ шаховыми ближними людьми въ отвѣтѣ и учнутъ говорити о государскихъ дѣлѣхъ, и будетъ учнутъ шаховы ближніе люди говорити о тѣхъ дѣлѣхъ, о которыхъ дѣлѣхъ шаховы послы ко государю письмо прислали и зъ бояры въ отвѣтѣ говорили, а отвѣту на тѣ дѣла у бояръ письменого не взяли, и въ грамотѣ отъ государя къ шаху о тѣхъ дѣлѣхъ не писано, потому что отъ шаха въ тѣхъ дѣлѣхъ въ грамотѣ ко государю не писано, и на посольствѣ передъ государемъ послы въ рѣчи того отъ шаха не говорили.

Будетъ учнутъ говорити шахъ самъ, или шаховы ближніе люди: приказывалъ къ царьскому величеству государь ихъ шахъ Аббасово величество, чтобъ царьскому величеству велѣть попрежнему на Койсѣ и въ Таркахъ, хотя и до Дербени поставить города; а въ помощь

государь ихъ шахъ Аббасово величество къ царскому величеству пришлетъ своихъ ратныхъ людей тысячъ тридцать, или сорокъ, или сколько будетъ царскому величеству годно, и о томъ государь ихъ приказалъ и ближнему своему Исупъ хану, только царского величества изъ городовъ пришлютъ царского величества воеводы о ратныхъ людехъ, или о какихъ дѣлехъ нибуди хоти стрѣльца; а государю ихъ шахъ Аббасову величеству въ тѣ поры любо лучитца гдѣ вдали быти, и Исупъ ханъ бы, не посылая съ тою вѣстью къ государю ихъ, тотъ бы часъ ратныхъ людей послалъ въ помощь къ государевымъ воеводамъ изъ которыхъ городовъ присылка будетъ. И великому государю нашему, его царскому величеству, самому то надобно, что на Койсѣ и въ Таркахъ города поставить, да нынѣ того вскорѣ его царскому величеству, за войною съ недругомъ своимъ съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ и съ его Польскою и съ Литовскою землею учинити не мочно: про то самому государю ихъ шахъ Аббасову величеству и имъ, ближнимъ людямъ, вѣдомо подлинно, что царское величество, отставя всякіе дѣла, ведетъ войну съ недругомъ своимъ съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ и съ его Польскою и съ Литовскою землею, и нынѣ всего великого Російсково государства всѣхъ городовъ всякіе ратные люди противъ польсково короля и противъ ево Польскіе и Литовскіе земли стоятъ. А какъ по милости Божіей, царское величество съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ поуправится, и царское величество на Койсѣ, и на Суншѣ, и въ Таркахъ, и въ иныхъ въ которыхъ будетъ мѣстѣхъ пригоже, города велитъ поставити тотчасъ, и людей и запасы въ тѣхъ городехъ велитъ государь устроить и учнетъ его царское величество на общихъ своихъ недруговъ съ шаховымъ величествомъ стояти заодно.

А будетъ учнутъ говорити шахъ, или его ближніе люди, что государь ихъ шахъ Аббасово величество хочеть великому государю нашему, его царскому величеству, своихъ ратныхъ людей въ помощь давати, какъ царское величество станеть тѣ города ставить, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: великій государь нашъ, его царское величество, то отъ брата своего отъ великого государя вашего шахъ Аббасова величества принмаеть въ любовь, и противъ того ему, брату своему, великому государю шахъ Аббасову величеству также будетъ воздавать своею царскою любовью, гдѣ будетъ его царскому величеству возможно. И будетъ великому государю нашему въ тѣ поры, какъ ево царское вели-

чество тѣ города велить ставить, ратные прибылые люди надобе, и великій государь нашъ, его царское величество, о томъ съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ впередъ обошлетца.

А будетъ шахъ, или его ближніе люди учнутъ говорить, чтобъ великому государю кумьтцкимъ княземъ и ихъ людемъ ни въ чемъ не вѣрйти, потому что въ нихъ правды нѣтъ, и впередъ отъ нихъ правды ждать нечего: одинъ въ кумьтцкихъ князехъ у государя ихъ шахъ Аббасова величества въ послушаньѣ Гирѣй князь, и царскому бѣ величеству и тому вѣрйти не велѣтъ, лише бѣ царскому величеству велѣтъ ему вѣрйти въ томъ дѣлѣ, о каковѣ дѣлѣ къ его царскому величеству государь вашъ, шахъ Аббасово величество, пришлетъ грамоту за своею малою печатью, которую онъ на своей рукѣ носить. А только государь велить поставить города по старымъ мѣстомъ, и шахъ Аббасово величество Гирѣя князя хочетъ перевести со всѣмъ кабакомъ въ свое государство въ украинное мѣсто, чтобъ отъ Кумыкъ подалѣ и чтобъ межъ царского величества и его шахъ Аббасова величества государствъ иныхъ сусѣдей никого не было. —

И посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: въ кумьтцкихъ князехъ и въ мурзахъ при великого государя нашего государствѣ нивакихъ неправдъ къ его царскому величеству не объявлялось, и къ недругомъ царского величества ни хъ которымъ не приставаютъ живутъ, и царскому величеству служить во всей царского величества волѣ, и въ государя нашего отчину на Терекъ къ царского величества воеводамъ о всякихъ ево государевыхъ дѣлѣхъ приѣзжаютъ, и къ брату своему, къ великому государю вашему шахъ Аббасову величеству, великій государь нашъ грубостей ихъ и неправдъ ни которыхъ при своемъ государствѣ не вѣдаетъ же и не слышалъ. А будетъ впередъ въ кумьтцкихъ, или въ черкасскихъ князехъ передъ великимъ государемъ нашимъ, передъ его царскимъ величествомъ, объявятца какіе неправды или ссоры, или учнутъ царского величества, или брата его, великого государя вашего шахъ Аббасова величества, къ общимъ недругомъ приставать, или великому государю нашему грубости или непослушанье которое похотятъ чинить, и великій государь нашъ, его ц. в., кумьтцкимъ и черваскимъ княземъ терпѣти не учнетъ, потому надъ ними смотря и наказанье имъ велить учинить, и въ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, о томъ ссылатись учнетъ, какъ бы надъ ними его царского величества дѣломъ промышлять.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что шаховымъ торговымъ людямъ царского величества отъ астраханскихъ воеводъ и отъ дьяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обида великая: таможенные будто головы емлютъ съ ихъ торговыхъ людей пошлыны не по великого государя нашего указу, передъ рускими людьми вдвое, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: какъ Абасъ шахова величества послы, Кая бекъ да Булатъ бекъ, на царского величества дворѣ въ отвѣте царского в-ва зъ бояры, зъ бояриномъ и намѣстникомъ нижегородскимъ, со княземъ Олѣксѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ-Ярославскимъ, по царского величества приказу его царского величества бояринъ и намѣстникъ нижегородской князь Олексѣй Юрьевичъ съ товарищи государя вашего пословъ, Кая салтана да Булатъ бека, допрашивали, чтобъ они имъ про то объявили подлинно, хто царского величества воеводъ и дьяковъ, и толмачей, и таможенныхъ головъ, государя вашего шахъ Аббасова величества торговымъ людямъ какое насильство и продажу дѣлають, и кому имянемъ какое насильство и продажу учинили, и у кого имянемъ у шаховыхъ людей таможенные головы и съ какихъ товаровъ пошлыны вдвое взяли? И великій государь нашъ его ц. в. для брата своего, великого государя вашего шахъ Аббасова величества, братственные дружбы и любви, тотъ часъ про то про все свое царское повелѣніе пошлетъ, а велитъ про то сыскать накрѣпко, а по сыску велитъ надъ воеводами и надъ дьяки, и надъ толмачи, и надъ таможенными головами, хто государя вашего шахъ Аббасова величества людямъ обиды и насильства и продажу учинилъ, наказанье учинить нещадно. И государя вашего послы про то имянно не сказали, въ которое время и которые воеводы, и хто царского величества приказные люди и таможенные головы, и хто толмачи имянно такъ негораздо дѣлали, только царское величество, хотя впередъ быти зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ съ шахъ Аббасовымъ величествомъ, въ нелицемѣрной братственной дружбѣ и любви, и въ ссылкѣ, свое царское повелѣніе въ свои царскія отчины, въ Казань и въ Асторохань, и на Терекъ своего царского величества въ бояромъ и воеводамъ, и въ дьякомъ, и ко всякимъ приказнымъ людямъ послалъ съ великимъ запрещеньемъ, чтобъ онѣ государя вашего торговыхъ и всякихъ людей ото всякихъ обидъ и насильствъ оберегали, и самимъ имъ никакихъ обидъ и насильствъ и продажъ не дѣлали, и тѣмъ межъ великого государя нашего, его царского величества, и государя вашего шахъ Аббасова величества, и межъ ихъ великихъ государствъ ссоры и

недружбы не вчинали; а хто учнетъ государя вашего торговимъ и всякимъ людемъ ихъ, боярскимъ и дьячимъ, и всякихъ его царского величества приказныхъ людей, небереженьемъ чинить обиды какіе и насильства, и продажи, или сами они учнутъ имъ чинить насильства жъ и обиды, и продажи, а про то сыщетца, и его царскому в-ву учинится вѣдомо подлинно, и имъ за то отъ царского величества будетъ наказанье нещадно.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что пріѣхалъ съ государя ихъ послы государя ихъ торговой человекъ Байрамъ, а съ нимъ немного шаховы казны товаровъ и съ того будто Байрама таможенные головы взяли пошлину вдвое, а у него царского величества жалованная грамота, что ему торговать безошлинно на пять сотъ рублей, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, имъ говорити: писали къ царскому величеству о томъ Байрамъ изъ Астарахани воеводы, князь Ондрѣй Ондрѣевичъ Хованской съ товарищи, что въ прошломъ во 125-мъ году пріѣхалъ съ Терки въ Астарахань терской жилаецъ Барамъ съ товаромъ, а сказалъ имъ, что у него тотъ товаръ государя вашего шахъ Аббасова величества, а велѣлъ деи ему тотъ товаръ свой продать, а грамоты деи съ нимъ о томъ товарѣ отъ государя вашего нѣтъ, а пошлинъ съ того товару довелось на Барамъ взять 94 рубли и 32 алтина пол-3 деньги, и о они о томъ объ указѣ писали къ великому государю нашему, къ его ц. в., а пошлинъ съ него безъ указу царского величества приказные люди не взяли. И по царского величества указу, послана въ Астарахань его царского величества къ воеводамъ, во князю Ондрѣю Хованскому съ товарищи, грамота съ государя жъ вашего послы вѣстѣ, а велѣно про то сыскать и государя вашего торгового человека Барамма допросити подлинно: прямо ли тѣ товары пришли государя вашего и для чего о тѣхъ товарѣхъ съ нимъ государя вашего грамоты нѣтъ, и не ложно-ли тотъ Барамъ называетъ тѣ товары государя вашего? да будетъ тѣ товары государя вашего, и его царское величество для великого государя вашего братственныи дружбы и любви съ тѣхъ товаровъ пошлинъ имать не велѣлъ, да и сверхъ того свое царское повелѣнье въ Астарахань и въ Казань, и на Терекъ къ бояромъ и воеводамъ, и къ дьякомъ, и ко всякимъ приказнымъ людемъ послалъ, чтобъ они и впередъ съ великого государя вашего со всякихъ съ его шахъ Аббасовыхъ товаровъ, которые учнутъ приходити съ его торговыми людьми, пошлинъ ни въ которыхъ городѣхъ не имали, про то и посломъ государя вашего объявлено, и грамоты

царского величества съ ними жъ посланы. А въ Асторахани посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи, о томъ Байрамъ воеводамъ говорити, чтобъ они по той государевъ грамотѣ Байрамку уважь учинили, чтобъ имъ, посломъ, было что, прѣхавъ, про то сказать шаху, чтобъ межъ государя и межъ шаха за то нелюбья и государеву дѣлу помѣшки не было, да что Байрамку по государевъ грамотѣ учинять, и имъ по тому и шаховымъ людямъ свазать, чтобъ то дѣло очистить, чтобъ шаху досады не было.

А будетъ учнуть шахъ, или его ближніе люди говорити, что будто въ Астарахани, вазвавъ къ себѣ, воеводы государя ихъ шахова Хожъ Сентова человекъ и подмѣта у него двѣсти рублевъ денсгъ, оманули и его крестили, а деньги взяли себѣ и того малово привезли они съ собою къ Москвѣ, и царского величества къ приказнымъ людямъ для роспросу прислали, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: то дѣлалось тѣмъ обычаемъ: въ прошломъ во 125-мъ году писали къ царскому величеству изъ Астарахани воеводы, что тотъ малой пришелъ къ нимъ въ розрядную избу самъ и сказался родомъ крестьянинъ Переславля Резанского села Петровского нашенного человекъ сынъ, а взяли ево въ полонъ нагайскіе тотаровя мала, и былъ онъ въ нагаехъ и въ черкасехъ, а всъ черкасъ продали ево въ Шамаху, а въ Шамахѣ жилъ у тезика у Хози Алея, а Хозя продалъ ево тезику жъ Сенту, а тезикъ Сентъ прислалъ ево въ Астараханъ съ товары, вмѣстѣ съ Гирѣвнымъ человекомъ Сентомъ, и онъ ден, испродавъ всѣ товары, изъ Астарахани назадъ въ Шамаху ѣхать не похотѣлъ и пришелъ въ Астараханъ къ нимъ, воеводамъ, и сказался родомъ крестьянинъ, и хочетъ быти въ нашей православной хрестыанской вѣрѣ, и они ево дали подъ начало царского величества богомольцу астораканскому архіепископу, да и самъ тотъ малой на Москвѣ царского величества приказнымъ людямъ въ роспросѣ сказалъ, что онъ родомъ русакъ, уроженецъ Переславля Резанского, села Петровского, и отца и матеръ помнитъ, а взяли ден ево въ полонъ нагайскіе люди мала, и въ полону онъ былъ въ нагаехъ и въ черкасехъ, и въ Шамахѣ двенадцать лѣтъ, а въ Астараханъ прѣхалъ съ Гирѣвнымъ человекомъ съ гялянцомъ съ Сентомъ, и какъ ден онъ исторговался, и онъ изъ Астарахани назадъ не поѣхалъ, потому что онъ мусульманской вѣры держать не похотѣлъ, а похотѣлъ держать нашу православную хрестыанскую вѣру, и пришедъ, о томъ былъ челомъ царского величества воеводамъ, чтобъ ево приняли, и воеводы ево приняли, и въ Астарахани держали ево подъ началомъ, и крещенъ онъ опять въ нашу истинную право-

славную хрестыанскую вѣру; а изъ Асторахани онъ прѣикалъ съ государя нашего послы вмѣстѣ для жь того, чтобъ ему быти въ Російскомъ государствѣ въ православной хрестыанской вѣрѣ, и его было царскому величеству изъ православной хрестыанской вѣры греческаго закона назадъ отдать не мочно.

Да говорили государя вашего послы про деньги, что будто съ того малого взяли царского величества астораханскіе воеводы двѣсти рублевъ, и то дѣлалось такъ: писали къ царскому величеству изъ Асторахани царского величества воеводы: какъ тотъ малой Лачинко, отставъ отъ тезика, отъ Сеита, пришелъ къ нимъ въ роврадную избу и сказался родомъ русакъ, и хотеть быти въ православной нашей хрестыанской вѣрѣ, и они, не вѣря тому малому въ сносѣ, велѣли ево обыскать передъ собою и нашли у него въ мошнѣ семь золотыхъ, да въ рубашкѣ у него жь было зашито заповѣдныхъ старыхъ рускихъ денегъ пятьдесятъ одинъ рубль съ полтиною, да тотъ же малой имъ сказалъ, что Гирѣвъ человекъ Сеитъ, съ которымъ онъ прѣѣзжалъ въ Астораханъ, повезъ изъ Асторахани на себѣ тайно, зашивъ въ рубашкѣ, заповѣдныхъ денегъ со сто рублевъ, и они по ево скаскѣ послали за тѣмъ тезикомъ обыскивать ево, на бусу, и нашли деи у того Гирѣва человека зашито въ рубашкѣ и привезли къ нимъ сто тринатцать рублевъ старыхъ московскихъ денегъ, и они тѣ деньги, что сняли съ малова и что нашли на бусѣ у Гирѣва человека, взяли въ нашу казну. И послѣ деи того писалъ къ нимъ съ Терки воевода Микита Вельяминовъ въ Гирѣвымъ человекомъ съ Тумулдукомъ, да и Гирѣй отъ себя къ нимъ въ Астораханъ съ снимъ же, съ Тумулдукомъ, писалъ, что тотъ малой збѣжалъ отъ человека его, отъ Сеита, а снесъ съ собою отъ того Сеита его, Гирѣвыхъ, да брата его, Илдаровыхъ, шездесять четыре рубли денегъ да семь золотыхъ, да съ человека его Сеита сняли ево жь, Гирѣвыхъ, да брата ево, Илдаровыхъ, старыхъ денегъ сто дватцать рублевъ, и имъ бы того малого и деньги, сыскавъ, отдать человеку ево Тумулдуку: и по царского величества указу, посланъ въ Астораханъ къ воеводамъ его царского величества указъ, а велѣно тѣ деньги и золотые, что снято съ малова и что взято у Гирѣва человека у Сеита, отослати къ Гирѣю князю, и тѣ деньги и золотые отосланы къ Гирѣю. Да и самъ тотъ малой въ роспросѣ царского величества приказнымъ людямъ сказалъ, что съ него взяли астораханскіе воеводы семь золотыхъ да пятьдесятъ одинъ рубль денегъ, да въ Гирѣва человека взяли сто дватцать рублевъ, будто ево, и государь бы вашъ Аббасъ шахово величество, и они, ближніе

люди, тѣхъ денегъ спрашивали на Гиреѣ князѣ и на его людехъ, которыхъ тѣ деньги по царского величества указу астороханскіе воеводы отдали.

А будеть шаховы ближніе люди учнуть говорить, что билъ челомъ царскому величеству государя жѣ ихъ посоль Булатъ бекъ: взялъ де у челоуѣка его на Теркѣ царского величества бояринъ и воевода Петръ Петровичъ Головинъ триста рублей денегъ, и тѣхъ де денегъ и по ся мѣста ему не отдано, и царскому бѣ величеству ево пожаловать, тѣ деньги, сыскавъ, велѣтъ ему отдать.—

И послѣмъ, князю Михайлу съ товарищи, говорити: про тѣ деньги сыскivano царского величества бояриномъ и воеводою Петромъ Петровичемъ Головинымъ, а въ сыску царского величества бояринъ нашъ сказалъ, что онъ у челоуѣка ево никакихъ денегъ въ царского величества казну не имывалъ, и челоуѣка ево никого не видалъ, а дѣлалось де тѣмъ обычаемъ: въ которомъ году, того не упомнить, были челомъ ему, Петру, пріѣхавъ на Терекъ изъ Асторохани, тезики на терскихъ стрѣльцовъ, а сказали ему, что будто послали они съ тѣми стрѣльцы изъ Асторохани двѣсти рублей денегъ, и они имъ не отдали, и онъ тѣмъ тезикомъ на тѣхъ стрѣльцовъ давалъ судъ, и на судѣ стрѣльцы въ тѣхъ деньгахъ отвѣчали, что они у нихъ денегъ двусотъ рублей не имывали, да слались на астороханскую проѣзжую грамоту, что тѣхъ денегъ и въ проѣзжей грамотѣ не написано, и онъ велѣлъ имъ положить передъ себя проѣзжую грамоту, и тезики де передъ него астороханскую проѣзжую грамоту клали, и онъ де, Петръ, тоѣ грамоты досматривалъ самъ, и въ той де грамотѣ товары всѣ, которые пошли съ ними на Терекъ, написаны имянно; а тѣхъ денегъ въ проѣзжей грамотѣ не написано, и онъ де Петръ тѣхъ тезиковъ про то имянно допрашивалъ: для чего у нихъ тѣ деньги въ проѣзжей грамотѣ не написаны, и по чему они въ тѣхъ деньгахъ стрѣльцомъ вѣрили? И тезики де сказали, что деньги у нихъ въ проѣзжей грамотѣ не написаны, а деньги они съ стрѣльцы послали, вѣря имъ, что они терскіе жильцы и съ ними всегда знаютца. И онъ де, Петръ, въ тѣхъ деньгахъ тезикомъ отказалъ по тому, что тѣ деньги въ проѣзжей грамотѣ не написаны. Только царское величество для братцкіе любительные любви съ шаховымъ величествомъ, чего было и не довелось, сверхъ боярскіе скаски Петра Петровича Головина, мимо Петра, велѣлъ про то сыскати на Теркѣ приказными и всякими людьми накрѣпко, а какъ про то сыщетца, и царское величество по тому и указъ свой царской велить учинить.

А будетъ учнутъ шаховы ближніе люди говорити, что билъ челомъ царскому величеству шаховъ посолъ Булатъ бекъ же, что въ Асторохани не стало человѣка его Хожа Сухамбедина, а послѣ того человѣка ево взяли астороханскіе воеводы живота ево Ііѳ анспрей шолку розноно цвѣту, и ему де того шелку и по ся мѣста не огдано, и царскому бѣ величеству ево пожаловать, велѣтъ тотъ шелкъ ему отдать, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: великій государь нашъ, его ц. в., про тотъ шелкъ сыскали своего царского величества приказными людьми, что тотъ человѣка ево шелкъ въ его царского величества казнѣ въ Асторохани, и ево пожаловалъ, тотъ шелкъ велѣлъ ему отдать, а будетъ тотъ шелкъ проданъ, и его царское величество велѣли ему, Булатъ беку, за тотъ шелкъ заплатить деньги изъ своей царскіе казны, и его царского величества повелѣнье въ Асторохань къ воеводамъ о томъ послано съ нимъ же, Булатъ бекомъ, и при нихъ царского величества воеводы Булатъ беку шелкъ отдали; или будетъ деньги заплатить, — какъ роздѣляютца съ нимъ, такъ и сказать.

А нѣчто шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что прислалъ къ царскому величеству крымской Шанъ Гирѣй царевичъ посла своего о томъ, чтобъ царское величество учинилъ ему помочь изъ Асторохани и съ Терки доступати ему отца своего Крымского юрта, да и шахова величества грамота къ царскому величеству о томъ съ Шанъ Гирѣевымъ царевичевымъ посломъ была жъ, да и самъ шахъ изъ своихъ усть о томъ къ царскому величеству съ посланникомъ, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ, и приказалъ, и что на то царского величества воля, съ чѣмъ царское величество къ Шанъ Гирѣю царевичю посла его отпустилъ: учинить-ли ему помочь отца ево Крымского юрта доступать? —

И посломъ, дворянину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи, говорити: царское величество о Шанъ Гирѣй царевичѣ пожалѣлъ, что онъ, царской сынъ, отца своего юрта отбылъ, только ему царскому величеству помочи некоторне учинити невозможно: вѣдомо шахову величеству самому, что царское величество нынѣ долгое время войну ведетъ съ недругомъ своимъ искони вѣчнымъ, съ польскимъ Жигмонтомъ королемъ, отстава всяміе дѣла.

Да память посломъ, дворянину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому, дворянину Ивану Ивановичю Чичѣрину, діяку Михайлу Тюхину: будетъ шахъ или его ближніе люди учнутъ спрашивать, какъ государь царь и великій князь Михайло

Федоровичъ в. Р. съ турскимъ сажтаномъ и съ крымскимъ царемъ, и съ цесаремъ римскимъ, и съ датскимъ, и съ аглинскимъ, и съ иными государи, о которыхъ спросать? —

И князю Михайлу Петровичю съ товарищи говорити: сами они вѣдаютъ и они имъ сказываютъ, что прежніе великіе государи наши цари російскіе со всѣми великими государи были въ миру и въ ссылѣ, а нынѣ, какъ по волѣ всемогущаго Бога, и по средству прежнихъ великихъ государей нашихъ царей російскихъ, и по избранію всякихъ людей всѣхъ городовъ всего великаго Російскаго царствія, учинился на Владимирскомъ и на Московскомъ государствѣ, и на всѣхъ великихъ государствахъ Російскаго царствія государемъ царемъ и великимъ княземъ всея Русіи самодержцемъ великій государь нашъ ц. и в. вн. Михайло Федоровичъ в. Р., и ему, великому государю нашему, недружбы некоторые со всѣми великими пограничными государи пѣтъ: всѣ его царскіе дружбы и любви съ собою желаютъ, и на всякого его государева недруга стоятъ съ нимъ, великимъ государемъ хотять заодно. А какъ великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Федоровичъ в. Р. с. на Московскомъ государствѣ учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія, и царское величество къ Аббасъ шахову в., такъ и ко всѣмъ государемъ, къ цесарю римскому, и къ аглинскому, и ко еранцовскому королемъ, государство свое обестити посылалъ пословъ своихъ и посланниковъ, и тѣ всѣ государи крестьянскіе царского величества прислали поздравлять на его великихъ и преславныхъ государствахъ, своихъ пословъ и посланниковъ, а поморскіе государи и голанскіе, и недерлянскіе владѣтели, и арцыкнязи, и курястры саской и брандерберской, и опалинской, и многіе князи нѣмецкіе рѣши сами безъ царского величества присылки прислали къ царскому величеству пословъ своихъ и посланниковъ поздравляти царское величество на его великихъ государствахъ, и просятъ всѣ крестьянскіе государи, чтобъ царское величество принялъ ихъ къ себѣ въ дружбу и въ любовь, а князей въ свое царское любительное жалованье, а они всѣ ему, царскому величеству, ради и тому обрадовались, что на тѣхъ великихъ Російскихъ государствахъ учинился онъ, великій государь, отъ прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ племяи, и всѣ ему царскому величеству хотять противъ недруга его польскаго короля, за его неправду, способствовать, oprичъ цесаря римскаго, а цесарь римской потому жъ съ царскимъ величествомъ въ ссылѣ и въ любви.

А крымской Джанъ бекъ Гирѣй царь, къ царьскому величеству поздравлять его, великого государя нашего, на ево великихъ и преславныхъ государствахъ присылалъ же, и та ссылка межъ царского величества и крымского царя была о порубежныхъ дѣлѣхъ, которые ссоры дѣлаютца въ украинныхъ городѣхъ, да и о томъ царское величество съ посланникомъ его писалъ, чтобъ крымской на царского величества землю войною не ходилъ, и съ польскимъ королемъ управлятца не помѣшалъ, а впередъ дружбы и любви межъ царского величества и крымского не будетъ.

А съ турецкими салтаны прежнимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ, и дядѣ великого государя нашего царю и великому князю Ѳедору Ивановичю в. Р. с. о дружбѣ и о любви ссылки не бывали; а какъ великіе государи учинялись на своихъ великихъ государствахъ, и они къ турецкимъ салтаномъ государство свое обестити посылавали; а турецкіе салтаны, учинясь на государствахъ, къ великимъ государемъ нашимъ государство свое по тому жъ обестити присылали, а великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. нынѣ учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія, по тому жъ посылаъ къ турецкому государству свое обестити и польского Жигимонта короля неправды объявити.

И будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что имъ самимъ то вѣдомо, что у государя вашего турецкого посланникъ на Москвѣ былъ, и государь вашъ того посланника къ турецкому отпустилъ, и своего посланника къ турецкому о дружбѣ и о любви послалъ, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорить: мы вамъ сказываемъ: какъ великій государь нашъ, его ц. в., учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російского царствія великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ в. Р. с., и онъ, великій государь нашъ, по прежнему обычею, какъ велось отъ прародителей его и ото всѣхъ великихъ государей также въ обычаехъ бываетъ, посылаъ къ турецкому государству свое обестити посланниковъ своихъ, и турецкой царского величества посланниковъ отпустилъ и своего былъ посланника Алѣя чеуша къ царскому величеству поздравляти его ц. в. на его великихъ государствахъ послалъ, какъ ведетца и у всѣхъ великихъ государей, что и къ другу и къ недругу государство свое обещивать посылаютъ, и тотъ, турецкого царя посланникъ, пришедъ на Донъ, умеръ и къ царскому величеству не дошелъ; а были на Москвѣ Арменья, купецкіе люди, а не турецкого царя посланники, а купецкіе

люди и во всё государства ходять безвозбранно. А нынѣ великій государь нашъ, его ц. в., своего сына боярского зъ грамотою къ турскому царю послалъ о томъ, что Казыева улуса мурзы учинились подъ великого государя нашего, его царского величества, высокою рукою, и онъ бы въ нихъ не вступался, да о обидныхъ и о купецкихъ дѣлѣхъ, что въ безгосударное время турецкой изъ Азова казакомъ, которые на Дону служатъ Московскому государству, многіе обиды чинилъ, и турецкой нынѣ того сына боярского и многихъ государевыхъ торговыхъ людей Московского государства задержалъ и по ся мѣста ихъ къ государю не отпустилъ, и впередъ съ нимъ царскому величеству дружбы за то не чають, потому что онъ государева посланника задержалъ и торговыхъ людей по ся мѣста не отпустить, и съ донскимъ казакомъ всегда у турецкихъ людей бой и война подъ турецкого города, подъ Азовомъ на Дону и на морѣ многую шкоту царского величества донскіе казаки турецкимъ людямъ починили и нынѣ чиняють.

А будетъ о томъ ихъ не спросяють, и имъ самимъ о томъ однолично не говорити.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ спрашивати: какъ зъ государемъ царемъ и в. кн. Михайломъ Федоровичемъ в. Р. свѣйской король, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи, говорити, что съ свѣйскимъ Адольфомъ королемъ великій государь нашъ царь и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., его ц. в., по ево присылкѣ и третъеваньемъ великого государя Якуба короля аглинского и швецкого, учинилъ вѣковѣчное мирное постановенъе, и записми и креснымъ цѣлованьемъ царского величества послы и свѣйского короля послы то вѣковѣчное мирное постановенъе межъ ихъ государей на обѣ стороны закрѣпили на томъ, что свѣйскому королю быти съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, въ сосѣдственной дружбѣ и въ любви на вѣки, и на всякого государева недруга, а именно на польского короля, стояти съ его царскимъ величествомъ зоодно, и царского величества отчину великій Новгородъ со всѣми пригороды и уѣзды, что было за свѣйскимъ королемъ въ безгосударное время царскому величеству отдалъ, и пословъ своихъ великихъ, Густава Стенбука съ товарищи, закрѣпяти того вѣчного миру, при ево царскомъ велиествѣ, его королевскою душею къ царскому величеству прислалъ, и тѣ послы, будучи у великого государя нашего, то вѣчное мирное постановенъе при ево царскомъ велиествѣ государя своего Густава Адольфа короля душею закрѣпили.

А будетъ спросятъ про нагаи, какъ нынѣ въ государевѣ жало, ванье большіе нагайскіе князи и мурзы и Казьева улуса, — и посломъ-князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: Нагаи завольскіе издавна служатъ великимъ государемъ нашимъ, а нынѣ великому государю нашему царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичю в. Р. большіе нагаи, Иштерекъ князь зъ братьею и зъ дѣтьми, и съ племянники, со всѣми своими улусы, и свыше прежнево учинились во всей царского величества волѣ, и шертъ и утверженье царскому величеству дали передъ царского величества дворяны, Иштерекъ князь съ дѣтьми и зъ братьями передъ Сунгуромъ Соковнинимъ, а послѣ того передъ Сеонасьемъ Нарматцвимъ съ товарищи, и пословъ своихъ съ тѣмъ къ царскому величеству прислалъ, что они ему, государю, правду дали, на куранѣ шертъ учинили, что учинились въ прямомъ холопствѣ на вѣки неотступно, и царское бѣ величество ихъ держалъ въ своемъ царскомъ жалованѣ попрежнему, и государь ихъ, пословъ, пожаловалъ въ нимъ отпустилъ, и своихъ дѣтей боярскихъ къ нимъ съ своимъ царскимъ жаловальнымъ словомъ послалъ, что ихъ государь пожаловалъ попрежнему, и они бѣ царскому величеству служили, и во всемъ на его царскую милость и жалованье были надежны: и нынѣ нагайскіе люди, Иштерекъ князь и Нурадынъ Шайтерекъ мурза зъ братьею и зъ дѣтьми, и съ племянники въ царскомъ жалованѣ и въ повелѣнѣ по тому жъ, какъ былъ при прежнихъ великихъ государехъ царехъ и великихъ князехъ російскихъ.

А будетъ шахъ, или шаховы ближніе люди учнутъ говорити, что сказываютъ, что нагайскіе люди, князи и мурзы, служатъ государю въ его царскомъ повелѣнѣ, а нынѣ имъ вѣдомо учинилося, что с-Иштерскова княжево повелѣнья приходили нагайскіе мурзы въ Кабарду, на Казыя князя Шепшукова, и его убили, и Кабардинскую землю многіе мѣста повоевали, и только бѣ государю служили нагаи, и они бѣ государевыхъ холопей не воевали, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: учинилась межъ ихъ ссора съ улусными людьми, то дѣлалось еще до тѣхъ мѣстъ, пока мѣста Иштерекъ князь и мурзы царскому величеству не шертовали.

А Казьева улуса нагаи тѣ были поотступили отъ великого государя нашего блаженные памяти царя и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. с., и великій государь нашъ блаженные памяти ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичъ в. Р. с. указъ свой царской послалъ къ большимъ нагаемъ, а велѣлъ тѣхъ Казьева улуса нагай посмирить, и великого государя нашего, его царского величества искони вѣчные холопи большіе нагаи

на нихъ ходили и ихъ повоевали, и розгромили, и жены и дѣти и улусы ихъ къ себѣ поимали. А при царѣ Борисѣ астраханскіе воеводы посылали на достальныхъ Казыева улуса на мурзъ и на улусныхъ людей большихъ нагай, а съ ними астраханскихъ стрѣльцовъ, и въ тѣ поры достальныхъ всѣхъ Казыева улуса людей разорили, и не кочуютъ нынѣ тутъ никто. А нынѣ, услыша про великого государя нашего царя и великого князя Михайла Федоровича в. Р. с., что его, великого государя, Богъ учинилъ на его царскомъ престолѣ, на Московскомъ государствѣ, царемъ и великимъ княземъ в. Р. с., Казыева улуса князи и всѣ мурзы присылали къ великому государю нашему поздравляти его царское величество на его царскомъ престолѣ и били челомъ царскому величеству, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ быти подь своею царскою рукою такъ же, какъ и большимъ нагаемъ, и великій государь нашъ его ц. в. Казыева улуса князей и мурзъ пожаловалъ, велѣлъ имъ быти подь своею царского величества рукою, и Казыева улуса князи и мурзы со всѣми своими улусы великому государю нашему служить и прямиать такъ же, какъ и большіе нагаи.

А будетъ шаковы ближніе люди учнутъ имъ говорить, что имъ то вѣдомо, что въ прошломъ во 123-мъ году, Казыева улуса мурзы приходили на государя вашего землю и воевали блиско Москвы по турского царя велѣнью, и нынѣ въ государевѣ землѣ ходять, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: Казыева улуса мурзы на государя нашего землю войною не ходили и блиско Москвы не бывали, то вамъ сказывалъ нѣкто, не вѣдая; а какъ царское величество послалъ Казыева улуса мурзамъ свое царское повелѣнье, чтобъ они были подь его царского величества высокою рукою и на всякого его государева недруга съ своими ратьми ходили, куды имъ царского величества повелѣнье будетъ, — и большихъ нагай и Казыева улуса мурзы, собрався тысячъ ихъ съ шездесять, пришли блиско государевыхъ украинскихъ польскихъ городовъ, которые подошли къ Польской и въ Литовской землѣ, и прислали къ царскому величеству пословъ своихъ, куды имъ царское величество повелѣтъ итти, на которого своего государева недруга: на польского короля землю, или на иного которого своего государева недруга? И царское величество пословъ ихъ отпустилъ, и своихъ дѣтей боярскихъ съ своимъ царскимъ повелѣньемъ къ нимъ посылаелъ, а велѣлъ имъ всѣмъ итти войною на польского короля землю, и большихъ нагай и Казыева улуса мурзы со всѣми своими ратными людьми, тысячъ ихъ съ шездесять,

по царского величества повелѣнью ходили на польского короля землю войною.

А нѣчто спросать про Сибирь, какъ нынѣ Сибирская земля, попрежнему ль, какъ была при прежнихъ государехъ, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: Сибирская земля въ государевѣ жалованьѣ, что и московскіе города, и многіе въ ней государевы города и люди въ нихъ многіе государевы устроены ратные и жилетцкіе торговые люди, и пашни многіе, и тамошніе люди сибирцы многіе крестились. И какъ царское величество учинился на Московскомъ государствѣ, и въ тѣ поры на Москвѣ были многіе сибирскіе люди, и они царскому величеству обрадовались, какъ есть государевы прирожденные холопи, что и московскіе жъ люди. А какъ была въ Московскомъ государствѣ смута по грѣху, а въ Сибири никакъ никто не соблазнился, все была къ Московскому государству.

Да какъ, о жъ дастъ Богъ, шахъ ихъ отпустить и пошлетъ ли съ ними своихъ пословъ и съ ними казны государю на вспоможенье, или казны не пошлетъ, и съ чѣмъ съ ними пословъ своихъ пошлетъ, и что о казнѣ и о иныхъ государскихъ дѣлахъ съ ними шахъ и шаховы ближніе люди поговорять, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, о томъ отписать ко государю наскоро, напередъ себя, изъ Кабарды, только пойдутъ на Кабарду, и съ Терекъ и изъ Астарахани, чтобъ государю про то было вѣдомо.

Да память посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи: какъ они придутъ въ Астарахань или на Терекъ, а вѣсть имъ учиница въ Астарахани или на Терекѣ, или гдѣ въ дорогѣ, что Божиимъ судомъ Аббасъ шаха въ живогѣ не стало, а на его мѣсто учинился будетъ на государствѣ сынъ „ или братъ, или племянникъ, и къ тому новому шаху идти. Да какъ имъ велитъ тотъ новый шахъ быти у себя на посольствѣ, и посломъ, пришедъ, говорити: Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. (*титулъ*) его царское величество, послалъ былъ насъ къ брату своему, къ Аббасъ шахову величеству, съ послы ево, съ Кая бекомъ да зъ Булатъ бекомъ вмѣстѣ, о братственной дружбѣ и о любви, и о иныхъ о добрыхъ дѣлахъ, которые пристоятъ обѣимъ великимъ государемъ и ихъ великимъ государствамъ къ доброму дѣлу, а о томъ намъ царского величества приказъ есть: будетъ судомъ Божиимъ Аббасъ шахова величества не стало, а хто на ево мѣсто на Персидскомъ государствѣ учинился государемъ, и намъ царское величество приказалъ тому шаху посольство правити и тѣ дѣла о брацкой любви

объявити. Да править имъ отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. тому новому шаху поклонъ и грамота подати, и рѣчь говорити, и поминогъ явити по государеву наказу, какъ велѣно править и Аббасъ шаху.

И о всемъ, будучи въ Кизылбашской землѣ и у нового шаха, дѣлати и промышляти, и о чемъ ихъ вспросятъ, говорити по сему жъ государеву цареву и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. наказу, какъ имъ велѣно дѣлати у Аббасъ шаха.

И будучи имъ въ Кизылбашехъ, провѣдывати накрѣпко, какъ шахъ съ турскимъ салтаномъ и зъ бухарскимъ: въ миру ль, или не въ миру? и вновь кто хъ кизылбашскому шаху отъ турецкого или отъ бухарского послы и посланники бывали-ль? и будетъ были, и о чемъ приходили? и кизылбашской шахъ съ чѣмъ ихъ отпустилъ? и своихъ пословъ и посланниковъ къ турецкому и къ бухарскому послалъ-ли? и съ чемъ ихъ послалъ? и впередъ межъ ихъ чево чаять: миру ль или войны? и которые города поималъ шахъ вновь у турецкого? и будетъ поималъ, и которые города взялъ? и многая ль рать у кизылбашского шаха, какъ вся рать збираетца? и съ иными съ которыми государи шаху ссылка есть ли? и кто шаху на турецкого помогаетъ? и какъ шахъ нынѣ зъ бухарскимъ и съ юргенскимъ, и съ кумыцкими и кабардинскими князи? и которые кумыцкіе и кабардинскіе князи шаху прямать? и Гирѣи князь кумыцкой шаху ль прямить, или служить государю, и прямо ль государю служить? и кто нынѣ въ Иверской землѣ царь: врестьянскіе ль, или мусульманскіе вѣры? и каковы которые государства сидю и людьми и богатствомъ, о томъ о всемъ, подлинно провѣдавъ, себѣ записать. А пріѣхавъ къ Москвѣ, сказати о томъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с.

И о всемъ посломъ, дворянину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи, государевымъ царевымъ и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. дѣломъ промышляти; дорогою ѣдучи и въ городѣхъ, и будучи въ Кизылбашской землѣ, государевымъ дѣломъ промышляти по государеву цареву и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному цѣлованью правдою и по сему государеву наказу, и какъ ихъ Богъ вразумить, и какъ бы государеву имени къ чести и въ повышенью, а ево государеву дѣлу было прибыльнѣе, и розни бѣ межъ ихъ ни въ чемъ не было; а сесь государевъ царевъ и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. наказъ держати у себя тайно, а гдѣ будетъ, грѣхомъ, почаятъ себѣ какова недобра гдѣ нибудь, и имъ сесь государевъ наказъ уо-

ронити, или издрати, или сжечь, или въ воду утопить, чтобъ однолично сего государева наказу не вѣдать никому, и держать имъ у себя сесь государевъ наказъ однолично тайно, чтобъ опричь ихъ нихто у нихъ сего государева наказу не вѣдалъ.

А о казнѣ однолично шаху и его ближнимъ людямъ говорити накрѣпко и промышляти всякими мѣрами, чтобъ казны шахъ съ ними послалъ больша, тѣмъ бы имъ однолично государю послужить.

А будетъ судомъ Божиимъ въ шаховѣ землѣ изъ нихъ ково въ дорогѣ до посольства или послѣ посольства въ животѣ которого изъ пословъ не станеть,—и государево дѣло по сему государеву наказу дѣлать, которые останутца: къ шаху на посольство итти и отъ государя царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича в. Р. шаху посольство правити и грамота подати, и рѣчь говорити, и о всякихъ государевыхъ дѣлахъ съ шахомъ и зъ ближними людьми, о чемъ учнутъ спрашивать, говорити и о всемъ дѣлать по сему государеву наказу, какъ было имъ государево дѣло дѣлать вмѣстѣ.

Да память посломъ, дворянину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю съ товарищи: послано съ ними къ шаху отъ государя въ поминкахъ двенатцать кречетовъ да восемь чегликовъ кречатьихъ, и только надъ которымъ кречетомъ или надъ чегликомъ въ дорогѣ учинитца, которой заболить, вести будетъ нельзя, или которой умереть,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, въ того кречета или въ чеглика мѣсто, такихъ же птицъ сыскивать въ городѣхъ, гдѣ кого найдутъ; а гдѣ у кого кречета или чеглика сважутъ, и имъ у того та птица взяти на государя, и велѣти вести къ шаху въ выбыле мѣсто; а гдѣ надъ которою государевою птицею что учинитца, и у кого гдѣ въ то мѣсто птицу возмутъ, и имъ о томъ отписать къ государю.

А какъ будутъ у шаха, и птицы на посольствѣ отдадутъ, и нѣчто учнетъ къ нимъ шахъ присылать, какъ повѣдетъ тѣшитца, чтобъ прислали къ нему для птицъ государева кречетника, а его кречетники къ тѣмъ птицамъ не приобчылись,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, отговаривати: кречетники посланы со птицами того для, чтобъ ихъ довести здорово; а нынѣ они у шаховыхъ кречетниковъ, и шаховы кречетники ихъ приводятъ по своему, какъ имъ надобно, а государевымъ кречетникомъ ужъ нынѣ што за дѣло? а въ государевѣ наказѣ о томъ имъ не написано, что государевыхъ кречетниковъ съ шахомъ посылать на потѣху, и шахово бѣ величество того на нихъ не пыталъ, чтобъ имъ за то отъ государя въ опалѣ не быть.

А будетъ шахъ о томъ учнетъ приказывати накрѣпко, чтобъ присылати къ нему на потѣху государева кречетника, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, отговорився всякими мѣрами, будетъ отговоръ не иметь, государева кречетника послать, которой бы былъ досуужъ и навыченъ.

А будетъ учнутъ говорити накрѣпко отъ шаха, чтобъ велѣли государеву кречетнику государевыхъ птицъ къ ловлѣ привести, а отговоритца будетъ не мочно, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, велѣти государеву кречетнику птицъ приводить по ихъ обычаю, какъ государевы кречетники на то извычны.

А будетъ шахъ учнетъ говорити, чтобъ оставити у него для птицъ государева кречетника или двухъ на время, — и посломъ „ “ отговаривати: о томъ у нихъ государева указу нѣтъ, безъ государева указу ниѣ оставити не смѣтъ, чтобъ на нихъ того шахово величество не пыталъ, чтобъ имъ за то отъ государя въ опалѣ не быть, только имъ учинитъ безъ государева указу.

А будетъ шахъ за то упрямитца и учнетъ о томъ говорити накрѣпко, а государевъ ссыльѣ будетъ радъ, и во всемъ зъ государемъ похочетъ быти въ дружбѣ и въ любви, ко всякому добру будетъ придвиженъ, и на помочъ казны послати похочетъ, — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, оставити кречетника которого одного изъ молодыхъ, которой бы ко птицамъ зналъ гораздо, и во всемъ къ тому дѣлу былъ навыченъ, а оставити на время, и о томъ договоритца: какъ будетъ къ шаху иные государевы послы или посланники, или гонецъ, или отъ шаха къ государю послы жъ и посланники, или гонецъ, и шаху того государева кречетника отпустить съ ними, не задержавъ.

А нѣчто шахъ пришлетъ къ нимъ свое жалованье платъе на подворье, и велитъ имъ ѣхати въ своемъ платѣѣ, и кого къ нимъ о томъ пришлетъ, — и „ “ говорити: то государя вашего Аббасъ шахова величества къ великому государю нашему не любовь, а къ намъ то его не жалованье, безчестье, что намъ велитъ ѣхать въ своемъ жалованьѣ, въ платѣѣ. У великого государя нашего царя и великаго князя Михаила Федоровича в. Р. самодержца въ поведеньяхъ ведетца отъ предковъ его великихъ государей царей російскихъ: всѣхъ государей пословъ и посланниковъ государь жалуетъ, велитъ на нихъ свое государево жалованье власти при своихъ царскихъ очехъ. И только бъ шахъ насъ потому жъ пожаловалъ, велѣлъ на насъ свое жалованье положить передъ собою, въ томъ его воля;

а нынѣ намъ къ шаху ѣхати въ его платьѣ непригоже, тѣмъ бы насъ не безчестилъ: нашему закону противно, что ходити въ платьѣ не по своему обычаю. А которые послы и посланники, и гонцы бывали у прежнихъ великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей російскихъ, и нынѣ у великого государя нашего его царского величества, и тѣ всѣ видали царского величества очи въ своемъ платьѣ, по своему обычаю, а не въ царскомъ жалованьѣ, и шахъ бы надъ ними также велѣлъ учинить. Да однолично всякими мѣрами о томъ отговариватца, смотря по тамошнему дѣлу, и къ шаху въ его платьѣ не ходити.

Да память посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи: будетъ которые торговые люди похотятъ съ ними ѣхати въ Бизылбаши, или изъ которыхъ понизовыхъ городовъ, — и посломъ „
взяти съ собою торговыхъ людей немногихъ добрыхъ, кому бѣ мочно вѣрнати, съ поруками, хто бѣ былъ не воръ и не бражникъ; а бражниковъ, воровъ и иноземцовъ отнюдь никою не имати, а взяти съ собою человекъ до семи и до осми, а больши десети человекъ не имати. И по томъ заказати и самимъ того беречи накрѣпко, чтобъ тѣ торговые люди заповѣдныхъ товаровъ, птицъ никакихъ, и соболей, и куницъ, и бѣлокъ живыхъ, и желѣза, и воску, и никакихъ заповѣдныхъ товаровъ однолично съ собою не возили, и самимъ къ шаху въ поминкахъ птицъ никакихъ, кречетовъ, соколовъ и ястребовъ въ поминкахъ не носити.

Да память посломъ, дворянину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи: какъ они войдутъ въ шахову землю, и имъ, идучи къ шаху шаховою землею и будучи у шаха, до посольства, провѣдывати того накрѣпко, какъ нынѣ шахъ съ грузинскимъ царемъ и Грузинскою и с-Иверскою землею? грузинской царь нынѣ въ своей ли землѣ, и нѣтъ ли ему отъ шаха тѣсноты, и не сложился ль грузинской царь и Грузинская и Иверская земля съ турскимъ царемъ и съ иными государствы на шаха, и шаховы земли не воюютъ ли? Да будетъ они про то провѣдаютъ, что грузинской царь нынѣ въ своей землѣ, и отъ шаха ему и землѣ ево нѣкоторой войны и тѣсноты нѣтъ, и съ турскимъ царемъ грузинской царь съ своею землею на шаха не сложился, и рати ево съ турецкого царя ратью нѣтъ, — и посломъ про иверского царя и про его землю шаху на посольствѣ, или его ближнимъ людямъ въ розговорехъ говорити: какъ былъ отъ царского величества у шахъ Аббасова величества въ посланниехъ царского величества дворянинъ Федоръ Леонтьевъ, и шахъ Аббасово величество приказывалъ съ нимъ къ брату своему, къ великому государю

нашему, къ его царскому величеству, о Иверской землѣ, что государь вашъ, шахъ Аббасово величество, за Грузинскую землю царскому величеству не стоитъ и воевать ее впередъ не станеть, и царское величество отъ брата своего, отъ великого государя вашего, отъ шахъ Аббасова величества, принимаетъ то въ великую братственную сердечную и нелицемѣрную любовь, что онъ въ Иверскую землю вступатися не хочетъ, и тѣмъ къ великому государю нашему, къ его царскому величеству, братственную свою любовь и дружбу оказываетъ. А то великому государю вашему и вамъ, его ближнимъ людямъ, и самимъ вѣдомо подлинно, что Иверская земля, цари и князи, изначала православные крестьянскіе вѣры греческаго закона, а были на Иверской землѣ цари самовластны и ниѣмъ не обладаемы. Послѣ того, какъ извелись во Царѣ городѣ крестьянскіе государи, и какъ учала быти въ Иверской землѣ межъ царей и князей рознь и несогласье, а турецкой учалъ имъ многую тѣсноту чинить, и иверской Олександръ царь, видя себя беспомощна и не хотя быть отъ турецкого въ разореньѣ, били челомъ блаженные славные памяти дядѣ великого государя нашего, великому государю ц. и в. кн. Федору Ивановичю в. Р. с., чтобы онъ, великій государь ц. и в. кн. Федоръ Ивановичъ в. Р. с., для крестьянскіе вѣры, принялъ его подъ свою царскую высокую руку, и отъ турецкого салтана и отъ шевкала обороняти ево велѣлъ; а онъ зъ дѣтьми своими, съ царевичемъ Юрьемъ и со внучаты и со всею своею Иверскою землею отъ великихъ російскихъ государей царей неотступенъ будетъ на вѣки: и на томъ онъ, Олександръ царь, зъ дѣтьми своими и со внучаты, и со всею своею Иверскою землею, блаженные памяти дядѣ великого государя нашего, великому государю ц. и в. кн. Федору Ивановичю в. Р. с. правду далъ по нашей крестьянской вѣрѣ, крестъ цѣловалъ, и тѣмъ себѣ вспоможенъ и отъ турецкихъ людей свободу получилъ, и некоторые ихъ недруги не умѣли имъ некоторые тѣсноты во вся лѣта при дядѣ великого государя нашего, при великомъ государѣ ц. и в. кн. Федорѣ Ивановичѣ в. Р. с. и при царѣ Борисѣ учинити. Да то и самому великому государю Аббасъ шахову величеству вѣдомо, какъ великій государь блаженные славные памяти дядя великого государя нашего, царь и в. кн. Федоръ Ивановичъ в. Р. с., на Теркѣ и на Койсѣ города велѣлъ поставить и людей ратныхъ въ нихъ устроить велѣлъ для Иверскіе земли, турецкимъ и кумышскимъ (sic) людямъ тѣснити не дати и противъ недруговъ ихъ помогати, да и для того, что турецкіе люди по многіе годы ходили на Аббасъ шахова величества землю войною, а проходили на Койсу да на Терку, да на Суншу: и по его царского

величества повелѣнью, и съ тѣхъ городовъ терскіе и волжскіе, и яицкіе казаки на турецкіе люди приходили, и на Суншѣ турецкихъ многихъ людей побили, и впередъ тѣми мѣстами на великого государя Аббасъ шахова величества землю турецкіе люди ходити не учали, и великому государю Аббасъ шахову величеству тѣмъ великая помощь учинилась, да и многая любовь и братственная крѣпкая дружба дяди великого государя нашего царя и в. кн. Федора Ивановича в. Р. с. великому государю Аббасъ шахову величеству была, о чемъ самому Аббасъ шаху подлинно вѣдомо. А какъ судомъ Божьимъ блаженные славные памяти дяди великого государя нашего, великого государя царя и великого князя Федора Ивановича в. Р. с. въ животѣ не стало, а на великихъ Російскихъ государствахъ учинился царь и великій князь Борисъ Федоровичъ в. Р., и иверской Олександръ царь царю Борису потому жъ правду далъ: съ дѣтьми своими и со внучаты, и со всѣми думными своими людьми крестъ цѣловали, что имъ быти подѣ російскихъ великихъ государей царей рукою, со всею Иверскою землею навѣки не отступимъ. И по Олександрову цареву челобитью царь Борисъ и съ понизовыхъ городовъ воеводамъ своимъ велѣлъ послати на шевкала и на всю Кумьтцкую землю ратныхъ своихъ людей для того: какъ Олександръ царь съ повелѣнья царя Бориса былъ Аббасъ шахова величества въ рати, и шевкальской по турецкого велѣнью въ ту пору Иверскую землю воевали и многихъ крестьянскихъ людей въ плѣнъ поимали, а царя Бориса ратные люди Кумьтцкую землю воевали и многіе города и мѣста поимали и разорили, и въ Торбахъ и въ Торкалахъ города поставили. И какъ царя Бориса не стало, а въ Московскомъ государствѣ учала быти умышленьемъ польского короля смута и въ людехъ рознь, и кумьтцкіе люди, сложась съ турецкими людьми, которые въ то время были въ Кумьтцкой землѣ, на великого государя нашего людей приходили, и бои были многіе, и многіе крови на обѣ стороны пролились, а все то для Иверскіе земли: и шахъ Аббасово бѣ величество, по своему слову, какъ онъ къ брату своему къ великому государю нашему, къ его царскому величеству, приказывалъ съ посланникомъ его царского величества, съ Федоромъ Леонтьевымъ, такъ бы и впередъ совершалъ, Грузинскіе земли воевать не велѣлъ; а великій государь нашъ, его ц. в., противъ того также учнетъ шахъ Аббасову величеству воздавати своею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ его царскому величеству возможно.

А будетъ они провѣдаютъ допрама, что грузинской царь и Грузинская и Иверская земля, сложилась съ турецкимъ царемъ и съ иными

государствы шахову землю воюють, и рати его съ турецкого царя ратьми въ шаховѣ землѣ есть, — и посломъ, будучи у шаха на посольствѣ и зъ ближними людьми въ розговорехъ, о грузинскомъ царѣ и о Грузинской и о Иверской землѣ ничего не говорити.

А будетъ шахъ самъ спросить ихъ на посольствѣ, или его ближніе люди учнутъ ихъ въ розговорехъ спрашивать про Иверскую землю: какъ былъ у него, у шаха, отъ царского величества посланникъ Ѳеодоръ Леонтьевъ, и онъ говорилъ ему отъ царского величества о иверскомъ царѣ и о его землѣ, чтобъ ему, шаху, для братственныя дружбы и любви въ Иверскую землю не вступатись и ее не воевать, и онъ, шахъ Аббасъ, приказывалъ отъ себя къ царскому величеству съ Ѳеодоромъ же Леонтьевымъ, что онъ по его царского величества приказу, для братственныя дружбы и любви, въ Иверскую землю впередъ вступатись и воевати ее не хочетъ и царскому величеству за Грузинскую землю не стоитъ; а нынѣ грузинской царь, сложась съ недругомъ его съ турецкимъ царемъ, стоитъ на него и землю его воюють, и царскому величеству про то вѣдомо ль? и нынѣ съ ними про грузинского царя и про его землю что отъ царского величества приказъ? — и посломъ, князю Михайлу Петровичю Воротинскому съ товарищи, шаху или его ближнимъ людямъ говорити: и намъ было о Иверской землѣ шахову величеству для крестьянскіе вѣры говорити наказано, а того царское величество не вѣдалъ и въ Теймуразѣ царѣ того не чаялъ, что ему приложиться царского величества и шахъ Аббасова величества къ недругу, къ турецкому салтану, и мы, слыша Теймураза царя неправды и грубости къ царскому величеству и къ шахъ Аббасову величеству, объ немъ нынѣ и не говоримъ.

А будетъ шахъ, или ево ближніе люди о Иверской землѣ не вспросятъ, и имъ самимъ про Иверскую землю не говорить ничего, только провѣдаютъ, что сложился иверской царь съ турецкимъ.

Да память посломъ, дворянину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Воротинскому съ товарищи: нѣчто ихъ хъ какой мѣрѣ въ розговорехъ учнутъ спрашивати шахъ самъ или шаховы ближніе люди, для чего у царского величества у стола не были шаховы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ, и иныхъ государей послы у царского величества у стола бываютъ ли? — и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити: искони у великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, у предковъ великого государя нашего, также и у его царского величества, великихъ государей послы и у стола бываютъ, какъ его царского величества не

зайдутъ иные ихъ государскіе великіе дѣла; а коли въ то время, какъ бываютъ у его царского величества послы, заходятъ ихъ государственные и земскіе иные дѣла, и его царское величество посылаетъ къ великихъ государей посломъ съ столомъ, отъ своего царского стола, съ ѣствою и съ питьемъ, своихъ ближнихъ людей стольниковъ. А какъ великого государя шахъ Аббасова величества послы были у царского величества на посольствѣ, и въ тѣ поры его царского величества зашли иные государственные и земскіе дѣла, и его царское величество, любячи брата своего великого государя вашего шахъ Аббасова величества, а пословъ его жалуя, посылалъ къ нимъ на дворъ отъ своего царского стола съ ѣствою и съ питьемъ своего царского величества стольника, ближнего человѣка, великого роду, князя Ивана Ивановича Одоевского, и потчивать ему государя вашего пословъ велѣлъ, и честь имъ чинити, какъ есть великого государя брата своего любительного пословъ по тому жъ, какъ и у прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ въ обычаехъ и въ ихъ царского величества поведенъяхъ бываетъ.

Да память посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи: нѣчто будетъ имъ вѣдомо, что города Шемаху и Баку и Дербень взяли у шаха турскіе люди, и для того имъ будетъ сухимъ путемъ на тѣ города итти нельзя, а пойдутъ моремъ на Гилянъ, и будетъ нѣчто, по грѣхомъ, ихъ вѣтромъ занесетъ подъ Дербень, или на морѣ ихъ, по грѣхомъ, возмутъ турского люди,—и посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи, наказъ и рѣчь, и грамота государева большая, и роспись поминкамъ, изготовя съ камнемъ, тайно, и обязавъ во что вѣрше, вкинуть въ воду, чтобъ никому не примѣтно стало, или приготова огонь, зжечь, или изодратъ, чтобъ однолично устроить, лише оставити у себя грамота къ шаху о торговомъ дѣлѣ, что съ ними послана на запасъ. А гдѣ ихъ въ которой городъ къ турецко воеводамъ приведутъ и учнутъ ихъ спрашивать наши, или санчаки, или судовые капитаны, для чего они идутъ къ кзылбашскому шаху?—и посломъ, князю Михайлу Петровичю съ товарищи, говорити въ роспросѣ, что послалъ ихъ государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. къ Аббасъ шаху о торговомъ дѣлѣ, что прислалъ Аббасъ шахъ къ великому государю нашему царю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. с. пословъ своихъ, Кая салтана да Булатъ бека, въ грамотою; а въ грамотѣ своей писалъ, чтобъ его торговымъ людямъ поволить пріѣзжать съ товары торговать въ государя нашего государствѣ, въ Казани и въ Асторохани, и дорога бѣ имъ

была отворена, и торгъ людямъ ево велѣть давать повольной по прежнимъ обычаемъ. И великій государь нашъ противъ того къ шаху писалъ, что прежь сего дядя его великого государя нашего, блаженные памяти царь и в. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ в. Р., послалъ къ шаху въ Персидское государство для своихъ потребныхъ товаровъ купить, которые были годны къ его царской казнѣ, съ своею бологодѣтью со мною, людей своихъ торговыхъ Дмитрея Ивашева да Ѳедора Першина, и тѣхъ великого государя нашего дяди людей Дмитрея Ивашева на морѣ, идучи въ шахову землю, не стало, а Ѳедора Першина въ его же шаховѣ землѣ въ Казбинѣ не стало, и тое великого государя нашего дяди великого государя царя и великого князя Ѳеодора Ивановича в. Р. бологодѣть шахъ велѣлъ взять казначею своему на себя, и великого государя нашего дядя, великій государь царь и в. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ в. Р., о той бологодѣти посылалъ къ шаху многожда, чтобъ шахъ тоѣ бологодѣть, сыскавъ, прислалъ, и шахъ тоѣ бологодѣти великого государя нашего къ дядѣ не присылывалъ, и великій государь нашъ, его царское величество, и его шаховыхъ торговыхъ людей пущать въ свои государства не велѣлъ. А нынѣ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. для тоѣ бологодѣти послалъ къ шаху, съ его послы вмѣстѣ, насъ, словъ своихъ: меня, князя Михайла Борятинского съ товарищи, и шахъ бы тоѣ великого государя нашего дяди бологодѣть, сыскавъ, къ великому государю нашему съ нами прислалъ; а какъ тоѣ бологодѣть, сыскавъ, къ великому государю нашему съ нами пришлетъ, и великій государь нашъ тогда по ево присылкѣ его шаховымъ торговымъ людямъ дорогу отворить велить и въ государства свои, въ Асторохань и въ Казань, его торговыхъ людей пропускать велить: съ тѣмъ мы отъ великого государя нашего къ Аббасъ шаху и посланы. Да и государю вашему Ахметъ салтану про то извѣстно, что великій государь нашъ съ кизылбашскимъ шахомъ ссылаетца по прежнему обычею о торговлѣ; а съ великимъ государемъ нашимъ нынѣ великій государь вашъ Ахметъ салтанъ въ дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ свыше прежнего. Какъ великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ в. Р. с., и его царское величество, оказуючи къ великому государю вашему, къ Ахметъ салтанову величеству, братственную свою любовь, напередъ всѣхъ великихъ государей обестить свое государство и о братственной дружбѣ и о любви, и объявляя передъ собою, великимъ государемъ, и

и передо всѣми Російскими государствы польского Жигимонта короля неправды, посланниковъ своихъ Солового Протасьева да дьяка Михайла Данилова: и великій государь вашъ тѣхъ великого государя нашего посланниковъ принялъ честно, и къ великому государю нашему отпустилъ ихъ, не издержавъ, и съ ними вмѣстѣ къ великому государю нашему о братственной же дружбѣ и о любви послалъ былъ чеуша своего Алѣя, и его, идучи къ великому государю нашему, въ дорогѣ не стало, а которую грамоту къ царскому величеству великій государь вашъ послалъ былъ съ тѣмъ чеушомъ своимъ съ Алѣемъ, и тоѣ грамоту до царского величества довели люди ево, и въ той грамотѣ государь вашъ Ахметъ салтанъ писалъ къ великому государю нашему, что великій государь вашъ Ахметъ салтанъ хочетъ быти съ великимъ государемъ нашимъ, съ его царскимъ величествомъ, въ братственной дружбѣ и въ любви, мимо всѣхъ великихъ государей павѣи неподвиженъ и на всякого его государева недруга, а именно на польского короля, хочетъ съ нимъ, великимъ государемъ нашимъ, стоять за одно; а о иныхъ де о многихъ государственныхъ дѣлахъ къ великому государю нашему отъ государя вашего приказъ былъ словесно, и про тѣ дѣла великому государю нашему не вѣдомо, потому что чеуша ево въ дорогѣ не стало, и великій государь нашъ, его царское величество, государя вашего торговыхъ людей, которые были съ чеушомъ, Касыма съ товарищи, и Алѣя чеуша людей, которые довели до великого государя нашего государя вашего грамоту, пожаловалъ, далъ имъ видѣти свои царскіе очи и, пожаловавъ ихъ своимъ царскимъ жалованьемъ, отпустилъ ихъ къ государю вашему, не издержавъ; а съ ними вмѣстѣ послалъ великій государь нашъ къ великому государю вашему о братственной дружбѣ и о любви, и о тѣхъ дѣлахъ, о чемъ великій государь вашъ къ великому государю нашему словесно приказывалъ съ чеушемъ своимъ съ Алѣемъ, которова въ дорогѣ не стало, посланниковъ своихъ Петра Мансурова да дьяка Семейку Самсонова, и нынѣ тѣ государя нашего посланники у великого государя вашего. И впередъ великій государь нашъ, ево царское величество, мимо всѣхъ великихъ государей хочетъ быти съ великимъ государемъ вашимъ, съ Ахметъ салтановымъ величествомъ, въ братственной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ на вѣки: и вы бѣ насъ не держали, хъ кызылбашскому шаху насъ пропустили, и наказу нашего и грамоты выслушали и посмотрели, а тѣмъ межъ великого государя нашего и государя своего братскою любви и ссылкѣ поруки не учинили. Да о томъ посломъ кызылбашскимъ и подъячимъ, и толмачомъ, и всякимъ людямъ своимъ и кызылбашскимъ

наказали иманно, чтобъ они въ одно говорили со княземъ Михайломъ съ товарищи, а не врознь.

Таковъ государевъ особой наказъ данъ посломъ въ запасъ, нѣчто ихъ занесеть къ турсково царя городомъ:

Лѣта 7126-го маія въ 23 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. велѣлъ дворенину и намѣстнику болховскому князю Михайлу Петровичю Борятинскому да дворенину Ивану Ивановичю Чичѣрину, да дьяку Михайлу Тюхину итти отъ себя, отъ государя, въ Кизылбаши къ шахъ Аббасу въ послѣхъ. А съ ними вмѣсте отпущены отъ государя шаховы послы Кая салтанъ да Кая (sic) бекъ, которые приходили къ государю отъ шаха о торговле, чтобъ государю поволити шаховымъ торговымъ людемъ ходить со всякими товары въ свои государства, въ Казань и въ Асторохань.

И посломъ, князю Михайлу Петровичю да Ивану Ивановичю, да дьяку Михайлу Тюхину, пришедъ къ шаху, говорити отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. рѣчь:

Бога безначальпаго, невидимаго, превыше небесъ пребывающаго и Словомъ вся сотворшаго, и Духомъ своимъ всѣмъ животъ дарующаго, страшнаго и неприступпаго, владающаго силами небесными и устрояющаго по всей землѣ всяческая, Его же трепещуть и боятца небесная и земная, и пресподняя. Сего силою и дѣйствомъ стоимъ и движемся, и пребываемъ, и величеству Его славу возсылаемъ, утвердившаго насъ скипетръ держати православія и паствуствовати словеснымъ Его овцамъ устроивца, Ему же славу возсылаемъ, — мы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. (*титулъ*) и иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель, Персидскіе и Ширванскіе земли начальнику шахъ Аббасу велѣлъ поклонитись.

Божією милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. велѣлъ тебѣ, брату своему, свое здоровье сказать, а о твоємъ здоровье спросити.

Да подати отъ государя шаху грамота. А послѣ грамоты подати шаху поминки, а послѣ того посломъ говорити:

Божією милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ тебѣ, брату своему, говорити: прислалъ еси къ нашему царскому в-ву пословъ своихъ, Кая салтана да Булатъ бека, а съ ними приказывалъ еси къ нашему царскому в-ву и въ грамотѣ своей къ намъ писалъ, чтобъ намъ поволить твоимъ торговымъ людемъ пріѣзжать съ товары въ наши государства, въ Асторохань и въ Казань, и

дорога имъ была отворена, и торгъ бы твоимъ торговымъ людямъ велѣти дать повольно по прежнимъ обычаемъ. И прежде сего дядя нашъ, блаженные памяти великій государь ц. и в. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ в. Р. посылалъ въ твое государство для своихъ потребныхъ товаровъ купить, которые были годны къ его царской казнѣ, съ своею бологодѣтью со мною людей своихъ торговыхъ, Дмитрея Ивашева да Ѳеодора Першина. И тѣхъ, дяди нашего людей, Дмитрея Ивашева, на морѣ, идучи въ вашу землю, не стало, а Ѳеодора Першина въ вашей землѣ въ Казбине не стало, и тоѣ дяди нашего великого государя ц. и в. кн. Ѳеодора Иввовича в. Р. бологодѣть ваше величество велѣлъ взять казначѣю своему на себя, и дядя нашъ великій государь ц. и в. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ в. Р. къ вашему шахъ Аббасову в-ву о той бологодѣти посылалъ гонца своего Микулу Иванова, чтобъ ваше шахово в-во тоѣ бологодѣть, сыскавъ, прислалъ. И ваше величество тоѣ бологодѣти къ дядѣ нашему не присылывалъ, и мы потому и твоихъ торговыхъ людей пущать въ наши государства не велѣли. И мы ныне для тоѣ бологодѣти послали къ тебѣ, къ шахъ Аббасову в-ву, съ твоими послы вмѣсте пословъ своихъ, дворянина нашего и намѣстника болховского князя Михайла Петровича Борятинского, дворянина жъ нашего Ивана Ивановича Чичѣрина, да дьяка нашего Михайла Тюхина. И ты-бъ, шахъ Аббасово в-во, тоѣ дяди нашего бологодѣть, сыскавъ, къ намъ съ послы нашими прислалъ. А какъ тоѣ бологодѣть, сыскавъ, пришлешь къ нашему царскому в-ву, и мы тогда по твоей присылкѣ твоимъ торговымъ людямъ дорогу отворить велимъ и въ наши государства, въ Астороханъ и въ Казань, твоихъ торговыхъ людей съ товары торговать пропущать велимъ. Такъ бы еси вѣдалъ.

Божію милостию отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. с. (*титулъ*) Гирѣю князю наше царское милостивое слово. Послали есмя къ брату нашему, къ Аббасъ шахову в-ву, для нашего государственного великого дѣла пословъ нашихъ, дворянина нашего и намѣстника болховского князя Михайла Петровича Борятинского, дворянина нашего Ивана Ивановича Чичѣрина, да дьяка Михайла Тюхина. И гдѣ имъ лучитца ѣхати твоею землею сухимъ или водянымъ путемъ, и ты бъ, Гирѣй князь, пословъ нашихъ, князя Михайла и Ивана, и дьяка Михайла своею землею пропускалъ вездѣ безъ задержанья со всѣми людьми ихъ и зъ животы, что съ ними будетъ, безо всякого мешканья и зацѣпокъ, и подводы имъ и приставовъ и провожатыхъ давалъ, чтобъ имъ до брата нашего до

басъ Ашахова в-ва городовъ дойти здорово. А какъ они отъ брата нашего, отъ Обасъ шаха, пойдуть къ намъ, великому государю, а лучитца имъ итти твоею землею, и ты бѣ ихъ по тому жѣ пропускать и подводь, и приставовъ, и провожатыхъ имъ давалъ: то бѣ еси учинилъ для нашего царского в-ва, тѣмъ бы еси нашему царскому в-ву послужилъ, пословъ нашихъ къ шаху и назадъ къ намъ отъ шаха проводилъ; а мы, великій государь, за твою къ намъ службу и радѣнье пожалуемъ тебя нашимъ царскимъ жалованьемъ. Писанъ государствіа нашего дворѣ царствующемъ граде Москвѣ лѣта 7126-го маія мѣсяца.

Божією милостію отъ великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. (*титулъ*) черкасскимъ и горскимъ княземъ и мурзамъ наше царское милостивое слово. Послани есмя (*и проч., какъ въ предыдущей*). А мы, великій государь, за ваши къ намъ службы и радѣнье пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ великимъ жалованьемъ. Писанъ государствіа нашего дворѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7126-го маія мѣсяца.

$\frac{7126}{1813}$ мая 23. Копія съ двухъ грамотъ государя царя Михайла Ѳедоровича къ шаху Аббасу, отправленныхъ съ російскими послами князь Михайломъ Борятиноскимъ, Иваномъ Чичеринымъ и дьякомъ Михайломъ Тюхинымъ. Лл. 189—211.

Богда единого, безначальнаго (*и проч.*) утвердившаго насъ свиетръ держати православія во обдержаніе великого Російского царствіа въ мѣсть врагомъ, въ похвалу добродѣемъ, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. (*титулъ*) восточново предѣла высоко-стольнѣйшаго мѣста, превосочайшіе прехвальныя степени велиководержательную власть древнихъ великихъ государей персидцкихъ царей приѣмшему, превознесенную честь, яко рогъ иврога достигшему, мусульманскихъ высочайшихъ превосходящему честію и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю пореченному въ чести величества изящному Перситцкіе и Ширванскіе земли начальнику Аббасъ шахову в-ву, любовному пріятелю нашего царского в-ва любовное поздравленіе и счастливое пребываніе и падъ недруги вашими побѣда и одолѣніе. Потомъ объявляемъ вашему величеству: въ нынешнемъ во 126-мъ году прислалъ еси къ нашему царскому в-ву пословъ своихъ, Кая бека да Булатъ бека, съ своею любительною грамотою о дружбе и о любви, и о иныхъ нашихъ государьскихъ о вопчихъ

любительныхъ дѣлахъ, и мы, великій государь, ту вашу, брата нашего грамоту приняли и выслушали любовительно; а въ грамоте своей къ нашему ц. в-ву вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово в-во, писалъ, что вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово в-во, слыша про наше царского величества здоровье отъ посланника нашего Федора Левонтьева, добръ обрадовался и учинился вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово в-во, съ нашимъ царскимъ в-мъ въ братцвой въ любовительной дружбе и въ любви и въ ссылке такъ же, какъ и съ прежними великими государи цари и великими князи російскими, предки нашими, бывали предки ваши великіе персидцкіе шахи, и послалъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому в-ву ваше шахъ Аббасово в-во о дружбе и о любви съ нашимъ посланникомъ вмѣстѣ съ своею любовительною грамотою посла своего вѣрнова и ближнего своего двора капычейского агу Кая бека, и намъ, нашему бѣ царскому в-ву, съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в-мъ, по тому жъ быти въ братственной въ крѣпкой дружбе и любви и въ сылке, и торговымъ бы людемъ торгъ былъ повольной. А что намъ, великому государю, годно въ вашемъ, брата нашего, государстве, и намъ бы, великому государю, о томъ велѣтъ къ тебѣ, брату нашему, къ шахъ Аббасову в-ву приказати, и вы, братъ нашъ, то все наше дѣло любовительно исполнишь, а ваши, брата нашего, шахъ Аббасова в-ва послы нашего царского в-ва бояромъ, боярину и намѣстнику нижегородскому князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому-Ярославскому съ товарищи и нашимъ приказнымъ людемъ объявили, что приказалъ имъ вы, братъ нашъ, великій государь, шахъ Аббасово в-во намъ, великому государю, нашему царскому в-ву, известить, что по нашему царского в-ва указу посланникъ нашъ Федоръ Левонтьевъ говорилъ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в-ву, чтобъ ты, братъ нашъ, прислалъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому в-ву, въ помощь противъ нашихъ недруговъ денежные казны, и вы де, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, посланнику нашему сказалъ, что вы, братъ нашъ, посылаете ныне къ нашему царскому в-ву съ ними, послы своими, лехкую казну, что нынѣ у васъ, брата нашего, шахъ Аббасова в-ва, вскоре лучилось послати; а какъ, ажъ дастъ Богъ, они, ваши, брата нашего, послы, будутъ у насъ, великого государя, и что мы, великій государь, наше царское величество, къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову в-ву, съ вами о казнѣ или о ратныхъ людахъ, или про иное про какое дѣло прикажемъ, и вы, братъ нашъ, великій государь, шахъ Аббасово в-во, то все намъ,

великому государю, нашему царскому в-ву по нашей царской воле исполнишь, какъ нашему царскому в-ву будетъ годно, и мы, великій государь, наше царское в-во отъ васъ, великого государя, брата нашего, шахъ Аббасова в-ва, тѣ нынѣшніе твои къ намъ, великому государю, любительныя поминки и серебро, что ты съ послы своими къ намъ, великому государю, прислалъ, принели въ братственную сердечную дружбу и любовь, и противъ того мы, великій государь, наше царское в-во вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в-ву, также будемъ нашею братственною дружбою и любовью воздавать, какъ будетъ намъ, великому государю, возможно. И учинилися мы, великій государь, наше царское в-во, съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в-мъ въ крѣпкой, братственной, въ нелицемѣрной дружбе и любви и въ ссылке, мимо всѣхъ великихъ государей на вѣки неподвижно. И пословъ вашихъ къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову в-ву, отпустили; а съ ними вмѣстѣ послали мы, великій государь, наше царское в-во къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову в-ву пословъ нашихъ, дворянина и намѣстника болховского, князя Михайла Петровича Борятинского, да дворянина Ивана Ивановича Чичѣрина, да дьяка нашего Михайла Тюхина о братственной же дружбе и о любви, и о иныхъ нашихъ государскихъ о великихъ дѣлахъ, которые намъ обоимъ, великимъ государемъ, къ дружбе и къ любви годны. И вы бѣ, братъ нашъ, шахъ Аббасово в-во, по тому жъ былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой въ братственной дружбе и въ ссылке на вѣки неподвижно. А то мы, великій государь, наше царское в-во вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову в-ву, объявляемъ, что мы, великій государь, нынѣ войну ведемъ съ недругомъ нашимъ и разорителемъ нашего Московского государства съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ за его многіе неправды, отставя всякіе наши дѣла. И пивѣ насъ, великого государя, у васъ, брата нашего, у шахъ Аббасова величества любительное прошеніе то и съ послы нашего царского в-ва, и съ вашими, шахъ Аббасова в-ва, послы къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову величеству приказывали о томъ же, чтобъ вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, къ намъ, великому государю, нашему ц. в., совершенную свою сердечную братственную дружбу и любовь показалъ, прислалъ къ намъ, великому государю, противъ недруга нашего, польского короля, казны денежныя въ помощь, чѣмъ бы намъ, великому государю, было нашихъ ратныхъ людей пожаловать и противъ недруга нашего, польского короля, за его многіе неправды стоять. А то вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству

самоу подлинно вѣдомо, что наши великіе Російскіе государства великіе и многояюдные, только нынѣ, за грѣхъ, ото многіе розни и межъусобья, что было до нашего государства, и отъ войны недруга нашего польского Жигимонта короля до нашего самодержавства жератные наши всякіе люди пооскудѣли, и вамъ бы, брату нашему, шахъ Аббасову величеству, къ намъ, великому государю, нынѣ совершенную свою братственную дружбу и любовь показать: прислать къ намъ, великому государю, на вспоможенъе противъ недруга нашего казны, чѣмъ бы намъ, великому государю, ратныхъ нашихъ людей пожаловать. А какъ наше царское величество съ недругомъ нашимъ, съ польскимъ королемъ, управимся, и мы, великій государь, наше ц. в. тоѣ казну вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству, заплатить велимъ, какими узорочьи изъ нашего государства вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству будетъ годно, да и сверхъ того мы, великій государь, наше ц. в., вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству противъ вашею любви учнемъ воздавати нашею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ нашему царскому величеству возможно. А пословъ нашихъ, дворянина нашего и намѣстника болховского князя Михайла Петровича Борятинского съ товарищи, къ намъ отпустили бы есте, не издержавъ, и своихъ большихъ пословъ ближнихъ людей къ намъ съ ними вмѣстѣ прислать, наказавъ съ послы своими подлинно, какъ намъ, великимъ государемъ, межъ себя впередъ быти въ крѣпкой братственной дружбе и любви на вѣки неподвижно, и какихъ узорочей, что ведетца въ нашихъ государствахъ, къ вамъ, брату нашему, за тоѣ казну, что къ намъ пришлете, послати. А какъ твои, брата нашего, послы у нашего царского величества будутъ, и мы, великій государь, велимъ нашимъ думнымъ людямъ съ твоими, брата нашего, послы о всякихъ о добрыхъ дѣлахъ говорити и становити, какъ намъ, великимъ государемъ, впередъ быти межъ собою въ братцкой любви и въ дружбе навеки неподвижно, и пословъ твоихъ къ вамъ, брату нашему, отпустимъ, не задержавъ, и своихъ большихъ пословъ къ вамъ, брату нашему, пошлемъ, и будемъ съ вами, братомъ нашимъ, въ братственной сердечной дружбѣ и любви мимо всѣхъ великихъ государей павѣки неподвижно: на то нашего царского величества мысль крѣпко утвердилась. А о иныхъ нашихъ дѣлахъ наказы есмь вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству говорити посломъ нашимъ, дворянину нашему и намѣстнику болховскому, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи, и что они вамъ, брату нашему, учнутъ говорити, и вы бѣ, братъ нашъ, шахъ Аббасово вели-

чество, имъ вѣрили. Писанъ государствія нашего дворѣ въ царствующемъ граде Москвѣ лѣта отъ созданія міру 7126-го маія мѣсяца 23-го дня.

А се государева грамота къ шаху жъ въ запасъ, нѣчто государевыхъ пословъ занесетъ моремъ къ турецкого царя городомъ.

Бога безначальнаго, невидимаго (*и проч.*), мы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. (*титулъ*) и вся сѣверныя страны повелитель, и иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель, Персидскіе и Ширванскіе земли начальнику шахъ Аббасову в-ву. Присылалъ еси къ нашему ц. в. пословъ своихъ, Кая салтана да Булатъ бека, а съ ними приказывалъ еси къ нашему ц. в. и въ грамоте своей къ намъ писалъ, чтобъ намъ поволити твоимъ торговымъ людямъ приѣзжать съ товары въ наши государства, въ Астороханъ и въ Казань, и дорога имъ была отворена, и торгъ бы твоимъ торговымъ людямъ велѣти дать повольно, по прежнимъ обычаемъ. И преже сего дядя нашъ блаженные памяти великій государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичъ в. Р. посылалъ въ твое государство для своихъ потребныхъ товаровъ купити, которые были годны къ его царской казнѣ, съ своею бологодѣтью со мною людей своихъ торговыхъ, Дмитрея Ивашева да Ѳедора Першина, и тѣхъ дяди нашего людей, Дмитрея Ивашева, на морѣ, идучи въ вашу землю, не стало, а Ѳедора Першина въ вашей землѣ, въ Казбинѣ, не стало. И тоѣ дяди нашего великого государя ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. бологодѣть ваше величество велѣлъ взять казначею своему на себя, и дядя нашъ великій государь ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичъ в. Р. къ вашему шахъ Аббасову в-ву о той бологодѣти посылалъ гонца своего Микулу Иванова, чтобъ вы, шахово в-во, тоѣ бологодѣть, сыскавъ, прислалъ. И ваше величество тоѣ бологодѣти къ дяде нашему не присылывалъ, и мы потому и твоихъ торговыхъ людей пущать въ наши государства не велѣли. И мы нынѣ для тоѣ бологодѣти послали къ тебѣ, къ шахъ Аббасову в-ву, съ твоими послы вмѣсте пословъ своихъ, дворенина и намѣсника болховского князя Михайла Петровича Борятинского съ товарыщи, и ты бѣ, шахъ Аббасово в-во, тоѣ дяди нашего бологодѣть, сыскавъ, къ намъ съ послы нашими прислалъ. А какъ тоѣ бологодѣть, сыскавъ, къ намъ приплешь, къ нашему царскому в-ву, и мы тогда по твоей присылке твоимъ торговымъ людямъ дорогу отворить велимъ и въ наши государства, въ Астороханъ и въ Казань, твоихъ торговыхъ людей съ товаромъ торговать пропускать велимъ. Такъ бы еси вѣдалъ. Писана въ великого государства нашего дворѣ въ царствующемъ граде Москвѣ лѣта отъ созданія міру 7126-го маія мѣсяца 23-го дня.

Книга персидского повѣтя съ 7126-го по 7129-й годъ. А въ ней выписки изъ отписокъ російскихъ пословъ дворянина Ивана Чичерина, да дьяка Михайла Тюхина, какъ они посланы отъ великого государя царя Михайла Теодоровича къ персидскому Аббасъ шаху съ первымъ посломъ, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ, которой въ Персиде умре, съ прошеніемъ казны въ заимъ въ помощь имѣющей войнѣ съ недругомъ полскимъ Жигимонтомъ королемъ, понеже російскіе люди отъ многіе равни и междуусобья и отъ войны того полского короля оскудѣли. И статейной ихъ списокъ бытія ихъ въ Персиде. Въ сей же книгѣ прїѣздъ въ Москву персидского посла Булатъ бека 7129-го году, которой предлагалъ, чтобъ царское величество велѣлъ поставити въ Кумыцкой землѣ на Сунше города, а какъ города въ тѣхъ мѣстехъ стануть и межъ царского величества и шахова величества иного никого въ сусѣдехъ не будетъ, ино все будетъ ихъ государская земля и недругомъ своимъ будутъ страшны, и о нѣкоторыхъ обидныхъ дѣлахъ.

Другое заглавіе:

Книга № 6, содержащая персидскія дѣла. $\frac{7126}{1618}$ мая 18 — $\frac{7132}{1624}$ іюня 27.

I. Отписки къ государю изъ Персіи отъ посланника Ивана Чичерина и дьяка Михайла Тюхина, какъ ѣхали они въ дорожъ, какъ были у шаха на посольствѣ, о послѣдовавшей смерти первому ихъ товарищу. послу князю Михайлу Борятинскому, объ отпускѣ ихъ обратно въ Россію и объ отправленіи съ ними къ государю персидского посла Булатъ бѣка. Листы 1—3—47.

II. Грамоты государевы въ Казань, Астрахань и на Терекъ къ воеводамъ о принятіи пѣдущаго къ государю персидского посла Булатъ бѣка, и на оныя грамоты отъ нихъ воеводѣ отписки. Листы 47—77.

III. Статейный списокъ пословъ князя Михайла Борятинского, Ивана Чичерина, и дьяка Михайла Тюхина, какъ были они въ Персіи и у шаха на посольствѣ. Листы 77—332.

IV. Записка, что препоручено было онымъ посламъ въ государевъ наказъ и что по тому исполнено. Листы 333—357.

V. Отписка къ государю отъ казанского воеводы объ отправленіи въ Москву персидского посла Булатъ бѣка, л. 357—384. Прїѣздъ онаго посла въ Москву, л. 384—407. Бытность ево, посла, у государя на

прїѣздѣ и проч., л. 407—504, и обратной оному послу отпуски, л. 504—525 (окончанія нѣтъ).

VI. Отписка къ государю изъ Персїи отъ пасланника Василя Коробкина и дьяка Остафья Кувшинова, какъ они были у шаха на отпускѣ, и о пѣдущихъ къ государю шаховыхъ послахъ Русанъ бѣкъ, Булатъ бѣкъ и купчинъ Мама Салам, съ коими послана къ государю Рыза Господня. Листы 526—532. У сего начала и конца нѣтъ.

Лѣта 7127-го іюля въ 14 де(нь) писали къ государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русїи Иванъ Чичѣринъ да дьякъ Михайло Тюхинъ: посланы они къ шахъ Аббасову величеству и они пришли въ Шемаху августа въ 31-мъ числѣ, и шахъ Аббасово величество прислалъ къ Исупъ хану въ Шемаху, а велѣлъ ихъ отпустить къ себѣ въ Родевилъ, и Исупъ ханъ ихъ отпустилъ изъ Шемахи въ Родевилъ сентября въ 25-мъ числѣ, и они пришли въ Родевилъ октября въ 12-мъ числѣ, и октября жъ въ 14 день шахъ Аббасъ пришелъ изъ Родивила въ Казбинъ, а имъ велѣлъ итти за собою жъ въ Казбинъ, и ихъ после шаха отпустили изъ Родивила въ Казбинъ октября въ 21 де(нь), а въ Казбинъ они пришли ноября въ 3 де(нь), и ноября жъ въ 4 де(нь) шахъ Аббасъ прислалъ къ нимъ Кая салтана, а велѣлъ имъ быти у себя на посольстве, и они посольство по государеву наказу правили и государеву грамоту къ шахъ Аббасу князь Михайло поднесъ, и шахъ, приневъ грамоту, спросилъ про царское здоровье и грамоту при нихъ, распечатавъ, чолъ. А что было съ ними къ шахъ Аббасову в. послано было казны и кречетовъ, и то все шахъ государеву посылку принелъ въ любовь и сказалъ, что онъ великому государю брату своему помогати казною радъ, и что есть и за то не стоитъ, и о чемъ де вы ко мнѣ присланы, и я де васъ отпущу совсѣмъ. И после тово шахъ жилъ въ Казбине три дни и поѣхалъ изъ Казбина въ Гилянъ, а изъ Гилянъ пошолъ въ Өоробатъ зимовать, а имъ велѣлъ себя дожидатца въ Казбине до весны, и хотѣлъ ихъ отпустить къ государю весною вскоре. А съ турсково, государь, людьми у шаховыхъ людей межъ Теврива и Родивила былъ бой августа въ 19-мъ числѣ, и шаховы люди турсково людей многихъ побили, а убили де больши пятинатцати тысячъ, и живыхъ многихъ поймали. А крымской де царь и грузинской туто жъ были съ турсково людьми на бою, и на томъ же де бою крымсково царя шаховы люди взяли ближнево человекъ Мурза бека. А какъ они

у шаха на посольстве были, и шахъ имъ тово Мурза бега объявлялъ. И после шахова отъѣзду изъ Казбина вскоре, товарищъ ихъ князь Михайло Борятинской разболѣлся, и отъ той болѣзни не стало декабря въ 15-мъ числѣ. А отписку послали изъ Казбина генваря въ 21-мъ числе.

И августа въ 4 де(нь) писано отъ государя къ Ивану Читѣрину и во дьяку къ Михайлу Тюхину: какъ, Богъ дастъ, придуть они изъ Кизылбашъ въ Астарахань, и они бѣ изъ Астарахани ѣхали къ государю къ Москве, не мешкая. А какъ у нихъ въ Кизылбашехъ государево дѣлалось и какъ ихъ шахъ къ государю отпустилъ и изъ которого города и кого съ ними послалъ въ послѣхъ, и что съ тѣмъ посланникомъ казны или поминковъ, и сколько съ посломъ будетъ людей, и о какихъ дѣлахъ идетъ, и о томъ о всемъ велено отнисать къ государю къ Москве напередъ себя зъ гонцомъ тотчасъ въ посольской приказъ.

И 128 г. мая въ 27 де(нь) писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Иванъ Читѣринъ да дьякъ Михайло Тюхинъ съ толмачомъ зъ Гавриломъ Есиповымъ: посланы они къ шахъ Аббасову в. въ прошломъ во 126-мъ году, августа въ 17 де(нь) пришли въ шахову землю моремъ въ Дербенской уѣздъ и на берегъ изъ бусъ сошли въ деревне Низове, а съ Низовы пошли въ Шемаху сухимъ путемъ на подводахъ. И августа въ 31-мъ числѣ пришли они въ Шемаху, и шемохѣйской Исупъ ханъ выслалъ къ нимъ на встрѣчу шемахѣйсково везира Усеинъ бека, а съ нимъ вонныхъ и пѣшихъ людей, а подъ нихъ прислалъ лошади свои, и встрѣчали ихъ отъ города съ версту. А въ приставехъ у нихъ велѣлъ быти шемохѣйскому беку Максимъ Али агѣ, и говорилъ имъ тотъ Максимъ Али ага: приказывалъ де къ вамъ Исупъ ханъ, чтобы вамъ побыти въ Шемахе до шахова указу, а шахъ де нынеча въ Родевили, и Исупъ деи ханъ къ шаху послалъ и объ вашемъ приходе писалъ. И поставили ихъ въ ханове саду. И въ прошломъ же во 127-мъ году сентября въ 14 де(нь) присланъ отъ шаха изъ Родивиля въ Шемаху шаховъ ясаулъ баша Кардалѣй, а велено имъ быти въ Родивиль. И Исупъ ханъ ихъ отпустилъ изъ Шемахи въ Родивиль сентября въ 25 де(нь). И они пришли, не выходя Ардивиля за две версты, октября въ 12-мъ числѣ, и встрѣтилъ ихъ кизылбашенинъ Усеинъ бекъ, а на встрѣче Усеинъ бекъ имъ говорилъ: шахово де величество прислалъ ево къ нимъ, а велѣлъ ему быти въ приставехъ у нихъ и велѣлъ де имъ быти въ городъ. И они съ приставомъ прѣехали въ городъ, и поставили ихъ на подворье. А встрѣчи имъ не было, и они и приставу

Усеинъ беку говорили: какъ у государя нашего царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. с. у его царского величества отъ шахова величества бываютъ послы и посланники, и царское величество для Аббасъ шахова величества братцкіе дружбы и любви велитъ шаховыхъ пословъ и посланниковъ встречати за городомъ, и на встрѣчахъ бываютъ дворяня и дети боярскіе многіе, и бываютъ имъ встрѣчи чесныя, и высылаютъ къ посломъ царского величества съ конюшни лошади подъ пословъ и подъ людей ихъ; а они отъ царского величества пришли къ шахову в. что въ пустой городъ: встрѣчи намъ не было, и лошадей къ нимъ отъ шахова в. не прислано. И приставъ Усеинъ бекъ имъ говорилъ: шахъ деи вскоре идетъ изъ Родивеля въ Казбинъ, а вамъ де быти въ Казбине жъ, и какъ де будете въ Казбине, и тамъ де вамъ будетъ встрѣча и лошади.

И октября жъ въ 13 де(нь) пріѣхали къ нимъ Кая салтанъ, что былъ преже сево у государя на Москвѣ отъ шаха въ послѣхъ, да приставъ Усеинъ бекъ ¹⁾. И говорили имъ: прислалъ де насъ къ вамъ шахъ, а велѣлъ вамъ говорить, что шахъ изъ Родивеля идетъ въ Казбинъ, а вамъ де шахъ велѣлъ итти за собою въ Казбинъ. И они Кая салтану и приставу говорили, чтобъ шахово в. пожаловалъ, велѣлъ имъ очи свои видети и посольство править и государеву посылку принять въ Родевиле. И Кая салтанъ и приставъ Усеинъ бекъ сказали имъ: шахъ де уже обиходы свои всѣ отпустилъ, а самъ де идетъ легкимъ дѣломъ наскоро, и вамъ де у шаха быти немочно, что походъ шаховъ вскоре приспѣлъ, а велѣлъ де вамъ шахъ говорить: присланы отъ царского величества къ шахову величеству кречеты, и вамъ бы де нынеча тѣ кречеты отослать къ шаху, а какъ де будете въ Казбине, а шахово де величество велитъ вамъ быти у себя на посольстве, и тѣ деи кречеты шахъ къ вамъ пришлетъ, чтобы вамъ тѣ кречеты с-бною посылкою на посольстве шаху объявити. И они Кая салтану и приставу Усеинъ беку противу тово говорили, что въ прежнихъ обычаехъ тово не бывало, что посломъ, не видя государевыхъ очей, отъ великого государя поминки отдавати. И они имъ сказали: только бы де то шаху не за кручину стало, что вы къ нему кречетовъ не послали. И октября въ 14 де(нь) шахъ изъ Родевила пошелъ въ Казбинъ, а имъ велѣлъ итти за собою жъ въ Казбинъ, и ихъ де после шаха отпустили изъ Родевила въ Казбинъ октября въ

¹⁾ Въ статейномъ спискѣ это отнесено къ 18 октября; но надо полагать, что тамъ сдѣлана описка, такъ какъ далѣе идетъ 14-е октября, какъ и въ донесеніи.

21 де(нь), а къ Казбину они пришли ноября въ 3 де(нь). И не доходя до Казбина за полверсты, встрѣтил ихъ казбинской воевода да калентарь, да съ ними конныхъ людей немного, а съѣхався съ ними на лошадѣхъ, учали имъ говорити: шахово де величество велѣлъ имъ васъ встрѣтити и о здоровье спросити и велѣлъ де вамъ шахъ ѣхати въ городъ. И они казбинскому воеводе и калентарю противу тово говорили: они на великого государя Аббасъ шахова величества жалованье челомъ бьютъ, что Аббасъ шахово величество учинилъ великого государя нашего его царского величества для братцкіе любви и дружбы: велѣлъ ихъ встрѣтити.

И какъ пріѣхали они блиско посаду, и за посадомъ ихъ встречали пѣшіе люди, а лошадей подъ нихъ отъ шахова в. не прислали, ѣхали въ городъ на тѣхъ же подводахъ, на которыхъ дорогою ѣхали, и они учали приставу Усеинъ беку говорити противу прежнихъ своихъ речей: какъ къ великому государю нашему къ его ц. в. отъ великого государя Аббасъ шахова в. приходятъ послы и посланники, и къ посломъ и посланникомъ царского величества съ конюшни присылають лошади подъ нихъ и подъ людей, а къ нимъ отъ шахова в. лошади не присланы. И приставъ намъ сказалъ: у великого де государя вашего такъ де инѣхъ повелоса, что подъ пословъ государского величества съ конюшни лошади посылають, а у шаха деи прежь сево тово не бывало и нынеча нѣтъ же, что посылатъ подъ пословъ лошади. И они приставу говорили: преже насъ отъ великого государя нашего отъ ево ц. в. былъ посланникъ Ѳедоръ Левонтьевъ, и шахово в. велѣлъ ево встрѣтити многимъ людямъ коннымъ и пѣшимъ и прислалъ къ нему аргамакъ своей конюшни. И приставъ имъ говорилъ: Ѳедоръ деи Левонтьевъ у шаха былъ на стану, а шахъ деи въ тоѣ пору шель изъ Грузей, и Богъ деи ему подаровалъ: Грузинскую землю повоевалъ и многими городами завладѣлъ; а хъ кому деи шахъ лошади посылаеть, и онъ деи тѣхъ лошадей назадъ не емлетъ. А воевода казбинской и калентарь и съ ними встрѣчники конные и пѣшіе провозжали ихъ до подворья. И тово же дни въ вечеру пріѣхалъ къ нимъ Кая салтанъ и Усеинъ бекъ отъ шаха и говорили имъ: шахъ деи ихъ прислалъ къ нимъ, а велѣлъ вамъ говорити, что шаховы очи видети и посольство правити завтра. И ноября же въ 4 де(нь) они были у шаха и по государеву наказу отъ его царского в. шахъ Аббасову в. посольство правили и государеву грамоту князь Михайло шаху поднесъ. И шахъ, приневъ грамоту, спросилъ п(р)о царское величество многолѣтное здоровье и государеву грамоту шахъ,

роспечатавъ, положилъ передъ собою, а ихъ позвалъ къ руке. И после того князь Михайло учалъ говорити рѣчь по государеву наказу.

И какъ князь Михайло рѣчь выговорилъ, и шахъ учалъ говорити: язь де брату своему великому государю вашему помогати радъ казною; что есть и за то не стою, и любительное прошенье брата своего великова государя вашего исполню. А имъ велѣлъ сѣсти блиско себя, да посмотря на птицы, послалъ Исупъ агу, а велѣлъ къ себѣ принести кречеть подкрасной и держалъ ево у себя на рукѣ не малое время, и клобучокъ съ нево снималъ и отдалъ Исупъ агѣ, да учалъ смотреть государеву грамоту и, посмотря, отдалъ дьяку своему Сары хозе, а посылку велѣлъ приняти и велѣлъ поднести къ себѣ пити, а имъ велѣлъ сказати: азъ деи пью чашу здорovia брата своего великова государя вашего. И выпивъ про царское здорovia чашу, и учалъ съ ними говорити про царского величества многолѣтнее здравье, какъ по милости Божіей великій государь учинился на своихъ великихъ преславныхъ государствахъ Російсково царствія и про московское разоренье, и про полсково и литовсково короля неправды, и про вора про Ивашка Зарутцково, и про Маринку. И говоря съ ними и съ своими ханы, и велѣлъ имъ ѣхати къ себѣ на подворье; а на отпуске имъ шахъ говорилъ: грамоту де язь брата своего великова государя вашего вычту и вы деи у меня опять будете. И ноября жъ въ 5 день¹⁾ шахъ къ нимъ прислалъ пристава Усеинъ бека, а велѣлъ быти къ себѣ ему, дьяку Михайлу, да переводчику Милоте Нагаеву, и они, князь Михайло и Иванъ, учали пристава говорити: посланы они отъ великова государя своего отъ его ц. в. къ великому государю къ Аббасъ шахову в., а велено имъ всякіе дела дѣлати всѣмъ вмѣсте, а товарищу ихъ дьяку Михайлу къ шахову величеству одному ѣхати непригоже. А дьякъ Михайло пристава учалъ говорити, что ему къ шахову величеству одному ѣхати непригодитца жъ, въ томъ воленъ Богъ да шахово величество. И приставъ имъ говорилъ: я де тово не вѣдаю, для чево шахъ велѣлъ быти Михайлу. И они о томъ пристава говорили долго и стояли о томъ много, что не пригодитца Махайлу одному ѣхати къ шахову в. И после де тово отъ шаха зъ двора прибегали стрельцы многижда, чтобъ Михайло къ шаху ѣхалъ тотчасъ, не мешкая. И приставъ имъ учалъ всѣмъ говорити: навести деи вамъ на себя отъ шаха великую кручину, только деи Михайло не поѣдетъ къ шаху вскоре. И они, побояся отъ шаха кручины, чтобы не навести

¹⁾ Въ статейномъ спискѣ: въ 6 день.

на себя шаховы кручины, поговоря межъ себя, онъ, дьякъ Михайло Тюхинъ, да съ нимъ переводчикъ къ шаху поѣхали, и прѣхали къ шахову двору, и ихъ взяли на дворъ къ шаху, а шахъ сидитъ въ заднихъ воротехъ простымъ обычаемъ.

И учалъ ему, Михайлу, шахъ говорити съ великимъ гнѣвомъ и съ великою яростию: пришли де вы ко мнѣ отъ государя своего въ послѣхъ ли, или государь вашъ прислалъ васъ ко мнѣ для того, чтобъ межъ нами любовь и дружба нарушить? Какъ деи мои послы были у государя вашего и на Москвѣ де ихъ и въ городѣхъ въ Казани и въ Астарахани запирали по дворомъ, что скотину, и зъ дворовъ ихъ никакова человекъ не выпускали и корму, чѣмъ имъ сытимъ быти, и купити ничево не дали, и у воротъ деи стояли многіе стрѣльцы, и я де надъ вами такожь крѣпость учиню и васъ васажу, и птицы вамъ видети не дамъ, не токмо де птицы, и пера птичьа вамъ не видать, и голодомъ велю поморить, и то деи что межъ нами, великими государя, за любовь? Государь вашъ моихъ пословъ запиралъ и голодомъ морилъ, а я противъ тово васъ запру и свѣту вамъ видети не дамъ и зъ голоду также уморю, какъ моихъ пословъ голодомъ уморили.

И Михайло шаху противъ того говорилъ: въ томъ твой, государь, воля что надъ нами учинишь; а они пришли къ нему отъ великого государя своего отъ его ц. в. о братственной дружбѣ и о любви, чтобъ намъ про великого государя своего его царсково величества указу промежь васъ, великихъ государей, братцую дружбу и любовь подкрепить, а не нарушити. А то тебѣ, великому государю, нѣхто сказалъ не гораздо, на смуту, не хотя васъ, великихъ государей, видети въ братцой дружбе и любви. Посломъ твоимъ у великого государя нашего у его царского в. никоторово дурна и запору не бывало и въ кормѣхъ имъ достатокъ былъ не малой, и въ запросъ чего они похотятъ, и то имъ все по государеву указу зъ дворца давано, а сверхъ того великій государь нашъ его ц. в., любя тебя, брата своего, великого государя Аббасъ шахова в., а пословъ твоихъ жалючи, велѣлъ къ нимъ посылать зъ дворца по вся дни съ ѣствою и съ питьемъ ѣствы блюдъ на сороке и на пятидесять, а съ питьемъ оловяниковъ и круженъ по пятнадцати и больши; а въ городѣхъ во всѣхъ, на которые города твои государевы послы шли, кормъ и питье имъ по государеву указу давано довольно. И ты, великій государь, вели спросить своихъ государевыхъ пословъ съ нами съ очей на очи: какое имъ было отъ царского величества утесненье? А у двора, государь, у твоихъ государевыхъ

пословъ стрельцы стояли для береженья: у великого государя нашего у его ц. в. на Москвѣ многихъ государствъ всякіе люди и чтобы твоимъ государевымъ посломъ и ихъ людемъ отъ иноземцовъ и отъ московскихъ людей которово дурна и позору не было, а не для запору. А твоихъ государевыхъ пословъ люди ихъ на Москвѣ и въ городѣхъ по улицамъ и по рядомъ, и по площади ходили безпрестани, гуляли и покупали что хотять безъ заперченья.

И шахъ говорилъ: то де ужъ минулось; только бы де впередъ моимъ посломъ у великого государя вашего запору и голоду не было. Что деи въ томъ межъ нами за любовь: государъ вашъ велить запереть моихъ пословъ, а я противу тово васъ запру и голодомъ поморю? Да шахъ же говорилъ: у великого де государя вашего какая ко мнѣ любовь! въ городѣхъ деи восводи государя вашего въ Базани и въ Астарахани моимъ торговымъ людемъ многую шкodu починили, пошрины съ нихъ имали вдвое и втрое передъ тѣмъ, какъ было напередъ сего при прежнихъ вашихъ государей, не токмо деи, что съ торговыхъ людей, и съ моихъ товаровъ пошрины имали, и что я велѣлъ купити на себя, и грамота моя за моею печатью къ воеводамъ государя вашего была, и мои торговые люди тоѣ грамоту казали, и воеводы деи грамоте моеи не повѣрили и съ товаровъ съ моихъ пошрину имали, и товаровъ купити на меня не дали, что деи пульное дѣло птица ястребъ! купилъ деи было мнѣ мой торговой человекъ въ Астарахани ястребъ, и астараканскіе де воеводы ястреба у моево торгового человека отняли, а тотарина, у ково купили, сажали въ тюрьму. А говорили деи воеводы: то заповедное и покупать тово не велено. А мне деи то дорого ли? Вы деи привезли ко мнѣ отъ государя своего птицы кречеты, и явъ деи изъ нихъ велю вырвати только по перу, да всѣ пуцу, и они летять, куда хотять. И то деи какая межъ нами братство и любовь! и коли бы де государъ вашъ хотѣлъ со мною быти въ братствѣ и въ любви, и заказу бы деи ни о чемъ не было, и моимъ торговымъ людемъ насильства и убытковъ не чинили, и повольность бы была также, какъ и въ моемъ государстве государя вашего торговые люди ѣздять и покупають что хотять, а съ нихъ ничево не емлютъ и насильства имъ никакова не чинять. И братъ бы деи мой, великій государъ вашъ, тѣмъ своимъ людемъ, которые межъ нами, великими государи, смуту чинять, велѣлъ наказанье учинить: отъ такихъ людей отъ смуты Московское государство въ розоренье было, и только де такіе воры впередъ будутъ, и Московскому де государству и покою не будетъ. И Михайло противъ того Аббасъ шахову вели-

честву говорилъ: какъ де были твои, великого государя Аббасъ ш. в., послы Кая салтанъ да Булатъ бежъ на царского величества дворѣ въ отвѣте царского величества зъ бояриномъ и намѣстникомъ нижегородскимъ, со княземъ Олексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ Ярославскимъ, и твои государевы послы боярину и нижегородцкому намѣстнику князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому Ярославскому говорили, что твоимъ государевымъ торговымъ людемъ въ городѣхъ воеводы и приказные люди, и таможенные головы обиды и насильства и продажи чинятъ многіе, и пошлины емлютъ передъ прежнимъ вдвое и втрое. И по царского в. приказу его царского в. бояринъ и намѣстникъ нижегородцкой князь Олексѣй Юрьевичъ съ товарищи твоихъ, великого государя Аббасъ шахова в., пословъ Кая салтана да Булатъ бека допрашивали, чтобъ они про то объявили подлинно, хто царского величества воеводъ и дьяковъ, и толмачей, и таможенныхъ головъ твоимъ Аббасъ шахова в. торговымъ людемъ насильства и продажу дѣлаютъ и кому именемъ какое насильство и продажу учинили, и у кого именемъ у твоихъ государевыхъ торговыхъ людей таможенные головы и съ какихъ товаровъ пошлины вдвое и втрое взяли, и великій государь нашъ его ц. в. для тебя, брата своего, великого государя Аббасъ шахова в. братственные дружбы и любви тотчасъ про то про все свое царское повелѣнье пошлетъ, а велить про то сыскати накрепко, а по сыску велить надъ воеводы и на(дъ) дьяками, и надъ таможенными головами, хто твоимъ великого государя Аббасъ шахова в. людемъ обиды и насильства и продажу учинилъ, наказанье учинить нещадно. И твои великого государя послы про то именно не сказали, въ которое время и которые воеводы и хто царского в. приказные люди и таможенные головы именно такъ негораздо дѣлали. Только великій государь нашъ его ц. в., хотя впередъ быти съ тобою, братомъ своимъ, съ великимъ государемъ съ Абасъ шаховыхъ величествомъ въ неліцемѣрной братственной дружбе и любви и въ ссылке, свое царское повелѣнье въ свои царскія отчины, въ Казань и въ Астарахань, и на Терекъ, своего царского в. бояромъ и къ воеводамъ, и къ дьякомъ, и ко всякимъ приказнымъ людемъ послалъ съ великимъ запрещеньемъ, чтобъ онѣ твоихъ великого государя Аббасъ шахова величества торговыхъ и всякихъ людей ото всякихъ обидъ и насильствъ оберегали и сами бы имъ никакихъ обидъ и насильствъ и продажъ не дѣлали, и тѣмъ межъ великого государя нашего его ц. в. и тебя великого государя Аббасъ шахова в. и межъ вашихъ великихъ государствъ ссоры и недружбы не всчинали. А хто учнетъ твоимъ великого государя Аббасъ шахова в. торговымъ и

вслыжимъ людямъ и ихъ, боярскимъ и воеводскимъ, и дьячьимъ, и всякихъ его ц. в. приказныхъ людей небереженьемъ чинити обиды какіе и насильства, и продажи, или сами онѣ учнутъ имъ чинить насильства жъ и обиды, и продажи, а про то същета и его царскому величеству учинитца вѣдомо подлинно, и имъ за то отъ царсково в. наказанья будетъ нещадно. А что, государь, на твой государевъ обиходъ надобно купити, и по царсково в. указу велено твоимъ государевымъ всякимъ людямъ покупати безошлинно. А что тебѣ, великому государю, сказали будто въ Астарахани воеводы у твоего торгового человѣка ястребъ отнял(и), и то, государь, никако не статочное дѣло: нѣхто тебѣ, великому государю, сказалъ на смуту жъ. И шахъ, государь, выслушавъ моихъ речей, да учалъ мнѣ говорить: пошлю деи съ вами ко государю вашему грамоту, запечатавъ своими тремя печатями. И показалъ печати. Тѣми де печатми грамоту запечатаю, и вы деи не пророните моево ни одново слова, до государя своего донесите, въ чомъ мнѣ на государя вашего досада, и что у меня топерьво слышите, ни одново слова не утаите, чтобъ въ такихъ безлепишныхъ ссорахъ наша братственная дружба и любовь не нарушилась. Какъ де я почалъ съ московскими съ прежними государи цари братственную дружбу и любовь держати, такъ деи и ныне зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, хочю и до своего живота братственную дружбу и любовь свершить. Да шахъ же, государь, говорилъ: только бы деи межъ нами не морское растоанье, и я бы деи къ брату своему, къ великому государю вашему, самъ пріѣхалъ самъ другъ или самъ третей. Да и то деи государю вашему извѣстно, какъ Московское государство было въ смуте, а воръ Зарутцкой зъ жонкою да съ робенкомъ прибежалъ въ Астараханъ, и ко мнѣ деи прислалъ отъ себя пословъ своихъ, чтобъ мнѣ имъ помочь учинити, а давалъ мнѣ Астараханъ, и я де той ихъ воровской смуте не повѣрилъ и Астарахани у нихъ не взялъ, и помочи имъ некоторые не учинилъ. А какъ де учинился на Московскомъ государстве братъ мой, великій государь вашъ, царь и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р., и ко мнѣ деи прислалъ гонца Михайла Тиханова, и я де, помнечи прежнихъ государей вашихъ братственную дружбу и любовь и хотя быти ныне съ великимъ государемъ вашимъ въ братстве и въ любви, и Зарутцково пословъ съ посланникомъ государя вашего послалъ къ великому государю вашему къ Москве. А въ смутное де время язъ Астараханъ кормилъ и пшено къ нимъ посылалъ; а о томъ некоторыми дѣлы не помыслилъ, что мнѣ Астараханъ взять. Да и ныне деи

до своего живота хочу съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, быти въ любви и въ дружбе. А изговора де ему, шахъ велѣлъ Мамгули хану своему поднести къ собѣ пить и взявъ чарку шарапу, да вставъ, учалъ ему говорити: язь де пью за здоровье брата своего, великого государя вашего, на томъ, что мнѣ съ нимъ до своего живота свершить братственную дружбу и любовь также, какъ и съ прежними великими московскими государи. Да выпивъ чарку, подаль ему тоѣ жъ чарку, а говорилъ ему: ты де тоѣ чарку выпей за здоровье великого государя своего и за мое здоровье. И велѣлъ ему ѣхати на подворье.

И ноября де въ 6 де(нь) шахъ пошолъ изъ Казбина въ Гялянъ, а изъ Гяляни пошолъ въ Өарабатъ зимовать; а намъ, холопомъ твоимъ, велѣлъ себя дожидатца въ Казбинѣ до весны и хотѣлъ ихъ отпустить къ государю весною вскорѣ, не задержавъ. А на кормъ прислалъ къ нимъ денегъ девяносто тюменей. И они зимовали въ Казбине. И еевраля по 23-е число отъ шаха къ нимъ изъ Өарабата вѣсти не бывало. И они, поговоря съ приставомъ съ Усѣинъ бекомъ, послали къ шаху толмача Сооона Огаркова, а приставъ съ нимъ послалъ племянника своего Мурза бѣка, а велѣли толмачю Сооону Аббасъ шахову величеству бити челомъ, чтобъ шахъ ихъ пожаловалъ, отпустилъ къ царскому величеству, не задержавъ. И апрѣля въ 11-мъ числѣ толмачъ Сооонъ Огарковъ пріехалъ къ нимъ въ Казбинъ и сказалъ имъ, что онъ шахъ Аббасова в. очи виделъ и о отпускѣ билъ челомъ, и шахъ де сказалъ: отпущу деи язь къ брату своему къ великому государю вашему пословъ ево вскорѣ. И мая въ 23 де(нь) пріѣхалъ къ нимъ отъ шаха изъ Өарабата въ Казбинъ Булатъ бекъ, которой прежь сево былъ у царского величества въ послѣхъ. А сказалъ имъ: шахъ деи пошолъ изъ Өарабата в-Ыспоганъ, а вамъ деи шахъ велѣлъ быти къ себѣ в-Ыспоганъ паскоро, а мнѣ деи, приставу Усеинъ беку, шахъ велѣлъ къ себѣ ѣхати съ вами вмѣсте, а велѣлъ деи вамъ шахъ взяти съ собою князь Михайлова племянника Борятинского, а Михайлу сына своего да переводчика Милюту, да толмача Ивана Сергѣева, да дву человекъ кречетниковъ, да велѣлъ вамъ вопчѣ взяти человекъ одново, а больши десети человекъ васъ и людей вашихъ шахъ имати никого къ себѣ не велѣлъ, а велѣлъ деи вамъ дати десеть подводъ. И они Булатъ беку о томъ говорили, что какъ имъ къ шахову величеству ѣхати безъ людей? отнюдь некоторыми дѣлы немощно: чтобъ имъ подводъ прибавили. И Булатъ бекъ имъ сказалъ: указалъ деи шахъ васъ взяти десети человекъ, и вы деи поѣдете по шахову указу, а подводъ

вамъ больши десети лошадей нивагъ мимо шахова указу не прибавятъ; а в-Испогани де вамъ побыти немного: будетъ деи вамъ из-Испогани хъ царскому величеству отпускъ. А только деи не поѣдете и шахова указу не послушаете, и вы деи шаха на гнѣвъ подвигнете; а у шаха де людей много, мошно де васъ взяти и по неволе. И они Булатъ беку говорили: въ томъ воленъ Богъ да шахово в., велитъ насъ вести къ себѣ безлюдныхъ, что полонениковъ, то онъ показуетъ къ великому государю нашему въ его ц. в. нелюбе, а намъ некоторыми дѣлы въ шахову в. безъ людей ѣхати не мочно и позорно. Да велѣли они въ Казбинѣ лошади подъ людей своихъ купити и до Испогани наймовати, чтобы имъ ѣхати людней. И свѣдали дорогою ¹⁾ валентарь и Булатъ бекъ, что они лошади покупаютъ и наймуютъ, и они заказали накрепко всякимъ людемъ лошадей имъ въ Казбинѣ продавать и наймоватца у нихъ до Испогани не велѣли. А говорилъ имъ Булатъ бекъ: какъ де вы противу шахова величества стоите! шахъ де отнюдь больши десети человекъ васъ и людей вашихъ имати къ себѣ не велѣлъ, а вы де хотите людно ѣхати! И они де о томъ стоя долго, говорили приставу и Булатъ беку многижда. Да маія въ 26 де(нь) съ приставомъ съ Усеинъ бевомъ да съ Булатъ бевомъ в-Испоганъ къ шаху поѣхали въ великой неволе, а взяли съ собою, по шахову указу, племянниковъ своихъ и толмачей, и кречетниковъ, да десеть человекъ людшекъ своихъ, а подъ люди лошади покупали и наймовали до ихъ заказу. И которые у нихъ лошади были покуплены и наняты, и тѣхъ лошадей у нихъ не отняли. А дорогою ѣдучи, Булатъ бекъ имъ сказывалъ: шахъ де мнѣ сказалъ, велѣлъ мнѣ готовитися, а посылаетъ де меня къ великому государю вашему вмѣсте съ вами. И они Булатъ бека спрашивали: сказываетъ имъ, что ево шахово в. посылаетъ къ великому государю нашему въ его ц. в. съ ними вмѣсте, будетъ ли съ тобою отъ шахова в. къ царскому величеству въ послыке денежная казна? И Булатъ бекъ имъ сказалъ: про то де язь вѣдаю, что будетъ со мною иная послыка къ царскому в., а денежные казны въ послыке, чаю, не будетъ. И іюня въ 5 де(нь) пріѣхали они къ Испогани и, не доѣзжая до Испогани за пятнатцать верстъ, поставили ихъ въ деревне, а сказали имъ приставъ и Булатъ бекъ: шахъ де в-Испоганъ не бывалъ, а ходитъ де около Испогани по деревнямъ, тѣшитца. Да того же дни приставъ и Булатъ бекъ поѣхали отъ нихъ въ городъ в-Испоганъ, а съ ними оставили людей своихъ. Іюня жъ въ 9 де(нь) пріѣхалъ къ нимъ въ деревню

¹⁾ Т. е. через даругу — полицеймейстера.

Булатъ бекъ, а сказалъ имъ: шахъ деи меня прислалъ къ вамъ, а велѣлъ деи вамъ ѣхати въ городъ. И привелъ подъ нихъ лошади подъ сѣдлы, и они тово жъ часу, а съ ними Булатъ бекъ, поѣхали въ городъ. И ѣдучи дорогою, Булатъ бекъ имъ говорилъ: шахъ де приказалъ, велѣлъ вамъ ѣхати къ своему двору, не бывъ на подворье, и быти де вамъ у шаха. И они Булатъ беку учили говорить: какъ намъ шахова в. очи видети, не бывъ на подворье, а мы запылились и перегрезнились? И Булатъ бекъ имъ сказалъ: воленъ де Богъ да шахъ, а вамъ деи какъ ево не слушати и воли ево не творити? А про лошади имъ сказалъ: которые лошади подъ нихъ привелъ, то де не шаховы лошади, приказалъ деи шахъ испоганскому везиру свои лошади подъ васъ послати. А встрѣча имъ была далеча за посадомъ: стояли пѣшіе люди съ пищальми улицею и по посаду и до шахова двора, и многіе пѣшіе люди безъ оружья были на встрѣче. И они пріѣхали въ посадъ и, не бывъ на подворье, по шахову указу поѣхали къ шахову двору, и пріѣхавъ блиско воротъ, съ лошадей сѣли и пошли на шаховъ дворъ, а пришедъ на дворъ, вошли въ полату, а полаты стоятъ въ саду. И Булатъ бекъ и приставъ имъ говорили: посидите де немного, а шахово де величество къ вамъ будетъ не вдолге. И они сидѣли въ полате, шаха дожидались часы съ три и больши. И пришелъ въ полату къ нимъ шахъ Аббасъ и велѣлъ имъ сѣсти блиско себя и учалъ имъ говорити зъ гнѣвомъ тѣ же статьи, что въ Каазбине говорилъ ему, Михайлу. И они противу тово шахова величеству говорили по государеву наказу, о которыхъ статьяхъ у нихъ въ наказе написано ¹⁾... А на литовсково де короля станемъ всѣ три съодново, и ему де у насъ и въ Польше не усидѣти. И они противу тово шаху говорили: и напередъ сево ты, великій государь, Аббасъ шахово в. зъ гиланцомъ своимъ съ Хозъ Муртовою и съ посланникомъ своимъ зъ Булатъ бекомъ къ великому государю нашему къ его царскому в. въ грамотахъ своихъ писалъ и рѣчью они царскому величеству и его царского величества приказнымъ людямъ въ розговорехъ говорили, что ты, великій государь, Аббасъ шахово в. хочешь быти съ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ нашимъ, въ крѣпкомъ братстве и въ любви навеки неподвижно и на всяково недруга хочеть стояти заодно: хто будетъ великому государю нашему другъ, тотъ и тебѣ, великому государю Аббасъ шахову в., другъ, а хто великому государю

¹⁾ Дальнѣйшее изложеніе идетъ такъ же, какъ въ статейномъ спискѣ, помѣщаемомъ ниже, съ тою лишь разницею, что рассказъ о Мурза бекѣ въ донесеніи помѣщенъ послѣ отвѣта пословъ на предложеніе шаха о присылкѣ своихъ ратныхъ людей.

нашему недругъ, тотъ и тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову в. недругъ. А великій государь нашъ его ц. в. прислалъ насъ къ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову в. велѣлъ тебѣ объявити, что великій государь нашъ его царское в. съ тобою, великимъ государемъ, съ Аббасъ шаховымъ в. учинился въ сердечной крѣпкой братцвой дружбе и любви и въ ссылкѣ мимо всехъ великихъ государей навекъ неподвижно. И шахъ имъ говорилъ: язь де вамъ тожь говорилъ: какъ язь къ брату своему, къ великому государю вашему, писалъ и призывалъ, таьъ и совершаю, хочу до своего живота зъ братомъ своимъ съ великимъ государемъ вашимъ быти въ крѣпкомъ братствѣ и въ дружбе и на недруга стояти заодинъ.

И после, государь, тово велѣлъ намъ ѣхати на подворье. А провожалъ ихъ до подворья Булатъ бекъ.

И они въ Испогани жили долгое время, а отпуску имъ нѣтъ. Приѣзжаютъ къ нимъ Булатъ бекъ и приставъ, и они имъ говорили безпрестани, чтобы они ихъ челобитье до шахова в. донесли, чтобы шахъ пожаловалъ, велѣлъ ихъ отпустить къ царскому величеству. И Булатъ бекъ и приставъ имъ сказываютъ, что они ихъ челобитье шахову в. розсказывали, и шахъ деи говорить, что однолишно вскоре отпущу, какъ посылку изготовятъ. И толмача къ шаху бити челомъ о отпуске и къ его ближнимъ людямъ говорити посылавали многижда.

И іюля въ 21 день въ ночи шахъ из-Испогани пошолъ совсѣмъ и зъ женами, и со всѣми обиходы. И они послали по Булатъ бека, и Булатъ бекъ къ нимъ приѣхалъ, и они учали Булатъ беку говорити: шахово в. из-Испогани пошелъ совсѣмъ, а насъ къ царскому в. не отпустилъ, и мы чаемъ себѣ, что намъ зимовати в-Испогани. И Булатъ бекъ имъ говорилъ: шахъ де ходитъ по часомъ, въ каковѣ часу ему въ городъ притти и въ каковѣ часу изъ города выти, а то де ево часъ пришелъ, что ему итти изъ города, и онъ де пошолъ со всѣмъ да сталъ въ садѣхъ, пять верстъ отъ Испогани, а будетъ де опять въ городъ лехвимъ дѣломъ для вашего отпуску, а отпусти де васъ, шаху итти совсѣмъ въ горы, въ холодные мѣста лѣтовати. И іюля въ 24 день въ полдни сказали имъ, что шахъ пришелъ и възѣхалъ на задней свой дворъ, а сталъ деи на дворѣ блиско воротъ подъ солнчиномъ, а въ полаты не пошолъ. И тово жъ дни въ полчаса ночи приѣхалъ къ нимъ Булатъ бекъ, а привезъ отъ шаха платье, да учалъ имъ говорити: шахово деи величество жалуетъ васъ, прислалъ къ вамъ платье, да велѣлъ де вамъ шахъ ѣхати къ себѣ, отпущаетъ де васъ къ царскому величеству, а самъ деи шахъ завтра ѣдетъ въ горы.

И они поѣхали къ шаху, а съ ними Булатъ бекъ. И пріѣхали къ шахову двору блиско, съ лошадей сѣли и пришли въ ворота, а въ воротехъ сидятъ шаховы ханы: Мамгули ханъ, да дворовой ево воевода Алымъ Гулу ханъ, да ближней ево человекъ Испендеръ бекъ и кулышаховы и беки, и ханы. И Булатъ бекъ имъ говорилъ: посидите де съ нами, Аббасъ шахова величества подождите. И они сидѣли въ воротехъ съ ханы съ полчаса. И сказали имъ: шахово деи величество идетъ и велѣлъ имъ на лошади сѣсть. Поставили ихъ на лошедахъ блиско воротъ. И скоро де после тово шахъ выѣхалъ за ворота на лошади, и пріѣхавъ къ нимъ, не велѣлъ имъ съ лошадей сходить. И учалъ шахъ имъ говорить: отпушаю де васъ къ брату своему къ великому государю вашему, а съ вами де отпушаю къ брату своему къ великому государю вашему, Булатъ бека въ большихъ послѣхъ; преже деи сево онъ бывалъ у государя вашего въ меньшихъ послѣхъ, а нынеча де ево посылаю въ большихъ послѣхъ для тово, что ему заобычай: преже де сево и неодинажды, онъ бывалъ у великого государя вашего. А что деи у менялучилося, и язъ де посылаю къ брату своему, къ великому государю вашему, съ своимъ посломъ, зъ Булатъ бекомъ. Да изговори имъ тоѣ рѣчь, шахъ позвалъ ихъ къ руке, и они, съ лошадей збежавъ, пошли къ руке къ шаху. И бывъ у руки, шахъ отѣхалъ отъ своихъ людей подале, а имъ велѣлъ итти за собою, да учалъ имъ шахъ говорити: преже деи сево язъ вамъ говорилъ и не одинажды и нынеча съ вами призываю къ брату своему, къ великому государю вашему, чтобы деи великій государь вашъ однолично на Койсѣ и въ Таркахъ велѣлъ города поставити. И они Аббасъ шахову в. говорили тожъ, что и преже сево: какъ по милости Божіей онъ, великій государь его ц. в., съ недругомъ своимъ, зъ Жигимонтомъ королемъ польскимъ, управитца, и великій государь нашъ, его ц. в., на Койсе велитъ тотчасъ городъ поставити. И велѣлъ имъ шахъ ѣхать на подворье, а самъ поѣхалъ на свой дворъ. И въ ту же ночь шахъ из-Испогани пошолъ въ горы, а сказываютъ от-Испогани до тѣхъ мѣстъ, гдѣ шаху стояти, ѣздятъ въ четыре дни. А Булатъ беку шахъ велѣлъ ѣхати за собою, а имъ велѣлъ в-Испогани дожидатися Булатъ бека. И они жили в-Испогани, дожидатися Булатъ бека. И августа въ 19 де(нь) Булатъ бекъ отъ шаха пріѣхалъ в-Испогань къ нимъ, а сказалъ имъ: шахово де в. велѣлъ вамъ дати подводы и велѣлъ де имъ итти къ царскому величеству, а ему деи велѣлъ съ ними жъ итти. И они пошли из-Испогани августа въ 24 де(нь), а Булатъ бекъ поѣхалъ съ ними вмѣсте. И по городомъ имъ многое

мешканье было за подводами: вскоре подвody не зберутъ. А въ Шемаху они пришли нынѣшняго 128-го году октября въ 20-мъ числѣ. И въ Шемахѣ де ихъ Исупъ ханъ держалъ две недѣли за подводами жъ, а отпустилъ ихъ изъ Шемахи Исупъ ханъ ноября въ 3 де(нь). А на Терекъ они и шаховъ посоль Булатъ бекъ пришли ноября въ 29 де(нь), и на Терке они и посоль Булатъ бекъ позазимовали, потому что морской ходъ поминовался и въ Астараханъ проѣхати было не мочно. А дорогою ѣдучи и на Терке будучи, Булатъ бека спрашивали многижда и людей ево провѣдывали всякими мѣрами: есть ли отъ шахова в. къ царскому величеству въ послыке денежная казна? И Булатъ бекъ имъ сказывалъ: денежные де казны съ нимъ отъ шахова в. къ царскому в. нѣтъ, а есть де съ нимъ отъ шахова в. къ царскому величеству многая посылка, только денежные казны нѣтъ. А люди ево имъ сказываютъ то жъ, что денежные казны въ Булатъ бекомъ въ послыке нѣтъ. Да сказывалъ имъ приставъ Усеинъ бекъ и иные многіе шаховы беки и кулы, что деи промежъ великими ими государи учинилъ многую смуту и ссору Булатъ бекъ, и шахъ де по Булатъ бекове смуте и на васъ гневенъ; а до тѣхъ де мѣстъ, покамѣста Булатъ бекъ къ шаху не пріѣхалъ, какъ про васъ писалъ къ шаху въ Родивиль шемахинской Исупъ ханъ, и шахъ деи было и послыку ко государю вашему готовить велѣлъ многую и вамъ деи велѣлъ было встрѣчу учинити, и лошади подъ васъ изготовить, и честь воздати великую. И какъ де пріѣхалъ въ Родивиль Булатъ бекъ, и то деи все по Булатъ бекове смуте шахъ велѣлъ отставить. А что шахъ говорилъ имъ про ястребъ, будто ему ястребъ кушили въ Астарахани, и тотъ ястребъ воеводы у купчины велѣли отняти, и про тоѣ статью Булатъ бекъ имъ самъ говорилъ: явъ де шахову в. сказалъ, что воеводы ястребъ отняли. Да шаховъ же посоль Булатъ бекъ говорилъ имъ, чтобъ ему и имъ побыти въ Астарахани немного, а сказывалъ имъ, что писалъ къ нему изъ Шемахи Исупъ ханъ, что будетъ за нимъ къ великому государю отъ шаха посылка, и ему де Исупъ ханъ велѣлъ тоѣ послыки ждати въ Астарахани; а будетъ деи та посылка къ нему въ Астараханъ вскоре. И они у Булатъ бека спрашивали: какая посылка отъ шахова в. къ великому государю нашему будетъ? И Булатъ бекъ имъ не сказалъ, какая посылка отъ шаха за нимъ будетъ, а говорилъ имъ: я де и самъ про тоѣ послыку подлинно не вѣдаю, какая посылка будетъ.

И по той отписке писано отъ государя ц. и в. кн. Михайла Фодоровича в. Р. въ Астараханъ къ воеводамъ, ко князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да ко князю Олексѣю Михайловичю Лвову

да ко дьякомъ къ Ивану Тимоѣеву да къ Ивану Грязеву, 128-го іюня въ 13 де(нь): будетъ къ шахову послу къ Булатъ беку съ шаховою посылкою изъ Шемахи въ Астарахань пріѣхали или хоти будетъ и не бывали, а похочеть будетъ посолъ ѣхати къ государю, не дождався посылки, а до сеѣ будетъ государевы грамоты они изъ Астарахани пословъ государевыхъ Ивана Чичѣрина и дьяка Михайла Тюхина и шахова посла Булатъ бека не отпустили, и имъ велено государевыхъ пословъ и казылбашского посла, давъ суды и кормщиковъ и гребцовъ, и шахову послу до Казани кормъ и питье дати по тому жъ, по чему ему давано въ Астарахани, примѣрясь къ прежнему, какъ прежнимъ шаховымъ посломъ кормъ даванъ, и въ запросъ чего попросятъ, а добыть будетъ мочно, чтобъ шахову послу въ кормѣхъ нужи не было. И отпустить ихъ изъ Астарахани велѣно тотчасъ, и провожатыхъ съ ними велено послати, сколько человекъ пригоже, ратныхъ людей, чтобъ имъ до Самары и до Казани дойти здорово и безстрашно; а слона велено отпустить съ ними жъ вмѣсте водянымъ или сухимъ путемъ, какъ лутче, смотря по мѣре и ему покойней, чтобъ ево до Москвы довести жива, то имъ велено учинити по совѣту зъ государевыми послы и съ казылбашскимъ посломъ, да какъ лутче и бережней, такъ имъ велено его и отп,стить, и на кормъ денегъ велено дати до Казани. А будетъ къ шахову послу посылка изъ Шемахи не бывала, а онъ, не дождався посылки, изъ Астарахани ѣхать не похочеть, и имъ ему въ томъ велено дати на волю, и кормъ ему въ Астарахани и шаховымъ людямъ, которые съ нимъ, и посольскимъ людямъ велено въ Астарахани давати, примѣрясь къ прежнему, довольно, чтобъ ему въ кормѣхъ скудости не было, и отпустить его велено изъ Астарахани къ государю по ево воле; а государевыхъ пословъ отпустить велено къ государю напередъ шахова посла, только будетъ онъ изъ Астарахани, не дождався посылки, не пойдетъ. И проводить имъ государевыхъ пословъ велено по тому жъ послать до Самары и до Казани, какъ бы имъ дойти здорово; а слона велено отпустить съ казылбашскимъ посломъ. Да какъ у нихъ учнетъ дѣлатца—вмѣсте ль шахова посла зъ государевыми послы къ Москве отпустать, и сколько съ нимъ людей проводить пошлютъ, и какъ слона отпустать, Волгою-ль или степью, и по чему казылбашскому послу и шаховымъ и посольскимъ людямъ на день корму и питья велеть давати, или шаховъ посолъ станеть дожидатца въ Астарахани посылки изъ Шемахи, а безъ тово итти не похочеть, — о томъ къ государю наскоро велено отписати напередъ государевыхъ пословъ, чтобъ государю о всемъ о томъ вѣдомо было

вскоре. А будетъ шаховъ посолъ зъ государевыми послы вмѣсте не пойдетъ, а похочетъ итти после государевыхъ пословъ, дождався послы, или хоти и не дождався, а похочетъ итти, и ево къ государю отпустить велено по его воле и кормъ ему и шаховымъ и ево людемъ велено дать до Казани и проводить послать велено, и въ Казань о томъ къ боярину и воеводамъ, ко князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарищи, велено отписать по чему корму на день кизылбашскому послу и шаховымъ и его людемъ давати, чтобъ имъ о томъ вѣдать.

А къ государевымъ посломъ, къ Ивану Чичѣрину да къ дьяку къ Михайлу Тюхину, писано отъ государя: будетъ шаховъ посолъ похочетъ изъ Астарахани съ ними итти вмѣсте, и имъ велено итти съ шаховымъ посломъ вмѣстѣ до Самары, а съ Самары имъ велено итти къ государю напередъ шахова посла тотчасъ, не мешкая нигдѣ ни часу. А того имъ, будучи въ Астарахани и въ дороге, у шахова посла и у шаховыхъ людей, которые съ нимъ, и у ево людей, которые съ нимъ, велено провѣдывать всякими мѣрами накрепко, о какомъ дѣле къ государю шаховъ посолъ идетъ и что съ нимъ отъ шаха къ государю послыки имянно всякіе рухледи и денежная казна есть ли? и будетъ есть, и сколько денежныя казны и какіе послыки посолъ ждалъ изъ Шемахи, и что къ нему изъ Шемахи прислано? чтобъ имъ прѣ то однолично провѣдати подлинно. А что провѣдаютъ, о томъ велено къ государю отписать наскоро. А будетъ шахову послу послыка еще не бывала, а не дождався послыки, изъ Астарахани съ ними вмѣстѣ не пойдетъ, и имъ изъ Астарахани велено ѣхать къ государю тотчасъ, безъ кизылбашсково посла. А ѣхать велено однолично наскоро, чтобъ государю про то про все государево дѣло, какъ у нихъ государево дѣло у шаха дѣлалось, было вѣдомо. А къ Москве пріѣхавъ, велено явитца въ посольскомъ приказе дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчюкову.

Писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Астарахани воеводы князь Ондрѣй Хованской да князь Алексѣй Львовъ, да дьяки Иванъ Тимоѣевъ, да Иванъ Грязевъ, что въ нынешнемъ во 128-мъ году марта въ 25 де(нь) пріѣхалъ къ нимъ въ Астарахань съ Терки астараханской жилецъ орменинъ Минаско Григорьевъ, которово они напередъ сево послали изъ Астрахани въ Кизылбаши къ государевымъ посломъ, къ Ивану Чичѣрину да къ дьяку къ Михайлу Тюхину, зъ грамотами для государева дѣла о перемирье съ тобою, великимъ государемъ, полсково и литовсково короля и провѣдать про твоихъ государевыхъ пословъ, для чево ихъ въ Кизылбашской землѣ

задержали. А съ нимъ, Миначкомъ, пріѣхалъ въ Астарахань съ Терка жъ отъ государевыхъ пословъ, отъ Ивана Четѣрина да отъ дьяка отъ Михайла Тюхина, московской толмачъ Гаврило Есиповъ. А писали къ нимъ Иванъ Чичѣринъ да Михайло Тюхинъ съ толмачомъ, зъ Гавриломъ Есиповымъ, да съ ормениномъ съ Миначкомъ, что они исъ Кизылбашъ отъ кизылбашского шаха Аббаса пришли на Терекъ, а съ ними къ царскому в. отъ шахъ Аббаса посланъ посолъ ево Булатъ бекъ, да зъ Булатъ бекомъ же отъ шахъ Аббаса къ царскому величеству посланъ слонъ; а того толмача отпустили они къ государю къ Москве съ отписки, и ево бъ изъ Астарахани отпустити къ государю къ Москве, не задержавъ. А они, Иванъ и Михайло, да съ ними шахъ Аббасовъ посолъ Булатъ бекъ съ Терки въ Астарахань будутъ вскоре.

Переводъ зъ грамоты, что привезъ съ Терки гонецъ нынешнего 128-го году маія въ 27 де(нь), что писалъ дербенской Берхордаръ салтанъ хъ кизылбашскому послу къ Булатъ беку:

Чеснѣйшему, високомѣсному, дружелюбному, ко всякому ласку имѣющему и всегда въ добромъ помышленъе пребывающему доброю славою просіавшему Булатъ беку безчисленно много Бога молю про твое многолѣтное здоровье, чтобы тебѣ быти милостію Божіею сохранену и всегда въ счастливомъ пребыванъе, а потомъ тебѣ слово наше то, что писалъ еси къ намъ грамоту и та грамота до насъ дошла, и о чемъ еси въ ней писалъ, и про то намъ вѣдомо учинилось. А что еси къ намъ писалъ о кашлаке на Терке, и здѣшніе люди съ Салтанъ Магмутомъ соединачились, а салтанъ Магмутъ хочеть учинитца високомѣсново государя подъ шахъ Аббасовою рукою въ холопстве, а шахъ Аббасово величество самъ хочеть быти къ намъ. И какъ шахово величество къ намъ придетъ, и я ево, Салтанъ Магмутову, грамоту, по чему онъ билъ челомъ государю нашему, чтобы ему быти подъ шаховою рукою въ холопстве, шахову величеству подамъ, чтобы про то было вѣдомо. А Малые Нагаи съ шаховымъ величествомъ въ миру жъ и въ дружбе, потому что отъ нихъ были челобитчики, и ныне мы про Малые Нагаи дни зъ два спустя, ждемъ вѣсти подлинныя, и тебѣ бы о томъ терскому воеводе поговорити, чтобы для государя нашего дружбы и любви съ Малыми Нагаи были въ соединенъе и отъ не-друговъ бы ихъ оберегали. А отъ ково именемъ ся грамота писано къ Булатъ беку, и тово въ грамоте не объявилось; а въ нишане имя Берхордаръ салтана.

Писалъ къ государю Микита Вельяминовъ, что въ нынешнемъ во 128-мъ году ноября въ 13 де(нь) пріѣхалъ къ нему исъ Кизылбашъ

на Терекъ сынъ боярской Первой Лаврентьевъ сынъ Лукипъ, которово онъ послалъ въ Кизылбашу къ государевымъ посломъ, къ Ивану Чичѣрину съ товарищи, съ радостными вѣстями о мирномъ постановленіи съ литовскимъ королемъ, а въ роспросе ему сказалъ: спрашивалъ де ево Иванъ Чичѣринъ: есть ли де на Терке сынъ боярской, Сергѣемъ зовуть, Сипягинъ, а ему де Сергѣю у шаха въ переводчикахъ братъ родной, Замятенкою зовуть, бусурманенъ, и тотъ де Замятенко роболѣлся и прислалъ къ Ивану Чичѣрину для вина, и Иванъ де ему вина послалъ съ челоуѣкомъ своимъ. И тотъ де Замятенка говорилъ Иванову челоуѣку: есть ли де на Терке сынъ боярской, Сергѣемъ зовуть, Сипягинъ? И Ивановъ де челоуѣкъ сказалъ ему, что онъ на Терке не бывалъ и такова сына боярсково не знаетъ. И Замятенка де ему сказалъ, что ему братъ родной, а прислалъ де къ нему съ Терки грамотку съ астраханскимъ стрельцомъ, съ Кузмою съ Сухорувимъ. И учалъ де брата своево Сергѣя лаетъ матерны и зъ грамоткою, и учалъ де говорить: не дорогъ де братъ мой и зъ грамоткою. И после де того учалъ говорить: побью де челоуѣку государю своему Абазъ шаху, чтобъ отписать о брате моемъ къ государю къ Москве, чтобъ де ты, государь, отпустилъ брата ево къ нему въ Кизылбашскую землю; а будетъ, государь, брата его, Серешку, къ нему въ Кизылбашскую землю не отпустишь, и я де у государя своего, у Абазъ шаха, возьму ратныхъ людей тысячу челоуѣкъ и пойду подъ Терской городъ и Терской городъ воаму возьмемъ, и брата своево Сергѣя выведу. А тотъ Сергѣй въ Терскомъ городѣ живетъ давно, отъ тѣхъ мѣстъ, какъ турскіе люди Тарки и Койсу взяли, а послуживецъ былъ головы стрелетцково Смирново Маматова, а въ дети боярскіе верстанъ прежь ево пріѣзду. И онъ, воевода, преже пріѣзду исъ Кизылбашъ сына боярсково Первого Лукина того Сергѣя Сипягина послалъ къ государю зъ государевымъ дѣломъ октября въ 19-мъ числѣ. И по тѣмъ де вѣстямъ онъ, воевода, для того Сергѣя послалъ въ Астараханъ сына боярсково жъ Романа Протасова и велѣлъ ево взяти и привести къ свѣбѣ на Терекъ для роспросу и сыску. И сынъ боярской Романъ, пріѣхавъ на Терекъ, ему сказалъ, что ево до Астарахани моремъ не пустили льды, потому что путь послѣдней зимней. Да сынъ боярской же Первой сказалъ: только бы де воевода ево, Первого, къ государевымъ посломъ не прислалъ, и государевымъ де посломъ у шаха бити было засаженимъ, потому что въ Кизылбашской землѣ тотъ слухъ былъ, будто литовской король Московскимъ государствомъ завладѣлъ.

И іюня въ 4 де(нь) по той отпискѣ писано по городомъ на

Терекъ и въ Казань, и въ Астарахань: будетъ тотъ Серешка Сипягинъ гдѣ объявитца, и ево велено прислать къ государю къ Мосеве, съ кѣмъ пригоже, будто съ кѣмъ для дѣла въ товарыщехъ.

129-го, октября въ 1 де(нь) писали къ государю изъ Казани бояринъ и воевода князь Борисъ Лыковъ да князь Федоръ Борятинской, да дьяки Ондрѣй Степановъ, да Иванъ Васильевъ. Въ нынешнемъ де во 129-мъ году сентября въ 12 де(нь) пріѣхали въ Казань изъ Астарахани торговые люди, свѣяженинъ Ларя Оптипинъ да казанской посадкой человекъ Якушъ Мининъ, а въ роспросе имъ сказали: поѣхали де изъ Астарахани въ короване астараханскіе воеводы князь Ондрѣй Хованской да князь Олексѣй Львовъ, да Иванъ Чичѣринъ, да дьяки Иванъ Тимоѣевъ, Иванъ Грязевъ, Михайло Тюхинъ, да съ ними жъ деи идеть къ государю отъ кизылбашского Аббасъ шаха посоль Булатъ бекъ, а съ нимъ людей ево человекъ съ полтретьятцать, а ѣдетъ онъ къ государю зъ дары, да кизылбашской же купчина Ага Асанъ ѣдетъ съ товары. Да въ томъ же короване везуть государеву рыбу въ двунатцати стругѣхъ. Да изъ Астарахани жъ ѣдутъ рускіе торговые люди на большихъ судѣхъ и въ кладныхъ стругѣхъ съ рыбою и съ солью, и съ товары, да тезиковъ ѣдетъ человекъ съ трицать съ товары жъ; а поѣхали де они въ короване изъ Астарахани іюля въ 30 де(нь). Да тово жъ деи дни, какъ они поѣхали изъ Астарахани, пріѣзжали въ Астарахань пять человекъ нагайскихъ татаръ Кара Кель Маметева улусу, а сказывали они, что многіе ихъ кочевные татарова отъ Кара Кель Маметя отѣхали къ Аксакъ Кель Маметю, а миру деи по ихъ поѣздъ межъ Кара Кель Маметя и межъ Аксакъ Кель Маметя не было. А на караванъ деи Волгою рекою воры казаки не прихаживали; а осталося деи было у каравану судно большое москвитина Ивана Юрьева съ рыбою и съ солью межъ Астарахани и Царицына о Половомъ яру, не доѣзжая Царицына за полтретьяста версть, и на то де Иваново судно приходили воры казаки человекъ съ триста и взяли де тѣ казаки ховяйсково запасу меховъ со сто, да они жъ имали жиръ да масло; а иного деи ничево ховяинского и ярыжныхъ не грабили. А будетъ деи кому что казаконъ у ярыжныхъ понадобилось, и они у нихъ покупали. А вѣсть де про то, что приходили казаки на то судно, пришла воеводамъ на Царицыне, и воеводы де на тѣхъ воровъ казаконъ ратныхъ людей не посылали, потому что чаяли ихъ, казачья, приходу на корованъ. Да при нихъ же де на Царицынъ пришли зъ Дону казаки, а сказывали, что они идутъ въ Астарахань отъ казачья войска въ монастыри со вклады, съ ковши да съ чарками серебре-

ними; а громили де они на море катарги. А Буимъ деи Болтинъ, которой отпущенъ исъ Казани въ лѣтнемъ короване и съ послы зъ бухарскимъ и съ юргенскимъ въ тѣ поры исъ Казани приполъ на Царицынъ, и тѣхъ донскихъ казаковъ посадилъ къ себѣ въ суды и повезъ ихъ съ собою въ Астараханъ. Да тѣ же деи казаки сказывали имъ на Царицыне, что идетъ зъ Дону нагайскихъ улусовъ громити атаманъ Трена Усъ. Да къ каравану жъ де выше Царицына приѣзжали и(зъ) степи къ Волге на берегъ два человека конныхъ казаковъ, и воеводы деи посылали къ тѣмъ казакомъ къ берегу говорити голову Петра Обернибесова, и казаки деи ему говорили: ѣдутъ деи они отъ войска, а въ войске де ихъ казаковъ съ чотыреста человекъ; а идетъ деи войско ихъ полемъ, а сказали: громили де они нагайскіе улусы, и у нихъ деи много лошадей и ясырю; и будетъ деи хто похочетъ съ ними торговать, и они де къ нимъ будутъ со всемъ впереди къ Волге на яръ, а на которой яръ, того не упомнать. И они въ караване ѣхали до Саратова. А хъ казаки хъ коровану после того ни съ чѣмъ не бывали. А поѣхали деи они, Ларя и Якушъ, изъ каравану въ Казань съ Саратова въ легкомъ стружку канунъ Семеня дни. А караванъ деи пошелъ съ Саратова тово жъ дни, а въ Казань деи чають ихъ къ Покрову Святей Богородицы.

И по той отписке писано отъ государя въ Астараханъ къ стольнику и воеводе, ко князю Семену Прозоровскому да къ околичему и воеводе къ Ортемю Измайлову, да къ дяку къ Василью Мартемьянову, велено о Нагайцахъ и о донскихъ казакъхъ отписать въ государю имянно: нагайскіе татарова Кара Кель Маметева улуса въ Астараханъ къ нимъ бывали-ль, и сколько ихъ человекъ, и о кою пору приѣхали, и что вамъ въ роспросе про Кара Кель Маметь и про Акса Кель Маметь мурзу и про ихъ улусы сказали: что нынѣ въ нагаехъ межъ ими дѣлаетца и хто кому силенъ, и впередъ межъ ими чево чають, и которая сторона намъ прѣмѣ: Кара Кель Маметь ли мурза зъ братьею и съ племянники, которые съ нимъ, или Авсакъ Кель Маметь съ своею братьею? И донскіе казаки къ вамъ въ Астараханъ бывали же-ль? и будетъ были, и для чево приѣзжали и сколько ихъ человекъ приѣзжало? и ото всево-ль войска для какова дѣла приѣзжали? и будетъ ото всего войска со вклады съ судами серебряными, и какіе суды серебрянше съ ними были, и въ которые монастыри или собою, и что вамъ про свое донское войско въ роспросе сказали, и на море товарищи ихъ на катарги хаживали-ль, и о кою пору ходили, и въ которыхъ мѣстехъ катарги и какихъ людей гро-

мили? и на нагайскіе улусы донскіе казаки войною ходили-ль? и будетъ ходили, и кто именовъ атамановъ и сколько съ ними войска, и на которые улусы ходили, и что у нихъ съ нагаи учинилось: хто ково и въ которыхъ мѣстехъ повоевали? О томъ о всемъ велено отписать къ государю, роспрося ихъ подлинно, чтобъ государю про то про все было вѣдомо подлинно.

Октября въ 13 де(нь) писали къ государю изъ Казани бояринъ и воеводы князь Борисъ Лыковъ съ товарищи: въ нынешнемъ во 129-мъ году сентября въ 25 де(нь) пріѣхалъ въ Казань изъ Астарахани съ кизылбашскимъ посломъ, въ Булатъ бекомъ, вмѣсте кизылбашской же гонецъ, а купчина онъ же, Хозя Ага Асанъ, на казанское устье, а изъ Астарахани объ немъ къ нимъ грамоты не приславо. И они роспрашивали про того купчину дьяка Ивана Грязева: приставъ у него у купчины изъ Астарахани былъ ли, и государево жалованье поденной кормъ въ Астарахани и въ дороге ему даванъ ли? И дьякъ Иванъ Грязевъ имъ сказалъ: посланъ тотъ гонецъ Ага Асанъ къ государю отъ кизылбашского шахъ Аббаса опричь посла Булатъ бека съ особнымъ дѣломъ, и велено деи было его изъ Астарахани отпустить ко государю напередъ того посла Булатъ бека, и изъ Астарахани де того гонца напередъ отпустить было нѣ съ кемъ, а людей деи съ нимъ девять человекъ; а въ приставехъ съ нимъ изъ Астарахани былъ посланъ сотникъ стрелецкой Иванъ Микитинъ, и грамота де объ немъ изъ Астарахани къ нимъ и кормовая роспись была у него, Ивана, и прислана де къ воеводамъ, ко князю Ондрѣю Хованскому съ товарищи съ Москвы государева грамота на встрѣчу выше Тетюшъ, а велено де того Ивашка по той государеве грамоте послати въ Астарахань съ приставомъ. И тово де они Ивана тотчасъ послали въ осенней корованъ къ Богдану Износкову съ сотникомъ с-Ивашкомъ Михайловымъ, а Богдану велѣли его свести въ Астарахань. И тотъ деи Ивашко тоѣ астараханскую грамоту о гонцѣ о Ага Асане и кормовую роспись увезъ съ собою жъ въ Астарахань. И они у тово кизылбашского гонца тотчасъ велѣли быти въ приставехъ до отпуску казанцу Юрью Нарматцкому, и государево жалованье кормъ ему, Ага Асану, и людямъ ево дали на четыре дни: ему, Ага Асану, по пяти алтынъ на день да по шти чарокъ вина, по полу ведра меду; людямъ ево девети человекомъ по шти денегъ человеку на день, примѣрся въ инымъ купчинамъ противъ корму купчины жъ Миркете Сента, которой шель къ государю къ Москве въ прошломъ во 128-мъ году. И въ дорогу до Нижнево дали корму на две недѣли,

и отпустили ево къ государю къ Москве съ приставомъ, съ казанцомъ съ Степаномъ Львовымъ сентября въ 30 де(нь). А прѣѣхавъ въ Ярославль, Степану Львову велѣли отписать ко государю напередъ себя, и въ Нижней объ ево отпуске въ боярину и воеводе къ Петру Петровичю Головину да къ дьяку къ Василью Юдину они писали жъ.

Тово жъ дни писали къ государю изъ Казани бояринъ и воеводы князь Борисъ же Михайловичъ Лыковъ съ товарищи, что въ нынешнемъ во 129-мъ году сентября въ 25 де(нь) писали изъ Астарахани стольникъ и воеводы князь Семенъ Прозоровской съ товарищи въ Казань къ боярину и воеводе ко князю Борису Хилкову съ товарищи, что они по государеву указу отпустили ко государю пословъ Ивана Чичѣрина да дьява Михайла Тюкина, да съ ними кизылбашского посла Булатъ бска съ шаховыми и съ его, Булатъ бековыми, людьми; а въ приста-вехъ у кизылбашского посла и для всякого береженья посланъ изъ Астарахани Мисюръ Товарищевъ. А корму де дако кизылбашскому послу Булатъ беку съ людьми отъ Астарахани до Казани на шесть недѣль. И какъ государевы послы и кизылбашской посолъ съ людьми въ Казань прѣѣдутъ, и ихъ бы по государеву указу, давъ имъ подводы и провожатыхъ и кизылбашскому послу съ людьми въ дорогу кормъ по росписи, какова дана въ Астарахани Мисюрю Товарищеву, отпустить ихъ къ государю къ Москве. И сентября де въ 26 де(нь) прѣѣхали въ Казань Иванъ Чичѣринъ да дьякъ Михайло Тюкинъ, а сказали имъ что прислана къ нимъ на Самару государева грамота, а велено имъ съ Самары ѣхати ко государю къ Москве напередъ кизылбашского посла, а послу де велено ѣхати по государеву указу съ приставы съ Мисюремъ Товарищевымъ после ихъ. И они де ѣхали съ Самары до Казани напередъ кизылбашского посла. И по государеву указу они Ивана Чичѣрина да дьяка Михайла Тюкина, давъ имъ суды и кормщиковъ и гребцовъ, отпустили ко государю сентября въ 29 де(нь); а кизылбашской шаховъ посолъ Булатъ бекъ съ шаховыми и съ своими людьми приполъ въ Казань сентября жъ въ 26 де(нь). И они кизылбашского посла отпустятъ ко государю сентября въ 30 де(нь) съ астараханскимъ же приставомъ съ Мисюремъ Товарищевымъ и кормъ почесной къ нему на прѣѣзде и поденной кормъ на четыре дни по астараханской росписи на станъ на рѣчку на Казанку въ село Ягодное послали, и въ дорогу кормъ и питье до Нижнего и подводы и провожатыхъ дадутъ, и въ Нижней къ боярину и воеводе къ Петру Петровичю Головину да къ дьяку къ Василью Юдину отпишутъ, чтобъ они по государеву указу дали кизылбашскому

послу Булатъ беку съ шаховыми людьми кормъ и питье по той же астараканской росписи отъ Нижнево до Москвы и отпустили бѣ ихъ къ государю. А что они послали къ послу государева жалованья корму на приѣзде въ почестъ и по его челобитью послано къ нему въ запросъ, и что поденново корму до отпуску дано, и они тому прислали къ государю роспись подъ отпискою; а что послу въ дорогу до Нижнево корму сентября съ 30-го числа дадутъ, и они о томъ къ государю отпишутъ.

Роспись, что дано государева жалованья кизылбашскому послу Булатъ беку на приѣзде почесново корму и что ему жъ послу и людямъ его и шаховымъ врететникомъ и арапомъ поденново корму въ Казани до отпуску по астараканской росписи сентября съ 26-го числа сентября жъ по 30-е число поденново корму дано.

Почесново корму послу на приѣзде противъ прежнево послано 10 хлѣбовъ, 10 колачей, 5 куровъ, 3 борана. Да по ево посольскому челобитью послано къ нему въ запросъ: четверть ведра уксусу, 10 гривенокъ патови, 140 яицъ, 4 гривенки масла коровья, четверикъ гороху, полъ осмины крупъ овсяныхъ, полъ осмины пшеницы, полъ осмины муки пшеничной. Да поденново корму до отпуску въ Казани на 4 дни дано: 8 хлѣбовъ, 8 колачей двуденежныхъ, 4 борана, 8 куровъ, луку и чесноку на 16 де(негъ) 12 гривенокъ, масла коровья на 4 де(негъ), на 8 де(негъ) свѣчь сальныхъ.

Людемъ ево 19 человекомъ 66 хлѣбовъ двуденежныхъ, 66 колачей денежныхъ, 8 борановъ.

Шаховымъ людямъ врететникомъ 4-мъ человекомъ 16 хлѣбовъ, 16 колачей двуденежныхъ, луку да чесноку на 8 де(негъ), 6 гривенокъ масла коровья. 2 мъ человекомъ арапомъ, что были у слона, 8 хлѣбовъ, 8 колачей двуденежныхъ. Да врететникомъ и арапомъ вопчѣ 4 борана.

Питья послу. 8 чарокъ вина двойново, 24 чарки вина, 3 ведра меду паточново, 8 вѣдръ меду кабатцково.

Людемъ ево 19 человекомъ: 150 чарокъ вина простово, по 2 чарки человеку на день, 16 вѣдръ меду кабатцково всѣмъ же вопчѣ.

Шаховымъ врететникомъ 4-мъ человекомъ 48 чарокъ вина по 3 чарки человеку на день.

2-мъ человекомъ арапомъ 16 чарокъ вина по 2 чарки на день человеку.

Да Булатъ бековымъ же людямъ и шаховымъ врететникомъ и арапомъ вопчѣ 21 ведро и 5 кружекъ пива, все питье въ посольское ведро.

И октября въ 12 де(нь) писано отъ государя въ Ярославль къ воеводе къ Ивану Безобразову да къ дьяку къ Ивану Дарганову о кизылбашскомъ послѣ, что указалъ государь кизылбашскому послу Булатъ беку постоять въ Нижнемъ до зимнего пути, будетъ ихъ въ Нижнемъ государевъ указъ застанеть; а будетъ не застанеть, и ему постоять въ Ярославле до зимнево же пути и велено имъ, кизылбашскимъ посломъ, побыть въ Ярославле до зимнего пути, и дворы имъ велено дати самыя добрыя, и кормъ и питье имъ велѣли давать по росписи, какова у пристава ихъ, у Мисюря Товарыщева, и на дворъ къ нимъ для береженья сторожей и стрельцовъ велено приставить и береженье къ нимъ велено держать, чтобъ имъ ни отъ ково никакова бесчестья не было, а государевымъ бы людемъ отъ нихъ потому жъ бесчестья и насильства не было. А въ которой день кизылбашскихъ пословъ почаятъ въ Ярославль быти, и у нихъ бы въ тотъ день тѣми мѣсты, куда посломъ итти, и до подворья было людно и стройно по посольскому обычею, и въ почестъ бы есте къ посломъ сверхъ поденново корму питья и ѣствы послать противъ поденново вдвое, или какъ пригоже, и въ запросъ, чего учнуть просить, а добыть мочно, и къ нимъ посылать не отъ велика, чтобъ имъ въ питьѣ и въ ѣстве нужи и скудости не было. Да къ государю жъ идетъ кизылбашской же гонецъ купчина Хозя Ага Асанъ, и какъ онъ въ Ярославль прїѣдетъ, и ему велено побыть въ Ярославле жъ и дворъ ему велено дати особой, и кормъ ему давать велено по тому жъ, по чему ему давали въ Казани и въ Нижнемъ, и приставу у него велено быти тому жъ, которой ныне у него. А какъ купчина станеть на подворье, и къ нему велено послать на подворье дворенина добра, да отъ мѣста подъячево, и велено ево роспросити, сколь онъ давно отъ шаха къ государю посланъ: вмѣстѣ-ль съ посломъ, зъ Булатъ бекомъ, или после, и о кою пору, и грамота съ нимъ къ государю отъ шаха и сверхъ грамоты какой словесной приказъ есть ли, и какъ ему наказано отъ шаха у нашего царского величества быти: съ послы ли вмѣстѣ, или напередъ? и какіе съ нимъ уворочныя товары есть-ли? О томъ о всемъ велено отписать къ государю наскоро съ нарочнымъ гонцомъ, чтобъ государю про то про все вкоре было вѣдомо.

А въ Нижней къ боярину и воеводе къ Петру Головину да къ дьяку къ Василью Юдину и кизылбашскихъ пословъ къ приставу къ Мисюрю Товарыщеву писано противъ тово жъ, что и въ Ярославль.

А къ государевымъ посломъ, къ Ивану Чичѣрину да къ дьяку къ Михаилу Тюхину, а велено имъ со всѣмъ съ тѣмъ, какъ у нихъ государево дѣло дѣлалось, ѣхать къ государю къ Москве наспехъ, не

мѣшка нигдѣ ни часу, а прїѣхавъ къ Москвѣ, явиться и посольства своего списокъ отдать въ посольскомъ приказѣ дьякомъ нанимъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Раманчукову.

Писано отъ государя въ Нижней, велено кизылбашсково посла отпустить изъ Нижнево въ Ярославль тотчасъ, а велено итти въ Ярославль на Балахну и на иные мѣста жилими мѣсты, не займуд Костромы.

А къ приставу кизылбашсково посла, къ Мисюрю Товарыщеву, и въ Ярославль къ воеводе писано отъ государя противъ тово жъ: какъ придетъ кизылбашской посолъ въ Ярославль, велено описать къ государю, а послу постоять указалъ государь въ Ярославлѣ до своево государева указу.

И 129-го году октября въ 29 де(нь) государевы послы Иванъ Чичѣринъ да дьякъ Михайло Тюкинъ къ Москвѣ пришли. А какъ у нихъ, будучи въ Кизылбашехъ, государево дѣло дѣлалось, и они тому дали посольства своего списокъ, и въ списке ихъ написано.

Статейный списокъ.

Лѣта 7126-го маія въ 18 день великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всея Русіи велѣлъ князю Михайлу Петровичю Борятинскому да Ивану Ивановичю Чичерину, да дьяку Михайлу Тюкину итти для своего государева и земсково дѣла въ посольство къ кизылбашскому Аббасъ шаху.

И маія въ 23 день отпущены послы отъ царсково величества съ Москвы въ судѣхъ и пришли въ Казань іюня въ 15 день и въ Казани сослались съ кизылбашскими послы, съ Бая салтаномъ и зъ Булатъ бекомъ. А велѣлъ имъ говорити великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всея Русіи: его царское величество велѣлъ намъ, холопомъ своимъ, итти къ шахъ Аббасову величеству въ послѣхъ, а вамъ государь указалъ итти къ шаху съ ними вмѣстѣ, и вы бѣ были готовы.

И іюня въ 17 день прїѣзжалъ ко князю Михайлу съ товарищи шаховъ посолъ Булатъ бекъ, а говорилъ, что они итти въ Астараханъ готовы.

Іюня въ 22 день пошли послы изъ Казани въ Астараханъ, и ѣдучи въ Астараханъ Волгою, съ послы договоръ учинили, что изъ Астарахани итти моремъ. И въ Астараханъ пришли іюля въ 11 день и въ Астарахани подѣлывали бусы и затѣмъ жили три недѣли.

И августа въ 2 день пошли послы изъ Астарахани Волгою на море въ стругехъ, а шаховы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ пошли вмѣстѣ въ стругѣхъ же, а бусы рускія провадили въ море порожія и пріѣхали на море августа въ 6 день, а на море князь Михайло и Иванъ сѣли въ гиланскую бусу августа въ 8-мъ числѣ у торгового человѣка у Хозя Исупа, а съ ними переводчикъ да толмачъ, а шаховы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ со княземъ Михайломъ да съ Иваномъ посадили на бусу шахова кречетника Имиръ хана, да барсовника Тугачи бѣка для провожанья: въ которомъ шаховѣ городѣ или въ деревнѣ буса пристанеть, ино бы про государевыхъ пословъ было вѣдомо. А дьякъ Михайло сѣлъ въ русскую бусу, а съ нимъ три человѣки толмачей, да кречетники.

И августа въ 17-мъ числѣ дѣакъ Михайло присталъ въ шаховѣ землѣ въ деревнѣ Низовѣ, а та деревня за помѣщики.

А князь Михайло да Иванъ пришли августа во 18-мъ числѣ, потому что погода бусы рознесла, и изъ бусъ высѣли и послали шахъ Аббасова кречетника Имиръ хана, да барсовника Тугачи бѣка въ деревню Низову хъ помѣщикомъ, чтобъ они велѣли собрать подводы и отпустили пословъ къ шахову величеству, не задержавъ, и кормъ посломъ дали. И того жъ дни Имиръ ханъ и Тугачи бѣкъ посломъ сказали, что они помѣщикомъ деревни Низовы Байсара бѣку да Наха беку, да Неха Муратъ беку о подводахъ и о корму говорили, и они имъ сказали: у насъ де подъ пословъ подводы, что съ насъ доведетца, готовы, а деревня Низова дербенсково уѣзда, и мы деи пошлемъ въ Дербень въ воеводѣ Бѣйгурда салтану, чтобъ Бѣйгурда салтанъ прислалъ, а велѣлъ подводы и кормъ собрати съ околнихъ деревень, а имъ деи деревнею одною пословъ не поднати и подводъ столко не собрати, и корму одною деревнею пословъ не прокормити.

А бусу рускую, въ которой ѣхалъ Михайло, отдали со всею судовою снастью Исупъ ханову человѣку Худовердѣю.

И августа въ 20 день изъ Дербени воевода Бѣйгурда салтанъ прислалъ дербенскихъ Усеинъ бека да Осанъ бека, а велѣлъ тотчасъ подводы собрать и кормъ посломъ давать.

И августа въ 26 день къ посломъ Усеинъ бекъ да Осанъ бекъ подводы привели, а кормъ давали поденно. И того жъ дни изъ деревни Низовы послы пошли въ Шемаху и пришли въ шемахинской уѣздъ въ деревню Мордовъ и, не доѣзжая деревни съ версту, встрѣтилъ пословъ шаховъ дворенинъ Бекъ Ташъ бекъ, а на встрѣчѣ посломъ говорилъ: прислалъ деи меня изъ Шемахи къ вамъ Исупъ ханъ, а

велѣлъ васъ, пословъ, встрѣтить и о здоровьѣ спросить, а мнѣ де Исупъ ханъ велѣлъ у васъ, пословъ, быти въ приставехъ и васъ проводить до Шемахи, и кормъ про васъ велѣлъ збирати зъ деревень.

И послы Бекъ Ташъ бѣку противъ тово говорили: мы на хановѣ любви челомъ бьемъ, что насъ прислалъ встрѣтить и о здоровьѣ насъ велѣлъ спросить.

Да пошли послы, а съ ними приставъ Бекъ Ташъ бекъ въ деревню Мордову, и въ той деревнѣ послы ночевали, и пошли въ Шемаху, а отъ деревни Мордовы шли до Шемахи пять день, а дорогою идучи, ставились по станомъ на корованъ сараехъ, а по рускому по гостинымъ дворомъ.

И августа въ 30 день послы пришли къ Шемахѣ, и не доѣзжая до Шемахи за двѣ версты, приставъ Бекъ Ташъ бекъ послалъ въ Шемаху къ Исупъ хану дербенскихъ Асанъ бека, а велѣлъ Исупъ хану про пословъ сказать, какъ посломъ итти въ Шемаху, а посломъ говорилъ, чтобъ деи вамъ постоять, дождатца вѣсти изъ Шемахи отъ хана, и послы стали на рѣчкѣ.

И того жъ дни отъ Исупъ хана пріѣхалъ къ посломъ капычѣйской ага Максимъ Али бекъ и спрашивалъ пословъ отъ Исупъ хана о здоровьѣ, и посидя немного, говорилъ посломъ: приказалъ де мнѣ Исупъ ханъ, а велѣлъ мнѣ у васъ быти въ приставехъ и велѣлъ деи вамъ Исупъ ханъ говорить, чтобъ вамъ туто постоять до завтрея, а завтра де пришлетъ къ вамъ лошади, и вамъ бы ѣхати въ городъ, и встрѣча де вамъ будетъ близко города.

И послы, князь Михайло и Иванъ, и дьякъ Михайло, съ приставомъ съ Максимъ Али бекомъ къ Исупъ хану приказали, а велѣли ему говорить: приходили де къ великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи къ его царскому величеству отъ великого государя шахъ Аббасова величества послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ о дружбѣ и о любви и о иныхъ добрыхъ дѣлехъ, и великій государь нашъ его царское величество тѣхъ государя ихъ шахъ Аббасова величества пословъ принялъ съ великою честью, и пожаловавъ ихъ, отпустилъ къ государю ихъ къ шахъ Аббасову величеству, не издержавъ, и съ ними вмѣстѣ послалъ великій государь нашъ его царское величество ко государю ихъ къ шахъ Аббасову величеству насъ, пословъ своихъ, о многихъ добрыхъ дѣлехъ, которые належатъ обѣимъ великимъ государемъ, царскому величеству и Оббасъ шахову величеству, и ихъ государствамъ ко всякому добру. И Исупъ бы ханъ далъ пристава, съ кѣмъ намъ къ шахову величе-

ству ѣхать, и подводы и кормъ намъ дати, и отпустилъ бы насъ къ шахову величеству, не издержавъ. А что Исупъ ханъ скажетъ, и онъ бы, Максимъ Али, про то имъ вѣсно учинилъ, не измѣшкавъ. И Максимъ Али бекъ князю Михайлу и Ивану, и дьяку Михайлу сказалъ: что деи вы со мною къ Исупъ хану приказываете, и я деи то все Исупъ хану скажу, а что деи Исупъ ханъ противу вашихъ рѣчей со мною къ вамъ прикажетъ, и я деи тотчасъ вамъ, пріѣхавъ, скажу. И поѣхалъ въ Шемаху.

И погода немного, къ посломъ пріѣхалъ изъ Шемахи приставъ Максимъ Али бекъ и учелъ посломъ говорить: приказывали деи вы со мною къ Исупъ хану, чтобъ васъ въ Шемахѣ не задержать, отпустить васъ къ шахову величеству вскорѣ, и я де Исупъ хану про то, что вы со мною приказывали, сказывалъ.

И Исупъ ханъ со мною къ вамъ приказалъ: шахово деи величество нынѣча въ Родивили, и я деи пошлю въ Родивиль къ шахову величеству и велю про васъ извѣстить шахову величеству, что вы пришли отъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии его царского величества къ великому государю нашему шахъ Аббасову величеству въ послехъ о ихъ государственной дружбѣ и любви и о всякомъ добромъ дѣлѣ, которые належать обѣимъ имъ великимъ государемъ, царскому величеству и Оббасъ шахову величеству, и ихъ государствамъ ко всякому добру, и какъ деи шахово величество велитъ вамъ быть въ Родивиль, и я деи тотчасъ къ шахову величеству васъ въ Родивиль отпущу, а до тѣхъ деи мѣстъ, покамѣста отъ шаха будетъ вѣсть, побыть вамъ въ Шемахѣ.

Да Максимъ Али жъ бекъ посломъ учелъ говорить: Исупъ деи ханъ прислалъ къ вамъ со мною рыбы, какова у него лучилась, дватцать пять шевригъ, да икры съ полпуда, да овощи, виноградъ, изюмъ и винные ягоды, и яблова, и груши, и шептала, и армуды, и вишни на пяти блюдехъ, да кормъ на нынѣшней день, и вамъ бы деи велѣти принять.

И князь Михайло и Иванъ, и Михайло Максимъ Али беку говорили: на Исупъ хановѣ любви челомъ бьемъ. И велѣли у него приняти, а ево подчивали и дарили.

И Максимъ Али бекъ, посидѣвъ; поѣхалъ въ Шемаху, а у пословъ остался Вѣхъ Ташъ бекъ, да Усеинъ бекъ, которые съ послы ѣхали дорогою.

И августа въ 31 день пріѣхалъ изъ Шемахи присталъ Максимъ Али

бекъ, а за нимъ привели четверо лошадей съ сѣдлы и съ уздами, а говорилъ посломъ: Исупъ деи ханъ прислалъ къ вамъ лошади, чтобъ вамъ на тѣхъ лошедахъ ѣхати въ городъ, а мнѣ деи велѣлъ ѣхати съ вами жъ. И послы положили на себя платье чистое и чюги золотныя и поѣхали въ Шемаху, и не доѣзжая Шемахи за версту, Исупъ ханъ прислалъ изъ Шемахи противу пословъ встрѣчу конныхъ и нарядныхъ людей человекъ съ тысячю и больши, да пѣшихъ тысячи зъ двѣ. А встрѣчали воеводы, Сидя салтанъ да Ибреимъ салтанъ, да Кавалъ салтанъ, да усминской Бѣйгурда салтанъ, да дьякъ Усейнъ бекъ и капичѣй и капичѣйскіе аги и бѣки. И съѣхався съ послы на лошедахъ, шемахинской везиръ Усейнъ бекъ учалъ посломъ говорити: Исупъ деи ханъ прислалъ воеводъ да меня съ ними и дворянъ многихъ, а велѣлъ васъ, пословъ, встрѣтити и о здоровьѣ спросити: здорово ли дорогою ѣхали?

И послы Усейнъ беку противу того говорили: мы на Исупъ хановѣ любви челомъ бьемъ, что къ намъ прислалъ лошади и велѣлъ намъ васъ встрѣтити. Да пошли послы къ городу, а съ послы ѣхали воеводы и везиръ и всѣ встрѣчники до стану и поставили пословъ въ Исупъ хановѣ саду, отъ Шемахи съ полверсты, а говорилъ посломъ дьякъ Усейнъ бекъ да приставъ Максимъ Али бекъ: въ томъ деи хановѣ саду, oprичъ Шанъ Гирѣя царевича никто не стаивалъ, и къ вамъ деи Исупъ ханъ, показуючи свою любовь, велѣлъ васъ поставить въ своемъ саду. А встрѣчники, проводя до саду, поѣхали въ Шемаху. А приставу Максимъ Али велѣлъ Исупъ ханъ быти у себя. И тово жъ дни приставъ Максимъ Али отъ Исупъ хана къ посломъ пріѣхалъ и учалъ пословъ звати къ Исупъ хану, а говорилъ посломъ: велѣлъ деи мнѣ Исупъ ханъ вамъ бити челомъ, чтобъ вамъ съ Исупъ ханомъ видѣтца и у него побывати.

И послы приставу Максимъ Али беку говорили и къ Исупъ хану приказали, что, не бывъ намъ у шахъ Аббасова величества и не вида его государскихъ очей, и не исправя великого государя своего царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русіи его царского величества посольства, ни у кого быть не пригоже. Какъ были у великого государя нашего у его царского величества шахъ Аббасова величества послы, и они окромѣ царского величества у царского величества у бояръ и воеводъ по городомъ ни у кого не бывали, то царское величество велитъ дѣлати, остерегая его царского величества и шахова величества чести, а Исупъ бы ханъ насъ къ шахову величеству отпустилъ, не издержавъ, и подводы и кормъ велѣлъ намъ дати. Да послы жъ Исупъ

хану съ приставомъ съ Максимъ Али бекомъ приказали: вторая буса подъ нами была руская, и мы тоѣ бусу на Низовѣ отдали челоуѣку Исупъ ханову Худовердею со всѣмъ буснымъ запасомъ, чтобъ Исупъ ханъ тоѣ бусу велѣлъ побережь до нашево приѣзду, какъ мы назадъ поидемъ.

И тово жъ дни приѣхалъ къ посломъ отъ Исупъ хана пристава Максимъ Али съ кормомъ, а корму привезъ сорокъ батмановъ лепешекъ, да восемь борановъ, да яловицу, да пятеро куровъ, да четыре гривенки масла, да десеть батмановъ шерапу и говорилъ посломъ: то деи вамъ кормъ Исупъ ханъ прислалъ на нынѣшней день, а впередъ деи вамъ велѣлъ давати корму на день по тому жъ. А что де вы привазывали со мною къ Исупъ хану про рускую бусу, въ которой вы въ шахову землю приѣхали, и я де Исупъ хану сказывалъ, и Исупъ деи ханъ челоуѣка своего Худовердея роспрашивалъ: бусу онъ у васъ, пословъ, взялъ ли? и Худовердия де сказалъ, что онъ бусу у васъ, у пословъ, взялъ и приказалъ ее беречи на Низовѣ помѣщнику Байраму съ племянники, а Исупъ деи ханъ отъ себя велѣлъ тотчасъ отписать, чтобъ они тоѣ бусы берегли до вашего посольсково приходу.

И 127-го сентабря въ 2 день Исупъ ханъ прислалъ къ посломъ шемахинского дьяка Усеинъ бека и спрашивалъ пословъ отъ Исупъ хана о здоровѣ, и послы противу тово говорили Усеинъ беку: мы на Исупъ хановѣ любви челоуѣкъ бьемъ. И учали ево подчивать. И Усеинъ бекъ, посидя немного, вставъ, учелъ посломъ говорить: прислалъ деи меня къ вамъ Исупъ ханъ, а велѣлъ вамъ бити челоуѣкъ, чтобъ вамъ севодни у Исупъ хана ѣсть.

И послы Усеинъ беку говорили: на Исупъ хановѣ любви челоуѣкъ бьемъ, а не вида намъ шахова величества очей и не исправа отъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи, его царского величества, шахову величеству посольства, быти ни у кого некоторыми дѣлами непригоже, и напередъ сего мы съ приставомъ съ Максимъ Али къ Исупъ хану приказывали тожь. И Исупъ бы ханъ на насъ въ томъ не подосадовалъ. И Усеинъ бекъ говорилъ посломъ: Исупъ деи ханъ тому радъ, чтобъ вы у него побывали и съ нимъ видѣлись, да въ томъ деи ваша воля. Да посидя немного, Усеинъ бекъ поѣхалъ къ хану.

И сентабря жъ въ 4 день прислалъ Исупъ ханъ къ посломъ кашпчейского агу ишиевъ агасы, да кашпчѣевъ Имиръ хана, да Нали бека, да подьячево Имиръ хача, а говорилъ посломъ ишиевъ агасы съ товарищи: прислалъ деи насъ къ вамъ Исупъ ханъ шахова величества

зъ грамотою, а пишеть деи шахово величество къ Исупъ хану, что былъ бой Карчеге беку съ турского царя людьми, и шаховы деи люди турскихъ людей побили, и грамоту де шахову Исупъ ханъ передъ вами велѣлъ прочеть, и для тово и подьячево съ нами къ вамъ прислалъ.

И послы говорили ишикъ агасѣ съ товарищи, что Исупъ ханъ показываетъ къ намъ свою любовь, что намъ велѣлъ про такое великое дѣло объявити и шахову грамоту велѣлъ передъ нами прочеть, и мы шаховы грамоты слушеть ради.

И ишикъ агасы грамоту шахову передъ послы подьячему велѣлъ честь, а въ грамотѣ написано:

Августа въ 19-мъ числѣ межъ Теврива и Родивеля былъ бой Карчегѣ бѣку съ турского людьми, и Вожію де помощію шаховы люди Карчага бѣкъ турского царя людей побилъ и многихъ живыхъ взялъ, а на томъ деи бою былъ крымской Джанъ бекъ Гирѣй царь, да грузинской Теймуразъ царь, и грузинсково де царя збили съ лошади и вѣдома про него нѣтъ, утекъ ли зъ бою, или убитъ. А взяли деи на томъ бою крымсково царя ближнево человекъ Мурза бека и иныхъ крымскихъ мурзъ, да турского царя пашей холяпсково Мухамѣтъ пашу, да вальсково Магаметь пашу, да халыпсково жъ вакиля, да узрюмсково Усѣинъ пашу.

И послы, выслушавъ шаховы грамоты, капычѣйскому агѣ ишикъ агасѣ съ товарищи говорили и къ Исупъ хану приказали: Исупъ ханъ про то и самъ вѣдаетъ: великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи его царское величество съ шахъ Аббасовымъ величествомъ въ братственной дружбѣ и любви и въ ссылкѣ, а нынѣ шахова величества ратнымъ людемъ надъ недругомъ ево надъ турского царя ратными людьми учинился поносъ: турского царя ратныхъ людей побили и многихъ живыхъ поимали, и мы о томъ учнемъ писати къ великому государю своему царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи, чтобъ его царскому величеству про то было вѣдомо.

И ишикъ агаса съ товарищи посломъ говорили: Исупъ деи ханъ для тово насъ къ вамъ и прислалъ, чтобы вамъ о томъ къ великому государю своему царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи его царскому величеству отписать и вѣдомо про то царскому величеству учинить.

И послы ишикъ агасу съ товарищи подчивали и ихъ дарили.

Да посидя немного, капычѣйской ишикъ агаса съ товарищи, вставъ, учали посломъ говорить: велѣлъ деи вамъ Исупъ ханъ бити челомъ, чтобъ пожаловати у него побывать и любовь своя къ нему показать.

И князь Михайло и Иванъ, и дьякъ Михайло говорили тожь ишикъ агасъ: и напередъ сего мы къ хану о томъ приказывали, что намъ, не видя шахова величества очей, у Исупъ хана быти никакъ не можно, а на ево любви челомъ бьемъ. И ишикъ агаса посломъ говорилъ: то бы деи хану отъ васъ было въ великую любовь, чтобъ вы у него побывали и съ нимъ повидались, а толко деи съ нимъ не повидаетеся, и ему деи добрѣ будетъ досадно на васъ.

И послы ишикъ агасъ говорили: коли хочетъ Исупъ ханъ съ нами видѣтися, и онъ бы къ намъ пріѣхалъ и съ нами повидался, а мы ево любви добрѣ ради.

И ишикъ агаса посломъ говорилъ: язь деи ваши рѣчи Исупъ хану расскажу, въ томъ деи воленъ Богъ да вы, какъ вамъ возможно, такъ и дѣлаете. Да поѣхалъ ишикъ агаса съ товарищи къ хану.

И сентября въ 8 день пріѣхали изъ Баки шаховы послы Кая салтанъ, да Булатъ бекъ въ Шемаху, и тово жъ дни у пословъ былъ Булатъ бекъ, а сказалъ, что ихъ на морѣ погодою носило три недѣли, и буса у нихъ немного не потонула, а къ Бакѣ онѣ пристали тому четвертой день, а изъ Баки пріѣхали нынѣ въ Шемаху.

Да посломъ же говорилъ Булатъ бекъ: указалъ де мнѣ шахъ быти къ себѣ напередъ, а Кая де салтану шахъ велѣлъ побыти въ Шемахѣ, а велѣлъ деи ему ѣхати къ себѣ съ вами вмѣстѣ, да шахъ же деи мнѣ велѣлъ васъ допросить: сколько съ вами великого государя вашего царского величества всякихъ людей и сколько съ вами вашихъ людей? и то деи мнѣ шахъ велѣлъ, написавъ, привести къ себѣ.

И послы Булатъ беку сказали сколько съ ними царского величества людей и сколько ихъ людей съ ними, и Булатъ бекъ написалъ въ роспись.

И того жъ дни пріѣхалъ къ посломъ Полотъ ханъ бекъ и учелъ посломъ говорити: велѣлъ деи Исупъ ханъ быти мнѣ у васъ въ приставѣхъ, а прежнему де приставу Максамъ Али беку у васъ быти не велѣлъ, а корму велѣлъ у васъ убавити, а велѣлъ де вамъ давати по пяти борановъ на день, да яловицу на два дни, и всяково корму въ помы.

И послы учели Полотъ хану говорити: съ нами великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества всякихъ людей и нашихъ людшекъ сто пятьдесятъ шесть человекъ, и тѣмъ чѣмъ быти сътимъ? и чтобъ Исупъ ханъ велѣлъ кормъ давати по прежнему, а будетъ Исупъ ханъ корму по прежнему не велитъ давати, и онъ бы поволнлъ намъ въ Шемахѣ

съѣстное продавати: бораны и яловицы, и иной всякой кормъ, а по государственной милости великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии ево царского величества жалованьемъ есть намъ чѣмъ купити, а въ голоду бы насъ поморити не велѣлъ.

И тово жь часу Полотъ ханъ безъ поѣхалъ къ хану, а сказалъ посломъ: я де ваши рѣчи хану расскажу.

И тово жь дни Полотъ ханъ пріѣхалъ къ посломъ, а сказалъ посломъ: я де хану ваши рѣчи рассказывалъ, и Исупъ деи ханъ къ вамъ приказалъ, а велѣлъ вамъ говорити: покажѣста де Булатъ бека здѣсь не было, и я деи къ посломъ кормъ посылалъ, сколько у меня чеволучилось, а нынеча де Булатъ бекъ сказалъ, что имъ у великого государя вашего у его царского величества въ кормѣхъ была скудость великая, а хочеть де Булатъ бекъ про то сказывати шахову величеству, а Исупъ де хану Булатъ бекъ говорилъ, чтобъ у васъ корму убавити, давати бь передъ прежнимъ въ полы, и вамъ де въ томъ на Исупъ хана не подосадовати, а какъ де Булатъ бекъ поѣдетъ къ шаху, и ханъ де къ вамъ кормъ велитъ по прежнему посылать полной.

И послы отказали: мы великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии его царского величества жалованьемъ будемъ сыти и безъ вашего корму, топерво у насъ запасовъ съ нами всякихъ много. А какъ были у великого государя нашего у его царского величества отъ Аббасъ шахова величества послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ, и имъ по царского величества указу давали кормъ всякой полной, и въ запросъ чево похотять, и то имъ давано.

И сентября въ 12 день пріѣхалъ къ посломъ отъ Исупъ хана приставъ Полотъ ханъ и говорилъ посломъ: Исупъ де ханъ прислалъ меня къ вамъ, а велѣлъ вамъ говорити: Булатъ бекъ де нынѣ поѣхалъ къ шахову величеству, а корму де вы не имали три дни, и Исупъ де ханъ прислалъ къ вамъ кормъ противъ прежнему и впередъ велѣлъ къ вамъ кормъ потому жь посылати. И послы велѣли кормъ взяти.

И сентября въ 14 день пріѣхалъ къ посломъ приставъ Полотъ ханъ, а говорилъ посломъ: велѣлъ деи вамъ Исупъ ханъ говорити: писалъ къ нему шахово величество, а велѣлъ васъ изъ Шемахи отпустить въ Родивиль къ своему Аббасъ шахову величеству.

И послы Полотъ хану противъ того говорили: мы къ шахову величеству ѣхать готовы, чтобъ Исупъ ханъ насъ отпустилъ, не издержавъ.

И приставъ Полотъ ханъ посломъ сказалъ: Исупъ деи ханъ послалъ въ уѣздъ збирати подводъ, а какъ зберутъ подводы подъ васъ, и ханъ де васъ къ шаху отпустить тотчасъ.

Сентября жъ въ 17 день пріѣхалъ къ посломъ шемахинской колентарь Баатырь да дьякъ Усеинъ бекъ, а съ ними многіе аги капичѣйскіе и бѣки и говорили посломъ: прислалъ де насъ къ вамъ Исупъ ханъ, а велѣлъ васъ навѣстить и о здоровѣхъ спросити.

И послы, князь Михайло съ товарищи, колентарю и везиру говорили: мы на Исупъ хановѣ и на вашей любви челомъ бьемъ, что прислалъ васъ, а велѣлъ насъ навѣстити. И посидя немного, колентарь и везиръ Усеинъ бекъ учали посломъ говорить: велѣлъ деи вамъ бити челомъ Исупъ ханъ, чтобъ вы съ нимъ повидались, и вамъ бы деи однолично пожаловати, Исупъ хана не оскорбити, у него побивати и съ нимъ видѣтися.

И князь Михайло съ товарищи колентарю и дьяку говорили: и напередъ сево Исупъ ханъ къ намъ прислалъ пристава да тебя, Усеинъ бека, а велѣлъ насъ звати къ себѣ; и мы вамъ отказали: любви Исупъ хановѣ ради, а не видя шахова величества очей, быти у него никакъ не мочно. И нинѣ вамъ тожъ сказываемъ, что намъ, не бывъ у шахова величества, у Исупъ хана быти непригоже. И колентарь и Усеинъ бекъ говорили посломъ: хану де то за великую досаду, что вы съ нимъ не повидались, а Исупъ деи ханъ у шаха ближней человекъ, и жалуетъ ево шахъ въ сына своего мѣсто. Да сидѣли у пословъ не малое время, а послы ихъ подчивали, и поѣхали отъ пословъ пьяни.

Сентября жъ въ 24 день Исупъ ханъ прислалъ къ посломъ съ приставомъ, съ Полотъ ханомъ, подъ государево вино дватцать пять телѣгъ, да подъ юби пятнатцать верблюдовъ, а подъ мелкую рухледь быки.

Да сентября жъ въ 25 день Исупъ ханъ прислалъ къ посломъ съ лошеди въ подводы, и тово жъ дни послы изъ Шемахи въ шаху въ Родивиль (поѣхали), а провожали пословъ Бѣйгурда салтанъ да колентарь Баатырь, да дьякъ Усеинъ бекъ, а съ ними многіе дворяна, аги и бѣки, и проводя пословъ съ версту отъ Шемахи и простась съ послы, воротились назадъ, а послы пошли къ шаху въ Родивиль, а въ приставехъ у пословъ съ Кая салтаномъ и до Родивила отъ Шемахи ѣхали по третьи недѣли. А дорогою ѣдучи, Кая салтанъ съ посломъ въ разговорѣ говорилъ: сказывалъ деи мнѣ шаховъ ясауль Бардали бекъ, которой пріѣзжалъ къ Исупъ хану съ шаховою грамотою, что велѣно васъ изъ Шемахи отпустить къ шаху, шахово де величество велѣлъ противу васъ встрѣчѣ и лошеди подъ васъ готовить, и встрѣча де вамъ будетъ честная.

И октября въ 11 дець, не доѣзжая до Родивила за пять верстъ,

Кая салтанъ учалъ посломъ говорити: чтобъ ден вамъ тутъ постояти, а я де пошлю къ шахову величеству, велю про васъ объявить. И того жъ часу послалъ къ шаху ясаула Кардали бека, а съ нимъ челоуѣка своего Урусланка, а велѣлъ шахову величеству про пословъ сказать, какъ шахово величество велить посломъ быти въ Родивиль. И погода часы зъ два, пріѣхалъ Кая салтановъ челоуѣкъ Урусланка и сказалъ Кая салтану, что Кардали бекъ шахову величеству про пословъ извѣщалъ, и шахово ден величество велѣлъ пословъ поставити въ монастырской деревнѣ Шахсоонрѣй Кенъгарачъ отъ Родивили за двѣ версты, а завтра ден пришлетъ къ посломъ пристава и велить посломъ быти въ Родивиль. И Кая салтанъ по шахову указу поставилъ пословъ въ монастырской деревнѣ, а самъ поѣхалъ къ шаху.

И октября въ 12 день пріѣхалъ отъ шахова величества къ посломъ дворянинъ Усеинъ бѣкъ и учалъ посломъ говорити: прислалъ ден меня шахово величество къ вамъ, а велѣлъ мнѣ у васъ быти въ приставехъ и вамъ велѣлъ ѣхати въ городъ, а лошадей подъ пословъ не привелъ.

И послы приставу учали говорити: велѣлъ шахово величество намъ ѣхати въ городъ—лошади подъ насъ и встрѣча намъ будетъ ли? И приставъ сказалъ: указалъ ден вамъ шахъ ѣхати въ городъ на тѣхъ же лошадяхъ, на которыхъ вы ѣхали изъ Шемахи, а лошадей подъ васъ и встрѣчи вамъ не будетъ, потому что ден шахово величество идетъ въ Казбинъ вскорѣ, а вамъ ден быти у шаха въ Казбинѣ и лошади ден подъ васъ и встрѣча вамъ будетъ въ Казбинѣ.

И послы приставу Усѣинъ бѣку говорили: какъ у великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Русіи самодержца у его царского величества бывають Аббасъ шахова величества послы и посланники, и царское величество для Аббасъ шахова величества брацкіе дружбы и любви велить шаховыхъ пословъ и посланниковъ встрѣчати за городомъ, и на встрѣчахъ бывають дворяня и дѣти боярскіе многіе, и бывають имъ встрѣчи честныя, и высылають къ посломъ царского величества съ конюшни лошади подъ пословъ и подъ людей ихъ, а мы отъ царского величества пришли къ шахову величеству что въ пустой городъ: встрѣчи намъ нѣтъ и лошадей къ намъ отъ шахова величества не прислано. А какъ преже сево отъ великого государя нашего царя и великого князя Михайла Ѳеодоровича всеа Русіи его царского величества послы и посланники у шахъ Аббасова величества бывали, и въ которомъ городѣ будетъ шахъ, имъ встрѣчи бывали и лошади, на чомъ въ городъ ѣхати, шахово величество

въ посломъ присылывалъ, а на тѣхъ намъ влячехъ какъ ѣхать отъ Шемахи и до Родивиля? одва подъ нами дошли, а иные многіе поуспали, и на дорогѣ усталые лошади пометали, а людишка наши многіе пѣши брели, и намъ на тѣхъ лошадахъ ѣхати позорно. А какъ мы въ Шемахѣ пришли, и Исупъ ханъ, для шахова величества и своей чести, намъ учинилъ честь: подъ насъ лошади прислалъ и встрѣчу намъ учинилъ, а нынѣ намъ отъ шахова величества лошадей и встрѣчи нѣтъ, и въ томъ шахову величеству какая честь! то шахово величество къ великому государю нашему его царскому величеству показываетъ нелюбие, а къ намъ немилость: лошадей намъ не прислалъ и встрѣчи намъ не учинилъ. И приставъ Усеннъ бѣкъ посломъ говоритъ: какъ де указалъ вамъ шахъ въ городъ ѣхати, и вы де такъ и подыте, а мнѣ де мимо шахова увазу ничево учинити не мочно.

И князь Михайло съ товарищи учали приставу Усеннъ беку говорити: пожалуй, скажи намъ за совѣтъ, конимъ обычаемъ встрѣчи намъ и лошадей подъ насъ шахово величество не прислали и за что на насъ гнѣвенъ, что насъ такъ велѣлъ позорити, велѣлъ намъ ѣхати въ городъ на тѣхъ же подводискахъ, а они и дорогою ѣдучи, подъ нами валялись, а мы тебѣ будемъ впередъ любовь свою роздати и дарити, что у насъ есть, а дорогою ѣдучи, Кая салтанъ намъ сказывалъ, что намъ отъ шахова величества будетъ встрѣча великая, и лошади де подъ васъ шахъ выплететь и съ сѣдлы и со всѣмъ нарядомъ. И приставъ Усеннъ бекъ учелъ посломъ говорити: я де вамъ скажу по вашей любви, и вамъ бы де ни съ кѣмъ тово не говорить: какъ деи писалъ къ шахову величеству изъ Шемахи Исупъ ханъ, что вы пришли въ Шемаху, и шахъ деи было велѣлъ вамъ готовить лошади и противъ васъ встрѣча и кормъ велѣлъ приготовить передъ шемахинскимъ вдвое, и люди, кому васъ встрѣчать, и подъ васъ лошади и сѣдлы и снаряды съ шаховы конюшни были готовы, и послѣ деи тово пріѣхалъ изъ Шемахи Булатъ бекъ, которой былъ у великого государя вашего съ Кая салтаномъ въ послѣхъ, и многую деи ссору межъ великихъ государей учинилъ, и сказалъ деи шаху, что онѣ у великого государя вашего были въ великомъ утѣсненѣ и въ запорѣ и многой голодъ терпѣли, и шахъ деи по Булатъ бековѣ ссорѣ на васъ роскручинился, встрѣчу отставилъ и лошадей подъ васъ послати не велѣлъ. И какъ де пришли вы въ Родивилю, и велѣлъ васъ поставить въ деревнѣ, а про кормъ приказалъ мнѣ, велѣлъ вамъ давати кормъ противъ шемахійсково, а на Исупъ хана деи про то кручинился, что вамъ корму даваъ, много, и вы де пожалуйте, про то ни съ кѣмъ не говорите, а нѣчто де

Богъ судилъ, будете въ Кавбинѣ у шаха, и вы де про то про все у шаха сами услышите.

И князь Михайло и Иванъ, и Михайло приставу Усеинъ бѣку говорили: мы за твою любовь будемъ тебя дарити, что ты намъ про то сказалъ, а чтобъ тебѣ шахову величеству извѣстити, чтобъ шахово величество пожаловалъ, насъ тѣмъ не опозорилъ: на тавыхъ клычехъ какъ намъ ѣхати и какъ чистое платно на себя положить? только лише себѣ поворъ учинити! чтобъ пожаловалъ, лошади къ намъ прислалъ, на чемъ намъ въ городъ ѣхати. И шахову величеству то не честь же, что насъ поворити.

И приставъ Усеинъ бекъ посломъ говорилъ: шаха де мнѣ о томъ докладывати не мочно. Какъ вамъ шахъ указалъ итти, такъ вы по шахову указу на тѣхъ подводахъ и поѣдете, а лошадей де подъ васъ шаховыхъ однолично не будетъ, про то де мнѣ отъ шаха приказъ именной: будетъ вы, послы, учнете мнѣ про встрѣчу и про лошади говорити, и мнѣ деи приказалъ шахъ, а велѣлъ вамъ про встрѣчу и про лошади отказати.

И послы, князь Михайло съ товарищи, о томъ говорили много и стояли долго, да съ приставомъ Усеинъ бекомъ поѣхали въ Родивилъ на тѣхъ же подводахъ, и ѣхали посадомъ, а велъ приставъ рядами, а поставилъ въ Родевилъ на посадѣ, на монастырскомъ дворѣ. И какъ пословъ приставъ Усеинъ бекъ на подворье поставилъ, и въ то жъ время пріѣхалъ къ посломъ Кая салтанъ.

И послы Кая салтану и Усеинъ беку учали говорити: какъ у великого государя нашего царя и великого князя Михайла Федоровича всея Русии самодержца у его царского величества отъ шахова величества биваютъ послы и посланники, послѣднее вы, Кая салтанъ да Булатъ бекъ, были у царского величества, и царское величество, для Аббасъ шахова величества брацкіе дружбы и любви, а васъ, пословъ, жалуючи, велѣлъ вамъ встрѣчу учинить, и на встрѣтѣ были многіе дворяне и дѣти боярскіе, встрѣча вамъ была чесная, и лошади подъ васъ и подъ людей вашихъ присланы были царского величества съ конюшни, а мы отъ царского величества пришли къ шахову величеству что въ пустой городъ, встрѣчи намъ не было и лошадей къ намъ отъ шахова величества не прислано.

И приставъ Усеинъ бѣкъ посломъ сказалъ: въ томъ деи воленъ Богъ да шахово величество, а встрѣча деи вамъ отставлена не отъ меня, про то деи вы и сами впередъ будете отъ шаха вѣдать. А Кая салтанъ учелъ посломъ говорить: только бы деи я поѣхалъ изъ Шемахи къ

шаху напередъ васъ, и я бы ден межъ такими великими государи такія ссоры не учинилъ, и вамъ бы ден такова позору не было; Булатъ бекъ ден и на меня шахову величеству нанесъ, и я ден и по ся мѣста шаховыхъ очей не видалъ, а то ден вы и сами вѣдаете, какъ мы съ вами ѣхали изъ Казани и до моря, и изъ ден надъ Булатъ бекомъ всякую честь держалъ и тутъ ему не могъ услужить, а убивай де у него таковъ, что и съ родново отпа голову сорветъ, и вы ден пожалуйте, при немъ отнюдь ничего не говорите и оберегайтесь его во всемъ.

И октября жъ въ 18 день пріѣхали отъ шахова величества къ посломъ Кая салтанъ да приставъ Усеинъ бекъ и говорили посломъ: прислалъ ден насъ къ вамъ шахово величество, а велѣлъ вамъ говорить, что шахово величество изъ Родивила идетъ въ Казбинъ, а вамъ ден шахъ велѣлъ итти за собою жъ въ Казбинъ.

И послы Кая салтану и приставу Усеинъ беку говорили: мы шахову величеству челомъ бьемъ, чтобы пожаловалъ, далъ намъ очи свои видѣти и посольство велѣлъ намъ правити въ Родивилъ.

И Кая салтанъ и приставъ Усеинъ бекъ посломъ сказали: шахъ ден уже обиходы свои всѣ отпустилъ, а самъ остался легкимъ дѣломъ, идетъ ден насоро въ Казбинъ, и вамъ ден у шаха быти не мочно, потому что походъ шаховъ приспѣлъ вскорѣ. А велѣлъ ден вамъ шахъ говорить: присланы отъ царского величества къ шахову величеству кречеты, и вамъ бы ден нынеча тѣ кречеты къ шаху отослать, а какъ ден будете въ Казбинѣ, а шахово величество велеть вамъ быти у себя на посольствѣ, и тѣ ден кречеты шахъ къ вамъ пришлетъ, чтобы вамъ тѣ кречеты съ иною посылкою на посольствѣ шаху объявити.

И послы Кая салтану и Усеинъ беку противу тово говорили, что въ прежнихъ обычаехъ тово не бывало, что посломъ, не видя государевыхъ очей, отъ великого государя поминки отдавать, въ томъ волонъ Богъ да шахово величество, чтобы пожаловалъ, надъ нами такіе неволи не учинилъ, чего въ прежнихъ обычаехъ не повелось.

И Кая салтанъ и приставъ Усеинъ бекъ посломъ сказали: шаху ден то будетъ за великую кручину, что вы къ нему кречетовъ не послали. Да посидѣли у пословъ, а послы ихъ подчивали, и поѣхали отъ пословъ къ шаху.

И октября въ 19 день пріѣхалъ къ посломъ приставъ Усеинъ бекъ, а сказалъ посломъ: шахово ден величество пошелъ изъ Родивила въ Казбинъ, а вамъ ден, посломъ, велѣлъ итти за собою жъ въ Казбинъ. А велѣлъ ден шахъ вамъ дати въ подводы сто лошадей, да подъ государеву казку и подъ вашу рухледь подо вьюки сто верблюдовъ.

И послы, князь Михайло съ товарищи, учали приставу говорити: вѣдаешъ ты и самъ, что съ нами государевыхъ людей и нашихъ людиншекъ съ полтораста человекъ, и намъ какъ поднятца на сто лошадей? толю на одну лошедь по два человекъ сажати, и то непригоже; чтобы вамъ посовѣтовати съ воеводою да подводи намъ прибавити!

И приставъ Усеинъ бекъ посломъ говорилъ: нечево деи мнѣ о томъ съ воеводою и совѣтовати, мимо шаховъ указъ ни одной лошади не смѣтъ прибавити, а людей де своихъ, которые у васъ есть помоложе, велите сажати на верблюды по вьюкамъ.

И послы приставу говорили: люди наши на верблюдахъ ѣздити не умѣютъ, и тово у великого государя нашего у его царского величества въ государствѣ не повелося: на верблюдахъ не ѣздити, а чтобы вамъ прибавити лошадей намъ въ подводы.

И приставъ посломъ говорилъ, что никакъ ни одной вамъ лошади не прибавятъ, а у шахова де величества въ государствѣ тѣмъ не соромятца: на верблюдахъ ѣздити, шаховыхъ деи жонъ и дѣтей возятъ на верблюдахъ, да въ томъ не соромятца.

И октября въ 21 день приѣхалъ къ посломъ, ко князю Михайлу съ товарищи, приставъ Усеинъ бекъ, а за нимъ привели подводы сто лошадей, да подъ государеву казну и подъ посолскую руждѣль сто верблюдовъ, и вамъ бы деи къ шахову величеству ѣхати въ Казбинъ, не мѣшкаа.

И послы приставу говорили: мы тебѣ прежь сево говорили, чтобы лошадей въ подводы прибавити, а на верблюдахъ люди наши ѣздити не умѣютъ, и ты для чево намъ лошадей не прибавилъ? и намъ на тѣхъ лошадахъ не поднятися.

И приставъ посломъ, князю Михайлу съ товарищи, противу того говорилъ: явъ де вамъ тогда жъ сказывалъ и нынѣча вамъ тожъ говорю, что мимо шаховъ указъ ни одной лошади никто не смѣетъ прибавити, а къ вамъ деи лошади и верблюды приведены по шахову указу сполна, и вы деи какъ хотите: хошь ѣздити, хошь не ѣздити, а больши того ни одной лошади не прибавятъ, а то деи все надъ вами Булатъ бекъ дѣлаеть.

И князь Михайло съ товарищи, посовѣтовавъ межъ себя, что не ити не смѣтъ, чтобы шаха на большей гнѣвъ не подвигнуть, да велѣли лошади и верблюды взяти и велѣли на верблюды вьючити. Да тово жъ дни изъ Родевила пошли къ шаху въ Казбинъ, а съ послы поѣхалъ приставъ Усеинъ бекъ.

И до Казбина отъ Родевила ѣхали 11 день, а ставилися по наслѣ-

гамъ въ деревняхъ, по дворомъ, а кормъ приставъ посломъ давалъ по шемахійской росписи, по чему въ Шемахъ ханъ давалъ.

И ноября въ 1 день за часъ до вечера, не доѣзжая до Казбина за пятьдесятъ верстъ, пріѣхалъ отъ шаха изъ Казбина къ посломъ на встрѣчу Кая салтанъ, а говорилъ Кая салтанъ князю Михаилу съ товарищи: шахово деи величество прислалъ меня къ вамъ, а велѣлъ вамъ говорити, чтобы вамъ ѣхати къ шахову в-ву насипѣхъ днемъ и ночью для того, что шахъ идетъ изъ Казбина вскорѣ въ Орабатъ, а въ Орабатѣ деи шаху зимовати, и только деи вы шаха въ Казбинѣ не зайдете, и вамъ деи будетъ въ Казбинѣ зимовати, а шаховыхъ очей не видати.

И князь Михайло съ товарищи противу того Кая салтану говорили: воленъ Богъ да шахово величество, а мы къ нему, великому государю, ѣхати готовы. И тово жъ часу послы съ Кая салтаномъ поѣхали въ Казбинъ и ѣхали всю ночь и день весь.

И ноября въ 2 день за часъ до вечера пріѣхали послы въ деревню, не доѣзжая до Казбина за десять верстъ, и Кая салтанъ учалъ говорити посломъ: чтобы де вамъ въ той деревнѣ почевати, а съ вами деи останетца приставъ Усеинъ бекъ, а изъ деи поѣду въ Казбинъ къ шаху и про вашъ пріѣздъ шахову величеству скажу.

И послы въ деревнѣ стали и начевали, а съ послы начевалъ приставъ Усеинъ бекъ.

И ноября въ 3 день въ другомъ часу дни пришелъ къ посломъ приставъ Усеинъ бекъ и говорилъ князю Михаилу съ товарищи: послалъ деи ко мнѣ Кая салтанъ, а велѣлъ деи вамъ шахово величество ѣхати въ городъ въ Казбинъ.

И послы приставу сказали: мы (къ) шахову величеству ѣхати готовы, да скажи намъ: будутъ ли отъ шахова величества лошади и встрѣча намъ будетъ ли?

И приставъ посломъ сказалъ: про лошади де изъ не вѣдаю, будутъ ли къ вамъ отъ шаха лошади, а встрѣча деи вамъ будетъ, а чаю деи близко города и съ лошадьми отъ шахова величества къ вамъ будутъ.

И послы тово жъ часу поѣхали въ Казбинъ, а съ послы приставъ. И не доходя до Казбина за полверсты, встрѣтилъ пословъ казбинской воевода да калентаръ, да съ ними конныхъ людей немного, а съѣхався съ послы на лошedahъ, учали посломъ говорити: шахово деи величество велѣлъ намъ васъ встрѣтити и о здоровѣи велѣлъ васъ спросити и велѣлъ деи вамъ шахъ ѣхати въ городъ.

И послы казбинскому воеводѣ и калентарю противу тово говорили:

мы на великого государя Аббасъ шахова величества жалованъ челомъ бьемъ, чтобъ Аббасъ шахово величество учинилъ великого государя нашего его ц. в. для братцкіе любви и дружбы, велѣлъ насъ встрѣтити и о здоровьѣ спросити. Да послы же учали приставу Усейнъ бѣку говорити противу прежнихъ своихъ рѣчей: какъ къ великому государю нашему въ его царскому величеству отъ великого государя Аббасъ шахова величества приходятъ послы и посланники, и къ посломъ и къ посланникомъ царского величества съ конюшани присылають лошади подъ нихъ и подъ люди; а къ намъ отъ шахова величества лошади не присланы.

И приставъ Усейнъ бекъ посломъ говорилъ: у великого де государя вашего такъ въ чинѣхъ повелюся, что подъ пословъ царского в-ва съ конюшани лошади посылають, а у шаха деи прежде сево тово не бывало, и нивеча нѣтъ же, что посылатъ водъ пословъ лошади. И послы приставу Усейнъ беку говорили: прежь насъ отъ великого государя нашего отъ его царского величества у шахъ Аббасова величества былъ посланникъ Федоръ Левонтьевъ, и шахово величество велѣлъ ево встрѣтити многимъ людемъ коннымъ и пѣшимъ и прислалъ къ нему аргамакъ съ своею конюшани.

И приставъ посломъ говорилъ: Федоръ де Левонтьевъ былъ у шаха на стану, а шахъ деи въ ту пору шелъ изъ Грузей, и Богъ де ему подаровалъ, Грузинскую землю повоевалъ и многими городами завладѣлъ, а къ кому деи шахъ лошади посылаеть, и онъ деи тѣхъ лошадей назадъ не емлетъ. Да подѣхавъ къ посломъ, приставъ: го деи вамъ язъ такія рѣчи говорю для воеводы и валентаря, а про то де язъ вамъ въ Ордевили сказывалъ, что все то дѣлаетца надъ вами отъ Булатъ бековой смуты.

И какъ прѣехали послы близко посаду, и за посадомъ встрѣтали пословъ пѣшіе люди тысячи съ три и больши.

Да прѣехали послы въ посадь и посадомъ ѣхали торгами промежъ лавокъ, а по посаду по улицамъ шаталися пѣшіе жъ люди.

И прѣехали послы, князь Михайло съ товарищи, ко двору, гдѣ имъ стояти, а назбинской воевода и колентаръ и съ ними конные и пѣшіе люди провожали пословъ до двора.

И того жъ дни ввечеру прѣехали къ посломъ Кая салтанъ да приставъ Усейнъ бекъ, и говорили посломъ: прислалъ де насъ къ вамъ шахъ, а велѣлъ вамъ говорити, чтобъ вамъ завтра быти у шахова величества и отъ великого государя своего его царского величества посольства правити. И послы Кая салтану и приставу говорили,

чтобъ шахово величество пожаловалъ насъ, завтра бы намъ у себя быти не велѣлъ, для того что мы севодни зъ дороги и намъ неколи исправиться.

И Бая салтанъ и приставъ посломъ говорили, чтобы ден вамъ однолично быти у шаха завтра, потому что ден шахъ идетъ вскорѣ въ Оарабатъ зимовать, а быти ден вамъ у шаха вмѣстѣ съ индѣйскимъ посломъ.

И послы Бая салтану и приставу учели говорить: въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, и мы будемъ готовы, а чтобы надъ нами тоѣ неволи не учинилъ, а съ индѣйскимъ посломъ намъ быти вмѣстѣ у шахова величества непригожее дѣло, и шахово бы величество насъ пожаловалъ, далъ намъ очи свои видѣти однимъ, а въ тоѣ бы пору индѣйскому послу у шахова величества не быти.

И Бая салтанъ и приставъ посломъ говорили: шахъ ден съ нами къ вамъ приежалъ, а велѣлъ вамъ говорить: про то шахъ вѣдаетъ, что вамъ отговариватись и вмѣстѣ съ индѣйскимъ посломъ не хотѣти быти, и вамъ бы де однолично быти у шахова величества вмѣстѣ съ индѣйскимъ посломъ, потому пишеть ден шахово величество къ великому государю вашему къ его царскому в-ву: хто великому государю вашему другъ, тотъ и шаху другъ, а хто великому государю вашему недругъ, тотъ и шаху недругъ, а великій ден государь вашъ къ шахову величеству пишеть тожь: хто шахову величеству другъ, тотъ и великому государю вашему другъ, а хто шаху недругъ, тотъ и великому государю вашему недругъ. А индѣйской де царь Джанъ Ляли Акмеръ съ шахомъ живетъ въ братствѣ и въ великой дружбѣ и въ любви также, какъ и великій государь вашъ его царское величество живетъ съ шахомъ въ братцвой дружбѣ и любви, и шаху де того хочетца, что отъ великихъ государей, отъ его братьи и друзей, пришли вы, послы, и васъ бы ден шахову величеству у себя видѣти вмѣстѣ.

И послы противу того Бая салтану и приставу говорили: какъ у великого государя нашего у его царского величества бывають шахова величества послы и посланники, и великій государь нашъ, его царское величество, для Аббасъ шахова величества братцкия дружбы и любви въ то время некоторыхъ государствъ посломъ у своего царского величества быти не велеть, а бывають у царского величества одни послы шахова величества. Также бы и шахово величество тѣмъ насъ не поневолилъ, индѣйскому послу вмѣстѣ съ нами быти не велѣлъ, а пожаловалъ бы насъ, велѣлъ намъ быти у себя однимъ, а съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ никакъ намъ не бывати.

И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили: шаху деи и тово хочетца видѣти, вы деи отъ великого государя своево отъ его царского величества присланы избранные люди и рожеемъ добро зрачны, а индейскіе де люди ростомъ малы и рожеемъ худы и черны, и они бы де будучи у шахова величества, ваше дородство передъ своею худобою видѣли.

И послы Кая салтану и приставу говорили: коли похотятъ индѣйскіе люди насъ смотрити, и они насъ увидать въ улицахъ, какъ мы поѣдемъ къ шахову величеству.

И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили: и такъ деи на васъ шахъ кручиновать по Булатъ бекову наносу, а нынеча деи и досталъ шаху будетъ за великую кручину на васъ, что вы шахова повелѣнья не слушаете и воли ево не творите.

И послы Кая салтану и приставу говорили: въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, положилъ на насъ гнѣвъ свой по Булатъ бекову наносу, не сыскавъ, а впередъ великій государь нашъ его царское величество и Аббасъ шахова величества промежъ себя Булатъ бекову ссору сыщутъ, и мы чаемъ тово, что Булатъ беку за тоѣ ссору отъ шахова величества не пробудеть.

И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили: что деи вы съ нами говорили, а къ шахову величеству приказывали, и мы деи ваши рѣчи шахову величеству роскажемъ. Да поѣхали отъ пословъ къ шаху на дворъ.

И ноября въ 4 день съ утра къ посломъ пріѣхали Кая салтанъ да приставъ, а учели посломъ говорити: что деи вы вечеръ съ нами говорили и къ шахову величеству приказывали, и мы де ваши рѣчи до шахова величества доносили, и что у васъ слышели, и мы деи то все шахову величеству рассказали, и шахово деи величество въ томъ на васъ добрѣ кручиновать, что такъ встрѣчно говорите, а шахова повелѣнья не слушаете, и приказалъ деи къ вамъ шахъ, чтобы вамъ однолично шахово повелѣнье исполнити и быти бѣ у шаха съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ. А только деи вы шахова повелѣнья не послушаете, а съ индѣйскимъ посломъ у шаха вмѣстѣ не будете, и вы деи отъ шаха на себя великой гнѣвъ наведете, и посольство де ваше будетъ не въ посольство. И велѣлъ деи вамъ шахово величество говорити: которые государи великому государю вашему и шаху недруги, и шахъ деи васъ тѣмъ не неволить, великого государя вашего недругомъ посломъ ихъ быти у себя съ вами вмѣстѣ не велить, а индѣйской де царь съ шаховымъ величествомъ живетъ въ любительномъ братствѣ

и въ дружбѣ, а съ великимъ деи государемъ вашимъ индѣйскому царю прежь сево ссылки и дружбы и недружбы не бывало, а шахово деи величество впередъ тово хочеть, чтобы великій государь вашъ его царское величество съ индѣйскимъ царемъ учинилъ ссылку и былъ бы деи съ нимъ въ дружбѣ и любви также, какъ великій государь вашъ и съ шаховымъ величествомъ живетъ въ любительной дружбѣ и въ братствѣ.

И послы Кая салтану и приставу говорили: въ томъ воленъ Богъ да великій государь нашъ его царское величество, какъ великій государь нашъ его царское величество на то изволить, что быти съ индѣйскимъ царемъ въ ссылкѣ и въ дружбѣ, а насъ бы шахово величество пожаловалъ, не поневолилъ: никакъ съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ быти невозможно.

И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили: упрямо деи дѣлаете, что шахова повелѣнья не слушаете, шаху деи на васъ за великую кручину будетъ. Да поѣхали отъ пословъ къ шаху.

И тово жъ дни въ осмомъ часу пріѣхали къ посломъ Кая салтанъ и приставъ и учили посломъ говорить: шахово деи величество прислалъ къ вамъ насъ, (а) велѣлъ вамъ говорить, чтобы вамъ ѣхати къ шахову величеству, и лошади подъ васъ прислалъ. А говорили деи вы намъ, чтобы шахову величеству индѣйскому послу въ то время у себя быти не велѣлъ, какъ вы у шаха будете, и шаху деи то за великую кручину, что вы такъ упрямо дѣлаете. Только жъ деи шахъ къ вамъ приказалъ, что индѣйской посолъ въ то время не будетъ, какъ вы будете у шаха, а приказъ де о томъ отъ шаха дворовому воеводѣ Алымъ Гули хану, и вамъ бы деи ѣхати къ шахову величеству, не мѣшвая, а лошади деи подъ васъ приведены и люди готовы, кому нести царского величества къ шахову величеству присылку.

И послы, князь Михайло и Иванъ, и дьякъ Михайло, изготова царского величества посылку, что послано къ шаху, по росписи, да поѣхали къ шаху, а посылку царского величества велѣли нести передъ собою по посолскому обычаю и пріѣхали къ шахову двору, и тутъ около полаты по площади огорожено рѣшотками, и послы, вѣхавъ въ рѣшотки, съ лошадей сѣли. И Кая салтанъ и приставъ пословъ поставили противъ полаты въ рѣшоткѣ и велѣли послати ковры, а говорили посломъ: шахъ деи еще отъ жонъ въ полату не бывалъ, и вамъ бы де посидѣти немного, шаха подождати. И тутъ жъ у рѣшотокъ стоятъ индѣйского царя дары: слоны и ноздророги и всякіе дары.

И послы Кая салтану и пристава говорили: то мы видимъ индѣйсково царя дары и чаемъ того, что будетъ индѣйской посоль у шаха съ нами, и намъ никакъ съ индѣйскимъ посломъ у шахова величества вмѣстѣ не бывать, и только шахово величество надъ нами и неволю учинить, велитъ намъ быти въ полатѣ у себя, а посоль индѣйской тутю жь будетъ въ полатѣ, и намъ посольства не править и итти вонъ изъ полаты. И Кая салтанъ и приставъ посломъ говорили: то ден индѣйсково царя дары, а велѣлъ ден шахъ поставити, чтобы намъ то видѣти, а посоль де индѣйской никакъ съ вами вмѣстѣ не будетъ. Да ужже ден къ вамъ будетъ шаховъ дворовой воевода Алымъ Гули ханъ, и шаховъ ден полной приказъ къ вамъ съ Улымъ Гули ханомъ. Да пошолъ Кая салтанъ отъ пословъ къ полатѣ.

И тово жь часу къ посломъ пришелъ шаховъ дворовой воевода Алымъ Гули ханъ да съ нимъ Кая салтанъ, да учелъ Алымъ Гули ханъ посломъ говорити: шахово ден величество велѣлъ вамъ говорити, что вы упрямствомъ дѣлаете, съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ у шаха быти не хотите, и шаху ден въ томъ на васъ за великую кручину. А индѣйской де царь великому государю вашему его царскому величеству недругомъ не бывалъ, и ссылка у великого государя вашего съ нимъ не бывала, и вы ден за посмѣхъ упрямитесь, съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ быти не хотите, и вамъ бы де одиолично упрямство свое отставити, а быти у шаха съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ.

И послы Алымъ Гули хану говорили: мы о томъ Кая салтану и пристава много говорили, чтобы до шахова величества рѣчи наши донесли, шахово бѣ величество насъ пожаловалъ, не поневолялъ, а съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ намъ быти не велѣлъ. А и тебѣ мы о томъ же говорили, чтобы тебѣ наши рѣчи до шахова величества донести: никакъ намъ съ индѣйскимъ посломъ вмѣстѣ быти непригоже, а хотя и въ молату придемъ къ шахову величеству, а увидимъ индѣйсково посла въ полатѣ, и намъ посольства при немъ не правити, пойдемъ вонъ изъ полаты.

И Алымъ Гули ханъ посломъ говорилъ: упрямствомъ де дѣлаете, да подождите де маленко, а язъ де ваши рѣчи шахову величеству роскажу. И пошолъ въ молату.

И тово жь часу шахъ прѣѣхалъ въ рѣшотку на лошади, а съ нимъ ѣдутъ въ рядъ пять человекъ, и поѣхалъ мимо пословъ къ полатѣ, и послы шаху поклонились по обычаю и шахъ на нословъ посмотрилъ.

И послы спросили у пристава: хто съ шахомъ ѣхалъ и какіе люди?

И приставъ посломъ сказалъ: ѣхали де съ шахомъ ханы да крымсково царя ближней челоуѣкъ Мурза бекъ, которой взять на бою, какъ бой былъ шаховымъ людемъ съ турецкими людами.

И пріѣхалъ шахъ близко полаты, и ханы съ нимъ, сѣли съ лошадей, и пошолъ шахъ въ полату, и тово жъ часу Алымъ Гули ханъ прислалъ къ посломъ изъ полаты отъ шаха Бая салтана, а говорилъ Бая салтанъ посломъ: прислалъ деи меня къ вамъ Алымъ Гули ханъ, а велѣлъ вамъ говорити: о чомъ деи вы съ Алымъ Гули ханомъ говорили, и онъ де ваши рѣчи шахову величеству ровсказывалъ, и шахово де величество велѣлъ вамъ итти къ себѣ въ полату, а индѣйской де посолъ Уша въ ту пору не будетъ, а велѣлъ деи шахъ индѣйскому послу посидѣти въ иной полатѣ, покаместа вы отъ великого государя своего шахову величеству посольство исправите.

И послы пошли къ шаху въ полату, а подъ полатою сдѣланы ворота, а изъ воротъ промежь полаты вверхъ лѣсница, и пошли послы по лѣсницѣ и взошли въ полъ лѣсницы, встрѣтилъ шаховъ дворовой воевода Алымъ Гули ханъ, а говорилъ на встрѣчѣ посломъ: шахово де величество велѣлъ миѣ васъ встрѣтить.

И послы Алымъ хану говорили: ми на шаховѣ величестве жаловань челоуѣкъ бьемъ.

Да пошли послы съ Алымъ Гули ханомъ по лѣсницѣ и вошли въ полату, а въ полатѣ стоятъ шаховы кулы и беки, а изъ полаты пошли къ шаху, а шахъ сидѣлъ: здѣлано передъ полатою на площади, кабы крыльцо отведено да покрыто, а по сторонамъ здѣланы рѣшотки низеньки толко въ колѣно, а они называютъ сольночникомъ. И послы пришли къ шаху; шахъ сидитъ на коврахъ, а передъ нимъ послана скатерть, а на скатерти стоятъ по блюдамъ ягоды и яблоки, и многіе овощи, да въ сулеяхъ стоятъ питье шарапъ, а за скатертью по лѣвую сторону отъ шаха сидятъ ханы въ рядъ съ шахомъ, а на правой сторонѣ у шаха сидитъ баба стара близко жъ шаха, а на другой сторонѣ по правую сторону отъ шаха послана скатерть же, поставлены овощи, а за скатертью сидятъ ханы жъ.

И послы, вшедъ въ сольношникъ къ шаху, да спросили у Алымъ Гули хана: какіе люди сидятъ близко шаха? и Алымъ Гули ханъ сказалъ: то деи отъ шаха сидятъ сеитъ, а отъ сеита сидятъ ханы и шаховы ближніе люди.

И послы, князь Михайло, отъ великого государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества шахъ Аббасову величеству правилъ поклонъ. А послѣ тово князь Михайло говорилъ рѣчь противъ наказу:

Божією милостію великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичь всеа Русіи самодержецъ владимѣрскій, московскій, новгородцкій, царь казанскій, царь астраханскій, царь сибирскій, государь псковскій и великій князь смоленскій, тверскій, югорскій, пермскій, вятцкій, болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода низовскіе земли, черниговскій, резанскій, полотцкій, ростовскій, ярославскій, бѣлоозерскій, лиолянскій, удорскій, обдорскій, кондинскій и всеа сѣверныя страны повелитель и иныхъ многихъ великихъ государствъ государь и обладатель великому государю, въ чести величества взявшиюму и многимъ мусульманскимъ родомъ повелителю, Персидцкіе и Ширванскіе земли начальнику вамъ, брату своему, Аббасъ шахову величеству велѣлъ сказати поклонитися, а свое царское здоровье велѣлъ сказати, а ваше, брата своего, здоровье велѣлъ видѣти. Да подалъ князь Михайло государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русіи Аббасъ шаху грамоту. А съ подворья и на шаховъ дворъ везъ государеву грамоту дьякъ Михайло и отдалъ въ шаховѣ полатѣ князю Михайлу.

И князь Михайло, выговоря рѣчь противъ наказу, поднесъ къ шаху государеву грамоту, и шахъ, приневъ государеву грамоту, спросилъ про великого государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русіи самодержца здоровье, приподнявся на колѣни. И князь Михайло шаху про царское величество здоровье сказалъ: какъ мы поѣхали отъ великого государя нашего, и Божією милостію великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичь в. Р. с. его царское величество на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ въ добромъ здоровьѣ.

И послѣ того явилъ шаху отъ государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русіи поминки: Божією милостію великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель вамъ, брату своему, Аббасъ шахову величеству напоминаетца своею любовью поминки. Да подали поминки по росписи.

И шахъ поминки велѣлъ приняти любительно ближнему своему человекѣу Алымъ Гули хану, а розговоровъ никакихъ про то не было, и позвалъ пословъ къ рукѣ.

И послы, бывъ у руки, князь Михайло учалъ говорити рѣчь: великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичь всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель вамъ, брату своему, шахъ Аббасову величеству велѣлъ говорити: прислалъ еси къ нашему царскому величеству пословъ своихъ Кая салтана да Булатъ бека съ своею любительною грамотою и о дружбѣ и о любви, и о иныхъ на-

шихъ государскихъ добрыхъ любительныхъ дѣлахъ, и великій государь нашъ вашу, брата своего, грамоту принялъ и выслушалъ любительно, а въ грамотѣ своей нашему царскому величеству вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество, слыша про наше царского величества здоровье отъ посланника нашего отъ Федора Левонтьева, добръ обрадовался и учинился вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество съ нами, великимъ государемъ, въ братцвой въ любительной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ также, какъ и съ прежними великими государи цари и великими князи російскими, предки нашими, и послалъ къ намъ, великому государю, о дружбѣ и о любви съ нашимъ посланникомъ вмѣстѣ съ своєю любительною грамотою посла своего, вѣрнаго и ближнего своего двора капычѣвсково агу Кая бека, и нашему царскому величеству съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ по тому жъ быти въ братственной крѣпкой дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ, и торговымъ бы людямъ торгъ былъ поволенной. А что намъ, великому государю, годно въ вашемъ, брата нашего, государствѣ, и намъ бы великому государю о томъ велѣти къ тебѣ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству приказать, и вы, братъ нашъ, то все наше дѣло любительно исполнишь, а ваши, брата нашего, шахъ Аббасова величества послы нашего царского величества бояромъ, боярину и намѣстнику нижегородскому князю Олексѣю Юрьевичю Сицкому Ярославскому съ товарищи и нашимъ приказнымъ людямъ объявили, что приказалъ имъ вы, братъ нашъ, великій шахъ Аббасово величество намъ, великому государю, извѣститъ, что по нашему царского величества указу посланникъ нашъ Федоръ Левонтьевъ говорилъ брату нашему, шахъ Аббасову величеству, чтобы ты, братъ нашъ, послалъ къ нашему царскому величеству въ помочь противъ нашихъ недруговъ денежные казны, и вы деи, братъ нашъ, посылаете нынѣ въ нашему царскому величеству съ послы своими легкую казну, что нынѣ у васъ, брата нашего, шахъ Аббасова величества вскорѣлучилось послать, а какъ, дастъ Богъ, тѣ ваши, брата нашего послы будутъ у насъ, великого государя, и что мы, великій государь, къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову величеству съ ними о казнѣ или о ратныхъ людехъ или про иное про какое дѣло прикажемъ, и вы, братъ нашъ, великій государь шахъ Аббасово величество то все намъ, великому государю, нашему царскому величеству по нашей царской волѣ исполнишь, какъ нашему царскому величеству годно. И мы, великій государь, отъ васъ, великого государя, брата нашего, шахъ Аббасова величества тѣ нынѣшніе твои къ намъ, великому государю, прислалъ, приняли въ братственную въ сердечную дружбу и лю-

бовъ, и противъ того мы, великій государь, вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству также будемъ нашею братственною дружбою и любовью воздавати, какъ будетъ намъ, великому государю, возможно, и учинилися мы, великій государь, наше царское величество съ вами, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ величествомъ въ крѣпкой братственной въ неліцемѣрной дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ мимо всѣхъ великихъ государей навѣки неподвижно и пословъ вашихъ къ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству отпустили, а съ ними вмѣстѣ послали мы, великій государь, къ вамъ, брату нашему, къ шахъ Аббасову величеству пословъ нашихъ дворенина и намѣстника болоховского князя Михаила Петровича Борятинского да дворенина Ивана Ивановича Чичѣрина, да дѣла нашего Михайла Тюхина о братственной же дружбѣ и о любви и о иныхъ нашихъ государскихъ великихъ дѣлахъ, которые намъ обоимъ великимъ государемъ къ дружбѣ и любви годны, и вы бѣ, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество по тому жъ былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ ссылкѣ навѣки неподвижно, и пословъ бы нашихъ отпустилъ къ намъ, великому государю, не издержавъ. Да объявляемъ мы, великій государь, вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству: ужъ не малое время войну ведемъ съ недругомъ нашимъ и разорителемъ нашего Московского государства, съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ, за его многіе неправды и за разоренье нашего Московского государства, отставя всякія наши дѣла. И нынѣ насъ, великого государя, у васъ, брата нашего, у шаха Аббасова величества любительное прошенье то, чтобъ вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество къ намъ, великому государю, совершенную свою сердечную братственную дружбу и любовь показали, прислали къ намъ, великому государю, противъ недруга нашего польского короля казны денежныя въ помощь, чѣмъ бы намъ, великому государю, было нашихъ ратныхъ людей противъ недруга нашего пожаловать и противъ его за его неправды стоять. А то вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству самому подлинно вѣдомо, что наши великіе Російскіе государства велики и многолюдны, только нынѣ за грѣхъ ото многіе розни и межусобья, и отъ войны недруга нашего польского Жигимонта короля, что дѣлалось до нашего царского в-ва самодержавства, ратные наши всякіе люди оскудѣли, и вы, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество къ намъ, великому государю, нынѣ совершенную свою братственную дружбу и любовь показалъ, прислалъ къ намъ, великому государю, на вспоможенье противъ недруга нашего казны, чѣмъ бы намъ, великому государю, ратныхъ нашихъ лю-

дей пожаловать. А какъ наше царское величество съ недругомъ нашимъ съ полскимъ королемъ поуправимся, и мы, великій государь, наше царское величество тоѣ казну вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству заплатить велимъ вашими уворочьи изъ нашего государства вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству будетъ годно. Да и сверхъ того мы, великій государь, наше царское величество вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству противъ ваше любви уннемъ воздавать нашею братственной дружбою и любовью, гдѣ будетъ нашему царскому величеству возможно. А пословъ нашихъ, дворенина нашего и намѣстника болховского князя Михаила Петровича Борятинского съ товарищи, къ намъ отпустилъ бы еси, не издержавъ, и своихъ большихъ пословъ, ближнихъ людей, къ намъ съ ними вмѣстѣ прислалъ, наказавъ съ послы своими подлинно, какъ вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству съ нашимъ царскимъ величествомъ впередъ быти въ крѣпкой братственной дружбѣ и любви навѣки неподвижно, и какихъ уворочей, что доведетца въ нашихъ государствахъ къ вамъ, брату нашему, за тоѣ казну, что къ намъ приишете, послать. А какъ нашего царского величества послы и твои, брата нашего, послы у нашего царского величества будутъ, и мы, великій государь, велимъ думнымъ нашимъ людямъ съ твоими, брата нашего, послы о всякихъ о добрыхъ дѣлахъ говорить и становити, какъ намъ, великимъ государемъ, впередъ быти межъ собою въ братцовой любви и въ дружбѣ навѣки неподвижно, и пословъ твоихъ къ вамъ, брату нашему, отпустимъ, не издержавъ, и своихъ большихъ пословъ къ вамъ, брату нашему, пошлемъ и будемъ съ вами, братомъ нашимъ, въ братственной сердечной дружбѣ и любви мимо всѣхъ великихъ государей на вѣки неподвижно; на то нашего царского величества мысль крѣпко утвердилась. А о иныхъ нашихъ дѣлахъ, которыя межъ насъ, великихъ государей, настоятъ, наказали есмя вамъ, брату нашему, шахъ Аббасову величеству говорити посломъ нашимъ, дворенину нашему и намѣстнику болховскому князю Михаилу Петровичю Борятинскому съ товарищи, и что онѣ вамъ, брату нашему, учнутъ говорить, и вы бѣ, братъ нашъ, шахъ Аббасово величество имъ вѣрилъ.

И какъ князь Михайло рѣчь выговорилъ, велѣлъ шахъ посломъ сѣсти съ правую руку близи себя, и кликнулъ къ себѣ Муртозу Гули хана гиланского, а велѣлъ поднести къ себѣ пить, и Муртова Гули ханъ поднесъ шаху шарапу, и наполни шахъ чарку шарапу, вставъ на колѣни, и сказалъ посломъ: язъ де пью за здоровье брата своего великого государя вашего его царского величества. И выпивъ, опять

сѣлъ, а посломъ велѣлъ сѣсти жъ, да учалъ врететовъ смотреть, а смотря, велѣлъ къ себѣ принести Исупъ агѣ врететь подкрасной. И какъ Исупъ ага врететь къ шаху принесъ, и шахъ врететь взялъ себѣ на руку и держалъ на рукѣ немалое время, и клобучекъ съ нево снималъ, и положиа клобучекъ, отдалъ назадъ Исупъ же агѣ, а государеву грамоту распечаталъ, да посмотра немного, отдалъ везирю Сары ховѣ.

И послѣ тово велѣлъ шахъ быти къ себѣ въ тоѣ жъ полату индѣйскимъ посломъ, и послы индѣйскіе были и шаха цѣловали въ ногу, и цѣловавъ въ ногу, да поднесъ къ шаху грамоту, и отшотчи, сталъ у дверей, а рѣчи некоторые не говорилъ. И шахъ у нихъ велѣлъ приняти дары, и какъ учалъ дары шаху объявляти, и шахъ посломъ, князю Михайлу съ товарищи, велѣлъ даровъ смотрити. А въ дарехъ къ шаху шесть слоновъ, четыре съ чердаки, а два безъ чердаковъ, а на нихъ сидятъ арапы, да два новдророги, да буйволъ, да пять возковъ нарядныхъ невеликихъ, а впрежени въ возки по двѣ буйволицы въ темнѣ бѣловаты, да десеть роговъ мамонтовыхъ и буйволовыхъ большихъ и малыхъ, да четыре лошади невелики подъ сѣдлы, да лань, да боранъ подъ попонкою, да два барсы живыхъ чюбары и иные многіе дары. Да передъ шаха жъ принесли во шти влѣткахъ въ серебряныхъ птицы индѣйскія черны, а сказали, что тѣ птицы говорятъ разными языки. А слоновъ велѣлъ и иныхъ звѣрей водить по майдану и въ возехъ на буйволицехъ велѣлъ ѣздити. И побыли индѣйскіе послы у шаха съ полчаса, и шахъ индѣйскимъ посломъ велѣлъ ѣхати на подворья.

И какъ индѣйскіе послы ѣхали на подворья, и шахъ Аббасъ велѣлъ къ себѣ послать крымсково царя ближнево человекъ Мурза бека, и какъ Мурза бекъ пришелъ, и шахъ учелъ посломъ, князь Михайлу съ товарищи, сказывать: былъ ден бой людямъ моимъ Корчагѣ бѣку съ турсково царя людьми тому недѣль въ десеть, а крымской де царь и грузинской на томъ бою были турсково царя съ людьми, и мои люди турсково царя людей и крымсково царя и грузинсково побили и многихъ живыхъ поймали, а тово ден Мурза бѣка на томъ же бою взяли, а Мурза бекъ де у крымсково царя былъ человекъ ближней.

Да шахъ же спросилъ пословъ: вы ден тово Мурза бека знаете ль и напередъ сево ево видали ль? И послы сказали, что они Мурза бека не знаютъ и нигдѣ ево не видали.

А Мурза бекъ и самъ передъ шахомъ сказалъ, что онъ пословъ князя Михайла и Ивана и Михайла не знаетъ, а переводчица Милоту

онъ узналъ, а сказалъ, что тотъ переводчикъ былъ въ Крыму у царя съ послы недавно.

И шахъ спросилъ переводчика Милоту: ты де Мурза бека знаешь ли? И переводчикъ Милота сказалъ: былъ де онъ посланъ отъ великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Росіи отъ его царского величества къ крымскому царю о порубежныхъ дѣлахъ, и онъ де тово Мурза бека у царя видѣлъ.

Да шахъ же учалъ посломъ говорити: отецъ деи мой и дѣдъ съ московскими государя вашими не ссылались, ссыла и братственная любовь и дружба не бывала, а почалъ деи ссылатца язъ съ Московскимъ государствомъ блаженные памяти съ царемъ и великимъ княземъ Феодоромъ Ивановичемъ всеа Русіи, а посолъ деи первой отъ царя Феодора у меня былъ Григорей Васильчиковъ, и дружба и братственная любовь межъ нами учинилась. А послѣ деи великого государя вашего царя и великого кн. Феодора Ивановича в. Р. учинился на Московскомъ государствѣ изъ московскихъ родовъ государемъ царемъ Борисъ, потому что онъ государю вашему царю Феодору былъ шуринъ, и у меня де и съ царемъ Борисомъ ссыла была и дружба и братственная любовь. И какъ деи Борисъ на Московскомъ государствѣ учинился и учалъ деи людемъ своимъ Московского государства дѣлать неправду и своею неправдою людей своихъ Московского государства ожесточилъ, и вѣрилъ воровскимъ людемъ доводомъ, и всего Московского государства отъ большихъ и до меньшихъ людей почали ево ненавидѣть, и въ тѣ де поры въ Литвѣ воръ назвался царя Ивановымъ сыномъ Дмитреемъ и собрался съ литовскими людьми, и пришелъ на Украину государя вашего, и къ нему отъ Борисовы жесточи и отъ доводъ учели многіе люди приставать, и рать свою Борисъ противъ ево послалъ, и онѣ де съ нимъ и битца не почали, и Борисъ деи съ тоѣ кручины и умеръ, а послѣ ево остался сынъ ево да жена. И тотъ деи воръ, послыща, что Борисъ умеръ, пошелъ подъ Москву, и всѣмъ деи Московскимъ государствомъ тово вора принели, а Борисова сына и жену вору поступились, и воръ деи Борисова сына и жену велѣлъ умерить, а самъ пришелъ къ Москвѣ и многую крестьянскую кровь пролилъ. И Московско деи государства люди тово вора многіе узнали и ево убили, а на Московскомъ государствѣ учинился царь Василей изъ московскихъ же родовъ, и тово деи царя Василья Московско государства въ городѣхъ многіе не взлюбили, а говорили деи, что выбрали на Московское государство царя Василья, въ города не сослава, одною Москвою, и къ прежней деи воровской статьѣ примѣрился, иной воръ объявился въ украинскихъ городѣхъ, и многіе де

города украинные тово вора приняли. И тотъ ден воръ, сослався съ литовскимъ королемъ и собрався съ литовскими людьми и съ своими воры казаки, пришелъ подъ Москву, а доступалъ ден Московского государства литовскому королевичю, а литовской де король, стакався съ воромъ, въ тѣ поры пришелъ Московсково государства подъ городъ подъ Смоленскъ, а воръ ден стоялъ подъ Москвою, и тово ден вора изъ подъ Москвы отогнали, а литовской король прислалъ своихъ людей. И московскіе де всякихъ чиновъ люди у литовского короля на Московское государство просили сына его, и король де имъ сына своего хотѣлъ дати, и московскіе де люди литовскихъ людей пустили въ городъ, и литовскіе де люди, вшедчи въ городъ, надъ московскими людьми учили дѣлать неправду и московскихъ людей учили побивать. И Московского ден государства люди учили литовскимъ людямъ говорить, что король сына своего на Московское государство не дастъ, а онѣ литовскіе люди дѣлають неправду: крестное целованье по своей вѣре преступають и московскихъ людей побивають. И литовскіе люди учиниди съ московскими людьми бой и многихъ московскихъ людей побили и высѣкли, и города, Москву и дворы, и лавки, и посады, выжгли, и казну прежнихъ великихъ государей пограбили, а сами сѣли въ каменныхъ городѣхъ. И Московсково ден государства достальные люди въ городѣхъ собрались и пришли подъ Москву, и литовскихъ людей осадили, и голодомъ выморили, а достальныхъ поймали живыхъ, и Московское государство очистили. А какъ ден сидѣли въ осадѣ на Москвѣ литовскіе люди, и онѣ де многихъ Московского государства людей ѣли и сами ден межъ себя поѣдалися. И послѣ ден тово Московскимъ государствомъ всякихъ чиновъ люди избрали себѣ великому государю царю и великому князю Михаилу Ивановичю всеа Русіи на Московское государство великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи для унятія крови, чтобъ впередъ въ Московскомъ государствѣ воры государскими дѣтми не назывались. И нынѣ великій государь вашъ со мною въ братцкой любви и въ дружбѣ, а язь де съ великимъ государемъ вашимъ хочю и впередъ бытивъ такой же братцкой любви и дружбѣ, какъ и съ царемъ Федоромъ Ивановичемъ. А что де у васъ въ Московскомъ государствѣ въ разоренье дѣбалось, и язь де то все подлинно вѣдаю отъ своихъ людей и отъ великого государя вашего посланниковъ слышелъ.

И послы, князь Михайло, выслушавъ у шаха рѣчей, учили говорить: какъ ты, великій государь, говорилъ, все такъ было.

И шахъ говорилъ: язь де вамъ сказывалъ, что мнѣ сказывали

брата моего великого государя вашего посланники, которне прежь васъ, у меня были.

Да говоря, шахъ велѣлъ поднести къ себѣ шерану и учалъ подавать князю Михаилу и Ивану, и дьяку Михайлу изъ своихъ рукъ пить, и какъ послы вынили, и шахъ посломъ велѣлъ ѣхати на подворья въ пятомъ часу ночи. Да опять учалъ говорить: я де пришлю по васъ новоемъ и съ вами о всемъ переговорю.

И послы, удара челомъ шаху, поѣхали на подворья, а провожали пословъ до подворья Кая салтанъ да приставъ Усеинъ бекъ.

А въ то время, какъ послы у шаха были, и при шахѣ сидѣли: съ лѣвую сторону подлѣ шаха сеитъ, подлѣ сеита Имамъ Гули ханъ ширязскій и киргускій, и ларскій, и шимирскій, и мнижинскій и подлѣ ево Тулипъ ханъ, а подлѣ Тулипъ хана сидѣлъ Надыръ ханъ ударбскій, подлѣ Надыръ хана сидѣлъ шаховъ сынъ Сома Америкъ мурза, подлѣ шахова сына сидѣлъ царевичъ грузинской Меврей, подлѣ ево сидѣлъ Усеинъ ханъ уристанскій. Съ правую сторону сидѣлъ близко шаха сеитъ, подлѣ ево жонка, баба стара, подлѣ тоѣ бабы крымскіе два мурзы, которне взяты въ полонъ, подлѣ мурзъ Кенжели ханъ верметцкій, подлѣ Сенжи сидѣли крымской Мурза бекъ, и шахъ ево кликнулъ къ себѣ, а велѣлъ ему сѣсти подлѣ сеита и на томъ мѣстѣ сѣлъ мурза крымской же, подлѣ мурзы сидѣлъ Муртова Гули ханъ гиланской, къ шаху подносилъ пити; подлѣ тово сидѣлъ Иса ханъ карчибани, шахова сеестра за нимъ; подлѣ тово Чигангиръ ханъ, а у дверей стояли Алымъ Гули ханъ казбинскій да везиръ Сары Хозя.

И ноября въ 6 день шахъ Аббасово величество прислалъ къ посломъ пристава Усеинъ бека, а велѣлъ быти въ себѣ тотчасъ дьяку Михаилу Тюхину, а съ собою велѣлъ взяти переводчика, а тово Усеинъ бекъ не сказалъ, для чево шахъ къ себѣ дьяку Михаилу велѣлъ быти. И послѣ того многіе прибѣгали стрѣльцы, чтобъ ѣхати къ шаху вскорѣ тотчасъ.

И князь Михайло и Иванъ, и Михайло учали пристава говорить: посланы мы отъ великого государя своего отъ его царского величества къ великому государю къ Аббасъ шахову величеству, а велѣно намъ всякіе государевы дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ, а одному изъ нихъ къ шахову величеству ѣхати непригожая дѣло. А будетъ шахово величество велитъ намъ быти къ себѣ всѣмъ вмѣстѣ, и мы къ шахову величеству ѣхати готовы. А Михайло пристава говорилъ тожъ, что некоторыми дѣлами одному ему ѣхати къ шахову величеству не пригодитца.

И приставъ Усеинъ бекъ учалъ князю Михаилу и Ивану говорить:

шахъ деи велѣлъ ѣхать къ себѣ одному Михайлу, а вамъ деи къ себѣ ѣхать не велѣлъ, а вы де по шахову указу отпускайте со мною Михаила тотчасъ, а присланы де вы отъ государя своею къ шахову величеству, и вы де творите шахову волю, а только вы де со мною къ шаху Михайла не отпустите, и у шаха де людей много, и язъ де Михаила и поневолѣ возму, и вы де не измѣшкайте: отпустите со мною Михаила къ шахову величеству тотчасъ, а на себя отъ шаха не наведите гнѣву и кручины.

И князь Михайло и Иванъ приставу говорили: въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, велить взяти сильно, въ томъ онъ, государь, воленъ, толко мы Михаила одною къ шахову величеству не отпускаемъ. Чтобъ тебѣ съѣздити къ шахову величеству и о томъ шахова величества доложить и наши бы рѣчи царскому величеству розсказать, чтобъ пожаловалъ шахово величество, велѣлъ намъ быти къ себѣ всѣмъ тремъ, а не одному Михайлу. И приставъ Усеинъ бекъ къ шаху было поѣхалъ, и какъ поѣхалъ отъ посолскаго двора, и къ нему встрѣчно отъ шаха прибѣжали сотники стрѣлетцкіе и стрѣльцы многіе, чтобъ однолично Михаило ѣхалъ тотчасъ къ шаху. И приставъ Усеинъ бекъ опять воротился къ посломъ назадъ и учалъ говорити шаховымъ словомъ: шахъ деи ко мнѣ прислалъ съ великою кручиною, тотчасъ велѣлъ у васъ Михаила взяти и привести къ себѣ, и вы де навели на себя шаховъ гнѣвъ.

И князь Михайло и Иванъ приставу говорили тожъ: въ томъ воленъ Богъ, да шахово величество, что велѣлъ Михаила взяти одною, а Михайлу одному ѣхать непригожее дѣло. Да о томъ говорили много и стояли о томъ долго.

И не смѣя шаха роскручинити, Михайло и переводчикъ Милота къ шаху съ приставомъ съ Усеинъ бекомъ поѣхали, а какъ пріѣхали къ шаху, а шахъ сидитъ на дворѣ своемъ въ заднихъ воротехъ простымъ обычаемъ, а съ нимъ сидятъ Имамъ Гули ханъ, да двѣ жонки, одна баба стара, а другая сидитъ подлѣ ево жонка молода, да жонка передъ нимъ стоитъ.

И какъ передъ шахъ Аббасова величества пришли Михайло и переводчикъ Милота, и шахъ учалъ говорити съ великимъ гнѣвомъ: прислалъ де васъ ко мнѣ государь вашъ для братственна ли любви и дружбы, или государь вашъ прислалъ васъ ко мнѣ, что межъ нами братственную дружбу и любовь нарушити. Называете вы послами, а вы де послами не называйтесь, а ссыла деи у меня съ государемъ вашимъ о братственной дружбѣ и о любви, и вы деи у меня люб-

тельные гости, а не послы, а мои бы де у государя вашего также послами не назывались, а хочю ден язъ съ государемъ вашимъ и впередъ (въ) братственной дружбѣ и любви и въ ссылке быти.

И дьявъ Михайло Тюхинъ шахъ Аббасову величеству противъ того говорилъ: какъ мы отъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии его царского величества приплы къ тебѣ, великому государю, шахъ Аббасову величеству въ Казани, и ты, великій государь, шахъ Аббасово величество велѣлъ намъ очи свои видѣти и отъ великого государя нашего царского величества посольство правити всѣмъ тремъ вмѣстѣ, князю Михаилу и Ивану, и мнѣ, Михалку, и мы, государь, твои государские очи видѣли и отъ великого государя своего его царского величества, тебѣ, великому государю, шахъ Аббасову величеству посольство правили и грамоту отъ великого государя нашего его ц. в. тебѣ, великому государю, шахъ Аббасову в-ву объявляли, и ты, великій государь, шахъ Аббасово величество любительные помысли великого государя нашего его царского величества велѣлъ принять, и твое государское шахъ Аббасова величество слово намъ было, что ты, великій государь, шахъ Аббасово величество великого государя нашего царское величество, о чомъ мы къ тебѣ присланы, казною осудишь и любительное прошение и хотѣнье великого государя нашего его царского величества исполнишь, и великій государь нашъ его царское величество насъ, холопей своихъ, прислалъ къ тебѣ, великому государю, шахъ Аббасову величеству братственную дружбу и любовь поныне поддѣржити, а не нарушить, а тово у насъ и въ разумѣ нѣтъ и помыслить не умѣть, что намъ межъ васъ, великихъ государей, братственную дружбу и любовь нарушить.

И шахъ учалъ говорить: о чомъ ден государь вашъ ко мнѣ писалъ и васъ прислалъ, и какъ вы у меня были и рѣчь мнѣ отъ государя своего говорили, и то ден я самъ все помню и государя вашего прошение и хотѣнье исполню, и казною денежною брата своего великого государя вашего ссужу, а что де мнѣ на государя вашего досада и ссора, и я ден великому государю вашему про тобѣ смуту и ссору съ тобою приказываю, и ты ден что у меня услышишь, то все государю своему навѣсти и слова моево ни одново не утай.

И шахову величеству Михайло сказалъ, что присланы мы отъ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии его царского величества къ тебѣ, великому государю, три: князь Михаилъ да Иванъ, да я, Михалко, и ты, великій государь, вели намъ къ себѣ быти всѣмъ тремъ вмѣстѣ, и что къ великому государю

нашему словесной твой приказъ будетъ, и мы всё вмѣстѣ словесной приказъ твой, выслуша у тебя, великого государя нашего, его царского величества, донесемъ.

И шахъ учалъ говорить: велѣлъ де я тебѣ быти къ себѣ одному и приказываю съ тобою словесно къ великому государю вашему къ его царскому величеству свою грамоту, запечатавъ своими тремя печатми, и ты деи ни одною моею слова не утай: великому государю своему его царскому величеству то все извѣсти, чтобъ въ томъ межъ насъ, великими государи, смуты и ссоры не было и наша братственная дружба и любовь не нарушилась, а посломъ деи у меня быти не мочно, потому что я иду утре рано изъ Казани въ Тарабатъ.

И шахъ учалъ говорить: досада деи мнѣ на великого государя вашего въ томъ: какъ де мои послы были у великого государя вашего у его царского величества, и пословъ деи моихъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ Казани и въ Астарахани запирали по дворомъ что скотину, и съ дворовъ ихъ ниванова челоуѣка не выпускали, и утѣсненье имъ было великое и купити имъ ничево не дали и у воротъ деи стояли многіе стрѣльцы и съ двора ихъ не спускали, а я деи надъ вами также крѣпость велю учинити и васъ засажу и птицѣ деи черезъ васъ не дамъ пролетѣть, не токмо деи вамъ птицу видѣть, и вамъ деи и пера птичьа не видать. И то деи что межъ нами, великими государи, за любовь: государъ вашъ моимъ посломъ утѣсненье чинилъ и на дворехъ ихъ запирали и съ двора не спускали, а я деи противъ того васъ запру и свѣту вамъ видѣти не дамъ, и многую вамъ крѣпость учиню, и выдержу васъ что ловчую птицу, и вы будете и тому ради, что и свѣтъ увидѣти.

И Михайло сказалъ шаху: какъ были у великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества послы Кая салтанъ да Вулатъ бекъ, и великій государъ нашъ его царское величество для твоей шахъ Аббасова величества братственныя дружбы и любви посломъ твоимъ велѣлъ учинити честь великую свыше прежнево, и встрѣча имъ была большая отъ города версты за двѣ, а на встрѣчѣ были многіе дворяня, и приказные, и всякіе люди, и многіе дворяня и дѣти боярскіе изъ городовъ, и лошади подъ нихъ были присланы великого государя нашего его царского величества съ конюшни и съ конскими наряды, и шли они въ городъ на посолской дворъ съ великою честью. И по указу великого государя нашего его царского величества кормъ имъ давано много свыше прежнево и въ запросъ, чево они похотятъ, и

то имъ все по государеву указу давано зъ дворца, а сверхъ тово великій государь нашъ его царское величество, любя тебя, брата своего, шахъ Аббасова величества, указалъ посылать къ твоимъ шахъ Аббасова величества посломъ повсяднєвно зъ дворца съ ѣствою и съ питьемъ, ѣствы блюдъ на сорокъ и на пятидесять, а питья оловенисковъ и вужовъ по пятнадцати и больши, и въ городѣхъ во всѣхъ, на которые города великого государя нашего его царского величества твои шахъ Аббасова величества послали шли, кормъ и питье имъ по государеву указу давано много свѣше прежнево, а запору имъ на дворехъ и утѣсненья никоторо не было. А то у великихъ государей нашихъ и нынѣ у великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси его царского величества, издавна въ обычаехъ повелось: стрѣльцы для береженья у посольскихъ дворовъ у воротъ стоять для тово, что великого государя нашего его царского величества Московское государство многолюдно и иноземцовъ всѣхъ государствъ много, чтобы посломъ московскіе люди и всякіе иноземцы безчестья никоторо не учинили, и твоимъ шахъ Аббасова величества посломъ повольность людей своихъ для покупки, что имъ надобно, посылать была, а для береженья съ ними посланы были стрѣльцы, чтобы имъ безчестья никоторо не учинилось, и заказу ни о чемъ не было, что хотять, то покупать. А то, государь, нѣкоторой врагъ такую безлѣпншную затѣйную смуту и ссору учинилъ воровскимъ умышленьемъ. не хотя видѣти васъ, великихъ государей, въ братственной дружбѣ и любви, и ты, государь, вели своихъ пословъ поставить съ нами съ очей на очи и вели ихъ спросить: какое имъ у великого государя нашего его царского величества утѣсненье было, и по дворомъ будто ихъ запирали и зъ дворовъ не пускали? и та ихъ ложь и ссора и смута объявитца.

Да шахъ же говорилъ: то де государь вашъ оказываетъ ко мнѣ нелюбовь; воеводы де государя вашего по городомъ въ Астарахани и въ Казани и въ иныхъ городѣхъ моимъ торговымъ людямъ многую шкоту чинили и пошлины съ нихъ имали вдвое и втрое передъ тѣмъ, какъ было при прежнихъ великихъ государей нашихъ: не токмо деи что съ моихъ торговыхъ людей пошлину имали, и которые де были мои товары невеликіе, а де было свои товары съ своими торговыми людьми послалъ, велѣлъ продать и на тѣ деньги велѣлъ покупать въ государя вашего городѣхъ въ Астарахани и въ Казани товары, какіе мнѣ годны, и воеводы государя вашего и съ моихъ товаровъ пошлину имали, и грамота за моею печатью къ воеводамъ государя вашего въ Астара-

хань была, и мои торговые люди тоѣ мою грамоту казали, и воеводы де грамоты моей не послушали и товаровъ купить на меня моимъ торговымъ людемъ не давали, что деи пульное дѣло птица ястребъ: купилъ деи было мнѣ мой торговой человекъ въ Астарахани ястребъ, и астараханскіе воеводы тово ястреба у моего торгового человека отняли, а татарина, у ково купилъ, сажали въ тюрьму, а говорили: то заповѣдное, продавати птиць не велѣно. А мнѣ деи то дорого ли? вы деи привезли ко мнѣ отъ государя своево птицы, и язь де изъ нихъ толко велю вырвать по перу да всѣхъ пущу, и они летать, куды хотять. То ль деи межъ нами братство и любовь! А коли бы де государь вашъ хотѣлъ со мною быть въ братствѣ и въ любви, и заказу бы деи ни о чемъ не было, и моимъ торговымъ людемъ насильства и убытковъ не чинили, и поволность бы была: какіе товары хотять, такіе бы имъ и покупать давали, а пошлину бы имали рядовые, какъ было напередъ сего; кто деи будетъ моихъ торговыхъ людей своруеть, пошлину платитъ воровствомъ не похочеть, или товары свои утаить, а про то сыщется, и у тѣхъ бы де у торговыхъ людей пошлину имали вдвое и втрое, а сверхъ бы они тово и товары у нихъ имали, да о томъ бы деи ко мнѣ отписали, и какъ де тотъ торговой человекъ учнетъ мнѣ бити челомъ, что у него товары взяли въ Астрахани или въ Казани не по винѣ, а ево деи вина мнѣ будетъ весна, что у него товары взяты по винѣ, и я де сверхъ тово велю ему брюхо распоротъ. Да имянно де про то брату моему великому государю своему извѣсти: которые мои торговые люди ѣздять торговать въ Астрахань и въ Казань, и пріѣхавъ назадъ въ мою землю, мнѣ бьютъ челомъ, что имъ великого государя вашего Московского государства въ Астрахани и въ Казани и въ иныхъ городѣхъ, гдѣ кому случитца быть, и въ тѣхъ де городѣхъ воеводы и всякіе приказные люди и таможенные головы пошлину съ нихъ имали передъ прежнимъ вдвое и втрое и насильства имъ, и обиды, и убытки чинили, и я де о томъ пишу отъ себя съ великимъ молениемъ къ воеводамъ великого государя вашего въ тѣ города, гдѣ кому моимъ торговымъ людемъ насильства и убытки, и продажу чинили и у ково пошлины имали вдвое и втрое, и воеводы бы ко мнѣ противъ моей грамоты отписали подлинно, какъ у нихъ дѣлаецца: торговые мои люди мнѣ бьютъ челомъ прямо ли, или воровствомъ и тѣмъ насъ, великихъ государей, ссариваютъ, и я бы де и тѣмъ своимъ торговымъ людемъ по сыску велѣлъ брюхо распоротъ, и та бы де ссора и смута межъ нами унялась. А пишу де брата своево великого государя

вашего къ воеводамъ о всякихъ дѣлахъ о сыску и молю у нихъ съ великимъ прошеньемъ, чтобы онѣ противъ моево писма мнѣ учинили вѣдомо и отписали подлинно, какъ что дѣлалось. И воеводы деи государя вашего ко мнѣ ни о чемъ не писывали, и мнѣ деи то мнитца, что прямо моимъ торговымъ людямъ чинятца продажи и обиды, и пошлину съ нихъ емлютъ вдвое и втрое.

И дьякъ Михайло Тюхинъ противъ тово говорилъ, что отъ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи по городомъ въ Казань и въ Астарахань къ воеводамъ и ко всякимъ людямъ посланы ево государскіе грамоты, чтобы твоимъ государевымъ торговымъ людямъ въ Казани и въ Астарахани поволность была: какіе имъ товары надобеть, и они бы имъ тѣ товары покупати велѣли безъ запрещенья, что кому надобеть, а съ твоихъ государевыхъ товаровъ, что купятъ на тебя государя, отнюдь пошлинъ имать не велѣно. А только бы государь нашъ то свѣдалъ, что тебѣ какіе товары надобе, и государь бы нашъ тѣ всѣ товары для твоей государскіе братственные дружбы и любви безъ покупки прислалъ, а воеводамъ и всѣмъ приказнымъ людямъ и таможеннымъ головамъ тотчасъ велѣлъ наказанье учинить, которые твоимъ государевымъ купцомъ покупати на твой государевъ обиходъ не дали и пошлину съ нихъ имали мимо государева указа, и тѣмъ бы велѣлъ воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ наказанье учинити нещадно.

И шахъ Аббасово величество говорилъ: какъ деи изъ предковъ у прежнихъ великихъ государей вашихъ и нынѣ у великого государя вашего повелось, съ торговыхъ людей съ товаровъ пошлину имати и съ торговыхъ бы деи людей съ моихъ со всякихъ съ ихъ товаровъ пошлину имали по прежнему, а будетъ деи которой протаможитца или что утаить, я у такихъ бы деи воровъ пошлину имали вдвое и втрое, а сверхъ бы деи тово и всѣ ево товары взяли на государя вашего, а коли деи на тово въ которомъ городѣ мой торговой человекъ протаможитца воеводы государя вашего отписали, и я деи у него за то ево воровство и весь ево животъ, что у него въ моей землѣ будетъ, велю поимать на себя, а ему велю брюхо распоротъ, чтобы межъ нами въ томъ смуты и ссоры не было.

Да шахъ же учелъ говорити: теперво деи я вамъ говорю, чтобы государь вашъ про то сыскалъ накрѣпко и тѣмъ воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, которые межъ нами, великими государями, братственную любовь и дружбу хотятъ нарушить, велѣлъ наказанье учинить, и что де я съ вами тоцерво приказываю, то все государю своему

скажете, а сверхъ деи тово пошлю съ вами къ государю вашему грамоту, запечатавъ своими тремя печатями. И показавъ печати. Тоѣ де грамоту тѣми печатями запечатаю, и вы деи не пророните моево ни одново слова, до государя своево донесите и подлинно государю своему извѣстите, въ чемъ мнѣ на государя вашего досада, и что у меня теперво слышите ни одново слова не утаите, чтобъ въ такихъ безлѣншихъ ссорахъ отъ такихъ людей наша братственная дружба и любовь не нарушилась, какъ деи я почалъ съ московскими съ прежними государи, съ царемъ Федоромъ Ивановичемъ и съ царемъ Борисомъ, братственную дружбу и любовь держати, такъ деи нынѣ съ государемъ вашимъ хочю до своево живота братственную дружбу и любовь свершити, а государь бы де вашъ меня отъ тѣхъ воеводъ и отъ приказныхъ людей, которые межъ нами, великими государи, ссору чинили, велѣлъ, про то сыскавъ, мнѣ оборонъ учинити. А толко деи въ моей землѣ, въ которомъ городѣ нибуди, мои ханы и всякіе приказные люди государя вашего торговымъ или какимъ людямъ нибуди какое насильство или убытки учинять, а государь вашъ про то ко мнѣ отпишетъ или прикажетъ на тово, кто кому рускому челоуѣку дурно какое учинилъ, и я де по сыску тому тотчасъ велю брюхо розпороть.

И дьякъ Михайло Тюхинъ противъ тово говорилъ: толко ты, великій государь, къ государю нашему на ково отпишешь, и государь нашъ не токмо ему наказанье велить учинить, и до конца ево велить ророзвать. А какъ были у государя нашего его царского величества твои государевы шахъ Аббасова величества послы, Кали (sic) бѣкъ да Булатъ бѣкъ, и на царского величества дворѣ въ отвѣтѣ царского величества зъ бояриномъ и намѣстникомъ нижегородцкимъ Ярославскимъ по царского величества приказу его царского величества бояринъ и намѣстникъ нижегородцкой князь Олексѣй Юрьевичъ съ товарищи твоихъ государевыхъ пословъ Кая салтана да Булатъ бека допрашивали, чтобъ они имъ про то объявили подлинно, хто великого государя нашего его царского величества воеводъ и дьяковъ, и толмачей, и таможенныхъ головъ твоимъ государевымъ шахъ Аббасова величества торговымъ людямъ какое насильство и продажу учинили, и у ково именемъ у твоихъ государевыхъ шахъ Аббасова величества людей таможенные головы и съ какихъ товаровъ пошлины взяли вдвое? и великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русии его царское величество для тебя, брата своего, великого государя шахъ Аббасова величества братственные дружбы и любви тотчасъ про то свое царское повелѣнье пошлетъ, а велить про то сыскати

накрѣшко, а по смыслу велить надъ воеводы и надъ дьяки, и надъ толмачи, и надъ таможенными головами, хто твоимъ государевымъ шахъ Аббасова величества людямъ обиды и насильства, и продажу учиниль, наказанье учинить нещадно.

И твои государевы шахъ Аббасова величества послы про то имянно не сказали: въ которое время и вторые воеводы, и хто великого государя нашего его царского величества приказные люди и таможенные головы, и хто толмачи имянно такъ не горавдо дѣлали. Толко великій государь нашъ его царское величество, хотя впередъ быти съ тобою, зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ шахъ Аббасовымъ величествомъ въ нелицемѣрной братственной дружбѣ и любви, и въ ссылкѣ, великій государь нашъ свое царское повелѣнье въ свои царскіе отчины въ Казань и въ Астарахань, и на Терекъ своево царского величества бояромъ и воеводамъ, и дьякомъ, и ко всякимъ приказнымъ людямъ послалъ съ великимъ запрещеньемъ, чтобъ онѣ твоихъ государевыхъ шахъ Аббасова величества торговыхъ и всякихъ людей ото всякихъ обидъ и насильствъ и продажъ не дѣлали, тѣмъ межъ вами, великихъ государей, вашихъ великихъ государствъ ссоры и недружбы не всчинали, а хто учнетъ твоимъ государевымъ шахъ Аббасова величества торговымъ и всякимъ людямъ ихъ боярскимъ и дьячимъ, и всякихъ великого государя нашего его ц. в. приказныхъ людей небереженьемъ чинить обиды какия и насильства, и продажи, или сами онѣ учнутъ имъ чинить насильства жъ и обиды, и продажи, а про то сыщется, и великому государю нашему его царскому величеству учинитца вѣдомо подлинно, и имъ за то отъ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи будетъ наказанье нещадно.

И шахъ сказалъ: съ послы деи моими въ государю вашему о томъ приказу отъ меня не было, что имъ про торговыхъ людей на воеводѣ и на приказныхъ людей про насильство говорить, а какъ деи ко государю вашему послы мои шли, и въ Астарахани де и въ Казани мои торговые люди, которые въ то время были съ товары, посломъ моимъ сказывали, что имъ передъ прежнимъ многое отъ воеводъ и ото всякихъ приказныхъ людей насильство и продажи, и убытки великіе, и пошлины съ нихъ емлютъ передъ прежнимъ и вдвое и втрое, а именно моимъ посломъ торговые мои люди на государя вашего воеводѣ не указали, а хотя будетъ и вѣдали послы мои про то подлинно, въ которыхъ городехъ и хто именемъ воеводѣ и всякихъ приказныхъ людей и кому именемъ моимъ торговымъ людямъ насильство и продажу, и убытки чинили, и пошлину вдвое и втрое имали, и послы мои безъ моего

вѣдома про то говорить не смѣли, толко лише про то напоминали, чтобъ впередъ такова насильства моимъ торговымъ людямъ не было. И какъ де послы мои и торговые люди пришли ко мнѣ, и онѣ деи мнѣ про все сказывали подлинно, какое имъ насильство было и отъ ково именовъ отъ воеводъ, а всѣхъ деи пуце въ Астарахани воевода Ивашка Пушкинъ межъ нами, великими государи, смуту и ссору чинили и моимъ торговымъ людямъ продажу и пасильства, и убытки дѣлалъ и пошлину ималъ вдвое и втрое, не токмо деи что торговымъ людямъ, и онѣ деи и пословъ моихъ поворилъ и помѣшку имъ въ нашихъ обчихъ дѣлехъ великую учинилъ, и государь бы деи вашъ про тово Ивашку велѣлъ сыскати и по смыску бы надъ нимъ наказанье учинилъ, чтобъ впередъ межъ нами смуты и ссоры не было.

И Михайло говорилъ: про то, государь, великому государю нашему его царскому величеству вѣдомо не учинилось, и послы твои государевы въ отвѣтѣ про Ивашку ничево не говорили, толко лише деи напомянули, что ихъ Ивашка въ Астарахани позадержалъ, и государь нашъ Ивашку велѣлъ взяти къ Москвѣ за приставы и наказанье велѣлъ ему учинити.

И шахъ сказалъ: я деи хочу въ государемъ вашимъ и впередъ быти въ братственной дружбѣ и любви, и нынѣ де межъ нами, великими государи, учинилась смута и ссора, и я деи великому государю нашему тое ссору и смуту объявляю, чтобъ межъ нами, великими государи, братственная дружба и любовь не урвалась; а только бы деи межъ нами, великими государи, не морское растоанье, и я бы деи въ великому государю вашему и самъ пріѣхалъ самъ другъ или самъ третей, и бывъ деи у государя вашего, и назадъ къ себѣ пріѣхалъ недѣли въ двѣ или въ три, а то намъ самимъ съѣхатца не мочно, потому что межъ нами морское растоанье.

Да извѣстно деи то великому государю вашему самому, какъ въ Московскомъ государствѣ было разоренье, и Московское государство было въ смутѣ, а воръ Зарутцкой въ жонкою съ литовскою, съ Маринкою, да съ робенкомъ прибѣжалъ въ Астарахань, и въ Астарахани воры къ нимъ многіе пристали и тово Маринкина сына называли царевичемъ, и ко мнѣ деи Зарутцкой и Маринка съ сыномъ прислали отъ себя пословъ своихъ, чтобъ мнѣ имъ помочь учинить, а давали деи мнѣ за то Астарахань, и я деи той ихъ воровской смутѣ не повѣрилъ и Астарахани у нихъ не взялъ, и помочи имъ никоторые не учинилъ. А какъ деи учинился на Московскомъ государствѣ государь вашъ царь Михайло и ко мнѣ деи прислалъ гонца своево Михайла Тиханова, и я деи,

помнечи прежнихъ великихъ государей вашихъ братственную дружбу и любовь и хоти быти нынѣ съ великимъ государемъ вашимъ въ братственной же дружбѣ и любви, Зарутцково пословъ съ посланникомъ государя вашего послалъ ко государю вашему въ Москвѣ. А въ смутное де время Астараханъ перекормилъ и пшено къ нимъ послалъ, а о томъ некоторыми дѣлы не помыслилъ, что мнѣ Астараханъ взяти и Астараханю завладѣти. Да и нынѣ деи и до своего живота хочю зъ государемъ вашимъ быти въ братственной любви и дружбѣ и прошеніе брата своего великого государя вашего все, о чемъ вы ко мнѣ присланы, исполню.

И ноября пріѣхалъ къ посломъ отъ шаха Кая салтанъ да приставъ Усеинъ бекъ и учили посломъ говорити: шахово деи величество идетъ совсѣмъ въ Оарабать зимовати, а вамъ деи зимовати въ Казбинѣ, и прислалъ деи къ вамъ шахъ на кормъ денегъ сто тюменей, да вамъ же деи прислалъ вина двѣнадцать бочекъ, да дватцать погребцовъ склянничныхъ съ виномъ, и вамъ бы деи деньги на кормъ и вино взяти.

И послы, князь Михайло и Иванъ, и дьякъ Михайло, учили говорити Кая салтану да приставу Усеинъ беку: шахово величество пожаловалъ, прислалъ къ намъ сто тюменей денегъ на кормъ да вино, и мы челомъ бьемъ шахову величеству, чтобы пожаловалъ, велѣлъ намъ давать кормъ по прежнему, а деньги намъ не надобны, потому что наши люди языку вашему не знаютъ и покупать имъ не умѣтъ, а въ Казбинѣ хлѣбъ и всякое съѣстное дорого, а дрова и всего дороже, а то къ намъ Аббасъ шахово величество не жалованье, что къ намъ вино прислалъ: вѣдаете вы и сами, что у насъ, по великого государя нашего жалованью, вина своего много и намъ вино ненадобно, и вамъ бы Обасъ шахову величеству наше челобитье донести и рѣчи наши рассказать: какъ у великого государя нашего у его царского величества Обасъ шахова в-ва послы были ты, Кая салтанъ, да Булатъ бекъ, и вамъ по государской милости кормъ всякой полной и питье давано подневно нескудно ничѣмъ и въ запросъ, чево похитите, давано вамъ много, и шахово бы величество пожаловалъ: въ корму насъ оскудити не велѣлъ.

И Кая салтанъ посломъ сказалъ: про то деи про всѣ статьи и про кормъ шахову величеству рассказалъ Булатъ бекъ, потому что онъ пріѣхалъ къ шаху напередъ меня, а язъ де былъ въ Шемахѣ, а изъ Шемахи въ Родивиль ѣхалъ съ вами, и шахъ деи въ ту пору на меня былъ кручиновать по Булатъ бекову жъ ваносу и ни про что меня не спрашивалъ, а язъ бы деи промежи великихъ государей такіа смуты не чинилъ, а хто деи такую смуту промежъ великихъ государей

учинилъ, и тому деи злодѣю и самому отъ Бога не пробудеть, да и сами вы у шахова величества про смуту и про всякіе мѣры слышали, и вы деи пожалуйте на меня не досадуите, не мое де то дѣло.

Да тово жъ часу Кая салтанъ да приставъ Усеинъ бекъ отъ словъ поѣхали, а сказали: мы де шахову величеству ваши рѣчи ро-скажемъ. А вино, бочки и погребцы, велѣли поставити у двора въ во-ротѣхъ.

И тово жъ дни часа за два до вечера пріѣхали къ посломъ Кая салтанъ да Усеинъ бекъ, и говорили посломъ Кая салтанъ и Усеинъ бекъ: какъ деи мы отъ васъ поѣхали и пріѣхали къ шахову двору, а шахъ деи ужъ пошелъ въ Өарабатъ, мы де его на дворѣ не за-ѣхали, и мы де за нимъ ѣздили за городъ, и угнали де шаха за по-садомъ, и сказали деи шаху ваши рѣчи про кормовыя денги и про вино, что вы вина не емлете.

И шахъ деи приказалъ къ вамъ съ великою кручиною, а велѣлъ вамъ говорити, что вы дуруете, шахова жалованья вина не емлете. Язъ де, ихъ жалуючи, послалъ къ нимъ вино, потому что имъ зимо-вати въ Казбинѣ, а у меня деи въ Казбинѣ питья никакого нѣтъ, дати имъ нечево. И вамъ бы деи однолишно шаха на большой гнѣвъ не воздвигнути, вино велѣти взяти.

А про кормовыя деи денги шахъ приказалъ мнѣ жъ да приставу вашему Усеину, а велѣлъ вамъ сазати: денги кормовыя возьмите, а тѣ денги велѣлъ вамъ шахъ дати на кормъ на два мѣсяца, а какъ деи у васъ денги изойдутъ кормовыя, и шахъ деи велѣлъ при-ставу вашему къ себѣ отписати. Да которое де ваше дѣло къ ша-хову величеству впередъ будетъ, и шахъ деи велѣлъ мнѣ вамъ ска-зати: о всякомъ дѣле сказывайте приставу Усеинъ беку. А Усеинъ беку шахъ приказалъ о всякихъ вашихъ дѣлахъ писати къ себѣ.

А приставъ Усеинъ бекъ посломъ про кормъ сказалъ тожъ: при-казалъ деи шахъ тѣ кормовыя денги отдати вамъ на два мѣсяца, а какъ денги изойдутъ, и шахъ де велѣлъ о томъ мнѣ къ себѣ отписати, да какія деи ваши дѣла будутъ впередъ до шахова величества, и вамъ бы деи мнѣ сказывати, а шахъ деи приказалъ, велѣлъ мнѣ о всемъ къ себѣ писати.

А про вино деи шахъ у меня спросилъ: для чево послы не взяли вина? И язъ деи шаху сказалъ ваши рѣчи, что вы сказали: у васъ вина своего много. И шахъ деи меня спросилъ: гдѣ жъ вы вино по-ставили? И язъ сказалъ, что поставлено у вашего посолсково двора въ воротѣхъ. И шахъ деи велѣлъ вамъ говорити: для чево вина не

емлете, за что на меня гнѣваются? А говорилъ де шахъ съ великою кручиною, приказалъ де мнѣ: только вы вино не возьмете, и шахъ де велѣлъ мнѣ къ себѣ на стапъ съ вѣстью прислати, и вамъ бы деи однолишно вино велѣти взяти, а шахова величества не роскручинить.

И послы, князь Михайло и Иванъ, и дьякъ Михайло, поговора межъ себя, да сказали Кая салтану и приставу: воленъ Богъ да шахово величество; онъ, государь, изволилъ такъ, что деньгами дати на кормъ, и намъ денги взяти за великую неволю, потому что не смѣемъ его, государя, роскручинить, а вѣдаете вы и сами, что наши люди вашего языка не знаютъ и покупать будетъ имъ съ великою нужею, да въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, и вы денги пришлите, и мы велимъ взяти.

А про вино, поговора межъ себя, сказали Кая салтану и приставу: слышимъ отъ васъ великого государя шахъ Аббасова величества на себя кручину, и мы того не смѣемъ учинити, что намъ вина не взяти: воленъ Богъ да шахово величество, чтобы намъ на себя большего гнѣву не навести, вино у васъ велимъ взяти. И Кая салтана и пристава подчивали.

И ноября въ 8 день приставъ Усеинъ бекъ къ посломъ прислалъ съ сыномъ своимъ кормовыхъ денегъ девяносто тюменей, а по рускому счету пятьсотъ сорокъ рублей, а десять тюменей—шездесать рублей—приставъ себѣ взялъ, а приказалъ къ посломъ: взялъ де я десять тюменей изъ вашего корму по шахову указу, тѣмъ де меня шахъ пожаловалъ: во всякомъ корму въ поденномъ и въ денежномъ корму велѣлъ имати десятую часть, и вы де на меня въ томъ не досадуите: язь де взялъ по шахову указу.

И послы у приста(во)ва сына кормовые денги велѣли взяти.

И того жъ дни къ посломъ пріѣхали Кая салтанъ да приставъ, и учалъ Кая салтанъ посломъ говорить: шахъ де велѣлъ мнѣ за собою ѣхати, и вы де велите вино взяти, чтобъ де мнѣ шаху сказати.

И послы, бояся на себя отъ шаха кручины, велѣли вино у нихъ взяти.

Да изъ того вина послали ближнему шахову челоуѣку Мамъ Гули хану двѣ бочки вина, дворовому ево воеводѣ Алымъ Гули хану послали бочку вина, ближнему ево везирю Сары Хози послали бочку вина, приставъ Усеинъ бекъ взялъ двѣ бочки вина, десять погребцовъ, Кая салтану дали три погребца вина, а достальное вино роздали переводчику и толмачомъ, и кречетникомъ, и стрѣльцомъ, и себѣ по невелику взяли.

И послѣ шаха вскорѣ князь Михайло разболѣлся и декабря въ 15 день князь Михайла не стало. А отхода сего свѣта, князь Михайло приказывалъ, чтобъ тѣло ево вывести на Русь.

И Иванъ и Михайло поговорили приставу Усеинъ беку, чтобъ онъ послалъ къ шахову величеству извѣстить, что товарища нашего князя Михайла судомъ Божиимъ не стало, и шахово бѣ величество пожаловалъ, велѣлъ князь Михайлово тѣло и его племянника и людей ево, и рухледь отпустить на Русь напередъ насъ, пословъ, и подводы бѣ подъ тѣло и подъ племянника ево и подъ людей, и подъ рухледь и кормъ въ дорогу велѣлъ дати. А послѣ князь Михайла остался племянникъ да людей ево дватцать девять человекъ, и надобно подъ князь Михайлово тѣло и подъ племянника ево и подъ людей дватцать пять подводъ. А какъ шли изъ Родевила въ Казбинъ, и подъ князь Михайловою рухледью было шестнадцать верблюдовъ, и онъ бы, Усеинъ бекъ, къ шахову величеству отписалъ имянно, сколько надобно подводъ и верблюдовъ подъ рухледь.

И приставъ Усеинъ бекъ сказалъ: къ шахову де величеству пошлю скорохода и отъ себя про князь Михайлову смерть и о подводяхъ, и о верблюдахъ отпишу имянно, сколько надобно подводъ и верблюдовъ.

И декабря въ 21 день пришолъ къ Ивану и къ Михайлу приставъ Усеинъ бекъ, а съ собою привелъ скорохода и учалъ говорить: вы де говорили, чтобъ мнѣ писати къ шахову величеству о князе Михайловѣ смерти и отпускѣ, и я де противъ вашихъ рѣчей къ шахову величеству о князь Михайловѣ смерти и о подводяхъ, и о корму, о всемъ писалъ, и топерво де того скорохода отпускаю къ шаху, и вамъ де отъ шаха указъ будетъ тотчасъ. И отпустилъ скорохода изъ Казбина въ Оарабатъ при послѣхъ. А сказалъ приставъ Усеинъ бекъ, что скороходъ отъ шаха сходитъ въ три недѣли. И тотъ скороходъ изъ Оарабата отъ шаха ѡевраля по 23-е число въ Казбинъ не бывалъ.

И Иванъ и Михайло учили приставу говорить Усеинъ беку: послалъ ты къ шахову величеству скорохода, и скороходъ твой, какъ пошолъ тому два мѣсяца, и по ся мѣста отъ шаха не бывалъ, и вѣсти про него нѣтъ, а нашему пути время спѣеть, живемъ мы послѣ шаха въ Казбинѣ четыре мѣсяцы, а указу намъ отъ шаха никакова нѣтъ, а на кормъ намъ дано деньгами на два мѣсяца, а мы живемъ въ Казбинѣ четыре мѣсяца и два мѣсяца покупаемъ кормъ своими деньгами, и ты пошли еще къ шахову величеству человекъ своего, а мы съ твоимъ человекѡмъ пошлемъ толмача битъ челомъ о своемъ отпускѣ и о князь Михайловѣ тѣлѣ.

И приставъ Усеинъ бекъ сказалъ: я де пошлю племянника своего Мурза бѣка, а вы де посылайте съ моимъ племянникомъ къ шахову величеству толмача. И послы къ шаху въ Өарабатъ послали съ приставовымъ племянникомъ толмача Соёона Огаркова, а отпустили ихъ изъ Казбина еевраля въ 23-мъ числѣ, а приказали толмачю Соёону Агаркову велѣли бити челомъ шахову величеству, чтобъ пожаловалъ пословъ, отпустилъ къ царскому величеству, не задержавъ, а путь посольскому ходу приблизель, и пожаловалъ бы, велѣлъ отпустить князь Михайлово тѣло и племянника его и людей, и подводы подъ князь Михайлово тѣло и подъ люди, и подъ рухледь велѣлъ дати, да и о корму велѣли пропомянуть, что дано денегъ на кормъ на два мѣсяца, а тому ужъ четыре мѣсяцы. И толмачъ Соёонъ Огарковъ жилъ у шаха за отпускомъ въ Өарабатѣ апрѣля по 1 день, а отъ шаха изъ Өарабата прѣхалъ въ Казбинъ апрѣля въ 11 де(нь), а сказалъ посломъ Соёонъ, что былъ въ Өарабатѣ и шахови очи видѣлъ двжды и шаху о отпускѣ билъ челомъ, и шахъ де сказалъ: пословъ де я отпущу къ брату своему къ великому государю вашему вскорѣ и своего посла къ великому государю вашему съ ними пошлю. Да привезъ въ Казбинъ къ дорогѣ и къ калентарю шахову грамоту о князь Михайловѣ тѣлѣ и отпускѣ и о подводахъ и о корму и отдалъ Ивану и Михайлу.

И Иванъ и Михайло послали по пристава по Усеинъ бека. Того жъ часу приставъ Усеинъ бекъ приполъ, и учали пристава говорить: послали мы съ племянникомъ твоимъ къ шахову величеству толмача Соёона Огаркова, и толмачъ Соёонъ Огарковъ отъ шаха къ намъ въ Казбинъ прѣхалъ, а привезъ шахову грамоту къ дорогѣ и къ калентарю о князь Михайловѣ тѣлѣ о отпускѣ и о нашемъ корму, и ты поѣдь къ дорогѣ и къ калентарю, а мы съ тобою пошлемъ съ шаховою грамотою переводчика, чтобъ они не помѣшвали, подводы подъ князь Михайлово тѣло и подъ его людей, и подъ рухледь дали, и кормъ бы намъ велѣли дати.

И Усеинъ бекъ сказалъ: я де къ дорогѣ и къ колентарю ѣду сесь часъ, а вы де пошлите со мною къ нимъ переводчика съ шаховою грамотою. И Иванъ и Михайло послали съ шаховою грамотою съ приставомъ переводчика Милюту Нагаева, а велѣли дорогѣ и колентарю, шахову грамоту отдавъ, говорить, чтобъ они по шаховѣ грамотѣ подъ князь Михайлово тѣло и подъ люди и подъ рухледь подводы дали и отпустили бы, не задержавъ, и кормъ бы намъ велѣли дати.

И того жъ дни къ Ивану и къ Михайлу приставъ Усеинъ бекъ да

переводчикъ Милота пришли и сказали, что они дорогѣ и колентарю шахову грамоту отдали, и дорога и колентарь, вычетчи шахову грамоту, сказали: подводы они збирать велѣли съ уѣзду, а на кормъ велено дати деньгами, собравъ съ посаду и съ уѣзду, и они, собравъ деньги, на кормъ дадутъ, а велѣно де дати на кормъ денегъ сто тюменей.

И апрѣля въ 12 день пріѣхалъ къ Ивану и къ Михайлу казбинской колентарь и послалъ по пристава, по Усеинъ бека, и какъ приставъ къ Ивану и къ Михайлу пришолъ, и колентарь сказалъ: прислана де грамота къ дорогѣ и ко мнѣ отъ шаха, а велѣно де князь Михайлово тѣло и людей ево и рухлядь отпустить на Русь, а дати одна подвода, а вчерась де мы грамоту чли, и того не рассмотрели, сколько дати подводъ, а нынѣ де мы грамоту розсмотрели, и велѣно де дати одна подвода.

И Иванъ и Михайло учали колентарю говорить: какъ тому статца, что князь Михайлово тѣло и людей ево и рухледь поднять на одной подводѣ? а людей де топерво князь Михайловыхъ и съ племянникомъ дватцать три человекъ, а какъ изъ Родевила шли въ Казбинъ, и подъ рухледь у князя Михайла было шестнатцать верблюдовъ, а нынѣ князь Михайлово тѣло и людей, и рухледь поднять на одной подводѣ статочное ль то дѣло?

И колентарь посломъ сказалъ: шахову де грамоту велите честь передъ собою, а намъ де мимо шахова указу больши одной подводой прибавить не мочно. А что де шахъ указалъ, и вы де тоѣ подводу емлите и тѣло князь Михайлово отпускайте, а намъ де мимо шахова указу отнюдь ничего сдѣлати не умѣть.

И Иванъ и Михайло колентарю сказали: на одной намъ подводѣ князь Михайлово тѣло и людей ево и рухлядь отпустить не мочно, и дорогѣ бы и тебѣ, колентарь, послати къ шаху и о томъ отписати, чтобъ шахово величество велѣлъ дати подводы, какъ мочно поднятись, а то нестаточное дѣло, что на одной подводѣ князь Михайлово тѣло и людей, и рухлядь бы поднять. И колентарь сказалъ: къ шаху де мы скорохода о указѣ пошлемъ тотчасъ, и сами де мы то знаемъ, что не статочное дѣло на одной подводѣ поднять, нѣчто будетъ подьячей описался въ грамотѣ.

И маія въ 2 день дорога и колентарь прислали къ посломъ съ приставомъ съ Усеинъ бекомъ восемьдесятъ девять тюменей пять обасъ, а десять тюменей взялъ приставъ, а сорока пяти обасъ въ тѣ поры не добрали, а хотѣли додаты, послѣ тѣхъ сорока пяти обасъ не

присылавали. И Иванъ и Михайло тѣ деньги велѣли взять и роздѣлили по головамъ всѣмъ противъ прежнего.

Да дорога жъ и колентарь къ Ивану и къ Михайлу съ приставомъ приказывали, что они посылали къ шаху о указѣ о подводахъ скорохода, и скороходъ де къ нимъ отъ шаха пришолъ и грамоту указную принесъ, а въ шаховѣ де грамотѣ написано: больша одной подвода подъ князь Михайлово тѣло и подъ люди, и подъ рухлядь дати не велѣно. И Иванъ и Михайло сказали: намъ на одной подводѣ князь Михайлово тѣло и рухлядь отпустить не мочно, не статочное то дѣло.

И маія въ 6 день пріѣхалъ къ посломъ изъ помѣстья своего Булатъ бекъ, а сказалъ посломъ: прислалъ де ко мнѣ шахъ скорохода, а велѣлъ де мнѣ къ себѣ ѣхать въ Өарабатъ на спѣхъ, и язъ де къ шаху буду къ вамъ заѣхати видѣтися.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: ѣдешь ты къ шахову величеству, пожалуй, донеси до шахова величества наше челобитье, тобъ пожаловалъ насъ отпустилъ къ царскому величеству, а путь приспѣлъ нашему ходу, и пожаловалъ бы, князь Михайлово тѣло велѣлъ отпустить, а бусы въ Астараханъ всѣ пошли.

И Булатъ бекъ сказалъ: чаю де шахъ мнѣ велитъ быть къ себѣ для вашего отпуску, да и мнѣ де чаю къ великому государю вашему ѣхати съ вами жъ вмѣстѣ, а васъ де, чаю, шахъ отпустить сухимъ путемъ на Терекъ. Да того жъ часу Булатъ бекъ отъ пословъ поѣхалъ къ шаху въ Өарабатъ.

И маія въ 16 день приходилъ къ Ивану приставъ Усеинъ бекъ пьянъ, а у Ивана въ тѣ поры былъ переводчикъ Милота Нагаевъ, и говорилъ приставъ про государя царя и великого князя Михаила Өедоровича всеа Русіи и про Московское государство непригожіе рѣчи, а сказалъ, что Московское де государство нинѣ въ разореньѣ отъ литовскихъ людей, и государя де у васъ на Москвѣ нѣтъ.

И Иванъ ему учалъ говорить: что ты брешешь, приходя пьянъ? большое ты во снѣ видѣлъ; впередъ ко мнѣ съ такимъ бездѣльемъ не ходи. И приставъ отъ Ивана пошолъ къ себѣ, и Иванъ тотчасъ прислалъ по Михайла и учалъ Михайлу Усеинову рѣчи сказывать. И поговоря Иванъ съ Михайломъ, послали по Усеина, чтобъ онъ пришолъ къ намъ тотчасъ.

И приставъ Усеинъ бекъ къ Ивану и къ Михайлу не пошолъ, и Михайло, поговоря съ Иваномъ, взявъ съ собою толмача Ивана Сергѣева, пошолъ къ приставу къ Усеину и пристава Усеина роспра-

шиваль, коимъ обычаемъ такую безлѣпную смутную статью бредилъ и отъ кого то слышелъ? и тебѣ бѣ намъ про то сказать подлинно.

И приставъ Усеинъ бекъ сказалъ: подлинно де я про тоѣ статью самъ не вѣдаю, а слышелъ де я про тоѣ статью на мойданѣ, а называютъ де, что пріѣхали изъ Астарахани торговые люди гилянцы, и они де про то слышели въ Астарахани.

И Михайло учалъ Усеину говорить: скажи ты намъ, кто имянемъ торговые люди такую смуту виѣщаютъ? И Усеинъ бекъ сказалъ: завтра я про то подлинно провѣдаю и вамъ де скажу.

И маія въ 17 день Усеинъ бекъ пришолъ къ Ивану и къ Михайлу и учалъ говорить: что де я къ вамъ приходилъ вчерась, и я де того ничево не помню, потому что былъ пьянъ добрѣ.

И Иванъ и Михайло учили Усеину говорить: нѣчто мы увидимъ великого государя шахъ Оббасова величества очи, и намъ бити челомъ на теба шахову величеству, что ты такую безлѣпную смуту во многіе люди виѣстилъ и нашихъ всѣхъ русскихъ людей тою безлѣпною статьею смутилъ, и топерво мы всѣ въ великой необычной скорби и въ плачѣ.

И Усеинъ бекъ сказалъ: язъ де про великого государя вашего ничего не говаривалъ, нѣчто де будетъ переводчикъ вашъ ослышался, а хотя де я что и говорилъ, и я де передъ шахомъ того не заперся. И осердасъ, отъ Ивана и отъ Михайла пошолъ къ себѣ, а идучи, говорилъ: вамъ де надобеть было топерво гомятца за своими головами, а не за нашими, ваши де головы часовые, а наши вѣковые, а мнѣ де было приказано, вашихъ людей изъ двора пускать не велѣно, и я де людей вашихъ не запиралъ и для корму зъ двора пускалъ.

И маія въ 21 день прислалъ къ посломъ съ Терка воевода Минита Вельяминовъ сына боярскаго Цервова Лукина да толмача, да четырехъ человекъ стрѣльцовъ, а съ ними къ посломъ прислалъ двѣ отписки: одна отписка отъ астараханскихъ воеводъ, а другая отписка отъ Миниты Вельяминова. А въ отпискахъ написано, что милостию Божіею великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи на Московскомъ государствѣ, далъ Богъ, во многолѣтномъ здравье, и Московское государство мирно и безмятежно, и по государскому бодроопасному осмотрѣнію и милостивому призрѣнію Московскаго государства всѣ люди въ мирѣ и въ покоѣ и въ тишинѣ, а съ польскимъ королемъ у великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи у его царскаго величества учинилось мирное постановеніе на четырнатцать лѣтъ на шесть мѣсяць.

И Иванъ и Михайло послали по пристава по Усейнъ бека, и какъ приставъ Усейнъ бекъ пришолъ, и Иванъ и Михайло учали пристава Усейнъ беку говорить: вмѣщалъ ты про великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича в. Р. его царского величества и про Московское государство многіе непригожіе, безлѣпныя вражьи статьи, и нынѣ къ намъ писали изъ Астарахани и съ Терева воеводы и прислали съ Терка сына боярского да толмача, да стрѣльцовъ четырехъ человекъ, а пишутъ къ намъ: Божією милостію великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи на Московскомъ государствѣ во многолѣтномъ здоровьѣ, и Московское государство въ мирѣ и въ покоѣ, и въ тишинѣ, а литовскіе люди многіе побиты, а достальныя пошли изъ Московского государства въ свою землю съ великимъ стыдомъ.

И приставъ говорилъ: язь де такіе слова пьянъ бредилъ, а слышелъ де у пьяныхъ же и сказать про нихъ не про кого. А нынѣ де, слыша отъ васъ про великого государя вашего его царского величества здоровье, отпишу къ шахову величеству вскорѣ, а къ дорогѣ де пошлите того жъ сына боярского, да толмача, велите ему сказать про великого государя своего его царского величества здоровье, чтобъ де ему было вѣдомо.

И Иванъ и Михайло и всѣ государевы люди, которые съ ними посланы, слыша такую Божію милость великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи многолѣтному здравію обрадовались и велѣли за государево многолѣтное здоровье пѣти молебны, а отпѣвъ молебны, велѣли на радости стрѣльцомъ и своимъ людямъ изъ ружья стрѣлять, а къ дорогѣ послали толмача Ивана Сергѣева да терского сына боярскаго Первова Лукина, а велѣли ему сказать про великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи многолѣтное здоровье и про Московское государство, что Божією милостію великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи бодроопаснымъ смотрительствомъ и милостивнымъ призрѣнемъ Московское государство въ миру и въ покоѣ и въ тишинѣ, а которые литовскіе люди были въ Московскомъ государствѣ, и тѣ многіе побиты, а достальныя литовскіе люди пошли въ свою землю съ великимъ стыдомъ.

И дорога и колентарь приказали къ Ивану и къ Михайлу: великій де государь вашъ его царское величество съ шахъ Аббасовымъ величествомъ живутъ въ братцкой дружбѣ и въ любви, и мы де, слыша про великого государя вашего многолѣтное здоровье, тому обрадовались, а къ шахову величеству пошлемъ и о государевѣ здоровьѣ отпишемъ,

чтобъ шахову величеству про великого государя вашего его царского величества многолѣтнее здоровье вѣдомо было.

И маія въ 23 день пріѣхалъ въ Казбинъ изъ Тарабата отъ шаха Булатъ бекъ. И того жъ дни Булатъ бекъ пришолъ къ посломъ да съ нимъ приставъ Усеинъ бекъ, и учалъ Булатъ бекъ посломъ говорить: шахово де величество изъ Тарабата пошелъ въ Испогань, а меня де прислалъ къ вамъ, а велѣлъ вамъ шахъ ѣхать къ себѣ въ Испогань наспѣхъ, а мнѣ де и приставу Усеину шахъ велѣлъ ѣхать съ вами въ Испогань, а велѣлъ де вамъ шахъ взяти съ собою князь Михайлова племянника Борятинского, да тебѣ, Ивану, племянника своего, да тебѣ, Михайлу, сына своего, да переводчика Милюту Нагаева, да толмача Ивана Сергѣева, да дву человекъ кречетниковъ, да вопчѣ вамъ велѣлъ взяти человекъ одного, а больши десяти человекъ шахъ имати не велѣлъ. Да вамъ же де велѣлъ дати пять верблюдовъ подъ рухледь, и вы де поваренныхъ робать посадите на верблюды.

И Иванъ и Михайло учили говорить Булатъ беку: мы къ шахову величеству ѣхать ради, да какъ намъ ѣхать къ шахову величеству безъ людей? чтобъ намъ подводъ прибавили, а безъ людей намъ не ѣзживать.

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: указалъ де шахъ васъ взяти всѣхъ десяти человекъ, и вы поѣдете по шахову указу, а подводъ де вамъ больши десяти лошадей никакъ ни одной лошади не прибавятъ. А въ Испогани де вамъ побыть немного, будетъ де вамъ къ царскому величеству отпустить. А только де шахова указу не послушаете и вскорѣ къ шаху не поѣдете, и вы де шаха на гнѣвъ подвигнете, и у шаха де людей много, мочно васъ взяти и поневоля.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, велитъ насъ къ себѣ вести безлюдныхъ что полонниковъ, то онъ, государь, показываетъ къ великому государю нашему къ его царскому величеству нелюбие, а къ намъ немилость свою, и намъ нивоторыми дѣлами къ шахову величеству безъ людей не ѣзживать, хотя смерть своя увидѣть.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: упрямо де дѣлаете, противъ шаховы воли стоите, и вы де себѣ какъ хотите, а язъ де ѣду въ деревню свою, а буду къ вамъ вскорѣ, и вы де готовьтеся, какъ вамъ ѣхать.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку сказали: намъ готовитися нечего: мы всегда готовы, толко намъ прибавьте подводъ, а на тѣхъ намъ подводахъ не ѣзживать.

И Булатъ бекъ сказалъ посломъ: язь де поговорю о подводахъ зъ дорогою и съ колентаремъ, чтобъ вамъ подводъ прибавить. Да поѣхали отъ пословъ Булатъ бекъ и приставъ къ дорогѣ, и бывъ у дороги, того жъ дни Булатъ бекъ поѣхалъ въ деревню къ себѣ, а къ посломъ отъ дороги не заѣхалъ. А Иванъ и Михайло послали, велѣли добывать лошадей, купити и наймовать, а купили того дни и нанели восемь лошадей.

И маія жъ въ 24 день пришлоъ къ посломъ приставъ Усеинъ, а говорилъ посломъ: были де вчера Булатъ бекъ и я у дороги, и Булатъ бекъ де говорилъ дорогѣ, чтобъ одноконечно подводъ вамъ болши десяти лошадей не прибавливалъ; шахъ де указалъ всѣхъ ихъ взяти десяти человекъ, ино бы де отнюдь болши десяти лошадей посломъ не давать, чтобъ болши десяти человекъ ихъ самихъ и людей ихъ не было. А кошевары де ихъ сидятъ по верблюдомъ.

Да Булатъ же бекъ приказывалъ дорогѣ и колентарю, чтобъ заказали накрѣпко всякимъ людямъ, чтобъ вамъ лошадей не продавали и у васъ никто не наймовался и дорога де свѣдалъ сегодня, что вамъ лошади покупали, а инны нанели, и онъ де велѣлъ накрѣпко заказати, чтобы никакоевъ человекъ вамъ лошадей не продавали, и никто бы вамъ лошадей въ наемъ не давали. А все де то дѣлаеть Булатъ бекъ надъ вами.

И Иванъ и Михайло приставу говорили: которыя у насъ лошади куплены и нанаты, и тѣхъ лошадей у насъ не отнимутъ ли? а инныхъ лошадей послали мы купити.

И приставъ говорилъ: которыя де у васъ лошади куплены и нанаты, тѣхъ де лошадей у васъ не смѣютъ отнять, а инныхъ продавать вамъ не велятъ. И которыхъ людей послы посылали лошадей купити, и они пришли съ базару при приставѣ и сказали, что никакоевъ человекъ лошадей не продастъ и не найметца никто, а говорятъ де всѣ, что имъ заказано на крѣпко, не велѣно посломъ лошадей продавать и наймоватися.

И маія въ 25 день Булатъ бекъ изъ помѣстья своего приѣхалъ въ Казбинъ и того жъ дни Булатъ бекъ пришлоъ къ посломъ и учалъ говорить: чтобъ де вамъ завтра ѣхати къ шахову величеству, а подводы де къ вамъ и верблюды по шахову указу сегодня пришлютъ.

И Иванъ и Михайло учили Булатъ беку говорить: подводъ намъ прибавятъ ли? будетъ прибавятъ подводъ, и мы готовы ѣхати, а только не прибавятъ, и намъ на тѣхъ подводахъ безъ людей не ѣзживать. Да послы жъ Булатъ беку говорили: какъ ты такъ Булатъ бекъ дѣлаешь? Мы

велѣли лошадей купить и навѣть, на чомъ людямъ нашимъ съ нами ѣхать, а ты приказалъ дорогѣ и колентарю, а велѣлъ заказать накрѣпко, чтобы намъ никакъ человѣкъ лошадей не продавалъ и не наймовались у насъ.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: какъ де вы то дѣлаете, противъ шаха стоите и его повелѣнья не слушаете, хотите ѣхать людно, а шахъ де мнѣ приказывалъ накрѣпко, чтобы отнюдь васъ и съ вами всякихъ людей больши десяти человѣкъ къ нему не ѣздили, а кошеваровъ де вашихъ велѣлъ посадить на верблюды; было де бы шаха столко, что вамъ дати лошадей пятьдесятъ и шестьдесятъ, да опъ де такъ извоилъ и приказалъ накрѣпко, чтобы отнюдь васъ самихъ и съ вами всякихъ людей больши десяти человѣкъ имати не велѣлъ, а только де вы упрямствомъ своимъ сдѣлаете, людей своихъ мимо шаховъ указъ возмете, и вы де на себя отъ шахова величества великой гнѣвъ наведете.

И Иванъ и Михайло о томъ говорили много и стояли долго, чтобы подводъ прибавили, да не посмѣли шаха раскручинить и чтобы государеву дѣлу порухи не учинить, и посовѣтовавъ промежъ себя, по великой неволѣ положили потому ѣхать къ шаху въ Испогань.

И маія въ 26 день Булатъ бекъ и приставъ къ посломъ пріѣхали, а за ними привели подводы десять лошадей, да пять верблюдовъ и говорили посломъ, чтобы де вамъ сево дни ѣхати.

И послы приказали, велѣли лошади и верблюды взять.

И того жъ дни Иванъ и Михайло, а съ ними Булатъ бекъ да приставъ Усеянъ бекъ изъ Казбина въ Испогань поѣхали, а взяли съ собою по шахову указу князя Михайлова племянника, князя Оадѣя, да Иванова племянника, да Михайлова сына, да переводчика Милюту Нагаева, да толмача Ивана Сергѣева, да дву человѣкъ вретчиковъ, Оедора Тоболина да Оедора Савелова, да попа, да на купленныхъ и на наемныхъ лошедахъ взяли съ собою людей своихъ осми человѣкъ, да терского сына боярского, да терского стрѣльца на ихъ лошедахъ, на чомъ они пріѣхали, да пяти человѣкъ поваренныхъ робятъ посадили на верблюды. И отѣхали отъ Казбина сорокъ верстъ, у терского сына боярского лошедь разболѣлась, и Иванъ и Михайло сына боярского поворотили назадъ въ Казбинъ.

А какъ пріѣхали къ посломъ съ Терка сынъ боярской да толмачъ, да стрѣльцы, и казбинской дорога велѣлъ имъ и лошедамъ ихъ дати корму на три дни.

И Иванъ и Михайло посылали толмачей къ дорогѣ и къ колен-

тарю, а велѣли имъ говорить: вѣдаете вы и сами, что намъ шахова жалованья даваны деньги на кормъ, и тѣ денги у насъ давно изошли, и мы хлѣбъ и всякое съѣстное покупаемъ на свои денги. А нынѣ намъ шахъ Аббасово величество велѣлъ ѣхати къ себѣ въ Испогань, а безъ насъ оставаютца люди наши, а корму имъ не дано, и мы оставляемъ людемъ своимъ на кормъ своихъ же денегъ. А присланы къ намъ съ Терка великого государя нашего его ц. величества сынъ боярской да толмачъ, да четыре человекъ стрѣльцовъ, а оставаютца они въ Казбинѣ, и вамъ бы велѣти имъ дати и лошедямъ ихъ кормъ, чѣмъ имъ и лошедямъ ихъ безъ насъ сытимъ быть.

И толмачи, пришедъ къ посломъ, сказывали: по вашему де приказу дорогѣ и колентарю о корму говорили, и дорога де и колентарь отказали: воленъ де Богъ да шахово величество съ послы, что де намъ указано дати денегъ посломъ, и мы де тѣ денги къ посломъ отослали, а терскимъ де гонцомъ дали кормъ на три дни, а больши де того корму имъ дати не смѣемъ; пріѣхали де они къ посломъ, послы ихъ и кормите, а намъ де до нихъ дѣла нѣтъ.

И Иванъ и Михайло, ѣдучи изъ Казбина, дали терскимъ толмачю и стрѣльцомъ на кормъ государевыхъ денегъ тритцать абасъ, а какъ послы поѣхали изъ Казбина въ Испогань и людемъ своимъ оставили денегъ на кормъ на мѣсяцъ по Булатъ бековѣ сказѣ; чаели себѣ изъ Испогани отпуску вскорѣ.

А ѣхали послы изъ Казбина до Испогани десять день, а по дорогѣ шаховыхъ городовъ мимо ѣхали: городокъ Сава, да городокъ Кумъ, да городъ Кошанъ, да городокъ Нетенъ. А ѣдучи дорогою, Булатъ бекъ сказывалъ посломъ: шахово де величество сказалъ, а велѣлъ готовитися, отпускаетъ де меня къ великому государю вашему съ вами вмѣстѣ. Да сказалъ де мнѣ шахъ, что и впередъ, пока я мѣста живѣ буду, мнѣ ходить къ царскому величеству, а мимо де меня иныхъ нивого шаху къ великому государю вашему не посылати.

И іюня въ 5 день пріѣхали послы, не доѣзжая до Испогани за пятнатцать верстъ въ деревню Урамъ, и въ той деревнѣ пословъ Булатъ бекъ да приставъ Усеинъ поставили, а сами поѣхали къ шаху въ Испогань.

И на завтрее пріѣхалъ Булатъ бекъ да приставъ Усеинъ изъ Испогани, и пришли къ посломъ Булатъ бекъ да приставъ Усеинъ бекъ и учалъ посломъ говорить: шахъ де въ Испогань не бывалъ, а ходитъ де около Испогани по деревнямъ, тѣшитца, и вамъ бы де постоять въ деревнѣ до шахова указу, а мы де опять ѣдемъ въ городъ,

а съ вами де оставливаемъ для корму людей своихъ, кому про васъ кормъ збирати.

И того жъ дни Булатъ бекъ и приставъ поѣхали въ Испоганъ, а съ послы въ деревнѣ оставили дву человекъ людей своихъ.

И іюня жъ въ 7 день мимо тоѣ деревни, гдѣ стояли Иванъ да Михайло, прошолъ индѣйской посолъ, и поставили ево въ другой деревнѣ, отъ тоѣ деревни, гдѣ стоялъ Иванъ да Михайло, съ версту.

А какъ Иванъ да Михайло ѣхали мимо городъ Кошанъ, а индѣйской посолъ стоялъ въ тоѣ пору въ Кошани.

И іюня въ 9 день въ другомъ часу дни пріѣхалъ изъ Испогани къ посломъ Булатъ бекъ, а сказалъ посломъ: шахово де величество прислалъ меня къ вамъ, а велѣлъ вамъ ѣхати въ городъ. И привелъ подъ пословъ двѣ лошади подъ сѣдлы.

И послы того жъ часу положили на себя чистое платье, да шапки горлотноы, да поѣхали въ Булатъ бекомъ въ городъ, а отъ тоѣ деревни, гдѣ стояли, послы, по дорогѣ и до города и въ городѣ до мойдану, и въ мойдану до шахова двора стояли кизылбашеня по обѣ стороны улицею съ пищальми.

А послѣ пословъ по той же дорогѣ ѣхалъ въ Испоганъ индѣйской посолъ.

И пріѣхавъ близко города, Булатъ бекъ учалъ посломъ говорить: шахъ де приказалъ къ вамъ, чтобъ вамъ ѣхати къ шаху на дворъ, не бывъ на подворьѣ, и быти де сего дни вамъ у шаха.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: какъ намъ шахова величества очи видѣть, не бывъ на подворьѣ? а мы запылились и перегрязнились, а се топерво на насъ чистое платье, а коли шахъ велитъ намъ быть у себя, и намъ надобе золото.

И Булатъ бекъ сказалъ: волень де Богъ да шахъ, а вамъ де велѣлъ быть у себя, не бывъ на подворьѣ, въ томъ же платьѣ, въ чомъ есте ѣхали, и вамъ де какъ шаховы воли не творить?

Да Булатъ бекъ же, ѣдучи, сказывалъ: которыя де лошади къ вамъ приведены, и тѣ де не шаховы лошади, а приказалъ шахъ испоганъскому везирю подъ васъ послати свои лошади.

И какъ послы пріѣхали близко посаду, и за посадомъ встрѣчали многіе люди пѣшіе съ ружьемъ и безъ ружья, и жонки многія, а въ посадѣ вѣхали,—и въ улицахъ ѣздили на конехъ ханы и беки, и кулы шаховы, а имянные встрѣчи отъ шаха къ посломъ не было. Какъ пріѣхали въ городъ, и Булатъ бекъ съ послы поѣхали къ шахову двору и пріѣхали близко шахова двора на мойданъ, а по мойдану стоятъ

малые робята лѣтъ отъ двунатцати и отъ пятинатцати, и до шахова двора больши тысени человекъ по обѣ стороны межъ стрѣльцовъ, да за ними стрѣльцы по обѣ жъ стороны.

А ѣдучи къ шахову двору, учили послы Булатъ беку говорить: шахово величество извоилъ, что намъ, не ссѣдая съ лошадей, велѣлъ быти у себя и видѣти свои государскіе очи, и въ тѣ бы поры у шахова величества иныхъ государствъ посломъ не быти.

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: будутъ де у шаха послы индѣйской и шпанской, и аглинской, только де не съ вами вмѣстѣ. У шаха де на дворѣ въ саду полаты многіе стоятъ порознь, и вамъ де и инымъ посломъ изготовлены полаты особные, и быти де вамъ и инымъ посломъ въ полатахъ порознь.

И пріѣхали послы къ шахову двору близко воротъ и съ лошадей ссѣли, а у воротъ стоитъ жонокъ со сто, да поютъ пѣсни, а у двора шахова на полатахъ стоятъ, играютъ въ сурны и въ трубы, и во всякіе игры, и по бубномъ бьютъ.

И послы съ Булатъ бекомъ пошли на шаховъ дворъ, а на дворѣ сады, а промежъ садовъ сдѣланы рѣпотки улицами и вымощены камнемъ, и приведены воды.

И пришли съ Булатъ бекомъ къ полатѣ, а полата поземная, и у полаты у дверей встрѣтилъ пословъ шаховъ ближней человекъ Исупъ ага. И говорилъ посломъ Исупъ ага, чтобъ послы пошли въ полату, подождали шаха, потому что шахъ въ полату не бывалъ. И пошли въ полату, а въ полатѣ стоятъ шаховы кулы и беки, а высланы полаты коврами, а по коврамъ посланы скатерти шиты золотомъ и серебромъ по камкамъ и по отласомъ, а по скатертямъ поставлены овощи на серебряныхъ блюдахъ, ягоды розныя, и яблока, и груши, и шивталы, и армуды, и сахара многіе, а по краемъ скатертей поставлены съ шарапомъ суеи серебряные позолочены, а посерединѣ выкладено камнемъ кругло и приведены воды.

И Исупъ ага учалъ посломъ говорить: чтобъ де вамъ садитися, а подождать шахова величества; а шахъ де къ вамъ не вдолгъ будетъ. И послы сѣли за скатертью посерединѣ полаты близко приводной воды, а Исупъ ага пошолъ къ шаху, а пословъ приказалъ подчивать.

А Булатъ бекъ пошелъ за Исупъ агою къ шаху жъ, и послы въ полатѣ сидѣли часы съ три и больши, и прибѣжалъ въ полату Булатъ бекъ, а сказалъ посломъ: идетъ де къ вамъ шахъ, а былъ де у индѣйского да у шпанского посла и ихъ де отпустилъ.

И того жъ часу пришолъ къ посломъ въ полату шахъ, а за

шахомъ въ полату пришли два сына его, Имамъ Гулу мурза да Худобердѣи мурза, да ханы: Имамъ Гули ханъ да Даудъ ханъ, да Асаѣиръ ханъ, да шаховъ зять и ближней ево человекъ Испендеръ бекъ, да Исупъ ага, да везиръ Исупъ Хозя, да Сары Хозя, да человекъ зъ десять куловъ грузинцы, да крымского царя Мурза бекъ. И приходъ шахъ въ полату, пословъ спросилъ о здоровьѣ, да сѣлъ за скатертью за тою жъ, за которою послы сидѣли, а ханомъ велѣлъ сѣсти близко себя, а Ивану и Михайлу велѣлъ сѣсти противъ себя, а дѣтемъ своимъ сѣсти не велѣлъ, а крымского царя Мурза беку да куламъ велѣлъ сѣсти за другою скатертю на лѣвой сторонѣ, а передъ шахомъ стояли Исупъ ага да везири, Исупъ Хозя да Сары Хозя, да робать молодыхъ человекъ зъ дватцать. А меньшей шаховъ сынъ Смагинъ мурза держалъ въ рукахъ шахову саблю.

А зъ другую сторону у полаты двери и въ тѣхъ дверяхъ пришли въ полату жонокъ съ тритцать, да сѣли близко тѣхъ же дверей, въ которыя вошли, за скатертю да, сидѣчи, пѣсни пѣли по своему языку.

И учалъ шахъ посломъ говорить: напередъ де сего въ Казбинѣ я тебѣ, Михайлу, говорилъ, какъ ты у меня въ Казбинѣ былъ, и язъ де съ тобою къ посломъ приказывалъ, въ чомъ мнѣ досада на брата моего, на великого государя вашего, и ты де мой приказъ посломъ сказывалъ ли?

И Михайло противъ того шаху говорилъ: что ты, государь, Аббасъ шахово величество мнѣ говорилъ, и я твои государевы рѣчи посломъ, товарищамъ своимъ, сказывалъ, и твои государевы рѣчи у насъ записаны. И нынѣ де я вамъ то жъ говорю, чтобъ вы мой словесной приказъ донесли до великого государя своего. И Иванъ и Михайло шаху говорили: прежней твой, государь, приказъ у насъ записанъ, а нѣчто Богъ велитъ, увидимъ великого государя своего его царского величества пресвѣтлыя очи, и мы твой государевъ словесной приказъ до великого государя своего донесемъ.

И шахъ говорилъ: чтобъ де вамъ брату моему, государю своему, сказать, въ чомъ мнѣ досадно на брата моего, государя вашего.

А всего де мнѣ досаднѣе на государя вашего: пульное де дѣло птица, купили было мнѣ въ Астарахани мои люди ястребъ, и астараханскіе де воеводы тотъ ястребъ у людей моихъ велѣли отнять, а того татарина, которой продалъ ястребъ, посадили въ тюрьму. А говорили воеводы: то заповѣдное, купить того не велѣно. Какая жъ де межъ нами, государи, братственная дружба и любовь? что мнѣ надобно и моимъ людямъ у государя вашего въ государствѣ не вольно купить! А государи де вашего

торговые люди привѣзжаютъ въ мою область, ѣздятъ по городомъ по всѣмъ, и что имъ надобно, то и купятъ, а ни въ чемъ заказу нѣтъ, а какъ мои учнутъ покупать, и имъ повольности нѣтъ. А все де то дѣлаютъ воеводы для своихъ корыстей; и язь де за то не стою, хотя бъ и посулъ взяли, а что надобно, купить дали. И братъ де бы мой великій государь вашъ про то велѣлъ сыскати, и которые люди промежъ насъ ссору чинятъ, и тѣмъ бы де велѣлъ наказанье учинить.

И Иванъ и Михайло шаху говорили: то тебѣ великому государю Аббасъ шахову величеству нѣкто сказалъ на смуту, не хотя васъ, великихъ государей, видѣти въ братцкой дружбѣ и любви, а никакъ, государь, того не бывало и недостаточное то дѣло. Великого государя нашего отъ его царского величества посланы грамоты въ Казань и въ Астарахань къ бояромъ и воеводамъ и ко всякимъ приказнымъ людемъ, что надобно купчинамъ твоимъ и всякимъ торговымъ людемъ на твои обиходы, и то, государь, велѣно покупать безъявно и безошлинно безъ запрещенья.

И шахъ посломъ говорилъ: язь де подлинно про то вѣдаю, что было такъ, какъ мнѣ сказывали: астараханскіе воеводы отняли у челоувѣка моего ястреба, не солжутъ де мои люди, сказываютъ мнѣ правду. Да ужъ де то прошло, чтобъ де впередъ того не было: что мнѣ надобно купить у брата моего, у великого государя вашего, въ государствѣ, и то бы де повольно было, и заказу бъ о томъ не было. И по городомъ бы де воеводы моимъ торговымъ людемъ продажи и насильства не чинили, а пошлину бъ съ ихъ товаровъ велѣли имати рядовую по прежнему, какъ при прежнихъ государехъ было. И взглянувъ вверхъ: язь де Богомъ обещаюся, какъ началъ жити въ братствѣ и въ дружбѣ съ прежними великими государи цари московскими, съ бѣлымъ царемъ Федоромъ Ивановичемъ и съ царемъ Борисомъ, также де хочу жити съ братомъ съ своимъ великимъ государемъ вашимъ, съ царемъ и великимъ княземъ Михайломъ Федоровичемъ всеа Русіи въ братственной дружбѣ и въ любви быти и до своего живота, а отецъ де мой и дѣдъ съ московскими цари не смыслились и въ братственной дружбѣ не бывали.

И Иванъ и Михайло противъ того шаху говорили: и напередъ сего ты, великій государь, Аббасъ шахово величество съ гиланцомъ своимъ съ Хозя Муртозою и съ посланникомъ своимъ съ Булатъ беккомъ къ великому государю нашему, къ его царскому величеству, въ грамотахъ своихъ писалъ и рѣчью они царскому величеству и его царского величества приказнымъ людемъ говорили, что ты, великій

государь, Аббасъ шахово величество хочешь быти зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ нашимъ, въ крѣпкомъ братствѣ и въ любви на вѣки неподвижно и на всякого недруга хочешь стоати заодинъ: кто будетъ великому государю нашему другъ, тотъ и тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству другъ, а хто великому государю нашему его царскому величеству недругъ, тотъ и тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству недругъ. И великій государь нашъ его царское величество прислалъ насъ къ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству велѣлъ тебѣ объявити, что великій государь нашъ, его царское величество, съ тобою, великимъ государемъ, Аббасъ шаховымъ величествомъ учинился въ сердечной въ крѣпкой дружбѣ и любви и въ ссылкѣ мимо всѣхъ великихъ государей.

И шахъ посломъ говорилъ: язь де вамъ то жъ говорю: какъ язь къ брату своему, къ великому государю вашему, писалъ и рѣчью приказывалъ, такъ и совершаю, хочю до своего живота зъ братомъ своимъ, съ великимъ государемъ вашимъ, быти въ крѣпкомъ братствѣ и въ дружбѣ и на недруга стоати за одинъ, только бы де братъ мой, государь вашъ, велѣлъ въ своемъ государствѣ, что мнѣ надобно, купить безъ запрещенья.

Да шахъ же пословъ спросилъ: былъ де у меня напередъ васъ отъ брата моего, великого государя вашего, посланникъ Федоръ Левонтьевъ, и язь де съ нимъ рѣчью приказывалъ къ брату своему, къ великому государю вашему, о своихъ дѣлахъ, и противъ де моего приказу государя вашего приказъ словесной съ вами ко мнѣ есть ли, а въ грамотѣ де ко мнѣ не писано,

И Иванъ и Михайло противъ того шаху говорили: только ты, великій государь, Аббасъ шахово величество велишь намъ объявити, о чемъ къ великому государю нашему, къ его царскому величеству, съ Федоромъ Левонтьевымъ приказывалъ, и будетъ, государь, отъ великого государя нашего его царского величества о томъ намъ наказано, и мы тебѣ, великому государю, скажемъ.

И шахъ посломъ говорилъ: приказывалъ де язь съ Федоромъ Левонтьевымъ къ брату своему, къ великому государю вашему, чтобъ великій государь вашъ велѣлъ на Койсѣ и въ Тарбахъ поставить города и людей посадить, а сколько въ тѣхъ городѣхъ осаднымъ людямъ хлѣба надобно, и язь де велю къ нимъ хлѣбъ посылати и сколько надобно, а будетъ люди надобны, и язь де и людей въ прибавку дамъ, а чтобъ де промежь нашихъ государствъ ничьей земли не было.

И Иванъ и Михайло противъ того шахъ Аббасову величеству говорили: великому государю нашему его царскому величеству самому

то надобно, что на Койсѣ и въ Таркахъ города поставить, да нынѣ, государь, того вскорѣ его царскому величеству за войною съ недругомъ своимъ, зъ Жигимонтомъ королемъ польскимъ, и съ его польскою и съ литовскою землею учинити не мочно. Самому тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству вѣдомо, что царское величество, отставя всякіе дѣла, ведетъ войну съ недругомъ своимъ, зъ Жигимонтомъ королемъ польскимъ, и съ его польскою и съ литовскою землею не малое время, и нынѣ царского величества великого Російского государства всѣхъ городовъ всякіе ратные люди противъ польского короля и его польскіе и литовскіе земли стоятъ. А какъ по милости Божьей царское величество съ недругомъ своимъ съ польскимъ и съ литовскимъ королемъ поуправитца, и царское величество на Койсѣ и на Суншѣ, и въ Таркахъ, и въ иныхъ въ которыхъ будетъ мѣстехъ пригоже, велитъ города поставить тотчасъ, и людей и запасы велитъ государь устроить и учнетъ его царское величество на общихъ своихъ недруговъ съ тобою, великимъ государемъ, Аббасъ шаховымъ величествомъ стояти заодно.

Да шахъ же говорилъ посломъ: что де лъзъ съ вами къ брату своему, къ великому государю вашему, приказываю, и вы де ни одного моего слова не пророните, про все великому государю своему скажите, въ чомъ мнѣ на брата моего, великого государя вашего, досадно.

И Иванъ и Михайло противъ того говорили: что мы у тебя, великого государя, Аббасъ шахова величества слышимъ, а какъ, дастъ Богъ, великого государя своего его царского величества просвѣтлые очи увидимъ, и мы прежней твой государевъ и нынѣшній приказъ, что у тебя, государя, слышимъ, великому государю своему его царскому величеству про все подлинно извѣстимъ.

Да послы жъ шахъ Аббасову величеству говорили: о чемъ, государь, великій государь нашъ его царское величество къ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству писалъ и насъ, холопей своихъ, прислалъ и на посолствѣ мы тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству говорили, чтобъ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову в-ву, къ великому государю нашему къ его царскому величеству совершенную свою истинную, сердечную, братственную дружбу и любовь показать, послати бѣ съ нами къ великому государю нашему денежные казны въ помощь, чѣмъ бы великому государю нашему было своихъ ратныхъ людей противъ недруга своего Жигимонта короля польского пожаловати и противъ его за ево неправды стояти, и насъ бы, государь, тебѣ, великому государю Аббасъ шахову величеству, къ великому государю нашему къ его

царскому величеству велѣти отпустить, не задержавъ, а пути, государь, нашему время приспѣло.

И шахъ посломъ говорилъ: о чемъ де братъ мой, великій государь вашъ, ко мнѣ писалъ и васъ прислалъ, и язь де посылаю къ великому государю вашему своего посла, а отпушаю де его съ вами вмѣстѣ, и что де у менялучилось и топерво есть, и язь де посылаю къ великому государю вашему съ своимъ посломъ, а отпушу де васъ къ великому государю вашему вскорѣ. А будетъ де брату моему, великому государю вашему, надобны ратные люди на помочь, и язь де къ брату своему, къ великому государю вашему, ратныхъ своихъ людей пошлю, сколько государю вашему надобно.

Да шахъ же посломъ говорилъ: здѣся де у меня есть взяты на бою крымского царя ближніе люди, Мурза бекъ съ товарищи. Да велѣлъ Мурза бека позвати къ себѣ и велѣлъ ему сѣсти близко себя и учалъ говорить: язь де того Мурза бека съ товарищи отпушаю къ крымскому царю и пишу де отъ себя къ крымскому царю и рѣчью приказываю съ Мурза бекомъ, чтобъ крымской царь со всѣми своими ратными людьми пошелъ на недруга брата моего, великого государя вашего, на литовского короля и въ его бѣ землѣ былъ, и воевалъ литовскую землю безъ выходу. Да и о томъ отпишу къ крымскому царю, чтобы онъ былъ съ моимъ братомъ, съ великимъ государемъ вашимъ, ноипаче въ дружбѣ и въ любви, и станемъ де три насъ стояти на недруга съодного. И какъ де мы, три насъ, великій государь вашъ да язь, да крымской царь, будемъ въ дружбе и въ братстве и въ любви, и противъ де насъ недруги наши не будутъ стоять, а на литовского де короля станемъ три насъ заодно жъ, и онъ де и въ Польшѣ отъ насъ не усидитъ.

И Иванъ и Михайло противъ того шаху говорили: то великій государь нашъ его царское величество отъ тебя, брата своего, великого государя, Аббасъ шахова в. принимаетъ въ любовь и противъ того великій государь нашъ его ц. в. тебѣ, брату своему, великому государю Аббасъ шахову величеству также будетъ воздавать своею царскою любовью, гдѣ будетъ его царскому величеству возможно. А то тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству самому то вѣдомо, что великого государя нашего великіе Російскіе государства великіе и многолюдные, только нынѣ за грѣхъ ото многіе розни и межусобья въ безгосударное время до великого государя нашего государства и отъ войны Жигимонта короля польского ратные всякіе люди поскудѣли, а казна неисчетная прежнихъ великихъ государей царей и великихъ кня-

зей російскихъ, прародителей великого государя нашего, въ безгосударное время и отъ польского короля разорена, пожаловать ратныхъ людей нечѣмъ, а какъ ты, великій государь, Аббасъ шахово величество къ великому государю нашему къ его царскому величеству денежные казны на вспоможенье противъ его царского величества недруга Жигмонта короля польского поплешь, а великій государь нашъ, его царское величество, тою казною пожалуетъ своихъ царского величества ратныхъ людей, и мы чаемъ милости Божіи, что великій государь нашъ его царское величество съ недругомъ своимъ, зъ Жигмонтомъ королемъ польскимъ, вскорѣ управитца.

И шахъ посломъ говорилъ: язь де сказывалъ: что у меня лучше, и язь де къ великому государю вашему посылаю съ своимъ посломъ.

И велѣлъ шахъ Исупъ агѣ поднести къ себѣ шерапу, и Исупъ ага поднесъ къ шаху чарку шерапу, и шахъ подаль Ивану и послѣ того другую чарку шарапу подаль шахъ Михайлу.

И Иванъ и Михайло, выпивъ, челомъ ударили. И шахъ говорилъ: поѣдте де на подворье, а отпущу де васъ къ великому государю вашему вскорѣ.

И Иванъ и Михайло, шахову величеству удара челомъ, да пошли изъ полаты и поѣхали на подворье. А провожали до подворья Булатъ бекъ да приставъ Усеинъ бекъ.

И того жъ дни въ полчаса ночи пріѣхалъ къ посломъ приставъ Усеинъ бекъ и учалъ посломъ говорить: прислалъ де къ вамъ шахово величество а велѣлъ вамъ говорить, чтобъ вамъ ѣхати къ нему, а шахъ де сидитъ въ рядѣхъ, тѣшитца, и вамъ бы де шаховы потѣхи видѣти, и лошади де подъ васъ шахъ прислалъ со мною, а привелъ восемь лошадей подъ сѣдлы.

И Иванъ и Михайло поѣхали къ шаху, съ собою взяли князя Михайлова племянника, да Иванова племянника, да Михайлова сына, и переводчика, и толмача, и кречетниковъ, а людямъ своимъ велѣли гѣшимъ итти передъ собою. И пріѣхали къ мойдану, а на мойданѣ и въ рядехъ по лавкамъ по всѣмъ горять чираки многіе и свѣчи, а шахъ въ ряду, гдѣ воду черную продаютъ, и велѣлъ посломъ итти къ себѣ, и какъ въ шаху Иванъ и Михайло пришли, а шахъ сидитъ на коврахъ передъ лавкою, кушаетъ, и велѣлъ шахъ Ивану и Михайлу съ собою сѣсти ѣсть. И Иванъ и Михайло шаху учили говорить: на твоей государской милости челомъ бьемъ, а пынеча у насъ постъ, и мяса мы не ѣдимъ. И шахъ велѣлъ Ивану и Михайлу сѣсть противъ себя неподалеку отъ себя, и Иванъ и Михайло сѣли. И шахъ велѣлъ

Ивану и Михайлу подносить шарапъ. Да шахъ же велѣлъ Алымъ Гулу хану налить чарку шарапу, и Алымъ Гулу ханъ, наливъ чарку шарапу, поднесъ къ шаху, и шахъ, вставъ на колѣни, и велѣлъ переводчику сказати посломъ: язь де пью за здоровье брата своего великого государя вашего. И выпивъ самъ, велѣлъ поднести шарапу къ Ивану и къ Михайлу. Да учалъ шахъ тѣшитца, велѣлъ передъ собою робатомъ метатца металникомъ и велѣлъ играть въ свои игры. И какъ шахъ отгушалъ, и пополь гулять по рядомъ и по лавкамъ, а въ лавкахъ сидятъ торговые люди и зъ дѣтми. И товары всякіе велѣлъ оказывать бархаты и отласы, и камки, да въ лавкахъ же по полкомъ насыпано деньги обасы тысячъ по пяти и по шти и болши, и ходячи по лавкамъ, пилъ шарапъ. И взглянулъ на Ивана и на Михайла и схватилъ съ Ивана и съ Михайла шапки горлатные и учалъ говорить: сколь де у васъ лисицы черныя добрыя дороги и по скольку тюменей лутчую лисицу купятъ? И Иванъ и Михайло шахову величеству сказали: добрую, государь, лисицу купятъ рублевъ въ полтораста и въ двѣстѣ и болши.

И шахъ учалъ говорить: ко мнѣ де прислалъ въ поминкахъ в. государь вашъ царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ и царь Борисъ четыре лисицы черныя и хороши добрыя были, и у меня де они были въ казынѣ лѣтъ съ шесть, потому что у насъ они ни къ чему не годятца, и я де ихъ велѣлъ продать турскимъ людямъ. И гулялъ шахъ часа съ три по рядомъ и, по многимъ лавкамъ ходячи, шарапъ пилъ и напился пьянъ и вышелъ изъ лавокъ на майданъ, сѣлъ на лошедь и поѣхалъ къ себѣ на дворъ, а Иванъ и Михайло поѣхали къ себѣ на подворье, а приставъ Усеинъ бекъ Ивана и Михайла провожалъ до подворья, а лошади, которые были подъ послы, приставъ взялъ.

И юня жъ въ 14 день Булатъ бекъ пріѣхалъ къ посломъ, а сказалъ: шахъ де прислалъ къ вамъ на кормъ дватцать тюменей денегъ, и вамъ бы де тѣ деньги взяти.

И послы Булатъ беку говорили: прислалъ шахово величество дватцать тюменей денегъ, на сколько день станеть, есть ли съ тобою о томъ приказъ?

И Булатъ бекъ сказалъ: того де мнѣ шахъ не приказалъ, на сколько день вамъ денги прислалъ, только де мнѣ велѣлъ къ вамъ отвезти на кормъ денегъ дватцать тюменей.

И послы денги на кормъ взяли, и изъ тѣхъ денегъ приставъ Усеинъ бекъ у пословъ взялъ себѣ два тюмени по прежнему шахову указу.

Да юня жъ въ 22 день пришли шаховы послы изъ Нагай Али бекъ да гилянецъ торговой человекъ, Шеймуратомъ зовутъ, а посланы

они были въ Нагаи отъ шаха къ Ищѣреку князю свататца за дочь, а съ ними пришли къ шаху нагайскіе послы чловѣкъ съ пятнатцать. А тотъ гялянецъ Шеймуратъ прежь сего жилъ въ Астарахани лѣтъ зъ десять безъ сѣзду.

И іюня жъ въ 24 день пріѣхалъ къ Ивану и къ Михайлу Булатъ бекъ, а сказывалъ: послы де шаховы были посланы въ Нагаи для шахова дѣла, а сказывали де они шаху что въ Астарахани съ Москвы и въ Нагаехъ подлинныя вѣсти есть: великій де государь вашъ царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи на Московскомъ государствѣ здравствуетъ во многолѣтномъ здоровьѣ, а съ литовскимъ де королемъ помирился, и литовскіе де люди изъ Московскаго государства вышли всѣ. Да они жъ де шаху сказывали про астараканскихъ воеводъ и хвалятъ ихъ добръ, а сказывали де шаху, что изъ Астарахани воеводы посылали къ нимъ въ улусы съ кормомъ и съ питьемъ, и шаху де добръ за честь. А на Тержѣ де воевода также шаховымъ посломъ честь воздалъ и кормъ имъ давалъ полной, и послы де про то про все шаху розсказывали. А подлинно де про то шаху розсказывалъ гялянецъ Шеймуратъ, которой былъ съ шаховымъ посломъ.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: на добрыхъ вѣстехъ мы тебѣ челомъ бьемъ, что намъ сказалъ добрыя вѣсти. И послѣ того говорили Булатъ беку: пожалуй, скажи намъ по своей любви, скоро ли насъ шахово величество отпустить къ великому государю нашему къ его царскому величеству? И Булатъ бекъ сказалъ: хочеть де шахъ васъ всерѣ отпустить. И послѣ того Булатъ бекъ отъ пословъ поѣхалъ къ себѣ.

И Иванъ и Михайло приказали толмачю Ивану Сергѣеву, а велѣли того гялянца Шеймурата сыскати и позвати къ себѣ, чтобъ сво роспросить о астараканскихъ вѣстехъ.

И іюня въ 28 день толмачъ Иванъ Сергѣевъ сыскалъ гялянца Шеймурата, и пришолъ съ нимъ къ посломъ, а гялянецъ Шеймуратъ гораздъ по руски говорить, что много лѣтъ жилъ въ Астарахани. И послы его роспрашивали: для чего шахъ ихъ посмалъ въ Нагаи, и были ль они въ Астарахани, и что они шаху сказывали?

И гялянецъ Шеймуратъ сказывалъ посломъ: посмалъ де шахъ посла своего Али бека да меня съ нимъ въ Нагаи къ Ищереку князю свататца за дочь, и Ищерекъ де дочь свою хочеть дати за шаха и съ нами де прислалъ къ шаху пословъ своихъ о договорѣ.

Да Шеймуратъ же сказывалъ: былъ де я въ Астарахани, ѣздилъ изъ Нагаевъ, и въ Астараханъ де съ Москвы вѣсти подлинныя: вели-

кій государь вашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи на Московскомъ государствѣ здравствуетъ во многолѣтнемъ здоровьѣ, а съ литовскимъ де королемъ помирился, и въ Нагаехъ де я про государево здоровье слышелъ то жъ, и шаху де я про государево здоровье сказывалъ.

И послы спросили Шеймурата: какъ ты про великого государя нашего его царского величества здоровье шаху сказалъ, и шахъ тебѣ что говорилъ?

И Шеймуратъ сказалъ: какъ де шаху сказалъ про великого государя вашего здоровье, и онъ де промолчалъ, а ничего мнѣ не отказалъ. Да язъ же де шаху сказывалъ, что былъ я въ Астарахани, и воеводы астараканскіе кормъ и питье давали довольно, а къ послу его, къ Али беку, съ кормомъ и съ питьемъ послали въ Нагаи и честь намъ воздали великую. И какъ де мы ѣхали изъ Нагаи и были на Теркѣ, и съ Терка де воевода также намъ кормъ и питье давалъ доvoli, и шаху де про то добръ за честь. А про васъ де никакова слова не поманулъ.

И Иванъ и Михайло Шеймурата подчивали и подарили его.

Да Шеймуратъ же сказывалъ посломъ: язъ де слышелъ ото многихъ отъ шаховыхъ отъ кивылбашенъ и отъ гилянцовъ въ Казбинѣ и въ Испогани, что Булатъ бекъ великую ссору учинилъ промежъ великихъ государей, великого государя вашего его царского величества и шахова в-ва, и шахъ де по ево смутѣ и на васъ кручиновать и задержалъ де васъ шахъ у себя, и тѣснота вамъ учинилась, и въ кормѣхъ недостатки все по Булатъ бековѣ смутѣ.

А мнѣ де великого государя его царского величества до смерти не забыть: жилъ де я царского величества въ вотчинѣ въ Астарахани лѣтъ зъ десять и больши, и язъ де никакова дурна надъ собою не видалъ. А какъ де язъ нынѣша шаху ровсказывалъ, что къ послу ево, къ Али беку, въ улуси астараканскіе воеводы послали съ кормомъ и съ питьемъ и мнѣ де въ Астарахани честь воздали великую, и шаху де про то за честь добръ. А про васъ де никакова слова не молылъ. Только бы де не тотъ врагъ, Булатъ бекъ, промежъ великихъ государей ссору учинилъ, и вамъ бы де отъ шахова величества огромѣ милости ничего не было. Да многіе де шаховы люди говорятъ: что впередъ сыщется про Булатъ бекову ссору, никако де ему отъ шаха не пробудеть.

Да Шеймуратъ же говорилъ посломъ: покажите де милость, не проносите моихъ рѣчей никому, что язъ вамъ сказывалъ про Булатъ

бека; только де Булатъ бекъ свѣдаетъ, и мнѣ де отъ шаха никакo не пробудеть. Язъ де вамъ сказываю по вашей добродѣтели и впередъ де отъ кого что про васъ услышу, и я де вамъ учну сказывать.

И іюля въ 2 день за часъ до вечера пріѣхалъ къ посломъ приставъ Усеинъ бекъ, а говорилъ: прислалъ де къ вамъ шахово величество, а велѣлъ вамъ быти къ себѣ, а будетъ де у шаха потѣха на мойданѣ, и вамъ бы де шаховы потѣхи посмотреть, и лошади де подъ васъ шахъ прислалъ.

И Иванъ и Михайло къ шаху съ приставомъ поѣхали, а вали съ собою князь Михайлова и Иванова племянниковъ и Михайлова сына и переводчика, и толмача, и кречетниковъ и пріѣхали къ шахову двору на мойданъ за полчаса до вечера. И приставъ посломъ говорилъ, чтобъ де вамъ съ лошадей не сѣдати, а постоять на лошадахъ, а шахъ де узжо будетъ.

И послы стали на лошадахъ близко шаховыхъ воротъ.

И того жъ часу шахъ съѣхалъ зъ двора своего на лошади, и Иванъ и Михайло шаху поклонились по обычею.

И шахъ пословъ спросилъ о здоровьѣ, да отѣхавъ немного на мойданъ, учалъ шахъ тѣшитца, велѣлъ спускать барановъ бойцовъ, и бараны многіе бились, да послѣ того велѣлъ спускати быковъ бойцовъ же, и быки билися.

А пословъ велѣлъ подчивать, подносили шарапъ и ягоды, и иные овощи.

И тѣшился шахъ въ ночи часы съ четыре, да тѣшась, поѣхалъ къ себѣ на дворъ.

А Иванъ и Михайло поѣхали на подворье, а провожалъ до подворья приставъ Усеинъ бекъ.

И іюля жъ въ 8 день писали изъ Казбина къ посломъ люди ихъ съ казбинцомъ съ торговымъ человекомъ, а ишуть, что побѣжали отъ нихъ людей ихъ два человека: Ивановъ литвинъ сапожной мастеришко, да Михайловъ литвинъ же, поваришко былъ. И къ дорогѣ де и къ колентарю они съ толмачи ходили и о томъ говорили, чтобъ тѣхъ бѣглыхъ людей велѣли сыскать и отдать.

И Иванъ и Михайло того жъ дни послали по пристава, чтобъ къ нимъ пріѣхалъ, и приставъ къ посломъ пріѣхалъ, и Иванъ, и Михайло учали пристава говорить: писали къ намъ изъ Казбина люди наши, что побѣжали отъ насъ два человека, и тебѣ бы шахову величеству наши рѣчи донести, чтобъ Аббасъ шахово величество велѣлъ нашихъ людей сыскать и по прежнему ихъ къ намъ отдать.

И приставъ говорилъ посломъ: язь де рѣчи ввни шахову величеству розскажу, а людемъ де вашимъ негдѣ дѣтися и не пропадутъ де никакъ: однолично ихъ сыщутъ.

И іюля въ 9 день пріѣхалъ къ посломъ приставъ и учалъ посломъ говорить: приказывали де со мною къ шахову величеству, что въ Казбинѣ сбѣжали отъ васъ людей вашихъ два человекъ, и язь де шаху сказывалъ, и шахъ де приказывалъ везирю, а велѣлъ послати грамоту къ казбинскому дорогѣ тотчасъ, а велѣлъ де людей вашихъ сыскать и отдать вашимъ людемъ въ Казбинѣ тотчасъ, а къ вамъ де шахъ приказалъ, что однолично люди ваши не пропадутъ.

И Иванъ и Михайло приставу говорили: прежь сего того не бывало, что посольскимъ людемъ пропасть безвѣстно, а нынеча бы Аббасъ шахово величество велѣлъ людей нашихъ сыскати и намъ отдать.

И приставъ говорилъ: прежь де сего того не бывало, что посольскимъ людемъ пропасть безвѣстно и нынѣча не будетъ, а однолично де людей вашихъ сыщутъ и вамъ отдадутъ.

И того жъ дни пріѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ и учалъ посломъ говорить: слышалъ де я у вашего пристава, что въ Казбинѣ сбѣжали люди ваши два человекъ да и пропали безвѣстно.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: писали къ намъ изъ Казбина люди наши, что сбѣжали отъ насъ два человекъ, и мы пристава говорили и тебѣ говоримъ о томъ же: прежь сего того не бывало, чтобъ посольскимъ людемъ пропасть безвѣстно, и тебѣ бы Аббасъ шахову величеству челобитье наше донести, чтобъ пожаловалъ людей нашихъ, велѣлъ сыскать и отдать.

И Булатъ бекъ говорилъ: прежь де сего того не бывало, что посольскимъ людемъ пропасть и нынеча того не будетъ, а однолично шахъ велить людей вашихъ сыскать: игла де ваша безъ васъ не останеца, не токмо что человекъ.

Да іюля жъ въ 16 день въ часъ ночи пріѣхалъ къ посломъ приставъ Усенинъ бекъ и учалъ посломъ говорить: шахово де величество прислалъ къ вамъ, а велѣлъ вамъ говорить, чтобъ вамъ ѣхать къ нему, а шахъ де тѣшитца въ арменской слободѣ, и лошади де подъ васъ приведены. И Иванъ и Михайло того жъ часу съ приставомъ къ шаху поѣхали и пріѣхали въ арменскую слободу, и въ слободѣ по дворамъ по всѣмъ хоромамъ и по воротамъ горять чиряки многіе, а шахъ сидитъ на воротехъ наверхъ полатъ. И пріѣхавъ къ воротамъ, съ лошадей сѣли и пошли съ приставомъ въ ворота, а въ воро-

техъ горятъ свѣчи болшіе многіе, а на пропускѣ у воротъ стоитъ Исупъ ага.

И послы вошли въ ворота, и Исупъ ага посломъ говорилъ: чтобъ де вамъ итти вверхъ на полаты, а шахово де величество наверхъ полатъ сидитъ.

И Иванъ и Махайло пошли на полату по лѣсницѣ и взошли верхъ полаты, а на полатѣ верхъ на двое роздѣланъ, а наверху сидитъ шахъ, и послы подошли близко шаха да челомъ ударили по обычею.

И шахъ посломъ велѣлъ сѣсть по правую сторону недалече отъ себя. И послѣ того пришли къ шаху съ другую сторону индѣйской посоль да испанской посоль, и шахъ имъ тамъ и велѣлъ сѣсть на другой на лѣвой сторонѣ. А противъ шаха на низу сидѣли многіе ханы.

И велѣлъ шахъ къ Ивану и къ Михайлу поднести пить и прислалъ испередъ себя блюдо сахару да блюдо ягодъ.

И посидѣвъ шахъ съ часъ, сошолъ съ полатного веру и схватилъ чалму съ Мамъ Гули хана, а свою на него положилъ. Да зашодчи позади хановъ, да легъ на коврѣ, а чалму въ головы положилъ да заснулъ.

А зять шаховъ Испендеръ бекъ пришолъ къ Ивану и къ Михайлу и говорилъ: чтобъ де вамъ посидѣть, а шаха подождать. А испанскому послу велѣлъ ѣхать къ себѣ.

И спалъ шахъ часы съ два, да всталъ и пришолъ къ посломъ и велѣлъ поднести къ посломъ шарапу.

И Иванъ и Михайло учили шаху бить челомъ, а говорили: присланы, государь, мы отъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи къ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству о вашей государской братственной дружбѣ и любви, и о иныхъ о великихъ вашихъ государскихъ и о земскихъ дѣлахъ, и намъ, государь, у тебя задержанья учинилось, и пути нашему время приходитъ, и тебѣ бы, великому государю, Аббасъ шахову величеству къ великому государю нашему его ц. в. отпустить насъ, не издержавъ.

И шахъ посломъ сказалъ: отпущу де васъ къ брату своему, къ великому государю вашему, вскорѣ. Да велѣлъ шахъ посломъ ѣхать на подворье, а провожалъ пословъ до подворья приставъ Усеинъ бекъ.

И іюля жъ въ 17 день въ послѣднемъ часу дни пріѣхалъ къ посломъ приставъ Усеинъ бекъ, а говорилъ посломъ: прислалъ де къ вамъ шахъ, а велѣлъ вамъ говорити, чтобъ вамъ ѣхати къ шахову

величеству смотрити его потѣхи, а шаху де тѣшитца, а сидѣть у своего двора наверхъ полать на воротехъ, и лошади де подъ васъ приведены.

И Иванъ и Михайло того жъ часу поѣхали съ приставомъ и пріѣхали на мойданъ, а противъ мойдана у шахова двора на воротехъ полата велика и высока, вверхъ сажень дватцать и больши, и у воротъ встрѣтилъ Булатъ бекъ, а говорилъ Булатъ бекъ посломъ: шахъ де вамъ велѣлъ итти наверхъ полать. И послы пошли на полаты по лѣсницамъ, а лѣсницы дѣланы внутри полать, а съ послы шоль Булатъ бекъ, и на шестой лѣсницѣ встрѣтилъ пословъ шаховъ дворовой воевода Алымъ Гули ханъ и спросилъ пословъ о здоровьѣ, да пошоль съ послы на полату.

И какъ послы взшли наверхъ полать, и къ посломъ пришоль шаховъ зять и ближней ево человекъ Испендеръ бекъ, а говорилъ посломъ: чтобъ де вамъ пожаловати, сѣсти.

И Иванъ и Михайло сѣли на коврахъ, а по коврамъ посланы скатерти и поставлены по блюдомъ яблага и ягоды, и сахары.

И Испендеръ бекъ поднесъ къ посломъ пить, а говорилъ посломъ: шахово де величество велѣлъ васъ подчивать и хотѣлъ де къ вамъ быть самъ, да по грѣхомъ занемогъ. А на шаховѣ дворѣ по полатамъ въ рядѣхъ по лавкамъ и по всѣмъ дворомъ по полатамъ и по мечетямъ горять чиряки многіе.

А сидѣли послы наверхъ полать часы съ три, а съ послы сидѣли шаховы ханы и беки и пословъ подчивали.

И розговаривали съ послы: шахъ Аббасово величество тѣмъ часто тѣшитца: въ которомъ городѣ ни будетъ, и у шаха де во всѣхъ городѣхъ при немъ по всѣмъ дворомъ и въ рядехъ по лавкамъ и по мечетямъ чиряки многіе зажигаютъ, а шахъ де во всю ночь сидитъ тѣшитца, пьетъ и насъ де жалуешь. А нынѣча де шахово величество также хотѣлъ тѣшитца да по грѣхомъ де заболѣлъ.

И послы ханомъ говорили: то уже нашъ грѣхъ приспѣлъ, что шахово величество занемогъ: мы его государевыхъ очей не видали.

И пришоль къ посломъ Испендеръ бекъ и учалъ пословъ подчивать, подносить шарапъ, а говорилъ посломъ: чтобъ де вамъ прохладитца и ѣхати къ себѣ на подворье.

И Иванъ и Михайло учили Испендеръ беку говорить: пожалуй, донеси наше челобитье до Аббасъ шахова величества, чтобъ пожаловалъ насъ: къ царскому величеству отпустилъ. А пути нашему время минуетца.

И Испендеръ бекъ посломъ говорилъ: однолично де шахъ васъ отпустить вскорѣ къ царскому величеству. То де уже у шаха послѣдняя потѣха. А отпустя де васъ, шахъ тотчасъ идетъ въ горы къ влючевымъ водамъ въ холодныя мѣста тѣшитца.

Да послы жъ говорили Испендеръ беку: писали къ намъ изъ Испогани люди наши, что сбѣжали отъ насъ два человекъ нашихъ людей, и дорога де и колентарь тѣхъ бѣглыхъ нашихъ людей не сыскали, и мы приставу Усеинъ беку и Булатъ беку говорили, чтобъ они шахову величеству извѣстили, а тебѣ мы о томъ же говоримъ, чтобъ тебѣ Аббасъ шахову величеству наши рѣчи донести, а шахово бѣ величество пожаловалъ, велѣлъ тѣхъ нашихъ бѣглыхъ людей сыскати и намъ отдать.

И Испендеръ бекъ посломъ сказалъ: приставъ де вашъ шаху про ваши бѣглецы люди связывалъ, и шахъ де велѣлъ отписать въ Казбинъ къ дорогѣ и къ колентарю, а велѣлъ людей вашихъ тотчасъ сыскати и отдать вашимъ людямъ на дворъ. А что де у васъ топерво слышу, и язь де шахову величеству рѣчи ваши роскажу, а однолично де люди ваши не пропадутъ. Да и Булатъ беку отъ шахова величества о вашихъ людехъ приказъ будетъ, никакъ де ваши люди не пропадутъ.

И говоря послы съ Испендеръ бекомъ, да того жъ часу пошли съ полаты на низъ и поѣхали къ себѣ на подворье, а провожалъ пословъ и до подворья приставъ Усеинъ бекъ.

И іюля въ 21 день въ ночи шахъ изъ Испогани пошолъ совсѣмъ и съ женами и со всѣми обиходы невѣдомо куды.

И того жъ дни Иванъ и Михайло послали толмача по Булатъ бека, и Булатъ бекъ къ посломъ пріѣхалъ, и Иванъ и Михайло учали Булатъ беку говорити: шахово величество пошолъ изъ Испогани совсѣмъ, а насъ къ царскому величеству не отпустилъ, и мы чаемъ себѣ, что намъ зимовать въ Испогани.

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: шахъ де ходитъ по часомъ, въ каковѣ часѣ ему въ городъ притти и въ какомъ часѣ изъ города вытти, а тотъ де ево часъ пришолъ, что ему изъ города вытти, и онъ де пошолъ совсѣмъ да сталъ въ садѣхъ въ пять верстъ отъ Испогани, а будетъ де въ городъ опять легкимъ дѣломъ для вашего отпуску, а отпустя де васъ, шаху итти совсѣмъ въ горы, въ холодныя мѣста.

И іюля въ 24 день въ полдни сказали посломъ, что шахъ пришолъ въ Испогань и взѣхалъ на свой на задней дворъ, а

сталъ де на дворѣ близко воротъ подѣ солнычникомъ, а въ полаты не пошелъ.

И того жѣ дни въ полчаса noci прїѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ и учалъ посломъ говорить: шахъ де прислалъ къ вамъ съ лошедьми, а велѣлъ вамъ ѣхать къ себѣ, а хочеть де васъ отпустить къ великому государю вашему. А привели за нимъ подѣ пословъ пять лошадей съ сѣдлы и съ уздами. Да зѣ Булатъ бекомъ же принесли ево люди платье, и учалъ Булатъ бекъ посломъ говорить: шахово де величество жалуетъ васъ платьемъ. Да поднесъ къ Иваку два каетана озямское дѣло: одинъ каетанъ бархатъ кизылбашской по серебряной землѣ, другой каетанъ камка кизылбашская жѣ по серебряной же землѣ; къ Михайлу поднесъ два каетана таковы жѣ, дѣломъ оба камчаты кизылбашскіе по серебряной землѣ; переводчику Милютѣ Нагаеву два каетана камчаты камочки кизылбашскіе цвѣтны; князь Михайлову племяннику, князю Ѡадѣю Борятинскому, Иванову племяннику, Михайлову сыну, по каетану камочки кизылбашскіе жѣ, толмачю Ивану Сергѣеву, дву человѣкомъ кречетникомъ по каетану камочки таковы жѣ кизылбашскіе, дву человѣкомъ Иванову да Михайлову по каетану.

И учалъ Булатъ бекъ посломъ говорить: шахово де величество велѣлъ вамъ ѣхать къ себѣ въ своемъ жалованѣ въ каетанѣхъ.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: мы шахову величеству на его государевѣ жалованѣ челомъ бьемъ. А то государя вашего Аббасъ шахова величества къ великому государю нашему нелюбовь, а къ намъ то его не жалованье, безчестье, что намъ велить ѣхать въ своемъ жалованѣ въ платьѣ. А великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѡеодоровича всеа Русіи самодержца въ поведеньяхъ ведетца отъ предковъ его великихъ государей царей російскихъ: всѣхъ государей пословъ и посланниковъ государь жалуетъ, велить на нихъ свое государево жалованье платье власть при своихъ царскихъ очахъ, и только бѣ шахъ насъ по тому жѣ пожаловалъ, велѣлъ на насъ свое жалованье положить передъ собою—въ томъ его воля, а нынѣ намъ къ шаху ѣхать въ его платьѣ непригоже, тѣмъ бы насъ не безчестилъ; нашему закону то противно, что ходити въ платьѣ не по своему обычею. А которые послы и посланники, и гонцы бывали у прежнихъ великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей російскихъ и нынѣ у великого государя нашего его царского величества, и тѣ всѣ видали царского величества очи въ своемъ платьѣ по своему обычею, а не въ царскомъ жалованѣ. И шахъ бы надъ нами также велѣлъ учинить. И Булатъ бекъ учалъ говорить: тѣмъ де шаха роскручините,

что въ своемъ платьѣ поѣдете и отпуску де вамъ, чаю, не будетъ, и вы де творите шахову волю. И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: ты, Булатъ бекъ, самъ у великого государя нашего у его царского величества былъ и не по одиножды и царского величества жалованье къ себѣ видѣлъ. Великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи жаловалъ васъ платьемъ при своемъ царскомъ велиествѣ, а не на подворья къ вамъ посылалъ, а что говоришь, что намъ отъ шахова величества отпуску не будетъ, въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, а въ шаховѣ платьѣ намъ къ шаху не ѣзживать.

И Булатъ бекъ сказалъ: упрямо де дѣлаете, что шахова повелѣнья не слушаете.

И Иванъ и Михайло, положи на себя свое платье золотное да горлатные шапки, и поѣхали къ шаху зъ Булатъ бекомъ на дворъ въ другомъ часу ночи и ѣхали черезъ мойданъ къ шахову двору, а на мойданѣ передъ шаховымъ дворомъ стояли на конехъ испанской посылъ. А Ивану и Михайлу Булатъ бекъ говорилъ, чтобъ ѣхали къ шахову двору, и пріѣхалъ къ воротамъ близко и у воротъ съ лошадей сѣли и пошли на шаховъ дворъ, и пришли въ ворота, а въ воротѣхъ въ полатѣхъ сидятъ шаховы ханы Имамъ Гули ханъ да ближней челоуѣкъ шаховъ, зять его, Испендеръ бекъ и многіе беки и кулы и ханы. И Булатъ бекъ учалъ посломъ говорить: чтобъ де вамъ посидѣть съ ханы немного, а Оббасъ шахово величество сесьчасъ будетъ. И послы съ ханы сѣли, а Булатъ бекъ пошолъ къ шаху и тово жъ часу пришолъ Булатъ бекъ къ посломъ и учалъ говорить: шахъ де идетъ въ сады къ женамъ, гдѣ былъ, а вамъ де, чаю, ѣхать съ шахомъ же и отпускъ де вамъ будетъ отъ шаха въ садѣхъ, и вы де садитесь на лошади. И Иванъ и Михайло, сподчи съ шахова двора, передъ ворота сѣли на лошади, и того жъ часу шахъ зъ двора своего на лошади сѣхалъ, поднивъ, и проѣхавъ Ивана и Михайла, поѣхалъ къ испанскому послу и, не сѣдая съ лошади самъ, и послу сѣсти не велѣлъ же, и съ коня испанского посла и отпустилъ, и ѣхалъ съ нимъ до полумойдана, и поворотилъ назадъ да пріѣхалъ великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи къ посломъ, къ Ивану да къ діаву Михайлу, и посломъ съ лошадей сѣдать не велѣлъ. И отѣхавъ отъ людей, велѣлъ посломъ ѣхать за собою и учалъ посломъ говорить: отпускаю де я васъ къ брату своему къ великому государю вашему, а съ вами отпускаю въ болшихъ послѣхъ Булатъ бека, потому что Булатъ бекъ у государя вашего былъ и не одинова и ему де за обычей.

И Иванъ и Михайло шаху учили говорить: наша, государь, должная вамъ, государемъ, служить.

Да шахъ же учелъ говорить: какіе де вамъ дѣла до меня есть, и вы де топере мнѣ говорите. И Иванъ и Михайло шаху учили говорить: присланы, государь, мы отъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи къ тебѣ, великому государю, Аббасъ шахову величеству о братственной дружбѣ и о любви и чтобы ты, великій государь, шахъ Аббасово величество великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи братственную свою дружбу и любовь совершилъ: денежною казною великого государя нашего его царское величество ссудилъ, чѣмъ бы великому государю нашему царю и в. князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи было ратныхъ своихъ людей противъ недруга своего пожаловать и противъ его за его многіе неправды стояти. А какъ по милости Божіи великій государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи его царское величество съ полскимъ и съ литовскимъ королемъ управитца, и тоѣ казну тебѣ, великому государю, шахъ Аббасову величеству велить заплатить всякими узорочья, какіе у великого государя нашего въ государствѣ есть, а за твою, великого государя, шахъ Аббасова величества братственную дружбу и любовь учнетъ тебѣ воздавать такъ же своею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ возможно. И шахъ сказалъ: посылаю де язъ къ брату своему, къ великому государю вашему съ вами вмѣстѣ своего посла Булатъ Бека, и что де у менялучилось, и язъ посылаю къ великому государю вашему зъ Булатъ бекѣмъ же. Да изговоря шахъ тоѣ рѣчь, да позвалъ пословъ къ рукѣ. И Иванъ и Михайло, збѣжавъ съ лошадей, пошли къ шаху къ рукѣ. И какъ были у руки, и шахъ отѣхалъ отъ своихъ людей подалѣ, а посломъ велѣлъ за собою итти, да отѣхавъ, спросилъ у пословъ: есть ли съ вами толмачъ крестьянинъ, а не бусурманъ? И послы сказали, что есть толмачъ крестьянинъ.

И шахъ велѣлъ толмача позвати къ себѣ.

И Иванъ и Михайло велѣли толмачю Ивану Сергѣеву подойти къ шаху, и шахъ переводчика Милюты отослати не велѣлъ, а учалъ говорить толмачю Ивану Сергѣеву, а велѣлъ сказывать рѣчи свои посломъ: приказывалъ де язъ съ вами прежь сего и нынеча де приказываю къ брату своему къ великому государю вашему, чтобы де великій государь вашъ однолично на Койсѣ и въ Тарвахъ велѣлъ города поставить.

И послы Аббасъ шахову величеству противъ того говорили тожъ,

что и прежь того говорили: какъ по милости Божіи великій государь нашъ его царское величество съ недругомъ своимъ зъ Жигимонтомъ королемъ управитца, и великій государь нашъ его царское величество на Койсѣ велить тотчасъ городъ поставить.

И шахъ посломъ говорилъ: язь де съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ къ великому государю вашему приказывалъ и съ вами приказываю, и вы де однолично брату моему великому государю своему расскажите, о чемъ язь съ вами прежь сего нынеча приказываю, ни одного моего слова не пророните, а о иныхъ де статьяхъ язь къ вамъ пришлю письмо, по руски написавъ, а есть де у меня кому по руски написать.

А изговоря рѣчь шахъ, да велѣлъ посломъ ѣхати на подворье, а самъ, не ѣздя на дворъ, поѣхалъ къ женамъ въ сады.

И послы поѣхали на подворье, а провожалъ пословъ до подворья Булатъ бекъ.

И іюля въ 26 день къ посломъ пріѣхалъ Булатъ бекъ, а сказалъ посломъ: шахово де величество пошелъ изъ садовъ и зъ женами и со всѣми обиходн въ горы въ холодныя мѣста къ ключевымъ водамъ тѣшитца, а быти де шаху тамъ и до осени. А отъ Испогани до тѣхъ мѣстъ, гдѣ шаху тѣшитца, въ три дни ѣздятъ. А мнѣ де шахъ велѣлъ ѣхати за собою, и отпускъ де мнѣ будетъ отъ шаха на стану, а вамъ де шахъ приказалъ, велѣлъ побыть въ Испогани до тѣхъ мѣстъ, покамѣста меня къ вамъ отпустить.

И послы Булатъ беку говорили: тебѣ шахъ велѣлъ ѣхати за собою, а намъ велѣлъ тебя дожидатися, а ты вѣдаешь и самъ, что у насъ корму нѣтъ, деньги кормовые давно у насъ изошли, и чтобъ шахъ пожаловалъ, велѣлъ намъ дати кормъ.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: о корму де мнѣ отъ шаха приказу нѣтъ, а какъ де шаха увижу, и язь де скажу, что у васъ кормовые деньги всѣ изошли.

И того жъ дни Булатъ бекъ изъ Испогани поѣхалъ къ шаху.

И августа въ 22 день Булатъ бекъ отъ шаха пріѣхалъ въ Испогань, и того жъ дни прислалъ къ посломъ пасынка своего Исачка, а говорилъ Исачка посломъ: прислалъ де къ вамъ Булатъ бекъ, а велѣлъ вамъ сказати: шахово де величество Булатъ бека къ великому государю вашему отпустилъ, а вамъ де шахъ велѣлъ ѣхать ко государю своему, а Булатъ беку велѣлъ съ вами ѣхать вмѣстѣ, и подводы подъ васъ и кормъ въ дорогу велѣлъ шахъ дати.

И Иванъ и Михайло съ Исачкомъ къ Булатъ беку приказывали:

ѣхать они готовы, а чтобъ Булатъ бекъ самъ у насъ побывалъ и про отпускъ намъ сказалъ.

И августа въ 23 день къ посломъ пріѣхалъ Булатъ бекъ да приставъ Усеинъ бекъ. И учалъ Булатъ бекъ посломъ говорить: шахово де величество велѣлъ вамъ итти къ великому государю своему царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи, а мнѣ де шахъ велѣлъ итти къ царскому величеству съ вами вмѣстѣ, и подводн де подъ васъ велѣлъ дати, и кормъ вамъ давати, по деревнямъ збирая. А велѣлъ де шахъ изъ Шемахи Исупъ хану васъ отпустить на Терекъ сухимъ путемъ и подводн подъ васъ и подъ вашу рухледь верблюды велѣлъ шахъ дати.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: самъ ты знаешь: морской ходъ уже минулся, а насъ шахъ задержалъ не малое время, а зимней путь ближеетъ, и мы чаемъ того, что намъ не поспѣтъ и въ Астарахань.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: язъ де и самъ знаю, что ужъ путь нашъ упоздалъ, да въ томъ де воленъ Богъ да шахъ; не думаетъ де шахъ ни съ кѣмъ: какъ хочеть, такъ и дѣлаеть. Язъ де, пріѣхавъ изъ Испогани, жилъ у шаха въ полку дватцать день слишкомъ, а шаховыхъ очей не видалъ, а шахъ де въ горахъ тѣшитца зъ женами да съ малыми робаты, а окромѣ де жонъ да малыхъ робать никакова человекъ съ шахомъ нѣтъ, по дорогамъ де поставлены заставы, никакова человекъ къ шаху не пропустятъ.

И Иванъ и Михайло учили Булатъ бека спрашивать: какъ насъ шахово величество къ царскому величеству отпустилъ, и намъ шахъ говорилъ: о иныхъ де статьяхъ пришлю къ вамъ съ Булатъ бекомъ письмо, по руски написавъ, а есть де у меня кому по руски написать, и съ тобою отъ шахова величества есть ли къ намъ письмо по руски написано?

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: писма де шахъ со мною къ вамъ никакова не прислалъ и словомъ ничего къ вамъ не приказывалъ.

Да послы жъ Булатъ беку говорили: збѣжали отъ насъ въ Казбинѣ людей нашихъ два человекъ, и мы о томъ тебѣ и приставу Усеину говорили, чтобъ вы до шахова величества наши рѣчи донесли, а шахово бѣ величество пожаловалъ, людей нашихъ велѣлъ сыскать и намъ отдать. И ты, Булатъ бекъ, и приставъ намъ сказывалъ, и шахово де величество велѣлъ въ Казбинѣ къ дорогѣ послати грамоту, а велѣлъ людей нашихъ бѣглыхъ тотчасъ сыскать и намъ отдать. И изъ

Казбина люди наши къ намъ писали, что по ся мѣста бѣгле наши люди не сысканы.

И Булатъ бекъ Ивану и Михайлу сказалъ: приказалъ де мнѣ и дорогѣ шахъ накрѣпко, чтобъ вашихъ людей сыскать и вамъ отдать, и какъ де будемъ въ Казбинѣ, однолично людей вашихъ сыщемъ и вамъ отдадимъ; не мните де себѣ того, что вашимъ людямъ пропасть.

Да въ Булатъ бекомъ же принесли въ полату сундукъ, и Булатъ бекъ, вставъ, учалъ Ивану и Михайлу говорить: шахъ Аббасово де величество васъ жалуетъ бархатами и камками, и дорогами, и киндяками. Да велѣлъ сундукъ раскрыти, да учалъ выкладывать изъ сундука, а сказалъ посломъ: шахъ де жалуетъ князя Михайлову жену, а велѣлъ де къ ней отвезти. И отложилъ бархатъ полосатъ, да камочку золотную по червчетой землѣ, да камочку цвѣтную кызылбашскую жъ, да девятнадцать дорогоеъ розными цвѣты, да два кушака шолковныхъ, да девятнадцать киндяковъ.

А Ивану бархатъ червчатъ да бархатъ зеленъ, да камочку золотную, да камочку кызылбашскую дву шелковъ, да камочку жъ цвѣтную да тринадцать дорогоеъ розными цвѣты, да кушакъ шолковой, да четырнадцать киндяковъ.

Михайлу бархатъ червчатъ да камку золотную, да камку цвѣтную, да десять дорогоеъ, да десять киндяковъ.

Переводчику Милютѣ камку да четверы дороги, да семь киндяковъ.

Толмачю Ивану трои дороги да пять киндяковъ.

Кречетникомъ, Ѳедору Тоболину да Ѳедору Савелову, четверы дороги да шесть киндяковъ.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: мы на шаховѣ жалованьѣ челомъ бьемъ, а прежь насъ отъ великого государя нашего отъ его царского величества бывали у шахова величества посланники, и шахово величество ихъ жаловалъ деньгами и платьемъ, и лошедми, и ратнымъ оружьемъ, а мы то видимъ: нѣкто врагъ промежь великихъ государей нашихъ великого государя нашего его царского величества и Аббасъ шахова величества смутилъ, и шахово величество по смутѣ къ великому государю нашему къ его царскому величеству показалъ нелюбие, а къ намъ свое нежалованье и многое намъ безчестье учинилъ и въ кормѣхъ скудость великую.

И приставъ Усеинъ бекъ учалъ посломъ говорить: прямо де врагъ нѣкто ненавистникъ промежь великихъ государей такую смуту учинилъ, а только бъ де не было промежь великихъ государей смуты, и вамъ бы де

у шахова величества была такая жъ честь и жалованье, какъ и прежнихъ великихъ государей посломъ и посланникомъ. Да и сами де вы у шахова величества слышали, и что онъ съ вами приказывалъ къ царскому величеству, въ чемъ ему, государю, на великого государя вашего досадно.

А Булатъ бекъ учалъ говорить: и мы де видимъ, что шахово величество на васъ кручиновать по смутѣ, а язь де никакъ шахову величеству никакихъ смутныхъ рѣчей не сказывалъ, только де язь шаху сказалъ, что по моему было приказу въ Астарахани у юртовского татарина купили шаху ястребъ бѣлой, и воеводы де того ястреба велѣли отнять, а того татарина велѣли въ тюрьму посадить. А говорили де воеводы: то заповѣдное, того купить не велѣно. И шаху де то кручинно, что намъ не вольно купить. А купчины де и торговые люди били челомъ шаху сами, что имъ въ Астарахани и въ Казани и въ иныхъ городѣхъ продажи и убытки отъ воеводъ живутъ великіе.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: шахово величество говорилъ мнѣ, Михайлу, съ великимъ гнѣвомъ, будто у великого государя нашего у его царского величества на Москвѣ и въ городѣхъ васъ, пословъ, на дворѣхъ запирали и зъ голоду васъ поморили, и корму вамъ не давали, и людей вашихъ зъ дворовъ не пущали, и купить ничего не давали, а у воротъ стояли многіе приставы. А у великого государя нашего у его царского величества было вамъ великое жалованье и честь, и кормы къ вамъ посылаваны многіе и въ запросъ вамъ всякіе запасы даваны, чего похотите, что некоторыхъ государствъ посломъ такова царского величества жалованья и чести не бывало, какая была вамъ у царского величества жалованье и честь. А людей вашихъ на дворѣхъ не запирывали, людямъ вашимъ на Москвѣ и въ городѣхъ повольно было ходить по площади и по торгомъ, и что хотѣли, то и покупали, ни въ чемъ заказу не было. А стрѣльцы стояли у дворовъ вашихъ у воротъ для береженья, чтобъ вамъ и людямъ вашимъ отъ иноземцовъ и отъ московскихъ людей безчестья никакова не было.

И Булатъ бекъ учалъ говорить: язь де того не вѣдаю, хто такую смуту шаху нанесъ, а язь про то ничего шаху не сказывалъ. Да того жъ часу Булатъ бекъ отъ пословъ поѣхалъ къ себѣ.

И приставъ Усеинъ бекъ, идучи за нимъ изъ полаты, тихонько говорилъ Ивану и Михайлу: шахово де величество съ царскимъ величествомъ смутилъ онъ, Булатъ бекъ, и вамъ де было позоръ и безчестье по его смутѣ. Язь де вамъ и прежь сего то жъ сказывалъ.

И августа въ 24 день испогапской воевода и колентарь отпу-

стили пословъ, Ивана и діака Михайла, изъ Испогани въ Казбинъ, а съ ними отпустили къ великому государю царю и великому князю Михайлу Ѳеодоровичю всеи Русіи шахова посла Булатъ бека.

И 128-го сентября въ 1-й день Иванъ и Михайло пріѣхали изъ Испогани въ Казбинъ, а Булатъ бекъ, не заѣзжая въ Казбинъ, поѣхалъ въ свое помѣстье, отъ Казбина верстъ зъ дватцать. И которые посольскіе люди были въ Казбинѣ, сказали Ивану и Михайлу про бѣглыхъ людей, что збѣжали отъ нихъ два литвина, и тѣ де люди не сысканы, и къ дорогѣ де они съ толмачами хаживали многижда и объ людехъ ему говаривали, чтобъ тѣхъ бѣглыхъ людей сыскалъ, и дорога де имъ говорилъ, что однолично бѣглыхъ людей сыщутъ, никакъ не пропадутъ. А передъ вашимъ де пріѣздомъ дорога отказалъ, что людей сыскать ни которыми дѣлы не умѣли: пропали безвѣстно.

А рускіе де люди, которые обусурманены, многіе сказывали, что тѣхъ бѣглыхъ людей дорога сослалъ въ свое помѣстье.

И сентября въ 2 день Иванъ и Михайло послали къ дорогѣ переводчива Милоту Нагаева да толмачей, а велѣли дорогѣ говорить: збѣжали безъ насъ зъ двора два человекъ нашихъ, и люди наши къ тебѣ прихаживали многижда объ тѣхъ бѣглыхъ людехъ тебѣ говорить, чтобъ тебѣ тѣхъ бѣглыхъ людей велѣтъ сыскать. И ты имъ говорилъ, что люди не пропадутъ, однолично сыщутся, а нынѣча де ты жъ имъ отказалъ, что тѣхъ бѣглыхъ людей нашихъ нѣкоторыми дѣлы сыскать не мочно. Да и къ намъ въ Испоганъ писали наши люди про тѣхъ бѣглыхъ людей, и мы о тѣхъ бѣглыхъ людехъ приставу Усеинъ беку и Булатъ беку и ближнему шахову человекъ Испендеръ беку говорили, чтобъ они наши рѣчи до шахова величества донесли, а шахово бѣ величество пожаловалъ, велѣлъ нашихъ людей сыскать и намъ отдать. И приставъ Усеинъ бекъ, и Булатъ бекъ, и Испендеръ бекъ намъ сказывали, что они наши рѣчи до шахова величества доносили, и шахово де величество велѣлъ къ тебѣ послати свою грамоту, а велѣлъ тебѣ людей нашихъ сыскати и намъ отдать. Да они жъ, Испендеръ бекъ и приставъ, и Булатъ бекъ, намъ сказывали: приказывалъ де къ вамъ шахово величество, что однолично люди ваши не пропадутъ, а мы пріѣхали въ Казбинъ, а бѣгле люди наши не сысканы, а ты де людямъ нашимъ отказалъ, что людей бѣглыхъ нѣкоторыми дѣлы не сыскать.

А прежъ сего великого государя нашего его царского величества у Оббасъ шахова величества бывали послы и посланники, и николи того не бывало, чтобъ посольскимъ людямъ пропасть безъ вѣдома. И тебѣ бѣ, дорога, промежъ великихъ государей, великого государя нашего

его царского величества и Аббасъ шахова величества, такіе ссоры не учинить, бѣглыхъ людей нашихъ сыскати и намъ отдать.

И того жъ часу переводчикъ Милота и толмачи къ Ивану и къ Михайлу пришли, а сказали посломъ: по вашему де приказу дорогѣ рѣчи ваши выговаривали, и дорога де намъ сказалъ: прихаживали де ко мнѣ посольскіе люди и сказывали, что отъ нихъ сбѣжали два человѣка посольскихъ, и азъ де всякими мѣрами сыскивалъ въ городѣ и въ казбинскомъ уѣздѣ по всѣмъ деревнямъ посылали сыскивать съ великою шаховою заповѣдью, и шахова де грамота о посольскихъ людехъ ко мнѣ прислана, велѣно посольскихъ людей сыскати и отдать ихъ на дворъ къ посольскимъ людямъ. И азъ де вамъ говорю по шаховѣ головѣ, по рускому молитъ: по государеву крестному цѣлованью, всякими сыски сыскивалъ въ городѣ и въ уѣздѣ до шаховой грамоты и по шаховѣ грамотѣ, да никакъ де некоторыми дѣлы не сыскалъ и сыскъ мой не взялъ; чаю де того, что воръ которой изъ животовъ передавить ихъ и въ землю закопаетъ, и сыскати не мочно. А что де вы говорите, что прещъ сего великого государя вашего у Аббасъ шахова величества бывали послы и посланники, и того не бывало, чтобъ посольскимъ людямъ пропасть безвѣстно, — и я де и самъ то вѣдаю, что николи того не бывало въ шаховѣ области, чтобъ посольскимъ людямъ пропасть безвѣстно. Да въ томъ де воленъ Богъ да шахово величество, всякими де мѣрами сыскивалъ тѣхъ посольскихъ людей съ великимъ запрещенемъ, да сыскъ мой не взялъ. А еще де велю сыскивать и заповѣдывать накрѣпко съ шаховою казнью. Да отказавъ де намъ дорога такіе рѣчи, насъ отъ себя и отпустилъ.

И сентября въ „ “ день пріѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ, и Иванъ и Михайло учили Булатъ беку говорить: какъ мы были у шахова величества въ Ипогани, а безъ насъ въ Казбинѣ сбѣжали нашихъ два человѣка, и людишка наши безъ насъ къ казбинскому дорогѣ и къ колентарю о бѣглыхъ нашихъ людехъ говорили, чтобъ они тѣхъ нашихъ людей велѣли сыскать, а сыскавъ, имъ отдать. И дорога и колентарь тѣхъ нашихъ людишекъ безъ насъ и по ся мѣста не сыскали. А мы въ Ипогани тебѣ и приставу о тѣхъ бѣглыхъ людехъ говорили многижда, чтобъ вы рѣчи наши до шахова величества донесли, чтобъ шахово величество пожаловалъ, велѣлъ тѣхъ нашихъ людей сыскати и нашимъ людямъ отдать. И ты, Булатъ бекъ, и приставъ намъ сказывали, что вы до шахова величества рѣчи наши доносили, и шахъ де приказалъ послати къ дорогѣ свою грамоту, а велѣлъ людей нашихъ тотчасъ сыскать и людямъ нашимъ отдать.

Да ты жъ, Булатъ бекъ, намъ сказывалъ, что приказъ тебѣ Аббасъ шахово величество, а велѣлъ съ дорогою однолично нашихъ людей сыскать и намъ отдать. А нынѣча мы изъ Испогани пріѣхали въ Казбинъ, и тѣ бѣглецы люди наши не сысканы, и мы къ дорогѣ послали переводчика и толмачей, о бѣглыхъ своихъ людехъ велѣли ему говорить, чтобъ онъ людей нашихъ сыскалъ и намъ отдалъ. И дорога переводчику и толмачомъ отказалъ, что некоторыми дѣлами сыскать людей не умѣли и сыскъ его не взялъ. Да намъ же сказываютъ, что тѣхъ нашихъ бѣглыхъ людей сослалъ дорога въ свое помѣстье.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: слышелъ де я, что ваши люди не сысканы, и я де къ дорогѣ поѣду и по шахову приказу объ вашихъ людехъ ему выговорю и самъ съ нимъ людей вашихъ станемъ сыскивать. Да того жъ часу Булатъ бекъ отъ пословъ поѣхалъ къ дорогѣ.

И сентября въ „ “ день Булатъ бекъ пріѣхалъ къ посломъ и говорилъ посломъ: былъ де я у дороги и о вашихъ людехъ говорилъ, для чего онъ вашихъ людей по ся мѣста не сыскалъ? и дорога де мнѣ божитца по шаховѣ головѣ, что сыскивалъ всякими сыски накрѣпко въ городѣ и въ уѣздѣ съ великою заповѣдью, да некоторыми дѣлами не умѣлъ сыскать. А говоритъ де дорога: чаемъ, либо ихъ убили воры изъ платья, или де они въ иной городъ сошли вскорѣ, а въ Казбинѣ де и въ Казбинскомъ уѣздѣ гдѣ они ни маленько не объявились. Да и то де я дорогѣ говорилъ, что вы мнѣ сказывали про свои люди, будто вашихъ людей дорога сослалъ въ свое помѣстье. И дорога де говоритъ: я де у шаха милости не прошу, будетъ объявятца у меня посольскіе люди, безъ милости меня вели шахъ казнить, никако де некоторыми дѣлами и мысли моею не бывало, не токмо что мнѣ такъ сдѣлать: посольскихъ людей подговорить велѣтъ и въ деревню свою сослать.

Да Булатъ бекъ же сказалъ: послали де мы зъ дорогою въ уѣздъ по деревнямъ еще, а велѣли заповѣдывать накрѣпко объ вашихъ людехъ, да и въ городѣ приказали потому жъ накрѣпко, а велѣли сыскивать вашихъ людей, либо объявятца гдѣ, язъ де, чаю, пикакъ люди ваши не пропадутъ.

И сентября жъ въ „ “ день пріѣхалъ Булатъ бекъ къ посломъ и учалъ говорити: сыскивали де вашихъ людей всякими сыски въ городѣ и въ уѣздѣ, некоторыми дѣлами не умѣли людей вашихъ сыскати, нигдѣ не объявлялись, пропали безвѣстно.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку говорили: какъ такъ, что людей

не сыскать? Препнихъ великихъ государей нашихъ царей и великихъ впазей російскихъ у Аббасъ шахова величества бывали послы и посланники, и нынѣшняго великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи были у шахова величества посланники, нѣ надъ кѣмъ того не бывало, чтобъ у пословъ и у посланниковъ людемъ пропасть безвѣстно. Также у препнихъ великихъ государей нашихъ и у в. государя нашего ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. отъ Аббасъ шахова величества бывали послы и посланники, и того ни надъ кѣмъ не бывало, чтобъ у великого государя нашего у его царского величества въ государствѣ посолскимъ людемъ пропасть безвѣстно. Да ты, Булатъ бекъ, у великого государя нашего у его царского величества отъ шахова величества былъ двожды, и надъ тобою того не бывало, чтобъ твой дѣтинка пропасть безвѣстно. А у насъ нынѣча подговорили дву чело-вѣкъ, да и про то вы по шахову указу не сыскали, и вы то дѣлаете промежъ великихъ государей, великого государя нашего его царского величества и Аббасъ шахова величества, смуту, не хотя ихъ, великихъ государей, видѣть въ братственной дружбѣ и въ любви.

И Булатъ бекъ отказалъ посломъ съ сердца: что жъ де мнѣ дѣлать, коли ваши люди не сыскались, мнѣ де ихъ гдѣ взять? Да осердяся, отъ пословъ побѣжалъ и поѣхалъ къ себѣ въ деревню.

И сентября въ „ “ день къ посломъ пріѣхалъ казбинской калентарь Али бекъ да Булатъ бекъ, а съ ними кизылбашень чело-вѣкъ съ тритцать. И учалъ колентарь посломъ говорить: шахово де величество писалъ ко мнѣ, а велѣлъ васъ изъ Казбина отпустить, да велѣлъ де мнѣ у васъ пересмотрить людей вашихъ всѣхъ и рухледей вашихъ, пересмотря, смѣтивъ сколько надобно подъ васъ и подъ ваши люди подвождь, и сколько подъ рухледь верблюдовъ надобно, а торговыхъ бы де людей съ вами не было и на шаховыхъ подводахъ не ѣздили, и товаровъ своихъ не возили, а только де у васъ объявятца торговые люди съ товары, и шахъ де у торговыхъ людей товары всѣ велѣлъ поимати на себя.

И Иванъ и Михайло противъ того колентарю говорили: какъ у великого государя нашего у его царского величества отъ шахова величества послы и посланники бывають, и по царского величества указу приказные люди посылають къ нимъ приставовъ, а спрашиваютъ у пословъ и у посланниковъ, сколько имъ надобно подвождь, столько имъ и дадутъ, а людей у нихъ не смотрятъ и рухледей ихъ не смѣчаютъ. А намъ то позоръ и безчестье, что вы у насъ хотите людей нашихъ смотреть и рухледи наши смѣчать, а торговыхъ людей съ нами нѣтъ ни одного

человѣка, которые были съ нами пріѣхали для своихъ торговъ, и тѣ всѣ поѣхали въ Астарахань на бусахъ.

И колентарь посломъ говорилъ: коли де вы противъ шахова повелѣнья стоите, а людей своихъ пересмотрить не дадите, и рухледей своихъ смѣтить не дадите жъ, и вы де живите въ Казбинѣ, а шахъ де вамъ не велѣлъ давати подводъ и корму, и на базарѣ де вамъ продавать хлѣба и никакого съѣстного не велимъ. Да поѣхалъ колентарь отъ пословъ къ себѣ.

И послы учили говорить Булатъ беку: ты былъ у царского величества и не одинова такова тебѣ безчестья николи не бывало, чтобъ людей твоихъ смотреть и рухледи смѣчать; сколько тебѣ подводъ надобно, и по царского величества указу столько тебѣ подводъ и давано. Для чего нынѣча надъ нами такое безчестье и поворъ дѣлають?

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: чтожъ де мнѣ дѣлать, не отъ меня де то сдѣлалось. Писалъ де шахъ къ колентарю, а велѣлъ у васъ людей пересмотрить и рухледь вашу смѣтить для того, что у шаха подводъ нѣтъ, а наймуютъ лошади и верблюды дорогою цѣною, для де того шахъ велѣлъ и смѣтить, сколько отъ подводъ дати найму. А у великого государя вашего въ городѣхъ и промежъ городовъ устроены ямы, и по государеву де указу, сколько кому подводъ указано, столько и дадутъ, а мѣшканья де за подводами нисколько не живетъ, а въ шаховой де области искони того не повелось: въ городѣхъ и промежъ городовъ ямовъ нѣтъ, ѣздятъ де всѣ на наемныхъ подводахъ, а вамъ де за то стоять не за что, что людей вашихъ пересмотрить и рухледь ваша смѣтить. Да изговоря, Булатъ бекъ поѣхалъ отъ пословъ къ себѣ въ помѣстье, а помѣстье его отъ Казбина верстъ зъ дватцать.

И сентября въ 9 день Иванъ и Михайло послали толмачей къ дорогѣ и къ колентарю, чтобъ прислали къ нимъ подводы и ихъ бы не держали, по шахову указу изъ Казбина отпускали.

И дорога сказалъ толмачю: писалъ де шахъ о посолскомъ отпускѣ и о подводахъ къ колентарю, а мнѣ де до того дѣла нѣтъ.

А колентарь сказалъ толмачомъ: послы де противно дѣлають, шахова повелѣнья ни слушаютъ, а мнѣ де мимо шахова указу ничего не смѣтъ сдѣлать: не смотря ихъ людей и рухледи ихъ не смѣтя, ни одной подводу не смѣю дати, и послы бъ не упрямились, а шахова повелѣнья слушали.

И того жъ дни колентарь да Булатъ бекъ пріѣхали къ посломъ и учили говорить: что де вы упрямитесь, шахова указу не слушаете, людей своихъ пересмотрить и рухледи смѣтить не дадите, ещо де

вамъ здѣшнее житіе не докучело! только де людей своихъ и рухледи смотрити не дадите, и вамъ де и другая зима здѣся зимовать.

И Иванъ и Михайло стояли о томъ долго и отговаривалися много, чтобъ не дати людей и рухледи пересматривать, да поговоря межъ себя, велѣли всѣмъ людемъ притить къ себѣ. И колентарь людей перечоль всѣхъ, толмачей и вретчепниковъ, и стрѣлцовъ, и князь Михайловыхъ, и Ивановыхъ, и Михайловыхъ людей сочли всѣхъ на лицо сто шеснатцать человекъ, а рухледь у всѣхъ перевязана по вьюкамъ. И колентарь смотрилъ вьюковъ и смѣтилъ: подъ рухледь и подъ запасъ надобно сорокъ восемь верблюдовъ, а смѣтя люди и рухледь, колентарь поѣхалъ къ себѣ, а Булатъ бекъ поѣхалъ къ себѣ въ деревню, а посломъ сказали: подводы де къ вамъ и верблюды вскорѣ пришлемъ.

И сентября въ 12 день пришли зъ базару посольскіе люди и сказали Ивану и Михайлу: казбинскіе де приставы на базарѣ поймали сына боярскаго Дмитрея Хомякова и повели де ево къ колентарю, а того де не сказали, за что его поймали. А того сына боярскаго князь Михайло Борятинской взялъ въ Казани, ѣдучи въ Кизылбаши, и жилъ онъ у князя Михайла, а въ Казбинѣ князь Михайло его на гостинѣ дворѣ посадилъ въ лавкѣ, продавалъ князь Михайловы соболи и вунницы, и всякую рухледь, что у князя Михайла продажнаго было.

И Иванъ и Михайло того жъ часу толмача Союона Огаркова послали къ колентарю, а велѣли ему говорить: для чего приставы на базарѣ поймали сына боярскаго и повели его къ тебѣ, что до него дѣло?

И колентарь толмачю Союону сказалъ: тотъ де человекъ не сынъ боярскаго, торговой человекъ, знаютъ де ево въ Казбинѣ, что онъ сидѣлъ на гостинѣ дворѣ въ лавкѣ, продавалъ соболи и купины и иные товары, а взять де онъ по шахову указу: писалъ де ко мнѣ шахъ, что тотъ торговой человекъ продалъ сорокъ соболей дешевою цѣною, а такихъ у шаха въ казнѣ нѣтъ, а купилъ де у него тѣ соболи Сарыхозинъ человекъ, а далъ десять тюменей, а соболи де судятъ пятидесять тюменей, и онъ де своровалъ: такіе дорогіе соболи продалъ, уталсъ, а шаху в-ву не объявилъ, и шахъ де за то его велѣлъ взяти и поддержати до сыску. Да колентарь же де говорилъ, чтобы де послы того торгового человека животы отдали, а ево де, Дмитрея Хомякова, колентарь отдалъ за пристава. И толмачъ Союонъ Огарковъ тѣ рѣчи сказалъ Ивану да Михайлу, а Булатъ бека въ тѣ поры въ Казбинѣ не было, съѣхалъ въ свое помѣстье, сына женилъ.

И Иванъ и Михайло къ Булатъ беку въ деревню послали толмача Ивана Сергѣева, а велѣли Булатъ беку говорить: коимъ обы-

чаемъ и для чего колентарь велѣлъ взяти сына боярскаго и отдать за пристава, а называетъ его торговымъ человѣкомъ, а ты самъ ево знаешь, что онъ сынъ боярскаго, жилъ у князя Михайла.

А къ колентарю послали переводчика Милюту Нагаева да толмачей, а велѣли колентарю говорить: прежь сего великаго государя нашего ево царскаго величества бывали у Аббасъ шахова величества послы и посланники, и такова бесчестья надъ ними не бывало, что ты нынѣча надъ нами учинилъ, людей у пословъ не имывали и за пристава не давали, а ты нынѣча насъ, царскаго величества пословъ, тѣмъ обесчестилъ, велѣлъ поимати сына боярскаго, а съ послы не поговоря и не сослався, и вины ево намъ не сказалъ, и то ты дѣлаешь не гораздо, насъ, пословъ, тѣмъ бесчестишь, а называешь того сына боярскаго торговымъ человѣкомъ, а сидѣлъ де онъ въ лавкѣ и продавалъ соболи и куницы, да будто онъ продалъ дорогіе соболи, такихъ у шаха въ казнѣ нѣтъ, а взялъ дешевую цѣну десять тюменей, и то вы на него затѣваете, а того не бывало. А тотъ сынъ боярскаго не торговой человѣкъ, а жилъ онъ у посла, у князя Михайла, а сидѣлъ онъ на гостинѣ дворѣ въ лавкѣ не на велико время, продавалъ соболи и куницы князь Михайловы, а какъ испродалъ князь Михайловы соболи, и онъ тотчасъ изъ гостина двора споль, а такихъ онъ соболей не продаывалъ и у князя Михайла такихъ соболей не бывало, каковы ты сказываешь. И тебѣ бы велѣти того сына боярскаго къ посломъ отпустить, и только не отпустишь того сына боярскаго, и послы тебѣ велѣли сказать, что намъ изъ Казбина не ѣзживать, а пошлемъ на тебя о своемъ безчестьѣ бити челомъ шаху, что ты у насъ сына боярскаго велѣлъ поимати и за пристава отдать, а называешь его торговымъ человѣкомъ. А хотя бы онъ былъ и торговой человѣкъ, и его было имати не надобно: которая бъ и вина его была, и тебѣ было о томъ прислать къ посломъ, а не поговоря съ послы, его не имати.

И того жъ часу переводчикъ Милюта и толмачи пришли къ посломъ, а сказали, что они у колентаря были и что съ ними приказывали, и они тѣ рѣчи колентарю говорили. И колентарь де имъ отказалъ: присылаютъ де ко мнѣ послы и приказываютъ съ кручиною, что язъ у нихъ взялъ торгового человѣка, а онъ сынъ боярскаго, а не торговой человѣкъ, и язъ де того не знаю, сынъ боярскаго ли онъ, или торговой человѣкъ, только де всѣ казбинскіе торговые люди ево знаютъ, что онъ сидѣлъ на караванъ сарай въ лавкѣ и продавалъ соболи и куницы и иные товары. А приказыв-

вають де ко мнѣ, что язъ ихъ тѣмъ обесчестилъ, взялъ у нихъ сына боярскаго, съ ними не поговоря, и язъ де то сдѣлалъ, велѣлъ взяти того торгового человѣка и за пристава отдалъ по шахову указу: писалъ де ко мнѣ шахъ грамоту, а велѣлъ пословъ изъ Казбина отпустить тотчасъ, а того торгового человѣка, которой у посла жилъ, велѣлъ оставить до сыску, а безъ шахова де указу какъ было мнѣ такъ учинить, что у пословъ человѣка взяти! мнѣ де на пословъ и зрѣть не смѣть, не токмо что было у нихъ взяти человѣка. Да послы жъ де съ вами приказываютъ, хотятъ на меня къ шаху посылать бить челомъ, что язъ тѣмъ ихъ обесчестилъ, что у нихъ взялъ человѣка, а сами де не хотятъ изъ Казбина ѣхать, и въ томъ де послы вольны: хотятъ ѣдутъ, хотятъ не ѣдутъ. А къ шаху де посылаютъ бить челомъ, язъ де того не боюся: велѣлъ де язъ поимать торгового человѣка и за пристава дать по шахову указу безстрашно, а не хотятъ де послы изъ Казбина ѣхать, и то де въ ихъ волѣ: по ся де мѣста имъ корму не давано, а впередъ также ничего не дадутъ, и на базара де закажемъ, продавать отнюдь ничего не велимъ за ихъ упрямство.

И сентября въ 13 день пріѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ, и послы учали говорить Булатъ беку: коимъ обычаемъ у насъ колентаръ велѣлъ поимать сына боярскаго, а называетъ его торговымъ человѣкомъ, а ты вѣдаешь самъ, что онъ сынъ боярскаго, а не торговой человѣкъ, жилъ у князя Михайла, а продавалъ князь Михайловы соболи. А хотя бъ и торговой человѣкъ былъ, а съ нами пріѣхалъ, и вина бъ его которая была, и колентарю было, не поговоря съ нами и не объяви намъ вины его, торгового человѣка не имати, а насъ тѣмъ не бесчестить.

И Булатъ посломъ говорилъ: язъ де вамъ сказываю: былъ де язъ у колентаря и говорилъ ему по вашему приказу, что вы ко мнѣ съ толмачомъ приказывали, и колентаръ де показывалъ мнѣ шахову грамоту, а пишетъ де къ нему шахъ: которой торговой человѣкъ жилъ у большого посла, и шахъ де велѣлъ его взяти и за пристава дати для того, что онъ продалъ дорогіе соболи дешевою цѣною, а шаху тѣхъ дорогихъ соболей не объявилъ. И язъ де колентарю говорилъ и то ему сказывалъ, что тотъ не торговой человѣкъ, а жилъ онъ у посла, у князя Михайла. И колентаръ мнѣ говорилъ: казбинскіе де торговые люди многіе его знаютъ, что онъ сидѣлъ на корванъ сарай въ лавкѣ, продавалъ соболи, язъ де того не вѣдаю: князь Михайловъ-ль онъ соболи продавалъ, или свои, а иныхъ де кромѣ его торговыхъ людей у пословъ нѣтъ, и вамъ бы де затѣмъ не мѣшкать, ѣхати впередъ, а ево де шахъ велить за

вами вскорѣ отпустить. Колентарь де и язъ къ шаху писали, что тотъ человекъ не торговой, жилъ у посла у князя Михайла, сынъ боярской, а продавалъ онъ князь Михайловы соболи, а не свои. И Иванъ и Михайло противъ того Булатъ беку говорили: въ томъ воленъ Богъ да шахово величество, тѣмъ насъ велѣлъ обчестить, что у насъ велѣлъ человекъа взяти и за пристава отдати, а прежь сего царского величества надъ послы и надъ посланники такова бесчестья не бывало, что надъ нами учинилось, и намъ изъ Казбина не ѣзживать, а только намъ ѣхати, а того сына боярского у колентаря оставить, а безъ насъ колентарь того сына боярского по невои́ обусурманить, и намъ отъ царского величества быть въ опалѣ.

И Булатъ бекъ посломъ говорилъ: и не мните де себѣ того, что колентарю того сына боярского обусурманить, на мнѣ де вамъ то, что однолично шахъ того сына боярского тотчасъ велить отпустить, котораго часу моя грамота къ шаху придетъ, и онъ де васъ однолично въ Шемахѣ дождетъ, а вамъ бы де въ Казбинѣ долго за тѣмъ не жить, ѣхать, не мѣшкая, потому что зимней путь ближесть. А тотъ де сынъ боярской однолично за вами будетъ. А только де заупрямитесь, а изъ Казбина не поѣдете, и вамъ де въ Казбинѣ зимовать. А корму де вамъ шахъ не велить давать за ваше упрямство. Да говоря, Булатъ бекъ поѣхалъ отъ пословъ въ деревню свою, а посломъ говорилъ, чтобъ де вамъ однолично сбиратися и ѣхать, затѣмъ не мѣшкать

И послы въ Казбинѣ жили десять день, а корму не давали, и пришли къ посломъ толмачи и кречетники, и стрѣлцы и учили Ивану и Михайлу говорить: что де мы живемъ за однимъ человекомъ, а мы всѣ голодомъ помираемъ, что де у насъ было своего рухледишка, и то де проѣдена, а нынеча де намъ корму не даютъ, а у насъ ни у кого ничего нѣтъ, и купить нечѣмъ. Шаховъ де посолъ Булатъ бекъ идетъ къ царскому величеству съ вами вмѣстѣ, а говоритъ вамъ: на себя то переимаетъ, что однолично того сына боярского шахъ за вами тотчасъ велить отпустить. А вамъ де для чего въ Казбинѣ жити? чтобъ де вамъ ѣхать, а насъ зъ голоду не поморите. А хотя де что шахъ и учинить надъ сыномъ боярскимъ, и у царского величества шаховъ посолъ будетъ и купчины, и царское де величество за то не учнетъ молчать шахову послу и купчинамъ.

И Иванъ и Михайло къ колентарю посылали переводчика и толмачей многожда и Булатъ беку говорили, чтобъ колентарь того сына боярского Дмитрея Хомякова отпустилъ, и колентарь отказывалъ, что никакъ безъ шахова указу отпустить его не мочно, а Булатъ бекъ,

пріѣзжая къ посломъ, говоритъ тожь, что колентарю нивакъ безъ шахова указу сына боярскаго отпустить не мочно. А вамъ бы де однолично ѣхать, не мѣшкая. А язъ де вамъ говорилъ и нынѣча то жъ говорю: кой часъ мою грамоту до шаха донесутъ, тотчасъ шахъ велитъ того сына боярскаго отпустить, то де вамъ на себя переимаю, велите де подводы имать и чтобъ ѣхать, не мѣшкая.

И Иванъ и Михайло стояли о томъ много и межъ себя поговорили, послали къ Булатъ беку, чтобъ прислали къ нимъ подводы.

И сентября въ „ “ день пріѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ, а за нимъ привели подводы, и учалъ посломъ говорить: собрали де подъ васъ и прислали къ вамъ семдесятъ пять лошадей да подъ рухледь сорокъ четыре верблюды, и вамъ бы де велѣти лошади и верблюды взяти и роздати кому сколько надобно.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку учили, говорить: вѣдаешь ты и самъ, что у насъ сто шестнатцать человѣкъ, а привелъ ты къ намъ семдесятъ пять лошадей, и намъ на нихъ не поднятися, и тебѣ бѣ съ колентаремъ поговорить, а подвездъ намъ прибавить.

И Булатъ бекъ посломъ сказалъ: вѣдаете и вы сами, что у шаха подводы наймуютъ дорого, и вамъ бы де людей своихъ молодыхъ посажати по верблюдомъ, а больши де вамъ того лошадей не будетъ. Да сказалъ Булатъ бекъ посломъ: язъ де ѣду въ деревню свою, а съ вами де для корму оставляю человѣка своего, а деревня де моя по дорогѣ куды вамъ ѣхать, и язъ де васъ на дорогѣ съѣду. Да поѣхалъ Булатъ бекъ отъ пословъ къ себѣ въ помѣстье.

И Иванъ и Михайло послали къ колентарю толмачей, а велѣли говорить: вы сами видѣли всѣхъ посолскихъ людей и перечитали сто шестнатцать человѣкъ, а прислали подвездъ семдесятъ пять лошадей, и намъ на тѣхъ лошедахъ не поднятися, и вамъ бы лошедей прибавить, чтобъ на чомъ было намъ поднятися.

И толмачи пришли къ посломъ, а сказали: мы де вашъ приказъ колентарю выговорили, и колентаръ де намъ сказалъ: собрали де подъ пословъ девяносто лошадей, и я де всѣ тѣ лошади хотѣлъ послати къ посломъ, и Булатъ бекъ де изъ тѣхъ лошадей выбралъ себѣ пятнатцать лошадей лутчихъ, а къ посломъ де повелъ съ собою семдесятъ пять лошадей, а сказалъ де мнѣ, что посломъ мочно поднятися и на тѣхъ лошедахъ, да и самъ де поѣхалъ въ деревню, и мнѣ больши того за Булатъ бековымъ словомъ ни одной лошади прибавить не мочно, и посломъ де бы ѣхать на тѣхъ лошедахъ, что къ нимъ отвелъ Булатъ бекъ.

Да того жъ дни колентарь прислалъ къ посломъ кормъ: четыре бараны, двѣнадцатъ куровъ, три батмана масла, четыре батмана пшена, дватцатъ батмановъ лепешекъ.

И Иванъ и Михайло послали къ колентарю толмача Ивана Сергѣева, а велѣли ему говорить, что того корму мало, и взяти намъ того нечего, чтобъ корму прибавили.

И того жъ часу толмачъ пришолъ отъ колентаря и сказалъ Ивану и Михайлу, что онъ у колентаря былъ и по вашему приказу колентарю о корму говорилъ. И колентарь де сказалъ: привезъ де ко мнѣ Булатъ бекъ шаховъ указъ, а велѣно де давать посломъ корму по пяти барановъ на день, да по пяти батмановъ масла, да по осми батмановъ пшена, по тритцати батмановъ хлѣба, по дватцати куровъ, по двѣнадцати батмановъ шарапу, и укусу, и чесноку, и луку. И изъ де по шахову указу велѣлъ кормъ весь собрать и къ посломъ отослати, и изъ того де изъ посольского корму Булатъ бекъ себѣ велѣлъ имати по барану, а масла и пшена, и хлѣбовъ, и куровъ и всякого корму велѣлъ имати къ себѣ половину, а шарапу де велѣлъ къ себѣ жъ имати.

И послы, изготовясь и купя запасъ на дорогу, потому что корму даютъ мало, и пошли изъ Казбина сентября въ 16 день въ Родевилю, а ѣхали мимо шаховыхъ городовъ Валгата да Салтанею, да Зенчу, а изъ Зенчи въ Родевилю.

А въ дорогѣ посломъ Булатъ бекъ кормъ давалъ по тому, что въ Казбинѣ давано скудно, и себѣ изъ того корму ималъ половину.

И пришли въ Родевилю октября въ 1-мъ числѣ, а изъ Родевиля ханъ и колентарь отпустили Ивана и Михайла въ Шемаху октября въ 8-мъ числѣ, и не доѣзжая Шемахи, съ послѣднего стану изъ арменскіе деревни послалъ Булатъ бекъ въ Шемаху къ Исупъ хану человѣка своего Тушманка, а велѣлъ Исупъ хану про Ивана и про Михайла, и про себя сказать.

И человѣкъ Булатъ бековъ Тушманко изъ Шемахи отъ Исупъ хана пріѣхалъ и сказалъ, что Исупъ ханъ вѣлѣлъ посломъ и Булатъ беку итти въ Шемаху, а встрѣча де посломъ будетъ за городомъ. И Иванъ и Михайло и Булатъ бекъ пошли къ городу къ Шемахѣ, и не доѣзжая Шемахи верстъ за пять, встрѣтили Ивана и Михайла приставъ Поло(тъ) ханъ, а съ нимъ бековъ пять человѣкъ, и посломъ отъ Исупъ хана правили челобитье и спрашивали Ивана и Михайла о здоровьѣ, а говорилъ: Исупъ де ханъ велѣлъ вамъ говорить, чтобъ де вы ѣхали потише, потому что будетъ вамъ изъ Шемахи встрѣча, а мнѣ де Исупъ ханъ велѣлъ у васъ быть въ приставехъ.

И Иванъ и Михайло Полотъ хану говорили: мы на Исупъ хановъ любви челомъ бьемъ. Да ссѣдчи съ лошадей, перемѣнили платье, а перемѣня платье, поѣхали въ Шемаху. И не доѣзжая до Шемахи версты за двѣ, прислалъ изъ Шемахи Исупъ ханъ къ приставу Полотъ хану Али бека и велѣлъ съ послы итить въ городъ, а встрѣча де имъ готова. И не доѣзжая Шемахи за полверсты, встрѣтили Ивана и Михайла шемахинской колентарь Баатырь да везирь Усеинъ бекъ, а съ ними капычѣйскіе аги и беки человекъ зъ двѣсти. И съѣхався съ Иваномъ и съ Михайломъ на лошедахъ, учали говорить: Исупъ де ханъ велѣлъ васъ встрѣтить и о здоровѣ спросить: здорово ль дорогою ѣхали? и дворы де вамъ въ городъ готовы, гдѣ вамъ стояти.

И Иванъ и Михайло противъ того колентарю и везирю говорили: мы на шаховъ любви челомъ бьемъ. Да поѣхали колентарь и везирь съ послы въ городъ вмѣстѣ и посадомъ ѣхали, и провожали пословъ до дворовъ.

И того жъ дни приставъ Полотъ ханъ привезъ къ посломъ отъ хана кормъ, то жъ, что дано въ Казбинѣ и въ дорогѣ давано.

И послы приставу Полотъ хану учали говорить: вѣдаешь ты самъ, какъ мы были прежь сего въ Шемахѣ, и намъ корму отъ хана приваживали болши того, а въ дорогѣ намъ корму давано скудно, а нынѣ намъ того корму мало жъ.

И приставъ Полотъ ханъ посломъ говорилъ: приказалъ де къ вамъ ханъ, чтобъ де вамъ велѣти кормъ имати по тому жъ, что вамъ давано въ Казбинѣ и въ дорогѣ, а мимо де Булатъ бекова слова хану корму вамъ прибавить не умѣть. А Булатъ бекъ де былъ у хана и хану говорилъ, чтобъ болши того корму вамъ не прибавливалъ, по чему давано въ дорогѣ. А приказалъ де къ вамъ ханъ сверхъ того корму: язъ буду вамъ бить челомъ своимъ, что у него есть.

И Иванъ и Михайло велѣли кормъ взяти.

И октября въ 23 день пріѣхали къ Ивану и къ Михайлу Булатъ бекъ да везирь Усеинъ бекъ, да приставъ Полотъ ханъ и учали посломъ говорить: велѣлъ де вамъ бить челомъ Исупъ ханъ, чтобъ вамъ севодни у него хлѣба ѣсть, и вамъ бы де пожаловать, севодни у хана быть, а хану де добръ съ вами хочетца видѣть, а какъ де будетъ время, и мы де по васъ будемъ съ лошедьми.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку и Усеинъ беку и Полотъ хану сказали: на Исупъ хановъ любви челомъ бьемъ, а къ Исупъ хану мы ѣдемъ.

Да Иванъ же и Михайло Булатъ беку говорили: взялъ у насъ

въ Казбинѣ колентарь сына боярскаго Дмитрея Хомякова, а ты намъ говорилъ, что колентарь того сына боярскаго отпустить за нами вскорѣ, и по ся мѣста тотъ сынъ боярскаго въ намъ не бывалъ.

И Булатъ бекъ сказалъ посломъ: вы де о томъ не кручиньтесь, а однолично того сына боярскаго за вами вскорѣ отпустить и будетъ къ вамъ не вдолгѣ. Да поѣхали везирь и Булатъ бекъ отъ пословъ къ хану.

И того жъ дни за часъ до вечера прѣхалъ къ Ивану и къ Михайлу Булатъ бекъ да везирь, да приставъ Полотъ ханъ и говорили: прислалъ де къ вамъ Исупъ ханъ лошади и велѣлъ васъ авать, чтобъ вамъ ѣхать къ нему.

И Иванъ и Михайло къ Булатъ бекомъ да съ везиремъ и съ приставомъ Полотъ ханомъ поѣхали къ Исупъ хану, и у Исупъ хана были и у него ужинали, и Исупъ ханъ подчивали. И говорилъ Исупъ ханъ Ивану и Михайлу, стоячи: городъ де государя нашего шахъ Аббасова величества Шемаха великого государя вашего жъ землею смежно, и мы де холоди опчіе ихъ, великихъ государей, и сколько де я хочу добра великому государю своему, столько жъ де хочу добра великому государю вашему царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи, а межъ бы де великихъ государей нашихъ братственная дружба и любовь во вѣки не нарушалась, но и паче прибавливалась, и на томъ де пью за здоровье великого государя вашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, чтобъ онъ, великій государь, былъ на своихъ преславныхъ великихъ государствахъ во многолѣтномъ здравьѣ, и смуты де межъ ими, великими государями, учинить не хочу, а кто де межъ ими, великими государями, смуту учинить, и тому де отъ Бога не пробудеть и чтобъ де ему и въ адѣ мѣста не было.

И Иванъ и Михайло Исупъ хану говорили: отъ великого государя нашего его царскаго величества у Аббасъ шахова величества врезъ насъ были его посланники, и Аббасъ шахово величество для великого государя нашего его царскаго величества братственные дружбы и любви тѣхъ посланниковъ жаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ и честь имъ была, и въ кормлѣхъ достатки, и во всемъ было къ нимъ береженье. А мы отъ великого государя своего, отъ его царскаго величества, къ Аббасъ шахову величеству присланы для братственные дружбы и любви и для ихъ государскихъ и земскихъ великихъ дѣлъ, чтобъ ни паче была ихъ государская братственная дружба и любовь. И Аббасъ шахово величество по смутѣ враговъ и ненавистниковъ, которые, не хотя видѣть великихъ государей нашихъ въ братственной

дружбѣ и любви и повѣря имъ, врагомъ, къ великому государю нашему его царскому величеству показавъ нелюбве, а къ намъ немилость многая, безчестье и позоръ велѣлъ надъ нами учинить и въ кормлѣхъ великую скудость и недостатокъ, и людей отъ насъ подговорили, и тѣ люди наши не сысканы, а послѣднее въ Казбинѣ колентарь велѣлъ у насъ поимать сына боярского и отдать за пристава, и велѣлъ его оковать и его оставилъ. А указываютъ на него вину, чего и не бывало, затѣвъ своимъ бездѣльемъ. Великого государя нашего его царского величества во многихъ государствахъ бываютъ послы и посланники, и во всѣхъ государствахъ великого государя нашего его царского величества пословъ и посланниковъ великіе государи для великого государя нашего его царского величества честь имъ воздаютъ, и береженье къ нимъ бываетъ великое, а намъ у Аббасъ шахова величества въ его государствѣ многое безчестье и поворъ и тѣснота была, что наicoli ни надъ кѣмъ того не бывало.

И Исупъ ханъ посломъ говорилъ: язь де вѣдаю прямо такъ, какъ вы говорите. Аббасъ шахово величество, повѣря вражьей смутѣ, къ вамъ показавъ свою немилость. Только де впередъ великіе государи наши будутъ по прежнему въ братственной дружбѣ и въ любви, а которой де врагъ межъ нихъ великихъ государей смуту учинилъ, и тотъ де врагъ за свои неправды вскорѣ пропадетъ. А котораго де человѣка у васъ колентарь оставилъ, и того де человѣка за вами вскорѣ къ вамъ отпустить; язь де про то вѣдаю.

А Булатъ бекъ въ тоѣ пору говорилъ: я де шахову величеству никакихъ смутныхъ рѣчей не говаривалъ, а что де видѣлъ и слышалъ, и я де про то про все шаху сказывалъ.

И Исупъ ханъ говорилъ: хто де ненавистникъ промежъ великихъ государей смуту учинилъ, и про то де вскорѣ смщется, и тому де ненавистнику отъ шахова величества не пробудеть.

Да Исупъ же ханъ учалъ говорить посломъ: великого де государя вашего торговые люди пріѣзжаютъ въ государя нашего въ шахъ Аббасову область, а напередъ де пріѣзжаютъ въ Шемаху и иные де вѣдять по городомъ, а иные въ Шемахѣ торгуютъ, и язь де, Богъ видитъ, берегу великого государя вашего торговыхъ людей также, какъ и нахо-выхъ людей; мнѣ де всѣ ровны, какъ шахъ Аббасовы люди, такъ и великого государя вашего люди: ко всѣмъ де ровно береженье держу и приказываю всякимъ людямъ накрепко, чтобъ отнюдь никто ничѣмъ великого государя вашего торговыхъ людей не обидели; а самъ де къ нимъ по тому жъ честь и береженье держу. Непусти де меня

Богъ, будетъ похочю чѣмъ которого торгового человѣка избидить. Да вы де спрашивайте великого государя своего торговыхъ людей, которые въ Шемахѣ торгуютъ и которые мимо Шемахи ѣздили, кто чѣмъ въ Шемахѣ избиденъ?

И Иванъ и Михайло Исупъ хану говорили: слышели мы у торговыхъ людей, которые зимовали въ Шемахѣ, торговали, и которые мимо Шемахи ѣздили по городомъ, торговали, и они намъ сказывали про твое береженье, а обидъ никакихъ не сказывали, твоею добродѣтелью хвалятца. А какъ, дастъ Богъ, увидимъ великого государя своего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества пресвѣтлые очи, и мы про твое береженье до царского величества людей донесемъ.

И Исупъ ханъ посломъ говорилъ: явъ де вамъ и говорю, чтобъ де вамъ до великого государя своего его царского величества моя работа донести и его государевымъ ближнимъ людямъ розсказать.

И сидѣли послы у хана часовъ съ пять и поѣхали отъ хана, а до двора провожали пословъ Булатъ бекъ да приставъ Полотъ ханъ, да хановы люди съ свѣчами.

И октября въ 26 день Иванъ и Михайло отпустили изъ Шемахи ко государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи съ отписками толмача Гаврила Есипова, а съ нимъ послали до Терка проводить астараканскихъ стрѣльцовъ десять человѣкъ, а Исупъ ханъ подъ толмача и подъ стрѣльцовъ далъ подводы и провожатыхъ до Дербени и до Тарковъ.

И ноября въ 2 день Исупъ ханъ прислалъ къ посломъ подводы и верблюды, и Иванъ и Михайло велѣли подводы и верблюды взять и роздати.

А жили послы въ Шемахѣ ноября по 3 день, а были у хана трожды, ѣли, а ханъ радъ добрѣ посольскому приѣзду и подчивалъ гораздо.

И того жъ дни приѣхалъ къ посломъ Булатъ бекъ да приставъ Полотъ ханъ, да привезъ къ посломъ дары, а говорилъ Булатъ бекъ: Исупъ де ханъ для вашей любви прислалъ къ вамъ дары. Да къ Ивану поднесъ камку кызылбашскую по серебряной землѣ, да двѣ кутни, да дороги. А къ Михайлу поднесъ камку червчату кызылбашскую да дороги, да вутню. Да переводчику Милютѣ дороги, да киндякъ. Да толмачю Ивану Сергѣеву дороги.

Да Булатъ бекъ же говорилъ посломъ: чтобъ де вамъ подождати немного, а будетъ де къ вамъ ханъ и провожати де ему васъ за городъ.

И немножко погодя, пріѣхалъ къ посломъ Исупъ ханъ, а съ нимъ пріѣхалъ сынъ его да многіе съ нимъ пріѣхали за ними капычѣйскіе аги и беки, и послы его встрѣтили по обычю передъ полатою и пошли съ нимъ въ полату. И учалъ Исупъ ханъ посломъ говорить: язь де пріѣхалъ къ вамъ и съ сыномъ своимъ съ вами проститися и на вашей любви вамъ быть челомъ и васъ проводить.

И Иванъ и Михайло противъ того Исупъ хану говорили: ми тебѣ на твоей любви челомъ бьемъ, что ты къ намъ прислалъ зъ дарами и самъ къ намъ пріѣхалъ.

И учали послы хана и сына его подчивать, и сидѣлъ ханъ у пословъ съ часъ, и Иванъ хана дарилъ, поднесъ къ нему пищаль да кубокъ серебрянъ, да еонарь слюденной о пяти верхахъ, и Исупъ ханъ, принявъ Ивановы дары, говорилъ: язь де на вашей любви челомъ бью, что де учинили любительнымъ обычаемъ.

И Иванъ и Михайло поѣхали изъ города, а Исупъ ханъ поѣхалъ провожать, а съ нимъ человекъ зъ двѣсти, и провожалъ отъ города съ версту и, простясь съ послами, поѣхалъ къ себѣ, а послы пошли въ городъ въ Шевранъ. А Булатъ бекъ поѣхалъ съ послами вмѣстѣ. И шли горами три дни, а ноября въ 7-мъ числѣ пришли въ городокъ въ Шевранъ, а изъ Шеврани пошли въ Дербень и, не доѣзжая Дербени за полторы версты, встрѣтилъ Ивана и Михайла дербенской юзбаша, а съ нимъ бековъ человекъ со сто, да пѣшихъ людей человекъ съ пятьдесятъ. И ѣхали съ Иваномъ и съ Михайломъ беки до двора, а пришли въ Дербень ноября въ 10-мъ числѣ. А изъ Дербени Байгурда салтанъ отпустилъ Ивана и Михаила ноября въ 12-мъ числѣ. И провожалъ версты съ три салтанъ самъ, а съ нимъ бековъ человекъ съ триста. И ѣхали Иванъ и Михайло изъ Дербени шаховою землею черезъ Каракамелы до Уцмы князя кайдатцкого, а изъ Каракамеловъ ѣхали на Буйнаки, а съ Буйнаковъ пришли ноября въ 15-мъ числѣ, и не доѣзжая Тарковъ съ версту, встрѣтилъ пословъ Илдаръ князь кумитцкой, и съѣхався Илдаръ съ послами на лошадахъ, и поѣхалъ съ послами въ Тарки и провожалъ пословъ до дворовъ, а проводя пословъ, поѣхалъ къ себѣ въ городокъ.

И ноября въ 16-мъ числѣ Иванъ и Михайло послали къ Илдару толмача Ивана Есипова, а велѣли Илдару говорить, чтобъ Илдаръ поѣхалъ къ посломъ и съ ними видѣлся.

И того жъ часу Илдаръ князь къ Ивану и къ Михайлу пріѣхалъ, и Иванъ и Михайло учели Илдару говорить: послана съ нами великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича

всѣа Русіи его царского величества грамота брату твоему, Гирѣю, князю кумьтцкому въ то время, какъ мы отъ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи отъ его царского величества къ шахъ Аббасову величеству отпущены вмѣстѣ съ шахъ Аббасовыми послы, съ Кая салтаномъ да зъ Булатъ бекомъ. И шаховы послы похотѣли итти моремъ, и въ то время мы до шаховы земли шли моремъ, а брата твоего Бекъ Гирѣя князя не стало, а на его мѣсто учинился ты, Айдаръ князь, а насъ къ великому государю нашему ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи къ его царскому величеству шахъ Аббасъ отпустилъ сухимъ путемъ, и по ся мѣста намъ были подводы шаховы, и тѣ подводы у насъ Булатъ бекъ емлетъ. И тебѣ бѣ, Айдаръ князь, великому государю нашему царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи служба своя показати, а насъ въ Тарнахъ не задержати, подводы намъ и кормъ дати. Да отдали Айдару великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи грамоту, что послана была къ брату его, Гирѣю, князю кумьтцкому. Айдаръ, принявъ государеву грамоту, поцѣловавъ, положилъ на голову и сѣлъ на колѣнкахъ. И вставъ, учалъ говорить: топерво де со мною такова человекъа нѣтъ, кому великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества грамота вычестъ, а какъ де я великого государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи его царского величества грамоту выслушаю, и я де къ вамъ прїѣду завтра и о вашемъ отпускѣ и о подводахъ съ вами переговорю. И послы Айдара подчивали, и поѣхалъ отъ пословъ Айдаръ пьянъ, а про кормъ приказалъ узденю своему Куршиту, а велѣлъ кормъ давать тѣмъ людямъ, у которыхъ послы стояли. А переводчика и толмачей, и кречетниковъ, и подъячихъ, и стрѣльцовъ, и посолскихъ людей развели по дворомъ, да велѣли кормить. Да отъ себя Айдаръ прислалъ Ивану и Михайлу по барану, да козель.

Да крымской Шанъ Гирѣй царевичъ прислалъ съ Коробудакомъ къ Ивану и къ Михайлу два барана да козель, да дватцать батмановъ жита.

И Иванъ и Михайло корму у Айдара имати не велѣли, потому что почели давать мало, а лепешки просяные, а дурны добрѣ, а кормили всякихъ людей своимъ запасомъ, чтолучилось.

Да того жъ дни Иванъ да Михайло послали къ Айдару поминни. Иванъ послалъ однорядеу — мясной цвѣтъ, завязки полеъ зъ золотомъ, круживо золотное, а Михайло послалъ каетанъ—камка шолкъ червчатъ да лазоревъ.

И ноября въ 17 день къ Ивану и къ Михайлу Илдаръ князь прѣѣхалъ, и Иванъ и Михайло учели Илдару говорить: дали мы тебѣ великого государя нашего царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи его царского величества грамоту, и ты тоѣ государеву грамоту вычелъ ли? и будетъ вычелъ, и ты насъ не держи, подводы подъ насъ вели собрать и насъ къ великому государю нашему отпущай, чтобъ намъ за подводами не замотчатъ; а и корму ты намъ велѣлъ давать скудно, и сытимъ тѣмъ кормомъ быть не чѣмъ.

И Илдаръ сказалъ: великого де государя царя и великого князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи его царского величества грамоту я вычелъ и съ своими узденями о вашемъ отпускѣ и о подводахъ говорилъ, и язъ де вамъ сказываю по шаховѣ головѣ, а по русски молвить: по государеву крестному цѣлованью, уздени мои мнѣ отказали: подводъ де у насъ подъ пословъ нѣтъ, и напередъ де сего которые великого государя гонцы и посланники хаживали на Терку, и имъ де подводъ въ Таркахъ не даывали, а наймовали де они подводы въ Таркахъ сами, а послы де на Терку и не хаживали. А нынѣ де на Тарки дорогу прокладываютъ вновѣ, и вы де сами у узденей подводъ просите или наймуйте, а топерво де со мною лутчихъ узденей есть человекъ зъ десять, и вы де имъ о подводахъ говорите, а корму де мнѣ больши того давать нечего, взять негдѣ, что де у насъ есть, тѣмъ васъ и подчиваемъ, а подводъ де силою у узденей взять не мочно. Да велѣлъ кликнуть къ себѣ узденей своихъ.

И Иванъ и Михайло учели говорить Илдару и Илдаровымъ узденямъ, чтобъ Илдаръ и ево уздени великому государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи его царскому величеству службу свою показали, подводы бѣ подъ насъ и подо всякихъ государевыхъ людей, которые нынѣ съ нами, и подъ нашихъ людей дали, и насъ бы изъ Тарковъ отпустили на Теркъ, не издержавъ. И уздени сказали: напередъ де сего на Тарки послы не хаживали, а которые гонцы и посланники на Тарки ѣзживали, и мы де имъ подводъ не даывали, а вамъ де у насъ подводъ нѣтъ же. И вы де собѣ подводы наймуйте, а наймутца де у васъ до Аксайского култука, а отъ Тарковъ де Оксайской култувъ семдесятъ верстѣ. А Илдаръ учелъ Ивану и Михайлу говорить: я де вамъ челомъ бью: трое лошадей да пять телѣгъ зъ быками, Ивану двѣ подводы да три телѣги, а Михайлу лошедь да телѣга, а больши де того у меня лошадей нѣтъ и взяти мнѣ негдѣ.

И Иванъ и Михайло велѣлъ лошеди наймовать, и Илдаръ своимъ узденямъ велѣлъ найму имать отъ верховые лошеди до Аксайского култука

на семдесятъ верстѣ по два киндяка, а отъ телѣги зъ быками по четыре киндяка, а меньши того имать не велѣлъ.

И Иванъ и Михайло наняли подъ себя и подъ людей свои лошади, а подъ рухледь телѣги зъ быками, а давали найму отъ Тарковъ до Аксайского култука на семдесятъ верстѣ отъ верховые лошади по два киндяка, а отъ телѣги по четыре киндяка. А переводчикъ и толмачи, и вретчики, и подъячїе, и стрѣльцы по тому жъ наймовали лошади и телѣги, а шахову послу Булатъ бекъ Илдаръ князь давалъ лошади и телѣги зъ быками, а инья лошади и телѣги Булатъ бекъ наймовалъ по тому жъ.

И какъ нанесли лошади и телѣги, и послы пошли изъ Тарковъ ноября въ 19 день, а Булатъ бекъ съ носли жъ поѣхалъ изъ Тарковъ вмѣстѣ, а Илдаръ прислалъ къ посломъ узденя своего Куршита. А говорилъ посломъ Куршитъ: прислалъ де къ вамъ Илдаръ князь, а велѣлъ вамъ говорить, чтобъ де вамъ не покручинитца, не будетъ провожать, велѣлъ де ему на лошедь сѣсть: вчерась де у Булатъ бека пилъ и ѣхалъ отъ него пьянъ, да убили съ лошади и рѣшибъ де ногу. А посылаетъ де съ вами провожать васъ до Аксайского култука и до Терка сына своего Амеръ хана, а съ нимъ узденей.

И какъ послы изъ Тарковъ (пошли), и ночевали отъ Тарковъ верстѣ зъ десять. А въ ночи прїѣхалъ къ посломъ Илдаровъ сынъ Амиръ ханъ, да съ нимъ узденей десять человекъ и провожали пословъ до култука.

А въ култукъ пришли послы ноября въ 25-мъ числѣ.

И того жъ дни къ Ивану и къ Михайлу въ култукъ прислалъ съ Терка воевода Микита Вельяминовъ сотника Ивана Михайлова степью, а съ нимъ, сотникомъ, семдесятъ человекъ стрѣльцовъ, а сказалъ Ивану и Михайлу: что де вы послали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русїи съ отписками толмача Гаврила Есипова, и Микита де Вильяминовъ толмача Гаврила Есипова ко государю съ отписками не отпустилъ, потому что морской ходъ миновался. А подъ васъ де послалъ струги въ култукъ, а въ стругѣхъ де будетъ къ вамъ сотникъ стрѣлетцкой Родивонъ Горбатой. А струги де подъ васъ послалъ для того, что на Теркѣ подводъ столько нѣтъ, поднять васъ и кызылбашского посла не на чомъ, а култукомъ де въ стругѣ проѣхать мочно.

И ноября въ 26-мъ числѣ пришлоъ сотникъ Родивонъ Матвѣевъ сынъ Горбатого и сказалъ Ивану и Михайлу: прислалъ де меня къ вамъ съ Терка воевода Микита Вельяминовъ, а со мною де прислалъ

подъ васъ и подъ князь Михайлово тѣло и подъ Булатъ бека и подъ кречетниковъ и подъ толмачей четыре струга.

И того жъ дни Иванъ и Михайло велѣли рухледь свою и Булатъ бекову въ струги возить, и сами и Булатъ бекъ въ струги сѣли и пошли на Терекъ, а пришли на Терекъ ноября въ 29-мъ числѣ.

А съ Терка въ Астараханъ ѣхать было не мочно, потому что море замерзло и судовой ходъ поминовался.

И Иванъ и Михайло и кизылбашской посоль съ ними зимовали на Теркѣ.

Да къ Ивану жъ и къ Михайлу на Теркѣ прислалъ Булатъ бекъ челоуѣка своего Тушманка, а говорилъ Тушманка Ивану и Михайлу: Булатъ бекъ де велѣлъ вамъ говорить, что остались люди ево въ Шемахѣ, а дожидатца де людемъ ево отъ шахова величества къ великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи послыки, и мнѣ де, не дождався людей, ѣхать съ Терка не мочно. А какъ де люди ево изъ Шемахи съ шаховою посылкою на Терекъ прїѣдутъ, и онъ де тотчасъ въ Астараханъ ѣхать готовъ.

И Иванъ и Михайло Булатъ беку приказали, что имъ зимовать на Теркѣ, потому что моремъ судовой ходъ поминовался.

Феврала въ 17 день сынъ боярской Дмитрей Хомяковъ, которого въ Казбинѣ оставилъ колентарь, прїѣхалъ къ посломъ на Терекъ съ рускими торговыми людьми, которые были въ Шемахѣ торговали, да съ тезпекъ съ торговыми жъ людьми.

А сказывалъ Ивану и Михайлу: какъ де ево поймали въ Казбинѣ приставы и привели къ колентарю на дворъ да посадили ево въ полаткѣ, и пришли де кизылбашеня, а говорили ему: колентарь де велѣлъ тебя спросить, скажи: сколько вьюковъ твоего живота у пословъ, не утай, а толко де не скажешь, и тебѣ де быть пытану.

И онъ де, Дмитрей, отказалъ, что жилъ онъ у посла, у князя Михаила Воротинского, за челоуѣка мѣсто, а не торговой онъ челоуѣкъ и животовъ у него нѣтъ ни на одинъ алтынъ. А что было у князя Михаила продажныхъ соболей, и онъ де по князь Михайлову велѣнью тѣ соболи продавалъ. И тѣ де кизылбашеня ему грозили розными пытками, а спрашивали животовъ ево. Да они жъ де кизылбашеня, ему говорили: колентарю де сказывали, что у пословъ твоихъ животовъ пять вьюковъ, и колентарь де говорить: какъ послы побѣдутъ изъ Казбина, и онъ де у нихъ хочеть отнять пять вьюковъ чьихъ нибудь, чтобъ они отдали твои животы.

И азъ де, Дмитрей, имъ говорилъ: колентарь что хочеть, то и

говорить, а у меня животных моих нѣтъ ни на одинъ алтынъ, потому что я сынъ боярской, а не торговой человѣкъ, а жилъ у посла у князя Михаила Петровича за человѣка мѣсто. А что де вы говорите, колентарь хочетъ отнять у пословъ ихъ животныхъ пять въюковъ, и то де колентарю мочно учинить надъ послами что ихъ пограбить, а впередъ де то колентарю не пробудеть, что пословъ хочетъ грабить и безчестить.

Да того жъ дни отъ колентаря съ двора взялъ ево, Дмитрея, приставъ и отвелъ къ себѣ на дворъ и положилъ ему на шею чепъ, а на ноги желѣза, и сидѣлъ де у пристава скованъ двѣ недѣли. Да сослалъ де ево колентарь въ свою деревню отъ города пятнатцать верстъ и жилъ де онъ въ деревнѣ октября по 26 число, дѣлалъ беспрестани на корванъ сарай, по руски гостинъ дворъ, послалъ кирпичъ.

А октября въ 26 день прислалъ по него колентарь и велѣлъ его привести къ себѣ на дворъ, и колентарь де далъ проѣзжую грамоту до Шемахи, а велѣлъ ему ѣхать за послы, а написалъ де въ грамотѣ, велѣлъ ему давать подводу, да кормъ поденной въ городѣхъ и по деревнямъ, и ему де подводы ни корму нигдѣ не давали, ѣхалъ на своей лошади, а купилъ де ему лошадь Надѣинъ приказщикъ Светешникова Семейка и на дорогу на проѣсть денегъ далъ ему Семейка жъ. А какъ де привели ево къ колентарю изъ деревни, и колентарь де ему, давъ проѣзжую грамоту, да сказалъ ему: поѣдь де на Русь за послами, а на дорогѣ тебѣ никто ничего не учинить. А больши де того рѣчей съ нимъ никакихъ не розговаривалъ и ни о чемъ ево не роспрашивалъ.

И онъ де, Дмитрей, поѣхалъ изъ Казбнна въ Шемаху. А какъ де онъ пріѣхалъ въ Шемаху, и онъ де къ шемахинскому къ Исупъ хану ходилъ съ проѣзжею грамотою, и Исупъ де ханъ у него проѣзжую грамоту взялъ, а велѣлъ ему дати свою проѣзжую грамоту до государева города до Терка.

И онъ де, Дмитрей, жилъ въ Шемахѣ на гостинѣ дворѣ съ рускими людьми два мѣсяца, дожидался русскихъ торговыхъ людей, пріѣхалъ съ ними на Терекъ на своей же лошади. А въ Шемахѣ де ему подводы и корму не дано жъ.

И какъ Дмитрей Хомяковъ пріѣхалъ на Терекъ, и Булатъ бекъ прислалъ къ посломъ человѣка своего Тушманка. А говорилъ Тушманко посломъ: прислалъ де къ вамъ Булатъ бекъ, а велѣлъ вамъ говорить: говорилъ онъ вамъ въ Казбинѣ и въ Шемахѣ: которого человѣка у васъ взялъ колентарь, и тотъ человѣкъ однолично къ вамъ

будеть и вскорѣ ево за вами отпустить. И тотъ де человекъ, которой оставленъ въ Казбинѣ, къ вамъ пріѣхалъ, даль Богъ, здорово.

И Иванъ и Михайло къ Булатъ беку противъ того послали толмача, а велѣли ему говорить: присылай ты къ намъ сказывать про сына боярского, что тотъ сынъ боярской Дмитрей Хомиковъ изъ Казбина отпущенъ, а пріѣхалъ къ намъ на Терекъ, а сказывалъ, что колентарь ево держалъ двѣ недѣли скована въ чеши и въ желѣзахъ, а спрашивалъ у него животовъ и пытками ему грозилъ, да послѣ того сослалъ въ свою деревню, и онъ жилъ въ деревнѣ и у колентари пять недѣль дѣлалъ безпрестани, на корванъ сарай кирпичъ носилъ. И ми того не вѣдаемъ, за што колентарь того сына боярского у насъ ималъ и ево ковалъ, и въ деревнѣ своей велѣлъ ему работать?

И того жъ часу толмачъ пришелъ къ Ивану и къ Михайлу отъ Булатъ бека, а сказалъ Ивану и Михайлу: по вашему приказу Булатъ беку рѣчи ваши выговорилъ. И Булатъ бекъ де мнѣ отказалъ: язъ де того не вѣдаю, что ево ковали и въ деревне онъ на корванъ сарай работалъ, только де онъ самъ здорово къ вамъ пріѣхалъ.

Отвѣтъ пословъ на статьи наказа.

Въ государеве наказе написано: какъ князь Михайло съ товарищи пойдутъ къ шаху на посольство и учнутъ будетъ имъ приставы говорить, чтобъ имъ съ лошадей сойти не блиско шахова двора, или пришедъ къ шахову двору, велеть имъ кланятца въ воротехъ въ порогъ, или поклонились къ которой полате, и какъ послы были у шаха и сѣли съ лошадей, вѣхавъ на шаховъ дворъ противъ полаты, а что кланятца въ воротехъ въ порогъ и полате,—и про ту статью помину никакого не бывало.

Въ государеве жъ наказе написано: вѣчто на посольстве, или после посольства шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. къ шаху прислалъ малые поминки, а напередъ того бывали большіе поминки,—и того шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говорили, только шахъ принялъ поминки въ любовь.

Въ государеве жъ наказе написано: какъ шахъ Аббасово в. пословъ позоветъ къ себѣ ѣсти, и про ту статью ничего не бывало: шахъ пословъ къ себѣ не зывалъ, а какъ пріѣхали къ шаху в-Испоганъ въ Петровъ постъ, и тово жъ часу шахъ велѣлъ быти у себя.

И Иванъ и Михайло у шаха были, и что шахъ с-Иваномъ и съ Михайломъ говорилъ, и то писано выше сего.

Въ государеве наказе написано: какъ после посольства велить будетъ шахъ быть посломъ у себя на дворѣ и вышлетъ къ нимъ своихъ людей говорить о дѣлахъ, и учнутъ шаховы ближніе люди говорить, что говорили они на посольстве, чтобъ шахову в. зъ государемъ вашимъ быть въ братцкой дружбе, и шахово в. съ царскимъ в. въ братцкой дружбе и любви, и въ соединенье, и въ докончанье быть хочеть, только-бъ объявить, на которой мѣре тому статись,—и о той статье помину не бывало и самъ шахъ и шаховы ближніе люди о докончанье про братственную дружбу и любовь ничего не говорили, а во многихъ статьяхъ шахъ самъ то говорилъ: какъ де я былъ въ братственной дружбе и любви съ великимъ государемъ блаженные памяти съ царемъ Федоромъ Ивановичемъ в. Р. и после того съ царемъ Борисомъ, такъ де и ныне хочу свершить съ великимъ государемъ вашимъ его царского величества съ царемъ Михайломъ Федоровичемъ в. Р. братственную дружбу и любовь и до своего живота.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорить, чтобъ государевы послы князь Михайло съ товарищи объявили, на каковѣ мѣре царское величество съ шахъ Аббасовымъ в. хочеть быть въ братственной дружбе и въ любви, есть ли съ ними о томъ приказъ? а шахово в. хочеть съ царскимъ в. въ томъ на мѣре положить и укрепитьца вѣрою и грамотами, какъ имъ государемъ, впередъ межъ себя въ братцкой дружбе и любви быть навеки неподвижно и на недруговъ стояти заодно,—и про той статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говорили, и помину о томъ ничего не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди вспросать: нишегъ царское в. къ шаху о казнь на помощь противъ своего недруга и они, послы, о томъ говорятъ: какъ ныне государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. съ полскимъ королемъ—дасть ли ему, государю, Богъ помощь надъ его недругомъ?—и про ту статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говорили, и помину про то не бывало. А какъ были князь Михайло и Иванъ, и Михайло у шаха въ Казбине на посольстве, и шахъ про московское разоренье и про королевскую неправду говорилъ самъ. И князь Михайло и Иванъ, и діакъ Михайло шаху подлинно противъ наказу про московское разоренье и про королевскую неправду розказывали, и какъ

великому государю его ц. в. царю и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. Богъ помощь даетъ надъ недругомъ ево надъ польскимъ королемъ. И то все писано выше сего въ посольскихъ рѣчахъ.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ (или) шаховы ближніе люди молать, что имъ вѣдомо есть, что польской королевичъ въ государеву землю пришолъ и Дорогобужъ и Вязму взялъ, а Дорогобужъ и Вязма Москвы блиско, и государевымъ людямъ полскіе люди сильны, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали и помину про то не бывало; а сказывалъ приставъ Усеинъ бекъ князю Михайлу и Ивану, и дьяку Михайлу, что де ныне государя вашего землѣ дѣлаецца, и какъ шахъ Аббасова величества послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ у великого государя вашего были, и Булатъ бекъ де про всякіе мѣры провѣдывалъ, какъ у великого государя вашего ныне съ полскимъ и съ литовскимъ королемъ, и какъ пришолъ литовской королевичъ великого государя вашего землю и которые города поималъ, и сколь далеко ныне стоитъ отъ Москвы, и про то про все шахову в. розсказывалъ подлинно Булатъ бекъ въ Родевили, какъ пріѣхалъ изъ Шемахи напередъ васъ, и шаху про то подлинно вѣдомо, потому и у шахова величества вамъ чести нѣтъ и посылка, денежная казна, ноудачю будетъ ли, что шахъ ваше посольство положилъ ни во што.

Въ государеве наказе написано: будетъ учнуть у пословъ спрашивать, колко государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. на помочь казны на помочь надобно, и они бѣ объявили, а шахово в. за то брату своему не постоитъ, — и про тоѣ статью шахъ самъ и шаховы ближніе люди, сколько казны надобеть, ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнуть говорить, что шахъ царское величество деньгами ссудить, толко бѣ было чему вѣрить, и учнуть имъ говорить, чтобъ они въ томъ дали запись и крестъ на томъ целовали, что государю тѣ деньги заплатитъ, и учнуть приговаривать сроки или учнуть говорить, чтобъ въ томъ далъ государь въ закладъ Астараханъ, чтобъ они Астараханъ въ закладъ записали и крестнымъ целованьемъ утвердили, — и про тоѣ статью шахъ самъ говорилъ многожда, что онъ къ великому государю его царскому величеству, что у него есть, съ тѣмъ посылаетъ своего посла, а про укрепленье, чему вѣрить, и про закладъ про Астараханъ шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про укрепленье и про закладъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе

люди учнутъ говорить: какъ въ Астарахани былъ воръ Ивашко Зарутцкой съ Маринкою, и прислалъ воръ Ивашко Зарутцкой къ шахову величеству съ тѣмъ, будто онъ пришолъ въ Астараханъ въ государскимъ сыномъ, и шахову бѣ величеству за него вступитца и московского государства людемъ ево не подать, и шахово в. ему не повѣрилъ, помочи никакіе ему не учинилъ и тѣхъ послапниковъ, которые къ шахову в. присланы были отъ Ивашка Зарутцкого, Ивана Хохлова съ товарищи, къ государю отослалъ, и ныне бѣ царское в. за тоѣ его братцкую дружбу и любовь свою показалъ, поступилса Астарахани шахову в., а шахово в. и впередъ царскому в. противъ ево недруговъ своею казною помочь учинить и будетъ въ вѣрѣнкой дружбе и любви, а Астараханъ искони вѣвъ мусульманского закона и церкви въ ней были мусульманскіе вѣры, а взялъ Астараханъ царъ и в. кн. Иванъ Васильевичъ в. Р. не въ давнихъ лѣтахъ, и про тоѣ статью шахъ самъ говорилъ на посольстве, какъ воръ Зарутцкой съ Маринкою былъ въ Астарахани и прислалъ воръ Ивашка Зарутцкой къ его шахову в., будто онъ пришолъ въ Астараханъ въ государскимъ сыномъ, и шахово бѣ величество за него вступилса и Московского государства людемъ его не подавалъ, а давалъ ему шахову в. Астараханъ, и онъ шахово в. той воровской смуте не повѣрилъ, Астарахани не взялъ и пословъ вора Зарутцкого съ посланникомъ съ Михайломъ съ Тихановымъ къ великому государю къ его царскому величеству въ Москве послалъ Ивана Хохлова съ товарищи. А подлинно про тоѣ статью, что шахъ говорилъ, писано выше сего, какъ были послы у шахова в. на посольстве, а про то помину не бывало, шахъ и шаховы ближніе люди не говаривали, чтобъ великому государю его ц. в. шаху Астарахани поступитца.

Въ государеве наказе написано: нѣшто шаховы ближніе люди учнутъ спрашивать, чтобъ имъ князь Михайло съ товарищи сказали подлинно, какими обычей въ Російскихъ государствахъ смута сталася отъ полскихъ и литовскихъ людей и какая ровнь была, и какъ Російское государство Богъ отъ полскихъ и литовскихъ людей свободилъ, и какъ государъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. учинилса на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и про тоѣ статью шахъ самъ говорилъ, какъ въ Московскомъ государстве смута учинилася отъ полскихъ и литовскихъ людей, и какъ была рознь, и какъ Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей Богъ свободилъ, и какъ великій государъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. учинилса на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ, и то писано выше сего въ посолскихъ рѣчехъ.

Въ государеве наказе написано: будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорить о которомъ шахове послѣ или посланникѣ и о гонце, у которыхъ взяты будетъ животы или граблены въ Російскомъ государствѣ при ворѣ, которой стоялъ въ Тушинѣ, или въ безгосударное время, какъ полскіе и литовскіе люди сидели въ Москвѣ, чтобъ сыскавъ, у кого что взято, государь велѣлъ заплатить, — и шахъ самъ и ево ближніе люди о послѣхъ ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорить о цесаревыхъ посланникехъ, о Юзуеѣ да о Адаме Дорне, что они посланы отъ цесаря къ шахову величеству, царское величество для чего ихъ въ своемъ государствѣ велѣлъ задержать и къ шаху ихъ не отпустить? — и шахъ о цесаревыхъ посланникехъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или ево ближніе люди учнутъ спрашивать про Ивашка Зарутцого и про Маринку, гдѣ они ныне? и смута ихъ воровская ужли-ль поминовалась? — и про тоѣ статью шахъ самъ и шаховы ближніе люди про вора про Ивашка Зарутцого и про Маринку, гдѣ они ныне, и смута ихъ воровская ужли поминовалась, ничего не говаривали, и помину о томъ не было.

Въ государеве наказе написано: память посломъ, какъ будутъ съ шаховыми ближними людьми въ отвѣте и учнутъ говорить о государскихъ дѣлехъ, и будетъ учнутъ шаховы ближніе люди говорить о тѣхъ дѣлехъ, о которыхъ дѣлехъ шаховы послы ко государю писмо прислали и въ бояры въ отвѣте говорили, а отвѣту на тѣ дела у бояръ писменого не взяли, и въ грамоте отъ государя къ шаху о тѣхъ дѣлехъ не писано, потому что отъ шаха въ тѣхъ делехъ въ грамотехъ ко государю не писано и на посольствѣ передъ государемъ послы шаховы въ речи того не говорили, и про тоѣ статью въ отвѣте съ шаховыми ближними людьми послы не бывали и ничего не говаривали, а про какіе статьи шахъ самъ говорилъ, и то писано выше сего.

Въ государеве наказе написано: будетъ учнутъ говорить шахъ самъ или шаховы ближніе люди приказывать къ царскому величеству государь шахъ Аббасово в., чтобъ царскому величеству велѣлъ попрежнему на Койсе и въ Таркахъ хотя и до Дербени поставить города, а въ помощь государь вхъ, шахъ Аббасово в., къ царскому величеству пришлетъ своихъ ратныхъ людей тысячъ тридцать или сорокъ, или сколько будетъ царскому величеству годно, и о томъ государь ихъ приказалъ и ближнему своему Исупъ хану: только царского величества изъ

городовъ пришлетъ изъ городовъ царскаго величества воеводы о ратныхъ людехъ или о какихъ дѣлехъ ни буди хотя стрельца, а государю ихъ шахъ Аббасову величеству въ тѣ поры любо лучитца гдѣ вдали быти, и Исупъ ханъ бы, не посылая съ тою вѣстью къ государю, ихъ тотъ бы часъ ратныхъ людей посылалъ въ помощь къ государевымъ воеводамъ изъ которыхъ городовъ присылка будетъ, и великому государю нашему его ц. в. самому то надобно, что на Койсе и въ Тархахъ города поставить,—и про тоѣ статью шахъ посломъ, Ивану и Михайлу, в-Ыспогани, какъ пріѣхали къ шаху, и на отпуске говорилъ, чтобъ на Койсе и въ Тархахъ поставить города, и то писано выше сего.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или ево ближніе люди учнутъ говорить, чтобъ великому государю кумьтцѣмъ княземъ и ихъ людямъ ни въ чемъ не вѣрять, потому что въ нихъ правды нѣтъ и впередъ отъ нихъ правды ждать нѣчего: одинъ въ кумьтцкихъ князехъ у государя ихъ шахъ Оббасова величества въ послушанье Гирѣй князь, и царскому бѣ величеству и тому бѣ вѣрять не велѣтъ, лише бѣ царскому величеству велѣтъ ему вѣрять въ томъ дѣле, о какове дѣле къ его царскому в. государю ихъ шахъ Оббасово в. пришлетъ грамоту за своею малою печатью, которую онъ на своей рукѣ носить. А только государъ велитъ поставить города по старымъ мѣстамъ, и шахъ Оббасово в. Гирѣя князя хочетъ перевести со всѣмъ кабакомъ въ свое государство украинное мѣсто, чтобъ отъ Кумыкъ подале, и чтобъ межъ царскаго величества и его, шахъ Оббасова в-ва государствъ иныхъ сусѣдей никого не было,—и про тоѣ статью шахъ самъ и его ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не было.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или ближніе люди учнутъ говорить, что шаховымъ торговымъ людямъ царскаго величества отъ астраханскихъ воеводъ и отъ дѣяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обида великая, таможенные будто головы емлютъ съ ихъ торговыхъ людей пошлины не по великаго государя нашего указу, передъ рускими людьми вдвое, и про тоѣ статью шахъ самъ говорилъ, что ево шаховымъ торговымъ людямъ царскаго величества отъ астраханскихъ воеводъ и отъ дѣяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обида великая, и что послы шаху противъ того говорили, и то писано выше сего.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или ближніе люди учнутъ говорить, что пріѣхалъ зъ государя ихъ послы государя ихъ торговой человѣкъ Байрамъ, а съ нимъ немного шаховы казны товаровъ,

и съ того будто Байрама таможенные головы взяли пошлину вдвое, а у него царского величества жаловальная грамота, что ему торговать беспошлинно на пять сотъ рублей, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ учнеть шахъ или ближніе люди учнутъ говорить, что будто въ Астарахани, зазвавъ къ себѣ, воеводы государя ихъ шахова Хожъ сеитова человѣка и подмѣтя у него двѣсти рублей денегъ, оманули, его крестили, а деньги взяли себѣ и того малого привезли они съ собою къ Москве, и царского величества къ приказнымъ людямъ для роспросу прислали, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что билъ челомъ царскому величеству государя жъ ихъ посоль Булатъ бекъ, взялъ де у человѣка его на Терке царского величества бояринъ и воевода Петръ Петровичъ Головинъ триста рублей денегъ, и тѣхъ денегъ и по ся мѣста ему не отдано, и царскому бѣ величеству ево пожаловать, тѣ деньги, сискавъ, велѣтъ ему отдать, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не было.

Въ государеве наказе написано: будетъ учнутъ шаховы ближніе люди говорить, что били челомъ царскому величеству шаховъ посоль Булатъ бекъ же, что въ Астарахани не стало человѣка его Хожа Сухамбедина, а после того человѣка ево взяли астараханскіе воеводы живота его сто пятнатцать ансырей шолку розново двѣту, и ему де того шолку и по ся мѣста не отдано, и царскому бѣ величеству ево пожаловать, велѣтъ тотъ шолкъ ему отдать, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве наказе написано, что шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что прислалъ къ царскому величеству крымской Шанъ Гирѣй царевичъ посла своего о томъ, что царское величество учинилъ ему помочь, изъ Астарахани и съ Терви достигати ему отца своего Крымского юрта, да и шахова величества грамота къ царскому величеству о томъ съ Шанъ Гирѣевымъ царевичевымъ посломъ была жъ, да и самъ шахъ исъ своихъ устъ о томъ царскому величеству съ посланникомъ, съ Федоромъ Левонтьевымъ, приказалъ, что на то царского величества воля, съ чѣмъ царское величество къ Шанъ Гирѣю царевичю посла ево отпустилъ: учинилъ ли ему помочь отца его Крым-

свого юрта достигать,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: память посломъ: будетъ шахъ или ево ближніе люди учнутъ спрашивать: какъ государь ц. и в. вн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ, и съ цесаремъ римскимъ, и зъ датцвимъ, и съ аглинскимъ и с-ынными государи, о которыхъ спросятъ,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве (наказе) написано: будетъ шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что имъ самимъ то вѣдомо, что у государя вашего турецкого посланникъ на Москвѣ былъ, и государь вашъ того посланника въ турецкому салтану отпустилъ и своего посланника къ турецкому о дружбе и о любви послалъ, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ спрашивать: какъ зъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. свѣйской король, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ спросятъ про Нагаи, какъ ныне въ государеве жалованье большіе нагайскіе князи и мурзы и Казыева улуса, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину о томъ не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ говорить, что сказываютъ, что нагайскіе князи и мурзы служатъ государю въ его царскомъ повелѣнье, а ныне имъ вѣдомо учинилося, что с-Шштерекова княжова повелѣнья приходили нагайскіе мурзы въ Кабарду на Казыя князя Шепшукова и его убили, и Кабардинскую землю многіе мѣста повоевали, и только бѣ государю служили Нагаи, и они бѣ государевыхъ холопей не воевали,—и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ или шаховы ближніе люди учнутъ имъ говорить, что имъ то вѣдомо, что въ прошломъ во 123-мъ году Казыева улуса мурзы приходили на государя вашего землю и воевали блиско Москвы по турецкого царя велѣнью и нынѣ въ государеве землѣ ходятъ, — и про тоѣ статью шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Въ государеве наказе написано: нѣчто спросать про Сибирь, какъ ныне Сибирская земля: по прежнему ль, какъ было при прежнихъ государехъ?—и про тоѣ статью помину не бывало, и про Сибирь не спрашивали.

Въ государеве наказе написано: какъ, ажъ дастъ Богъ, шахъ ихъ отпустить и пошлетъ ли съ ними своихъ пословъ и съ ними казны государю на вспоможенье, или казны не пошлетъ, и съ чѣмъ съ ними пословъ своихъ пошлетъ, и что о казнѣ и о иныхъ государскихъ дѣлахъ съ ними шахъ и шаховы ближніе люди поговорять?

Въ государеве наказе написано: о казнѣ однолично шаху и его ближнимъ людямъ говорить накрепко и промыслати всякими мѣрами, чтобъ казны шахъ съ ними послалъ болши, тѣмъ бы имъ однолично государю послужить. А о казнѣ шаху на посольстве князь Михайло съ товарищи говорили накрепко, и после князь Михайла Иванъ и Михайло шаху о казнѣ напоминали многыжда, чтобъ шахово величество великого государя нашего его царского величества казною ссудилъ, и шахъ самъ говорилъ многыжда: что у него есть, и онъ великого государя нашего ссудить.

Въ государеве наказе написано: какъ будутъ у шаха и птицы на посольстве отдадутъ, и нѣчто учнетъ къ нимъ шахъ прислать, какъ поѣдетъ тѣшитца, чтобъ, прислали къ нему для птицъ государева кречетника, а его кречетники къ тѣмъ птицамъ не приобчались,—и про тоѣ статью помину не бывало и о кречетникѣ ничего не говаривали.

А нѣчто шахъ пришлетъ къ нимъ свое жалованье платье на подворье и велитъ имъ ѣхати въ своемъ платье, и кого къ нимъ о томъ пришлетъ, и про тоѣ статью писано выше сего, какъ шахъ прислалъ съ платьемъ Булатъ бека, и Булатъ бекъ шаховымъ словомъ говорилъ, чтобъ къ шаху ѣхати въ шахове платье, и Иванъ и Михайло къ шаху ѣздили въ своемъ платье.

Въ государеве наказе написано: будетъ шахъ самъ спроситъ ихъ на посольстве или ево ближніе люди учнутъ ихъ въ разговорехъ спрашивать про Иверскую землю: какъ былъ у него, у шаха, отъ царского величества посланникъ Ѳедоръ Левонтьевъ, и онъ говорилъ ему отъ царского величества о Иверскомъ царѣ и о его землѣ, чтобъ ему, шаху, для братственныя дружбы и любви в-Иверскую землю не вступатися и еѣ не воевать, и онъ, шахъ Аббасъ, приказывалъ отъ себя царскому величеству съ Ѳедоромъ же Левонтьевымъ, что онъ по его царского величества приказу для братственныя дружбы и любви в-Иверскую землю впередъ вступатися и воевать еѣ не похочетъ, и

царскому величеству за Грузинскую землю не стоит, а ныне грузинской царь, сложась съ недругомъ ево, съ турскимъ царемъ, стоитъ на него и землю его воюють, и царскому величеству про то вѣдомо-ль? и ныне съ ними про грузинского царя и про его землю что отъ царского величества приказъ?—и про Иверскую землю шахъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, а послы, князь Михайло съ товарищи, шаху о Иверской и о Грузинской землѣ ничего не говарили жъ, потому что въ ту пору иверской и грузинской царь былъ съ турского царя людьми, стояли противъ шаховыхъ людей. И какъ турского царя людей и иверского царя и крымского царя побии шаховы, и грузинской царь съ того бою пошолъ со крымскимъ царемъ къ турскому царю.

Въ государеве наказе написано: память посломъ: нѣчто ихъ хъ какой мѣре въ розговорехъ учнутъ спрашивать шахъ самъ или шаховы ближніе люди: для чего у царского величества у стола не были шаховы послы, Кая салтанъ да Булатъ бекъ, и иныхъ государей послы у царского величества у стола бывають ли?—и про тоѣ статью шахъ самъ и шаховы ближніе люди ничего не говаривали, и помину про то не бывало.

Пріѣздъ посла Булатъ бека.

Въ прошломъ во 129-мъ году генваря въ 21 де(нь) писали ко государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. изъ Казани бояринъ и воеводы князь Борисъ Лыковъ съ товарищи: въ нынешнемъ де во 129-мъ году сентября въ 30 де(нь) отпустили они ко государю кизылбашского посла Булатъ бека, а съ нимъ людей его девятнадцать человекъ, да шаховыхъ врететниковъ четыре человекъ, да два человекъ араповъ, которые были у слопа, съ астраханскимъ приставомъ съ Мисюремъ Товарищевымъ, давъ ему суды и кормщиковъ и гребцовъ и провожатыхъ казанскихъ стрельцовъ до Нижнего, и государево жалованье поденной кормъ и питье послу и людямъ его и шаховымъ врететникомъ и арапомъ отъ Казани до Нижнего въ дорогу сентября съ 30-го числа дали по астраханской росписи. А что они послу и людямъ его и врететникомъ и арапомъ поденного корму въ дорогу до Нижнего дали, и они тому роспись прислали ко государю подъ отпискою. А въ росписи писать.

Роспись, что государева царева и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. жалованья кизылбашскому послу Булатъ беку и людямъ его и

шаховымъ кречетникомъ, и арапомъ отъ Казани въ дорогу до Нижнего поденного корму дано по астараканской росписи сентября съ 30-го числа на две недѣли. Послу: 28 хлѣбовъ, 28 калачей двуденежныхъ, 14 барановъ, 28 куровъ, луку и чесноку на 9 алтынъ на 2 де(ньги), 42 гривеньи масла коровья на 2 алтына на 2 де(ньги), гороху на 4 алтына на 4 де(ньги), свѣчь салныхъ. Людѣмъ посольскимъ 19 человекѣмъ 266 калачей денежныхъ, 266 хлѣбовъ двуденежныхъ, 28 барановъ. Шаховымъ людѣмъ: кречетникомъ 4-мъ человекѣмъ 56 хлѣбовъ, 56 калачей двуденежныхъ, луку и чесноку на 4 алтына на 2 де(ньги), 21 гривенка масла коровья; арапомъ 2-мъ человекѣмъ, которые были у слона, — 28 хлѣбовъ, 28 калачей двуденежныхъ; да кречетникомъ и арапомъ вопчѣ 14 барановъ. Питья послу: 28 чарокъ вина двойного, 84 чарки вина простого, 11 вѣдръ бесъ четверти ведра меду паточного, 14 вѣдръ меду кабатцкого, а за другую половину за 14 вѣдръ дано прѣснымъ медомъ 35 гривенокъ патоки. Людѣмъ ево 19 человекѣмъ 388 чарокъ вина простого, по 2 чарки человекѣмъ на день. Да всѣмъ имъ 56 вѣдръ меду кабатцкого. Шаховымъ кречетникомъ 4-мъ человекѣмъ 168 чарокъ вина, 2 человекѣмъ арапомъ 56 чарокъ вина. Да Булатбековымъ же людѣмъ и шаховымъ кречетникомъ, и арапомъ вопчѣ за 70 вѣдръ пива 5 вѣдръ и 1 кружка вина. Все питье въ посольское ведро.

Генваря въ 21 де(нь) писалъ ко государю царю и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. изъ Нижнего Новгорода бояринъ и воевода Петръ Головинъ да дьякъ Василей Юдинъ: по государеву указу велено имъ кизылбашского посла отпустить изъ Нижнего въ Ярославль, а приказати бѣ имъ велено приставу, чтобъ онъ ѣхалъ изъ Нижнего до Ярославля на Балахну и на иные жилие мѣста, не займуча Костромы; а кормъ и питье велено отпустить съ приставомъ изъ Нижнего до Ярославля по росписи сполна, чтобъ послу въ дороге бесъ корму не быть. А второго числа изъ Нижнего въ Ярославль отпустить, и имъ о томъ велено отписать ко государю къ Москве, а отписку велено отдати въ посольскомъ приказе. И они кизылбашского посла Булатъ бека, давъ ему въ Нижнемъ подводы и кормъ, и питье по росписи до Ярославля сполна, декабря съ 15-го числа на две недѣли, отпустили въ Ярославль съ тѣмъ же приставомъ, съ Мисюремъ Товарыщевымъ, а для провозанья отпустили съ нимъ до Ярославля нижегородцкого сотника стрелетцкого Оеонасыя Лонского, да съ нимъ нижегородцкихъ стрельцовъ тритцать человекъ.

И 129-го же генваря въ 8 де(нь) указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. кизылбашскому послу Булатъ беку ѣхать

изъ Ярославля къ себѣ, государю, къ Москвѣ, а на встрѣчу противъ посла указалъ государь послать дворенина добра. А встрѣтить посла и рѣчь говорить указалъ государь отъ окольничихъ.

И генваря въ 10 де(нь) по государеву указу посланъ въ Ярославль на встрѣчу кизылбашского посла дворенинъ володимерець Григорей Клементьевъ сынъ Зловидовъ, а навазъ государевъ данъ Григорью таковы:

Лѣта 7129-го генваря въ 10 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. велѣлъ Григорью Клементьевичю Зловидову ѣхати въ Ярославль для того: пришелъ въ Ярославль кизылбашского Аббасъ шаховъ посолъ Булатъ бекъ, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. указалъ кизылбашского посла встрѣтить въ Ярославле ему, Григорью. И Григорью ѣхати въ Ярославль встрѣчу кизылбашского посла Булатъ бека, не мешкая нигдѣ. А пріѣхавъ въ Ярославль, велѣти ему про себя кизылбашскому послу сказать толмачю, которой съ посломъ изъ Казани посланъ, что прислали ево съ Москвы царского величества окольничіе къ нему, послу, въ приставы, а о томъ бы ему поговорилъ толмачъ, которой съ нимъ, какъ онъ Григорей къ нему, послу, на дворъ пріѣдетъ. И посолъ бы ево почтилъ, встрѣтилъ ево на крыльце, или гдѣ пригоже. А приставъ бы казанской Мисюръ Товарищевъ въ тѣ поры былъ у посла жъ. Да какъ онъ къ послу на дворъ всѣдетъ, а посолъ ево встрѣтитъ, и Григорью говорить послу рѣчь толмачомъ, которой съ нимъ, а для толмачества посланъ; а молить: Божию милостию великого государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. с. и иныхъ многихъ государствъ и ордъ, и земель восточныхъ и полуденныхъ, и сѣверные страны государя и повелителя его царского величества окольничіе велѣли тебя, персидцкого Аббасъ шахова в. посла, встрѣтить и велѣли тебя о здоровье спросить: здорово-ль еси дорогою ѣхалъ? и велѣли мнѣ съ тобою ѣхать до Москвы, и кормъ тебѣ велѣли давать. Да изговоря рѣчь, съ нимъ корошеватца. И быти ему у посла въ приставехъ и кормъ, ѣству и питье, давать по росписи, какова роспись у пристава ево у Мисюря Товарищева, а Мисюрю велѣти быть у посла жъ вмѣсте съ собою. А на кормъ деньги, или кормъ и медъ, и вино по росписи ямать по городомъ, смѣтя въ колко день отъ города до города поспѣть мочно. И того самому и надъ казанскимъ приставомъ, и надъ толмачи надзирать накрепко, чтобъ приставы кормъ давали по росписи сполна, и береженье къ послу держать, чтобъ ему отъ приставовъ и ото всякихъ русскихъ людей бесчестья никакова не было и во всемъ бы было имъ честно. А изъ Ярославля, взявъ про

посла и про его людей кормъ и питье, и подводы, ѣхати ему къ государю къ Москве. А которого числа Григорей въ Ярославль прїѣдетъ, и у посла будетъ, и рѣчь изговорить, и что ему кизылбашской посолъ поговорить, и какъ Григорей съ кизылбашскимъ посломъ пойдетъ изъ Ярославля въ которомъ числѣ, и сколько съ посломъ будетъ шаховыхъ дворянъ или кречетниковъ и его людей, и торговыхъ людей съ товары, и по чему послу и шаховымъ и посольскимъ людямъ идетъ корму и питья на день, и Григорью о томъ тотчасъ наскоро съ нарочнымъ гонцомъ ко государю отписать, чтобъ о томъ о всемъ государю было вѣдомо. А какъ съ посломъ придетъ въ Ростовъ и въ Переславль и въ Братошино, и ему ко государю писати, а съ послѣднего стану, изъ Братошина, безъ государева указу къ Москве не ходить, а подождать государева указу о томъ въ Братошине, какъ ему съ посломъ изъ Братошина итти къ Москве. А того ему въ Ярославле и ѣдучи дорогою въ городѣхъ и по станомъ беречь накрепко, чтобъ къ послу иноземцы иныхъ государствъ никто не подходили и ни о чемъ не розговаривали и писмомъ никакимъ не ссылались. А самому ему, будучи у посла въ приставстве, провѣдывать того подлинно: съ чѣмъ онъ ко государю идетъ, и шахъ Аббасъ ныне съ которымъ государствомъ въ миру и съ которымъ не въ миру, и съ цесаремъ и с-ышпанскимъ и со еранцузскимъ королемъ ссылка шаху бывала-ль? И будетъ была, и о чемъ они съ шахомъ ссылаютца? И турской Асманъ салтанъ ныне съ шахомъ въ миру-ль, и пословъ своихъ, и посланниковъ турской къ шаху присылывалъ ли, и о чемъ и сколь давно прислалъ? и шахъ турского Асманъ салтановыхъ пословъ честно-ль принялъ, и отъ себя ихъ отпустилъ ли, и съ чѣмъ отпустилъ, и чего впередъ съ турскимъ у шаха чаять? И какъ ныне шахъ зъ бухарскимъ и съ крымскимъ царемъ: въ миру-ль, или не въ миру? И oprачъ тѣхъ государей съ которыми государи шахъ въ миру и съ которыми не въ миру? О томъ о всемъ провѣдывать ему подлинно тайно, смотря по мѣре, какъ мочно, и записывать себѣ; а прїѣхавъ къ Москве, сказать про то про все и записку отдать въ посольскомъ приказе діавомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчюкову.

А нѣчто кизылбашской посолъ учнетъ Григорья спрашивать: какъ ныне государь ц. и в. вн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. съ папою и съ цесаремъ римскимъ, и со еранцовскимъ, и съ аглинскимъ и зъ датцкимъ короли, и галанскіе земли со владѣтели, и съ турскимъ Асманъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ, и с-ынними пограничными государи, про которого будетъ государя спросить имянно,—и Григорью говорить

про цесаря: съ прежнимъ Матьяшемъ цесаремъ царское величество былъ въ ссылке и въ братцкой любви, а ныне вѣдомо царскому в., что Матьяша цесаря не стало, а ныне, сказываютъ, въ цесарской землѣ ровнь и война, розделилось цесарское государство на трое, и того еще не вѣдомо, хто будетъ ныне на цесарстве. А съ папою римскимъ царскому величеству по ся мѣста ссылка послы и посланники не бывала и впередъ не чають, потому что до него царскому величеству ни о которыхъ его государственныхъ дѣлахъ не достало. А еранцузской и аглинской и датцкой короли и всѣ великіе крестьянскіе государи съ великимъ государемъ нашимъ ц. и в. кн. Михайломъ Федоровичемъ в. Р. с. учинилися въ крѣпкой братственной дружбе и въ любви навеки нопаче прежнего, какъ съ прежними государи цари російскими тѣ крестьянскіе государи въ дружбе и въ любви были, и на всякого государева недруга хотять съ великимъ государемъ нашимъ стояти заодинъ. А галанскіе и недерлянскіе земли владѣтели, и Маврицусъ князь галанской прислалъ ныне къ великому государю нашему посланника своего Исака Аврамова, и прося у великого государя нашего съ покорнымъ челобитьемъ того, чтобъ великому государю нашему его царскому в. ихъ недерлянскихъ и галанскихъ владѣтелей пожаловать, принять ихъ въ свое царское жалованье въ докончанье и въ соединенье на всѣхъ государевыхъ недруговъ, а они, галанскіе владѣтели, великому государю нашему его ц. в. на всякого его государева недруга всякимъ вспоможеньемъ помогать готовы будутъ, и государь посланника ихъ отпустилъ и въ свое царское жалованье ихъ принялъ. А говорить про то про все по вопросу, будетъ его посланникъ спроситъ, а не спроситъ его посоль, и ему самому о тѣхъ статьяхъ не всчинать.

А съ свѣйскимъ Адольфомъ королемъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. учинился въ докончанье и записью и крестнымъ целованьемъ царского в. послы и свѣйского короля послы тотъ миръ на обе стороны закрепили на томъ, что свѣйскому королю быти съ великимъ государемъ нашимъ съ его царскимъ величествомъ въ сосѣдственной дружбе и любви на веки во всей царского в. воле и на всякого государева недруга стояти съ его царскимъ величествомъ заодно. А говорить про то, только спроситъ посоль, а самому не всчинать.

А съ крымскимъ Джанъ бекъ Гирѣмъ царемъ царское в. былъ въ сылке для того, чтобъ онъ не помешалъ царскому в. управитца съ царского величества недругомъ, съ полскимъ королемъ, а на чемъ

впередъ у царского величества съ крымскимъ царемъ будетъ, того не вѣдомо.

А съ турскими салтаны прежнимъ великимъ гусударемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ о дружбе и о любви ссылки не бывали. А какъ которой великій гусударь учинится на своихъ великихъ гусударствахъ, и они къ турскимъ салтаномъ гусударство свое обестити посылавали, а турецкіе салтаны, учинясь на гусударствахъ, къ великимъ гусударемъ нашимъ гусударство свое по тому жъ обестити посылавали. А какъ великій гусударь нашъ ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ гусударствахъ російского царствія, и онъ, великій гусударь, къ турецкому гусударство свое обестити посылалъ же.

И будетъ шаховъ посолъ учнетъ говорити, что имъ самимъ то вѣдомо, что у гусударя турецкой посланникъ прежь сего на Москвѣ былъ, и гусударь того турецкого посланника къ турецкому отпустилъ и своего посланника къ турецкому о дружбе и о любви посылалъ, и тотъ гусударевъ посланникъ отъ турецкого ко гусударю и назадъ пришелъ. И Григорью говорити: и мы тебѣ сказываемъ: какъ великій гусударь нашъ его ц. в., учинясь на своихъ великихъ и преславныхъ гусударствахъ Російского царствія великимъ гусударемъ ц. и в. кн. в. Р. самодержцемъ, по прежнему обычею, какъ велось отъ прародителей ево, и у всѣхъ великихъ гусударей также въ обычаехъ бываетъ, посылалъ къ турецкому гусударство свое обестити посланниковъ своихъ, и турецкой царского в. посланниковъ отпустилъ и своего былъ посланника Алѣя чеуша къ царскому величеству поздравляти ево царское в. на великихъ гусударствахъ послалъ, какъ ведетца и у всѣхъ великихъ гусударей, что и къ другу и къ недругу обѣщивать посылають. И тотъ турецкого царя посланникъ, пришедъ на Донъ, умеръ и къ царскому величеству не дошелъ, а были на Москвѣ арменья купецкіе люди, а не турецкого царя посланникъ, а купецкіе люди и во всѣ гусударства ходять невозбранно, а великій гусударь нашъ его ц. в. своего сына боярского зъ грамотою къ турецкому посылалъ о томъ, что Казьева улуса мурзы учинилися подъ великого гусударя нашего его царского в. высокою рукою, и онъ бы въ нихъ не вступался, а о дружбе и о любви и о соединенъе царскому в. съ турскимъ ссылкой нѣтъ.

А будетъ шаховъ посолъ про турецкого и про крымского говоритъ не учнетъ, самому о томъ однолично не говоритъ же.

А будетъ шаховъ посолъ спроситъ про нагайскихъ, какъ ныне

въ государеве жалованье Большіе нагайскіе князи и мурзы, и Казьева улуса мурзы?—И Григорью говорити, что нагайскихъ Иштерека князя и брата ево Нурадына Шайтерекъ мурзы не стало, а ныне послѣ ихъ дядья ихъ и братья и племянники и Казьевъ улусъ со всѣми своими улусными людьми ныне подъ великого государя нашего царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. его царского в. высокою рукою въ его царского величества жалованье и повелѣнье потому жъ, какъ былъ при прежнихъ великихъ государехъ, и во всемъ царскому в. служить.

А будетъ кизылбашской посолъ учнетъ Григорья спрашивать: какъ ныне великій государь съ полскимъ Жигимонтомъ королемъ и впередъ чего межъ ими чаяти?—И Григорью говоритъ: въ прошломъ во 127-мъ году по присылке пановъ радъ польскихъ и литовскихъ съ повелѣньи великого государя нашего ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. с. съезжались царского в. бояре и великіе послы, бояринъ и намѣстникъ пѣсковской Федоръ Ивановичъ Шереметевъ съ товарищи, съ паны рады и съ великими послы, со княземъ Адамомъ Новодворскимъ, бискупомъ каменецкимъ, съ товарищи, и приговорили межъ царского величества и полского короля и межъ великихъ російскихъ государствъ и коруны полскіе и великого княжства литовского перемирья на четырнатцать лѣтъ и на шесть мѣсяцъ и отца великого государя нашего его ц. в. великого государя святѣйшого патриарха Филарета Никитича московского и всеа Русіи, и бояръ, которые съ нимъ были, польской король изъ Литвы всѣхъ отпустили и полонениками на обе стороны розмѣнились. И ныне на обе стороны тишина и повои, и недружбы ныне съ полскимъ королемъ и с-ыннимъ ни съ кѣмъ у царского величества нѣтъ.

А будетъ кизылбашской посолъ учнетъ ихъ спрашивать о какихъ о иныхъ дѣлехъ, — и Григорью говоритъ, что имъ о тѣхъ дѣлехъ слышать нелучилось, а о иныхъ не великихъ дѣлехъ чинить отвѣтъ, смотря по дѣлу, бережно, какъ бы государеву имени было къ чести и къ повышенью.

И генваря въ 20 де (нь) писалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. кизылбашского посла приставъ Григорей Зловидовъ: по государеву указу велено ему въ Ярославле встрѣтить Аббасъ шахова посла Булатъ бека, и онъ пріѣхалъ въ Ярославль генваря въ 14 де(нь) и къ послу послалъ про себя обестить, что онъ присланъ съ Москвы къ нему, послу, къ Булатъ беву царского величества отъ окольныхъ и велѣлъ толмачю говорить, чтобъ онъ почтилъ, встрѣтилъ на крыльце. И толмачъ ему говорилъ. И какъ де онъ пріѣхалъ къ послу на дворъ, и пословы люди ево встрѣтили на дворѣ у воротъ, а Аббасъ шаховы

кречетники встрѣтили у лѣсницы. И онъ взошелъ на крыльцо, посылалъ къ послу толмача, чтобъ встрѣтилъ на крыльце самъ посолъ. И приставъ Мисюръ Товарищевъ ему говорилъ же, чтобъ посолъ встрѣтилъ самъ на крыльце, и онъ сказалъ толмачю: встрѣтилъ бы де я на крыльце, да нога болить, ходилъ де ночью на дворъ да упалъ, зашибъ ногу, на дворъ де идти не мочно. И какъ онъ, Григорей, вошелъ в-избу, и онъ ево встрѣтилъ въ половине избѣ, и онъ, Григорей, послу рѣчь говорилъ: Божією милостію великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. и иныхъ многихъ государствъ и ордѣ, и земель восточныхъ и полуденныхъ, и сѣверные страны государя и повелителя его царского в. окольничіе велѣли тебя, персидцого Аббасъ шахова в. посла, мнѣ встрѣтить и велѣли тебя о здоровье спросить здорово-ль еси дорогою ѣхалъ? и велѣли мнѣ съ тобою ѣхати до Москвы и кормъ тебѣ велѣли давать. И посолъ, выслушавъ рѣчи, и противъ рѣчи говорилъ: Божією милостію великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. многихъ государствъ государя и облаадателя, его царскою милостію ѣхалъ дорогою, далъ Богъ, здорово; а его царского величества окольничимъ, на ихъ жалованье, челомъ бью, что пожаловали, прислали тебя меня о здоровье спросить и велѣли мнѣ ѣхать съ тобою къ Москве. И изговоря рѣчь, съ нимъ корошевался и послѣ того ево посадилъ, и самъ сѣлъ. И посидѣвъ немного, всталъ, и отшедъ отъ лавки, говорилъ: великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. и многихъ государствъ государя и облаадателя какъ его, государя, Богъ милуетъ на ево великихъ и преславныхъ государствахъ? И онъ, выслушавъ рѣчь, говорилъ: Божією милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и иныхъ многихъ государствъ и ордѣ, и земель восточныхъ и полуденныхъ, и сѣверные страны государь и повелитель на своихъ великихъ и преславныхъ государствъ царствуетъ — далъ Богъ — здорово. И посолъ противъ того говорилъ: мы де холопи ихъ вопчіе про его великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. многихъ государствъ государя и облаадателя жадни слышетъ про его царское здоровье, что онъ, государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель, съ нашимъ государемъ Аббасъ шахомъ живетъ въ дружбе и въ братстве и въ любви, а мы де ихъ государскіе холопи вопчіе.

А какъ де онъ пойдетъ съ посломъ изъ Ярославля, и ему велено писать ко государю, и онъ пошелъ изъ Ярославля съ посломъ къ Москве генваря въ 17 де(нь). Да ему жъ велено прислать роспись,

сколько съ посломъ Аббасъ шаховымъ дворянъ и кречетниковъ, и купчинъ? И шаховыхъ де кречетниковъ четвере человекъ, да два арапа, что были у слона, да девятнадцать человекъ ево посолскихъ людей, а купчинъ съ собою не сказываетъ. А что де послу и шаховымъ кречетникомъ, и ево людемъ, и арапомъ идетъ на день корму и питья, и онъ роспись послалъ, подклея подъ сею отпискою ко государю къ Москве съ сыномъ боярскимъ съ Семеномъ Кулюбакинымъ.

Роспись, что давали кизылбашскому послу Булатъ беку поденного корму.

Шахъ Аббасову послу Булатъ беку: 2 хлѣба дву денежныхъ, 2 калача дву денежныхъ, баранъ, луку и чесноку на 4 де(ньги), 3 гривенки масла коровья, гороху на деньгу, свѣчъ салныхъ на 2 де(ньги), 2-е куровъ; да ему жъ сверхъ того: курица, гривенка масла. Людемъ ево 19 человекомъ: 2 барана, 19 хлѣбовъ дву денежныхъ, 19 калачей денежныхъ. Шаховымъ людемъ кречетникомъ четверемъ человекомъ: 4 хлѣба дву денежныхъ, 4 калача денежныхъ, луку и чесноку на 2 де(ньги), полъ 2 гривенки масла коровья. Двумъ человекомъ арапомъ, что были у слона: 2 хлѣба, 2 калача дву денежныхъ. Да кречетникомъ и арапомъ вопчѣ—баранъ. Питья Булатъ беку на день: по 2 чарки вина двойного, 6 чарокъ вина простого, ведро безъ чети меду паточного, 2 ведра меду кабатцкого. Людемъ ево 19 человекомъ: по 2 чарки вина простого, по 4 ведра меду отдаточныхъ. Шаховымъ кречетникомъ 4-мъ человекомъ по 3 чарки вина человеку. 2-мъ человекомъ арапомъ по 2 чарки вина. Да Булатъ бековымъ же человекомъ и шаховымъ кречетникомъ и арапомъ вопчѣ, въ пива мѣсто, за 5 вѣдръ и за 4 кружки съ третью по 37 чарокъ вина. И всего на день Булатъ беку съ шаховыми и съ его людьми 2 чарки вина двойного, да 97 чарокъ вина простого, *) ведра бесъ чети меду паточного, 6 вѣдръ меду кабатцкого.

Лѣта 7129-го генваря въ 20 де(нь) по государеву цареву и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память Григорью Клементьевичю Зловидову. Писалъ еси ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. съ ноугородцомъ съ Семеномъ Кулебакинымъ, какъ ты былъ у кизылбашского посла и рѣчь ему говорилъ, и что онъ противъ того говорилъ, и какъ ты съ нимъ пошелъ изъ Ярославля, и государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. вѣдомо, а того еси не отписалъ: въ которой день почашь съ посломъ быть къ Москве?

*) Въ этомъ мѣстѣ пробѣлъ.

И ты бѣ съ посломъ шолъ по его воле. Будеть добрѣ морозы велики будутъ, и ты бѣ его не неволилъ много днемъ итти, чтобъ ему было не досадно. А какъ съ посломъ почашешь быть къ Троице на послѣдней станъ въ Ростokino и къ Москве, и ты бѣ о томъ тотчасъ ко государю отписалъ, а велѣлъ отписку отдати въ посольскомъ приказе діакомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчукову; а береженье бѣ еси къ послу держалъ по государеву указу.

И 129-го генваря въ 22 де(нь) писалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Переславля Залѣскаго воевода князь Семенъ Лыковъ, что Григорей Зловидовъ съ посломъ пришли въ Переславль генваря въ 20 де(нь), а изъ Переславля де посоль поидеть генваря въ 21 де(нь).

Лѣта 7129-го генваря въ 23 де(нь) по государеву цареву и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память Григорью Клементьевичю Зловодову. Писалъ еси ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., что ты съ кизылбашскимъ посломъ пришелъ на станъ въ Братошино сегодня, генваря въ 23 де(нь), а въ Братошине дожидаеться государева указу, а посоль тебѣ говорилъ, чтобъ ему отъ Москвы постоять вереть за пять или за шесть. И государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. то вѣдомо, и государь указалъ кизылбашскому послу завтра въ среду изъ Братошина итти къ Москве, у стану указалъ быть въ Ростокине на Яузе, отъ Москвы шесть вереть. И ты бѣ завтра съ посломъ изъ Братошина пошолъ съ утра рано, а ночевалъ бы еси противъ четверга и съ посломъ на Яузе въ Ростокине; а какъ въ Ростokino придешь, и ты бѣ тотчасъ прислалъ съ вѣстью въ посольской приказъ, а велѣлъ явитьца діакомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Романчукову. И къ тебѣ государевъ указъ будетъ, какъ тебѣ быть къ Москве, въ которомъ часу; а не дождался-бѣ еси указу, изъ Ростокина къ Москве не ходилъ, а былъ бы еси наготове.

Писалъ ко государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Григорей Зловидовъ, что онъ пришелъ съ посломъ на послѣдней станъ въ Ростokino генваря въ 24 де(нь), а безъ государева указу къ Москве съ посломъ итти не велено, и о томъ бы ему государевъ указъ учинить.

И генваря въ 25 де(нь) писано къ Григорью Зловидову, а велено ему быть утре наготове со всѣмъ на зорѣ, а ждать вѣсти отъ встрѣчниковъ, какъ ему съ посломъ итти; а встречать посла за деревяннымъ городомъ Степану Ислѣньеву да дяку Войну Трескину, и онъ бы шелъ, обсылаясь съ ними. А притить бы ему къ Москве

въ четвертомъ часу дни или кончее въ пятомъ; а ждалъ бы вѣсти отъ нихъ, а безъ обсылки съ ними къ Москвѣ ходить не велено.

И генваря въ 25 де(нь) кизылбашской посоль Булатъ бежъ къ Москве пришелъ.

И по государеву цареву и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. указу встречали кизылбашского посла у Москвы за городомъ по переславской дороге за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ бывалъ деревяной городъ, перестрѣла зъ два, Степанъ Ивановъ сынъ Ислѣньевъ, да дьякъ Воинъ Трескинъ. А съ ними на встрѣче было детей боярскихъ изъ городовъ и дворовыхъ людей, и конюховъ, и охотниковъ 50 человекъ на конехъ въ цветномъ платьѣ. А на въезде для посольского прїѣзду были за городомъ стольники и страпчїе и дворяне большїе, и дьяки, и дворяне, и дѣти боярскїе изъ городовъ, и подъячїе, и приказные люди на конехъ въ цветномъ платьѣ. А устраивали ихъ розрядные діаки.

А саникъ съ саньми и съ медвѣдномъ подъ посла да подъ шаховыхъ кречетниковъ, подъ 4-хъ человекъ, да подъ посольскихъ людей подъ лутчихъ, подъ 10 человекъ, лошади съ сѣдлы посланы зъ государевы конюшни. А являли послу лошади на встрѣче отъ государя.

А наказъ государевъ о встрѣче Степану Ислѣньеву да дьяку Воину Трескину данъ таковъ:

Лѣта 7129-го генваря въ 17 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровичъ в. Р. велѣлъ Степану Ивановичю Ислѣньеву да дьяку Воину Трескину встрѣтити кизылбашского посла Булатъ бека по переславской дороге за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ бывалъ деревяной городъ, перестрѣла за два и быть у пословъ въ приставехъ имъ же; а которымъ детемъ боярскимъ изъ городовъ и дворовымъ людямъ, и конюхомъ, и подъячимъ, и охотникомъ съ ними быть на встрѣче, и которымъ съ ними жъ ѣздить ко государю на дворъ передъ посла, и которымъ детемъ боярскимъ и охотникомъ жить на дворѣ у пословъ для береженья, и тому Степану да дьяку Воину даны списки изъ розряду. А стольниковъ и страпчихъ и жильцовъ, и дворянъ большихъ, и дьяковъ, и дворянъ, и детей боярскихъ изъ городовъ и приказныхъ всякихъ людей кому быть противъ посла на въезде, велено устраивать розряднымъ діакомъ; а сани подъ посла съ саникомъ и подъ шаховыхъ людей лошади съ сѣдлы посланы зъ государевы конюшни съ стремяннымъ конюхомъ с-Иваномъ Арбеневымъ, а велено ему съ саньми и съ лошедми немного напередъ ихъ и сани подвести ото встрѣчи съ перестрѣлѣ. И Степану Ивановичю и дьяку Воину, выехавъ за деревяной городъ и сождався со встрѣчниками, по-

слати кызылбашскихъ пословъ къ приставу къ Григорью Зловидову въ Ростовино съ вѣстью сына боярскаго добра, а съ нимъ привязати къ приставу, чтобъ онъ ѣхалъ къ Москве. И какъ послы садутъ въ сани, а шаховы кречетники и люди на лошади садутъ и поѣдутъ къ городу, и Степану и дьяку Воину къ посломъ повыхати и встрѣчникомъ велѣти подвинутца, да какъ послы подѣдутъ къ нимъ блиско, и имъ послати отъ себя къ послу сына боярскаго добра, которой бы досуужь былъ и наряденъ, а велѣти про себя сказать, что великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель, прислалъ къ нимъ встрѣчу дворенина своего Степана Ивановича Ислѣньева да дьяка Воина Трескина, и есть до нихъ рѣчь царская, и послы бѣ вышли изъ саней. И какъ кызылбашской посолъ изъ саней выдетъ, и Степану и дьяку Воину изъ саней вытти же, да говорити посломъ рѣчь Степану: Божіею милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. владимерскій (*большой титулъ*) и иныхъ многихъ великихъ государствъ государь и обладатель, любячи брата своего, Аббасъ шахова величества, а тебя, посла его, жалуючи, велѣлъ тебя встрѣтити и о здоровье спросити: здорово-ль еси дорогою ѣхалъ? А после того молить дьяку: великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ у тебя быть въ приставехъ дворенину своему Степану Ивановичю Ислѣньеву да мнѣ, дьяку Воину Трескину, и дворъ тебѣ указати.

А изговоря рѣчь, Степану и дьяку Воину съ посломъ корошеватца.

А встрѣтя посла и рѣчь изговоря, велѣти подъ посла подвести сани, и ѣхать Степану у посла по правой сторонѣ, а Воину по лѣвой. И ѣхать въ городъ Стрѣтенскою улицею и поворотити на площадь къ Пречистой Гребневской да площадью мимо лесной рядъ, да въ Китай городъ, въ Ильинскіе ворота и ильинскимъ хрестомъ на дворъ ноугородскаго митрополита, а того имъ велѣти беречь, чтобъ встрѣчники ѣхали стройно напередъ посла и по обе стороны, а дороги бѣ не переезжали и задору ни въ чемъ не чинили; а посолскіе бѣ люди ѣхали вмѣсте, не разрываясь. А пріѣхавъ съ послы на дворъ и проводя пословъ въ хоромы, ѣхати ко государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. Степану Ивановичю Ислѣньеву да дьяку Воину Трескину, а Григорью Зловидову остатись у посла и его устраивать и побыти до тѣхъ мѣсть, доколе послы уставятца. И жити у посла и ночевать, переменяясь по днемъ, Григорью да дьяку; а съ ними по два толмача

да детей боярскихъ и охотниковъ, росписавъ съ собою поровну, по вольку челоуѣкъ пригоже. А Степану приѣзжать посла навещать по вся дни по двоядн на день, изутра и вечере. А съ нимъ приѣзжати на дворъ переводчику Прокоѣю Враскому. А кормъ посломъ давати по росписи, какова дана за приписью діака Савы Романчюкова. А толмачемъ съ Степаномъ быти Семейке Ондрѣеву съ товарищи. А у корму быти и кормъ давать стряпчему зъ дворца, да изъ большого приходу подьячому.

А тѣмъ детемъ боярскимъ и охотникомъ и толмачомъ, которые приставлены будутъ, велѣти съ ними жить на дворѣ съ великимъ береженьемъ и съ послы и съ ихъ людьми ни о чемъ не говорить, и вестей никакихъ и смутныхъ речей не говорить. И того самимъ и детемъ боярскимъ приказати беречь накрепко, чтобъ въ посломъ и въ ихъ людемъ татарова и всякіе иноземцы и рускіе люди никто не приходили и не приѣзжали, и ни о чемъ съ посломъ и съ людьми его не розговаривали. А хто руской челоуѣкъ или какой иноземецъ учнетъ къ посломъ и въ ихъ людемъ приходитъ и о чемъ розговаривати, и тѣхъ людей, спустя зъ двора, чтобъ было послу незнатно, велѣтъ имати, а имая, прислать въ посольской приказъ къ дьякомъ, къ думному къ Ивану Грамотину да къ Саве Романчюкову. Да и того приставомъ Степану и Григорью, и дьяку смотреть и беречь накрепко, чтобъ кормовщичи кормъ послу давали по росписи сполна. А что будетъ надобно, и въ запросъ чего послы попросятъ, и имъ, про то сказывая въ посольскомъ приказе, давати. А что посоль съ Степаномъ или зъ Григорьемъ и зъ діакомъ поговорять, и Степану и Григорью, и дьяку про то сказывати въ посольскомъ приказе дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчюкову.

А будучи имъ у визылбашского посла, провѣдывать: съ чѣмъ онѣ ко государю пришли, и сколько съ ними шахъ прислалъ къ государю въ помочъ казны, и какую казну прислалъ, и что какихъ узорочей? и сверхъ узорочей что прислалъ денежине казны? И съ кѣмъ не въ миру, и съ цесаремъ и с-ышпанскимъ, и со еранцузскимъ, и съ аглинскимъ у шаха ссылка бывала ли? И будетъ была, и цесарь и ишпанской, и еранцузской, и англинской короли въ шаху пословъ или посланниковъ присылавали-ль? И съ турскимъ салтаномъ и зъ бухарскимъ царемъ и съ вримскимъ ныне шахъ въ миру-ль, или не въ миру? И турской Ахметъ салтанъ къ шаху пословъ своихъ или посланниковъ присылавалъ-ли? И будетъ прислалъ—и о чемъ и сколь давно присылавалъ? И шахъ турского Ахметъ салтаповыхъ пословъ принялъ ли, и чесно-ль

принялъ, и отъ себя ихъ отпустилъ ли, и съ чѣмъ отпустилъ? И чево впередъ съ турскимъ у шаха чаять: миру-ль или войны? И опричь тѣхъ государей съ которыми государи шахъ въ миру и съ которыми не въ миру? О томъ о всемъ провѣдывать и себѣ записывать, и сказывать про все въ посольскомъ приказе.

А нѣчто кизылбашской посоль учнетъ Степана и дьяка спрашивать: какъ ныне государь ц. в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. съ папою и съ цесаремъ римскимъ, и со еранцузскимъ, и съ аглинскимъ, и съ датскимъ короли, и галанскіе земли со владѣтели, и съ турскимъ Асманъ салтаномъ, и съ крымскимъ царемъ, и с-ными пограничными государи, про которого онъ будетъ государя спросить имянно?—И Степану и дьяку Воину говорить про цесаря: съ прежнимъ Матьяшемъ цесаремъ царское величество былъ въ смысле и въ братцкой любви, а ныне вѣдомо царскому величеству, что Матьяша цесаря не стало; а ныне сказываютъ, въ Цесарской землѣ рознь и война: розделилось Цесарское государство на трое, и того еще не вѣдомо, хто будетъ ныне на цесарстве утвердился. А съ папою римскимъ царскому величеству по ся мѣста смысла послы и посланники не бывало, и впередъ не чаять потому что до него царскому величеству ни о которыхъ государственныхъ дѣлахъ не достало. А еранцузской, и аглинской, и датцвой короли, и всѣ великіе крестьянскіе государи съ великимъ государемъ нашимъ царемъ и великимъ княземъ Михайломъ Ѳеодоровичемъ в. Р. с. въ крѣпкой братственной дружбе и любви на веки нопаче прежнего, какъ съ прежними государи цари російскими тѣ крестьянскіе государи въ дружбе и въ любви были и на всякого государева недруга хотять съ великимъ государемъ нашимъ стояти заодно. А галанскіе и недерлянскіе земли владѣтели и Мавриціусъ князь галанской прислали ныне къ великому государю нашему посланника своего Исака Аврамова, и прося у великого государя нашего съ покорнымъ челобитьемъ того, чтобъ великому государю нашему его царскому величеству ихъ, недерлянскихъ и галанскихъ владѣтелей, пожаловать, принять въ свое царское жалованье въ докончанье и въ соединенье на всѣхъ государевыхъ недруговъ, а они, галанскіе владѣтели, великому государю нашему его ц. в. на всякого ево государева недруга всякимъ вспоможеньемъ помогать готовы будутъ. И государь посланника ихъ отпустилъ и въ свое царское жалованье ихъ принялъ. А говорити про то про все по вопросу, будетъ ихъ посоль спросить, а не спросить ихъ посоль, и имъ самимъ о тѣхъ статьяхъ не всчинать.

А съ свѣйскимъ Густавомъ Адольфомъ королемъ великій государь

нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. учинился въ докончанье и записми и крестнымъ целованьемъ царского величества послы и свѣйскаго короля послы тотъ миръ на обе стороны закрепили на томъ, что свѣйскому королю быти съ великимъ государемъ нашимъ съ его царскимъ величествомъ въ сосѣдственной дружбе и любви на веки во всей царского величества воле и на всякого государева недруга стояти съ его царскимъ величествомъ заодно. А говорить про то, только спроситъ посолъ, а самимъ не вечинати.

А будетъ спроситъ про крымскаго, и имъ говорить: съ крымскимъ Джанъ бекъ Гирѣемъ царемъ царское величество былъ въ ссылье, а дружбы и недружбы у царскаго в. съ крымскимъ царемъ нѣтъ; а на чемъ впередъ у царскаго в. съ крымскимъ царемъ будетъ, того не вѣдомо.

А съ турецкими салтаны прежнимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ о дружбе и о любви ссыльи мало бывало. А какъ которой великій государь нашъ учинитца на своихъ великихъ государствахъ, и они къ турецкимъ салтаномъ государство свое обеститъ посылавали; а турецкіе салтаны, учинясь на государствахъ, къ великимъ государемъ нашимъ государство свое по тому жъ обеститъ посылавали. А какъ великій государь нашъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. учинился на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія, и онъ, великій государь, къ турецкому государство свое обеститъ послалъ же, а турецкой Асманъ салтанъ поздравляти великому государю нашему на государстве и про свое государство обеститъ прислалъ-же.

И будетъ шаховъ посолъ учнетъ говорить, что имъ самимъ то вѣдомо, что у государя турецкой посланникъ прежь сего на Москвѣ былъ, и государь того турецкаго посланника къ турецкому отпустилъ и своего посланника къ турецкому о дружбе и о любви послалъ, и тотъ государевъ посланникъ отъ турецкаго къ государю и назадъ пришелъ. И Степану и дяку Воину говорить: и мы тебѣ сказываемъ: какъ великій государь нашъ его ц. в., учинясь на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Російскаго царствія великимъ государемъ царемъ и в. кн. в. Р. самодержцомъ, и онъ, великій государь, по прежнему обычею, какъ велось отъ прародителей его, у всѣхъ великихъ государей, послалъ къ турецкому государство свое обеститъ посланниковъ своихъ, и турецкой царскаго в. посланниковъ отпустилъ и своего былъ посланника Алѣя чеуша къ царскому величеству поздравляти его ц. в. на великихъ государствахъ послалъ, какъ ведетца и у всѣхъ

великихъ государей, что и къ другу и къ недругу обѣщивать посылають. И тотъ турецкого царя посланникъ, пришедъ на Донъ, умеръ и къ царскому в. не дошелъ; а были на Москвѣ арменья купецкіе люди, а не турецкого царя посланникъ, а купецкіе люди, и во всѣ государства ходять невозбранно. А великій государь нашъ его ц. в. своего сына боярского зъ грамотою къ турецкому послалъ о томъ, что Казьева улуса мурзы учинились подъ великого государя нашего его ц. в. высокою рукою, и онъ бы въ нихъ не вступался. А о дружбе и о любви, и о соединенъ царскому величеству съ турецкимъ сылами нѣтъ.

А будетъ шаховъ посолъ про турецкого и про крымского говорить не учнетъ, и имъ самимъ о томъ однолично не говорить жъ.

А будетъ шаховъ посолъ спросить: какъ ныне въ государеве жалованъ Большіе нагайскіе князи и мурзы и Казьева улуса мурзы? и Степану и дьяку Воину говорить, что нагайскихъ Интерека князя и брата его Нурадына Шайтерекъ мурзы не стало; а ныне после ихъ дядья ихъ и братья и племянники и Казьевъ улусъ со всѣми своими улусными людьми ныне подъ великого государя нашего ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. его царского величества жалованъ и повелѣнъ по тому жъ, какъ были при прежнихъ великихъ государехъ, и во всемъ царскому величеству служатъ.

А будетъ кизылбашской посолъ учнетъ Степана и дьяка Воина спрашивать: какъ ныне великій государь съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ, и впередъ чего межъ ими чаятъ?—и Степану и дьяку Воину говорить: въ прошломъ во 127-мъ году по присылке пановъ радъ полскихъ и литовскихъ съ повелѣнъ великого государя нашего царя и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. с. съезжались царского величества бояре и великіе послы, боярня и намѣстникъ псковской Федоръ Ивановичъ Шереметевъ съ товарищи, съ паны рады и съ великими послы, со княземъ Адамомъ Новодворскимъ бискупомъ каменецкимъ, съ товарищи, и приговорили межъ царского величества и польского Жигимонта короля и межъ великихъ Російскихъ государствъ и коруны польскіе и великого княжества Литовского перемиръ на четырнатцать лѣтъ и на шесть мѣсець, и отца великого государя нашего его царского величества великого государя нашего его царского величества великого государя святѣйшого патриарха Филарета Никитича московского и в. Р. и бояръ, которые съ нимъ были, польской король всѣхъ отпустилъ, и посланниками на обе стороны розмѣнились, и ныне на обе стороны тишина и покой, и недружбы ныне

съ полскимъ королемъ и с-нымъ ни съ кѣмъ у царского величества нѣтъ.

А будетъ кизылбашской посоль уцнеть ихъ спрашивать о какихъ о иныхъ дѣлахъ, и Степану и дьяку Воину говорити, что имъ о тѣхъ дѣлахъ слышать нелучилось, а о иныхъ не великихъ дѣлахъ чинить отвѣтъ, смотря по дѣлу, бережно, какъ бы государеву имени было въ чести и въ повышенью.

Таковъ наказъ данъ стремянному конюху Ивану Арбенеу:

Лѣта 7129-го генваря въ 28 де(нь) по государеву цареву и в. кн. Михаѣла Ѳеодоровича в. Р. указу память стремянному конюху Ивану Арбенеу. Ъхати ему про противъ кизылбашского посла Булатъ бека въ государевымъ царевымъ и в. кн. Михаѣла Ѳеодоровича в. Р. жалованьемъ съ санникомъ и съ саньми, да съ нимъ же указалъ государь послати подъ шаховыхъ людей, подъ кречетниковъ, подъ четырехъ человекъ, да подъ посольскихъ лутчихъ людей, подъ десяти человекъ, лошади, кони и мерины съ сѣдлы и съ узды. А встрѣтити ему посла по переславской дороге за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ бывалъ деревяной городъ, перестрѣла за два, а отъ того мѣста, гдѣ большимъ приставомъ посла встречать, съ перестрѣлъ; а ждать того, какъ приставы большіе на встрѣчку выѣдутъ и будутъ готовы. А встрѣчать посла за городомъ Степану Ислѣньеву, да дьяку Воину Тресвинну; а ему, Ивану, ѡхати къ послу съ саньми и съ лошадьми немного напередъ приставовъ и сани подвести послу ото встрѣчи съ перестрѣлъ. А пріѣхавъ къ послу, молить:

Великій государь царь и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель, любя брата своего шахъ Аббасово величество, а тебя, Аббасъ шахова посла жалуя, велѣлъ къ тебѣ послати съ своей царской конюшни санникъ съ саньми, на чемъ тебѣ ѡхати на подворье, а явя, подвести послу сани, а шаховымъ людямъ кречетникомъ, четыремъ человекомъ, да посольскимъ лутчимъ людямъ, десяти человекомъ, и всего четырнатцати человекомъ лошади, кони и мерины роздать безъ скаски. А подведчи подъ посла санникъ, и кречетникомъ и посольскимъ людямъ лошади роздавъ, ѡхати въ городъ до подворья съ приставы вмѣсте. Да какъ посоль пріѣдетъ на дворъ и исъ саней выдетъ, и Ивану велѣти лошади взяти страпчимъ конюхомъ и ѡхати съ ними на государеву цареву и в. кн. Михаѣла Ѳеодоровича в. Р. конюшню, а пріѣхавъ, сказати о томъ въ посольскомъ привазе діакомъ, думному Ивану Грамотяну да Саве Романчукову.

И генваря въ 31 де(нь) указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. быти у себя, у государя, на дворѣ кизылбашскому послу Булатъ беку на приѣзде. И того дни кизылбашской посолъ у государя на дворѣ былъ, а посланы по нево звати ко государю на дворъ приставы его, Степанъ Ислѣньевъ да дьякъ Воинъ Терескинъ. А лошедь подъ посла съ санми да подъ шаховыхъ кречетниковъ, подъ 4-хъ человекъ, да подъ посольскихъ подъ лутчихъ людей, подъ 10 человекъ, лошади съ сѣдлы посланы зъ государевы конюшни. А ѣхали съ посломъ въ городъ съ правую сторону Степанъ Ислѣньевъ, а съ лѣвую сторону Григорей Зловидовъ да дьякъ Воинъ Терескинъ. А съ послы ѣхали въ городъ въ ѣздокъхъ дети боярскіе и подъячьи и дворовые люди, и конюхи пятьдесятъ человекъ на конехъ въ чистомъ платьѣ.

А какъ посолъ ѣхалъ въ городъ, и въ то время въ городѣ отъ Красново крыльца и до Ороловскихъ воротъ и до посольсково двора стояли стрѣльцы въ цвѣтномъ же платьѣ съ пищальми.

А государь царь и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. въ тѣ поры въ золотой въ средней въ подписной полате и сидѣлъ въ своемъ царскомъ въ большомъ мѣсте и въ царскомъ платьѣ въ діадиме съ скипетромъ. А по обе стороны государя стояли рынды въ бѣломъ платьѣ и въ золотыхъ чепяхъ. Съ правую сторону: князь Федоръ князь Борисовъ сынъ Татевъ, да князь Федоръ князь Федоровъ сынъ Волконской; съ лѣвую сторону: князь Иванъ князь Борисовъ сынъ Татевъ, да князь Петръ князь Федоровъ сынъ Волконской. А бояре и околичіе и дворяне большіе сидѣли въ золотыхъ шубахъ да въ черныхъ шапкахъ. А столыники и дворяне большіе сидѣли при государе въ полате въ золотомъ же платьѣ. А въ сенѣхъ передъ золотою полатою сидѣли дворяне же и дети боярскіе изъ городовъ и приказные люди въ цвѣтномъ платьѣ.

А приѣхавъ посолъ въ городъ, вышелъ изъ саней на мостки противъ казенные полаты среднево быка. А кречетники сѣбли съ лошадей противъ казенново двора воротъ; а посольскіе люди сѣбли съ лошадей у угла Архангельскіе паперти, и шли ко государю среднею лѣсницею.

А какъ посолъ взшелъ на переходы, и встрѣтили посла у проходные полаты на рундукѣ въ дверехъ дворенинъ князь Олексѣй князь Григорьевъ сынъ Долгорукой да дьякъ Семень Собакинъ. И шли встрѣчники въ полату передъ посломъ.

А какъ посолъ вшелъ ко государю въ полату, и явилъ его

государю челомъ ударить окольниковъ Федоръ Левонтьевичъ Бутурлинъ, а молилъ: Великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! Брата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли шахъ Аббаса посолъ Булатъ бекъ вамъ, великому государю, челомъ ударилъ. И государь пожаловалъ, позвалъ посла къ руке и клалъ на него свою царскую руку. И посолъ, бывъ у руки, правилъ государю отъ шаха челобитье, а молилъ: Высокопрестольный надъ государи превознесенный великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! Персидцкій и ширванскій и многихъ государей повелитель братъ вашъ великій государь шахъ Аббасово величество велѣлъ вамъ, великому государю, челомъ ударити и ваше царское здоровье видети! И государь, приподвися гораздо, молилъ: Братъ нашъ, шахъ Аббасъ, по здорову-ль? И посолъ сказалъ про шахово здоровье да поднесъ государю отъ шаха грамоту. И государь велѣлъ у него грамоту принять посольскому думному дяку Ивану Грамотину и велѣлъ посла спросити: опричь грамоты съ нимъ отъ шаха приказъ рѣчью есть ли? и будетъ есть, и онъ бы говорилъ. И посолъ говорилъ рѣчь: Великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! Великій государь мой шахъ Аббасово величество велѣлъ мнѣ вамъ, великому государю, говорити, чтобъ вы, великій государь, былъ съ нимъ, въ государемъ нашимъ, съ шаховымъ величествомъ въ дружбе и въ любви и о своихъ здоровьяхъ послы своими и посланники ссылатися безъ уриву. И государь, выслушавъ рѣчи, велѣлъ послу сѣсти на скамейке, а скамейка была, какъ и литовскимъ посломъ. Да какъ посолъ сѣлъ, и государь пожаловалъ къ руке шаховыхъ вретчиковъ и клалъ на нихъ свою царскую руку.

А после того являлъ государю отъ шаха поминки окольниковъ Федоръ Левонтьевичъ Бутурлинъ, а молилъ: Великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! Братъ вашъ, великій государь, персидцкій и ширванскій, шахъ Аббасъ прислалъ къ вамъ въ поминкахъ: покровецъ постелной, низанъ жемчугомъ съ бисеры и съ корольки, травы, люди и звѣри, и птицы; 2 покровца блюдные, низаны жемчугомъ же и бисеры; карманецъ, низанъ жемчугомъ съ корольки и съ бисеры, индѣйское дѣло; бархатъ—по серебру травы розныя шелки; 12 камокъ серебряныхъ и золотыхъ; 12 кушаковъ шелковыхъ съ золотомъ и съ

серебромъ, 11 портищъ бархатовъ розными цвѣты; 7 портищъ камокъ кизылбашскихъ шелковыхъ, цветныхъ; 14 портищъ камокъ цветныхъ, китайки, 36 портищъ камокъ розными цвѣты, меляшныхъ; 7 дороги кашанскіе розными цвѣты; 10 мисъ и блюдь, и торѣлей, и достокановъ, и братинокъ, и чарокъ, и сулей еареунныхъ ценинныхъ; 8 ковровъ большихъ и середнихъ цветныхъ; 2 полсти бурятныхъ; шатерь кизылбашской киндячной съ выходы.

А после шаховыхъ поминковъ явилъ государю окольниковъ же посольскіе поминки, а молилъ: Великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! Брата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли шахъ Аббаса посоль вамъ, великому государю, челомъ бьетъ: 2 камки кизылбашскихъ цветныхъ зъ золотомъ и съ серебромъ, 2 камки китайки, бархатъ чернъ, барсъ, сабля булатная кизылбашская.

А какъ окольниковъ шаховы и посольскіе поминки государю явилъ, и государь велѣлъ посольскому думному дьяку Ивану Грамотину говорить послу рѣчь.

И по государеву указу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ послу рѣчь, а молилъ:

Булатъ бекъ! Великій государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ тебѣ говорити: которые еси рѣчи говорилъ нашему царскому величеству отъ брата нашего Аббасъ шаха на посольстве, и мы, великій государь, тѣ рѣчи выслушали и грамоту шахъ Аббасову велимъ перевести и выслушаемъ, и о которыхъ дѣлахъ шахъ къ нашему царскому величеству писалъ въ своей грамоте, и мы, великій государь, на тѣ на всѣ дѣла велимъ тебѣ отвѣтъ учинить инымъ временемъ.

Да велѣлъ государь посольскому думному дьяку Ивану Грамотину сказать послу свое государево жалованье отъ стола ѣству и питье. И по государеву указу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ молилъ послу:

Булатъ бекъ! великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель жалуетъ тебя своимъ царскимъ жалованьемъ отъ своего царсково стола ѣствою и питьемъ.

А сказавъ государево жалованье, отпустилъ посла съ приставы на подворье. А встрѣчники провожали посла до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали. А съ столомъ отъ государя къ послу посыланъ стольникъ

князь Григорей князь Васильевъ сынъ Тюевкинъ, а наказъ ему данъ таковъ.

Лѣта 7129-го генваря въ 31 де(нь) государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. велѣлъ стольнику князю Григорью Васильевичю ѣхать къ кизылбашскому послу къ Булатъ беку съ своимъ государевымъ жалованьемъ съ ѣствою и съ питьемъ, и князю Григорью, пріѣхавъ на дворъ, выти изъ саней блиско лѣсницы и итти къ послу въ хоромы, а за собою велѣтъ нести вина и меда въ кубкахъ и ѣству и питье. А пришедъ къ послу, молить: Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и иныхъ многихъ государствъ государь и обладатель брата своево любительново великого государя Аббасъ шаха любачи, а тебя, посла ево, жалуючи, прислалъ къ тебѣ съ своимъ царскимъ жалованьемъ съ столомъ, съ ѣствою и съ питьемъ. Да велѣти на столъ скатерть наслати и судки поставити. И ѣству на столъ поставя, взявъ ковшъ питья, молить князю Григорью: чаша великого государя царя и великого князя Михайла Ѳедоровича в. Р. с. и многихъ государствъ государя и обладателя! Дай, Госноди, великій государь нашъ царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и братъ его любительной, государь вашъ, шахъ Аббасово величество здоровы были на многіе лѣта, а намъ бы межъ ихъ, великихъ государей, впередъ видети братцкую любовь и ссылку! Да ковшъ выпити напередъ, а другой ковшъ подати послу; а после тово подати приставомъ и вретчикомъ. А подавъ чашу, ѣхать къ государю царю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Русіи, и что съ нимъ кизылбашскіе послы поговорять, и ему про то сказати государю царю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи.

Переводъ кизылбашского шахъ Аббасовы грамоты, что прислана съ посломъ ево зъ Булатъ бекомъ 129-го генваря въ 30 де(нь).

Господь есть великъ и милостивъ и великой хвалѣ достоенъ. Высокопрестольному всегда въ благосчастіи пребывающему великоименному высокоручному милостивому, великого мѣста и великіе чести достойному, храбростію подобно Александру царю, великимъ государствамъ подобенъ Дарію царю и Джемшиду великому, защиченьемъ подобнымъ Газанееру царю, доброю славою просіявшему подобно солнцу сіяющему, царского корени отросли Російсково государствія Московскому и великому государю изъ государей мисійского закона избранному, разсудному и ко государству своему разширенье имѣющему, милостивому, дружелюбному, честному и хвалному, превьсочайшему и великому государю Михайлу Ѳедоровичю великому князю, Вѣлому царю, чтобъ вамъ милостію

Божією и многою благодатію Божією желанієм своимъ исполнену быти. А потомъ объявляю, что отъ прежнихъ московскихъ великихъ государей, какъ зачалося быти межъ насъ, великихъ государей, дружба и любовь и ссылка, и до сѣхъ мѣсть безъ урыву, и ныне тѣмъ же обычаемъ отъ васъ, великого государя, послы ваши, въ доброй часъ пришедъ къ намъ, про ваше здоровое намъ объявили и посольство отправили, и мы, слыша про ваше здоровье и съ вами, великимъ государемъ, крѣпкую дружбу и любовь, и соединенье, обрадовались. И будетъ похотите вы, братъ нашъ, про насъ вѣдать, и мы воздаемъ славу Богу, что Божією милостію пребываемъ, какъ годно другомъ радостно о насъ слышать и надъ недруги нашими во одолѣнье и ни отъ которме стороны отъ недруговъ недружбы и утесненья не имѣемъ. А отъ васъ, великого государя, желаемъ тово, чтобъ межъ насъ, великихъ государей, дружба и любовь и соединенье было по прежнему, а послы бѣ и посланники межъ насъ, великихъ государей, съ любительными грамоты ходили всегда безъ урыву, и будетъ которое дѣло ваше лучитца у насъ въ государстве, и вамъ бы про то намъ объявить, и мы то дѣло учнемъ съ радостію исполнять. Пишемъ къ вамъ, великому государю, о дружбе и о любви и о соединенье; а окроме дружбы и любви ничего не желаемъ. А потомъ, дай Богъ вамъ, великому государю, во веки всѣмъ желаньемъ своимъ исполнену быти! А съ сею любительною грамотою послали къ вамъ ближнево своево человекъ Булатъ бека, и вамъ бы, великому государю, велѣть ево, не задержавъ, вскорѣ отпустить къ намъ.

А назади у грамоты въ печати пишутъ: шахъ Аббасъ.

И марта въ 1 де(нь) государь ц. и в. князь Михайло Федоровичъ в. Р. указалъ быти у себя, государя, на дворѣ и у бояръ въ отвѣте кизылбашскому послу Булатъ беку, а въ отвѣте указалъ государь быти бояромъ: боярину ближнему и намѣстнику казанскому князю Ивану Борисовичю Черкасскому, да боярину и насмѣстнику ржевскому князю Ивану Федоровичю Троекурову, да діакомъ, думному посольскому дьяку Ивану Курбатову сыну Грамотину да Саве Раманчукову. И того дни кизылбашской посоль у государя на дворѣ былъ. А посланы по нево и ѣхали съ нимъ ко государю на дворъ приставы ево Степанъ Ислѣньевъ да дьякъ Воинъ Трескинъ. А лошедь подъ него съ саньми да подъ шаховыхъ кречетниковъ подъ 4-хъ человекъ да подъ посольскихъ лутчихъ людей подъ 10 человекъ лошади съ сѣдлы посланы зъ государевы конюшни противъ того жъ, сколько послано къ нему въ тотъ день, какъ онъ у государя былъ на приѣзде. А ѣхали съ посломъ

въ городъ приставы, Степанъ съ правую сторону, а дьякъ Воинъ съ лѣвую сторону. А передъ посломъ ѣхали въ городъ детей боярскихъ и дворовыхъ людей и подьячихъ и конюховъ 50 человекъ.

А государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. въ тѣ поры былъ въ золотой въ средней въ подписной полате и сидѣлъ въ своемъ царскомъ въ большомъ мѣсте и въ царскомъ платьѣ, въ діадимѣ съ скифетромъ. А по обе стороны государя стояли рынды: съ правую сторону Иванъ Васильевъ сынъ Морозовъ да князь Ѳедоръ князь Ѳедоровъ сынъ Волконской, съ лѣвую сторону князь Юрьи князь Ондрѣевъ сынъ Ситцкой да князь Петръ князь Ѳедоровъ сынъ Волконской. А бояре и окольничіе и дворяне большіе сидѣли въ золотыхъ шубахъ да въ черныхъ шапкахъ. А стольники и дворяне большіе сидѣли при государе въ полате въ золотномъ же платьѣ. А въ сѣнехъ передъ золотою полатою сидѣли дворяне и дьяки, и приказные люди, и гости въ золотномъ же платьѣ. А по крыльцу и по средней лѣснице были дворяне же и дети боярскіе и приказные люди въ золотномъ же и въ чистомъ платьѣ. А стрельцы всѣхъ приказовъ стояли съ рупницами отъ середніе лѣсницы и ото ероловскихъ воротъ площадью и Ильинскою улицею до посольсково двора, гдѣ стоитъ кизылбашской посоль.

А пріѣхавъ посоль въ городъ, вышелъ изъ саней на мостки противъ казенные полаты среднего быка. А кречетники сѣли съ лошадей противъ казенново двора воротъ, а посольскіе люди сѣли съ лошадей у угла Архангельскіе паперти и шли ко государю середнею лѣсницею.

А какъ посоль взошолъ на переходы, и встрѣтилъ посла у проходные полаты на рундукъ въ дверехъ князь Данило Долгорукой да дьякъ Семень Собакинъ. И шли встрѣчники въ полату передъ посломъ. А какъ посоль вшелъ ко государю въ полату, и явилъ его государю челомъ ударить околничей Ѳедоръ Левонтьевичъ Бутурлинъ. А моля: Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! Врата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли шахъ Аббаса посоль Булатъ бекъ вамъ, великому государю, челомъ ударилъ и на вашемъ государскомъ жалованье челомъ бьетъ. И посоль былъ челомъ на государеве жалованье, что государь пожаловалъ посылалъ къ нему съ столомъ. И государь пожаловалъ, велѣлъ послу сѣсти на скамейке, а скамейка была попрежнему. А посидѣвъ мало, велѣлъ государь посольскому думному дьяку Ивану Грамотину кизылбашскому

послу молить рѣчь. И по государеву приказу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ послу рѣчь:

Булатъ бекъ! Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ тебѣ говорити: о которыхъ дѣлехъ писалъ къ нашему царскому величеству братъ нашъ, шахъ Аббасъ, въ своей грамоте, и мы тоѣ брата нашего, Аббасъ шаха, грамоту выслушали любительно, а после посольства приказывалъ еси нашего царского величества къ приказнымъ людямъ, что есть съ тобою къ намъ отъ Аббасъ шаха приказъ о нашихъ государскихъ о великихъ дѣлехъ известить нашего царского величества бояромъ, и мы, великій государь, тѣхъ дѣлъ посылаемъ у тебя слушати бояръ нашихъ, боярина ближнего и намѣстника казанского князя Ивана Борисовича Черкассково да боярина и намѣстника ржевского князя Ивана Ѳедоровича Троекурова, да дьяковъ нашихъ, думново Ивана Курбатова сына Грамотина да Саву Раманчукова.

А какъ Иванъ рѣчь изгосорилъ, и государь велѣлъ съ посломъ приставомъ итти въ отвѣтную въ набережную полату. А проводили ево встрѣчники до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встречали. А после того послалъ государь къ кизылбашскому послу отъ себя, государя, съ отвѣтомъ бояръ, князя Ивана Борисовича съ товарищи. И какъ бояре и дьяки вошли въ отвѣтную полату, и посолъ бояръ встрѣтилъ среди полаты, и явилъ бояръ послу дьякъ Сава Раманчуковъ, а моилъ: Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель выслалъ къ тебѣ на отвѣтъ бояръ своихъ: боярина ближнево и намѣстника казансково князя Ивана Борисовича Черкассково, боярина и намѣстника ржевсково князя Ивана Ѳедоровича Троекурова Ярославсково, да думново дьяка Ивана Грамотина, да дьяка меня, Саву Раманчукова.

И бояре и дьяки съ послы корошевались, а корошевався, бояря и дьяки по мѣстомъ: въ большемъ мѣсте отъ Москвы рѣки сидѣлъ бояринъ князь Иванъ Борисовичъ, а въ лавке отъ Стрѣтеня сидѣлъ бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Троекуровъ да дьяки, думной Иванъ Грамотинъ да Сава Раманчуковъ. А послу велѣли сѣсти противъ себя на скамейке. И говорили послу бояринъ ближней и намѣстникъ казанской князь Иванъ Борисовичъ Черкасской: Бога въ Троице славимаго милостію великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ тебѣ говорити: доносили до нашего царского

величества приказные люди, приказывалъ ты съ приставомъ своимъ съ Степаномъ Исѣвьевымъ, что есть съ тобою къ нашему царскому величеству брата нашего Аббасъ шахова величества приказъ о тайныхъ о великихъ дѣлахъ, и нашему бѣ царскому величеству тѣхъ дѣлъ велѣти у тебя выслушати нашего царского величества ближнимъ людемъ, и мы, великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ, велѣли у тебя тѣхъ дѣлъ выслушати нашего царского величества бояромъ, и ты бѣ тѣ дела, что съ тобою къ нашему царскому величеству отъ шахова величества наказано, объявилъ бояромъ нашимъ.

И кызылбашской посолъ говорилъ: приказывалъ со мною къ великому государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичю всеа Русіи къ его царскому величеству великій государь мой, шахъ Аббасово величество, чтобъ великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи съ его шаховымъ величествомъ былъ по прежнему въ братцкой любительной дружбе и въ любви, а шахово величество съ царскимъ величествомъ въ дружбе и любви хочеть быти свыше прежнево и хочеть шахово величество, чтобъ межъ царского величества и межъ его, государя, иного сусѣда никого не было, и для бѣ того царское величество велѣлъ поставити въ Кумытцкой землѣ, на Сунше, города; а какъ царского величества города въ тѣхъ мѣстехъ стануть, и межъ царского величества и шахова величества иного никого въ сусѣдехъ не будетъ, ино все будетъ ихъ государская земля, и недругомъ своимъ будутъ страшны.

И бояре говорили: что мы у тебя слышимъ, и мы о томъ до царского величества донесемъ, а ты намъ объяви о иныхъ дѣлахъ, что съ тобою шахово величество наказалъ.

И кызылбашской посолъ говорилъ: велѣлъ шахово величество царскому величеству известити: въ прошлыхъ годѣхъ на Терке шахова величества людей пооскорбили, и про то бѣ царское величество велѣлъ сыскати.

И бояре говорили: сколь давно и при которомъ воеводе, и хто какіе люди и ково шаховыхъ людей оскорбили и чѣмъ оскорбили, про то бѣ сказалъ подлинно, а царскому величеству и намъ, царского величества бояромъ, про то ни отъ кого по ся мѣста вѣдома не было, что шаковы люди на Терке оскорблены.

И шаховъ посолъ Булатъ бекъ говорилъ: шахова человѣка Курчибашины люди торговали въ Астарахани и поплины съ товаровъ платили, а изъ Астарахани поѣхали въ бусе на Терекъ, и не дошедъ

Терки, близко Терки бусу розбило, и которые у нихъ товары были на бусе, и тѣми товары завладѣли терскіе люди, что принесло къ берегу а имъ ничего не отдали, а дѣлалось то при нынешнемъ воеводе, хто воевода ныне на Терке.

И бояре говорили: сколь давно то дѣлалось и хто именовъ воевода былъ, и на сколько товаровъ взято?

И кизылбашской посоль говорилъ: мочно сыскать про то въ Астарахани таможенными книгами, пошлину они съ тѣхъ своихъ товаровъ въ Астарахани не (sic) платили и по тому будетъ вѣдомо, сколько у нихъ товаровъ будетъ; а дѣлалось то при воеводе при Петрѣ Петровиче Головине, и прежь того о томъ азъ, Булатъ бекъ, царского величества бояромъ въ отвѣте говорилъ.

И бояре говорили: и мы о томъ до царского величества донесемъ и царское величество велитъ про то сыскати.

И посоль говорилъ: приказывалъ съ нимъ шахово величество, велѣлъ царскому величеству известити: прежь сево шахова в. торговымъ людемъ во всемъ было береженье, пошлину таможенную съ нихъ имали рядовую, а ныне въ Астарахани и на Терке емлютъ съ шаховымъ съ торговыхъ людей пошлину большую мимо царского величества указу не по прежнему, и многое насильство шаховымъ торговымъ людемъ чинять и продажи.

И бояре говорили: великій государь нашъ царь и в. кн. Михайло Оедоровичъ всеа Русіи самодержецъ для шаховы братцкіе дружбы и любви велѣлъ къ шаховымъ торговымъ людемъ въ Астарахани и на Терке держати береженье свыше прежнему. И по его государскому указу въ Астарахань и на Терекъ посланы его, государевы, грамоты къ воеводамъ съ великимъ запрещеньемъ, чтобъ шаховыхъ торговыхъ людей во всемъ берегли и обидити никому не давали, и пошлины велѣлъ имать прямые, а съ шаховыхъ товаровъ пошлинъ никакихъ имать государь не велѣлъ; а къ тому царское величество велѣлъ милости своей прибавить, чего прежь сево и не бывало: прежь сево птицъ ловчихъ и зверей живыхъ никому не продаывали, а ныне царское величество и то шаховымъ торговымъ людемъ продавати велѣлъ: звѣри живые и птицы ловчіе, какіе добудутъ шаховы люди, продавать велѣлъ повольню, а то царское величество велѣлъ учинити, оказуючи свою государскую любовь въ шахову величеству. А что ты сказываешь, что будто шаховымъ людемъ обиди многая и пошлины емлютъ съ его торговыхъ людей большіе, и царскому величеству по ся мѣста про то не вѣдомо, и ты бѣ намъ, царского величества бояромъ, объявилъ: сколь давно то дѣлалось, при

которыхъ воеводахъ, и кто именемъ царского величества люди, и кому именемъ шаховымъ людямъ какіе обиды починили и въ какихъ дѣлахъ, и мы о томъ донесемъ до царского величества, и царское величество велить про то сыскать и наказанье тѣмъ людямъ, которые негораздо дѣлали, велить учинить. Намъ, царского в. бояромъ, и самимъ то надобно, чтобъ того непригожево дѣла не было, чтобъ въ томъ межъ великихъ государей ссоры не учинить.

И кизылбашской посолъ говорилъ: всего онъ подлинно не упомянуть, что кому шаховымъ людямъ обидъ учинено, а то вѣдаетъ, что шаховымъ людямъ учинились обиды многіе при всѣхъ воеводахъ, которые преже сево были и которые ныне недобро дѣлають, и гостина двора приставы и тамошники, и толмачи чинять шаховымъ людямъ многіе обиды.

И бояре допрашивали, чтобъ сказалъ именно: при которыхъ воеводахъ что дѣлалось? Будетъ только што дѣлалось до царского величества самодержавства, и то дѣлалось въ смутные лѣта: того спрашивать нѣ на комъ; а только будетъ что дѣлалось при государѣ — и про то сыскать мочно, и тѣмъ людямъ за то будетъ наказанье.

И посолъ говорилъ: и при государе де ужъ воеводы дѣлали недобро только лише одинъ воевода астараканской, именемъ князь Олексѣй, которой жилъ въ Астаракани въ остроге, а дѣлалъ межъ государей добро и шаховымъ людямъ насильства отъ него не было никоторого; а опричь де того ни отъ которова воеводы шаховымъ людямъ добра не было; также и отъ дьяковъ, и отъ головъ, и отъ тамошниковъ, и отъ подьячыхъ, и отъ толмачей насильства шаховымъ людямъ были многіе и поминки имали великіе, всего и упамятовать нельзя.

И бояре допрашивали, что(бъ) сказалъ именно: которой воевода астараканской или терской, о которую пору, которому шахову челоуѣку какую неправду здѣлалъ, и государь того велить сыскать. А что будетъ дѣлалось до государя, и того ему спрашивать нѣ на комъ: тогда было время безгосударное.

И посолъ говорилъ: онъ то доподлинно не вѣдаетъ, а то вѣдаетъ: какъ на Терке былъ воевода Петръ Головинъ, и онъ у шахова челоуѣка взялъ триста рублевъ сильно.

И бояре говорили: преже тово о томъ рѣчи были, чаемъ: то дѣлалось до царского величества державы.

И кизылбашской посолъ говорилъ: такъ де правда: то было за шесть мѣсяць до царского величества обиранья.

И бояре говорили: хотя за два мѣсяца, не за шесть мѣсяць, однако дѣлалось въ безгосударное время, и сыскъ про то былъ, и въ

томъ дѣле Петровы жъ вины Головина не объявилося. Вѣдаешь самъ, какъ были напередъ сево у царского величества шахова величества послы Кая салтанъ да ты, Булатъ бека, и по царского величества указу были есте въ отвѣте у боярина и намѣстника нижегородцково, у князя Олексѣя Юрьевича Ситцково Ярославсково съ товарищи, и вы тогда о томъ царского величества бодромъ говорили: взялъ де у государя вашего человѣка на Терке бояринъ Петръ Петровичъ Головинъ триста рублевъ денегъ и по ся мѣста ему не отдалъ, и царскому бѣ величеству тебя, Булатъ бека, пожаловать: тѣ деньги велѣтъ, сыскавъ, отдать тебѣ, и на то тебѣ тогда же бояринъ и намѣстникъ нижегородцовой князь Олексѣй Юрьевичъ Ситцкой съ товарищи учинили отвѣтъ, что про тѣ деньги сыскивано царского величества боариномъ и воеводою Петромъ Петровичемъ Головиннымъ, а въ сыску царского величества бояринъ Петръ Головинъ сазалъ, что онъ у человѣка твоего никакихъ денегъ въ государеву казну и себѣ не имывалъ и человѣка твоео никою не видалъ, а дѣлалось де тѣмъ обычаемъ въ смутное время, а въ которомъ году, того не упомянуть: били челомъ ему, Петру, пріѣхавъ на Терекъ изъ Астарахани, тезики на терскихъ стрельцовъ, а сазали, что будто послали онѣ съ тѣми стрельцы изъ Астарахани двѣсти рублевъ денегъ, и они имъ не отдали, и онъ тѣмъ тезикомъ на тѣхъ стрельцовъ давалъ судъ, и на судѣ стрельцы въ тѣхъ деньгахъ отвечали, что онѣ у нихъ денегъ дву сотъ рублевъ не имывали, да слались на астараханскую на проѣзжую грамоту, что тѣхъ денегъ и въ проѣзжей грамоте не написано, и онъ де велѣлъ имъ положить передъ себя проѣзжую грамоту, и тезики передъ него астараханскую проѣзжую грамоту клали, и онъ, Петръ, тоѣ грамоты досматривалъ самъ, и въ той де грамоте товары всѣ, которые пошли съ ними на Терекъ изъ Астарахани, написаны имянно, а тѣхъ денегъ въ проѣзжей грамоте не написано. И онъ де, Петръ, тезиковъ про то имянно допрашивалъ: для чего тѣ деньги у нихъ въ проѣзжей грамоте имянно не написаны и почему онѣ въ тѣхъ денгахъ стрельцомъ вѣрили? И тезики де сазали, что тѣ деньги у нихъ въ проѣзжей грамоте не написаны, а деньги онѣ съ стрельцы послали, повѣря имъ, что онѣ терскіе жильцы и съ ними всегда знаютца. И онъ де, царского величества бояринъ, тезикомъ въ тѣхъ деньгахъ отказалъ потому, что тѣ деньги въ проѣзжей грамоте не написаны, и улики въ тѣхъ деньгахъ на стрельцовъ не сазали некоторые, и сыскать было про то нѣчемъ. Да и сверхъ боярина Петра Петровича велѣлъ государь про то сыскати на Терке мимо Петра всякими людьми накрепко, да и дѣлу записку подлинную, какъ

то дѣлалось, велѣлъ государь съ Терки взять для подлинного сыску къ Москве, ино по сыску и по записке по дѣлу было такъ, (какъ) сказалъ бояринъ Петръ Петровичъ Головинъ, а ни у кого Петръ Головинъ у шаховыхъ людей денегъ не имывалъ, сыскать про то нѣчемъ, и впередъ того спрашивать нѣ на комъ.

И посоль говорилъ: коли про то сыскано подлинно, что дѣлалось такъ, а до Петра то дѣло не дошло, и онъ про то впередъ говорити не будетъ.

Да подалъ посоль память, писана татарскимъ писмомъ, а сказалъ, что въ той памяти писано, что учинилось обидъ шаховымъ людямъ въ царского величества городѣхъ.

И бояре допрашивали посла: всѣ ль онъ дела о чемъ ему шахово величество приказалъ царскому величеству известить, имъ, бояромъ, объявилъ? И посоль говорилъ: еще есть дѣло: какъ ужъ меня шахово в. къ царскому величеству отпустилъ, и былъ ужъ я въ дороге, и шахово в. прислалъ за мною грамоту, а велѣлъ мнѣ царскому величеству известити: пріѣхалъ къ шахову величеству служить Шайнъ Гирѣй царевичъ крымской и ныне живетъ въ шахове области, шахово величество его жалуетъ и бережетъ, и преже сего объ немъ къ царскому в. писалъ, чтобъ царское в. для шахова величества къ нему свое жалованье держалъ, и ныне шахово в. велѣлъ царскому в. известити: ѣздятъ Шайнъ Гирѣевы царевичевы люди для его дѣлъ въ Астараханъ и на Терку, и царское бѣ величество велѣлъ Шайнъ Гирѣевымъ царевичевымъ людямъ береженье держать и никому бѣ ихъ подавать не велѣлъ.

И бояре говорили: преже сево писалъ къ великому государю нашему къ его царскому в. Аббасъ шахово в. и съ послы своими приказывалъ, чтобъ царскому в. для ево братственные дружбы и любви держать крымсково Шайнъ Гирѣя царевича въ своемъ царскомъ милостивомъ жалованье и ото всѣхъ недруговъ ево во обороне, и царское в. по прошенью брата своево Аббасъ шахова в. по ся мѣста Шайнъ Гирѣя царевича держалъ въ своемъ государскомъ жалованье и людямъ ево въ царского величества города пріѣздъ былъ повоальной, и пошлннъ съ товаровъ ихъ не имали, а ныне писали къ царскому в. изъ Астарахани воеводы, что пріѣхалъ къ нимъ въ Астараханъ шаховъ сокольникъ Бархардаръ ага, а привезъ съ собою отъ Шайнъ Гирѣя царевича къ нагайскимъ мурзамъ грамоты, а пишетъ къ нимъ Шайнъ Гирѣй царевичъ, отводя ихъ отъ царского в. на Крымскую сторону, и тѣмъ дѣлаеть межъ царского в. и межъ шахова в. ссору, а шаху то вѣдомо

самому, что нагайскіе князи и мурзы издавнихъ лѣтъ холопи великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ, да и ныне подъ великого государя нашего его ц. в. высокою рукою и служатъ великому государю нашему, а великій государь нашъ держитъ ихъ подъ своею царскою высокою рукою въ своемъ царскомъ милостивомъ жалованье.

И вязьлбашской посоль говорилъ: а къ которымъ нагайскимъ мурзамъ писалъ именно и куды ихъ отводить отъ царского жалованья?

И бояре говорили: писалъ къ нагайскимъ мурзамъ къ Яштерекъ мурзѣ Тенехматову да къ Аксакель Маметъ мурзѣ Тинбаеву и къ инымъ мурзамъ, а отводить ихъ отъ царсково величества жалованья съ астраханскіе стороны на крымскую сторону подъ Крымъ; а то тебѣ самому вѣдомо, что крымской царь царскому величеству непріятель, также и шахову в. недругъ, а другъ турскому салтану: и то добро ль дѣлаетъ Шайнъ Гирѣй царевичъ, что нагайскихъ мурзъ отъ царского в. жалованья отводить къ крымскому царю?

И посоль Булатъ бекъ говорилъ: онъ про то не вѣдаетъ; а что ему о Шайнъ Гирѣе царевиче велѣлъ говорить шахово в., и онъ то и говоритъ, а что онъ о Шайнъ Гирѣе царевиче слышитъ у нихъ, царского величества бояръ, и онъ про то шахову в. скажетъ.

И бояре говорили: о которыхъ ты дѣлехъ съ нами, царского величества бояры, говорилъ, и мы о тѣхъ о всѣхъ дѣлехъ до великого государя нашего до его царского в. донесемъ и отвѣтъ тебѣ на тѣ дѣла по царского величества указу учинимъ.

Да говорилъ послу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ о тѣхъ дѣлехъ, которые дѣла дѣлались не по пригожу съ шаховы стороны: царского величества бояре, остерегая межъ великого государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. с. его царского величества и межъ Аббасъ шахова в. ихъ государскіе дружбы и любви, чтобъ межъ ихъ, государей, ихъ государской дружбе и любви нарушенья не было, велѣли тебѣ объявити, что дѣлалось ныне въ шахове области надъ царского величества послы не по пригожу, мимо прежней обычай, чего прежде сево николи такъ не бывало. Какъ пріѣхали царского в. послы къ Шемахе, и у Шемахи была встрѣча посломъ по прежнему обычаю и о здоровье пословъ отъ шемахѣйсково хана спрашивали, и кормъ тотъ день давали доволенъ, а какъ пріѣхалъ въ Шемаху ты, Булатъ бекъ, и съ тѣхъ мѣсть у пословъ корму убавили: всего на сто на пятьдесятъ на шесть человекъ давали корму на день пять борановъ да на два дни яловица. А сказывали посломъ въ розговорехъ многіе люди, что сказывалъ де шаху

ти, Булатъ бекъ, что будто шаховымъ посломъ въ государеве землѣ давали корму мало и во всемъ была скудость.

И кизылбашской посолъ, выслушавъ речей, говорилъ къ нимъ: шахова величества посломъ царское жалованье многое онъ царское жалованье виделъ къ себѣ ноипаче иныхъ: сколько де язъ ѣлъ шахова хлѣба, столько царского величества хлѣба, потому что бывалъ въ Московскомъ государстве многижда, и ему было какъ то сказывать, чего не бывало, ничего онъ худого шаху не сказывалъ, а какъ де царского в. послы прїѣдутъ въ Шемаху, и кормъ де посломъ посылаетъ шемахѣйской Исупъ ханъ, сколько хочеть, столько и пошлетъ, то шахъ положилъ на немъ, а шахъ свое жалованье кормъ даетъ по своему, какъ ему покажетца, а къ тому, что дастъ шемахѣйской ханъ, не примѣриваетца и на немъ послѣ того спрашивать не доведетца: воленъ Богъ да шахъ.

И думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ: а какъ послы прїѣхали въ Ардевилъ, гдѣ шахъ въ то время былъ, и имъ у Ардевиля встрѣчи не было и лошадей подъ нихъ шахово в. не прислалъ, ѣхали въ городъ на усталыхъ влячахъ, на худыхъ, да быти имъ шахъ у себя въ Ардевиля не велѣли, а велѣлъ итти за собою въ Казбинъ, и подводъ послалъ и корму дали мало, и ѣхали съ великою ¹⁾. А въ Казбинъ шахъ пришедши, велѣлъ государевымъ посломъ ѣхати за собою въ Өарабатъ наскоро днемъ и ночью на тѣхъ же подводахъ, а лошадей имъ не прислалъ, а велѣлъ пословъ у Өарабата встрѣтити и на встрѣче встрѣчники о государскомъ здоровье спрашивали, не сседа я съ лошадей, и на посольстве шахъ велѣлъ былъ государевымъ посломъ быти у себя с-индѣйскимъ посломъ вмѣсте, и послы за то стояли, и шахъ велѣлъ быти будто однимъ, а индѣйской посолъ въ тѣ поры былъ у шаха жъ на дворѣ; а на завтреѣ велѣлъ быти у себя мимо большихъ пословъ дьяку Михайлу Тюхину, и послы Михайла пустити не хотѣли, и шахъ велѣлъ ево взяти сильно и говорилъ Михайлу съ кручиною многіе рѣчи, будто дѣлалось посломъ его въ государеве землѣ бесчестье и неволя во многихъ мѣрахъ; а посломъ шаховымъ въ царского величества землѣ николи ни въ чемъ безчестья и неволи не бывало. Да не токмо посломъ, и гонцомъ, и купчинамъ во всемъ царская милость и жалованье и кормъ даютъ доволенъ.

И кизылбашской посолъ говорилъ: было де все такъ; тольбе государь его шахово величество государь великой, дѣлаеть своимъ обычаемъ,

¹⁾ Тутъ слово пропущено, должно быти: «съ великою нужею».

указать ему нѣкому. А иное дѣлалось для того, что государевы послы шаха розгневили: какъ де прѣхали царского величества послы въ Ардевилъ, и въ тѣ де поры про шаха въ Ардевиле никого не было: всѣ были ратные люди противъ шахова недруга турецко салтана людей, и встрѣтить было у Ардевиля нѣкому, потому имъ и встрѣча не была. Да въ то жь время пришла де къ шаху вѣсть, что Богъ ему надъ недругомъ его надъ турецкимъ подаровалъ побѣду, и ему далъ Богъ радость и хотѣлъ смотрити царского величества присылки кречетовъ и посылалъ о томъ къ посломъ, чтобъ ему прислали кречетовъ посмотреть, и послы де шаха не послушали, кречетовъ къ нему не прислали и тѣмъ его розвручинили, и шахъ, осердясь на пословъ, такъ и дѣлалъ, и Михайла къ себѣ Тухина ималъ мимо большихъ пословъ, ведь ему указать нѣкому: государь великой, какъ похочетъ. А того шахъ при Михайле не говаривалъ, что посломъ шаховымъ недобро дѣлалось, а говорилъ про торговыхъ людей, что его торговымъ людямъ насильство и продажа, а береженья нѣтъ—о чомъ язъ топере подлинно вамъ по шахову приказу говорилъ, а про пословъ шахъ ничево не говаривалъ. А с-индѣйскимъ посломъ шахъ государевымъ посломъ велѣлъ быть у себя вмѣсте, а чаелъ того, что и такъ и лутче, что ихъ государская дружба и любовь будетъ, и индѣйскому вѣдомо, а индѣйской государь великой же и съ шахомъ въ дружбе. Да какъ государевы послы учили за то стояти, не захотѣли с-индѣйскимъ посломъ вмѣсте быти, и шахъ то и отставилъ; были государевы послы у шаха напередъ, а индѣйской посолъ былъ после царского величества пословъ, только одно то была помѣшка государевымъ посломъ, что шаха розвручинили, птицъ не прислали посмотреть, и шаху то стало на пословъ въ великую досаду.

И бояре говорили, что государевымъ посломъ учинити мимо государевъ указъ не мочно, и кречетовъ было напередъ посольства послать непригоже: съ чѣмъ же было самимъ посломъ итти къ шаху? Да и въ наказе у нихъ тово не написано, что напередъ кречеты послать, а веть всякой посолъ повиненъ исполнять повелѣнья государя своего.

И посолъ говорилъ: и онъ то вѣдаетъ и напередъ того такъ не бывало, только шаху хотѣлося кречетовъ посмотреть, и послы не прислали и тѣмъ ево розвручинили. И что онъ ныне слышитъ у нихъ, царского величества бояръ, и онъ то шаху скажетъ.

И думной дякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ: а что шахъ государевымъ посломъ велѣлъ давати корму, и изъ того корму пристава Усеинъ бекъ и онъ, Вулатъ бекъ, имали себѣ десятую долю, а иногда больши, а иногда многое время посломъ корму и не давали, а поку-

пали нослы кормъ собою, а въ одно время два мѣсяца покупали кормъ собою дорогою ценою.

И кизылбашской посолъ говорилъ: было такъ: приказывалъ шахъ въ Казбине къ посломъ со мною, а велѣлъ ѣхать за собою въ Тарабатъ, и послы не поѣхали, и шахъ велѣлъ имъ дати на кормъ 100 тюменей, на волко станеть. И после того послы прислали къ шахову величеству толмача, что у нихъ шахово жалованье кормовне деньги изошли, и шахъ де послалъ съ нимъ къ посломъ опять 100-жъ тюменей, а ему изъ того указалъ взяти на дорогу, и онъ взялъ по шахову приказу.

И бояре говорили: ино то царсково (*пропущено*: величества) послы кабы даньщивы! ведь пословъ государи чтать вмѣсто государей ихъ, всякой посолъ государя своего парсону на себѣ носить, и шахову величеству довелось царского величества чтети также, какъ и царское величество здѣсь шаховыхъ пословъ во всемъ жалуетъ и почестъ велить имъ чинить.

И кизылбашской посолъ говорилъ: въ томъ де шахова воля, ниhto ему указать не смѣеть, а до меня то дѣло не дошло. А какъ де поѣхалъ язъ съ послы изъ-Испогана, и шахъ на пословъ кормъ велѣлъ збирать ему, и онъ кормъ збиралъ полной и посломъ давалъ.

И бояре говорили: сказывали царского величества послы бояромъ, что приказывалъ къ нимъ калентарь, что ты взялъ на нихъ кормъ весь сполна, а къ посломъ только прислалъ 4 борана, двенатцать вуровъ, два батмана масла, четыре батмана пшена, дватцать батмановъ лепешекъ, и послы пошли изъ Казбина, покупая кормъ собою. Да и въ Шемахе ты посломъ корму велѣлъ давать не отъ велика, въ полы противъ прежечево и менши, и изъ того ималъ себѣ долю.

И посолъ говорилъ: давалъ кормъ посломъ доволенъ, а то послы, что будто имъ корму давано мало, сказывали неправду; а вы царского величества бояре посломъ вѣрите, а моимъ рѣчемъ не вѣрите.

И бояре говорили: преже сево нослы жъ царского величества у шахова в. бывали, да коли чево не бывало, и они ничего худово не сказывали, а ныне мы тебѣ говоримъ въ розговоръ, остерегая межъ государей дружбы и любви, чтобъ отъ того межъ государей нелюбие не всчалоса, а не иного для чего.

И кизылбашской посолъ говорилъ: чаю и то: послы вамъ, царского в. бояромъ, сказывали: въ Казбине де русской торговой человекъ продавалъ соболи, и шахъ велѣлъ ему прислати посмотреть къ себѣ соболи лутчіе, которые бъ пригодилися къ шахове казнѣ, и тотъ де человекъ соболи

прислалъ худые, и тѣмъ сказывалъ цѣну дорогу: триста рублей; а после де того продалъ сорокъ соболей Сарыхозину человѣку, а взялъ за него всего девять тюменей, а къ шаху таковыхъ соболей не прислалъ, и шахову в. то стало добрѣ досадно и велѣлъ былъ шахъ того человѣка задержать, и велѣлъ про то сыскать казбинскому воеводе. И держали того человѣка мѣсяца въ два и отпустили его со всѣмъ въ цѣлости, и подводн и кормъ ему и проѣзжей литья колентарь ему далъ. И тотъ де человѣкъ, пришедши къ посломъ, сказывалъ, что ему была мука, да и мнѣ сказывалъ то жъ; а язь де вѣдаю самъ подлинно, что ему никакой муки и безчестья большово не было; а чаю про то и вамъ, царского величества бояромъ, сказано неправдою. Да подалъ памятку тотарское письмо съ нишаномъ, сказалъ, что тому человѣку калентарь далъ проѣзжую и кормъ, и подводн по тому велѣлъ имать.

И бояре говорили: о которомъ онъ человѣке говорилъ, и то былъ не торговой человѣкъ, тотъ человѣкъ сынъ боярской, Дмитреевъ зовуть Хомяковъ; а ѣздилъ въ Кизылбаши съ царского величества посломъ со княземъ Михайломъ въ Борятинскимъ, а калентарь его поималъ и далъ его за пристава не по дѣлу и мучилъ его въ Казбине, и у себя въ деревне на работе не по дѣлу, и посломъ о томъ угроживалъ, чтобъ послы о томъ къ шаху бити челомъ не посылали. Да и ты, Булатъ бекъ, сказывалъ посломъ, что тотъ сынъ боярской взять по шахове грамоте. Да и корму посломъ для того давати не почали, чтобъ за тѣмъ въ Казбине не жили и къ шаху о томъ бити челомъ не посылали, и послы покупали кормъ собою. А того сына боярсково приводили передъ калентаря и его роспрашивали и пытать хотѣли: сколько у пословъ его животовъ, и пословъ за него хотѣли грабити, будто у пословъ его животы; а хоти бъ и были у пословъ его животы, ино послы и тотъ сынъ боярской люди царского величества, а не шаховы и роспрашивати было его и пытать и животовъ отнимать нѣ за что; а хоти бъ у него были и соболи, и онъ въ своихъ животѣхъ воленъ: кому хочеть, тому продаетъ. А отпуста пословъ изъ Казбина, того сына боярсково казбинской калентарь сослалъ къ себѣ въ деревню, и онъ у калентаря въ деревне работалъ съ мѣсяцъ, носилъ кирпичъ на гостинъ дворъ. И то пригожее ль дѣло такъ надъ царского величества людьми дѣлать? Въ Московскомъ государстве надъ шаховыми людьми такого бесчестья николи не бываетъ; а хоти и малая обида учинитца, и вы про то говорите, и по царского в. указу про то сыскиваютъ и виноватымъ чинять наказанье.

И посолъ говорилъ: того не бывало, что тотъ человѣкъ былъ на

работе, и пословъ грабить за него не хотѣли; а по шахову велѣнью того сына боярсково калентарь ималь, и въ томъ шахова воля. А после того тотъ человекъ отпущенъ со всѣмъ въ цѣле, и кормъ и подводъ ему даны.

И думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ: а какъ шахъ пошолъ изъ Тарабата в-Испогань, и государевымъ посломъ велено итти за шахомъ безъ людей, и везли пословъ на десети влячахъ, а больши того посломъ самимъ подводъ не дали и лошадей купить не позволили и вели ихъ что полоняниковъ; а людей ихъ, которые безъ нихъ остались въ Казбине, корму не давали. А какъ послы пришли къ Испогану, и подъ нихъ выслали двѣ лошади съ сѣдлы от-испогансково приказново человекъ, а не отъ шаха, да на тѣхъ лошадѣхъ, не заѣзжая на подворье, и въ шаху пословъ привели, кабы въ неволю, а они, ѣдучи дорогою, упылились и перегрязнились: въ чомъ ѣхали, въ томъ платьѣ и у шаха были. А прежде тово надъ государевыми послы таково безчестья николи не бывало. А которые послы шахова в. бываютъ у царского в., и имъ встрѣчи у Москвы бываютъ, и о здорově спрашиваютъ отъ царского в., и лошади подъ пословъ посылають зъ государевы конюшни, а государевымъ посломъ прежде того у шаха по тому жъ бывала почестъ и встрѣчи бывали большіе, и лошади подъ пословъ присылываны, и о здорově спрашивали отъ шаха.

И посолъ говорилъ: ему о томъ не наказано, а что посломъ было у шаха, и то дѣлалось по шахову велѣнью, а чаеть онъ за то, что послы шаха роскручинили: птицъ къ нему напередъ посольства не прислали.

И думный дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ: да царского жъ величества у пословъ подговорили въ Казбине 2 человекъ людей ихъ зъ животы, и они о томъ къ шаху бити челомъ посылали и къ шаховымъ приказнымъ людямъ приказывали, и приставомъ говорили, и приставы посломъ сказали, что тѣ люди есть, и ихъ, сыскавъ, приплють; а после того отказали, что тѣхъ людей не сыскали; а государевымъ посломъ ото многихъ людей вѣдомо, что тѣхъ ихъ людей взялъ къ себѣ и сослалъ въ помѣстьѣ казбинсково калентарь.

И посолъ говорилъ: то ему вѣдомо, что у государевыхъ пословъ люди збежали, а что говорите, что тѣхъ людей взялъ къ себѣ калентарь, и про то шахову в. никакъ не вѣдомо, да и онъ про то не слыхалъ.

И думной дьякъ Иванъ Грамотонъ говорилъ: а на отпуске царского в. послы у шахова в. были на мойдане и у руки были у шаха,

и рѣчь имъ говорилъ шахъ, сидя на конѣ, мимо прежней обичай, чего николи не бывало; а государскому имени въ томъ учинена многая нечесть. И отпустилъ шахъ пословъ въ Казбинъ, а изъ Казбина велѣлъ отпустить казбинскому калентару, и въ Казбине у пословъ животы ихъ пересматривали и переписывали, чего нигдѣ не токмо надъ послы, и надъ торговыми людьми не дѣлаетца.

И посолъ говорилъ: въ томъ шахова воля: какъ хочетъ—дѣлаеть, никто ему казать въ его землѣ не смѣеть, государь самовласной и дѣлаеть такъ, какъ хочетъ, а рухлядь де шахъ велѣлъ у пословъ переписать для подводъ, чтобъ вѣдомо было, сколько подводъ дать, чтобъ лишнихъ подводъ за посмѣхъ не давать.

И бояре говорили: у царского в. не токмо надъ шаховыми послы, и надъ купчинами того не ведетца, и животы ихъ не переписываютъ, а даютъ подводы по ихъ скаске, сколько имъ надобе.

И посолъ говорилъ: вѣдаю язъ царского в. милость къ посломъ къ шаховымъ и хъ купчинамъ подлинно, только то учинено не отъ меня: шахъ тому быти произволилъ, а мнѣ о томъ говорити не умѣть.

Да посолъ же говорилъ: слышелъ онъ у нихъ, царского величества бояръ, что жалуютца царского в. послы на шахово величество во многихъ мѣрахъ, а послы де сами были шаха не послушали: птиць къ нему не прислали. Да и то де вамъ, царского в. бояромъ, вѣдомо, что дѣлали царского в. послы в-Испогани не доброе дѣло: былъ у шахова в. в-Испогане бухарсково царя посолъ, и послы велѣли у него людемъ своимъ подговорити полоненика русково человѣка зъ животы и велѣли ево убить и закопали въ землю въ арменскомъ кладбище, и того человѣка велѣлъ шахъ выкопать и осмотреть, и тотъ человѣкъ колотъ ножемъ въ трехъ мѣстехъ, а не исъ пищали убить. И шахову де в. на пословъ то стало въ великую кручину.

И бояре говорили: сказывали имъ, царского в. бояромъ, послы Иванъ Чичѣринъ да дякъ Михайло Тюхинъ, что дѣлалось въ прошломъ во 127-мъ году: присланъ былъ съ Терки къ посломъ терской стрелець Мивитка Мещерякъ, и тотъ стрелець, будучи въ Кизылбашехъ, учалъ воровать и, напився пьянъ, убилъ себя самъ исъ пищали до смерти, и царского в. послы велѣли его погresti въ арменскомъ кладбище. И приставъ Усеинъ бекъ, которой былъ у пословъ, говорилъ царского в. посломъ, будто збежалъ отъ торгового человѣка, отъ бухарца, русской полоненикъ, а не отъ посла, а снесъ съ собою дватцать одинъ тюмень денегъ, и будто тотъ полоненикъ у пословъ. Да и шаху про то на государевыхъ пословъ сказали ложно, будто того

полоненика у бухарца велѣли подговорити и деньги будто у него взяли государевы послы и изъ того будто его велѣли убить. И по Усеннѣ бекове ложной скаске, того стрельца изъ могилы велѣли выкапывать и бухарцу велѣли узнавать, и бухарець узналъ, что то не ево полоненикъ, а хаживалъ вмѣсте съ его полоненикомъ. И въ томъ полоненике велѣли выйти въ двора у государевыхъ пословъ людей ихъ и пыткою имъ грозили и собаками травить хотѣли, и сидѣли посольскіе люди за приставомъ долгое время. А после про того полоненика сьскалось, что тотъ бухарцовъ полоненикъ пошолъ изъ Ыспогани въ Казбинъ съ черкашениномъ съ Сенкою Пьялою, а тотъ Сенка Пьяло въ Казбине оысканъ и къ шаху приведенъ, а въ роспросе сказалъ, что тотъ бухарсково торгового человекъ полоненикъ, которымъ государевыхъ пословъ поклепали, пошолъ изъ Ыспогани съ нимъ вмѣсте въ Казбинъ, а изъ Казбина тово полоненика онъ, Сенка, отпустилъ въ Ардевилъ, а на пословъ ничего въ томъ полоненике не говорилъ. И государевы послы въ томъ полоненике обесчещены не по дѣлу; а людей ихъ у нихъ зъ двора иманы и пыткою стращены, и за приставомъ сидѣли не за вину, чего николи надъ послы не бывало. А про того стрельца сьскано подлинно, что онъ убилъ себя изъ пищали самъ, а не послы ево убили. А которые шаховы послы бывають у царского в. на Москвѣ и въ государевыхъ городѣхъ, и надъ ними безчестья не бываетъ никоторого и людей у нихъ не емлютъ. И только у шаха надъ послы впередъ такъ учнетъ дѣлатца, и царскому величеству и посылать будетъ пословъ невѣдомо какъ.

И посолъ говорилъ бояромъ: вижу язъ, что царского в. послы сказывали вамъ, бояромъ, и то стала правда; а что язъ говорю, и то кривда, и послы де сказывали вамъ, царского в. бояромъ, неправду. Да подалъ памятку — руское писмо, а сказалъ, что та памятка писана про то дѣло, что убить терской стрелець.

И бояре говорили: мы никого не правимъ, не винимъ; а то не статочное дѣло, что царского в. посломъ такъ учинити, что стрельца убить. И памятку бояре чли, а въ памятцѣ пишеть ⁹⁾.

И вычетчи памятки, спрашивали шахова посла: та памятка чья рука, хто еѣ писалъ?

И посолъ говорилъ: служить шахову в. русской человекъ, звали ево Замятнею, а ныне онъ у шаха въ сотникахъ.

И бояре говорили: про того человекъ слышети имъ лучилось,

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ пробѣлъ.

что тотъ человѣкъ измѣнникъ, служивалъ у головы стрелетцѣво, у Смирного Моматова; а ныне, сказываютъ, онъ отъ православныя вѣры отступилъ и обусурманился, и такому чему вѣрити? Хотя бъ онъ и отъ вѣры не отступилъ, и онъ худой человѣкъ, холопъ сына боярсково обычнаго, а се измѣнникъ, и ему о какомъ добрѣ мыслить, коли отъ Бога не убоился, и ему какое добро дѣлать? Здѣсь такимъ худымъ людямъ ни въ чемъ не вѣрять.

И посолъ говорилъ: хто учнетъ государю своему служить правдою, тотъ бываетъ вѣренъ.

И бояре говорили: самъ разсуди: только хто отъ вашея вѣры отстанетъ хъ какой вѣре ни буди, вѣренъ ли тебѣ мнитца быти? Также и тотъ худой человѣкъ своею православною вѣрою и землѣю своею, гдѣ родился, невѣренъ, какъ можетъ быти вѣренъ вамъ, инороднымъ и иновѣрцемъ?

И посолъ молилъ: то де правда.

И думной дьякъ Иванъ Грамотинъ, выговора всѣ статьи, кызылбашскому послу говорилъ: и то пригоже-ль дѣло дѣлаетца, что посломъ царского в. у шахова в. почестъ была во всемъ менши преждево и встрѣчи у Ардевила не было, и лошадей шахъ для царского имени къ посломъ не прислалъ, и во многихъ мѣрахъ пословъ безчестили: возили на влячяхъ и однихъ безъ людей, и кормъ давали худой, и изъ того корму приставы имали себѣ долю, кабы на даньщикахъ или на невольникахъ? и людей у пословъ подговаривали зъ животы, а иныхъ хотѣли пытать и собаками травить, и животы и всякую рухлядь у пословъ переписывали? и царского в. людей, которые были съ послы, давали за пристава и къ пытке приводили и въ желѣза ковали, и въ деревню ссылали, и велѣли работать, и отпускалъ шахъ пословъ, сидя на коне, мимо прежней обычай? а у царского в. надъ шаховыми послы таково безчестья николи не бывало. Онъ, Булатъ бекъ, прѣзжаетъ въ Московское государство многижда: коли такое бесчестье онъ надъ шаховыми послы слыкалъ или видалъ, что ныне дѣлалось въ Кызылбашехъ надъ царского в. послы? Царское величество у шахова величества кромѣ дружбы и любви ничего не хочетъ, а желаетъ того, чтобъ ему про брата своего любителново Абазъ шахова в. здоровье вѣдати всегда, а шахово бъ в. вѣдалъ про государево здоровье. И хочетъ того царское величество, чтобъ межъ ими, великими государи, братцкая дружба и любовь множилась и отъ часу прибавлялася, а не умалалася; также бъ общимъ ихъ государскимъ совѣтомъ искати имъ, государемъ, ихъ государскому имени чести и

повышенія, а государствамъ своимъ расширенія и прибавленія. И шахово бѣ величество впередъ царского величества посломъ и посланникомъ безчестія и тесноты чинити не велѣлъ, и которая смута была, и про ту бѣ велѣлъ сыскать, отъ кого такая ссора учинилася, чтобъ за то межъ царского в. и шахова в. впередъ нелюбья не было.

И посоль говорилъ: они о томъ Бога молятъ, чтобъ великіе государи были межъ себя въ дружбе и въ любви, и отъ часу бѣ межъ ихъ, государей, братская дружба и любовь множилася; а то онъ все, что у царского в. бояръ слышитъ, до шахова в. донесетъ, только будетъ съ нимъ или после его царского в. у шахова в. посоль или посланникъ, и ему про то будетъ вѣдомо.

Да думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ послу о Иверской и о Грузинской землѣ: да царское жѣ величество велѣлъ тебѣ, шахова в. послу, говорити: бьютъ челомъ великому государю нашему его царскому в. грузинскіе цари, что по шахову велѣнію шаховы люди Грузинскую землю повоевали и церкви Божьи разорили до основанія, и православную хрестыанскую вѣру греческаго закона обругали, и Теймураза царя изъ Грузинскіе земли изогнали, а царицъ ево, мать и жену, взяли въ полонъ. А то, чаю, шахову в. и самому вѣдомо, что Грузинская земля, цари и князи, изначала православные хрестыанскіе вѣры греческаго закона, а подъ послушествомъ за много лѣтъ у великихъ государей царей російскихъ, и крестъ великимъ государемъ целовали издавна, и грамоты докончальныя грузинскихъ царей въ царского величества казнѣ есть многіе. И царское в. отъ шаха не чаялъ, что ему наступити на Иверскую землю и еѣ разорити, вѣдая то, что они издавна служатъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ, и прежде того великій государь нашъ его ц. в. къ шахову в. писалъ, чтобъ онъ, для царского в. любви, на Грузинскую землю не наступалъ и еѣ не воевалъ. И шахъ Аббасъ въ томъ къ царскому в. любви не показалъ: Иверскую землю люди ево разорили до основанья. И то шахова къ царскому в. нелюбовь. А царское в. отъ шахова в. того не чаялъ, потому что прежніе великіе государи цари и великіе князи російскіе и ныне великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. съ шаховымъ в. въ братстве и въ дружбе, и въ любви мимо всѣхъ государей. И какъ въ прежніе лѣта турскіе и крымскіе люди на шахову землю ходили войною многіяда, и по царского в. увазу астараканскіе и терскіе воеводы посылали на турскихъ людей государевыхъ людей многихъ съ вогненнымъ боемъ, и государевы люди турского Асманъ пашу на Сунше побили, а съ нимъ многихъ людей;

и тѣмъ шахову в. многую помощь учинили. Да и после того государевы люди турскимъ и крымскимъ людямъ, которые хаживали въ шахову землю войною, учинили многую тесноту, и шахъ Аббасъ въ прежнимъ великимъ государемъ царемъ російскимъ писалъ съ великою любовью и хотѣлъ за то царскому в. воздавати противъ всякимъ добромъ, и пословъ государевыхъ для царского в. любви почиталъ свинне иныхъ государей пословъ, а хоти бѣ въ чомъ грузинскіе цари передъ шаховымъ в. были и неправы, и шаху было пригоже о томъ обослатись съ великимъ государемъ нашимъ царемъ и в. кн. Михайломъ Федоровичемъ в. Р. самодержцемъ съ его царскимъ величествомъ, и царское бѣ в. грузинскимъ царемъ передъ шаховымъ в. въ ихъ неисправленье велѣлъ исправитца, и шахово бѣ в. для царского в. дружбы и любви впередъ на Иверскую землю людямъ своимъ наступати не велѣлъ и бѣднымъ и воеванымъ крестьяномъ даль свободу, и разорити ихъ не велѣлъ. А выговоря, казалъ думной дьякъ Иванъ Грамотинъ шахову послу грузинсково Александра царя грамоты.

И кизылбашской посоль говорилъ: онъ по грузински грамоте не знаетъ и того не вѣдаетъ, что въ нихъ писано; а того шахъ не вѣдалъ, что Грузинская земля была въ подданствѣ у царского величества; а что онъ ныне про Грузинскую землю слышитъ и то шаху извѣститъ.

И бояре говорили: какъ было шаху про Грузинскую землю не вѣдать, что они служатъ царскому величеству? Преже сево къ великому государю ц. и в. кн. Федору Ивановичю в. Р. шахъ писалъ, чтобъ царское в. отписалъ къ грузинскому Александру царю, чтобъ онъ съ нимъ стоялъ на турсково заодно. И грамоты шаховы таковы и ныне въ царского в. казнѣ есть.

И посоль говорилъ: что онъ слышитъ у бояръ, и онъ про то шаху скажетъ подлинно; а ему въ томъ шаху не указать.

И бояре послу говорили: о которыхъ мы дѣлехъ темере у тебя слышимъ, и о тѣхъ дѣлехъ до царского в. донесемъ. И пошли бояре и дьяки ко государю, а съ посломъ въ отвѣтной полатѣ велѣли послѣдетъ приставомъ, Степану Исляньеву да дьяку Воину Трескину.

И сказывали бояре про тѣ про всѣ дела, что говорили съ посломъ, государю, а бояре въ то время при государѣ были всѣ, князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской съ товарищи.

И государь велѣлъ посла отпустить на подворье дьяку Сава Раманчукову. И по государеву указу дьякъ Сава, пришедъ въ послу, шахова посла отпустилъ на подворье.

Апрѣля въ 19 (день) указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Федо-

ровичъ в. Р. быти у себя, государя, на дворѣ кызылбашскому послу Булатъ беку на отпуске. И въ тотъ день посоль у государя на дворѣ былъ. А посланъ посла звати ко государю на дворъ и ѣхали съ нимъ приставы Степанъ Истлѣнцевъ да дьякъ Воинъ Трескинъ. А лошади подъ посла съ сѣдлы да подъ шаховыхъ кречетниковъ, подъ 4-хъ человекъ, да подъ посольскихъ людей, подъ 10 человекъ, лошади съ сѣдлы жъ посланы зъ государевы конюшни. А ѣхали приставы: съ правую сторону Степанъ Истлѣнцевъ, а дьякъ Воинъ съ лѣвую сторону. А передъ посломъ ѣхали въ городъ дворовые люди и конюхи стремянные 50 человекъ.

А государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. въ тѣ поры былъ въ золотой въ средней въ подписной полате и сидѣлъ въ своемъ царскомъ въ большомъ мѣсте, и въ царскомъ платьѣ и въ діадимѣ (съ) скиетромъ. А по обе стороны государя стояли рынды: съ правую сторону князь Ѳедоръ князь Борисовъ сынъ Татевъ да князь Ѳедоръ князь Ѳедоровъ сынъ Волконской; съ лѣвую сторону князь Иванъ князь Борисовъ сынъ Татевъ да князь Петръ князь Ѳедоровъ сынъ Волконской. А бояре и окольнічіе и дворяне большіе сидѣли въ золотномъ платьѣ да въ черныхъ шапкахъ. А стольники и дворяне большіе сидѣли при государе въ полате въ золотномъ же платьѣ, а въ сенехъ передъ золотою полатою сидѣли дворяне и дьяки и приказные люди, и гости въ золотномъ же платьѣ. А по крыльцу и по средней лѣснице были дворяне же и дети боярскіе и приказные люди въ чистомъ платьѣ. А стрельцы всѣхъ приказовъ стояли съ ручницами отъ средней лѣсницы и до Ѳроловскихъ воротъ и ото Ѳроловскихъ воротъ площадью и Ильинскою улицею до посольского двора.

А пріѣхавъ посоль въ городъ, сѣлъ съ лошади на мостки противъ казенные полаты среднего быка; а кречетники шаковы сѣли съ лошадей у угла Архангелскіе паперти и шли среднею лѣсницею. А какъ посоль взомель на Красное крыльцо, и встрѣтилъ посла у проходные полаты на рундукъ въ дверехъ дворенинъ князь Данило князь Ивановъ сынъ Долгорукой да дьякъ Семенъ Сабакинъ. И шли встрѣчники въ полату передъ посломъ.

А какъ посоль вшелъ ко государю въ полату, и явилъ его государю челомъ ударить окольнічей князь Григорей Констентиновичъ Волконской, а молютъ:

Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! брата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли шахъ

Аббаса посоль Булатъ бекъ вамъ, великому государю, челомъ ударилъ и на вашемъ царскомъ жалованье челомъ бьетъ.

И посоль былъ челомъ на государеве жалованье, что государь пожаловалъ къ нему, посылая къ нему съ столомъ, и на корму.

И государь пожаловалъ, велѣлъ послу сѣсти на скамейке, а скамейка была по прежнему. А посидѣвъ мало, велѣлъ государь посольскому думному дьяку Ивану Грамотину кизылбашскому послу молвити рѣчь.

И по государеву приказу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ послу рѣчь:

Булатъ бекъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ тебѣ говорити: приходилъ еси къ нашему царскому величеству отъ брата нашего отъ шахъ Аббасова в. въ грамотою, и о которыхъ дѣлехъ писалъ къ нашему царскому в. братъ нашъ шахъ Аббасъ въ своей грамоте, и мы, великій государь, тоѣ брата нашего, грамоту выслушали любительно. А после посольства приказывалъ еси нашего царского в. къ приказнымъ людямъ, что есть съ тобою къ нашему царскому в. отъ Аббасъ шаха приказъ о нашихъ государскихъ о великихъ дѣлехъ, а велено тебѣ о тѣхъ дѣлехъ известить нашего царского величества бояромъ. И мы, великій государь, тѣхъ дѣлъ посылали у тебя слушати бояръ нашихъ, боярина ближнево и намѣсника казанского князя Ивана Борисовича Черкасского, боярина и намѣсника ржевского князя Ивана Федоровича Троекурова, да дьяковъ нашихъ, думново Ивана Курбатова сына Грамотина да Саву Раманчукова. И о которыхъ дѣлехъ ты съ бояры нашими въ отвѣте говорилъ, и намъ, великому государю, тѣ дела вѣдомы. А ныне мы, великій государь, отпускаемъ тебя къ шахъ Аббасову величеству, а съ тобою вмѣсте къ брату нашему къ Аббасъ шахову в. посылаемъ дворенина нашего Василья Гавриловича Коровина да дьяка нашего Остаѣя Кувшинова.

А какъ рѣчь изговорилъ, и государь велѣлъ посольскому думному дьяку Ивану Грамотину сказать послу, чтобъ былъ у государя у стола и дожидался стола въ отвѣтной полате.

И по государеву приказу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ послу:

Булатъ бекъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель жалуетъ тебя: велѣлъ тебѣ бити у своего царского стола, а теперьво велѣлъ тебѣ царское величество итти въ отвѣтную полату; а великій государь его

царское величество пошлетъ съ тобою-поговорити о дѣлехъ бояръ своихъ.

И велѣлъ государь приставомъ итти съ посломъ въ отвѣтную въ набережную полату; а провожали ево встрѣчники до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встречали. А въ отвѣте были: бояринъ и намѣсникъ ржевской князь Иванъ Ѳедоровичъ Троекуровъ, да дьяки, думной Иванъ Грамотинъ да Сава Раманчуковъ. А бояринъ ближней и намѣсникъ казанской князь Иванъ Борисовичъ Черкасской въ отвѣте не былъ для того, что прежде тово съ посломъ о большихъ дѣлехъ говорено, а ныне говорили о не великихъ дѣлехъ. А поговоря бояре съ посломъ, пошли ко государю, а посолъ дождался стола въ набережной полате съ приставы.

А какъ бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Троекуровъ съ товарищи вошли въ отвѣтную полату, и визылбашской посолъ Булатъ бекъ встрѣтилъ боярина и дьяковъ блиско дверей. И объявилъ послу боярина князя Ивана Ѳедоровича и думного дьяка Ивана Грамотина дьякъ Сава Раманчуковъ.

Царского величества бояринъ и намѣсникъ ржевской князь Иванъ Ѳедоровичъ Троекуровъ Ярославской да царского в. дьяки, думной Иванъ Курбатовъ сынъ Грамотинъ да Сава Раманчуковъ, и бояринъ и дьяки съ посломъ корошевались и сѣли по мѣстомъ: бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичъ въ большой лавке отъ Москвы рѣки, а дьяки въ лавке отъ Стретенья. А послу велѣли сѣсти въ скамѣи и велѣли дворяномъ, которые вошли за бояриномъ, и приставомъ, и шаховымъ людямъ изъ полаты выти вонъ.

И говорилъ послу бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичъ: о которыхъ еси дѣлехъ говорилъ съ нами напередъ сего, и мы о тѣхъ дѣлехъ до царского в. доносили, и царскому в. то извѣсно, а ныне великій государь нашъ его царское в. велѣлъ намъ съ тобою поговорить изъ тѣхъ же и о иныхъ дѣлехъ, а тебѣ тѣ рѣчи скавати государю своему шахову величеству.

И думной дьякъ Иванъ Грамотинъ говорилъ: которые прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ и после того отъ великого государя нашего царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. отъ его царского в. послы и посланники хаживали къ шахъ Аббасову в. и у шахова в. во всемъ имъ была честь и береженье по прежнимъ мѣрамъ, и на посольство ихъ принималъ, и къ царскому в. отпускалъ по посольскому обычею съ великою честью, и въ кормѣхъ, и въ подводахъ имъ никакіе скудости не бывало; а ныне шахъ Аббасово в. царского величества пословъ честныхъ людей, дворянина и намѣсника болховского

князя Михайла Петровича Борятинсково съ товарищи принялъ не по прежнему обычку: во многихъ мѣрахъ было имъ бесчестье и въ кормѣхъ и въ подводахъ скудость, чего николи надъ царского величества не тоямо надъ послы и надъ посланники, и надъ гонцы не было, о чемъ вамъ объявляя есмь въ отвѣте напередъ сево, и шахово бѣ величество, хотя съ великимъ государемъ нашимъ съ его царскимъ величествомъ быти въ любви, впередъ такъ надъ царского в. послы неволи и бесчестья чинити не велѣлъ, чтобъ впередъ отъ того межъ царского в. и шахъ Аббасова в. ихъ братственная дружба и любовь не нарушилась и ссылка межъ ихъ, великихъ государей, не урвалась. А только впередъ такъ надъ царского в. послы учнетъ дѣлатца, ино царскому в. невѣдомо какъ будетъ къ шахову в. и пословъ своихъ посылать? а съ царского в. сторону шахова в. посломъ и посланникомъ, и гонцомъ, и купецкимъ людемъ во всемъ чинитца честь и въ торговле повольность великая свыше прежнево, а бесчестья ни въ чемъ и скудости никакіе не бываетъ.

И шаховъ посолъ говорилъ: было такъ: шахово в. на нынешнихъ царского в. пословъ былъ гнѣвенъ за то, что къ нему на приѣзде птицъ не послали, какъ язъ вамъ, царского в. бояромъ, и напередъ сего о томъ въ отвѣте объявилъ.

И бояре говорили: царского в. послы дѣлали по царского в. указу. Только было царского в. посломъ послати къ шахову в. птицъ, не бывъ у шаха, напередъ посольства, и на посольство имъ было къ шахову в. съ чѣмъ итти?

И шаховъ посолъ говорилъ: прежде сево какъ были у царского в. въ послѣхъ отъ шахова в. Кая салтанъ да онъ же, Булатъ бекъ, а съ ними прислалъ шахово в. церковную казну, а велѣлъ былъ шахово в. поднести къ самому царскому в., и у нихъ тоѣ присылку взяли напередъ, и они противъ царского в. указу не стояли, а учинили такъ, какъ царское в. повелѣлъ, а посломъ было царского величества по тому жъ шахово велѣнье учинити мочно.

И бояринъ и дѣяки говорили: та присылка къ царского величества поминкамъ не пристоятъ: царское в. послалъ къ брату своему птицъ въ поминкахъ отъ своеѣ царскіе потѣхи, чѣмъ самъ царское в. тѣшитца, а съ вами шахово в. прислалъ церковную казну, образы и пелены православные хрестыанскіе вѣры греческаго закона, а вы люди съ нами не одноѣ вѣры, и вамъ было тоѣ церковную казну на посольство самимъ нести и упріимати у васъ на посольстве непригоже, потому что то церковные вещи, и мирскимъ людемъ пріиматися за то

по нашему хрестьянскому закону не пристойно, кабы противно, и для того царское в. велѣль у васъ тоѣ церковную казну принять священникомъ, слугамъ Божьимъ, которые на то учинены и въ церквахъ Божьихъ то вѣдаютъ; а мѣрскимъ было людемъ того приняты у васъ не пристойно. А иные поминки шаховы прѣимали у васъ передъ царскимъ величествомъ, то самъ помнишь. А птицы—поминки потѣшныя, въ церковнымъ освященнымъ вещамъ не пристоятъ. А преже сего говорили мы, царского в. бояре, тебѣ Оббасъ шахова в. послу о Грузинской землѣ, что по шахову велѣнью шаховы люди Грузинскую землю повоевали и церкви Божьи разорили до основанья, и православную хрестьянскую вѣру греческого закону обругали, и Теймураза царя изъ Грузинскіе земли изогнали, а царицъ ево, мать и жену, взяли въ полонъ. А то шахову величеству и самому вѣдомо, что Грузинская земля, цари и князи, изначала православныя хрестьянскіе вѣры греческого закона, а подъ послушествомъ за много лѣтъ у великихъ государей царей російскихъ, и крестъ великимъ государемъ целовали издавна, и грамоту есмь тебѣ грузинскихъ царей казали. И шахово бѣ величество для братственныя дружбы и любви великого государя нашего въ Грузинскую землю не вступался и еѣ воевать и разорять не велѣль, и тѣмъ бы съ царскимъ величествомъ братственныя дружбы и любви не нарушалъ. А преже сего о томъ царское величество къ шахъ Аббасову в. съ послы своими и съ посланники писалъ, и тебѣ, послу, въ отвѣте напередъ сего говорено жѣ.

И шаховъ посолъ Булатъ бекъ говорилъ, что онъ о томъ и преже сего у нихъ, царского величества бояръ, слышелъ и о томъ до шахова в. донесеть, а царское бѣ величество и съ своими послы о томъ къ шахову в. наказалъ же; а часть онъ того, что шахово в. для царского величества любви на Иверскую землю наступати и воевать ихъ не велить: въ той землѣ государю ихъ шахову в. не великая прибыль.

И бояринъ князь Иванъ Федоровичъ и дѣяки говорили о полоненикѣхъ: преже сего рускіе полоненики, которые бывали въ полону въ Турской землѣ и въ Бухарехъ, и в-нынхъ земляхъ, а изъ Турскіе земли и изъ Бухаръ изъ полону выхаживали на государя вашего Аббасъ шахову землю, и шахово в., оказуя братственную дружбу къ прежнимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ російскимъ и къ великому государю нашему къ его царскому в., тѣхъ полонениковъ пропускать велѣль черезъ свою землю въ государеву землю поволно безо всякіе зацѣпки, и отъ хрестьянскіе вѣры отводить ихъ

и неволить никого не велѣлъ; а ныне царскому величеству вѣдомо подлинно учинилось, что русской многой полонъ выходить изъ полону изъ Турскіе земли и изъ иныхъ государствъ въ шахову землю, и въ шахова в. землѣ чинять надъ ними многую неволю и ихъ бусурманять, и отъ вѣры крестьянскіе отводить, и въ царского в. землю не отпускаютъ. И шахово бѣ в. велѣлъ русскихъ всякихъ полоненниковъ въ государеву землю пускать по прежнему обычею и въ неволю ихъ въ своей землѣ держати и отъ хрестыанскіе вѣры отводить и бусурманить не велѣлъ, чтобъ въ томъ ихъ государственной дружбе и любви нарушенія не было, а бѣднымъ бы полоненикомъ по тому жъ нужи и утесненія не было.

И посолъ говорилъ: нѣчто будетъ которые полонянки въ шахове области живутъ собою, не хотя сюды въ Московское государство ѣхать сами, и о которыхъ послы государевы, будучи у шаха, не извѣстили; а только бѣ шаху послы государевы о которыхъ полоняникѣхъ сказали, и шахово бѣ в. велѣлъ тѣхъ всѣхъ отпустить и въ неволю ихъ держать не велѣлъ.

И бояринъ и дѣяки говорили: царского величества посломъ почему въ шахове области полоняниковъ вѣдать? прежь сего шахово в. и безъ царского в. пословъ прошенія полоняниковъ отпускалъ.

И шаховъ посолъ Булатъ безъ говорилъ, что онъ о томъ до шаха донесетъ и чаеть того, что учинить то шахъ по прежнему, и полоняникомъ неволи не будетъ.

И бояринъ князь Иванъ Федоровичъ и дѣяки говорили: посылаетъ великій государь нашъ его ц. в. въ государя вашего въ шахъ Аббасову землю съ послы своими купчину своего доброго человѣка, гостя Ивана Юдина съ товарищи, купить на его государевъ обиходъ всякихъ узорочныхъ товаровъ и шелку сырого и дѣланого и иныхъ товаровъ, которые въ государя вашего землѣ ведутца, а къ царского в. казны будутъ годны, и шахово бѣ в. для братственные дружбы великого государя нашего его царского в. тому царского в. гостю, Ивану Юдину съ товарищи, въ своемъ государстве поволилъ покупати шелкъ сырой и всякіе товары, которые будетъ годны, и торговати бѣ имъ велѣлъ повольною торговлею, и кормъ бы тѣмъ купчинамъ и подводы велѣлъ давать, и пошлинъ съ нихъ имать не велѣлъ по тому жъ, какъ царское в. жалуетъ государя вашего шахъ Аббасова в. купчинъ: повольность имъ во всемъ и пошлинъ съ нихъ царское в. никакихъ имати не велитъ, и кормъ имъ и подводы даютъ довольно, и во всемъ имъ вездѣ чинять береженье.

И шаховъ посоль Булатъ бекъ говорилъ: царского в. жалованье и береженье къ шаховымъ людямъ государю его шахову в. вѣдомо, и ныне шахово в. учинить царского в. купчине, какъ царскому в. годно, и въ торговле и во всемъ будетъ имъ повольность; а государевъ бы гость товары лутчіе всѣ, что съ нимъ будетъ, напередъ объявилъ шахову в., чтобъ дорогіе товары напередъ шаховы казны нигдѣ не объявились, а шахово в. велить ему заплатить деньги по прямой торговле, а неволи ему въ томъ не будетъ некоторые.

И бояринъ князь Иванъ Федоровичъ и діаки говорили: что по царского в. указу купчина государевъ про товары объявить, да не токмо товары, хотя будетъ и крѣмъ того шахову в. годно и къ царскому в. о чемъ прикажетъ или отпишетъ, а у царского в. то будетъ, и царское в. шахову в. за то не постоитъ.

И посоль Булатъ бекъ говорилъ: и шахово в. царскому в. ни за что не постоитъ, что будетъ царскому в. годно, а у шахова в. то лучитца.

И бояринъ и діаки говорили: въ прошлыхъ годѣхъ, тому ныне третьей годъ, Московского государства ярославской торговой человѣкъ, Надѣя Светечниковъ, посмалъ въ государя вашего шахъ Аббасова в. область торговать съ товары человѣка своего Сеньку Лукьянова, а товаровъ съ нимъ посмалъ суконъ и соболей на тысячу рублевъ, и тотъ ево человѣкъ съ тѣмъ ево со всѣмъ товаромъ остался въ шахове землѣ и, оставя истинную православную христьянскую вѣру, обусурманился, хотя тѣмъ животомъ завладѣть не по правде. И шахово бѣ величество того Надѣина человѣка Светечникова, Сеньку Лукьянова, велѣлъ сыскать и велѣлъ ево отдать царского в. посломъ со всѣми его животы, и впередъ бы такихъ примать не велѣлъ, чтобъ въ томъ межъ великихъ государствъ повольной торговле нарушенье и помѣши не было.

И посоль Булатъ бекъ говорилъ: шахово в. про такого человѣка по ся мѣста того не вѣдаетъ и ему того слышетъ не лучилося. А какъ онъ будетъ у шаха, и онъ то до шахова в. донесетъ, и то вѣдаетъ, что шахово в. про то велить сыскать и того мужика отдать велить со всѣмъ, будетъ онъ есть въ шахове землѣ.

Да посоль же говорилъ: какъ язь былъ напередъ сего въ отвѣте съ вами, боярн, и язь говорилъ о Курчибашинѣ человѣке, которого разбило на море подъ Теркою, и тѣми его животы искорытовались терскіе люди, а ему тѣхъ животовъ не отдали, и ему что о томъ государевъ указъ?

И бояринъ князь Иванъ Федоровичъ и дьяки говорили: какъ они у него о томъ прежъ сего слышали, и они о томъ до царского в. доносили, и царское в. велѣлъ про то сыскать, и будетъ что сыщется, то царское в. велѣлъ отдать.

И посолъ говорилъ: разбило де того челоуѣка блиско берега, не пропало ни што, и у купчины чѣвъ товары были, не все пропало. И тѣ де товары терской воевода взялъ себѣ, а иной роздалъ терскимъ людемъ въ жалованье.

И бояринъ и дѣаки говорили: царское в. велить про то сыскать подлинно, и ему то самому будетъ вѣдомо; а то чаю не статочное дѣло, что терскому воеводе тѣмъ покорыстоватца и служилымъ людемъ роздать.

И посолъ говорилъ, чтобъ бояре донесли до царского величества, чтобъ царское в. велѣлъ его отпустить съ Москвы вмѣсте съ своими государевыми послы, чтобъ ему, ждучи государевыхъ пословъ, въ Нижнемъ и въ Казани не мешкать и чтобъ до шаха дойти сего лѣта.

И бояринъ и дѣаки говорили, что пословъ царское величество отпустить вскоре, мешканья ему за послы не будетъ нисколько, а ему отпускъ будетъ напередъ, а съ послы съѣдетца въ дороге, въ Нижнемъ или въ Казани, а мешканья ему за царского в. послы не будетъ нигдѣ.

И посолъ говорилъ, чтобъ царское в. велѣлъ послать свой государевъ указъ къ астраханскимъ воеводамъ и посломъ бы царское в. наказалъ, чтобъ ихъ изъ Астрахани отпустили до Терки на бусахъ, а съ Терки бѣ итти имъ сухимъ путемъ не великими людьми, а взяти бѣ государевымъ посломъ и ему съ собою сухимъ путемъ по петинатцати челоуѣкъ, а достальныхъ бы людей и рухледь всю отпустить въ Шемаху моремъ на бусахъ, а въ Шемахѣ они всѣ съѣдутца и пойдутъ къ шаху со всѣми людьми вмѣсте.

И бояре говорили, что они о томъ известять царскому величеству, и указъ о томъ будетъ.

Да посолъ же спрашивалъ бояръ: грамота съ нимъ отъ царского величества къ шаху будетъ ли?

И бояринъ и дѣаки говорили: государевъ указъ въ Астрахань и на Терекъ объ отпуске ихъ, отпустить его такъ, какъ лутче и здоровѣе, и учинять то, смотря по тамошнему дѣлу; а грамоты отъ царского в. къ шаху съ нимъ не будетъ, потому что шахово в. съ царского в-ва послы грамоты не прислалъ, а посылаетъ царское в. къ шаху

своихъ пословъ съ нимъ вмѣстѣ, и грамота отъ царского в. будетъ къ шахову в. съ царского величества послы.

И посолъ Булатъ бекъ говорилъ: наказалъ былъ ему шахово в. купить здѣсь въ Московскомъ государстве птицъ кречатовъ и ястребовъ, и онъ того ничего не добылъ, и ныне ему къ шахову в. появитца нѣ съ чемъ.

И бояринъ князь Иванъ Ѳедоровичъ и дѣяки говорили: по царского величества указу вольно было ему и шаховымъ людямъ во всемъ ходить и ѣздить, и покупати, и продавати, что хотять, да коли чего нѣтъ, и того гдѣ взять? А птицъ ныне въ привозѣ не было нисколько, потому что была зима люта: къ царскому в. десяти кречатовъ не привезли, а прежь того приваживали много; а ныне не токмо птицы и звѣри, и дрѣвеса позябли: такова у насъ зима за много лѣтъ не бывала, какъ онъ и самъ виделъ. А заповеди въ томъ нѣтъ никакіе, продавати имъ велено все, да чего нѣтъ, и того гдѣ взять?

И посолъ говорилъ: шахову в. то всего дороже, что царское в. пришлетъ къ шаху кречатовъ больши, а того онъ не радъ слышетъ, что у царского в. птицъ мало.

И бояре говорили: они ему о томъ объявили по правде, противъ ево речей, что зима была люта, и птицамъ привозу не было.

Да посолъ же говорилъ, чтобъ бояре донесли до царского в., что есть у него птица ловчая болобанъ, ловить всякой звѣрь и птицы, и будетъ царскому в. годно, и онъ еѣ государю челомъ бьетъ.

И бояре и дѣяки говорили, что о томъ до царского в. донесутъ, только царское в. такими птицами не тѣшитца, потому что они къ ловле не вѣжливы и потѣха не государская: царское в. тѣшитца кречаты да соколы, да ястребы, и къ ловле тѣ птицы приводятъ у насъ по своему обычаю; а царская потѣха у насъ отъ иныхъ потѣхъ отведена, и чаю та птица ко государской потѣхе не пригодитца.

И говоря бояре и дѣяки съ посломъ, пошли ко государю, а съ посломъ велѣли сидѣти и дожидатися стола приставомъ, Степану Истѣньеву да Войну Трескину.

И сказывали бояринъ и дѣяки посольскіе рѣчи государю. А какъ государъ ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. пришолъ въ грановитую полату за столъ, и посылалъ государъ посла за столъ звати стольника Юрья Игнатьева сына Татищева, а у дверей грановитые полаты встрѣтили носла прежніе встрѣчники, князь Данило да дѣякъ Семейка. А какъ посолъ вшелъ ко государю въ полату, и явилъ его государю челомъ ударить окольничей князь Григорей же Костентиновичъ

Волконской. А столъ у государя былъ въ грановитой въ большой под-писной полате. А поставецъ былъ большой, изо всёхъ судовъ выборъ. А государь царь и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. сидѣлъ въ царскомъ мѣсте за золотымъ етоломъ въ опашенкѣ въ объяринномъ въ золотномъ въ лазоревомъ и въ низаной таетѣ въ запоны. А отъ государя выше государева мѣста на окнѣ поставленъ былъ столъ камень деманитъ съ язычки; а по другую сторону стояли въ окнѣ часы боевые большіе на слонѣхъ. А бояре у государя были у стола князь Иванъ Михайловичъ Воротынской, князь Иванъ Никитичъ Одоевской, князь Григорей Петровичъ Ромодановской и думные дьяки и дворяне большіе. А сидѣли бояре въ охобенкахъ въ объяринныхъ съ круживы и въ черныхъ шапкахъ, а дворяне сидѣли въ чистыхъ въ цветныхъ охобенкахъ и въ шапкахъ въ черныхъ. А посолъ сидѣлъ въ кривомъ столѣ въ лавке, что отъ Благовѣщенья подлѣ другою окна полатного; а противъ ево сидѣли и подчивали посла дворянинъ князь Данило Долгорукой да приставы Степанъ Ислѣньевъ, а подлѣ посла сидѣли дѣаки Семейка Сабакинъ, да Воинъ Трескинъ; а подъ ними дворяня выборные десять человекъ; а подъ ними въ лавке шаховы вретники да посольскіе люди, а подъ ними дворяня изъ городовъ. А въ столы смотрели столъники: въ большой столъ князь Василей князь Семеновъ сынъ Куракинъ; въ кривой столъ — князь Ѳеодоръ князь Семеновъ сынъ Куракинъ. А столъники и страпчіе при государе были всѣ въ золотномъ платьѣ и въ черныхъ шапкахъ. А подача первая была послу после третьёво боярина. А какъ государь пожаловалъ посла, подаль ему первую подачу, и крайчей Михайло Михайловичъ Салтыковъ, поднесши послу подачу, молилъ: Великій государь, царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. самодержецъ жалуетъ тебя своимъ государскимъ жалованьемъ подачею! А после того какъ государь подавалъ послу инне подачи, и крайчей, поднесши подачи, говорилъ: царское величество жалуетъ, подаетъ! А въ столѣ государь пилъ чашу про шахово здоровье одинова.

А какъ государь пилъ чашу про шахово здоровье, и чашникъ объявилъ отъ государя послу напередъ, а молилъ: Великій государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель, любя брата своего великого государя шахъ Аббасово величество, пьетъ про его здоровье чашу! А посолъ въ то время вышелъ изъ за стола и стоялъ. А выпивъ государь шахову чашу, пожаловалъ, подаль чашу послу въ золотомъ ковшѣ; а подаль послу чашу чашникъ Иванъ Плещѣвъ. И после того жало-

валъ государь посла подачами пятью и шестью. А подачи отъ государя подавалъ крайчей Михайло Михайловичъ Салтыковъ.

А после стола пожаловалъ государь посла, велѣлъ на него положить свое государево жалованье; а сказывалъ государево жалованье послу думной посольской діакъ Иванъ Грамотинъ, а молялъ: Булатъ бекъ! Великій государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель жалуетъ тебя своимъ царскимъ жалованьемъ: шуба — олтабасъ золотной, на соболѣхъ, пугвицы серебряны золочены; шапка лисья горлатна, черна; кубокъ золоченъ, съ покрышкойю! А государева жалованья дано послу: шуба во сто рублей, кубокъ шесть гривенокъ, шапка горлатна въ пятнадцать рублей. А кречетникомъ и слоновнику, и посольскимъ людямъ сказано государево жалованье у казны. А молялъ посольской діакъ, что государь жалуетъ ихъ своимъ царскимъ жалованьемъ отъ своей царской казны. И пожаловалъ государь: подалъ послу пяти въ золотомъ ковшѣ меду красного. А послѣ питья звалъ ко государю посольской діакъ посла къ рупе, и приказалъ государь къ шаху поклонъ, приподвися. А молялъ: Булатъ бекъ! какъ будешь у брата нашего, Аббасъ шаха, и ты отъ насъ брату нашему, Аббасъ шаху, поклонись! И велѣлъ государь посла отпустить на подворье, а встрѣчники провожали посла до дверей.

А после стола посылалъ посла подчивать стольникъ князь Ѳедоръ князь Борисовъ сынъ Татевъ. А наказъ ему данъ таковъ.

Лѣта 7129-го апрѣля въ 29 день государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи велѣлъ стольнику князю Ѳедору Борисовичю Татеву ѣхать хъ князьбашскому къ шахъ Аббасову послу персидцого къ Булатъ беку на дворъ съ своимъ государевымъ жалованьемъ съ питьемъ, и князю Ѳедору Борисовичю, пріѣхавъ на дворъ, сойти съ лошади у лѣсницы и итти къ послу въ хоромы, а за собою велѣти нести питье, а пришедъ къ послу въ хоромы, молять послу рѣчь толмачомъ: Великій государь царь и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель, брата своего великого государя шахъ Аббасова величества любя, а тебя, посла его, жалуючи, послалъ къ тебѣ съ своимъ царскимъ жалованьемъ, съ питьемъ, и велѣлъ тебя подчивать. Да взявъ ковшъ питья, молять: Чаша великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. с. и многихъ государствъ государя и обладателя! Дай, Господи, государь нашъ царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ в. Р. самодержецъ и его царского величества братъ, великій государь шахъ Аббасъ, здоровы были на многіе лѣта, а намъ бы межъ ихъ, великихъ государей,

видеть братцкую любительную дружбу и любовь, и слышу о всякомъ добрѣ! Да ковшъ выпить напередъ, а другой ковшъ поднести послу и приставомъ, и дворяномъ чашу подати. Да подавъ чашу, ѣхать къ государю.

А будетъ посолъ после государевн чашн учнетъ пить шахову чашу, и стольнику князю Федору Борисовичю шахова чаша пить жъ, и выпивъ, ѣхать къ государю.

А шаховымъ людямъ, кречетникомъ и слововщикъ и посольскимъ людямъ послано государева жалованья отъ казны на подворье съ приставы ево, съ Степаномъ Ислѣньевымъ да съ дьякомъ съ Воинномъ Трескинымъ.

Кречетникомъ 4-мъ человекомъ велено было прислать по 40 соболей, по 15 рублей сорокъ. И съ казенного двора присланы и къ кречетникомъ отосланы по 17 рублей сорокъ, а въ 15 рублей сороковъ на казенномъ дворѣ не было. Слоновщикъ 40 фунтъ. Посольскимъ людямъ, лутчимъ, Абдулле съ товарищи, 4-мъ человекомъ, по сукну по лундышу, да по 4 рубли денегъ. Середнимъ: Девлетъ Бильдѣю съ товарищи, 4-мъ же человекомъ, по сукну по доброму по аглинскому да по 3 рубли денегъ человекъ. Достальнымъ 6-ти человекомъ по сукну по настраенлю да по 2 рубли человекъ.

А се имена шаховымъ кречетникомъ и посольскимъ людямъ: Посолъ Булатъ беъ. Шаховы кречетники: Туванъ, Имамъ Бердѣй, Магметъ Янъ, Слодель Баизидъ. Посольскіе люди: Абдулла, Миръ Магметъ, Дервишъ Рустамъ, Девлетъ Бильдѣй, Миръ Алѣй, Арашъ, Вели, Инаетъ, Иманитаги, Магмудъ, Канбаръ, Бишаратъ.

Да кизылбашского жъ посла Булатъ бека указалъ государь въ Казани боярину и воеводамъ, князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарищи, звати къ себѣ ѣсть. А после стола указалъ государь боярину и воеводе князю Борису Михайловичю Лыкову подарить посла отъ себя кубкомъ серебрянымъ да лисицею, да две пары соболей. А кубокъ и лисицу и пары указалъ государь къ боярину ко князю Борису Михайловичю Лыкову послать въ Казань съ Москвы и съ своей государевн казны. И по государеву указу послано въ Казань къ боярину ко князю Борису Михайловичю Лыкову на подарокъ послу съ приставомъ посольскимъ, которой посланъ посла провожать съ Москвы въ Казань, съ свѣжениномъ, съ Федоромъ Елагинимъ: кубокъ серебрянъ, золоченъ, съ покрешкою, вѣсу 3 гривенки и 12 золотниковъ; лисица черна въ 10 рублей; пара соболей во 11 рублей, пара соболей въ 5 рублей.

А какъ послу велено быть у боярина у князя Бориса Михай-

ловича Лыкова у стола и какъ его велено боярину въ столѣ посадить и самому, и товарищу ево, князю Ѳеодору Борятинскому, и дьякомъ за столомъ сѣсти, и какъ боярину въ столѣ велено подать и самимъ пити государеву и шахову чашу, и какъ велено посла подчивать, и о томъ о всемъ писано къ боярину и воеводе, ко князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарищи, въ государеве грамоте, а грамота государева о томъ писана ниже сего.

А съ Москвы визылбашской посолъ пошелъ и въ суды сѣлъ на Москвѣ рекъ, у Живого мосту, маія въ 1 де(нь).

А лошади подъ посла и подъ шаховыхъ кречетниковъ и подъ посольскихъ, подъ лутчихъ людей, съ сѣдлы, посланы зъ государевы конюшни, и ездовы передъ ними съ приставами ѣхали отъ посольского двора до Живого мосту и до судна противъ прежнего, сколько передъ посломъ ѣзживали къ государю на дворъ напередъ сего.

А пристава, Степанъ Исѣвьевъ да дьякъ Воинъ Трескинъ, провожали посла отъ посольского двора до судна жъ, и посади посла въ суды, пріѣхали въ городъ. А какъ посолъ зъ двора ѣхалъ къ Живому мосту въ суды, и въ то время тѣмъ мѣстомъ въ городе и до Живого мосту и на Живомъ мосту ходили стрельцы бесъ пищалей и черные всякіе люди, и было людно. А провожатыхъ съ посломъ послано отъ Москвы до Коломны 20 человекъ московскихъ стрельцовъ.

А судовъ подъ посломъ пошло: лодья большая съ чердакомъ дощанымъ, передѣланъ на двое, да три струги съ полубами. А кормщиковъ и гребцовъ на посольское судно и на струги дано 40 человекъ.

А государева жалованья въ послу послано въ дорогу зъ дворца сверхъ поденного питья и коврижкоъ и хлѣбцовъ черныхъ: пол-2 ведра меду вишневого, ведро меду малинового, пол-2 ведра меду обарного, 5 вѣдръ меду паточного, 3 ведра вина горячего, 4 коврижки, 3 хлѣбца черныхъ. А что про посла и про шаховыхъ людей и про кречетниковъ послано поденного корму отъ Москвы до Коломны и по чему давать велено корму и питья на день отъ Коломны по городомъ до Нижнего и до Казани, и тому дана приставу ево (роспись) и писана подъ наказомъ.

А въ приставехъ съ посломъ отъ Москвы до Казани посланъ свѣяженинъ Ѳеодоръ Елагинъ, а государевъ наказъ о провожанье и кормовая роспись Ѳеодору даны таковы.

Лѣта 7129-го апрѣля въ 30 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. велѣлъ Ѳеодору Григорьевичю Елагину ѣхати въ приставехъ съ визылбашскимъ посломъ зъ Булатъ бекомъ въ судѣхъ до

Коломны и до Переславля Рязанского, и до Касимова, и до Муромы, и до Нижнего, и до Казани. А съ посломъ шаховыхъ кречетниковъ четыре человекъ да словесникъ, да посольскихъ людей девятнадцать человекъ. А для береженья и для кормовъ послапы съ нимъ два человекъ толмачей. Да до Коломны посланы съ нимъ дватцать человекъ стрельцовъ. И Ѳедору Елагину ѣхать съ послы въ Казань водою на Коломну да на Переславль Рязанской, да на Касимовъ, да на Муромъ, да на Нижней. И ѣдучи дорогою, береженье къ послу и къ шаховымъ кречетникомъ и къ посольскимъ людямъ держать, чтобъ имъ ни отъ кого обидъ и бесчестья не было никоторыми дѣлы, а отъ нихъ бы рускимъ людямъ по тому жъ нивому обидъ и насильства не было, и на станѣхъ ставитися съ ними бережно и усторожливо. А кормъ и питье послу и шаховымъ и посольскимъ людямъ отъ Москвы до Коломны и отъ Коломны до Нижнего и до Казани давать по росписи, какова ему дана на Москвѣ изъ посольского приказу за дьячьєю приписью. А въ дорогу кормы посольскіе всякіе и про шаховыхъ кречетниковъ и про посольскихъ людей кормы жъ и питье взять ему изъ большого приходу отъ Москвы до Коломны, счетчи съ того дни, какъ они пойдуть съ Москвы, въ сколько день до Коломны поспѣти мочно; а отъ Коломны до Нижнего взять ему на всякіе кормы деньгами въ большомъ же приходе, смѣта въ сколько день ему отъ Коломны до Нижнего поспѣть мочно. А питье всякое про посла и про кречетниковъ и про посольскихъ людей и для посла леду взять ему зъ дворца отъ Москвы до Коломны жъ, счетчи съ того дни, какъ они съ Москвы пойдуть, по росписи, какова ему дана за дьячьєю приписью; а отъ Коломны до Нижнего съестные всякіе кормы покупать ему на тѣ деньги, что ему дадутъ на Москвѣ изъ большого приходу. А отъ Нижнего до Казани на всякіе съестные кормы взять ему деньги въ Нижнемъ, смѣта противъ росписи жъ, съ того дни, какъ они изъ Нижнего въ Казань пойдуть, въ сколько день имъ изъ Нижнего до Казани поспѣть мочно. А въ Нижней къ боярину и воеводе къ Петру Петровичю Головину да къ дьяку къ Василью Юдину о томъ государевъ указъ посланъ: велено ему денги на кормъ денги дать, а питье—вино и медъ и пиво—про посла и про шаховыхъ и про посольскихъ людей и про посла жъ ледъ для лѣтнего времени имати ему на Коломне, въ Переславле, въ Касимове, въ Муроме, въ Нижнемъ, въ Казани у воеводъ и у кабатцкихъ головъ съ кабаковъ, противъ той росписи, по чему имъ давано въ дороге отъ Казани и отъ Нижнего до Москвы, какъ они шли ко государю къ Москве, въ сколько день имъ отъ города

до города мочно поснѣть. А росписъ ему тому дана жъ, и по городомъ отъ государя о томъ къ воеводамъ писано жъ. А кормы про посла велѣтъ имати по городомъ и по станомъ у всякихъ людей, а за кормъ денги платить по тамошней по прямой ценѣ, какъ гдѣ что покупать. А что у него на кормъ денегъ изойдетъ, и ему то велѣтъ писать въ книги. А того надъ толмачи смотреть и беречь накрепко, чтобъ они кормомъ не корыстовались и велѣтъ отдавать кормовщикомъ при себѣ. Да и того ему велѣтъ беречь накрепко, чтобъ послу и людемъ ево въ дороге кречатовъ, соколовъ, ястребовъ, пансыревъ, свилицу, олова, мѣди и никакова заповедного товару не продавали; а заказывати о томъ не явно, чтобъ того посломъ было не знатно; а опричь того иные не заповедные товары велѣтъ имъ продавати. А напередъ своего съ посломъ приѣзду послати ему по городомъ съ вѣстью изъ детей боярскихъ или изъ толмачей, или изъ провожатыхъ, чтобъ по городомъ воеводамъ посольской приѣздъ былъ вѣдомъ, и на берегахъ бы, покамѣста посолъ постоитъ подъ городомъ, было людно и стройно. А будетъ въ которомъ городе посолъ похочетъ передневать для немочи или для своего покою, въ Переславле Рязанскомъ или въ Нижнемъ, и Ѳедору съ посломъ въ тѣхъ городѣхъ передневати по одному дню, а больши одного дни не стояти, и в-ныхъ городѣхъ не стояти и говорить послу накрепко, чтобъ онъ шель, не мешкая, чтобъ ему въ Казани застати корованные суды и итти вмѣсте съ корованомъ. Да однолично Ѳедору съ посломъ ѣхати въ Казань, не мешкая. А какъ будетъ блиско Казани, и Ѳедору въ Казань къ боярину и воеводамъ, ко князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарищи, государева грамота послать изъ провожатыхъ съ еѣмъ пригоже, и о посольскомъ приѣзде отписать напередъ себя. А какъ боярину и воеводамъ, князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарищи, казылбашского посла велено принять и дворъ, и кормъ и питье изготовити, и какъ ево встрѣтити, и о томъ о всемъ писано къ боярину и воеводамъ, ко князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарищи, въ государеве грамоте. А какъ Ѳедоръ Елагинъ съ казылбашскимъ посломъ приѣдетъ въ Казань, и гдѣ про пословъ изготовлены будутъ дворы, и Ѳедору ѣхати съ послы на дворы и устроить шахова посла на подворье, связати про него боярину и воеводамъ, князю Борису Михайловичю Лыкову съ товарищи.

А будетъ посолъ учнетъ ему, Ѳедору, ѣдучи дорогою, говорити, чтобъ ему на которомъ городе купити полону литвы и нѣмецъ или татаръ,—и Ѳедору говорити, что ныне великій государь ц. и в. вн.

Михайло Федоровичъ в. Р. с. учинился съ полскимъ и съ литовскимъ, и съ свѣйскимъ королѣ въ мирномъ постановленъе; да и со всѣми окрестными государи и съ ихъ государствы великій государь нашъ въ дружбе и въ любви; а недружбы и войны ныне ни съ кѣмъ нѣтъ, и полоненикомъ ныне въ Російскомъ государстве быти нѣтъ отъ куды. А которые польскіе и литовскіе люди полоненики были, и тѣ всѣ по мирному договору отпущены назадъ въ свои государства, и купить ему ныне не ково. А въ кое время полоненики напередъ сево въ Російскомъ государстве были, и по царского величества указу шахова в. посломъ покупати имъ полонениковъ даывали; а ныне полонениковъ ни въ которыхъ городѣхъ нѣтъ. А будетъ гдѣ посолъ похочеть въ которомъ городе стоять дни два или три, и Федору то отговаривать: самъ онъ царского в-ва бояромъ говорилъ, чтобъ ему не испоздать, и только ему по городомъ стоять, и ему будетъ измешкать, и онъ бы шель, не мешкая, и по городомъ не стоялъ, чтобъ ему не упоздать. А будетъ не отговоритца, и ему по неволе постоять день. И говорить послу накрепко, чтобъ не мешкалъ, а гдѣ не отговоритъ у посла стоянъя, и ему ямянно о томъ въ воеводамъ въ тотъ городъ приказывать, чтобъ у нихъ во всемъ было бережно и дворъ бы послу былъ готовъ на берегу, и въ тотъ бы день, какъ послу быть, было у нихъ людно.

Роспись, по чему давать на день кизылбашскому послу Булатъ беку и шаховымъ кречетникомъ, и арапомъ, и посольскимъ людемъ отъ Москвы до Коломны поденного корму и питья противъ того, по чему имъ давано на Москвѣ.

Послу Булатъ беку: по два хлѣба да по два калача двуденежныхъ, гусь или утя, двое куровъ, баранъ шерстью, по четыре гривеньки масла коровья, по дватцати яицъ. Питья послу зъ дворца на день: по пяти чарокъ вина двойного, полъ ведра меду паточного, полъ ведра пива поддѣльного, ведро бесъ чети меду княжого, въ ѣствы четь ведра уксусу. А красное питье дано послу въ дорогу съ Москвы.

Шаховымъ людемъ четверемъ человекомъ кречетникомъ, да двумъ человекомъ арапомъ: по хлѣбу да по калачю двуденежному человекю; да всѣмъ шти человекомъ вмѣсте по барану, по трое куровъ на день. Питья: по четыре чарки вина человекю, по две кружки меду княжого.

Людемъ посольскимъ девятинадцати человекомъ: по хлѣбу двуденежному да по калачю денежному, да всѣмъ по два барана на день, да по трое куровъ на день.

Да про посла жъ и про шаховыхъ, и про посольскихъ людей

на лукъ, на чеснокъ и на яйца, и на сметану, и на иную поупку, что понадобится на мѣлкое,—по два алтына на день.

А рыбные ѣствы давати, какъ коли попросятъ, смѣта противъ мястине ѣствы.

А будетъ посолъ въ дорогу отъ Коломны учнетъ просить красного нитя, и о томъ отговоривать, что красныхъ питей въ дороге добыть негдѣ, а про него красные питья отпущены съ Москвы.

А отъ Коломны до Переслава Рязанского и до Касимова, и до Мурома, и до Нижнего, и до Казани давати послу и шаховымъ кречетникомъ и посольскимъ людямъ питье вино и медъ противъ того, какъ имъ давано отъ Казани до Москвы, какъ они шли къ государю къ Москве:

Послу Булатъ беку на день: два хлѣба двуденежныхъ, два калача двуденежныхъ, баранъ, четыре гривенки масла коровья, трое куровъ, гороху на денгу, свѣчь сальныхъ на две денги, на лукъ да на чеснокъ по четыре денги на день.

Шаховымъ кречетникомъ четверемъ чловѣкомъ да двумъ чловѣкомъ арапомъ: по хлѣбу двуденежному, по калачю двуденежному чловѣку; да вопчѣ кречетникомъ и арапомъ баранъ, полторы гривенки масла коровья, луку и чесноку по две денги на день.

Людѣмъ посольскимъ девятинатцати чловѣкомъ по хлѣбу двуденежному да по калачю денежному, да всѣмъ вопчѣ два барана.

Питья послу по две чарки вина двойного, а будетъ двойного нѣтъ, ино давати рядовое доброе, по шти чарокъ вина простого, ведро меду паточного, два ведра меду кабатцаго. Шаховымъ кречетникомъ четверемъ чловѣкомъ по три чарки вина чловѣку. Слоновщину по две чарки вина. Людѣмъ посольскимъ девятинатцати чловѣкомъ по две чарки вина чловѣку. Да всѣмъ по четыре ведра меду отдаточныхъ. Да шаховымъ кречетникомъ и арапомъ, и посольскимъ людѣмъ всѣмъ вопчѣ въ пива мѣсто за пять вѣдръ и за четыре кружки съ третью кружки по тритцати по семи чарокъ вина на день. А коли похотятъ имати пивомъ, и имъ давати пивомъ.

Да память Федору Елагину. Послана съ нимъ государева ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. грамота въ Казань къ боярину и воеводамъ, ко князю Борису Михайловичю Лыкову, о встрѣче и объ отпуске кизылбашского посла Булатъ бека; да съ нимъ же послано къ боярину и воеводе, ко князю Борису Михайловичю кубокъ серебрянъ золоченъ, лисица черна, две пары соболей, за печатью думного діака Ивана Грамотина.

И какъ Федоръ прїдетъ въ Нижней, и Ѳедору та государева грамота и кубокъ, и лисицу, и пары соболей послать изъ Нижнего съ нарочнымъ гонцомъ, взявъ въ Нижнемъ у боярина, у Петра Петровича Головина съ товарищи, изъ детей боярскихъ или изъ розсыльщиковъ, кого пригоже, напередъ себя, и велѣть ему ѣхать наскоро, чтобъ ему послѣть напередъ посла дни за два и за три. А въ Казани ту государеву грамоту и кубокъ, и лисицу, и пары соболей велѣть отдать боярину и воеводе князю Борису Михайловичю Лыкову.

Лѣта 7129-го маія въ 2 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память визылбашского посла приставу Ѳедору Елагину. Вѣдомо государю учинилось, что прежде сего визылбашскіе послы, ѣдучи мимо Касымовъ, у Касимова подъ городомъ ставливались и хъ касымовскому царю посылавали съ подарками, а царь касымовской присылывалъ хъ визылбашскимъ посломъ людей своихъ съ ѣствою и съ питьемъ. И какъ ныне хъ Касимову подѣдешь, и ты бѣ, не доезжая Касимова за день, пославъ напередъ себя толмача и съ нимъ исъ провожатыхъ человекѣхъ дву или трехъ и къ воеводе съ ними отписалъ, чтобы онъ, про посла изготова по росписи кормъ и питье, тотчасъ пославъ впередъ на станъ за Касымовъ верстъ за десять или больши, гдѣ у тебя съ посломъ станъ будетъ, а ты бѣ съ посломъ Касымовъ прогребъ въ ночи или изъ утра на зорѣ, чтобъ посолъ не видалъ, и чтобъ тебѣ въ Касымовъ съ посломъ не заезжать, и съ посломъ бы царевы люди не увиделися, и людей своихъ къ нему ни съ чѣмъ не прислали. А будетъ посолъ о томъ учнетъ тебѣ говорить, чтобъ ему въ Касымовъ заѣхать и постоять, и съ царемъ захочетъ для чего обослатьца противъ прежнего, и ты бѣ ему говорилъ: какъ напередъ сего велось, того ты не вѣдаешь, а ныне про то у тебя въ государеве наказе не написано, а самому тебѣ о томъ доложить не случилось, а безъ государева указу того учинить не смѣешь. Да однолично бѣ еси съ посломъ прогребъ мимо Касымовъ и къ Касимову не приставалъ, чтобъ однолично посолъ съ царемъ не сослался, и татаръ бы еси къ послу пускать не велѣлъ, а приказалъ о томъ тайно, чтобъ послу и его людемъ однолично было не знатно.

И 129-го, апрѣля въ 30 де(нь) писано отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Коломну къ воеводе къ Василью Наумову: какъ визылбашскихъ пословъ приставъ Ѳедоръ Елагинъ приплетъ къ нему напередъ себя съ вѣстью въ которой день быти ему съ посломъ на Коломну, и у него бѣ въ тотъ день въ городе и на

посаде, и тѣми мѣсты, гдѣ послу итти, было людно и стройно по посольскому обычею, и кормъ, и питье послу велено давать по той росписи, какова дана на Москвѣ приставу ево и въ до¹⁾

. . . . (Бу)латъ бека да купчину своего Мамеселѣя, а съ купчиною посылаю на бусе рухледь свою и рухледи своей роспись за своею печатью. И которая моя рухледь по росписи брату моему, великому государю, въ казну надобна, и онъ бы, великій государь, тое рухледь велѣлъ взяти въ свою государеву казну; а что будетъ въ его, государеву, казну негодно, и онъ бы, великій государь, то велѣлъ отдать купчине моему, а купчине бѣ моему и торговымъ людемъ братъ мой, великій государь, въ своемъ государстве позволилъ купить и продать повольною торговлею также повольно, какъ брата моего великого государя купчинамъ и торговымъ людемъ въ моемъ государстве купить и продать во всемъ воля. А хоти будетъ братъ мой, великій государь, и не велитъ мнѣ продать кречетовъ, — кречеты у меня есть: поймали у меня, и ныне восемь кречетовъ; соболей не велитъ продать, — шубы у меня есть; нагай не велитъ продать, — холопей у меня много. А которые мои торговые люди приѣзжаютъ брата моего великого государя отчину съ своими товары, а сказываютца, что съ моими товары, и братъ мой, великій государь, для меня пошлннъ съ нихъ имать не велитъ, и въ томъ у брата моего, у великого государя, казна теряетца. И впередъ которыхъ торговыхъ людей учну я посылать съ своею рухледью и у тѣхъ будутъ грамоты за моею печатью, а какова печать будетъ у грамотъ, и ту печать посылаю къ брату моему, къ великому государю, съ купчиною своимъ.

И какъ учнутъ приѣзжать мои торговые люди съ моими грамоты, а у грамотъ будетъ печать, и братъ бы мой, великій государь, съ тѣхъ торговыхъ людей пошлннъ имать не велѣлъ; а у которыхъ торговыхъ людей моихъ грамотъ и той печати у грамотъ не будетъ, и государь бы съ тѣхъ торговыхъ людей велѣлъ пошлнну свою имати по своему государеву указу. Да приказалъ шахъ Исупъ хану проводить ихъ до Терка, а имъ приказалъ шахъ съ своими послы сходитьца въ Шемахъ, и у руки они у шахова в. были. И какъ шахъ ихъ отпустилъ и, поотшедъ отъ него, кафтаны его сложили и дворомъ шаховымъ шли до лошадей, и въ станъ къ себѣ ѣхали въ государеве жалованье, въ платье. А въ Фарабатъ они отъ шаха приплы июня въ 3

¹⁾ Далѣе нѣсколькихъ листовъ не достааетъ.

де(нь), а изъ Фарабату пошли въ Шемаху іюня въ 9 де(нь), а въ Шемаху пришли іюля въ 6 де(нь). А шаховы послы въ Шемаху не бывали, и они въ Шемахѣ дожидались шаховыхъ пословъ; а шаховы послы, грузинець Урусамъ бекъ да Булатъ бекъ, въ Шемаху пришли 132-го, ноября въ 4 де(нь). А къ великому государю и къ отцу къ великому государю святѣйшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Русіи отъ шахова в. послы его везуть даровъ, что они видели, а иное провѣдали: Христову срачицу, кресты золоты съ яхонты, два судна золоты съ каменьемъ, седло и узда, и наперсть оправлены золотомъ съ каменьемъ, что прислалъ къ шаху турецкой царь: шатеръ индѣйской, — верхъ и полы и дворъ бархатъ червчатъ, въ немъ подложено бархаты золотными и серебряными; дватцать семь камокъ золотныхъ, дватцать семь камокъ цвѣтныхъ; четыре ковра шолковы зъ золотомъ; шесть аргамаковъ, три кобылицы аргамачьи, кобыла катыря, три барса, девять попугаевъ, два слона. Да связывали имъ въ Шемахѣ шаховы послы и шемахѣйской Исупъ ханъ, что шахъ изъ Испогани по ссылке турецко богдацкого наши пошолъ подъ турецкой городъ, подъ Багдаты. Да писалъ къ нимъ на Терекъ дербенской Ютемъ салтанъ, что писалъ къ нему шемахѣйской Исупъ ханъ, а къ Исупъ хану де писалъ шахъ, что онъ у турецко городъ Багдаты съ пригороды взялъ. А какову грамоту Исупъ ханъ къ нему прислалъ, и тоѣ Исупъ ханову грамоту салтанъ прислалъ къ нимъ. А изъ Шемахи они и шаховы послы и купчина въ Дербень пошли ноября въ 20 де(нь), а въ Дербень они пришли декабря въ 4 де(нь). И были они и шаховы послы у дербенского салтана и при нихъ прѣхалъ къ салтану крымской царевичъ Шанъ Гирѣй. И говорилъ Шанъ Гирѣй царевичъ имъ: шахъ де ево пожаловалъ, отпустилъ отъ себя въ Крымъ, и приказалъ де ему шахъ, чтобъ имъ великого государя нашего ничѣмъ не кручинить, и люди бѣ крымскіе на государеву украйну войною не приходили. И они Шанъ Гирѣю говорили: самъ онъ былъ при шахове в-вѣ и то виделъ, какъ шахово в. великому государю нашему ц. в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. с. его ц. в-ву достойную честь воздаеть, и межъ ими, великими государи, братственную дружбу и любовь. И Шанъ Гирѣй царевичъ имъ молвилъ: виделъ де я то все самъ да и вѣдаю, какая межъ великими государи крѣпкая дружба и любовь ныне сталась. А изъ Дербени они пошли въ Тарки декабря въ 11 де(нь), а въ Тарки они пришли декабря 17 де(нь), а изъ Тарковъ они и шаховы послы пошли декабря въ 19 де(нь). А въ государеву отчину на Терекъ они и шаховы послы и купчина пришли декабря

въ 30 де(нь), а на встрѣчу шаховымъ посломъ терскіе воеводы выслали отъ города версты за три Ѳедора Петрова сына Обернибесова съ военными людьми, да князь Сунчалѣвы дети, Шолохъ да Алкаса, да Муцала съ черкасы и съ окочены. А въ остроге отъ воротъ и до посольсково двора стояли стрельцы по обе стороны съ пищальми. А морской и вольской ходъ въ Асторохань миновался, къ великому государю вскоре послать было не мочно, зимовали на Терке. А съ шаховымъ посломъ, съ Урусамъ бекомъ, жена его да сынъ, да съ шаховыми жъ послы и съ купчиною шаховыхъ людей на Терекъ пришло сто дватцать одинъ человекъ. А съ Терка съ отписками къ государю послали толмача Юрья Бурнашева марта въ 1 де(нь).

И толмачъ Юрья Бурнашовъ пріѣхалъ къ Москвѣ во 132-мъ году іюня въ 27 де(нь). А на Москвѣ толмачъ Юрья Бурнашовъ въ роспросе сказалъ, что государевы послы Василей Коробинъ да дьякъ Остаеѣй Кувшиновъ пришли изъ Шемахи на Терекъ на другой день после Рожества Христова нынешнего 132-жъ году. А пословъ шаховыхъ идетъ къ государю: большой посоль Русамъ бекъ, родомъ грузинецъ, зъ женою да съ сыномъ; другой посоль Булатъ бекъ, да купчина Мамеселѣй. А людей съ послы съ шаховыми: 4 ч. кречетниковъ, 6 ч. слоновщиковъ, 2 ч. конюховъ. А посольскихъ людей: зъ большимъ посломъ 50 ч., зъ другимъ 20 ч., съ купчиною 29 ч.

Іюня жъ въ 27 де(нь) писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. изъ Асторохани бояринъ и воеводы, князь Иванъ Федоровичъ Хованской да Григорей Волуевъ, да дьяки, Марко Поздѣевъ да Василей Яковлевъ: марта въ 24 де(нь) писали къ нимъ съ Терки государевы посланники, Василей Коробинъ да дьякъ Остаеѣй Кувшиновъ, что они и шаховы послы, и купчина пришли на Терекъ декабря въ 30 де(нь), и имъ бы прислать изъ Асторохани на встрѣчу, для обереганья, государевыхъ ратныхъ людей, чтобъ надъ ними и надъ шаховыми послы и надъ государевою казною воры казаки какова дурна не учинили. И они послали изъ Асторохани въ судѣхъ на море на встрѣчу государевыхъ и шаховыхъ пословъ и купчине нижегородцково голову стрелетцкова Василья Щукина, а съ ними ратныхъ людей казанскихъ и астороханскихъ, и нижегородцкихъ стрельцовъ, а велѣли имъ на морѣ государевыхъ посланниковъ и шаховыхъ пословъ, и купчину оберегать, чтобъ имъ отъ воровскихъ казаковъ до Асторохани дойти здорово. И апрѣля въ 20 де(нь) въ Асторохань государевы посланники и съ ними вмѣсте шаховы послы и купчина пріѣхали, и они шаховыхъ пословъ, Русамъ бека и Булатъ бека, и купчину Ма-

меселѣя велѣли встрѣтить по прежнему обычею и поставили ихъ въ остроге на посадцехъ дворехъ и велѣли у нихъ быти въ приставахъ и для всякаго береженья детей боярскихъ и стрельцовъ. И государево жалованье на приѣзде, кормъ, давати велѣли, примѣрся къ прежнему.

А корму посломъ и купчине на приѣзде по астороханской росписи послано. Послу Русамъ беку: яловица, 4 борана, 8 куровъ, 2 ведра вина отдаточныхъ, 2 ведра меду доброво, 5 вѣдръ меду росхожево, 5 вѣдръ пива. Послу же Булатъ беку: 5 борановъ, 5 куровъ, ведро вина отдаточное, ведро меду доброво, 3 ведра меду росхожево, 3 ведра пива. Купчине Мамеселѣю четыре борана, 3 куровъ, полведра.....

1621, Іюня 3. Дѣло по челобитью кречетниковъ, сокольника Тоболина съ шестью товарищи, посланныхъ въ Персію съ княземъ Борятинскимъ о придачѣ имъ за службу ихъ и терпѣніе жалованья денежнаго и помѣтнаго. На 12 листахъ.

... (Ондрю)шка Чернцовъ: б(ы)ли... государевой службѣ съ послами въ Кизыл(баши, и мы, холо)пи твои, живучи на твоей государевой службѣ въ Кизылбашехъ, испроѣлись и опрдались, и одолжали великимъ долгомъ; а корму, государь, намъ шахова жалованья было скудно, на многіе мѣсецы и на дни корму не давано. И какъ, государь, отпустили твоихъ государевыхъ пословъ и насъ, и дали намъ, холопемъ твоимъ, подводы до Тарковъ, а въ Таркахъ, государь, подводы наймывали мы, холопи твои, до Терекъ дорогою ценою. А живучи мы, холопи твои, на Теркахъ и въ Астарахани, испроѣлись и опрдались, и одолжали великимъ долгомъ, и покупали мы, холопи твои, на Теркахъ и въ Астарахани запаси дорогою ценою. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., пожалуй насъ, холопей своихъ, за наше службишко и терпѣніе своимъ государевымъ жалованьемъ, какъ тебѣ, государю, Богъ известитъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

А о чемъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. кречетники Ѳедоръ Тоболинъ, Михайло Паскинъ, Ѳедоръ Рыкуновъ, Юрь Гребенкинъ, сокольникъ Михайло Мясоѣдовъ, ястребникъ Ондрѣй Чернцовъ бьютъ челомъ,—и выписано изъ отпуску въ Кизылбаши государевыхъ пословъ князя Михайла Борятинского съ товарищи прошлаго 126-го году. Какъ по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу посланы въ Казылбаши въ послѣхъ князь

Михайло Борятинской съ товарищи, а съ ними посланы вретченики и сокольники, и ястребники, Ѳедоръ Тоболинъ съ товарищи десять человекъ. И на той государевъ службѣ, идучи изъ Кизылбашъ, вретчениковъ и соколниковъ, и ястребниковъ померло четыре человекъ, а въ Москвѣ ихъ изъ Кизылбашъ пришло шесть человекъ.

А для тоѣ кизылбашскіе службы дано было имъ государева жалованья на два года, на 126-й да на 127-й годъ по ихъ окладомъ сполна, да подмоги противъ жалованья одного году. А на государевъ службѣ были они 126-й, 127-й, 128-й годъ; а жалованья имъ въ тѣ поры, какъ они посланы въ Кизылбашъ, на 128-й годъ не дано. А какъ они изъ Кизылбашъ пришли, и били челомъ государю о жалованьи на прошлой на 128-й годъ, что они, будучи въ Кизылбашехъ, заслужили, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, то свое государево жалованье на 128-й годъ велѣлъ имъ дати. И по тому ихъ челобитью то имъ государево жалованье на прошлой на 128-й годъ, что они, будучи въ Кизылбашехъ, заслужили, дано противъ товарищей ихъ по три четверти окладовъ. А государева имъ жалованья денежныя и помѣстные оклады по памяти изъ дворца за приписью дьяка Патреѣя Насонова —

Вретченикомъ: Ѳедору Тоболину помѣстной окладъ 400 чети, денегъ 20 рублей. Михайлу Паскину помѣстной окладъ 300 чети, денегъ 12 рублей. Ѳедору Рыкунову, Юрью Гребенкину помѣстные оклады по 250 чети, денегъ по 10 рублей. Сокольнику: Михайлу Мясоѡдову помѣстной окладъ 200 чети, денегъ 8 рублей. Ястребнику: Ондрѣю Черицову помѣстной окладъ 200 чети, денегъ 7 рублей.

А у выписки вретченики и сокольники, и ястребники про долгъ свой сказали, что они, будучи въ Кизылбашехъ, займовали и ныне на комъ сколько долгу: на Ѳедоре на Тоболинѣ 5 рублей, а на достольныхъ на всѣхъ на пяти человекъ по 4 рубли на человекъ. И только государь ц. и в. вн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. вретчениковъ и сокольника, и ястребника Ѳедора Тоболина съ товарищи, 6 человекъ, пожалуетъ за ту ихъ службу и терпѣніе, и за долгъ своимъ царскимъ жалованьемъ и помѣстною и денежною придачею, какъ объ нихъ государю Богъ известить, — и выписано на примѣръ:

Въ прошломъ во 124-мъ году посланы были на государеву службу во Царьгородъ съ посланники, съ Петромъ Мансуровымъ да въ дьякомъ съ Семеномъ Самсоновымъ, вретченикъ Василей Черицовъ да ястребникъ Бурнашъ Мословъ, и какъ они изъ Царягорода въ государевыми посланники пришли, а были на государевъ службѣ поль

пятаго, да и имъ дано государева жалованья въ приказъ и за долгъ, и въ жалованья мѣсто по 30 рублевъ да по камкѣ, да по сукну по доброму человѣку. Да имъ же придано государева жалованья въ прежнимъ ихъ окладомъ денегъ по 8 рублевъ, помѣсного окладу по 100 чети. А прежніе имъ были оклады: денегъ по 12 рублевъ, помѣстного по 300 чети.

Да въ прошломъ во 126-мъ году посланы были въ Кизылбаши зъ государевымъ посланникомъ съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ кречетники и ястребники, Остаеѣй Сычовъ, Истома Бокинъ, Петръ Савеловъ, Василей Фоооновъ, Ѳедоръ Тоболинъ, Григорей Устиновъ, и какъ они изъ Ковылбашъ пришли, и придано имъ за тое кизылбашскую службу государева жалованья помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ къ прежнимъ ихъ окладомъ кречетнику Остаею Сычову къ 400 четвертямъ 50 чети, денегъ ко 18 рублемъ 4 рубли, да ему же дано въ приказъ 5 рублевъ, да сукно доброе, и придача ему денежная выдана. Ястребнику ИстOME Бакину помѣстного окладу къ 300 четямъ 50 чети, денегъ къ 12 рублемъ 4 рубли, да въ приказъ 5 рублевъ, да сукно доброе, и придача ему денежная выдана. А достальнымъ кречетникомъ и ястребнику всѣмъ помѣсного окладу по 50 чети, денегъ по 2 рубли, и придача имъ денежная всѣмъ выдана. Да имъ же дано въ приказъ по 3 рубли да по сукну по доброму человѣку.

Да въ прошломъ же во 128-мъ году посланы въ Крымъ зъ государевыми посланники, съ Прокоѣемъ Воейковымъ да съ подъячимъ съ Семеномъ Матчинымъ кречетники: Ѳедоръ Тоболинъ, Иванъ Ѳеоповъ, да сокольники: Григорей Савеловъ, Гаврило Рыкуновъ, ястребники: Григорей Устиновъ, Богданъ Коноплевъ, Иванъ Черпцовъ. И какъ они изъ Крыму пришли, и имъ придано государева жалованья къ прежнимъ ихъ помѣстнымъ и денежнымъ окладомъ помѣстья всѣмъ по 50 чети, а денегъ кречетникомъ по 4 рубли человѣку, а сокольникомъ и ястребникомъ по 3 рубли съ полтиною человѣку. Да имъ же дано государева жалованья за изронъ и въ приказъ, и за то, что было имъ на отпуске не дано, какъ они посланы въ Крымъ, по 5 рублевъ да по сукну по доброму человѣку.

Да государю жъ ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. кречетники Михайло Паскинъ, Ѳедоръ Рыкуновъ, Юрьи Гребенкинъ, сокольникъ Михайло Мясоѣдовъ, ястребникъ Ондрѣй Черпцовъ бьютъ челомъ: какъ де они были на государеве службе въ Кизылбашехъ и зимовали въ Казбине и какъ де государевымъ посломъ шахъ велѣлъ быть у себя на отпускѣ в-Бспогань, и послы де вняли съ собою изъ

Казбина в-Ыспогань переводчика да толмача, да ихъ дву товарищевъ, Ѳедора Тоболина да Ѳедора Савелова, и были де государевы послы в-Ыспогане четырнатцать недѣль, а они де въ тѣ поры были въ Казбинѣ, и корму де имъ не давано ничево, и они де, живучи въ Казбинѣ, дожидаячись государевыхъ пословъ из-Ыспогани, проѣлися и опрордались, и обдолжали великими долги. А государевымъ де посломъ и переводчику, и толмачю, и ихъ товарищемъ дву человекомъ, которые были съ послы, шахово жалованье на отпуске дано платье и дороги, и киндяки, и денегъ де дано товарищемъ ихъ по шти рублевъ чело-вѣку, а имъ де тово шахова жалованья на отпуске не дано ничево, и они де передъ своею братьею въ конецъ погибли. И государь бы ихъ пожаловалъ для ихъ бѣдности своимъ царскимъ жалованьемъ противъ переводчика и толмача и ихъ товарищей, которые были у шаха на отпускѣ, какъ объ нихъ государю Богъ известить.

И только государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. кречетниковъ и сокольника и ястребника Михайло Паскина съ товарищи, пяти человекъ, пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ противъ переводчиковъ и толмача и ихъ товарищей, какъ объ нихъ государю Богъ известить—

И выписано изъ списка государевыхъ пословъ, каковъ списокъ привезли съ собою къ Москвѣ государевы послы Иванъ Чичѣринъ да дьякъ Михайло Тюхинъ: дано шахова жалованья на отпускѣ: переводчику Милютѣ Нагаеву камка да 4 дороги, да 7 киндяковъ, талмачю Ивану Сергѣеву 3 дороги киндяковъ

По склейкамъ помѣта дьяка: 129-го юнь въ 3 де(нь) государь пожаловалъ кречетниковъ и сокольниковъ, и ястребниковъ, за ихъ кизылбашскую службу велѣлъ имъ придати своего государева жалованья къ прежнимъ окладомъ по 2 рубли человекъ да по сукну по доброму человекъ, а помѣстные оклады денежныя придачи по 50 чети человекъ. Да имъ же, которымъ шахова жалованья не дано, и тѣмъ жалованье на 128-й годъ дати сполна, а писано у нихъ, что имъ съ товарищи жалованья шахова не дано. А которымъ шахово жалованье дано, и тѣмъ дати на 128-й годъ противъ товарищей ихъ московскихъ кречетниковъ и ястребниковъ, и сокольниковъ 3 чети окладовъ ихъ. А что они написали долгу, и тѣ имъ деньги пожаловалъ государь, велѣлъ выдать по тому, что долгъ

1621 іюля 5. Дѣло по челобитью подъячихъ Богданова и Молотова, посланныхъ въ Персію, о дачѣ имъ за ихъ службу и терпѣніе жалованья. На 6 листахъ.

Царю государю и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьютъ челомъ холопи твои, подъячіе Терешка Богдановъ, Сенька Молотовъ. Были мы, холопи твои, на твоей государевой службѣ съ твоими государевыми послы, со княземъ Михайломъ Петровичемъ Борятинскимъ съ товарищи, въ Кизылбашехъ, голодъ и всякую нужу терпели и одолжали великими долги, и отъ тово, государь, долгу ныне стоимъ на правезѣ, помираемъ голодною смертью. Милостивый государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., пожалуй насъ, холопей своихъ, за наше службишко и за терпѣнье своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ тебѣ, милосердому государю, объ насъ Богъ извѣститъ, чтобъ мы, холопи твои, отъ великого долгу, стоя на правези, въ конецъ не погибли и голодною смертью не померли. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

И выписано изъ отпуску въ Кизылбаша государевыхъ пословъ прошлаго 126-го году. Какъ по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу посланы въ Кизылбаша въ послѣхъ князь Михайло Петровичъ Борятинской съ товарищи, а съ ними посланы подъячіе костромскіе четверти Терентей Богдановъ, помѣстново приказу Семень Молотовъ. А для тое кизылбашскіе службы дано имъ государева жалованья Терентью Богданову на два года, на 126-й да на 127-й годъ по 20 рублевъ на годъ, да подмоги противъ жалованья на одинъ годъ. А Семену Молотову дано государево жалованье на одинъ на 126-й годъ 15 рублевъ да подмоги противъ жалованья на одинъ же годъ. А до тое кизылбашскіе службы было государева жалованья подъячю Терентью Богданову въ костромской четверти 15 рублевъ, а помѣстного приказу подъячей Семень Молотовъ до кизылбашскіе службы государевымъ жалованьемъ денежнымъ окладомъ не верстанъ. А то имъ государево жалованье Терентью по 20 рублевъ, а Семену по 15 рублевъ на годъ дано для тое кизылбашскіе службы. А на той государевѣ службѣ были они 126-й, 127-й, 128-й годъ. А какъ они въ нынѣшнемъ во 129-мъ (году прі)ѣхали зъ государевы службы (изъ Кизыл)башъ къ Москвѣ, и били челомъ государю, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ дати свое государево жалованье, что они, будучи на той государевѣ службѣ заслужи(ли): Терентью на

128-й годъ, а Семену на два года, на 127-й да на 128-й же годъ, противъ кречетниковъ и сокольниковъ, и ястребниковъ, которые были на той же государевъ службе. И по тому ихъ челобитью, для ихъ службы, государево имъ жалованье, что они, будучи на службе, заслужили, дано противъ кречетниковъ и сокольниковъ, и ястребниковъ того государева жалованья, что имъ дано въ тѣ поры, какъ посланы въ Кизылбаша, на одинъ годъ по три чети: Терентью 15 рублей, а Семену 11 рублей, 8 алтынъ, 5 де(негъ). А ныне государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичу в. Р. подъячіе Терентей Богдановъ да Семень Молотовъ бьютъ челомъ: будучи де они на той государевъ службѣ въ Кизылбашехъ, голодъ и всякую нужу терпѣли и обдолжали великими долги и отъ того де долгу ныне стоятъ на правешѣ и умираютъ голодною смертию, и государь бы ихъ пожаловалъ, за ту ихъ службу и за терпѣнье своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ государю Богъ известить, чтобъ имъ отъ того долгу, стоячи на правешѣ, въ конецъ не погнунуть и голодною смертию не помереть. И только государь ихъ пожалуетъ за ту ихъ службу своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ объ нихъ государю Богъ известить, — и выписано на при- мѣрь:

Въ прошломъ во 121-мъ году посланъ въ Аглинскую землю съ Олексѣемъ Зузинымъ да съ дьякомъ съ Олексѣемъ Витоетовымъ подъячей Ондрѣй Семеновъ, и какъ они изъ Аглинскіе земли пришли въ Москвѣ, и ему дано государева жалованья за службу въ приказъ 10 рублей да сукно доброе, да къ жалованью придано къ 15 рублемъ 2 рубли.

Во 121-мъ же году посланъ въ Датцевую землю со княземъ Иваномъ съ Борятинскимъ да съ дьякомъ съ Гаврилою Богдановымъ подъячей Екимъ Резановъ, и какъ они къ Москвѣ пришли, и ему дано государева жалованья въ приказъ и къ жалованью придано противъ Ондрѣя жъ Семенова.

Во 124-мъ году посланъ во Царьгородъ съ посланники, съ Петромъ Мансуровымъ да съ дьякомъ съ Семейкою Самсоновымъ подъячей Тимоѣй Ивановъ, и какъ они къ Москвѣ пришли, и ему придано государева жалованья къ прежнему окладу къ 12 рублемъ 5 рублей, да въ приказъ и за долгъ 25 рублей, таета, сукно доброе.

Во 126-мъ году посланъ въ Дацкую землю с-Иваномъ Баклановскимъ для письма подъячей Иванъ Назаревъ, и какъ они къ Москвѣ пришли, и ему дано государева жалованья въ приказъ 10 рублей, таета, сукно доброе, да ему жъ придано государева жалованья

въ денежному овладу, въ 15 рублемъ, 3 рубли, да ему жъ учиненъ помѣсной окладъ 150 четвертей.

На оборотъ: Будеть прежь того за такіе службы давано, и ихъ служба выписать.

По склейкамъ помѣта: 129-го, іюль въ 5 де(нь) государь пожаловалъ за службу придачи: Терентью 3 рубли, а Семену 2 рубли да въ приказъ по сувну по доброму чловѣву да по дорогамъ, потому что были на службѣ 3 годы, а помѣстьемъ не верстаны діавомъ тѣхъ приказовъ, смотря по нихъ будетъ пригоже.

Помѣта: Справилъ Овексѣй Шаховъ.

1621, Іюля. Дѣло по челобитью толмачей Ивана и Гаврила Есиповыхъ о награжденіи ихъ за персидскую съ посломъ княземъ Борятинскимъ службу жалованьемъ. На 11 листахъ.

. Ѳедоровичю в. Р. біють челомъ холопи твои посольского приказу толмачи Ивашка Сергѣевъ сынъ Есиповъ да Гаврилка Матвѣевъ сынъ Есиповъ. Посланы, государь, мы были, холопи твои, на твою государеву службу въ Козылбаши съ твоими государевыми послы, и мы, государь, будучи на твоей государевой службѣ въ Козылбашехъ, тебѣ, государю, служили и тесноту терпѣли и въ кормѣхъ многія недостатки были, и мы, холопи твои, изпроѣлися и одолжали до конца. Пословъ и насъ держали въ Таркахъ десеть день, и мы, государь, подводы наймовали подъ себя и подъ людшахъ до Мертвова моря, и на Терки, государь, мы зимовали и тутъ мы запасъ и дрова покупали дорогою ценою. И съ Терка, государь, мы пришли въ Астороханъ за две недели до велико дни и жили въ Асторахани до Госпожина говѣнья, и мы, холопи твои, изпроѣлися и одолжали великимъ долгомъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., пожалуй насъ, холопей своихъ, за нашу службишку и за терпенья своимъ государевымъ жалованьемъ, какъ тебѣ, государю, Богъ известить и чѣмъ бы намъ долгъ заплатить. А которые, государь, наша братья ходили въ Козылбаши первея насъ съ Михайломъ Тихановымъ, имъ, государь, твоево царского жалованья денежна и помѣсна овладу прибавлено. Царь государь, смилуйся пожалуй!

На оборотъ: 129-го ію . . . въ 14 (?) де(нь), выписать на примѣръ.

Бьютъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Оедоровичю в. Р. посольского приказу татарскіе толмачи Иванъ да Гаврило Есиповы. Въ прошломъ деи во 126-мъ году по государеву указу посланы де были они на государеву службу въ Кизылбаши съ государевыми послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ да с-Иваномъ Чичѣринымъ. И будучи деи они въ Кизылбашехъ (*и проч.*). А государева жалованья Ивану Есипову помѣсной окладъ 350 чети, а Гаврилу Есипову 300 жъ 50 чети, а денегъ обѣимъ по 20 рублевъ человѣку. А какъ Иванъ и Гаврило Есиповы въ Кизылбаши съ послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ да с-Иваномъ Чичѣринымъ отпущены, и дано имъ для тое кизылбашскіе службы государева жалованья на два года, на 126-й да на 127-й годъ, по окладомъ ихъ сполна, по 20 рублевъ на годъ, да подмоги противъ жалованья одново году по 20 же рублевъ человѣку, всего жалованья и подмоги по 60 рублевъ человѣку.

А въ посольскомъ спискѣ, каковъ привезъ съ собою Иванъ Чичѣринъ, какъ у нихъ въ Кизылбашехъ государево дѣло дѣлалось, написано: писалъ деи къ нимъ съ Терки воевода Микита Вельяминовъ съ сыномъ боярскимъ съ Первымъ съ Лувинымъ, что польскіе и литовскіе люди изъ Московского государства вышли и въ Московскомъ государствѣ по государскому доброопасному осмотрѣнію и милостивому призрѣнію въ Московскомъ государствѣ всякіе люди живутъ въ мирѣ, въ покоѣ и въ тишинѣ и во благоденствѣ, а съ польскимъ королемъ у великого государя его ц. в. учинилось мирное постановенье на четырнатцать лѣтъ на шесть мѣсяцъ. И Иванъ и Михайло, слыша такую милость Божію, про государево здравье пѣли молебны, а пѣвъ молебны, посылали въ Казбинъ къ приказному человѣку къ дорогѣ толмача Ивана Сергѣева, а велѣли ему сказати про государское многолѣтное здравье и что милостью Божіею и государскимъ счастьемъ польскихъ и литовскихъ людей въ Московскомъ государствѣ побили, а достольные польскіе и литовскіе люди пошли въ свою землю съ великимъ стыдомъ. И дорога де приказывалъ къ нимъ, къ Ивану и къ Михайлу, съ толмачомъ с-Иваномъ же Есиповымъ, что онъ, слыша про государское многолѣтное здравье, тому обрадовался и къ шаху де онъ пошлетъ и о государевѣ многолѣтномъ здравѣ отпишетъ, чтобъ деи шаху про государево многолѣтное здравье было вѣдомо.

Да въ спискѣ жъ написано: какъ де Ивана и дьяка Михайла учалъ шахъ ко государю отпускати, и спросилъ деи шахъ у Ивана и у Михайла: есть ли у нихъ толмачъ крестьянинъ, а не бусурманъ? И Иванъ и Михайло велѣли подойти къ шаху толмачю Ивану Сер-

гѣеву, и шахъ де съ ними, с-Иваномъ и съ Михайломъ, приказывалъ ко государю рѣчью о дѣлехъ, а толмачилъ передъ шахомъ толмачъ Иванъ Есиповъ.

А какъ де Иванъ и Михайло пришли въ Тарки и которые де были подъ ними подводы и верблюды шаховы, и тѣ деи поворотили назадъ, а въ Кумытцкой де землѣ имъ подводъ не давали, и они де, Иванъ и Михайло, и толмачи, и вречатники подводы наймовали отъ Тарковъ до Аксальского куддака на семьдесятъ верстъ, а давали де найму отъ верховые лошади по два киндяка, а отъ телѣги съ быками по четыре киндяка; а корму де имъ и толмачомъ въ Таркахъ не давали жъ. А на Терекъ де Иванъ и Михайло, и толмачи пришли 128-го году ноября въ 29-мъ числѣ, и на Теркѣ зимовали, потому что море замерзло и судовой ходъ поминовался, а кормъ де они и толмачи и всѣ государевы люди, на Терекѣ живучи, покупали собою.

Да въ спискѣ жъ написано во многихъ статьяхъ, что послы, князь Михайло Борятинской и Иванъ Чичѣринъ, посылали къ ханомъ и къ шаховымъ ближнимъ и къ приказнымъ людямъ о всякихъ дѣлехъ толмачей Ивана да Гаврила Есиповыхъ.

И только государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. толмачей Ивана и Гаврила Есиповыхъ за кизылбашскую службу пожалуетъ своимъ государевымъ жалованьемъ,—и выписано на примѣръ:

Въ прошломъ во 121-мъ году посланы были въ Кизылбашу съ посланникомъ съ Михайломъ Тихановымъ для толмачества посольского приказу татарскіе толмачи, онъ же, Иванъ Есиповъ, да Семейка Гавриловъ, да Семенъ Лежневъ, и какъ они изъ Кизылбашъ пришли, и придано имъ за тое кизылбашскую службу и за нужной польской проходъ, что они шли степью въ самыя жары и нужу всякую терпѣли, къ старымъ ихъ окладомъ помѣсного окладу Ивану Есипову, Семену Горасимову, къ 300 четямъ по 100 чети, денегъ къ 13 рублемъ по 7 рублевъ челоуѣку, Семейкѣ Лежневу вновь учинено помѣсного окладу 300 чети, денегъ придано къ 13 рублемъ 5 рублевъ, и придача имъ на тотъ годъ, въ которомъ году придало, дана; да имъ же дано въ приказъ по 12 рублевъ да по таетѣ, да по сукну по доброму челоуѣку.

Да въ прошломъ во 123-мъ году посланъ былъ въ Кизылбашу зъ гонцомъ с-Иваномъ Бреховымъ посольского приказу татарской толмачъ Степанъ Оеонасьевъ. И какъ онъ изъ Кизылбашъ пришелъ, и придано ему государева жалованья помѣсного окладу къ 400 четямъ 50 чети, денегъ къ 20 рублемъ 5 рублевъ, и придаточные деньги

ему на 124-й годъ даны, да ему жъ дано въ приказъ 8 рублевъ да сукно доброе.

Помѣта: 130-го октября въ 5 де(нь) государь пожаловалъ придачи Ивану 50 чети, денегъ 5 рублевъ; Гаврилу 50 же чети, денегъ 4 рубли, да за убытки по 10 рублевъ да по сукну, да по таетѣ по доброй человѣку.

На оборотъ: Справилъ Олексѣй Шаховъ.

Лѣта 7130-го октября въ 30 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу память діакомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчукову, велѣть имъ отписать въ помѣстной приказъ къ боярину ко князю Ивану Борисовичю Черкасскому, да къ діакомъ, Ондрѣю Варѣеву, да къ Ивану Грязеву посольского приказу толмачей Гаврилу да Ивану Есиповымъ, что имъ помѣстной окладъ? Діакъ Ондрѣй Варѣевъ.

На оборотъ: отписать.

Лѣта 7130-го ноября въ 9 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Борисовичю Черкасскому да дьякомъ, Ондрѣю Варѣеву да Ивану Грязеву, въ памяти въ посольской приказъ къ діакомъ, къ думному Ивану Грамотину да къ Саве Раманчукову, за твоею, Ондрѣевою, приписью написано: велѣти бѣ отписать въ помѣстной приказъ къ тебѣ, боярину, ко князю Ивану Борисовичю Черкасскому, да къ діакомъ, къ Ондрѣю Варѣеву да къ Ивану Грязеву, что посольского приказу толмачемъ Ивану да Гаврилу Есиповымъ придача помѣстные оклады? И сыскано въ посольскомъ приказе въ помѣстномъ столпу прошлаго 129-го году: посольского приказу татарскимъ толмачемъ Ивану да Гаврилу Есиповымъ помѣстные оклады за службу жъ съ придачами по чотыреста чети человѣку.

$\frac{7128}{1620}$ іюля 9— $\frac{7142}{1634}$ окт. 9. Наказъ, данный дворянину Ивану Благово, о взятіи ему бывшаго въ Персіи въ посольствѣ дьяка Михаила Тюхина подъ арестъ, о учиненіи описи всей при немъ находящейся рухляди, писемъ и проч.—О привозѣ его, Тюхина, въ Москву, послѣдовавшіе потомъ ему, Тюхину, и другимъ роспросы и пытка по случаю бытности его у шаха безъ пословъ.—Ссылка его въ Сибирь, а на послѣдокъ возвращеніе въ Москву съ отпущеніемъ вины его. На 149 листахъ.

Въ прошломъ во 128-мъ году маія въ 27 день писали ко государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. изъ Астарахани государевы послы, что посланы въ Кизылбашы, Иванъ Чичѣринъ да дьякъ

Михайло Тюхинъ, и прислали ко государю съ толмачомъ зъ Гавриломъ Есиповымъ отписки о своемъ прїѣздѣ къ шаху и о посольствѣ, какъ они были у шаха на посольствѣ, и что имъ шахъ на ихъ посольство отвѣтъ учинилъ, и какъ они у шаха были на отпуске и съ чѣмъ ихъ ко государю шахъ отпустилъ. Да въ той же ихъ отписке написано, что ноября въ 5 де(нь) послѣ ихъ посольства, какъ они у шаха были на прїѣздѣ, прислалъ къ нимъ шахъ пристава ихъ Усеинъ бека, а велѣлъ быти къ себѣ одному діаку Михайлу Тюхину да переводчику Милоте Нагаеву, и князь Михайло де Борятинской и онъ, Иванъ Чичѣринъ, говорили приставу, что посланы они отъ царского в-ва къ шахъ Аббасу, а велено имъ всякіе государевы дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ, а товарищу ихъ Михайлу къ шаху безъ нихъ одному ѣхати не пригодитца. А онъ де, Михайло, приставу говорилъ, что ему къ шаху одному ѣхати непригоже. И говорили онѣ о томъ и стояли долго, и после де того отъ шаха зъ двора прибегали стрѣльцы многижда, чтобъ Михайло ѣхалъ къ шаху тотчасъ, и приставъ де имъ говорилъ: только Михайло не поѣдетъ, и имъ навести на себя отъ шаха великую кручину. И они де, побояся отъ шаха кручины и поговоря межъ себя, онъ, Михайло, да съ нимъ переводчикъ Милота Нагаевъ къ шаху поѣхали и у шаха были. И говорилъ де шахъ Михайлу съ великимъ гнѣвомъ о послѣхъ своихъ, что будто пословъ ево на Москвѣ и по городомъ въ Казани и въ Асторохани запирали по дворомъ и зъ дворовъ ихъ никакова человекъ не пускали и всякую тесноту имъ чинили, и торговымъ де ево людемъ по городомъ воеводы чинятъ насильство и бесчестье великое и товаровъ никавихъ на нево, что ему годно, покупать не дають, а что вупятъ, и то отнимають, и у человекъ ево астороханскіе воеводы отняли птицу ястребъ, а сказали де воеводы, что то заповедное.

И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. велѣлъ отписку чести бояромъ и говорилъ о томъ зъ бояры, что Михайло Тюхинъ учинилъ то, что ѣздилъ къ шаху одинъ съ толмачомъ мимо своихъ товарищевъ, мимо прежніе обычаи, невѣдомо для какіе мѣры и потому чаятъ въ немъ воровства. И указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. послать на встрѣчу противъ пословъ, Ивана и Михайла, дворянина добра, а дожидатись ихъ велѣлъ въ Нижнемъ. Да какъ ему учинитца про нихъ вѣсть, что они изъ Казани отпущены будутъ къ Нижнему, и ему ѣхать изъ Нижнего къ нимъ на встрѣчу, чтобъ ему ихъ встрѣтитъ за Нижнимъ верстъ за сто или за пятьдесятъ, межъ городовъ, а гдѣ ихъ встрѣтитъ, и тому дворянину велѣно у Михайла переписать и пересмотрити всякого письма и животовъ и запечатать; а переписавъ

животы и письмо всякое и запечатавъ, ѣхати тому дворянину къ Москвѣ съ Михайломъ Тюхинымъ и зъ животы его вмѣстѣ.

И іюля въ 9 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича въ Р. указу посланъ противъ Ивана Чичѣрина и Михайла Тюхина Иванъ Благой, а государевъ наказъ Ивану данъ таковъ.

Лѣта 7128-го іюля въ 9 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память Ивану Степановичю Благово ѣхати ему въ Нижней или гдѣ встрѣтитъ пословъ Ивана Чичѣрина да дьяка Михайла Тюхина, а пріѣхавъ въ Нижней, дожидатися Ивана да дьяка Михайла, а идуть они изъ Астарахани Волгою въ судѣхъ и беречи того Ивану наврѣпко, чтобъ Иванъ и Михайло безвѣстно въ Нижней не пріѣхали. А какъ ему будетъ вѣсть, что Иванъ и Михайло исъ Казани отпущены и ѣдутъ къ Нижнему, и Ивану ѣхать къ нимъ встрѣчу, чтобъ ихъ встрѣтитъ за Нижнимъ версть сто или пятьдесятъ, межъ городовъ, да какъ съ ними съѣдетца, и Ивану итти на судно, на которомъ судне ѣдетъ дѣакъ Михайло Тюхинъ, а пришедчи на судно, сказати Михайлу, что по государеву указу велено ему, Ивану, у него, Михайла, переписать рухлядь всякую, и Михайло бѣ ему отдалъ ключи всѣхъ коробей и сундуковъ, и ключи у него взяти тотчасъ и пересмотрити и переписать Михайлову всякую рухлядь, что съ нимъ пошла съ Москвы, и шахово данье — платье золотное и иное всякое платье, и купленную всякую рухлядь, что есть отласы и бархаты, и камки золотныя, и всякіе бархаты и отласы, и камки, и дороги, и сабли, и луки, и каменье дорогое всякое и какое есть, и жемчугъ, и суды серебряныя, и деньги, и письма всякого переискать накрепко и переписать всякое писмо и посольныя грамоты. А переискавъ и переписавъ все подлинно на роспись по статьямъ имянно, которая рухлядь шахово данье и которая купленная, и которая съ нимъ съ Москвы пошла, и письмо всякое пересмотрити имянно, да тоѣ роспись за своею и за Михайловою рукою Тюхина и письмо, въ которомъ будетъ писано что прилично, прислати ко государю къ Москвѣ съ нарочнымъ гонцомъ, взявъ сына боярскаго въ Нижнемъ Новѣгородѣ у боярина у Петра Петровича Головина да у дьяка у Василья у Юдина, а къ нимъ о томъ писано: велено ему для розсылки людей дать. А рухлядь всеѣ, что переписеть, вести съ собою ко государю къ Москвѣ, а Михайлу велѣтъ ѣхати съ собою жъ и въ дорогѣ нигдѣ отставать не давать и того смотреть, чтобъ Михайло куда не ушелъ и дурна надъ собою никоторого не учинилъ. А не доѣзжая до Москвы за два стана, прислатъ къ Москвѣ съ вѣстью, а велѣти сказати въ

посольскомъ приказѣ дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчукову, а безъ указу къ Москвѣ не ѣздить, а Ивану Чичѣрину велѣти ѣхати ко государю въ Москвѣ повольно, да и того беречи накрепко, чтобъ тоѣ рухляди, что возьметъ у Михайла на дорогѣ, на грязехъ и на рѣкахъ не подмочить и не испортить, и привести къ Москвѣ цѣло. Да и того Ивану беречь накрепко и сесь наказъ держати у себя тайно, чтобъ люди ево и иной хто про то не провѣдали и Михайлу вѣсти не подали, чтобъ Михайло, свѣдавъ про то, животовъ своихъ и рухляди не скоронилъ и по другому не ровослалъ, да и самому Ивану переписывати и осматривать накрепко, и Михайлу въ томъ не поноровить, рухлядь отписати вся, а самому ничѣмъ не искорыстоватца. А учнетъ Иванъ отписывати съ поноровкою, а отъ того что возьметъ, а послѣ про то сыщетца, и Ивану за то отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. быти въ великой опалѣ. А подводы подъ Михайла и подъ ево людей, и подъ рухлядь взяти въ Нижнемъ и по инымъ городомъ, какъ мочно поднятца. А будетъ гдѣ встрѣтитъ Михайловыхъ людей, ѣдутъ къ Москвѣ съ Михайловою рухлядью, и Ивану тоѣ всеѣ рухлядь у Михайловыхъ людей переписатьи сполна жъ безъ поноровки, и запечатать въ томъ городѣ, гдѣ пригоже, и приказати ту рухлядь и Михайловыхъ людей беречь до государева указу, а самому ѣхать въ Нижней и дѣлать по сему государеву наказу, да о томъ о всемъ писати ко государю тотчасъ.

А въ Нижней въ боярину и воеводѣ государева грамота послана такова:

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. въ Нижней боярину нашему и воеводѣ Петру Петровичю Головину да діаку нашему Василью Юдину. Посланъ для нашего дѣла въ Нижней, или гдѣ встрѣтитъ пословъ, Ивана Чичѣрина да дьяка Михайла Тюхина, Иванъ Степановъ сынъ Благово, и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Иванъ Благово для нашего дѣла къ вамъ въ Нижней пріѣдетъ, и будетъ ему для нашего дѣла понадобится въ Нижнемъ дѣти боарскіе или стрѣльцы, и вы бѣ ему для нашего дѣла дѣтей боарскихъ дву человекъ да стрѣльцовъ десяти человекъ дали, а подводы бѣ есте ему, Ивану, для нашего дѣла и подъ рухлядь велѣли давать, какъ ему мочно поднятца, чтобъ ему въ дорогѣ за подводами не замѣшквать. А будетъ онъ пошлетъ отъ себя гонца напередъ, и вы бѣ тому гонцу велѣли дати подводу съ проводникомъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7128-го іюля въ 9 де(нь).

И 129-го году октября въ 22 де(нь) приѣхали ко государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. въ Москвѣ изъ Кизылбашъ. Иванъ Чичѣринъ, а съ нимъ переводчикъ Милюта Нагаевъ да толмачъ Иванъ Сергѣевъ, которые съ ними посланы для государева дѣла.

А про дѣяка про Михайла Тюхина сказали, что по государеву наказу взялъ Михайла къ себѣ Иванъ Благой и остался съ нимъ и съ его ружьядью въ Нижнемъ.

А какъ Иванъ Чичѣринъ и Михайло Тюхинъ были у шаха на посольствѣ и посольство правили, и что имъ шахъ на ихъ посольство отвѣтъ учинилъ, и какъ онѣ были у шаха жъ на отпускѣ и съ чѣмъ ихъ ко государю шахъ отпустилъ, и тому всему Иванъ Чичѣринъ подалъ государю посольства своего списокъ.

А въ списокѣ ихъ про ту статью, какъ Михайло Тюхинъ былъ у шаха одинъ съ переводчикомъ, написано, что были государевы послы князь Михайло Борятинской и Иванъ Чичѣринъ; и дѣякъ Михайло у шаха на посольствѣ и посольство правили ноября въ 4 де(нь) всѣ вмѣстѣ. А ноября въ 6 де(нь) шахъ прислалъ (*и проч.*).

И государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. приказалъ думному дѣяку Ивану Грамотину, а велѣлъ переводчика Милюту Нагаева роспросити подлинно, коими обычай былъ у шаха на одинѣ дѣякъ Михайло Тюхинъ? и онъ, Милюта, въ то время у шаха съ нимъ былъ-ли? и для чего прислалъ шахъ по Михайла мимо большихъ его товарищей? и о кою пору Михайло у шаха былъ, и о чемъ шахъ Михайла напередъ спрашивалъ, и что Михайло съ шахомъ говорилъ, и одинъ ли онъ, Милюта, шаховы и Михайловы рѣчи толмачилъ, и не было ль въ то время при шахѣ кого изъ русскихъ людей или изъ кизылбашскихъ для толмачества? и безъ него, безъ Милюты, на одинѣ шахъ съ Михайломъ не сидѣлъ ли и съ нимъ о чемъ безъ него не разговаривалъ ли? и его, Милюту, шахъ отъ себя въ тѣ поры, какъ сидѣлъ съ Михайломъ, не высылалъ ли, и кто въ тѣ поры при шахѣ были шаховыхъ ближнихъ людей? и какъ Михайло Тюхинъ и онъ, Милюта, были у шаха, и иныхъ государствъ людей кого въ тѣ поры при шахѣ не было ль? про то бѣ онъ про все сказалъ въ правду.

И переводчикъ Милюта Нагаевъ въ роспросѣ сказалъ:

На завтрее деи того дни, какъ государевы послы, князь Михайло Борятинской съ товарищи, были у шаха на посольствѣ и посольство правили, и грамоту государеву подали, и рѣчь говорили, прибежалъ часу въ четвертомъ дни посольского пристава Усеинъ бековъ челоуѣкъ,

а имени не упомянуть, въ дьяку къ Михайлу Тюхину и почалъ ему говорити, что прислалъ къ нему Усеинъ бекъ, а велѣлъ ему говорити, что шахъ зоветъ къ себѣ его, Михайла, да толмача, и они бѣ шли къ шаху тотчасъ. И Михайло де отговаривался, что ему безъ товарищей итти не пригоже и безъ нихъ онъ нейдетъ, да по первой присылкѣ отказалъ и къ шаху не пошелъ. И того же деи часу вскорѣ прибѣжалъ къ Михайлу Усеинъ бѣковъ тотъ же человекъ и говорилъ Михайлу отъ Усеинъ бека съ угрозою, что шахъ на него, на Михайла, за то, что онъ къ шаху не идетъ, кручиновать. И какъ де въ другорядѣ Усеинъ бѣковъ человекъ пришелъ, и Михайло де Тюхинъ пошелъ ко князю Михайлу и къ Ивану Чичѣрину и говорили межъ себя, а что говорили и о чомъ совѣтовали, того де онъ не слыхалъ. И послѣ де того прислали понего, по Милюту, послы, князь Михайло и Иванъ, и какъ де онъ, Милюта, къ нимъ приполъ, а Усеинъ бѣковъ человекъ тутъ же у пословъ дожидаетца Михайла, и послы де князь Михайло и Иванъ велѣли ему, Милютѣ, ѣзати къ шаху съ Михайломъ вмѣсте для толмачества. И они де Усеинъ бекову человекъ сказали, что у нихъ лошадей нѣтъ, и Усеинъ бекъ же человекъ про то пошелъ сказывать Усеинъ беку, и подъ нихъ де, подъ Михайла и подъ Милюту, прислали по лошади по средней съ сѣдлы съ тѣмъ же Усеинъ бѣковымъ человекомъ, которой приходилъ по Михайла, а шаховы-ль лошади или Усеинъ бекъ, про то онъ не вѣдаетъ, спросить ему про то не лучилось. А самъ де приставъ Усеинъ бекъ по Михайла звать къ шаху прѣвжалъ ли, и стрѣльцы отъ шаха къ посломъ для Михайла приходили ль, и съ угрозою посломъ отъ шаха что говорили-ль, того онъ, Милюта, самъ не видалъ, потому что стояли онѣ не въ одномъ мѣстѣ и не въ однихъ полатахъ: князь Михайло съ своими людьми стоялъ себѣ въ полатѣ, а Иванъ Чичѣринъ себѣ, а Михайло стоялъ въ особой полатѣ; а онъ де, Милюта, стоялъ съ толмачи подлѣ Михайла въ казенѣ; а ворота были у пословъ не одни жъ: противъ княжѣ Михайловы полаты ворота, а противъ дьяка Михайла другіе ворота, а межъ воротъ было перегорожено, и что де у всѣхъ пословъ до него, Милюты, дѣлалось, какъ по него послы прислали къ себѣ звать, и что межъ себя о томъ говорили, того онъ ничего не вѣдаетъ.

И того жъ дни часу въ шестомъ діакъ Михайло и онъ, Милюта, къ шаху поѣхали, а шель передъ ними и до шахова двора пѣшъ тотъ же Усеинъ бекъ человекъ, которой приходилъ по Михайла одинъ, а иново никово съ ними не было. И привелъ ихъ къ шаху

позади шахова двора въ шаховъ садъ, а какъ ихъ къ шаху привелъ, и шахъ въ тѣ поры сидѣлъ въ саду въ воротѣхъ, а за нимъ сидѣла баба стара, да передъ нимъ де стояли двѣ жонки, да тутю жъ деи у шаха стоялъ ближней ево человекъ Испендіаръ. И какъ де Михайло Тюхинъ и онъ, Милюта, пришли къ шаху въ ворота, и шахъ деи почалъ говорить Михайлу съ великимъ гнѣвомъ: какіе де вы ко мнѣ пришли послы! послы де бывають межъ государей о порубежныхъ дѣлахъ, о миру или о войнѣ, а межъ деи насъ съ великимъ государемъ вашимъ всегда братство и любовь, и дружба, а дурна межъ насъ николи не бывало, а только де межъ нами и ссылки, чтобъ мнѣ послать къ государю вашему здоровье видѣть и, что лучитца, поминковъ послать; а государю де вашему потому жъ присылать отъ себя мое здоровье видѣть и, что лучитца, прислать; а вы де меня не слушаете и ко мнѣ не ѣдете, а государь де вашъ надъ послы моими дѣлаеть не по братцкой любви: пословъ де моихъ во дворѣ запираеть и тесноту имъ чинить и воли имъ въ торговлѣ и в-ыномъ нѣтъ ни въ чомъ; а въ Астарохани и въ Казани, и по инымъ городомъ воеводы торговымъ моимъ людемъ обиды и насильства чинать великіе и пошлины съ моихъ товаровъ емлютъ свыше прежнего, и только де онъ нынѣ захочеть надъ ними, государевыми послы, по тому жъ учинить, и онъ де ихъ такъ въ запорѣ учинить, что имъ не токмо птицы на свѣтѣ, и свѣта видѣти не дастъ. И учалъ де говорити сердитуя гораздо и въ лицѣ учалъ перемѣнатца. На што де того досаднѣе: послы де мои, Кая салтанъ да Булатъ бекъ, оставили въ Астарохани ястребника для птицъ, и мой де ястребникъ купилъ на меня ястреба бѣлово, и воеводы де астароханскіе того у него ястреба отняли, а того человекъ, у кого купилъ, посадили въ тюрьму, и мнѣ де нынѣ хитро-ль противъ того сдѣлать? Которые ко мнѣ прислалъ братъ мой, государь вашъ, поминки, кречеты и ястребы, и азъ де, вырвавъ у нихъ по перу, пущу ихъ на волю. А мнѣ де не птицы дороги, дорога межъ насъ любовь, а то де что за любовь, что воли ни въ чомъ нѣтъ!

И Михайло де говорилъ, а толмачилъ онъ, Милюта, что про то нѣхто шахову в—ву свазывалъ на ссору, а того ничего не бывало. Да указалъ де Михайло на Кая салтана, которой былъ у государя въ послѣхъ, а стоялъ де онъ въ тѣ поры у шаха въ саду жъ, далече отъ шаха, а говорилъ про него, что извещалъ царского в—ва приказнымъ людемъ посоль ево, Кая салтанъ, на астароханского воеводу на Ивашку Пушкина, что будто онъ ево, шахова величества, торговымъ людемъ учинилъ въ торговлѣ обиду, и царское в—во за то

надъ нимъ учинилъ наказанье, велѣлъ ево изъ Асторохапи съ воеводства перемѣнить и привести велѣлъ въ Москвѣ скована. Про то де вѣдомо послу ево Кая салтану, и шахъ бы про то допросилъ посла своего Кая салтана. А про инне де онъ обиды, что шаховымъ людемъ дѣлается, не слыхалъ ни отъ кого и по ся мѣста, и обидѣ ево людемъ и неволи нѣтъ нигдѣ, вездѣ имъ въ торгѣхъ и во всякихъ мѣрахъ повольность. И какъ де Михайло то слово выговорилъ, и шаху де то слово стало за честь и сталъ быть весель, и взявъ чашу, пилъ про государево здравье, и выпивъ самъ, подалъ чашу Михайлу изъ своихъ рукъ, а ему де, Милютѣ, велѣлъ пити поднести чашнику. А выпивъ чашу, говорилъ: нѣту у меня такова брата и друга во всѣхъ подсолнышныхъ государехъ, что братъ мой великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., и почелъ де быть свѣтлымъ лицомъ.

А послѣ того шахъ говорилъ Михайлу: то де великому государю съ нимъ, шахомъ, и братственная дружба и любовь, чтобъ ево торговымъ людемъ ходить въ Російское государство и товары всякіе, что ему годно, покупать безъ заказно, а государевы бѣ люди въ его государство по тому жъ ходили, а онъ ни въ чемъ торговать и покупать, что государю годно, не заказываетъ, во всемъ учинилъ имъ въ своемъ государствѣ торговать повольность. Да шахъ же де говорилъ про гилянцовъ: многіе де гилянцы воруютъ, отѣзжаютъ въ Астараханъ и въ Казань и живутъ годы по два и по три, и больши, и многіе женятца и крестъ на себя владутъ, и заворовавъ, опять убѣгаютъ въ Гилянъ и въ иные города, и ссору многую дѣлаютъ, и такихъ бы впередъ отъ воровства унимать и много имъ въ Астарахани и въ Казани жить не давать, и женитца и крестовъ на себя власти не велѣтъ, и какъ они товары свои испродадутъ, и ихъ бы де высылать вонъ.

А изговоря де то, Михайла и ево, Милюту, отъ себя отпустилъ, а на отпускѣ говорилъ Михайлу и ему, Милютѣ, чтобъ онѣ то все, что у него нынѣ слышатъ, пріѣхавъ, великому государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. рассказали подлинно, чтобъ государю про то про все, что онъ съ ними говорилъ и про что ему досадно, было вѣдомо; а только де онѣ того не скажутъ, и онъ де о томъ о всемъ сверхъ своей большой грамоты пошлетъ ко государю особную грамоту за трема своими печатями. А изговоря де то, шахъ отпустилъ ихъ на подворье. А больши де того шаху съ Михайломъ и съ нимъ, съ Милютою, никакихъ рѣчей не было, и наодинѣ Михайло съ шахомъ мимо ево ничего не говаривалъ, и иной никто Михайловыхъ рѣчей шаху мимо ево, Милюты, не толмачилъ: пріѣхали они къ шаху и отъ

шаха поѣхали вмѣстѣ, и ближнихъ людей шаховыхъ и русскихъ никого у шаха окромѣ ихъ да одново ближнево шахова человѣка Испеньдіара въ воротѣхъ никого не было.

Дьяки жъ, думной Иванъ Грамотинъ да Сава Раманчюковъ, допрашивали переводчика Милюту Нагаева да толмача Ивана Есипова: написано въ посольскомъ спискѣ, что приходилъ къ Ивану Чичѣрину приставъ ихъ Усеинъ бекъ и говорилъ про государя и про Московское государство непригожіе слова и послѣ того ходилъ къ нему о томъ допрашивати дьякъ Михайло Тюхинъ, а съ нимъ толмачъ онъ, Ивашко Есиповъ, и они бъ про то сказали: коими обычай приставъ Усеинъ бекъ говорилъ государевымъ посломъ про государя непригожіе рѣчи, и какъ послѣ того ходилъ къ Усеинъ беку на подворье дьякъ Михайло Тюхинъ съ нимъ, с-Иваномъ? и по совѣту-ль с-Иваномъ Чичѣринимъ ходилъ или одинъ собою? и для чего ходилъ, и что съ Усеинъ бекомъ говорилъ? и толмачилъ Михайлу и Усеинъ беку онъ ли, Иванъ?

И переводчикъ Милюта сказалъ: того де онъ не упомнить о кою пору приходилъ на подворье къ Ивану Чичѣрину приставъ ихъ Усеинъ бекъ пьянъ мертвъ и говорилъ въ разговорѣ про государя, что государь де вашъ на Москвѣ ѡттольдъ ¹⁾, а по рускіи: кабы не стало. И какъ де онъ то слово у пристава услышелъ, и онъ де, Милюта, помертвѣлъ и сталъ блѣденъ, и Иванъ Чичѣринъ учалъ ево спрашивать, что ему, Милютѣ, Усеинъ бекъ говоритъ и для чего онъ побледнѣлъ? И Милюта де Ивану молилъ, чтобъ ему велѣлъ ещо Усеинъ бека допросить. И допрашивалъ де онъ, Милюта, Усеинъ бека трожды, и Усеинъ бекъ говорилъ по турски то жъ, что будто государя на Москвѣ нѣтъ, и Милюта то Ивану объявилъ, и Иванъ де Чичѣринъ велѣлъ ему сказать, что онъ то бредитъ пьянъ, и спрашивалъ ево: отъ кого то слышелъ? хто то вмѣщаетъ на ссору? И приставъ де, изговоря то слово, пошелъ къ собѣ, а Иванъ де и они, толмачи, слыша то, ужаснулись и учили плакать. А въ тѣ де поры были только Иванъ Чичѣринъ да онъ, Милюта, да толмачъ Соѡонъ Огарковъ. И послалъ де Иванъ по Михайла Тюхина. И какъ Михайло пришелъ, и Иванъ де про то сказалъ, что Усеинъ бекъ говоритъ ссорные слова, и Михайло де, услыша то, заплакалъ же. И поговоря де, послѣ того съ часъ, ходилъ на подворье къ приставу къ Усеинъ беку, а съ нимъ ходилъ толмачъ Иванъ Есиповъ; а для чего и что съ приставомъ говорилъ, и про то де онъ, Милюта, не вѣдаетъ.

¹⁾ Битъ можетъ это татарское *битмды* въ смыслѣ: кончился.

А толмачъ Иванъ Сергѣевъ сказалъ: то де онъ слышелъ отъ товарищей, что приставъ Усеинъ бекъ былъ у Ивана Чичѣрина и про государя говорилъ непригожіе слова, и Иванъ его Чичѣринъ унималъ, а онъ де, Иванъ Сергѣевъ, въ тѣ поры у пословъ не былъ. А послѣ того, немного спустя, позвалъ его Михайло Тюхинъ къ себѣ въ станъ и какъ онъ къ Михайлу пришелъ, а Михайло плачетъ и сказалъ ему, что Усеинъ бекъ сказалъ про государя вѣсти недобрыя, да взявъ ево съ собою, ходилъ къ Усеинъ беку. И пришедъ, Усеинъ бека Михайло допрашивалъ: коими обычай онъ про государя такое слово говорилъ, отъ кого онъ то слышелъ? И Усеинъ бекъ заперся, что онъ про государя такова слова не говаривалъ, вырѣжь де тому языкъ, хто такое слово про государя говорилъ, а говорилъ де онъ при послѣхъ то, что государева рука высока и литовскихъ людей побили. И Михайло де, допрося ево, и пошелъ къ себѣ и про то сказалъ Ивану Чичѣрину и имъ всѣмъ, и они де почали опять быти радостны. А больша того дьякъ Михайло съ Усеинъ бекомъ, будучи у него, ни про что не розговаривалъ.

А въ спискѣ, каковъ далъ въ посольскомъ приказѣ Иванъ Чичѣринъ, про ту статью написано: Маія въ 16 де(нь) приходилъ (*и проч.*).

И 129-го же октября въ 26 де(нь) писалъ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Иванъ Благой, что онъ дьяка Михайла Тюхина встрѣтилъ ниже Чебоксаръ за пятнатцать верстъ на рѣкѣ на Волгѣ октября въ 4 де(нь) и, взошедъ къ нему на стругъ, ключи у него взялъ и его обыскалъ, и животы ево переписалъ. А что у него какова писма нашелъ и живота его переписалъ, и онъ то послалъ къ государю съ нижегородцомъ съ Филипомъ съ Василисовымъ.

А се отписка и роспись Михайловымъ животомъ и письму, что прислалъ къ государю въ Москвѣ Иванъ Благой съ Филипомъ Василисовымъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой Ивашка Благой челомъ бьетъ. По твоему государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. наказу посланъ я, холопъ твой, въ Нижней Новгородъ, а велѣно мнѣ, холопу твоему, гдѣ я встрѣчу на Волгѣ дьяка Михайла Тюхина, на стругу ево, Миханла, обыскать и животы ево переписать и письма всяково пересмотрить. И октября, государь, въ 4 день встрѣтилъ я дьяка Михайла Тюхина ниже Чебоксаръ пятнатцать верстъ на рѣкѣ на Волгѣ, и по твоему государеву наказу я, холопъ твой, взошелъ къ Михайлу на стругъ, ключи у него взялъ и ево обыскалъ, и животы ево переписалъ, что съ нимъ пошло съ Москвы и что онъ купилъ въ Кизылбашехъ, и что ему шахъ далъ,

все порознь, по статьямъ, да тое роспись послалъ къ тебѣ, государю, за своею рукою и за Михайловою, запечатовъ, и письма всяково прилично пересмотрилъ, и что нашолъ письма, и то послалъ къ тебѣ, государю, за своею рукою, запечатавъ своею печатью, съ сыномъ боярскимъ, съ нижегородцомъ съ Филипомъ съ Василисовымъ.

Да Михайло жъ сказалъ: на стругу у нево коробка по па ево Измаила, кой съ нимъ былъ въ Кизылбашехъ, да коробочка маленька подъячево Терентья Богданова. И что въ нихъ рухледи, и то все я, холопъ твой, написавъ на роспись, послалъ къ тебѣ жъ, государю, за своею рукою и за Михайловою, съ тѣмъ же съ сыномъ боярскимъ.

На оборотъ: 129-го октября въ 26 де(нь) съ сыномъ боярскимъ съ Филипомъ Василисовымъ. *Помѣта:* привлечь къ дѣлу.

Роспись.

Божья милосердья оброзъ Живоначальныя Троицы, облаженъ серебромъ, вѣнцы, гривны сканныя. Оброзъ Воскресеніе Христова, облаженъ серебромъ, вѣнчики сканныя. Оброзъ архистратигъ Михаила, облаженъ серебромъ, вѣнцы и три гривны сканныя (*съ боку помѣта:* отданъ Михайлу). Оброзъ Николы чудотворца, облаженъ серебромъ, гривна и вѣнецъ басменные (*помѣта:* на лицѣ обозжено). Оброзъ Живоначальныя Троицы на правленѣ. Оброзъ Пречистыя Богородицы казанскіе на правленѣ. Оброзъ казанскіе чудотворцы Гурья и Варсоноѣя, на золотѣ. Да книгъ: евангиліе толковое. Книга Златоустъ, сказалъ Михайло: Семена Жеребцова (*помѣта:* у Михайла). Треготъ цвѣтная. Минея опщя (*помѣта:* отдана). Шестадневецъ (*помѣта:* отданъ). Псалтыря (съ слѣдованьемъ (*помѣта:* у Михайла). Канунникъ (*помѣта:* у Михайла). Стихараль.

Роспись дѣяка Михайловой рухледи Тюхина и что у нево куплено въ Кизылбашехъ, въ сундукѣ и въ коробьяхъ и въ мѣшкахъ.

Сундукъ, а въ немъ рухледь купленная: девяносто зерденей розныхъ цвѣтовъ семенди, и въ томъ числѣ пятнадцать ихъ подмокло. Бархотъ червчатъ. Камка двоелишняя да двѣ камки червчеты. Четыре кушака кизылбашскихъ. Тритцетъ шесть дороговъ розными цвѣты, въ нихъ и полосатые. Двѣ зубьни двойныхъ, одна лазорева, а другая темнозелена. Остатокъ изуени, зелена. Каѣтанъ, кутня желтая, кизылбашской. Вошвы шиты по дорогамъ рудожелтымъ. Выбойка кутняная по зеленой землѣ. Изуерь красновишнево. Кушакъ полущелковой, желтые да черные полосы. Платно золотное туретцвое по бѣлой землѣ, куплено на государя на государевы деньги на соболинныя да на четыре тюмени десеть обастъ, оберчено въ оату. Охобень, кирпичной

цвѣтъ. Двѣ оаты полосаты. Двѣ тесьмы, одна тринадцатъ аршинъ, а другая восемь аршинъ, да тесьма пятнадцатъ аршинъ. Четыре чарки каменные яшмовые. Чарка раковинная. Пять пиринокъ накишевоныхъ. Пять чарокъ ценинныхъ. Три пояса вязеныхъ шолковыхъ. Бахрома шолковая отъ завѣсу. Кисей бѣлая. Четыре оаты бѣлы сотконы вмѣстѣ. Тритцетъ шесть подвязокъ кизылбашскихъ тканыхъ, шолковыя. Четыре выбойки. Завѣсъ выбойчетой. Скатерть выбойчетая индѣйская. Тааты жолтой четыре аршина. Лоскутки бархотные и кутняные и дорогильные. Три выбойки. Шесть мотковъ шолку красново и черново и лазоревого. Ожерельишко ветчано золотное. Ящикъ раковинной, а въ немъ дватцатъ три камени серовики. Три ожерелья камки кизылбашской. Камень кременчатой. Вставка зелена, камень простой льяникъ. Камушекъ, пуговка сераликъ. Печѣтка сердоликовая. Тесьма зелена зъ золотомъ двѣнадцатъ аршинъ. Тесьма шолкъ лазоревъ съ серебромъ да двѣнадцатъ же аршинъ. Съ ожерелья бархоту червчету зъ золотомъ. Три пуговици серебряные тканые. Шесть тесемъ разными цвѣты, а въ нихъ семьдесятъ семь аршинъ. Ножики хрустальной, въ ножнахъ въ обьяринныхъ. Морхи кизылбашскіе. Два завесца обрзовыхъ. Тесьма по зеленой землѣ съ серебромъ, одинатцатъ аршинъ. Два ножика, черены кременьчетые. Два треуха холодные подшеломники. Тритцетъ пять камушковъ бечаты малинки. Камушекъ вставка зелена, плохой. Два портища, нашивка шолкъ лазоревъ. Лоскутъишко мѣлкое дорогильное и кутняное и зуеные и камчатые. Оата бѣлая. Торчъ булатной безъ ножонъ. Наузъ шолковой. Черенъ хрустальной невеликъ. Оселка каменная. Ножики хрустальной и черенъ. Оата пестрая. Киндякъ лазоревъ. Тесемочка серебряна, тканя съ лазоревымъ шолкомъ. Ножъ булатной, черенъ кременчатой. Два ножа, черены кременьчеты жъ. Восемъ ножей булатныхъ, дѣланы въ Кизылбашехъ на руское дѣло, черены рыбей зубъ (съ боку: взято 6, а 2 нѣтъ). Торчъ кизылбашской въ ножнахъ, ножны серебромъ окованы, ножичекъ кизылбашской, булатной, въ ножнахъ костеныхъ. Три ножичка булатные, черены кременьчеты въ русскихъ ножнахъ. Два киндяка ценинные. Киндякъ зеленой. Въ мѣшку перцу. Ножики булатной, черенъ хрустальной. Связочка корицы. Лоскутъ съ ожерелья бархоту. Ставики порозженъ. Ставики съ нестью. Мотокъ шолку зеленово золотника зъ 2. Связочка мишпуры. Корень отъ лихоратки. Да денегъ у Михайла пять рублевъ, и тѣ ему даны на дорогу. Коробья лубяная, а въ ней коверъ полушолковой. Восемъ луковъ мешетцевыхъ, писаны золотомъ. Двѣ замши, вишнева да зелена. Одинатцатъ сабяновъ жолтыхъ. Четырнадцатъ хозовъ

объеринныхъ. Пятнатцать сабьяновъ зеленыхъ. Три сабли булатныя, маленькихъ. Двой сапоги мускіи, сабьяныи. Бошмаки лазоревы (*съ боку: нѣтъ*). Двой бошмаки хозовые объяринные, одни руское дѣло, а другіе кизылбашское дѣло, поношены. Шесть раковинъ морскихъ. Шесть чарокъ меденыхъ. Деревцо сѣдельное по лазоревой землѣ. Двѣ козлиньки бѣлыя. Лоскутья сабьяныя. Шесть ремня подпружныхъ. Двой войлоки сѣдельные, отданы Михайлу ѣхать. Шесть ковровъ кизылбашскихъ простыхъ. Пять сабель въ ножнахъ въ объяринныхъ (*съ боку: и въ томъ числѣ одна съ серебромъ и правлена, безъ наконешника*). Сабля въ кирпичныхъ ножнахъ. Восемь сабель въ черныхъ ножнахъ, все кизылбашскія, оберчены въ попону въ литовскую. Попона пестрая покровная (*съ боку: и одни сказ(аль) Иванъ: у Михайла*). Три лука мешетціе. Четырнатцать крылъ лебязьихъ. Завѣсь кизылбашской. Мешокъ кизылбашской, а въ немъ хвосты лѣсье. Двѣнадцатъ кожъ козлинь дѣланыхъ. Двѣ кожи дѣланыхъ, яловичьи. Охобень дымчетъ и зуеной. Девять лисокъ красныхъ. Пологъ да занавѣсь (*сверху: нѣтъ*) выбойчеты. Барсъ — полстишка пестрая кизылбашская. Сапоги зелены сабьяныя. Коренья чепучинное; а сказалъ Михайло, что куплено на государевъ обиходъ, на государевы деньги. Три сабьяны жолтыхъ. Три курлува влею. Ночникъ меденой. Чашва глиненная (*съ боку: нѣтъ*). Котель кизылбашской (*съ боку: нѣтъ*). Кровать. Доска столовая писана. Полатка кизылбашская, не велика, бѣлая. Полатка индѣйская киндяшна, рѣзана, подмокли обѣ. Два чапрака кизылбашскихъ, шиты золотомъ.

Да Михайловой же рухледи и платья, что съ нимъ пошло съ Москвы въ Кизылбашы:

Шапка горлатная. Ожерельишко бобровое отъ шубы. Платно золотное, завяски шолкъ червчатъ зъ золотомъ. Однорядка полушарлатъ червчета безъ завязокъ, Сыдавнова Васильева. Двой завяски, однѣ зъ золотомъ, а другіе съ серебромъ. Оерези, камка чешуйчета, нашивка золотная. Каетанъ, отлась червчетъ, нашивка золотная. Однорядка сизовая, лундышъ, съ круживомъ зъ золотнымъ, завяски ткани, шолкъ лазоревъ зъ золотомъ. Однорядка, мясной цвѣтъ, завяски шолкъ черной. Три пуговики серебряныя невелики, отъ ожерелья (*съ боку: въ ящикѣ въ раковинномъ*). Коробка, а въ ней четыре кубка немецкихъ, одинъ съ кровлею, а три безъ кровли. Ковшъ серебряной въ кожухѣ, Сыдавнова Васильева. Два ожерелья низонныхъ, одно съ каменьемъ, отложное, а другое стоячее безъ каменя, Сыдавнова Васильева. Цевка золота, а другая серебра. Двѣ пуговики золотныя нашивочныя каетанныя (*съ боку: нѣтъ*). Шапка, сукно червчето зъ душкою, петли низонныя. Остатокъ кружива,

золото съ серебромъ. Вилки неметцкіе. Ножъ да вилки неметцкіе въ ножнахъ. Два погребца, а въ нихъ по осми сѣляницъ, въ одномъ виницейскіи, а въ другомъ зеленые (съ боку: нѣтъ, сказалъ: у Михайла). *Помыта*: по та мѣсто смотрено. Узда ременная, отдана Михайлу ѣхать. Ковшъ большой, писанъ въ Кизылбашехъ. Войлочиска худеньки, отданы ѣхать. Каэтанишко кунье подь дорожишками худыми, пестрыми, безъ рукавовъ. Одноряченко лазорево, людцкое. Каэтанишко зелено, людцкое. Двѣ овчины. Коренья солоткое. Сѣдло Михайлово съ войлови, отдано Михайлу ѣхать. Два чюнбура да дерево сапожное. Десеть тарелокъ бѣлыхъ. Пять блюды бѣлыхъ. Два ковша корельчетыхъ (съ боку: у Михайла). Два бруски сутковъ оловяныхъ да вороночикъ. Пищаль неметцкая. Пять сѣделъ людцкихъ да двои воилочиска да три уздишка сыромятны, даны ѣхать Михайловымъ робятомъ. Постеля, камка зелена (у Михайла). Двѣ подушки, наволочки на нихъ одна кутняная, а другая дорогильная, полосаты (у Михайла). Попона черваская (у Михайла). Два ковришка худеньки (у Михайла). Одѣяло лисье (у Михайла). Охобнишко зелено зуереное (нѣтъ). Платья Михайлова ходильное, на Михайлѣ. Двои еерези, одне зелены, а другіе красныя дорогильныя. Одѣяло холодное. Двѣ однорядки, одна мясной цвѣтъ, а другая худа, темносиня. Каетанъ, камка зелена. Двѣ епанчишка людцкіе, голубы.

Судовъ, что дано Михайлу. Три котлишка невелики. Сковоротка черная. Сковоротка бѣлая. Пять блюды бѣлыхъ. Три торелки. Яндовка меденая. Вѣчко мѣденое, не велико. Два замчишка.

Шахова данья, что дано Михайлу: бархоть червчетъ. Камка цвѣтная. Камка кизылбашская, на золотѣ. Два каэтана серебряныя съ розными шолки. Каетанъ, камка цвѣтная. Кутня вишневая—ханъ даль почета. (съ боку: Благово).

Да рыбы 80 протовъ бѣлужьихъ и осетрьихъ, и шеврижьихъ, провесныхъ, да 26 протовъ спияъ бѣлужьихъ и осетрьихъ, да десять тешанокъ и изыченковъ малыя бѣлужьи, да полъ-осетришка вялова. Да двѣ бочки невелики вишенъ.

Подпись: Иванъ Благово руку приложилъ.

Внизу: Выписать изо всѣхъ росписей и списати всякую рухлядь вмѣстѣ, а по грамотамъ роспросити.

На оборотъ по склѣткамъ росписи, параллельно идетъ скръпа: Иванъ Благой. || Михайло Тюхинъ.

Да у Михайла жъ на стругу коробья новгородская, а сказалъ Михайло, что та коробья попа его, Измаила, кой съ нимъ былъ въ Кизылба-

пехъ; а въ ней дватцать киндяковъ розными цвѣты. Пятеры дороги розными цвѣты. Шолку зеленово да красново по два моточка. Шолку рудожелтово да зеленово два моточка. Лоскутъ бархоту черново. Лоскутъ бархоту зеленово. Миткали бѣлые. Пенки колодезя горячево, въ платку завязано. Инбирю завязано въ мешечкѣ. Мешечикъ ладону розново. Кушакъ пестрой. Ансырь шолку лазорева. Мешечикъ зъ боронешкомъ. Въ мешечкѣ влей вишневой. Лоскутишка ветчаново бархоту. Четыре книшки малинскіи. Охобенокъ вишневъ. Ряска чернеченская. Три сабяна красныхъ. Четыре сабяны жолтыхъ. Три сабянца малыхъ, кирпичной цвѣтъ. Два сабяна темна-лазорева, да третей вишневъ. Пологъ бязинной. Однорячонко станбрѣдное ветчаное. А попъ сказалъ Измайла: какъ де онъ былъ въ Кизылбашехъ, и тое ему рухледь давали дети душевныи, которые померли въ Кизылбашехъ, по своихъ душахъ.

По склейкѣ: Къ сей роспись попъ Измайло руку приложилъ.

Да у Михайла жъ въ стругу рухледь подъячево Терентья Богданова:

Мѣхъ рогожной, а въ немъ вязага. Коробьшко невелика, а въ ней рубашка кизылбашская. Два блюдечка маленьки. Четыре гребени деревяныхъ кизылбашскихъ. Два кушака, одинъ полосатой полумшелковой, другой пестрой бязинной. Четыре киндяка розными цвѣты. Заваѣсь выбойчатой. Два сабяна жолтыхъ. Сабянъ лазоревъ.

Подпись: Иванъ Благово. Михайло Тюхинъ.

Письмо, каково нашель въ рухледи у Михайла Тюхина Иванъ Благой.

Государю моему Баиму Матвѣвичю Михайло Тюхинъ челомъ бьетъ. Писаль, господине, я въ тобѣ напередъ сего, что послалъ я съ тобою въ Москвѣ три камки да шестеры дороги, да шесть киндяковъ, да три луки, да пять висей, да двѣ сабли и иную мелкую всякую рухледь, и ты, господине, оставя свойственную мѣру, учинилъ надо мною самую безлепошную воровскою статьею: тое мою рухледь не отдалъ и грамотки и Сыдавному, и что я съ тобою послалъ, не довезъ, и въ томъ тебя со мною Богъ судить, что ты надо мною воровскою статьею учинилъ. А какъ мы пришли изъ Кизылбашъ зъ государевой службы на Терекъ, и язъ тебя спрашивалъ: рухледь мою до Москвы довезъ ли? на моемъ дворѣ женѣ моей отдалъ ли? и грамотки мои Сыдавному отдалъ ли? И ты мнѣ сказалъ, что ты грамотки Сыдавному отдалъ и рухледь мою отдалъ на моемъ дворѣ женѣ моей. И какъ мы пріѣхали съ Терка въ Астарахань, и въ Астарахани отдали мнѣ три грамотки Сыдавнова Васильевича рука, а

въ грамоткѣхъ написано во всѣхъ трехъ, что ты, Обои́мъ Матвѣевичъ, рухледиска моего, что я съ тобою послалъ, ничего не отдалъ. А пишешь, господине, ко мнѣ съ Терки, что ты мою рухледь отдалъ Кондрашѣ. И коли бы ты отдалъ, и Сыдавной бы ко мнѣ о томъ отписалъ; а у Кондраши, господине, твой умъ такъ бы надо мною Кондрашѣ не сдѣлалъ, какъ ты учинилъ своимъ безумствомъ, воровски. Да прислалъ ты, господине, ко мнѣ два сае́янишка да дорожишка, да три киндячишка всего, а того алтынъ съ сорокъ или рубли съ полтора, а про достальное хотѣлъ ты мнѣ платитьца, и ты, господине, остави свою глупость и безумье и спросися съ людьми: на что ты приме́наешь свойственную мѣру на бездѣлье! Хотя бы я съ тобою послалъ рублевъ ста на три или на четыре, и ты бы и на то свойства не оставилъ и на то (не) покусился, а ты и на то покусился, что я съ тобою послалъ рублевъ на сто, и тому ты покорыствовался. И ты, государь, учини себѣ оправданье: пожалуй, мнѣ заплати и пришли въ Аста-раханъ поранѣе, пока мѣста мы изъ Астарахани не уѣхали. А то, государь, мнѣ то обычное дѣло, что ты моимъ завладѣлъ: какъ я былъ на Теркѣ, и ты бы мнѣ сказалъ, что по грехомъ покусился, и межъ бы нами такихъ безлепишныхъ ссорныхъ вракъ не было. А то мнѣ за необычную досаду, что ты мнѣ сказалъ: отдалъ, а ты не отдавалъ. А только бы ты мнѣ на Теркѣ сказалъ, и ты бѣ на Теркѣ жѣ со мною rozdѣлался. Да пожалуй, купи у козаковъ золотыхъ съ пять—съ шесть да сае́яновъ юетей зъ десять жолтыхъ, да пришли въ уплату, а я тебѣ, своему господину, челомъ бью.

Господину моему Михайлу Окинѣевичю Баимъ Голчинъ челомъ бьетъ. Какъ тебя Богъ милуетъ? а про меня спросишь, и я на Теркѣ живѣ июля въ 12 де(нь). Да писалъ ты ко мнѣ, Михайло Окинѣевичъ, велѣлъ купить юетей зъ десеть сае́яновъ да золотыхъ съ пять и съ шесть, и здѣся сае́яновъ нѣтъ, купить негдѣ да и не чѣмъ; а золо-тыхъ и отнюдь здѣся нѣтъ. И по яву писалъ ты, Михайло Окинѣевичъ, на меня Микитѣ Дмтревичю Вельяминоу съ кручиною, и мнѣ и по ся мѣста государево не выдано жалованье, и я и самъ задолжалъ, на Теркѣ живучи, великимъ долгомъ; а и буде, государь, у меня случится, и я тебѣ и куплю да къ тебѣ сошлю, а я вѣдаю и самъ, что вамъ купить. А въ томъ на меня не покручини́ся, а двойпинку плачу тебѣ, буде я въ дому твоёмъ себѣ покорыствовался и нѣчто бѣ мнѣ на мертвое тѣло вздѣтъ, или на ково у себя въ дому сдѣлалъ—судить Богъ того, кто тѣмъ покорыствовался. Да послалъ я тебѣ двѣ юети сае́яновъ да дороги, да три киндяки, и ты, господине, пишешь ко

мнѣ, всего сказываешь, что всево алтынъ съ сорокъ или рубли съ полтора, а я купилъ на полъ-пята рубли. И ты, государь, Михайло Окинеевичъ отпиши къ Микитѣ Дмитрѣвичю свое жаловальное слово, чтобъ меня Микита Дмитрѣвичъ пожаловалъ и гнѣву бѣ не держалъ, а ты ко мнѣ тако жъ пиши свое жаловальное слово, хотя бѣ за меня твоего и не только зашло или моего за тебя, и у меня-ль съ тобою роспоту не было? А я тебѣ челомъ бью.

На адресъ: Отдать грамотка въ Астарахани Михайлу Окинеевичю Тюхину.

Государю моему кормильцу Михайлу Окинѣевичю вскормленникъ великаго твоего жалованья Банимъ Голчинъ много челомъ бьетъ. Какъ тебя, государь, Богъ милуетъ? а о мнѣ пожалуешь, похочешь спросити, и я на государевѣ службѣ на Терке живъ маія по 12 число. Да пишешь ты, государь, ко мнѣ съ кручиною своею, что ты послалъ со мною къ Москвѣ двои дорожки гиланскіе да двѣ полукисей, да виндякъ, да двѣ юети сабяновъ, и я то все къ Москвѣ отвезъ да отдалъ Сыдавнову человѣку Кондрашѣ, а велѣлъ отдать семьѣ твоей въ домъ, и будетъ, государь, ихъ грѣхъ въ томъ поспѣшилъ, Кондраша не сплатился, и ты, государь, смилуйся въ томъ, отпиши ко мнѣ, а я не хочу на себѣ гнѣву твоего видѣти. Да смилуйся, государь, отпиши и что тому ссылку цѣна, и здѣсь ли велишь купить, или деньги прислати? А я не хочу на себѣ гнѣву твоего видѣти. Да пощади, государь, Михайло Окинѣевичъ, что ты на меня вдругъ немилость свою положилъ, хотя бы, государь, и не столько твоей послыжки было, ино бѣ тому всему цена, а жалованья твоего и милости безцѣнно. Пишешь ты, государь, на меня къ Микитѣ Дмитреевичю и отженаешь меня отъ Микитины милости, и я было, государь, на твою неизреченную милость не токмо здѣсь, по и на Москвѣ надѣялся, и твоя бы государя моего милость пожаловалъ бы, писалъ, чтобъ меня Микита Дмитреевичъ жаловалъ, а хотя на меня и двойни нападетъ, и я изъ подъ тово встану, а изъ подъ твоего нежалованья не могу встати. И ты, государь мой, умидися надо мною, утоли гнѣвъ свой, отпиши къ Микитѣ Дмитреевичю, чтобъ меня жаловалъ да и ко мнѣ свое жалованье объяви, отпиши жъ, и чтобъ я, государь, по твоему письму отъ Микиты Дмитреевича отжененъ не былъ и въ забвеніи....

Государю моему Михайлу Акинѣевичю Ондрѣй Хаванской челомъ бьетъ. Покажи, государь, милость, Михайла Акинѣевичъ, пожалуй, государь, пришли пасмотритъ ка мнѣ сережекъ, а язъ, надѣючись на твои жалованья, пишу и челомъ бью.

Государю моему Михайлу Окинеевичю женишка твоя Котеринка челомъ бьетъ. Здравствуй, государь, въ милости Божьей многолѣтно! Да пожалуй, государь, вели ко мнѣ писать о своемъ здоровьѣ, какъ тебя, государя моего, всемилостивый Богъ сохраняетъ? А мнѣ, государь, слыша про твое здоровье, тѣмъ и обрадоватца, и потомъ бы всецѣдный Богъ сподобилъ меня, скорбящую, видети въ радости твои благодатныя очи вскорѣ. А пожалуешь, государь, изволишь ведати про своихъ пріятелей и про меня, и прошлово 127-го году за двѣ недѣли до великова заговенья судомъ Божьимъ Сыдавнаго Васильевича не стало крестьянскимъ концомъ; а Матѣй Михайловичъ здорово, а Григорей Ивановичъ не домогаетъ. А я, бѣдная, въ своихъ скорбѣхъ іюня по 9 день 128 году жива, а скитаюся, государь, въ конешной кручинѣ и въ скудости, слыша про твою, государя моего, золовную кручину, что судомъ Божьимъ, а нашимъ грѣхомъ, Ивана Михайловича не стало. А про тебя, государя моего, послѣ грамотокъ, которыя посланы съ Терки, не вѣдаю, какъ милосердый Богъ отъ великія кручины избавляетъ. А что, государь, писалъ ты про свою прежнюю посылку, и ко мнѣ, государь, по сея грамотку посылки отъ тебя не дохаживало ни съ кѣмъ ничево. Да пожалуй, государь, по своему благоутробію, не забуди меня, скорбящія, вели писать о своемъ здоровьѣ почаству, а я, государь, жадна слышети про твое здоровье паче всяки благодати. А потомъ тебѣ, государю моему, много челомъ бью. Аще ли вопрошаеши, како живемъ, пріятелю моему реку и болѣзненно пребываю благоденствія насъ не постиже и призрѣнія емшево не имамъ, но хвалюся Христомъ Богомъ моимъ. Аминь.

На адресъ: Отдати ся грамотка царьсково величества послу государю моему Михайлу Окинеевичю Тюхину.

..... съ Осипомъ Надѣинымъ послано четыре камонки, зелена лазурева, двѣ цвѣтныхъ, шолкъ зеленъ да червчетъ, два кушака полосаты зъ золотомъ, скатерть кизылбашская выбоика, четыре скатертки бѣлыхъ индѣйскихъ, четверы дорожки полосатыхъ, завѣсъ выбоичатой; а то все зашито въ завѣсѣ. Съ Яковомъ съ Мининымъ да съ Семеномъ зъ Дѣевымъ послано два платна, по зеленой землѣ люди стоячіе и на конехъ, спорокъ золотной по червчетой землѣ, семь выбоекъ кизылбашскихъ, зашито въ еату жъ девяносто

..... и покровенъ десницею Вышняго Бога, а про меня, государь, пожалуешь, похощь вѣдати, и я Божією милостію, далъ Богъ, здорова-Судомъ, государь, Божьимъ, а нашимъ грехомъ батька нашего и кормильца Сыдавнаго Васильевича не стало. Да писалъ ты, государь,

ко мнѣ, что Ивана Михайловича судомъ Божиимъ не стало; а я въ бѣдахъ да въ кручинахъ своихъ не могу вставать. Да пишешь, государь, ко мнѣ, что четыре присылки посылалъ, а ко мнѣ ни одна не бывала, а отъ меня тебѣ, государю, любительной поклонъ.

Такову роспись принесъ Иванъ Благой марта въ 27 де(нь).

Роспись что у Михайла у Тюхина книгъ и рухледи: Златоустъ, Минѣя обшая, Шастодневецъ, Псалтырь съ слѣдованьемъ, Канунникъ. Чашка глиненная, розшибли ѣдучи, у Михайла; котлишка кизылбашской; погребецъ, да три котлишка маленьки, русскихъ; три уздишка ременныхъ; войлучишка худеньки; постеля, камка зелена; двѣ подушки, наволоки на нихъ полосаты, одна кутняна, другая дорогильна; одѣяло лисье, охобнишка худенько зелено; двои еерези дорогильны, однѣ зелены, а другія красны; двѣ однорятки, одна темносиня худенка, а другая мясной цвѣтъ; каетанъ, камка зелена; двѣ епанчи люцкихъ; сковоротка черная, сковородка бѣлая; два блюда бѣлыхъ; одна торелка; вѣчко меденоя не велико; яндовка мѣденая.

Противъ росписи большой, которой въ посольскомъ приказе рухледишка у Ивана Благово, что не отдано Михайловой: два ножи, башмаки лазоревы, двои войлучишка седѣльные худеньки, сабля булатная, погребецъ селяницы, уздишка ременная, сѣдло Михайлово безъ войлоковъ, два ковша корельчатыхъ, попонишка черкаская, два ковришка худеньки, одѣялишка холодная, три блюда бѣлыхъ, три торелки белыхъ, три сѣдлишка худыхъ.

И 129-го же ноября въ 1 де(нь) писалъ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Иванъ Благой съ московскимъ стрѣльцомъ съ Олешкою Ивановымъ, что онъ зъ дьякомъ, съ Михайломъ Тюхинымъ, и съ его рухледью приѣхалъ на Рогожу, отъ Москвы за сорокъ верстъ и дожидаетца государева указу. А се отписка Ивана Благово:

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой, Ивашка Благой, челомъ бьетъ. По твоему государеву наказу велѣно мнѣ, холопу твоему, какъ я приѣду зъ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ до Москвы за два станы, и мнѣ, холопу твоему, велѣно объ указѣ отписать къ тебѣ, государю, а безъ указу мнѣ, холопу твоему, къ Москвѣ зъ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ ѣздить не велѣно. И ноября, государь, въ 1 день приѣхалъ я, холопъ твой, зъ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ и съ ево рухледью на Рогожу, за сорокъ верстъ до Москвы. Да октября, государь, въ 27 день пришолъ ко мнѣ, холопу твоему, въ Володимерѣ перевогчикъ Семень Ондрѣевъ, а говорилъ мнѣ, холопу твоему: велѣно де ему, Семену Ондрѣеву, дьяка

Михайла Тюхина и ево рухледь взять, а мнѣ, холопу твоему, отъ тебя, государя, указу нѣтъ, што перевоичику Семену Ондрѣеву отдать дьяка Михайла Тюхина и съ ево рухледью, и перевоичику, государь, Семену Ондрѣеву я, холопъ твой, говорилъ, штобъ онъ ѣхалъ со мною, холопомъ твоимъ, и зъ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ и съ ево рухледью со мною вмѣстѣ къ тебѣ, государю, къ Москвѣ. И о томъ я, холопъ твой, говорилъ перевоичику Семену: какъ у меня, холопа твоего, возьметъ дьяка Михайла Тюхина и ево рухледь, и онъ бы со мною въ рухледи росписался для спору, што у меня, холопа твоего, рухледи возьметъ. И Семень, государь, Ондрѣевъ въ рухледи со мною, холопомъ твоимъ, росписатца не хочеть, а хочеть у меня, холопа твоего, рухледь взять, не осмотра, глухо. И впередъ, государь, какой учинитца споръ въ той рухледи, и мнѣ бѣ, холопу твоему, отъ тебя, государя, въ опалѣ не быть въ томъ. И о томъ, государь, мнѣ, холопу твоему, какъ ты, государь, укажешь? А я, холопъ твой, и зъ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ и съ ево рухледью стою на Рогожѣ до твоего государева указу, а переводчикъ, государь, Семень Ондрѣевъ съ Рогожи поѣхалъ напередъ къ Москвѣ, а рухледи за роспискою у меня, холопа твоего, не взялъ, и я, холопъ твой, ему говорилъ, штобъ онъ дождался на Рогожѣ со мною, холопомъ твоимъ, и зъ дьякомъ, съ Михайломъ Тюхинымъ, твоего государева указу, и Семень Ондрѣевъ твоего государева указу на Рогожѣ дожидатца не сталъ, а поѣхалъ напередъ къ Москвѣ.

На адресъ: 129-го ноября въ 1 де(нь) съ московскимъ стрѣльцомъ съ Олешкою Ивановымъ.

Помѣта: Послать память, велѣть самому ѣхати и съ рухлядью ѣхати въ городъ тотчасъ; а Михайла взяти къ себѣ на подворье, а безъ приказу ево въ городъ не водити.

И того же дни посланъ къ Ивану государевъ указъ таковъ:

Память Ивану Степановичю Благово. Писалъ еси ко государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р., что пріѣхалъ ты зъ діакомъ Михайломъ Тюхинымъ и съ его рухлядью на Рогожю сего дни ноября 1-е число и ждешь о томъ государева указу, какъ тебѣ быти съ нимъ къ Москвѣ? И ты бѣ съ Михайловою рухлядью ѣхалъ къ Москвѣ въ посольской приказъ, а Михайла Тюхина оставилъ у себя на подворьѣ и держалъ ево до государева указу, а безъ государева указу въ городъ его не водилъ и на его, Михайлово, подворье его не пускалъ и къ нему никого не припускалъ; а съ рухлядью бѣ еси, пріѣхавъ къ Москвѣ, тотчасъ явился въ посольскомъ приказѣ діакомъ,

думному Ивану Грамотину да Савѣ Раманчукову; а чтобъ тебѣ пріѣхать къ Москвѣ ноября въ 2 де(нь) въ вечеру попозже: въ часъ или въ два noci; а стрѣлецъ къ тебѣ посланъ съ сею памятю ноября въ 1 де(нь) въ четвертомъ часу noci.

И 129-го ноября въ 2 де(нь) Иванъ Благой съ Михайломъ Тюхинымъ и съ его рухледью къ Москвѣ пріѣхалъ и рухледь всякую по росписи, какову онъ прислалъ въ посольской приказъ напередъ себя, въ посольскомъ приказѣ отдалъ.

И діакъ Михайло Тюхинъ данъ держать до государева указу Ивану же Благово на подворье, а рухледь всякая поставлена въ посольскомъ приказѣ по Ивановѣ росписи, а рыба и вишни по государеву указу отданы Михайлѣ Тюхину и отослано на подворье къ женѣ ево. А что „ „“.

Да Иванъ же Благой прислалъ къ Москвѣ напередъ себя съ росписями жъ вмѣстѣ 5 грамотовъ посыльныхъ цѣлыхъ: грамотка Михайла Тюхина къ Баиму Голчину, грамотка Баима жъ Голчина къ Михайлу Тюхину, грамотка къ Михайлу жъ Баима Голчина, грамотка къ Михайлу жъ князя Ондрѣя Хованского, грамотка къ Михайлу жены ево Катерины.

А въ грамотѣ въ первой писано отъ Михайла къ Баиму Голчину, что послалъ онъ съ нимъ къ Москвѣ три камки да шестеры дороги, да шесть киндяковъ, да три луки, да пять висей, да три сабли и иную мѣлкую всякую рухледь, а сколько какіе рухледи, того имянно не написано, и онъ де надъ нимъ учинилъ самую безлѣпншою воровскою статьею, тоѣ ево рухледь не отдалъ и грамотки, что онъ послалъ съ нимъ къ Сыдавному, не довезъ.

Въ другой грамоткѣ написано: писалъ Баимъ Голчинъ къ Михайлу Тюхину, что писалъ онъ, Михайло, къ нему, Баиму, а велѣлъ купить ютей въ десять саеяновъ да золотыхъ съ пять и съ шесть, и у нихъ саеяновъ нѣтъ и купить нѣчимъ, а золотыхъ и появу нѣтъ; а послалъ онъ, Баимъ, къ нему, къ Михайлу, двѣ юфти саеяновъ да дороги, да три киндяка, и онъ, Михайло, къ нему пишетъ, что того всего алтынъ съ сорокъ или рубли съ полтора, а онъ, Баимъ, купилъ того на полпята рубли.

Въ грамотѣ жъ въ Баимовѣ писано къ Михайлу: пишетъ онъ, Михайло, къ нему, къ Баиму, съ кручиною, что послалъ онъ съ нимъ къ Москвѣ двои дорожки гиланскіе да двѣ полукисей, да киндякъ, да двѣ юети саеяновъ, и онъ то все отвезъ и отдалъ Сыдавново челобѣку Кондрашѣ, а велѣлъ отдать семьѣ ево, и будетъ Кондрашъ не

росплатился, и онъ бы о томъ къ нему отписалъ, а онъ на себѣ гнѣву его видѣть не хочетъ.

Въ княжѣ Ондрѣевѣ грамотѣ Хованского писано, что онъ прислалъ къ нему посмотреть сережекъ.

Въ грамотѣ жъ къ Михайлу отъ жены его, отъ Катерины, писано про Сыдавново смерть Васильева, что его не стало, да про здоровье Матвѣя Сомова, да про посылку, что писалъ Михайло къ ней про прежнюю посылку, и къ ней посылки отъ него никакъ не прихаживали.

Да въ тѣхъ же грамотахъ велеено писмо вдвоемъ, въ одномъ мѣстѣ съисподу отодрано, а въ другомъ сверху, а была посыльная жъ грамотка. А въ письмѣ писано: съ Осипомъ съ Надѣвнымъ послано четыре камонки зелена лозорева, двѣ цвѣтныхъ—шолкъ зеленъ да червчатъ, два кушака полосаты зъ золотомъ, скатерть—кызылбашская выбойка, четыре скатертки бѣлыхъ индѣйскихъ, четыре дорожки полосатыхъ за(н)день выбойчатой; а то все зашито въ завѣсе. Съ Яковомъ съ Мининымъ да съ Семеномъ зъ Дѣвнымъ послано два платна—по зеленой землѣ люди стоячіе и на конехъ, спорокъ золотной по червчатой землѣ, семь выбоекъ кызылбашскихъ зашито въ еату, да 90, а чего—и того не знатно, потому что въ томъ мѣстѣ отодрано. А въ половинѣ грамотки написано про Сыдавново смерть Васильева да про Михайлова сына смерть Тюхина, что ихъ не стало. Да писалъ онъ, Михайло, что четыре присылки посылалъ, а къ нему ни одна не была. А отъ кого и хъ кому та грамотка, и того не вѣдомо жъ, потому что верхъ отодранъ.

И ноября жъ въ 7 де(нь) противъ тѣхъ посыльныхъ грамотокъ и писма въ посольскомъ приказѣ діяки, думной Иванъ Грамотинъ да Сава Раманчюковъ, спрашивали діяка Михайла Тюхина, сколько онъ изъ Асторохани послалъ къ Москвѣ с-Ивановыми людьми Грязева лошадей нагайскихъ и хъ кому послалъ, и гдѣ они нынѣ? и сколько онъ изъ Кызылбашъ выслалъ напередъ себя, и съ кѣмъ имянемъ какихъ узорочныхъ товаровъ и платья и иные какіе рухледи?—про то бѣ онъ объявилъ правду, не утая ничего.

И діякъ Михайло Тюхинъ въ роспросѣ сказалъ: купилъ онъ въ Асторохани 5-ро лошадей, да князь Олексѣй Львовъ далъ ему лошедь, да Олексѣй Ворзедовъ далъ ему лошедь же, да Иванъ Грязевъ далъ ему лошедь же, и онъ послалъ изъ Асторохани къ Москвѣ с-Ивановыми людьми Чичѣрина 5-ро лошадей, а велѣлъ былъ отдать ихъ на Москвѣ на своемъ дворѣ. И сказывалъ ему въ дорогѣ Иванъ Чичѣринъ,

что у людей ево пало въ дорогѣ ево, Михайловыхъ, двое лошадей, а 3 де у него. Да с-Ивановыми людьми Грязева послалъ двое лошадей, да третью лошадь послалъ съ ними жъ Иванова данья Грязева; а довели-ль до Москвы тѣ ево лошади, или не довели, того онъ не вѣдаетъ: о томъ къ нему съ Москвы не писывали. А больши онъ того лошадей не купливалъ и ни съ кѣмъ къ себѣ на подворье и къ друзьямъ ни хъ кому не посылывалъ.

Да Михайло же сказалъ про рухледь, съ кѣмъ онъ что къ Москвѣ послалъ: какъ де они ѣхали съ Москвы и пріѣхали въ Асторохань, а въ тѣ же поры при нихъ пріѣхалъ въ Асторохань же съ Терекъ голова Баймъ Голчинъ, а ему, Михайлу, свой; а ѣхалъ Баймъ къ Москвѣ, и онъ послалъ съ нимъ къ Москвѣ къ женѣ своей три камки да шестеры дороги, да шесть киндяковъ, да три лука, да пять кисей, да три сабли и иную рухледь, а какіе рухледи, того не упомянуть. А всего онъ послалъ съ нимъ всякіе рухледи рублевъ съ 50, а подлинно не упомянуть. И какъ онъ пріѣхалъ изъ Кизылбашъ на Терку, и онъ про ту рухледь Байма спрашивалъ, доведъ ли онъ тоѣ рухледь до жены ево? И Баймъ ему сказалъ, что онъ тоѣ рухледь отдалъ на Сыдавново дворѣ Васильева. А какъ онъ пріѣхалъ въ Асторохань, и ему отдалъ въ Асторохани гиланецъ Осанко грамотку отъ Сыдавново Васильева ево, Сыдавнова, руки; а въ грамоткѣ писалъ къ нему Сыдавною, что Баймъ на Сыдавново дворѣ и на ево, на Михайловѣ, дворѣ никакіе рухледи не отдаывалъ. И онъ де, Михайло, писалъ о той рухледи изъ Асторохани жъ на Терку къ Байму Голчину, что онъ сплуталъ, тоѣ ево рухледи на Москвѣ не отдалъ. И Баймъ противъ къ нему писалъ, что будто онъ тоѣ рухледь его отдалъ Сыдавново человѣку Кондрашу, да прислалъ къ нему въ уплату дороги лазоревы да три киндяки, да четыре сабяны; а достальную хотѣлъ платить.

Да изъ Казбина онъ же, Михайло, послалъ съ Надѣинымъ приказщикомъ Светечникова, съ Осипомъ, четыре камонки, зелена да лазорева, да двѣ цвѣтныхъ, шельъ зеленъ да червчатъ, да два кушака полосаты зъ золотомъ, скатерть — кизылбашская выбойка, четыре скатерти бѣлыхъ индѣйскихъ, четверы дорожки полосатыхъ, завесь выбоичатой, а велѣлъ то все отдать въ Асторохани діяку Ивану Грязеву. А какъ онъ, Михайло, пріѣхалъ изъ Кизылбашъ въ Асторохань, и Иванъ ему то все отдалъ, и та рухледь и ныне у него во взятыѣ. Да изъ тоѣ же рухледи снесли у него бѣглые ево люди 4 камки, 5-ры дороги, 3 скатерти индѣйскіе. Да онъ же, Михайло, послалъ изъ Казбина жъ съ казанды съ торговыми людьми, съ Яковымъ съ Мининымъ да съ

Семеномъ зъ Дѣевымъ 2 платна по зеленой землѣ кизылбашскіе, спорожъ золотной по червчатой землѣ, семь выбоекъ; а велѣлъ былъ отослать къ себѣ на подворье. И тѣ два платна и спорожъ и по ся мѣста у нихъ, потому что Семень Дѣевъ ныне за моремъ. А съ Яковомъ не видался, и гдѣ онъ ныне, того не вѣдаетъ. Да Михайло жъ сказалъ: дали ему на Москвѣ Левъ да Иванъ Оеонасьевичи Плещѣвы шубу не до соболь да лисицу черну на шапку, и Михайло де въ той шубѣ здѣлалъ себѣ оерези, а въ лисицѣ—шапку; а въ Казбинѣ тотъ исподъ продалъ, а взялъ 21 рубль; а на тѣ денги купилъ 2 камонки кизылбашскіе съ серебромъ по алой землѣ, да бархатишко полосато съ медью, а инне рухледи не упомнить. И то все послалъ онъ къ себѣ же на дворъ съ казанцы, с-Иванисомъ Оеонасьевымъ да съ Панкратьемъ Филиповымъ сыномъ Шубина, а велѣлъ отдать у себя на подворьѣ женѣ, а къ женѣ отъ себя писалъ, а велѣлъ отослать на дворъ ко Льву да къ Ивану Плещѣвымъ; а подлинная росписца той послыкѣ у Иваниса да у Пакрата. И Иванисъ Оеонасьевъ сказывалъ ему, Михайлу, въ Асторохани, что та рухледь нынѣ у нихъ, къ Москвѣ не отсылавали. А больши де того онъ, Михайло, никакіе рухледи не покупывалъ и ни съ кѣмъ не посылавалъ.

А что въ грамоткѣ князя Ондрѣя Ховансково писано къ нему, Михайлу, о сергахъ, чтобъ къ нему прислалъ посмотреть, и у него, у Михайла, были сережки, турскіе бирюзы, и онъ ихъ князю Ондрѣю отослалъ, а денегъ у него взялъ 4 рубли и 2 гривны.

А что въ Михайловѣ жъ писмѣ написано 90, а чего, и того не знать, что отодрано, и Михайло сказалъ, что у него куплено въ Асторохани 90 зерденей, а помѣчено у него себѣ для памяти, и тѣ де зердени взяты на государя и нынѣ въ его рухляди.

А что въ розодраной грамоткѣ писано про Сыдавново смерть и про четыре послыи, что ни одна не бывала, и та де грамотка жены ево, а писалъ ей съ Москвы человекъ ево.

И 129-го ноября въ 8 день по государству ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. указу бояре, князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской съ товарищи, діака Михайла Тюхина респрашивали, чтобъ онъ сказалъ правду, для чего шахъ по него по одново мимо большихъ ево товарищевъ, князя Михайла Борятинского и Ивана Чичѣрина, прислалъ и для чево онъ къ шаху ходилъ? и по совѣту ль съ товарищи или безъ ихъ совѣту? и какъ онъ былъ у шаха, и шахъ о чемъ съ нимъ говорилъ? и кто отъ него шаху, а отъ шаха ему толмачилъ: государевъ ли переводчикъ или толмачъ, или шаховъ, и кто именемъ? и изъ русскыхъ людей у шаха

въ то время кто былъ ли? и гдѣ и въ которомъ мѣстѣ былъ онъ у шаха, и долго ль былъ? Про то бѣ онъ про все сказалъ имъ, бояромъ, вправду, не утаивъ ничего. А будетъ онъ про то про все правды не скажетъ, и ему, Михайлу, быти пытану.

И Михайло Тюхинъ въ роспросѣ бояромъ сказалъ: послѣ де посольства ихъ, какъ онѣ у шаха были всѣ вмѣстѣ ноября въ 6 день, прислалъ къ нему, къ Михайлу, на подворье приставъ ихъ Усеинъ бекъ племянника своего говорити, чтобъ онъ, Михайло, ѣхалъ къ шаху, а шахъ де велѣлъ ему, Михайлу, быти у себя одному, и онъ де, Михайло, племяннику ево отказалъ, что ему къ шаху ѣхать одному, мимо своихъ товарищевъ, не пригоже, и безъ товарищевъ своихъ одинъ онъ не ѣдетъ, потому что государевы дѣла велѣно имъ у шаха дѣлать всѣмъ вмѣстѣ. А отказавъ де онъ о томъ Усеинъ бекъ племяннику, пошелъ ко князю Михайлу и къ Ивану и про то имъ сказалъ, что приходилъ къ нему Усеинъ бекъ племянникъ и звалъ ево къ шаху одново. И послѣ де того отъ шаха приходили ко всѣмъ къ нимъ, ко князю Михайлу съ товарищи, отъ Усеинъ бека шаховымъ словомъ племянникъ Усеинъ бекъ и стрѣльцы многижда съ угрозою, что онъ, Михайло, шаха не слушаетъ и къ нему нейдетъ, и хотѣли ево взять къ шаху сильно. И они де всѣ, бояся отъ шаха опалы, отпустили къ шаху ево, Михайла, а съ нимъ послали перевотчика Милюту Нагаева. А какъ де онѣ пріѣхали къ шаху, а шахъ сидитъ въ воротѣхъ въ саду, а у него въ тѣ поры ближнихъ людей не было никого, лише сидѣла за шахомъ баба стара, да передъ шахомъ стояли на колѣнкахъ двѣ жонки. И на него де, Михайла, шахъ учалъ быти добръ кручиновать и сердить, и саблю на него вынималъ, и одва ево саблею нетялъ, и его бранилъ, а говорилъ: вѣтъ они присланы къ нему отъ великого государя не въ послѣхъ, за пословъ ихъ не почитаетъ: послы де ходятъ о ратныхъ дѣлахъ, а они де присланы о любви, и имъ дѣлать надобно, что онъ велитъ, потому что онъ зъ государемъ въ братцвой любви и имъ его слушать пригоже, что своимъ людемъ. Да ему же шахъ говорилъ про астороханскихъ воеводъ, что людемъ ево ни въ чемъ воли не даютъ, и что купятъ, и то отнимаютъ, и онъ бы о томъ известилъ государю все, чтобъ того всего впередъ не было. И онъ де, Михайло, говорилъ, что шаху то все сказывалъ нѣкто на ссору, а того не бывало, а на астороханского воеводу на Ивашка Пушкина положилъ государь опалу и къ Москвѣ ево взяли скована; а что онъ, Михайло, у него у шаха слышитъ, и то государю скажетъ. И шахъ де почалъ бытъ веселъ и пилъ про

государево здоровье чашу и ему подавалъ. Да въ то жъ де время у шаха по обѣ стороны ево были двѣ лужи крови казненныхъ ево людей. И отпустилъ ево къ себѣ на подворье. А толмачилъ отъ шаха къ нему, а отъ него шаху государевъ переводчикъ Милюта Нагаевъ, а иной ни кто шаховыхъ людей въ тѣ поры у шаха не были и ничего не толмачили.

А Иванъ Чичѣринъ передъ бояры жъ съ Михайломъ Тюхинымъ съ очи на очи ставленъ и роспрашиванъ, говорилъ, что приходили отъ шаха звать одново ево, Михайла, напередъ къ нему, Михайлу; а послѣ того присылалъ шахъ и къ нимъ ко всемъ, чтобъ итти къ шаху одному Михайлу, а князь Михайло и онъ, Иванъ, за то стояли много и пустить къ шаху одново Михаила не хотѣли. Да и Михайло де съ ними жъ вмѣстѣ за то стоялъ, чтобъ ему одному нейти. И отъ шаха де пріѣзжалъ по Михайла приставъ ихъ Усеинъ бекъ съ стрѣльцы и хотѣлъ Михайла взять сильно, и Михайло де къ шаху поѣхалъ, а онѣ ево къ шаху не отпускавали. А какъ Михайло къ шаху поѣхалъ, и они, князь Михайло и Иванъ, послали съ нимъ переводчика Милюту Нагаева.

И Михайло с-Иваномъ Чичѣринымъ съ очи на очи говорилъ, что онъ за то стоялъ долго съ ними вмѣстѣ и ѣхать одинъ къ шаху безъ нихъ не хотѣлъ, а поѣхалъ онъ къ шаху по совѣту съ ними, блюдяся отъ шаха гнѣву.

А переводчикъ Милюта Нагаевъ передъ бояры въ роспросѣ сказалъ: какъ пріѣзжалъ къ Михайлу на подворье Усеинъ бекъ племянникъ звать къ шаху Михайла Тюхина, того онъ не видалъ, былъ у себя въ стану, а про то онъ слышалъ, что пріѣзжали Михайла къ шаху звать приставъ и стрѣльцы и ко всемъ посломъ объ Михайлѣ приходили. И послѣ того послы, князь Михайло и Иванъ, позвалъ ево, Милюту, къ себѣ, а Михайло былъ тутъ же, и говоря о томъ межъ себя, послы, князь Михайло и Иванъ, велѣли ему ѣхать къ шаху съ Михайломъ. И онъ де, Милюта, съ Михайломъ къ шаху ѣздилъ и толмачилъ шаховы рѣчи Михайлу, а Михайловы шаху онъ, Милюта. И шахъ Михайлу сперва говорилъ добръ кручиновато и сердито, и жаловался на астороханского воеводу, что ево людемъ чинить тесноту и у человекъ ево отнялъ ястреба, а того, хто продалъ, посадилъ въ тюрьму. И онъ противъ того велить ихъ запереть и свѣту имъ видети не дастъ; а послѣ того говорилъ ласково и приказывалъ имъ, Михайлу и Милютѣ, чтобъ слово ево до государя донесли, а онъ о томъ ишлетъ къ государю отъ себя грамоту, запечатаетъ тремя печатями. А oprичъ де ихъ въ тѣ поры у шаха иныхъ людей никого не было

кромѣ дву жонокъ, которые съ шахомъ сидѣли и шли съ нимъ саадакъ.

Да бояре же Михайла Тюкина спрашивали: написано въ ихъ посольскомъ спискѣ, что приходилъ къ нимъ приставъ Усеинъ бекъ на подворье и говорилъ про государя и про Московское государство непригожіе слова, и онъ, Михайло, ходилъ о томъ допрашивать въ Усеинъ беку на подворье, и онъ для чего о томъ къ приставу ходилъ? и о чемъ его допрашивалъ? и для чего ему то было надобно, что про государя и про Московское государство говорилъ приставъ непригожіе слова и для какова умышленья? и не было ль съ нимъ съ Москвы отъ кого приказау и смутныхъ словъ? а по его, Михайлову, дѣлу то знатно, что онъ то дѣлалъ измѣною или по чьему наученью. И дурно ево объявилося и не въ одной мѣрѣ. Первое то, что послѣ посольства у шаха былъ одинъ безъ товарищей, а послѣ того приставъ Усеинъ бекъ говорилъ про государя и про Московское государство непригожіе слова, а онъ къ нему ходилъ о томъ допрашивать, кабы тому обрадовался. И онъ бы, Михайло, сказалъ правду: для чего онъ въ приставу ходилъ? и вину бь свою къ государю принесъ, и у государя милости просилъ; а не скажетъ, и ему быть пытану.

И Михайло Тюкинъ сказалъ, что приходилъ де къ Ивану Чичѣрину приставъ ихъ Усеинъ бекъ пьянъ, а его, Михайла, въ тѣ поры не было; а послѣ де того прислалъ по него, по Михайла, Иванъ Чичѣринъ, а какъ де къ нему онъ, Михайло, пришелъ, и Иванъ де плачетъ и сказалъ ему, что приходилъ къ нему, въ Ивану, приставъ Усеинъ бекъ и говорилъ про государя и про Московское государство непригожія слова, что будто на Московскомъ государствѣ государя нѣтъ, а Москвою завладѣли литва. И они де о томъ оба почали скорбѣть и говорили, чтобъ про то провѣдать, почему приставъ такіе слова говорить и для чего? И, поговоря де межъ себя, послали по пристава, чтобъ приставъ у нихъ побывалъ, и приставъ де къ нимъ не пошелъ. И онъ де, Михайло, поговоря съ Иваномъ же, взявъ съ собою толмача Ивана Есипова, ходилъ къ Усеинъ беку на подворье и его про то допрашивалъ: воими обычей онъ такую безлѣпичную статью Ивану Чичѣрину брѣдилъ и отъ кого онъ то слышелъ? И приставъ де ему сказалъ, что онъ подлинно про то и самъ не вѣдаетъ, а слышелъ про то на майданѣ, а сказываютъ, что пріѣхали изъ Асторохани торговые люди гилянцы и они де про то слышели въ Асторохани, а именно про то не сказалъ. Да приставъ же де говорилъ, что онъ вчера былъ пьянъ и того не говаривалъ, а хто говорилъ, и ты де

выколи ему глазъ. А допроса, онъ, Михайло, про то Усеинъ бека, пошелъ онъ къ себѣ и Ивану про то сказывалъ. А больша того онъ, Михайло, съ Усеинъ бекомъ ничего не ровговаривалъ и нивакихъ у нихъ дурныхъ рѣчей про государя и про Московское государство не было, а ходилъ онъ къ Усеинъ беку про то допрашивать просто, по совѣту с-Иваномъ, чтобъ того довѣдатца: отъ кого тѣ ненадобные слова пронеслись? А на завтрее де того, пришедъ къ нимъ, къ Ивану и къ Михайлу, Усеинъ бекъ, говорилъ, что онъ вчерась былъ пьянъ и что будетъ говорилъ, того не помнить.

И бояре спрашивали толмача Ивашка Сергѣева: съ Михайломъ съ Тюхинымъ онъ, Ивашко, къ приставу, къ Усеинъ беку, ходилъ ли? и будетъ ходилъ и для чего и хто ево посылалъ и съ какимъ дѣломъ, и что они съ приставомъ про государя и про Московское государство говорили?

И толмачъ Ивашко Сергѣевъ передъ бояры въ роспросѣ сказалъ: слышелъ де онъ, а того не упомнить о кое время, приходилъ къ Ивану Чичѣрину приставъ Усеинъ бекъ пьянъ и говорилъ про государя непригожіе слова, и послы де, Иванъ и Михайло, о томъ у себя плакали и учили быти ужасны; а на завтрее де того присылалъ по него, по Ивашка, къ нему въ станъ Михайло Тюхинъ сына своего Ивана, а велѣлъ притти къ себѣ. И какъ де онъ къ Михайлу пришелъ, а Михайло де, сидѣчи съ сыномъ, плачють. И молилъ де Михайло ему, Ивашку: пожалуй де, пойдемъ со мною къ Усеинъ беку на подворье! И онъ съ нимъ и пошелъ. А какъ де Михайло пришелъ къ Усеинъ беку, и онъ спрашивалъ Усеинъ бека: пронеслося де отъ него про государя и про Московское государство дурное непригожее слово, и онъ бы сказалъ про то ему, Михайлу, подлинно: отъ кого онъ то слышелъ?

И бояре допрашивали толмача Ивашка накрѣпко, чтобъ сказалъ правду, не покрывая ни по комъ: такъ ли Михайло Усеинъ бека допрашивалъ, что пронеслося про государя и про Московское государство непригожее слово, или ево допрашивалъ, что онъ, Усеинъ бекъ, говорилъ про государя и про Московское государство непригожее слово и онъ то у кого слышелъ, а по той ево сваске кабы то слово всчалось отъ Михайла, а не отъ Усеинъ бека?

И толмачъ Ивашко сказалъ, что пришедъ Михайло къ Усеинъ беку, допрашивалъ, что сказывалъ онъ, Усеинъ бекъ, Ивану Чичѣрину вчерась про государя и про Московское государство непригожее слово, и онъ бы ему объявилъ ныне подлинно: отъ кого онъ такое слово

слышелъ? И Усеинъ де въ томъ словѣ заперся, а сказалъ, что онъ такова слова Ивану не говаривалъ, а хто то говорилъ, и онъ бы тому выколодъ глазъ. А что онъ, Ивашко, сперва передъ бояры молилъ, что Михайло спрашивалъ Усеинъ бека глухо, и онъ въ томъ посмался вчерась сироста, потому что ныне не можетъ; а взялъ де ево, Ивашка, Михайло съ собою отъ себя съ подворья, а Иванъ Чичѣринъ ево, Ивашка, съ Михайломъ не посылывалъ и отъ Ивана онъ про то не слыхалъ ничего.

А Иванъ Чичѣринъ съ Михайломъ съ очей на очи говорилъ, что приставъ Усеинъ бекъ, пришедъ къ нему, къ Ивану, про государя и про Московское государство говорилъ, и онъ де, Иванъ, сказалъ ему, что онъ то брѣдитъ пьянъ, а то слово ложно вмѣщаетъ нѣкто врагъ Божей на сору, и пристава де онъ отъ себя выслалъ, да тотъ же часъ послалъ по Михайла и ему то слово сказалъ, и о томъ онѣ всѣ скорбѣли и плакали, и боялись отъ шаха разоренья. И, поговоря межъ себя, послали къ приставу, чтобъ онъ у нихъ побывалъ, и приставъ де къ нимъ не пошелъ, и они почали быть въ великой ужасте и говорили: какъ бы о томъ у Усеинъ бека провѣдать, хто то слово вмещаетъ? И Михайло де Тюхинъ къ тому слову молилъ: мнѣ де Усеинъ бекъ братъ, язъ де къ нему пойду и того у него довѣдаюсь. И онъ де, Иванъ, молилъ ему: какъ хочеть, а онъ ево не посылаеть и толмоча де онъ, Иванъ, къ приставу, къ Усеинъ беку, съ Михайломъ не посылывалъ; а ходилъ де Михайло къ Усеинъ беку собою.

И бояре Михайла жъ Тюхина спрашивали: коими обычаи онъ, Михайло, пристава Усеинъ бека называлъ себѣ братомъ, а Усеинъ бекъ называлъ его, Михайла, себѣ братомъ и какая у него съ нимъ дружба сошлася, и не было ль межъ ими какво дурного умышленья и розговоровъ про государя и про Московское государство?

И Михайло Тюхинъ въ роспросѣ сказалъ: приставъ Усеинъ бекъ по своему языку называлъ его, Михайла, кардашомъ, а по руски братомъ, а онъ ево противъ того называлъ кардашомъ сироста, а хитрости никакіе не было и розговоровъ у нихъ ни про что никакихъ не было; да и князя Михайла де и Ивана Чичѣрина приставъ, прѣзжая къ нимъ, братьями ихъ себѣ называлъ, а по кизылбашски кардашами.

И туто же, стоя передъ бояры съ Михайломъ съ очи на очи, Иванъ Чичѣринъ сказалъ, что того у нихъ не бывало, чтобъ князь Михайло или онъ, Иванъ, пристава своего Усеинъ бека братомъ

называли, а называлъ пристава братомъ изъ нихъ одинъ Михайло. И князь Михайло де и онъ, Иванъ, про то ему и говаривали, что онъ пристава называетъ братомъ не по дѣлу, дѣлаетъ то мимо прежніе обычаи, и Михайло де ихъ въ томъ не послушалъ.

И Михайло сказалъ: въ томъ онъ передъ государемъ виноватъ, что пристава называлъ братомъ себѣ спроста, а умышленья и розговоровъ ни про что не бывало, а что съ приставомъ звалися братьями спроста, и въ той ево винѣ воленъ Богъ да государь.

И бояре Михайла Тюхина велѣли держать приставу Ивану Благово вѣрѣно и припускать къ нему никого и розговаривати съ нимъ никому не велѣли. А переводчика и толмача до сыску велѣли поддерживать приставомъ же. И переводчикъ Милюта Нагаевъ данъ держати переводчику жъ Прокоѣю Вражского. А толмачъ Иванъ Сергѣевъ данъ держать переводчику же Семену Ондрѣеву.

Да толмачъ же Ивашко Сергѣевъ допрашиванъ въ посольскомъ приказѣ про люди Михайла Тиханова (sic): сколько съ нимъ съ Москвы людей пошло и сколько изъ Кизылбашъ назадъ пришло, и кто изъ нихъ былъ у Михайла приказной человекъ, кому у него было во дворѣ приказано?

И толмачъ Ивашко Сергѣевъ сказалъ, что пошло съ Москвы съ Михайломъ Тюхинымъ людей ево 10 человекъ да племянникъ, и въ томъ де числѣ взялъ Михайло, ѣдучи въ Кизылбашу, на Москвѣ 2 человекъ литовскихъ людей изъ тюрьмы, да изъ тюрьмы жъ взялъ Михайло руского человека, бывалъ казакъ, а ходилъ съ литвою жъ. Да какъ де пришли государевы послы въ шахову землю, и встрѣтили ихъ на дорогѣ за Дербенью въ деревнѣ въ Низовѣ четыре человекъ полонениковъ, два литовскихъ людей да два русскихъ, одинъ казался сынъ боярской орленинъ, а другой казался стрѣлецъ, и приказалися къ посломъ, и послы къ себѣ ихъ приняли: князь Михайло взялъ сына боярского орленина, а Иванъ Чичѣринъ взялъ былъ стрѣльца, а Михайло взялъ литвина бусурмана, Піялоку звали; а другою литвина жъ имени не упомнить. И тотъ де Піялка былъ у Михайла въ толмачѣхъ, и для всякого дѣла ево отъ себя посылалъ и къ Усеинъ беку ево посылалъ, и жонки воровскіе къ Михайлу тотъ Піялко приводилъ. А жили тѣ полоненики у пословъ: у князя Михайла жилъ съ ползими и сидѣлъ въ лавкѣ отъ князя Михайла для торговли съ сыномъ боярскимъ зъ Дмитреемъ Хомяковымъ вмѣсте, а лавку де въ Казбинѣ далъ князю Михайлу для торговли шахъ по ево челобитью. И тотъ полоняникъ, которой сказыватся орленинъ, изъ лавки отъ

князя Михайла побѣжалъ, а снесъ отъ него 300 рублей денегъ и пропалъ безвѣстно. А у Ивана стрѣлецъ побылъ немного, для покупки свѣстной посылавалъ его на торгъ. И Иванъ его отослалъ, а сказался де Ивану, что онъ пошелъ къ руси, къ торговымъ людемъ. А у Михайла у Тюхина одинъ литвинъ пожилъ немного жъ, съ ползими, и отъ Михайла отшелъ, а сказался, что пошелъ къ руси съ торговыми людьми; а другой де бусурманъ Піялко остался у Михайла и жилъ всю зиму мало не до ихъ отпуска, и къ приставу его, въ Усеинъ беку, посылавалъ и во всемъ ему толмачилъ; а приставъ Усеинъ бекъ былъ Михайлу Тюхину братъ названой. И передъ отпускомъ посольскимъ прислалъ шахъ къ государевымъ посломъ изъ Ыспогана въ Казбинъ Булатъ бека, а велѣлъ посломъ ѣхать къ шаху съ невеликими людьми, и государевы послы поѣхали, и Михайло въ тѣ поры тово бусурмана Піялка взялъ съ собою жъ в-Ыспогань. И пожилъ тотъ Піялко у Михайла в-Ыспогани немного, изъ Ыспогани отъ Михайла збежалъ, а подговорилъ съ собою отъ бухарского посла полоняника новосильца сына боярского зъ животомъ и съ тѣхъ мѣсть пропалъ безвѣстно, а приходилъ де тотъ бусурманъ Піялко къ Михайлу и приставалъ у него, отходя отъ него недѣли по двѣ и по три невѣдомо куда, а послѣ тово опять придетъ, и поживъ у Михайла недѣли двѣ-три, и опять отойдетъ. А которые литовскіе люди пошли съ Михайломъ съ Москвы, которыхъ взялъ изъ тюрьмы, и тѣ литовскіе люди отъ Михайла збѣжали жъ: одинъ изъ Ыспогани, а другой изъ Казбина с-Ывановымъ человѣкомъ Чичѣрина вмѣстѣ безъ нихъ, какъ они, Иванъ и Михайло, были у шаха въ Өаробатѣ. А какъ де Михайло поѣхалъ изъ Кизылбашъ, и отъ Михайла де, ѣдучи Волгою отъ Астрахани, збѣжали 3-жъ человѣка: Тренка, котораго онъ взялъ изъ тюрьмы на Москвѣ, да Сенька, да поворъ— имени не упомянуть—а побѣжали де къ вольскимъ казакомъ. Да у Михайло жъ умерло въ Кизылбашехъ 2 человѣка; а съ Михайломъ де пріѣхали къ Москвѣ только племянникъ да малой лѣтъ въ 6 или въ 7.

И ноября въ 9 де(нь) допрашиванъ про то Иванъ Чичѣринъ: такихъ онъ польскихъ людей у Михайла, которыхъ Михайло взялъ на Москвѣ изъ тюрьмы и которова поляка взялъ въ Кизылбашехъ, зналъ ли? и гдѣ они у него дѣлись и съ нимъ, с-Ываномъ, какой литвинъ былъ въ Кизылбашехъ?

И Иванъ Чичѣринъ сказалъ, что онъ у Михайла тѣхъ польскихъ людей дву человѣкъ, которыхъ Михайло взялъ изъ тюрьмы, въ Кизылбашехъ зналъ; а какъ онъ, Иванъ, и Михайло изъ Кизылбашъ пошли

на Русь, и Михайло де сказалъ, что тѣ поляки у него збѣжали да и отъ него де, Ивана, збежалъ детина, бывалъ литвинъ же, сапожной мастеръ, а побѣжалъ де вмѣстѣ съ Михайловымъ человѣкомъ изъ Казбина безъ него, какъ онѣ были у шаха въ Орабатѣ. Да къ Михайлу же Тюхину присталъ былъ въ Кизылбашехъ бусурманъ родомъ черкашенинъ, Пьялкою звали, и къ Михайлу прихаживалъ часто, а иное приживалъ недѣли по двѣ и по три; а какъ онѣ поѣхали на Русь, и тотъ де Пьялко отъ Михайла отсталъ и остался въ Кизылбашехъ. А какъ де Пьялко къ Михайлу въ Кизылбашехъ приходилъ и у него жилъ, и онъ де, Иванъ, о томъ Михайлу говорилъ многижда, что Михайло то дѣлаетъ непригоже, что приходитъ къ нему и у него приживаеетъ бусурманъ и отъ него всюда ходилъ. И Михайло де ему сказалъ, что онъ живетъ у него для покупки и для толмачества, что люди ево по кизылбашски не знаютъ и ему безъ того быти неultz.

А по отпискѣ пословъ Ивана Чичѣрина да дьяка Михайла Тюхина, какъ онѣ писали ко государю съ Терки, про того черкашенина Пьялку написано: въ прошломъ во 127-мъ году маія въ 22 де(нь) прислалъ къ нимъ съ Терки воевода Микита Вельяминовъ терского сына боярского Первого Лукина да толмача да четырехъ человѣкъ стрѣльцовъ зъ грамотами о мирномъ договорѣ съ Польшею и съ Литвою, и какъ де они послѣ того поѣхали къ шаху в-Ыспоганъ и взяли съ собою для безлюдства терского сына боярского да стрѣльца Микитку мещеряка, и тотъ де стрѣлецъ заворовался, учалъ приходитъ къ бусульману къ Замятенкѣ Сицягину и грамотку къ нему ссыльную отъ брата его, привезчи съ Терки, отдалъ тайно, и они ему за то чинили наказанье. А послѣ того тотъ же стрелецъ, заворовався и запися, убилъ себя изъ пицали до смерти, и они велѣли ево погresti въ арменскомъ кладбищѣ. И того же де дни приставъ ихъ Усеинъ бекъ прислалъ къ нимъ говорить человѣка своего Мурза бека, что збѣжалъ де отъ торгового человѣка, отъ бухарца русской полоняникъ, а снесъ 21 тюмень денегъ, а сказываютъ ево у нихъ, да и шаху на нихъ сказали, будто они у бухарца полоненика велѣли подговорити и деньги у него взяли, и велѣли будто ево убить, и погребли въ арменскомъ кладбищѣ, и шахъ де по ихъ сваскѣ того стрѣльца велѣлъ выкопать и велѣлъ ево бухарцу узнавати, и бухарецъ де сказалъ, что то не ево полоненикъ, а хаживалъ съ его полоненикомъ, и въ томъ де имали у нихъ къ шаху Иванова человѣка, и шахъ де грозилъ ему пыткою и собаками травить хотѣлъ за то, чтобъ онъ взговорилъ въ томъ полоненикъ на нихъ, пословъ. И тотъ де человѣкъ шаху на нихъ, на

пословъ, ничего не говорилъ и сидѣлъ въ томъ за приставомъ. И про тово де бѣглово полоняника сыскалось мимо ихъ, пословъ, что таковъ полоняникъ приходилъ въ мусульманину къ черкашенину къ Сенькѣ Пьялу и пошолъ из-Ыспогани съ Сенькою вмѣстѣ въ Казбинъ, и тотъ де Сенька въ Казбинѣ сысканъ и къ шаху приведенъ. А въ роспросѣ Сенка Пьяло сказалъ, что онъ пошелъ из-Ыспогани тому недѣли въ двѣ, а съ нимъ пошелъ из-Ыспогани жъ бухарского торгового человѣка тотъ полоненикъ, которымъ ихъ, пословъ, поклепали. И онъ де, Сенька Пьяло, того полоненика отпустилъ въ Родевилъ съ корованомъ, а на нихъ, на пословъ, Сенька Пьяло передъ шахомъ про того бѣглово полоняника ничего не говорилъ же.

И ноября жъ въ 10 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу и по боярскому приговору ѣздилъ къ Михайлу Тюхину на подворье животовъ ево переписывать и запечатать діакъ Сава Раманчуковъ.

И по государеву указу діакъ Сава Раманчуковъ къ Михайлу Тюхину на подворье ѣздилъ, а пріѣхавъ, думному діаку Ивану Грамотину сказывалъ, что онъ у Михайла Тюхина никакихъ животовъ и запасу не нашелъ, опричь той рыбы, что привезъ Иванъ Благой съ Михайломъ вмѣстѣ и по государеву указу отдана женѣ ево, а лежитъ въ сушилѣ, да въ повалушѣ запечаталъ перинишко да медвѣдно; а больши того никакихъ животовъ и запасовъ у него на подворьѣ нѣтъ.

И ноября жъ въ 11 де(нь) въ посольскомъ приказѣ дьяки, думной Иванъ Грамотинъ да Сава Раманчуковъ спрашивали Михайла Тюхина: какой у него черкашенинъ—Пьялкомъ звали—въ Кизылбашехъ былъ и гдѣ онъ его взялъ, и сколько у него пожилъ, и откуда отъ него шель, и какихъ онъ литовскихъ людей взялъ съ собою съ Москвы изъ тюрьмы, и гдѣ они отъ него дѣлись?

И Михайло сказалъ: какъ они пришли въ Кизылбашскую землю и будутъ въ деревнѣ въ Низовой, ажъ ведутъ въ Дербени къ шаху полонениковъ русскихъ и литовскихъ людей 8 человѣкъ, и онѣ ихъ о всякихъ вѣстехъ спрашивали и вѣсти ихъ писали къ государю, а ихъ самихъ розняли по себѣ: князь Михайло да Иванъ взяли себѣ по 3 человѣки, а онъ, Михайло, взялъ дву человѣкъ. И одинъ литвинъ отъ него збѣжалъ на Русь, а другой черкашенинъ бусурманъ Пьяиво у него пожилъ мало не до отпуску. А какъ шахъ велѣлъ имъ бытъ къ себѣ для отпуску в-Ыспоганъ, и онъ, Михайло, для безлюдства и того черкашенина взялъ былъ съ собою жъ в-Ыспоганъ, и тотъ черкашенинъ отъ него, Михайла, из-Ыспогани збѣжалъ. А

которыхъ литовскихъ людей взялъ онъ съ собою съ Москвы, и тѣ литовскіе люди отъ него збѣжали жъ въ Кизылбашехъ, а даны были ему на Москвѣ изъ розряду, а велѣлъ ему тѣхъ литовскихъ людей дву человекъ дати изъ тюрьмы дѣакъ Сыдавнои Васильевъ.

Да Михайла жъ допрашивали дѣяки по государеву указу и по боярскому приговору: посланъ къ нему на дворъ дѣакъ Сава Раманчюковъ досматривать ево животовъ, и у него на подворьѣ животовъ никакихъ и запасу нѣтъ, и онъ бы про свои животы объявилъ подлинно, вправду, гдѣ у него животы ево и у ково положены и коими обычи у него на дворѣ запасу никакого и рухляди никакіе нѣтъ.

И Михайло сказалъ, что у него рухляди и животовъ во дворѣ нѣтъ и въ поклажеѣ ни у кого нѣту жъ: какъ онъ поѣхалъ съ Москвы въ Кизылбаша, и послѣ ево осталось у жены ево на подворьѣ только 20 чети муки ржаные, 10 чети муки пшеничные, да 3 чети крупъ, 10 полоть ветчины, да осетришковъ вялыхъ зъ 10 жъ, да женѣ же онъ своей оставилъ три рубли денегъ; а всему его животу, что пошло съ нимъ съ Москвы и что осталось на Москвѣ, и что на немъ долгу, оставилъ онъ духовную у Сыдавного Васильева; а нынѣ она у жены ево есть ли, или нѣтъ, того не вѣдаетъ. А что животовъ ево пошло съ нимъ изъ Кизылбашъ и то у него взято, и нынѣ въ посольскомъ приказѣ. А больши того у него никакихъ ево животовъ нѣтъ.

И 129-го же ноября въ 16 де(нь) въ посольскомъ приказѣ дѣякомъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Раманчюкову, подалъ дѣакъ Матвѣй Сомовъ духовную Михайла Тюхина; а такову де духовную оставилъ Михайло послѣ себя у дѣака у Сыдавново Васильева, какъ онъ поѣхалъ въ Кизылбаша. А въ духовной Михайла Тюхина пишетъ:

Се азъ рабъ Божей Михайло Акиноѣвъ сынъ Тюхинъ пишу сію изусную память своимъ цѣлымъ разумомъ для кизылбашскіе послыки, любо Богъ по душу мою соплеть. Долгу на мнѣ, на Михайлѣ, нѣтъ ничево, а самому на комъ мнѣ что взяти, и я ни на комъ нечево не пытаю, и будетъ на ково мои памятишка объявитца, и по нихъ ни на комъ ничево не имати. Да оставаютца послѣ меня вотчинные мои деревнишка во тверскомъ уѣзде родственные наши сельцо Кошелево, деревня Копылово, деревня Красавино, деревня Косоногово съ пустошми и съ починки, да приданые матери моей сельцо Васильево, да купля отца моего въ влинскомъ уѣздѣ сельцо Долгая пожня да пустошь Кузнечьково; а я то сельцо купилъ у мачехи своей да у меньшіе братьи свои, а далъ сорокъ рублевъ,—и старинные мои вотчиншка сыну моему Ивану съ племянникомъ моимъ съ Михайломъ

Ивановымъ сыно(мъ) Тюхина подѣлити пополамъ; а купленные—сыну моему Ивану и приданные матери моей, а дворъ московской сыну моему Ивану съ мачехою, продавъ, подѣлить пополамъ. А что со мною пойдеть въ Бизылбашу соболей и всякіе рухляди на двесте на пятьдесятъ рублевъ, и тѣмъ меня помянути, а роздати по мнѣ пятьдесятъ рублевъ, а досталь подѣлити сыну моему Ивану съ мачехою пополамъ. А платья мое и всякая служивая рухлядь—сыну моему и всякіе суды подаренные—сыну моему Ивану, а людей къ собѣ звати изъ воли; а которые людишка мои старинные, и тѣ—сыну моему Ивану, а жонку Матрюху отпустить, а дати ей изопча три рубли да платьишко еѣ, а Тороканову жену, будетъ похочеть, зъ дочерьми отпустить, а сына еѣ, оставя у себя,—сыну моему Ивану, а ей дати платья ее и мужа еѣ что осталось у ней, да два рубли денегъ. Да дали мнѣ Левъ да Иванъ Ооонасьевичи Плещеевы шубу не до соболи и что на ней въ Бизылбашехъ возьмутъ и за тое шубу цѣну заплати. А платья чюжова со мною ничево нѣтъ, только что мнѣ пожаловаль Сыдавной Васильевичъ ожерелье стоячее да отложное, однорядку червчету, да Добрыня Семеновичъ ожерелья пристежное, и то все отдати назадъ. Да Сыдавнова Васильевича жалованье четыре кубочка да братинка серебряная и то отдати назадъ Сыдавному жъ. Да пожаловать государю моему Сыдавному Васильевичю: сестры своей и дѣтишекъ моихъ не покинуть. Да государево жалованье помѣстьишка за мною въ ерославскомъ уѣздѣ, а мужиченками я говорилъ, что мнѣ съ нихъ имать по пяти рублевъ денегъ да по пяти вѣдръ вина, да запасишку всякого мнѣ имать съ нихъ сухорей и крупъ, и конопель, и гороху по осми чети, и дана имъ роспись за моею рукою; а привозити имъ по первому пути. Да я жъ имъ велѣлъ всѣтъ на себя понемношку овса и пшеницы, и конопель, и горошку, и что Богъ пошлетъ и то имъ привозити. Да съ нихъ же взять тридцать гривенокъ масла да двѣсте яицъ, да по три сыра, да по десяти куровъ, да по тушѣ мяса свиного. А пожаловать государю моему Сыдавному Васильевичю да Матвѣю Михайловичю, будетъ Богъ по душу мою сошлетъ, душа моя устроить, а дати по душѣ послѣ, а женѣ и сыну дати по сей памяти. Руку приложилъ *(по склейкѣ)* къ сей изусной памяти Михайло Тюхинъ.

На оборотѣ: 129-го ноября въ 16 день подалъ Матфѣй Сомовъ.

И февраля въ 10 день бояре сего дѣла слушели и приговорили: Михайла Тюхина про то про все, что онъ былъ у шаха наодинѣ и къ приставу своему къ Усеинъ беку на подворье ходилъ одинъ и братомъ себѣ ево называлъ, и что польскихъ и литовскихъ людей съ

Москвы изъ тюрьмы съ собою ималъ и въ Кизылбашехъ принялъ къ себѣ бусурмана черкашенина Пьянку, распросить и пытать накрепко. А къ пытѣ по боярскому приговору указалъ государь ѣхать боярину князю Юрью Яншѣвичю Сулешеву да думному дьяку Ивану Грамотину.

И по государеву указу бояринъ князь Юрья Яншѣвичъ Сулешовъ да думной діакъ Иванъ Грамотинъ у пытки Михайла Тюхина и переводчика Милюту Нагаева и толмача Ивана Есипова, поставя съ Михайломъ съ очи на очи, розспрашивали: для чего онъ, Михайло, будучи въ Кизылбашехъ, дѣлалъ не по государеву наказу: у шаха былъ одинъ бесъ товарищей своихъ наодинѣ невѣдомо для чего; другое: какъ приставъ ихъ Усеинъ бекъ былъ у пословъ и говорилъ про государя и про Московское государство непригожее слово, и послѣ того онъ же, Михайло, ходилъ на дворъ къ Усеинъ беку одинъ съ толмачомъ, и про то Усеинъ бека розспрашивалъ, и для чего онъ ималъ съ собою съ Москвы изъ тюрьмы литовскихъ людей, а государю о томъ не билъ челомъ? да онъ же, Михайло, взялъ къ себѣ въ Кизылбашехъ черкашенина Пьянку и жилъ тотъ черкашенинъ у него, и къ приставу къ Усеинъ беку его посылалъ и не одинова, и для чего посылалъ, для какого дурна или измѣны? и не было ль съ нимъ отъ кого каково приказу съ Москвы? А вѣдаетъ онъ, Михайло, про себя самъ, что онъ къ Литвѣ и къ черкасомъ доточенъ многими мѣрами, а ималъ съ собою съ Москвы литовскихъ людей, а въ Кизылбашехъ взялъ черкашенина, и потому знатно, что онъ то дѣлалъ для воровства и измѣны, или будетъ по чьему велѣнью? И онъ бы про то про все сказалъ въ правду, а вину свою принесъ къ государю и у государя просилъ милости; а не скажетъ—и ему быть пытану накрепко.

И Михайло Тюхинъ въ розспросѣ сказалъ, что онъ ѣздилъ къ шаху одинъ по совѣту съ товарищи своими, по неволѣ, потому что шахъ по него прислалъ многожда и хотѣлъ взять сильно, и они всѣ за то говорили много, и ѣхать къ шаху не хотѣлъ, да поневолѣ у шаха былъ, говоря всѣ. А съ нимъ де князь Михайло и Иванъ послали толмача, а не бесъ совѣту онъ къ шаху ходилъ, да и въ спискѣ въ черномъ написано о томъ Иванова рука Чичѣрина, что онѣ, князь Михайло и Иванъ, его, Михайла, отпускали къ шаху по совѣту всѣ вмѣстѣ, не хотя шаха розгнѣвить. А въ государевѣ де наказѣ у нихъ того было не написано: только шахъ пришлетъ изъ нихъ по кого, и имъ за то стоять и къ шаху нейти. И того они не вѣдали жъ, что прежъ того шахъ надъ государевы послы такъ дѣлалъ ли, или

нѣтъ,—то онъ учинилъ поневолѣ, не хотя шаха розгнѣвити, говоря со всѣми товарищи, а не собою.

И бояринъ князь Юрьи Яншѣвичъ и думной дѣякъ Иванъ Грамотинъ гоорили Михайлу, чтобъ онъ сказалъ правду не пытанъ: не по ево ль засылкѣ шахъ по него присылалъ и не было ль у него съ шахомъ какихъ розговоровъ въ какомъ дурне? а только бъ онъ былъ къ государю прямъ, и его бы хотя за ноги волокли, и онъ бы не шель, а блюся бъ государя, а не шаховыхъ грозъ. А что онъ, Михайло, сказывалъ въ роспросѣ передъ бояры, что будто на него шахъ трожды выймалъ саблю, и толмачъ Милюта, которой съ нимъ былъ, сказывалъ бояромъ, что того не бывало: шахъ на него сабли не выймывалъ, и то онъ сказалъ воровствомъ, затѣя собою.

И Михайло говорилъ, что шахъ по него присылалъ и хотѣлъ его взять сильно, и ево отпускали къ шаху товарищи ево поневолѣ бояся отъ шаха опалы. И какъ ево привели къ шаху, и шахъ на него саблю выймалъ трожды, да въ тѣ же поры передъ шахомъ была лужа крови чловѣческой и сердитъ былъ шахъ добрѣ, и ему говорилъ со мноюю кручиною, что людемъ ево въ Московскомъ государстве во всемъ нужда и неволя великая.

И туто жъ у пытки ставленъ съ Михайломъ Тюхинымъ съ очи на очи переводчикъ Милюта Нагаевъ и допрашиванъ про то: какъ Михайла Тюхина привели къ шаху, и шахъ на него саблю вынималъ ли и его сѣчь хотѣлъ ли? И Милюта Нагаевъ съ Михайломъ съ очи на очи въ роспросѣ сказалъ, что онъ у шаха съ Михайломъ вмѣстѣ былъ и шахъ де сперва говорилъ съ кручиною, что людемъ ево въ Астрахани многое насильство и тѣснота, и неволя, а того де не бывало: шахъ на Михайла сабли не выймывалъ; а кровь невѣдомо какая была, невелика лужица ручейкомъ шла. А какъ де Михайло поѣхалъ къ шаху, и ему де, Милютѣ, велѣли съ нимъ ѣхать князь Михайло и Иванъ; а отпускали ль князь Михайло и Иванъ къ шаху Михайла, или нѣтъ, и того ему слышать не лучилося, только ему съ нимъ къ шаху ѣхать велѣли.

А про литовскихъ людей Михайло сказалъ, что о литовскихъ людехъ, которыхъ исъ тюрьмы выналъ, государю билъ челомъ, и выписка въ розрадѣ тому есть, а помѣта на челобитной ево дѣяка Сыдавного Васильева или Михайла Данилова—тово не упомнить чья. Да и съ товарищемъ де ево, с-Биваномъ Чичѣриннымъ, литвинъ былъ же и побѣжалъ отъ него вмѣстѣ съ его литвиномъ. А черкашенина де Пяялу онъ взялъ въ Кизылбашехъ вмѣстѣ съ товарищи, какъ ихъ

вели къ шаху, для толмачества, а родомъ де тотъ Піялко русакъ, уроженецъ воронежской, а не литвинъ, только лише походилъ съ черкасы. И хотѣлъ де тотъ Піялко ѣхать съ нимъ на Русь, и онъ ево для того и взялъ и для толмачества; а посылалъ ево для покупокъ, а къ шаху ево и къ иному ни хъ кому ни для какова дѣла не посылавалъ и ни о чемъ съ нимъ не приказывалъ; а на отпускѣ де тотъ Піялко отъ него сшелъ и съ нимъ не поѣхалъ потому: сказываютъ де, что у него въ Кизылбашехъ жена.

А переводчикъ Милюта Нагаевъ да толмачъ Иванъ Есиповъ съ Михайломъ съ очи на очи про Піялку сказали, что тотъ Піялко родомъ литвинъ, а не русакъ, и жена де у него въ Кизылбашехъ въ Казбинѣ есть; у Михайла де тотъ Піялко приживалъ и отъ него ходилъ для покупокъ и гдѣ ево пошлетъ Михайло; а хотѣлъ ли тотъ черкашенинъ ѣхать съ Михайломъ на Русь, того они не вѣдаютъ.

И Михайло Тюхинъ въ томъ во всемъ пытанъ наврѣпко, чтобъ онъ сказалъ вправду: не по ево-ль засылкѣ былъ онъ у шаха и о чемъ съ нимъ шахъ говорилъ, и для чево съ собою ималъ съ Москвы литовскихъ людей и въ Кизылбашехъ принималъ литвина черкашенина, и для чево ходилъ къ приставу одинъ и называлъ ево себѣ братомъ, и нѣтъ ли съ нимъ съ Москвы привазу воровского и измѣны? И пытанъ Михайло наврѣпко: было 70 ударовъ да двѣ стряски, и влещами горячими по спинѣ зженъ. Говорилъ тожъ, что и въ роспросѣ, что онъ съ Москвы литовскихъ людей взялъ съ собою бесъ хитрости, для безлюдства, а дали ему изъ тюрьмы тѣхъ литовскихъ людей изъ розряду по ево челобитью, и записка тому въ розрядѣ есть; а Піялка де черкашенина принялъ онъ въ Кизылбашехъ проста для толмачества, а сказался ему тотъ черкашенинъ родомъ русакъ, воронежской казакъ; а къ шаху де онъ ѣздилъ по совѣту съ товарищи неволею, бояся отъ шаха опалы и не хотя ево розгнѣвать; а говорилъ ему шахъ съ кручиною и жаловался на астраханскихъ воеводъ, что людемъ ево чинили во всемъ тесноту и неволю, и кручиновать де шахъ былъ добрѣ, и онъ де сказалъ, что государь за то на астраханскихъ воеводъ положилъ опалу; а на Москвѣ посломъ ево тесноты не бывало никакой, и шахъ де почалъ быти веселъ и пилъ про государево здоровье; а ему, Михайлу, приказалъ, что онъ приказываетъ ему, и онъ бы про то государю известилъ, чтобъ того впередъ не было; а подлинно де рѣчи ево записаны въ посольскомъ спискѣ, а больши де того речей шахъ не говорилъ съ нимъ некоторыхъ и самъ онъ о томъ къ шаху, чтобъ ему велѣлъ быти у себя, не приказывалъ, и съ Москвы съ нимъ

приказу ни отъ кого не было. А у пристава де Усеинъ бека былъ онъ съ толмачомъ с-Швашкомъ Сергѣевымъ; а стоялъ де тотъ Усеинъ безъ съ ними, съ послы, на одномъ дворѣ, близко ихъ, у колодезя, а ходилъ ево спрашивать про непригожіе рѣчи: у ково онъ то слово слышелъ, и кто то вмещаетъ, а опричь того не говорилъ съ нимъ ничего; а братомъ Усеинъ бека называлъ себѣ спроста: какъ де тотъ приставъ ихъ встрѣтилъ, и онъ де ево назвалъ кардашемъ, а по руски братомъ, а онъ де ево по тому же звалъ кардашемъ.

И съ пытки Михайло отданъ держать прежнему приставу Гуру Волинцову, велѣно держати крѣпко.

Толмачъ Иванъ Есиповъ въ роспросѣ сказалъ по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному целованью, что терской стрелецъ Микитка убилъ себя ись пищали самъ за то: свѣдалъ де что черкашенина Пялку поймали, а онъ былъ у бухарца полоненика подговаривалъ съ нимъ вмѣстѣ, и забоявся того, что станеть на него въ томъ говорить, сперва учалъ тосковать и запиватьца, а послѣ того убилъ самъ себя ись пищали, наступя на куроъ ногу, по самому животу. То онъ самъ видѣлъ, а послы государевы не убивывали. А животовъ де ево не осталось ничево.

Кречетникъ Ѳедоръ Тоболинъ въ роспросѣ сказалъ по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному цѣлованью: какъ де ималъ шахъ государевыхъ пословъ къ себѣ для отпуску ись Казбина в-Шпоганъ, и были послы в-Шпогани у шаха десеть недѣль, и въ тѣ поры подговорилъ черкашенинъ Сенка Пяла, которой жилъ у дьяка, у Михайла Тюхина, у бухарца, у торгового человекъ, русково полоненика новосильца сына боярсково; а тотъ бухарецъ стоялъ у юргенсково царевича на дворѣ, а подговоря того полоненика, Пялко из-Шпогани збѣжалъ. И тотъ де бухарской посоль учалъ приходитъ къ посломъ и бити челомъ, что у него подговорили полоненика съ деньгами ихъ, рускіе, люди, а денегъ было въ коробѣ 23 тюмени. И послы ему отказали, что у нихъ людей всѣ съ ними и ништо отъ нихъ ихъ рускихъ людей не бѣгивалъ, а побежалъ де отъ нихъ черкашенинъ Пялко, а про полоненика они и люди ихъ не вѣдаютъ. И по шахову де приказу посланъ того Пялку сыскивать бусурманъ Лачинко и того Пялку сыскалъ, и привелъ къ сотнику, что бывалъ Смирновской холопъ Маматова къ Замятенѣ Сипягину, и тотъ Пялко сказалъ въ роспросѣ, что подговорилъ того бухарского полоненика съ деньгами онъ, Пялко, да съ нимъ терской стрелецъ Микитка, и за городъ ево съ тѣмъ полоненикомъ выпроводилъ, и саблю ему за городъ вынесъ. И какъ де

того черкашенина Піялку привели къ тому сотнику, къ Замятенкѣ, и тотъ де черкашенинъ учалъ въ томъ сказывать въ убивствѣ на того терского стрелца, и послы де, Иванъ и Михайло, посылаѣ(и) къ Замятенкѣ о томъ говорить, чтобъ онъ на государевыхъ людей ложно затевать не велѣлъ, а сыскивали-бъ про то вправду. И Замятенка де Сицагинъ приказалъ къ посломъ, что черкашенинъ Піялко въ томъ бухарцѣ въ убивствѣ говоритъ впрямъ на терсково стрелца. на Микитку, что онъ съ нимъ вмѣстѣ у бухарского тезика полоненика русково подговаривалъ. И какъ де то услышелъ терской стрелецъ, что на него Піялко въ томъ полоненикѣ говорилъ, и учалъ де пить и тосковать. И послѣ де тово стрелецъ, бояся въ томъ себѣ смерти, на польскомъ дворѣ убилъ себя самъ исъ пищали. То онъ самъ видѣлъ, и послы де того стрелца велѣли погresti въ арменскомъ калдбицѣ; а животовъ де послѣ того стрелца не осталось никакихъ, лише остался одинъ конь, и послы де того коня велѣли продати и велѣли роздати по немъ на погребанье и на поминки; а опричь де того не осталось послѣ того стрелца ничего. А тотъ де черкашенинъ Піялко и по отпускѣ посольской сидѣлъ за приставомъ у тово сотника, у Замятенки Сицагина, въ железахъ. А животовъ де того подговореного бухарца, сказываетъ, сыскали у того черкашенина у Піялки 18 тюменей. А послы де того стрелца Микитки убить не веливали, то онъ подлинно вѣдаетъ, а убилъ де себя тотъ стрелецъ самъ исъ пищали.

Кречетникъ же Михайло Мясоѣдовъ въ роспросѣ сказалъ по государеву ц. и в. вн. Михайла Ѳедоровича в. Р. крестному цѣлованью: самъ онъ съ послы в-Ыспогани не былъ, а отъ товарищей своихъ ото всѣхъ слышелъ, что терской стрелецъ Микитка убилъ себя исъ пищали самъ за то, что у бухарского посла подговаривалъ полоненика съ черкашениномъ со Пьялою вмѣсте, а больши де того ничего не вѣдаетъ.

И марта въ 1 де(нь), какъ былъ кизылбашской посолъ Булатъ бежъ у государя на дворѣ у бояръ въ отвѣтѣ, и бояре выговаривали послу о государевыхъ послѣхъ, о Иване Чичѣрине да о дьяке о Михайле Тюкине, что имъ у шаха во многихъ мѣрахъ было бесчестье мимо прежнейъ обычай, чего прежнимъ государевымъ посломъ не бывало.

И посолъ Булатъ бежъ говорилъ въ отвѣтѣ царского величества бояромъ: послы де государю то сказываютъ, что имъ у шаха дѣлалось мимо прежніе обычай, а того де не скажутъ, что они у шаха сами дѣлали. Былъ де у шаха в-Ыспогани бухарской посолъ, и послы велѣли у него людемъ своимъ подговорити полоненика бухарца—бывалъ

русской человекъ — зъ животы и велѣли ево убити изъ животовъ; а подговорилъ де ево русской человекъ, которой жилъ у пословъ, терской стрелецъ, и послы де того стрельца велѣли убити изъ животовъ; а животы того бухарца завладѣли сами, и того де стрѣльца закопали въ землю въ арменскомъ владбищѣ, а сказали про него, что будто онъ убилъ себя самъ. И шахъ де того человекъ велѣлъ выкопать и осмотрить, и тотъ человекъ колотъ ножемъ: раны на немъ въ трехъ мѣстѣхъ; а не исъ пищали убитъ.

И бояре, князь Иванъ Борисовичъ Черкасской съ товарищи, тѣ посолскіе рѣчи сказывали государю. И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. приказалъ боярину князю Юрью Яншѣвичю Сулешову да думному дьяку Ивану Грамотину про то допросити переводчиковъ и кречетниковъ, которые были въ Кизылбашехъ с-Иваномъ съ Чичѣринымъ да зъ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ: терской стрелецъ, которой прѣзжалъ съ посломъ въ Кизылбаши съ Терки съ вѣстьми, а въ посольскомъ спискѣ про него написано, что онъ убитъ исъ пищали самъ, самъ ли себя убитъ? и за что и коими обычаи убитъ, или велѣли ево послы убити за то, что у него взяли полонянничьи животы? и за что его велѣли убити? и хто и коими обычаи ево убили, чтобъ про то сыскати допряма.

И марта жъ въ 13 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу бояринъ князь Юрью Яншѣвичю Сулешовъ да думной дьякъ Иванъ Грамотинъ, поставя передъ собою переводчиковъ Милюту Нагаева да толмача Ивана Есипова, да кречетниковъ Ѳедора Тоболина да Михайла Мясоѣдова, роспрашивали порознь, чтобъ они сказали вправду по государеву крестному цѣлованью, ни по комъ не покрывая и никого не блюдысь: терскому стрѣльцу Микигѣ, что прѣзжалъ къ посломъ въ Кизылбаши съ Терки съ вѣстьми, коими обычаи смерть случилась: самъ ли онъ себя исъ пищали убитъ, или послы ево велѣли убити? и за что онъ самъ себя убитъ, или послы за что его велѣли убити, и какими мѣрами ему смерть случилась, и хто ево животы завладѣлъ?

И переводчикъ Милюта Нагаевъ по своей вѣрѣ по шерти сказалъ: какъ де ѣздили государевы послы изъ Казбина въ шаху в-Ыспоганъ для отпуску, и того они терского стрѣльца Микитку имали в-Ыспоганъ съ собою жъ, а съ Михайломъ Тюхинымъ ѣздилъ в-Ыспоганъ черкашенинъ — Пьялкомъ зовутъ — бусурманъ; а в-Ыспогани де въ то жъ время былъ юргенской царевичъ, а у него на дворѣ поставленъ былъ бухарского царя посолъ, а у того посла былъ бухарецъ поло-

неникъ, бывалъ русской человѣкъ; да у царевича жъ на дворѣ была руская жъ полонянка жонка, а тому терскому стрѣльцу называлась сестра, и къ нимъ та жонка прихаживала: рубашки на нихъ шила и платье мыла. И послѣ того, не вѣдаютъ коими обычаями, збѣжалъ отъ бухарского тезика съ царевичева двора тотъ русской полоненикъ, а отъ Михайла Тюхина въ то жъ время збѣжалъ черкашенинъ Пьялко и пропалъ безвѣстно. И тотъ бухарской посоль учалъ приходитъ къ посломъ и почалъ клепать посольскихъ людей, будто ево полоненика подговорили люди ихъ, въ деньгами, и они бъ про то велѣли сыскать. И послы де ему отказали, что отъ нихъ людей никто не збѣжалъ, а збежалъ бусурманъ черкашенинъ Пьялко; а про его полоненика люди ихъ не вѣдаютъ. И тотъ де бухарской тезикъ о томъ на пословъ билъ челомъ шаху, и шахъ посылалъ за Пьялкою гонять в-Ыспоганъ бусурмана жъ Лачинка, и тотъ де Лачинко того черкашенина Пьялка на дорогѣ поималъ и въ шаху привелъ. И тотъ де черкашенинъ въ томъ подговорѣ, сказываютъ, говорилъ на того стрѣльца Никитку. И какъ терской стрѣлецъ услышалъ, что Пьялку сыскали и привели, и тотъ стрѣлецъ учалъ пити безмѣрно и, напився пьянъ, убилъ себя изъ пищали самъ. То онъ, Милюта, подлинно вѣдаетъ и самъ ево убитово видѣлъ. А послы ево никакъ убить не веливали, то на пословъ нѣхто затѣваетъ ложно, и убити было ево не изъ чево.

И марта же въ 18 день бояринъ князь Юрьи Яншѣвичъ Сулешевъ да думной дѣакъ Иванъ Грамотинъ ѣздили къ пытѣ и у пытки переводчика Милюту Нагаева да толмача Ивана Есипова, да кречатниковъ, Федора Тоболина да Михайла Мясоѣдова, спрашивали порознь всѣхъ накрѣпо и пыткою стращали, чтобъ они сказали вправду, не блюдая никого и по послѣхъ, по Иванъ Чичѣринъ и по Михайлъ Тюхинъ, не покрывая: астараканской стрѣлецъ въ Бизылбашехъ изъ пищали самъ ли себя убилъ, или послы ево велѣли убить? и за что ево велѣли убить? А визылбашской посоль Булатъ бекъ въ отвѣтъ государевымъ бояромъ сказывалъ, что того стрѣльца велѣли убить послы Иванъ Чичѣринъ да Михайло Тюхинъ изъ животовъ, что тотъ стрѣлецъ подговорилъ у бухарца полоненика въ животы, и раны де на немъ ножевые, а не пищальные. И они бъ сказали про то подлинно, а только они нынѣ про то подлинно не скажутъ, а впередъ про то вѣдомо учинитца окромѣ ихъ, и имъ за то быти отъ государя въ смертной казни.

И Милюта Нагаевъ въ роспросѣ у пытки сказалъ тѣ же рѣчи, что и напередъ того въ роспросѣ боярину князю Юрию Яншѣвичю

да думному діяку Ивану Грамотину сказывалъ, что астороханской стрѣлецъ убится изъ пищали самъ, а послы ево никакъ убить не веливали. Хотя ему на пыткѣ смерть своя видѣти, а на пословъ ему того нельзя затѣть, что послы того стрѣльца убойству невинны.

Толмачъ Иванъ Есиповъ въ роспросѣ у пытки же сказалъ, что стрѣлецъ подлинно убится самъ, запився и исторопясь того, что на него въ полоненичномъ подговорѣ говорилъ черкашенинъ бусурманъ Пьялко; а послы ево никакъ убить не веливали: про то имъ вѣдомо подлинно.

Кречетникъ Ѳеодоръ Тоболинъ въ роспросѣ у пытки сказалъ, что онъ, Ѳеодоръ, говорилъ въ роспросѣ напередъ сего, то и нынѣ говорить, что стрѣлецъ убится изъ пищали самъ, забражничався и исторопясь того, что на него говорилъ черкашенинъ Пялко въ подговорѣ у бухарца руского полоненика. А какъ онъ изъ пищали убится, и они то все сами слышали, какъ в-ысподи на дворѣ пищаль лунула; а Иванъ Чичѣринъ и Михайло, и они всѣ были вверху въ полатѣ. А попъ Ивановъ, которой былъ съ нимъ, того стрѣльца осматривалъ, какъ онъ убится, и погребалъ ево онъ же. А послы ево никакъ убить не веливали, про то они всѣ вѣдаютъ подлинно.

Кречетникъ же Михайло Мясоедовъ въ роспросѣ у пытки сказалъ, что онъ съ послы в-Ыспогани не былъ и какъ тотъ стрѣлецъ убится, того самъ не видалъ, а былъ онъ все въ Казбинѣ; а отъ товарищевъ онъ своихъ ото всѣхъ слышелъ, что стрѣлецъ убится изъ пищали самъ; а про то онъ ни отъ кого не слыхалъ, что ево послы велѣли убить.

И марта жъ въ „ “ де(нь) бояре приговорили: переводчика Милюту Нагаева и толмача Ивана Есипова, и кречетниковъ отъ приставовъ освободить; а Михайла Тюхина за ево воровство и за измѣну сослать въ Сибирь и посадить въ тюрьму въ сибирскихъ пригородахъ, въ которомъ пригоже; а корму ему давать приговорили на день по десети денегъ.

И марта жъ въ 21 де(нь) Михайло Тюхинъ отосланъ изъ посольсково приказу въ казанской дворецъ съ приставомъ ево зъ Гуромъ Волынцовымъ; а переводчикъ Милюта Нагаевъ съ товарищи отъ приставовъ освобождены. А память объ Михайлѣ Тюхинѣ въ казанской дворецъ къ боярину ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да къ діякомъ, къ Ивану Болотникову да къ Ѳеодору Оправсину, послана за приписью думново діяка Ивана Грамотина такова:

Лѣта 7129-го марта въ 21 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьякомъ, Ивану Болотникову да Федору Опраксину. По вашему боярскому приговору посланъ въ казанской дворець къ тебѣ, боярину, ко князю Ивану Михайловичю, и къ дьякомъ Михайло Тюхинъ, а велѣно ево за ево вину и за измѣну сослать въ Сибирь въ тюрьму, въ которой городъ пригоже; а корму указалъ государь давать ему по десети денегъ на день. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьякомъ, Ивану Болотникову да Федору Опраксину, Михайла Тюхина съ Москвы въ Сибирь послать тотчасъ съ приставомъ зъ добрымъ, съ кѣмъ пригоже, и велѣти ево посадить въ Сибири въ тюрьму, въ которомъ городѣ пригоже, и всего ему корму давати на день по десети денегъ. А безъ государева указу изъ тюрьмы ево выпускать и къ Москвѣ отпускать не велѣть. Думной дѣавъ Иванъ Грамотинъ.

Лѣта 7131-го марта въ 16 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьякомъ, Ивану Болотникову да Федору Опраксину, да Оеонасю Истомину, указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. сослать съ Москвы въ Сибирь Михайлову жену Тюхина къ Михайлу въ тотъ же городъ, гдѣ онъ сосланъ отъ васъ же изъ приказу; а Михайлу Тюхину велѣлъ государь быть на житьѣ въ Сибири и свою государеву службу служить съ сибирскими служилыми людьми вмѣстѣ. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьякомъ, Ивану Болотникову да Федору Опраксину, да Оеонасю Истомину, Михайлова жена Тюхина сослать въ Сибирь къ Михайлу въ тотъ же городъ, гдѣ онъ нынѣ, съ кѣмъ пригоже; а Михайлу Тюхину велѣти въ Сибири служить государева служба съ сибирскими служилыми людьми вмѣстѣ въ дѣтехъ боярскихъ; а къ Москвѣ ево безъ государева указу отпустить не велѣти.

Въ прошломъ во 129-мъ году марта въ 21 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. посланъ въ казанской дворець Михайло Тюхинъ, а велѣно его сослать въ Сибирь въ тюрьму въ которой городъ пригоже, а корму ему велѣно давати по 10 де(негъ) на день.

А въ прошломъ во 131-мъ году марта въ 16 день послана изъ посольского приказу въ казанской дворець память, а велѣно по

государеву указу сослать съ Москвы въ Сибирь Михайлову жену Тюхина къ Михайлу въ тотъ же городъ, гдѣ онъ сосланъ отъ нихъ ись приказу; а Михайлу Тюхину велѣно въ Сибири служить государева служба съ сибирскими служилыми людьми вмѣстѣ, въ дѣтехъ боярскихъ; а къ Москвѣ безъ государева указу отпускати не велѣно.

Приписка: 142-го октября въ 7 де(нь) государь пожаловалъ, велѣлъ Михайла Тюхина ись Сибири взяти къ Москвѣ и подводки дати. И по сей выпискѣ и помѣты память въ казанской дворецъ послана октября въ 9 день, а велѣно Михайла ись Сибири взяти къ Москвѣ и подводки дати. А черная память вклеена подъ дѣломъ Михайла Тюхина.

Лѣта 7142-го октября въ 9 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память боярину князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкасскому да діакомъ, Федору Панову да Ивану Переносову. Въ прошломъ во 129-мъ году марта въ 21 день посланъ въ казанской дворецъ Михайло Тюхинъ, а велѣно его сослать въ Сибирь въ тюрьму въ которой городъ пригоже. А въ прошломъ во 131-мъ году марта въ 16 день послана ись посольского приказу въ казанской же дворецъ память, а велѣно сослать съ Москвы въ Сибирь Михайлову жену Тюхина къ Михайлу въ тотъ же городъ, гдѣ онъ сосланъ ись казанского жъ приказу; а Михайлу Тюхину велѣно въ Сибири служить государева служба съ сибирскими служилыми людьми вмѣстѣ въ дѣтехъ боярскихъ, а къ Москвѣ ево безъ государева указу отпускати не велѣно. И нынѣ государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., поминая души отца своего блаженные памяти великого государя святѣйшого патріарха Филарета Никитича московского и всеа Русіи, Михайла Тюхина пожаловалъ, велѣлъ его ись Сибири взяти къ Москвѣ и подводки дати. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкасскому да діакомъ, Федору Панову да Ивану Переносову, велѣти Михайла Тюхина ись Сибири взяти къ Москвѣ и подводки ему дати.

Память послана съ толмачемъ съ Остаѣемъ Онисимовымъ того жъ дни; а помѣта о томъ съ выпискою вклеена с-ными опальными выписками подъ дѣломъ Бориса да Михайла Салтыковыхъ у Григорья у Льова.

Царю государю и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьютъ челомъ торговые люди гостинные сотни Ромашко Лукьяновъ сынъ Лукошковъ да суконной сотни Ероеейко Макаровъ. Выбраны мы въ твоей государевѣ опальной рухледи въ посольской приказъ, што, государь, продано, въ томъ и роспись дана и отпись взята; а што, государь,

достальново товару осталось, и тому, государь, письмо дано. Милосердый государь ц. и в. вн. Михайло Федоровичъ в. Р., пожалуй. государь, насъ, сиротъ своихъ, вели, государь, у насъ тое рухледь взять и отпись, государь, дать, а насъ обменить; а мы тебѣ, государю, служимъ съ Евдокѣина дни шестой годъ; а мы, государь, сироты твои сидечи, проѣлиси и одолжали, государь, великимъ долгомъ, и чтобы мы впередъ у твоей царьской службы не остались и впередъ не погибли. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

И въ прошломъ во 130-мъ году в-нюлѣ дано изъ посольского приказу цѣловальникомъ москвичемъ торговымъ людемъ Михайлу Порывкину, Роману Лукошкову, Ерофею Романову на продажу Михайловы рухледи Тюхина на 225 рублей и на 31 алтынъ зъ деньгою, а велѣно имъ тое рухледь продать.

И во 131-мъ году в-нюлѣ взято у цѣловальниковъ за Михайлову рухледь денегъ ихъ продажи 125 рублей и 28 алтынъ 2 деньги. Да у нихъ же изъ рухледи взято безъ денегъ: треодъ цвѣтная— 3 рубли съ полтиною, по государеву указу и по подписной челобитной отдана за Язу въ богадѣльню. 2 ковра, одинъ 6 рублей, другой 4 рубли, отданы на свадьбу царевичю Михайлу Кайбулину. (И все)го у цѣловальниковъ взято деньгами и рухледью на 139 рублей и на 11 алтынъ 4 де(ньги). Да въ прошломъ во 134-мъ году въ маѣ, какъ Китай горѣлъ и ряды всѣ погорѣли, и цѣловальники Романъ Лукошковъ да Ероѣй Романовъ припесли въ посольской приказъ Михайлове рухледи Тюхина, что у нихъ за пожаромъ осталось и что въ пожаръ пропало, роспись безъ цѣны. А по росписи пропало у нихъ въ пожаръ: въ коробѣ 13 рублей денегъ, 4 ширинки, дороги, изуоъ, 2 оаты, 2 зендени, поповишко. А по росписи, какова имъ дана изъ посольского приказу съ цѣною, пропало у нихъ рухледи въ пожаръ на 10 рублей и на 28 алтынъ на 2 де(ньги). Да деньгами пропало 13 рублей, и всего на 23 рубли и на 28 алтынъ на 2 де(ньги). И всего у цѣловальниковъ продано Михайловы рухледи на деньги и что у нихъ взято безъ денегъ и что въ пожаръ пропало—на 163 рубли и на 6 алтынъ на 4 де(ньги). А остался у цѣловальниковъ Михайловы рухледи послѣ пожару по ихъ же росписи: 2 платна кизылбашскихъ золотныхъ, чапракъ золотной, одворядка червчата полушарлатна, 6 луковъ кизылбашскихъ, попона турецкая, попона покронная руская, 7 хозовъ, сабля булатная безъ наконечника, 3 саоыяна попорчены, 3 саоыяна желтыхъ, 6 саоыяновъ зеленыхъ полиняли, 2 мшшины зеленыхъ, замша вишнева, 2-и сапоги, 2 ступни. Тесмы всѣ цѣны, а

сколько ихъ, того не написано. 3 ножики булатныхъ, ножъ русской да вилки, выбойка, нашивка лазорева, мишуришко, корень отъ лихоратки. А по росписи, какова имъ дана изъ посольсково приказу съ цѣною осталось у нихъ той рухледи послѣ пожару на 86 рублей и на 21 алтынъ на 2 де(нѣги).

Роспись, что осталось послѣ пожару Михайловы рухледи Тюхина:

Тесьма тканя въ крушки, шолкъ зеленъ съ серебромъ, мѣрою одиннатцати аршинъ, цена по десяти алтынъ аршинъ; тесьма тканя въ крушки, шолкъ зеленъ, по краямъ тканъ шолкъ тоусивной съ полузолотьемъ, восемь аршинъ съ четью, по гривнѣ аршинъ; тесма зелена, мѣрою четырнатцать аршинъ, цена по гривнѣ аршинъ, остатокъ тесьмы, тоусивной цвѣтъ, шесть аршинъ съ четью, цена по гривнѣ ар(шинъ); портище нашивки лазоревы (да вишне)вые, кавтанные—цена десеть алтынъ; вилки, черенъ костяной, цѣна десеть денегъ; три ножики булатные черенки х. . ные, по полтинѣ ножъ; ножъ булатной, руское дѣло, черенъ коста . . въ ножнахъ—восемь алтынъ двѣ деньги; да корицы немного, связочка мишуры; корень отъ лихоратки.
. чято полушарлато коло . . . съ серебромъ безъ завя
мышь попортила въ по(латѣ), попона турецкая ветчана, згнила въ полате—дватцать алтынъ; попона покровная руская—десеть алтынъ; лукъ мешетцкой писанъ золотомъ по зеленому левкасу—два рубли; лукъ писанъ золотомъ по зеленому левкасу—полтора рубли; лукъ писанъ по зеленой краскѣ ру. . . ; три луки оберещены кам . . . тцати по пяти алтынъ лукъ; сабля булатная, хось обьяриненъ, оправлена серебромъ безъ наконечника—семь рублей; три сабьяновъ жолтыхъ, погнили въ полатѣ, по десяти алтынъ сабьянъ; три сабьяна жолтыхъ, погнили, по пятнатцати алтынъ сабьянъ; шесть сабьяновъ зеленыхъ, погнили—по рублю по (де)сяти алтынъ. Изъ того дьячей Оле
. пожару два сабьяна зеленъ да жолтой, две мешины зеленыхъ десяти алтынъ, семъ хозовъ обьяринныхъ по дватцати по пяти алтынъ хозъ; (в)вишневая—восемь алтынъ (де)нѣги сабьянные червчеты тринацать алтынъ двѣ деньги; двои башмаки обьяринные, одни пять алтынъ, а другіе—гривпа; сапоги зеленые—тринатцать алтынъ двѣ деньги; кавтанъ кизылбашской отласенъ, а на немъ люди стоячіе и сидячіе, золотъ и розные шолки по зеленой землѣ, подложенъ киндякомъ червчотымъ—пятнатцать рублей; кавтанъ кизылбашской отласенъ, а на немъ люди конные и пѣшіе розными шолки зъ золотомъ по зеленой землѣ подложенъ дорогами двоеличными—десеть рублей; чепракъ шить по отласу червчетому золотомъ и серебромъ и шолки розными люди

По склейкамъ: Къ сей росписи Романъ Лукошковъ руку приложилъ. *На оборотъ:* Къ сей росписи Дружинка Ивановъ въ Ероѣево мѣсто Макарова по ево челобитью руку приложилъ.

Такову роспись за руками своими подали въ посольскомъ приказѣ торговые люди, которые продавали Михайлову рухлядь Тюхина, что у нихъ тоѣ рухляди послѣ пожару осталоса и что которой рухляди цена.

Да сыскано въ посольскомъ приказѣ въ Олексѣевѣ ящикѣ Шахова ослѣ его ссылки, какъ онъ по государеву указу сосланъ съ Москвы на Уржумъ, Михайловы рухляди Тюхина, его рука выписка, колько было тое Михайловы рухляди отдано изъ посольского приказы про-
давать торговымъ людямъ, и что у нихъ было продано и что у нихъ (въ п)ожаръ згорѣло, и что осталосъ послѣ пожару на лицо; а тоѣ Михайлову рухлядь до ссылки вѣдалъ онъ, Олексѣй Шаховъ.

¹⁶²¹₇₁₂₉ авг. 5—юля 7-го 1622 г. Дѣло по доношенію астраханскихъ воеводъ о терскомъ боярскомъ сынѣ Сипягинѣ, и о высылкѣ подѣ стражею въ Москву по причинѣ сношенія его съ братомъ, бывшимъ въ Персіи и обесурманившемся. На 21 листѣ.

Государю ц. и в. кн всеа Русіи холоп Изманловъ В государь, въ 129-мъ холопи твои къ тебѣ Михайлу Ѳедоровичю в. Р. съ станишникомъ съ астраханскимъ сотникомъ стрелетцкимъ зъ Дмитреемъ Горожанкинымъ, что по твоему государеву указу велено намъ, холопомъ твоимъ, прислать къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ, съ нарочнымъ приставомъ, терского сына боярского Серегу Сипягина. И мы, холопи твои, того Серегу къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ подемъ въ станицѣ не послали для того, что подемъ убережъ ево не мочно, а велѣли ево до весны держать за приставы съ великимъ береженьемъ и спускать ево ни съ кѣмъ не велѣли; а на веснѣ ево пришлемъ мы, холопи твои, къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ съ нарочнымъ приставомъ водянымъ путемъ. И мы, холопи твои, тово Серегу Сипягина изъ Астарахани къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ отпустили маія въ 18 день съ астраханцомъ сыномъ боярскимъ, съ Микиѳоромъ Порѣцкимъ водянымъ путемъ, давъ ему стругъ и кормщика, и гребцовъ; а велѣли, государь, Микиѳору Серегу Сипягина, ѣдучи до Москвы, беречи накрепко, а на Москвѣ велѣли ему съ нимъ явиться въ посольскомъ приказѣ твоимъ госу-

даревымъ діавомъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Романчукову.

На адресъ: 129-го августа въ 5 де(нь) съ астороханцомъ съ Миквѣоромъ Порѣтцѣимъ.

А на Москвѣ въ роспросѣ Сергѣй Сипягинъ сказалъ: родомъ онъ ростовець Савинъ сынъ Сипягина; а отецъ ево служилъ съ городомъ съ Ростова. И какъ учало быти при царѣ Борисѣ лихолѣтьѣ, и онъ почалъ прихаживать отъ бѣдности у головы стрелетцкаго у Смирново Маматова и зъ братомъ своимъ роднымъ съ Онкейкомъ, а прозвищемъ Заматенкою. А какъ при царѣ же Борисѣ посланъ былъ Смирной Маматовъ на государеву службу въ Шевкалы съ окольниковымъ с-Иваномъ Михайловичемъ Бутурлинымъ съ товарищи, и онѣ оба брата были на той службѣ съ Смирнымъ же. И какъ турскіе и кумытцкіе люди приходили къ Таркамъ на государевы люди и государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей побили и въ полонъ поимали, и городъ Тарки взяли, и въ тѣ поры брата ево родново Замятенку Сипягина взяли въ полонъ турскіе люди, а онъ, Серешка, отшелъ на Терекъ вмѣсте съ окольниковымъ съ Петромъ съ Петровичемъ Головиннымъ и съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста служить государеву службу съ Терского города. А про брата своего про Замятенку провѣдалъ онъ отъ выходцовъ, которые вышли изъ Кизылбашъ, отъ Оонася Благово: какъ де шахъ Аббасъ взялъ у турского городъ Шемаху, а ихъ взялъ въ Шемахѣ же, а онѣ де сидѣли въ тюрьмѣ. И шахъ де русскихъ людей князя Володимера Бахтеярова, Оонася Благово, Семена Чюркина, Тимоѣя Совина и иныхъ многихъ русскихъ людей отпустилъ изъ Шемахи на Русь; а про брата ево сказалъ ему Оонасей Благой, что брата ево оставилъ шахъ у себя, а на Русь ево не отпустилъ, и съ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста братъ ево въ Кизылбашехъ. И какъ былъ на Терѣ окольниковей Петръ Петровичъ Головинъ, и онъ, доложя ево, писалъ въ Кизылбашу къ брату своему зъ Григорьемъ Шахматовымъ грамотку, чтобъ помня православную хрестыянскую вѣру, обратился на истину и ѣхалъ изъ Кизылбашъ къ государю. И какъ Григорей пріѣхалъ отъ шаха назадъ, и онъ ему сказалъ, что братъ ево служить шаху и грамотку ему ево онъ отдалъ, а отъ него ему грамотки не привезъ, а словомъ ему сказалъ, что де брату ево ѣхать отъ шаха невозможно: шахъ ево отъ себя не отпустить. А послѣ того, какъ шли къ шаху государевы послы, князь Михайло Борятинской съ товарищи, и онъ, Сергѣй, писалъ къ брату своему съ астороханскимъ стрельцомъ съ Кузьмою съ Сухоруковымъ грамотку о обращеньѣ жъ, что онъ попомнилъ православную хрестыянскую вѣру и государево крестное

целованье, ѣхалъ къ государю. И стрелець назадъ пріѣхалъ зъ государевыми жъ послы вмѣстѣ, а грамотки къ нему отъ брата не привезъ, а сказалъ, что онъ грамотку ево послалъ къ брату ево с-ыннымъ съ терскимъ стрельцомъ, а самъ ево не видалъ. А въ томъ онъ передъ государемъ виновать, что послѣднюю грамотку писалъ, не сказавъ воеводамъ. А послѣ того онъ ни о чемъ къ брату своему не писалъ и къ нему отъ брата ево грамотка никакова не бывала, и словомъ къ нему братъ ево ни съ кѣмъ ни о чемъ не приказывалъ, только онъ про брата своего и услышитъ отъ пріѣзжихъ, что онъ живъ. А грамотки отъ него къ брату ево писалъ подъячей астороханской Гарасимко, а чей словеть, того не упомянуть. А черныхъ грамотокъ у него нѣтъ, а самъ онъ грамотѣ не умѣетъ.

И выписано въ докладъ:

Терсково города сынъ боярской Сергѣй Сипягинъ по государевѣ грамотѣ присланъ изъ Асторохани съ приставомъ для того, что онъ ссылался въ Кизылбаши зъ братомъ своимъ роднымъ зъ Замятенкою Сипягинымъ грамотками; а братъ его бусурманился и живеть у шаха въ толмачѣхъ

А Сергѣй Сипягинъ на Москвѣ въ роспросѣ сказалъ, что онъ сперва при окольничемъ Петрѣ Петровичѣ Головинѣ писалъ въ Кизылбаши къ брату своему къ Замятенкѣ грамотку о обращенѣ къ православной хрестыанской вѣрѣ и къ государю, доложя Петра Головина, зъ Григорьемъ Шахматовымъ, а другую де грамотку писалъ къ брату жъ своему грамотку о обращенѣ жъ съ астороханскимъ стрельцомъ въ тѣ поры, какъ шли въ Кизылбаши князь Михайло Борятинской съ товарищи, и въ томъ онъ передъ государемъ виновать, что ту послѣднюю грамотку писалъ, не сказавъ воеводамъ; а отъ брата къ нему грамотки никакіе николи не бывало и словомъ къ нему братъ ево ни о чемъ не приказывалъ, только онъ про брата своего и слышитъ отъ пріѣзжихъ, что онъ живъ.

И 129-го же августа въ 15 де(нь) на празникъ Успенія Пречистые Богородицы государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. Серешку Сипягина пожаловалъ, опалу свою ему отдалъ и отъ пристава свободить велѣлъ. А указалъ государь ево сослать и зъ женою на житье въ Великій Новгородъ и свою государеву службу велѣлъ ему служить изъ Великого Новгорода, и испомѣститъ ево велѣлъ съ новгородскими помѣщиками вмѣстѣ. А покамѣста его испомѣстятъ, и ему и зъ женою велѣлъ государь давати кормъ, какъ имъ мочно сымъ быти.

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой терского города сынчишко боярской Серешка Сипягинъ. Служилъ я, холопъ твой, тебѣ государю всякіе твои государевы службы городовые и отсылочные съ терского города семнадцать лѣтъ, и въ прошломъ, государь, во 128-мъ году по твоему государеву указу взять я, холопъ твой, съ Терка с-ыльина дни и посланъ къ Москвѣ за приставомъ къ тебѣ, государю, по своей винѣ, я вина моя страдничья тебѣ, государю, извѣстна, что здѣлалось мнѣ свой простотою по моимъ грехомъ. И страдалъ я грехомъ своимъ до Москвы и на Москвѣ за приставомъ сто двадцать девятого году по Успеневъ день Пресветѣй Богородицы, и милость твоя царская взыскалася надо мною, холопомъ твоимъ, пожаловалъ ты, государь, меня, холопа своего: велено меня отъ пристава освободить на Успеневъ день и велено мнѣ, холопу твоему, служить твою царскую службу с-ыново города, а не съ Терка и велено мнѣ быть на Москвѣ до твоего царского указу. И я, бѣдной, на Москвѣ скитаюся межъ дворъ и умираю голодною смертию безъ твоего царского жалованья безъ корму; а твоимъ царскимъ денежнымъ жалованьемъ и хлебнымъ у тебя, государя, не пожалованъ на нынешней сто тридцатой годъ и на прошлой сто двадцать девятой; а окладъ мнѣ, холопу твоему, твоего государева жалованья въ казанскомъ дворцѣ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., пожалуй меня, холопа своего, чѣмъ бы мнѣ, холопу твоему, прокормится, какъ тебѣ, государю, Богъ извѣститъ, чтобы мнѣ, бѣдному, до твоей государевы службы голодною смертию не умереть и впредь бы твоей царскіе службы не отстать. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Помѣта: Указалъ государь его поверстати и кормецъ ему дати почему доведетца, доложя себя, государя.

Другая помѣта тутъ же: поднести дѣло.

А въ памяти изъ казансково дворца написано:

Лѣта 7130-го ноября въ 5 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчукову, въ приказъ казанского дворца къ боярину ко князю Ивану Михайловичю Воротынскому да къ дьякомъ, къ Ивану Болотникову да къ Ѳедору Оправсину. Въ памяти за твоею, Савиною, приписью написано: велѣти бѣ отписати къ вамъ въ посольской приказъ: какъ служилъ государю изъ терского города Сергѣй Сипягинъ, и ему что было на Теркѣ государева годового денежного и хлѣбного жалованья и помѣснымъ окладомъ онъ верстанъ ли? и будетъ верстанъ,

и что ему помѣсной окладъ? И въ привазѣ казанскаго дворца по терскимъ по окладнымъ книгамъ 128-го году терскому сыну боярскому Сергѣю Сипягину государева годового жалованья написано: денегъ четырнатцать рублевъ да хлѣба четырнатцать чети ржи, овса тожъ. Да ему жъ придано на Москвѣ за царскую за вольскую службу 128-го году за убитого мужика, за другаго раненова денегъ два рубли да хлѣба противъ денегъ. И всего ему окладъ и съ придачами шестнатцать рублевъ да хлѣба шестнатцать чети ржи, овса тожъ. А помѣсного окладу Сергѣю въ окладныхъ книгахъ не написано, потому что терскихъ детей боярскихъ помѣсными оклады не верстають и помѣстей за ними не живетъ, а дають имъ въ помѣстья мѣсто годовое жалованье деньги да хлѣбъ.

Подпись: Діакъ Ѳедоръ Опраксинъ.

По склейкамъ скрѣпа: Ду|мнои| ді|акъ| Иванъ| Гра|мо|ти|нъ.
Справилъ Иванъ Кочерницинъ.

И государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ Сергѣй Сипягинъ, чтобъ ево государь пожаловалъ, велѣлъ ево своимъ государевымъ жалованьемъ помѣстнымъ окладомъ и денгами поверстать, а покамѣста ево въ Новѣгородѣ испомѣстятъ, и его бѣ государь пожаловалъ, велѣлъ ему зъ женою и зъ детьми давать кормъ, какъ государю (Богъ) извѣститъ.

Приписка: 130-го сентября въ 10 де(нь) государь пожаловалъ, велѣлъ ево послать въ Новгородъ на житье и служити съ новгородцы и испомѣститъ велѣтъ изъ лишковъ и изъ выморковъ, не изволоча, а покамѣста испомѣстятъ, велѣтъ до тѣхъ мѣсть давать корму на день по десяти денегъ; а окладъ ему учиненъ 250 чети, денегъ зъ городомъ 14 рублевъ.

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳодоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой бѣдной терскова города сынчишко боярской Серешка Сипягинъ. Велѣно мнѣ, холопу твоему, по твоему государеву указу твоя государева служба служить съ Великова Новгорода и велѣлъ мнѣ, холопу своему, свой царьской кормъ давать, покамѣста по твоему государеву указу помѣсная дача будетъ. И мнѣ, холопу твоему, дано твоего государева жалованья корму дано на два мѣсеца по первое число декабря, и съ тѣхъ мѣсть грѣхомъ своимъ занемогъ, съ того числа твоего государева жалованья корму не дано третей мѣсяць, и я, холопъ твой, умираю, между дворъ бродя, голодною смертью; а годовымъ твоимъ государевымъ жалованьемъ не пожалованъ другой годъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., пожалуй

меня, холопа своего своимъ царскимъ жалованьемъ на тѣ прошлые дни кормомъ, какъ тебѣ, государю, Богъ известить, чтобы мнѣ, бѣдному, голодною смертію не умереть, волокучися къ Великому Новгороду и впередъ твоей царской службы не отбыть. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

Царю государю и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой терсково города бѣдной сынчишко боярской Серешка Сипягинъ. По твоему государеву указу велѣно мнѣ, холопу твоему, служить твоя царская служба съ Великого Новгорода и посылаютъ меня, холопа твоего, въ Великій Новгородъ, а женишка моя и детишка на Теркѣ помираютъ голодною смертію, а промыслити ими нѣкому. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., пожалуй меня, холопа своего бѣднаго, вели, государь, женишко мое съ детишками саму четверту и съ рухледешкомъ съ Терка прислать къ Москвѣ съ моимъ съ своякомъ съ Архипомъ съ Микнѣоровымъ съ терскимъ толмачемъ, и вели, государь, женишку моему и съ детишки свояку моему Архипу дать своего царского жалованья корму и подводокъ, на чомъ бы ихъ бѣдныхъ доволочъ до Москвы и голодною бѣ смертію не помереть, какъ тебѣ, государю, Богъ известить. И вели, государь, дать свою государеву грамоту на Терекъ къ своимъ государевымъ воеводамъ о томъ Архипѣ объ отпускѣ, чтобъ свояка моего по твоему государеву указу съ Терка отпустили съ твоимъ государевымъ дѣломъ къ тебѣ, государю, къ Москвѣ о се лѣто въ карованѣ, чтобъ намъ въ розни съ женишкомъ и съ детишки волочась, въ конецъ не погнута и твоей бы царской службы мнѣ, холопу твоему, впередъ не отбыть. А до ково, государь, будетъ свояку моему Архипу и женишкѣ моей на Теркѣ дело обиде, вели, государь, давать свой царской судъ и управу. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотъ: Дать грамота, велѣтъ съ нимъ прислать и подводки велѣтъ дать.

Лѣта 7130-го еевраля въ „ “ де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память Ивану Михайловичю Пушкину да дьякомъ, Семену Головину да Богдану Поздѣеву. Билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. терского города сынъ боярской Сергѣй Сипягинъ. По государеву указу велено ему государева служба служить изъ Великово Новгорода и исполнѣть велѣно въ Новѣгородѣ, а покамѣста его исполнѣстятъ, и ему де велено давать государева жалованья поденново корму по десети денегъ на день, и ему де дано здѣся на Москвѣ государева жалованья поденново корму только

на два мѣсяца, на октябрь да на ноябрь, а после де того онъ занемогъ и по ся мѣста лежалъ боленъ; а корму де ему не даывано третей мѣсяцъ. А нынѣ посылають его съ Москвы въ Новгородъ и ему де ныне на Москвѣ и ѣдучи дорогою ѣсти вѣчего, помираеть голодною смертью, и государь бы его пожаловалъ, велѣлъ ему свое государево жалованье кормъ на прошлые мѣсяцы дать. И по государеву ц. и. в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу Ивану Михайловичю Пушкину да дьякомъ Семену Головину да Богдану Поздѣеву велѣти Сергѣю Сипягину государево жалованье поденной кормъ на прошлые мѣсяцы на декабрь да на генварь и февря по 17 число дать по десети денегъ на день: то ему въ дорогу и до Великого Новагорода.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Великій Новгородъ боярину нашему и воеводамъ, князю Данилу Ивановичю Мезецкому да дьякомъ, Михайлу Милославскому да Добрынь Семенову. По нашему указу посланъ къ вамъ въ Новгородъ съ толмачомъ съ Мочакомъ Бучюмовымъ терсково города сынъ боярской Сергѣй Сипягинъ, а велено ему наша служба служить изъ Великого Новагорода въ детяхъ боярскими и въ служилой списокъ указали есмя ево написать нашимъ жалованьемъ помѣстнымъ и испомѣтитъ его велѣли въ ноугородскихъ пятинахъ изъ лишнихъ и изъ выморочныхъ земель, гдѣ прищеть; а покамѣста его испомѣстятъ, и мы до тѣхъ мѣсть указали ему давать поденной денежной кормъ по десети денегъ на день. А нашимъ жалованьемъ помѣстнымъ и денежнымъ овладомъ Сергѣй Сипягинъ поверстанъ на Москвѣ, а учиненъ ему помѣстной окладъ двѣсти пятьдесятъ чети, денегъ зъ городомъ четырнатцать рублевъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а Мочакъ Бучюмовъ съ Сергѣемъ Сипягинимъ къ вамъ въ Новгородъ приѣдетъ, и вы бѣ Сергѣю Сипягину велѣли быти въ Новгородѣ и нашу службу велѣли ему служить изъ Великого Новагорода съ пятинами вмѣстѣ, и въ служилой списокъ велѣли ево написать и испомѣтитъ ево велѣли въ ноугородскихъ пятинахъ изъ лишнихъ и изъ выморочныхъ земель, гдѣ прищеть, не изволочась; а покамѣста ево испомѣстятъ, и вы бѣ велѣли ему давать нашего жалованья поденново денежново корму по десети денегъ на день. А которово числа Мочакъ Бучюмовъ съ Сергѣемъ къ вамъ въ Новгородъ приѣдетъ и вамъ ево отдасть, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ съ нимъ же, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ дьякомъ нашимъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7130-го марта въ 7 де(нь).

Лѣта 7130-го марта въ 10 де(нь) по государеву ц. и. в. кн.

Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьякомъ, Ивану Волотникову да Федору Опраксину. Билъ челомъ государю терсково города сынъ боярской Сергѣй Сипягинъ: по государеву указу велено ему служить государева служба изъ Великого Новагорода и въ Новгородъ онъ посланъ; а жена де его и дѣти (*и проч.*). И государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. Сергѣя Сипягина пожаловалъ, жену и дѣтей велѣлъ съ Терки отпустить къ Москвѣ и подводки и кормъ въ дорогу, чѣмъ имъ сытимъ быть, велѣлъ государь дати. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьякомъ, Ивану Болотникову да Федору Опраксину, послать имъ на Терекъ къ воеводамъ государева грамота, а велѣтъ Сергѣеву жену Сипягина отпустить къ государю къ Москвѣ съ своякомъ съ Сергѣевымъ, съ терскимъ толмачомъ съ Архипомъ Микиѳоровымъ, и подводки имъ, на чемъ мочно поднятца, а водянымъ путемъ судно и гребцовъ, противъ подводъ, велѣти дати, и кормецъ ей и дѣтемъ еѣ въ дорогу отъ Терки до Москвы велѣтъ дати, какъ пригоже, не отъ велика, чтобъ съ голоду не померли. А съ вѣмъ еѣ къ Москвѣ пришлютъ, и тому съ Сергѣевою женою и зъ детьми велѣти явитись въ посольскомъ приказѣ дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Романчукову. А будетъ на Теркѣ воеводамъ учнетъ на кого Сергѣева жена битъ челомъ о долгѣхъ, и они бѣ ей на тѣхъ людей давали судъ и по суду своему и по сыску чинили ей указъ безволочно, и отпустили бѣ есте ее къ намъ къ Москвѣ, не издержавъ.

Лѣта 7130-го іюля въ 7 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Романчукову. Билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. Сергѣй Савинъ сынъ Сипягинъ: въ нынешнемъ де во 130-мъ году въ великой постъ по государеву указу велено ему государева служба служить изъ Великого Новагорода и испомѣститъ въ Великомъ Новѣгородѣ, и государева де грамота ему о томъ въ Великій Новгородъ изъ посольского приказу дана. И по той де государеве грамотѣ онъ испомѣщенъ въ Ноугородцкомъ уѣздѣ, въ Бежетцкой пятинѣ, въ Удоменской волости. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу дьякомъ, думному Ивану Грамотину да Саве Романчукову, велѣти имъ выписати изъ отпуску, какъ велено Сергѣю Сипягину изъ Великого Новагорода государева служба служить и испомѣститъ ево въ Великомъ Новѣгородѣ велено-ль? и будетъ велено и на сколько чети, и что ему помѣстной окладъ, и по чьему вер-

станью? да та выпишь прислати въ помѣсной приказъ къ боярину ко князю Ондрѣю Васильевичю Ситцкому да къ Якову Михайловичю Боборыкину, да къ дьякомъ, къ Ондрѣю Варѣеву да къ Ивану Грязеву. *Подпись:* Діакъ Ондрѣй Варѣевъ.

На оборотъ: Отписать.

Лѣта 7130-го іюля въ „ “ день по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Ондрѣю Васильевичю Ситцкому да Якову Михайловичю Бобарыкину, да дьякомъ, Ондрѣю Варѣеву да Ивану Грязеву, въ посольской приказъ къ дьякомъ, къ думному къ Ивану Грамотину да къ Саве Раманчикову. Въ памяти за твоею, Ондрѣевою, приписью написано: билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. Сергѣй Савинъ сынъ Сипягинъ. Въ нынешнемъ де во 130-мъ году въ великой ностъ по государеву указу велено ему государева служба служить изъ Великого Новагорода и испомѣститъ въ Великомъ Новѣгородѣ, и государева де грамота ему о томъ въ Великій Новгородъ изъ посольского приказу дана, и по той де государевѣ грамотѣ онъ испомѣщенъ въ ноугородцкомъ уѣздѣ въ бѣжетцкой пятинѣ въ Удомской волости, и въ посольскомъ бы приказѣ велѣти выписать изъ отпуску, какъ велѣно Сергѣю Сипягину изъ Великого Новагорода государева служба служить и испомѣститъ ево въ Великомъ Новгородѣ велено-ль? и будетъ велено, и на колько чети и что ему помѣсной окладъ, и по чьему верстанъ? да та выпишь велено прислати къ вамъ въ помѣсной приказъ. И выписано въ посольскомъ приказѣ: въ нынешнемъ во 130-мъ году сентября въ 1 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу велено терского города сыну боярскому Сергѣю Сипягину служить государева служба изъ Великого Новагорода съ пятиною вмѣстѣ и помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ поверстанъ онъ въ посольскомъ приказѣ, а учиненъ ему помѣсной окладъ двѣсти пятьдесятъ чети денегъ зъ городомъ четырнатцать рублевъ. Помѣта думново діака Ивана Грамотина. И отпущенъ Сергѣй въ Великій Новгородъ изъ посольского приказу въ нынешнемъ же во 130-мъ году марта въ 7 де(нь), и государева грамота объ немъ въ Великій Новгородъ къ боярину и воеводѣ ко князю Данилу Ивановичю Мезетцкому съ товарищи послана, а велено Сергѣя Сипягина написать въ Новѣгородѣ въ служивой списокъ и испомѣститъ ево велѣно въ ноугородцкихъ пятинахъ изъ лишнихъ и изъ выморочныхъ земель, гдѣ прищеть, не изволючась, а покажѣста ево испомѣстятъ, и ему велено въ Новегороде давать государева жалованья поденной денежной кормъ

по десяти денег на день. А дано-ль ему въ Новѣгородѣ государево жалованье помѣстье, или не дано, и о томъ изъ Новагорода къ государю въ посольской приказъ по ся мѣста не писывали.

1619 маія 29. Отписка терскаго воеводы Никиты Вельяминова о разглашеніи нѣкоторыми персидскими тезиками, будто король польской завладѣлъ Россійскимъ государствомъ. Отпускъ государственой грамоты о прекращеніи таковыхъ слуховъ. На 7 листахъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой, Микитка Вельяминовъ, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 127-мъ году маія въ 29 день извѣщаль тебѣ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. толмачъ Ермошка Григорьевъ сынъ Цывиленинъ, а сказалъ, что сказываль де, государь, ему, Ермошеѣ, кизылбашсково Обазъ шаховы области пріѣзжей тезикъ Асанъ Алей, которой пріѣхаль изъ Кизылбашъ, на тезиковъ же, на Алѣя да на Шихъ Назара, буттося де, государь, тѣ тезики, Алѣй и Шихъ Назаръ, говорили ему, Асанъ Алѣю, про тебя, государя, буттося литовской король завладѣлъ твоею государевою землею всею. И я, холопъ твой, посылаль сына боярсково Ивана Кондратьева да толмача и велѣль ево, тезика Асанъ Алѣя, поставити передъ собою съ толмачомъ, съ Ермошкою Григорьевымъ съ очи на очи и ево розпрашиваль. И тезикъ, государь, Асанъ Алѣй съ толмачомъ съ Ермошкою съ очи на очи сказалъ: какъ де я, холопъ твой, отпустилъ въ Кизылбашу къ твоимъ государевымъ посломъ сына боярсково Первова Лукина, а съ нимъ, государь, я, холопъ твой, писалъ, что прислана ко мнѣ, холопу твоему, твоя государева грамота, что Божією милостію и твоимъ государевымъ счастьемъ подъ Москвою и во многихъ мѣстехъ польскихъ и литовскихъ людей побили, и миръ у тебя, государя, съ королемъ учинился на четырнатцать лѣтъ. И тезикъ де, государь, Шихъ Назаръ, такое слово говорилъ, отъ ково де посылають въ Кизылбашу—тебя де, государя, на Московскомъ государствѣ нѣтъ; а у тезика де, у Алѣя, онъ, Асанъ Алѣй, такова слова не слыхаль. И я, холопъ твой, велѣль тезика Шихъ Назара поставити передъ собою и его, Шихъ Назара, розпрашиваль съ тѣмъ съ Онолѣемъ съ очи на очи, и тезикъ Шихъ Назаръ ко мнѣ, холопу твоему, сказалъ, что онъ такова слова ни у ково не слыхаль и тезику Асанъ Алѣю не говариваль. А тезикъ Асанъ Алѣй съ нимъ, съ Шихъ Назаромъ, на очной ставкѣ сказалъ, что подлинно де онъ у него, у Шихъ Назара, такое слово про тебя, государя,

слышалъ. И я, холопъ твой, тѣмъ тезикомъ говорилъ, чтобы онѣ такова слова впередъ не вмѣняли: ты, великій государь, на Московскомъ государствѣ, далъ Богъ, здравъ и многолѣтенъ и съ польскимъ и съ литовскимъ королемъ въ мирномъ постановленіи, сами онѣ, тезики, то вѣдаютъ, какъ за тебя, государя, Бога молили и пушечную стрельбу слышали, какъ стрѣляли на радости. И тѣхъ тезиковъ, Асанъ Алѣя и Шихъ Назарка, безъ твоего государева указу пытать и за пристава ихъ дати не смѣлъ, потому что въ твоей государевѣ ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. грамотѣ за приписью твоего государева дьяка Петра Третьякова писано ко мнѣ, холопу твоему, а велено, государь, мнѣ, холопу твоему, отъ шахова величества во всемъ оберегаться, чтобы твоего царского величества съ шахъ Аббасовымъ величествомъ ни въ чемъ не ссорити и межъ вами, великими государями, братцкіе любви не нарушити. Да и въ прежнихъ, государь, государевыхъ указахъ на Теркѣ о такихъ дѣлахъ указу нѣтъ же, и впередъ, государь, о такихъ о великихъ твоихъ государевыхъ дѣлахъ мнѣ, холопу своему, какъ указешь?

На оборотъ: Чтена. Отписать: то учинилъ добро, а впередъ будетъ такіе объявца въ воровствѣ, и имъ воровство ихъ вычетчи при ихъ товарищехъ, выслати вонъ съ Терки и впередъ пріѣзжать не велѣтъ и къ державцомъ писати, что высланы за воровство; а товарищемъ ихъ велѣти торговати по прежнему.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. на Терекъ воеводѣ нашему Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову. Писалъ еси къ намъ про кизылбашского торгового пріѣзжево тезика, про Шихъ Назара, что извѣщалъ тебѣ на него толмачъ Ермошка Григорьевъ Цывленинъ, что онъ говорилъ про насъ и про наше Московское государство непригожее слово, и ты про то сыскивалъ и кизылбашенину про то выговорилъ, что онъ то дѣлаетъ негораздо и впередъ бы онъ такъ не дѣлалъ; а пытать и за пристава дати его безъ нашего указу не смѣлъ. И ты то учинилъ добро, что кизылбашскому тезику про ево воровство выговорилъ; а только впередъ въ такомъ воровствѣ иные кизылбашскіе тезики объявца, и ты бѣ имъ про то выговаривалъ и обличалъ при ихъ товарищехъ, что они то дѣлаютъ негораздо, и имъ у васъ на Теркѣ за такое воровство и за смутные слова на Теркѣ быти не пригоже. А выговоря бѣ есте имъ и облича ихъ, выслали такихъ воровъ съ Терки вонъ и впередъ имъ на Терекъ пріѣзжать не велѣли, и къ державцомъ бы еси въ шаховы украинные города объ нихъ отписалъ, что ты ихъ съ Терекъ выслалъ и впередъ на Терекъ

пріѣзжать имъ не велѣлъ за то, что они, будучи на Теркѣ, воруютъ: вмѣщаютъ про насъ, великого государя, и про наше государство многіе непригожіе слова на смуту, и имъ на Теркѣ быти и впередъ къ вамъ пріѣзжать не пригоже, и они бѣ надъ ними за такое ихъ воровство чинили навазанье, и инымъ про то заказывали накрѣпко, чтобъ ихъ смутныхъ бездѣльныхъ словъ межъ насъ, великого государя, и государя ихъ, шахъ Аббасова величества, и межъ нашихъ обоихъ великихъ государствъ ссоры никакіе не учинилось. А въ которыхъ тезикахъ никакова воровства не объявитца, и вы бѣ имъ велѣли на Теркѣ быти и товары всякими торговати по прежнему, и обидѣ имъ и бесчестья никакова не чинили.

1619 іюля 14. Распросныя рѣчи гилянца тезика Асана Максютова, присланнаго изъ Персіи отъ государевыхъ пословъ Ивана Чичерина и дьяка Михайла Тюхина съ отписками, коихъ здѣсь нѣтъ. На 13 листахъ.

127-го іюля въ 14 день пришелъ въ посольской приказъ Кизылбашскіе земли торговой человекъ тезикъ Осанъ Максутовъ и подалъ діакомъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Рамачюкову, отъ государевыхъ пословъ, которые посланы въ Кизылбашу къ шаху, отъ Ивана Чичѣрина да отъ діака отъ Михайла Тюхина ко государю отписку да другую отписку ко государю жъ изъ Астарахани отъ воеводъ.

А въ роспросѣ сказался Осанъ — торговой человекъ жилецъ Гиланской земли, и въ нынѣшнемъ де во 127-мъ году въ великой мясоѣдъ до масленого заговенія за двѣ недѣли пріѣзжалъ онъ съ торгомъ своимъ въ Кизылбашской же земли въ городъ въ Козбинъ, а въ тѣ де поры были въ томъ городѣ Козбинѣ государевы послы Иванъ Чичѣринъ да діакъ Михайло Тюхинъ и, провѣдавъ про него, Осана, велѣли ему быти у себя тайно и говорили ему, чтобъ ему государю послужить, затѣявъ буттося ѣхать изъ Кизылбашъ въ Астараханъ съ торгомъ и отвести ко государю къ Москвѣ отъ нихъ о его государевыхъ дѣлехъ отписку, а имъ де съ тою отпискою ко государю безъ шахова вѣдома послати не смѣтъ, потому что шаха де въ томъ городѣ въ тѣ поры не было. И онъ де, Осанъ, хотя государю служить, отписку у Ивана Чичѣрина да у діака у Михайла взялъ и поѣхалъ изъ Кизылбашъ въ тѣ жъ де поры въ Астараханъ буттося съ торгомъ, а взялъ съ собою для признаки товару немного, и ѣхалъ до Терки степью, а съ Терки въ Астараханъ водою, и пріѣхалъ въ Астараханъ

послѣ велица дни три недѣли спустя, и изъ Астарахани де воеводы, князь Ондрѣй Хованской съ товарищи, отпустили его ко государю къ Москвѣ съ проѣзжею станицею съ Спиридономъ Брюшковымъ съ товарищи. А какъ его изъ Астарахани къ Москвѣ отпустили, и тому де нынѣ идетъ семая недѣля.

Да приказывалъ де съ нимъ ко государю Иванъ Чичѣринъ, отпускаючи, рѣчью, что они, пріѣхавъ въ Кизылбаши, князь Михайло Борятинской и онъ, Иванъ, и дьякъ Михайло, были у шаха на посольствѣ въ городѣ въ Козбинѣ вмѣстѣ съ индѣйскимъ посломъ; а о которое время они были на посольствѣ у шаха, и какъ у нихъ на посольствѣ и послѣ посольства государево дѣло дѣлалось, и то де онъ, Иванъ Чичѣринъ, и дьякъ Михайло, писали ко государю подлинно въ своей отпискѣ, которую послали съ нимъ; а князя Михайла де Борятинского въ животѣ не стало въ Козбинѣ жъ послѣ того, какъ они были на посольствѣ у шаха; а отпуску де они себѣ отъ шаха чаютъ вскорѣ со всѣмъ зъ добрымъ дѣломъ исъ Козбина жъ, какъ шахъ пріѣдетъ въ Казбинъ. А поѣхалъ де шахъ исъ Козбина не на долгое время на побыванье въ свой же городъ въ новопоставленной въ Фарабатъ, отъ Козбина ходу зъ десять день.

А къ Москвѣ де онъ, Осанъ, сказалъ, съ станицею пріѣхалъ іюня въ 13 день въ вечеру и того де дни въ городъ ихъ не пустили; а сево де дни іюля въ 14 день съ утра взяли его изъ загорожья казанского дворца приставы и привели въ казанской дворець, и въ казанскомъ де дворцѣ дьякъ Федоръ Опраксинъ спрашивалъ его объ государевыхъ посольскихъ отпискахъ и о посыльныхъ грамоткахъ, и онъ де, Осанъ, сказалъ, что есть съ нимъ отписка ко государю, послана исъ Кизылбашъ отъ государевыхъ пословъ, отъ Ивана Чичѣрина да отъ дѣака отъ Михайла Тюхина, и тое онъ отписку отдастъ въ посольскомъ приказѣ. Да съ нимъ же есть двѣ посыльныхъ грамотка, одна грамотка писана отъ Ивана Чичѣрина къ Федору Толочанову, а другая отъ дѣака отъ Михайла отъ Тюхина къ думному дѣаку къ Сыдавному Васильеву. И Федоръ де тѣ грамотки у него, Осана, взялъ себѣ, а его отослалъ въ посольской приказъ.

А вестей Осанъ сказалъ: приходили де въ нынѣшнемъ во 127-мъ году по осени на Кизылбаши крымской царь, дѣ отъ турецкого царя паши, большой былъ паша именемъ Халиль, а иные паши были съ нимъ посланы въ товарищехъ, а ратныхъ де людей было съ крымскимъ царемъ и съ турецкого царя пашами съ чотыреста тысячь. И кизылбашской де, умысля, буттоя бояся ихъ, велѣлъ исъ порубежного своего

города и съ Тевриза людемъ своимъ всякимъ вытти вонъ и покинуть его впусе. И крымской де царь и турецкіе паши, обнадежася, пришли въ Тевризь и и съ Тевриза пошли къ Ардивилу, а ходу де межъ Тевриза и Ардивила пять день. И какъ де они будутъ отъ Ардивила за два дни, и шахъ де въ тѣ мѣста послалъ изъ Ардивила отъ себя людей своихъ. И спедчися, шаховы люди, съ крымскими и съ турецкими людьми билися, и бой де былъ межъ ихъ великъ, и крымскихъ де и турецкихъ людей побили многихъ и царя самого ранили; а ближнихъ царевыхъ людей Мурза бекъ агу да Черного князя и иныхъ многихъ взяли живыхъ, да турецкого царя пашей большихъ взяли двенатцать человекъ живыхъ же. И нынѣ они всѣ по его, Осановъ, поѣздъ и съ Казбина у шаха живы, а ходятъ за приставы; а у Мурза бекъ де аги на шеѣ чепь серебряна. А ратныхъ де людей на томъ бою шаховы люди побили крымскихъ 15.000, а турецкихъ 25.000. И съ того де бою крымской царь и турецкого царя паши, которые остались, зъ достальными людьми пошли и съ Кизылбашъ назадъ, и Тевризь покиня.

А посланы де были отъ шаха съ его ратными людьми въ начальникехъ противъ крымского царя и турецкихъ людей Карчага ханъ да крымской Шанъ Гирѣй царевичъ, а приказъ де былъ отъ шаха о взятыхъ людехъ, которыхъ имали на бою, о турецкихъ—Карчагъ хану, а о крымскихъ—Шанъ Гирѣю царевичю, и въ крымскихъ людехъ въ казнѣ и въ отпускѣ воленъ былъ Шанъ Гирѣй царевичъ, а Карчага ханъ въ нихъ по шахову велѣнью не вступался. А Шанъ Гирѣй по шахову жъ велѣнью не вступался въ турецкихъ людей. И нынѣ де Шанъ Гирѣй царевичъ посланъ отъ шаха въ Карабудацкую землю и живетъ въ Карабудацкой землѣ, и многіе де къ нему нынѣ на его имя приходятъ и съ Крыму ратные люди, и онъ ихъ отъ себя отсылаетъ къ шаху. А какъ де крымской царь и турецкого царя паши зъ достальными людьми съ того бою и съ шаховы земли вышли, и турецкой де царь присылалъ ко государю ихъ къ шаху о мирномъ договорѣ пословъ своихъ; а кого имяны присылалъ пословъ, и онъ того не вѣдаетъ. И съ шахомъ въ миру договорились на вѣкъ, а не на урочные лѣта. А учинился де межъ шаха и турецкого миръ вѣковой на томъ: былъ де у турецкого городъ его порубежной, подшолъ блиско кизылбашского городовъ, имя ему Харсъ, и люди въ немъ были турецкого, и шахъ де съ турецкого послы договорился на томъ, что турецкому тотъ свой городъ Харсъ, выведши изъ него людей своихъ вонъ, велѣти его разорить. И давати бъ ему, шаху, турецкому на всякой годъ по сту

юковъ суконъ парпяну, а онъ де, шахъ, противъ того учнетъ давати турскому на всякой же годъ по сту жъ юковъ сырого шолку. И на томъ де межъ себя вѣчнымъ миромъ и договорилися и миръ учинили, и вѣдомъ де при немъ, Осанѣ, въ Кизылбашехъ, какъ онъ еще въ Астараханъ не поѣхалъ, былъ, что турской по пословъ своихъ съ шахомъ договору тотъ городъ Харсъ, выведши людей своихъ изъ него, велѣлъ разорить, и съ сукнами въ годовыми турскихъ пословъ чаяли приходу въ Кизылбашу вскорѣ; а кизылбашской посоль Ядагаръ Алѣй салтанъ отъ государя ихъ, шаха, въ годовымъ же шелкомъ по договору поѣхалъ къ турскому при немъ, Осанѣ.

Да онъ же, Осанъ, сказалъ, что при немъ де, Осанѣ, какъ онъ былъ въ Кизылбашехъ, наряженъ былъ у шаха карабль къ Астарахани со всякими товары, а купчинѣ де было быть на томъ караблѣ Кете Сеиту, и нынѣ де онъ чаеть, что пришлоъ тотъ шаховъ карабль съ товаромъ въ Астараханъ. А иныхъ никакихъ вѣстей, сказалъ, не вѣдаетъ.

Царю государю и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ кизылбашенинъ Осанко Максатовъ. Приѣхалъ, государь, я къ тебѣ, государю, къ Москвѣ изъ Кизылбашъ отъ твоихъ государевыхъ пословъ съ отписками, а съ собою вывезъ къ Москвѣ товару своего сто киндяковъ, и съ тѣхъ киндяковъ таможенной голова Дементей Васильевъ сынъ Булгаковъ просить твоихъ государевыхъ пошлинъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., пожалуй меня, не вели, государь, съ тѣхъ киндяковъ своихъ государевыхъ пошлинъ взяти. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотъ: Государь пожаловалъ, не велѣлъ пошлинъ съ тѣхъ киндяковъ имать для того, что приѣхалъ изъ Кизылбашъ отъ пословъ съ отписками.

Царю г. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. бьетъ челомъ кизылбашенинъ торговой человекъ Осанко Максатовъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р., пожалуй меня, вели, государь, мнѣ купити въ Касимовѣ ясырь татарской или литовской, дѣвцу или малова, и вели, государь, дати свою государеву грамоту проѣзжую, чтобъ тотъ ясырь со мною пропущали, и не вели, государь, съ того ясыря по городомъ пошлинъ имати. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотъ: Юнь въ 23 де(нь) государь слушеть, велѣлъ купити дѣвку или малого татаръ, а крестьянъ не продавати.

. что въ сей нашей грамотѣ писано, отпустить въ

Кизылбаша и проѣзжихъ пошлинъ съ него и съ товару его въ Астарахани, что съ него взяти доведетца, имати не велѣли, и полону—малого или дѣвцу—въ Касымовѣ купить ему позволили. И по нашему указу кизылбашской торговой человѣкъ Осанѣ Максутовъ съ Москвы отпущенъ, и по городомъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, и діаконъ, и всякимъ....

⁷¹²⁹₁₆₃₀ окт. 13—нояб. 15. Отписка съ Терка отъ воеводы Никиты Вельяминова о персидскомъ тезикѣ Боярамѣ Шамбратовѣ, торгующемъ сверхъ дозволеннаго ему капитала безошлинно.—Выписка о томъ въ посольскомъ приказѣ и отпущекъ государевой грамоты воеводѣ Вельяминову о изтеченіи урочныхъ лѣтъ по данной ему привилегіи. На 16 листахъ.

Государю царю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой Микитка Вельяминовъ челомъ бьетъ. Въ прошломъ, государь, во 124-мъ году іюня въ 25 день прислана, государь, на Терекъ твоя государева грамота, за приписью твоею государева думного дьяка Петра Третьякова, къ воеводе къ Петру Приклонскому: пожаловалъ ты, великій государь, ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. Кизылбашскіе земли тезива Боярама Шамбратова, велѣлъ ему, тезику Бояраму, торговати въ Астарахани и на Терке всякими товары на пять сотъ рублей, на одиннатцать лѣтъ, безошлинно; а которые, государь, товары сверхъ пяти сотъ рублей, и съ тѣхъ, государь, товаровъ твоя государева пошлина имати велено. И тотъ, государь, тезикъ Боярамъ товары провозитъ многіе въ Астарахань, а на Терке ими не торгуетъ, потому что на Терке товаровъ у него, отъ бѣдности, купити нѣкому. Да на Терке жъ, государь, приѣзжаютъ и изъ Шамахи, и изъ Дербени Абазъ шаховыхъ хановъ и салтановъ, и Шанъ Гирѣя царевича крымского, которой служатъ шаху, и кумытцого Ильдара мурзы, и иныхъ многихъ кумытцкихъ и уварскихъ князей и мурзь, которые подъ твоею царскою высокою рукою, люди ихъ съ товары торговати на Терекъ. И шамахинской, государь, Исупъ ханъ и дербенской Берхардаръ салтанъ, и кумытцкой Ильдаръ, и уварской Нуцалъ князь, и многіе кумытцкіе князи и мурзы пишутъ ко мнѣ, холопу твоему, чтобы мнѣ, холопу твоему, съ людей съ ихъ съ товаровъ пошлинъ не имати. И я, холопъ твой, безъ твоего государева указа пошлинъ имати не смѣю, боясь того, чтобъ мнѣ, холопу твоему, по твоему государеву указу, вась, великихъ государей, тѣмъ не ссорити и вашіе царскіе любви не нарушити, а кумытцкихъ и горскихъ князей и мурзь отъ твоей царской милости не отогнати. И будетъ, государь, впередъ учнуть отъ шамахинского

отъ Исупъ хана и отъ дербенскаго отъ Бердархарданъ салтана, и отъ кумьтцкаго отъ Ильдара мурзы, и отъ уварсково отъ Нудала князя прїѣзжати на Терекъ торговне люди, и о томъ мнѣ, холопу своему, какъ уважешь?

На адресь: 129-го октября въ 13 день съ терскимъ жильцомъ съ Иваномъ Кирѣевымъ.

На оборотъ: Сыскать отпуску: какова грамота дана тому кизыл-башенину и за что, за какую службу?

И сыскано въ посольскомъ приказе:

Въ прошломъ во 124-мъ году прїезжалъ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. съ Терки кабардинской Сунчалѣй князь Янгличевъ поздравляти государя на ево великихъ и преславныхъ государствахъ всего великаго Російскаго царствїа и бити челомъ о своей службе. И на отпуске билъ челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. Сунчалѣй князь Янгличевъ: въ прошлыхъ де годѣхъ, какъ было смутное и безгосударное время, и ему де, Сунчалѣю, государева денежново и хлѣбново жалованья не было, и въ то де время былъ на Терке тезикъ торговой человекъ Бонрамъ Шанбратовъ, и въ голодные де годы матери ево, Сунчалѣеве, и ему, Сунчалѣю, была отъ него Бараима помочь и ссуда многая, и государь бы ево, Сунчалѣя, пожаловалъ, велѣлъ тому тезику Бараиму торговать отъ нихъ по государеву указу на Терке и въ Асторохани безпошлинно. И по Сунчалѣеву челобитью тезика Бараима для ево, Сунчалѣевы, службы государь пожаловалъ, велѣлъ ему торговать на Терке и въ Асторохани беспошлинно на 500 рублей 5 лѣтъ. На челобитной ево помѣта думново дїака Петра Третьякова. И государева грамота о томъ Сунчалѣю князю Янгличеву дана, а велено по той государеве грамоте тезику Бараиму торговать на Терке и въ Асторохани всякими товары на 500 рублей пять лѣтъ с-Ильина дни 124-го году по Ильинъ же день 128-го году. А что у него какихъ товаровъ будетъ сверхъ пяти сотъ рублей, и съ тѣхъ товаровъ велено на немъ пошлины имать по государеву указу. А какъ ему льготные лѣта въ товарахъ отойдутъ, и на немъ велено имать пошлины на государя со всякихъ ево товаровъ по прежнему государеву указу. А жаловальная грамота, списавъ, велено отдать Бараимку.

И 124-го же году августа въ 17 де(нь) писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Асторохани воеводы князь Ондрѣй Хованской да Ивашка Пушкинъ, да дїакъ Гаврило Богдановъ, что во 124-мъ году іюня въ 8 де(нь) принесъ къ нимъ въ сѣзжую

избу государеву жаловальную грамоту за красною печатью, а за приписью думново діяка Петра Третьякова, терской жилецъ тезикъ Бараймъ Сармалевъ, а въ той грамоте написано: пожаловалъ государь ево, Барайма: съ его товаровъ, какъ онъ учнетъ торговать въ Асторохани, своихъ государевыхъ таможенныхъ пошлинь съ 500 рублевъ, с-Шлына дни 124-го году по Ильинъ же день 134-го году, на десеть лѣтъ, иматъ не велѣлъ. И тезикъ Бараймъ пріѣхалъ въ Асторохань ныне сверху съ товаромъ до сроку, іюня въ 8 день, и они съ его привозново товару государеву таможенную пошлину взять велѣли по государеву указу съ рубля по 4 де(ньги) для того, что онъ до сроку пріѣхалъ задолго; а взято съ него пошлинь 10 рублевъ.

А что ныне въ терской отписке Микиты Вельяминова написано, что по государеве жаловальной грамоте велено будто тезику Бараймку торговать товары своими беспошлинно на 11 лѣтъ и что въ прошломъ во 124-мъ году въ астороханской отписке написано, а велено будто Баярамку торговать беспошлинно на 10 лѣтъ, и такова отпуску въ посольскомъ приказе не сыскано.

Помѣта: 129-го ноября въ 15 день послать государева грамота: велѣтъ на томъ тезике пошлины имати по уставной грамоте по тому жъ, какъ и с-ыныхъ торговыхъ людей, потому что ему торханне лѣты вышли: по указу дано было льготы въ пошлинахъ на 5 лѣтъ и тѣ лѣта вышли, а что написано въ грамоте десять лѣтъ, и то знатно что переправлено мимо государева указу и отпуску, вѣрить отпуску, а въ грамоте досмотрить и его роспросить: для чего переправливанъ? да о томъ отписать ко государю.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводамъ нашимъ Микитѣ Дмитріевичю Вельяминову да Баиму Ѳедоровичю Болтину, да подъячему Василью Архипову. Въ нынѣшнемъ, во 129-мъ году октября въ 13 де(нь) писалъ къ намъ ты, Микита, съ терскимъ жильцомъ с-Шваномъ Кирѣевымъ (*и проч.*). И сыскано въ посольскомъ приказѣ: въ прошломъ во 124-мъ году (*и проч.*). И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ на томъ тезике на Баярымке съ товаровъ ево нашу таможенную пошлину велѣлъ имати по нашей по уставной грамоте по тому жъ, какъ и с-ыныхъ торговыхъ людей съ товаровъ ихъ нашу таможенную пошлину емлютъ, потому что дано было ему, Бараймку, по нашей жаловальной грамоте въ торговле въ пошлинахъ льготы на пять лѣтъ, и тѣ ужъ льготные годы всѣ прошли, а что написано въ нашей жаловальной грамоте у Бараймка льготы на десеть лѣтъ, и то знатно, что то своровано, переправлено мимо нашего указу,

отпуску у насъ на Москвѣ тому не сыскано и тому вѣрить нѣчему. И вы бѣ у тово тезика у Баярамка ту жаловальную грамоту велѣли взять и еѣ досмотрели сами и самово Баранька роспросилъ, для чево у него въ нашей льготной грамоте льготы переправлены мимо нашего указу и нашей помѣты, на 10 лѣтъ, и хто ему и въ которомъ городе то переправилъ? И впередъ бы есте той ево льготной грамоте не вѣрили и пошлину со всякихъ ево товаровъ на немъ имали на насъ по нашему указу и по уставной грамоте. А что тебѣ тезикъ про то въ роспросе скажетъ и что съ ево товаровъ на тѣ годы, что у него сверхъ нашего указу и помѣты прибавлено льготныхъ лѣтъ, пошлинъ не взято, и ты бѣ о томъ о всемъ отписалъ къ намъ къ Москвѣ, а отписку велѣлъ отдать въ посольскомъ приказе дьякомъ нашимъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчукову.

1618 сент. 2—30 нояб. 1620. Отписки астраханскихъ воеводъ Ивана Тимофѣева съ товарищи о посылкѣ въ Москву въ посольской приказъ трехъ присланныхъ изъ Терка на персидскомъ языкѣ грамотъ. На 41 листѣ.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Ондрушка Хованской, Олешка Лвовъ, Ивашко Тимоѣевъ, Ивашко Грязевъ, челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 127-мъ году сентября въ 2 де(нь) прислалъ, государь, къ намъ, холопомъ твоимъ, въ Асторохань съ Терки воевода Микита Вельяминовъ три грамоты, писаны оарсовскимъ письмомъ; а писалъ къ намъ, чтобъ намъ тѣ грамоты изъ Асторохани послати къ тебѣ, къ государю, къ Москвѣ. И мы, холопи твои, тѣ грамоты послали къ тебѣ, къ государю, въ нынѣшней станицѣ съ астороханцы, съ дѣтьми боярскими, съ Спиридономъ Брюшковымъ съ товарищи мая въ 27 де(нь).

На оборотѣ: Взять къ дѣлу, а грамоты перевести, чтена государю жъ, отписать: что есть въ сыску, велѣть отдать тотчасъ все сполна и впередъ отдавать и береженье держать, и о чомъ, о подводахъ и о провожатыхъ, учнетъ писать, давать велѣти и ни въ чомъ не оскорбляти, чтобъ въ чомъ ссоры и нелюбья не было, а пропажъ и взятого сыскивать накрѣпко.

Переводъ кизылбаскаго шахъ Аббасовы грамоты, что прислана изъ Асторахани въ нынѣшнемъ во 127-го году зъ гонцомъ съ астороханскимъ, Спиридономъ Брюшковымъ іюля въ 8 де(нь).

Великого повелителя благосчастного обладателя высокопрестольного и превысочайшего великого государя воеводѣ терскому князю наше государское милостивое слово то: торговой нашъ человекъ Хозя Усейнъ былъ съ торгомъ въ Астарахани, и какъ поѣхалъ изъ Астарахани съ товары назадъ въ наше государство и какъ будутъ блиско Терского города, и у нихъ волною бусу розбило, и онъ потонулъ, а иные многіе товары его вынесло на берегъ, и намъ, великому государю, про то подлинно вѣдомо. И ты, великого государя воевода, тотъ Усейновъ товаръ, какъ ево привезли на Терку, опозналъ и велѣлъ ево упрятать; а у тово Хозя Усейна остался сынъ его Хозя Акамиръ, и мы его отпустили къ вамъ на Терекъ для отца его животовъ. И какъ къ вамъ сынъ его, Усейновъ, Хозя Акамиръ, да гилянецъ Хозя Абдулла пріѣдутъ, и вамъ бы, великого государя воеводѣ, терскому князю, тотъ упрятаной Хозя Усейновъ товаръ, что взяли терскіе люди на берегу, велѣти отдати сыну его Хозя Акамиру да Хозѣ Абдуллѣ и ихъ велѣти отпустить назадъ, не задержавъ.

Переводъ съ шаховы грамоты, что пишетъ ко государевымъ воеводамъ.

Высокопрестольнаго и превысочайшего и всегда въ милосердіи Божіи пребывающаго Російскаго государствія великого государя воеводамъ и княземъ наше государское милостивое слово то. Учинились мы, великій государь, зъ братомъ нашимъ, зъ государемъ вашимъ, съ московскимъ великимъ царемъ, въ братственной дружбѣ и въ любви и въ соединенѣ, и вѣдомо вамъ даемъ: послалъ есми нынѣ стольника нашего Халькъ бека въ Дербень городъ для городовоу подѣлки, и будетъ ему для какова дѣла лучитца къ вамъ послати, и вамъ бы, великого государя воеводамъ, для наше, великихъ государей, братственные дружбы и любви тому стольнику нашему Халькъ беку ево писму и приказу вѣрити и помогати, или лучитца ему самому у васъ быти или кого пришлетъ, и вамъ бы имъ подводы давати и провожати ихъ велѣти безъ вадержанья, чтобъ межъ насъ, великихъ государей, братственная дружба и любовь множилась и ерѣпилась во веки. А будетъ что вамъ изъ нашей земли понадобится, и вамъ бы о томъ велѣти намъ, великому государю, объявити, и мы то ваше дѣло велимъ исполнити.

Переводъ шамахѣйскаго Исупъ хана зъ грамоты, что пишетъ терскому воеводѣ.

Высокомѣстнаго и высокоручнаго дружелюбнаго превысочайшего великого государя воеводѣ чесному и хвальному терскому князю. Объявляю тобѣ: то здѣсь государя нашего высокомѣстнаго шахова

величества курчѣй Акамиръ ага отпущенъ къ вамъ для животовъ Хозя Усейновыхъ, что потонулъ у Терского города, и тобѣ, великого государя воеводѣ, терскому князю, вѣдая межъ нашихъ двухъ великихъ государей крѣпкую братственною дружбу и любовь, своя любительная дружба и любовь объявити къ намъ: велѣтъ тѣ Усейновы животы отдать курчѣю Акамиръ агѣ, чтобы и впередъ межъ обонхъ великихъ государствъ для тово инымъ торговымъ людямъ помѣшки и опасеня не было. А будетъ которое ваше дѣло здѣ лучитца, и вамъ бы о томъ велѣтъ намъ объявити, и мы такъ же то ваше дѣло здѣлаемъ.

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводѣ нашему Микитѣ Дмитревичю Вельяминову. Писали къ намъ изъ Асторохани воеводы наши князь Ондрѣй Хованской съ товарищи и прислали три грамоты, писаны еарсовскимъ письмомъ, а къ нимъ въ Асторохань тѣ грамоты прислалъ ты. И тѣ грамоты у насъ на Москвѣ переведены, а писаны тѣ грамоты къ тебѣ отъ шаха да отъ шамахѣйскаго Исупъ хана, а въ переводѣхъ шаховыхъ написано: въ первомъ переводѣ о торговомъ человѣкѣ о Хозя Усейнѣ, что тотъ торговой человѣкъ Хозя Усеинъ былъ съ торгомъ въ Асторохани, и какъ поѣхалъ изъ Асторохани (*и проч.*). А въ другомъ переводѣ писано отъ шаха жѣ, что онъ учинился съ нами, великимъ государемъ, въ братственной дружбѣ и въ любви, и въ соединенѣ, и вѣдомо тебѣ даетъ, что послалъ онъ нынѣ стольника своего Халькъ бека въ Дербень городъ для городской подѣлки (*и проч.*). А въ третьемъ переводѣ шамахѣйскаго Исупъ хана написано къ тебѣ жѣ о Хозя Усейновыхъ животѣхъ, что потонуло у Терского города, чтобъ тѣ животы ево отдать шахову курчѣю Акамиръ агѣ, которой отпущенъ къ нимъ на Терекъ отъ шаха для тѣхъ, Усейновыхъ, животовъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ кызылбашенина Хозя Усейновы животы, которые у васъ на Теркѣ нынѣ въ сыску, отдали сыну его Хозя Акамиру да гялянцу Хозя Абдуллѣ, которые прѣехали для тѣхъ животовъ отъ шаха да въ томъ бы есте, что имъ отдадите, взяли у нихъ отпись для спору. И впередъ бы есте шаховымъ торговымъ людямъ обидъ и насильства никакова не чинили и во всемъ къ нимъ держалъ береженъе и ласку. И о чемъ къ тебѣ на Терекъ стольникъ шаховъ Халькъ бекъ, которой присланъ отъ шаха въ Дербень, пришлетъ или отпишетъ, или самъ къ тебѣ на Терекъ прѣдетъ для какихъ дѣлъ и учнетъ говорить о подводахъ и о провожатыхъ, и ты бѣ его ни въ чемъ не оскорблялъ и почестъ ему чинилъ, и подводы и провожатыхъ давалъ, чтобъ ни въ чемъ межъ насъ, великого государя,

и межъ шахъ Аббаса ссоры и нелюбья не было. А будетъ впередъ какая у шаховыхъ людей учинитца пронажа или хто что у нихъ возметъ, а назадъ отдать имъ не похочеть, и ты бѣ про то смыскавалъ на-крѣпко, и сыскавъ, отдавалъ имъ, чтобъ однолично шаховымъ торго-вымъ и всякимъ прїѣзжимъ людямъ отъ нашихъ людей задору и обидъ не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7127-го іюля въ 29 де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Бориско Хилковъ, Ѳедька Лихачевъ, Ивашко Васильевъ, челомъ бьютъ. Въ прошломъ, государь, во 123-мъ году ноября въ 20 день присланы въ Казань твои государевы цареви и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. грамоты, одна изъ посольского приказу за приписью твоего государева думного дїака Петра Третьякова, а другая изъ казанского дворца за приписью дїака Оеонасыя Овдокимова. А въ твоихъ госуревыхъ грамо-тахъ писано: которые будетъ иноземцы турскіе и визылбашскіе, и бухар-скіе, и юргечьскіе, и черкасскіе, и ногайскіе, и иныхъ государствъ послы и посланники, и гонцы, и купчины, и тезики впередъ учнутъ приходи-ти въ Казань, и объ ихъ прїѣздѣ велено писати къ тебѣ, ко государю, къ Москвѣ, а отписки и росписи тезицкимъ именамаъ и ихъ товаромъ велѣно отдавати въ посольскомъ приказѣ, и впередъ, государь, о тѣхъ иноземцехъ объ ихъ прїѣздѣ и о всякихъ твоихъ государевыхъ указахъ въ казанской дворецъ и в - ыные ни въ которые приказы, опричь посольского приказу никуда ни о чемъ писать не велено. А пошлинъ, государь, съ купец-кихъ людей съ товаровъ велено имати въ твою государеву казну по прежнему твоему государеву указу и по уставнымъ грамотамъ. И въ нынешнемъ, государь, во 128-мъ году прїѣхали въ Казань изъ Асторохани въ осеннемъ корованѣ шахъ Аббасовы области Кизылбашскіе земли те-зики съ товары, да съ Уемъ, государь, писалъ къ намъ, холопомъ тво-имъ, твой государевъ воевода Гаврило Хлоповъ: отпустилъ онъ къ тебѣ, ко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., юргечьского царя Арапа посла Серамъ Хула Сеитъ Кулова, а съ нимъ людей его шестынатцать человекъ, да съ нимъ же къ тебѣ, ко государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., въ дарехъ аргамакъ; а въ приста-вахъ, государь, съ посломъ посланы съ Уемъ дѣти боярскіе, Василей Ушатой да онъ, Ураковъ, да толмачъ Тогонайко Дербышъ Алѣевъ, и намъ бы, государь, холопомъ твоимъ, юргечьского посла отпустить къ тебѣ, ко государю, къ Москвѣ, давъ кормъ и судно, и кормщика, и гребцовъ, не издержавъ. И билъ челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михаилу Ѳедоровичю в. Р., юргечьской посолъ Серамъ Хулъ, а къ намъ, холопомъ твоимъ, прислалъ пристава своего Василья Ушатово,

чтобъ ты, государь, ево пожаловалъ, велѣлъ ему въ Казани побити до зимнего пути, потому что онъ пріѣхалъ въ Казань водою въ суднѣ, а лошади его за нимъ гонятъ въ Казань полемъ, и ему бѣ въ Казани дождаться зимнего пути и лошадей своихъ, а водою деи ѣхать ему нельзѣ: стали заморозы и Волгою идетъ ледъ. И мы, холопи твои, послу Серамъ Хулу въ Казани побити велѣли и дворъ ему стояти дали, и сторожей съ посаду, и стрѣльцовъ для караулу приставили. А твоево государева жалованья корму мы, холопи твои, даемъ, примѣрся къ прежнему послу, на день по четыре чарки вина, полведра меду, да на кормъ по три алтына денегъ, да людемъ ево шти чело-вѣкомъ по двѣ чарки вина чело-вѣку на день, да всѣмъ имъ ведро меду, да имъ же, государь, на кормъ двунатцати чело-вѣкомъ по четыре деньга чело-вѣку; а четверемъ чело-вѣкомъ по три деньга чело-вѣку на день; а аргамаку, государь, велѣли давать овесъ и сѣно, смѣта, какъ мочно сыту быть; да по деньгѣ на свечи на ночь. А какъ, государь, зимней путь станеть, и лошади его въ Казань пригонятъ, и мы, холопи твои, юргечьцого посла Серамъ Хула исъ Казани къ тебѣ, ко государю, къ Москвѣ отпустимъ съ тѣмъ же приставомъ, съ Васильемъ Ушатымъ, да съ толмачомъ, съ Тогонайкомъ, тотчасъ. Да съ Уфы жъ, государь, пріѣхали въ Казань юргечьскіе земли тезики съ товары, а кто, государь, имянемъ тезиковъ и которые земли, и что у кого товару, и мы, холопи твои, тому роспись послали къ тебѣ, ко государю, подъ сею отпискою.

Роспись тезикомъ Кизылбашскіе земли, которые пріѣхали въ Казань въ нынѣшнемъ во 128-мъ году въ осеннемъ корованѣ изъ Асторохани, и юргенцомъ, которые пріѣхали съ Уемъ; а товару у нихъ по смотру таможенной головы Ивана Веретенникова:

Тезикъ Кизылбашскіе земли шемахѣйсково воеводы Исупъ хановъ чело-вѣкъ Кудай Бердѣй Велѣвъ, товару у него: 37 камокъ кизылбашскихъ, 13 бархатишковъ кизылбашскихъ, 38 кутней всякимъ цвѣтомъ, 3 кушака шолковыхъ цветныхъ зъ золотомъ, 886 ансырей шолку арасково, 24 дороги полосатые, 150 дороговъ гиланскихъ цвѣтныхъ, 27 дороговъ кашанскихъ, 100 таегъ гиланскихъ плохихъ, 2 кисей, 2 куля калыи краски, 6 кумачей, 10 полукисей, 284 киндяковъ, 15 полукисей.

Тезикъ Магметъ Мастелѣвъ, товару у него: 11 ансырей шолку арасково, 21 дороги голянскіе, 2 киндяка, 2 кушака харчевыхъ, 2 ансыря шолку сырово.

Тезикъ Шабендѣй Шакулѣвъ, товару у него: 11 кисей, 150 ансырей шолку арасково.

Тезикъ Магметъ Магмуловъ, товару у него: шуба корсачья, 25 дороги гиланскихъ, 28 киндяковъ, 13 выбоекъ, 4 миткали, 10 ансырей шолку арясково, 113 ансырей шолку пырсу, 13 гривенокъ мыла, полъ 2 юети саеьяновъ, 50 рублевъ мелочи.

Тезикъ Алгула Маметевъ, товару у него 250 ансырей шолку арясково.

Тезикъ Ибрама Мааметовъ, товару у него: 250 ансырей шолку арясково, 5 миткали, пудъ табалаку.

Тезикъ Мамеделъи Максутовъ, товару у него: 29 дороговъ гиланскихъ, 25 юетей саеьяновъ, 80 ансырей шолку пырсу.

Тезикъ Надрусейнъ Седыръ Магаметевъ, товару у него: 163 ансыря шолку арясково, завѣсь выбойчатой, 17 киндяковъ, дороги, 4 камчишка кизылбашскихъ.

Тезикъ Магметъ Шириновъ, товару у него: 328 ансырей шолку арясково, 15 пудъ пшена сорочинсково.

Тезикъ Шемахъйсково города воеводы Исупъ хановъ человекъ Маметь Сириновъ Маметевъ, товару у него: 130 ансырей шолку арясково, 68 киндяковъ, 7 миткалей, 10 полукисей, 8 кисей, 50 дороговъ гиланскихъ, 6 выбоекъ арапскихъ, 3 миткали, 14 тоегъ гиланскихъ, 15 камокъ кизылбашскихъ, 3 кушака шолковыхъ.

Тезикъ шемахъйсково воеводы Исупъ ханова человекъ Будай Бердъевъ кашеваръ Садъи Раметовъ, товару у него: пудъ краски крутику, 13 оунтовъ чилибухи, 12 гривенокъ жолтово коренья, 13 гривенокъ инбирю, 500 змѣвыхъ головокъ, 1000 гребеней деревянныхъ.

Тезикъ Шемуратъ Алъевъ, товару у него: 10 ансырей шолку пырсу, 5 ансырей шолку арясково, 3 дороги гиланскіе, 2 миткали, 3 кисей, 2 одеяла выбойчатыхъ.

Тезикъ Крымъ Магметовъ, товару у него: кисея, 46 ансырей шолку пырсу, 16 юетей саеьяновъ, 62 ансыря шолку арясково.

Тезикъ Матсутъ Менянадыровъ, товару у него: 33 ансыря шолку арясково, 15 ансырей шолку гилансково, 14 киндяковъ, 5 юетей саеьяновъ, полъ 2 пуда бумаги синіе, 100 хрусталеи.

Тезикъ Бухарскіе земли Акмаметь Вапимурзинъ, товару у него: 13 пудъ краски крутику.

Тезикъ Бухарскіе земли Алетиева Хозямъ Малинъ, товару у него: 13 ансырей шолку игерденю, 7 кушаковъ чаровыхъ, 13 кисей полупелъовыхъ, 30 бязей лощеныхъ, 4 кисей бѣлыхъ, 8 зенденей красныхъ, 28 зенденей семенди, 15 кожъ яловичьихъ.

Кизылбашскіе земля испоганецъ арменинъ Исакъ Оарапитовъ, товару у него: 200 ансырей шолку гиянсково, 20 кисей.

Арменинъ Марко Иванисовъ, товару у него: 36 пудъ краски крутику.

Арменинъ Лукоянко Мурабетевъ, товару у него: 60 ансырей шолку оарабату.

Тезикъ Кизылбашскіе земли Селалгій Касимовъ, товару у него: 100 ансырей шолку арасково, 50 ансырей шолку пырсу.

Тезики жъ Юргенскіе земли и бухарцы, которые пріѣхали съ Уомъ: Юргенскіе земли пословъ Арамгуловъ человѣкъ: Адинко Калкамановъ, товару у него: 76 бязей лощенныхъ, 293 пестреди, 15 ямей бязи.

Тезикъ юргенецъ корованная голова Досумъ Ширимовъ, товару у него: 1149 зенденей семенди, 4 рубахи дорогильные ветчаны; 32 ями бязи толстой, 15 каотановъ азамскихъ зенденныхъ, 6 обаповъ.

Тезикъ юргенецъ Мусадрушъ Алѣевъ, товару у него: 30 зенденей семенди, 36 пестредей, 38 кушаковъ харчевыхъ, 4 ямей бязи.

Юргенецъ Шанъ Кулъ Исенъ Кулѣевъ, товару у него: 323 зендени семенди, 57 бязей лощенныхъ, 8 луковъ бухарскихъ, 27 ямей бязи толстой, 6 каотановъ азамскихъ зенденныхъ, 11 выбоекъ усскихъ, 106 кушаковъ харчевыхъ, 5 рубахъ дорогильныхъ ветчанныхъ, 2 оа-тишка, оерезишка камчатые ветчаны.

Бухарецъ Назаръ Адамовъ, товару у него: 815 зенденей семенди усскихъ, 213 зенденей широкихъ семенди, 3 каотана азамскихъ зенденныхъ, 6 мелли, дороги зелены, 28 кушаковъ харчевыхъ, 27 пестредей, 20 ямей бязи, каотанъ азамской зенденной. Да у него жъ, Назарка, посыльново товару 130 зенденей семенди, 42 зендени широкихъ, 18 ямей бязи толстой, 7 пестредей, 14 кушаковъ харчевыхъ, 6 гривеновъ хоненю.

Бухарецъ Мисаръ Магаметь Маметь Валѣевъ, товару у него: 720 зенденей чаровыхъ, 34 кушава полумшелковыхъ, рубаха зенденная, 2 дороги бухарскихъ, 63 пестреди, 2 оерези дорогильныхъ, рогъ буйоловой, каотанъ киндячной, 6 ямей бязи, пудъ бумаги синіе. Да у него жъ, Мисаръ Магаметь, посыльново товару: 30 кушаковъ полумшелковыхъ, 280 зенденей цветныхъ чаровъ, 51 кушакъ харчевыхъ, 4 пестреди.

Бухарецъ Хозя Бремъ Хозя Магметевъ, товару у него: 1430 киндяковъ цвѣтныхъ, 26 завѣсовъ выбойчатыхъ, 62 кушака харчевыхъ, 21 дороги бухарскихъ, 8 оатъ бѣлыхъ, 116 кушаковъ полу-

шолковыхъ, 5 ансырей шолку пырсу, 3-и мелли, юеть сабяновъ. Да у него жъ, Хозя Бреймеа, посыльново товару: 355 зенденей семенди, 2 ями бязи толстой, 12 кушаковъ харчевыхъ, каотанъ мелинной.

Бухарець Хозя Максуть Хозя Усенець, товару у него: 2037 зенденей семенди гладкой, 149 зенденей широкихъ цвѣтныхъ, 575 зенденей дюмевди, 80 бязей лощенныхъ, 108 пестредей, 412 кушаковъ харчевыхъ, 61 ямъ бязи толстой, 2 выбойки, 2 каотана азиямскихъ зенденныхъ, дорожка чорные, 6 пудъ бумаги хлопчатой, 6 пудъ краски крутику.

Да у него жъ кашеваръ Хозя Кулѣико, товару у него: 40 зенденей семенди, 60 кушаковъ харчевыхъ.

Бухарець Еналѣй Миралѣевъ, товару у него: 1130 зенденей семенди, 132 бязи лощенныхъ, 331 кушакъ харчевыхъ, 70 пестредей, 16 ямей бязи, 3 каотана зенденныхъ, чалма ветчаная, 6 пудъ бумаги хлопчатой, еерези кутняные, 2 рубашки киндячныхъ, чалма кийсейная, рубаха дорогильная.

Бухарець Юсупъ Барангозинъ, товару у него: 1094 зендени семенди, 10.000 ужовокъ, 280 кушаковъ чаровъ, 26 кушаковъ харчевыхъ, 15 пестредей, 9 каотановъ азиямскихъ зенденныхъ, 3 выбойки арапскихъ, 20 ямей бязи, 200 зенденей красныхъ, 3 рубахи киндячныхъ, 116 киндяковъ, рубаха дорогильная, 89 бязей лощенныхъ, 13 козлинь обьяринныхъ, 7 дороговъ бухарскихъ, 100 аршинъ выбойки уске, 10 ансырей шолку путу, 3-и митвали.

Бухарець Мамедимъ Алишеровъ, товару у него: 504 зендени семенди, 156 зенденей чаровъ, 3 ями бязи, 6 бязей лощенныхъ, 7 каотановъ зенденныхъ, 7 пестредей, 2 рубахи дорогильныхъ, 28 кушаковъ харчевыхъ, ансырь шолку путу.

Бухарець Разума Еналѣевъ, товару у него: 716 зенденей семенди, 23 выбойки уской, 61 ямъ бязи толстой, 45 бязей лощонныхъ, 590 зенденей чаровъ, еерези киндячные, 17 кушаковъ харчевыхъ, 2 каотана зенденныхъ, 2 рубахи дорогильныхъ ношеныхъ, 20 гривенокъ бумаги синіе.

Юргенець Наврузъ Мамедѣевъ, товару у него: 182 зендени широкихъ, 130 пестредей, 15 ямей бязи, 475 зенденей семенди ускихъ, 41 бязь лощенныхъ, 217 зенденей семенди гладкой, 224 кушака харчовыхъ, пудъ бумаги синіе, 150 киндяковъ, 2 выбойки.

Юргенець Кутлу Магаметь Нуръ Магаметевъ, товару у него: 588 зенденей семенди, 27 кушаковъ харчевыхъ, 3 пестредей, 27 ямей

бязи, одеяло камчатое, 26 бязей лощонныхъ, 8 мелли, 6 каотановъ азамскихъ зежденныхъ, 3 пуда бумаги хлопчатой.

Бухарець Карашаръ Асановъ, товару у него: 216 зедеией семенди гладкой, 150 кушаковъ харчевыхъ, 7 ямей бязи, 26 бязей лощонныхъ.

Юргенець Назаръ Шигаметевъ, товару у него: 1013 зедеией семенди, 146 кушаковъ харчевыхъ, 21 ямь бязи толстой, 11 юетей сабяяновъ, 30 бязей лощенныхъ, 54 пестреди, рубашка камчатая пошена, рубаха дорогильная, 46 пестредей.

Да у кошевара его 3 ями бязи, 21 зедеий семенди.

Бухарець Бенделъй Кулъ Пагалъевъ, товару у него: 400 зедеией чаровъ, 18 кушаковъ харчевыхъ, 4 каотана озямскихъ зежденныхъ, ямь бязи.

Юргенець Елъ Болда Каабаровъ, товару у него: 159 зедеией семенди, 180 зедеией гладкой, 2 завъса выбойчатыхъ, рубашка камчатая, 367 кушаковъ харчевыхъ, 45 бязей лощонныхъ, 4 оаты, 2 кушака мелинныхъ, 31 пестредь, 7 бязей лощонныхъ, 7 ямей бязи, 12 юетей сабяяновъ, 481 зедеией чаровъ, 3-и мели, 9 ансырей шолку герденю. Да у него жъ, Иль Болды, посильново товару 6 дороговъ бухарскихъ, 272 зедеией черчатыхъ, 30 кушаковъ харчевыхъ, 3 ями бязи толстой, 260 зедеией цвѣтныхъ.

Бухарець Мамъ Кулъ Болтаевъ, товару у него: 977 зедеией чаровъ цвѣтныхъ, 100 пестредей, 54 ями бязи, пестредь александръйская, 20 ансырей шолку путу герденю, кисея, 12 ямей бязи, выбойка, 65 кушаковъ харчевыхъ, 5 кушаковъ чаровъ, 24 кушака харчевыхъ.

На адресъ: 128-го декабра въ 6 де(нь) подалъ Онтонъ Уразовъ.

Помъта: Чтена. Отписать: велѣтъ по зимнему пути отпустить ко государю и пристава съ нимъ послать, и кормъ давать; а о шаховыхъ и юргенскихъ тезикахъ отписать: будетъ которые учнутъ бити челомъ и проситца съ товары къ Москвѣ, а товары будетъ у нихъ будутъ пристойны (?), и ихъ отпустить на ихъ лошадехъ, а подводъ не давать, и съ мелкими съ невеликими товары не отпускати. А которые сами не похотятъ, и ихъ неволею не посылати.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. холопъ твой, Миейтка Вельяминовъ, челомъ бьетъ. Въ нывѣшнемъ, государь, въ 127-мъ году марта въ 4 день прѣхалъ, государь, ко мнѣ, холопу твоему, на Терекъ изъ Нагай кизылбашской посолъ Али бѣтъ, которой былъ посыланъ отъ кизылбашского ото Абазъ шаха въ Нагай для ссылки къ нагайскимъ мурзъ, къ Иштереку князю и къ Шаите-

реку мурзѣ Нородыну Тенехматову и хъ Каракель Мамѣтю мурзѣ Урмаметеву, и къ салтанъ Касиму мурзѣ Каракель Мамѣтеву, и къ салтанѣи Агѣ мурзѣ, и къ Уразлѣ мурзѣ, Иштерекowymъ дѣтемъ княжово, и къ Бій мурзѣ Баитерекову для того, чтобы онѣ, ногайскіе мурзы, ему, Абазъ шаху, добили челомъ и были бы подъ его, Абазъ шаховою, рукою въ холопствѣ. И тотъ, государь, Абазъ шаховъ посоль, пріѣхавъ подъ Терской городъ, и сталъ вверхъ по Терку рѣкѣ на перемѣте, отъ Терсково города пятнатцать версть; а съ нимъ, съ шаховымъ посломъ, са Оли бекомъ, ногайскихъ пословъ Иштерека князя посоль Курмай багатырь, Шейдяка посоль Булаичи, отъ Каракель Маметя мурзы посоль Бу бекъ, отъ салтанъ Касима посоль Аитекъ, отъ Иштерекова сына посоль салтаны Ага и Урузлы мурзы посоль Кара багатырь, Бій мурзы посоль Мангитъ. А какъ, государь, кизылбашской посоль Али бекъ подъ Терской городъ на переметъ пріѣхалъ и ко мнѣ, холопу твоему, прислалъ шахова жъ купчину Шай Мурата, чтобы ему быти у твоей царской милости въ Терскомъ городѣ, и кормъ бы ему и провожатыхъ до Тарковъ дати. И я, холопъ твой, кизылбашсково посла Али бѣка въ Терской городъ не пустити и корму ему въ дорогу и провожатыхъ до Тарковъ не дати не смѣлъ, потому что въ твоей государевѣ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. грамотѣ за приписью твоего государева думново дьяка Петра Третьякова писано ко мнѣ, холопу твоему: будетъ поидеть шахова рать на крымсково царя, а ко мнѣ, холопу твоему, шахъ отпишетъ или пословъ своихъ пришлетъ и учнетъ просити твоихъ государевыхъ ратныхъ людей на крымсково царя, и мнѣ, холопу твоему, въ твоихъ государевыхъ въ ратныхъ людехъ велено отговаритися, что твои государевы ратные люди исъ Терсково города всѣ въ розсылкѣ по твоимъ государевымъ службамъ. А будетъ, государь, крымской царь съ ратными людьми поидеть на кизылбашсково на Обазъ шаха, а пришлетъ на Терекъ просити твоихъ государевыхъ ратныхъ людей, и мнѣ, холопу твоему, велено потому жъ отъ крымсково царя въ ратныхъ людехъ отговариватися, что твои государевы терскіе ратные люди всѣ въ розсылкѣ по твоимъ государевымъ службамъ. А дорога, государь, кизылбашскому шаху на крымсково царя, а крымскому на кизылбашсково мимо Терсково города велѣно дати; а велѣно, государь, мнѣ, холопу твоему, съ кизылбашскими и съ крымскими съ ратными людьми ссылатися словомъ, а не письмомъ. И по тому твоему государеву указу я, холопъ твой, поговора со княземъ Сунчъ Алѣмъ черкасскимъ и зъ головами стрелецкими, и зъ детьми боярскими, кизылбашсково

посла Али бѣка въ Терской городъ пустилъ, а не пустити ево не смѣлъ, потому что по твоему государеву прежнему указу велено мнѣ, холопу твоему, въ сылѣ са Абазъ шаховымъ величествомъ оберегаться, чтобы твоего государева ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. в-ва со Абазъ шаховымъ величествомъ не ссорити и братства, и дружбы, и любви не нарушити. И по тому твоему государеву указу я, холопъ твой, шахова посла Али бѣка въ Терской городъ пустилъ и кормъ ему въ дорогу далъ; а для провожанья велѣлъ ѣхать сотнику стрелецкому Василью Надобному, а съ нимъ шти человекомъ коннымъ стрельцомъ, и велѣлъ ево проводить въ Кумыки до Тарковъ до Ильдара мурзы Суркай шеввалова. А какъ, государь, шаховъ посолъ отъ шаха въ Нагаи полъ, и кизылбашской шахъ ко мнѣ, холопу твоему, о томъ послѣ Али бекѣ писалъ, чтобы мнѣ, холопу твоему, посла ево Али бѣка въ Нагаи велѣти проводить и кормъ ему въ дорогу дати. А къ тебѣ, къ великому государю, шахъ прислалъ мнѣ, холопу твоему, двѣ грамоты, и я, холопъ твой, тѣ шаховы грамоты послалъ къ тебѣ, къ государю, и о послѣ о Але бѣке къ тебѣ, къ государю, я, холопъ твой, писалъ въ прошломъ въ 126-мъ году, и твой государевъ указъ ко мнѣ, холопу твоему, на Терекъ 127 году августа по 20-е число не бывалъ. Да и то, государь, шаховъ посолъ Али бекъ твоимъ государевымъ толмачомъ сказалъ, что бывъ де ему въ Кизылбашехъ у шаха, да и опять итти въ Нагаи къ нагайскимъ мурзамъ. И будетъ, государь, впередъ учнуть шаховы послы въ Нагаи или изъ Нагаи мимо Терской городъ ходити или ногайскіе мурзы пословъ своихъ мимо Терской городъ къ шаху посылати, и о томъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь?

На адресъ: 128-го ноября въ 12 де(нь) съ терскимъ жильцомъ съ Васильемъ Смагнымъ да съ сотникомъ съ Васильемъ Надобнымъ.

Помѣта: Чтена. Отписать: будетъ пойду(тъ) шаховы (послы) въ Нагаи, и ихъ мимо пропускать мимо Тер(сково города) и въ острогъ пускать не многихъ люде(и), и кормъ давать, чтобъ тѣмъ съ ша(хомъ) не ссоритца, а къ нимъ держать береженье и въ Ногаехъ провѣдывать подлинно: для чего ссылаютца? и къ нимъ писати и наказывати, чтобъ они отъ государевы милости не отс(тавали) и иного государя себѣ не искали; а шахъ въ государемъ въ д(руж)бѣ, и имъ въ томъ межъ государей нелюбья дѣлать непри(гоже).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводѣ нашему Микитѣ Дмитревичю Вельяминову. Въ нынѣшнемъ во 128-мъ году ноября въ 12 де(нь) писалъ еси къ намъ съ терскимъ жиль-

цомъ съ Васильемъ Смагинимъ, что въ прошломъ во 127-мъ году марта въ 4 де(нь) прїѣхалъ къ тебѣ на Терекъ изъ Нагай кизыл-башской посоль Али бекъ, которой (и проч.). И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а впредъ будетъ шаховы послы учнуть въ Нагай ходить мимо Терекъ, а къ тебѣ учнуть присылать, чтобъ тебѣ ихъ въ Терской городъ пустить и кормъ имъ давать, и ты бѣ ихъ въ острогъ пускать велѣлъ немногихъ людей и кормъ имъ велѣлъ давать, какъ имъ мочно сътимъ быть, и бережене къ нимъ велѣлъ держати, чтобъ отъ нихъ дурна нѣкоторо не было и имъ бы нѣкто безчестья никакого не дѣлалъ, чтобъ въ томъ межъ насъ съ шахомъ ссоры никакіе не было, и въ Нагай бѣ еси имъ дорогу давалъ, а самъ бы еси посылалъ въ Нагай кого пригоже и велѣлъ провѣдывать накрепко всякими мѣрами подлинно, для чего ссылаютца нагайскіе мурзы съ шахомъ: не хотятъ ли нагайскіе мурзы быть подъ шаховою рукою, а отъ нашего жалованья отстать? И будетъ у нихъ ссылка о томъ, что мурзы хотятъ отъ нашего жалованья отстать, а хотятъ быть подъ шаховою рукою, — и кто у нихъ въ томъ дѣлѣ завоичиѣ, которые мурзы иманемъ? Да про которыхъ мурзъ провѣдаешъ подлинно, что они о томъ съ шахомъ ссылаютца, что хотятъ быть подъ ево рукою, и ты бѣ къ тѣмъ мурзамъ писалъ и приказывалъ, чтобъ они, помня свою правду и шертъ, на чемъ они намъ, великому государю правду свою дали, на куранѣ шертъ учинили, на томъ бы и стояли, намъ, великому государю, служили и отъ нашіе царскіе милости не отставали, и мимо насъ, великого государя, никого себѣ государя не искали; а мы ихъ хотимъ держати въ нашемъ царскомъ жалованьѣ и въ повелѣньѣ подъ нашею царскою високою рукою въ прямомъ холопствѣ на вѣки и ото всѣхъ ихъ недруговъ во оборонѣ и въ защищеньѣ; а то имъ самимъ вѣдомо, что шахъ съ нашимъ царскимъ величествомъ въ дружбѣ и въ любви, и имъ межъ насъ, великихъ государей, тѣмъ ссоры и нелюбья дѣлати непригоже, и они бѣ въ правдѣ своей стояли крѣпко и неподвижно и отъ нашіе царскіе милости отлучны не были, а съ шахомъ насъ не ссорили. И писалъ бы еси къ нимъ и приказывалъ накрепко и нашимъ царскимъ жалованьемъ ихъ обнадеживалъ, чтобъ ихъ отъ нашіе милости не отлучить. Да что у тебя впередъ о нагайскомъ дѣлѣ учнетца дѣлатъ, и ты бѣ о томъ писалъ къ намъ къ Москвѣ, а отписки велѣлъ отдавать въ посольскомъ приказѣ діавомъ нашимъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Романчюкову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7128-го декабря въ „ „ де(нь).

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопъ твой

Микитка Вельяминовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 128-мъ году мая въ 10 день пріѣхалъ, государь, ко мнѣ, холопу твоему, на Терекъ отъ Шанъ Гирѣя царевича крымскаго, которой служить кизылбашскому шаху, чѣловѣкъ ево Маметъ ага, а привезъ ко мнѣ, холопу твоему, двѣ грамоты: отъ кизылбашского шаха грамоту да отъ шамахинского Исупъ хана грамоту жъ, писаны по татарски. И я, холопъ твой, велѣлъ перевести переводчику и твоимъ, государевымъ, толмачемъ и грамотъ переводы послалъ къ тебѣ, государю, подъ сею отпискою. И будетъ, государь, впередъ кизылбашской шахъ и шамахинской Исупъ ханъ о твоихъ государевыхъ о какихъ дѣлахъ ко мнѣ, холопу твоему, учнутъ писати, и у меня, холопа твоего, о томъ твоего государева указу нѣтъ, какъ мнѣ, холопи твоему, съ шаховымъ величествомъ или къ шаховымъ воеводамъ отписыватися или словомъ отговариватися, и о томъ мнѣ, холопу своему, какъ укажешь?

На адресъ: 129-го октября въ 13 день съ терскимъ жильцомъ с-Бываномъ Кирѣевымъ.

Помѣта: Чтена. Бояре приговорили отписати къ Никитѣ: будетъ къ нему впередъ шахъ или ево ханы учнутъ писати, и онъ бы о томъ приказывалъ словомъ, что о нагаехъ указъ государственой въ Асторохани, а Терка городъ украинной и государева указу у него объ нихъ нѣтъ, и шахъ бы о томъ писалъ къ царьскому величеству; а безъ указу ему государского учинити ничего нельзя, а то дѣло великое, новое.

Переводъ кизылбашского Абазъ шаховы грамоты:

По шаха самодержца повелѣнію великого государя ц. и в. кн. Михаила Ѳедоровича в. Р. терскому воеводѣ Микитѣ Дмитревичю Вельяминову. Я, какъ съ великимъ государемъ въ дружбѣ и въ совѣтѣ, и тебѣ бы тако жъ съ царевичемъ Шанъ Гирѣемъ быти въ дружбѣ и въ совѣтѣ, и онъ, Шанъ Гирѣй царевичъ, великой государь. И какъ меня російской великой государь почтитъ, и вы тако же Шанъ Гирѣя царевича почтите. Да которые нагайскіе мурзы съ тобою въ дружбѣ и въ совѣтѣ, и ты прикажи имъ всѣмъ, чтобъ и онѣ съ Шанъ Гирѣемъ царевичемъ всѣ въ дружбѣ и въ совѣтѣ были. Вѣдомо и такъ, что есть нагайскіе мурзы съ Шанъ Гирѣемъ царевичемъ всѣ въ дружбѣ и въ совѣтѣ, а какъ ты прикажешь имъ, больши того ихъ дружбы и совѣту прибудетъ. Что есть Російского государства великого государя люди, всѣ со мною въ дружбѣ и въ совѣтѣ, и тебѣ бы приказати всѣмъ мурзамъ того жъ съ Шанъ Гирѣемъ царевичемъ въ дружбѣ и въ совѣтѣ были. А что станетъ впередъ Шанъ Гирѣй царевичъ у тебя просити, и тебѣ бы за то не стойти да и погайскимъ мурзамъ прикажи:

за то не стояли жъ бы. А что Шанъ Гирѣй царевичъ станеть у тебя прошати, и тебѣ бы промыслить, а что исъ Крыму Шанъ Гирѣю царевичю дурно или тѣснота учинитца, и тебѣ бы не подати, и будетъ ему тѣснота, и вы ево не подайте, и мнѣ будетъ велико за честь. И вы, великого государя люди, такову дружбу учините Шанъ Гирѣю царевичю, и я съ великимъ государемъ въ дружбѣ и въ совѣтѣ стану больши того и въ любвѣ. А что великой царь Шанъ Гирѣй царевичъ станеть тебѣ говорити, и тебѣ бы то сдѣлать.

Переводъ шамахинского Исупъ хановы грамоты:

Великого государя ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. терскому воеводѣ Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову шамахинской Исупъ ханъ много много челомъ бьетъ. Аксакъ де Кель Маметь крымскому царю недругъ, а Шанъ Гирѣю царевичю другъ; а Каракель Маметь крымскому царю другъ, а Шанъ Гирѣю царевичю недругъ, и вы де Аксакель Маметя подали, а Каракель Маметю пособили, и вы смилуйтесь: Аксакель Маметю не подайте, потому что онъ Шанъ Гирѣю царевичю другъ, а не Каракель Маметю, вы пособъ учинили крымскому царю. Російского государства великому государю послу Буладъ беку велено бити челомъ, чтобъ великій государь милость показалъ: некоторому воеводѣ не велѣлъ съ нимъ дружитися.

Отъ ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. на Терекъ воеводѣ нашему Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову. Писалъ еси къ намъ съ терскимъ жильцомъ с-Иваномъ Бирѣевымъ, что въ прошломъ во 128-мъ году маія въ 10 де(нь) пріѣхалъ къ тебѣ на Терекъ отъ Шанъ Гирѣя (и проч.) И какъ къ тебѣ ся наша грамота придегъ, а шахъ или ево ханы впередъ о Шанъ Гирѣе царевичѣ о помочи или о нагайскихъ мурзахъ учнутъ къ тебѣ писать, и ты бѣ къ нимъ приказывалъ словомъ, что по нашему царскому указу нагайскихъ всѣхъ князей и мурзъ вѣдаютъ воеводы наши въ нашей отчинѣ въ Астарахани, и хто къ намъ вѣренъ и служить, и тѣхъ по нашему государскому повелѣнью оберегаютъ и на недруговъ ихъ помочъ имъ даютъ. А то имъ и самимъ вѣдомо, что нагаи ископи вѣчныи наши холопи и кочюють на Нагайской сторонѣ, блиско Астарахани, и вѣдаютъ ихъ во всемъ наши астараханскіе воеводы; а отъ Терки они отдалели, и что межъ ими дѣлаетца, и того тебѣ не вѣдомо. И будетъ что шахову величеству о нагайскомъ дѣлѣ надобно, и онъ бы о томъ писалъ съ послы своими къ нашему царскому величеству; а тебѣ безъ нашего царского указу ничего учинить не мочно, потому что Терка городъ украинной и отъ Московского государства отдалѣлъ, и такого великого дѣла

безъ нашего царского повелѣнья дѣлати тебѣ не возможно. А что пишеть нынѣ шахъ или ево ханы о помочи Шанъ Гирѣю царевичю на крымского, и то дѣло новое и великое и безъ нашего повелѣнья того тебѣ учинить нельзѣ жъ. А говорилъ бы еси съ шаховыми и съ хановыми, и съ Шанъ Гирѣевыми послы и гонцы пріятно, гладостью и учтиво, чтобъ тѣмъ шаха съ нами не ссорити и Шанъ Гирѣя царевича не ожесточить. А про Каракель Маметя бѣ еси приказалъ, что у Каракель Маметя съ Оксакель Маметемъ межъ ими дѣлаецца, и тобѣ того не вѣдомо, потому что отъ тебя Нагаи отдалѣли, вѣдаютъ ихъ во всемъ и нашъ объ нихъ всякой указъ у астарыханскихъ воеводъ, и вочюють о никъ Астарыхани, а не къ Теркѣ, а къ Теркѣ ты нагайскихъ людей ни чѣмъ не вѣдаешъ. Да что къ тебѣ противъ твоего приказу шахъ или ево ханы, или Шанъ Гирѣй царевичъ учнутъ писать или приказывать, и ты бѣ о томъ о всемъ писалъ къ намъ, къ Москвѣ, чтобъ намъ про то про все было вѣдомо. А того бѣ еси однолично остерегалъ, чтобъ шаховою и Шанъ Гирѣя царевича на Терку присылкою съ крымскимъ царевичемъ въ ссору не войти. Такъ же бы и того остерегалъ: только крымскіе люди учнутъ ѣздить къ шаху для какова дѣла, а учнутъ заѣзжати для провожанья или для опочиву въ Терской городъ, и то бѣ шахъ крымскому съ нами въ соединенье не поставилъ и чтобъ за то съ нами въ нелюбе не впелъ, чтобъ однолично на обѣ стороны на Терекъ дороги не было и тѣмъ бы намъ съ шахомъ и съ крымскимъ на обѣ стороны не ссоритца. Писанъ на Москвѣ лѣта 7129-го ноября въ 30 де(нь).

Послана такова грамота съ астороханскою проѣзжею станицею, съ астороханскимъ сыномъ боярскимъ съ Корниломъ Ветюковымъ съ товарищи, а съ нимъ астороханскихъ стрельцы 10 человекъ.

Внизу: Переписать.

1620 октября 29. Отписка изъ Казани о персидскихъ тезикахъ торгующихъ въ Казанѣ и отпускъ государевой грамоты о запрещеніи казанскимъ жилѣцкимъ татарамъ отдавать дочерей своихъ девокъ и сестеръ за пріѣзжающихъ изъ Персіи тезиковъ въ замужество и о незаписываніи ихъ въ посадокіе люди безъ доклада государева. На 10 листахъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Бориско Лыковъ, Ѳедька Борятинской, Ондрушка Степановъ, Ивашко Васильевъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 129-мъ году

октября въ 5 день били челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р., а намъ, холопомъ твоимъ, принесли челобитные тезики Кизылбашскіе земли торговые люди Мамедлѣй Авезовъ да Муминъ Бакѣевъ. И мы, холопи твои, тѣ ихъ челобитные послали къ тебѣ, ко государю, подъ сею отпискою. А по сыску, государь, тѣ тезики Мамедлѣй и Муминъ женилися въ Казани въ татарской слободѣ въ прошломъ во 125-мъ году и живутъ въ Казани въ татарской слободѣ своими дворами, а торгуютъ на гостине дворѣ, и въ Асторохань и за море торговати ѣздили до нашего же, холопей твоихъ, приѣзду, и мы, холопи твои, тѣмъ тезикомъ велѣли торговати на гостине дворѣ по прежнему и во дворахъ свои къ женамъ ихъ въ татарскую слободу ходити велѣли; а записей, государь, жилецкихъ мы, холопи твои, безъ твоего государева указа по нимъ взяти не смѣли. И о томъ намъ, холопомъ своимъ, вели свой государевъ указъ учинити.

На адресъ: 129-го октября въ 29 де(нь) подалъ казанецъ Яковъ Тимачевъ.

Помѣта: Чтена государю и бояромъ. Отписать: велѣть тѣмъ тезикомъ жить на гостинѣ дворѣ, а будетъ похотятъ ѣхати къ шаху въ свою землю и ихъ отпустить, и впередъ шаховымъ людямъ и тезикомъ больша году жить не давати, а исторговався, отпустить ихъ назадъ, а въ неволю не держати и въ посадцкіе люди не примати и жить много не давати, чтобъ они не розсматривали и не провѣдывали. А будетъ учнутъ бити челомъ и ѣхати не похотятъ или похотятъ креститьца, и о томъ отписать ко государю, а жить на гостинѣ дворѣ, а не въ татарской слободѣ. А будетъ похотятъ и ихъ отпустить однихъ безъ жонъ; а впередъ о женитьбѣ заказати накрѣпко.

Царю государю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ тезикъ Карасанскіе земли шахбасовы области Маминко Бакѣевъ. Женился, государь, я у тезика у Ѳарука въ татарской слободѣ, а тотъ Ѳарукъ жилъ въ Казани въ жильцахъ, и дворикъ у меня въ татарской слободѣ свой, а женишко мое живетъ въ татарской слободѣ. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи, смилуйся, пожалуй, государь, вели меня написать здѣсь въ Казани въ жильцы и вели меня по(ло)жить въ тягло по животншкамъ моимъ, по чему мнѣ твоя государева служба служить, и освободи, государь, мнѣ жить въ татарской слободѣ въ своемъ дворикѣ. Государь, смилуйся!

На оборотъ: معلوم باشد که خواجه محمد مومین خط نداشت من د حافظ

جاندارى ام نوشتم *To-estъ*: Да будетъ вѣдомо, что Мухаммедъ Муминъ писать не умѣетъ, писалъ я, Хафизъ Джандари.

Царю государю и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ тезикъ Карасанскіе земли пахбасовы области Мамеделѣйко Авесовъ. Женился, государь, я здѣся въ Казани у слобочкова татарина у Ивакъ Абыза, и дворишко у меня въ татарской слободѣ свой, а женишко мое живеть въ татарской слободѣ. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ в. Р., смилуйся, пожалуй, государь, вели меня написать здѣся въ Казани въ жильцы и вели, государь, меня положить въ тягло по животипшкамъ моимъ, по чему мнѣ твоя государева служба служить, и освободи, государь, жить мнѣ въ татарской слободѣ въ моемъ дворишкѣ. Государь царь, смилуйся, пожалуй!

На оборотъ: معلوم باشد که محمد علی خط نداشت من که حافظ ام نوشتم *To-estъ*: Да будетъ извѣстно, что Мухаммедъ Али писать не умѣетъ, писалъ же я, Хафизъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Борису Михайловичю Лыкову да князю Ѳедору Петровичю Борятинскому, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Степанову да Ивану Васильеву. Писали есте къ намъ, что въ нынешнемъ во 129-мъ году октября въ 5 день били намъ челомъ (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ тѣмъ тезикомъ Мамеделѣю Авезову да Мумину Бабѣеву велѣли торговати въ Казани на гостине дворѣ, по тому жъ, какъ и инымъ торговымъ шаховымъ людямъ, а будетъ они похотятъ ѣхать къ шаху въ свою землю, и вы бѣ ихъ отпустили безъ жонъ, и впередъ бы есте шаховымъ людямъ и тезикомъ больши году и не для торгу въ Казани жить не давали: какъ онѣ исторгуютца, и вы бѣ ихъ отпускали назадъ, а въ неволю ихъ въ Казани не держали и въ посадцкіе люди ихъ не пріимали, и жити имъ въ Казани много однолично не давали, чтобъ они, живучи въ городе и въ остроге, никакихъ крепостей не розсматривали и вестей никакихъ не розвѣдывали. А будетъ визылбашскіе тезики учнутъ намъ бити челомъ о томъ, чтобъ имъ быти въ Казани, а къ шаху ѣхать не похотятъ, или похотятъ креститца, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ къ Москве, а имъ до тѣхъ мѣстъ велѣли жить на гостине дворѣ, а не въ татарской слободѣ. А которые тезики похотятъ изъ Казани ѣхать къ шаху, и вы бѣ ихъ отпускали однихъ безъ жонъ, а жонъ бы съ ними не отпускали, и впередъ бы есте казанскимъ татаромъ приказали накрепко съ великимъ укреплениемъ, чтобъ однолично казанскіе татарове за визылбашскихъ тезиковъ дочерей

своихъ и сестръ, дѣвокъ и вдовъ, не давали и во дворы ихъ къ себѣ не пріимали. А хто впередъ за какова кизылбашенина после нынешнего нашего указу выдасть дочь свою или сестру, дѣвку или вдову, и вы бѣ надъ тѣми людьми чинили наказанье, смотря по винѣ, чтобъ однолично того самовольства впередъ не было, а татарове бѣ съ чюжеземцы не племянилися и надежъ на нихъ никакихъ не имѣли, чтобъ въ томъ межъ насъ и кизылбашского шаха какой ссоры и въ татарехъ какого дурна не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7129-го ноября въ 14 день.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Бориско Лыковъ, Оедька Борятинской, Ондрюшка Степановъ, Ивашко Васильевъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 129-мъ году октября въ 14 день въ твоей государеве цареве и в. кн. Михаила Оедоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопомъ твоимъ: которые тезики Кизылбашскіе земли купецкіе люди пріѣхали бу(дто) съ торгомъ во 127-мъ году, а не на твое государево (им)я и женились въ Казани, и намъ бы, холопомъ твоимъ, велѣти ихъ отпустить въ Кизылбашу, а жонъ ихъ довати имъ не велѣти и въ Кизылбашу имъ съ ними не отпускать и взять по нихъ поруки крепкіе, что имъ съ тѣми своими мужьями исъ Казани въ Кизылбашу не съѣхать; а впередъ бы намъ, холопомъ твоимъ, о томъ учинити заказъ (накрѣп)ко подъ смертною казнью, чтобъ никто учнутъ бити челомъ тебѣ, государю, о томъ, чтобъ имъ жити въ Казани, а къ шаху не ѣхать и похотятъ креститца, и намъ бы, холопомъ твоимъ, писати къ тебѣ ко государю къ Москве, а имъ бы, государь, до тѣхъ мѣстъ велѣти жити на гостине дворѣ, а не въ татарской слободѣ. А которые тезики похотятъ исъ Казани ѣхать къ шаху, и намъ бы, холопомъ твоимъ, отпускать ихъ безъ жонъ, а жонъ бы съ ними не отпускать и впередъ бы, государь, намъ, холопомъ твоимъ, казанскимъ татаромъ о томъ приказати накрепко съ великимъ укрепленьемъ, чтобъ однолично казанскіе татарова за кизылбашскихъ тезиковъ дочерей своихъ и сестеръ, дѣвокъ и вдовъ, не давали и во дворъ ихъ къ себѣ не пріимали, а хто впередъ какова кизылбашенина после нынешняго твоего государева указу выдасть дочь свою или сестру, дѣвку или вдову, и намъ бы, холопомъ твоимъ, надъ тѣми людьми чинить наказанье, смотря однолично того самоволь дѣвку или жонку, а про то сыщетца, и тѣмъ людямъ быти отъ тебя, государя, казненнымъ смертью. А заказати бѣ намъ, холопомъ твоимъ, о томъ безъ кизылбашскихъ

купецкихъ людей, чтобъ визылбашскіе купецкіе люди того отъ насъ, холопей твоихъ, не слышали. А будетъ вторые тезики для жонъ своихъ въ свои земли ѣхать не похотятъ, и намъ бы, холопомъ твоимъ, въ неволю ихъ не высылать и о томъ писати къ тебѣ ко государю. Да после, государь, того декабря въ 12 день въ другой твоей государеве ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. грамоте писано къ намъ, холопомъ твоимъ, по нашей, холопей твоихъ, отписке. . . велѣти бѣ тезикомъ Мамеделѣю Авезову да Ма(мейкѣ) Бакѣеву торговать въ Ка . . . на гостине дворѣ по тому жъ, какъ и инымъ торговымъ шаховымъ людемъ. А будетъ, государь, похотятъ они ѣхать къ шаху въ свою землю, и намъ бы ихъ отпустить безъ женъ и впередъ бы шаховымъ (тези)комъ болши году и не для торгу въ Казани А какъ они исторгуютца, и намъ (на)задъ, а въ неволю ихъ въ Казани посадкіе люди ихъ не примать много не давать, чтобъ они, жи (о) строге никакихъ крепостей не вестей никакихъ не розвѣды кизылбашскіе тезики.

На адресъ: июня въ 15 день съ казанцомъ съ Смирнымъ Ондрияновымъ.

На оборотъ: Въ столпъ, чтена.

1621 гевваря 7. Отписки изъ Астрахани отъ воеводъ князь Семена Прозоровскаго съ товарищи о требуемомъ позволеніи продавать ли оставленнымъ въ Астрахани отъ шаховыхъ пословъ и купчинъ людямъ между прочими товарами соколовъ, ястребовъ и болобановъ.—Отпускъ государевой грамоты о непродажѣ онымъ персіаномъ не токмо хорошихъ птицъ; но и лучшихъ соболей, лисицъ, горностаевъ и бѣлокъ, дабы не одешевить чрезъ то посылаемыхъ къ шаху подарковъ. На 4 листахъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю въ Р. холопи твои, Сенька Прозоровской, Ортюшка Измайловъ, Васья Мартемьяновъ, челомъ бьютъ. Отпускаетъ въ тебѣ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. изъ Визылбашъ визылбашской шахъ Аббасъ пословъ и купчинъ своихъ, и тѣ, государь, послы и купчины, ѣдучи къ тебѣ, къ государю, оставляютъ въ Асторохани для всякихъ покупокъ людей своихъ, а шахъ Аббасъ, государь, въ грамотахъ своихъ съ послы и съ купчины своими къ намъ, холопомъ твоимъ, пишетъ, чтобъ намъ, холопомъ твоимъ, тѣмъ людемъ, которыхъ послы и купчины его остав-

ливаютъ въ Асторохани для всякихъ покупокъ, поволити имъ въ Асторохани покупати всякіе рускіе товары и птицы, соколы и ястребы, и болобаны; а о томъ, государь, у насъ, холопей твоихъ, твоего государева указу нѣтъ, что въ Асторохани посольскимъ и купчиннымъ людямъ птицъ соколовъ и ястребовъ, и болобановъ покупати велѣти-ль или не велѣти. И о томъ намъ, холопомъ своимъ, какъ, государь, укажешь?

На адресъ: 129-го генваря въ 7 день подалъ Дмитрей Горожанинъ.

Помѣта: Чтена. Указалъ государь отписати о птицахъ по тому жъ, что писано о птицахъ въ Казань.

Отъ царя и великого князя Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Астарахань стольнику нашему и воеводе князю Семену Васильевичю Прозоровскому да окольному нашему и воеводе Ортемью Васильевичю Измайлову, да дьяку нашему Василью Мартемьянову. Писали есте къ намъ съ сотникомъ стрелецкимъ съ Дмитриемъ Горожанкинымъ, что оставливаютъ (*и проч.*). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ въ Астарахани русскимъ всякимъ людямъ приказали, чтобъ они шаховыхъ пословъ и купчинъ людямъ, которыхъ они оставливаютъ для всякихъ покупокъ въ Асторохани птицы ястребы обычные и ястребцы, и чеглики, и кобцы, и болобаны, и зверки горностаи, и куницы, и бѣлки живые, и лисицы красные продавали большею ценою, чтобъ птицъ и зверковъ не одешевити, — опричь кречетовъ и соколовъ, и ястребовъ бѣлыхъ, и опричь соболей и лисицъ и рысей живыхъ, и соболей живыхъ, и лисицъ черныхъ, и рысей живыхъ, и птицъ кречетовъ, и соколовъ, и ястребовъ бѣлыхъ продавати имъ отнюдь не велѣли некоторыми дѣлы, потому что тѣ звѣри и птицы посылаютца отъ насъ къ шаху въ дарѣхъ и ихъ бы не одешевити, и кромѣ бѣ нашия посылки тѣ звѣри и птицы изъ нашего государства къ шаху не ходили. А приказывали-бѣ есте о томъ російскимъ и всякимъ людямъ тайно, чтобъ про то кызылбашскіе купчины, которыхъ оставливаютъ въ Астарахани шаховы послы и купчины, не свѣдали, и имъ бы то было не знатно, да сказавъ бы есте такихъ птицъ и звѣрей, какихъ по нашему указу продавать не велено шаховымъ людямъ, не велѣли; а гдѣ притчею такой товаръ, кречетъ и соколъ, и ястребъ бѣлой и соболю живой, или лисицу черную и рысь увидятъ, и вы бѣ велѣли отказывать тому, у кого увидятъ, что то не продажное, сказывали бѣ, что куплено на нашъ обиходъ или ваше, воеводцкое, а такъ бы не отказывали, что продавать не велѣно, чтобъ однолично тѣмъ намъ съ шахомъ не ссоритца.

А продавали бѣ астраханцы торговые и всякіе люди кизылбашеномъ птицы балабаны, ястребы худые и ястребцы, и чеглики, и копчики, и иные мелкіе пгички и зверки, лисицы красные и горностаѣ, и бѣлки, и куницы, сказывая вамъ, доброу цѣною, и съ чести, а за бесцѣнокъ не отдавали. О томъ бы есте приказали тайно, чтобъ того кизылбашеномъ было не знатно, и сеѣ нашу грамоту вѣдали вы одни, а иной бы никто сеѣ нашіе грамоты не вѣдалъ, чтобъ про то у шаха не отозвалось, что о томъ нашъ указъ, что тѣхъ товаровъ его людямъ не продавать, чтобъ межъ насъ съ шахомъ о томъ ссоры не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7129-го оевраля въ 19 день.

Послана съ кизылбашского гонца съ приставы съ нижегородцомъ съ Барпомъ Скрыпьевымъ да съ толмачемъ съ Юрьемъ Ивановымъ того жъ дни.

⁷¹²⁹₁₆₂₁ іюля 23 и 29. Отписка изъ Астрахани отъ воеводъ о пріѣзжихъ изъ Персіи російскихъ торговыхъ людяхъ, коимъ чинено было тамъ великое притѣсненіе, цѣнили товары ихъ по произволению, нагладывали на оныя чрезмѣрныя пошлины и отымали безденежно. Отпускъ государевой грамоты о присылкѣ о томъ въ Москву обстоятельнѣйшаго свѣденія для объясненія шаху. На 10 листахъ.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. холопи твои, Сенка Прозовской, Ортюшка Измайловъ, Васка Мартемьяновъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, въ 129-мъ году іюня въ 10 день пріѣхали въ Астараханъ изъ за моря и съ Кизылбашскіе земли, на тецицкихъ бусахъ, рускіе торговые люди, казанецъ Семейка Дѣевъ съ товарищи, а въ роспросе намъ, холопомъ твоимъ, сказывали: какъ де, государь, они были въ Кизылбашской землѣ, и въ Ардевиде де, государь, да въ Легожане городѣхъ отъ приказныхъ людей и отъ тезиковъ была имъ теснота и обида, и насильство великое: товары ихъ, оцѣни сами своєю ценою, имали сильно, а иные товары у нихъ отнимали безденежно, и пошлины съ товаровъ ихъ имали великіе, а иныхъ де, государь, русскихъ людей напрасно били и за приставовъ давали, а прежь деи, государь, сего, какъ они, рускіе люди, въ Кизылбашской землѣ съ товары бывали, и имъ де, государь, такіе тесноты и обиды, и насильства не бывало. И мы, холопи твои, о тѣхъ обидахъ въ Кизылбашіи безъ твоего государева указу писати не смѣемъ, и образцовыхъ, государь, грамотъ, какъ писать, въ Астарахани нѣтъ. И о томъ, государь, намъ, холопомъ своимъ, какъ укажешь?

На адресъ: 129-го іюля въ 23 де(нь) подалъ астороханецъ Василей Уваровъ.

Помѣта: Отписать: велѣтъ отписать наскоро, распрося подлинно, кому именемъ и въ коемъ городѣ что насильство учинилося, и у кого что взяли, и сколь давно, и съ шахова-ль веленья или сами учинили? да о томъ отписать ко государю.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Асторахань стольнику нашему и воеводе князю Семену Васильевичу Прозоровскому, окольникову нашему и воеводе Ортемыю Васильевичю Измайлову да дьякомъ нашимъ, Василью Яковлеву да Василью Мартемьянову. Въ нынешнемъ во 129-мъ году іюля въ 23 день писали есте къ намъ съ астороханцомъ съ Васильемъ Уваровымъ, что въ нынешнемъ во 129-мъ году іюня въ 10 день (*и проч.*). А о томъ есте русскихъ торговыхъ людей не распросили и къ намъ не отписали: кому именемъ нашимъ людямъ въ Кизылбашской землѣ и въ которомъ городѣ насильство учинилося и отъ кого именно отъ кизылбашскихъ людей, и у кого что взяли имянно порознь, и сколь давно, и съ шахова-ль велѣнья такъ надъ нашими торговыми людьми дѣлали, или безъ шахова вѣдома? И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ тѣхъ всѣхъ торговыхъ людей, которые пріѣхали исъ Кизылбашъ, велѣли поставить передъ собою и ихъ распросили сами подлинно: кому именемъ нашимъ торговымъ людямъ и въ которомъ городе въ Кизылбашехъ шаховы приказные люди и тезики чинили насильство и обиды, и хто имяны шаховы люди, и какіе обиды и насильства чинили, и сколько у кого именемъ у нашихъ людей какихъ русскихъ товаровъ ценили по своей ценѣ силно и по ихъ ценѣ имали, и что кому передъ рускою ценою учинилось убытковъ, и на болько у кого какихъ товаровъ шаховыхъ приказные люди взяли силно, и кого именемъ нашихъ торговыхъ людей и которыхъ нашихъ городовъ шаховы приказные люди били и за приставовъ давали, и за что ихъ били и за приставовъ давали, и въ какихъ дѣлехъ, и съ шахова ли повелѣнья такъ надъ ними дѣлали или собою? И наши торговые люди шаховымъ приказнымъ людямъ о томъ били-ль челомъ и тезикомъ говаривали-ль, что онѣ надъ ними дѣлають негораздо, мимо прежніе обычи? И что имъ шаховы приказные люди и тезики противъ ихъ речей говорили и тѣ имъ отказывали? А распрашивали бѣ есте ихъ и къ намъ отписали о всемъ подлинно, чтобъ намъ было о чомъ впередъ къ шаху писати и неправды ихъ доходить было на комъ. Да и про пошлины бѣ есте нашихъ торговыхъ людей распросили подлинно жъ: въ прежнихъ годѣхъ, какъ онѣ въ шаховы города съ товары своими ѣзживали,

по чему съ ихъ русскихъ товаровъ на шаха имывали пошлинъ порознь и въ одинъ ли рядъ на приѣзде и на отпуске пошлины съ нихъ имывали, или вдвое, и какіе пошлины имали, или съ нихъ никакихъ пошлинъ напередъ сего не имывали? и сколько съ нихъ ныне взяли передъ прежнимъ лишнихъ пошлинъ? А роспрося ихъ подлинно, о томъ о всемъ отписали и роспросные ихъ рѣчи прислали къ намъ къ Москвѣ наскоро въ стаицѣ, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказе діякомъ нашимъ, думному Ивану Грамотину да Саве Раманчукову, да и впередъ которые наши торговые люди учнутъ къ вамъ въ Асторохань приѣзжать изъ Кизылбашъ, и вы бѣ ихъ по тому жѣ про то про все и про иные про всякіе вѣсти роспрашивали подлинно жѣ и о всемъ писали къ намъ по часту. Писанъ на Москвѣ лѣта 7129-го іюль въ 29 день.

На оборотъ: послана съ астороханскимъ сотникомъ стрелетцкимъ съ Олексѣемъ Бахмурымъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Борису Михайловичу Лыкову, да князю Ѳедору Петровичю Борятинскому, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Степанову да Ивану Васильеву. Нынешнего 129-го году іюля въ 23 день писали къ намъ изъ Асторохани (и проч.). И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ казанца Семейку Дѣва и иныхъ всѣхъ торговыхъ людей, которые приѣхали изъ Кизылбашъ, велѣли поставить передъ собою и ихъ роспросили сами подлинно: кому имянемъ нашимъ торговымъ людямъ и въ которово городѣ въ Кизилбашехъ шаховы приказные люди и тезики чинили насильство и обиды, и хто имяны шаховы люди, и какіе обиды и насильства чинили, и сколько у кого имянемъ нашихъ людей какихъ русскихъ товаровъ ценили по своей ценѣ сильно и по ихъ ценѣ имали, и что кому передъ рускою цѣною учинилось убытковъ, и на сколько у кого какихъ товаровъ шаховы жѣ приказные люди взяли сильно, и кого имянемъ нашихъ торговыхъ людей и которыхъ нашихъ городовъ шаховы приказные люди били и за приставовъ давали, и за что ихъ били и за приставовъ давали въ какихъ дѣлахъ, и съ шахова-ль повелѣнья такъ надъ ними дѣлали, или безъ шахова? И наши торговые люди шаховымъ приказнымъ людямъ о томъ бивали ль челомъ и тезикомъ говаривали ли, что онѣ и тезики надъ ними дѣлаютъ не гораздо, мимо прежніе обычай? и что имъ шаховы приказные люди и тезики противъ ихъ рѣчей говорили и чѣмъ имъ отказывали? А роспрашивали бѣ есте ихъ и къ намъ писали о всемъ подлинно, чтобъ намъ было о чемъ впередъ къ шаху писать и неправды ихъ доходить

было на комъ. Да и про пошлины бѣ есте нашихъ торговыхъ людей распросили подлинно жѣ: въ прежнихъ годѣхъ, какъ они въ шаховы города съ товары своими ѣзживали, по чему съ ихъ, съ русскихъ, товаровъ на шаха имывали пошлинѣ порознь, и въ одинѣ ли рядѣ на приѣздѣ и на отпускѣ пошлины съ нихъ имывали, или вдвое, и какіе пошлины имали, или съ нихъ никакихъ пошлинѣ напередъ сего не имывали? и сколько съ нихъ ныне взяли передъ прежнимъ лишнихъ пошлинѣ? А распрося ихъ подлинно, о томъ о всемъ отписали и распросы ихъ рѣчи прислали въ намъ къ Москвѣ наскоро въ станицѣ, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ дѣломъ нашимъ, думному Ивану Грамотину да Савѣ Раманчукову. Да и впередъ которые наши торговые люди учнутъ къ вамъ въ Казань приѣзжать изъ Кизылбашъ, и вы бѣ ихъ по тому жѣ про то про все и про иные про всякіе вѣсти спрашивали подлинно жѣ и о всемъ писали къ намъ почасту.

Внизу: 129-го іюля въ 29 де(нь) съ астороханскимъ сотникомъ стрелетцкимъ съ Олексѣемъ Бахмуровымъ.

Д О В А В Л Е Н І Е ¹⁾.

1617 ноября 18—1618 мая 24. Отпускъ изъ Москвы персидскихъ пословъ Кая Салтана и Булатъ бека, бытность ихъ у государя и у бояръ на конференціи, докладныя выписки и памяти въ равные приказы о давномъ въ прежнія времена отъ государя персидскимъ и російскимъ отправляемымъ въ Персію посламъ жалованьѣ. Записки шаховымъ и посольскимъ подаркамъ съ аценкою оныхъ. Грамоты государевы въ понизовыя города также къ Кумыцкому князю Гирею и къ Горскимъ князьямъ о пропускѣ, какъ вышеупомянутыхъ персидскихъ, такъ и отправляемыхъ съ ними російскихъ пословъ князь Михайла Борятинскаго, Ивана Чичѣрина и дьяка Михайла Тюхина и о дачѣ имъ корму, питья, судовъ, подводъ и провожатыхъ. На 246 листахъ ²⁾.

⁷¹²⁶
¹⁶¹⁸ *ченв. 4. Церемоніалъ, какъ были у государя на отпускъ персидскіе послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ, о чемъ предлагали будучи въ набережной полатъ съ бояры на конференціи и что имъ на то отвѣтствовано, чѣмъ государъ пожаловалъ сихъ пословъ на отпуажъ; и выписка съ 1590-го по 1617 годъ, что давалось на отпускахъ персидскимъ*

¹⁾ Это дѣло по недосмотру не было помѣщено въ надлежащемъ мѣстѣ. Ему слѣдуетъ находиться послѣ 298-й страницы, передъ посольствомъ князя М. П. Бяратинскаго.

²⁾ Въ дѣйствительности на 256 листахъ.

посламъ и посланникамъ государева жалованья, и что послано съ посланникомъ Ѳедоромъ Левонтьевымъ къ шаху поминковъ. (Л. 1—58).

И генваря въ 4 де(нь) въ недѣлю визылбашскіе послы Кая бекъ да Булатъ бекъ были у государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на дворѣ на отпусѣ. А посыланъ подъ визылбашскихъ пословъ звати ихъ въ государю приставъ ихъ, князь Ѳедоръ Волконской. А лошади подъ нихъ съ санми и подъ шаховыхъ речетниковъ и подъ посольскихъ людей лутчихъ лошади съ сѣдлы посланы зъ государевы конюшни противъ того же, сколько послано въ нимъ въ тѣ поры, какъ онѣ были у государя на пріѣздѣ.

А ѣхали съ послы въ городъ: у большово посла ѣхалъ съ правую сторону князь Ѳедоръ Волконской, а съ лѣвую — дѣязъ Иванъ Шевыревъ. А у дрогово посла съ правую сторону ѣхалъ Соловой Протасевъ да переводчикъ Своятинъ Каменевъ. А передъ послы ѣхали въ городъ дѣти боярскіе и дворовые люди, и подъячихъ и конюховъ 100 человекъ.

А государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. въ тѣ поры былъ въ золотой въ средней въ подписной полатѣ и сидѣлъ въ своемъ царскомъ въ большомъ мѣстѣ и въ царскомъ платьѣ въ діадимѣ съ скипетромъ. А по обѣ стороны государя стояли рынды въ бѣломъ платьѣ и въ золотыхъ чепяхъ, съ правую сторону стольники: князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Одоевской да князь Матвѣй князь Васильевъ сынъ Прозоровской, съ лѣвую сторону: князь Семень князь Васильевъ сынъ Прозоровской да князь Михайло князь Семеновъ сынъ Гагаринъ. А бояре и окольничіе, и дворяне большіе сидѣли въ золотыхъ шубахъ да въ черныхъ шапкахъ. Въ большой лавкѣ отъ государя сидѣли бояре: князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславской, князь Иванъ Михайловичъ Воротынской съ товарищи. А въ другой лавкѣ по правую сторону отъ государя сидѣли бояре же: князь Оеонасей Васильевичъ Лобановъ-Ростовской и окольничіе жъ и дворяне большіе. А думные дѣяки Сыдавной Васильевъ, Миколай Нововщеновъ стояли. А стольники и дворяне большіе сидѣли при государѣ въ полатѣ въ золотномъ же платьѣ. А въ сѣнехъ передъ золотою позатою сидѣли дворяне и дѣяки и приказные люди и гости въ золотномъ же платьѣ. А по крыльцу и по средней лѣсницѣ были дворяне же и дѣти боярскіе и приказные люди въ золотномъ же и въ чистомъ платьѣ. А стрѣльцы всѣхъ приказовъ стояли съ рушницами отъ середніе лѣсницы и до Ѳроловскихъ воротъ и ото Ѳроловскихъ воротъ площадью, и Ильинскою улицею до посольского двора, гдѣ стояли визылбашскіе послы. А пріѣхавъ послы въ городъ, вышли изъ саней на мостки противъ казенные

полаты середнего быка. А вретники и барсовники сѣли съ лошадей противъ казенново двора воротъ; а посольскіе люди сѣли у угла Арханьилскіе паперти. И шли послы къ государю середнею лѣсеницею. А какъ послы вошли на переходы, и встрѣчали ихъ двѣ встрѣчи: въ первой встрѣчѣ вышелъ изъ проходныхъ сѣней на крыльцѣ князь Олексѣй князь Григорьевъ сынъ Долгорукой да діакъ Богданъ Губинъ; въ другой въ большой встрѣчѣ среди проходные полаты встрѣтили князь Динило князь Ивановъ сынъ Долгорукой да діакъ Семень Головинъ. И шли встрѣчники передъ послы: первой встрѣчѣ напередъ, а другой послѣ ихъ.

А какъ послы вошли къ государю въ полату, и явилъ ихъ государю челомъ ударить окольнічей Олексѣй Ивановичъ Зузинъ, а молилъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель! Брата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли шаха Аббаса послы Кая бекъ да Булатъ бекъ вамъ, великому государю, челомъ ударили и на вашемъ царскомъ жалованьѣ челомъ бьютъ.

И послы били челомъ на государевѣ жалованьѣ, что государь жаловалъ, послылакъ къ нимъ съ столомъ. И государь пожаловалъ, велѣлъ посломъ сѣсти на скамейкѣ, а скамейка была, какъ и литовскимъ посломъ.

А посидѣвъ мало, велѣлъ государь посольскому думному діяку Петру Третьякову кызылбапскимъ посломъ молить рѣчь. И по государеву приказу думной діакъ Петръ говорилъ посломъ рѣчь, а молилъ:

Кая бекъ, Булатъ бекъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ вамъ говорити: о которыхъ дѣлехъ писалъ къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. братъ нашъ, шахъ Аббасъ, въ своей любительной грамотѣ и о которыхъ о нашихъ государскихъ о вопчихъ дѣлехъ вы нашимъ приказнымъ людямъ послѣ посольства объявили, и мы, великій государь, наше царское величество тѣ всѣ дѣла выслушали и велѣли вамъ на тѣ на всѣ дела отвѣтъ учинить боярину нашему и намѣстнику нижегородцкому князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому-Ярославскому, окольнічему нашему и намѣстнику шатцкому Олексѣю Ивановичю Зузину да думному нашему діяку Петру Третьякову, да дьяку Саве Раманчукову, и вы подите въ отвѣтную полату.

А какъ рѣчь изговорилъ, и государь велѣлъ съ послы приставомъ итти въ отвѣтную въ набережную полату. А провожали ихъ встрѣчники до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали.

А какъ пошли послы отъ государя въ отвѣтную полату, и государь велѣлъ къ себѣ позвати исъ посольскіе полаты кумытцого Гирѣя князя да брата его Ильдарова посла Смаля. А какъ онъ у государя былъ и что ему при государѣ дано жалованья, и какъ рѣчь говорена на отпускѣ, и тому всему записка въ особномъ въ кумытцоемъ столпикѣ.

А какъ Гирѣевъ и Ильдаровъ посолъ пошелъ отъ государя къ себѣ, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. посылалъ хъ кызылбашскимъ посломъ отъ себя, отъ государя, съ отвѣтомъ боярина и намѣстника нижегородцково князя Олексѣя Юрьевича Ситцкого да окольничего и намѣстника шатцково Олексѣя Ивановича Зузина, да думново діяка Петра Третьякова, да дьяка Саву Раманчукова. И какъ бояре и дьяки вошли въ отвѣтную полату, и послы бояръ встрѣтили среди полаты, и явилъ бояръ посломъ діякъ Савъ Раманчуковъ, а молилъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель выслалъ къ вамъ на отвѣтъ бояръ своихъ: боярина своего и намѣстника нижегородцково князя Олексѣя Юрьевича Ситцкого, окольничего и намѣстника шатцково Олексѣя Ивановича Зузина да думново діяка Петра Третьякова, да діяка меня, Саву Раманчукова.

И бояре и дьяки съ послы корошевались, а корошевався, сѣли бояре и дьяки по мѣстамъ, а посломъ велѣли сѣсти противъ себя на скамейкѣ и говорили посломъ отвѣтъ по статьямъ.

Бояринъ князь Олексѣй Юрьевичъ Ситцкой говорилъ: Божією милостию великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ вамъ говорити: пришли есте къ нашему ц. в. отъ брата нашего шахъ Аббасова в. о дружбѣ и о любви съ любительною грамотою и о иныхъ нашихъ государскихъ о вопчихъ о любительныхъ дѣлахъ, и мы, великій государь, наше ц. в. ту, брата нашего, грамоту выслушали любительно, а въ грамотѣ къ нашему ц. в. братъ нашъ шахъ Аббасово в. писалъ, что присылали есмь къ нему, брату нашему, посланника нашего съ нашею царского в. съ любительною грамотою, и онъ, братъ нашъ, шахъ Аббасово в. грамоту нашего ц. в. приняли и рѣчь у посланника нашего выслушали любительно и, слыша про наше ц. в. здоровье, братъ нашъ Аббасъ шахово в. добрѣ обрадовался. И учинился братъ нашъ шахъ Аббасово в. съ нами, великимъ государемъ, съ нашимъ ц. в. въ брацкой любительной дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ такъ же, какъ и съ

прежними великими государи цари и в. князи російскими, предки нашими. И послалъ къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. о дружбѣ и о любви съ нашимъ посланникомъ вмѣстѣ съ своею любительною грамотою тебя, посла своего вѣрнаго и ближнего своего двора капычѣйского агу Кая бека, и намъ бы, великому государю, нашему ц. в. съ нимъ, братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в. по тому же быть въ братственной въ крѣпкой дружбѣ и любви, и въ ссылкѣ, и торговымъ бы людямъ торгъ былъ повольной. А что намъ, великому государю, годно въ его, брата нашего, государствѣ, и намъ бы, великому государю, о томъ велѣти къ нему, брату нашему, къ шахъ Аббасову в. приказати, и онъ то все наше дѣло любительно исполнить. А вы, брата нашего шахъ Аббасова в. послы, послѣ посольства нашимъ приказнымъ людямъ въ рѣчахъ своихъ объявили, что де приказалъ вамъ братъ нашъ, великій государь вашъ, шахъ Аббасово в. намъ, великому государю, нашему царскому в. известити, что по нашему ц. в. указу посланникъ нашъ Федоръ Левонтьевъ говорилъ брату нашему, шахъ Аббасову в., чтобъ онъ, братъ нашъ, прислалъ къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. въ помочь противъ нашихъ недруговъ денежные казны, и государь де вашъ посланнику нашему сказалъ, что онъ, братъ нашъ, посылаетъ нынѣ къ нашему ц. в. леккую казну, что нынѣ у него, брата нашего, вскорѣлучилось послать. А какъ, дастъ Богъ, вы, послы его, брата нашего, будете у насъ, великого государя, у нашего ц. в., и что мы, великій государь наше царское в. къ нему, брату нашему, къ шахъ Аббасову в. съ вами о казнѣ или о ратныхъ людехъ, или про иное про какое дѣло прикажемъ, и братъ нашъ, великій государь вашъ, шахъ Аббасово в., то все намъ, великому государю, нашему ц. в. по нашей царской волѣ исполнить, какъ нашему ц. в. будетъ годно.

Окольниковъ Олексѣй Ивановичъ Зузинъ говорилъ:

Божіею милостию великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ вамъ говорити:

И какъ всемогущего Бога милостию и хотѣніемъ, а по племени прежнихъ великихъ государей ц. и великихъ князей російскихъ и по избранью всѣхъ великихъ Російскихъ государствъ всякихъ чиновъ людей учились мы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. с., на нашихъ великихъ и преславныхъ Російскихъ государствахъ великимъ государемъ царемъ и в. кн. в. Р. самодержцемъ, и мы, великій государь, наше ц. в., вѣдая прежнихъ великихъ государей

ц. и в. кн. російскихъ, предковъ нашихъ, съ прежними великими государи персидскими шахи съ предки государя вашего и нынешнего великого государя вашего, брата нашего, шахъ Аббасова в. зъ дядею нашимъ, съ великимъ государемъ, блаженные высокославные памяти, съ царемъ и в. кн. Ѳеодоромъ Ивановичемъ в. Р. с. и съ царемъ и великимъ княземъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ в. Р. с. братственную дружбу и любовь и ссылку, и хотя мы, великій государь ¹⁾, впередъ зъ братомъ нашимъ съ шахъ Аббасовымъ в. быти въ крѣпкой брацкой дружбе и въ любви и въ сылке прежь всѣхъ великихъ государей братья нашей брату нашему, шахъ Аббасову в-ву, нашею братственною дружбою и любовью оказались: посылали есмь къ нему, брату нашему, государство наше обестити и о братственной дружбѣ и о любви напомянути посланника нашего, Михайла Тиханова, и его, брата нашего, шахъ Аббасова в. посла Амиръ Але(и) бека, которой былъ въ нашихъ великихъ Російскихъ государствахъ въ безгосударное время, къ нему, брату нашему, отпустили. И братъ нашъ, шахъ Аббасово в., того нашего посланника принялъ и къ намъ ево отпустилъ; а съ нимъ вмѣсте присылалъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству съ своею любительною грамотою и поздравляти насъ, великого государя, на нашихъ великихъ и преславныхъ государствахъ посланника своего тебя, Булатъ бека. А въ грамотѣ своей къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. братъ нашъ, шахъ Аббасово в., писалъ и рѣчью съ тобою приказывалъ, что онъ, братъ нашъ, хочеть съ нами, великимъ государемъ, быти въ крѣпкой братственной дружбѣ и любви и въ сылѣ навѣки неподвижно и на всякого нашего недруга хочеть съ нами, великимъ государемъ, стояти заодно. А напередъ тебя, Булатъ бека, присылалъ къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. братъ нашъ, шахъ Аббасово в., зъ грамотою въ прошломъ во 123-мъ году гилянца Хозя Муртозу, и Хозя Муртоза говорилъ нашимъ приказнымъ людямъ: будетъ намъ, великому государю, противъ нашихъ недрузей надобно на помощь какіе казны или ратныхъ людей, и намъ бы, великому государю, къ брату нашему, къ великому государю вашему, къ шахъ Аббасову в.—ву отписать или приказать, не стыдась, и онъ, великій государь, братъ нашъ, шахъ Аббасово в. намъ, великому государю, ни за что не постоитъ: тотчасъ къ намъ, великому государю, казны пришлетъ. И мы, великій государь, наше ц. в., оказуючи къ брату нашему, къ шахъ Аббасову

¹⁾ Въ другомъ спискѣ послѣ этихъ словъ прибавлено: наше царское в-во.

в., нашу царскую дружбу и любовь, тебѣ, Булатъ беку, велѣли наши царскіе очи видети вскоре и грамоту брата нашего приняли и выслушали любительно, и тебя, пожаловавъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, отпустили къ брату нашему, не издержавъ, а съ тобою вмѣсте послали есмь къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в. нашихъ посланниковъ, дворенина нашего Федора Исаковича Левонтьева да дьяка Богдана Тимоѣева о братственной же дружбѣ и о любви, и чтобъ братъ нашъ, шахъ Аббасово в., къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. начало своей братственной дружбы объявилъ: противъ нашего недруга полского короля нашему ц. в. вспоможенъе учинилъ своею казною, какъ ему будетъ возможно. И братъ нашъ, шахъ Аббасово в., посланника нашего Федора Левонтьева и у него нашу грамоту принялъ и рѣчи у него выслушалъ любительно, и къ намъ, великому государю, отпустилъ, не издержавъ, и съ нимъ вмѣсте прислалъ къ намъ, къ великому государю, вась, пословъ своихъ: Кая салтана да Булатъ бека съ своими любительными поминки. Да съ вами жъ вмѣсте къ намъ, великому государю, прислалъ въ слиткахъ серебра нынѣшними московскими новыми деньгами, что у брата нашего въ то время случилось, на 7260 рублей¹⁾. И мы, великій государь, наше ц. в., отъ брата нашего великого государя вашего, шахъ Аббасова в., тѣ нынѣшніе ево къ намъ, великому государю, любительные поминки и серебро, что онъ съ вами, послы своими, къ намъ, великому государю, прислалъ, принимаемъ въ братственную сердечную дружбу и любовь, и противъ того мы, великій государь, наше ц. в. брату нашему, шахъ Аббасову в., также будемъ нашею братственною дружбою и любовью воздавати, какъ будетъ намъ, великому государю, возможно. И учинились мы, великій государь, наше ц. в., зъ братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в., въ крѣпкой братственной въ неліцемерной дружбе и любви и въ ссылке мимо всѣхъ великихъ государей навеки неподвижно. И ныне вась, брата нашего пословъ, къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в., отпускаемъ; а съ вами вмѣсте посылаемъ къ брату нашему пословъ нашихъ о братственной дружбѣ и о любви и о иныхъ нашихъ государскихъ о великихъ дѣлахъ, которые намъ обоимъ, великимъ государемъ, къ дружбе и къ любви годны. И братъ бы нашъ, шахъ Аббасово в., по тому жъ былъ съ нами, великимъ государемъ, въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ любви и въ ссылке навеки неподвижно, и пословъ бы нашихъ отпустилъ къ намъ, великому

¹⁾ Во второмъ спискѣ: 7000. См. листъ 73-й (вторичный).

государю, не издержавъ. А ныне мы, великій государь, наше ц. в. вамъ велѣли объявити, что мы ныне войну ведемъ съ недругомъ нашимъ и съ разорителемъ нашего Московского государства, съ польскимъ Жигимонтомъ королемъ, отстави всякіе наши дѣла со всѣми государи, за его многіе неправды и за разоренье нашего Московского государства. И ныне насъ, великого государя, нашего царского в., у брата нашего, у шахъ Аббасова в., любительное прошенье то и съ послы нашими, и съ вами къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в., приказываемъ о томъ же, чтобъ братъ нашъ шахъ Аббасово в. къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. совершенную свою истинную сердечную братственную дружбу и любовь показалъ, прислалъ къ намъ, великому государю, противъ недруга нашего полсково короля казны денежныя въ помощь, чѣмъ бы намъ, великому государю, было нашихъ ратныхъ людей противъ недруга нашего пожаловать и противъ его за его многіе неправды стоять, а то брату нашему, шахъ Аббасову в., и вамъ, посломъ его, самимъ вѣдомо подлинно, что наши великіе Російскіе государства великіе и многолюдные, толко ныне за грѣхъ ото многіе ровни и межъусобья до нашего государства и отъ войны недруга нашего полсково Жигимонта короля ратные наши всякіе люди всѣмъ пооскудѣли. И братъ бы нашъ, шахъ Аббасово в., къ намъ, великому государю, нынѣ совершенную свою братственную дружбу и любовь показалъ: прислалъ къ намъ, великому государю, на вспоможенье противъ недруга нашего казны, чѣмъ бы намъ, великому государю, ратныхъ нашихъ людей пожаловать. А какъ наше ц. в. съ недругомъ нашимъ съ польскимъ королемъ поуправился, и мы, великій государь, наше ц. в. тоѣ казну къ брату нашему, шахъ Аббасову в., заплатить велимъ, какими узорочьи изъ нашего государства шахову в. будетъ годно. Да и сверхъ того мы, великій государь, наше ц. в., брату нашему, шахъ Аббасову, в., противъ тоѣ ево любви учнемъ воздавати нашею братственною дружбою и любовью, гдѣ будетъ нашему ц. в. возможно.

Думной дѣякъ Петръ Третьяковъ говорилъ:

Божію милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ вамъ говорить:

А что вы, брата нашего послы, сверхъ брата нашего грамоты въ речахъ своихъ нашимъ приказнымъ людямъ объявили, что братъ нашъ, шахъ Аббасово в., приказывалъ вамъ намъ, великому государю, нашему ц. в., известити, чтобъ нашему ц. в. велѣти по прежнему на Койсѣ и

въ Торкахъ, хоти и до Дербени, поставитъ города, а въ помочь де государь вашъ, шахъ Аббасово в., къ нашему ц. в. пришлетъ своихъ ратныхъ людей тысечь тритцать или сорокъ, или сколько будетъ намъ, великому государю, годно, да о томъ де государь вашъ Аббасъ шахъ приказалъ ближнему своему Исупъ хану: только изъ нашихъ городовъ пришлютъ нашего ц. в. воеводы о ратныхъ людехъ или о какихъ дѣлехъ ни буди, хоти стрельца, а государю вашему шахъ Аббасову в. въ тѣ поры любо лучитца гдѣ вдали быти, и Исупъ ханъ бы, не посылая съ тою вѣстью къ государю вашему ¹⁾, тотъ бы часъ ратныхъ людей посылалъ въ помочь къ нашимъ воеводамъ изъ которыхъ городовъ присылка будетъ (*сверху*: по статьямъ ²⁾). И нашему ц. в. и самому то надобно, что на Койсѣ и въ Торкахъ города поставити, да нынѣ того вскорѣ нашему ц. в. за войною съ недругомъ нашимъ, съ польскимъ королемъ, учинити немочно, про то самому брату нашему, шахъ Аббасову в., и вамъ вѣдомо подлинно, что нынѣ наше ц. в., оставя всякіе наши дѣла, ведемъ войну съ недругомъ нашимъ съ полскимъ Жигимонтомъ королемъ и съ его Польскою и съ Литовскою землею, и нынѣ всего нашего великого Російсково царствія всѣхъ городовъ всякіе ратные люди противъ полсково короля и противъ ево Польскіе и Литовскіе земли стоятъ. А какъ по милости Божіей наше ц. в. съ недругомъ нашимъ, съ полскимъ королемъ, поуправимся, и наше ц. в. на Койсѣ и на Суншѣ, и въ Торкахъ, и в-ыныхъ, въ которыхъ будетъ мѣстехъ пригоже, города велимъ поставитъ тотчасъ и людей, и запасы въ тѣхъ городѣхъ велимъ устроить и учнемъ на общихъ нашихъ недруговъ съ шаховымъ в. стояти заодинъ. А что братъ нашъ, шахъ Аббасово в., хочеть намъ, великому государю, своихъ ратныхъ людей въ помочь давати, какъ мы станемъ тѣ города ставити, и мы, великій государь, наше ц. в. то отъ брата нашего, отъ шахъ Аббасова в., пріимаемъ въ любовь и противъ того ему, брату нашему, такъ же будемъ воздавати нашею царскою любовью, гдѣ будетъ намъ, великому государю, возможно. И будетъ намъ, великому государю, въ тѣ поры, какъ мы тѣ города великимъ ставити, ратные прибылые люди надобеть, и мы, великій государь, наше ц. в. о томъ зъ братомъ нашимъ съ шахъ Аббасовымъ в. впередъ обошлемся.

Діакъ Сава Раманчуковъ говорилъ:

¹⁾ Во второмъ спискѣ этого слова нѣтъ. См. 78-й листъ (вторичный).

²⁾ По статьямъ — нѣтъ. Это помѣта для переписчика.

Божією милостію великій государь ц. и в. кн. Михайло Федорович в. Р. с. велѣлъ вамъ говорить:

А что вы жъ нашимъ приказнымъ людемъ объявили, будто въ Астарахани, зазвавъ къ себѣ, воеводы, государя вашего купчины Ходжа Сеитовъ челоуѣка и подиѣти у него двѣсти рублевъ денегъ, оманули и его крестили, а деньги взяли себѣ ¹⁾, и ныне есте того малово привезли къ Москвѣ съ собою и прислали его ²⁾ въ посольской приказъ къ нашимъ приказнымъ людемъ для роспросу, и то дѣлалось тѣмъ обычаемъ: въ прошломъ во 125-мъ году писали къ нашему ц. в. изъ Астарахани воеводы наши ³⁾, князь Ондрѣй Ондрѣевич Хованской съ товарищи, что тотъ малой пришелъ къ нимъ въ розрядную избу самъ и сказался родомъ крестьянинъ Переславля Резанского села Петровского; а взяли де ево въ полонъ нагайскіе татарове мала, и былъ онъ въ Нагаехъ и въ Черкасехъ; а изъ Черкасъ продали ево въ Шамаху, а въ Шамахѣ жилъ онъ у тезика у Хозь Налѣя, а Хозя продалъ ево тезику жъ Сеиту, а тезикъ Сеитъ прислалъ ево въ Астарахань съ товары вмѣстѣ зъ Гирѣвымъ челоуѣкомъ съ Сеитомъ, и онъ деи, испродавъ всѣ товары, изъ Астарахани назадъ въ Шамаху ѣхать не похотѣлъ и пришелъ въ Астарахани къ нимъ, воеводамъ, и сказался родомъ крестьянинъ и хочеть быти въ нашей православной крестьянской вѣрѣ. И онѣ ево дали подѣ начало богомольцу нашему астараханскому архіепископу. Да и самъ тотъ малой нынѣ на Москвѣ въ роспросѣ сказалъ, что онъ родомъ русакъ, уроженецъ Переславля Резанского села Петровского и отца и матеръ помнитъ, а взяли деи ево въ полонъ нагайскіе люди мала, и въ полону онъ былъ въ Нагаехъ и въ Черкасехъ и въ Шемахѣ двенатцеть лѣтъ, и въ Астарахань пріѣхалъ зъ Гирѣвымъ челоуѣкомъ зъ гилянцомъ съ Сеитомъ. И какъ деи онъ исторговался, и онъ изъ Астарахани назадъ не поѣхалъ потому, что онъ мусульманскіе вѣры держать не похотѣлъ, а похотѣлъ держать нашу православную христианскую вѣру, и пришедъ, о томъ билъ челомъ воеводамъ нашимъ самъ, чтобъ ево приняли. И воеводы наши ево приняли и въ Астарахани ево держали подѣ началомъ. И крещенъ онъ опять въ нашу истинную въ православную христианскую вѣру. А изъ Астарахани онъ пріѣхалъ съ вами для того жъ, чтобъ ему здѣсь быть въ православной христианской вѣрѣ, и нынѣ ево изъ православные вѣры назадъ отдати не мочно. А что въ вашемъ же письмѣ на-

¹⁾ Къ себѣ. Л. 83-й.

²⁾ Во второмъ спискѣ этого слова нѣтъ. Л. 83-й.

³⁾ Наши — нѣтъ. Л. 83-й.

писано про деньги, что будто съ того малово взяли наши астараканскіе воеводы двѣсти рублевъ, и то дѣлалось такъ: писали къ нашему ц. в. изъ Астаракани воеводы наши: какъ тотъ малой Лачинко, отставъ отъ тезика, отъ Сеита, пришелъ къ нимъ въ розрядную избу и сказался родомъ русакъ и хочеть быти въ нашей въ православной хрестыанской вѣре, и они, не вѣря тому малому въ сносѣ, велѣли ево обыскать передъ собою и нашли у него въ мошнѣ семь золотыхъ да въ рубашкѣ у него же зашито было заповедныхъ старыхъ рускихъ денегъ 51 рубль съ полтиною. Да тотъ же малой имъ сказалъ, что Гирѣвъ человекъ Сеитъ, съ которымъ онъ прїѣзжалъ въ Астаракань, повезъ изъ Астаракани на себѣ тайно, зашивъ въ рубашкѣ, заповедныхъ денегъ со сто рублевъ. И онѣ по ево скаскѣ посылали за тѣмъ тезикомъ обыскивать его, на бусу, и нашли де у того Гирѣва человека зашито въ рубашкѣ и привезли къ нимъ 113 рублевъ старыхъ московскихъ денегъ. И онѣ тѣ деньги, что сняли съ малово и что нашли на бусѣ у Гирѣва человека, взяли въ нашу казну. И послѣ того писалъ къ нимъ съ Терки воевода нашъ Миката Велѣминовъ зъ Гирѣвымъ человекомъ съ Тумулдукомъ, да и Гирѣй отъ себя къ нимъ въ Астаракань съ нимъ же, съ Тумулдукомъ, писалъ, что тотъ малой збѣжалъ отъ человека его, отъ Сеита, а снесъ съ собою отъ того Сеита его, Гирѣвыхъ, да брата его, Ильдаровыхъ, 64 рубли денегъ да 7 золотыхъ, да съ человека ево съ Сеита сняли ево жъ, Гирѣвыхъ, да брата его, Ильдаровыхъ, денегъ старыхъ 120 рублевъ, и имъ бы того малово и деньги и золотые, сыскавъ, отдати человеку его Тумулдуку. И по нашему указу посланъ въ Астаракань къ воеводамъ нашъ указъ, а велено тѣ деньги и золотые, что снято съ малово и что взято у Гирѣва человека, у Сеита, отослати къ Гирѣю князю, и тѣ денги и золотые отосланы къ Гирѣю. Да и самъ тотъ малой ныне въ роспросѣ сказалъ, что съ него взяли воеводы наши семь золотыхъ да 51 рубль денегъ. Да зъ Гирѣва человека взяли 120 рублевъ денегъ, будто его жъ, и вамъ тѣхъ денегъ спрашивать на Гирѣ князѣ и на его людехъ, которымъ тѣ деньги по нашему указу наши астараканскіе воеводы отдали. А что вы жъ нашимъ приказнымъ людямъ объявили, что оставлены въ Казани люди ваши съ шаховою казною, Касимъ съ товарищи, и нашему бѣ ц. в. для брата нашего шахъ Аббасова в. дружбы и любви велѣти послати въ Казань нашу царскую грамоту, чтобъ тому Касиму шахову казну продавати въ Казани повольно, и пошлнѣ бы съ шаховы казны имать не велѣтъ, и чтобъ того Касымка ¹⁾ воеводамъ нашимъ изъ города въ тотарскую

¹⁾ Касымъ. Л. 86.

слободу и инде нигдѣ и въ деревни выпускать не велѣтъ, а велѣтъ у него быти караульщикомъ,—и мы, великій государь, для брата нашего, шахъ Аббасова в., братственные дружбы и любви товары шаховы въ Казани людемъ вашимъ велѣли продавати повольно, и пошлинъ съ нихъ имать не велѣли, а хъ Касымку велѣли держать береженье и изъ города въ тотарскую слободу и инуды нивуды пускать ево не велѣли. И наше царское повелѣнье о томъ въ Казань къ воеводамъ нашимъ въ тѣ жъ поры, какъ вы о томъ нашимъ приказнымъ людемъ объявили, послано.

А что ты, Булатъ бекъ, билъ челомъ нашему ц. в—ву: взялъ деи у челоуѣка твоего на Терекъ бояринъ нашъ и воевода Петръ Головинъ 300 рублевъ денегъ, и тѣхъ деи денегъ и по ся мѣста тебѣ не отдано, и намъ бы тебя пожаловати, тѣ деньги велѣти, сыскавъ, тебѣ отдати,—и по нашему указу про тѣ деньги сыскivano бояриномъ нашимъ Петромъ Петровичемъ Головиннымъ, а въ сыску бояринъ нашъ сказалъ, что онъ у челоуѣка твоего никакихъ денегъ въ нашу казну и себѣ не имывалъ и челоуѣка твоего никого не видалъ; а дѣялось де тѣмъ обычаемъ: въ которомъ году—того не упомянуть—били челомъ ему, Петру, прѣхавъ на Терекъ изъ Астарахани, тезики на терскихъ стрелцовъ, а сказали, что будто послали онѣ съ тѣми стрелцы изъ Астарахани двѣсти рублевъ денегъ, и они имъ не отдали, и онъ тѣмъ тезикомъ на тѣхъ стрелцовъ давалъ судъ, и на судѣ стрелцы въ тѣхъ денгахъ отвечали, что онѣ у нихъ денегъ дву сотъ рублевъ не имывали, да слались на астараханскую проѣзжую грамоту, что тѣхъ денегъ и въ проѣзжей грамотѣ не написано. И онъ деи велѣлъ имъ положить передъ себя проѣзжую грамоту, и тезики передъ него астараханскую проѣзжую грамоту клали, и онъ, Петръ, тоѣ грамоты досматривалъ самъ, и въ той де грамотѣ товары всѣ, которые пошли съ ними на Терекъ изъ Астарахани, написаны имянно, а тѣхъ денегъ въ проѣзжей грамотѣ не написано. И онъ ¹⁾, Петръ, тезиковъ про то имянно допрашивалъ: для чего тѣ деньги у нихъ въ проѣзжей грамотѣ не написаны и почему онѣ въ тѣхъ денгахъ стрелцомъ вѣрили? И тезики деи сказали, что тѣ деньги у нихъ въ проѣзжей грамотѣ не написаны, а деньги они съ стрелцы послали, вѣря имъ, что онѣ терскіе жильцы и съ ними всегда знаютца. И онъ деи, бояринъ нашъ, тезикомъ въ тѣхъ денгахъ отказалъ потому, что тѣ деньги въ проѣзжей грамотѣ не написаны.

А что ты жъ, Булатъ бекъ, билъ челомъ нашему ц. в., что въ

¹⁾ И онъ деи. Л. 88.

Астарахани жъ не стало человекѣка твоего Хожа Сухамбедина, а послѣ того человекѣка твоего взяли астараханскіе воеводы живота его 115 ансырей шолку розново цвѣту и тебѣ деи того шелку и по ся мѣста не отдано, и намъ бы тебя пожаловати, велѣти тотъ шелкъ тебѣ отдати. И мы, великій государь, про тотъ шолкъ сыскали, что тотъ человекѣка твоего шелкъ и нынѣ въ Астарахани въ нашей казнѣ, и нынѣ мы, великій государь, тебя пожаловали: тотъ шелкъ велѣли тебѣ отдати. А будетъ тотъ шолкъ проданъ, и мы за тотъ шелкъ велѣли тебѣ изъ нашеи казны въ Астарахани деньги заплатить. (*Противъ этой статьи сбоку написано: Послать грамота съ ними жъ въ Астарахань*).

А что вы жъ, послы, били челомъ нашему царскому в., чтобъ намъ васъ пожаловати, поволить вамъ купити литовского и тотарского ясырю, робать и дѣвокъ, сколько пригоже, и мы, великій государь, для брата нашего шахъ Абасова в. братственные дружбы и любви, васъ пожаловали, поволели вамъ купити полону всякого 20 человекъ.

А что вамъ же братъ нашъ шахъ Аббасово в. велѣлъ намъ, великому государю, нашему ц. в. извѣстити, чтобъ нашему ц. в. кумытцкимъ княземъ и ихъ людемъ ни въ чемъ не вѣрйти, потому что въ нихъ правды нѣтъ и впередъ отъ нихъ правды ждать нѣчего, одинъ въ кумытцкихъ князехъ у государя вашего шахъ Аббасова в. въ послушаньѣ Гирѣя князь, и нашему бѣ ц. в.—ву и тому вѣрить не велѣтъ, лише бѣ нашему ц. в.—ву велѣтъ ему вѣрить въ томъ, дѣлѣ, о каковѣ дѣлѣ къ намъ, великому государю, братъ нашъ, шахъ Аббасъ, пришлетъ грамоту за своею малою печатью, которую онъ на своей рукѣ носитъ. А только мы, великій государь, велимъ поставити города по прежнимъ мѣстамъ, и государь вашъ, шахъ Аббасъ, Гирѣя князя хочетъ перевести со всѣмъ кобакомъ въ свое государство въ украинное мѣсто, чтобъ отъ Кумыкъ подале и чтобъ межъ нашего царского в. и межъ государя вашего государствъ иныхъ сосѣдей никого не было,—и въ кумытцкихъ князехъ и мурзахъ при нашемъ государствѣ никакихъ неправдъ къ намъ, великому государю, не объявлялось, и къ недругомъ нашимъ ни хъ которымъ не приставаютъ живутъ и намъ служить во всей ¹⁾ царской волѣ и въ нашу отчину на Терку къ нашимъ воеводамъ о всякихъ нашихъ дѣлѣхъ приѣзжаютъ и къ брату нашему, къ шахъ Аббасову в., грубостей ихъ и неправдъ некоторыхъ при нашемъ государствѣ не вѣ-

¹⁾ Во всей нашей. Л. 91.

даемъ же и не слышали ¹⁾. А будетъ впередъ въ кумыцкихъ или въ черкасскихъ князехъ передъ нами, великимъ государемъ ²⁾, объявятца какіе неправды или ссоры, или учнутъ къ нашимъ опчимъ недругомъ приставати, и намъ, великому государю, грубости или непослушанье которое чинити похотять, и мы, великій государь, кумыцкимъ и черкасскимъ княземъ терпѣти не учнемъ, по тому надъ ними, смотря, и наказанье имъ велимъ учинити, и зъ братомъ нашимъ, съ шахъ Аббасовымъ в., о томъ сослаться учнемъ, какъ бы надъ ними нашимъ дѣломъ промышляти.

А что вы, брата нашего послы, нашимъ приказнымъ людемъ объявили, что государя вашего торговымъ людемъ нашего ц. в. отъ астраханскихъ воеводъ и отъ дьяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обида великая, а таможенные будто головы емлютъ зъ государя вашего торговыхъ людей пошлины не по нашему указу передъ русскими людьми вдвое, и вы бѣ про то боярину нашему и намѣстнику нижегородскому князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому-Ярославскому съ товарищи объявили подлинно: хто воеводъ нашихъ и дьяковъ, и толмачей, и таможенныхъ головъ государя вашего шахъ Аббасова в. торговымъ людемъ какое насильство и продажи дѣлаютъ, и кому именемъ какое насильство и продажу учинили, и у кого именемъ у шаховыхъ людей таможенные головы и съ какихъ товаровъ пошлины вдвое взяли? И мы, великій государь, для брата нашего шахъ Аббасова в. братственные дружбы и любви про то про все тотчасъ наше царское повелѣнье пошлемъ, а велимъ про то сыскати накрепко, а по сыску велимъ надъ воеводы и надъ дьяки, и надъ толмачи, и надъ таможенными головами, хто брата нашего людемъ обиды и насильства, и продажи чинилъ, наказанье учинить.

А что въ вашемъ же посольскомъ письмѣ написано, что и нынѣ пріѣхалъ съ вами въ Астороховъ государя вашего шахъ Аббасова в. торговой человекъ Байрамъ, а съ нимъ немного шаховы казны товаровъ, и съ того Бараяма ³⁾ таможенные головы взяли пошлину вдвое, а у него наша ⁴⁾ жаловальная ⁵⁾ грамота, что ему торговать беспошлинно на пять сотъ рублей, и о томъ Байрамъ писали къ нашему ц. в. изъ Асторохани воеводы наши, князь Ондрѣй Хованской съ то-

¹⁾ Сбоку написано: поотставъ. Во второмъ спискѣ здѣсь и сдѣлана разстановка, т. е. предложіе, начинающееся словами „А будетъ“, отставлено. Л. 90.

²⁾ Великими государи. Л. 90

³⁾ Байрама. Л. 81.

⁴⁾ Наша государева. Ibid.

⁵⁾ Жалованная. Ibid.

варыщи, что въ прошломъ во 125-мъ году пріѣхалъ съ Терки въ Астороханъ терской жалець Бараймъ съ товаромъ, а сказалъ имъ, что у него тотъ товаръ государя вашего, шахъ Аббасова в., а велѣлъ де ему тотъ товаръ свой продать. А грамоты де съ нимъ о томъ товарѣ отъ государя вашего нѣтъ. А пошлинъ съ того товару довелось на Бараймъ взять 94 рубли и 32 алтына полъ 3 де(нѣги), и они о томъ объ указѣ писали къ нашему ц. в., а пошлинъ съ него безъ нашего указу не взяли. И вы бѣ про то нашему ц. в. объявили подлинно: тѣ товары ¹⁾ пришли зъ Бараймомъ ²⁾ государя вашего? и для чего о тѣхъ товарахъ зъ Бараймомъ ³⁾ шахъ Аббасова в. грамоты нѣтъ? и не ложно ль тотъ Бараймъ тѣ товары сказываетъ ⁴⁾ шаховыми товарами? Будеть ⁵⁾ тѣ товары подлинно государя вашего, и наше ц. в., для любви брата нашего, съ тѣхъ товаровъ пошлинъ имать не велимъ и грамоту нашу о томъ въ Астороханъ къ нашимъ воеводамъ и къ діаконъ послати велимъ, и впередъ съ брата своего ⁶⁾, шахъ Аббасова в., для наше братственные дружбы и любви со всякихъ товаровъ нашихъ пошлинъ ни въ которыхъ городѣхъ имати не велимъ.

И кизылбашскіе послы, выслушавъ отвѣту, говорили: говорили имъ ц. в. бояринъ князь Олексѣй Юрьевичъ съ товарищи о городѣхъ, что нынѣ нельзя царскому в-ву городовъ по Теркѣ и по Суншѣ и по Койсѣ ставить для того, что нынѣ государь ведетъ войну съ недругомъ своимъ съ польскимъ съ Жигимонтомъ королемъ; а какъ—дасть Богъ—царское в. съ тѣмъ своимъ недругомъ постановить на мѣрѣ и въ тѣ поры ц. в. города велигъ ставить,—и они то слышали и вѣдаютъ про то подлинно, что царское в. съ польскимъ королемъ войну ведетъ, и какъ будутъ у шахова в., и они про то шахову в. скажутъ. А то всево надобное жъ шахову в., чтобъ царского в. города по Теркѣ и по Суншѣ и по Койсѣ были близко шахова в. городовъ, штобъ межъ царского в. и шахова в. никого иного не было.

И бояринъ князь Олексѣй Юрьевичъ съ товарищи говорили: и самому то царскому в. надобно и имѣеть себѣ царское в. шахова в-ва мимо всѣхъ государей сердечнымъ братомъ и другомъ, некоторого государя государь себѣ такъ не имѣеть другомъ, што шахово в-во.

¹⁾ Объявили: подлинно-ль тѣ товары. Л. 82.

²⁾ Зъ Байрамомъ.

³⁾ Зъ Байрамомъ.

⁴⁾ Называетъ.

⁵⁾ А будетъ.

⁶⁾ Нашего.

И какъ съ недругомъ своимъ съ польскимъ королемъ шахово в. намѣрено становить, и царское в—во города велить по Койсѣ и по Суншѣ ставить.

И послы говорили: а что объявлено имъ въ отвѣтъ про кумытцкихъ и про горскихъ князей и мурзъ, что они царскому в. служатъ, и по ся мѣста отъ нихъ никакого недѣла и измѣны не объявлялось, и то они шахову в. известять же, а шахъ о томъ приказывалъ съ ними иманно, чтобъ горскимъ и кумытцкимъ княземъ не вѣрять: правды въ нихъ нѣтъ.

И боярипъ князь Олексѣй Юрьевичъ съ товарищи говорили: царское в. шахъ Аббасову в. вѣрять, и впередъ будетъ отъ нихъ какое недобро объявитца, и ихъ смирить мочно.

И послы говорили: а что имъ объявлявано въ отвѣтъ, что бояринъ Петръ Петровичъ Головинъ у его, Булатъ бекова, человѣка на Теркѣ трехъ сотъ рублевъ не имывалъ, а сказалъ: и человѣка его нивого не видалъ, а будто искали передъ нимъ на стрельцѣхъ тезики дву сотъ рублевъ, и онъ тѣхъ тезиковъ обвинилъ потому, что въ астараканской проѣзжей грамотѣ тѣ деньги не написаны,—и то сказалъ Петръ Петровичъ неправду: прямо онъ по своей вѣрѣ сказываетъ, что у человѣка его триста рублевъ денегъ Петръ взялъ самъ своими руками. Будетъ Петръ не виноватъ, и онъ бы велѣлъ человѣку своему поцѣловать, и его то дошло больши того, о томъ и бить челомъ не станеть.

И бояринъ князь Олексѣй Оандрѣевичъ съ товарищи говорили, что они о томъ известять царскому величеству.

А какъ послы вошли къ государю въ полату, и явилъ ихъ государю окольничей Олексѣй Ивановичъ Зусинъ, а мохылъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель! брата вашего великого государя Персидцкіе и Ширванскіе земли послы Кая бекъ да Булатъ бекъ.

И государь велѣлъ посломъ сѣсти на скамейкѣ. Да пожаловалъ государь, подавалъ посломъ меду красные въ золотыхъ ковшѣхъ и велѣлъ имъ посольскому думному діяку Петру Третьякову явити свое государево жалова ье—шубы.

И по государеву указу думной діякъ Петръ Третьяковъ сказалъ посломъ государево жалованье, а мохылъ:

Кая бекъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и облаадатель жалуетъ тебя

своимъ государевымъ жалованьемъ: шуба—отласъ съ золотомъ на червчѣ, на соболѣхъ, пугвицы серебряны. Шапка лисья. Кубокъ серебрянъ.

А послѣ молилъ:

Булатъ бекъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель жалуетъ тебя своимъ царскимъ жалованьемъ: шуба—отласъ зъ золотомъ по рудо-желтой землѣ, на соболѣхъ, пугвицы серебряны. Шапка лисья. Кубокъ серебрянъ.

А платье на нихъ клалъ казенной дѣлкѣ.

А какъ на пословъ государево жалованье положили, и государь велѣлъ посломъ опять сѣсти.

Да жаловалъ государь, подавалъ меда въ ковшѣхъ же въ серебряныхъ шаховымъ барсовникомъ и кречетникомъ. А государево жалованье явилъ имъ думной дѣлкѣ Петръ Третьяковъ у казны, а молилъ:

Эмиръ Джанъ съ товарищи! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель жалуетъ васъ своимъ государевымъ жалованьемъ у казны.

А послѣ того посидѣвъ мало, велѣлъ государь посольскому жъ думному дѣяву Петру Третьякову молить визылбашскимъ посломъ рѣчь. И по государеву указу думной дѣлкѣ Петръ Третьяковъ говорилъ посломъ рѣчь, а молилъ:

Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳеодоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель велѣлъ вамъ говорити: приходили есте къ намъ, великому государю, къ нашему ц. в. отъ брата нашего, отъ шахъ Аббаса персидцково, о дружбѣ и о любви съ любительною грамотою и о иныхъ нашихъ государскихъ о вопчихъ о любительныхъ дѣлехъ, и мы, великій государь, наше ц. в., ту брата нашего шахъ Аббасову грамоту выслушали любительно и на тѣ на всѣ дела, о которыхъ дѣлехъ къ нашему ц. в. братъ нашъ, шахъ Аббасъ, писалъ въ своей грамотѣ и о которыхъ нашихъ государскихъ о вопчихъ дѣлехъ вы нашимъ приказнымъ людемъ послѣ посольства объявили, по нашему царского в. указу отвѣтъ вамъ учинили бояринъ нашъ и намѣстникъ нижегородцкой князь Олексѣй Юрьевичъ Ситцкой съ товарищи. И учинились мы, великій государь, наше ц. в., и впередъ хотимъ быти зъ братомъ нашимъ, зъ государемъ вашимъ, съ шахъ Аббасомъ, въ крѣпкой братцкой дружбѣ и въ любви, и въ сылкѣ мимо всѣхъ великихъ государей, братьи нашей, и васъ ныне отпускаемъ къ брату нашему, къ шахъ Аббасу. А съ вами вмѣсте посылаемъ къ

брату нашему, государю вашему, къ шахъ Аббасу, о дружбе и о любви, и о иныхъ нашихъ государскихъ о великихъ дѣлахъ въ послѣхъ дворенина нашего и намѣстника болховского князя Михайла Петровича Борятинского съ товарищи, и братъ бы нашъ, шахъ Аббасъ, былъ съ нами, великимъ государемъ, по тому жъ, какъ началъ, въ крѣпкой братцкой дружбѣ и въ любви и въ сылѣ мимо всѣхъ великихъ государей навеки неподвижно и любительно прошенія нашего, о чемъ мы, великій государь, наше ц. в., съ нашими послы и съ вами, ево послы, приказывали говорить, не отставилъ. А мы, великій государь, по тому жъ съ нимъ, зъ братомъ нашимъ, будемъ въ крѣпкой братственной дружбѣ и въ любви и въ ссылке навеки неподвижно мимо всѣхъ великихъ государей, братьи нашей, и противъ ево дружбы и любви, которую нынѣ учинилъ и впередъ намъ, великому государю, учинить, также ему, брату нашему, будемъ воздавать нашего царского в. братцкою дружбою и любовью, гдѣ будетъ намъ, великому государю, возможно.

А изговоря рѣчь посломъ, посолской же дѣакъ Петръ Третьяковъ объявилъ кизылбашскимъ посломъ государевыхъ пословъ, князя Михайла Борятинского съ товарищи.

А государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р., вставъ, приказалъ къ шаху поклонъ, а молилъ: какъ будете у государя своего, у шаха, и вы ему отъ насъ повлонитесь.

Да звалъ государь кизылбашскихъ пословъ къ руцѣ. А послѣ пословъ звалъ государь къ руцѣ барсовника и кречетниковъ шаховыхъ. И велѣлъ государь сказать думному дѣяку Петру Третьякову посломъ въ стола мѣсто кормъ.

И по государеву приказу Петръ молилъ посломъ:

Бая бекъ! Булатъ бекъ! Великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. с. и многихъ государствъ государь и обладатель, жалючи васъ, велѣлъ къ вамъ послать свое государево жалованье съ столомъ, съ ѣствою и съ питьемъ.

А сказавъ имъ государево жалованье, велѣлъ приставомъ съ послы ѣхать на подворье. А провожали ихъ встрѣчники до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ встрѣчали.

Выписано изъ кизылбашскихъ же книгъ, что кому шаховымъ посломъ и посланникомъ давано государева жалованья на отпускъ при государѣ и отъ казны. Послано:

Въ 98-мъ году при государѣ ц. и в. кн. Ѳедорѣ Ивановичѣ в. Р. дано государева жалованья шаховымъ посломъ Бутаку беку да

Анди беку на отпускѣ. Бутакъ беку: шуба камчата золотная на соболѣхъ, кубокъ серебрянъ, шапка черна. Анди беку: шуба—бархатъ зъ золотомъ на соболѣхъ. А положены ни нихъ тѣ шубы при государѣ. А шаховымъ дворяномъ, которые съ ними были, дано государево жалованье у казны; а что дано, и то писано на казенномъ дворѣ.

Въ 100-мъ году при царѣ жъ Ѳедорѣ дано государева жалованья на отпускѣ шахову гонцу Каѣ, а послано къ нему то на подворье: 40 соболей въ 20 рублей, цѣи куньи добрые, шапка лисья въ 5 рублей, сукно лундышь въ 4 рубли, пансырь изъ казны. Людемъ ево: лутчимъ 2 человекомъ по 3 (рубли) да по сукну по доброму, достальнымъ 2 же человекомъ по 2 (рубли) да по сукну по доброму жъ.

Во 102-мъ году при государѣ жъ ц. и в. кн. Ѳедорѣ Ивановичѣ в. Р. дано государева жалованья на отпускѣ жъ шахову послу Ази Хосрову при государѣ: шуба—камка золотная на соболѣхъ въ 70 рублей, кубокъ въ 6 гривенокъ въ 20 рублей, шапка лисья черна въ 10 рублей; всего на 100 рублей. Да на подворье къ нему послано за ево поминьи: 40 соболей въ 30 рублей, другой сорокъ въ 20 рублей, цѣи лисьи въ 15 рублей, ханены, лисица черна въ 8 рублей. Кречетнику послано государева жалованья отъ казны: шуба камчата на соболѣхъ въ 30 рублей, да рухледью: 40 соболей въ 12 рублей да на 8 рублей кости рыба зубу. Дворяномъ 6 человекомъ по 12 рублей человеку рухледью у казны, цѣи куньи 8 рублей, цѣи хрептовые да цѣи чер(евьи), обои 4 рубли. Людемъ посолскимъ и дворянскимъ государева жалованья дано у казны: 1-(ой) статьѣ лутчимъ 5 ч. по сукну аглинскому по доброму, цѣи хрептовые, другіе цѣи черевьи 4 рубли, обоего по 6 рублей человеку. 2-й статьѣ 8 ч. по сукну по доброму да цѣи хрептовые, всего на 5 рублей. Достальнымъ 10 ч. по сукну по доброму, по цкамъ черевьимъ, всего по 3 рубли. Кречетниковымъ людемъ 3-мъ ч. по 2 рубли да по сукну по доброму человеку. Съ посломъ же послано къ шаху 6 кречетовъ.

Во 112-мъ году приходилъ къ царю Борису въ гонцѣхъ отъ шаха Булатъ бекъ, которой ныне пришелъ къ государю отъ шаха жъ въ послѣхъ, и на отпуске дано ему государева жалованья: 40 соболей въ 20 рублей, 40 куницъ въ 10 рублей, трои цѣи хрепты бѣлы—6 рублей, трои цѣи черевьи бѣлы—4 рубли съ полтиною, сукно багрецовое лутчее 5 рублей, 2 зуба рыба: въ одномъ 8 гривенокъ, въ другомъ 6 гривенокъ. И всего на 45 рублей съ полтиною опричь зубовъ. Людемъ кречетниковымъ по сукну человеку, по 2 рубли

сувно, по цѣмъ хрептовымъ бѣлымъ по 2 рубли цки, денегъ по 2 рубли челоѣку.

Во 121-мъ году отпущенъ отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. шаховъ посланникъ Амиръ Али бекъ и дано ему государева жалованья на отпускъ въ Нижнемъ: 40 рублей денегъ, 40 соболей въ 20 рублей; а къ шаху послано зъ государевыми посланники съ Михайломъ Тихановымъ 40 соболей въ 50 рублей, сорокъ въ 40 рублей, сорокъ въ 30 рублей, 2 сорока по 25 рублей. А велено то посланникомъ дати то шаху отъ себя, а не отъ государя.

Въ прошломъ во 124-мъ году дано государева жалованья на отпускъ при государѣ шахову посланнику Булатъ беку, которой ныне пришелъ опять къ государю въ послѣхъ: шуба золотная соболя въ 40 рублей, шапка лисья черна въ 10 рублей, кубокъ серебрянъ въ 15 рублей, всего на 65 рублей. Да за его подарки, чѣмъ онъ государю челомъ ударилъ, послано къ нему на подворье: 40 соболей въ 30 рублей, 40 соболей въ 20 рублей, 40 куницъ въ 10 руб(левъ), лисица черна въ 8 рублей, всего на 68 рублей. Шаховымъ кречетникомъ, которые были зъ Булатъ бекомъ, тремъ челоѣкомъ, по 40 соболей по 20 рублей сорокъ; людемъ посланниковымъ: лутчимъ 3-мъ ч. по сувну по доброму да по 5 рублей денегъ челоѣку; достальнымъ 6 ч. по сувну челоѣку да по 3 рубли денегъ челоѣку. А къ шаху послано отъ государя въ поминкахъ съ посланники съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да зъ дякомъ зъ Богданомъ Тимоѣевымъ 40 соболей— 200 рублей сорокъ, 40 соболей во 150 рублей, 40 соболей во 100 рублей, двѣ лисицы черны: одна 30 рублей, другая 20 рублей; полпуда рыба большово зубу; два кречета красныхъ, 2 кречета подкрасныхъ, 2 кречета кропленыхъ, 2 кречета сѣрыхъ со всѣмъ кречатнымъ полнымъ болшимъ нарядомъ.

Да сыскано въ столпу 108-го году: отпущенъ отъ царя Бориса къ шаху посолъ ево Перкулы бекъ, и въ запискѣ написано что послано отъ государя поминковъ къ шаху и что дано государева жалованья послу на отпускъ при государѣ, и что противъ ево поминковъ, и что дано дворяномъ и посольскимъ людемъ, — и тому писмо на казенномъ дворѣ.

Помѣта дьяка: государь указалъ дати нынѣ при себѣ, государѣ, визылбашскимъ посломъ, Каѣ: шубу соболюю золотну въ 70 руб(левъ), кубокъ въ 6 гривенокъ, шапку лисью . . . ¹⁾ (другому) послу шубу въ . .

¹⁾ Конецъ столбца оторванъ.

Роспись поденному корму по сколько было давано всякихъ припасовъ бывшимъ въ Москвѣ персидскимъ посламъ Кае салтану и Булатъ беку.

..... 3 борана. Зъ дворца жъ: по свѣчѣ восковой витой да по 2 свѣчи салныхъ простыхъ, патоки въ запросъ по пуду, на волько станеть, по 11 гривенокъ масла коровья, по 50 яицъ. Другому послу Булатъ беку—зъ дворца: по 2 колача крупчатыхъ въ лопатку да по хлѣбцу; къ обѣду и къ ужинѣ по 2 ѣствы хлѣбныхъ пироговъ съ сыромъ и съ караси, съ мясомъ и иные хлѣбные ѣствы, перемѣнная; изъ большого приходу: гусь, утя, 3-е куровъ, 2 борана шерстью; зъ дворца: по свѣчѣ восковой витой да по свѣчѣ салной.

Питья большому послу Каѣ салтану. Зъ дворца: 6 чарокъ вина двойново, крушка меду вишневого, крушка меду малинового, крушка меду черемхового, треть ведра меду боярского, треть ведра меду обарного, ведро меду паточного, ведро пива поддѣльного, 2 ведра меду княжово; въ ѣствы полведра укусу.

Другому послу давано питья зъ дворца жъ: 5 чарокъ вина двойново, крушка меду вишневого и малинового, крушка меду черемхового, четь ведра меду боярского, четверть ведра меду обарново, полведра меду паточного, полведра пива поддѣльного, ведро меду княжого; въ ѣствы четь ведра укусу.

Посломъ же обѣимъ давати пранныхъ зелей, на колько станеть, зъ дворца: гривенка шефрану, 2 гривенки гвоздики, 3 гривенки перцу, 2 гривенки мушкату, 2 гривенки инбирю, голова сахару, пудъ пшена. Шаховымъ 7 человекомъ кречатникомъ да 2 человекомъ барсовникомъ изъ большого приходу: по калачю да по хлѣбу двуденежному человеку на день, 2 борана, 2-е утятъ, 5-ро куровъ. Питья зъ дворца: по 4 чарки вина человеку доброво, ведро меду обарново, ведро меду паточного, 3 ведра меду княжово. Людямъ большово посла 19 человекомъ изъ большого приходу: по хлѣбу да по калачю денежныхъ, да на два дня яловица живая. Питья: по 2 чарки вина рядового, 5 ведръ меду княжово, 5 ведръ пива простово. Другово посла людямъ 7 человекомъ изъ большово жъ приходу: по калачю да по хлѣбу денежному, 5 частей говядины, пол-борана; питья по двѣ чарки вина рядового человеку, полъ-3 ведра меду княжого, полъ-3, ведра пива простово. Да обѣимъ посломъ и про дворянъ и про людей на лукъ и на чеснокъ, и на яйца, и на сметану, и на масло, и на молоко, и на свѣчи, и на иную покушку, что надобно, по запросу, изъ большого приходу

давано по 5 рублевъ, на сколько станеть. А въ рыбные ѣствы давати, какъ коли попросятъ, смѣтя противъ мясные жъ ѣствы столько жъ.

И въ запросъ давати чего не отъ велика попросятъ, сказывая въ посольскомъ приказѣ.

А какъ визылбашскіе послы пришли къ Москвѣ, и къ нимъ послано государева жалованья кормовъ и питей зъ дворца и изъ большого приходу противъ поденного вдвое. Дровъ на посольской дворъ велено давати въ хоромы и въ поварню по 3 воза на день.

Во 101-мъ году приходилъ къ государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. отъ Аббасъ шаха посоль Ази Хосровъ, а съ нимъ шаховыхъ дворянъ 7 ч., а людей съ посломъ и зъ дворяны 43 ч. А какъ онѣ пришли въ Астороханъ, и объ нихъ писали къ государю бояринъ и воеводы князь Ѳедоръ Михайловичъ Троекуровъ, что посоль Ази Хосровъ пришелъ къ государю, а съ нимъ отъ шахъ Аббаса къ государю многіе поминки и къ государынѣ царицѣ и в. княгинѣ Иринѣ шахъ Аббасовы царицы поминки есть же, и къ Борису Ѳедоровичю Годунову шахъ Аббасъ поминки шлетъ же, и тѣмъ всѣмъ поминкомъ, которые къ государю и къ государынѣ, и къ Борису, взявъ у посла шахова роспись, прислалъ къ государю. И о томъ шаховѣ послѣ Ази Хосровѣ писано отъ государя въ Нижней къ приказнымъ людямъ: какъ онъ придетъ изъ Казани въ Нижней, и его велѣно отпустить изъ Нижнево въ Ярославль съ астороханскимъ приставомъ, хто съ нимъ изъ Асторохани посланъ будетъ. А кормъ, медъ и вино, и пиво, и всякое съѣстное, велено давати по казанской росписи, счетчи, какъ мочно доѣхать до Ярославля, и въ запасъ дни на два велено дати. А въ Ярославль встрѣчу визылбашского посла посыланъ Образецъ Вахромѣевъ напередъ приходу въ Ярославль визылбашского посла. А къ судомъ подъ посла и подъ пристава лошади съ седлы велено послати приказнымъ людямъ, а явити ихъ велено отъ окольныхъ. А рухледъ изъ судовъ велено перевести на подводахъ. А рѣчь послу въ Ярославлѣ говорилъ Образецъ отъ окольныхъ. А у Москвы визылбашскихъ пословъ встрѣчалъ за деревяннымъ городомъ на вполѣ по переславской дорогѣ за гонною слободою съ перестрѣлъ Данило Исѣньевъ, а съ нимъ были на встрѣчѣ дворяне выборные съ меншихъ статей и дети боярскіе изъ городовъ, и дворовые люди и конюхи, и охотники, и псари, и кречетники, и сокольники. А сколько человекъ числомъ было съ приставомъ на встрѣче, того не написано. А на выѣздѣ были дворяне большіе и стольники, и стряпчие, и жильцы, и дворяне зъ городовъ, и приказные люди, и дѣяки, и подъячіе. А уставливали

на встрѣчѣ всякихъ ратныхъ людей розрядные дьяки. А рѣчь Данило на встрѣче послу говорилъ и о здоровьѣ спрашивалъ отъ государя; а аргамакъ являлъ отъ Бориса Ѳедоровича Годунова.

.....
1000 ч. стрельцовъ да казанскихъ стрѣльцовъ съ согникомъ 100 ч. А корму онѣ кизылбашскимъ посломъ дали отъ Асторохани до Казани: 3 ведра вина, 3 пуды меду прѣсново, 20 вѣдръ меду кислого, 40 борановъ, 2 чети муки пшеничные, 3 чети сухарей пшеничныхъ, 4 чети сухарей ситныхъ бѣлыхъ, 15 чети сухарей решетныхъ, четь крупъ овсяныхъ, 20 куровъ, 10 утатъ, пудъ масла коровья.

И тѣ послы для государева походу, что въ то время государь ходилъ въ походъ, поставлены были послы въ Нижнемъ, покаместа государь изъ походу сходить. А на встрѣчу хъ кизылбашскимъ посланникомъ посланъ въ Нижней отъ окольничихъ Дмитрей Тургеневъ и кормъ ему велено давать по росписи. А государеву посланнику Григорью Васильчикову велѣно ѣхать къ государю къ Москвѣ. А какъ государь пошелъ изъ походу къ Москвѣ, и писано отъ государя въ Нижней зъ дороги къ Дмитрею Тургеневу съ толмачемъ зъ Бурнашемъ съ Томонаевымъ, а велено ему съ шаховыми послы итти изъ Нижнего въ Ярославль и ждать въ Ярославлѣ государева указу. А какъ государь изъ походу пришелъ къ Москвѣ, и апрѣля въ 8 де(нь) велѣлъ государь съ кизылбашскими послы итти изъ Ярославля къ себѣ, государю, къ Москвѣ. А въ приставы къ посломъ посланъ въ Ярославль Семенъ Романовъ сынъ Олеерьевъ и рѣчь имъ говорилъ въ Ярославлѣ, и о здоровьѣ спрашивалъ отъ государя, и изъ Ярославля до Москвы ѣхали съ послы въ приставехъ Семенъ Олеерьевъ да Дмитрей Тургеневъ. А у Москвы кизылбашскихъ пословъ встречали по переславской дорогѣ за гонною ямскою слобо(до)ю съ перестрѣль Ондрѣй Клобуковъ. А встрѣчниковъ уставливать ѣздили дѣяки розрядные. А которымъ детемъ боярскимъ ѣздить на дворъ съ приставы къ государю съ послы и которымъ дѣтемъ боярскимъ жити на дворѣ у пословъ, и тѣмъ имена даны были Ондрѣю съ товарищи. А рѣчь посломъ на встрѣче Ондрѣй говорилъ и о здоровьѣ спрашивалъ отъ государя, спедъ съ лошади, а шаховы послы съ лошадей сходили жъ. А изговоря рѣчь, съ послы корошевался. А послѣ рѣчи объявилъ посломъ аргамакъ, на чемъ ѣхать въ городъ и до подворья, отъ конюшего и боярина и намѣстника казанского и астороханского, отъ Бориса Ѳедоровича Годунова. А поставлены были послы на литовскомъ посольскомъ дворѣ.

Во 104-мъ году приходитъ къ государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. отъ шахъ Аббаса посолъ Имамъ Булы бекъ, а съ нимъ шаховыхъ дворянъ 20 ч. да шаховъ купчина Тюркемиръ съ сыномъ, да посольскихъ людей 17 ч., да купчинныхъ 3 ч. И шелъ посолъ изъ Асторохани на Казань да на Нижней въ судѣхъ, а изъ Нижнего Волгою до Ярославля. А съ Москвы встрѣчу кизылбашского посла посланъ въ Ярославль Гаврило Сальмановъ, а рѣчь говорилъ отъ окольныхъ. А у Москвы посла встрѣчали по переславской дорогѣ за гонною слободою съ перестрѣлъ князь Михайло Туренинъ да Тимоѣй Грязной, и говорилъ послу рѣчь на встрѣче отъ государя князь Михайло. А съ лошадьми посланъ зъ государевы конюшни стремянной конюхъ, рѣчь говорилъ отъ боярина и конюшего, посланъ подъ посла аргамакъ.

Во 108-мъ году приходилъ къ царю Борису отъ кизылбашского шаха посолъ Перкулы бекъ да посланникъ Исень Алѣй, а съ ними агличенинъ Донъ Антонъ. И на встрѣчу кизылбашского посла посланъ въ Нижней Ѳедоръ Окинеовъ, а говорилъ послу рѣчь отъ царя Бориса и отъ царевича. А ѣхалъ съ посломъ и съ посланникомъ на Володимеръ зимнимъ путемъ. А казанскіе и астороханскіе приставы съ нимъ же. А у Москвы за деревяннымъ городомъ съ перестрѣлъ встречалъ посла князь Иванъ Ромодановской. А посланника Исеналѣя и Донъ Онтонъ встрѣчалъ Ѳедоръ Суворовъ сынъ Наумовъ, рѣчь говорили отъ государя и отъ царевича. А сани посланы зъ государевы конюшни, рѣчь говорена отъ конюшего.

А во 126-мъ году приходили къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. отъ кизылбашского шахъ Аббаса зъ государевымъ посланникомъ, съ Федоромъ Левонтьевымъ, вмѣстѣ шаховы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ; а съ ними шаховыхъ людей 5 ч. кречетниковъ да стремянныхъ конюховъ 2 ч., да 2 ч. барсовниковъ, и всего шаховыхъ людей 9 ч. Людей обѣихъ пословъ 35 ч.

А напередъ шаховыхъ пословъ приѣзду писалъ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. во 125-мъ году августа въ 8 де(нь), что іюня въ 10 де(нь) 125-го жъ году приѣхалъ на Терекъ изъ Кизылбашъ государевъ посланникъ Ѳедоръ Левонтьевъ и переводчикъ и толмачи, и кречетники, а съ ними вмѣсте приѣхали шахъ Аббасовы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ, а съ ними къ государю поминки многіе и денежная казна.

И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу встрѣчали кизылбашскихъ пословъ у Москвы за городомъ по переславской

дорогѣ за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ бывалъ деревяной городъ, съ полверсты, князь Ѳеодоръ князь Ивановъ сынъ Волконской да дьякъ Иванъ Шевыревъ. А съ ними на встрѣчѣ указалъ государь быти детемъ боярскимъ изъ городовъ и дворовымъ людемъ, и конюхомъ, и подъячимъ, и охотникомъ на конехъ въ цветномъ платьѣ 150 человекомъ.

Да и Ѳеодоръ Левонтьевъ о своемъ и кизылбашскихъ пословъ о приѣздѣ на Терекъ къ государю писалъ же. И августа въ 11 де(нь) писано отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. къ посланнику, къ Ѳеодору Левонтьеву, чтобъ онъ шелъ къ государю напередъ кизылбашскихъ пословъ. А на встрѣчу кизылбашскихъ пословъ посланъ съ Москвы Олексѣй Зубовъ, а велено ему кизылбашскихъ пословъ встрѣтити въ Нижнемъ или гдѣ встрѣтити, хотя и до Нижнего. А какъ Олексѣй пословъ встрѣтити, и ему посломъ велено на встрѣчѣ рѣчь изговорить отъ окольничихъ. А шелъ Олексѣй съ послы къ Москвѣ на Ярославль. А какъ кизылбашскіе послы пришли къ государю къ Москвѣ.

А на выѣздѣ за городомъ для кизылбашскихъ пословъ были по государеву указу стольники и страпчіе, и дворяне большіе, и дьяки, и дворяне, и дѣти боярскіе изъ городовъ, и подъячіе, и приказные люди, на конехъ въ цветномъ же платьѣ. А устраивали ихъ розрядные дьяки. А сани съ санники подъ обѣихъ пословъ и подъ шаховыхъ вретечниковъ и подъ барсовниковъ, всего подъ 8 человекъ, да подъ людей лутчихъ болшова посла подъ 10 ч., а другово подъ 5 ч. лошади съ сѣдлы посланы зъ государевы конюшни. А являли посломъ лошади на встрѣчѣ отъ государя. А въ которой день кизылбашскіе послы были у государя на дворѣ на приѣзде—и грамоту шахову къ государю поднесли. А въ грамотѣ шаховѣ писано къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳеодоровичю в. Р. съ послы ево съ Кая салтаномъ да зъ Булатъ бекомъ о братственной дружбѣ и о любви, чтобъ великому государю быти съ нимъ въ братственной крѣпкой дружбѣ и въ любви, и въ ссылкѣ, и торговымъ бы его людемъ торгъ былъ повольной; а что государю въ его государствѣ годно, и государю бѣ о томъ велѣти къ нему приказать, и онъ государево дѣло любительно во всемъ исполнить. А об-ыныхъ ни о какихъ дѣлахъ къ государю въ шаховѣ грамотѣ не написано. И наавтрее того дни, какъ шаховы послы были у государя ноября въ 19 де(нь), приказывали въ посольской приказъ къ посольскимъ дьякомъ, къ думному къ Петру Третьякову да къ Савѣ Раманчюкову, шаховы послы съ приставы своими, со княземъ Ѳеодоромъ Волконскимъ съ товарищи, чтобъ посольскіе дьяки

донесли до царского в., что есть съ ними къ государю отъ шаха приказы словесной сверхъ грамоты; а приказалъ де имъ шахъ: будетъ государю самому у нихъ того выслушать немочно, и имъ про то велено сказать ближнимъ людямъ, кому государь велить. И посольской думной дьякъ Петръ Третьяковъ, доложя по тому государя, приказалъ къ шаховымъ посломъ съ приставы жъ ихъ, чтобъ они тѣ свои рѣчи прислали въ посольской приказъ на письмѣ. И кизыльбашскіе послы приказали опять къ посольскимъ дьякомъ, что они сами писать не умѣютъ, а людямъ своимъ въ томъ не вѣрятъ, и къ нимъ бы прислать переводчика, и онѣ ему рѣчи объявятъ, а онѣ бы рѣчи ихъ записалъ. И думной дьякъ Петръ Третьяковъ, доложя государя, послалъ къ шаховымъ посломъ переводчика Прокоея Вражсково, а велѣли ему рѣчи ихъ записать. И того жъ дни Прокоей къ посломъ ѣздилъ, и написавъ рѣчи ихъ, въ посольской приказъ привезъ. И по запискѣ Прокоея Вражсково говорили шаховы послы Прокоею, что приказывалъ государь ихъ шахъ Аббасъ къ царскому в-ву, что онѣ учинился зъ государемъ ц. и в. кн. Михайломъ Ѳедоровичемъ в. Р. въ прямой въ братцкой крѣпкой любительной дружбѣ и въ любви мимо всѣхъ государей и иново себѣ друга и брата такова не имѣетъ и не хочетъ, и царскому бъ в-ву зъ государемъ ихъ быти также въ прямой братцкой крѣпкой дружбѣ и любви, какъ и прежніе московскіе государи зъ государемъ ихъ были въ братствѣ и въ крѣпкой дружбѣ и въ любви, и кумытцкимъ бы княземъ и ихъ людямъ государь ни въ чемъ вѣрити не велѣлъ, потому что въ нихъ правды нѣтъ и впередъ отъ нихъ правды ждать нѣчего: одинъ де въ кумытцкахъ князехъ у государя ихъ шахъ Аббасова в-ва въ послушаньѣ Гирѣи князь, и государь бы де и тому вѣрити не велѣлъ, лише бы де государь велѣлъ ему вѣрити въ томъ дѣлѣ, о каковѣ дѣлѣ въ нему шахъ пришлетъ грамоту за своего малою печатью, которую онѣ на своей рукѣ носить. А только де государь велить города ставить по прежнимъ мѣстамъ, и государь де ихъ шахъ Гирѣя князя хочетъ перевести со всѣмъ кабакомъ въ свое государство, въ украинное мѣсто, чтобъ отъ кумытъ подале и чтобъ де межъ великого государя и межъ государя ихъ государствъ иныхъ сосѣдей никою не было, для де того и Семейкѣ переводчику государь ихъ шахъ Аббасово в. передъ собою того и передъ государевымъ посломъ толмачить не велѣлъ, а велѣлъ толмачить рускому толмачю, а Семейкѣ де переводчику въ томъ не повѣрилъ, любо про то скажетъ въ Бумыкахъ, потому что ихъ вѣра бусурманская одна.

Да послы жъ говорили Прокоею: приказывалъ де съ ними государь ихъ къ царскому в-ву: говорилъ де государь ихъ шахъ Аббасову в-ву царского в-ва посланникъ Федоръ Левонтьевъ, чтобъ государь ихъ прислалъ къ царскому в. въ помочь противъ государевыхъ недруговъ денежныя казны, и государь ихъ государеву посланнику сказалъ, что посылаетъ ныне къ государю лехкую казну, что нынѣ вскорѣлучилось послать, а какъ, дастъ Богъ, они, шаховы послы, будутъ у царского в-ва, и съ ними будетъ царское в. къ шахъ Аббасу, о казнѣ или о ратныхъ людехъ, или про иное какое дѣло прикажетъ, и государь ихъ, шахъ Аббасово в., по государеву приказу все хочеть исполнить, какъ есть годно будетъ государю. Да государь же де ихъ велѣлъ сказать государю: которныя государя ихъ торговые люди ходятъ съ товары своими въ Астороханъ и имъ де отъ астороханскихъ воеводъ и отъ дѣяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обиды великая: воеводы у тѣхъ у торговыхъ людей емлютъ животы ихъ насильствомъ, безъ цены, грабежомъ, а таможенные головы емлютъ пошлыны зъ государя ихъ людей не по государеву указу вдвое передъ русскими людьми, и государю бъ о томъ послать въ Астороханъ къ своимъ государевымъ воеводамъ и къ дѣякомъ, и къ таможеннымъ головамъ свое государево повелѣнїе, чтобъ астороханскїе воеводы и дѣяки, и толмачи государя ихъ шахъ Аббасова в. торговыхъ людей не грабили и насильства, и продажи не чинили; а таможенные бъ головы съ тѣхъ торговыхъ людей пошлыны вдвое не имали, а имали бъ по государеву указу такъ же, какъ и съ русскихъ людей, и торговымъ бы людемъ въ Асторохани задержанья не было, чтобъ ихъ высылали вонъ изъ Асторохани, какъ онѣ исторгуютца товары своими.

Да Кая жъ салтанъ и Булатъ бекъ говорили отъ себя: какъ де они были въ Асторохани, и они де видѣли государя ихъ людемъ отъ воеводъ великую продажу и насильство: зазавъ де къ себѣ воеводы Хожъ Сеитова человѣка и подмѣтя у него двѣсти рублевъ денегъ, оманули и его врестили, а деньги взяли къ себѣ; а толмачилъ де въ тѣ поры и оманывалъ Хожа Сеитова человѣка толмачъ Мартынь, и нынѣ де тотъ малой у нихъ. И только де государь велить дозрить, какъ астороханскїе воеводы и дѣяки, и толмачи дѣлають, и только де тѣ ихъ воеводцкіе и дѣячы дурныя дѣла государю и государевымъ думнымъ людемъ будутъ вѣдомы, и они де чаютъ, что государь велить послать къ нимъ въ Астороханъ свое государево грозное повелѣнїе. Не такъ де дѣлають астороханскїе воеводы, какъ бы годно было къ дружбѣ и къ братству обомъ великимъ государемъ, и простой де

человѣкъ ихъ такому дурному дѣлу подивитца; достойно де царскую хлѣбъ-соль ѣсти передъ астороханскими воеводи терскому воеводѣ, да приставу ихъ дорожному Ивану Григорьеву, которой посланъ съ ними изъ Асторохани: тѣ де дѣлають, какъ царскому в. годно.

И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу были визылбашскіе послы у государя на отпускѣ и въ отвѣтѣ были у боярина и намѣстника нижегородцково, у князя Олексѣя Юрьевича Ситцково, у окольничего и намѣстника шатцково у Олексѣя Ивановича Зюзина да у діяковъ, у думново у Петра Третьякова да у Савы Раманчукова въ тотъ же день. И въ отвѣтѣ визылбашскимъ посломъ противъ ихъ статей, что онѣ прислали въ посольской приказъ на письмѣ, говорено:

Какъ всемогущего Бога милостію и хотѣніемъ, а по племени прежнихъ великихъ государей царей и великихъ князей російскихъ и по избранію всѣхъ великихъ Російскихъ государствъ всякихъ чиновъ людей учинились мы, великій государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ (*и проч. см. стр. 663—666*)... гдѣ будетъ нашему ц. в. возможно. А что вы, брата нашего послы (*и проч. см. стр. 666—667*)... обощлемся. А что вы, брата нашего послы, нашимъ приказнымъ людямъ объявили (*и проч. см. стр. 668—673*).... имати не велимъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Коломны и до Переславля Резанского, и до Мурома, и до Нижнего, и до Казани, и до Асторохани, и до Терекъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, и діякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людямъ. Посланы отъ насъ, великого государя, къ брату нашему, къ шахъ Аббасу, въ послѣхъ князь Михайло князь Петровичъ Борятинской съ товарищи, и въ которой городъ послы наши пріѣдутъ, и вы бѣ, бояре наши, и воеводы, и діяки, и всякіе наши приказные люди отпущали ихъ безъ задержанья и суды подъ нихъ, и кормщииковъ, и гребцовъ—а гдѣ лучитца сухимъ путемъ, подводы и проводниковъ, и провожатыхъ—давали противъ по дорожныхъ сполна. А только будетъ у пословъ нашихъ, у князя Михайла Борятинского съ товарищи, тѣ суды, на которыхъ онѣ придутъ, худы и итти будетъ въ нихъ нельзя, и вы бѣ имъ тѣ суды перемѣняли и давали имъ суды добрые. А которые суды у нихъ перемените, и вы бѣ тѣ суды, на которыхъ онѣ придутъ, отдали тѣмъ людямъ, чѣмъ они будутъ, или вверхъ возслали, окуды онѣ подъ ними пойдутъ; а они бѣ тѣми судами не користовались. А будетъ въ которыхъ судѣхъ, въ которыхъ сверху

придутъ, итти мочно, и у нихъ тѣхъ судовъ не переменять, а чтобъ имъ нигдѣ за судами и за подводы, и за провожатыми мотчанья не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го маія въ 23 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. отъ Москвы по городомъ до Коломны и до Переслава Резанского, и до Мурома, и до Нижнего, и до Казани, и до Астарахани, и до Тережъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. По нашему указу посланы отъ насъ въ Кызылбаши къ шахъ Аббасу съ послы нашими, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарищи, кречетники и ястребники, Ѳедоръ Тоболинъ съ товарищи, десять человекъ; а птиць съ ними: двенатцать кречатовъ да восемь чегликовъ кречатьихъ. И какъ они въ которой городъ со птицы приѣдутъ, и вы бѣ, бояре наши, и воеводы, и дьяки, и всякіе наши приказные люди отпускали ихъ безъ задержанья и судн подъ нихъ, и кормщиковъ, и гребцовъ, давали противъ подорожныхъ сполна, и про птицы кормъ имъ давали на птицу по гнѣзду голубей или по двое куровъ молодыхъ, или по курицѣ по старой, и на нихъ кормъ, отъ города до города, счотчи въ кольцо день отъ города до города поспѣть мочно. Да на птицы жъ давали бѣ есте въ жаркіе дни ледъ, гдѣ мочно добыти. А съ Терки воеводѣ нашему Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову кречатниковъ и сокольниковъ, и ястребниковъ Ѳедора Таболина съ товарищи по тому жъ отпустить въ Кызылбаши съ послы нашими вмѣстѣ водянымъ или сухимъ путемъ, не задержавъ, и кормъ про птицы дать до коихъ мѣстъ пригоже. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го маія въ 23 де(нь).

А се роспись дѣламъ, что какихъ дѣлъ послано съ послы со княземъ Михайломъ Петровичемъ Борятинскимъ да с-Иваномъ Ивановичемъ Чичѣринымъ, да въ дьякомъ съ Михайломъ Тюхинымъ, и что съ ними послано отъ государя къ шаху поминковъ и государевъ наказъ большой, по чему имъ государево дѣло дѣлать, грамота къ шаху о большомъ дѣлѣ, другая грамота къ шаху жъ, иѣчто ихъ занесетъ къ турецко царя городомъ, грамота къ Гирѣю князю о ихъ пропускѣ, грамота проѣзжая къ черкасскимъ и горскимъ княземъ за отворчатою кормленою печатью, грамота въ Казань, грамота въ Асторохань, грамота на Тережъ о ихъ пропускѣ, грамота проѣзжая по слову по всеѣмъ городомъ тою дорогою, вуды имъ ѣхать въ судѣхъ, и о провожатыхъ. Грамота проѣзжая кречетникомъ о судехъ же и о корму на птицы дана кречетникомъ, да съ ними жъ послано отъ государя къ шаху поминковъ: 12 кречатовъ красныхъ и подкрасныхъ, и кропленыхъ, со всеѣмъ кречатьимъ нарядомъ, 8 чегликовъ кречатьихъ.

Такова роспись прислана съ казенново двора жь.

126-го маія въ 22 де(нь) указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. отъ себя, государя, послати къ Абасъ шаху персидькому поминковъ, и что къ нему послано съ казенново двора, и тому роспись.

Кубокъ серебрянъ золоченъ на оба лица, съ покрышкою, на высокомъ стоянцѣ, вѣсу 18 гривенокъ 15 золотникъ, цѣна гривенка по 7 рублей, и того 128 рублей 6 алтынъ полъ 2 де(ньги); кубокъ серебрянъ золоченъ на оба лица, съ покрышкою, на высокомъ стоянцѣ, лощать, вѣсу 10 гривенокъ 43 золотника, цена гривенка по 7 рублей, и того 81 рубль, 8 ал(тынъ), 2 де(ньги); кубочекъ раковичной, облаженъ серебромъ золоченымъ и бѣлымъ съ разными оиниеты, на немъ травка, цена 50 рублей; олень серебрянъ золоченъ, на колесеяхъ, цена 100 рублей; 5 аршинъ съ четью сукна скорлату черленого, цена по 5 рублей съ полтиною аршинъ, и того 28 рублей, 29 алтынъ зъ деньгою; половинка сукна скорлату черленого, мѣрю 22 аршина, цена по 4 рубли аршинъ, итого 88 рублей; пара соболей 30 рублей; пара соболей 25 рублей, сорокъ соболей 250 рублей, сорокъ соболей 120 рублей, сорокъ соболей 110 рублей, сорокъ соболей 100 рублей, сорокъ соболей 90 рублей, сорокъ соболей 85 рублей, 5 пудъ рыбья зубу числомъ 75 зубовъ, цена пудъ по 20 рублей, итого 100 рублей, 5 пудъ слюды, цена пудъ по 8 рублей, и того 40 рублей. И обоего послано отъ государя въ поминкахъ къ Абасъ шаху персидькому на 1426 рублей, на 10 алтынъ, полъ 3 де(ньги). Да зъ дворца 100 вѣдръ вина троеного, подкрашено розными краски; 180 погребцовъ скляничныхъ виницѣйскихъ иль зеленыхъ. Да въ Казани взяти посломъ и отвести къ шаху жь 200 вѣдръ вина въ дворцовую мѣру.

Роспись соболямъ, что взято съ казенного двора и послано съ послы для государева дѣла:

Сорокъ 27 рублей; 2 сорока по 25 рублей; 2 сорока по 20 рублей, сорокъ 19 рублей, 4 сороки по 18 рублей. И всего послано съ ними для государева дѣла на 208 рублей.

А се роспись вречатью наряду, какова прислана зъ дворца маія въ 25 де(нь) съ подъячимъ съ Ондрѣемъ Ботвиньевымъ:

Въ нынѣшнемъ во 126-мъ году по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу велено послати отъ государя въ поминкахъ къ шахъ Аббасу кизылбашскому съ послы со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарищи (двенатцеть вре)четовъ да восемь (чегликовъ) . . . нарядомъ, и въ Ки

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ воеводѣ нашему Борису Ивановичю Нащокину да дьяку нашему Дементью Образцову. Посланы отъ насъ, великого государя, къ брату нашему, къ Аббасъ шахову в., въ послѣхъ дворенинъ нашъ и намѣстникъ болховской князь Михайло Петровичъ Борятинской да дворенинъ Иванъ Ивановъ сынъ Чичѣринъ, да дьякъ Михайло Тюхинъ; а съ ними отпущены къ шаху жъ шаховы послы, которые были у насъ, Бая салтанъ да Булатъ бекъ,—а нынѣ они въ Казани. И какъ послы наши князь Михайло Борятинской съ товарищи въ Нижней приѣдутъ, и вы бѣ ихъ, пословъ нашихъ, изъ Нижнего отпустили въ Казань тотчасъ. Да будетъ у нихъ которое попортилось судно, и вы бѣ имъ и суды добрыя на перемѣну, и кормщиковъ, и гребцовъ, и провозатыхъ отъ Нижнего до Казани дали и отпустили ихъ въ Казань, не мѣшкая ни часу. А суды бѣ есте подъ нашихъ пословъ и подъ посылку дали добрыя, и явори, и парусы, и шеймы на тѣ суды велѣли дать, только будетъ у пословъ нашихъ, у князя Михайла Борятинского съ товарищи, тѣ суды, на которыхъ они придутъ, худы и итти будетъ въ нихъ нелъзѣ, а которые суды у нихъ перемените, и вы бѣ тѣ суды, на которыхъ они придутъ, отдали тѣмъ людямъ, чѣмъ онѣ будутъ, или вверхъ отослали, откуда они подъ ними пойдутъ; а они бѣ тѣми судами не искорыстовались; а будетъ въ тѣхъ судѣхъ, въ которыхъ сверху придутъ, итти мочно, и вы бѣ тѣхъ не перемѣняли, а кормщиковъ и гребцовъ на суды дали бѣ есте, смотря по судамъ, чтобъ нашимъ посломъ въ судѣхъ до Казани дойти здорово. А однолично бѣ есте пословъ нашихъ изъ Нижнево со всѣмъ отпустили, не мѣшкая, чтобъ имъ ни зачѣмъ у васъ въ Нижнемъ не мѣшкати. А которого числа послы¹⁾.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородъ воеводѣ нашему Борису Ивановичю Нащокину да дьяку нашему Дементью Образцову. По нашему указу посланы отъ насъ въ Кизылбаши съ послы нашими, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарищи, тотарской переводчикъ Милота Нагаевъ да толмачи, Иванъ да Гаврило Есиповы, да Союнъ Огарковъ, да Ѳедоръ Ивановъ, да съ нашими со птицы кречетники и ястребники, Ѳедоръ Тоболинъ съ товарищи, всего десеть человекъ; а для тое кизылбашскіе послы указали есмя имъ дати въ Нижнемъ нашего жалованья хлѣбныхъ запасовъ и вина, на два человекки по пяти вѣдръ вина да по пяти чети муки ржаные, по пяти чети сухарей, по полтю ветчины человекку, по осминѣ

¹⁾ Далѣе столбецъ оторванъ.

крупъ, по осмине толокна. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ переводчику Милюте Нагаеву и толмачомъ, и вретчикомъ, и ястребникомъ, Ѳедору Тоболину съ товарищи, нашего жалованья велѣли имъ дати хлѣбныхъ запасовъ и вино на два человѣки по пяти вѣдръ вина да по пяти чети муки ржаные, по пяти чети сухарей, по полтю ветчины человѣку, по осминѣ крупъ, по осминѣ толокна, и въ расходные бѣ есте книги тотъ запасъ велѣли написати, а изъ нижегородцѣе казны грамота къ вамъ о томъ послана жъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го маія въ 23 де(нь).

На адресъ: Въ Нижней Новгородѣ воеводе нашему Борису Ивановичю Нащокину да дьяку нашему Дементью Образцову.

И маія въ 24 де(нь) на Троицынъ день государевы послы князь Михайло Борятинской съ товарищи съ Москвы пошли. А государева ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. грамота къ шаху о большомъ дѣлѣ съ послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарищи, послана такова.

Въ прошломъ во 124-мъ году по государеву указу посланы были отъ государя въ Кизылбаши къ шахъ Аббасу зъ государевыми посланники, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да зъ дьякомъ зъ Богданомъ Тимоѳеевымъ, переводчикъ Семень Ондрѣевъ да толмачи: Семень Гарасимовъ да Степанъ Микнеоровъ, да Тимоѳей Баубѣковъ. А для тоѣ кизылбашскіе посылки дано имъ государево жалованье на два годы: на 124-й годъ да впередъ на 125-й годъ по оладомъ ихъ сполна. Да имъ же дано подмоги противъ жалованья на одинъ годъ. Да имъ же дано государева жалованья въ Нижнемъ запасу 10 чети муки ржаные да 10 чети сухарей, да четверть крупъ овсяныхъ, да 10 вѣдеръ вина, да 4 полти ветчины. А велено имъ дати тотъ запасъ противъ тѣхъ толмачей, которые посланы съ Петромъ Мансуровымъ во Царьгородъ. Да съ посланники жъ, съ Ѳедоромъ Левонтьевымъ да зъ дьякомъ зъ Богданомъ Тимоѳеевымъ, посланы были въ Кизылбаши зъ государевыми со птицы, съ врететы и съ ястребы, вретчики и ястребники, Остаѳей Сычовъ съ товарищи, всего 6 человѣкъ. А для тоѣ кизылбашскіе посылки дано имъ государево жалованье на два годы, на 124-й годъ да впередъ на 125-й годъ по оладомъ ихъ сполна; да подмоги противъ жалованья на одинъ годъ. Да имъ же дано государева жалованья запасу въ Казани на 2 человѣки 5 чети муки ржаные, 5 чети сухарей, 5 вѣдръ вина, по полтю ветчины, осмина крупъ, осмина толокна.

А ныне по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р.

указу сказано къ шаху идти отъ государя въ государевыми послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарищи, переводчику да 4-мъ человекѣмъ толмачемъ, да кречетникомъ и ястребникомъ 10 человекѣмъ.

Написано другою рукою: Велѣти дати переводчику и толмачемъ, и кречетникомъ запасъ противъ прежнего.

Переводчику и толмачемъ, и кречетникомъ, и ястребникомъ велено дати государева жалованья для кызылбашскіе службы запасовъ и вина на 2 человекѣи 5 чети муки ржаные, 5 чети сухарей, 5 вѣдръ вина, по полтю ветчины человекѣу, осмина крупъ, осмина толокна.

А ныне по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. указу велено идти въ Кызылбашы въ послѣхъ князю Михайлу Борятинскому да Ивану Чичѣрину, да дьяку Михайлу Тюхину, да съ ними жъ велено идти переводчику да 4-мъ человекѣмъ толмачемъ, да съ государевыми со птицами кречетникомъ и ястребникомъ Ѳеодору Тоболину съ товарищи.

Другою рукою: А прежь сего при прежнихъ государехъ даывано посломъ государево жалованье питье красное въ дворца, а что кому давано, того послѣ московского разоренья не сыскано. Пожаловалъ государь, велѣлъ дати князю Михайлу Борятинскому съ товарищи противъ свѣйскихъ пословъ, князя Ѳеодора Борятинского съ товарищи, въ дворца.

Выписано въ докладъ:

Въ прошломъ во 124-мъ году посланы отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. въ Кызылбашы въ посланниехъ Ѳеодоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѣевъ, да съ ними жъ посланы были переводчикъ да 3 человекѣа толмачей, да кречетниковъ и ястребниковъ 6 человекѣкъ.

А для тоѣ кызылбашскіе службы дано государева жалованья Ѳеодору Левонтьеву въ Нижнемъ запасовъ въ дворцового запасу мѣсто 2 чети муки пшеничные, а не будетъ пшеничные и во пшеничные мѣсто 3 чети муки ржаные; да въ тому жъ 2 чети муки ржаные, 5 полоть ветчины, 5 пудъ меду прѣсново, 10 вѣдръ вина, 5 вѣдръ уксусу.

Дьяку Богдану велено дати въ Нижнемъ же запасовъ: четверть муки пшеничные, а не будетъ пшеничные, и въ то мѣсто велено дати четь муки ржаные жъ, 3 полти ветчины, 3 пуда меду прѣсного 6 вѣдръ вина, полъ 3 ведра уксусу, 2 спины осетры, 3 прута осетры, 10 бѣлыхъ рыбицъ сухихъ, 10 лососей сухихъ. Съ хлѣбного дворца: 3 чети муки крупчатые.

Осипу Прончищеву да дьяку Богдану Кашкину, съ сытново дворца:

по 3 ведра меду вишневого, по 3 ведра меду малинового, по 2 ведра меду вешнево, по 2 ведра меду старово, по 2 ведра меду боярского, по 4 ведра меду обарново. Съ кормового дворца: по спинѣ да по тепѣ белужьи другихъ белугъ; а будетъ того нѣтъ, и въ то мѣсто велено дать осетрѣями; по спинѣ осетрѣей; по 2 прута осетрихъ; по 4 бѣлыхъ рыбицъ сухихъ, а будетъ нѣтъ, и въ то мѣсто велено дать семги; по 4 лосося сухихъ, а будетъ нѣтъ, и въ то мѣсто велено дать семги жѣ. Съ хлѣбного дворца: по 3 осмины муки крупчатые на солодѣ.

Внизу: 126-го, апрѣля въ 24 де(нь) принесъ трубникъ Иванъ Кисловской.

На оборотѣ: Указалъ государь дати государева жалованья запасовъ зъ дворца визылбашскимъ посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарищи, противъ свѣйскихъ пословъ, князя Федора Борятинского съ товарищи.

И апрѣля жѣ въ 25 де(нь) по сей помѣтѣ память послана, а велено князю Михайлу съ товарищи для визылбашскіе послыжки дати запасовъ зъ дворца противъ свѣйскихъ пословъ.

Тамъ же: Справилъ Ивашко Дмитреевъ.

Лѣта 7126-го апрѣля въ 24 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. указу память дѣякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Романчыкову. Въ приказъ большого дворца къ боярину къ Борису Михайловичу Салтыкову да къ дѣякомъ, къ Ивану Болотникову да къ Патреѣю Насонову, въ памяти за твоею, Савиною, приписью написано: велѣти бѣ отписать къ вамъ въ посольской приказъ, что дано государева жалованья въ прошломъ во 125-мъ году для свѣйского посольства посломъ, князю Ѳеодору Борятинскому съ товарищи, какихъ запасовъ зъ дворцовъ, и въ приказе большого дворца сыскано въ записныхъ книгахъ: въ прошломъ во 125-мъ году что велено дати государева жалованья для свейского посольства посломъ, князю Ѳеодору Борятинскому съ товарищи, зъ дворца какихъ запасовъ, и тому послана къ вамъ роспись подъ сею памятью за дѣячею приписью.

Роспись, что дано государева ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. жалованья въ прошломъ во 125-мъ году зъ дворца какихъ запасовъ для свѣйского посольства посломъ, князю Ѳеодору Борятинскому съ товарищи.

Князю Ѳеодору Борятинскому:

Съ сытново дворца: 5 вѣдръ меду вишневого, 4 ведра меду ма-

линового, 4 ведра меду вешнево, 4 ведра меду старово, 5 вѣдръ меду боярскаго, 6 ведръ меду обарново. Съ кормоваго дворца: спина бѣлужья, 2 прута бѣлужьи, тепло белужью.

На оборотѣ по склейкамъ скръпи: Діакъ [Патри]вѣй.

Лѣта 7126-го декабря въ 18 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчукову. На казенной дворѣ хъ казначію къ Никиѳору Васильевичу Траханіѳову да къ діякомъ, къ Ждану Шипову да къ Булгаку Милованову, въ памяти за твоею, Савиною, приписью написано: велено оценить дары всѣ, что прислалъ къ государю въ дарѣхъ шахъ Аббасъ съ послы своими, съ Каею салтаномъ да зъ Булатъ бекомъ, и чѣмъ государю челомъ ударилъ Каа салтанъ да Булатъ бекъ отъ себя, да тоѣ ценовную роспись прислати въ посольской приказъ къ вамъ, діякомъ, думному Петру Третьякову да Саве Раманчукову. И въ нынешнемъ во 126-мъ году ноября въ 18 де(нь) у государя ц. и в. кн. Михайла Ѳеодоровича в. Р. на дворѣ въ золотой полатѣ были визылбашсково шахъ Аббаса послы Каа салтанъ да Булатъ бекъ. И явили государю отъ шахъ Аббаса поминковъ бархатовъ и отласовъ, и камокъ золотныхъ и беззолотныхъ, и камокъ китаекъ, и мелей цвѣтныхъ, и кушаковъ цветныхъ зъ золотомъ, и покровцовъ низанныхъ жемчугомъ, и ковровъ золотныхъ, и сорочинскихъ, и тулунбасовъ, и луковъ, и полстей бурнатныхъ, и чарокъ, и блюдь ѳарѳунныхъ на восемь сотъ на восемь рублевъ, на двенатцать алтынъ, на полпяты деньги. А изъ денежново приказу въ памяти за приписью діака Ивана Остапова написано: во стѣ слиткахъ серебра вѣсу тысяча шестьсотъ восемьдесятъ шесть гривенокъ дватцать семь золотникъ; а денегъ изъ тово серебра изъ дѣла вышло шесть тысячъ семьсотъ девяносто семь рублевъ одинъ алтынъ две деньги, да крохъ мастерскихъ сорокъ пять гривенокъ дватцать четыре золотники, и тѣ крохи сливаны и на сливкѣ угорѣло дватцать четыре золотники, а денегъ здѣлано сто восемьдесятъ четыре рубли двенатцать алтынъ, и всего изъ тово серебра денегъ вышло изъ дѣла шесть тысячъ девятьсотъ восемьдесятъ два рубли десеть алтынъ, опричь угару, что угорѣло изъ крохъ на сливкѣ дватцать четыре золотники. Да изъ конюшенново приказу въ памяти за приписью діака Прокоѳья Пахирева написано: цена пяти жеребцомъ и катырю, и седлу, и уздѣ, и паперсти, и похвамъ, и попонамъ пять сотъ тритцать три рубли десеть алтынъ. Да визылбасково шахъ Аббаса посоль Каа салтанъ государю челомъ ударилъ отъ себя: жеребецъ аргамачей, да деветь аршинъ бархату червчатого

глатково, кушакъ золотной цвѣтной, камка ала, китайка, кушакъ жолтъ, цена жеребцу и бархату, и кушакомъ, и камкѣ девяносто два рубли. А другой посоль Булатъ бекъ государю челомъ ударилъ: сабля булатная, кушакъ золотной цвѣтной, камка, китайка зелена мелкотравная, цена всему четырнатцать рублевъ съ полтиною.

Внизу: 8430 рублевъ и 16 алтынъ.

По склейкамъ на оборотъ: Діакъ Жданъ. *Въ концѣ указа:* Шиповъ. *На оборотъ:* справилъ подъячей Гарасько Ероѣевъ.

Въ памяти съ казенно двора за приписью діака Ждана Шипова написано:

Явили государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. шаховы послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ отъ шахъ Аббаса поминковъ: бархатовъ и отласовъ, и камокъ золотныхъ и беззолотныхъ, и камокъ китаекъ, и мелей цвѣтныхъ, и кушаковъ цвѣтныхъ зъ золотомъ, и покровцовъ низаны жемчюгомъ, и ковровъ золотныхъ и сорочинскихъ, и тулумбасовъ, и луковъ, и полстей бурнатныхъ, и чарокъ, и блюдъ оареунныхъ на 78 рублевъ и на 12 алтынъ на полъ 5 де(ньги) опрочѣ всеѣ святыни. А изъ денежново приказу въ памяти за приписью діака Ивана Остапова къ нимъ же на казенной дворъ написано: во стѣ слиткахъ серебра вѣсу (*и проч.*). Да изъ конюшенного приказу въ памяти за приписью (*и проч.*). И всего отъ шаха поминковъ на 8»»» рубли на 32 алтына полъ 5 де(ньги). Да шаховы послы государю челомъ ударили, Кая салтанъ: жеребець аргамачей, 9 аршинъ бархату червчатово гл(ацко), кушакъ золотной цвѣтной, камка ала китайка, кушакъ желтъ; цѣна всему 92 рубли. Другой посоль государю челомъ ударилъ: сабля булатная, кушакъ золотной цвѣтной, камка китаяка, цена всему 14 рублевъ съ полтиною. И обоего посольскихъ подарковъ на 106 рублевъ съ полтиною.

И всего шаховыхъ поминковъ и посольскихъ подарковъ къ государю на 8430 рублевъ и на 16 алтынъ съ полуденьгою.

И нынѣшнимъ шаховымъ посломъ помѣчено дать государева жалованья на отпускѣ: большому послу шуба соболья золотная на соболѣхъ въ 70 рублевъ, кубокъ серебрянъ въ 6 гривенокъ, шапка лисья въ 12 рублевъ; другому послу: шуба на соболѣхъ же въ 50 рублевъ, шапка лисья въ 10 рублевъ, кубокъ серебрянъ въ 5 гривенокъ.

Роспись шаховымъ и посольскимъ людямъ, которые ныне пришли съ шаховыми послы съ Кая салтаномъ да съ Булатъ бекомъ.

Барсовники: Эмиръ Джанъ, Кули ага. *Съ боку написано:* по 40 соболей по 20 рублевъ, по цкамъ черевымъ по хребтовымъ, по 2 рубли цки.

Кречетники: Нурумъ, Алгагъ Кулы, Тарагуль, Нагди, Исахъ, Богатырь, Миръ Магаметь. *Съ боку:* 40 соболей по 15 руб.

А людей посольскихъ, большого посла Кая салтановыхъ, лутчихъ: Тугачи бекъ съ товарищи 5 ч. *Сверху написано:* по сукну по доброму да по 5 руб. Среднихъ: Исмаиль ага съ товарищи 8 ч. *Сверху написано:* по сукну по доброму да по 3 рубли. Поваровъ 5 ч. *Сверху:* по сукну по среднему да по 2 рубли. Другово посла Булатъ бекъ-выхъ людей: лутчихъ 2 ч., подъ тѣмъ 2 же ч., поваръ 1 ч. *Сверху написано:* противъ того жъ.

Барсовниковъ 1 ч. *Сверху:* сукно доброе.

И выписано на примѣръ, что давано государева жалованья шаховымъ кречетникомъ и посольскимъ людямъ.

Во 102-мъ году при царѣ и в. кн. Ѳеодоръ Ивановичъ в. Р. приходили съ шаховымъ посломъ съ Хази Хосровомъ кречетникъ да 6 ч. шаховыхъ дворянъ, и дано имъ государева жалованья отъ казны.

Кречетнику: шуба камчатая на соболѣхъ въ 30 рублевъ, 40 соболей въ 12 рублевъ да на 8 руб. вости рыба зубу.

Дворяномъ шаховымъ 6 ч-мъ: по цкамъ куннымъ по 8 рублевъ цки, по цкамъ хрептовымъ да по цкамъ черевымъ бѣлымъ добрымъ, обои по 4 рубли, и всего по 12 рублевъ челоуку. Людямъ посольскимъ и дворянскимъ государева жалованья дано у казны: 1-й статьѣ лутчимъ 5 ч-мъ: по сукну аглинскому по доброму, по цкамъ черевымъ, по цкамъ хрептовымъ, по 4 рубли, и всего по 6 рублевъ челоуку. 2-й статьѣ 8 ч-мъ: по сукну по доброму да по цкамъ хрептовымъ, всего по 5 рублевъ. Достальнымъ 10 ч-мъ: по сукну по доброму, по цкамъ черевымъ, всего по 3 рубли. Кречетниковымъ людямъ 3-мъ ч-мъ: по 2 рубли да по сукну по доброму челоуку.

Во 112-мъ году приходилъ къ царю Борису въ гонцѣхъ отъ шаха Булатъ бекъ, которой ныне въ послѣхъ, и дано государева жалованья людямъ ево: по сукну челоуку по 2 рубли сукно, по цкамъ хрептовымъ бѣлымъ по 2 рубли жъ цки, денегъ по 2 рубли челоуку.

Во 124-мъ году приходилъ къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳеодоровичю в. Р. отъ шаха въ посланникехъ Булатъ бекъ же, а съ нимъ 3 ч. шаховыхъ кречетниковъ. И дано государева жалованья кречетникомъ по 40 соболей челоуку по 20 рублевъ сорогъ. Людямъ посланниковымъ лутчимъ 3 ч-мъ по сукну по доброму да по 5 рублевъ денегъ челоуку. Достальнымъ 6 ч-мъ по сукну да по 3 рубли денегъ челоуку.

Лѣта 7126-го декабря въ „ “ де(нь) по государеву ц. и в.

кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память казначѣю МикиѲору Васильевичю Траханіотову да дьякомъ, Ждану Шипову да Булгаку Милованову. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. дати шаховымъ барсовникомъ и кречетникомъ, и посольскимъ людемъ своего государева жалованья на отпускъ — барсовнику лутчему: сорокъ соболей въ дватцать рублей да цки хрептовые, да цки черевьи по два рубли цки; кречетникомъ семи челоувкомъ да другому барсовнику: по сороку соболей по пятинатцати рублей сорокъ; людемъ посольскимъ большово посла, лутчимъ пяти челоувкомъ: по сукну по доброму, середнимъ осми челоувкомъ: по сукну по доброму жъ; поваромъ пяти челоувкомъ: по сукну середнему, другою посла людемъ, лутчимъ дву челоувкомъ да середнимъ дву жъ челоувкомъ: по сукну по доброму жъ; повару одному челоувку сукно среднее; барсовникову одному челоувку: суконцо. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу казначѣю МикиѲору Васильевичю Траханіотову да дьякомъ, Ждану Шипову да Булгаку Милованову, то государево жалованье шаховымъ барсовникомъ и кречетникомъ, и посольскимъ людемъ соболи и цки бѣлыи, и сукна велѣти изготовить, чтобъ къ ихъ отпуску было готово.

Государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. челомъ ударили шаховы послы, Кая Салтанъ: жеребець аргамачей (*и проч.*). (*Помѣта, сдѣланная постъ*: государь пожаловалъ Кае салтану за его поминки сорокъ соболей въ 60 рублей, сорокъ соболей въ 50 рублей, сорокъ соболей въ 40 рублей). Другой посоль Булатъ бекъ государю челомъ ударилъ: сабля булатная (*и проч.*). (*Помѣта позднѣйшая*: государь пожаловалъ за его поминки сорокъ соболей въ 40 рублей, 40 куницъ). И тѣ посольскіе подарки въ государеву казну взяты, а что къ нимъ противъ тѣхъ подарковъ послать государева жалованья, и о томъ какъ государь уважить?

А въ прошломъ во 124-мъ году, какъ былъ у государя отъ шаха въ посланникѣхъ Булатъ бекъ, и ему дано государева жалованья на столько жъ, на сколько онъ государю челомъ ударилъ, на 68 рублей, соболями и куницами, и лисицами: 40 соболей въ 30 рублей, 40 же соболей въ 20 рублей, 40 куницъ въ 10 рублей, лисица черна въ восемь рублей. А его поминки къ государю въ казну взяты.

Въ прошломъ во 108-мъ году былъ у царя Бориса визылбашской посоль Перкулы бекъ, и отпушено съ нимъ въ дорогу питья зъ дворца: 5 вѣдръ меду виншневого (*съ права съ сбоку помѣта*¹⁾ *сдѣланная постъ*: 3), 5 вѣдръ меду малинового (*съ боку*: 2), 5 вѣдръ меду обарново (*съ*

¹⁾ Т. е. отмѣчено, сколько государь указалъ дать теперь.

боку: 3), 10 вѣдръ меду паточново (съ боку: 10), 5 вѣдръ квасу щав-
ново, 4 ведра вина горячего доброво (сверху: 5 вѣдръ), 8 коврижекъ
(съ боку: то жъ), 6 хлѣбцовъ черныхъ (съ боку: то жъ), 3 чети сухарей
крупчатыхъ.

А нынѣ о томъ какъ государь уважетъ?

И по государеву указу кызылбашскимъ посломъ Кае салтану и
Булатъ беку въ дорогу питье и коврижки, и хлѣбцы черные, опричь
сухарей, послано зъ дворца противъ тѣхъ помѣтъ, что помѣчено на полѣ.

Лѣта 7126-го декабря въ 15 день по государеву ц. и в. кн.
Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память діякомъ, думному Петру
Третьякову да Саве Романчукову. Въ нынѣшнемъ во 126-мъ году
ноября въ 12 де(нь) посланы изъ кобатцкаго приказу хъ кызылбаш-
скимъ посломъ на дворъ десеть человекъ детей боярскихъ, Дмитрей
Торжневъ съ товарищи, и государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю
в. Р. билъ челомъ Дмитрей Торжневъ съ товарищи, чтобъ ихъ го-
сударь пожаловалъ, велѣлъ съ посольскаго двора переменить. И по
государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу хъ кызыл-
башскимъ посломъ на дворъ тѣмъ детемъ боярскимъ на перемѣну
посланы дѣти боярскіе Кирило Семенской, Семень Кузьминъ, Григорей
Золинъ, Степанъ Воломской, Мивита Шатиловъ, Петръ Ресинъ, Нес-
меянъ Лонвиновъ, Яковъ Толмачовъ, Ѳедоръ Лихачовъ, Малюта Ду-
рышкинъ. Приписалъ Семень Бредихинъ.

Лѣта 7126-го генваря въ „ “ де(нь) по государеву ц. и в. кн.
Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память казначѣю Микиѳору Ва-
сильевичю Траханіѳову да дякомъ, Ждану Шипову да Булгаку Мило-
ванову. Пожаловалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р.
кызылбашскихъ пословъ Каа бека да Булатъ бека, велѣлъ имъ дати
своего государева жалованья противъ ихъ подарковъ, чѣмъ онѣ государю
челомъ ударили отъ себя на прѣздѣ, Каа беку три сорока соболей: сорокъ
въ шестьдесятъ рублевъ, сорокъ въ пятьдесятъ рублевъ, сорокъ въ сорокъ
рублевъ, всего на сто на пятьдесятъ рублевъ; другому послу Булатъ
беку: сорокъ соболей въ сорокъ рублевъ, сорокъ куницъ. А ихъ всѣ
подарки, опричь аргамака, которые взяты на казенной дворъ, указалъ
государь отослати къ нимъ назадъ. И по государеву ц. и в. кн.
Михайла Ѳедоровича в. Р. указу казначѣю Микиѳору Васильевичю
Траханіѳову да діякомъ, Ждану да Булгаку, государево жалованье,
соболи и куницы, что послать ныне государева жалованья хъ кызыл-
башскимъ посломъ послати, а ихъ подарки всѣ, опричь аргамака, что
у нихъ взято на казенной дворъ, отослати жъ.

Били челомъ государю ц. и в. кн. Михайлу Федоровичю в. Р. кизылбашскіе послы, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ людемъ ихъ тремъ человѣкомъ ѣхать въ Ярославль для покупки, а купити де имъ въ Ярославлѣ сто юетей телятинныхъ красныхъ кожъ, 10 пудъ слюды, 6 ястребовъ. Да чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ дати зъ дворца вина въ дорогу, или бы государь пожаловалъ, велѣлъ имъ въ дорогѣ на свои деньги купити. *Сверху написано:* Отговорить: ѣхали бѣ всѣ вмѣстѣ, а слюды и врететовъ не продають, а кожи въ Муромѣ.

Внизу: Есть указъ.

По государеву указу бѣяринъ князь Алексѣй Юрьевичъ Ситцкой сказалъ, что государь поволѣлъ купити полону 20 ч., и они бѣють челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, поволѣлъ купити на шаха 30 ч. да имъ 10 ч.

Помѣта: Пожаловалъ государь: велѣлъ имъ купити по 3 человѣки.

Лѣта 7126-го генваря въ 12 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу память окольникему Ортемью Васильевичю Измайлову да дьякомъ, Добрынѣ Семенову да Матвѣю Сомову. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. послать про кизылбашскихъ пословъ и про шаховыхъ барсовниковъ и про врететниковъ съѣстново корму и про посольскихъ людей корму жъ и питья въ дорогу отъ Москвы до Володимера съ того дни, какъ онѣ пойдуть съ Москвы; а отъ Володимера за съѣстные кормы до Нижнего указалъ государь послать деньгами, счетчи въ сколько день имъ поспѣти будетъ отъ Володимера до Нижнего мочно. А по чему имъ, посломъ, и шаховымъ людемъ на день въ дорогѣ корму, и людемъ посольскимъ корму жъ и питья давать, и тому роспись послана къ вамъ подъ сею памятью. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу окольникему Ортемью Васильевичю Измайлову да дьякомъ, Добрынѣ Семенову да Матвѣю Сомову, про кизылбашскихъ пословъ и про шаховыхъ людей съѣстные кормы и про посольскихъ людей кормъ же и питье отпустить въ дорогу отъ Москвы до Володимера, а отъ Володимера до Нижнего деньгами, счетчи съ того дни, какъ онѣ пойдуть съ Москвы, въ сколько день поспѣти имъ мочно, по росписи, какова подъ сею памятью.

И генваря въ 21 де(нь) въ пятницу кизылбашскіе послы Кая салтанъ да Булатъ бекъ съ Москвы пошли, а отпущены на Володимеръ да на Муромъ, да въ Нижней, да въ Базань.

А провожали ихъ съ Москвы за городъ за яузскіе ворота, за то мѣсто, гдѣ бывалъ деревяной городъ, съ перестрѣлъ, приставы ихъ,

князь Федоръ Волконской да дьякъ Иванъ Шевыревъ. А съ ними провожали конюхи стремянные и задворные, да дворовые люди тѣ же, которые ѣздили передъ послы въ государю на дворъ съ приставы: человекъ со сто, да подъячіе всѣхъ приказовъ на конехъ въ цветномъ платьѣ. А лошади подъ пословъ съ санми и подъ шаховыхъ вретчниковъ, и подъ барсовниковъ, и подъ посольскихъ лутчихъ людей лошади съ сѣдлы посылаемы въ государевы конюшни съ стремяннымъ конюхомъ противъ того же, какъ послано къ посломъ на встрѣчу въ тѣ поры, какъ онѣ пришли къ Москвѣ. Да посломъ же по ихъ челобитью дано въ государевы жѣ конюшни въ дорогу отъ Москвы до Казани въ санми два санника добрыхъ. А въ приставехъ съ послы отъ Москвы до Казани посланъ Соловой Протасевъ, а съ нимъ переводчикъ Своитинъ Каменевъ, да два человекъ толмачей, да три человекъ дѣтей боярскихъ. Да съ ними жѣ для провожанья послано отъ Москвы до Нижнего 20 ч. казаковъ. А государевъ наказъ о посольскомъ провожанѣ Соловому Протасеву данъ таковъ:

Лѣта 7126-го генваря въ 20 де(нь) государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. велѣлъ Соловому Борисовичю Протасеву ѣхать съ кизылбашскими послы, съ Кая салтаномъ да съ Булатъ бекомъ, до Володимеря и до Муррома, и до Нижнего, и до Казани. А съ послы шаховыхъ барсовниковъ и вретчниковъ девять человекъ, да людей посольскихъ „ „ человекъ. А для береженья и для кормовъ посланы съ нимъ дѣти боярскіе „ „ съ товарищи „ „ человекъ, да два человекъ толмачей, да дватцать человекъ казаковъ. И Соловому Борисовичю ѣхать съ послы въ Казань, не мѣшкаая, и ѣдучи ему съ кизылбашскими послы, дорогою до Володимеря и до Муррома, и до Нижнего, и до Казани береженье къ посломъ и къ шаховымъ барсовникомъ, и вретчникомъ, и къ ихъ людямъ держать, чтобъ имъ ни отъ кого обидѣ и бесчестья не было никоторыми дѣлами, а отъ нихъ бы рускимъ людямъ по тому жѣ никому обидѣ и насильства не было, и на станѣхъ ставитись съ ними бережно и усторожливо. А кормъ и питье посломъ и шаховымъ, и посольскимъ людямъ отъ Москвы до Володимеря и отъ Володимеря до Нижнево и до Казани давать по росписи, какова имъ дана на Москвѣ изъ посольского приказу за дьячєю приписью. А кормы всякіе въ дорогу про пословъ и про шаховыхъ барсовниковъ, и про вретчниковъ, и про посольскихъ людей кормы жѣ и питье взяти ему изъ большого приходу отъ Москвы до Володимеря, счетчи столь дни, какъ онѣ пойдуть съ Москвы, въ колько день до Володимеря поспѣти мочно. А отъ Володимеря до

Нижнего на всякіе кормы взяти ему деньгами, смѣтася жъ, въ сколько ему день съ послы отъ Володимеря до Нижнево поспѣти мочно; а питье всякое поденное про пословъ же и про шаховыхъ людей взяти ему въ дворца отъ Москвы до Володимеря жъ, счетчи столь дни, какъ онѣ съ Москвы пойдуть, по росписи, какова ему дана на Москвѣ изъ посольского приказу за дьячьєю приписью. А отъ Володимеря до Муромъ и отъ Муромъ до Нижнего съестныя всякіе кормы ему покупать на тѣ деньги, что ему дадутъ на Москвѣ изъ большого приходу. А отъ Нижнево до Казани на всякіе съѣстныя кормы взяти ему деньги въ Нижнемъ, смѣта противъ росписи жъ столь дни, какъ онѣ изъ Нижнего въ Казань пойдуть, въ сколько имъ день изъ Нижнего до Казани поспѣтъ мочно, и на тѣ деньги кормъ ему покупать; а питье, вино и медъ, и пиво, про пословъ и про шаховыхъ, и про посольскихъ людей иматъ ему въ Володимерѣ, въ Муромѣ, въ Нижнемъ и до Казани у воеводъ и у кабацкихъ головъ съ кабаковъ противъ той росписи, по чему имъ давано въ дорогѣ отъ Казани и отъ Нижнево до Москвы, какъ они шли ко государю къ Москвѣ, въ сколько день имъ мочно отъ города до города поспѣти. А роспись ему тому дана жъ, и по городомъ отъ государя въ воеводамъ о томъ писано жъ. А кормы про пословъ велѣтъ иматъ по городомъ и по станомъ у всякихъ людей, а за кормъ платить деньги по тамошней цѣнѣ, какъ гдѣ купать, и въ запросъ посломъ ѣству и питье давать, что пригоже и что гдѣ мочно добыти; а чего гдѣ добыть немочно, и ему у пословъ то отговаривать, а чтобъ посломъ въ кормѣхъ и въ питѣи и ни въ чемъ отнюдь некоторые нужи не было. А что у него на кормъ денегъ изойдетъ, и ему то велѣтъ писать въ книги; а того надъ дѣтми боярскими и надъ толмачи, и надъ дѣтми боярскими смотреть и беречи накрѣпко, чтобъ онѣ кормомъ не корыстовались и велѣтъ кормъ отдавать при себѣ. Да по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу велено посломъ въ дорогѣ купить неметцкого и литовского, и крымсково полону, робятъ и дѣвокъ, на шаха дватцать человекъ, да двумъ посломъ по три человекъ, и того 6 ч. И Соловому, ѣдучи въ дорогѣ, въ Муромѣ и въ Касимовѣ, и въ Нижнемъ, и въ Казани поволить посломъ тотъ полонъ шаху и себѣ купить; а того беречи накрепко и толмачемъ велѣти роспрашивать, чтобъ посломъ татарове и рускіе люди никто русскихъ людей и полону крещеного не продавали, а продавали бѣ всякіе люди полонениковъ неметцкихъ и литовскихъ, и крымскихъ некрещенныхъ. Да и того ему велѣтъ беречи накрѣпко, чтобъ посломъ никто речетовъ, ястребовъ, соболей и куницъ живыхъ,

слюды, пансыревъ и никакихъ заповѣдныхъ товаровъ не продавалъ. А заказывать о томъ не явно, чтобъ посломъ было не знатно; а опричь того незаповѣдныя товары велѣтъ имъ продавать. И ѣхать ему „ съ кызылбашскими послы на Володимерь да на Муромъ, да на Нижней, да въ Казань; а напередъ своего съ послы приѣзду послать ему по городомъ съ вѣстью изъ дѣтей боярскихъ или изъ толмачей, или изъ провожатыхъ, чтобъ по городомъ посольской приѣздъ былъ вѣдомъ, и дворы бѣ, и кормъ, и питье къ ихъ приѣзду были готовы. И какъ въ которой городъ послы приѣдутъ, и въ то бѣ время въ городѣхъ было тѣми мѣсты и улицею, въ которыхъ имъ стоять, было людно и стройно. А не доѣзжая Казани, съ послѣднего стану послать ему напередъ въ Казань къ боярину и воеводамъ, ко князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукову съ товарищи, сына боярскаго жъ или толмача и государева грамота о послѣхъ къ нимъ послать, и велѣтъ говорити боярину и воеводамъ, чтобъ они тотчасъ про кызылбашскихъ пословъ и про шаховыхъ барсовника и вретчатниковъ изготовили дворы и кормы, и питье, и приставовъ—дѣтей боярскихъ добрыхъ, кому у нихъ въ приставехъ быти, къ тому дни, какъ ему съ послы въ Казань приѣхать. А лошади бѣ подъ пословъ съ санями и подъ шаховыхъ людей лошади жъ съ санми или съ сѣдлы бояринъ и воеводы, и дьяки выслали свои, урядя по посольскому обычею и взявъ у дворянъ и у головъ стрелетцкихъ, и у приказныхъ людей, а людемъ бы посольскимъ выслали подводы добрыя жъ, и чтобъ у нихъ въ тотъ день въ городѣ на посадѣ тѣми мѣсты, куды имъ итти, и тою улицею, гдѣ имъ стоять, было людно и стройно по посольскому обычею. А какъ „ съ кызылбашскимъ посломъ приѣдетъ въ Казань и гдѣ про пословъ дворы изготовлены будутъ, и „ ѣхать съ послы на подворье, и устроая шаховыхъ пословъ на подворьяхъ и отказавъ ихъ боярину и воеводамъ, ѣхать къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳеодоровичю в. Р. въ Москвѣ, и дѣтемъ боярскимъ, и толмачомъ велѣти ѣхать къ Москвѣ жъ съ собою вмѣстѣ; а приѣхавъ къ Москвѣ, явитись и про то сказать въ посольскомъ приказѣ дѣкомъ, думному Петру Третьякову да Савѣ Раманчукову.

Роспись, по чему давати въ дорогѣ и по городомъ отъ Москвы до Володимеря кызылбашскаго шахъ Аббаса посломъ, Кае салтану да Булатъ беку, и шаховымъ барсовникомъ и вретчатникомъ, и посольскимъ людемъ поденного корму.

Большому послу Каѣ салтану на день: по 2 хлѣба двуденежныхъ, по 2 колача двуденежныхъ, по 3 борана, по гусю, по двое утятъ, по 4 куровъ живыхъ, по 7 гривенокъ масла коровья, по 30 яицъ.

Другому послу Булатъ беку на день: по 2 хлѣба двуденежныхъ, по 2 колача двуденежныхъ, по два борана, по гусю, по утяти, по трое куровъ живыхъ, по 4 гривенки масла коровья, по 20 яицъ.

Да посломъ же обѣимъ давати въ запросъ на кольцо имъ стаеть, по пуду патоки.

Шаховымъ кречетникомъ и барсовникомъ, и конюху, всего 9-ти человекомъ, давати по 2 хлѣба да по 2 колача двуденежныхъ человеку, да всѣмъ: по 2 борана, по 2 утяти, по пяти куровъ живыхъ на день. Людямъ обѣихъ пословъ 30 человекомъ давати по хлѣбу да по колачу 2—денежныхъ человеку на день, да всѣмъ вопчѣ на два дни по яловицѣ живой.

Питья посломъ давати:

Большому послу Каѣ салтану по осми чарокъ вина двойново, а гдѣ не будетъ двойного, ино рядового доброго, а о двойномъ отвовариватца; крушка меду вишневого; крушка меду малинового; крушка меду черемхового; треть ведра меду боярскаго; треть ведра меду обарново; ведро меду паточново; ведро пива поддѣльново; 2 ведра меду княжово; въ ѣствы полведра уксусу.

Другому послу питья на день: 7 чарокъ вина двойново, а гдѣ не будетъ двойного, ино рядового доброво; крушка меду вишневого; крушка меду черемхового; четверть ведра меду боярскаго; четверть ведра меду обарново; полведра меду паточново; полведра пива поддѣльново; ведро меду княжово; въ ѣствы четверть ведра уксусу.

Шаховымъ кречетникомъ и барсовникомъ, и конюхомъ, всего 9 человекомъ, питья на день; по 4 чарки вина человеку да всѣмъ: ведро меду обарново, ведро меду паточново, 3 ведра меду княжово. Людямъ посольскимъ большово посла 19 ч-мъ питья на день: по 2 чарки вина рядового да всѣмъ: 5 ведръ меду, 5 ведръ пива. Другово посла 7 ч-мъ по 2 чарки вина человеку, да всѣмъ: полъ 3-я ведра меду, полъ 3-я ведра пива.

Да на мѣлкой расходъ про обѣихъ пословъ и про шаховыхъ и про посольскихъ людей на луезъ и на чеснокъ, и на яйца, и на сметану, и на масло, и на молоко, и на свѣчи послано съ нимъ изъ большово приходу до Нижнего, счетчи противъ сей же росписи, на кольцо день на тотъ же мѣлкой расходъ выходило имъ изъ большово приходу, по пяти рублевъ.

А рыбные ѣствы давати посломъ, какъ коли попросятъ, смѣта противъ мясные жъ ѣствы столько жъ. И въ запросъ давати не отвелика, какъ коли чего попросятъ, гдѣ чего добыть мочно.

Да посломъ же взяти питья въ дорогу зъ дворца сверхъ поденного питья въ готовыхъ судѣхъ: 3 ведра меду вишневого, 2 ведра меду малинового, 3 ведра меду обарного, 10 ведръ меду патошного, 5 ведръ вина горячего, 8 коврижекъ, 6 хлѣбцовъ черныхъ, и отдать то посломъ самимъ: то имъ государево жалованье въ дорогу.

А отъ Володимера до Мурома и до Нижнево, и до Казани посломъ шаховымъ и кречатникомъ, и барсовникомъ, и посольскимъ людемъ питье, вино и медъ, опричь красныхъ питей давать по казанской росписи, какова писана ниже сего. А будетъ послы въ дорогу учнуть просить красного питья, и о томъ отговаривать, что красныхъ питей въ дорогѣ добыть нѣгде, а давати имъ въ красныхъ питей мѣсто бѣлымъ медомъ, какъ пригоже.

Роспись, по чему давати шаховымъ посломъ и шаховымъ кречатникомъ и барсовникомъ, и посольскимъ людемъ поденного корму и питья въ Казани и въ Астарахани, покамѣста они въ тѣхъ городѣхъ побудутъ до отпуску, противъ казанской росписи, по чему имъ давано отъ Казани до Москвы, какъ онѣ шли ко государю.

Большому послу Кае салтану на день: 2 хлѣба двуденежныхъ, 2 колача двуденежныхъ, 2 борана, 4 куровъ, 7 гривенокъ масла коровья, по 20 яицъ. Питья на день: по 3 чарки вина двойново, 10 чарокъ вина простово, ведро меду доброво, по чети ведра уксусу, на 4 де(ньги) свѣчь салныхъ, луку да чесноку на 6 де(негъ). Да въ запросъ давати по пуду патоки, на сколько станеть.

Другому послу, Булатъ беку, на день: 2 хлѣба двуденежныхъ, 2 колача 2 денежныхъ, 2 чарки вина двойново, 5 чарокъ вина простово, ведро безъ чети меду доброво, четь ведра уксусу, луку да чесноку на 4 де(ньги), свѣчь салныхъ на 4 де(ньги). Да въ запросъ полъ пуда патоки, на сколько станеть.

Шаховымъ 5 ч-мъ кречатникомъ да стремянному конюху, да 2-мъ ч-мъ барсовникомъ: по 2 хлѣба да по 2 колача 2—денежныхъ ч-ку, по 2 чарки вина челоуѣку, ведро съ четью меду, ведро съ четью пива. Людемъ большово посла 20 ч-мъ 20 хлѣбовъ да 20 колачей 2—денежныхъ на день, боранъ, 40 чарокъ вина, 5 ведръ меду кабатцково, 5 ведръ пива кабатцково. Другово посла людемъ 10 ч-мъ 10 хлѣбовъ, 10 колачей 2—денежныхъ, боранъ, 20 чарокъ вина, 2 ведра меду кабатцково, 2 ведра пива кабатцково.

Роспись государевымъ ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. дѣламъ, что посланы съ Соловымъ Протасьевымъ о кизылбашскомъ дѣлѣ:

Наказъ государевъ о провожаньѣ пословъ. Роспись кормовая по чему давать корму на день посломъ въ дорогѣ.

Грамота въ Асторохань о тезикахъ, которые сведены съ тезичьихъ торговыхъ дворовъ, и велено имъ жить на посадѣ съ посадскими людьми, а пошлины таможенные велено съ нихъ имать противъ астороханскихъ посадцевъ людей.

Грамота въ Асторохань же исъ казансково дворца объ отпускѣ изъ Асторохани государевыхъ и шаховыхъ пословъ, о бусехъ и о шаховыхъ о торговыхъ людехъ, что имъ шаховыми товары торговать повольно и шаховымъ и посольскимъ людямъ обидъ и насильства не чинить, и о Булатъ бековъ шелку, что велено ему человекъ его шелкъ, которово не стало въ Асторохани, отдать ему; а будетъ шелкъ проданъ, ино велено отдать денги.

Грамота въ Казань исъ казансково дворца объ отпускѣ исъ Казани государевыхъ и шаховыхъ пословъ, чтобъ къ веснѣ про пословъ суды и бусы со всѣми судовыми снастями, на чемъ имъ со всѣмъ поднятися мочно, были готовы. А покаместа послы и съ ними шаховы торговые люди съ шаховыми товары побудутъ въ Казани и которые торговые жъ люди съ шаховыми жъ товары останутца после пословъ въ Казани, и тѣмъ велено шаховыми товары торговать повольно, и пошлинъ съ нихъ имать не велено, и торговымъ и посольскимъ людямъ обидъ и насильства чинить не велено.

Грамота въ Казань исъ казансково жъ дворца о посольскихъ кормѣхъ, что велено посломъ на кормъ денги давать ино всякихъ доходовъ, и питье, вино и медъ, и пиво противъ прежнему, по чему имъ давано въ Казани, какъ онѣ шли въ Москвѣ, и въ запросъ велено давать, и въ дорогу до Асторохани кормъ и питье велено отпустить.

Грамота въ Асторохань исъ посольского приказу о Булатъ бековъ шелку, что взято у человекъ его въ Асторохани 115 ансырей шелку, и тотъ шелкъ велено ему отдать, а будетъ проданъ, и ему велено дать денги.

Грамота въ Казань исъ посольского приказу объ отпускѣ государевыхъ и шаховыхъ пословъ, о судѣхъ и о бусехъ, и о кормѣхъ, покаместа въ Казани побудутъ.

Грамота въ Асторохань исъ посольского приказу о терскомъ жильцѣ, о Бараймеѣ, что били челомъ за него послы, будто съ нимъ шаховы товары. И будетъ шаховы, и съ тѣхъ товаровъ пошлинъ имать не велено.

Грамота въ Нижней изъ посольского приказу объ отпускѣ шаховыхъ пословъ и о кормѣхъ, и о подводахъ, и о провожатыхъ.

Грамота въ Нижней же изъ нижегородцкіе чети о деньгахъ, чтобъ посломъ на кормъ отъ Нижнего до Казани деньги дали изъ нижегородцкихъ изво всякихъ доходовъ.

Грамота въ Муромъ о посольскомъ же отпуске и о корму, и о подводахъ, и о береженьѣ цесарева посла Юзуеа.

Грамота въ Муромъ же цесарева посла къ Юзуеову приставу къ Семену Чеадаеву о береженьѣ жъ, чтобъ цесареву послу съ кызылбашскими послы не видетися и ни о чемъ не сослатись.

Грамота въ Володимеръ о посольскомъ же отпускѣ и о корму, и подводахъ, и о питьѣ.

Грамота проѣзжая по городомъ отъ Москвы до Володимеря и до Муромъ, и до Нижнего, и до Казани, и до Асторохани, чтобъ посломъ вездѣ подводы и кормы, и питье давали, и о провожатыхъ, и что поволено посломъ купить въ дорогѣ, въ Муромѣ, въ Басимовѣ, въ Нижнемъ, въ Казани неметцково и литовского полону: про шаха 20 ч. да себѣ, посломъ, по 3 ч.

Грамота на Теревъ изъ посольского приказа о сыску про боярина про Петра Петровича Головина по челобитью шахова посла Булатъ бека, будто взялъ у человекъа ево на Теркѣ 300 рублей.

Грамота въ Казань о шаховыхъ торговыхъ людехъ и о посольскихъ людехъ, которые пришли съ послы вмѣстѣ и въ Казани побудутъ до посольского отпуску съ шаховыми товары и которые останутца въ Казани послѣ пословъ, что имъ шаховыми товары торговати безпошлинно и пошлинъ съ шаховыхъ товаровъ имать и насильства имъ никакого чинить не велено.

Грамота въ Асторохань изъ посольского приказу о томъ же.

Подводъ подъ пословъ и подъ шаховыхъ людей и подъ посольскихъ людей, и подъ ихъ людей 105 подводъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукому да князю Семену Микитичю Гагарину, да дьякомъ нашимъ, Ондрѣю Подлѣсову да Оеонасью Истомину. Отпущены отъ насъ съ Москвы къ брату нашему къ шахъ Аббасову в. послы его Кая салтанъ да Булатъ бекъ, а съ ними шаховыхъ барсовниковъ и врететниковъ девять человекъ да посольскихъ людей тритцать человекъ; а въ приставехъ съ ними для береженья посланъ отъ насъ съ Москвы до Нижнего и до Казани Соловой Протасьевъ. А въ Казани

шаховымъ посломъ дожидатися нашихъ пословъ, князя Михайла Борятинского съ товарищи, а отпускъ отъ насъ нашимъ посломъ будетъ вскоре жъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а кизылбашскихъ пословъ приставъ Соловой Протасевъ пришлетъ къ вамъ напередъ себя съ вѣстью въ которой день быти ему съ кизылбашскими послы въ Казань, и вы бѣ тотчасъ изготовили про кизылбашскихъ пословъ дворы добрые, гдѣ пригоже, и велѣли бѣ есте тѣ дворы очистить и сторожей къ нимъ приставить, чтобъ тѣ дворы къ посольскому приѣзду были готовы. А въ которой день почаете посольского приѣзду, и у васъ бы въ тотъ день въ городѣ и на посадѣ, и тою улицею, гдѣ стоятъ посломъ, и до двора было людно и стройно по посольскому обычею. И встрѣтитъ бы есте ихъ велѣли у посаду, а на встрѣчу послали дворенина добра, а съ нимъ дѣтей боярскихъ и сотниковъ челоуѣкъ до ста и больше, и проводить велѣли до двора, и кормъ бы есте и питье посломъ до тѣхъ мѣстъ, покаместа онѣ побудутъ въ Казани, давали по той росписи, какова дана на Москвѣ приставу ево, опрѣчь красного питья, и въ запросъ бы есте имъ ѣствы и питья, чего онѣ попросятъ, давали, чтобъ однолично у васъ въ Казани посломъ никакіе скудости въ кормѣхъ и въ питьѣ не было, а иное большое велѣли отговаривать гладостью, чтобъ большихъ убытковъ не было жъ. Да какъ „ “ съ кизылбашскими послы въ Казань придетъ, и вы бѣ, принявъ у него пословъ, отпустили его, Солового, и толмачей, которые придутъ съ нимъ съ Москвы къ намъ, къ Москвѣ; а къ посломъ бы есте приставили иново пристава, выбравъ изъ дворянъ, добра и стрѣльцовъ къ нимъ на дворы для береженья дали, и о томъ тому новому приставу наказали накрѣпко, чтобъ онъ былъ у пословъ по вся дни и ночи съ великимъ береженьемъ, и того бѣ берегъ накрѣпко, чтобъ къ посломъ на дворы ни кто русскихъ людей и иноземцовъ не приходили и ни о чемъ не розговаривали, и вѣстей никакихъ словомъ и на письмѣ не проносили. А къ веснѣ бѣ есте про нашихъ и про шаховыхъ пословъ готовили суды наспѣхъ, въ чемъ бы нашимъ и шаховымъ посломъ поднятца. А будетъ которые суды худы, и вы бѣ тѣ суды велѣли подѣлать и покрыть, чтобъ однолично суды къ веснѣ были готовы. А которово числа „ “ съ шаховыми послы въ Казань придетъ, и кому имянемъ вы у пословъ въ приставехъ быти велите, и о чемъ любо послы съ новымъ приставомъ въ Казани поговорятъ, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ къ Москвѣ съ „ “ же, чтобъ намъ про то было вѣдомо. Да по нашему указу велено шаховымъ посломъ купити про шаха неметцкого и литовского полону

дватцать человекъ, да ихъ пожаловали есмя, позволили имъ купити, по ихъ челобитью, Кае салтану да Булатъ беку по три человекъ, и о томъ бы вы допросили пристава ихъ Солового Протасьева колько они полону, ѣдучи, купятъ въ дорогѣ, да чего въ дорогѣ противъ нашего указу полону не докупятъ, и вы бѣ имъ то число позволили купити въ Казани, а однолично бѣ было во всемъ у васъ бережно и купити имъ по нашему указу повольте. А чтобъ отъ нихъ во всемъ было бережно и ни о чомъ бы и ни съ кѣмъ у нихъ с-мноземцы и съ русскими людьми, опричь торговли, розговоровъ ни было; а заповедныхъ бы есте товаровъ, птицъ ловчихъ, соболей и куницъ живыхъ и пансырей продавать никому не велѣли. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 16 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Нижней Новгородѣ воеводѣ нашему Борису Ивановичю Нащокину да дяку нашему Дементью Обрасцову. Отпущены отъ насъ (*и проч.*)... Соловой Протасьевъ, а на кормъ про пословъ дано ему на Москвѣ отъ Москвы до Нижнего деньгами; а питье послано только до Володимеря, а отъ Володимеря и до Нижнего, и до Казани велено иматъ питье, медъ и вино, и пиво, въ городѣхъ съ кабака. А о приѣздѣ посольскомъ, въ которой день быти имъ въ Нижней, велено приставу ихъ Соловому обослатися съ вами напередъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а кызылбашскихъ пословъ приставъ Соловой Протасьевъ пришлетъ къ вамъ напередъ себя съ вѣстью въ которой день быти ему съ послами въ Нижней, и вы бѣ тотчасъ изготовили про кызылбашскихъ пословъ дворы добрые (*и проч.*).... выслали бѣ есте дворенина добра, а съ нимъ дѣтей боярскихъ и сотниковъ, сколько пригоже, чтобъ было людно, и проводить его велѣли до двора, и кормъ бы есте и питье посломъ до тѣхъ мѣсть, покамѣста послы побудутъ въ Нижнемъ, давали по той росписи, какова дана на Москвѣ приставу его „ “.

И въ дорогу отъ Нижнего до Казани дали бѣ есте посломъ кормъ и питье противъ той же росписи, счетчи въ колько день имъ отъ Нижнего до Казани поспѣть мочно. И отпустили бѣ есте ихъ изъ Нижнего въ Казань, не мешкая ни часу; а подводы подъ нихъ собрали съ Нижнего посаду и съ уѣзду со всякихъ людей, и съ монастырей, чтобъ однолично пословъ отпустить вамъ изъ Нижнего вскорѣ. А какъ послы изъ Нижнего пойдутъ, и въ тѣ бѣ поры было людно и стройно по тому жъ, какъ и на встрѣчѣ, и проводить ихъ изъ Нижнего до Казани послали бы есте стрѣльцовъ, сколько человекъ пригоже. А которово числа Соловой съ кызылбашскими послами въ Нижней придутъ, и какъ

изъ Нижнего въ Казань пойдутъ, и на колько имъ день корму дадите, и сколько до Казани провожатыхъ пошлете, и вы бѣ о томъ отписали въ намъ къ Москвѣ, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ дѣломъ, думному Петру Третьякову да Савѣ Раманчукову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 16 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Феодоровича в. Р. въ Володимеръ воеводамъ нашимъ, князю Лукѣ Осиповичю Щербатому да Лаврентью Александровичю Кологривову. Отпущены отъ насъ съ Москвы (*и проч.*)... Соловой Протасьевъ. А кормъ и питье поденное и сверхъ поденново про пословъ послано съ нимъ до Володимеря, съ Москвы, а отъ Володимеря до Нижнего на всякіе посольскіе съѣстные кормы дано ему жъ, Соловому, денгами. А велено ему про пословъ и про шаховыхъ, и про посольскихъ людей всякіе кормы покупать. А питье, медъ и вино, указали есмь взять въ Володимерѣ съ кабака. А о прїѣздѣ о посольскомъ, въ которой день быти имъ въ Володимеръ, велено „ “ обослатись напередъ. И какъ въ вамъ ся наша грамота придетъ, а кизылбашскихъ пословъ приставъ „ “ пришлетъ къ вамъ напередъ себя съ вѣстью въ которой день быти ему въ Володимеръ, и вы бѣ велѣли имъ дворы очистить добрые и сторожей къ нему приставили, чтобъ дворы къ посольскому прїѣзду были готовы. А въ которой день почаете (*и проч.*) . . . двренипа добра, а съ нимъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, сколько пригоже. И подводы бѣ есте подъ пословъ и подъ шаховыхъ, и подъ посольскихъ людей дали тотъ же часъ, и отпустили ихъ изъ Володимеря въ Нижней, не мешкая ни часу, и въ дорогу имъ кормъ и питье дали по росписи, какова у пристава его у „ “, счетчи въ колько день ему отъ Володимеря до Нижнего поспѣти мочно, чтобъ имъ однолично въ дорогѣ въ кормѣхъ и въ питьѣ недостатка не было; а лише сего за посмѣхъ не шло, чтобъ нашей казнѣ запосмѣшныхъ убытковъ не было. А какъ послы изъ Володимеря пойдутъ и въ тѣ бѣ поры по тому жъ было людно и стройно по посольскому обычею. А которово числа „ “ съ послы въ Володимеръ придетъ и которово числа изъ Володимеря въ Муромъ придетъ, и на колько день про пословъ отъ Володимеря до Мурома корму и питья дадите, и колькихъ человекъ провожатыхъ пошлете, и вы бѣ о томъ отписали къ намъ, къ Москвѣ, а отписку велѣли отдать въ посольскомъ приказѣ дѣломъ нашимъ, думному Петру Третьякову да Савѣ Раманчукову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 16 де(нь).

Лѣта 7126-го генваря въ „ “ день по государеву ц. и

в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. отпустить отъ себя, государя, съ Москвы шаховыхъ пословъ, Кая салтана да Булатъ бека; а итти имъ на Володимеръ да на Муромъ, да на Нижней, да на Казань, да на Асторахань, а изъ Асторахани итти имъ къ шаху на бусъхъ до Терки или до Гиляни, смотря по тамошнему дѣлу, а государевыхъ пословъ, которые идутъ отъ государя къ шаху, князя Михайла Борятинского, дожидатись имъ въ Казани. А покамѣста шаховы послы и съ ними шаховы жъ торговые люди съ шаховыми жъ товары останутца въ Казани жъ и въ Асторахани, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. шаховыхъ пословъ и торговыхъ людей, которые ныне съ послы и которые послѣ ихъ останутца съ шаховыми товары, пожаловалъ, позволилъ имъ шаховыми товары торговать повольню, и пошлинъ съ шаховыхъ товаровъ имать и торговымъ шаховымъ и посольскимъ людемъ никакихъ обидъ и насильства чинить не велѣлъ. Да шаховъ же посолъ Булатъ бекъ билъ челомъ государю, что въ Асторохани не стало человекъ его Хожа Сухамбедина, а послѣ того человекъ его взяли астороханскіе воеводы живота ево сто пятнатцать ансырей шелку розново цвѣту, и ему де по ся мѣста не отдано. И про тотъ шелкъ сыскано, что тотъ человекъ ево шелкъ и ныне въ Асторохани въ государевѣ казнѣ, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. Булатъ бека пожаловалъ, велѣлъ ему тотъ шелкъ отдать; а будетъ тотъ шелкъ проданъ, и государь велѣлъ тѣ денги, что на томъ шелку взято, изъ своей государевы казны выдать, да въ отвѣтъ ему ты, бояринъ князь Олексѣй Юрьевичъ съ товарищи, то государево жалованье объявили. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву, послать въ Казань и въ Асторохань отъ себя исъ приказу государевы грамоты, а велѣти про государевыхъ пословъ, которые идутъ отъ государя къ шаху, про князя Михайла Борятинского съ товарищи, и про шаховыхъ пословъ, которые ныне отпущены отъ государя къ шаху, готовить къ веснѣ въ Казани суды со всѣми судовыми, а въ Асторохани бусы со всѣми бусными спастми, на чемъ бы государевымъ и шаховымъ посломъ поднятца со всѣми ихъ людьми и съ рухледью, а чтобъ однолично въ Казани и въ Асторохани суды и бусы къ веснѣ были готовы. А покамѣста послы и шаховы торговые люди съ шаховыми товары въ

Казани съ послы вмѣстѣ побудуть и которые торговые люди съ шаховыми жъ товары послѣ пословъ въ Казани останутца, и съ тѣхъ съ торговыхъ людей съ шаховыхъ товаровъ пошлинъ на государя иматъ и обидѣ, и насильства никакова шаховымъ торговымъ людямъ и посольскимъ людямъ дѣлать и даромъ у нихъ ничего иматъ не велѣтъ. А которой Булатъ бекова человекъ шелкъ въ Асторахани въ государевѣ казнѣ, и тотъ шелкъ велѣтъ изъ государевы казны отдать Булатъ беку; а будетъ тотъ шелкъ проданъ, и тѣ деньги, что за тотъ шелкъ взято, велѣтъ изъ государевы казны отдать Булатъ беку жъ тотчасъ. Да и впередъ велѣти въ Асторахани и на Теркѣ къ шаховымъ ко всякимъ людямъ береженъе держати, чтобъ насильства и продажъ, и никакого безчестья не чинили и тѣмъ межъ государя ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. и межъ шаха ссоры не чинили, и торговыхъ людей отъ Астарахани не отгоняли.

Отъ царя и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. отъ Москвы до Володимеря и до Муромъ, и до Нижнево Новагорода, и до Казани, и до Астарахани по городомъ бояромъ нашимъ и воеводамъ, и дьякомъ, и всякимъ нашимъ приказнымъ людямъ. По нашему указу отпущены съ Москвы кизылбашскіе послы Каа бекъ да Булатъ бекъ, а съ ними шаховыхъ барсовниковъ и кречетниковъ девять человекъ да людей ихъ посольскихъ тридцать человекъ, а въ приставехъ съ ними посланъ до Казани Соловой Борисовъ сынъ Протасьевъ. А кормъ посломъ и барсовникомъ, и кречетникомъ, и людямъ посольскимъ данъ на Москвѣ до Володимеря, а отъ Володимеря велено ему иматъ по городомъ по росписи. И какъ „ “ въ которой городъ пріѣдетъ, и вы бѣ, бояря наши и воеводы, и дьяки, и всякіе наши приказыные люди, давали кизылбашскимъ посломъ и барсовникомъ, и кречетникомъ, и людямъ посольскимъ кормъ по росписи, вакова у Солового за дьячьею приписью. Да имъ же бы естя давали подводы по подорожнымъ и кормъ въ дорогу, смѣтивъ, въ волько имъ день мочно отъ которого города до которого города постѣти, по той же росписи. А гдѣ будетъ надобны провожатые, и вы бѣ ихъ провожать посылали, по скольбу человекъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ имъ пройти было здорово и безстрашно, и отпускали ихъ, не замѣшкаа ни за чѣмъ, и кормъ имъ и провожатыхъ давали, смотря по тамошнему дѣлу. Да позволили есмь купити въ дорогѣ, въ Муромѣ и въ Касимовѣ, и въ Нижнемъ, и въ Казани кизылбашскимъ посломъ про шаха полону неметцеого и литовского дватцать человекъ, да посломъ, Каа салтану да Булатъ беку, по три человекъ. И вы бѣ и полоненики кизылбашскимъ посломъ

по городомъ купити поволили и всякіе незаповѣдныя товары, которые имъ покупать не заповѣданы, и съ тѣхъ ихъ товаровъ нашихъ пошлинъ не имали, а пропускали ихъ съ тѣмъ со всѣмъ безо всякого задержанья. А заповѣдныя товаровъ, птицъ ловчихъ и соболей, и куницъ живыхъ, и пансырей, и шеломовъ, и полонениковъ болши того покупать визылбашскимъ посломъ не давали. А того бѣ есте велѣли беречь накрѣпко, чтобъ онѣ отнюдь нигдѣ тайно заповѣдныя товаровъ никакихъ не у ково не покупали.

Внизу: Касимъ Мааметевъ да Акъ Кула Шириповъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ Асторохань воеводамъ нашимъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру Овдокимову да Гаврилу Богданову. Въ нынѣшнемъ во 126-мъ году ноября въ 22 де(нь) писали есте къ намъ, что въ прошломъ во 125-мъ году пріѣхалъ съ Терки къ вамъ въ Асторохань терской жилецъ Бараймъ съ товаромъ (*и проч.*). А шаховы послы, Кая бекъ да Булатъ бекъ, будучи у насъ, великого государя, въ отвѣтъ бояромъ нашимъ говорили, что тотъ Бараймъ пріѣхалъ въ Асторохань съ нами вмѣстѣ, а съ нимъ будто немного шаховы казны товаровъ, и съ того будто Барайма астороханскіе таможенные головы взяли пошлину вдвое. И бояре наши шаховымъ посломъ въ отвѣтъ о тѣхъ товарахъ говорили: будетъ тѣ товары подлинно государя ихъ шахъ Аббасовы, и наше царское величество, для любви брата нашего, съ тѣхъ товаровъ пошлинъ имать не велимъ и впередъ брата нашего шахъ Аббасова в. для нашия братцїе дружбы и любви со всякихъ товаровъ пошлинъ нашихъ ни въ которыхъ городѣхъ имать не велимъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а у того будетъ Бараймка подлинно шаховы товары сыщете только про то будетъ подлинно, и послы будутъ объ нихъ учнутъ къ вамъ присылать, и вы бѣ терскому жильцу Бараймку велѣли шаховы товары торговать беспошлинно. И впередъ бы есте съ шаховыхъ товаровъ съ шаховыхъ купчинъ, съ которыми будутъ шаховы грамоты съ кого пошлинъ не имати, пошлинъ имать не велѣли. А сколько хто въ которомъ году и хто именемъ шаховыхъ людей съ шаховыми грамотами пріѣдетъ, и на сколько шаховыхъ товаровъ продадутъ, и что съ кого по нашему указу пошлинъ взять доведетца, а не возьмете по шаховымъ грамотамъ, и вы бѣ то велѣли записывать въ книги имянно, да о томъ писали къ намъ къ Москвѣ, чтобъ намъ про то было вѣдомо, а отписки велѣли давати въ посольскомъ приказѣ дїякомъ, думному Петру Третьякову да Савѣ Раманчюкову.

Отъ царя и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. въ нашу отчину въ Асторохань воеводамъ нашимъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру Овдокимову да Гаврилу Богданову. Какъ были у насъ на Москвѣ кизылбашскіе послы Кая бекъ да Булатъ бекъ, и билъ челомъ намъ, великому государю, шаховъ посолъ Булатъ бекъ и въ отвѣтъ бояромъ нашимъ говорилъ, что въ Асторохани де не стало человѣка ево Хожа Сухамбедина, а опослѣ де его взяли у того человѣка его бояринъ и воеводы, князь Иванъ Мивитичъ Одоевской съ товарищи, живота ево сто пятнатцать ансырей шелку и ему де того шелку и по ся мѣста не отдано, и намъ бы ево пожаловати, велѣти тотъ шелкъ ему отдать. И по нашему указу про тотъ шелкъ сыскано, что тотъ человѣка ево шелкъ и ныне въ Асторохани въ нашей казнѣ. И мы шахова посла Булатъ бека пожаловали, велѣли ему тотъ шелкъ изъ нашеі казны отдать. А будетъ тотъ шелкъ до себѣ нашеі грамоты проданъ, и мы тѣ деньги, что за тотъ шелкъ взято, велѣли изъ нашеі казны отдать Булатъ беку жъ. И какъ въ вамъ ся наша грамота придетъ, а тотъ шолкъ еще не проданъ, а лежитъ въ нашей казнѣ, и вы бѣ тотъ шелкъ отдали шахову послу Булатъ беку весь сполна; а будетъ тотъ шелкъ проданъ, и вы бѣ ему тѣ деньги, что за тотъ шелкъ взято, отдали Булатъ беку жъ по нашему указу, какъ о томъ въ вамъ писано изъ казанского дворца, и отпись у него въ томъ шелку или въ деньгахъ для спору взяли, чтобъ о томъ впередъ спору не было. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 16 де(нь).

Такова грамота отослана въ посломъ на подворье съ Соловымъ Протасьевымъ да къ нему жъ посланы 2 грамоты въ Казань да въ Асторохань, каковы взяты по памяти изъ посольского приказу изъ казанского дворца, чтобъ въ Казани и въ Асторохани на шаховыхъ торговыхъ людехъ съ шаховыхъ товаровъ пошлинъ не имали и обидѣ бы шаховымъ никакимъ людемъ чинить не велѣли.

Государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р. холопи твои, Ондрюшка Хованской, Ивашка Пушкинъ, Петрушка Овдокимовъ, Гаврилка Богдановъ, челомъ бьютъ. Въ нынешнемъ, государь, во 125-мъ году мая въ 9 де(нь) въ твоей государевѣ ц. и в. кн. Михаила Федоровича в. Р. грамотѣ писано къ намъ, холопомъ твоимъ, за приписью твоего государева думново дьяка Петра Третьякова, по челобитью тебѣ, государю, кизылбашсково шахъ Аббасова купчины Хозя Назамедина, а велено намъ, холопомъ твоимъ, по твоему государеву указу и твоихъ государевыхъ бояръ по приговору Кизылбашскіе земли тезиковъ Ма-

мутва и иныхъ, которые жувуть, пожняся, въ Асторохани лѣтъ по десети и больши, а на твое государево имя они всѣ не били челомъ и живутъ собою, выслати изъ Асторохани зъ женами ихъ и зъ дѣтьми, и со всѣми ихъ животы по ихъ землямъ, хто исъ которого государства пріѣхалъ, а въ Асторохани имъ жити однолипно не велѣти, а велѣти имъ пріѣзжати въ Асторохань с-ынными иноземцы вмѣстѣ съ товары и торговати такъ же, какъ и иные иноземцы въ Асторохани торгують. А будетъ которые исъ тѣхъ тезиковъ били челомъ тебѣ, государю, на твое государево имя и живутъ въ твоёмъ государевѣ имяни, и тѣхъ тезиковъ велѣти бѣ намъ, холопомъ твоимъ, зъ гилянскаго и съ тезицкихъ дворовъ свести жъ, а велѣти имъ жити въ Асторохани въ городѣ или на посадѣ, гдѣ будетъ пригоже; а въ Кзылбашни ихъ и в-ыные земли выслати изъ Асторохани не велѣти. И мы, холопи твои, по твоей государевѣ грамотѣ Кзылбашскіе земли тезиковъ, Мамутка да толмача Касима и иныхъ тезиковъ, которые поженяся и жили въ Асторохани лѣтъ по пяти и по шти, и по десети, и больши, сыскавъ, выслали ихъ изъ Асторохани зъ женами и зъ дѣтьми, и со всѣми ихъ животы, въ ихъ земли, хто исъ которые земли пріѣхалъ, и имъ по твоему государеву указу говорили, чтобъ они впередъ пріѣзжали въ Асторохань съ торговыми людьми съ товары торговати. А которые, государь, на тезицкихъ, на бухарскомъ и на гилянскомъ дворѣ, жили въ твоёмъ государевѣ имени тезики арменья, и мы, холопи твои, по твоему государеву указу тѣмъ арменьямъ на бухарскомъ и на гилянскомъ дворѣ жити не велѣли, а велѣли имъ быти въ посадцкихъ людехъ и жити на посадѣ съ посадцкими людьми вмѣстѣ. И тѣ, государь, тезики арменья бьютъ челомъ тебѣ, государю ц. и в. кн. Михаилу Федоровичю в. Р., а къ намъ, холопомъ твоимъ, приносятъ челобитные, а въ челобитныхъ ихъ пишутъ: какъ де они, арменья, жили и торговали на бухарскихъ и на гилянскихъ дворѣхъ, и съ нихъ де съ ихъ товаровъ имали твою государеву таможенную пошлину и за мыту и сносные, и толмачные пошлины тожъ, что и съ пріѣзжихъ тезиковъ, которые пріѣзжаютъ изъ за моря, съ рубля по два алтына по двѣ деньги; а ныне деи таможенные головы хотятъ на нихъ имать таможенную пошлину по тому жъ, какъ имали на нихъ на тезичьихъ дворехъ, и имъ деи тоѣ твоей государевы пошлины платити невозможно, что бѣ деи ты, государь, ихъ пожаловалъ, велѣлъ съ нихъ свою государеву таможенную пошлину имати противъ астороханскихъ посадцкихъ людей, а съ астороханскихъ, государь, съ посадцкихъ людей съ ихъ товаровъ по прежнему твоему государеву

указу емлют таможенные пошлины съ рубля по алтыну. А въ прошломъ, государь, во 124-мъ году взато съ арменьи твоихъ государевыхъ таможенныхъ пошлинъ сто тритцать три рубля дватцать одинъ алтынъ три деньги, а въ полы противъ астороханскихъ посадцкихъ людей иметца на нихъ взяти шестьдесятъ шесть рублей дватцать семь алтынъ полъ третья деньги. А во 125-мъ году довелось взяти съ одного арменина съ ево товару таможенные тезичкихъ пошлинъ дватцать пять рублей девять алтынъ полторы деньги; а въ полы противъ астороханскихъ посадцкихъ людей иметца взяти двенатцать рублей дватцать одинъ алтынъ полторы деньги. И мы, холопи твои, съ тое съ арменьи твоихъ государевыхъ таможенныхъ пошлинъ противъ астороханскихъ посадцкихъ людей безъ твоего государева указу взяти не смѣемъ. И о томъ, государь, какъ намъ, холопомъ своимъ, укажешь?

На адресъ: 126-го, ноября въ 22 де(нь).

Помѣта: Государь указалъ имать съ тѣхъ, которые сведены, а живутъ на посадѣ, пошлину противъ астороханскихъ посадцкихъ людей, и память въ казанской дворецъ послать.

Лѣта 7126-го генваря въ 20 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву. Въ нынѣшнемъ во 126-мъ году ноября въ 22 де(нь) писали къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. изъ Асторохани воеводы, князь Ондрѣй Ондрѣевичъ Хованской съ товарищи: въ прошломъ де во 125-мъ году мая въ 9 де(нь) въ государевѣ (*и проч.*)... безъ государева указу взяти не смѣютъ. И государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. указалъ съ тѣхъ тезиковъ и съ арменьи, которые съ тезичкихъ гостинныхъ дворовъ сведены, а живутъ на посадѣ, съ ихъ товаровъ пошлину имать противъ астороханскихъ посадцкихъ людей. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву, послати въ Асторохань государева грамота, а велѣти съ тѣхъ тезиковъ и съ арменьи, которые съ тезичкихъ гостинныхъ дворовъ сведены, а живутъ нынѣ на посадѣ, съ товаровъ ихъ пошлины имать противъ астороханскихъ посадцкихъ людей. *По склейкамъ:* Діакъ Сава Романчуковъ.

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ нашу отчину въ Асторохань воеводамъ нашимъ, князю Ондрѣю Ондрѣевичю Хованскому да Ивану Михайловичю Пушкину, да дьякомъ нашимъ, Петру

Овдокимову да Гаврилу Богданову. Въ нынѣшнемъ во 126-мъ году ноябрю въ 22 де(нь) писали есте къ намъ Кизылбашскіе земли о тезикахъ, которые жили на тезитцкихъ, на бухарскомъ и на гиланскомъ дворѣ, въ нашемъ имени, а вы ихъ по нашему указу съ тезитцкихъ дворовъ выслали и велѣли имъ жити на посадѣ съ посатцкими людьми вмѣстѣ, и чтобъ намъ ихъ пожаловать, велѣти съ нихъ имать нашу таможенную пошлину противъ астараканскихъ посатцкихъ людей, а съ астараканскихъ съ посатцкихъ людей емлютъ наши таможенные пошлыны съ рубля по алтыну, а вы съ нихъ наши таможенные пошлыны противъ астараканскихъ посатцкихъ людей безъ нашего указу имать не смѣте, и намъ бы вамъ о томъ велѣти указъ свой учинити. И нынѣ мы указали съ тѣхъ тезиковъ и съ арменъи, которые съ тезитцкихъ гостинныхъ дворовъ сведены, а живутъ на посадѣ, съ товаровъ ихъ пошлину имать противъ астараканскихъ посатцкихъ людей. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ съ тѣхъ тезиковъ и съ арменъи, которые съ тезитцкихъ гостинныхъ дворовъ сведены, а живутъ нынѣ на посадѣ, съ товаровъ ихъ таможенные пошлыны велѣли на насъ имать противъ астараканскихъ посатцкихъ людей. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 20 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. на Терекъ воеводѣ нашему Микитѣ Дмитреевичю Вельяминову. Билъ намъ челомъ, будучи у насъ на Москвѣ, шахъ Аббасовъ посолъ Булатъ бекъ и въ отвѣтѣ бояромъ нашимъ говорилъ: взялъ де у челоуѣка ево на Теркѣ бояринъ нашъ Петръ Головинъ триста рублевъ денегъ и тѣхъ денегъ ему по ся мѣста не отдаывалъ, и намъ бы ево пожаловать, велѣти ему тѣ денги отдать. И по нашему указу про тѣ денги сыскивано бояриномъ нашимъ Петромъ Петровичемъ Головиннымъ; а въ сыску бояринъ нашъ Петръ Петровичъ Головинъ сказалъ, что онъ у челоуѣка ево никакихъ денегъ въ казну не имывалъ и челоуѣка ево никого не видалъ, а дѣлалось деи тѣмъ обычаемъ: въ которомъ году, того не упомнить, били челомъ ему, Петру, пріѣхавъ на Терекъ изъ Асторохани, тезики на терскихъ стрѣльцовъ, а сказали, что будто послали онѣ съ тѣми стрельцы изъ Асторохани двѣсти рублевъ денегъ, и онѣ имъ не отдали, и онъ тѣмъ тезикомъ на тѣхъ стрѣльцовъ давалъ судъ, и на судѣ тѣ стрѣльцы имъ въ тѣхъ деньгахъ отвѣчали, что онѣ у нихъ денегъ двусотъ рублевъ не имывали, да слались на астараканскую проѣзжую грамоту, что тѣхъ денегъ и въ проѣзжей грамотѣ не написано. И онъ де велѣлъ имъ положить передъ себя проѣзжую грамоту, и тезики де передъ него астараканскую проѣзжую грамоту клали,

и онъ, Петръ, тоѣ грамоты досматривалъ самъ и въ той де грамотѣ товары всѣ, которые пошли съ ними на Терекъ изъ Асторохани, написаны имянно, а тѣхъ денегъ въ проѣзжей грамоте не написано. И онъ де, Петръ, тезиковъ про то имянно допрашивалъ: для чего тѣ деньги у нихъ въ проѣзжей грамотѣ не написаны? и почему онѣ въ тѣхъ денгахъ стрельцомъ вѣрили? И тезики де сказали, что тѣ денги у нихъ въ проѣзжей грамотѣ не написаны, а деньги онѣ съ стрельцы послали, вѣря имъ, что онѣ терскіе жильцы и съ ними всегда знаютца. И онъ де, бояринъ нашъ, тезикомъ въ тѣхъ денгахъ отказалъ, потому что тѣ деньги въ проѣзжей грамотѣ не написаны. Да и въ отвѣтъ бояринъ нашъ и намѣстникъ нижегородцкой князь Алексѣй Юрьевичъ Ситцкой съ товарищи такъ посломъ кизылбашскимъ отказывалъ. И посоль Булатъ бекъ билъ челомъ, а говорилъ, что онъ билъ челомъ намъ никакъ(?) не ложно: у человѣка его денегъ бояринъ нашъ Петръ Головинъ взялъ самъ, и мы указали про то сыскать на Теркѣ мимо Петра. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ про тѣ деньги сыскалъ на Теркѣ дворяны и дѣтми боярскими, и головами стрелетцкими, и сотники, и всякими терскими жильцы: бояринъ нашъ Петръ Петровичъ Головинъ шахова посла у Булатъ бекова человѣка триста рублей денегъ взялъ ли? и въ которомъ году взялъ? и коими обычен тѣ деньги у него. и за что взялъ? И кизылбашскіе жъ тезики боярину нашему Петру Головину на терскихъ стрельцовъ о дву сотъ рублей, что будто онѣ съ ними послали изъ Асторохани на Терекъ напередъ себя, вѣря имъ, бивали-ль челомъ, и судъ имъ съ тѣми стрельцы былъ-ли? и чѣмъ то дѣло вершилось? и въ которомъ году то дѣлалось? И одно-ль то дѣло, или Петръ у Булатъ бекова человѣка деньги ималъ, а то дѣло, что тезики били челомъ на трельцовъ, иное дѣло. Да и подъячихъ бы еси избныхъ, которые у нашихъ дѣлъ сидятъ, роспросилъ: таково судное дѣло кизылбашскимъ тезикомъ съ терскими стрѣльцы въ дву сотъ рублехъ передъ бояриномъ нашимъ передъ Петромъ Головиннымъ было ль? и въ которомъ году было, и кто то дѣло записывалъ, и чѣмъ то дѣло вершилось? Да и подлинную бѣ еси тому дѣлу записку велѣлъ сыскать и положить передъ собою, и какими обычаи у Булатъ бекова человѣка деньги иманы, или у Булатъ бекова человѣка денегъ не имывано? Да что тебѣ про три ста рублей, о чемъ нынѣ билъ челомъ на боярина нашего, на Петра Головина, шаховъ посоль Булатъ бекъ и про тезиковы двѣсте рублей, что онѣ били челомъ на терскихъ стрѣльцовъ и судъ былъ, дворяне и дѣти боярскіе, и головы

стрѣлетцѣе и всякіе терскіе жилетцкіе люди въ сыску и что тебѣ подъячіе въ роспросѣ скажутъ, и ты бѣ то все велѣлъ записать подлинно да къ той скаскѣ велѣлъ всякимъ людямъ, которые грамотѣ умѣютъ, руки свои приложить, а которые грамотѣ не умѣютъ, и ты бѣ въ ихъ мѣсто велѣлъ отцощъ ихъ духовнымъ руки свои приложить, да тоѣ бѣ еси записку за ихъ руками и судное дѣло, каково сыщутъ, запечатавъ своею печатью, прислалъ къ намъ къ Москвѣ, а велѣлъ отдать въ посольскомъ приказѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 20 де(нь).

Отъ царя и в. кн. Михаила Ѳеодоровича в. Р. въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ, князю Володимеру Тимоѣевичю Долгорукого да князю Семену Никитичю Гагарину, да дьякомъ нашимъ Ондрѣю Подлѣсову да Оеонасю Истомину. Пожаловали есмя шаховыхъ пословъ и шаховыхъ же торговыхъ людей, которые пришли въ Казань съ ними вмѣсте и до отпуску въ Казани побудутъ съ ними жъ съ шаховыми товары, и которые шаховы жъ торговые люди послѣ пословъ съ шаховыми жъ товары останутца въ Казани жъ, позволилъ имъ шаховыми товары торговать повольно и пошлинъ съ шаховыхъ товаровъ имать и торговымъ шаховымъ, и посольскимъ людямъ никакихъ обидъ и насильства чинити не велѣли, и въ отвѣтѣ у насъ про то шаховымъ посломъ бояриномъ нашимъ княземъ Олексѣемъ Юрьевичемъ Ситцкимъ объявлено. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ шаховымъ посломъ и шаховымъ же торговымъ людямъ, которые пришли въ Казань съ шаховыми товары съ ними вмѣстѣ и въ Казани побудутъ до отпуску съ ними жъ, и которые въ Казани останутца съ шаховыми жъ товары после ихъ, позволили имъ шаховыми товары торговать беспоплинно и пошлинъ съ торговыхъ людей съ шаховыхъ товаровъ имать на насъ не велѣли, и обидъ, и насильства имъ никакова не чинили. Да и впередъ бы есте въ Казани къ шаховымъ къ торговымъ и ко всякимъ людямъ береженъе держали, чтобъ имъ насильства и продажъ, и никакого бесчестья не чинили, чтобъ тѣмъ межъ насъ, великого государя, и межъ шахъ Аббаса ссоры не учинить и торговыхъ людей отъ Асторахани и отъ Казани не отогнать. Писанъ на Москвѣ лѣта 7126-го генваря въ 20 день.

А въ Астораханъ такова жъ грамота о тѣхъ же торговыхъ людехъ послана съ Соловымъ Протасьевымъ.

Во 102-мъ году посланъ отъ государя ц. и в. кн. Ѳеодора Ивановича в. Р. къ Аббасъ шаху въ посланникѣхъ Григорей Васильчиковъ да подъячей Оеонасей Монастыревъ, и для тоѣ послыки дано

Григорью на подмогу 250 рублей, подъячому Оеонасью 70 рублей да годовое жалованье, да имъ же даны запасы зъ дворца, а что запасовъ дано, и тому записка на дворцѣ.

Во 105-мъ году посланы отъ государя жъ ц. и в. кн. Ѳедора Ивановича в. Р. къ шаху въ послѣхъ князь Василей Тюеякинъ да дьякъ Семейка Емельяновъ. И для тоѣ посланы дано имъ государева жалованья изъ четверти впередъ на 106-й годъ окладъ ево сполна. А что для тоѣ кизылбашскіе службы князю Василью и дьяку, и подъячому, и вретчикомъ, и толмачемъ дано подмоги, того не ссыскано.

Во 108-мъ году посланы отъ государя ц. и в. кн. Бориса Ѳедоровича в. Р. къ шаху въ послѣхъ князь Олександро Жировой Засѣкинъ да Темиръ Засѣтцкой, да дьякъ Ивашка Шараповъ, и для тоѣ посланы дано имъ государева жалованья: князю Олександру да Темирю и дьяку Ивашкѣ Шарапову дано государева жалованья впередъ на 109-й да на 110-й годъ оклады ихъ сполна. Подмоги дано князю Олександру 250 рублей, Темирю 150 рублей, дьяку Ивашкѣ Шарапову 100 рублей, вретчикомъ Богдану Маркову, Гаврилу Микулину, Михайлу Петрову дано государева жалованья на 108-й да впередъ на 109-й, да на 110-й годъ по ихъ окладомъ. А что дано государева жалованья переводчикомъ и толмачомъ и что вретчикомъ и толмачомъ сверхъ жалованья дано подмоги, того не ссыскано. А по скаскѣ діака Ивашки Шарапова нынѣшняго 126-го году еевраля въ 18 де(нь), какъ онъ посланъ въ Кизылбаши при царѣ Борисѣ со княземъ Олександромъ Жировымъ Засѣкинымъ да съ Темиромъ Засѣтцевымъ, и ему было государева годового денежно жалованья 70 рублей и нынѣ ему государева жалованья то жъ. Князю Олександру и Темирю Засѣтцкому по 60 рублей, а Темирю де тотъ окладъ для кизылбашскіе послыки данъ и зъ головнымъ, что онъ былъ въ тѣ поры въ головахъ у стрѣльцовъ.

Во 114-мъ году посланы были въ Кизылбаши отъ ростриги къ шаху въ послѣхъ князь Иванъ князь Петровъ сынъ Ромодановской да Иванисъ Есиповъ, да дьякъ Олексѣй Стрелевъ. И для тоѣ посланы дано было имъ жалованья и подмоги: князю Ивану Ромодановскому впередъ на 115-й годъ окладъ ево сполна къ тому въ прибавку, что ему дано годовое жалованье для свѣйского посольства на 114-й годъ. Иванису Есипову да дьяку Олексѣю Стрелеву дано жалованье на два жъ года, на 114-й да на 115-й годъ, оклады ихъ сполна жъ. А что кому окладъ, того не написано. А подмоги имъ для тоѣ жъ кизылбашскіе послыки дано: князю Ромодановскому 300 рублей, Иванису Есипову 200 рублей, дьяку Олексѣю Стрелеву 120 рублей.

Въ прошломъ во 121-мъ году посланы отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. къ шаху въ посланникѣхъ Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Бухаровъ, а государева жалованья годового и на подмогу для тоѣ послыи дано имъ: Михайлу Тиханову подмоги 150 рублей да стрелетцкога жалованья на два года, на 122-й да на 123-й годъ, 100 рублей, по 50 рублей на годъ, да ему жъ дано жалованья четвертново, что ему былъ окладъ при царѣ Васильѣ, на два жъ года, по 10 рублей на годъ; да Михайлу жъ по государеву указу за службу въ боярскіе придачи мѣсто на два же года по 37 рублей на годъ, и всего Михайлу дано на Москвѣ жалованья и подмоги 344 рубли, да въ Нижнемъ дано Михайлу жъ подмоги 50 рублей. Подъячему Олексѣю Бухарову подмоги 50 рублей, да жалованья на два годы, на 122-й да на 123-й годъ, 60 рублей, по 30 рублей на годъ. Да для ево бѣдности дано 50 рублей, а впередъ того инымъ діякомъ и подъячимъ въ подмогу выписывать не велено. Да ему же дано въ Ярославле 25 рублей. И всего Олексѣю дано жалованья и подмоги 185 рублей. Толмачомъ, которые посланы съ Михайломъ и съ Олексѣемъ, дано жалованья и подмоги: Ивану Есипову, Семейкѣ Гарасимову, Семейкѣ Есипову подмоги по 30 рублей челоуѣку, жалованья на два же годы, на 122-й да на 123-й годъ, оклады ихъ по 13 рублей челоуѣку.

Въ прошломъ во 124-мъ году посланы отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ посланникѣхъ Ѳедоръ Исаковъ сынъ Левонтъевъ да дякъ Богданъ Тимоѣевъ, и для тоѣ службы дано имъ государева жалованья и подмоги: Ѳедору Левонтъеву дано государева жалованья на два года, на 124-й да на 125-й годъ, оклады ихъ сполна, да подмоги 150 рублей, да въ приказъ 50 рублей. Діаку Богдану Тимоѣеву государева жалованья на два жъ года окладъ ево сполна жъ, да подмоги 75 рублей, да въ приказъ 30 рублей. Переводчику да 3-мъ челоуѣкомъ толмачемъ дано государева жалованья на два жъ годы оклады ихъ сполна, да подмоги противъ жалованья. Да по государеву указу посланникомъ же Ѳедору и дяку Богдану дано въ приказъ: Ѳедору 50 рублей, діаку Богдану 30 рублей.

А нынѣ связано отъ государя къ шаху въ послѣхъ князю Михайлу княжъ Петрову сыну Борятинскому да Ивану Иванову сыну Чичѣрину, да дяку Михайлу Тюхину. А овлады имъ: князю Михайлу 165 рублей, Ивану Чичѣрину 70 рублей, діаку Михайлу Тюхину 100 рублей. Бояре приговорили: жалованье на 2 года по ихъ овладомъ, а подмоги противъ князя Олександра Засѣкина: князю Михайлу 250, Ивану Чичѣрину 150, діаку 100 рублей.

И государю про то думной дьякъ Петръ Третьяковъ сказывалъ, и государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. указалъ свое государево жалованье и подмогу дати по боярскому приговору.

Въ Кизылбашахъ жъ послано съ Федоромъ съ Леонтьевымъ: переводчикъ Семейка Ондрѣевъ да 3 ч. толмачей. А нынѣ съ послы надобно переводчикъ же да 4 ч. толмачей. И въ то число толмачи: Иванъ да Гаврило Есиповы, Ѳедоръ Ивановъ—оклады имъ по 20 рублевъ человекъ; Союнъ Огарковъ—окладъ 18 рублевъ. А переводчика—кого государь укажетъ. Милюта Нагаевъ—окладъ ему 50 рублевъ. И всего переводчику и толмачомъ жалованья на одинъ годъ 128 рублевъ, а на два года 256 рублевъ, да подмоги въ одинъ рядъ 128 рублевъ, и всего переводчику и толмачю жалованья и подмоги 384 рубли.

Сыскано въ посольскомъ приказѣ, что при прежнихъ государехъ послано къ шаху отъ государей поминковъ зъ государевыми и съ шаховыми послы.

Во 102-мъ году приходилъ къ государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичю в. Р. отъ кизылбашского Аббасъ шаха посолъ Ази Хосровъ, и какъ онъ отъ государя къ шаху отпущенъ и съ нимъ послано отъ государя къ шаху въ поминкахъ 6 кречетовъ.

Во 108-мъ году посланы отъ государя ц. и в. кн. Бориса Ѳедоровича в. Р. къ шаху послы князь Олександро Жировой Засѣкинъ да Темиръ Засѣтцкой, да дьякъ Ивашка Шараповъ, а въ поминкахъ съ ними послано отъ царя Бориса: однорядка скорлатна (*и проч.*). Отъ царевича Ѳедора Борисовича послано въ поминкахъ къ шахову сыну: сорокъ соболей во 100 рублевъ (*и проч.*). Да по челобитью кизылбашского посла Перкулы бека послано отъ царя Бориса къ шаху съ посломъ ево съ Перкулы бекомъ: медвѣдь гонецъ (*и проч.*).

Въ прошломъ во 114-мъ году при царѣ Васильѣ посланы были къ шаху въ послѣхъ князь Иванъ князь Петровъ сынъ Ромодановской да Иванисъ Есиповъ, да дьякъ Олексѣй Стрелевъ. А передъ ихъ отпускомъ послана была память на дворець, а велено было прибрати къ шаху въ поминки 30 кречетовъ красныхъ и подкрасныхъ, и кропленныхъ, и сѣрыхъ, а къ нимъ велено прибрати пяти человекъ кречетниковъ добрыхъ, а прибравъ кречеты и кречетниковъ, велено про то сказать царю Василью и о томъ доложить: сколько какихъ кречетовъ укажетъ послать? А отпуску князь Иванова въ Кизылбашахъ и сколько съ ними къ шаху отъ царя Василья послано кречетовъ или иныхъ какихъ поминковъ, того послѣ литовского разоренья не сыскано.

Во 121-мъ году посланъ отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. къ шахъ Аббасу въ посланникѣхъ Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Бухаровъ. А на посылку съ ними послано къ шаху и къ бухарскому, и къ юргенскому: 5 сороковъ соболей по 50 рублевъ сорокъ (*и проч.*). А велено ему отдавать отъ себя, а не отъ государя.

Во 124-мъ году посланъ отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. къ Аббасъ шаху въ посланникехъ Ѳедоръ Левонтьевъ да дьякъ Богданъ Тимоѣевъ. А въ поминкахъ отъ государя послано съ ними къ шаху три сорока соболей: сорокъ въ 200 рублевъ, сорокъ во 150 рублевъ, сорокъ въ 100 рублевъ (*и проч.*). *Между строкъ помѣчено, что указано послать съ княземъ Борятинскимъ:* Нынѣ указалъ государь послать къ шаху: 1 сорокъ въ 300 рублевъ, другой 200 рублевъ, третей въ 150 рублевъ, 2 сорока по 100 рублевъ, 2 лисицы черны: одна въ 30 рублевъ, другая 20 рублевъ, половинка сукна скорлату червчатово по 6 рублевъ аршинъ; двѣ пары соболей по 30 рублевъ, другая въ 25 рублевъ или въ 20 руб., 5 пудъ рыбьево зубу большово по 20 рублевъ пудъ, 100 вѣдръ вина нарядного разныхъ цветовъ, тройново, 100 вѣдръ исъ Казани перепускново, 12 кречетовъ, 8 чегликовъ кречетьихъ со всѣмъ кречатымъ нарядомъ; 2 пуда слюды большіе, какова добудетца; соболей живыхъ, сколько добудетца. Спросить про суды и росомохъ, и про иное, что надобно.

А въ нынешнемъ во 126-мъ году приходили къ государю ц. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. отъ шаха въ послѣхъ Кая салтанъ да Булатъ бекъ, а въ поминкахъ къ государю съ ними отъ шаха прислано: бархатовъ и отласовъ, и камокъ золотныхъ и покровцовъ, и ковровъ, и всякихъ узорочей на 78 рублевъ и на 12 алтынъ на полъ 5 де(ньги) опрочѣ святыни. Да во 100 слиткахъ серебра вѣсомъ 1686 гривенокъ и 27 золотникъ, а деньгами изъ дѣла вышло 6982 рубли и 10 алтынъ опричь угару. Да аргамаку и катырю, и сѣдлу, и паперти цена 533 рубли 10 алтынъ. И всего поминковъ къ государю отъ шаха на 8323 рубли и на 32 алтына на полъ 5 де(ньги).

А нынѣ сказано отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. въ послѣхъ князю Михайлу Борятинскому съ товарищи. А что съ ними отъ государя послати къ шаху въ поминкахъ, и о томъ какъ государь укажетъ?

Роспись, что указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. послати отъ себя, отъ государя, къ шаху въ поминкехъ съ послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарищи:

Сорокъ соболей въ 300 рублей, другой сорокъ въ 200 рублей, третей въ 150 рублей, два сорока по 100 рублей, 2 лисицы черны: одна въ 30 рублей, другая въ 20 рублей. Половинка сукна скорлату 24 аршина червчатого по 6 рублей аршинъ и того 144 рубли, 2 пары соболей: одна въ 30 рублей, другая въ 25 или въ 20 рублей, 5 пудъ рыба зубу большово по 20 рублей пудъ и того 100 рублей. 2 пуда слюды большіе, только положить по 40 рублей пудъ и того на 80 рублей, и всего соболями и парами, и лисицами, и сукна, и рыба-ево зубу на 1279 рублей. 100 вѣдръ вина нарядново розныхъ цвѣтовъ, тройново, 200 вѣдръ вина жъ перепускново изъ Казани въ дворцовое ведро; 12 кречетовъ, 8 чегликовъ кречатьихъ со всѣмъ кречатьимъ нарядомъ; соболей живыхъ сколько добудетца.

На верху помѣта: Соболя и пары посланы не по сей росписи, а по которой послано, и та роспись ниже сего подъ наказомъ.

Внизу помѣта: Отпущено къ шаху поминковъ съ послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарищи, не по сей росписи, а по каковѣ послано, и та роспись вклеена ниже сего подъ большимъ наказомъ.

И марта жъ въ 24 день оконного и еонарного ряду рядовичи Оома Лаврентьевъ да Стахѣйко Ивановъ сказали, что купить слюды добрыя пудъ въ аршинъ вдоль и поперегъ по 40 рублей, а мелкіе слюды самой плохой нынѣ купить по 3 рубли пудъ.

Лѣта 7126-го марта въ 23 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину Борису Михайловичю Салтыкову да дьякомъ, Ивану Болотникову да Патревѣю Насонову. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. послати отъ себя отъ государя съ своими государевыми послы, со княземъ Михайломъ Петровичемъ Борятинскимъ съ товарищи, къ кизылбашскому Аббасъ шаху въ поминкахъ двенатцать кречетовъ красныхъ и подкрасныхъ, и кропленыхъ, и сѣрыхъ, да восьмъ чегликовъ кречатьихъ со всѣмъ кречатьимъ нарядомъ. Да къ шаху жъ указалъ государь послать зъ дворца сто вѣдръ вина нарядново тройново розныхъ цвѣтовъ. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину Борису Михайловичю Салтыкову да дьякомъ, Ивану Болотникову да Патрикѣю Насонову, кречаты и чеглики со всѣмъ кречатьимъ нарядомъ и вина велѣти изготовить, доложа государя. И кречетниковъ, кому итти со птицы къ шаху, велѣти сказать, и государево денежное жалованье на нынѣшней на 126-й годъ, будетъ имъ не дано, велѣть имъ дать, чтобъ птицы и вино, и кречетники къ отпуску государевыхъ пословъ были готовы. А отпускъ государевымъ посломъ съ Москвы будетъ вскорѣ.

Лѣта 7126-го марта въ 23 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. послать отъ себя, отъ государя, съ своимъ государевымъ посломъ, со княземъ Михайломъ Петровичемъ Борятинскомъ съ товарищи хъ кизылбашскому Аббасъ шаху въ поминкахъ соболей живыхъ, сколько добудетца, да исъ Казани указалъ государь послати къ шаху жъ сто вѣдръ вина двойново. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Ѳедору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву, велѣти соболей живыхъ пріискивать, да сколько ихъ сыщутъ и про то известить государя. А въ Казань послать государева грамота, а велѣти изготовить въ Казани сто вѣдръ вина двойново, а исъ Казани то вино велѣти отпустить къ шаху зъ государевымъ посломъ, со княземъ Михайломъ Петровичемъ Борятинскимъ съ товарищи, въ готовыхъ судѣхъ, устроитъ гораздо.

Да по государеву имянному указу велено послати исъ Казани жъ къ шаху другое сто вѣдръ вина въ дворцовое ведро.

Далѣе идетъ распоряженіе относительно соболей, но зачеркнуто, а сверху помѣчено:

Послано къ шаху не по сей памяти, а послано по казенной росписи, а роспись вклеена подъ наказомъ.

Лѣта 7126-го марта въ 23 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу намять окольничему Ортемью Васильевичю Измайлову да дьякомъ, Добрынѣ Семенову да Матвѣю Сомову. Велѣти имъ отписать на государя на Москвѣ рекѣ у всякихъ людей для отпуску государевыхъ пословъ, которые идутъ отъ государя въ Кизилбашу къ шаху, князя Михайла Борятинского Петровича съ товарищи, и подъ государевыхъ людей, которые будутъ съ ними, подъ перевотчика и кречатниковъ пять струговъ и лодей четвертей по полутора ста и по двѣсти, и по триста со всѣми судовыми снастями. Да какъ ледъ вскрыетца, и тѣ суды тотчасъ велѣти припривадить къ Живому мосту и оценить велѣти целовальникомъ прямою ценою по государеву вкрестному целованью и велѣти тѣ суды подѣлать, и греблю, и снасти на тѣхъ судѣхъ подѣлать, какъ прежь сего подъ государевыхъ пословъ суды дѣлываны; а что тѣмъ судомъ цена и что на подѣлку денегъ выйдетъ, и о томъ отписать въ посольской приказъ къ дьякомъ, къ думному къ Петру Третьякову да къ Саве Раманьчюкову. *Конецъ подписи:* Сава Раманьчюковъ. *По склейкѣ начало подписи:* Діакъ.

Вверху помѣта: переписать тотчасъ. *Внизу:* переписана и послана.

Лѣта 7126-го марта въ 28 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину Борису Михайловичю Салтыкову да дьякомъ, Ивану Болотникову да Патрекѣю Насонову. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. здѣлати на кречаты, которые послать отъ государя къ шаху, ватолки противъ того же, какъ дѣланы на тѣ кречаты, которые посланы отъ государя къ аглинскому королю. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину Борису Михайловичю Салтыкову да дьякомъ, Ивану Болотникову да Патрекѣю Насонову, велѣти на кречаты, которые посылаютъ отъ государя къ шаху, сдѣлати ватолки, доложя государя, какъ государь укажетъ, чтобъ къ посольскому отпуску были готовы.

Лѣта 7126-го марта въ 30 день по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память дьякомъ, думному Петру Третьякову да Савѣ Раманчукову, въ приказъ большого дворца къ боярину къ Борису Михайловичю Салтыкову да къ дьякомъ, къ Ивану Болотникову да къ Патрекѣю Насонову. Въ памяти за твоею, Сивиною, приписью написано: указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. послати хъ кизылбашскому Аббасъ шаху въ поминкехъ (*и проч.*). И въ приказѣ большого дворца кречеты и чеглиги выбраны, и наряды на нихъ велено готовить. И кречетникомъ, и сокольникомъ, и ястребникомъ имена зъ денежными оклады, кому съ тѣми птицы итти, и къ вамъ въ посольской приказъ послана¹ роспись за дьячьею приписью подъ сею памятью.

Роспись кречетникомъ и сокольникомъ, и ястребникомъ зъ денежными оклады, которымъ итти съ Москвы въ Кизылбаши со птицы, съ кречеты и съ чеглиги:

Кречетники: 20 рублевъ - Ѳедоръ Табалинъ. По 10 рублевъ — Ѳедоръ Рыкуновъ, Юрьи Гребенкинъ. 9 рублевъ—Оеонасей Табалинъ. Сокольники: 20 рублевъ—Ѳедоръ Савеловъ. По 8 рублевъ—Онкудинъ Савеловъ, Михайло Мясоѣдовъ. Ястребники: по 8 рублевъ — Иванъ Ченцовъ (*sic*), Безсонъ Бовинъ. 7 рублевъ—Ондрѣй Ченцовъ. *Подпись:* Патрекѣй Насоновъ.

Помѣта: Принесена марта въ 31 де(нь). Всего денегъ по окладомъ 108 рублевъ. *На оборотѣ:* Справиль Ивашко Дмитреевъ.

Лѣта 7126-го апрѣля въ 1 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину Борису Михайловичю Салтыкову да дьякомъ, Ивану Болотникову да Патрѣкѣю Насонову. По

государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу велѣти имъ кречетникомъ, Федору Тоболину съ товарищи, дати государево жалованье для кизылбашскіе службы впередъ на 127-й годъ оклады ихъ сполна, потому что товарищемъ ихъ, которые посланы къ шаху съ Федоромъ Левонтьевымъ, государево жалованье дано на два же года, и ныне посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарищи, и переводчикомъ, и толмачомъ велѣно государево жалованье дать впередъ на 127-й годъ оклады ихъ сполна.

Такова память дана кречетникомъ Федору Тоболину съ товарищи. Написано въ докладъ.

По государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу помѣчено кизылбашскимъ посломъ и переводчикомъ, и толмачомъ, и кречетникомъ, и ястребникомъ, которые идутъ отъ государя къ шаху, жалованья и подмоги:

Князю Михайлу Борятинскому жалованья на 2 года окладъ ево сполна по 165 рублевъ на годъ, и того 330 рублевъ, да подмоги 250 рублевъ, и всего князю Михайлу жалованья и подмоги 580 рублевъ.

Ивану Чичѣрину жалованья на 2-жъ года окладъ ево сполна, по 70 рублевъ на годъ, и того 140 рублевъ, да подмоги 150 рублевъ, да ему жъ въ приказъ 50 рублевъ, и всего жалованья и подмоги 340 рублевъ.

Діязу Михайлу Тюхину жалованья на 2 года окладъ ево сполна, по 100 рублевъ на годъ да подмоги 100 рублевъ, и всего 300 рублевъ.

Переводчикомъ и толмачомъ 5 человекомъ жалованья на 2 жъ года по ихъ окладомъ 256 рублевъ да подмоги противъ ихъ окладовъ въ одинъ рядъ 128 рублевъ, и всего жалованья и подмоги 384 рубли.

Кречетникомъ и сокольникомъ, и ястребникомъ 10 человекомъ жалованья на 2 жъ года по ихъ окладомъ 216 рублевъ да подмоги противъ ихъ окладовъ въ одинъ рядъ 108 рублевъ.

Подъячему 1 ч. жалованья на 2 года окладъ ево сполна по 20 рублевъ на годъ да подмоги 20 рублевъ, и того 60 рублевъ.

И всего посломъ и переводчикомъ, и толмачомъ, и кречетникомъ, и сокольникомъ, и ястребникомъ для кизылбашскіе посылы жалованья и подмоги 1988 рублевъ.

И въ то число посломъ и кречетникомъ жалованья дано на 2 года оклады ихъ сполна—886 рублевъ. А додаты посломъ подмоги и переводчикомъ, и томачомъ, и кречетникомъ подмоги жъ и жалованья 1102 рубли.

И въ то бъ число дати на Москвѣ переводчикомъ и толмачомъ,

и подъячому жалованья на одинъ годъ 148 рублей. А затѣмъ додать посломъ подмоги и переводчикомъ, и толмачомъ, и кречетникомъ, и подъячому жалованья и подмоги 954 рубли. И то бѣ дать въ Казани исъ казанскихъ доходовъ, потому что на Москвѣ денегъ нѣтъ.

И апрѣля въ 12 де(нь) діежъ Сава Раманчуковъ приказалъ, что государь указалъ тѣ деньги дать въ Казани исъ казанскихъ изо всякихъ доходовъ, и память въ казанской дворець приказалъ послать, и по его приказу память послана за ево жъ, Савиною, приписью такова:

Лѣта 7126-го апрѣля въ 13 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Федору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Федоровичъ в. Р. дати посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарищи, и переводчику, и толмачомъ, и подъячому, и кречетникомъ, и ястребникомъ, и сокольникомъ свое государево жалованье и подмогу, чего имъ не дано на Москвѣ, въ Казани исъ казанскихъ изо всякихъ доходовъ, потому что на Москвѣ въ государевѣ казнѣ ни въ которыхъ приказахъ денегъ нѣтъ. А что кому государева жалованья и подмоги дати, и тому послана къ вамъ роспись подъ сею памятью. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу боярину князю Олексѣю Юрьевичю Ситцкому да дьякомъ, Федору Опраксину да Богдану Губину, да Ивану Шевыреву, послати въ Казань государева грамота, а велѣти по той росписи посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарищи, и переводчикомъ, и толмачомъ, и кречетникомъ, и сокольникомъ, и ястребникомъ, и подъячому жалованье и подмогу изготовить тотчасъ, чтобъ къ ихъ прїѣзду были готовы. А какъ государевы послы, князь Михайло Борятинской съ товарищи, въ Казань прїѣдутъ, и онѣ бы имъ тѣ деньги по росписи роздали, не мешкая ни часу, чтобъ за тѣми деньгами посломъ въ Казани мотчанья и государеву дѣлу поруки не учинилось.

Роспись, что по государеву ц. и в. кн. Михайла Федоровича в. Р. указу дати посломъ, князю Михайлу Петровичю Борятинскому съ товарищи, и переводчику, и толмачомъ, и подъячому, и сокольникомъ, и кречетникомъ, и ястребникомъ для кызылбашскіе посылки жалованья и подмоги въ Казани исъ казанскихъ изо всякихъ доходовъ, потому что на Москвѣ ни въ которыхъ приказахъ въ государевѣ казнѣ денегъ нѣтъ.

Князю Михайлу Петровичю Борятинскому подмоги 250 рублей, Ивану Чичѣрину подмоги жъ 200 рублей, діаку Михайлу Тюхину подмоги

100 рублей, переводчику Милютѣ жалованья впередъ на 127-й годъ окладъ ево сполна—50 рублей да подмоги 50 жъ рублей, толмачомъ Ивану да Гаврилу Есиповымъ, Ѳедору Иванову жалованья впередъ на 127-й годъ оклады ихъ сполна—по 20 рублей. Сооону Огаркову жалованья 18 рублей, подъячему жалованья окладъ ево сполна—20 рублей да на подмогу 20 же рублей, и всего переводчику и толмачомъ, и подъячему жалованья впередъ на 127-й годъ по окладомъ ихъ сполна—148 рублей; да имъ же всѣмъ подмоги противъ ихъ окладовъ въ одинъ рядъ тѣ жъ 148 рублей. И обоего переводчикомъ и толмачомъ, и подъячему жалованья и подмоги 296 рублей. Сокольниковъ и кречатникомъ, и ястребникомъ подмоги противъ ихъ окладовъ въ одинъ рядъ, по 20 рублей: кречатникъ Ѳедоръ Тоболинъ, сокольникъ Ѳедоръ Савеловъ, по 10 рублей: кречатники Ѳедоръ Рыкуновъ, Юрьи Гребенкинъ, 9 рублей: кречатникъ Оеонасей Тоболинъ, по 8 рублей: сокольники Онкудинъ Савеловъ, Михайло Мясоѣдовъ, ястребники Иванъ Чернцовъ, Безсонъ Бобовинъ, 7 рублей: ястребникъ Ондрѣй Чернцовъ. И всего кречатникомъ и сокольниковъ, и ястребникомъ подмоги противъ ихъ окладовъ 108 рублей. И всего посломъ и переводчикомъ, и толмачомъ, и подъячему жалованья и подмоги дать въ Казани 954 рубли.

Послаза съ толмачомъ съ Степаномъ Микнеоровымъ.

Лѣта 7126-го апрѣля въ 13 де(нь) по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу память боярину князю Ивану Никитичю Одоевскому да окольничему Ортемью Васильевичю Измайлову, да дьяку Гарасиму Мартемьянову. Указалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. дати тотарскимъ переводчику и толмачомъ, и подъячему, которые идутъ съ послы, со княземъ Михайломъ Борятинскимъ съ товарищи, свое государево жалованье на два года, на нынешней на 126-й годъ да впередъ на 127-й годъ по ихъ окладомъ сполна, да на подмогу противъ жалованья одного году, и на нынешней 126-й годъ указалъ имъ государь дати для ихъ бѣдности на подъемъ на Москвѣ отъ васъ, боярина князя Ивана Никитича да окольничего Ортемья Васильевича Измайлова, да дьяка Гарасима Мартемьянова, для того, что въ большомъ приходѣ въ четвертахъ и въ иныхъ ни въ которыхъ приказехъ денегъ нѣтъ; а на 127-й годъ и подмогу указалъ имъ государь дати въ Казани; а по ихъ окладомъ дати имъ государева жалованья на одинъ на нынешней на 126-й годъ сто сорокъ восемь рублей. И по государеву ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. указу боярину князю Ивану Никитичю Одоевскому да

окольничему Ортемью Васильевичу Измайлову, да дьяку Гарасиму Мартемьянову тѣ деньги сто сорокъ восемь рублей на жалованье переводчику и толмачомъ, и подъячему для кизылбашскіе послышки прислать въ посольской приказъ къ дьякомъ, къ думному къ Петру Третьякову да къ Саве Романчюкову, тотчасъ указалъ государь по словъ отпустить съ Москвы вскорѣ, приказалъ государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. имянно.

Приписка: И тѣ деньги въ посольской приказъ не присланы, а розданы по сей памяти переводчику и толмачомъ и въ расходъ писаны въ приказѣ у боярина у князя Ивана Одоевского съ товарищи.

Царю г. и в. кн. Михайлу Ѳедоровичю в. Р. бьетъ челомъ холопъ твой Ивашко Чичѣринъ. По твоему государеву указу велено быти на твоей государевѣ службѣ въ Кизылбашахъ князю Михайлу Борятинскому да мнѣ, холопу твоему, да дьяку Михайлу Тюхину, а указано, государь, намъ дати для твоей государевы службы твое(го) государева жалованья вдвой на два года да подмоги князю Михайлу двѣсти пятьдесятъ рублей, а мнѣ, холопу твоему, сто пятьдесятъ рублей, а Михайлу Тюхину сто рублей; а князь Михайла, государь, твоего государева жалованья емлетъ по сту по штидесять по пяти рублей на годъ, а Михайло Тюхинъ по сту рублей; а я, холопъ твой, твоего государева жалованья емлю по семьдесятъ рублей, и князю Михайлу, государь, твоего государева жалованья и подмоги будетъ пятьсотъ восемьдесятъ рублей, а Михайлу Тюхину тристо рублей, а мнѣ, холопу твоему, двѣсти девяноста рублей. А прежь, государь, сево посланъ былъ отъ тебя, государя, въ Кизылбашахъ Милаило Тихановъ и дано ему твоего государева жалованья и подможныхъ денегъ болши четырехъ сотъ рублей, а Ѳедору, государь, Левонтьеву для кизылбашскія жъ службы твоего государева жалованья дано на подмогу двѣсти рублей да жалованья на два года, а твоего государева жалованья Ѳедору по сту по дватцати рублей, и всего, государь, Ѳедору дано твоего государева жалованья и подмоги четыреста сорокъ рублей. Да у меня жъ, холопа твоего, помѣстейца твое государева жалованья въ козельскомъ уѣздѣ нынѣча завладѣли литовскіе люди, и запасу, государь, привести не откуды, и на твою государеву службу поднятися нѣчимъ. Милосердый государь ц. и в. кн. Михайло Ѳедоровичъ в. Р. пожалуй меня, холопа своего, своимъ государевымъ жалованьемъ и подможными деньгами прибавкаю, какъ тебѣ, милосердому государю, Богъ извѣститъ, чтобы мнѣ, холопу твоему, будучи на твоей государевѣ службѣ межи своей братьи позорну не быти. Царь государь, смилуйся!

На оборотъ: Выписавъ, доложить государя.

И по государеву указу и по боярскому приговору велено дать государевымъ посломъ, князю Михайлу Борятинскому съ товарищи, для кизылбашскіе послышки государева жалованья и подмоги:

Князю Михайлу государева жалованья на два года, на нынѣшней на 126-й да вперёдъ на 127-й годъ, окладъ ево сполна, а окладъ князю Михайлу 165 рублей, подмоги 150 рублей. Ивану Чичѣрину жалованья на два жъ годы по окладу сполна, а окладъ 70 рублей, подмоги 150 рублей. Діаку Михайлу Тюхину жалованья на 2-жъ годы окладъ ему 100 рублей да подмоги 100 жъ рублей.

А какъ въ прошломъ во 121-мъ году послаецъ отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. къ шаху въ посланникѣхъ Михайло Тихановъ да подъячей Олексѣй Бухаровъ, и для тоѣ послышки дано имъ государева жалованья и подмоги: Михайлу Тиханову подмоги 150 рублей да стрелетцкога головного жалованья на два года, на 122-й да на 123-й годъ 100 рублей, по 50 рублей на годъ, да ему же четвертнovo, что ему былъ окладъ при царѣ Васильѣ, на 2 года по 10 рублей на годъ, да Михайлу же по государеву указу дано за службу въ боярскіе придачи на два жъ года по 37 рублей на годъ, да въ Нижнемъ дано Михайлу жъ подмоги 50 рублей. И всего Михайлу дано на Москвѣ и въ Нижнемъ государева жалованья и подмоги 394 рубли.

Въ прошломъ же во 124-мъ году посланецъ отъ государя ц. и в. кн. Михайла Ѳедоровича в. Р. къ шаху въ посланникехъ Ѳедоръ Исаковъ сынъ Левонтъевъ, и для тоѣ службы дано Ѳедору государева жалованья на два года, на 124-й да на 125-й годъ, окладъ ево сполна; а окладъ Ѳедору 120 рублей. Да Ѳедору жъ дано подмоги 150 рублей, да ему жъ въ приказъ 50 рублей. И всего Ѳедору дано жалованья и подмоги, и въ приказъ 440 рублей.

Государь пожаловалъ, велѣлъ дати своего государева жалованья Ивану Чичѣрину сверхъ подмоги въ приказъ для того, что онъ подавалъ (?) — 50 рублей.

Внизу: Память Ивану Чичѣрину въ большой приходъ о прибавочныхъ подможныхъ денгахъ дана. Взялъ самъ.

.....шахово величество за тоѣ казну велить государю прислать, и государь велить ему заплатить тотчасъ узорочными товарами, что у государя въ государствѣ ево ведетца.

И шахъ спрашивалъ: какіе онъ казны государю на вспоможенъе просить: денежные или узорочные?

И Федоръ шаху говорилъ, чтобъ ему къ государю послать денежныя казна.

И шахъ Федору говорилъ: пошлетъ онъ къ государю узорочьями, что у него какихъ узорочей въ казнѣ есть, а денежные казны тепере послать ему нѣчего, потому что онъ стоитъ противъ недруга своего и даетъ жалованье своимъ служилымъ людямъ, а се де деньги его у государя въ его государствѣ не пригодатца, потому что онѣ не ходять ¹⁾.

А что посоль же Булатъ бекъ бьетъ челомъ государю, что въ Астарахани де не стало человѣка ево Хожа Сухамбедина, а послѣ того человѣка ево взяли астараханскіе воеводы живота ево 115 ансырей шелку розново цвѣту, — и государь указалъ и бояре приговорили: тотъ шелкъ Булатъ беку отдати и посломъ про то сказати.

А что посоль же Булатъ бекъ билъ челомъ государю, взялъ де на Терѣ бояринъ и воевода Петръ Петровичъ Головинъ у человѣка ево 300 рублей и тѣхъ де денегъ и по ся мѣста ему не отдано, — и государь (указалъ и бо)яре приговорили: Булатъ беку. . . въ деньгахъ отказать противъ (боярина Петра Петровича (Головина).

Вверху: . . . та сказати(?).

. воеводъ и отъ дьяковъ, и отъ толмачей, и отъ таможенныхъ головъ продажа и обида великая, а таможенные головы емлютъ пошлныи зъ государя ихъ людей не по государеву указу, передъ рускими людьми вдвое, — и государь приговорилъ зъ бояры: про шахсвыхъ пословъ допросити имянно, хто имянемъ воеводъ и дьяковъ, и толмачей, и таможенные головы государя ихъ шахъ Аббасова в-ва торговымъ людямъ какое насильство и про(дажу) дѣлаеть, и у кого имянемъ у шаховы(хъ) . . . и что какихъ животовъ насильствомъ бесъ цѣны взяли, и съ кого имянемъ т(аможенные) головы и сколь давно съ шаховымъ людей и съ какихъ товаровъ пош взяли, и сколько съ кого лишни и царское величество тотчасъ повелѣніе пошлетъ, а велить про то накрѣпко, и по смыслу велить надъ такіе обиды и продажи дѣла (нака)занье учинить.

А что въ посольскихъ же рѣчахъ написано, что будто въ Аста-

¹⁾ Повидимому этотъ столбецъ попалъ сюда изъ статейнаго списка Леонтьева.

рахани, зазвавъ къ себѣ воеводы Хожа Сентава малово и подмѣтя у него двѣсти рублевъ денегъ, оманули и его крестили, а деньги взяли къ себѣ,—и государь зъ бояры проговорилъ про то посломъ отказати по тому, какъ въ дѣлѣ о томъ маломъ написано.

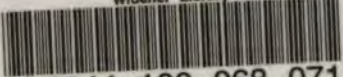
А что визылбашскіе жѣ послы написали въ письмѣ своемъ: оставлены въ Казани люди ихъ съ шаховою казною, Касымъ съ товарищи, и царское бѣ в-во для брата своего братственные дружбы и любви велѣлъ послать въ Казань свою государеву грамоту, чтобъ тому Касыму шахову казну въ Казани продавати повольно и пошлинѣ бы съ шаховы казны имать не велѣтъ, и чтобъ того Касымка воеводамъ изъ города въ татарскую слободу и индѣ нигдѣ и въ деревни выпускати не велѣти, а велѣти бѣ у него быти караульщикомъ,—и государь велѣлъ посломъ сказати, что въ Казань къ воеводамъ о томъ государева грамота послана, чтобъ къ тому Касымку приставили сына боярсково да съ нимъ стрѣльцовъ дву или трехъ человекъ и велѣти ево беречь, чтобъ онъ жилъ въ Казани и изъ города въ татарскую слободу и инуда никуда не ѣздилъ, а шаховы товары, которые съ нимъ, продавати велѣно повольно всякимъ людямъ, и пошлинѣ съ шаховыхъ товаровъ государь для шаховы братцкіе дружбы и любви пожаловалъ, имать не велѣлъ.

А что послы жѣ били челомъ государю, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, поволить имъ купить литовского и татарского ясырю, робать и дѣвокъ, колько государь пожалуетъ, поволить,—и государь указалъ и бояре приговорили посломъ полону всякого 20 человекъ. . . .

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

3 2044 100 068 071